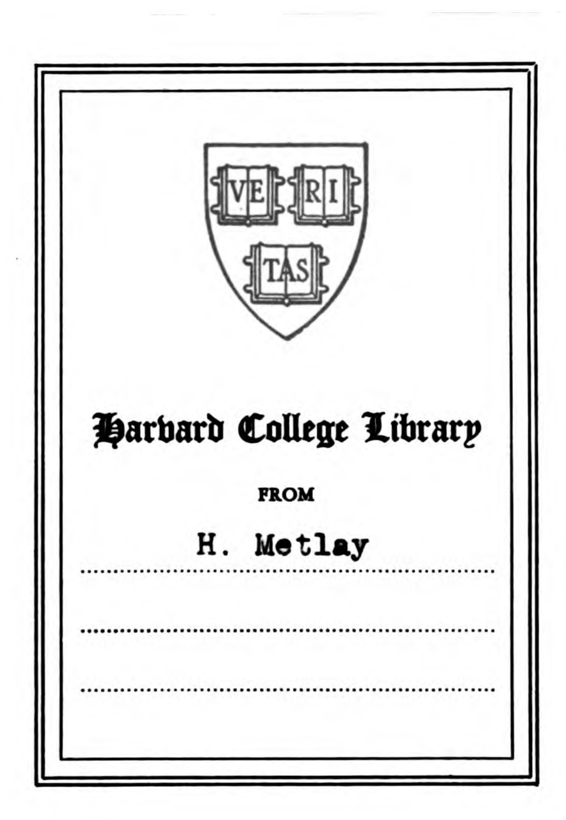
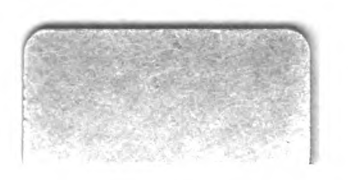

VE RI TAS
Harvard College Library
FROM
H. Metlay



Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

МАРТЪ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 3.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. 2-ую стр. обложки*).

МАРТЪ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

Открыта подписка на 1908 годъ

(XVI-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО,

издаваемый Вл. Гал. **КОРОЛЕНКО**

при ближайшемъ участіи Н. Ѳ. Анненскаго, А. Г. Горнфельда, Діонео, С. Я. Елпатьевскаго, А. И. Иванчинъ-Писарева, Н. Е. Кудрина, П. В. Мокіевскаго, В. А. Мякотина, А. Б. Петрищева, А. В. Пѣшехонова, С. Н. Южакова и П. Ф. Якубовича (Л. Мельшина).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на **годъ—9 р.**; на 6 мѣс.—**4 р. 50 к.**; на 4 мѣс.—**3 р.**; на 1 мѣс.—**75 к.**

Безъ доставки: на годъ—**8 р.**; на 6 мѣс.—**4 р.**

Съ наложеннымъ платежомъ отдѣльная книжка **1 р. 10 к.**

За границу: на годъ—**12 р.**; на 6 мѣс.—**6 р.**; на 1 мѣс.—**1 р.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ журнала, *Баскова ул.*, *9*.

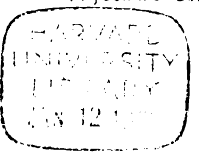
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, *Никитскія вор.*, *д. Гагарина*.

Въ Одессѣ—въ книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго,—*Пассажъ* *).—Въ магазинѣ „Трудъ"—*Дерибасовская ул.*, *д. № 25*.

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ **могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп.**, ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. **отъ нихъ** НЕ ПРИНИМАЕТСЯ до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.

*) Здѣсь же продажа изданій „Русскаго Богатства".



СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.— Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье.* 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. 504 стр. Ц. 2 руб. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. – Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движенiемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦIИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенiя. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческiя предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанiя матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКIЙ РАБОЧIЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНIЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦIОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическiй очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМIИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азiи. Путевыя впечатлѣнiя. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНIЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНIЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Стихотворенiя и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное дополненное изданiе. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужiя изданiя:

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 бiографiями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКIЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминанiй объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНIЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНIЙ: IV-е изданiе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦIЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦIИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Данiэль Стернъ. ИСТОРIЯ РЕВОЛЮЦIИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНIЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦIОЛОГИЧЕСКIЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

ПРОТИВЪ СОЛНЦА.

XI.

Отойти къ Янтаю въ томъ порядкѣ, въ какомъ предполагалъ это сдѣлать Михаилъ Павловичъ, не удалось, такъ какъ съ разсвѣтомъ японцы начали энергично наступать. Пришлось два батальона оставить въ боевой линіи, выведены они быть не могли, смѣнить ихъ было некѣмъ; между тѣмъ, получено было повторное приказаніе полку идти немедленно къ Янтаю. Судя по тону приказанія, тамъ, около Янтая, происходило что-то важное, и нужно было туда спѣшить, поэтому Михаилъ Павловичъ распорядился отправить туда два освободившихся батальона, такъ что полкъ разбился на двѣ части. Самъ онъ, послѣ нѣкотораго колебанія, отправился тоже къ Янтаю, оставивъ два батальона подъ командой подполковника Бычкова. Всѣ распоряженія отдавались наспѣхъ, и первое время, какъ ни успокаивалъ себя Михаилъ Павловичъ, совѣсть его была не спокойна. Скоро, впрочемъ, онъ забылъ о двухъ оставленныхъ батальонахъ: было не до того, нужно было приготовиться къ докладу, пріобрѣтавшему въ глазахъ Старцова все большее и большее значеніе. Этимъ занятъ онъ былъ первую половину пути; подзывалъ къ себѣ то того, то другого офицера и подробно разспрашивалъ о дѣйствіяхъ роты.

Офицеры ночь эту не спали и все время провели въ разговорахъ, вспоминая мельчайшія подробности удачнаго дѣла; поэтому къ утру у каждаго былъ готовъ полный, обстоятельный разсказъ, болѣе или менѣе правдоподобный, о дѣйствіяхъ роты, но разсказъ не имѣвшій ничего общаго съ дѣйствительностью о дѣйствіяхъ лично своихъ. Этотъ второй разсказъ не имѣлъ ничего общаго съ дѣйствительностью даже тогда, когда разсказчикъ передавалъ самый фактъ вѣрно: такъ Шура, дѣйствительно, первый крикнулъ „ура“

и побѣжалъ впередъ, но разсказывать объ этомъ ему было нечего, онъ не помнилъ почему и какъ произошло это, и когда поставленъ былъ въ необходимость отвѣчать на задаваемые вопросы и разсказывать, то долженъ былъ сочинять, придумывать подробности или просто отвѣтить, что ничего не помнитъ. Въ такомъ же положеніи были почти всѣ участники этого „дѣла", и противъ соблазна наврать о себѣ устояли очень немногіе, напримѣръ капитанъ Козловъ, который о себѣ вообще не любилъ разсказывать. Благодаря этому, разсказы очевидцевъ и участниковъ поражали бѣдностью впечатлѣній и удивительно походили другъ на друга, несмотря на то, что разсказчики пускали въ ходъ всю свою фантазію.

Офицеры, какъ только начали вспоминать подробности „дѣла", наткнулись на подвигъ Шуры, оспаривать который никто не рѣшился по многимъ причинамъ: во-первыхъ, онъ былъ несомнѣненъ, и моментъ этотъ запечатлѣлся въ мозгу у многихъ; во-вторыхъ, хотя объ этомъ не говорили громко, предполагалось, что Михаилъ Павловичъ поддержитъ сына, и, наконецъ, въ третьихъ — самъ Шура, молодой, слабый, безвольный, часто жалкій, не возбуждалъ зависти и не казался опаснымъ. Одинъ только адъютантъ, ревновавшій Шуру къ Михаилу Павловичу, несмотря на то, что съ первыхъ же дней выяснилось, что Шура у отца своего никакой роли играть не будетъ, старался раздуть исторію съ „доносомъ". Но „доносу" никто не повѣрилъ, и разсказу адъютанта не придавали значенія до тѣхъ поръ, пока самъ Старшовъ, разспрашивая офицеровъ и совершенно умалчивая о Шурѣ, не подалъ поводъ предположить, что онъ сыномъ недоволенъ и креста ему не дастъ.

— Я говорилъ, что подлецъ! — торжествовалъ докторъ Тимофѣевъ: — теперь онъ хочетъ присвоить себѣ подвигъ Шуры!.. Но онъ, дуракъ, того не знаетъ, что генералъ нашъ уже принялъ мѣры, чтобы его обезвредить.

— Молчи, блоха, и безъ тебя тошно!—отвѣчалъ ему Козловъ, которому дѣйствительно стало тошно. Исторія съ Шурой внесла расколъ въ среду офицеровъ, такъ какъ на освободившееся мѣсто героя, закричавшаго „ура" и первымъ бросившагося на непріятеля, явилось нѣсколько претендентовъ. Это подало поводъ къ спорамъ, ссорамъ, былъ даже случай оскорбленія на словахъ.

Офицеры на время забыли о той обстановкѣ, въ которой находились. А обстановка была ужасная.

Какъ паукъ, спустившійся съ потолка на длинной тонкой паутинѣ, если убѣгаетъ отъ врага, то убѣгаетъ по паутинкѣ, вбирая ее въ себя, такъ точно и русская армія,

когда отступала отъ врага, отступала по линіи желѣзной дороги и такъ же мало была способна отклониться отъ этого нерва, связывавшаго ее съ родной стихіей, какъ мало способенъ паукъ бросить свою паутинку и летать по воздуху.

— Все несчастіе русской арміи заключается въ томъ, что она прикрѣпила себя къ желѣзной дорогѣ!—говорили иностранные военные агенты, думая, что и въ этомъ виноватъ Куропаткинъ. Куропаткинъ же, въ свою очередь, обвинялъ младшихъ начальниковъ и предписывалъ, приказывалъ... Но ни предписанія, ни приказанія не дѣйствовали, и каждый разъ, когда начиналось отступленіе, войска, не обращая вниманія на дороги, проложенныя саперами въ тылу арміи, устремлялись къ полотну желѣзной дороги, вдоль котораго и двигалась всегда и при всѣхъ отступленіяхъ главная колонна. Само собой понятно, что уже по одному этому ни одно отступленіе не могло совершиться въ порядкѣ. Тысячи людей, лошадей, повозокъ, арбъ и орудій сбивались въ одну компактную массу, и порядокъ, если только можно говорить при такомъ условіи о порядкѣ, сохранялся лишь до перваго случая.

Такъ было и при отступленіи отъ Ляояна. Безпорядокъ въ колоннѣ начался отъ того, что какой то летучій паркъ, т. е. нѣсколько десятковъ зарядныхъ ящиковъ, запряженныхъ каждый шестерикомъ дюжихъ артиллерійскихъ лошадей, пошелъ полной рысью, срѣзывая своими желѣзными осями деревянныя оси другихъ повозокъ и арбъ, опрокидывая ихъ, давя людей и лошадей.

Командиръ этого парка оправдывался впослѣдствіи тѣмъ, что получилъ, будто бы, лично отъ самого Куропаткина приказаніе *не отставать* отъ него, а такъ какъ Куропаткинъ тотчасъ послѣ этого поѣхалъ рысью, то паркъ и помчался за нимъ. Было ли это такъ—неизвѣстно, но тамъ, гдѣ прошелъ этотъ паркъ, все обратилось въ сплошную кашу, и водворить въ колоннѣ хоть какой нибудь порядокъ, было уже невозможно особенно потому, что было разбито нѣсколько мостовъ, переброшенныхъ черезъ грязные, непроходимые въ это время года овраги. У каждаго такого оврага колонна задерживалась; перепрягали лошадей, бросали повозки, а бросаніе повозокъ, въ свою очередь, порождало мародерство, остановить которое было невозможно, ибо невозможно было запретить голоднымъ людямъ поднимать бросаемое, оставляемое непріятелю имущество, среди котораго было много цѣннаго, что было уже вовсе плохо! Солдаты бросали оружіе, чтобы нагрузиться всякой дрянью, выбивались изъ силъ, падали, пораженные солнечнымъ ударомъ, ссорились и дрались. Попутно съ этимъ каждая заминка

въ движеніи вызывала стремленіе ускорить шагъ, и потому, естественно, отступленіе обратилось въ бѣгство.

Попавъ въ эту гущу, Михаилъ Павловичъ долго не хотѣлъ понять, что это значило. Онъ увѣрялъ себя, что это недоразумѣніе, что это вотъ только тутъ, на этомъ участкѣ, части сбились въ безпорядочную кучу, а тамъ дальше войска идутъ въ полномъ порядкѣ. Онъ сворачивалъ съ дороги, велъ свои два батальона прямо по сырой пахотѣ, видѣлъ, что люди выбиваются изъ силъ, но утѣшалъ себя тѣмъ, что сейчасъ удастся ему выбраться изъ этого хаоса, и тогда можно будетъ отдохнуть. Но чѣмъ дальше онъ шелъ, тѣмъ безпорядокъ все увеличивался.

— Господи, вѣдь это бѣгутъ!—воскликнулъ Михаилъ Павловичъ, обращаясь къ полковнику генеральнаго штаба, который въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ рысью обгонялъ его.

— Что прикажете?—спросилъ полковникъ, придержавъ своего коня.

— Вѣдь это бѣгство, полковникъ! — повторилъ Старшовъ.

— Люди не лошади,—бѣжать не могутъ! Пѣхота не бѣжитъ, а отступаетъ, полковникъ!—грубо отвѣтилъ тотъ и, не желая дальше продолжать разговоръ, далъ шпоры своему измученному коню и помчался дальше, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что каждый всадникъ, обгонявшій пѣшихъ людей, увеличивалъ безпорядокъ и панику.

— Такъ вотъ зачѣмъ меня требуютъ къ Янтаю!—думалъ Михаилъ Павловичъ и строилъ мрачныя предположенія объ участи всей русской арміи.—У японцевъ нѣтъ кавалеріи, но если у нихъ найдется нѣсколько свѣжихъ батальоновъ пѣхоты, то и тогда добрая половина арміи можетъ быть легко уничтожена.

Сначала казалось ему невѣроятнымъ, чтобы у японцевъ послѣ такого упорнаго боя хватило еще силы преслѣдовать отступавшую армію, но состояніе русскихъ войскъ было настолько плачевно, что онъ сталъ даже сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли войска эти способны были выдержать упорнѣйшій и кровопролитнѣйшій бой? Не показалось ли ему это?

Прежде Михаилъ Павловичъ не обращалъ вниманія на всадниковъ, обгонявшихъ его, теперь замѣчалъ онъ каждаго.

Нагналъ его драгунъ, солдатъ на прекрасной сѣрой лошади. Сзади къ сѣдлу приторочепъ былъ зарѣзанный поросенокъ, черный, съ отвислымъ брюхомъ, какъ у всѣхъ китайскихъ свиней, а подъ мышкой драгунъ держалъ живого

гуся. Поровнявшись съ Старшовымъ, солдатъ испугался и, задержавъ лошадь, нѣсколько шаговъ проѣхалъ рядомъ съ нимъ, улыбаясь во весь ротъ и заглядывая прямо въ глаза испугавшему его полковнику, потомъ, опомнившись, разсердился на коня, обрадовавшагося возможности пройтись шагомъ и уже вытянувшаго поводья изъ рукъ всадника, сердито сталъ бить его шпорами и каблуками, такъ что слышно было, какъ гудѣли впалые, пустые бока.

— Не бей, не бей!—слабо крикнулъ ему Старшовъ.

Драгунъ оглянулся, и лицо его, только что растерянно улыбавшееся, было сердито и нахмурено и ясно говорило: „не мѣшайся не въ свое дѣло! А мнѣ некогда съ тобой канителиться, мнѣ нужно впередъ"...

Проѣхалъ какой то батарейный командиръ, сопровождаемый трубачемъ. Онъ сердито посмотрѣлъ на Михаила Павловича, чѣмъ-то, очевидно, провинившагося передъ нимъ, обдалъ его грязью и, не задерживаясь, поѣхалъ дальше. Было видно по лицу его, что и онъ спѣшилъ куда-то по важному и неотложному дѣлу.

Полною рысью, на худыхъ, угловатыхъ, но необыкновенно подвижныхъ лошадкахъ, проѣхали кавказцы, человѣкъ десять, всѣ въ буркахъ и башлыкахъ по зимнему, хотя парило невыносимо. Мрачные, сосредоточенные, ѣхали они на сѣверъ, спѣша, очевидно, по какому-то важному дѣлу.

Важное дѣло это, чего Михаилъ Павловичъ, конечно, не могъ знать, заключалось въ томъ, что они напоили караульныхъ ханшиномъ, а потомъ разбили и ограбили денежный ящикъ пѣхотнаго полка. Теперь они спѣшили уйти подальше отъ мѣста преступленія.

Обгоняли одиночные люди, обгоняли цѣлыми группами,— охотники, казаки, драгуны, офицеры пѣхотные, артиллерійскіе, штабные, и у всѣхъ у нихъ на лицѣ Михаилъ Павловичъ читалъ одно и то же: всѣ они ѣхали по какому-то неотложному дѣлу, всѣ знали, куда ѣхали, и, мало того, знали, что торопиться было необходимо.

Михаилъ Павловичъ всѣхъ ихъ замѣчалъ, долго провожалъ ихъ глазами; каждый такой случай производилъ на него гнетущее, тягостное впечатлѣніе, какъ будто эти драгуны, казаки и офицеры увозили съ собой частицу той богатырской силы, которую еще вчера онъ ощущалъ вокругъ себя, въ самомъ себѣ, какъ будто увозили они съ собой какой-то секретъ, который, если бы его не увезли, могъ бы спасти и оживить развинтившійся, пришедшій въ негодность организмъ. Но люди, знавшіе секретъ и увозившіе его, оче-

видно, махнули рукой, бросали на произволъ судьбы его, не знавшаго секрета. Михаилъ Павловичъ смотрѣлъ кругомъ и видѣлъ, что въ такомъ же положеніи людей, бросаемыхъ на произволъ судьбы, чувствовали себя тысячи, двигавшіяся по трудной, скользкой, глинистой дорогѣ, провожавшія руганью и проклятіями каждаго всадника, отнимавшаго у нихъ вѣру въ возможность спасенія. Опасность, грозившая отступавшимъ войскамъ, росла и росла не по часамъ, а по минутамъ, пріобрѣтая размѣры чудовищные, фантастическіе. Никто не зналъ, что такое была эта опасность и откуда она шла, такъ какъ она не имѣла внѣшнихъ признаковъ: тѣмъ страшнѣе она была.

Было мертво и тихо кругомъ. Очень, очень далеко бухали артиллерійскіе выстрѣлы; эти мягкіе, тонущіе въ бездонной глубинѣ звуки должны были бы успокаивать солдатъ, такъ какъ доказывали, что гдѣ-то далеко есть еще русскіе полки и батареи, которые стоятъ на позиціи и охраняютъ путь отступленія; но звукамъ этимъ никто не вѣрилъ, а вслушивались всѣ въ тихій, подозрительный шелестъ гаоляна, вглядывались въ чащу его, и только когда не видѣли и не слышали ничего подозрительнаго,—переставали вѣрить глазамъ и ушамъ своимъ! А опасность росла и росла и достигала такихъ размѣровъ, что начинала совершенно подавлять людей...

И Михаилъ Павловичъ пересталъ бояться. Сердце его мучительно сжималось; сжималось, какъ онъ съ умиленіемъ это чувствовалъ, отъ любви и жалости ко всѣмъ окружающимъ его людямъ. Онъ видѣлъ громадное человѣческое стадо, жалкое, безпомощное, безобразное своей безпомощностью, низвергнутое въ пропасть, лишенное самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ. Онъ видѣлъ, что въ этомъ стадѣ никто не имѣетъ больше правъ на жизнь, чѣмъ то даютъ ему его собственныя ноги, и если кому-нибудь ноги измѣнятъ, то никто изъ окружающихъ, ни онъ самъ,— что первое время было страшно видѣть,—не признавали за нимъ права на жизнь. Ослабѣвшій покорно отходилъ въ въ сторону и ложился, ложился такъ, чтобы не мѣшать тѣмъ, которые могли еще идти.

Отходилъ въ сторону, медленно, опираясь на винтовку, маленькій, сгорбленный, съ большой отвисшей бородой мужичекъ. Однако послѣдніе три—четыре шага онъ, чтобы очистить дорогу Михаилу Павловичу, собравъ свои послѣднія силы, прошелъ въ припрыжку, почти бѣгомъ, потомъ повернулся, сталъ нагибаться, но опрокинулся назадъ и застылъ въ полулежачемъ положеніи, такъ какъ на спинѣ его привязаны были мундиръ, сапоги, одѣяло, какая-то бара-

нья шкура, чайникъ, котелокъ, образовавшіе громадный горбъ, не позволившій ему лечь на всю спину. Пока Михаилъ Павловичъ проѣзжалъ мимо, голова солдата три раза поднималась и три раза опрокидывалась назадъ.

— А лошадь пришлось бы оттащить,—подумалъ Михаилъ Павловичъ по поводу того, что солдатъ самъ сошелъ съ дороги, и вспомнилъ, какъ шли они пять мѣсяцевъ тому назадъ черезъ Байкалъ.

Такъ какъ Кругобайкальская дорога не была еще готова, то войска шли черезъ озеро прямо по льду; это была интересная и веселая прогулка послѣ нѣсколькихъ недѣль ѣзды въ вагонѣ. Жутко и вмѣстѣ пріятно было идти и чувствовать подъ ногами бездну, слушать фантастическіе разсказы о томъ, какъ пріѣзжали на озеро ученые съ цѣлью измѣрить его глубину,—мѣрили, мѣрили и такъ до дна и не достали! Какъ иногда вдругъ, безъ всякой видимой причины, ломается и трещитъ ледъ саженной толщины, гудятъ окрестъ-лежащія горы и гибнутъ люди, лошади! Хотѣлось вѣрить этимъ разсказамъ, и сердце наполнялось гордостью за себя, за великій народъ, который безстрашно шагаетъ черезъ всѣ эти препятствія. Стали попадаться трупы загнанныхъ на работѣ лошадей, съ широко раскаряченными ногами, безобразные, полуобглоданные собаками и волками, и стало еще жутче, еще веселѣй; и когда проходили мимо чуть живого, наполовину уже замерзшаго коня, который, услышавъ людей, поднялъ голову, посмотрѣлъ, хотѣлъ что-то крикнуть, но не могъ, и голова съ тяжелымъ стукомъ упала на ледъ,— одинъ солдатъ не выдержалъ и крикнулъ: „Околѣваетъ, стерва!“ А запѣвало 9-й роты выскочилъ впередъ, затопалъ по льду кованными каблуками и запѣлъ, вѣрнѣе началъ выкрикивать речитативомъ съ глубокими придыханіями слова безобразнѣйшей солдатской пѣсни, начинавшейся словами: „какъ подъ мельницею“... Пѣсня эта отъ чрезмѣрной похабности своей утратила всякій смыслъ, но слова щелкали даже по привычному солдатскому уху, и когда запѣвало выкрикивалъ: „солдатъ бабу въ лѣсъ ведетъ!...“—вѣрилось въ веселую, лихую солдатскую жизнь, хотѣлось этой жизни, хотѣлось быть солдатомъ, безшабашнымъ, отчаяннымъ... Тогда Михаилъ Павловичъ былъ очень доволенъ и этой пѣсней, и этимъ ухарскимъ настроеніемъ и въ томъ, что мимо околѣвающей лошади шли съ гикомъ и свистомъ, видѣлъ хорошій признакъ.

Отчетливо до мельчайшихъ подробностей представилъ онъ себѣ эту сцену и даже вспомнилъ, что тогда же спросилъ себя, можетъ ли еще живое тѣло примерзнуть ко льду— и рѣшилъ, что можетъ: сначала ледъ долженъ былъ оттаять

подъ теплымъ тѣломъ, а потомъ, когда бокъ остынетъ, проталина начнетъ опять замерзать, и бокъ, т. е. кожа съ шерстью должны примерзнуть.

Тогда это его ничуть не тронуло. Онъ даже ухмыльнулся,—„еще не то увидимъ!" Но хотя ожидалъ и хотѣлъ видѣть, но никакъ не думалъ, что возможны бываютъ такія вещи и положенія, какъ тѣ, что видѣлъ онъ теперь. Теперь, сравнивъ положеніе околѣвавшей лошади съ положеніемъ мужика съ длинной бородой, рѣшилъ онъ, что разницы въ положеніи ихъ никакой нѣтъ. И мимо мужика, можетъ быть, сегодня же пройдутъ японскіе солдаты, мужикъ подниметъ голову и посмотритъ на нихъ съ надеждою, а они отвѣтятъ свистомъ, руганью...

— Мы еще тогда инстинктивно почувствовали, что разница между нами и той лошадью заключается лишь въ томъ, что она умираетъ, а мы живы, здоровы и надѣемся жить и эту-то разницу мы и подчеркнули гиканіемъ и свистомъ... Это, несомнѣнно, такъ... Упаду я—и мимо меня пройдутъ тысячи, десятки тысячъ людей такъ, какъ проходятъ эти, не замѣчая и не обращая вниманія, или такъ, какъ проходили мы мимо той лошади съ гикомъ и свистомъ...

Уже нѣсколько разъ Михаилъ Павловичъ поднимался на стременахъ и оглядывалъ картину, развертывавшуюся предъ нимъ, и каждый разъ видѣлъ новое и новое, какъ будто былъ онъ до сихъ поръ слѣпъ, и глаза его только теперь открылись и все больше и больше расширялись. Опять приподнялся онъ и посмотрѣлъ кругомъ, и опять то, что онъ увидѣлъ, увидѣлъ онъ впервые. Онъ увидѣлъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, обреченныхъ на то, чтобы быть раздавленными чьимъ-то сапогомъ, и увидѣлъ, что никому, ни солнцу, ни землѣ, ни небу не было до этого никакого дѣла; онъ увидѣлъ, что гибель нѣсколькихъ тысячъ людей также мало могутъ тронуть природу, какъ гибель нѣсколькихъ тысячъ муравьевъ, муравейникъ которыхъ сейчасъ будетъ разрушенъ кованымъ копытомъ его лошади. Онъ понялъ, что передъ этимъ солнцемъ, небомъ, землею человѣкъ имѣетъ не больше права на жизнь, чѣмъ любой муравей, и что право это для себя человѣкъ самъ создаетъ, самъ и разрушаетъ. Вчера еще твердо вѣрилъ онъ въ то, что даже волосъ на головѣ его защищенъ высшимъ закономъ, а теперь видѣлъ предъ собой человѣка, униженнаго до степени скота, преслѣдуемаго охотниками, человѣка, сброшеннаго съ неба на землю. Онъ видѣлъ, что эти тысячи оскотинившихся людей, двигавшихся только животнымъ страхомъ за свою шкуру, рады были бы пасть къ ногамъ какого угодно бога, лишь бы богъ этотъ, какъ бы жестокъ и страшенъ онъ ни былъ, былъ

богомъ человѣческимъ, призналъ бы за ними особыя права на жизнь и могъ бы быть умилостивленъ мольбами, слезами или жертвами, и на жертвы, даже человѣческія, толпа эта съ восторгомъ бы согласилась! Но такого бога кругомъ не было! Ничто кругомъ не кипѣло, не загоралось негодованіемъ! Вся природа равнодушно купалась въ лучахъ жаркаго, лѣтняго солнца, и если человѣкъ не умѣлъ пользоваться этимъ солнцемъ, то тѣмъ было хуже для него,—и только! Солнце спокойно свѣтило, вѣтеръ шаловливо бѣгалъ по гаоляновому полю, гдѣ-то томно бухали артиллерійскіе выстрѣлы, и только здѣсь, на маленькомъ клочкѣ вокругъ Михаила Павловича, воздухъ былъ насыщенъ стонами и проклятіями, но и проклинать было также безполезно, какъ и молиться, и люди скоро поняли это и угрюмо шли дальше, полагаясь только на свои ноги.

Самое страшное во всемъ этомъ было то, что Михаилъ Павловичъ вдругъ почувствовалъ полное, абсолютное одиночество человѣка среди этой неумолимо послѣдовательной природы. Всѣмъ существомъ своимъ, глубже, чѣмъ это можно выразить словами, Старшовъ сознаâлъ ничтожество попытокъ человѣческаго ума создать посредниковъ между собою и природой, между жизнью и смертью. Среди этой безгранично мощной природы человѣкъ оказался такимъ жалкимъ, ничтожнымъ!.. Сердце Михаила Павловича наполнилось любовью и жалостью ко всему человѣчеству, ко всему человѣческому. Онъ потянулся сердцемъ къ каждому изъ этихъ тысячъ двигавшихся кругомъ, ибо только они были близки ему и могли понять его, какъ и онъ только могъ понять ихъ.

Эти мысли и чувства были такъ новы и такъ прекрасны, что не подѣлиться ими съ кѣмъ-либо было нельзя. Михаилъ Павловичъ оглянулся и увидѣлъ капитана Козлова, ѣхавшаго поодаль отъ другихъ офицеровъ и показавшагося ему въ эту минуту такимъ прекраснымъ человѣкомъ, что онъ даже удивился, какъ могъ быть онъ другого мнѣнія о немъ.

Козловъ точно такъ же, какъ и Михаилъ Павловичъ, былъ пораженъ видомъ человѣческихъ страданій. Онъ видѣлъ передъ собой сотни, тысячи человѣческихъ лицъ, искаженныхъ злобой, ненавистью, а главное—животнымъ страхомъ за себя. Онъ видѣлъ, что эти тысячи уничтожены въ ихъ собственныхъ глазахъ, что они способны на все звѣрское, животное и не способны ни на что человѣческое. Это было цѣлое море униженій и страданій, и въ глубину его было страшно заглядывать. Козловъ и не пытался этого сдѣлать. Онъ былъ совершенно уничтоженъ, подавленъ сознаніемъ своего собственнаго ничтожества. Онъ чувствовалъ, что все,

что дѣлалъ онъ всю свою жизнь, дѣлалъ, несмотря на пьянство, старательно и любовно, все это отступило далеко на задній планъ передъ чѣмъ-то такимъ большимъ и грандіознымъ, что объять его своимъ умомъ онъ не могъ. Ему было тоскливо, грустно,—онъ не спрашивалъ себя, почему? Онъ отдался во власть этой тоски, безмѣрной, безграничной, наполнившей все его существо, парализовавшей всякую дѣятельность мозговую и мышечную. Обыкновенно тѣло свое носилъ онъ довольно бодро, теперь же весь опустился и болтался въ сѣдлѣ, раскачиваясь всѣмъ туловищемъ въ тактъ шага лошади. Если бы неожиданно появилась японская кавалерія, и все кругомъ побѣжало бы, Козловъ не въ состояніи былъ бы шевельнуть ни однимъ мускуломъ и такъ и остался бы ждать, пока его не изрубятъ. Когда подъѣхалъ къ нему Михаилъ Павловичъ, онъ вспоминалъ свое дѣтство; вспоминалъ не словами, а образами, помимо его воли воскресавшими въ головѣ. Онъ видѣлъ себя маленькимъ мальчикомъ на колѣняхъ у матери, видѣлъ себя маленькимъ кадетомъ среди такихъ же, какъ онъ, маленькихъ товарищей,—и плакалъ. Не рыдалъ, не кричалъ, даже не всхлипывалъ; одутловатыя, красныя щеки его повисли, нижняя губа, жирная, сочная, отвисла, и изъ глазъ двумя ручьями бѣжали слезы. Когда его окликнули, онъ поднялъ голову и не удивился, увидѣвъ Михаила Павловича, только слезы еще сильнѣе побѣжали изъ глазъ.

Михаилъ Павловичъ, который, подъѣзжая къ Козлову, съ умиленіемъ чувствовалъ на глазахъ своихъ слезы, испугался, увидѣвъ физіономію Козлова, испугался своихъ слезъ, испугался того, что могъ хоть одну минуту походить на этого грязнаго, плачущаго, опустившагося человѣка. Мысли и чувства, умилявшія его, когда думалъ онъ, что принадлежатъ они лично ему, возбудили въ немъ отвращеніе, когда прочиталъ онъ ихъ на лицѣ другого человѣка.

Старшовъ почувствовалъ острую необходимость немедленно, сейчасъ же бѣжать отъ этихъ слезъ, мыслей и чувствъ. Самое лучшее было ѣхать туда, гдѣ были люди, дѣлавшіе дѣло и знавшіе хорошо, что дѣлается кругомъ. Ѣхать „туда“ было необходимо во всѣхъ отношеніяхъ. Чему могъ онъ помочь тѣмъ, что шелъ со своими батальонами? Потеря времени—и только! А „тамъ“ онъ могъ все разузнать и приготовиться (о тѣхъ двухъ батальонахъ, что остались въ боевой линіи, Михаилъ Павловичъ забылъ совершенно). Торопливо приказалъ онъ Козлову сообщить старшему штабъ-офицеру, чтобы тотъ велъ батальоны къ Янтаю, такъ какъ самъ онъ поѣдетъ туда впередъ.

— Да, да, это необходимо, Михаилъ Павловичъ,—отвѣ-

тилъ Козловъ такимъ дружескимъ и задушевнымъ тономъ, какимъ никогда не осмѣливался говорить со своимъ начальникомъ.

Въ сопровожденіи адъютанта и горниста Михаилъ Павловичъ поѣхалъ на сѣверъ, все больше и больше прибавляя рыси. Скоро почувствовалъ онъ себя внѣ этой каши человѣческихъ тѣлъ, надъ ней, и ничего кромѣ отвращенія и ненависти не чувствовалъ къ этимъ людямъ, въ свою очередь, провожавшимъ его глазами полными злобы и ненависти, а иногда посылавшимъ ему въ догонку проклятіе и ругань. Чтобы не выдать себя, чтобы не опуститься до этой „сволочи", какъ мысленно выражался теперь Михаилъ Павловичъ, придалъ онъ своему лицу выраженіе серьезное и сосредоточенное.

Всѣ, кого обгоняли эти три всадника, видѣли, что торопятся они на сѣверъ для важнаго и неотложнаго дѣла.

XII.

Станція Янтай была загромождена поѣздами. Тутъ стоялъ роскошный поѣздъ командующаго арміей, служебный поѣздъ, два санитарныхъ поѣзда и безчисленное количество поѣздовъ „антисанитарныхъ", простыхъ, теплушечныхъ, ни для какой надобности не приспособленныхъ и потому, вѣроятно, употреблявшихся для перевозки раненыхъ.

Тысячи людей работали на станціи и вокругъ станціи; грузили, выгружали, перегружали, телеграфировали, телефонировали, писали и посылали донесенія и приказанія, но достаточно было взглянуть на физіономіи всѣхъ этихъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ, чтобы понять, что они совершенно не понимали, что и для чего они дѣлали. Только одна мысль была ясно сознана каждымъ солдатомъ и каждымъ офицеромъ, и мысль эта доминировала надъ всѣми прочими соображеніями и разсчетами,—это было сознаніе полнѣйшей необходимости немедленнаго отступленія на сѣверъ подальше отъ того самаго Ляояна, который, будто, такъ много сулилъ русской арміи, и только та работа дѣлалась осмысленно и разумно и была производительна, которая вела къ скорѣйшему отступленію на сѣверъ, всякія же другія распоряженія и приказанія самого Куропаткина, командировъ корпусовъ, бригадъ и батальоновъ никакъ не могли быть исполнены, несмотря даже на доброе желаніе всѣхъ участниковъ дѣла. Такъ 1-ый сибирскій корпусъ, лучшій корпусъ арміи, 19-го августа получилъ приказаніе двинуться на востокъ, и всѣ, начиная съ его командира и кончая

послѣднимъ рядовымъ, преисполнены были желанія выполнить это приказаніе, но совокупныя усилія всѣхъ этихъ самоотверженныхъ и храбрыхъ людей никакъ не могли вылиться въ форму энергичнаго и быстраго движенія на востокъ, и 19-го, и 20-го, и 21-го корпусъ все стоялъ почти на томъ же мѣстѣ, гдѣ застало его приказаніе, а когда двинулся, то двинулся на сѣверо-востокъ, все больше и больше отклоняясь на сѣверъ, такъ какъ на восточномъ фронтѣ на каждомъ шагу передъ русскими войсками возникали такія препятствія, преодолѣть которыя въ то время, т. е. въ августѣ 1904 года, казалось невозможнымъ, хотя теперь, когда кампанія изучена, признано, что препятствія эти не только были легко преодолимы, но большая ихъ часть не существовала вовсе... Другими словами,—препятствія возникали и существовали въ умахъ участниковъ дѣла и оказывали однако такое же вліяніе на исходъ операцій, какъ если бы существовали въ дѣйствительности. Такъ было съ Орловымъ, со Штакельбергомъ, со всѣми другими генералами и съ самимъ Куропаткинымъ. Нынѣ извѣстно, что никакой японской арміи, которая могла бы подъ Янтаемъ отрѣзать и уничтожить русскую армію, не было, а въ то время въ существованіе ея не только вѣрили, но съ ней бились, сражались тысячи, десятки тысячъ мужественныхъ людей. Эта борьба съ несуществовавшей никогда арміей обошлась такъ дорого, стоила столько крови, труда и усилій, что ихъ съ избыткомъ хватило бы на задержаніе лавины, если бы таковая грозила обрушиться на русскую армію.

Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Янтай 22-го августа, въ самый разгаръ борьбы съ сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ, грозившимъ отрѣзать армію; поэтому, когда, тотчасъ по прибытіи, онъ отправился въ штабъ, ему очень обрадовались.

— Вашъ полкъ почти все время простоялъ въ резервѣ и долженъ быть въ отличномъ состояніи,—говорили ему.— Немедленно идите на деревни такія-то и такія-то...

— Слушаюсь!—отвѣчалъ Старшовъ:—какъ только батальоны придутъ, я немедленно... но они еще не прибыли...— и онъ пытался разсказать исторію вчерашней атаки, двухъ батальоновъ, оставленныхъ въ боевой линіи, и двухъ другихъ, имѣющихъ скоро прибыть въ Янтай. Но его тотчасъ же переставали слушать.

— Когда прибудутъ эти два батальона, тогда приходите за приказаніемъ,—говорили ему.

Никто не хотѣлъ говорить со Старшовымъ. Сначала заговаривалъ онъ съ генералами, потомъ съ полковниками, потомъ съ капитанами и штабсъ-капитанами, но и эти по-

слѣдніе были заняты дѣломъ или пріятными разговорами, а разговоръ со Старшовымъ считали непріятнымъ и, не стѣсняясь, показывали ему это.

Внимательно прослушалъ всю исторію всѣхъ четырехъ батальоновъ поручикъ въ общеармейской формѣ, котораго растерявшійся Старшовъ поймалъ за пуговицу кителя и не хотѣлъ уже отпускать. Поручикъ слушалъ, односложными восклицаніями въ родѣ: „скажите!.. Вотъ какъ!"—выражалъ свое удивленіе и восхищеніе, но мысленно былъ въ это время около санитарнаго поѣзда, только что прибывшаго изъ Харбина и привезшаго нѣсколько ящиковъ водки и пива, что было строжайше воспрещено. Необходимо было ящики эти выгрузить и спрятать, но куда?—это занимало поручика, и въ тотъ моментъ, когда Михаилъ Павловичъ почти кончилъ свой разсказъ, поручикъ неожиданно метнулся въ сторону, освободилъ свою пуговицу и, крикнувъ: „голубчикъ, сію секунду!"—бросился бѣжать. Ему пришло въ голову, что ящики съ водкой и пивомъ легко могутъ быть помѣщены въ вагонъ, въ которомъ лежитъ теперь какой-то артиллерійскій грузъ, никому и ни для чего не нужный и потому могущій быть выброшеннымъ безъ всякаго ущерба для дѣла,—нужно только убѣдить въ этомъ молодого офицера, приставленнаго къ этому грузу.

Старшовъ былъ уничтоженъ и не могъ понять, что случилось съ нимъ, а что случилось что-то нехорошее, онъ чувствовалъ. Бродя по путямъ, набрелъ онъ на роскошный вагонъ-ресторанъ, предназначавшійся для иностранныхъ военныхъ агентовъ, но всегда переполненный русскими офицерами, и, хотя зналъ, что въ вагонѣ этомъ собирается подозрительное и непріятное ему общество, рѣшилъ зайти, такъ какъ почувствовалъ голодъ, да и дѣваться было некуда. Пройдя узкимъ корридоромъ, соприкасавшимся съ кухней и буфетомъ, онъ вошелъ въ отдѣленіе, изображавшее столовую.

— Михаилъ Павловичъ! Какими судьбами!.. Пожалуйте къ намъ!.. Будьте дорогимъ гостемъ!..—радостно привѣтствовалъ его генералъ, командиръ бригады, тотъ самый, котораго Старшовъ считалъ злѣйшимъ своимъ врагомъ.

Опрокидывая стаканы, бутылки и столы, генералъ, радостный и улыбающійся и потому вдвойнѣ противный Старшову, всталъ и широко раскрылъ руки, приглашая его въ свои объятія. Непріятно пораженный этой встрѣчей, Михаилъ Павловичъ остановился и, къ величайшему своему изумленію, увидѣлъ, что за генеральскимъ столомъ, кромѣ его адъютанта, прибывшаго вмѣстѣ съ нимъ, сидѣли докторъ Тимофѣевъ, мрачно смотрѣвшій въ окно и не желав-

шій, повидимому, замѣчать его, Шура—вдобавокъ пьяный и улыбавшійся навстрѣчу отцу—и, что было особенно удивительно и непріятно, капитанъ Козловъ, уже пьяный, уже сконфуженный появленіемъ командира полка, уже отдававшій шопотомъ приказаніе подвернувшемуся лакею:—„зельтерской мнѣ, сейчасъ же!..“

При видѣ пьянаго Козлова, въ головѣ Михаила Павловича мелькнуло, что ему, командиру полка, непристойно быть здѣсь и въ такое время, но мысль эта не успѣла оформиться, такъ какъ въ это самое мгновеніе генералъ на весь вагонъ кричалъ, поднявъ надъ головой бокалъ съ шампанскимъ:

— Господа, я всегда пью съ удовольствіемъ! Это могутъ подтвердить всѣ знающіе меня,—но этотъ бокалъ я выпиваю съ особеннымъ удовольствіемъ за здоровье нашего дорогого Михаила Павловича Старшова! Того Старшова, который вчера въ критическій моментъ боя, нанесъ врагу рѣшительный, могучій ударъ! Сокрушилъ его! Взялъ болѣе двухсотъ плѣнныхъ!.. Назовите мнѣ еще кого-нибудь, кто бы взялъ въ плѣнъ хоть одного человѣка!.. Никто!.. Я утверждаю!.. Да здравствуетъ Михаилъ Павловичъ Старшовъ!..

Десятка четыре субъектовъ, завсегдатаевъ этого кабака, закричало „ура“. Прежде чѣмъ Михаилъ Павловичъ успѣлъ опомниться, имъ завладѣли, и ему не осталось ничего другого, какъ принимать поздравленія, чокаться, цѣловаться, обниматься.

Въ вагонѣ этомъ засѣдали съ утра до поздней ночи прославленные и прославляемые военными корреспондентами герои манчжуріады. Тутъ были знаменитые предводители знаменитыхъ санитарныхъ отрядовъ, не менѣе знаменитые предводители партизанскихъ отрядовъ, предводители отрядовъ охотничьихъ, развѣдывательныхъ и всякихъ другихъ, и, наконецъ, просто предводители безъ какихъ бы то ни было отрядовъ! Было даже нѣсколько женщинъ, тоже знаменитыхъ и тоже чѣмъ-то предводительствовавшихъ.

Тутъ были хищные, предпріимчивые и умные люди, совмѣщавшіе предводительствованіе партизанскими отрядами съ поставкой скота и фуража, предводительствованіе санитарными отрядами съ тайной торговлей спиртными напитками и т. п. Были просто баре, пріѣхавшіе на пикникъ, камергеры, шталмейстеры и егермейстеры. При этихъ двухъ разрядахъ героевъ состояли цѣлыя банды бездарнѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ людишекъ всѣхъ возрастовъ и состояній, преимущественно офицеровъ, отбившихся отъ своихъ частей, преимущественно „скобелевскихъ ординарцевъ“,

тучей наѣхавшихъ на манчжурскую армію, куда-то командированныхъ, прикомандированныхъ, откомандированныхъ, при комъ-то состоящихъ; эти довольствовались подачками и дешевыми лаврами, доставляемыми имъ военными корреспондентами.

Дольше всѣхъ и искреннѣе всѣхъ поздравлялъ и цѣловалъ Старшова генералъ, который радъ былъ видѣть этого надменнаго и строгаго человѣка спустившимся до нихъ, и ради такого случая простилъ ему все и примирился съ нимъ.

— Какъ я радъ, какъ я радъ!—говорилъ онъ.—Виноватъ передъ вами, Михаилъ Павловичъ, согрѣшилъ вчера! Ну, да и вы не безъ грѣха! Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ!.. А о вашей атакѣ уже доложено кому слѣдуетъ! Уже вся Россія знаетъ!.. Кстати, я васъ сейчасъ познакомлю, нужный человѣкъ... Николай Николаевичъ, иди-ка сюда... Познакомься, отецъ и сынъ,—два героя!..—кричалъ онъ высокому, тучному мужчинѣ, занятому разговоромъ съ какимъ-то молодымъ офицеромъ.

— Сейчасъ приду,—отвѣтилъ мужчина.

Мужчина этотъ, бывшій жандармъ, бывшій полицеймейстеръ, чуть ли даже не полицеймейстеръ славнаго города Ташкента въ дни наибольшей славы его, вездѣ „пострадалъ за правду“ и теперь былъ корреспондентомъ одной вліятельной петербургской газеты, да кстати занимался скупкой и перепродажей такъ называемыхъ манчжурскихъ соболей. Молодой офицеръ, съ которымъ онъ разговаривалъ, только что передалъ ему какой-то тяжеловѣсный конвертъ.

— Собственно, что вы отъ меня хотите?—спросилъ корреспондентъ, съ недоумѣніемъ глядя на конвертъ.

Офицеръ старался незамѣтно оттащить его въ сторону и держался съ напускной развязностью, хотя на самомъ дѣлѣ былъ смущенъ.

— Да, видите ли... Въ этомъ конвертѣ моя карточка и біографія... Когда родился, когда кончилъ корпусъ и т. д.... Много, знаете, интересныхъ, новыхъ свѣдѣній... Впечатлѣнія и все такое... Я, видите ли, собираюсь сдѣлать подвигъ, такъ что это можетъ вамъ пригодиться, т. е. не вамъ лично, а газетѣ...

— А-а! Понимаю, понимаю... Что-жъ, прекрасно... Матеріалъ готовьте...

— Тамъ все готово!—обрадовался офицеръ.—Вы не безпокойтесь! Все въ порядкѣ!..

А генералъ говорилъ Старшову:

— Все, что возможно было сдѣлать, Михаилъ Павловичъ, все сдѣлано. Въ Россію послана телеграмма,—во-во!

(онъ широко развелъ руками). Тысячи три словъ... Скромное, полное достоинства описаніе дѣйствій моихъ и вашихъ, грандіозное описаніе подвига вашего сына... Составлялъ самъ (генералъ значительно показалъ глазами на корреспондента), талантъ бѣшеный!.. Самъ же уцѣпился! Вы не думайте, не думайте, ничего дурного не было и нѣтъ! Согласитесь сами, положеніе отчаянное, ни побѣдъ, ни героевъ, ничего! А тутъ, всетаки, побѣда...

Но Михаилъ Павловичъ не расположенъ былъ слушать.

— Какимъ образомъ ты здѣсь?—строго спросилъ онъ Шуру.

— Пріѣхалъ въ вашу деревню,—размахивая рукой и не вставая, отвѣтилъ Шура,—никого тамъ не оказалось, я и пріѣхалъ сюда.

Шура уже зналъ отъ доктора, что, по общему мнѣнію, онъ герой и долженъ получить георгіевскій крестъ, но что отецъ почему-то хочетъ его устранить. Шура безпрекословно подчинился бы волѣ отца, не подвернись тутъ генералъ со своимъ корреспондентомъ, который послалъ уже цѣлую серію телеграммъ объ этой атакѣ или побѣдѣ, какъ они выражались между собой, и одну маленькую, незначительную телеграмму объ отступленіи отъ Ляояна. Послѣ телеграммы, поздравленій и выпитаго вина, для Шуры было уже невозможно отказаться отъ креста, и онъ говорилъ съ отцомъ вызывающе-дерзко.

— Оставьте, Михаилъ Павловичъ, оставьте! Молодой человѣкъ выпилъ лишнее, это правда, но!.. Послѣ вчерашняго дня, право, не грѣхъ ему и выпить,—просилъ генералъ за Шуру и тутъ же, быстро перемѣнивъ тонъ, заговорилъ, какъ начальникъ, имѣющій власть.—Я васъ прошу, Михаилъ Павловичъ, немедленно представить его къ георгіевскому кресту... Вы только мнѣ записочку, а я уже все сдѣлаю... Я понимаю, вамъ не совсѣмъ удобно...

Генералъ за вчерашній день успѣлъ надѣлать много пакостей. Написалъ нѣсколько донесеній, былъ у начальника дивизіи, у командира корпуса, въ штабѣ арміи, всѣмъ налгалъ, разсказывая „скромное, полное достоинства, описаніе“ дѣйствій своихъ, и добился того, что въ Петербургъ еще вчера ночью была послана телеграмма о немъ, безъ всякаго упоминанія о полковникѣ Старцовѣ. Онъ это зналъ и потому чувствовалъ себя не совсѣмъ удобно съ Михаиломъ Павловичемъ, и чтобы нѣсколько скрыть свое смущеніе, по его собственному выраженію, „пустилъ слезу“.

— Когда-то и я былъ молодъ!—говорилъ онъ, прослезившись, Шурѣ.—Какъ я былъ тогда храбръ!.. Женщины,

турки,—ничто меня не пугало... Вы мнѣ дороги, молодой человѣкъ, потому что въ васъ я вижу себя!

— А я вижу, что молодой человѣкъ просто боленъ,—сказалъ докторъ.—А ну, дайте вашу руку... Ну, конечно... Вы, батенька, не пейте: пожалуй, тифъ у васъ...

— Ничего нѣтъ! — вырывая руку, отвѣтилъ Шура,—само пройдетъ... Я сегодня немного простудился... водки нужно...

— Вотъ люблю! Вотъ молодецъ!—закричалъ генералъ:—и такому молодцу не дать Георгія!.. Выпили бы и вы, Михаилъ Павловичъ, право, выпили бы...

Старшовъ отъ водки отказался категорически, а принялся за кусокъ жаренаго мяса, поданный ему лакеемъ. Въ это время къ столу подошелъ корреспондентъ, освободившійся съ трудомъ отъ своего офицера, и сразу, не теряя дорогого времени, приступилъ къ допросу.

— А скажите, Михаилъ Павловичъ... Михаилъ Павловичъ, если не ошибаюсь?—обратился онъ къ Старшову.—Но Старшовъ сосредоточилъ все свое вниманіе на кускѣ жаренаго мяса и, повидимому, не слышалъ обращеннаго къ нему вопроса. За него отвѣтилъ генералъ, который въ присутствіи своего пріятеля-корреспондента утрачивалъ значительную дозу своего генеральскаго достоинства.

— Да, Михаилъ Павловичъ... Михаилъ Павловичъ Старшовъ.

Корреспондентъ, пораженный такимъ невниманіемъ къ нему, чуть пожалъ плечами, но, чтобы сгладить впечатлѣніе, повторилъ свой вопросъ, не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— А скажите, господа, какого вы мнѣнія о Куропаткинѣ, какъ о полководцѣ?

Изъ сидѣвшихъ за столомъ никто не рѣшился начать но съ другого конца вагона раздался изступленный голосъ:

— Я вамъ скажу, что такое Куропаткинъ... Я вамъ скажу!..

Это кричалъ полковникъ генеральнаго штаба, третій день бѣгавшій изъ вагона въ вагонъ, отъ компаніи къ компаніи и вездѣ разсказывавшій свою исторію. Возбужденный до послѣдней степени, онъ производилъ впечатлѣніе помѣшаннаго, вслѣдствіе чего его избѣгали, тѣмъ болѣе, что говорилъ онъ о Куропаткинѣ и другихъ начальствующихъ лицахъ въ столь рѣзкихъ и непривычныхъ выраженіяхъ, что слушать его было и небезопасно. Исторія же его заключалась въ томъ, что онъ, не имѣя, повидимому, опредѣленнаго дѣла, хотя и состоялъ въ качествѣ кого-то и при

комъ-то, взобрался на извѣстную Ляоянскую башню и оттуда наблюдалъ за боемъ; вечеромъ 18 августа, послѣ того, какъ была отбита восьмая атака маршала Оку на передовыя ляоянскія позиціи, отправился онъ въ штабъ арміи и тамъ подалъ письменное заявленіе о томъ, что врагъ, послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ атакъ, деморализованъ, и остается только его добить, а для этого „немедленно же перейти въ наступленіе на южномъ фронтѣ, отбросить войска Оку на востокъ въ горы, а затѣмъ и всю японскую армію погнать къ Фынь-хуанъ-чену“... Планъ этотъ, можетъ быть, превосходный, отличался тѣмъ недостаткомъ, что некому было его исполнять, но полковникъ этого не понималъ и думалъ, что недоставало русской арміи не хорошихъ полковыхъ командировъ, а хорошихъ плановъ, и потому крѣпко держался за свой планъ. Объ этомъ разсказалъ онъ, возбудивъ живѣйшій интересъ въ Михаилѣ Павловичѣ, которому пріятно было слышать, что ругали Куропаткина, хотя онъ тотчасъ же понялъ, что полковникъ этотъ, даже и съ хорошимъ планомъ въ головѣ, никуда и ни на что не годится.

— Такое же впечатлѣніе получилъ и я, — сказалъ Старшовъ.—Весьма возможно, что 18-го вечеромъ, вмѣсто того, чтобы отступать на форты, слѣдовало перейти въ наступленіе, хотя, сознаюсь, о положеніи вещей на всемъ фронтѣ я не освѣдомленъ.

Хотѣлъ было еще прибавить, что врядъ-ли и съ башни можно было судить объ этомъ, но промолчалъ.

— Представьте,—обрадовался полковникъ,—объ этомъ я тогда же писалъ записку въ штабъ, они не хотѣли брать, но я заставилъ ихъ взять, получилъ съ нихъ расписку и, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ боя, пошлю ее въ Петербургъ,—пусть знаютъ о нашихъ дѣлахъ!

Такъ какъ самоувѣренный тонъ этого полковника всѣмъ надоѣлъ, то по адресу его раздались протестующіе возгласы.

— Лафа этому генеральному штабу! Сиди себѣ на башнѣ, да совѣты подавай, а ему за это Георгія!.. Вы-бы на позиціи, полковникъ, свой планъ доказали!..

— Не знаю, какъ вашъ планъ, — провозгласилъ генералъ,—а я вотъ, какъ сказалъ, такъ оно и есть!.. Сказалъ я,—не вѣрю вашему Серафиму! Не вѣрю,—и баста!

— Позвольте, господа!.. Ваше превосходительство!.. Позвольте, господа! одну минуту! сейчасъ кончу!—молилъ полковникъ.—Я говорю,—у каждаго полководца долженъ быть заранѣе планъ боя, но планъ долженъ мѣняться сообразно обстановкѣ, сообразно тому, что происходитъ на фронтѣ, а

Куропаткинъ, какъ истый чиновникъ, пренебрегъ всѣми данными и рѣшилъ не свой планъ подчинить обстановкѣ, а обстановку подчинить своему плану. Планъ Куропаткина, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, состоитъ въ томъ, что мы позволяемъ войскамъ Куроки перейти на правый берегъ Тайдзыхэ, съ тѣмъ, что 19-го вся наша армія, за исключеніемъ гарнизона фортовъ, переходитъ на тотъ же берегъ и обрушивается на армію Куроки,—планъ этотъ геніаленъ! Я признаю это! Но не нелѣпо-ли отказываться отъ достигнутыхъ уже результатовъ ради плана, хотя-бы и геніальнаго?

— Вы слишкомъ увлекаетесь, полковникъ!—нетерпѣливо и даже грубо перебилъ его пѣхотный капитанъ, грязный, оборванный, раненый въ грудь и только что прибывшій съ позиціи.—Несомнѣнно, 18-го вечеромъ былъ достигнутъ нѣкоторый успѣхъ, но не благоразумнѣе-ли было держаться намѣченнаго плана, чѣмъ подвергать армію риску случайностей?..

— А-а!—торжествующе завопилъ полковникъ.—Такъ вы хотите совершенно устранить элементъ случайности? Но вы армейскій капитанъ, а Куропаткину стыдно! Онъ тоже хотѣлъ это сдѣлать! Онъ воображалъ разыграть свою партію винта въ открытую съ тремя болванами вмѣсто трехъ партнеровъ, но ни одинъ изъ трехъ японскихъ маршаловъ не захотѣлъ быть болваномъ, и болвана въ этой игрѣ разыгралъ Куропаткинъ!

Шумъ поднялся невозможный.

Раненый капитанъ, оскорбленный въ лучшихъ своихъ чувствахъ тѣмъ, что его, какъ ему показалось, въ оскорбительномъ смыслѣ назвали армейскимъ капитаномъ, дрожалъ отъ негодованія, задыхался и кричалъ:

— Я—армейскій капитанъ, а генералъ Орловъ генеральнаго штаба! Да еще профессоръ... Вотъ и онъ вздумалъ сообразно съ обстановкой!.. Разстрѣлять его мало!.. Показали вы себя, генеральный штабъ!..

Еще нѣсколько офицеровъ заступилось за Куропаткина, и всѣ кричали. Военный корреспондентъ, услышавъ о трехъ болванахъ, рѣшилъ, что онъ какъ разъ поймалъ то, что ему нужно и, схвативъ полковника за обѣ руки, потащилъ его на другой конецъ вагона. Полковникъ отбивался, такъ какъ непремѣнно хотѣлъ доказать раненому капитану, что онъ не правъ, что Куропаткинъ 19-го самъ открылъ свои карты, а что генералъ Орловъ—„генералъ Орловъ геній! И не его вина, что маневръ смѣлый и геніальный не удался! Развѣ съ этими войсками можно драться!"—кричалъ онъ, рискуя быть побитымъ. Кое-какъ удалось корреспонденту утащить его. Наконецъ, полковникъ понялъ, что сказалъ что-то

умное, обратившее на себя вниманіе, и, прійдя въ себя, отдался корреспонденту не безъ кокетства, конечно. Часа полтора корреспондентъ бился съ нимъ, но ничего не только оригинальнаго, но и просто толковаго не услышалъ. Возбужденіе улеглось, негодованіе искреннее и глубокое испарилось, и весь полковникъ выдохся! Оказался ординарный, даже глупый и самоувѣренный офицеръ, и долго потомъ корреспондентъ бѣгалъ отъ него, а полковникъ бѣгалъ за нимъ, ловилъ его и говорилъ: „Запишите, моими словами запишите! Я вамъ продиктую, можете даже сослаться на меня... такъ и напишите,—сказалъ полковникъ такой-то!..“

А раненый капитанъ, между тѣмъ, кричалъ:

— Я не позволю въ своемъ присутствіи оскорблять Куропаткина! Я въ морду дамъ! Подлецы! Сидятъ за десять верстъ отъ окоповъ и составляютъ записки!..

(Полковникъ слышалъ „подлеца“, но, чувствуя себя на недосягаемой для капитана высотѣ, презрительно улыбнулся и продолжалъ говорить корреспонденту: „Моя записка произведетъ въ Петербургѣ сенсацію...“).

— Успокойтесь, капитанъ!—строго и внушительно сказалъ Старшовъ,—никто не думалъ оскорблять Куропаткина... Въ такой моментъ, какъ переживаемый нами, трудно владѣть собой, другой разъ вырвется лишнее... Что-же дѣлать!..

— Нѣтъ, оскорбляютъ! И кто? Найдите хоть одного строевого офицера, который ругалъ бы Куропаткина! Въ строю такихъ офицеровъ нѣтъ, а вотъ тутъ,—въ штабахъ да въ буфетахъ!.. Мы знаемъ, что противъ Куропаткина интригуютъ и въ Петербургѣ, и здѣсь! Присылаютъ ему сборныя части, офицеры случайные, а о генералахъ лучше и не говорить! Все Штакельберги! Одинъ русскій, да и тотъ Гернгроссъ!

Большинство присутствовавшихъ нашло этотъ тонъ неумѣстнымъ, слишкомъ горячимъ, слишкомъ искреннимъ, но нашлись и такіе, которые поддержали капитана.

Въ это время въ вагонъ вошелъ штабъ-горнистъ Соловьевъ.

— Пришли?—обрадовался Старшовъ.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

— Господа офицеры, на свои мѣста!—приказалъ Старшовъ, подымаясь изъ-за стола.

Съ сердца его свалился камень. Съ отвращеніемъ, торопясь поскорѣе отдѣлаться, расплатился онъ и, никому не подавъ руки, вышелъ.

Нѣтъ, въ другой разъ онъ не повторитъ такой ошибки (онъ мужественно призналъ себѣ, что сдѣлалъ ошибку)! Теперь онъ знаетъ, что значитъ уѣхать отъ полка! Далъ-бы

только Богъ встрѣтиться съ врагомъ! Онъ сумѣетъ загладить свою ошибку!

Все время, пока пробирался онъ къ своимъ батальонамъ, пролѣзая подъ вагонами, между вагонами, думалъ онъ о томъ, какъ сейчасъ же пойдетъ въ штабъ, какимъ тономъ будетъ тамъ говорить, какъ дастъ понять всѣмъ этимъ полковникамъ и генераламъ разницу между нимъ, командиромъ полка, и ими, штабными крысами, какъ заставитъ себя выслушать и т. д.

Между тѣмъ, къ станціи прибыли не два батальона, какъ думалъ Михаилъ Павловичъ, а лишь двѣ роты, да и то неполныхъ,—всего человѣкъ полтораста. Произошло это потому, что, не доходя верстъ пяти, старичекъ-подполковникъ, оказавшійся старшимъ при этихъ двухъ батальонахъ, рѣшилъ остановиться и дать солдатамъ отдыхъ. Онъ ясно видѣлъ, что роты таяли, и что идти дальше было невозможно и безсмысленно,—солдаты совсѣмъ выбивались изъ силъ. Изъ восьми ротныхъ командировъ шестеро обрадовались этому распоряженію, но двое запротестовали: штабсъ-капитанъ Рядновъ, человѣкъ „жесткій на кулакъ", какъ говорили про него солдаты, доказывалъ, что рота его хотя и устала, но идти можетъ и должна (онъ считался лучшимъ командиромъ и всегда, и во всемъ хотѣлъ быть первымъ), а подпоручикъ Васильевъ, оставшійся командовать ротой послѣ отъѣзда Козлова, говорилъ, что онъ отъ Козлова, будто-бы, получилъ распоряженіе ни въ какомъ случаѣ не останавливаться. Старичекъ батальонный командиръ не сталъ спорить, тѣмъ болѣе, что обѣ роты были не его батальона.

— Идите себѣ!.. Кстати взяли-бы знамя! Все безопаснѣе..

Рядновъ согласился взять знамя, пошелъ дальше и дошелъ до Янтая, растерявъ по дорогѣ большую половину солдатъ; что-же касается роты Козлова, то про нее трудно было даже сказать, пошла ли она за подпоручикомъ Васильевымъ, или не пошла? Фельдфебель и два, изъ четырехъ, взводныхъ унтеръ-офицера не пошли, а остались на привалѣ, а съ ними и рядовые, такъ что за Васильевымъ пошло человѣкъ пятьдесятъ, что онъ тогда же и замѣтилъ; разозлился ужасно, но счелъ за лучшее притвориться, будто не видитъ этого, и всю дорогу строилъ планы, какъ онъ отомститъ фельдфебелю, унтеръ-офицерамъ, а главное—Козлову, котораго считалъ главнымъ виновникомъ того, что онъ, отличный офицеръ, какимъ онъ себя считалъ, очутился въ глупѣйшемъ положеніи.

Когда Михаилъ Павловичъ увидѣлъ свое знамя и эти полтораста человѣкъ, онъ былъ до того пораженъ, что не могъ даже разсердиться. Онъ растерялся, чего съ нимъ еще

никогда не было. Что было дѣлать? Ѣхать навстрѣчу тѣмъ шести ротамъ? Или искать другіе два баталіона? Идти въ штабъ и предложить эти двѣ роты? Но тутъ не было двухъ ротъ, не было и одной! А то, что было, было неспособно ни къ какимъ дѣйствіямъ!

Михаилъ Павловичъ слушалъ, что ему говорили, но понималъ съ трудомъ, а иногда и не понималъ вовсе и, чтобъ отдѣлаться, говорилъ: „хорошо, хорошо!..“ Куда идти? Мысль о ресторанѣ показалась ему до того отвратительной, что его вдругъ взорвало.

— Въ ресторанъ не смѣть!.. Я вамъ покажу по ресторанамъ шляться!—кричалъ онъ на Козлова.—Кому нужно поѣсть, послать туда, а самимъ не смѣть! Запрещаю!..

XII.

Михаилъ Павловичъ положительно не зналъ, что ему дѣлать дальше, что предпринять? Онъ близокъ былъ къ истерикѣ, но вдругъ, въ одно мгновеніе, все кругомъ перевернулось: гдѣ-то по близости, верстахъ въ двухъ, какъ-то сразу, безъ всякаго предупрежденія прорвало плотину, и масса воды съ бѣшенымъ ревомъ устремилась впередъ, грозя въ одно мгновеніе затопить станцію, поѣзда, тысячи людей! — Неизвѣстно гдѣ, но близко, неизвѣстно по какому поводу, но не безъ причины, открылась ружейная канонада. Неизвѣстно было даже, кто стрѣлялъ,—русскіе или японцы?

Все пришло въ смятеніе. Паровозы неистово свистѣли, вагоны сталкивались, громыхали, толпы солдатъ, окончательно утратившихъ всякое представленіе о порядкѣ и дисциплинѣ, лѣзли въ вагоны, на вагоны, ругались, дрались; другія толпы, положивъ надѣяться только на свои ноги, встали и пошли на сѣверъ вдоль полотна дороги, уже не справляясь ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ; повозки, двуколки, арбы, вьюки, зарядные ящики заторахтѣли и, обгоняя другъ друга, помчались въ томъ же направленіи. Черезъ какихъ-нибудь десять минутъ громадная площадь впереди станціи была уже пуста или казалась такою по сравненію съ тѣмъ, что было тутъ только что; по этому пожарищу бродили, какъ шакалы, одиночные люди, грабя, воруя, а главнымъ образомъ—уничтожая все, что можно было сломать, сжечь, пролить, просыпать: это разрушеніе было ихъ потребностью. На путяхъ осталось лишь три-четыре поѣзда и около нихъ люди, которымъ уйти было невозможно по тѣмъ или другимъ причинамъ. Съ юга подходили новыя толпы, но эти, не останавливаясь, шли дальше.

А ружейная стрѣльба ни на одну минуту не прекращалась; казалось, что гдѣ-то въ этомъ безбрежномъ гаоляновомъ полѣ кипитъ громадный котелъ; минуты по двѣ, по три угрожающе булькаетъ и клокочетъ вода, но временами кто-то подбрасываетъ въ костеръ сухого хвороста, и огонь бѣшено взвивается вверхъ, гудитъ, трещитъ, жадно пожирая вѣтки, и огненными языками лижетъ само небо; насытившись, огонь снова утихаетъ, и снова равномѣрно кипитъ вода, бѣгаютъ и лопаются пузыри, брызги летятъ во всѣ стороны, и — горе неосторожному!

Люди, барахтавшіеся на днѣ гаоляноваго моря, безсильные подняться на поверхность его, утерявшіе, да и неимѣвшіе никогда способности плавать въ этомъ морѣ, слыша это бульканіе кипящей воды, испытывали чувство, которое нельзя назвать страхомъ передъ непріятелемъ или даже передъ смертью: это былъ ужасъ передъ перспективой заживо свариться въ этомъ котлѣ, ужасъ передъ медленной мучительной смертью! Сотни, тысячи людей, дѣйствительно, погибли этой страшной смертью на глазахъ у всей арміи, въ паническомъ страхѣ бѣжавшей отъ этихъ проклятыхъ мѣстъ. Зловѣщее клокотаніе, поднявшее на ноги утомленную, разбитую физически и морально армію, не прерывалось ни на секунду въ теченіе почти часа,—тамъ отчаянно дрались два русскихъ полка. Одинъ шелъ съ юга на сѣверъ и наткнулся на врага, преградившаго ему путь отступленія; солдаты поняли свое положеніе, поняли, что смерть мгновенная была лучшимъ исходомъ, что выбора нѣтъ, что тотъ, кто упадетъ (это было самое ужасное), умретъ, страшной смертью на днѣ этого гаоляноваго моря, одинокій, брошенный всѣми,—и потому съ бѣшенствомъ отчаянія пошли въ аттаку. Четыре батальона, четыре тысячи человѣкъ, неумѣвшихъ плавать, съ трудомъ державшихся на водѣ, бросились въ кипящую и бурлящую массу, чтобъ достигнуть другого берега! Съ первыхъ же шаговъ десятки, сотни стали захлебываться, и уже не сознавая себя, какъ не сознаетъ себя въ послѣдній моментъ человѣкъ, рѣшившій утопиться, уже бросившійся въ воду, уже тонущій и хватающійся, по образному выраженію, за соломинку, эти несчастные въ послѣдній моментъ хватались за сапоги, шинели, сумки своихъ товарищей, еще державшихся на водѣ, а тѣ, чтобы не погибнуть тутъ же, штыками и прикладами отбивались отъ нихъ. Страшно умереть, но безконечно страшнѣе пережить это!..

Другой полкъ стоялъ на позиціи. Заданная этому полку задача была такъ понятна, что была доступна пониманію каждаго рядового: нужно было удержать противника, если бы онъ прорвался гдѣ-нибудь, удержать во что-бы то ни

стало, чтобы дать возможность отступить всей арміи. Простота и ясность задачи, а главное,—высокая нравственная идея, лежавшая въ основѣ ея, дѣлали солдатъ этихъ страшными, и не поздоровилось бы японцамъ, еслибы они наткнулись на этотъ полкъ! Но наткнулись не японцы!.. Произошла безумная, братоубійственная бойня, въ которой обѣ стороны проявили чудеса храбрости, героизма. Когда *недоразумѣніе* выяснилось, одинъ изъ полковъ, тотъ, который двигался съ юга на сѣверъ, былъ почти истребленъ: осталось лишь нѣсколько сотъ человѣкъ, но и тѣ ни для какого дѣла не годились, и ихъ цѣлыми толпами загоняли въ вагоны и подъ наблюденіемъ врача-психіатра отправляли въ Россію. И никто, ни солнце, ни небо, ни сами участники не могутъ разсказать объ ужасахъ, совершившихся на днѣ пропасти, въ которую эти тысячи людей ввергнуты были боязнью отмщенія за поруганіе и попраніе элементарнѣйшихъ законовъ природы!

На станціи Янтай не знали, что думать.

— Тутъ не можетъ быть японцевъ! — говорилъ одинъ генералъ другому. Оба эти генерала обыкновенно поражали своимъ величіемъ простыхъ смертныхъ, теперь же напоминали только-что высѣченныхъ школьниковъ.

— Очень возможно... — блѣднѣя, отвѣчалъ другой, не осмѣливаясь даже договорить свою мысль.

— Во всякомъ случаѣ, нужно принять мѣры... Выслать все, что можно поставить подъ ружье! — приказалъ первый генералъ.

— Но кого? Третьяго дня, когда бѣжала дивизія Орлова, на позицію вышли хлѣбопеки, но теперь и ихъ нѣтъ!.. Впрочемъ, я распоряжусь!..

Второй генералъ предполагалъ выслать всю писарскую команду, но завѣдующій ею офицеръ доложилъ, что у писарей нѣтъ винтовокъ.

— Какъ нѣтъ? Почему нѣтъ? У васъ всегда все въ безпорядкѣ, капитанъ!.. Васъ суду предать!..

— По закону не полагается... не выдаютъ имъ винтовокъ... Да они и винтовки не умѣютъ держать въ рукахъ...—отвѣчалъ офицеръ.

— По закону, по закону!.. Не человѣкъ для закона, а законъ для человѣка, какъ сказалъ Драгомировъ! Вы обязаны были предвидѣть!.. Вотъ извольте работать съ такими подчиненными!.. — горестно воскликнулъ генералъ, воздѣвъ руки къ небу.

Въ этотъ-то моментъ Старцовъ предложилъ себя и свои двѣ роты. Настроеніе его было таково, что онъ думалъ теперь только о смерти. Какъ поступятъ люди, окружающіе

его: отступятъ ли, убѣгутъ ли, — ему было все равно! Онъ не сдѣлаетъ ни шага назадъ.

— Умереть-бы, Господи!—молился онъ, видя въ смерти единственный выходъ изъ невыносимо-позорнаго и тяжелаго положенія. Онъ даже не надѣялся, что предложеніе его примутъ: ему представлялось, что ему будетъ отказано даже въ этомъ, и когда генералы не только согласились, но и обрадовались ему, онъ облегченно вздохнулъ и отъ радости побѣжалъ къ своимъ ротамъ.

Возбужденіе и радость, почти ребяческая, смѣнились сознаніемъ торжественности минуты и великой отвѣтственности, взятой имъ на себя, когда увидѣлъ онъ своихъ полтораста человѣкъ. Полтораста человѣкъ высокихъ, худыхъ, маленькихъ, бородатыхъ, безбородыхъ съ трепетомъ ждали его. Полтораста человѣкъ приговоренныхъ къ смерти ждали отъ него извѣстія о помилованіи. Въ ихъ широко-раскрытыхъ дѣтски-наивныхъ глазахъ прочелъ Михаилъ Павловичъ нѣмую, скорбную мольбу. Онъ по дорогѣ приготовилъ краткую рѣчь, но вмѣсто всякой рѣчи замахалъ руками, какъ-бы отбиваясь отъ кого-то.

— Знамя отправить въ вагонъ... тамъ укажутъ.. А остальные за мной...—приказалъ онъ.

Солдаты ждали такого приказанія, но когда услышали его, оно поразило ихъ своей жестокостью, и они не сразу его поняли. Первымъ опомнился унтеръ-офицеръ Щукинъ, высокій, статный блондинъ съ Дона.

— Ну, чего тамъ? Айдайте за мной!—крикнулъ онъ, лихо мотнувъ головой, и этимъ возгласомъ сообщилъ солдатамъ свое настроеніе.

Всѣ заговорили весело и возбужденно. Знаменщика и двухъ ассистентовъ провожали шутками и остротами. Гурьбой, не въ ногу, оживленно болтая, пошли всѣ за Михаиломъ Павловичемъ къ разрушеннымъ хлѣбопекареннымъ печамъ въ полуверстѣ отъ станціи.

— Ванька, братцы, женѣ письмо писалъ,—налопался, говоритъ, шеколаду, ажно брюхо болитъ!—громко, чтобъ слышали всѣ, сказалъ маленькій, рябой солдатикъ, другъ и пріятель Ваньки.

Ванька, небольшого роста, полный, румяный и безъусый юноша, чтобы попасть въ тонъ, притворился, будто обидѣлся. Ванькой назывался онъ потому, что по прибытіи въ казарму на вопросъ свирѣпаго капитана Ряднова: „какъ фамилія?“—отвѣтилъ:—„Ванька!“—„Фамилія, болванъ!“—„Ванька,“— все также бойко отвѣтилъ тотъ и получилъ за это оплеуху, но не испугался, не удивился даже. По разсказамъ и по тому, какъ провожали его изъ дому, ждалъ онъ еще и не того!

Получивъ оплеуху, онъ только качнулъ головой, глаза же, веселые и любопытные, остались такими же веселыми и любопытными, чѣмъ онъ и покорилъ сердце Ряднова. За то навсегда остался Ванькой.

— А нешто не ѣлъ я шеколаду? Сама сестрица давала!.. Какъ съѣлъ я этого самаго шеколаду, два дня подъ ложечкой сосало,—ей-Богу правда!—клялся Ванька.

Идти нужно было на юго-востокъ, т. е. навстрѣчу толпамъ, двигавшимся съ юга. Сталкивались почти лицомъ къ лицу, но не замѣчали и не смотрѣли другъ другу въ глаза,—каждый шелъ по своему дѣлу. Неожиданно встрѣтился имъ солдатъ ихней-же роты Семенъ Пановъ, раненый вчера на позиціи въ лѣвую руку. Лихо сдвинувъ шапку на затылокъ, Пановъ шелъ весело посвистывая и размахивая палкой, которую держалъ онъ въ правой рукѣ,—лѣвая была на перевязи. Увидѣвъ развеселаго Панова, солдаты невольно замедлили шагъ, нѣкоторые пріостановились.

— Ты чего, Пановъ?—крикнулъ ему Щукинъ.

— Я теперь въ Россію! — закричалъ въ отвѣтъ тотъ, задыхаясь отъ радости. Онъ и такъ былъ въ отличномъ настроеніи, но теперь отъ радости сообщить товарищамъ пріятную новость не могъ говорить спокойно, не могъ удержать смѣха.—Докторъ говоритъ—кость перебита... подлежитъ эвакуаціи... У меня и бумага есть. Ей-Богу!..

— Ты, дуракъ, въ вагонъ садись!—крикнулъ ему кто-то.

— Ничего!.. Я пока пѣшкомъ...

— Пошелъ, скотина, своей дорогой!—злобно зарычалъ капитанъ Рядновъ,—Чего остановились тамъ? Больше шагъ!..

Двинулись дальше. Настроеніе было испорчено. Шагъ былъ быстрый, большой, и хотя минуту назадъ точно также шли не въ ногу, но шли дружно, а теперь шли вразбродъ, перебивая другъ друга, поминутно спотыкаясь.

Тонкая глинобитная стѣнка печи не могла представить никакого закрытія противъ пули, но укрывала, по крайней мѣрѣ, отъ глазъ, и это уже много, и солдаты съ довольнымъ видомъ стали устраиваться за этими закоптѣлыми, полуразрушенными остовами. За каждой печью могло свободно помѣститься два человѣка. На самомъ крайнемъ правомъ флангѣ очутился Ванька и рядомъ съ нимъ унтеръ-офицеръ Щукинъ. Шагахъ въ десяти правѣе стоялъ полковой командиръ, блѣдный, съ энергично сжатыми бровями и обнаженной шашкой въ рукахъ. Всѣ—и Ванька, и Михаилъ Павловичъ—напряженно вглядывались въ гаолянъ, ожидая, что вотъ-вотъ стебли раздвинутся, и оттуда появится врагъ. А можетъ быть, „онъ“ предпочтетъ не обнаруживать себя и, оставаясь скрытымъ, невидимымъ, начнетъ сыпать пулями? Это было бы еще хуже,

въ этомъ случаѣ бой затянется... Такія мысли были естественны, и онѣ были въ головѣ у каждаго.

— Ты чего?—съ удивленіемъ спросилъ Щукинъ, замѣтивъ, что Ванька высунулъ лѣвую руку почти до самаго локтя.

— Ничего... это я такъ,—отвѣтилъ Ванька, не оборачиваясь, и потянулъ руку назадъ, но черезъ минуту рука его опять поѣхала по стволу и опять оказалась за прикрытіемъ.

Щукинъ уже понялъ его. Онъ отвернулся и старался не смотрѣть на сосѣда, но глаза его невольно видѣли эту высунутую руку. Убѣжать съ позиціи, бросить товарищей онъ не рѣшился бы,—это было слишкомъ позорно,—но выставить руку... Конечно, онъ понималъ, что это не совсѣмъ то, чего требуетъ отъ него „присяга", но тутъ не было и явнаго нарушенія присяги: раненый, хотя-бы и въ руку, со спокойной совѣстью можетъ ѣхать въ Россію!

Щукинъ приподнялся для того, чтобы посмотрѣть.

— Нѣтъ, никого не видно,—прошепталъ онъ.

Когда онъ опустился на свое мѣсто, рука его осталась за той магической линіей, которая должна была изображать прикрытіе.

Вдругъ въ гаолянѣ что-то зашумѣло.

— Не стрѣлять!.. Не смѣть стрѣлять!—закричалъ Михаилъ Павловичъ, замѣтивъ, что солдаты засуетились.

Изъ гаоляна вылетѣли два всадника—солдатъ и офицеръ,—оба свои. Очевидно, въ гаолянѣ было очень страшно, потому что когда выскочили они на чистое мѣсто и увидѣли станцію, то сразу задержали лошадей, а солдатъ снялъ фуражку и сталъ креститься.

— Гдѣ японцы?—крикнулъ Михаилъ Павловичъ, поставивъ руки рупоромъ у рта.

— Не знаю,—отвѣтилъ офицеръ.

— А это что?

— Кажется, своихъ бьютъ!..

Роковое слово было сказано, и солдатъ уже нельзя было удержать. Они повскакали со своихъ мѣстъ, смотрѣли кругомъ, какъ-бы опасаясь, что врагъ можетъ появиться не съ той стороны, откуда они его только-что ждали, обмѣнивались замѣчаніями нелестными для начальниковъ и, хотя достовѣрно ничего не было извѣстно, были увѣрены, что произошло „недоразумѣніе", потому что охотно вѣрили всему дурному.

Офицеры растерянно смотрѣли другъ на друга.

Черезъ нѣсколько минутъ уже не оставалось сомнѣнія,—произошло, дѣйствительно, недоразумѣніе. Изъ штаба при-

бѣжалъ писарь и еще издали кричалъ: „по своимъ не стрѣляйте!“ Изъ гаоляна выходили солдаты группами по два, по три человѣка, здоровые и раненые, всѣ свои, хотя и разныхъ полковъ, похожіе на сумасшедшихъ, а можетъ быть—и вправду сумасшедшіе. Пальба вдругъ оборвалась такъ же неожиданно, какъ и началась. Получилось впечатлѣніе оборвавшагося аккорда безъ начала и безъ конца, но не успѣли эти звуки растаять въ воздухѣ, какъ запѣнилось, закружилось, закипѣло въ другомъ мѣстѣ. Опять на востокѣ, но гораздо дальше и сѣвернѣе. Что же это такое? Гдѣ-же японцы? Когда-же, наконецъ, увидимъ мы этого проклятаго врага, увидимъ его глазами, ощупаемъ руками? Мы не испугаемся, какой-бы онъ ни былъ страшный, только подавайте его сюда! покажите его!

— Стой!.. Рота, стой! . Пальба ротой!—услышалъ Михаилъ Павловичъ изступленный голосъ Козлова.

Солдаты съ винтовками на перевѣсъ бѣжали къ Козлову. Козловъ стоялъ, широко разставивъ ноги, и обѣими руками держалъ револьверъ Ногана.

— Рота, цѣлься въ солнце! Японцы на солнцѣ!.. Пли!..— и, прежде чѣмъ растерявшіеся солдаты успѣли его схватить, онъ сдѣлалъ въ солнце три выстрѣла.

Схватить Козлова было не легко. Онъ швырялъ на землю взрослыхъ и здоровыхъ мужчинъ, какъ мальчиковъ, и сопротивлялся до тѣхъ поръ, пока капитанъ Рядновъ не выхватилъ винтовку у солдата и не ударилъ его по затылку прикладомъ, — тогда, какъ раненый быкъ, съ ревомъ повалился онъ на землю. Его взяли и потащили, а онъ все ревѣлъ.

Человѣкъ двадцать тащило и вертѣлось вокругъ Козлова, а остальные, блѣдные, трясущіеся, брели слѣдомъ.

Михаила Павловича взяли подъ руки и повели; онъ съ трудомъ держался на ногахъ. Его привели въ тотъ-же вагонъ-ресторанъ,—больше некуда было вести. Часа два Михаилъ Павловичъ просидѣлъ въ забытьи, не понимая и не сознавая, что дѣлалось кругомъ, но все это время онъ чувствовалъ, что и онъ, и всѣ окружающіе барахтались въ чемъ-то безумно-отвратительномъ. Впрочемъ, самъ онъ ужъ и не барахтался, не сопротивлялся, не обманывалъ себя... Упалъ, понялъ, что упалъ, и не пытался подняться... Но вагонъ вдругъ сильно тряхнуло, потомъ еще и еще разъ, и онъ плавно покатился куда-то. Какъ только Михаилъ Павловичъ понялъ, что вагонъ пошелъ, что его, наконецъ, живого или мертваго, вывезутъ изъ этого ада, онъ очнулся: явилась надежда на спасеніе. Никакого другого способа спасти себя, свое человѣческое „я“, не было: даже умереть,

умереть такъ, чтобы до послѣдней минуты чувствовать себя сильнымъ и гордымъ, такъ, какъ долженъ умереть солдатъ, захлебываясь въ восторгѣ борьбы съ врагомъ, умереть такимъ образомъ не представлялось возможнымъ,—оставалось только бѣжать и бѣжать! И радость Старшова, когда понялъ онъ, что удастся ему бѣжать, была такъ велика, что онъ готовъ былъ плакать, смѣяться, цѣловать всѣхъ. Когда вагонъ вдругъ остановился и потомъ пошелъ въ противоположную сторону, онъ уже не сумѣлъ сдержать себя и, вскочивъ, подошелъ къ дверямъ, около которыхъ столпилось человѣкъ двадцать незнакомыхъ ему людей.

— Ничего, ничего, полковникъ, сейчасъ пойдемъ, это насъ изъ тупика вывели,—сказалъ ему насмѣшливо кто-то.

Старшовъ понялъ свою ошибку и затаилъ въ себѣ свою животную радость, свою подозрительность; притворился, будто вѣритъ, что его не обманываютъ, а на самомъ дѣлѣ не повѣрилъ тому, кто сказалъ, что сейчасъ его повезутъ на сѣверъ, и если бы самъ Куропаткинъ ему это сказалъ, то и Куропаткину онъ не повѣрилъ бы... Онъ такъ же, какъ и всѣ другіе, поднимался на цыпочки, выглядывалъ въ окно и въ дверь, стараясь по внѣшнимъ признакамъ угадать, повезутъ ихъ сейчасъ или не повезутъ? Успѣетъ поѣздъ уйти отъ кого-то, кто угрожаетъ задержать его, или не успѣетъ?

Наконецъ, вагонъ медленно поплылъ мимо станціи, мимо входной стрѣлки, мимо сѣвернаго семафора. Господа, толпившіеся у оконъ и дверей, успокоились и размѣстились за столами.

Говорилъ гражданскій чиновникъ, со знакомъ краснаго креста на рукавѣ, занимавшій, очевидно, важное мѣсто, о чемъ всѣмъ присутствующимъ было извѣстно. Увѣренный, что слушать его будутъ всѣ, говорилъ онъ громко, съ разстановкой.

— Вы ужъ повѣрьте моей опытности,—рыжая женщина не годится! Она... она... пахнетъ... даже зимой... хотя зимой меньше, чѣмъ лѣтомъ...

Обращался онъ къ молодому чиновнику, съ какими-то странными значками на фуражкѣ. Молодой человѣкъ возразилъ ему, но было ясно, что ему въ высшей степени непріятно не соглашаться съ столь умнымъ и опытнымъ человѣкомъ.

— Не всегда... представьте себѣ, не всегда... У меня была женщина, которая въ буквальномъ смыслѣ слова пахла яблоками... я вамъ скажу—прелесть!

Одни изъ присутствующихъ приняли сторону важнаго господина, другіе поддержали молодого человѣка, на что, впрочемъ, важный господинъ ничуть не обидѣлся. Онъ раз-

валился на своемъ стулѣ, закинувъ голову назадъ, и пускалъ вверхъ клубы дыма, изрѣдка однимъ, двумя словами поддерживая споръ.

— Господа, смотрите—деревня горитъ!—крикнулъ кто-то у окна.

Всѣ бросились къ окнамъ. Дѣйствительно, верстахъ въ двухъ отъ полотна дороги горѣла громадная деревня. Тамъ распоряжались монахъ и казачій офицеръ. Офицеръ былъ гвардейцемъ и только на время войны перерядился казакомъ; онъ носился верхомъ на конѣ по деревнѣ и кричалъ: „жги! все жги!..“ За нимъ по пятамъ слѣдовалъ молодой хорунжій.

— Что вы дѣлаете?.. Что вы дѣлаете?—растерянно бормоталъ онъ.

— Сожгу!—ревѣлъ есаулъ:—всю Манчжурію сожгу! Нечего съ ними няньчиться! Война—такъ война! Въ двѣнадцатомъ году Россію сожгли!..

А на другомъ концѣ деревни монахъ съ крестомъ въ рукахъ кричалъ:

— Православные, — бейте язычниковъ!.. Прогнѣвили мы Бога!..—И ошалѣлые солдаты прикладами и штыками расправлялись съ китайцами,

Изъ вагона всего этого не видѣли, хотя и подозрѣвали нѣчто подобное.

— Вотъ это хорошо! Слѣдовало-бы выжигать все,—и деревни, и поля!—сказалъ офицеръ генеральнаго штаба, сверкая рядомъ большихъ, бѣлыхъ зубовъ.

— А всетаки, знаете, грустно видѣть эту сволочь,—сказалъ важный господинъ, все это время неподвижно сидѣвшій на своемъ стулѣ; рукой онъ показалъ въ окно на толпу оборванныхъ, голодныхъ людей, въ безпорядкѣ двигавшихся вдоль полотна.

— Вы не имѣете права называть солдатъ сволочью,—рѣзко оборвалъ его сидѣвшій неподалеку военный прокуроръ.

Важный господинъ съ недоумѣніемъ пожалъ плечами.

— Развѣ я осмѣлился бы сказать это о солдатахъ! Я говорю о мужикѣ, о русскомъ мужикѣ! Вѣдь это мужики идутъ, а не солдаты, вы посмотрите! даже безъ ружей!.. Это несчастіе Россіи,—эти мужики!.. А въ прошломъ году, —отвернувшись отъ прокурора, не осмѣлившагося заступиться за мужика, продолжалъ онъ,—я какъ разъ въ это время былъ въ Парижѣ. Кстати о персикахъ (кто-то передъ тѣмъ упомянулъ о женщинахъ, пахнущихъ персикомъ)! Въ прошломъ году въ Монтре я ѣлъ самый большой персикъ въ мірѣ! Чудо, а не персикъ! вотъ!—и онъ показалъ руками

нѣчто такое, что могло быть не только большимъ персикомъ, но и маленькимъ арбузомъ.

— Въ Монтре! О, тамъ, я знаю, есть дивныя персики!— восторженно подхватилъ молодой человѣкъ.—Это около Лозанны, какъ же, я знаю...

Молодой человѣкъ этотъ, петербургскій чиновникъ, такъ же ничего не зналъ о самыхъ большихъ персикахъ въ мірѣ, какъ и о запахѣ рыжихъ женщинъ, и даже никогда не бывалъ за границей, такъ какъ долженъ былъ содержать не только себя, но и мать, и сестру, которыхъ стыдился и скрывалъ отъ сослуживцевъ, и хотя былъ скромнымъ и неиспорченнымъ человѣкомъ, но считалъ необходимымъ притворяться циникомъ, человѣкомъ, для котораго нѣтъ ничего святого, который прошелъ сквозь огонь и мѣдныя трубы, и такъ, искусно обманывая товарищей и начальство, дѣйствительно дѣлалъ карьеру. На командировку въ Манчжурію ради санитарныхъ и милосердныхъ, будто-бы, дѣлъ смотрѣлъ онъ, какъ на важное повышеніе по службѣ, всѣми силами старался оправдать довѣріе начальства и потому всегда находился въ восторженномъ состояніи.

— Эхъ, нѣтъ! Лозанна въ Швейцаріи, въ горахъ! Тамъ никакихъ персиковъ нѣтъ! Я говорю о деревнѣ Монтре около Парижа. Вотъ гдѣ персики! Самые большіе персики въ мірѣ!.. Вы знаете, какъ туда проѣхать? Позвольте, позвольте, я вамъ сейчасъ разскажу.

Важный господинъ прекрасно видѣлъ, что молодой человѣкъ за границей не бывалъ, но такъ какъ было ясно, что онъ всѣмъ своимъ существомъ стремился въ парижскіе вертепы, былъ тамъ душой, то онъ и считалъ необходимымъ поощрить его ласково-покровительственнымъ тономъ и подробно, смачно разсказывалъ ему, гдѣ, на какомъ углу, въ какой дилижансъ нужно сѣсть и гдѣ пересѣсть, чтобы добраться до самаго большого въ мірѣ персика. Молодой человѣкъ не перебивалъ, но руками, ногами и всѣмъ туловищемъ давалъ понять, что все это онъ зналъ, но случайно запамятовалъ. Когда, наконецъ, господинъ доѣхалъ въ какомъ-то желтомъ дилижансѣ, на имперіалѣ (онъ особенно подчеркнулъ, что въ Парижѣ онъ ѣздитъ на имперіалѣ), до своего персика, молодой человѣкъ всплеснулъ руками, закрылъ глаза и воскликнулъ:

— Мысленно я въ Парижѣ!.. Какой восторгъ!..

— А вы будьте осторожнѣе... Знаете-ли вы, что такое сила воображенія? Представьте себѣ...

И господинъ разсказалъ анекдотъ такого рода, что во всякомъ другомъ обществѣ слушатели сгорѣли бы со стыда,

тонуть всѣ пришли въ восторгъ и даже устыдились того, что сами разсказать ничего подобнаго не могутъ...

Михаилъ Павловичъ тоже подобострастно хихикалъ, поймалъ себя на этомъ съ омерзѣніемъ, но остановиться не могъ.

Одинъ только прокуроръ мрачно смотрѣлъ въ окно и съ сожалѣніемъ думалъ о томъ, что ни подъ какую статью, сколько ни хлопочи, этого важнаго господина не подведешь, хотя слышалъ онъ объ немъ очень много.

— Развѣ плюнуть на все и пойти въ строй!—думалъ онъ.

Когда поѣздъ подходилъ къ Мукдену, онъ уже былъ твердо убѣжденъ въ полнѣйшей необходимости плюнуть на все и вернуться въ строй.

Нандъ.

БРЕДЪ.

I.

Когда болѣзнь, какъ узника, меня
Цѣпями къ ложу пригвоздила
И черной птицею, съ зрачками изъ огня,
Надъ головой моей парила,—
Не къ югу свѣтлому мечтой я улеталъ,
А въ льдистый сумракъ тундры скудной,
И изъ-подъ снѣга тамъ, какъ звѣрь, я добывалъ
Осеннихъ ягодъ нектаръ чудный.
Безбрежность снилась мнѣ полярныхъ водъ морскихъ:
Гигантскихъ льдинъ мелькали тѣни,
И лобъ пылающій дыханьемъ грознымъ ихъ
Я освѣжалъ... И рой видѣній
Вставалъ во мглѣ таинственной ночей:
Все небо зыблилось цвѣтами,
Ходили всполохи беззвучные огней
Большими яркими столбами...
И тихъ, и дивенъ былъ кругомъ пустынный міръ,
Какъ уголокъ послѣдній рая,
Гдѣ лишь природа-мать свободный правитъ пиръ.
И такъ ничтожна власть людская!

II.

А тамъ, гдѣ шепчетъ миртъ о счастьи на землѣ,
И море теплое синѣетъ,—
Тирана мрачнаго, мнѣ снилось, на скалѣ
Дворецъ разрушенный чернѣетъ.
Сюда онъ уходилъ отъ царственныхъ тревогъ,
Отъ власти страшной и кровавой...
Всю ночь тогда сіялъ, какъ яркій день, чертогъ
Подъ лирный рокотъ величавый.
Душистыхъ смолъ и травъ курился сладкій дымъ,
Столы подъ яствами ломились,
Фалерна щедраго напиткомъ золотымъ
Амфоры весело свѣтились.
Сенаторъ съ консуломъ, забывъ свой важный санъ,
Кружились въ пляскѣ неприличной;
Развѣнчанный царекъ какихъ-то дальнихъ странъ
Шута разыгрывалъ отлично.
Но тотъ, чей взглядъ ловилъ пронырливый актеръ,—
Съ надменнымъ видомъ полубога
Безрадостно смотрѣлъ на блескъ и на позоръ,
Молчалъ загадочно и строго.
Чтó, чтó больной тиранъ таилъ на днѣ души?
Презрѣнье къ людямъ и къ престолу?
Кровавый новый планъ обдумывалъ въ тиши —
Изъ Рима вывести крамолу?
Но вотъ онъ знакъ даетъ...
И кубки ужъ блестятъ
Цекубскимъ токомъ несравненнымъ
(Лозу его самъ Вакхъ когда-то, говорятъ,
Взрастилъ въ саду своемъ нетлѣнномъ).
И горы новыхъ яствъ рабы приносятъ вслѣдъ:
Вотъ—дальней Индіи бананы,
Изъ соловьиныхъ горлъ и языковъ паштетъ,
Колхиды сказочной фазаны.
Всѣ снова чавкаютъ, торопятся глотать,
Какъ псы съ голодными зубами;
Иного тутъ же рветъ... Но мигъ—и вотъ опять
Задвигалъ жадно челюстями!
Межъ тѣмъ, краснорѣчивъ осоловѣлый взоръ;
Въ желудкахъ—тяжесть и надсада...

—„Гетеръ теперь, гетеръ!"—раздался хриплый хоръ:
„Нужна послѣдняя услада!"
Вновь цезарь подалъ знакъ—и пышный залъ притихъ:
Стѣна, какъ волшебствомъ, раскрылась...
Гирлянда дѣвочекъ и отроковъ нагихъ
Средь рощи пальмовой явилась.
Смущенья прелесть, смоль разметанныхъ кудрей,
Невинныхъ дѣтскихъ глазъ блистанье...
И бѣшеный восторгъ зажегъ сердца гостей,
Какъ громъ, гудятъ рукоплесканья!
—„Сюда!" вопятъ: „Сюда!" . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Бѣлѣетъ въ окнахъ свѣтъ. Замолкъ и плачъ, и стонъ.
Рабы стопой скользятъ беззвучной
И дѣтскихъ трупиковъ ряды выносятъ вонъ,
Какъ соръ ненужный и докучный.
Все выше свѣтлый Фебъ,—изъ исполинскихъ нишъ
На сонъ убійцъ глядитъ съ укоромъ...
Но ты смѣшонъ имъ, богъ! Не ихъ и ты смутишь,
Историкъ, гнѣвнымъ приговоромъ!

III.

. . . . Горитъ больная кровь,
Видѣнья страшныя приходятъ вновь и вновь...
Все ты мнѣ грезишься, несчастная Россія!
Что это? Грозное-ль нашествіе Батыя,
Когда народъ завылъ и изъ конца въ конецъ
Бѣжалъ въ лѣса толпой испуганныхъ овецъ?
Безумства-ль Грознаго? Петровы ли расправы?
Иль ужасъ нашихъ дней, безумный и кровавый?
Все спуталось въ умѣ...
Чу! шествіе идетъ—
Гулъ тысячъ, тысячъ ногъ... Все молодой народъ.
Мелькаютъ изрѣдка и женскія головки...
На шеяхъ сдавленныхъ болтаются веревки,
Противно лязгаютъ оковы на ногахъ,
Желѣзо за спиной на скрученныхъ локтяхъ...
Есть лица гордыя съ орлинымъ, смѣлымъ взоромъ,
Но больше—скорбныя, съ вопросомъ иль укоромъ.

Но что-жъ отвѣчу я? Что слезы сердце жгутъ?
Въ безвѣстномъ тайникѣ происходилъ вашъ судъ.
Кто обвинитель вашъ? Какъ вашихъ судей звали?
Чтó вы сказали имъ—лишь камни стѣнъ слыхали!..
...О, если бы давно великому народу
Былъ свѣточъ знанья данъ и выходъ на свободу,—
Съ какой бы красотой и мощью гордыхъ силъ
Орлиный духъ его къ вершинамъ воспарилъ,
Какимъ бы Русь цвѣла могуществомъ и счастьемъ...

Все, все загублено проклятымъ самовластьемъ!..
Въ болѣзняхъ, въ нищетѣ, въ невѣжествѣ тупомъ,
Приниженный, народъ во тьмѣ живетъ, какъ гномъ.
Ахъ, дня не помню я, короткаго мгновенья,
Когда-бъ въ душѣ не тлѣлъ огонь вражды и мщенья,
Когда бы я не ждалъ, что Божьей правды гнѣвъ
Проснется, наконецъ, какъ разъяренный левъ!..
Да, да, преступенъ я... И цѣлъ еще строптивецъ?!

А! вотъ идутъ... гремятъ... Басмановъ-нечестивецъ,
Малюта, злой палачъ... Всѣ—въ бархатныхъ тафьяхъ,
Въ кафтанахъ расшивныхъ и съ саблями въ рукахъ...
Къ дверямъ моимъ пришли—и тихо, тихо стало:
Примолкли, будто ждутъ какого-то сигнала...
Минута—и, какъ вихрь, ворвутся въ мой пріютъ,
Больного, слабаго въ застѣнокъ повлекутъ!..

Кошмаръ... Проснуться бы...

П. Я.

ИЗЛУЧИНА.

X.

Дни уходили за днями, сѣрые и однообразные. Съ утра мы становились у станка, въ полдень шли въ ресторанъ и ѣли „ordinaire“, вечеромъ собирались въ кафэ, гдѣ сидѣли до 10 часовъ, и рано ложились спать, чтобы завтра свѣжими встать на работу. Были въ теплѣ, сыты и одѣты—и все впереди у насъ было опредѣлено и размѣрено. Въ жизни рабочаго нѣтъ мѣста ни иллюзіямъ, ни преувеличеннымъ надеждамъ: что ты теперь, тѣмъ и останешься всю жизнь. Дальше можетъ быть только хуже—мѣсяцы безработицы, неизбѣжныя болѣзни и, наконецъ, старость..

Для меня лично нашелся выходъ изъ этого положенія въ „идеѣ“, которая всецѣло овладѣла мною черезъ годъ послѣ поступленія на заводъ. Однажды, когда я работалъ за станкомъ и думалъ о недостаткахъ мотора, при помощи котораго двигался станокъ, у меня въ головѣ что-то блеснуло, точно вспыхнула слабая искра, озарила на секунду то, о чемъ я думалъ, и сейчасъ-же погасла. Потомъ я нѣсколько разъ принимался думать о томъ-же, но свѣтъ ужъ больше не вспыхивалъ. Такъ прошло нѣсколько дней - и за это время во мнѣ, очевидно, происходилъ какой-то скрытый безсознательный процессъ—потому что однажды вечеромъ въ кафэ я вдругъ понялъ, что нашелъ то, что искалъ. Я взялъ бумагу и карандашъ и набросалъ свой моторъ въ его почти окончательной формѣ.

Но это была голая идея. Надо было воплотить ее, дать ей тѣло и кости.

И я началъ лихорадочно работать: пересталъ уходить на обѣдъ изъ мастерской и точилъ на ножномъ станкѣ части для своей машины; дома я привинтилъ къ подоконнику тиски и прилаживалъ на нихъ части, выточенныя днемъ на заводѣ.

Понемногу выросъ скелетъ изъ чугуна и желѣза; онъ сталъ обрастать обмоткой изъ мѣдной проволоки, появились красивыя латунныя клеммы—и такъ родилось на свѣтъ это существо, которое я любилъ, какъ своего ребенка.

Всѣ мои деньги и свободное время уходили на него. Я отказывалъ себѣ во всемъ, не пилъ вина, не ѣлъ дессерта и покупалъ проволоку и баттареи, чтобы приводить его въ дѣйствіе. Но, благодаря ему, моя жизнь снова получила тотъ напряженный интересъ, который выпалъ изъ нея въ послѣдніе годы. Ночью я засыпалъ и съ удовольствіемъ думалъ, что скоро настанетъ завтра, и завтра я дальше подвинусь въ работѣ. Въ разговорѣ съ товарищами я часто умолкалъ самъ и переставалъ ихъ слушать, потому что вдругъ вспоминалъ, что дома на столѣ ждетъ меня „онъ", стройный, красивый своею механической красотою, и блеститъ полированнымъ металломъ и нарядною, шелковой обмоткой...

XI.

Около этого времени я познакомился съ соотечественникомъ, которому пришлось играть нѣкоторую роль въ моей жизни.

Это было въ одно изъ мартовскихъ воскресеній. Я сидѣлъ на улицѣ въ кафэ съ двумя товарищами. Рядомъ съ нами помѣстился маленькій человѣкъ съ брюшкомъ. Похожъ онъ былъ на еврейскаго банкира, какъ ихъ рисуютъ на карикатурахъ, и, видимо, старался казаться богатымъ, солиднымъ коммерсантомъ. Но это ему не удавалось: толстая цѣпочка на его брюшкѣ была только золоченая, шелковые отвороты сюртука обтрепаны, и на пухлыхъ, бѣлыхъ рукахъ были грязные ногти. Передъ нимъ стоялъ „бокъ" пива, и онъ съ важностью курилъ дешевую сигару. Онъ прислушивался къ нашему разговору, потомъ приподнялъ свой котелокъ (оказалось при этомъ, что его голова была лысая, какъ колѣно) и сказалъ по русски, обращаясь ко мнѣ:

— Кажется, компатріотъ? Позвольте представиться: Яковъ Наумовичъ Шпакъ—рантье.

Я назвалъ свою фамилію, и мы пожали другъ другу руки.

— У меня, знаете, къ русскимъ глазъ пристрѣлялся. Узнаю ихъ на пушечный выстрѣлъ. Правда и то, что, по своимъ занятіямъ, вижу ихъ тысячи. Охъ, если бы у меня было столько франковъ, сколько проходило русскихъ черезъ мои руки!

Замѣтивъ вопросъ въ моихъ глазахъ, онъ продолжалъ.

— Я, знаете, живу *съ* русскихъ дѣлъ. Будь русскій бѣдный

или богатый, холостой или женатый, а ужъ попалъ заграницу, то непремѣнно завернетъ въ Парижъ. Ну, разумѣется—чтобы оправдаться передъ самимъ собой или передъ женой, дѣло себѣ всегда какое-нибудь выдумаетъ. Ну, пухъ, тамъ, или мороженные рябчики продавать вагонами, или представительство надо получить... Или на биржѣ продать что-нибудь... А то привезетъ въ мѣшечкѣ нѣсколько камушковъ и хочетъ составить компанію на акціяхъ чтобы добывать руду въ его имѣніи... Разныя дѣла бываютъ—и я за всѣ берусь, потому что и въ навозной кучѣ попадается жемчужное зерно...

Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и прибавилъ:

— Потому что если въ дѣлѣ есть что-нибудь, такъ ужъ я его проведу! У меня, знаете, связи такія, что мое почтеніе! Можетъ, и вамъ что нужно—такъ я къ вашимъ услугамъ.

Я поблагодарилъ и отказался. Шпакъ сталъ назойливо разспрашивать меня, кто я, откуда, зачѣмъ пріѣхалъ въ Парижъ.

— А позвольте все-таки узнать,—спросилъ онъ въ заключеніе,—одно для меня неясно: на какія деньги вы здѣсь живете?

Узнавъ что я рабочій, онъ очень разочаровался и съ этой минуты сталъ разговаривать со мною покровительственнымъ и фамильярнымъ тономъ.

Послѣ этого мы часто съ нимъ видѣлись. Оказалось, что у него какія-то дѣла въ Сюренѣ, и онъ время отъ времени заходилъ въ нашъ кафэ, гдѣ писалъ множество писемъ. Несмотря на свои „связи" Шпакъ былъ очень одинокъ и привязался ко мнѣ, какъ къ человѣку, которому можно было разсказывать о своихъ успѣхахъ.

Эти успѣхи, впрочемъ, были не очень блестящіе. Въ общемъ онъ жилъ впроголодь, и случаи заработать представлялись рѣдко. Но зато ему приходилось бывать въ обществѣ богатыхъ людей—„настоящихъ, солидныхъ людей", какъ онъ выражался. Онъ сидѣлъ съ ними въ кафэ, ходилъ рядомъ съ ними по улицамъ, съ жадностью прислушивался къ ихъ разговорамъ—и ему казалось, что и онъ причастенъ къ этому лучезарному, могущественному богатству, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Иногда также на его долю перепадали приглашенія къ завтраку, или его брали ужинать и потомъ въ ночныя прогулки по „мелкимъ мѣстамъ". Большая часть денегъ у него уходила на поддержаніе себя въ приличномъ видѣ, и мнѣ часто приходилось давать ему 2—3 франка на обѣдъ и платить за него въ кафэ. Несмотря на это, онъ презиралъ меня; главнымъ образомъ за то, что я былъ, по его мнѣнію, „гоише копъ"—необоротливъ, и не умѣлъ зарабатывать денегъ иначе, какъ ручнымъ трудомъ.

Однажды по какому-то поводу онъ зашелъ ко мнѣ въ комнату—и, пока я мылся и завязывалъ галстухъ, онъ со скучающимъ видомъ осматривался. Мой моторъ на столѣ привлекъ его вниманіе.

— Что это?—спросилъ онъ.

Я объяснилъ ему и пустилъ моторъ въ ходъ.

— Вы, значитъ, изобрѣтатель?—сказалъ онъ.

— Да, какъ видите...

— Такъ что-же вы мнѣ не сказали раньше? Я же говорилъ вамъ, что вы „тонше конь“: сидитъ и молчитъ, а о главномъ не скажетъ... Ну, ничего—я васъ устрою, вы будете Бога благодарить, что меня встрѣтили... Я продамъ вашъ моторъ.

До сихъ поръ мнѣ даже въ голову не приходило, что мое изобрѣтеніе можно продать; съ меня довольно было удовольствія, которое само по себѣ оно мнѣ доставляло. Но Шпакъ нарисовалъ такія перспективы и разсказалъ мнѣ столько случаевъ, когда изобрѣтатели такихъ ничтожныхъ вещей, какъ игрушка „cri-cri“, заработали въ Парижѣ милліоны, что я, наконецъ, рѣшился попробовать счастья на этомъ пути.

— Вы думаете, что у меня нѣтъ людей,—говорилъ Шпакъ, когда мы вечеромъ сидѣли въ кафэ—у меня такіе люди, что мое почтеніе. Не сами капиталисты—а приведутъ какихъ угодно капиталистовъ. Вы понимаете, жизнь во Франціи другая, а капиталъ приноситъ 3 процента—вотъ, капиталистамъ кушать нечего, и надо дѣла отыскивать. Во Франціи денегъ много—а дѣлъ нѣтъ... Я поведу васъ къ людямъ, у которыхъ есть связи на Биржѣ.

Наполовину изъ любопытства я согласился. Шпакъ взялъ съ меня коммиссіонное письмо, и на слѣдующій вечеръ мы поѣхали въ Парижъ.

Но первые наши шаги были очень неудачны. Шпакъ познакомилъ меня съ компаніей молодыхъ людей, засѣдавшихъ цѣлый день въ Café de la Paix. Всѣ они были прекрасно одѣты, съ кольцами на пальцахъ, въ блестящихъ цилиндрахъ и красивыхъ галстухахъ. У нихъ были пальто колоколомъ и дорогія палки, которыя они носили рукояткой внизъ, сильно размахивая руками; они съ задумчивымъ и глубокомысленнымъ видомъ курили хорошія сигары и разговаривали между собой короткими небрежными фразами, не выпуская сигаръ изо рта. Они занимали постоянно одинъ и тотъ же уголъ въ кафэ, гдѣ читали газеты, писали письма и играли въ экартэ или домино. У нихъ былъ самоувѣренный видъ, и казалось, что они знали всѣхъ въ Парижѣ и обо всѣхъ говорили презрительно и небрежно.

Всѣ они кормились около биржи, около скачекъ и игорныхъ столовъ, словомъ, вездѣ, гдѣ деньги не производятся, а въ силу какихъ-то условностей переходятъ изъ одного кармана въ другой.

Въ этой компаніи было двое русскихъ. Одинъ изъ нихъ Федоровъ—„de Fedoroff", какъ стояло на его карточкѣ—заходилъ въ теченіе вечера нѣсколько разъ, выпивалъ наскоро рюмку бенедиктину и снова уходилъ по какимъ-то дѣламъ. Говорили, что онъ выполняетъ какія-то порученія при посольствѣ и, кромѣ того, устраиваетъ клубъ для пріѣзжихъ русскихъ сановниковъ. Онъ былъ человѣкъ любезный до приторности, съ вѣчной улыбкой на широкомъ, изрытомъ оспою лицѣ; и въ глазахъ у него пряталось что-то фальшивое, извиняющееся и заискивающее—свойственное только людямъ съ замараннымъ прошлымъ.

Другой—фонъ Стадлеръ—сынъ важнаго петербургскаго чиновника, былъ молодой человѣкъ лѣтъ 29, ужѐ совершенно лысый, съ вставленными зубами и длиннымъ узкимъ, но очень породистымъ лицомъ. Онъ просиживалъ на диванѣ цѣлые часы, уставивъ въ одну точку свои большіе прозрачные глаза—усталый, блѣдный и безсильный, какъ высосанная спаржа; потомъ впрыскивалъ себѣ морфій подъ кожу на рукѣ и сразу оживалъ, начиналъ говорить безъ умолку, строилъ фантастическіе планы и разсказывалъ о себѣ совершенно невѣроятныя любовныя исторіи. Онъ числился по министерству финансовъ—и вся работа его состояла въ томъ, чтобы въ три часа дня, когда опредѣляется курсъ бумагъ на Биржѣ, вызывать кого-то по телефону и сообщать ему нѣсколько цифръ.

Я разсказалъ о своемъ изобрѣтеніи, но оно не вызвало никакого интереса. Всѣ они выслушали меня со скептической улыбкой, и мнѣ даже показалось, что они приняли меня за человѣка, задумавшаго какое-то мошенничество. Только одинъ изъ всей компаніи немного заинтересовался и сказалъ:

— Если хотите, я поговорю съ однимъ изъ моихъ друзей... Если дѣло ему понравится, я васъ извѣщу. Только предупреждаю, что его уже разъ „накрыли" съ изобрѣтателемъ, и онъ подвергнетъ васъ тяжелому искусу—il vous passera par une triple filliere.

Словомъ, неудача была полная, и это призналъ даже Шпакъ, несмотря на свой неистощимый оптимизмъ.

— Знаете, что?—сказалъ онъ, когда мы вышли изъ кафэ на залитую электрическимъ свѣтомъ площадь, полную шума и суеты, несмотря на поздній часъ. Я дуракъ. Я дол-

женъ былъ просто-на-просто привести къ вамъ Веденяпина.

— Кто это?

— О, это человѣкъ! Этотъ, знаете, глубоко плаваетъ. Онъ былъ предводителемъ дворянства, потомъ устроилъ въ Бельгіи компанію, которая купила его имѣніе и построила въ немъ винокуренный заводъ. Потомъ онъ акціи всѣ продалъ, а заводъ разорился. Потомъ, передъ самой винной монополіей, онъ пронюхалъ въ Петербургѣ о ней, выкупилъ за безцѣнокъ заводъ, поработалъ для виду немного—и за крупную сумму продалъ правительству. Вотъ онъ какой дѣлецъ!

— Что-жъ, онъ очень богатъ?

— Ничего нѣтъ—все проѣлъ. Любитъ поѣсть и угостить другихъ, это у него отъ предводительства осталось. Но дѣла крупныя обдѣлываетъ и иногда зарабатываетъ по многу. Онъ самый подходящій человѣкъ для васъ.

Черезъ нѣсколько дней, въ воскресенье, онъ привезъ ко мнѣ Веденяпина посмотрѣть моторъ. Веденяпинъ оказался высокимъ, красивымъ старикомъ въ широкомъ элегантномъ пальто; у него были пріятныя барскія манеры, холеныя руки, высокій, лысый, умный лобъ и картавый голосъ съ начальственными нотками. Онъ задавалъ толковые вопросы, внимательно выслушивалъ отвѣтъ—и долго съ интересомъ разсматривалъ мой моторъ; потомъ заставилъ меня перечислить и объяснить всѣ преимущества моего мотора передъ другими и записалъ все въ свою книжку.

Моторъ и мои объясненія произвели на Веденяпина хорошее впечатлѣніе, и мы имѣли съ нимъ еще нѣсколько свиданій въ Парижѣ. Онъ выработалъ подробный контрактъ со мною: въ силу этого контракта Веденяпинъ имѣлъ 30% со всѣхъ суммъ, которыя мнѣ предстояло получить отъ его капиталистовъ. За это Веденяпинъ взялъ на свой счетъ привилегію и отправилъ моторъ на испытаніе въ „Центральную Лабораторію Электричества“, откуда черезъ недѣлю мы получили діаграмму его дѣйствія, подтверждавшую тѣ преимущества, на которыя я указывалъ Веденяпину.

— Теперь намъ надо обсудить, какъ дѣйствовать,—сказалъ Веденяпинъ.—Разумѣется, можно продать вашъ моторъ фирмѣ, фабрикующей такого рода аппараты; но получите вы отъ нея гроши—и то не сразу, а черезъ часъ по ложкѣ... Самое лучшее—составить самостоятельную компанію. Я берусь за это—предоставьте это дѣло мнѣ.

XII.

Дней черезъ десять я получилъ отъ Веденяпина „petit-bleu“: „Заходите сегодня вечеромъ въ Café de la Paix. Ваше дѣло, кажется, клюетъ. Я поведу васъ ужинать въ „Небесную Курочку“, гдѣ мы встрѣтимъ кое-кого изъ интересующихся вашимъ дѣломъ“.

— Это, знаете, прелюбопытный парижскій кабачекъ,—говорилъ онъ на другой день, когда мы шли съ нимъ въ „Небесную Курочку“. Совѣтую вамъ иногда заходить туда, если хотите пріобрѣсти хорошія связи. Разумѣется, мѣсто не изъ очень ароматныхъ—но, вѣдь, къ мужчинѣ ничего не пристанетъ...

Мы вошли въ тихій переулокъ недалеко отъ Большихъ Бульваровъ и остановились у дома, гдѣ уже стояли два экипажа. Передъ входомъ висѣлъ венеціанскій фонарь, и чрезъ окна на тротуаръ падали разноцвѣтныя пятна. На одномъ окнѣ была изображена синяя курица и подъ нею надпись: „A la Poule Céléste“. Мы вошли. Дверь открылъ хорошенькій грумъ въ формѣ англійскаго солдата. Мягкій оранжевый свѣтъ наполнялъ комнату; лампъ не было видно, и свѣтъ струился откуда-то съ потолка, изъ-за матовыхъ, пузырчатыхъ стеколъ съ золотыми разводами. На стѣнахъ висѣли нѣжныя гобелены; нога тонула въ коврѣ, и за тяжелой бархатной занавѣсью журчала музыка, медленная и мелодичная, точно звонъ пересыпавшихся стеклышекъ... Вдоль стѣнъ шли мягкіе кожаные диваны и столы, за которыми помѣщалось нѣсколько посѣтителей. За однимъ столомъ сидѣли два полныхъ господина въ цилиндрахъ на затылкѣ; они отмѣчали что-то въ „Финансовой Газетѣ“. За другимъ—двѣ пожилыя, сильно декольтированныя женщины въ богатыхъ платьяхъ и огромныхъ шляпахъ,—и двое молодыхъ людей—очень юные, безусые, съ моноклями въ глазу, они сидѣли, развалясь, въ небрежныхъ разслабленныхъ позахъ, и передъ ними стояли высокіе стаканы, полные толченаго льду и какой-то оранжевой жидкости, съ воткнутыми въ ледъ соломенками.

Въ углу сидѣлъ Шпакъ съ розою въ петличкѣ, праздничный и сіяющій, и рядомъ съ нимъ двѣ женщины лѣтъ 45—50. Одна изъ нихъ—блондинка съ измятымъ, засыпаннымъ пудрою лицомъ—была вся покрыта драгоцѣнностями: въ ушахъ крупные сапфиры, на шеѣ брилліанты, и пальцы такъ унизаны кольцами, что она держала ихъ растопыренными. Другая—сухая брюнетка, вѣроятно, когда-то очень

красивая—была похожа на черную птицу: вся въ черномъ, съ огромнымъ страусовымъ перомъ на шляпѣ, съ длиннымъ острымъ носомъ и коричневыми кругами подъ глазами.

— Ah, le voilà!—закричали обѣ женщины, когда въ дверяхъ показался Веденяпинъ.

— Bonjour, mes poules,—сказалъ тотъ, подходя и цѣлуясь съ обѣими.—Представляю вамъ будущаго милліонера.

И онъ назвалъ мнѣ имена блондинки и брюнетки: Бланшъ д'Эглантинъ и Мерседесъ Капуэга.

Мы усѣлись—и лакей, знавшій привычки Веденяпина, сейчасъ же принесъ подносъ съ чашками, грубый глиняный кофейникъ и бутылку зеленой шартрёзы. Веденяпинъ началъ разливать кофе, обмѣниваясь шутливыми замѣчаніями съ дамами, которыя жеманились и кокетничали, какъ молодыя дѣвушки. Двѣ женщины, сидѣвшія поодаль, тоже подошли къ намъ и стали разговаривать съ Веденяпинымъ на „ты". Онѣ были пожилыя, намазанныя, съ пунцовыми губами сердечкомъ и подведенными глазами, но въ великолѣпныхъ платьяхъ и брильянтахъ.

— Что это за женщины?—спросилъ я Шпака по-русски.

— Это такія женщины—я хотѣлъ бы имѣть на всю жизнь, что проживаютъ онѣ въ мѣсяцъ...

— Что онѣ здѣсь дѣлаютъ?

— Пришли къ своей подругѣ Бланшъ; вѣдь она хозяйка кабачка... Всѣ онѣ кокотки высшей марки, которымъ повезло. Знаете, здѣсь въ Парижѣ слава и деньги приходятъ очень поздно, годамъ къ сорока. Надо раньше всѣмъ намозолить глаза, надо, чтобы васъ всюду встрѣчали, чтобы къ вамъ привыкли. Къ этимъ женщинамъ тоже привыкли, въ газетахъ описываютъ ихъ туалеты, когда онѣ появляются на первыхъ представленіяхъ и на скачкахъ... Онѣ еще не сдались. Видите, какіе съ ними молодые люди! Изъ-за той толстой въ прошломъ году отравился одинъ лиценистъ изъ хорошей фамиліи; едва спасли...

— А зачѣмъ эта Бланшъ держитъ кабачекъ?

— Ну, это такъ, отъ скуки. Онъ ей мало приноситъ. У нея другія дѣла: она высматриваетъ, когда какая-нибудь кокотка разоряется, и покупаетъ у нея брильянты. Или еще: даетъ молодымъ дѣвушкамъ деньги на туалеты и обстановку и деретъ съ нихъ 200% въ годъ... Умная женщина, но жадная, какъ чортъ!

— Что-же, вѣроятно, она очень богата?

— Нѣтъ... была-бы богата, но изъ-за своего сердца не можетъ: ужасно наивна въ любовныхъ дѣлахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она вздумала выйти замужъ за своего

лакея, а тотъ убѣжалъ со всѣми ея деньгами. А теперь ее одинъ журналистъ обираетъ.

— А Мерседесъ?

— Ну, это просто ханжа... У нея двѣ страсти: церковь и игра на биржѣ. Цѣлый день молится Богу и заказываетъ молебны Антонію Падуанскому, чтобы тотъ указалъ ей, на какія бумаги играть. Потомъ возьметъ „Биржевой Бюллетень", сложенный вчетверо, зажмуритъ глаза и проколетъ его булавкой. Какія акціи окажутся проколотыми, тѣ она и велитъ купить Подіэ, биржевому маклеру... Да вотъ онъ и самъ, этотъ Подіэ!—прибавилъ Шпакъ, указывая на толстяка, который входилъ въ дверь.

Толстякъ былъ одѣтъ такъ, какъ будто собирался въ Оперу или на балъ: въ шапо-клякъ, макфарланѣ и туго накрахмаленной манишкѣ. Лицо у него было красивое и жизнерадостное, голова круглая и на затылкѣ жирная складка.

— А, вотъ и онъ! вотъ и онъ! Наконецъ! — закричали сразу всѣ дамы и захлопали въ ладоши.

Толстякъ снялъ шляпу и церемонно раскланялся во всѣ стороны.

— Mesdames,—сказалъ онъ театрально, — не знаю, чѣмъ заслужилъ я сегодня такой лестный пріемъ?

— Мы ждемъ, чтобы ты разсказалъ намъ, изъ-за чего произошелъ сегодняшній скандалъ на биржѣ, — закричала Мерседесъ хриплымъ голосомъ.

— Но, mesdames, я узналъ о немъ только изъ вечернихъ газетъ, такъ же, какъ и вы...

— Не ври, не ври, старая лисица!—продолжала кричать Мерседесъ.

— Ахъ ты, іоркширская свинья!—закричала другая женщина.—Ты все скрываешь отъ своихъ друзей!

— А „tuyau" *)? — крикнула третья женщина: — ты обѣщалъ мнѣ „tuyau".

— И мнѣ! И мнѣ!—закричали другія, и всѣ окружили Подіэ.

Подіэ осторожно отстранилъ ихъ, подошелъ къ нашему столу, пожалъ руку Веденяпину и небрежно кивнулъ головой Шпаку.

— Mon cher,—сказалъ Веденяпинъ,—я ужъ не надѣялся, что вы выйдете цѣлы и невредимы изъ рукъ этихъ дамъ... Позвольте представить моего молодого друга, — я увѣренъ, что дальнѣйшее знакомство окажется полезнымъ для васъ обоихъ.

*) «Tuyau»—свѣдѣнье, по которому можно выиграть на биржѣ или на скачкахъ.

— Очень пріятно,—сказалъ Нодіэ, пожимая мою руку, и внимательно посмотрѣлъ на меня.—Черезъ минуту я къ вашимъ услугамъ — вотъ только поговорю съ этими дамами.

Онъ отошелъ къ сосѣднему столу, и его сейчасъ же облѣпили всѣ женщины. Онъ развернулъ „Биржевой Бюллетень" и сталъ что-то объяснять имъ. Я могъ разобрать только, что онъ рекомендовалъ какіе-то „Ріо Тинто" и „Консолидэтэдъ", которые непремѣнно должны были подняться на три очка. Потомъ онъ вынулъ записную книжку и сказалъ:

— Впрочемъ, mesdames, я ничего не совѣтую положительно. Давайте мнѣ ордера на что хотите — я къ вашимъ услугамъ, душой и тѣломъ... Вы понимаете, что навѣрно я ничего не знаю—иначе я давно былъ бы милліонеромъ.

— Что это за гусь?—спросилъ я Веденяпина.

— Биржевой маклеръ и очень ловкій дѣлецъ. Онъ можетъ быть намъ очень полезенъ въ нашемъ дѣлѣ. Днемъ онъ работаетъ въ своей конторѣ возлѣ биржи, а вечеромъ оперируетъ среди своихъ знакомыхъ. Здѣшнія женщины для него великолѣпная кліентура: богатыя, жадныя, азартныя—и вдобавокъ глупыя... идеальная публика! Каждая изъ нихъ вѣритъ, что судьба спеціально покровительствуетъ ей—и поэтому неудачи не расхолаживаютъ ее, и она будетъ играть, пока останется хоть одинъ брильянтъ.

Дверь снова открылась, и вошла полная женщина въ великолѣпной sortie de bal и черномъ кружевномъ платкѣ на головѣ; за нею молодой человѣкъ, блѣдный и очень элегантный, шелъ какъ будто нехотя, съ усталымъ, скучающимъ видомъ.

— Маркиза!—закричала хозяйка и побѣжала навстрѣчу новоприбывшей.

— Bonjour, ma toute-belle,—сказала та, и онѣ коснулись другъ друга щеками. Веденяпинъ тоже всталъ, подошелъ къ маркизѣ и, почтительно изогнувъ свой высокій массивный корпусъ, поцѣловалъ ея руку въ длинной бѣлой перчаткѣ. Маркиза, не смотря назадъ, небрежно сбросила съ себя sortie de bal и платокъ, которые молодой человѣкъ подхватилъ и положилъ на спинку кресла. Она оказалась женщиной лѣтъ 50 съ отвислыми, какъ у мопса, дряблыми щеками и двойнымъ подбородкомъ. Она была сильно нарумянена, и надъ усталыми, потухшими глазами были тщательно выведены тонкія и черныя дуги бровей. Она была низко декольтирована и сильно затянута, такъ что изъ корсажа вываливалось ея мягкое обнаженное тѣло, дрожавшее при каждомъ движеніи, какъ бѣлый кисель.

— Вотъ, маркиза,—сказалъ Веденяпинъ,—позвольте представить вамъ этого молодого человѣка — изобрѣтатель, подающій большія надежды...

Маркиза посмотрѣла на меня въ лорнетъ и, довольная осмотромъ, улыбнулась, показавъ два ряда ослѣпительно бѣлыхъ, очевидно, фальшивыхъ зубовъ. Потомъ Веденяпинъ небрежно познакомилъ меня съ молодымъ человѣкомъ, мужемъ маркизы; онъ оказался маркизомъ К***, носителемъ громкой итальянской фамиліи, изъ рода которой вышли двое папъ.

Бланшъ и Веденяпинъ усадили маркизу на диванъ, а ея мужъ сѣлъ на кресло, вытянулъ ноги и со скучающимъ видомъ началъ разсматривать свои ногти. Я наклонился къ Шпаку и вполголоса спросилъ, кто такая эта маркиза, и почему она ходитъ въ „Небесную Курочку".

— Что-жъ, она очень простая и съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ за маркиза, нисколько не возгордилась и попрежнему посѣщаетъ своихъ подругъ. Она блистала лѣтъ двадцать тому назадъ, накопила денегъ, а теперь живетъ въ свое удовольствіе.

— Какъ же онъ женился на ней?

— А что же ему было дѣлать? Ему не оставалось ничего другого: или пустить себѣ пулю въ лобъ, или жениться на ней; понятно, онъ женился... Онъ промоталъ свое состояніе, надѣлалъ долговъ и кончилъ тѣмъ, что поддѣлалъ какъ-то вексель и пустилъ его въ обращеніе. Поддѣлалъ, разумѣется, очень плохо—куда маркизу сдѣлать что-нибудь хорошо!—но въ томъ-то и дѣло, что иногда фальшивый вексель стоитъ дороже настоящаго... Она пронюхала объ этомъ и начала разыскивать вексель по всему Парижу; а онъ переходилъ изъ рукъ въ руки и все возрасталъ въ цѣнѣ: многіе надѣялись, что родственники маркиза не допустятъ скандала и заплатятъ за вексель большія деньги. Такимъ образомъ, когда она нашла его, то ей пришлось заплатить за него крупную сумму. А когда вексель былъ у нея въ рукахъ, она предложила маркизу выбирать—или идти въ тюрьму, или жениться на ней. Да, Бисмаркъ, а не баба! А теперь она держитъ мужа строго: ни на шагъ не отпускаетъ отъ себя, одѣваетъ у лучшихъ портныхъ, кормитъ, водитъ по театрамъ и на скачки, но денегъ—ни гроша! Потому что, если у него будетъ хоть тысяча франковъ, онъ сейчасъ же сбѣжитъ отъ нея.

— Что же, она очень богата?

— Еще бы! Массу зарабатываетъ—вѣдь она настоящій министръ финансовъ. На биржѣ она не играетъ—слишкомъ умна для этого. Зато занимается крупными дѣлами: уча-

ствуетъ во всѣхъ новыхъ компаніяхъ, получаетъ учредительскіе паи и знаетъ лучше другихъ, когда эти паи надо сбыть съ рукъ... Вы думаете—зачѣмъ Веденяпинъ привелъ васъ сюда и представилъ маркизѣ, какъ изобрѣтателя? Онъ хочетъ предложить ей участіе въ вашемъ дѣлѣ.

— Ну, это покорно благодарю...

— А вамъ не все равно? Деньги не имѣютъ запаха, отъ кого бы ни шли...

Въ одиннадцать часовъ лакеи сдвинули вмѣстѣ два стола, накрыли ихъ и поставили восемь приборовъ, серебряное ведро съ шампанскимъ и вазу съ фруктами. Передъ Веденяпинымъ поставили салатникъ и разный сырой матеріалъ. Онъ завѣсилъ грудь салфеткой и началъ приготовлять салатъ, въ который мѣшалъ помидоры, анчоусы, устрицы и лилъ прованское масло, уксусъ и даже какое-то вино. Онъ былъ очень красивъ и своей бѣлоснѣжной бородой и высокимъ, лысымъ лбомъ походилъ на благодушнаго патріарха. Видно было, что онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ и на своемъ мѣстѣ, радушно угощалъ всѣхъ, шутилъ и разсказывалъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ анекдоты изъ своей многоопытной жизни.

— Господа, это историческій салатъ, говорилъ онъ наполняя тарелки и передавая намъ. Меня научилъ приготовлять его мой пріятель С.—русскій государственный человѣкъ. Благодаря этому салату, онъ быстро подымался по административной лѣстницѣ и дошелъ до поста министра внутреннихъ дѣлъ... Правда, бѣднягѣ, на этомъ посту, въ концѣ концовъ, не повезло... Васъ, mesdames, этотъ салатъ долженъ интересовать съ другой точки зрѣнія—потому что кромѣ тонкаго вкуса онъ обладаетъ и другими драгоцѣнными свойствами, Вамъ, напримѣръ, Нодіэ, я особенно рекомендую этотъ салатъ...

Нодіэ, подсѣвшій къ намъ, сталъ разсказывать анекдоты, очень сальные и крѣпкіе. Когда же принесли двѣ новыя бутылки шампанскаго и выпили ихъ, то уже всѣ, даже женщины, перестали стѣсняться, и началось такое сквернословіе, какого я не слыхалъ даже отъ Южена. Нодіэ откидывался назадъ и хохоталъ жирнымъ смѣхомъ, отъ котораго колыхалось все его грузное тѣло. Веденяпинъ сидѣлъ на диванѣ между Бланшъ и маркизой, которыя охватили его шею руками и со смѣхомъ прижимались къ нему своими напудренными плечами. Мерседесъ совсѣмъ опьянѣла, хохотала безъ причины и подъ столомъ все хватала меня за колѣни... Одинъ только маркизъ былъ грустенъ, и видно было, что его коробили раскаты этого плебейскаго веселья.

Я не могъ долго оставаться съ ними. Этотъ старикъ, по-

хожій на патріарха, и намазанныя полупьяныя старухи съ ихъ грязными разговорами напомнили мнѣ „фабрику червей“ Ламбера, и мнѣ казалось, что они тоже черви, копошащіеся въ какомъ-то огромномъ, разлагающемся тѣлѣ... Я незамѣтно всталъ изъ-за стола и ушелъ домой.

XIII.

Я попрежнему продолжалъ работать на заводѣ и понемногу пересталъ уже расчитывать на Веденяпина, отъ котораго долго не получалъ никакихъ извѣстій.

За это время у насъ начались нелады съ мастеромъ нашего отдѣленія — Ладюро. „Père Ladureau“ въ послѣднее время пріобрѣталъ все больше вліянія надъ виконтомъ— и соотвѣтственно съ этимъ съ нами становился все грубѣе — и въ мастерской росло глухое раздраженіе противъ него. Но самое несносное въ немъ было то, что кто-то вложилъ ему въ голову двѣ-три патріотическія идейки—фальшивыя и дешевыя, какъ жетонъ — и онъ всюду носился съ ними. При этомъ онъ спорилъ запальчиво, зло и крикливо, и возраженія такъ выводили его изъ себя, что мы старались никогда не спорить съ нимъ.

Разъ мы сидѣли въ кафэ на улицѣ, въ ожиданіи часового гудка. Къ намъ подсѣлъ Ладюро и сейчасъ же заговорилъ о дѣлѣ Дрейфуса. Это дѣло давно уже кончилось, но въ то время еще ни одинъ французъ не могъ говорить о немъ спокойно. Ладюро наговорилъ по этому поводу столько пошлостей, вычитанныхъ имъ изъ газеты „La libre parole“, что Шнэдэръ, молодой симпатичный рабочій, котораго мучила всякая несправедливость, не выдержалъ и заспорилъ съ нимъ. Услыхавъ возраженія, Ладюро весь налился кровью, такъ что даже уши у него стали красныя, какъ пѣтушій гребень, и, вмѣсто аргументовъ, началъ говорить грубости и колкости по адресу противника. Наконецъ, сердито всталъ и ушелъ.

На другой день Шнэдэръ сдавалъ работу—очень мудреную стальную часть; Ладюро повертѣлъ ее въ рукахъ, потомъ швырнулъ ее на полъ и сказалъ:

— Вотъ такъ работа! Мой десятилѣтній сынъ сдѣлаетъ лучше!

И ушелъ въ свою застекленную будочку въ углу мастерской, гдѣ обыкновенно чертилъ.

Товарищи сейчасъ же подобрали брошенную вещь и стали ее разсматривать. Шнэдэръ принесъ чертежъ, по которому работалъ, и нѣсколько рабочихъ принялись измѣрять

калиперомъ забракованную работу. Остальные окружили ихъ и съ интересомъ ожидали результатовъ этой экспертизы. Оказалось, что вещь выточена превосходно — и для всѣхъ стало ясно, что это только придирка со стороны Ладюро въ отместку за вчерашній споръ. Ладюро долго за нами слѣдилъ изъ своей будочки, потомъ выбѣжалъ весь багровый и закричалъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ:

— Eh, vous là-bas! Вы, кажется, забыли, что получаете 20 су въ часъ за работу, а не за болтовню! Сейчасъ по мѣстамъ! А вамъ, Шнэдэръ, даю „восемь дней". Намъ не нужны рабочіе, которые сами не работаютъ и другихъ только мутятъ!

„Восемь дней"—это срокъ, который по закону полагается рабочему для пріисканія новаго мѣста. Тяжелое молчаніе воцарилось въ мастерской, и мы всѣ почувствовали себя оскорбленными въ лицѣ Шнэдэра. Несправедливость была слишкомъ очевидна, всякому было ясно, что Ладюро выбрасываетъ изъ мастерской человѣка только потому, что онъ держится другихъ убѣжденій. Исторія въ нѣсколько дней облетѣла фабрику, и о ней заговорили во всѣхъ мастерскихъ. За завтракомъ и вечеромъ, въ кафэ, къ Шнэдэру подходили рабочіе, и онъ долженъ былъ въ сотый разъ разсказывать все, что произошло.

— Oh, la vache! — говорили въ заключеніе слушатели.— J'aurais flanqué des gifles à ce chameau là *).

Тѣмъ не менѣе, мы все еще надѣялись до послѣдняго дня. Нѣкоторые говорили, что Ладюро просто забудетъ о своемъ распоряженіи, другіе — что Ладюро хотѣлъ только попугать Шнэдэра, и вся исторія кончится ничѣмъ—„en queue de poisson". Во вторникъ, когда истекъ срокъ этихъ „восьми дней", Шнэдэръ вмѣстѣ со всѣми вошелъ въ мастерскую и сталъ у своего станка, какъ будто ничего не случилось. Мы всѣ были очень взволнованы и ждали, что будетъ. Ладюро вышелъ, наконецъ, изъ своей будочки, сейчасъ же замѣтилъ Шнэдэра и закричалъ:

— Эй, что вы тамъ дѣлаете у станка? Постороннимъ входъ въ мастерскую запрещенъ. Ступайте въ контору и получите свою плату за понедѣльникъ!

Шнэдэръ вышелъ. Онъ шелъ медленно, опустивъ голову, и мы всѣ слѣдили за нимъ. У выхода онъ остановился, обернулся и обвелъ взглядомъ всю залу.

— Неужто вы меня такъ и выдадите, товарищи?—каза-

*) La vache и le chameau (корова и верблюдъ) — два самыхъ оскорбительныхъ слова у французскаго простонародья.

лось, говорилъ его взглядъ.—Выдадите послѣ того, какъ слушали меня и такъ возмущались?

Онъ вышелъ,и всѣ мы задумались и не рѣшались смотрѣть другъ на друга. Что дѣлать? Протестовать—т. е. снова очутиться на этой сырой.холодной улицѣ и снова начать безконечные поиски за работой? Съ другой стороны,—какъ допустить такую несправедливость?

Вдругъ одинъ пожилой рабочій рѣшительно повернулъ ручку своего выключателя, сорвалъ съ гвоздя на стѣнѣ картузъ и вышелъ, тяжело стуча башмаками. Это былъ, какъ будто, сигналъ: одинъ за другимъ, всѣ побросали работу и вышли изъ мастерской на широкій фабричный дворъ.

И, сдѣлавъ этотъ смѣлый шагъ, мы отдались бодрому и радостному настроенію: исчезли всѣ страхи и колебанія, и мы всѣ сплотились въ одну компактную массу, сильную, увѣренную, *знавшую помимо насъ,* куда ей идти и что дѣлать...

Отсюда мы отправили пословъ въ остальные корпуса завода сообщить товарищамъ, что мы бастуемъ. Одна за другою мастерскія останавливались, и рабочіе выходили на фабричный дворъ. Къ двѣнадцати часамъ забастовалъ весь заводъ.

Въ это время изъ глубины двора вылетѣлъ знаменитый 40-сильный автомобиль „нашего виконта". Въ немъ сидѣлъ самъ виконтъ, его мэтресса, закутанная въ дорогой сѣрый мѣхъ, и, сзади, бритый лакей въ ливреѣ. Виконтъ былъ человѣкъ военной выправки, властный и очень гордый. Онъ гордился и своимъ именемъ, и богатствомъ, и тѣмъ, что былъ лидеромъ націоналистовъ въ Палатѣ Депутатовъ. Кромѣ того, онъ почему-то воображалъ, что умѣетъ обращаться съ рабочими, и что они очень любятъ его. И потому онъ смѣло на всемъ ходу врѣзался въ толпу и круто остановилъ среди нея свой автомобиль.

— Что это за шутки, господа?—сказалъ онъ увѣреннымъ голосомъ.—Что вы затѣяли?

Наша голубая толпа хлынула къ нему и обступила тѣснымъ кольцомъ его автомобиль, который злобно пыхтѣлъ и стучалъ своимъ моторомъ. Заговорили сразу нѣсколько голосовъ; изъ нихъ скоро выдѣлился одинъ взволнованный голосъ, который сталъ объяснять виконту инцидентъ Ладюро—Шнэдэръ.

— Но, друзья мои, такъ нельзя...—нетерпѣливо прервалъ его виконтъ.—Такъ нельзя: теперь весна, мы по горло завалены заказами, всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ нашей модели 1904 года, которая имѣла такой успѣхъ въ Салонѣ,—а вы начинаете бастовать...

— Примите назадъ Шнэдэра!—закричала толпа.

— Нѣтъ, этого я не могу сдѣлать. Это дѣло Ладюро—онъ хозяинъ въ своей мастерской, и я не имѣю права подрывать его авторитетъ въ вашихъ глазахъ. А кромѣ того, я нахожу, что онъ совершенно правъ. Онъ разсказалъ мнѣ всю эту исторію, и его версія не совсѣмъ совпадаетъ съ вашей. Да, онъ поспорилъ со Шнэдэромъ... *Шнэдэръ* — вы обратите вниманіе на эту за-рейнскую фамилію... Ладюро—хорошій французъ и искренній патріотъ—не могъ снести презрительнаго отношенія къ нашей арміи de la part d'un prussien ou d'un *youpin* (со стороны пруссака или жида). Но все это, въ сущности, къ дѣлу не относится. Главное то, что Шнэдэръ плохой работникъ, и Ладюро давно хотѣлъ прогнать его. По своей добротѣ онъ долго терпѣлъ его, пока, наконецъ, послѣдняя работа не переполнила чашу...

Изъ толпы закричали: „Неправда, неправда! Шнэдэръ—лучшій работникъ въ мастерской, послѣдняя работа его безукоризненна“.

Виконтъ весь покраснѣлъ отъ гнѣва и сказалъ рѣзко:

— Друзья мои. вы на ложномъ пути. Требуйте прибавки жалованья или уменьшенія рабочаго дня—все это вопросы, которые мы можемъ обсуждать вмѣстѣ. Но вы становитесь на почву, на которой споръ между нами невозможенъ. Вы хотите отнять у насъ право судить о качествѣ работника и его работы... Вы не можете посягать на это право. Для васъ должно быть достаточно, если мы говоримъ: *намъ* работа Шнэдэра не годится...

— Voyons, Guy, — прервала его мэтресса, которая, очевидно, куда-то спѣшила.

— Tout de suite, cherie,—отвѣтилъ виконтъ, успокаиваясь.—Итакъ, господа, одумайтесь. Помните, что Ладюро — человѣкъ, достойный всякаго уваженія, и хорошій патріотъ, и не слушайте навѣтовъ разныхъ проходимцевъ, которыми—увы!—кишитъ теперь наша прекрасная Франція.

— Vive la grève! Да здравствуетъ стачка!—закричала толпа.

Рожокъ рявкнулъ, шестерни въ передачахъ захрустѣли, и автомобиль могучимъ прыжкомъ снялся съ мѣста, упруго подпрыгнулъ въ канавкѣ у воротъ и скрылся въ туманѣ длинной, прямой набережной.

Тутъ же на фабричномъ дворѣ мы выбрали 10 членовъ стачечнаго комитета. Комитетъ долженъ былъ постоянно засѣдать въ кафэ и вести переговоры съ администраціей и съ „Союзомъ автомобильныхъ рабочихъ“, т. н. „Corporation da la Voiture“. Затѣмъ вся толпа запѣла „Ça ira“ и съ пѣніемъ стала выходить черезъ ворота, выстроившись по шести въ рядъ.

На улицѣ мы разбились на группы, которыя отправились въ разныя стороны, и долго еще въ разныхъ мѣстахъ гордо слышался бодрый припѣвъ пѣсни, похожій на барабанный бой:

Vive le son, vive le son
Du canon!

Почти все населеніе городка высыпало на улицу, лавочники стояли у своихъ лавокъ, женщины останавливались на тротуарахъ и смотрѣли на рабочихъ, которые, мѣрно стуча башмаками, шли по мостовой. У кафэ, гдѣ расположился стачечный комитетъ, уже собралась большая толпа народу, въ ожиданіи новостей; одни разговаривали посреди улицы, другіе сидѣли на краю тротуаровъ и терпѣливо ждали. Вечеромъ толпу разрѣзала манифестація, сотни молодыхъ рабочихъ; еще издали ее можно было узнать по массѣ китайскихъ фонариковъ, которые мѣрно качались на концѣ длинныхъ палокъ. Манифестанты подошли къ кафэ, пропѣли отрывисто, стуча палками въ тактъ:

Conspuez Ladureau, conspuez Ladureau,
Conspuez! *)

и отправились по улицамъ, при чемъ останавливались предъ мэріей, правленіемъ нашего завода и квартирою Ладюро.

На слѣдующее утро мы безъ всякаго предварительнаго уговора сошлись на набережной противъ завода. Насъ инстинктивно тянуло собраться въ одну толпу; мы хотѣли чувствовать себя вмѣстѣ съ другими, потому что самый фактъ, что *насъ много*, давалъ намъ сознаніе своей правоты и увѣренность въ побѣдѣ. Мы размѣстились на каменныхъ плитахъ набережной, парапетахъ и бревнахъ и говорили до обѣда.

На второй день стачки, точно по приказанію откуда-то, началась противъ насъ газетная травля. Кампанію открыла мѣстная газетка, субсидированная крупными фабриками. Въ передовой статьѣ говорилось, что нѣмцы давно уже съ завистью слѣдятъ за успѣхами автомобильнаго дѣла во Франціи. И такъ какъ они не могутъ бороться съ этой чисто-французской промышленностью, то стараются всячески вредить ей. Въ послѣднее время открылось, что на всѣхъ крупныхъ заводахъ нѣмцы держатъ своихъ агентовъ, все занятіе которыхъ состоитъ только въ томъ, чтобы посѣлять раздоръ между хозяевами и рабочими.

Вечеромъ въ бульварномъ националистическомъ листкѣ

*) „Оплюйте Ладюро".

„La Patrie"—коварная замѣтка: „Намъ сообщаютъ, что нѣкій Ш., изъ-за котораго произошла стачка на одномъ изъ сюренскихъ автомобильныхъ заводовъ, привлекается къ суду по очень темной исторіи, связанной съ перепиской между нимъ и германскимъ посольствомъ, случайно попавшей въ руки полиціи".

На слѣдующій день большая злобная статья въ антисемитической „La libre Parole" подъ названіемъ „Ces pauvres imbeciles". Авторъ статьи раскрываетъ цѣлый заговоръ синдиката еврейскихъ банкировъ противъ французской промышленности. Планъ синдиката состоитъ въ томъ, чтобы при помощи цѣлаго ряда стачекъ понизить акціи лучшихъ предпріятій въ странѣ. скупить эти акціи и овладѣть предпріятіями. Планъ этотъ уже началъ осуществляться въ Сюренѣ, гдѣ агентъ синдиката—„un sale juif Sch", забравшись на одинъ автомобильный заводъ подъ личиной рабочаго, вызвалъ стачку въ самый разгаръ сезона. „Пока несчастные простаки стягиваютъ свои животы отъ голода—cet immonde personnage (эта грязная личность) втихомолку смѣется надъ ними и кутитъ въ модныхъ ресторанахъ на еврейское золото".

Напрасно стачечный комитетъ протестовалъ, писалъ письма въ редакціи и публиковалъ въ соціалистическихъ органахъ изложеніе настоящихъ причинъ стачки:—ничто не помогало, и націоналистическія газеты продолжали невозмутимо повторять ложь.

Очевидно, администрація завода старалась разрознить рабочихъ и достигнуть того, чтобы „Союзъ" не поддерживалъ насъ—а для этого самое лучшее было пустить клевету, отъ которой „всегда что-нибудь останется".

На третій день администрація пригласила на переговоры нашъ комитетъ. Мы всѣ воспрянули духомъ и съ нетерпѣніемъ ждали возвращенія нашихъ уполномоченныхъ. Они вернулись, разочарованные. Администраторы и директоръ оказались очень неуступчивыми; виконтъ произнесъ рѣчь, гдѣ объяснялъ, что компанія борется за свободу—свободу хозяевъ расчитывать тѣхъ рабочихъ, которые ихъ не удовлетворяютъ. На просьбу нашихъ уполномоченныхъ назначить третейскій судъ, который разобралъ бы столкновеніе Шнэдэра и Лалюро—администрація рѣзко отвѣтила, что не допуститъ постороннихъ вмѣшиваться во внутренніе порядки завода.

Но черезъ два дня положеніе круто измѣнилось, потому что мы, наконецъ, получили отвѣтъ отъ „Союза автомобильныхъ рабочихъ". Союзъ объявилъ себя солидарнымъ съ нами и вотировалъ намъ пособіе на все время стачки: холо-

стымъ 3 франка въ день, семейнымъ 6 фр. Благодаря этому пособію, мы могли долго держаться, и стачка грозила затянуться. Между тѣмъ, компанія терпѣла громадные убытки и теряла каждый день заказчиковъ, переходившихъ къ конкуррентамъ. И потому, какъ только рѣшеніе союза стало извѣстнымъ, она вызвала нашихъ уполномоченныхъ, и виконтъ, совершенно забывъ о „борьбѣ за свободу хозяевъ“ и пр.,— заявилъ намъ, что администрація тщательно пересмотрѣла инцидентъ Шнэдэръ-Ладюро, нашла, что послѣдній представилъ дѣло въ невѣрномъ освѣщеніи, и потому рѣшила принять обратно Шнэдэра и разсчитать Ладюро.

Въ понедѣльникъ мы вернулись на фабрику. Толпа рабочихъ въ голубыхъ полотняныхъ костюмахъ запрудила дворъ и ждала, чтобы Шнэдэръ вошелъ первый въ мастерскую; когда онъ исчезъ въ открытой двери зданія—толпа зашевелилась, раздались сначала крики радости, и потомъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, стройно запѣли „L' Jnternationale“ и съ пѣніемъ стали входить въ мастерскія. Было свѣтлое весеннее утро. Небо уже дышало тепломъ, но земля была еще холодная и сырая. Черезъ заборъ фабрики виднѣлась голубая рѣка и за нею, въ Булонскомъ лѣсу, облака свѣжей, весенней зелени. Въ садахъ и виллахъ вокругъ стояли яблони, вишни, сплошь усыпанныя бѣлыми цвѣтами; среди зелени лиловыми брызгами свѣтлѣла сирень и глициній, и въ воздухѣ носились возбуждающіе весенніе запахи. Заманчиво синѣла даль, тянуло куда-то за этотъ горизонтъ, задернутый легкими парами, и душа томилась ожиданіемъ какого-то счастья...

C'est la lutte finale...

пѣла толпа, и торжественный, немного грустный и полный надежды гимнъ стоялъ надъ заводомъ. Простыя лица были полны энтузіазма, синія фигуры шли тѣснымъ рядомъ, напирая другъ на друга и сливаясь въ сплошную массу, которая, какъ жидкость, текла по двору и медленно вливалась въ черные квадраты открытыхъ дверей. Отдѣльные голоса струями сливались въ могучій столбъ звука, который высоко подымался и дрожалъ въ свѣтломъ воздухѣ. И казалось, что въ этомъ сложномъ, полномъ оттѣнковъ мотивѣ—молодые, свѣжіе голоса выражали надежду и радость близкой побѣды, а слабые и разбитые—пѣли утомленіе борьбы и грусть, что свѣтлое будущее ужъ не застанетъ ихъ въ живыхъ...

XIV.

Я уже совершенно забылъ про Веденяпина, какъ вдругъ Шпакъ снова появился на моемъ горизонтѣ. Однажды онъ пришелъ въ кафэ, пожалъ мою руку и какъ-то заискивающе заглянулъ мнѣ въ глаза.

— А знаете, сказалъ онъ,— что-то клюетъ на вашу удочку... Я не думалъ, что вы такой хитрый человѣкъ... Когда вы тогда ушли изъ „Небесной Курочки“, я былъ на васъ очень сердитъ, а теперь вижу, что это было умно. Самое лучшее плевать на людей: они думаютъ, что у васъ есть что-нибудь очень хорошее, и ужъ ни за что васъ не упустятъ.

— Я вовсе не хитрилъ, а просто мнѣ скучно было оставаться въ компаніи Веденяпина. Вообще у меня нѣтъ желанія таскаться съ нимъ по непотребнымъ мѣстамъ...

— Да вамъ ужъ больше не придется имѣть съ нимъ дѣла. Онъ передаетъ ваше дѣло Рэдклифу.

— Кто это?

— Это одинъ офранцузившійся англичанинъ, очень ловкій человѣкъ. Онъ „застрѣльщикъ“ у одной группы англійскихъ капиталистовъ—отыскиваетъ для нихъ дѣла на континентѣ. Я, собственно, и пришелъ сказать, что онъ желаетъ васъ посмотрѣть.

— Что-же ему смотрѣть меня—пусть онъ смотритъ мой моторъ.

— Моторъ онъ ужъ видѣлъ у Веденяпина. Теперь ему надо васъ посмотрѣть. У него образовался такой глазомѣръ: взглянетъ на изобрѣтателя и всю его серединку видитъ. Очень умный человѣкъ. Такъ что завтра не ходите на заводъ и ждите его—онъ будетъ у васъ часамъ къ четыремъ —и повезетъ васъ куда-нибудь на автомобилѣ: это у него такая манера знакомиться.

Дѣйствительно, на другой день ко мнѣ пріѣхалъ Рэдклифъ. Это былъ очень моложавый человѣкъ лѣтъ сорока, съ бритымъ, энергичнымъ лицомъ и твердыми сѣрыми глазами. Въ его манерахъ и смѣхѣ было что-то открытое, простое и чарующее—и я сразу почувствовалъ къ нему симпатію.

Поговоривъ съ четверть часа, мы вышли изъ моей гостинницы. У входа насъ ждалъ автомобиль. Сзади сидѣлъ шофферъ, скрестивши на груди руки, важный и молчаливый, какъ восковая фигура. Моторъ былъ уже пущенъ въ ходъ и стучалъ всѣми четырьмя цилиндрами—и весь автомобиль дрожалъ, какъ горячая лошадь отъ нетерпѣнія.

Рэдклифъ садится къ рулю, ставитъ ноги на педали, опускаетъ какой-то рычагъ, и вдругъ автомобиль срывается съ мѣста, подхватываетъ насъ и летитъ въ гору полнымъ ходомъ. Я чувствую подъ ногами его огромную силу—силу двадцати пяти лошадей, спрятанную въ небольшемъ ящикѣ, и мнѣ кажется, что нашъ автомобиль какой-то звѣрь могучій, быстрый и послушный не только малѣйшему движенію, но и мысли хозяина.

Проходитъ нѣсколько минутъ—и мы мчимся уже далеко за городомъ. Сзади, за рѣкою, огромнымъ сѣрымъ пятномъ лежитъ Парижъ; надъ нимъ въ синеватомъ туманѣ, какъ гвоздь, подымается башня Эйфеля; на холмѣ Монмартра, далеко, у самаго горизонта, вырѣзается на синевѣ неба соборъ „Sacrè Coeur"—изящный, бѣлый, словно выточенный изъ слоновой кости; широкой свѣтлой лентой извивается Сена, пересѣченная желѣзными, легкими, какъ паутина, мостами.

Впереди бѣжитъ узкая сѣрая полоса дороги, а по бокамъ быстро уходятъ назадъ поля съ ярко-зелеными молодыми всходами. Онъ несется впередъ, этотъ крылатый гиппопотамъ, и съ силой разсѣкаетъ воздухъ, который больно бьетъ по лицу и шуршитъ въ ушахъ... Вотъ стадо въ полѣ, возлѣ дороги; испуганныя овцы сбиваются въ кучу, пастухъ смотритъ съ любопытствомъ, опираясь на высокую палку, собака съ яростнымъ лаемъ бросается за нами—и все это сейчасъ-же исчезаетъ далеко позади въ облакѣ пыли, поднятой автомобилемъ. Вотъ ѣдутъ рядомъ, загораживая дорогу, двѣ огромныя телѣги съ навозомъ; два мужика въ синихъ блузахъ съ кнутами идутъ рядомъ, разговаривая и не желая слышать нашъ рожокъ: одно движеніе руля— и мы объѣзжаемъ ихъ по вспаханному полю. Вотъ мы встрѣчаемся съ другимъ автомобилемъ—рѣзкое „тррхъ", точно пролетаетъ мимо огромная птица, туча пыли, которая наполняетъ ротъ и слѣпляетъ глаза—и мы снова мчимся по сѣрой дорогѣ, въ центрѣ огромнаго зеленаго круга, прикрытаго голубымъ сводомъ. Но вотъ на горизонтѣ, за бурыми и зелеными лоскутьями полей, показывается синій гребень лѣса—это Фонтэнбло, въ 60 верстахъ отъ Парижа.

Еще десять минутъ, и мы въ лѣсу. Лѣсъ весь въ яркомъ весеннемъ нарядѣ; все зелено и радостно: и трава, сочная и бархатная, и стволы дубовъ и буковъ, покрытые кудрявымъ мохомъ, и—надъ головою—сводъ изъ свѣжихъ, глянцевитыхъ листьевъ, весь пронизанный горячими, дрожащими лучами.

Я давно уже не былъ за городомъ, среди природы, и теперь эта прогулка по лѣсу волнуетъ, радуетъ меня, какъ свиданіе съ матерью; я съ жадностью вдыхаю въ себя воздухъ

и прислушиваюсь къ смутному лѣсному шуму. Крѣпкій воздухъ съ силой входитъ въ грудь; пахнетъ травами, прошлогоднимъ палымъ листомъ и гніющимъ деревомъ; вѣтеръ доноситъ волнами то запахъ хвойныхъ деревьевъ, то приторный ароматъ черемухи въ цвѣту. Среди шелеста листьевъ и шума качающихся вершинъ слышенъ иногда рѣзкій стукъ дятла, тоскливое кукованіе кукушки и сухой трескъ кузнечиковъ. Въ одномъ мѣстѣ, среди сѣрыхъ стволовъ бука, пугливо притаилась лань съ дѣтенышами: у нихъ мохнатыя мягкія мордочки и бурыя шкурки съ бѣлыми крапинами, и онѣ съ любопытствомъ слѣдятъ за нами большими, влажными глазами.

По извилистой аллеѣ мы въѣзжаемъ на гору, откуда открывается видъ на покрытые лѣсомъ холмы. Зелеными волнами они уходятъ, пока хватаетъ глазъ, и теряются въ сизомъ туманѣ; а на первомъ планѣ лежатъ въ огромной котловинѣ сѣрые валуны, заросшіе желтымъ дрокомъ. Потомъ мы спускаемся къ парку, оставляемъ автомобиль у воротъ и идемъ гулять пѣшкомъ по дорожкамъ. День ужъ близится къ концу, жаръ спалъ, и тѣни удлиннились. Дворецъ изъ сѣрыхъ камней, заросшихъ лишаями, съ большими окнами и истертыми гербами Франциска I-го—Генриха II-го, пустой и заброшенный, стоитъ надъ прудомъ. Прудъ, какъ ясное зеркало, лежитъ между низкихъ зеленыхъ береговъ, отражая спокойное небо и розовѣющія, перламутровыя облака. Огромные платаны и липы въ аллеяхъ тихо шелестятъ листвою. Все кругомъ полно поэтической грустью прошедшаго, и кажется, что сейчасъ въ концѣ аллеи появится Діана де Пуатье въ бѣломъ шелковомъ платьѣ съ фижмами и присядетъ отдохнуть на эту мшистую, каменную скамью...

Рэдклифъ взялъ меня подъ руку, и, гуляя по дорожкамъ, мы начали разговаривать. Онъ мало говорилъ о дѣлѣ, больше разсказывалъ мнѣ о жизни въ Парижѣ и Лондонѣ и о своихъ путешествіяхъ; я чувствовалъ себя легко и свободно и разговорился съ нимъ безъ усилія.

Потомъ мы вернулись къ автомобилю и, такъ какъ солнце было уже низко, поѣхали по направленію къ Парижу. Когда мы подъѣзжали къ городу, было уже совершенно темно. Въ Булонскомъ лѣсу среди деревьевъ вдругъ блеснулъ яркій свѣтъ, и до насъ донеслись веселые звуки оркестра. Это былъ загородный ресторанъ „Pavillon d'Armenonville“.

— Заѣдемте сюда, — сказалъ Рэдклифъ. — Вы, навѣрное, проголодались; что до меня, то я голоденъ, какъ волкъ. Ça vous creuse, l'auto...

Мы подкатили къ крыльцу ресторана. Рэдклифъ отправилъ шоффера обѣдать въ отдѣленіе для прислуги, а мы

сами взошли на огромную застекленную террасу. Терраса вся была залита свѣтомъ, который отражался на серебрѣ и хрусталѣ приборовъ; на маленькихъ столикахъ, за которыми сидѣли нарядныя дамы и мужчины, горѣли электрическія лампочки, прикрытыя красными шелковыми абажурами. Посрединѣ, на возвышеніи, игралъ румынскій оркестръ, и музыка, то безудержно веселая, то томительная и замирающая отъ страсти, переливалась въ воздухѣ. Съ той минуты, какъ я вошелъ,— залитая свѣтомъ терраса и темныя деревья, смотрѣвшія въ открытыя окна, и чарующая, странная музыка, все это слилось въ одно впечатлѣніе чего-то нереальнаго, и самыя обыкновенныя фразы, которыми мы обмѣнивались съ Рэдклифомъ, казались мнѣ полными болѣе глубокаго смысла. За ужиномъ Рэдклифъ разговаривалъ просто и весело, и я съ каждой минутой чувствовалъ къ нему больше симпатіи. Это былъ человѣкъ несложный и искренній, легко отдававшійся своимъ первымъ впечатлѣніямъ.

— Для меня чрезвычайно важно то, что вы рабочій, — сказалъ онъ между прочимъ. — Человѣкъ образованный, который можетъ быть рабочимъ, какъ изобрѣтатель, для насъ дороже другихъ. При размахѣ мысли – у него есть и достаточно практичности, чтобы сдѣлать вещь, годную не только для лабораторнаго употребленія, но и для жизни. Раньше чѣмъ поѣхать къ вамъ, я навелъ справки на вашемъ заводѣ, хорошій ли вы рабочій, или нѣтъ. А сегодня я ѣздилъ съ вами полдня, чтобы узнать, что вы за человѣкъ.

— Ну, а это зачѣмъ вамъ?

— Видите ли, мы, англичане, покупаемъ не только изобрѣтенія, но и изобрѣтателя...

— Къ какому же заключенію вы пришли?

— Васъ можно представить моимъ людямъ... Кстати, вы говорите по-англійски?

— Я бралъ уроки... Во всякомъ случаѣ, читаю довольно свободно.

— Вотъ и отлично. Это огромный козырь въ вашихъ рукахъ.

Въ это время на террасу вбѣжала какая-то очень знакомая мнѣ фигура. Это была маркиза, которую я видѣлъ въ „Небесной Курочкѣ“. Она быстро пошла между столами, осматривая въ лорнетъ публику. Видъ у нея былъ какой-то растрепанный: желтое, не нарумяненное лицо, одна бровь, выведенная выше и короче другой, разбитая прическа и мантилья, висѣвшая какъ-то криво.

Увидѣвъ Рэдклифа, она подбѣжала къ намъ:

— Вы видѣли маркиза? — спросила она запыхавшимся голосомъ.

— Онъ развѣ не съ вами?—спросилъ Рэдклифъ.

— Нѣтъ, онъ исчезъ дня два тому назадъ... Я ищу его по всѣмъ ресторанамъ. А Мерседесъ вы тоже не видѣли? Я увѣрена, что эта негодяйка спрятала его гдѣ-нибудь, чтобъ досадить мнѣ. Ея тоже нигдѣ не видно.

— Ну, зачѣмъ бы она это сдѣлала?—сказалъ Рэдклифъ.— Просто, случайное совпаденіе. Вы были у нея?

— Была, но, разумѣется, его тамъ не нашла. Но все-таки я увѣрена, что онъ прячется у нея. Я знаю его: у него нѣтъ достаточно энергіи и иниціативы, чтобы бросить меня. А кто, кромѣ другой женщины, могъ бы увезти его?

Узнавъ меня, она кивнула мнѣ головой и спросила:

— А вы не видѣли случайно гдѣ-нибудь маркиза? Ну, прощайте. Я покажу ей, мерзавкѣ!

И она побѣжала по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ помѣщались отдѣльные кабинеты.

Когда она ушла, глаза Рэдклифа заискрились хитростью; онъ засмѣялся и сказалъ:

— Долго же она будетъ искать его!

— А вы развѣ что-нибудь знаете?

— Еще бы! Я далъ ему 500 фр. и отправилъ его въ Италію. Тамъ его родные найдутъ для него какое-нибудь мѣсто. Онъ, въ сущности, хотя и поддѣлалъ вексель, но самый симпатичный человѣкъ изъ всей ихъ компаніи...

Затѣмъ, возвращаясь къ моему дѣлу, Рэдклифъ сказалъ:

— На-дняхъ я ѣду въ Англію — вы поѣдете со мною, и я представлю васъ и ваше дѣло моимъ друзьямъ. Это народъ широкій, въ расходахъ они не стѣсняются; въ ожиданіи будущихъ доходовъ отъ вашего изобрѣтенія, вы будете получать хорошее жалованье, а въ тотъ моментъ, когда вы получите свою часть акцій, онѣ уже будутъ имѣть опредѣленную цѣну на Биржѣ. Словомъ, вы можете быть увѣреннымъ, что ваше дѣло устроится. Помните только одно — что мы придаемъ большое значеніе формѣ; въ Англіи вы должны стать „an accomplished gentleman: для этого надо имѣть хорошія застольныя манеры, носить фракъ съ пяти часовъ вечера, научиться говорить медленно, безъ жестовъ, сохраняя безстрастное лицо, никогда не терять самообладанія и не возвышать голоса—и я ручаюсь, что вы будете имѣть успѣхъ въ Англіи...

Въ это время вся публика повернулась къ оркестру: одни зааплодировали, другіе закричали „bravo, Baldi“. На эстрадѣ стоялъ маленькій толстый человѣкъ въ красномъ фракѣ, со смуглымъ, лоснящимся лицомъ. „Чардашъ, Чардашъ!“ кричала публика. Бальди поклонился такъ низко, что блеснула его лысина, укрѣпилъ скрипку подъ подбо-

родкомъ, взмахнулъ смычкомъ и заигралъ подъ аккомпаниментъ оркестра. Мотивъ сначала былъ тягучій и хватающій за сердце: лились чьи-то слезы, позднѣе раскаяніе глодало душу, свершилось что-то окончательное и непоправимое—*она* вышла за другого, или умерло любимое существо, и домъ навсегда опустѣлъ... Хрустальные, рыдающіе звуки росли, наполняли террасу, выносились въ садъ, гдѣ ихъ жадно ловила публика, и летѣли дальше въ лѣсъ, обступившій насъ черными, молчаливыми деревьями. И вдругъ послѣдніе, надрывающіе душу аккорды сразу перешли въ неистовый, плясовой мотивъ, полный самаго бѣшенаго веселья; въ немъ было что-то истерическое, надломанное, точно кто-то хотѣлъ отогнать неотвязное горе и закутилъ въ корчмѣ при дорогѣ, подъ музыку странствующаго скрипача. Мотивъ становился все вульгарнѣе и удалѣе; его чаще и чаще стали прерывать дикія вскрикиванія самихъ музыкантовъ, но гдѣ-то—подъ этими пляшущими, полупьяными, залихватскими звуками — продолжали рыдать мрачные аккорды, и чувствовалось, что горе все еще тутъ, въ глубинѣ души, и ужъ никогда не уйдетъ изъ нея...

Я давно ужъ не слышалъ музыки, и теперь она произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Я очнулся только, когда публика завыла и застучала палками, стульями, и Бальди—потный и измученный—кланялся, прижимая руки къ груди.

Поздно вечеромъ я возвратился домой черезъ Булонскій Лѣсъ. Я былъ взволнованъ только что пережитымъ счастливымъ днемъ, прогулкой на автомобилѣ, музыкой и обѣщаніями Рэдклифа. Мнѣ хотѣлось личнаго счастья — и оно теперь стояло предо мной неопредѣленнымъ свѣтлымъ облакомъ. Было темно; темно-синее небо было усѣяно яркими дрожащими звѣздами, и длинная аллея впереди меня казалась пустынной и таинственной между двухъ рядовъ темныхъ деревьевъ. Въ концѣ ея бѣлѣло свѣтлое пятно: это было озеро, отражавшее звѣздное небо. Берега вокругъ него были низкіе, и казалось, что вода стоитъ выше земли.

Я легъ въ высокую мягкую траву и задумался. Вѣтеръ, сухой и теплый, чуть ласкалъ лицо; вода нѣжно плескалась о берега, и нѣсколько бѣлыхъ лебедей спали на водѣ, спрятавъ голову подъ крыло. Какая-то ночная птица вдали грустно и протяжно улюкала, и листья осторожно шептались надъ моей головой. По аллеѣ между деревьями проносились яркіе китайскіе фонари—красные, оранжевые, зеленые. Это были велосипедисты, невидимые въ темнотѣ, которые проѣзжали мимо, чуть слышно шурша шинами по песку аллеи. Они догоняли другъ друга, собирались вмѣстѣ и снова разсыпались, легкіе, какъ свѣтящіяся мухи. Иногда

ихъ пролетали цѣлые рои—и тогда при свѣтѣ всѣхъ фонарей можно было разглядѣть мужскія фигуры, согнувшіяся къ рулю, и женскія—прямыя, граціозныя, смутно бѣлѣвшія свѣтлыми лѣтними платьями. Казалось, что это была особенная, новая порода—какіе-то люди-бабочки...

Глядя на нихъ, мнѣ страстно захотѣлось сдѣлаться такимъ же беззаботнымъ, какъ они, и такъ же легко нестись черезъ жизнь и брать отъ нея однѣ радости. И въ эту минуту моей жизни, когда я находился у преддверія успѣха,—въ моемъ мозгу зашевелился маленькій, заснувшій было червячекъ; онъ поднялъ свою острую, сверлящую, насмѣшливую головку и спросилъ:

— Ихъ дѣды не были такими безпечными; не будутъ и ихъ сыновья... Неужели ты думаешь, что ты, русскій, *теперь* можешь быть человѣкомъ-бабочкой?

XV.

Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ я въ Лондонѣ. Мое дѣло устроилось блестяще: дѣловой синдикатъ „Lenox and Lenox, L-d“ основалъ общество для эксплоатаціи моего патента; у меня на рукахъ много акцій, которыя я продаю время отъ времени, и, кромѣ того, какъ директоръ своего общества, я получаю жалованья 75 гиней, т. е. около 750 р. въ мѣсяцъ. Но, несмотря на то, что чрезъ мои руки проходитъ масса денегъ, я никогда еще не нуждался такъ въ деньгахъ, какъ теперь, и денежныя заботы постоянно осаждаютъ меня.

Живу я въ роскошномъ „Cecil-Hotel“, гдѣ останавливаются богатые американцы и англійскіе дѣловые люди. Утромъ, какъ только просыпаюсь въ своей широкой мягкой кровати, я накидываю халатъ и по лифту спускаюсь въ подвальный этажъ, гдѣ принимаю душъ. Потомъ перехожу въ сосѣднюю залу; нѣсколько цвѣтныхъ лампочекъ наполняютъ ее таинственнымъ полусвѣтомъ; чуть блестятъ мраморные полы, и на диванахъ бѣлѣютъ какія-то фигуры, похожія на римскихъ сенаторовъ въ тогахъ. Я тоже ложусь на диванъ, и синьоръ Батисто массируетъ меня, растираетъ мохнатой перчаткой, звонко хлещетъ по кожѣ и разминаетъ каждый мускулъ.

Освѣженный и бодрый, я подымаюсь въ свою комнату, бреюсь, одѣваюсь въ костюмъ для верховой ѣзды и причесываюсь. Изъ зеркала на меня смотритъ свѣжее, чисто-выбритое лицо, и мнѣ какъ-то неловко смотрѣть на него, потому что въ его выраженіи есть что-то чужое мнѣ, почти враждебное.

Я спускаюсь въ чайную залу—tea-room,—освѣщенную электрическимъ свѣтомъ, потому что зимою въ этотъ часъ еще темно. Бѣлоснѣжныя скатерти и серебряная посуда смотрятъ весело и нарядно, и запахъ утренняго завтрака пріятно щекочетъ ноздри. За отдѣльными столиками уже сидятъ обычные посѣтители. Миссисъ Гетри, американка-милліонерша, бѣлокурая, розовая, въ роскошномъ кружевномъ платьѣ, пышная, какъ сливочный муссъ,—сидитъ, окруженная своими дѣтьми, такими же розовыми и бѣлокурыми, какъ она сама, и всѣ они пьютъ чай и ѣдятъ копченую рыбу „хэддокъ“ и поджаренные „меффинзъ“. За нашимъ столомъ у окна уже сидитъ Реджинольдъ Лэноксъ, молодой человѣкъ лѣтъ 20, изящный, высокій и гибкій, какъ хлыстъ. Я пожимаю его руку, сажусь напротивъ и начинаю съ аппетитомъ завтракать. Мой сосѣдъ сегодня не въ духѣ и закрывается отъ меня огромнымъ листомъ „Daily Telegraph'a“. Я всматриваюсь въ его нѣжное, какъ у молодой дѣвушки, лицо: сегодня оно блѣдное, съ синими кругами подъ глазами.

— Реджи, вы опять не спали всю ночь?—заботливо спрашиваю я.

— Да... игралъ всю ночь и, разумѣется, проигралъ... какъ всегда,—отвѣчаетъ онъ, стараясь казаться небрежнымъ, но въ его голосѣ слышится надтреснутая, жалобная нотка.

Послѣ завтрака мы выходимъ на крыльцо, и грумъ въ полосатомъ жилетѣ подводитъ верховыхъ лошадей, которыхъ мы нанимаемъ въ сосѣднемъ татерсалѣ.

Мы ѣдемъ на обычную прогулку въ Хайдъ-Паркъ. Надъ улицами еще стоитъ желтоватый лондонскій туманъ, смѣшанный съ угольнымъ дымомъ. Мостовыя и тротуары лоснятся отъ сырости, и закоптѣлые дома мрачно смотрятъ на насъ черными окнами. Надъ паркомъ нависли тяжелыя низкія тучи, и изъ воздуха непрерывно сыплется мелкая водяная пыль. Трава на лужайкахъ—особенно ярко-изумруднаго цвѣта, какой встрѣчается только въ странахъ, гдѣ падаютъ постоянные дожди. По аллеямъ ѣдутъ вереницей нарядные экипажи, мокрые и блестящіе; кучера и лакеи въ каучукахъ прямо сидятъ на козлахъ, и изъ оконъ выглядываютъ старыя, отцвѣтшія, болѣзненныя лица. По боковымъ дорожкамъ скачутъ всадники, и копыта ихъ лошадей съ чавканьемъ взрываютъ рыхлую сырую землю и разбрасываютъ комья во всѣ стороны. Все это джентльмэны въ рединготахъ, лакированныхъ сапогахъ, съ короткими хлыстами въ рукахъ, и лэди, затянутыя, прямыя, въ котелкахъ и въ перчаткахъ съ крагами; за ними въ почтительномъ разстояніи

слѣдуютъ ихъ грумы съ непроницаемыми бритыми лицами. На всѣхъ лицахъ холодное, скучающее выраженіе, и видно, что эта прогулка въ сыромъ воздухѣ, подъ хмурымъ зимнимъ небомъ, не доставляетъ никому удовольствія. Но хорошій тонъ требуетъ, чтобы утромъ, когда всѣ становятся на работу, и городъ шумитъ дѣловой жизнью, вы проѣхались по парку и своимъ празднымъ, скучающимъ видомъ показали, что можете жить, не работая.

Въ одной изъ боковыхъ аллей отъ группы всадниковъ отдѣляется амазонка и скачетъ къ намъ. Она красиво подпрыгиваетъ на сѣдлѣ въ тактъ съ лошадью, стройная и тонкая, затянутая въ черное суконное платье. Это миссъ Этель Лэноксъ, сестра Реджи. У нея каштановые волосы и красивое, тонкое, немного блѣдное лицо, и вся она кажется такою же стильной и породистой, какъ ея буланая полукровка. Мы здороваемся. Реджи поворачиваетъ назадъ, чтобы поздороваться съ компаніей, которую только что оставила его сестра,—и мы остаемся вдвоемъ. Нѣсколько минутъ мы молча ѣдемъ рядомъ.

— Я дулась на васъ вчера весь день,—говоритъ, наконецъ, Этель, смотря на меня въ упоръ смѣлыми сѣрыми глазами:—но сегодня рѣшила простить васъ, хотя, впрочемъ, вы и не просите моего прощенія.

И она протягиваетъ мнѣ руку въ мягкой перчаткѣ.

— Не забудьте, что я иностранецъ и не понимаю вашихъ англійскихъ тонкостей, оправдываюсь я.

— Есть вещи, которыя всѣ одинаково понимаютъ и въ Англіи, и въ Россіи, и даже въ Гонолулу...

Она смотритъ на меня насмѣшливо и потомъ прибавляетъ наполовину серьезно:

— Зачѣмъ вы оправдываетесь? Какъ это жаль... Вамъ больше къ лицу дѣлать все по-своему и никому не давать объясненій...

Скоро Реджи и молодые люди, ухаживатели Этель, нагоняютъ насъ; мы скачемъ кавалькадой по сырымъ аллеямъ около получаса и разъѣзжаемся. Этель еще остается въ паркѣ, а мы съ Реджи ѣдемъ домой переодѣться.

Въ одиннадцать часовъ я сажусь въ кэбъ и ѣду въ Сити, въ контору. Реджи тоже ѣдетъ со мною, потому что онъ служитъ секретаремъ въ моемъ обществѣ. По Странду рѣкою катятся экипажи, кэбы и омнибусы—красные, желтые и синіе. По тротуарамъ, подъ мелкимъ косымъ дождемъ, движется по направленію къ Сити толпа людей въ непромокаемыхъ пальто, подъ зонтиками. Черныя, зіяющія дыры подземной желѣзной дороги извергаютъ на поверхность другую струю людей, и дальше, по лѣстницѣ, со станціи

надземной желѣзной дороги стекаетъ внизъ третья струя. Всѣ три струи сливаются вмѣстѣ и образуютъ одинъ сплошной черный потокъ, который течетъ въ Сити, запруживаетъ всѣ его узкія улички и муравейникомъ кишитъ на площадяхъ, окруженныхъ угрюмыми домами.

Эти высокіе, сѣрые дома, какъ пчелиныя соты, сверху донизу состоятъ изъ ячеекъ-конторъ; и богатства медленнымъ и непрерывнымъ процессомъ накопляются въ ячейкахъ. Какъ неприступныя крѣпости, стоятъ банки изъ полированнаго гранита, гордые, прочные, незыблемые—Остъ-Индскій банкъ, Китайскій, Японскій, Ново-Зеландскій, Капскій, Банкъ Зулуланда и Булавайо, Банкъ Сандвичевыхъ Острововъ, Борнео и Целебеса... Трудъ людей всего земного шара—бѣлыхъ, желтыхъ и чернокожихъ—кристаллизуется въ золото, и это золото со всей земли стекается въ Сити и переполняетъ кассы этихъ банковъ.

Надъ головою, затемняя свѣтъ, пересѣкаются во всѣхъ направленіяхъ телеграфные провода, какъ нити паутины, затянувшей весь міръ, и кажется, что Сити—огромный, ненасытный паукъ, который зорко и жадно слѣдитъ за всѣмъ изъ центра этой паутины.

Кэбъ останавливается у большого дома на Bishopsgate Street. Мы входимъ въ длинный полутемный корридоръ; направо и налѣво двери съ матовыми стеклами, и на нихъ названія разныхъ компаній. Нашъ „office"—въ глубинѣ корридора: широкая дверь, на которой стоитъ большими буквами „Lenox and Lenox, L-d", а подъ нею маленькими буквами названіе десятка разныхъ Обществъ, основанныхъ Лэноксомъ, отцомъ Реджи; среди нихъ и моя компанія—„Brushless Motor Syndicate".

Въ пріемной уже ждутъ прихода Ленокса человѣкъ десять.

Это огромная скучная комната почти безъ мебели; на стѣнахъ висятъ планы и фотографіи различныхъ построекъ, а на столикахъ подъ стекломъ стоятъ модели машинъ и между ними—мой моторъ. Черезъ пріемную мы проходимъ въ другую комнату, гдѣ за конторками сидятъ „клерки" и пишутъ, склонивъ головы на бокъ, и входимъ въ директорскую. Это суровая, внушительная комната съ темно-красной мебелью въ стилѣ „Empire"; строгость ея стиля нарушается только присутствіемъ хорошенькой миссъ Грей, въ свѣтломъ шелковомъ платьѣ, которая сидитъ у окна за пишущей машиной.

Какъ и всѣ, мы ждемъ Ленокса. Въ ожиданіи, я сажусь за свой столъ и просматриваю письма и чертежи, полученные съ утренней почтой, а Реджи начинаетъ флиртовать съ

миссъ Грей и съ серьезнымъ, каменнымъ лицомъ говоритъ глупости, отъ которыхъ она хохочетъ до слезъ, зажимая ротъ платкомъ.

Вдругъ въ „оффисѣ" слышатся твердые шаги и спокойный властный голосъ. Всѣ разговоры обрываются, клерки еще ниже нагибаютъ головы надъ книгами, миссъ Грей блѣднѣетъ и начинаетъ нервно стучать по клавишамъ, Реджи становится серьезнымъ и весь какъ-то сжимается. Все сразу замираетъ, и кажется, что даже стѣнные часы стучатъ маятникомъ не такъ увѣренно, какъ прежде. Въ кабинетъ входитъ Леноксъ: это человѣкъ лѣтъ 45, сухой, высокій, увѣренный въ себѣ. У него холодные стальные глаза, со спрятанными верхними вѣками, какъ у Бисмарка, бритое лицо и ротъ, сжатый твердо и неумолимо; съ перваго взгляда въ немъ чувствуется огромная желѣзная воля, какъ какая-то туго заведенная пружина. Онъ здоровается съ нами и разговариваетъ со всѣми по очереди; говоритъ онъ мало и не громко, но твердо и отчетливо, и каждое его слово сухимъ ударомъ щелкаетъ по мозгу слушателя. Потомъ садится за столъ и начинаетъ принимать посѣтителей. Одинъ за другимъ они выходятъ и садятся на стулъ противъ Ленокса. Это, по большей части, просители, журналисты, молодые изобрѣтатели, люди со всевозможными планами и предложеніями. Пока они сидѣли въ пріемной, ихъ планы казались имъ новыми и остроумными, и они мысленно говорили рѣчи, обращенныя къ Леноксу, которыя казались имъ неотразимыми. Но теперь, въ этой внушительной комнатѣ, передъ этимъ ледянымъ человѣкомъ, они вдругъ чувствуютъ себя маленькими и жалкими, а планы свои—просто смѣшными. Почти всѣ немного теряются и говорятъ запутанно и неясно.

Леноксъ, тѣмъ не менѣе, выслушиваетъ всѣхъ очень внимательно и все время повторяетъ „I see"—„понимаю". Когда посѣтитель кончилъ, Леноксъ думаетъ нѣсколько секундъ, и его мозгъ, ясный и отчетливый, какъ счетная машина, переводитъ предложеніе на фунты и пенсы и быстро опредѣляетъ, нуженъ ли ему человѣкъ или нѣтъ. Если - нѣтъ, онъ скажетъ короткое и сухое: „I don't see my way"—(„не вижу, что могу сдѣлать въ этомъ направленіи")—и велитъ ввести слѣдующаго посѣтителя, и ужъ никогда не измѣнитъ свое рѣшеніе. Если же увидитъ въ предложеніи какую-нибудь выгоду для себя, то беретъ чековую книжку, пишетъ чекъ и молча протягиваетъ его просителю.

Когда пріемъ посѣтителей кончился, Леноксъ начинаетъ заниматься текущими дѣлами. Онъ помнитъ рѣшительно все, входитъ во всякую мелочь, и много затрудненій, кото-

рыя до его прихода казались непреодолимыми, разрѣшаются имъ быстро и просто. Секретарь читаетъ ему письма—Леноксъ диктуетъ отвѣты, которые миссъ Грей пишетъ прямо съ его словъ. Потомъ надѣваетъ шляпу, беретъ зонтикъ и, уже уходя, отдаетъ приказанія, которыя займутъ на цѣлый день секретаря, клерковъ и миссъ Грей.

Мы уходимъ вмѣстѣ съ нимъ завтракать. Въ корридорѣ, на крыльцѣ и даже на улицѣ къ Леноксу подходятъ жалкія просящія фигуры, которыя говорятъ что-то, стараясь идти съ нимъ рядомъ. Но эти люди не нужны Леноксу, и онъ уходитъ, глухой и безпощадный, не слушая и не замѣчая ихъ.

Мы идемъ въ ресторанъ, гдѣ собираются дѣльцы. Ресторанъ построенъ въ стѣнахъ стариннаго монастыря, и мы ѣдимъ въ залѣ съ высокими и узкими, какъ щели, готическими окнами; это столовая монаховъ, гдѣ когда-то обѣдалъ король Іоаннъ.

Здѣсь, на глазахъ посѣтителей жарятъ на рѣшеткахъ куски мяса, ими самими выбранные. Пища здѣсь простая и грубая, какъ во времена короля Іоанна. Ростбифъ подкатываютъ къ вамъ на тележкѣ, подъ огромнымъ серебрянымъ колпакомъ, и поваръ по вашимъ указаніямъ отрѣзаетъ ломти полусырого розоваго мяса. Бифштексъ подается похожій на мягкую кровавую подушку, безъ соли и перца, и уже на столѣ приходится долго приправлять его разными соями, прежде чѣмъ получится что-нибудь съѣдобное. За столомъ все время пьютъ изъ серебряныхъ кружекъ грубое пиво, горькій эль и густой стаутъ—и послѣ такого завтрака долго чувствуешь тяжелую сытость и отупѣніе.

Въ ресторанѣ Леноксъ говоритъ со мною и съ сыномъ только о дѣлахъ; время отъ времени къ нему подсаживаются разные люди, которые тоже говорятъ только о дѣлахъ, дѣлаютъ помѣтки въ своихъ записныхъ книжкахъ и ухитряются въ пять минутъ совершать крупныя сдѣлки. Послѣ завтрака Леноксъ уходитъ въ Банкъ, директоромъ котораго онъ состоитъ, а мы съ Реджи возвращаемся въ кэбѣ домой.

Затѣмъ до обѣда я гуляю по Лондону, занимаюсь въ роскошной читальнѣ Британскаго Музея или хожу съ Этель по художественнымъ выставкамъ. Къ семи часамъ я возвращаюсь въ кэбѣ въ „Cecil-Hotel“, облачаюсь во фракъ и схожу въ обѣденную залу. Это великолѣпная зала съ тяжелыми лѣпными потолками, вся золоченая, похожая на какое-то капище Маммона; за длиннымъ общимъ столомъ и отдѣльными столиками сидятъ декольтированныя дамы, сверкающія брилліантами, въ роскошныхъ туалетахъ, и муж-

чины во фракахъ съ бѣлыми цвѣтами въ петлицѣ. Обѣдъ тянется безконечно долго. За большимъ столомъ идетъ „small talk" („мелкій разговоръ" по характерному выраженію англичанъ), задаются неинтересные вопросы, на которые слѣдуютъ отвѣты растянутымъ, засыпающимъ голосомъ; говорятъ о погодѣ, о театрѣ, чуть-чуть о политикѣ, но осторожно, чтобы не задѣть невзначай чьихъ-нибудь убѣжденій. Лакеи въ ливреяхъ и шелковыхъ чулкахъ подаютъ безконечную вереницу блюдъ, которыя ужъ никто не ѣстъ, а только расковыриваютъ вилкой съ брезгливымъ и пресыщеннымъ выраженіемъ лица. Всѣ очень скучаютъ, и когда обѣдъ приходитъ къ концу, шумно встаютъ, отодвигаютъ стулья и съ облегченіемъ уходятъ изъ залы. Дамы идутъ наверхъ поправлять туалеты передъ выѣздомъ въ театръ, а мужчины въ „smoking-room", гдѣ долго курятъ дорогія сигары, лѣниво, сквозь зубы разговариваютъ и пьютъ портвейнъ и кларетъ.

Послѣ обѣда мы съ Реджи часто ходимъ въ театръ или въ „мьюзикъ-холлъ". Но большую часть вечеровъ мы проводимъ въ клубѣ Реджи, куда онъ записалъ и меня.

Клубъ занимаетъ отдѣльный домъ на Пикадилли, въ которомъ помѣщаются игорныя залы, билліардъ, прекрасная библіотека и неизбѣжная „smoking room". Курительная комната—самая людная въ клубѣ; джентльмэны во фракахъ сидятъ въ одиночку или попарно, развалившись въ качалкахъ, съ газетой въ рукѣ; возлѣ нихъ на столикахъ стоитъ „whisky and soda"—любимое англійское питье; они небрежно разговариваютъ отрывистыми словами, или разсказываютъ анекдоты однозвучными, какъ будто усталыми, голосами. Одни лежатъ на качалкахъ у камина, гдѣ горятъ груды раскаленнаго, прозрачнаго угля съ синимъ пламенемъ, другіе безъ дѣла слоняются изъ комнаты въ комнату, подходятъ къ группамъ разговаривающихъ, или разсѣянно простаиваютъ по нѣскольку минутъ за спиною игроковъ.

Въ клубѣ ведутъ крупную игру и очень много пьютъ; многіе пьютъ стаканъ за стаканомъ уиски и джинъ, и къ двѣнадцати часамъ ночи нѣсколько изящныхъ джентльмэновъ уже не тверды на ногахъ и безъ помощи швейцара не могутъ влѣзть въ кэбъ и сказать кэбмэну свой адресъ.

Какъ только мы приходимъ, Реджи садится за зеленый столъ. Его лицо покрывается пятнами, тонкія руки нервно гнутъ колоду, и онъ весь погружается въ игру. А я иду въ библіотеку; здѣсь много журналовъ и газетъ; я сажусь въ мягкое кожаное кресло—и ухожу въ другой міръ. Газеты полны корреспонденцій съ театра русско-японской войны, и я съ жадностью перечитываю ихъ. Каждая

строчка мучительно бьетъ по нервамъ; вся муть души, улегшаяся было уже, снова подымается—и каждая вѣсть изъ Россіи, какъ ударъ призывнаго колокола, зоветъ назадъ на родину, нескладную, неустроенную, истекающую кровью... И когда я подымаю глаза надъ газетой на своихъ сосѣдей—въ душѣ всякій разъ встаетъ вопросъ: „зачѣмъ я здѣсь, среди нихъ?“

Ночью, возвращаясь домой, я прохожу по Трафальгарскому скверу и на ступеняхъ колонны Нельсона вижу безформенную кучу тѣлъ. Это—бездомные и безработные, которые спятъ въ повалку прямо на холодныхъ, жесткихъ плитахъ. И мужчины, и женщины, и дѣти смѣшались въ одну кучу, чтобы было теплѣе; изъ кучи торчатъ шляпки съ измоченными перьями, истрепанныя бархатныя платья, фраки съ заплатами на спинѣ—эти ужасныя лондонскія лохмотья, говорящія о постепенномъ паденіи людей и цѣлыхъ годахъ скитанія по холоднымъ, враждебнымъ улицамъ...

XVI.

Этель и меня связываетъ, главнымъ образомъ, интересъ къ искусству. Почти каждый день мы ѣздимъ въ музей, бродимъ по пустыннымъ заламъ со стеклянными потолками и стоимъ передъ ея любимыми картинами. Особенно долго мы простаиваемъ у картинъ Тёрнера, гордости англичанъ, котораго совсѣмъ не цѣнятъ на континентѣ. Только въ туманной, влажной Англіи научаешься понимать его, потому что его картины изображаютъ не пейзажи, а одну атмосферу: утреннія испаренія земли, дождь, смѣшанный съ тучами, расплывчатый туманъ, пронизанный лучами заката. — Мы подолгу разсматриваемъ большія, яркія полотна Бёрнъ-Джонса, и Этель старается объяснить мнѣ ихъ прелесть и заставить меня полюбить его. Передъ нашими глазами проходятъ странные, сказочные пейзажи; дѣвушки, полныя волнующей прелести, въ одеждахъ необыкновенно нѣжныхъ цвѣтовъ; молодые герои, съ тѣлами атлетовъ и дѣвически-прекрасными, грустно-задумчивыми лицами. На картинахъ Россетти мы смотримъ на „Даму у Окна“, на „Блаженную Дѣву“, на Ангеловъ и Св. Марію; всѣ они робкіе, смятенные, и въ ихъ лицахъ поражаетъ противорѣчіе между невинными глазами и чувственными ртами.

Этель страстно любитъ живопись; она объѣздила всѣ музеи Европы и пишетъ теперь книгу о „Боттичелли и Англійскихъ Прерафаэлитахъ“. Мы постоянно споримъ съ

нею, и хотя я плохо и неясно выражаюсь по-англійски, она какъ-то угадываетъ, что я хочу сказать.

— Я люблю нашихъ художниковъ за то,—говоритъ она,—что они пишутъ только то, что сами любятъ, не поддѣлываются ни подо что и не стараются идти за теченіемъ. Поэтому въ ихъ картинахъ всегда чувствуется ихъ собственная личность. Посмотрите на эту вещь Бёрнъ-Джонса: развѣ не видно, что онъ вѣчно ищетъ чего-то? У него чувствительность человѣка съ ободранной кожей—и внѣшній міръ можетъ дать ему только одни страданія... Позади картины видишь самого художника и не можешь не полюбить его.

— Не знаю—за что,—ворчу я.—Эти неврастеники, господа съ повышенной чувствительностью—почти всегда противные люди. Они—эгоисты, страшно берегутъ себя, страшно съ собой возятся. Имъ совершенно недоступны широкія общественныя чувства, потому что другіе люди ихъ раздражаютъ, и ихъ искусство только стѣна, за которую они прячутся отъ жизни... Время такихъ художниковъ прошло: теперь идутъ варвары съ крѣпкими нервами и здоровыми вкусами, и это болѣзненное искусство имъ не нужно.

— Нѣтъ,—говоритъ Этель задумчиво,—за ними будущее. Вы правы—скоро надъ ними будутъ всѣ смѣяться; потомъ ихъ забудутъ и перевѣсятъ куда-нибудь на чердаки музеевъ. Но зато черезъ сто или двѣсти лѣтъ снова откроютъ, какъ открыли Боттичелли—и придутъ въ восторгъ... Именно потому, что они отдѣлили стѣною свои сады отъ большой дороги—и ростили въ тишинѣ только безполезные, но чудные цвѣты.

Мы возвращаемся къ Лэноксамъ. Этель уходитъ переодѣться, и я остаюсь одинъ въ ея комнатѣ. Широкое окно задѣлано матовымъ художественнымъ витро, и всѣ тона и формы тонутъ въ молочномъ полусвѣтѣ. Гобелены чуть выступаютъ на фонѣ штофныхъ обоевъ, мебель сливается и составляетъ одно цѣлое со стѣнами; углубленія стѣнъ заполнены шкафами съ книгами въ тисненыхъ сафьяновыхъ переплетахъ, на отдѣльномъ столикѣ подъ стекломъ бѣлѣютъ обломки подлинной античной статуи. На столахъ стоятъ цвѣты, и между ними папки съ гравюрами и художественные журналы, и все въ этой комнатѣ говоритъ о жизни, свободной отъ матеріальныхъ заботъ, посвященной одному исканію красоты.

Этель возвращается въ шелковомъ свободномъ платьѣ собственнаго сочиненія; подъ широкими складками лучше угадывается ея гибкое тѣло, и черезъ тонкую ткань рукавовъ просвѣчиваетъ блестящая кожа плечъ и рукъ. Она

смѣется, замѣтивъ, что я смотрю на нее съ восхищеніемъ, и начинаетъ угощать меня чаемъ и печеньемъ. Потомъ, по моей просьбѣ, она читаетъ мнѣ новую главу изъ своей книги. Это настоящая женская критика, округленная, безъ опредѣленно-выраженныхъ мыслей, красивая и смутная, какъ музыка, и кажется, что Этель не столько излагаетъ свои мысли, сколько отыскиваетъ способы передать читателю тѣ настроенія, которыя вызываетъ въ ней тотъ или другой художникъ.

Мы сидимъ рядомъ на диванѣ; ея волосы разсыпались и щекочутъ мои щеки; мы касаемся плечами, и я чувствую подъ шелкомъ ея скользкую, нѣжную кожу. Понемногу сладкій дурманъ застилаетъ мнѣ голову, горячая волна приливаетъ къ сердцу—и я припадаю губами къ ея пахучему плечу и рукѣ... А Этель смотритъ на меня загадочно и нѣжно и говоритъ съ упрекомъ:

— Каждый разъ, когда мы встрѣчаемся, я чувствую, что вы видите во мнѣ врага... И каждый разъ я снова должна завоевывать васъ...

Да, она права. Въ ея присутствіи я боюсь распустить себя и борюсь съ собою. Въ моихъ глазахъ она—пахнущая дорогими духами, въ туалетѣ изъ шелка „Liberty", окруженная всѣми очарованіями искусства—она только цвѣтокъ растенія, корни котораго находятся въ мрачныхъ конторахъ, въ бездушныхъ банкахъ, въ правленіяхъ фабрикъ, копей и желѣзныхъ дорогъ. Если я дамъ себѣ волю и полюблю ее, чуждая мнѣ жизнь затянетъ меня, я навсегда сдѣлаюсь сотрудникомъ Лэнокса и долженъ буду работать самъ и заставлять работать другихъ только для того, чтобы произвести побольше денегъ.

А Этель продолжаетъ говорить, заглядывая въ мои глаза своими свѣтло-сѣрыми глазами:

— Въ васъ меня привлекаютъ эти безпричинные переходы, которыхъ я не понимаю. Вы—мой, а черезъ минуту—вы далеко отъ меня... Что у васъ тамъ, за этими темными глазами, въ вашей темной, иностранной душѣ? Можетъ быть, она кажется глубокой только оттого, что темна для меня... Вы говорите понятными мнѣ англійскими словами, но я чувствую, подъ ними скрываются какія-то чужія понятія; ваши поступки не похожи на то, что дѣлаютъ другіе вокругъ меня. Когда я съ вами, мнѣ кажется, что я пробираюсь черезъ лѣсъ, гдѣ нѣтъ знакомыхъ, привычныхъ мнѣ деревьевъ... Милый мой сфинксъ, какъ хочу и какъ боюсь я разгадать васъ!

XVII.

Этель и я вышли съ концерта. Ночь была свѣтлая, и воздухъ холодный и бодрящій. Музыка сильно взволновала насъ обоихъ: все кругомъ казалось новымъ и страннымъ, и хотѣлось чего-то необычайнаго.

— Неужели теперь разойтись по домамъ и спать?—сказала Этель.

— Пойдемте гулять въ Хайдъ-Паркъ,—предложилъ я.

— Ночью въ Хайдъ-Паркъ!—ужаснулась она.—But it is full of Sweethearts of the lowest Kind! Теперь онъ полонъ влюбленныхъ самаго низкаго класса!

Она подумала немного, потомъ рѣшительно взяла меня подъ руку и сказала:

— А впрочемъ, пойдемте!

Мы прошли черезъ массивную рѣшетку въ Паркъ. Мы знали его хорошо, но теперь, ночью, онъ казался совсѣмъ другимъ. Луна едва просвѣчивала сквозь тонкое слоистое облако съ оранжевыми краями; снѣгъ бѣлѣлъ на дорожкахъ, деревья стояли запудренныя инеемъ, и рѣдкія мягкія снѣжинки медленно кружились въ воздухѣ и устилали землю рыхлимъ ковромъ. Все казалось заколдованнымъ и застывшимъ на мѣстѣ и какъ-то дополняло музыку, которая еще стояла въ нашихъ ушахъ. Паркъ не былъ пустой—всюду беззвучно скользили влюбленныя тѣни. Каждую минуту мы обгоняли темные силуэты, которые шли обнявшись нетвердыми шагами, заглядывая другъ другу въ лицо. Въ черной тѣни кустарниковъ таилось что-то живое, и оттуда доносился шопотъ, сдавленный смѣхъ и безсвязныя восклицанія.

Понемногу эта атмосфера любовнаго бреда начала охватывать насъ, и какое-то томительное чувство затопляло грудь, стѣсняло дыханіе и затуманивало мозгъ. Мы медленно шли вдоль пруда, и Этель крѣпко прижималась ко мнѣ, дрожащая отъ холода и волненія. На поверхности плавали бѣлесыя пленки молодого льда, и между ними таинственно чернѣла вода. Этель закрыла глаза, какъ будто у нея кружилась голова, и протянула ко мнѣ свое поблѣднѣвшее лицо, и я жадно цѣловалъ ея глаза и влажныя полуоткрытыя губы и шепталъ какія то нѣжныя, безсвязныя, непонятныя мнѣ самому слова...

Такъ долго мы кружили, ничего не замѣчая вокругъ себя, сначала по дорожкамъ парка, а потомъ по улицамъ, пока какъ-то незамѣтно не очутились у дома Лэноксовъ. Огни

въ домѣ были уже потушены, и только на подъѣздѣ горѣла электрическая лампочка. Этель подала мнѣ обѣ руки и подставила лицо для прощальнаго поцѣлуя. И, прочтя на моемъ лицѣ страстную, молчаливую просьбу,—она поблѣднѣла еще больше, ея глаза съ расширенными зрачками со страхомъ и нѣжностью заглянули въ мои, и она прошептала:

— Зайдите ко мнѣ...

Черезъ нѣсколько часовъ мы снова стояли на этомъ подъѣздѣ. Этель сошла закрыть за мною дверь, потому что швейцаръ уже спалъ. Она положила руки на мои плечи; на ея лицѣ—теперь страшно близкомъ и дорогомъ мнѣ—было трогательное и счастливое выраженіе, и она сказала:

— Теперь я знаю—вы мой навсегда!

XVIII.

И вдругъ въ Петербургѣ „началось“... Началось это въ темные январскіе дни въ мастерскихъ, полныхъ стука машинъ. Началось въ толпахъ, которыя шумѣли на фабричныхъ дворахъ и ходили отъ завода къ заводу по скрипучему снѣгу при тускломъ свѣтѣ фонарей. Началось въ душныхъ переполненныхъ залахъ, гдѣ люди въ валенкахъ и рваныхъ тулупахъ слушали съ набожнымъ вниманіемъ ораторовъ, сокрушенно вздыхали и всхлипывали, какъ въ церкви за проповѣдью. Что-то треснуло, какъ въ ледоходъ на рѣкѣ, и сдвинулось въ сознаніи народа, всколыхнулись низы, и забурлили еще невѣдомыя, загадочныя глубины...

Съ этого времени моя жизнь сдѣлалась сплошнымъ мученіемъ и самоугрызеніемъ. То, что происходило на родинѣ, казалось мнѣ ударами „потонувшаго колокола“, требовало меня въ Россію и заставляло ненавидѣть богатую, эгоистическую жизнь, какую я велъ въ Лондонѣ. А между тѣмъ, моя любовь къ Этель никогда еще не достигала такой силы и остроты, какъ теперь,—и я ясно чувствовалъ, что-она то и окрашиваетъ эту жизнь въ яркіе, искусственные цвѣта и связываетъ меня съ нею тысячью нѣжныхъ и тонкихъ шелковинокъ.

Этель замѣчала во мнѣ эти колебанія и борьбу— ея гордость страдала. На ея лицѣ появились грустныя тѣни, глаза стали смотрѣть строже и серьезнѣе, она часто задумывалась и тогда казалась мнѣ далекой и чужою.

Разъ вечеромъ я сидѣлъ у нея и говорилъ о томъ, что происходило въ Петербургѣ, о своихъ надеждахъ и страхахъ. Она разсѣянно слушала меня, и видно было, что позади ея свѣтлыхъ глазъ, подъ бѣлымъ, ровнымъ лбомъ работаетъ

какая-то своя, упрямая мысль. Потомъ она сказала усталымъ голосомъ, смотря мимо меня въ сторону античнаго обломка между шкафами:

— Другъ мой, какъ стараюсь я полюбить то, что вы любите, но не могу! Эта ваша революція—какъ и все, что люди дѣлаютъ сообща, стадомъ—пугаетъ и отталкиваетъ меня... Я цѣню и люблю въ человѣкѣ больше всего способность нырять въ глубину своего „я“ и выносить наверхъ жемчужины новой истины и красоты. А въ революціонную эпоху это совершенно невозможно: тутъ ужъ некогда сосредоточиться въ себѣ; личность обезцѣнивается и сводится только къ голосу въ хорѣ; никто не ищетъ истины, и всѣ ненавидятъ цѣликомъ одно и такъ же цѣликомъ, безъ разбору, любятъ противоположное. За это время люди и идеалы изнашиваются необыкновенно быстро: сегодня ихъ въ экстазѣ носятъ по улицамъ, а на завтра бросаютъ, какъ надоѣвшія куклы, замусленныя, съ торчащей изъ нихъ мочалкой...

— Но послушайте, сказалъ я:—какъ все ничтожно въ сравненіи съ громадностью Революціи! Что всѣ эти мелочи, когда дѣло идетъ о борьбѣ за справедливость по отношенію къ милліонамъ людей!...

Этель засмѣялась короткимъ, недовѣрчивымъ смѣхомъ. Потомъ встала съ дивана, изящная и стройная, въ шелковомъ пеньюарѣ переливчатаго, зеленаго съ краснымъ, цвѣта—и подошла къ античному обломку. Обломокъ изображалъ дѣвушку съ опущенной головой; уцѣлѣли только часть круглаго плеча, длинная граціозная шея и лицо съ тонкимъ, задумчивымъ выраженіемъ. Этель заглянула въ бѣлые глаза статуи и нѣжно провела по мрамору своею красивою, сверкающею кольцами рукой.

— Справедливость.. — сказала она, какъ будто собирая мысли въ первой разъ появившіяся у нея въ головѣ.—Вотъ посмотрите: какой тонкій одухотворенный типъ. Вѣка несправедливости нужны были, чтобы онъ создался и чтобы выработался художникъ, способный понять прелесть этого лица и закрѣпить его въ мраморѣ... Будто ужъ главное въ жизни справедливость? Допустимъ, что эта дѣвушка и художникъ отпустили своихъ рабовъ, стали бы сами работать и пошли сражаться въ ряды аѳинской демократіи. Сомнѣваюсь, что стало бы на землѣ больше справедливости; но ужъ навѣрно стало бы меньше красоты, единственнаго, изъ за чего стоитъ жить!

— Вы разсуждаете, какъ богатая, избалованная женщина, сказалъ я, сердясь.—Вы никогда не видѣли нужды, не знали голода и униженій и, какъ маленькая дѣвочка, воображаете, что люди могутъ жить конфектами и мороженымъ.

И мы заспорили. Сначала горячо, съ надеждою убѣдить другъ друга, а потомъ вяло и нехотя, потому что каждый скоро добрался въ другомъ до чего-то основного, твердаго и непроницаемаго ни для какихъ доводовъ. Мы оба поняли, что ни одинъ изъ насъ не можетъ уступить другому, и продолжали оставаться самими собою. И когда я уходилъ отъ Этель, я чувствовалъ, что тонкая трещинка образовалась между нами и будетъ расширяться со дня на день.

Я ходилъ по улицамъ, по скользкимъ ото льда тротуарамъ, переходилъ темныя площади и пустые, унылые скверы, подолгу простаивалъ, свѣсившись, на перилахъ какихъ-то мостовъ. Дома казались мрачными, огни фонарей расплывались въ туманѣ красными, зловѣщими кляксами, и вода плыла медленная и черная, какъ смола... Меня волновали противоположныя чувства: страстно хотѣлось борьбы и самопожертвованія,—а гдѣ то въ глубинѣ, какъ раненый голубь, билась и стонала любовь, теперь особенно острая и мучительно-сладкая...

Ярко-желтое пятно въ концѣ улицы привлекло мое вниманіе. Я пошелъ на огонь: оказалось, что это одинъ изъ фургоновъ-ресторановъ, которые перекочевываютъ изъ квартала въ кварталъ и останавливаются тамъ, гдѣ много ночного люда. Въ фургонѣ за узкимъ столомъ сидѣло двое рабочихъ. Они, должно быть, только что пришли съ работы, потому что были замазаны землею, на грубыхъ башмакахъ налипли комья глины, и высоко засученные рукава показывали крѣпкія узловатыя руки. Они ѣли мясо большими кусками, жадными звучными глотками пили пиво изъ оловянныхъ кружекъ и потомъ ладонями обѣихъ рукъ вытирали усы. Насытившись, они закурили трубки, оперлись локтями на столъ и начали разговаривать, медленно, съ длинными паузами выпуская слова изо рта, какъ будто для того, чтобы ихъ лучше продумать. Я съ симпатіей разглядывалъ ихъ могучія шеи, простыя спокойныя лица и небрежно-сильныя, отдыхающія позы. На меня повѣяло бодростью и успокоеніемъ, и, смотря на этихъ людей, я ясно понялъ, что мои настоящія, глубоко сидящія симпатіи—на ихъ сторонѣ, и что ихъ жизнь гораздо полнѣе и интереснѣе той другой жизни, искусственной и бездушной.

Отдохнувъ, я вышелъ изъ ресторана и снова зашагалъ по гулкимъ пустыннымъ улицамъ. Просвѣтленный безсонной ночью и усталостью тѣла, мой мозгъ работалъ отчетливо до ясновидѣнія; я смотрѣлъ съ птичьяго полета на свою жизнь, дѣлалъ выводы изъ опыта послѣднихъ лѣтъ и ясно представлялъ роль своей партіи въ новомъ движеніи. И когда съ неба началъ падать блѣдно-синій разсвѣтъ, когда фонари

потускнѣли, и изъ тумана выплыли слабыя, какъ затертый рисунокъ, очертанія домовъ,—миръ сошелъ въ мою грудь, и я твердо уже зналъ, что дѣлать.

На другой день было воскресенье,—то самое воскресенье, которое всегда будетъ вспоминаться людьми наряду съ Варфоломеевской ночью... Въ этотъ день не было газетъ, и я старался представить себѣ, что происходило въ Петербургѣ, и бродилъ по гостинницѣ въ тоскѣ и нетерпѣніи. Другіе обитатели отеля понимали мое душевное состояніе и смотрѣли на меня съ сочувствіемъ. Къ вечеру ко мнѣ подошелъ едва знакомый журналистъ Фицъ-Джеральдъ и сказалъ:

— Я вижу, вы безпокоитесь тѣмъ, что происходитъ теперь въ Россіи. Если хотите, я вызову по телефону своего друга, секретаря „Daily Telegraph"'а; онъ прочтетъ намъ послѣднія телеграммы отъ M-r Диллона.

Мы подошли къ телефону съ нѣсколькими любопытными, которые слышали нашъ разговоръ.

— Hallo, Bill, hom are you?—сказалъ Фицъ-Джеральдъ. What's new in Petersbourg? Что новаго въ Петербургѣ? Слушаю...

Онъ сдвинулъ на затылокъ цилиндръ, сжалъ свои узкія, энергичныя, бритыя губы и сталъ слушать. „Слушаю, слушаю", повторялъ онъ, между тѣмъ какъ его лицо блѣднѣло, и голосъ началъ немного дрожать. Мы окружили его толпой, встревоженные и нетерпѣливые, и напряженно ждали. Потомъ Фицъ-Джеральдъ сталъ повторять то, что ему читали. Это были короткія, сухія телеграфныя фразы, ужасныя своей простотой, и каждая изъ нихъ вызывала въ нашемъ мозгу картину отчетливую и отрывочную, какъ мгновенный снимокъ.

Съ утра къ главнымъ заставамъ идутъ толпы рабочихъ, мужчины, женщины и дѣти. Несутъ хоругви, иконы, поютъ „Спаси, Господи, люди твоя". Всюду имъ преграждаютъ путь солдаты и казаки. Слышенъ сначала сигнальный рожокъ, за нимъ залпы. Люди сначала не понимаютъ значенія этой стрѣльбы. Они падаютъ на колѣни, протягиваютъ иконы, продолжаютъ пѣть гимны, но въ нихъ летятъ пули. Одни бѣгутъ, другіе остаются на мѣстѣ, говорятъ что-то солдатамъ, грозятъ имъ кулаками, разрываютъ на груди рубахи, кричатъ: „Стрѣляйте, Каины!"—потомъ толпа разбѣгается — и на снѣгу остается куча тѣлъ и красныя пятна...

На площади Зимняго Дворца войска загоняютъ за рѣшетку постороннихъ зрителей и стрѣляютъ въ нихъ. Маль-

чишки, чтобы лучше видѣть, влѣзаютъ на деревья — ихъ сбиваютъ выстрѣлами, какъ воробьевъ. Публика, въ ужасѣ, разбѣгается отъ казаковъ по переулкамъ, но сейчасъ же неудержимое любопытство заставляетъ всѣхъ возвращаться на Невскій и смотрѣть, какъ убиваютъ...

На Васильевскомъ Островѣ рабочіе и студенты строятъ баррикаду. Падаютъ телеграфные столбы, окруженные проволокой; опрокидываютъ телѣги, приносятъ ящики. Подъѣзжаютъ казаки. На виду у всѣхъ на баррикаду взбирается рабочій: онъ восторженно кричитъ что-то, машетъ рукою— и вдругъ падаетъ внизъ, убитый...

А вотъ и итоги дня. Уже темнѣетъ; по Невскому тянется длинная вереница саней, покрытыхъ рогожей: за ними на снѣгу остается красный слѣдъ... Сани нагружены доверху, какъ дровами, мертвыми тѣлами. Изъ-подъ рогожъ высовываются окоченѣвшія ноги, прямыя, какъ полѣнья; синія скрюченныя руки... Свѣшивается до самой земли блѣдная голова съ ощеренными зубами, раскачивается и стучитъ по полозьямъ...

Мы жутко жмемся другъ къ другу вокругъ телефона, нѣмые отъ ужаса, блѣдные... И въ душѣ встаетъ острая и крѣпкая, какъ кинжалъ, клятва—никогда, во всю жизнь не забыть этой невинной, голубиной крови! . . .

. . . .

„Дорогая Этель! Я уѣзжаю—куда и зачѣмъ, не нужно вамъ говорить послѣ того, что случилось... Пишу вамъ на пароходѣ, и когда поднимаю голову надъ бумагою,то въ круглое окно вижу низкую бѣлую линію берега, которая быстро уходитъ. Это все, что еще остается мнѣ отъ Англіи. то есть отъ васъ и отъ моего личнаго счастія... Прощайте и будьте счастливы! Думаю о вашихъ словахъ, о людяхъ „которые отдѣлили свои сады отъ большой дороги и растятъ чудные цвѣты“. Боюсь, что скоро всюду такъ же, какъ въ Россіи, разольется огонь ненависти, тотъ библейскій „огонь изъ тернія, пожирающій сады и посѣвы“, и у людей надолго уже не будетъ ясности духа, необходимой для науки и искусства. Растите ваши цвѣты—пока еще можно. Меня же зоветъ „большая дорога“, гдѣ борются, ненавидятъ и не заботятся о своемъ счастьи“...

А. Вернеръ.

Принципы простой и сложной коопераціи въ міровоззрѣніи Н. К. Михайловскаго.

(Къ систематизаціи взглядовъ Н. К. Михайловскаго).

I.

Основную задачу своихъ соціологическихъ работъ Михайловскій формулируетъ, какъ попытку опредѣлить «отношеніе различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности». Соціологическія работы Михайловскаго не представляютъ при этомъ чего-то изолированнаго отъ его работъ публицистическихъ и литературно-критическихъ. Замѣчательно, что въ одномъ изъ старыхъ изданій своихъ сочиненій Михайловскій помѣстилъ въ IV т. только двѣ работы: «Что такое прогрессъ» и «Въ перемежку», объясняя въ предисловіи къ нему такое странное на первый взглядъ сочетаніе двухъ совершенно разнородныхъ статей тѣмъ, что эти статьи не разнородны, а, наоборотъ, дополняютъ одна другую, такъ что не трудно «усмотрѣть ихъ внутреннее единство». Впослѣдствіи я убѣдился,—говорилъ онъ значительно позже,—что для читателя далеко не было яснымъ, почему и чѣмъ именно «Что такое прогрессъ» и «Въ перемежку» дополняютъ другъ друга. Но, какъ бы тамъ ни думалъ читатель Михайловскаго, для него то самого были ясны тѣ пункты въ «отношеніи различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности», въ которыхъ статья «Что такое прогрессъ» дополнялась очеркомъ «Въ перемежку».

Съ другой стороны, дѣлая общую характеристику своихъ работъ въ «предисловіи» къ I т. послѣдняго (т.-е. третьяго,—теперь выходитъ уже четвертое, посмертное) изданія своихъ сочиненій и указавъ на чрезвычайную ихъ разбросанность, онъ говоритъ, что, тѣмъ не менѣе, все это росло изъ одного и того же корня, все это связалось жизненно-тѣсно въ одно... цѣлое». И если одна часть этого цѣлаго занята соціологическимъ разборомъ отношеній различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности, то не вправѣ ли мы и въ другихъ работахъ Михайловскаго искать отраженія той же проблемы. Публицистика Михайловскаго—это есть конкрет-

ное приложеніе, на оцѣнкѣ и анализѣ фактовъ, его формулъ соціологическаго характера. Такъ, въ «Литературн. зам.» 1873 года онъ, на одномъ частномъ примѣрѣ, самъ, непосредственно дѣлаетъ именно такое указаніе, говоря: «Въ статьѣ «Что такое прогрессъ?» я представилъ теоретическія основанія, въ силу которыхъ центральнымъ пунктомъ философіи исторіи должна быть признана форма коопераціи. «Литературныя замѣтки» даютъ мнѣ постоянно случай подтверждать на томъ или другомъ частномъ примѣрѣ, что дѣйствительно явленія общественной жизни только тогда могутъ быть правильно освѣщены, когда принята въ соображеніе смѣна формъ коопераціи» *).

Н. К. Михайловскій давно пользуется репутаціей писателя чрезвычайно разбросаннаго, безсистемнаго,—объ этой разбросанности и безсистемности въ изложеніи рѣдкій изъ его критиковъ не упоминаетъ или съ чувствомъ горечи, или—если это не критики изъ числа друзей,—даже не безъ нѣкотораго злорадства, хотя и вуалированнаго иногда разными комплиментами **). Н. К. Михайловскій несомнѣнно глубоко страдалъ отъ сознанія, какъ много теряютъ его сочиненія отъ чисто внѣшнихъ недостатковъ. «Когда то я мечталъ,—говоритъ онъ,—не только распредѣлить матеріалъ по предметамъ и исключить все лишнее, но и переработать свои писанія въ одно цѣльное сочиненіе. Отъ этой мечты пришлось отказаться», о чемъ онъ говоритъ съ чувствомъ глубокой горечи. Дѣйствительно, слѣды этихъ мечтаній сохранились въ его сочине-

*) «Сочинен.» изд. 1897 г. т. I. 911.

**) Не вуалируетъ своихъ чувствъ только г. Плехановъ, всегда готовый смѣшать съ грязью Михайловскаго. Для него вообще „всю жизнь г. Михайловскій былъ только бойкимъ фельетонистомъ" („Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на исторію", 2-ое изд. стр. 261). И г. Плехановъ напоминаетъ о „разницѣ, какая существуетъ между нимъ и людьми науки". Разница, конечно, громадная: оказывается, что Михайловскій «зады твердитъ и лжетъ за двухъ» (тамъ-же). Но не всѣ „люди науки", къ сожалѣнію, согласны съ г. Плехановымъ. Одинъ изъ таковыхъ, научныя заслуги котораго не рѣшится отрицать самъ г. Плехановъ, польскій соціологъ Людвигъ Крживицкій, говоритъ про „фельетоны" Михайловскаго такъ: „Фельетоны—не больше. Но въ нихъ чувствовался великій умъ, вооруженный широкимъ знаніемъ и въ особенности умѣньемъ использовать то, чѣмъ располагалъ... Систематичности въ его соціологическихъ этюдахъ и слѣда нѣтъ: капризная жизнь отвлекаетъ постоянно вниманіе писателя отъ того, что его недавно занимало, и направляетъ его въ новую сторону... И мандарины науки, которые строятъ кислыя гримасы при видѣ сочиненія безъ достаточно приличнаго числа подстрочныхъ цитатъ, съ пренебреженіемъ взглянутъ на эту разбросавшуюся въ формѣ фельетоновъ соціологію. Но, чтобы понять поэта, нужно „in Dichter's Lande gehen". И кто войдетъ туда, тотъ найдетъ въ эскизахъ-фельетонахъ больше мысли, чѣмъ въ кучахъ бумаги, исписанной мандаринами». Неизвѣстно только одно—къ кому себя причисляетъ г. Плехановъ,—къ „людямъ науки„ или ея „мандаринамъ", „которые строятъ кислыя гримасы" при видѣ „фельетоновъ" Михайловскаго.

ніяхъ—объ этой мечтѣ, какъ о твердо рѣшенномъ намѣреніи, онъ говорилъ въ предисловіи къ первому изданію его сочиненій, которое вышло въ 1879 году, спустя 10 лѣтъ послѣ статьи о прогрессѣ, когда Михайловскій былъ уже авторомъ «Борьбы за индивидуальность», и, очевидно, не «безъ борьбы и думы роковой» онъ отказался современемъ отъ этого намѣренія. Еще любопытнѣе слѣдующее признаніе Михайловскаго. Во второмъ изъ «Писемъ о правдѣ и неправдѣ», имѣющихъ знаменательный подзаголовокъ «программа и критика», онъ говоритъ, обращаясь къ читателю: «Я обѣщалъ систему правды въ видѣ программы. Въ этомъ обѣщаніи не было по существу ничего неисполнимаго или очень заносчиваго,—каждый человѣкъ или долженъ имѣть или искать такую систему»,—но «послѣ первой же пробы я долженъ былъ отказаться отъ мысли исполнить свое обѣщаніе въ журналѣ. *Для этого нужна книга, и я ее напишу»* *). Послѣднія подчеркнутыя нами слова—характерны. Михайловскій, конечно, могъ бы при другихъ условіяхъ литературно-общественной жизни выполнить такую задачу. Силъ для этого у него было достаточно. Строго говоря, напримѣръ, его «статья» «Что такое прогрессъ» потому и «разбросана» или кажется разбросанной, что это не статья въ общепринятомъ смыслѣ слова, *а рядъ самостоятельныхъ статей* (о формахъ кооперація, Спенсерѣ, Контѣ, субъективномъ методѣ, законахъ исторіи и свободѣ воли), объединенныхъ общимъ заглавіемъ и общей руководящей мыслью, и эта работа была бы цѣлой *книгой* не по размѣрамъ только—по размѣрамъ она и теперь цѣлая книга,—а и по существу, если бы Михайловскій точнѣе разграничилъ отдѣльные вопросы, затронутые въ «Что такое прогрессъ?»—концентрируя въ то же время вниманіе читателей на основной мысли, болѣе конкретно, чѣмъ теперь, разработанной и болѣе ясно объединяющей всѣ частичныя отступленія.

То же самое слѣдуетъ сказать и про другія его работы, про «Борьбу за индивидуальность», оставшуюся неоконченной, и статьи о «Героахъ и толпѣ», причемъ «Борьба за индивидуальность» сравнительно находится на особомъ положеніи.

---

*) „Сочин.“ т. IV стр. 405. Любопытно отмѣтить, что, повидимому, Михайловскаго вообще стѣсняли рамки журнальной работы. Въ третьемъ изъ „Писемъ къ ученымъ людямъ“ (1878 г. декабрь, т. IV), иронически извиняясь передъ проф. Цитовичемъ, которому посвящено и первое письмо, за „запоздалость отвѣта“, Михайловскій говоритъ между прочимъ: «Я хотѣлъ сначала памфлетомъ отвѣчать на памфлетъ, и таковъ именно былъ характеръ моего письма, не дошедшаго по адресу». Повидимому, это значитъ, что Михайловскій вмѣсто журнальной статьи хотѣлъ отвѣтить брошюрой,—„на памфлетъ памфлетомъ“—такъ какъ проф. Цитовичъ пользовался брошюрной литературой, хотя это трудно утверждать положительно. Почему же „письмо не дошло по адресу“, изъ текста не видать. Эпизодъ этотъ должны разъяснить біографы Михайловскаго, но онъ заслуживаетъ вниманія и въ чисто литературной характеристикѣ его.

«Борьба за индивидуальность», въ томъ видѣ какъ мы ее знаемъ, работа не законченная, но нельзя сказать, что «разбросанная»,— наоборотъ, въ этомъ отношеніи она почти безупречна *), но она не закончена въ томъ смыслѣ, что является только первой частью болѣе обширнаго трактата, остальныя главы котораго остались ненаписанными. Наоборотъ, въ циклѣ статей о «Герояхъ и толпѣ» занимающихъ половину 2-го тома «Сочиненій» Михайловскаго, онъ успѣлъ высказаться почти вполнѣ,—какъ это мы увидимъ впослѣдствіи **), но недостатки этой работы тѣмъ не менѣе ощутительны; это опять таки рядъ статей, не сведенныхъ въ «книгу», какъ и «Что такое прогрессъ», да къ тому же и писанныхъ въ разное время (въ 1881 г. «Герои и толпа»; 1884 г. «Научныя письма»; 1889 г. «Патологическая магія»; 1891 г. «Еще о герояхъ» и въ 1893 г. «Еще о толпѣ», и по разнымъ поводамъ.

Такъ или иначе, но всетаки громадный, сорокалѣтній литературный багажъ Михайловскаго даетъ достаточно матеріала для той «книги», о которой онъ говоритъ въ цитатѣ изъ «Писемъ о правдѣ», и дѣло критики свести въ систему то, что по существу и безъ того глубоко систематично, но разбросано въ смыслѣ литературной, чисто внѣшней обработки. Тотъ фактъ, что эта работа не была выполнена въ свое время Михайловскимъ, отнюдь не противорѣчитъ утвержденію о глубокой внутренней систематичности его статей,— наоборотъ, онъ даетъ косвенное подтвержденіе ему. Михайловскій

*) И вообще не слѣдуетъ преувеличивать „разбросанности" статей Михайловскаго. У него есть цѣлый рядъ работъ вполнѣ законченныхъ, и это какъ разъ работы чрезвычайно важныя для характеристики его взглядовъ. Такова, напр., статья: „Теорія Дарвина и общественная наука" („Сочин. изд. 1897 г. т. I), а также статьи философскія и историко-философскія— напр.: „Аналогическій методъ въ общественной наукѣ" (тамъ же) „Вольница и подвижники" (тамъ же), одна изъ самыхъ содержательныхъ статей Михайловскаго; „Философія исторіи Луи-Блана", т. III; „Новый историкъ еврейскаго народа". т. III; „Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ", т. IV; „Суздальцы и суздальская критика", „Вико и его новая наука" (тамъ же) и нѣкоторыя другія. Все это вполнѣ законченныя и систематическія работы. Сюда же нужно отнести его литературныя характеристики Щедрина, Достоевскаго, Шелгунова, Лермонтова, Успенскаго, Елисеева („Литератури. воспомин.", т. I) Тургенева (въ „Письмахъ посторонняго"), собранныя преимущественно въ V томѣ, и характеристики историческихъ личностей—Бисмарка, Іоанна Грознаго, Вольтера въ VI томѣ. Кромѣ того, есть масса публицистическихъ статей, настоящихъ шедевровъ въ смыслѣ литературной обработки (перечислить всѣ ихъ невозможно)—изъ болѣе крупныхъ таковы, напр., „Литератури. замѣтки" 1880 г., почти всѣ, многія изъ „Литер. зам." 1872—73 г.г., статьи „Житейскія и художественныя драмы", т. IV, (одна изъ лучшихъ публицистическихъ работъ Михайловскаго), „О драмѣ Додэ, романѣ Бурже и о томъ, кто виноватъ", т. VI, „Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха", т. I, большая половина „Зап. проф.", т. III, и др.

**) Настоящая статья представляетъ I гл. изъ спеціальной работы о Михайловскомъ, которая подготовляется мной къ печати. Авт.

не потому не могъ свести въ общую систему своихъ взглядовъ, что для этого не было данныхъ въ его сочиненіяхъ,—дѣло здѣсь объясняется, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ психологическими особенностями Михайловскаго, какъ литератора. Даже тѣ специфическія условія русскаго журнальнаго работника, въ которыхъ онъ самъ видѣлъ главную причину разбросанности и безсистемности своихъ произведеній, играютъ здѣсь едва ли не подчиненную роль.

Михайловскій обладалъ глубоко творческимъ умомъ, чрезвычайно способнымъ къ широкимъ синтетическимъ обобщеніямъ и соціологическому анализу; работать же ему пришлось въ такой научной области, где была масса неиспользованнаго матеріала, хаотически раскиданнаго и не обобщеннаго. Михайловскому приходилось зачастую быть новаторомъ въ разработкѣ цѣлаго ряда вопросовъ и иниціаторомъ, поставленнымъ въ необходимость самостоятельно рѣшать цѣлый рядъ научныхъ проблемъ съ совершенно новой точки зрѣнія; безусловно онъ чувствовалъ себя способнымъ къ этой крайне отвѣтственной и крайне важной для умственнаго развитія русскаго общества роли, и судя по его статьямъ, напр. о «Герояхъ и толпѣ», онъ дѣйствительно обладалъ всѣми данными, чтобы занять съ полнымъ правомъ такое положеніе. Какъ говоритъ, совершенно справедливо, г. Л. Крживицкій, польскій марксистъ, котораго нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ Михайловскому, «въ дѣлѣ анализа многихъ сторонъ коллективной жизни Михайловскій былъ великимъ иниціаторомъ мысли и нѣкоторыми своими идеями опередилъ теоретическую работу Запада» *). Однако, здѣсь же, при его положеніи журнальнаго работника, обязаннаго откликаться на опредѣленные вопросы практической жизни, къ которымъ его влекли и особенности темперамента,—лежали причины, все болѣе и болѣе затруднявшія со стороны Михайловскаго возможность систематическаго обобщенія своихъ сочиненій. Систематическая сводка старыхъ работъ требовала бы возвращенія къ нимъ, новаго подробнаго ихъ развитія, повторенія того, что уже сдѣлано и въ чемъ потребность творчества нашла для себя уже извѣстное, порой глубокое удовлетвореніе. При чрезвычайно сильномъ творческомъ, иниціативномъ умѣ для Михайловскаго такія «повторенія» дѣлались все болѣе и болѣе психологически трудными. Сначала отъ нихъ его отвлекали новыя и новыя обобщенія, къ которымъ онъ переходилъ порой по поводу самыхъ незначительныхъ поводовъ при первомъ удобномъ случаѣ, потомъ, когда онъ успѣлъ уже вполнѣ высказаться, потребность творчества была такъ или иначе удовлетворена. Глубокій трагизмъ личности Михайловскаго заключается не въ томъ, что онъ чувствовалъ неудовлетворенной свою творче-

*) См. Некрологъ проф. Крживицкаго о Михайловскомъ. Цит. по „Русск. Вѣд." № отъ 1 марта 1904 г.

скую потребность—она у него была удовлетворена,—а въ томъ, что, будучи удовлетвореннымъ,—не даромъ же онъ говорилъ въ одной изъ своихъ статей: «если бъ мать моя могла предвидѣть то дѣло, которое я дѣлаю, она не отказалась бы родить меня. Я думаю, что это предвидѣніе облегчило бы ея муки», (см. т. IV, стр. 132; ср. «Посл. сочин.» т. I, стр. 432), — онъ ясно сознавалъ, что внѣшній характеръ его работъ мѣшаетъ читателю уяснить во всемъ ея объемѣ основную, великую мысль автора. Съ этимъ глубоко трагичнымъ чувствомъ Михайловскій и умеръ, унося съ собой въ могилу свою боль. И все таки Михайловскому было легче на разныхъ повседневныхъ фактахъ провѣрять конкретное приложеніе своей общей теоретической точки зрѣнія, выработанной разъ навсегда, или дополнять разные пробѣлы въ своихъ старыхъ научныхъ работахъ, чѣмъ снова продѣлать однажды уже сдѣланное. Именно этотъ крайне сложный психологическій процессъ, быть можетъ, смутный даже для него самого, Михайловскій при объясненіи своихъ неудачныхъ попытокъ создать «книгу» изъ «разбросанныхъ» статей, выражалъ пословицей—«что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ» (см. напр. замѣчательно характерное «предисловіе» къ 2-му изданію его сочиненій, нынѣ перепечатанное въ послѣднемъ, посмертномъ изданіи). И косвеннымъ, если не прямымъ подтвержденіемъ всего этого является то, что, напримѣръ, въ своихъ соціологическихъ, да и не только соціологическихъ, работахъ, онъ въ видѣ общаго правила чрезвычайно рѣдко повторяется. Для «повторенія», тутъ недоставало самаго главнаго—чувства творческой неудовлетворенности.

Само собой разумѣется, что при такомъ общемъ положеніи дѣла роль критики при систематизаціи взглядовъ Михайловскаго будетъ чисто служебной,—здѣсь нужно не творчество и не оплодотвореніе сочиненій Михайловскаго новыми принципами, такъ какъ *всѣ* матеріалы для построенія *полной* «системы правды» есть уже на лицо,—здѣсь нуженъ, главнымъ образомъ непосредственный анализъ его сочиненій. При чемъ опять таки этотъ анализъ чрезвычайно осложняется только что очерченными психологическими особенностями Михайловскаго. Повинный журнальной работѣ, онъ, при постоянномъ творческомъ напряженіи, въ литературную работу входилъ и *выражался въ ней* весь, цѣликомъ, со всѣми своими цѣнными чертами и недостатками. Поэтому, въ статьяхъ Михайловскаго мы имѣемъ рядомъ съ окончательными формулировками, готовымъ результатомъ общаго хода его мысли также и самый процессъ ея развитія, выраженный порой далеко не въ совершенныхъ формахъ (какъ, напр., въ теоріи субъективнаго метода и первыхъ набросках въ «Зап. проф.» «борьбы за индивидуальность»), что и [создаетъ] новыя трудности для критики Михайловскаго, позволяя [въ то] же время одерживать надъ нимъ легкія, но не весьма прочныя [побѣды]. Разобраться же во всемъ этомъ можно только при одномъ

условіи,—рядомъ съ непосредственнымъ анализомъ взглядовъ Михайловскаго должна быть поставлена психологическая критика его сочиненій.

Сочиненія Михайловскаго разбросаны и безсистемны, и это обстоятельство само собой опредѣляетъ то направленіе, которое долженъ принять непосредственный анализъ ихъ, если задачей такого анализа является сведеніе въ систему взглядовъ Михайловскаго—всѣхъ взглядовъ, соціологическихъ или публицистическихъ, безразлично. Очевидно, что для успѣшнаго выполненія такой задачи должна быть найдена какая-то формула, объединяющая всѣ эти взгляды, иначе громадная, безформенная, въ силу разбросанности и внѣшней безсистемности, масса всего написаннаго Михайловскимъ подавитъ всякаго критика, примѣры чего мы уже имѣемъ въ русской литературѣ. Но какъ искать эту формулу? Мы думаемъ, что тутъ можетъ быть одинъ только путь, — надо присмотрѣться, какія формулировки своихъ взглядовъ, сводящія ихъ во-едино, давалъ самъ Михайловскій, ибо, вѣдь, какъ мы сказали, его сочиненія даютъ *полный* матеріалъ для ихъ систематизированія,—и затѣмъ, придерживаясь этихъ формулировокъ, какъ маяковъ, вести работу непосредственнаго анализа, въ общемъ ходѣ котораго на фактахъ будутъ провѣрены и формулировки, данныя самимъ Михайловскимъ. Мы не видимъ, при данномъ положеніи дѣла, иного исхода, хотя признаемъ, что въ этомъ случаѣ могутъ быть поводы для разныхъ недоразумѣній,—недоразумѣнія могутъ явиться, потому что оторванныя отъ общаго хода разсужденій Михайловскаго, его формулировки должны будутъ казаться неясными и отвлеченными. Это, конечно зло, но и съ нимъ можно примириться, такъ какъ это зло неизбѣжное.

Какъ же Михайловскій самъ формулируетъ свои взгляды? Задачу, которую онъ себѣ ставитъ, мы уже знаемъ, и тоже съ его словъ—это опредѣленіе отношенія различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности. Знаемъ также, что, повидимому, таковой задачей исчерпывается одинаково, какъ соціологическая, такъ и вся остальная его дѣятельность,—по крайней мѣрѣ, такъ слѣдуетъ думать по разнымъ сопоставленіямъ на основаніи опять-таки его же словъ. Однако, приведенными выше словами исчерпывается только общая постановка его задачи, но ничего не говорится о томъ, въ какихъ же именно отношеніяхъ различныя формы общежитія, въ различныя историческія эпохи, стоятъ съ судьбами личности, тогда какъ формулировку этого взгляда Михайловскаго намъ и нужно найти. Формы общежитія и историческія судьбы личности по отношенію къ этимъ формамъ, взятымъ и въ статикѣ, и въ динамикѣ,—иначе говоря, содержаніе всего общественнаго процесса, какъ онъ складывался и теперь складывается на протяженіи всемірной исторіи, и какъ онъ долженъ будетъ складываться и дальше,—вотъ это резюмированное въ одной формулѣ мы и предполагаемъ найти у

Михайловскаго. Можетъ ли быть, чтобы Михайловскій, такъ усиленно работавшій надъ анализомъ законовъ общежитія, поскольку они выражаются въ отношеніи различныхъ формъ общества къ судьбамъ личности,—а въ этой области они выражаются наиболѣе полно,—никогда не попытался точно и сжато формулировать законы общежитія, какъ они ему представлялись? И опять таки: если Михайловскимъ даны такія формулировки, то какъ можно приступить къ систематизаціи взглядовъ его на соціологическій процессъ, обойдя его собственныя попытки такой систематизаціи, ибо что такое, какъ не попытки систематизировать свои взгляды, представляютъ обобщающія формулировки этихъ взглядовъ? Все это такъ, конечно, но тутъ насъ встрѣчаетъ совершенно непредвидѣнное затрудненіе. Оказывается, что Михайловскимъ дана не одна строго опредѣленная, а нѣсколько *разныхъ* формулировокъ общественнаго процесса, какъ онъ ему представлялся, и среди этихъ разныхъ формулировокъ нужно дѣлать тотъ или другой выборъ.

Первая и основная,—по указаніямъ самого Михайловскаго,—это, конечно, формула *борьбы за индивидуальность*. Когда, въ 1894 году, г. Струве сказалъ въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ», что «хотя г. Михайловскій и писалъ очень много на соціологическія темы, *нигдѣ* (курс. г. Струве) не далъ вполнѣ ясной теоретической формулировки своего пониманія сущности историческаго процесса», то Михайловскій отвѣтилъ на это не безъ основанія, что «г. Струве ошибается». И «отвѣтъ на интересующій его вопросъ» онъ формулировалъ тогда же и притомъ такъ же, какъ онъ формулировалъ его и много разъ раньше, а именно Михайловскій сказалъ такъ: «Сущности историческаго процесса я не знаю, да и никто ея не знаетъ, хотя метафизики (г. Струве у compris) и думаютъ, что знаютъ; но, не зная сущности историческаго процесса,—продолжаетъ Михайловскій,—я могу уловить ту его центральную нить, держась за которую можно себѣ объяснить возможно большее число историческихъ явленій; эта центральная нить есть то, что я называю борьбой за индивидуальность». («Лит. восп». т. II, стр. 425). А въ «Запискахъ профана» онъ говоритъ по поводу соціологическаго значенія теоріи борьбы за индивидуальность слѣдующее: «Я такъ сжился съ мыслью, что обладаю широкой и многообъемлющей истиной. Когда я переживаю мысленно разные моменты исторіи человѣчества, они такъ привольно, такъ сами собой примыкаютъ къ изгибамъ теоріи борьбы за индивидуальность» *). Словомъ, теорія борьбы за индивидуальность

*) См. т. III, стр. 819, слова относятся къ октябрю 1876 г. Ср. ст. „Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ", не вошедшую въ собраніе сочиненій Михайловскаго; „борьбою за индивидуальность,—говоритъ тамъ Михайловскій,—охватываются и объясняются для меня всѣ когда-либо интересовавшіе меня соціологическіе факты и вопросы", „Русская Мысль", 1889 г., № 5, стр. 227.

есть «формула прогресса», опредѣляющая отношеніе различныхъ формъ общества къ судьбамъ личности въ ходѣ историческаго процесса.

Казалось бы, если теорія борьбы за индивидуальность такъ «многообъемлюща» и такъ удовлетворяетъ самого Михайловскаго, то онъ долженъ былъ бы при распредѣленіи и оцѣнкѣ различныхъ историческихъ событій руководиться исключительно ею, но между тѣмъ въ тѣхъ же «Запискахъ профана», почти одновременно съ только что приведенной изъ нихъ цитатой, онъ даетъ совершенно иную, по крайней мѣрѣ по первому взгляду, «формулу прогресса». «*Основаніемъ расположенія историческаго матеріала*,—говоритъ тамъ Михайловскій,—*можетъ и, смѣю сказать, должно быть принято взаимное отношеніе общественныхъ силъ*» (см. т. III, 883). Слова эти сказаны имъ далеко не случайно,—въ статьѣ «Гр. Бисмаркъ», написанной еще въ 1871 году, и вообще чрезвычайно важной для характеристики Михайловскаго, мысль о взаимномъ отношеніи общественныхъ силъ, какъ принципъ расположенія историческаго матеріала развивается на такомъ конкретномъ примѣрѣ. «Въ общемъ ходѣ европейской исторіи,—говоритъ тамъ Михайловскій,—можно усмотрѣть три главныя историческія напластованія, представляющіяся намъ въ такомъ видѣ: 1) абсолютизмъ, теологія, война, владычество крупнаго землевладѣнія; 2) конституціонная монархія, метафизика, и цеховая эрудиція, биржа, владычество капитала; 3) наука и право и обязанность труда» (см. т. VI стр. 105). Вотъ, значитъ, каковы были «взаимныя отношенія общественныхъ силъ» въ европейской исторіи и какимъ образомъ должно быть построено здѣсь «расположеніе историческаго матеріала». А какова же будетъ роль борьбы за индивидуальность въ этомъ случаѣ? И не должна ли борьба за индивидуальность при объясненіи трехъ «*главныхъ историческихъ напластованій*» Западной Европы уступить даже въ глазахъ Михайловскаго часть своего пріоритета принципу взаимнаго отношенія общественныхъ силъ? Но въ такомъ случаѣ почему она называется «многообъемлющей?»

Такъ или иначе, но мы имѣемъ уже *двѣ* «формулы прогресса», на первый взглядъ скорѣе различныя, чѣмъ одинаковыя. Замѣчательно, что и критика, возражая на теорію борьбы за *индивидуальность*, всегда аппелировала къ теоріи борьбы *общественныхъ силъ*, почему-то, впрочемъ, всегда умалчивая о собственномъ отношеніи Михайловскаго къ послѣднему изъ этихъ двухъ принциповъ. Но далѣе: достаточно сказать «формула прогресса», какъ непремѣнно вспоминаются заключительныя строки статьи «Что такое прогрессъ», столько разъ цитированныя въ русской литературѣ: «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами, и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что

задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно все, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ». И это есть *третья* по нашему счету «формула прогресса» Михайловскаго, третья и самая популярная; однако, не послѣдняя, ибо есть еще *четвертая*, съ которой мы уже встрѣтились въ началѣ этой статьи.

Въ самомъ дѣлѣ, разбирая отношеніе публицистики Михайловскаго къ его соціологіи, мы тамъ видѣли, какъ онъ говоритъ, что *«центральнымъ пунктомъ философіи исторіи должна быть признана форма коопераціи»*. Мы брали эту цитату изъ «Литературн. замѣтокъ» 1873 г., статьи публицистической; но формулируя эту мысль, Михайловскій ссылался на статью «Что такое прогрессъ», гдѣ онъ «представилъ теоретическія основанія» въ защиту ея и гдѣ она дѣйствительно положена въ основу всего изложенія и точно формулирована. «Мы постараемся намѣтить главные пункты соціальной динамики, не прибѣгая къ удобному, но недостаточно гарантирующему отъ ошибокъ пріему выдѣленія одного какого либо общественнаго элемента» — говоритъ тамъ Михайловскій. «Интеллектуальный элементъ, принимаемый за точку исхода позитивизмомъ»,—который Михайловскій критикуетъ въ «Что такое прогрессъ»,—«представляетъ, правда, въ этомъ отношеніи наиболѣе гарантіи, и онъ дѣйствительно, при извѣстной долѣ сдержанности и осторожности, можетъ быть принятъ, по выраженію Милля, за primus agens соціальнаго движенія. Однако, если есть возможность,— а мы думаемъ, что она есть—замѣчаетъ Михайловскій—прослѣдить законы общественнаго прогресса на развитіи всего общества въ цѣломъ, не давая слишкомъ преобладающаго значенія развитію какого бы то ни было изъ его элементовъ, то отъ этого постановка общественныхъ вопросовъ можетъ только выиграть. Поэтому мы постараемся прослѣдить историческую судьбу самой общественности, т. е. коопераціи, и связать ее съ судьбою частныхъ факторовъ» *).

*) Михайловскій намѣчаетъ три главные фазиса смѣны формъ коопераціи: объективно-антропоцентрическій, эксцентрическій и субъективно-антропоцентрическій. См. „Сочин.“, т. I, ст. о прогрессѣ и ст. о Дарвинѣ. Впослѣдствіи онъ совершенно оставилъ эту терминологію, какъ неудовлетворительную, о чемъ онъ упоминаетъ въ ст. „Страшенъ сонъ“ и т. д. въ „Русск. Мысли“ 1889 г. Г. Бердяевъ находитъ, что „г. Михайловскому дѣлаетъ большую честь, что онъ склоненъ искать основного факта общественности въ смѣнѣ формъ коопераціи“ („Субъект. и индивид. въ обществ. философіи“, стр. 134). Тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь, что, какъ утверждаетъ также г. Бердяевъ, повторяя любимую мысль марксистовъ, „съ Марксомъ Михайловскій познакомился, когда его взгляды совершенно сложились, и великій нѣмецъ не оказалъ на г. Михайловскаго никакого вліянія“ (12). Признаніе довольно таки убійственное для характеристики отношеній марксистовъ къ Михайловскому. Г. Плехановъ прекрасно дѣлаетъ, что въ своей книгѣ „Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ“ ни слова не говоритъ объ идеѣ Михайловскаго, которая „дѣлаетъ ему честь“. Молчаніе — золото. Марксисты этого, впрочемъ, не оцѣнили. Не одинъ г. Бердяевъ долженъ былъ со-

И въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности Михайловскій строго держался этой точки зрѣнія. Характеристикѣ и обоснованію ея онъ въ 1903 году, незадолго до смерти, посвятилъ статью «Новый взглядъ на происхождеіе общества», выдѣленную имъ, что тоже знаменательно, изъ общаго цикла «Литературы и жизни», съ которой мы вскорѣ еще разъ встрѣтимся. Кромѣ того, въ полемикѣ съ г. Плехановымъ, въ 1897 году, Михайловскій, возражая на попытки «экономическихъ матеріалистовъ» создать особую привилегированную категорію изъ «экономическаго фактора», высказался въ принципѣ противъ самой теоріи разныхъ «факторовъ» и ссылался при этомъ на приведенныя выше слова изъ «Что такое прогрессъ». Наконецъ, въ статьѣ «Суздальцы и суздальская критика» онъ точно также говоритъ, что «законовъ прогресса слѣдуетъ искать въ развитіи самой общественности, то есть въ развитіи и послѣдовательной смѣнѣ формъ коопераціи» (т. II, 100). Словомъ, мы имѣемъ здѣсь такую формулировку, которая, судя по приведеннымъ ссылкамъ, проникаетъ все міровоззрѣніе Михайловскаго.

Итакъ, дѣло не въ томъ, что Михайловскій «нигдѣ не далъ» «формулы прогресса», дѣло въ томъ, наоборотъ, что вмѣсто одной онъ далъ ихъ четыре. Но является вопросъ, дѣйствительно ли Михайловскій далъ четыре формулы *вмѣсто* одной? Какъ же объяснить въ такомъ случаѣ, напр., что Луи Блану (и Конту, см. «Зап. проф., 645) онъ ставитъ въ особую заслугу тѣ стороны въ его «философіи исторіи», гдѣ онъ «пытается *обнять однимъ принципомъ всѣ сферы жизни*» (т. III, 69) привести ихъ «къ одному знаменателю мысли» и даже видитъ въ этомъ «основное требованіе всякой исторической теоріи» (тамъ же 18). Или самъ Михайловскій не пытался сдѣлать того же? Было бы странно предполагать это, да и нѣтъ нужды дѣлать такія предположенія, ибо во всѣхъ своихъ четырехъ «формулахъ прогресса» онъ именно и «пытается обнять однимъ принципомъ всѣ сферы

знаться, что, несмотря на „склонность къ біологическимъ абстракціямъ и аналогіямъ", Михайловскій „даже предвосхищаетъ нѣкоторые выводы матеріалистическаго пониманія исторіи" (у г. Бердяева см. эту цитату на 182 стр. ср. прим. на 181 стр.). „замолчать" каковое обстоятельство такъ хотѣлось г. Плеханову. Ср. М. Филипповъ „Философія дѣйствительности". „Большаго не могли бы потребовать даже экономическіе матеріалисты", говоритъ Филипповъ. Ср. у Михайловскаго объ этомъ „Отклики" т. II, 175. М. Невѣдомскій въ статьѣ о Михайловскомъ въ № 4 „Міра Божія", 1904 г. стр. 26, говоритъ: „идея Михайловскаго о смѣнѣ формъ коопераціи, идея чисто соціологическая и очень близкая къ соціологіи марксизма". Г. Невѣдомскій не замѣчаетъ, что именно эта „чисто соціологическая идея" служила точкой опоры, какъ сказано у насъ дальше въ текстѣ, для борьбы Михайловскаго съ марксизмомъ. „Соціологія марксизма" вульгаризировала принципъ смѣны формъ коопераціи, сведя его къ пресловутому „экономическому фактору". См. у Михайловскаго „Отклики", т. I, стр. 283—315 и „Отклики", т. II, стр. 153—159.

жизни», въ чемъ и заключается ихъ чрезвычайная особенность. Это не разныя формулы—въ этомъ отношеніи онѣ могутъ затруднять только людей, для которыхъ сочиненія Михайловскаго представляютъ какую-то книгу за семью печатями,—во всѣхъ этихъ формулахъ проявляется «одинъ принципъ» въ разныхъ варіаціяхъ и комбинаціяхъ, соотвѣтственно характеру матеріала, съ которымъ въ той или другой научной области оперируетъ Михайловскій. И принципомъ этимъ является какъ разъ та «формула прогресса», четвертая по нашему счету,—которая центральнымъ пунктомъ философіи исторіи дѣлаетъ форму коопераціи. Это не значитъ, что она является теоретически наиболѣе важной, завершающей въ одномъ высшемъ обобщеніи всѣ соціологическіе взгляды Михайловскаго (такую роль у него играетъ теорія борьбы да индивидуальность)—роль ея иная хотя и не менѣе отвѣтственная: она даетъ путь къ уясненію наиболѣе отвлеченныхъ взглядовъ Михайловскаго, она служитъ цементомъ органически соединяющимъ между собой разныя части его воззрѣній. Каждая изъ «формулъ прогресса» Михайловскаго можетъ быть въ этомъ смыслѣ предварительно сведена къ принципу смѣны формъ коопераціи, нѣсколько впрочемъ видоизмѣненному, не теряя своей оригинальности и самостоятельнаго значенія.

Но какимъ же образомъ всѣ приведенныя выше «формулы» сводятся къ одной? Какимъ именно образомъ онѣ такъ сводятся—насъ сейчасъ этотъ вопросъ не интересуетъ, т. е., точнѣе говоря, разрѣшать его мы не можемъ пока. Для насъ достаточно знать, признавалъ ли самъ Михайловскій, что каждая изъ его формулировокъ историческаго процесса можетъ быть выражена въ видѣ принципа смѣны формъ коопераціи. И на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, чего для насъ пока достаточно,—что *да*, признавалъ.

Такъ относительно третьей изъ приведенныхъ выше формулъ, говорящей о прогрессѣ, какъ постепенномъ уменьшеніи «раздѣленія труда между людьми»—или экономическаго раздѣленія труда—и увеличеніи «раздѣленія труда между органами» отдѣльнаго человѣка—или, иначе, физіологическаго раздѣленія труда по терминологіи Михайловскаго—признаніе это выражено съ категоричностью, не допускающей сомнѣній. «Основная наша задача состоитъ въ опредѣленіи взаимнаго отношенія между физіологическимъ раздѣленіемъ труда,—говоритъ Михайловскій,—то есть раздѣленіемъ труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго, и раздѣленіемъ труда экономическимъ, то есть раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія,—прибавляетъ онъ,—*задача эта сводится къ изысканію основныхъ законовъ коопераціи, то есть фундамента общественной науки*» (т. I, стр. 151). Такимъ образомъ, третья изъ формулъ прогресса и самая, казалось бы «отвлеченная», «сво-

дится», по словамъ Михайловскаго, къ четвертой, едва ли не самой конкретной—«къ изысканію основныхъ законовъ кооперацій», т. е. общественности, задачѣ къ тому же чисто объективной.

Нѣсколько сложнѣе обстоитъ дѣло съ формулой борьбы за индивидуальность. Сколько мнѣ извѣстно, такого же, какъ въ предыдущемъ случаѣ, яснаго и опредѣленнаго заявленія на этотъ счетъ Михайловскій не дѣлаетъ,—но если у него нѣтъ именно такого заявленія, то все таки есть нѣчто едва ли еще не болѣе опредѣленное, хотя нѣсколько въ другомъ родѣ. Дѣло здѣсь въ слѣдующемъ: сама формула смѣны формъ кооперацій составляетъ сложное сочетаніе двухъ болѣе элементарныхъ принциповъ, которые являются какъ бы простѣйшими, неразложимыми ея частями. Формы кооперацій предполагаютъ формы общественности, формы же общественности, какъ говоритъ третья формула прогресса, предполагаютъ формы «раздѣленія труда между людьми». Смѣна формъ кооперацій и означаетъ смѣну формъ «раздѣленія труда между людьми». Но вотъ это то раздѣленіе труда между людьми бываетъ, по мнѣнію Михайловскаго, *двухъ* разныхъ типовъ. «Раздѣленіемъ труда»—въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. *экономическимъ* (точнѣе: общественнымъ, ср. т. I, 136) раздѣленіемъ труда «не исчерпываются» формы кооперацій; «наряду съ нимъ»—т. е. опять таки экономическимъ *раздѣленіемъ* труда — «существовало и существуетъ простое сотрудничество», которому, по мнѣнію Михайловскаго, «принадлежитъ все будущее» (см. т. I, стр. 61). Такъ что формы кооперацій растворяются въ извѣстное сочетаніе простого и сложнаго сотрудничества, простой и сложной кооперацій, которые и являются основными уже, неразложимыми болѣе элементами. «Позволю себѣ напомнить»—говорилъ Михайловскій въ 1903 году въ статьѣ «Новый взглядъ на происхожденіе общества», о которой мы выше упоминали,—«что слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, въ своей юношеской работѣ «Что такое прогрессъ» я писалъ о двухъ рѣзко различныхъ формахъ общественности, а именно по типамъ простого и сложнаго сотрудничества, и»...—что для насъ особенно интересно,—«различными сочетаніями этихъ двухъ типовъ объяснялась для меня вся исторія человѣчества» *). Мы увидимъ вскорѣ, какое громадное значеніе имѣетъ для систематизаціи взглядовъ Михайловскаго это его указаніе. Но сейчасъ для насъ важно непосредственно слѣдующее замѣчаніе Михайловскаго: «*позже эта теорія*—говоритъ онъ, т. е. объясненіе «всей исторіи человѣчества» сочетаніями двухъ типовъ кооперацій,—«сохраняя свои существенныя черты, *развилась въ теорію борьбы за индивидуальность*» **). А это значитъ, что и первая, самая существенная «формула прогресса» Михайловскаго, точно такъ же, какъ и вторая, представляетъ высшее выраженіе основныхъ, эле-

*) См. „Послѣдн. сочин." т. II, 412.

**) Тамъ-же.

ментарныхъ, неразложимыхъ далѣе положеній четвертой формулы. Очевидно, мы стоимъ на вѣрномъ пути къ обобщенію разныхъ «формулъ прогресса» Михайловскаго во-едино.

То обстоятельство, что въ этихъ сопоставленіяхъ мы игнорируемъ вторую изъ приведенныхъ «формулъ прогресса», не должно смущать читателя; ею мы еще займемся, (см. объ этомъ въ IV к.), но сейчасъ, благодаря послѣднимъ сопоставленіямъ, передъ нами встаетъ фактъ, нельзя сказать, что совсѣмъ непредвидѣнный, но во всякомъ случаѣ недостаточно пока учтенный въ своихъ послѣдствіяхъ,—вѣдь смѣна формъ коопераціи *объединяетъ уже*, какъ мы видѣли, *соціологію и публицистику*, не можетъ ли она послужить въ такомъ случаѣ вообще мостомъ между разными частями міровоззрѣнія Михайловскаго, а не только между его четырьмя «формулами прогресса»?

Михайловскій даетъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ не только общую формулу соціальнаго процесса, онъ даетъ точно также общую формулу *нашего* отношенія къ изученію этого процесса, въ видѣ *субъективнаго метода*, столь широко развѣтвляющагося, черезъ теорію личности и теорію познанія по всѣмъ его сочиненіямъ. Приведенные выше «формулы прогресса», «субъективный методъ» и публицистика—это, вѣдь, буквально *весь* Михайловскій. Что публицистика его есть конкретная соціологія, это мы уже видѣли, что мостомъ между ними служитъ, между прочимъ, принципъ смѣны формъ коопераціи, это тоже для насъ извѣстно. Уже въ этомъ отношеніи принципъ смѣны формъ коопераціи шире, чѣмъ то можно было ожидать вначалѣ,—онъ объединяетъ, или даетъ путь для объединенія соціологіи и публицистики. Но значеніе его должно быть расширено еще болѣе,—благодаря принципу смѣны формъ коопераціи, объединяются и обѣ области соціологіи Михайловскаго,—представленіе (въ видѣ 4-хъ формулъ) о «сущности историческаго процесса» и нашемъ отношеніи къ его изученію въ видѣ «субъективнаго метода» со всѣми его развѣтвленіями.

Само собой разумѣется, что для всякаго читателя во всѣхъ этихъ сопоставленіяхъ есть много непонятнаго, быть можетъ даже схоластичнаго. Но это только потому, что мы вращаемся здѣсь въ сферѣ общихъ формулировокъ, не вдаваясь въ конкретный анализъ,—конкретному анализу въ дальнѣйшемъ изложеніи мы подвергнемъ только термины простой и сложной коопераціи,—пока же мы и обязаны вращаться въ сферѣ общихъ формулировокъ, сколь бы схоластичнымъ ни казалось это занятіе. Обязаны потому, что мы должны выслушать прежде всего самого Михайловскаго въ вопросѣ о томъ, какимъ путемъ долженъ быть систематизированъ весь его соціологическій и вообще литературный багажъ.

И вотъ, между прочимъ, мы узнаемъ отъ Михайловскаго, что его «*субъективный* методъ», для котораго, по мнѣнію г. Плеханова, «*нѣтъ другого критерія, кромѣ моихъ желаній—нраву*

моему не препятствуй! вотъ послѣдній доводъ субъективизма»,— коренится прежде всего въ *объективномъ* положеніи о роли формъ коопераціи въ историческомъ процессѣ. «Мой субъективизмъ,— говоритъ Михайловскій, — находится въ самой тѣсной связи съ этой истиной», т. е. съ принципомъ смѣны формъ коопераціи *).

Итакъ, что же мы видимъ? Центральнымъ пунктомъ соціологическихъ взглядовъ Михайловскаго является въ вышеуказанномъ смыслѣ, какъ то можно видѣть уже по общему ходу нашего изложенія, принципъ смѣны формъ коопераціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ, около этого принципа объединяется, повидимому, буквально *все* міровоззрѣніе Михайловскаго. Далѣе: принципъ смѣны формъ коопераціи, какъ элементъ сложный, разлагается на два простыхъ элемента — на понятія простой и сложной коопераціи. Слѣдовательно, и все остальное міровоззрѣніе Михайловскаго такъ или иначе связано съ принципами простого и сложнаго сочетанія труда. Между прочимъ г. Ранскій говоритъ (см. 156 стр.

*) См. «Отклики» т. VII, Спб. 1904 г. стр. 175, 176. Полемика съ М. Филипповымъ по поводу его „Философіи дѣйствит."; во II т. которой стр. 1106 и др. содержатъ критику „субъективнаго метода". Ср. также слѣдующее. Все сказанное у насъ въ текстѣ о центральномъ значеніи принципа формъ коопераціи, для уясненія міровоззрѣнія Михайловскаго должно быть еще усилено, такъ какъ то же самое, что говорится у насъ о субъективномъ методѣ и формахъ коопераціи, относится и къ статьямъ о „Герояхъ и толпѣ". Правда, проф. Карѣевъ неоднократно указывалъ (см. напр. его «Осн. вопр. филос. истор." т. III), а также „Введ. въ изуч. Соціологіи") что общій циклъ статей Михайловскаго по коллективной психологіи не имѣетъ „опредѣленной формулировки своего рѣшенія" и стоитъ какъ бы внѣ основного хода мысли автора, и это мнѣніе проф. Карѣева воспринялъ охотно г. Ранскій (см. его книжку „Соціологія Михайловскаго" Спб. М. 1901 г. стр. 180), а равнымъ образомъ тоже самое, хотя и независимо отъ проф. Карѣева „своими словами" говоритъ г. Бердяевъ (см. его „Субъект. и индив." Спб. 1901 г. стр. 208), — тѣмъ не менѣе такая оцѣнка „Героевъ и толпы" совершенно не вѣрна. (ср. „письмо" г. Румынскаго въ „Рус. Бог." 1904 г., № 4). Сколь это ни странно, но какъ разъ теорія „Героевъ и толпы" одной изъ своихъ главныхъ задачъ имѣетъ установленіе взаимной связи опредѣленныхъ формъ подражанія съ опредѣленными формами общежитія, т. е. коопераціи. Чисто соціологическая, что бы ни говорилъ объ этомъ г. Бердяевъ (см. у него стр 208—11; ср. г. Н.-Г. въ „Пробл. идеал." М. 1901, стр. 75 ср. также г. Слонимскій „Вѣстн. Евр." 1889 г. III стр. 297, котораго повторяетъ г. Н. Г., думая сказать нѣчто весьма оригинальное) теорія героевъ и толпы устанавливаетъ фактъ кардинальнѣйшаго значенія—процессъ *прогрессивной* смѣны формъ общественнаго раздѣленія труда, прогрессивной смѣны формъ коопераціи. «Толпа», проникнутая «безсознательнымъ» подражаніемъ есть у Михайловскаго историческая категорія,—какъ массовое явленіе она вся въ прошломъ. Изъ критиковъ Михайловскаго близокъ къ этой точкѣ зрѣнія В. Лункевичъ (см. его брошюру „Н. К. Михайловскій", изд. „Молодой Россіи", стр. 62-74 и др. Первоначально была напечатана въ „Русск. Бог."), хотя и онъ не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ изъ положеній, которыя удачно самъ же намѣтилъ.

его книжки, ср. тамъ же, стр. 160), что, поставивъ себѣ задачей «прослѣдить развитіе формъ общественности или коопераціи», Михайловскій, «вмѣсто того, чтобы дѣйствительно выполнить» ее, «свелъ судьбы общественности къ простой и сложной коопераціи». Г. Ранскій совершенно не понимаетъ, что именно въ этомъ и заключается ключъ къ рѣшенію вопроса о судьбахъ общественности, чѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечивается правильная постановка всего дѣла систематизаціи взглядовъ Михайловскаго. *Нельзя понять ни соціологіи, ни публицистики Михайловскаго, не усвоивши предварительно соціологическаго содержанія двухъ его основныхъ терминовъ—простой и сложной коопераціи.* Вотъ почему анализъ соціологическаго содержанія простой и сложной коопераціи долженъ служить первымъ шагомъ при оцѣнкѣ и систематизаціи взглядовъ Михайловскаго. И, наоборотъ, безъ такого анализа всѣ попытки систематизаціи будутъ фатально обречены на безплодіе.

Что же понималъ Михайловскій подъ терминами простой и сложной коопераціи?

II.

Соціологическое опредѣленіе понятій простой и сложной коопераціи Михайловскій даетъ первоначально въ статьѣ «Что такое прогрессъ?» и слѣдуетъ сказать, что даетъ чрезвычайно бѣгло, несмотря на громадную роль, которую играютъ эти понятія въ его соціологическихъ построеніяхъ. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ журнальной спѣшности работы Михайловскаго, постояннаго источника всякихъ недоразумѣній со стороны его критиковъ. Мы увидимъ впослѣдствіи,—и не такъ далеко,—что комментаріи и дополнительныя разъясненія къ своему принципіальному взгляду на роль простой и сложной коопераціи въ изслѣдованіи формъ общежитія Михайловскій далъ только въ 1897 году *), черезъ 30 лѣтъ послѣ первоначальнаго опредѣленія этихъ терминовъ въ статьѣ о прогрессѣ, когда около его сочиненій успѣли накопиться уже громадныя залежи всякихъ недоразумѣній и предразсудковъ. Спѣшная журнальная работа губила у Михайловскаго ясность изложенія, заставляя изъ-за этого предполагать и неясность мысли, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Опредѣленіе принципа простой коопераціи, какъ отчасти будетъ видно изъ дальнѣйшаго, сложилось у Михайловскаго, повидимому, значительно раньше статьи «Что такое прогрессъ?», подъ вліяніемъ идей Пожина-Бухарцева и въ статьѣ «Что такое про-

*) См. «Отклики», т. II. Спб. 1904 г. гл. IV, «О Дюркгеймѣ» и «Еще о Дюркгеймѣ и его теоріи общественнаго раздѣленія труда».

грессъ?» оно только впервые сформулировано и подробно обосновано. Отъ Ножина-Бухарцева Михайловскій заимствовалъ, впрочемъ, повидимому, не самый принципъ простой кооперація, а идею о «раздѣленіи труда между людьми», какъ причину, «нарушающую гармонію жизни межъ индивидуумами», и этой идеѣ о раздѣленіи труда онъ противопоставилъ принципъ простого сотрудничества, взявши его въ своеобразной интерпретаціи, отличающейся отъ общепринятаго смысла этого термина. Для насъ прежде всего необходимо вскрыть основной источникъ этой интерпретаціи, чтобы впослѣдствіи разобраться въ ней самой.

«Чѣмъ сильнѣе раздѣленіе труда, тѣмъ меньше солидарности между отдѣльными кастами»,—говорилъ Ножинъ-Бухарцевъ, поясняя свою идею о «нарушенной гармоніи жизни между индивидуумами» *). Но, спрашивается, о какомъ раздѣленіи труда идетъ здѣсь рѣчь? Ножинъ-Бухарцевъ этого,—по крайней мѣрѣ, по цитатамъ Гоца,—не разъясняетъ, но это вполнѣ разъяснилъ впослѣдствіи самъ Михайловскій, и эти разъясненія Михайловскаго для всей его соціологіи имѣютъ громадное значеніе.

«Слѣдуетъ различать»,—по словамъ Михайловскаго, — общественное раздѣленіе труда «отъ техническаго раздѣленія труда, съ одной стороны и органическаго, съ другой» **). Органическое или иначе, физіологическое раздѣленіе труда—это раздѣленіе труда между органами отдѣльнаго индивидуума; общественное раздѣленіе труда—это раздѣленіе труда между людьми. Оба эти вида раздѣленія труда, съ точки зрѣнія Михайловскаго, принципіально несовмѣстимы, и разъясненіе ихъ антагонизма Михайловскій ставилъ въ «особую заслугу» (см. т. I, 296 ст. о Дарвинѣ) себѣ. Съ другой стороны, онъ проводитъ рѣзко разграничительную черту и между общественнымъ и техническимъ раздѣленіемъ труда. «Техническое раздѣленіе труда есть собственно распаденіе процесса какого нибудь производства на отдѣльныя мелкія операціи. Оно становится вмѣстѣ съ тѣмъ и обще-

---

*) Всѣ цитаты изъ статей Ножина-Бухарцева я заимствую изъ брошюры покойнаго М. Р. Гоца (М. Рафаилова) „Системы правды и наши общественныя отношенія". М. 1906, изд. Молодой Россіи". Самой цѣнной частью этой брошюры М Р. Гоца безусловно является параллель (см. стр. 29-38) между Ножинымъ Бухарцевымъ и Михайловскимъ. Слѣдуетъ впрочемъ, замѣтить, что, какъ взгляды самого Ножина, такъ и вліяніе его на Михайловскаго были глубже и плодотворнѣе, чѣмъ то говорится у М. Р. Гоца, который недооцѣнилъ чрезвычайную оригинальность соціологическихъ набросковъ Ножина. Въ чемъ именно, по моему мнѣнію, состоитъ эта недооцѣнка, будетъ ясно по общему ходу моего изложенія въ этой и слѣд. главѣ. Ср. о Ножинѣ-Бухарцевѣ у Михайловскаго въ IV томѣ „Въ перемежку" и „Литер. воспом". Спб. 1904 г. т. I., гл. I.

**) См. статью „Опять о Толстомъ" 1886 г. іюль „Сочин". т. VI. стр. 410. О принципіальномъ антагонизмѣ органическаго и экономическаго раздѣленія труда, имѣющемъ основное значеніе для всей соціологіи Михайловскаго, онъ говоритъ главнымъ образомъ въ „Что такое прогрессъ" и „Теорія Дарвина и общественная наука".

ственнымъ раздѣленіемъ труда, когда дробныя операціи, на которыя распадается процессъ производства, составляютъ единственную общественную функцію и вѣчный удѣлъ того или другого рабочаго, а иногда и его потомства». Техническое раздѣленіе труда, напримѣръ, «въ классической древности и въ средніе вѣка было слабо развито», то есть процессы производства далеко не распадались на столько отдѣльныхъ мелкихъ операцій, какъ въ наше время». Но «общественное раздѣленіе труда было, напротивъ, чрезвычайно развито», т. е. разныя общественныя функціи составляли тогда «вѣчный удѣлъ» того или другого рода людей. Отсюда, между прочимъ, слѣдуетъ, что возможенъ, по крайней мѣрѣ, логически возможенъ, такой общественный строй, при которомъ техническое раздѣленіе труда будетъ высоко развито, а общественное, наоборотъ, сведено до минимума, и само собой разумѣется, общество, построенное на подобномъ сочетаніи двухъ видовъ раздѣленія труда, будетъ безконечно выше того же классическаго строя, такъ какъ при немъ разовьется раздѣленіе труда физіологическое. Что именно таковъ взглядъ Михайловскаго, мы еще увидимъ впослѣдствіи. Но въ настоящее время насъ занимаетъ не этотъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ въ процессѣ историческаго развитія разныхъ видовъ раздѣленія труда, а то, какой изъ нихъ имѣетъ въ виду Михайловскій въ своемъ противопоставленіи простой коопераціи порядку съ «нарушенной гармоніей жизни между индивидуумами». Вотъ на этотъ вопросъ, имѣющій исключительно важное значеніе для всей концепціи смѣны формъ коопераціи, Михайловскій и отвѣчаетъ болѣе полной формулировкой, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, въ статьѣ 1897 года, хотя отвѣтъ, данный имъ здѣсь, былъ выработанъ несомнѣнно еще при жизни Южина-Бухарцева и лишь не былъ до того времени выраженъ съ такой категоричностью и, главное, полнотой. Впрочемъ, пользуясь всѣмъ вышесказаннымъ, мы можемъ и сами предугадать его. Смѣна формъ коопераціи предполагаетъ, вѣдь, смѣну формъ общественности, *общественнаго* раздѣленія труда: очевидно, этотъ же моментъ и долженъ Михайловскій подчеркивать въ противопоставленіи простой и сложной коопераціи, иначе теряетъ весь смыслъ его теорія трехъ видовъ раздѣленія труда. Такъ дѣйствительно онъ и поступаетъ, въ чемъ и состоитъ то видоизмѣненіе, по сравненію съ общепринятымъ, термина простой коопераціи, о которомъ мы упоминали выше. Опредѣляя, именно въ статьѣ о Дюркгеймѣ, характеръ общей постановки вопроса о разныхъ типахъ коопераціи, Михайловскій послѣдовательно разграничиваетъ свою точку зрѣнія на этотъ предметъ отъ общепринятой, которая терминамъ простая и сложная кооперація усваиваетъ *техническій* или, общѣе, экономическій смыслъ, тогда какъ онъ вкладываетъ въ нихъ содержаніе чисто *общественное*, соціологическое. Весь смыслъ и всю важность этого разграниченія мы оцѣнимъ только тогда, когда перейдемъ къ конкретнымъ примѣрамъ, поясняющимъ и аргументирующимъ мысль Михайловскаго,

а сейчасъ пока намъ слѣдуетъ познакомиться съ постановкой, въ словахъ самого Михайловскаго, вопроса о простой коопераціи, какъ она дана въ статьѣ о Дюркгеймѣ 1897 года. Въ виду важности относящагося сюда мѣста, мы приведемъ его цѣликомъ, несмотря на его длинноту.

Техническій и соціологическій моменты въ понятіи простой коопераціи Михайловскій на примѣрѣ Дюркгейма разъясняетъ такимъ образомъ. «Несмотря на важность простого сотрудничества, оно продолжаетъ очень мало занимать экономистовъ и только отмѣчается ими, какъ одна изъ формъ сочетанія труда, хотя иногда ему усваивается даже общее названіе» коопераціи. Это понятно. Въ качествѣ «великаго пособія производству», простое сотрудничество само собой разумѣется, но роль его меркнетъ передъ все растущимъ значеніемъ раздѣленія труда. Въ исторіи техники производства оно представляетъ собой элементъ почти неподвижный: *каменщики складывающіе стѣны современнаго зданія, находятся другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и каменщики времени фараонова.* Если, однако, этимъ достаточно объясняется малое вниманіе экономистовъ къ принципу простого сотрудничества, то положеніе Дюркгейма,—о которомъ здѣсь говоритъ Михайловскій—совсѣмъ иное. Онъ не экономистъ, а соціологъ, и раздѣленіе труда для него не только великое пособіе производству. Онъ неоднократно говоритъ о томъ, что соціально экономическая точка зрѣнія не обнимаетъ собой всего великаго значенія раздѣленія труда, *и кладетъ этотъ принципъ, подобно многимъ соціологамъ въ основу общежитія вообще*, а въ частности видитъ въ ней основаніе этики. Съ этой болѣе широкой точки зрѣнія и должна быть освѣщена и роль простого сотрудничества. Какова бы ни была эта роль въ спеціально-экономическомъ отношеніи, *значеніе простого сотрудничества, какъ соціологическаго фактора, должно быть изучено самостоятельно*». (См. «Отклики», т. II, стр. 74, курсивъ мой). Такимъ образомъ, «принципъ простой коопераціи долженъ быть положенъ въ основу общежитія вообще». Что же все это значитъ?

«Простая кооперація въ концѣ концовъ есть идеализація самостоятельнаго хозяйства мелкаго производителя»,—говоритъ г. Бердяевъ (стр. 154, 3 прим.), на каковомъ принципѣ, очевидно, и должно быть построено «общежитіе вообще». Хотя это мнѣніе чрезвычайно распространено въ марксистской литературѣ, готовой всю соціологію Михайловскаго свести къ идеализаціи общественной роли мелкаго производителя, — однако, оно рѣшительно невѣрно, хотя вѣрно то, что косвенной поддержкѣ его способствовалъ отчасти самъ Михайловскій, давши съ самаго начала чрезвычайно неточную формулировку принципа простой коопераціи. Мы только что видѣли, какъ чисто *соціологическую* точку зрѣнія въ этомъ вопросѣ онъ противопоставляетъ точкѣ зрѣнія «экономистовъ», разсматривающихъ простую кооперацію исключительно со стороны

ея роли въ производствѣ, и въ статьѣ «Что такое прогрессъ?» Михайловскій, дѣйствительно, *опредѣляя конкретное содержаніе термина простой кооперацiи,* строго придерживается этого противопоставленія, но только при опредѣленіи конкретнаго содержанія, а не при формулировкѣ. При формулировкѣ принципа простой и сложной кооперацiи *онъ обращается къ «экономистамъ»*, именно къ Уэкфильду и, пользуясь цитатами изъ его работъ, не поясняетъ достаточно рѣзко тѣхъ поправокъ и дополненій, вродѣ сдѣланныхъ имъ впослѣдствіи въ 1897 году, которыя и составляютъ, строго говоря, всю суть его мысли. Это былъ едва ли не самый крупный промахъ въ дѣятельности Михайловскаго и во всякомъ случаѣ наиболѣе чреватый прискорбными для него послѣдствіями. Михайловскій не учитывалъ, что ясная для него самого мысль совсѣмъ можетъ быть неясна для его читателей, а равнымъ образомъ и для критиковъ, первый же изъ которыхъ, П. Л. Лавровъ, отнесся весьма скептически къ «значенію простого сотрудничества» въ общественной жизни. Какъ разъ по этому поводу П. Л. Лавровъ замѣчалъ, что «факты простой кооперацiи такъ малочисленны и отодвигаются преимущественно въ періоды столь мало историческіе», что придавать имъ такое значеніе, какое придаетъ авторъ статьи «Что такое прогрессъ?», по малой мѣрѣ странно; напротивъ, нынѣ «самые передовые дѣятели должны вступать въ сложную, а не простую кооперацію» *).

Чтобы точнѣе разобраться во всемъ этомъ, намъ нужно подробно разсмотрѣть, какъ самую формулировку простой кооперацiи, такъ и конкретные выводы изъ нея, съ одной стороны, «экономистовъ», съ другой—Михайловскаго.

Подъ формулировкой, которую, со словъ Уэкфильда, приводитъ Михайловскій, могутъ подписаться вообще всѣ «экономисты». Въ этой формулировкѣ устанавливается, прежде всего, фактъ глубоко

---

*) См. „Формула прогресса г. Михайловскаго", Спб. 1906. Первоначально печатана въ „Отеч. Зап." 1870 г., февраль. Статья эта самая замѣчательная работа по критикѣ Михайловскаго. Ср. о ней въ книгѣ г. Бердяева прим. 124 стр., также XXIV стр. предисловія. Ср. у г. Ранскаго, стр. 115, 160—1, и др. Для марксистовъ особенно цѣннымъ было указаніе Лаврова, что общество, удовлетворяющее требованія „формулы прогресса" Михайловскаго, было бы не прогрессивно, да и вообще, съ этой точки зрѣнія, нѣтъ прогресса. Что Лавровъ дѣлалъ такія возраженія въ 1870 году, это не удивительно, его возраженія исторически вполнѣ законны, ибо онъ зналъ *только одну статью* Михайловскаго, въ которой были даны къ тому же неудовлетворительныя формулировки терминовъ простой и сложной кооперацiи. Совсѣмъ въ другомъ положеніи были марксисты. *На всѣ вопросы, поставленные Лавровымъ, Михайловскій впослѣдствіи далъ полный отвѣтъ*, въ частности вопросъ *о прогрессивной* смѣнѣ формъ общественнаго раздѣленія труда онъ съ удивительной глубиной и талантомъ разрѣшилъ, какъ мы уже указывали, своимъ замѣчательнымъ трудомъ по теоріи „героевъ и толпы", самомъ крупномъ произведеніи всей русской соціологіи. Ничего этого марксистскіе критики не поняли.

прогрессивнаго значенія для развитія производительности труда коопераціи человѣческихъ силъ въ противовѣсъ индивидуальному разобщенію ихъ. «Сочетаніе труда, или кооперація, безусловно способствуетъ производительности труда». (Слова Михайловскаго). Таковъ фактъ. Но само сочетаніе труда можетъ быть двухъ родовъ— простое и сложное. Сложное сочетаніе труда основывается «на раздѣленіи» разныхъ его функцій между разными людьми: «раздробляя всю операцію на части и выбирая каждый себѣ отдѣльную часть», «разные люди работаютъ въ разныхъ мѣстахъ надъ разными дѣлами». Или, какъ говорилъ Михайловскій впослѣдствіи про этотъ типъ раздѣленія труда, названный Дюркгеймомъ «органической солидарностью», здѣсь сочетаніе труда — «солидарность» — «основывается на различіяхъ между людьми, на раздѣленіи труда». Для Михайловскаго, какъ и для Пожина-Бухарцева, съ самаго начала его сознательной жизни, этотъ типъ «органической солидарности» и былъ источникомъ всякихъ патологическихъ явленій въ современномъ и вообще историческомъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ Пожинъ-Бухарцевъ готовъ былъ бы сказать, что, «вмѣсто историческаго *развитія* человѣчества», мы имѣемъ «историческое *разложеніе* человѣчества»; но, оговаривается онъ, «намъ не повѣрятъ, или, вѣрнѣе, насъ не поймутъ». И, дѣйствительно, основанная на этомъ принципѣ «формула прогресса» Михайловскаго не была ни оцѣнена по достоинству, ни даже «понята» *).

Сложной коопераціи Михайловскій противопоставляетъ простую кооперацію, повидимому, самостоятельно дополняя въ этомъ пунктѣ аргументацію Пожина-Бухарцева **). «Въ простомъ сотрудничествѣ нѣсколько человѣкъ одинаково помогаютъ другъ другу въ одномъ и томъ же дѣлѣ»,—это опредѣленіе со словъ Уэкфильда. Самостоятельно, на 61 стр. той же статьи «Что такое прогрессъ?», Михайловскій опредѣляетъ простое сотрудничество, какъ «сочетаніе труда равныхъ людей, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль». А въ статьѣ о Дюркгеймѣ, который простое сотрудничество называетъ «механической солидарностью», въ противовѣсъ «органической солидарности», какъ синонимъ «сложной коопераціи», Михайловскій въ свою очередь говоритъ, что «механическая солидарность» или простая кооперація основана «на сходствѣ между людьми». Само со-

---

*) Приведенныя цитаты, принадлежащія Михайловскому, см „Соч." т. I, стр. 48, 49; о Дюркгеймѣ, „Отклики" т. II, стр. 73, 74. Дальнѣйшія опредѣленія въ текстѣ взяты отсюда же. Слова Бухарцева-Пожина, см. въ брошюрѣ М. Гоца. стр. 35.

**) Впрочемъ это трудно утверждать положительно по тѣмъ даннымъ, которыя есть въ брошюрѣ М. Р. Гоца. „Въ одной статьѣ"—говоритъ Гоцъ въ примѣч. на 37 стр. своей брошюры - „Пожинъ подробно развиваетъ взглядъ на значеніе *взаимопомощи* (курс. Гоца) въ противоположность борьбѣ за существованіе для органическаго развитія". Быть можетъ изъ этого взгляда на роль „взаимопомощи" и развилась впослѣдствіи теорія простой коопераціи Михайловскаго. Ср. у него также т. I, 294.

бой понятно, что если сложная кооперація является источникомъ многочисленныхъ патологическихъ явленій въ жизни личности, то, наоборотъ, простая кооперація несетъ за собой свѣжее, прогрессивное начало, начало солидарности. «Только при ней», взятой «какъ основа общежитія вообще», осуществимъ знаменитый девизъ: «свобода, равенство и братство». И разницу между обоими типами, простымъ и сложнымъ сочетаніемъ труда, Михайловскій, *опять-таки словами Уэкфильда*, описываетъ такимъ образомъ: «Въ простомъ сотрудничествѣ человѣкъ всегда сознаетъ, что сотрудничаетъ съ другими: взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу. Причину этого различія нетрудно понять. Когда нѣсколько человѣкъ поднимаютъ одну тяжесть, или тащатъ одинъ канатъ въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, тутъ невозможно сомнѣваться, что они сотрудничаютъ другъ съ другомъ: этотъ фактъ вносится въ мысль простымъ чувствомъ зрѣнія. Но когда разные люди работаютъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ, надъ разными дѣлами, ихъ сотрудничество не такъ прямо замѣчается, хотя они столь же положительнымъ образомъ содѣйствуютъ другъ другу: чтобы замѣтить этотъ фактъ, нужна сложная умственная операція».

Можно ли вывести, подобно г. Бердяеву, изъ этихъ опредѣленій, что простая кооперація есть не болѣе, какъ «идеализація мелкаго самостоятельнаго производителя»? Мы думаемъ, что нѣтъ, нельзя,—не трудно замѣтить изъ всѣхъ этихъ опредѣленій, что мысль Михайловскаго гораздо глубже и плодотворнѣе, чѣмъ то показалось г. Бердяеву, и даже самъ г. Бердяевъ оговариваетъ правоту «нѣкоторыхъ чертъ будущаго сотрудничества» *), по типу простой коопераціи, какъ они намѣчены Михайловскимъ, заставляя думать, такимъ образомъ, что тутъ дѣло, очевидно, не въ простой идеализаціи натуральнаго хозяйства. Но если заявленія г. Бердяева объективно не состоятельны, то тѣмъ не менѣе въ нѣкоторомъ отношеніи они имѣютъ за собой субъективныя оправданія въ неясности формулировокъ Михайловскаго. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь Михайловскій строго различаетъ техническое отъ общественнаго раздѣленія труда, между тѣмъ, во всѣхъ данныхъ имъ опредѣленіяхъ это различеніе не проведено достаточно категорично. И опять-таки здѣсь сказывается не недостатокъ ясности мысли, ибо въ пояснительныхъ примѣрахъ, играющихъ всецѣло роль основной аргументаціи **), это разграниченіе проведено и точно и катего-

---

*) „Нѣкоторыя черты будущаго сотрудничества г. Михайловскій уловилъ, но далеко не вполнѣ (прим 154 стр.), говоритъ г. Бердяевъ.

**) Да и не только въ пояснительныхъ примѣрахъ, впрочемъ. Въ статьѣ „Теорія Дарвина и общ. наука“, гдѣ Михайловскій на примѣрѣ Дарвина развиваетъ общія теоретическія положенія статьи „Что такое

рично, а исключительно недостатокъ изложенія. Чтобы вскрыть этотъ недостатокъ, а равно сразу обезпечить себя отъ ошибочнаго истолкованія терминовъ Михайловскаго, намъ надо ввести во всѣ приведенныя выше опредѣленія простой и сложной коопераціи въ качествѣ провѣрочнаго испытанія принципъ коопераціи, какъ основы общежитія. Тогда получится слѣдующее. Михайловскій говоритъ, что простая кооперація есть кооперація *равныхъ*, она основана «на *сходствахъ* между людьми», въ противоположность сложной коопераціи, основанной «на *различіяхъ*» и неравенствѣ. Но о какомъ равенствѣ, сходствахъ, различіи и неравенствѣ тутъ идетъ рѣчь? Очевидно, не о томъ, которое имѣютъ въ виду «экономисты» при изслѣдованіи роли простой коопераціи въ процессѣ производства, т.-е. не о различіяхъ и несходствахъ, обусловленныхъ *техническимъ* раздѣленіемъ труда, распаденіемъ процесса производства на отдѣльныя мелкія операціи. Если бы было такъ, то теряло бы всякій raison d'être разграниченіе трехъ родовъ раздѣленія труда у Михайловскаго, тогда какъ это разграниченіе проникаетъ всю теорію прогресса и кажется ему настолько существеннымъ, что установленіе его, по крайней мѣрѣ, въ одной частной области, онъ ставитъ, какъ мы знаемъ, въ особую заслугу себѣ. Поэтому смыслъ всѣхъ терминовъ Михайловскаго, которые мы сейчасъ анализируемъ, раскрывается только въ томъ случаѣ, если мы будемъ помнить, что въ нихъ идетъ рѣчь о раздѣленіи труда, *какъ «основы общежитія»*—вотъ въ этомъ рѣшительно все. Если Михайловскій говоритъ, что простая кооперація есть кооперація равныхъ, то

прогрессъ" онъ точно также «принципъ раздѣленія труда» отграничиваетъ отъ „спеціально-экономической, технической сферы", возводя его здѣсь „на степень основанія всего общественнаго строя"; чѣмъ предопредѣляется, хотя не въ такой полнотѣ, позднѣйшая формулировка этого принципа въ критикѣ Дюркгейма. См. стр. 291 и примѣчан. къ ней т. I. Статья написана въ декабрѣ 1871 года.—Ср. слѣдующее: г. Ивановъ-Разумникъ, на стр 193 II-го тома своей книги „Исторія русск. обществен. мысли" Спб. 1907 г. считаетъ нужнымъ въ скобкахъ „кстати замѣтить", что „Михайловскій не различалъ общественнаго и техническаго раздѣленія труда", „о послѣднемъ см. только"—прибавляетъ г. Ивановъ-Разумникъ,—„т. VI, стр. 410 и гл. IV „Откликовъ" ст. о Дюркгеймѣ. Здѣсь все не вѣрно. Во-первыхъ, не только въ этихъ мѣстахъ Михайловскій говоритъ о различіи техническаго и общественнаго раздѣленія труда—уже у насъ приведено четыре такихъ мѣста. Во-вторыхъ, *вся критика* Дарвина, какъ только что указано, построена на критикѣ раздѣленія труда, взятаго *за основу общежитія*, что предполагаетъ разграниченіе разныхъ видовъ раздѣленія труда. Да и кромѣ того, хотя бы было „только" два мѣста, посвященныя такому разграниченію, то все таки нельзя сказать, что Михайловскій не различаетъ то, что по его же словамъ „слѣдуетъ различать" (см. стр. 410 т. VI, указанную г. Ивановымъ). Просто на просто г. Ивановъ-Разумникъ не понялъ, какое мѣсто въ міровоззрѣніи Михайловскаго занимаетъ разграниченіе техническаго отъ экономическаго раздѣленія труда, поэтому и рѣшился совсѣмъ не „кстати замѣтить". Но къ сожалѣнію, онъ и многое другое не понялъ у Михайловскаго.

здѣсь онъ имѣетъ въ виду равенство по *общественному*, а не профессіональному, какъ при техническомъ раздѣленіи труда, положенію. Если онъ противопоставляетъ кооперацію на *сходствахъ* кооперацiи на различіяхъ, то здѣсь берутся во вниманіе тѣ сходства и различія, которыя вытекаютъ изъ сходствъ и различій опять таки *исключительно* по общественному положенію. Элементъ техническаго раздѣленія труда тутъ совершенно устраняется. Мы упомянули выше, что изъ опредѣленій Михайловскаго разныхъ родовъ раздѣленія труда съ неизбѣжной и очевидной ясностью вытекаетъ возможность, по крайней мѣрѣ логическая, такихъ порядковъ, когда при высокомъ техническомъ раздѣленіи труда общественное раздѣленіе труда будетъ сведено до минимума. А это значитъ, что простая кооперація, можетъ сочетаться съ высокимъ техническимъ развитіемъ, или, иначе, она можетъ имѣть мѣсто и въ обществѣ, обладающемъ высоко развитымъ технически производствомъ, благодаря чему совершенно падаетъ призракъ идеализаціи въ простой кооперацiи натуральнаго хозяйства. Что все это дѣйствительно точно передаетъ мысли Михайловскаго мы сейчасъ убѣдимся на разныхъ примѣрахъ, аргументирующихъ у него основную идею различія простой и сложной коопераціи.

Такъ, (см. «Что такое прогрессъ»; т. I, стр. 87) «Вольная Запорожская Сѣчь, организованная демократически-республиканскимъ образомъ съ сильнымъ оттѣнкомъ коммунизма, представляетъ примѣръ простого сотрудничества», по словамъ Михайловскаго. Это кооперація равныхъ, т.-е. людей одного общественнаго положенія, сбросившихъ съ себя при вступленіи въ Сѣчь «ветхаго Адама» старыхъ общественныхъ особенностей. Это простая кооперація, несмотря на то, что въ смыслѣ техники, напр., военной, Запорожская Сѣчь могла бы стоять и на высокой ступени развитія, выработавъ при этомъ опредѣленныя формы распредѣленія между своими членами разныхъ техническихъ функцій, т.-е. техническаго раздѣленія труда. Но вотъ, рядомъ съ Запорожской Сѣчью, «казаки-горожане, земледѣльцы и пастухи составляютъ общества по типу сложнаго сотрудничества», а не простого сотрудничества, какъ то слѣдовало бы съ точки зрѣнія «экономистовъ», ибо тутъ мы имѣемъ въ наличности общественное раздѣленіе труда, «спеціализацію соціальныхъ отправленій» и распредѣленіе такихъ спеціализированныхъ общественныхъ функцій по разнымъ группамъ, послѣдствіемъ чего является *неравенство* по *общественному* положенію: очевидно, что казакъ-горожанинъ, земледѣлецъ и пастухъ составляютъ общество людей «несходныхъ», кооперацію, основанную на различіяхъ и неравенствѣ. И опять-таки,—достаточно казаку-горожанину, пастуху или земледѣльцу войти въ составъ Запорожской Сѣчи, какъ тамъ они сбрасываютъ съ себя «различія» по былому общественному положенію и входятъ въ составъ коопераціи, основанной на сходствахъ,—«коопераціи равныхъ». Это, однако, еще далеко не

все. Внутри нашего общества—по типу сложной коопераціи—казаковъ-горожанъ, земледѣльцевъ, пастуховъ вполнѣ возможна простая кооперація. Простая кооперація основана на сходствахъ, сложная на различіяхъ. Но, вѣдь, очевидно, что если между казакомъ и земледѣльцемъ больше отличій, чѣмъ сходства, то между казаками въ отдѣльности и между земледѣльцами опять же въ отдѣльности вполнѣ возможны новыя соединенія, но уже по типу простой коопераціи. Пастухи съ пастухами, какъ люди одного соціальнаго положенія, ничѣмъ въ этомъ смыслѣ другъ отъ друга неотличающіеся, точно такъ же какъ казаки съ казаками, земледѣльцы съ земледѣльцами,—вообще люди, сходные по общественной роли и положенію, между собой и *только между собой* составляютъ коопераціи, основанныя на сходствахъ, простыя коопераціи. И, наоборотъ, Запорожская Сѣчь, представляющая сама по себѣ примѣръ простой коопераціи, можетъ войти, да фактически и входила, хотя безъ формальнаго подчиненія, въ составъ сложной коопераціи, которой въ данномъ случаѣ являлось все русское государство, состоявшее, какъ тѣло разнородное, изъ цѣлаго ряда тѣлъ соціально-однородныхъ: бояръ, крестьянъ, тяглыхъ людей, купцовъ, мѣщанъ и т. п. Таковы выводы, которые мы можемъ сдѣлать изъ примѣра организаціи казачества. «Само собою разумѣется,—прибавляетъ Михайловскій,—что эта организація казачества можетъ дать только слабое понятіе какъ о первобытной жизни, съ одной стороны, такъ и о дальнѣйшихъ, болѣе развитыхъ формахъ простого и сложнаго сотрудничества». И въ дальнѣйшемъ мы еще увидимъ тѣ болѣе развитыя формы разныхъ типовъ сотрудничества, о которыхъ говоритъ здѣсь Михайловскій.

Примѣръ съ казаками-горожанами и земледѣльцами окончательно позволяетъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Экономисты *) брали

*) Въ частности Марксъ, подъ вліяніемъ формулировокъ котораго несомнѣнно находится г. Бердяевъ. Для Маркса простая кооперація есть прежде всего технически отсталое производство. „Примѣры колоссальнаго дѣйствія простой коопераціи представляютъ намъ,—говоритъ онъ,—исполинскія сооруженія древне-арійцевъ, египтянъ, этрусковъ и т. д.". См. „Капиталъ", т. I. изд. 1897 г. 286 стр. Ср. также 287, 288. Простая кооперація для Маркса—синонимъ, строго говоря, отсутствія коопераціи, понимая подъ послѣдней сотрудничество взаимно связанныхъ самимъ процессомъ производства работниковъ; Марксъ такъ и говоритъ, дѣйствительно, что „сама кооперація представляется лишь особой исторической формой, свойственной капиталистическому процессу производства". Ср. т. I „Капитала" 280 стр., гдѣ идетъ рѣчь о простой коопераціи въ иномъ смыслѣ, при господствѣ капиталистическаго строя. Здѣсь радикально измѣняется общая техническая основа простой коопераціи. Простую кооперацію составляютъ у Маркса при капиталистическомъ производствѣ, работники, которые „выполняютъ одну и ту же работу или работы сходнаго рода", причемъ „различныя операціи",—конечно, *технически*-различныя,—распредѣляются между „различными лицами". Ср. это съ выше приведеннымъ опредѣленіемъ Михайловскаго—словами Уэкфильда—о „разныхъ людяхъ",

термины сложной и простой коопераціи въ технически-экономическомъ смыслѣ. Напр., для Маркса то общество по типу раздѣленія труда, которое существуетъ рядомъ съ Запорожской Сѣчью,—«общество казаковъ-горожанъ, земледѣльцевъ и пастуховъ», какъ оно опредѣлено въ «Что такое прогрессъ», есть экономически неразвитое общество, общество по типу простой коопераціи. Съ его точки зрѣнія здѣсь даже нѣтъ еще коопераціи, есть только простое сочетаніе труда, и кооперація появляется только съ капиталистическимъ производствомъ. Тогда какъ для Михайловскаго общество, существующее рядомъ съ Сѣчью,—есть сложная кооперація. Далѣе, то же самое относится къ примѣрамъ, которые приводитъ самъ Марксъ (см. въ предыдущемъ примѣчаніи), — для Маркса примѣръ простой коопераціи даетъ организація работы по сооруженію исполинскихъ построекъ этрусковъ, египтянъ, малоазійцевъ. Здѣсь былъ технически неразвитой рабскій трудъ. Однако, для Михайловскаго организація работъ въ данномъ случаѣ, предполагая подневольный трудъ, т. е. господъ и рабовъ,—будетъ *сложнымъ* сотрудничествомъ. Тамъ, гдѣ есть рабы и господа, общежитіе построено *на различіяхъ по общественному положенію*, здѣсь «спеціализированы» разныя «соціальныя отправленія», какъ выражается Михайловскій въ статьѣ о Дарвинѣ (см. т. 1 стр. 296), различіе же по общественному положенію создастъ кооперацію сложнаго сотрудничества.

Но опять-таки,—какъ и въ примѣрѣ съ казаками,—эта же форма коопераціи отнюдь не исключаетъ наличности простого сотрудничества, — *всѣ* рабы входятъ въ одинъ общій составъ людей сходныхъ по общественному положенію, занятыхъ выполненіемъ однѣхъ соціальныхъ функцій («отправленій»), т. е. входятъ въ простую кооперацію; *всѣ* господа въ свою очередь *равны* по общественному же положенію (или, если и не равны, то всѣ ихъ какія-либо индивидуальныя отличія тонутъ въ томъ общемъ, чѣмъ характеризуется ихъ общественное положеніе, какъ господъ), и составляютъ тоже *простую* кооперацію. И обѣ эти группы—рабы и рабовладѣльцы—*взятыя вмѣстѣ*, составятъ кооперацію, основанную на различіяхъ, сложную кооперацію. *Сообразно всему этому, задачей соціологіи,—какъ она представляется Михайловскому,—*

которые „въ разныхъ мѣстахъ дѣлаютъ разное дѣло". Такъ какъ Михайловскій разумѣетъ въ концѣ концовъ „*соціально* различныя" дѣла, различныя общественныя функціи, но недостаточно оттѣняетъ это въ данныхъ имъ первоначально на 48 стр. т. I ст. „Что такое прогрессъ" формулировкахъ, то отсюда и пошли всевозможныя недоразумѣнія, санкціонированныя впослѣдствіи „научной критикой". Кромѣ г. Бердяева это опредѣленіе простой коопераціи восприняль у Маркса и примѣнилъ къ критикѣ Михайловскаго проф. Желѣзновъ (см. его „Очерки пол. экон.", лекція V, особенно 185 стр. и др.). Проф. Желѣзновъ несомнѣнно принадлежитъ къ „людямъ науки", но тѣмъ не менѣе вся его критика Михайловскаго бьетъ мимо цѣли.

является изученіе обоихъ типовъ коопераціи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вліяніи на судьбы человѣческой личности.

III.

Идемъ теперь еще дальше въ анализѣ понятія простой и сложной коопераціи, «различными сочетаніями» каковыхъ типовъ сотрудничества объясняется для Михайловскаго,—какъ мы знаемъ,—«вся исторія человѣчества» съ господствомъ въ его средѣ «борьбы за индивидуальность»

Пока намъ ясна основная, характерная черта обоихъ типовъ коопераціи: простая кооперація представляетъ въ соціальномъ отношеніи тѣло *однородное*, сложная кооперація, наоборотъ, тѣло *разнородное*. Но что такое однородное и разнородное тѣло въ соціальномъ отношеніи? Михайловскій отвѣчаетъ на это очень просто. Простое сотрудничество предполагаетъ, вѣдь, наличность какой-то *общей* цѣли, т. е. одинаковой жизненной задачи, а если «цѣль эта общая для всѣхъ», какая бы она ни была конкретно, то это значитъ, что *интересы ихъ* (т. е. этихѣ «всѣхъ», составляющихъ простую кооперацію—казаковъ, пастуховъ, земледѣльцевъ) *совершенно солидарны* (т. I, 85). Или, говоря иначе, «однородное» тѣло, уже тѣмъ самымъ, что оно однородно, предполагаетъ *полную* солидарность интересовъ, что и понятно. Интересы,—общественные интересы, конечно,—всѣхъ пастуховъ, какъ лицъ, составляющихъ отдѣльную соціальную группу, вполнѣ и «совершенно солидарны». Интересы тѣхъ рабовладѣльцевъ, пирамиды которыхъ построены на костяхъ и крови рабовъ,—конечно, тоже «совершенно солидарны», и рабовладѣльцы дѣйствительно составляютъ отдѣльную соціальную группу, «кооперацію», замкнутую въ самой себѣ. Однако, интересы рабовъ, голыми руками воздвигавшихъ пирамиды, точно также вполнѣ солидарны, и рабы запечатлѣли эту солидарность кровавыми возстаніями за свое освобожденіе. Итакъ,—простая кооперація, соединяя въ самой себѣ людей одного соціальнаго положенія, уже тѣмъ самымъ основана на *солидарности* общественныхъ интересовъ.

«Въ простомъ сотрудничествѣ,—говоритъ Михайловскій въ ст. «Что такое прогрессъ»—общая цѣль вызываетъ солидарность интересовъ и взаимное пониманіе членовъ общества; *какъ люди равные* (кооперація на основаніи «сходства»), находящіеся *въ одномъ и томъ же положеніи* (кооперація, какъ «основа общежитія») имѣющіе однѣ и тѣ же цѣли, стремленія, мысли и чувства, они не только успѣшно работаютъ, но, кромѣ того, имѣютъ полную возможность въ каждую данную минуту проникнуться жизнью своего товарища, пережить эту жизнь въ самомъ себѣ и относиться къ нему постоянно, какъ къ самому себѣ. *Высокій нравственный уро-*

вени составляетъ естественный результатъ такого порядка вещей» (т. I, 91).

Наоборотъ, въ основѣ сложной кооперацiи и въ качествѣ ея характернѣйшей, съ точки зрѣнiя Михайловскаго, черты лежитъ не солидарность между составляющими такую кооперацiю единицами, а рѣзкое, временное или постоянное раздѣленiе, а потому и борьба взаимно связанныхъ, «кооперированныхъ» группъ внутри ея. Таковой выводъ подсказывается опять-таки самимъ составомъ сложной кооперацiи, въ которой взаимно связаны единицы соцiально-разнородныя, а то, что разнородно, не можетъ быть солидарно, ибо, какъ въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, разнородность соцiальная предполагаетъ разнородность интересовъ, въ каковой разнородности лежитъ источникъ борьбы во всѣхъ ея извѣстныхъ намъ историческихъ формахъ. Что дѣйствительно такова мысль Михайловскаго, мы это сейчасъ увидимъ.

Указавъ на принципы равенства господствующiе въ простомъ сотрудничествѣ, а равно на вытекающiя отсюда правила морали,- Михайловскiй на той же 91 стр. статьи «Что такое прогрессъ» продолжаетъ: «Не таковы междуличныя отношенiя въ обществѣ, построенномъ на принципѣ сложнаго сотрудничества... Одни вязнутъ въ безысходномъ трудѣ, до-нельзя развивая ту или иную часть своей мускульной силы. Другiе, обращаясь въ спецiалистовъ нервной дѣятельности, *живутъ на счетъ труда первыхъ* и не только не оплачиваютъ имъ за это чѣмъ бы то ни было, но *даже утрачиваютъ всякое представленiе о своей солидарности съ ними*, о томъ, что безъ нихъ они не могли бы имѣть ни одного изъ тѣхъ наслажденiй, которыя даются утонченно развитой нервной системой» (стр. 92). Здѣсь два (въ другихъ случаяхъ можетъ быть и больше) составные элемента, рѣзко отличающiеся одинъ отъ другого во всѣхъ отношенiяхъ, утратившiе «всякое представленiе о своей солидарности». Здѣсь мы имѣемъ наличность спецiализированныхъ общественныхъ функцiй, разслоенiе однороднаго общества на группы, раздѣленiе труда и раздѣленiе интересовъ. Сказать, что такое общество утратило представленiе о солидарности — мало; раздѣлившись на разныя группы, отнынѣ оно проникнуто принципомъ антагонизма между ними, на что и указывалъ, главнымъ образомъ, Ножинъ-Бухарцевъ въ своей критикѣ раздѣленiя труда. «Борьба за существованiе между организмами—лишь результатъ несходства ихъ организацiи,—говоритъ онъ,—или когда они сходны (т. е. принадлежатъ къ одной ступени развитiя, къ одному виду), то результатъ *антагонизма интересовъ или,—что то же самое,—раздѣленiя труда»* *). Вотъ эту глубоко плодотворную идею объ

*) Отсюда коренное различiе бiологическаго понятiя о борьбѣ за существованiе отъ ея соцiологическаго значенiя. См. объ этомъ у Михайловскаго въ ст. „Аналогическiй методъ въ общественной наукѣ“. т. I, стр. 361-362,

антагонизмѣ соціальныхъ интересовъ, вызванныхъ распаденіемъ солидарной до того времени и спаянной одной общей цѣлью, одной жизненной задачей однородной первобытной группы, Михайловскій, вслѣдъ за Ножинымъ-Бухарцевымъ, дѣлаетъ центральнымъ пунктомъ своей теоріи разныхъ типовъ кооперацін. Натолкнутый на нее первоначально, повидимому, Ножинымъ-Бухарцевымъ, благотворность вліянія котораго на Михайловскаго въ этомъ пунктѣ трудно преувеличить, Михайловскій вслѣдъ затѣмъ уже самостоятельно дѣлаетъ ее отправнымъ пунктомъ всѣхъ своихъ соціологическихъ построеній и конкретной задачей своей публицистики.

«Раздѣленіе труда, способствуя распаденію общества на нѣсколько группъ, постепенно отодвигаетъ общую цѣль этихъ группъ назадъ,—говоритъ онъ (т. I. 182), и замѣняетъ ее частными цѣлями, *все болѣе расходящимися, а иногда и прямо враждебными одна другой*... И каждая изъ нихъ обязываетъ своихъ представителей *все болѣе и болѣе углублять пограничныя межи*, проведенныя раздѣленіемъ труда», усиливая, такимъ образомъ, «враждебность» во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ группъ. До раздѣленія труда первобытное общество сохраняло полную однородность, т. е. солидарность интересовъ; оно было простой коопераціей въ ея примитивномъ видѣ; съ раздѣленіемъ труда разныя общественныя функціи, до того времени бывшія доступными каждому члену общества, стали обособляться,—военная, духовная, торговая дѣятельность спеціализировались, общественный и раньше бывшій общимъ трудъ раздѣляется, «способствуя распаденію общества на нѣсколько группъ», прежняя простая кооперація съ ея общей жизнью расчленяется на рядъ новыхъ группъ, каждая изъ которыхъ живетъ сама по себѣ, своими собственными интересами и состоитъ изъ людей одинаковаго соціальнаго положенія. Очевидно, возможность постановки одной, общей для всѣхъ задачи, какъ раньше, при этомъ совершенно исчезаетъ. Жизнь разбилась на группы, «*свои* становятся *чужими*» (см. т. I, 625) и отдѣльныя групповыя цѣли и задачи, будучи въ противорѣчіи другъ съ дру-

---

а также 381, 382. Слова Ножина (курсивъ въ нихъ принадлежитъ самому Ножину) см. у М. Р. Гоца, „Системы правды" и т. д. 36 стр. Самъ М. Гоцъ говоритъ про Ножина, что онъ „свободно парилъ смѣлой мыслью между двумя полюсами общественной жизни, обществомъ и индивидуумомъ" (30). Ср. также на 48-49 стр. отзывъ Гоца о Михайловскомъ: „Михайловскій только намѣчаетъ вопросъ объ антагонизмѣ интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ". Оба эти отзыва о Ножинѣ и Михайловскомъ—совсѣмъ не вѣрны. Именно, громадная заслуга и оригинальность Ножина въ томъ и заключается, что онъ не «парилъ смѣлою мыслью между двумя полюсами общественной жизни», а проблему борьбы между обществомъ и индивидуумомъ сумѣлъ, хотя только въ основныхъ чертахъ, поставить въ связь съ антагонизмомъ общественныхъ группъ. Словами Гоца можно сказать, что Ножинъ эту мысль еще „только намѣчаетъ", Михайловскій же даетъ ей замѣчательное соціологическое обоснованіе.

томъ, исключаютъ возможность общей дѣятельности во имя одной цѣли и на почвѣ однихъ интересовъ, которые теперь стали уже не общими, а групповыми. «Въ предѣлахъ каждой изъ этихъ группъ личное *я* ея представителей можетъ, а въ извѣстной степени и должно расшириться и совпасть съ групповымъ *я*. Но затѣмъ въ цѣломъ обществѣ мы все таки имѣемъ не одну, а нѣсколько эгоцентрическихъ точекъ зрѣнія». (См. т. I; 182). Напримѣръ: «специалистъ умственной дѣятельности, браминъ, вполнѣ способенъ обогатить запасъ своихъ личныхъ наслажденій сочувствіемъ къ наслажденіямъ всѣхъ подобныхъ ему браминовъ» *), т. е. людей, входящихъ въ одну съ нимъ простую кооперацію,—но не больше. Браминъ, сочувствуя наслажденіямъ и интересамъ подобныхъ ему браминовъ будетъ въ то же время глухъ къ интересамъ гибнувшаго на его глазахъ съ голода судры, индійскаго пролетарія. И то же самое, съ своей стороны, испытываетъ судра по отношенію къ браминамъ,—радость и горе брамина, расцвѣтающія на почвѣ специальныхъ браминскихъ интересовъ, ему будутъ чужды и непонятны. Здѣсь устанавливаются тѣ же отношенія, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ у рабовъ съ рабовладѣльцемъ. «Рабовладѣльцу легко проникнуться жизнью такого же, какъ и онъ, рабовладѣльца, ведущаго одинаковый съ нимъ образомъ жизни, имѣющаго тѣ же привычки, потому что личный ихъ опытъ почти тождественъ. Но понять страданія и горести раба, поставить себя въ его положеніе, для рабовладѣльца несравненно труднѣе. Онъ никогда не испытывалъ того, что испытываетъ рабъ. Поэтому онъ естественно высоко ставитъ радости и горести своей группы и ни въ грошъ не ставитъ радостей и горестей другихъ группъ; онъ ихъ не замѣчаетъ, онѣ для него не существуютъ. Онъ видитъ раны и не видитъ, слышитъ стоны и не слышитъ. Въ его сознаніи они отдаются глухо, хотя въ то же время онъ способенъ съ полной отчетливостью оцѣнить горести и радости своихъ сотрудниковъ. Эта естественная неравномѣрность оцѣнки существеннымъ образомъ отражается на всемъ его психическомъ складѣ, состояніе котораго, такъ сказать, замораживается въ цѣломъ ряду поколѣній наслѣдственною передачею». Браминъ, судра, рабъ, рабовладѣлецъ,—всѣ они оцѣниваютъ міръ не съ какой нибудь одной, общей для нихъ всѣхъ, точки зрѣнія—это просто невозможно,—а каждый съ своей групповой точки зрѣнія,—«въ цѣломъ обществѣ мы имѣемъ не одну, а нѣсколько эгоцентрическихъ точекъ зрѣнія»,—какъ говоритъ Михайловскій въ приведенной выше цитатѣ *). Старая былая «солидарность» совершенно

*) Введеніе къ „Борьбѣ за индивидуальность" т. I, стр. 462. Слѣд. цит. о психологіи рабовладѣльца см. т. I, стр. 141 ст. „Что такое прогрессъ".

**) Отсюда „эксцентрическій" періодъ развитія человѣчества, терминъ, впослѣдствіи оставленный Михайловскимъ, какъ мы уже указывали.

исчезаетъ. Напротивъ, «внутри отдѣльныхъ обществъ исторія отмѣчаетъ процессъ обособленія кастъ, сословій, классовъ, партій, вообще разнаго рода соціальныхъ группъ», и все это въ жизни человѣчества «слагается въ такой сложный переплетъ явленій, въ которомъ мудрено разобраться при помощи одного существительнаго «солидарность». Тутъ требуются еще какія то прилагательныя,—говоритъ Михайловскій,—опредѣляющія не только районъ дѣйствія солидарности, но и различныя ея формы, различные типы солидарности» *). И свое отношеніе къ роли «солидарности» въ развитіи человѣческихъ обществъ онъ формулируетъ такъ: «По мѣрѣ того, какъ принципъ раздѣленія труда осуществляется въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ процессъ дифференцированія дробитъ общество на рѣзко обособленныя группы, имѣющія свои собственные и другимъ недоступные цѣли и интересы—получается двоякій результатъ. Съ одной стороны, сочувственный опытъ имѣетъ болѣе широкое и полное примѣненіе въ средѣ каждаго изъ обособившихся слоевъ общества, а съ другой—для каждаго изъ представителей извѣстнаго слоя утрачивается возможность поставить себя въ положеніе представителя другого слоя» **). «Солидарность членовъ» *внутри* «каждой изъ группъ возрастаетъ, тогда какъ солидарность группъ», солидарность въ отношеніяхъ *между* группами «или убываетъ, или если возрастаетъ, то принимаетъ совершенно новую форму, новый характеръ» ***).

Данныя предыдущаго анализа настолько уже вскрыли передъ нами сущность понятія простой и сложной коопераціи, что мы можемъ перейти къ нѣкоторымъ попутнымъ, но необходимымъ, обобщающимъ указаніямъ.

Михайловскому важно было не только опредѣлить отличительные признаки простой коопераціи, но и указать, въ какихъ явленіяхъ общественно-исторической жизни слѣдуетъ искать проявленія ихъ. Его ученіе о разныхъ типахъ коопераціи было бы, очевидно, неполнымъ, если бы онъ не указалъ районъ распространенія простой коопераціи и характеръ ея роли при тѣхъ или иныхъ историческихъ условіяхъ. Основныя предпосылки для разрѣшенія этихъ вопросовъ мы какъ разъ и имѣемъ въ предыдущемъ изложеніи.

---

*) „Отклики" т. II, стр. 64, ст. „О Дюркгеймѣ".

**) Введеніе къ „Борьбѣ за индивидуальность", т. I, стр. 462. Ср. въ „Что такое прогрессъ" т. I, стр. 140.

***) „Отклики" т. II. 64. Ср. тамъ же, стр. 88, 89 (курсивъ подлинника): „Допустимъ, что органическая солидарность дѣйствительно связывала различные классы римскаго общества, хотя это болѣе чѣмъ сомнительно. Затѣмъ, были ли связаны взаимною солидарностью патриціи и плебеи, или нѣтъ, но патриціи *въ своей* средѣ и плебеи *въ своей*—несомнѣнно имѣли общіе интересы, общія мысли и чувства, объединявшіе ихъ солидарностью, и именно механическою. И это не случайность, а такая же физическая неизбѣжность, съ какою освѣщенный солнцемъ предметъ всюду сопровождается своею тѣнью».

Прежде всего падаетъ утвержденіе П. Л. Лаврова, отодвигавшее простую кооперацію въ эпоху до историческаго человѣка. «Въ дѣйствительности поле дѣятельности механической солидарности далеко не такъ однообразно и узко» *), возражаетъ на это съ полнымъ правомъ Михайловскій, и она «свойственна отнюдь не только первобытнымъ обществамъ». Исполинскія сооруженія малоазійцевъ относятся не къ первобытной эпохѣ, а къ временамъ, уже имѣющимъ свою письменность; Запорожская Сѣчь была сравнительно на свѣжей памяти русскаго народа; брамины и судры существуютъ до сихъ поръ—и въ теченіе всей исторической эпохи отъ исполинскихъ сооруженій малоазійцевъ до нашихъ дней мы имѣемъ разнообразныя проявленія разныхъ формъ простой коопераціи. П. Л. Лавровъ дѣлалъ чисто фактическія ошибки въ своихъ возраженіяхъ противъ теоріи коопераціи Михайловскаго, которыя слишкомъ очевидны, чтобы нужно было на нихъ настаивать спеціально.

Но очевидны, далѣе, точно также чисто фактическія ошибки г. Бердяева. Ни логически, ни исторически простая кооперація не можетъ быть пріурочена къ эпохѣ натуральнаго хозяйства. Вавилонская башня систематической идеализаціи мелкаго производителя, которую воздвигли для объясненія общественнаго происхожденія соціологіи Михайловскаго русскіе марксисты, падаетъ сама собой при одномъ прикосновеніи къ ней самой снисходительной критики. Натуральное хозяйство,—которое марксисты отождествляли (совершенно напрасно) съ «однороднымъ» обществомъ Михайловскаго,—можетъ замѣниться хозяйствомъ, основаннымъ на строго дифференцированномъ трудѣ, но этимъ не устраняется общественная роль простой коопераціи. Такъ думаетъ, по крайней мѣрѣ самъ Михайловскій. «Можно съ рѣшительностью утверждать,—говоритъ онъ,—что каждый сколько-нибудь крупный шагъ общественнаго раздѣленія труда сопровождается и новымъ импульсомъ для механической солидарности» *) которая «какъ тѣнь» (тамъ же, 95) слѣдуетъ за нимъ. И опять-таки подтвержденіе этихъ словъ мы имѣемъ уже въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Первобытное общество распалось, уступивъ мѣсто рабскому труду, рабство пало, замѣнившись крѣпостнымъ правомъ,—общественное раздѣленіе труда дѣлало, такимъ образомъ, новыя завоеванія, ничуть не сокращая этимъ района распространенія простой коопераціи. При рабствѣ—рабы и рабовладѣльцы, при крѣпостномъ правѣ—господа и крѣпостные, а равнымъ образомъ, казаки Запорожья и казаки-горожане, земледѣльцы, не состоявшіе крѣпостными, и пастухи, какъ представители наемнаго труда—открывали громадный районъ для дѣйствія простой коопераціи. Очевидно, Михайловскій былъ правъ, когда говорилъ, что «поле дѣятельности» простой коопераціи «далеко не

*) См. „Отклики“ т. II, стр. 88, слѣдующая цитата на стр. 74.

**) „Отклики“, т. II, стр. 88.

такъ однообразно и узко», какъ это думаютъ обычно его критики;— захватывая громадный районъ, она играетъ громадную роль въ исторіи человѣчества. И анализъ роли простой кооперацін въ общемъ ходѣ исторіи человѣчества привелъ Михайловскаго въ нѣкоторыхъ пунктахъ къ соціологическимъ выводамъ чрезвычайно серьезнаго значенія. Для характеристики ихъ мы и должны сдѣлать теперь нѣсколько замѣчаній.

Классическимъ образцомъ союза, основаннаго на антагонизмѣ, Михайловскій считаетъ въ первобытное время союзы «по кровному родству», т. е. *семейные союзы*. Михайловсскій никогда не вѣрилъ въ святость семейнаго очага, и въ теченіе всей своей литературной дѣятельности онъ систематически подвергалъ во имя идеала новой семьи рѣзкой критикѣ современную мѣщанскую семью, «гдѣ мужъ завѣдуетъ, такъ сказать, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, жена—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ». «Изъ такой семьи выдохлась творческая сила», — по его словамъ. «Никакой высшей общественной индивидуальности она породить не можетъ. Семья умерла, совершивъ весь кругъ органическаго развитія. Такъ умерла она въ высшихъ классахъ европейскихъ націй» *). Но не только въ настоящемъ, а и въ прошломъ, онъ обрисовалъ роль семейнаго начала далеко не розовыми красками. Самую критику общественныхъ формъ въ «Борьбѣ за индивидуальность» онъ началъ съ критики семьи и какъ разъ въ семьѣ онъ видѣлъ,—что очень характерно для него, — элементарную форму *сложной* кооперацін съ присущимъ ей началомъ антагонизма **). Представительницей же первобытной кооперацін и идеи солидарности является вольная банда охотниковъ, основанная въ противовѣсъ семьѣ, какъ союзу на кровномъ родствѣ, на принципѣ «тяготѣнія подобнаго къ подобному *независимо отъ кровныхъ узъ*». «При простомъ сотрудничествѣ пятерыхъ охотниковъ ***), каждый изъ нихъ, зная цѣль, для которой они сбразовали союзъ, не можетъ не видѣть, что цѣль эта общая для всѣхъ нихъ, что интересы ихъ совершенно солидарны».

Въ первобытной же семьѣ, наоборотъ, мужъ и жена гораздо болѣе чужды другъ другу, чѣмъ тѣ пять мужчинъ, которые соединились для охоты. Такъ что, если въ союзъ простого сотрудничества вступаетъ нѣсколько семейныхъ дикарей, участвующихъ, такимъ образомъ, и въ системѣ простого и въ системѣ сложнаго сотрудничества, то для нихъ слагаются два совершенно различные нравственные кодекса: одинъ — для отношеній между мужчинами, другой—для отношеній между женщинами. И первый будетъ необ-

*) „Борьба за индивидуальность", т. I, стр. 578, 579.

**) „Что такое прогрессъ?" т. I, стр. 84.

***) См. Т. I. „Что такое прогрессъ?" стр. 84—85, гдѣ Михайловскій беретъ гипотетическій примѣръ образованія („двое, трое, пятеро человѣкъ дикарей... соединяются для охоты" и т. д.) простой кооперацін и рисуетъ картину воздѣйствія ея на психику тогдашняго человѣка.

ходимо выше, чище, гуманнѣе второго. Поэтому мы и видимъ такъ часто, что первобытный человѣкъ ни въ грошъ не ставитъ даже жизни жены, между тѣмъ какъ признаетъ преступленіемъ убійство такого же какъ и онъ, мужчины. Эти отношенія устанавливаются надолго и не утратили своего значенія и нынѣ». Изъ этихъ разсужденій, относящихся еще къ 1869 году, Михайловскій дѣлаетъ чрезвычайно важные соціологическіе выводы, которые состоятъ въ слѣдующемъ: «*Разграниченіе семейныхъ и чисто общественныхъ чувствъ должно стать прочнымъ и плодотворнымъ достояніемъ науки*, — говоритъ онъ, — ибо *альтруистическая мораль... вытекаетъ не изъ семейныхъ отношеній, какъ обыкновенно думаютъ*: по крайней мѣрѣ, не изъ нихъ однихъ, *а изъ свободнаго тяготѣнія къ себѣ подобнымъ*» *).

До сего времени мы брали примѣры простой кооперацін изъ временъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, теперь же, заканчивая характеристику соціологическаго содержанія терминовъ Михайловскаго, возьмемъ примѣръ изъ современности, который дастъ общій итогъ и общій смыслъ всей этой терминологіи. Примѣръ этотъ, впрочемъ, подсказывается всей характеристикой антагонистическихъ началъ, положенныхъ въ основу сложной кооперацін, какъ ее понимаетъ Михайловскій.

Распаденіе человѣческаго общества на группы съ противоположными интересами или, какъ выражается Михайловскій, «процессъ обособленія кастъ, сословій, классовъ, партій, вообще разнаго рода соціальныхъ группъ», на почвѣ которыхъ развиваются «различныя формы, различные типы» «солидарности», — не окончился къ нашему времени. Человѣчество еще не представляетъ изъ

*) См. эту формулировку въ ст. „Новый взглядъ на происхожденіе общества". Статья посвящена отчасти критикѣ, отчасти изложенію книги Шурца („Altersklassen und Männerbünde" Berlin. 1902). въ „возрастныхъ классахъ" и „мужскихъ союзахъ" котораго Михайловскій нашелъ громадный этнографическій матеріалъ, характеризующій роль простой кооперацін въ первобытное время. (Статья напечатана въ II т. „Послѣдн. сочин.", стр. 399—420. Приведенныя слова на 417, 420 стр.). Какъ видно изъ текста, распространеніе всевозможныхъ „вольныхъ союзовъ", такой безконечной сѣтью покрывающихъ всю исторію человѣчества, учитывается Михайловскимъ, какъ районъ распространенія простой кооперацін. Ср. любопытныя данныя въ этомъ отношеніи въ брошюрѣ П. А. Кропоткина „Государство и его роль въ исторіи", Женева 1904 г., (а также въ его книгѣ «Взаимопомощь, какъ факторъ эволюціи». Изд. «Знанія») который указываетъ, что еще до возникновенія государства повсюду существовало „подъ именемъ гильдій, задругъ, университетовъ (universitas) и т. п." множество союзовъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Очень сомнительно даже, можно ли было найти въ тѣ времена хоть одного человѣка, свободнаго или крѣпостного которые не принадлежали бы къ какимъ нибудь союзамъ или гильдіямъ помимо своей общины и т. д. см. 16, 17, 18 стр. Но Михайловскій безусловно превосходитъ Кропоткина большей глубиной въ изслѣдованіи соціологическаго значенія всѣхъ этихъ фактовъ, послужившихъ у Кропоткина лишь опорой для анархистскаго опроверженія прогрессивной роли государства.

себя міровой «простой кооперацін», однородной и солидарной *). Борьба «сословій, классовъ, партій» только еще стремится замѣнить антагонизмъ въ обществѣ «свободой, равенствомъ и братствомъ». «*Міръ еще не пережилъ великой революціи, окончательно обезпечившей Европѣ смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простого сотрудничества*»,—какъ говоритъ Михайловскій, (см. «Сочин.», т. I, стр. 213). Простое сотрудничество, основанное на «тяготѣніи къ себѣ подобныхъ», является только факторомъ въ этой борьбѣ,—но роль его въ этой области огромна.

Рабы и рабовладѣльцы, патриціи и плебеи, господа и крѣпостные, объединяясь каждый классъ «въ *своей* области», заполнили своей борьбой европейскую исторію и исторію міровую. Однако, на патриціяхъ и плебеяхъ, господахъ и крѣпостныхъ не окончилась всеміръная исторія, — не Римомъ она началась, не Римомъ и кончится. Въ противопоставленіи плебеевъ и патриціевъ сама римская дѣйствительность лишь повторяла многія черты предшествующихъ эпохъ, будучи въ то же время оригинальной, но то же самое противоположеніе возрождается и нынѣ. Раньше патриціи рѣзко отдѣлялись отъ плебеевъ. Спартакъ отнюдь не во имя солидарности съ патриціями заносилъ надъ ихъ головой страшное оружіе возставшихъ рабовъ, — но и современное общество далеко отъ идиллій первобытной простоты и солидарности. Прежняя борьба между патриціями и плебеями возрождается нынѣ въ борьбѣ труда съ капиталомъ.

«Допустимъ,—говоритъ Михайловскій,—что взаимныя отношенія предпринимателей, производителей и потребителей въ любой современной отрасли промышленности должны назваться органической солидарностью»,—какъ того требуетъ Дюркгеймъ,—«въ средѣ каж-

---

*) Бываютъ и теперь моменты, когда громадныя массы народа различныхъ племенъ, нарѣчій, состояній, забывая временно всѣ раздѣляющіе ихъ интересы, могутъ почувствовать себя братьями одной организаціи, но это только исключенія, для которыхъ нужны совершенно особыя стеченія обстоятельствъ,—сильный общественный взрывъ, въ энтузіазмѣ котораго тонутъ сословныя, партійныя, классовыя различія, патріотическій подъемъ и т. п. (Ср. „Откл.“, т. II, стр. 86, 87), вообще „когда всѣмъ обществомъ овладѣваетъ съ религіозною силою одна какая-нибудь идея. Мы присутствуемъ нынѣ (писано въ маѣ 1897 года) говоритъ Михайловскій,— при трагическомъ окончаніи одной изъ такихъ вспышекъ общаго дѣла“. Онъ имѣетъ здѣсь въ виду бывшую тогда греческую войну. «Весьма вѣроятно, что патріотическая волна, охватившая въ только что окончившуюся войну грековъ, сдѣлала изъ ихъ поэтовъ — Тиртеевъ, возбуждающихъ согражданъ вдохновенными пѣснями на подвигъ, заставила купцовъ забыть свой рубль на рубль, двинула земледѣльцевъ и ученыхъ въ ряды добровольцевъ. Но предъявленная ими въ этомъ случаѣ солидарность есть солидарность... механическая, а не органическая, основанная не на различіяхъ и раздѣленіи труда, а на сходствахъ и простомъ сотрудничествѣ“. Съ подобной же оцѣнкой Михайловскій подходитъ въ ст. „Что такое прогрессъ?“ къ французской революціи 1789 г., т. I, стр. 58, 143.

дой изъ этихъ группъ идетъ болѣе или менѣе оживленная конкуренція, *но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ нихъ объединена общностью интересовъ, положеній, чувствъ, мыслей, слагающихся въ механическую солидарность»*... («Отклики», т. II, 88, 89), т. е. въ простую кооперацію.

Рабочіе и капиталисты составятъ такую же, по характеру взаимныхъ отношеній, кооперацію, какъ патриціи и плебеи или рабы и рабовладѣльцы, два лагеря чуждыхъ другъ другу людей, не понимающихъ одинъ другого,—т. е. кооперацію сложнаго сотрудничества, основанную на «враждебности», рѣзкомъ антагонизмѣ, этомъ вѣчномъ спутникѣ, какъ указывалъ еще Пожинъ-Бухарцевъ, раздѣленія труда. И развѣ психологія капиталиста, противопоставленнаго рабочему, не воспроизводитъ въ новой формѣ психологіи рабовладѣльца, противопоставленнаго рабу?

Если «рабовладѣльцу легко проникнуться жизнью такого же, какъ онъ, рабовладѣльца, ведущаго одинаковый съ нимъ образъ жизни, имѣющаго тѣ же привычки», то и капиталисту «легко проникнуться жизнью такого же, какъ онъ», капиталиста,—«личный ихъ опытъ почти тождественъ». «Онъ, естественно, высоко ставитъ радости и горести своей группы и ни въ грошъ не ставитъ радостей и горестей другихъ группъ... Онъ видитъ раны и не видитъ, слышитъ стоны и не слышитъ... хотя онъ въ то же время способенъ съ полной отчетливостью оцѣнить горести и радости своихъ сотрудниковъ». Даже такой изъ передовыхъ передовой представитель либеральной буржуазіи XVIII вѣка, какъ «Вольтеръ, искренно жаждавшій свободы мысли, взывавшій къ политической свободѣ, требовавшій свободы торговли, словомъ, во всемъ искавшій свободы, свободы и свободы, и онъ тѣмъ не менѣе раздѣлялъ людей на «порядочныхъ» и «сволочь», и всяческой свободы требовалъ только для первыхъ, а «сволочи» предоставлялъ невѣжество и воловье ярмо». Буржуазія же въ цѣломъ «давно лизнула крови». «Страшная революція 1789 года, разбившая феодальные гербы, изорвавшая старинные пергаменты, низвергнувшая тронъ и казнившая короля, тѣмъ не менѣе раздѣлила гражданъ на «активныхъ» и «пассивныхъ», силою оружія разгоняла работниковъ, собиравшихся для обсужденія и заявленія своихъ нуждъ, строго блюла за тѣмъ, чтобы не всплывалъ такъ называемый соціальный вопросъ, и пыталась предоставить свободу печати только торжествующей буржуазіи. Подобныя же явленія представляетъ исторія и послѣдующихъ революцій». «Вооруженная капиталомъ, кредитомъ, умственнымъ развитіемъ, машинами, и, на основаніи всего этого,—политическимъ могуществомъ», «буржуазія, надѣвая намордникъ на центральную власть, въ то же время требовала и требуетъ, чтобы такой же намордникъ былъ надѣтъ и на народъ» *).

*) Цитаты, приведенныя здѣсь, см. въ ст. «Философія исторіи Луи-

Очевидно, ни о какой солидарности между буржуазіей и «народомъ» не можетъ быть рѣчи—между ними легла кровь, пролитая «народомъ» въ борьбѣ съ буржуазіей. Солидарность можетъ развиваться на почвѣ простой кооперацiи только *или* между рабочими, *или* между капиталистами. И, дѣйствительно, какъ мы видѣли, каждая изъ этихъ группъ «объединена общностью положеній, интересовъ, чувствъ, мыслей», что и «выражается» въ ихъ практической современной дѣятельности, по словамъ Михайловскаго,—«синдикатами, стачками и т. п.» *), чѣмъ окончательно намѣчается районъ дѣйствія простой кооперацiи и общественное значеніе этого принципа для теоретической мысли и практической дѣятельности современности.

IV.

Принципъ простой кооперацiи, открываетъ передъ нами въ совершенно новомъ свѣтѣ общую систему взглядовъ Михайловскаго. Прежде всего должны пасть, какъ совершенно необоснованныя, обычныя въ марксистской литературѣ литературѣ съ самаго ея начала, утвержденія о томъ, что по мнѣнію Михайловскаго «общество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей, а не изъ борющихся между собой группъ» (См. ст. «Идеологъ переходнаго времени» въ № 269 «Самарск. Вѣстн.» за 1896 г.). Напротивъ Михайловскій одинъ изъ первыхъ въ русской литературѣ далъ попытку систематическаго изслѣдованія общественной природы разныхъ соціальныхъ группъ—или «индивидуальностей», по его выраженію,—объяснивъ ихъ взаимными отношеніями и отношеніемъ ихъ къ личности всю исторію человѣчества. И это была съ его стороны громадная заслуга. Соціальная группа, какъ элементъ историче-

---

Блана», т. III, стр. 45, 48, 57 и 67. Статья писана въ августѣ и сентябрѣ 1871 г. Ср. съ этимъ ст. Добролюбова „Отъ Москвы до Лейпцига". „Сочин." изд. 6; т. II, особенно 176, 177, 179, 183. Развивая идею классового антагонизма Михайловскій продолжалъ дѣло Добролюбова и Чернышевскаго.

*) См. эту цитату въ «Откл.», т. II, 89. Писано въ 1897 г. Цензурныя условія не позволяли въ то время Михайловскому выражаться болѣе рѣзко, называя вещи прямо по именамъ, но мысль его и такъ довольно ясна. Ср. съ этимъ превосходный очеркъ средневѣковыхъ общественныхъ отношеній, данный Михайловскимъ въ послѣднихъ главахъ ст. «Герои и толпа», стр. 173—190 гл. IX, особенно 175, 176, 177, 178, 179, 180. 181 стр. гдѣ Михайловскій на примѣрѣ гильдій, представлявшихъ интересы «торговцевъ и недвижимой собственности», цеховъ, «основнымъ принципомъ которыхъ было огражденіе интересовъ людей мелкаго капитала» и союзовъ подмастерьевъ, даетъ цѣлый рядъ превосходныхъ иллюстрацій къ своимъ положеніямъ о простой и сложной кооперацiи, хотя собственно онъ развиваетъ здѣсь не эту теорію, а теорію подражанія. Примѣръ этотъ показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ту связь, которая существуетъ у Михайловскаго между теоріей кооперацiи и теоріей массоваго подражанія.

ски сложившійся, и соціальная группа въ томъ видѣ, какой она должна имѣть, чтобы удовлетворять всѣмъ потребностямъ человѣка, иначе, соціальная группа, какъ «идеальная единица»—вотъ, собственно говоря, что должна означать его формула—изслѣдовать отношеніе «различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности». Намъ остается теперь показать, что такъ именно въ своихъ 4-хъ формулахъ онъ и самъ смотрѣлъ на задачи соціологіи, благодаря чему и сводилъ всѣ ихъ какъ къ наиболѣе элементарному своему выраженію къ одному принципу—къ борьбѣ различныхъ формъ и типовъ коопераціи или общественности.

«Формулы прогресса» Михайловскаго говорятъ о «сущности историческаго процесса». Двѣ изъ нихъ—вторая и четвертая—очевидно, тождественны. Во второй Михайловскій основаніемъ расположенія историческаго матеріала ставитъ взаимныя отношенія общественныхъ силъ; въ четвертой говоритъ о формахъ коопераціи, какъ центральномъ пунктѣ философіи исторіи. Но формы коопераціи разлагаются на простую и сложную кооперацію, которыя приводятъ въ свою очередь къ борьбѣ соціальныхъ группъ,—съ другой стороны, взаимныя отношенія общественныхъ силъ—это и есть взаимныя отношенія общественныхъ, т. е. соціальныхъ, группъ, борьба между которыми и наполняетъ собой содержаніе историческаго процесса.

Здѣсь, однако, мы сталкиваемся сразу съ двумя затрудненіями, на которыхъ, какъ на чемъ-то неопровержимомъ, построила всю свою аргументацію критика Михайловскаго, поступивъ тѣмъ самымъ болѣе чѣмъ опрометчиво. Соціальныя группы складываются,—какъ это указываетъ Михайловскій въ теоріи простой и сложной коопераціи,—въ процессѣ общественнаго раздѣленія труда, но, спрашивается, какимъ же образомъ этотъ чисто *объективный* процессъ можетъ требовать при его изслѣдованіи *субъективнаго* метода, — это во-первыхъ; кромѣ того, почему борьба *соціальныхъ* группъ выражается формулой «борьбы за *индивидуальность*»? Отъ г. Слонимскаго до гг. Бердяева, Ранскаго и Плеханова критика недоумѣваетъ надъ этими терминами, стараясь прежде, если не болѣе всего объяснить ихъ буквальнымъ этимологическимъ смысломъ то соціологическое значеніе, которое имѣетъ въ виду здѣсь Михайловскій *).

*) Слѣдуетъ, впрочемъ, и здѣсь сказать, что блужданія критики при оцѣнкѣ теоріи борьбы за индивидуальность отчасти должны быть отнесены на счетъ самого Михайловскаго, благодаря тому, что въ первоначальномъ наброскѣ (см. т. III „Зап. Проф." гл. VI; 21) теоріи борьбы за индивидуальность онъ воспользовался для иллюстраціи своей мысли „тектологическими тезисами" Геккеля, устанавливающими съ біологической точки зрѣнія разныя ступени индивидуальности. Хотя впослѣдствіи Михайловскій указывалъ на эту главу „Зап. Проф.", какъ на первоначальное и неточное изложеніи его теоріи борьбы за индивидуальность,

Мы не считаемъ нужнымъ въ данный моментъ распутывать всю путаницу, создавшуюся вокругъ терминовъ Михайловскаго. Для насъ пока достаточно показать, что самъ Михайловскій понималъ свои термины (допуская даже, что они неудачны) совсѣмъ не въ ихъ буквальномъ значеніи. Онъ признавалъ простую кооперацію первобытныхъ дикарей «высшимъ типомъ» развитія, но изъ этого не слѣдовало, что онъ ставилъ ни во что «паршивую цивилизацію», употребляя выраженіе одного изъ героевъ Гл. Успенскаго. Онъ требовалъ субъективнаго метода, но не потому, что отказывался отъ объективнаго изслѣдованія и, формулируя принципъ борьбы за индивидуальность, отнюдь не игнорировалъ тѣмъ самымъ борьбы соціальной. Наоборотъ, борьба за индивидуальность въ его формулировкахъ (а пока мы говоримъ только о формулировкахъ Михайловскаго) именно и мыслилась прежде всего въ видѣ борьбы соціальной.

Говоря о возраженіяхъ марксистовъ противъ теоріи борьбы за индивидуальность, Михайловскій замѣчаетъ, между прочимъ: «И любопытно, что авторы эти въ большинствѣ случаевъ возлагаютъ свои надежды на «классовое сознаніе», «классовую точку зрѣнія», «классовую борьбу», *слѣдовательно, смотрятъ на «классъ», какъ на индивидуальность*: ибо, что такое индивидуальность, если не цѣлое, вступающее въ отношенія къ внѣшнему міру, какъ обособленная единица?» («Посл. соч.», т. II, 39, курс. мой). Такъ что борьба за индивидуальность (въ чемъ бы она ни состояла) вовсе не игнорируетъ, напр., борьбы классовой, которая есть разновидность борьбы соціальной; напротивъ, мы уже видѣли, какъ самый яркій видъ борьбы классовъ, — фактъ міровыхъ по своему значенію столкновеній буржуазіи и пролетаріата—Михайловскій вводитъ въ основу основъ своего изученія. Кромѣ того, въ тѣхъ же «Отрывкахъ о религіи», изъ которыхъ взята приведенная только что цитата, онъ подробно разсматриваетъ разныя измѣненія въ религіозныхъ воззрѣніяхъ римлянъ по мѣрѣ того, какъ та или другая группа образовываетъ изъ себя «*классъ, общественную индивидуальность, въ качествѣ которой и выступаетъ на арену исторіи*» (тамъ же, 44 стр.). Нельзя понять борьбы за индивидуальность Михайловскаго, не усвоивши предварительно, что она органически связана у него съ борьбой соціальныхъ группъ. Любопытно, что

но для критики эти указанія прошли безслѣдно. Между тѣмъ, въ той же VI главѣ „Запис. Профана" есть мѣсто, съ чисто соціологической стороны формулирующее основной исходный пунктъ теоріи борьбы за индивидуальность. Формулировку эту мы видимъ въ слѣдующихъ словахъ: „каждая данная общественная норма стремится выжать въ свою пользу весь сокъ изъ каждаго шага цивилисаціи, и ей это слишкомъ часто удается" (стр. 422), каковыя слова, а не тезисы Геккеля и должны быть положены въ основу критики теоріи больбы за индивидуальность. Ср. также т. VI, 891—898, ст. „Объ одномъ соціологическомъ вопросѣ" въ серіи „Случайныхъ замѣтокъ". 1888—1892 гг.

одинъ изъ критиковъ Михайловскаго, просвѣтившись изъ его статьи о книгѣ М. Энгельгардта «Эволюція жестокости» (см. гл. IX «Посл. соч.» т. I) насчетъ истиннаго значенія теоріи борьбы за индивидуальность, назвалъ ее *борьбой за соціальность*, находя терминъ Михайловскаго неудачнымъ. Совсѣмъ не такъ удачна эта замѣна, какъ она казалась въ свое время ея автору, но она, по крайней мѣрѣ, краснорѣчиво подчеркиваетъ безсодержательность обычныхъ возраженій на основную изъ теорій Михайловскаго *).

То же самое слѣдуетъ сказать и про субъективный методъ, по мнѣнію марксистовъ, давно уже ими ниспровергнутый. Къ сожалѣнію, это не больше, какъ прискорбное заблужденіе. «Субъективный методъ» Михайловскаго одна изъ его самыхъ замѣчательныхъ соціологическихъ концепцій. Марксисты «опровергли», если только даже опровергли, точнѣе сказать, опровергали, самый терминъ, самое словосочетаніе «методъ» и «субъективный», что, между прочимъ, дѣлалось и задолго до нихъ и едва ли не съ большимъ успѣхомъ,—но не соціологическое содержаніе того понятія, которое Михайловскій обозначалъ такимъ образомъ. Только это содержаніе и слѣдовало критиковать, но представители «научной критики» его даже не усвоили и не могли усвоить, такъ какъ они не поняли той связи, которая существуетъ у Михайловскаго между его теоріей кооопераціи, извращенной ими, и «субъективнымъ методомъ».

Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи упомянутый въ первой части этой статьи инцидентъ съ М. М. Филипповымъ, на одной детали котораго мы считаемъ необходимымъ остановиться и теперь. «Одобряя одни изъ моихъ взглядовъ, не одобряя другіе»,—говоритъ Михайловскій объ отношеніи къ нему во II т. «Философіи дѣйствительности» со стороны М. Филиппова,—онъ, т. е. М. Филипповъ, «особенно настаиваетъ на томъ, что я въ своихъ соціологическихъ работахъ вовсе не примѣняю «субъективнаго метода». Онъ говоритъ: Михайловскій «сознается, что онъ вывелъ свое опредѣленіе прогресса изъ данныхъ объективной науки», и—«я дѣйствительно «сознаюсь»...—отвѣчаетъ Михайловскій на реплику Филиппова,—«предпочиталъ бы, однако, какое нибудь другое выраженіе, потому что сознаваться можно только въ какомъ нибудь грѣхѣ, преступленіи или ошибкѣ, а съ моей точки зрѣнія опираться на данныя объективной науки не только не составляетъ грѣха, преступленія или ошибки, но, напротивъ того, обязательно» («Отклики», т. II, 175).

Соціологическій методъ Михайловскаго потому, между прочимъ, и называется «субъективнымъ», что этотъ «субъективизмъ» менѣе всего противорѣчитъ «даннымъ объективной науки». Онъ какъ разъ

*) Цитирую по памяти, но ручаюсь за точность ссылки. См. „Міръ Божій" 1900 годъ, библіографическій отдѣлъ, рецензіи на журналы, мартъ или апрѣль.

даетъ даже этой объективной наукѣ новую и чрезвычайно сильную, поддержку. Здѣсь нѣтъ никакого парадокса. Достаточно усвоить, хотя бы въ общихъ чертахъ, сущность ученія о субъективномъ методѣ Михайловскаго и отношеніе его къ принципу формъ коопераціи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Сущность же ученія о субъективномъ методѣ, въ его соціологическомъ значеніи, сама собой намѣчена у насъ анализомъ теоріи простой и сложной коопераціи, и состоитъ она въ слѣдующемъ.

Изъ анализа разныхъ типовъ коопераціи мы знаемъ уже, что общество, построенное по типу сложной коопераціи, состоитъ изъ ряда антагонистичныхъ соціальныхъ группъ, взаимно между собою связанныхъ, *но другъ друга, въ лицѣ своихъ членовъ, не понимающихъ*. Рабъ и рабовладѣлецъ, рабочій и капиталистъ «варвары другъ для друга», они говорятъ на разныхъ языкахъ. То, что истинно для одного, есть ложь для другого, истина въ этомъ случаѣ *субъективна*, безусловно обязательная для членовъ *одной* и той же группы, она непріемлема для другой. И вотъ этотъ моментъ (отмѣченный еще Н. Г. Чернышевскимъ) Михайловскій положилъ въ основу своего изслѣдованія о «субъективизмѣ» въ наукѣ и жизни. Каковы бы ни были промахи Михайловскаго въ его концепціи «субъективнаго *метода»*, отрицать которые нѣтъ нужды,—основа и характернѣйшая сторона этого обобщенія останется замѣчательнымъ достояніемъ русской науки. Благодаря своему «субъективному» методу, Михайловскій не только поставилъ во всемъ ея объемѣ проблему о вліяніи общественности на психику человѣка, но и разрѣшилъ ее совершенно въ духѣ современной науки, что отчасти признаютъ и сами марксисты *). Михайловскому мало было указать, что формы коопераціи вліяютъ вообще на психику человѣка, формируя его взгляды и направляя его волю на опредѣленные поступки. Ему нужно было изслѣдовать на ряду съ этимъ *качественную* сторону этого вліянія, установить

*) Ср. слова г. Невѣдомскаго („Міръ Божій", 1904 г., № 4, стр. 26) „Вліяніе общественнаго положенія, принадлежности къ тому или иному классу на наши воззрѣнія, прослѣживается Михайловскимъ такъ тщательно, какъ до него никто у насъ не дѣлалъ". Дѣлалъ ли кто послѣ него, объ этомъ г. Невѣдомскій скромно умалчиваетъ. Между прочимъ г. Невѣдомскій, подобно всѣмъ вообще марксистамъ, считаетъ „ошибочнымъ мнѣніе" о Михайловскомъ (см. стр. 32 его статьи), какъ „научномъ мыслителѣ",—Михайловскій былъ только публицистъ. Но если Михайловскій „какъ... никто у насъ" прослѣдилъ вліяніе общественности на личность, на что указалъ самъ г. Невѣдомскій, то уже это одно показываетъ, насколько онъ переросъ обычныя рамки дѣятельности публициста. Ср. далѣе: процитировавъ слова Михайловскаго: „одна изъ задачъ соціологіи состоитъ въ опредѣленіи условій, при которыхъ субъективныя разногласія исчезаютъ", г. Бердяевъ, о солидарности съ книгой котораго заявляетъ отъ своего лица и г. Невѣдомскій, говоритъ: „Это очень хорошо сказано. Мы тоже ставимъ вопросъ такимъ образомъ" (прим. 2-е, стр. 43) А то, что „хорошо сказано" Михайловскимъ, составляетъ основу его ученія о „субъективизмѣ",—г. Бердяевъ этого конечно, не замѣчаетъ.

его границы и направленіе, а равно и отношеніе, что особенно важно, къ идеалу *объективнаго* познанія, составляющаго завѣтную цѣль изысканій Михайловскаго, что бы ни говорили объ этомъ его критики. Всю эту громадную задачу Михайловскій выполнилъ съ удивительнымъ блескомъ и талантомъ, построивъ при анализѣ качественной стороны вліянія общественности на психику человѣка теорію познанія и теорію личности, какъ дальнѣйшее развѣтвленіе своего субъективнаго метода. При чемъ особенность Михайловскаго состоитъ въ томъ, что постановкѣ и разрѣшенію проблемы объ объективномъ познаніи, какъ идеалѣ, онъ придалъ, благодаря той общественной позиціи, которую занималъ, глубоко жизненный и революціонный характеръ,—именно революціонный, ибо полный переворотъ въ пріемахъ познанія всего человѣчества у него мыслится какъ результатъ переворота въ общественности, когда «міръ переживетъ великую революцію», способную обезпечить Европѣ «смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простого сотрудничества».

Такъ что двѣ наиболѣе характерныя соціологическія концепціи Михайловскаго, которыя такъ тѣсно ассоціированы въ представленіи читателей и критики съ его именемъ, окончательно приводятся «къ одному знаменателю». Какъ эта задача, такъ и въ свою очередь задача систематизаціи всѣхъ вообще взглядовъ Михайловскаго сводятся къ анализу разныхъ формъ комбинаціи общественныхъ силъ и отношенія этихъ формъ къ судьбамъ личности, основной же движущей причиной историческаго процесса, сообщающаго ему постоянную энергію въ творчествѣ новыхъ, вѣчно смѣняющихъ другъ друга формъ общественной жизни, является коренной антагонизмъ соціальныхъ и индивидуальныхъ интересовъ, который положенъ Михайловскимъ въ основу его теоріи простой и сложной коопераціи. Міръ это борьба—«вѣкъ живи—вѣкъ борись» *).

Такъ стоитъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о систематизаціи взглядовъ Михайловскаго. И несмотря на то, что всѣ наши замѣчанія о систематизаціи взглядовъ Михайловскаго носятъ исключительно предварительный характеръ, мы считали бы, благодаря той цементирующей роли, которую играетъ въ общей связи его воззрѣній принципъ коопераціи, доказаннымъ полное единство всѣхъ частей міровоззрѣнія Михайловскаго, если бы этому еще не противорѣчило одно обстоятельство нами пока не устраненное, и которое теперь заставляетъ насъ въ виду своей важности еще разъ отступить отъ

---

*) См. „Политическія письма соціалиста", „Литература соц.-рев. партіи Народная Воля". Парижъ, 1905 г. № 2 газеты „Народная Воля", стр. 91. См. также у Ю. Гарденина въ брошюрѣ „Н. К. Михайловскій", 1906 г., изд. „Земли и Воли", гдѣ перепечатаны эти „письма" Михайловскаго.

общихъ формулировокъ взглядовъ Михайловскаго къ непосредственному ихъ анализу въ одной частной области.

Обстоятельство это заключается въ томъ видимомъ противорѣчіи, въ которомъ стоятъ съ общимъ ходомъ нашего изложенія требованія «формулы прогресса», третьей въ нашемъ счетѣ, проникнутой ненавистью къ раздѣленію труда и совершенно непонятнымъ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ самыхъ широкихъ слоевъ читателей, апофеозомъ гармонически развитой личности, совмѣщающей въ себѣ разнообразныя профессіи. Въ самомъ дѣлѣ, — въ своемъ анализѣ взаимныхъ отношеній простой и сложной кооперацiи Михайловскій пришелъ, строго говоря, къ полному опроверженію своей общеизвѣстной «формулы прогресса». Принципъ простой кооперацiи несетъ съ собой прогрессъ и развитіе солидарности въ человѣчествѣ; принципъ простой кооперацiи развиваетъ *во всемъ своемъ объемѣ* свою дѣятельность и въ современномъ обществѣ «*спеціализированныхъ* индивидуумовъ», тогда какъ общеизвѣстная «формула прогресса» Михайловскаго *прогрессомъ считаетъ уменьшеніе спеціализаціи, увеличеніе разнородности человѣка.* Если же Михайловскій указываетъ явленія, которыя нынѣ свидѣтельствуютъ о развитіи сотрудничества по типу простой кооперацiи, то вѣдь именно его «формула прогресса», какъ она понимается въ русской литературѣ еще со временъ Лаврова, произноситъ *субъективное* и безповоротное осужденіе тѣмъ фактамъ, которые указаны его *объективнымъ* анализомъ. И, напр., говоритъ же г. Бердяевъ, правда, на основаніи разсужденій, не совсѣмъ ясныхъ для читателя, что «въ своей ненависти къ раздѣленію труда г. Михайловскій приближается къ Льву Толстому, и если не дѣлаетъ его крайнихъ выводовъ, то только по непослѣдовательности» *).

Несомнѣнно, приходится серьезно считаться съ такими разсужденіями. Правда, трудно предположить здѣсь наличность дѣйствительнаго противорѣчія взглядовъ Михайловскаго,—работая въ теченіе болѣе 40 лѣтъ въ русской литературѣ, Михайловскій, можно сказать, совершенно свободенъ отъ противорѣчій. Да и не даромъ же онъ самъ ссылался, что его «формула прогресса» изъ статьи «Что такое прогрессъ?» «сводится къ изысканію основныхъ законовъ кооперацiи»—трудно предполагать, что, говоря такъ, онъ не сознавалъ всей отвѣтственности этихъ словъ. Но если даже по

---

*) См. у г. Бердяева примѣч. на 153 стр. Справедливость требуетъ сказать, что г. Бердяевъ тутъ совсѣмъ не оригиналенъ. То же самое, еще въ печальной памяти статьяхъ 1889 г. говорилъ въ „Вѣстн. Евр." г. Слонимскій, союзникъ, нельзя сказать, чтобы очень желательный. По его словамъ, „г. Михайловскій далъ зачатки ученія, которое позднѣе развилъ и пытался примѣнить гр. Левъ Толстой,—объ упрощеніи нашего быта и объ отказѣ отъ удобствъ раздѣленія труда и о совмѣщеніи всѣхъ спеціальностей въ одномъ человѣкѣ для равномѣрнаго упражненія нашихъ органовъ и способностей".

существу у Михайловскаго нѣтъ указанныхъ противорѣчій, то заняться вопросомъ о нихъ все-таки необходимо, хотя бы ужъ потому,—не говоря о другихъ соображеніяхъ,—что считаться съ ними приходилось и ему самому. «По поводу моей теоріи прогресса и борьбы за индивидуальность,—говоритъ онъ,—мнѣ часто дѣлаютъ съ очень побѣдоноснымъ видомъ возраженія такого рода: что же, вы хотите соединить въ одномъ лицѣ профессіи, напримѣръ, писателя, каменно-угольнаго рабочаго, земледѣльца, мясника и т. д.—развѣ это возможно?» (см. «Лит. восп.» т. I. стр. 360). Примѣръ г. Бердяева, который имѣетъ въ данномъ случаѣ точно также «побѣдоносный видъ», а онъ къ тому же не одинокъ, показываетъ, что около «формулы прогресса» Михайловскаго дѣйствительно накопились разныя недоразумѣнія, нынѣ уже обладающія прочностью предразсудковъ, и пока что не опровергнутыя. При чемъ въ данномъ случаѣ для насъ интересно, главнымъ образомъ, слѣдующее положеніе: признавалъ ли Михайловскій *для даннаго историческаго момента*,—въ чемъ и состоитъ весь вопросъ, — нормальными тѣ взаимныя отношенія между простой и сложной коопераціей, которыя онъ намѣтилъ объективнымъ путемъ; или иначе—совмѣстима ли, логически и исторически, «формула прогресса» Михайловскаго, съ ея требованіемъ полнаго, гармоническаго, всесторонняго развитія личности, съ необходимостью «простой кооперации» современныхъ «*спеціализированныхъ* индивидуудовъ»? На эти вопросы мы можемъ отвѣтить немедленно даже не входя въ разборъ «формулы прогресса» по существу. И какъ это ни странно, отвѣтъ этотъ, и вполнѣ послѣдовательный, данъ Михайловскимъ какъ разъ тамъ, гдѣ г. Бердяевъ уличаетъ его въ непослѣдовательности—въ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія «формулы прогресса» «практической дѣятельности гр. Толстого».

«Повидимому, та сторона практической дѣятельности гр. Толстого, которая соотвѣтствуетъ девизу «гармоническаго развитія», представляетъ собою превосходную иллюстрацію къ приведенной формулѣ прогресса, облекая ее, такъ сказать, въ плоть и кровь»,—говоритъ Михайловскій, категорически обращаясь такимъ образомъ къ вопросу, насколько онъ въ дѣйствительности «приближается къ Льву Толстому». «Если человѣкъ землю пашетъ, печи складываетъ, сапоги шьетъ, вообще занимается разнообразнымъ физическимъ трудомъ, не покидая въ то же время умственной дѣятельности (хотя, можетъ быть, въ теоріи, на словахъ принижая ея значеніе), то онъ приближается къ желательной цѣльности недѣлимаго или даже вполнѣ осуществляетъ ее. Соединяя въ своемъ лицѣ разнородныя профессіи, онъ уменьшаетъ разнородность общества и въ то же самое время усиливаетъ свою личную разнородность. Итакъ, съ моей точки зрѣнія, гр. Толстой стоитъ на пути прогресса и дѣлаетъ нравственное, справедливое, разумное и полезное дѣло» (см. «Лит. восп.» Т. I. стр. 351). Такъ понялъ дѣло, повидимому,

не только г. Бердяевъ, а напр., Гл. Успенскій, сопоставляющій въ статьѣ «Трудами рукъ своихъ» Михайловскаго и Толстого *), что, какъ бы подтверждаетъ право г. Бердяева на его утвержденіе тожества» «формулы прогресса» съ «правилами поведенія» Льва Толстого. «Нужна, возможна и уже существуетъ жизнь «во всю», широкая жизнь, полная наслажденій, хотя и полная труда»,—формулируетъ Михайловскій статью Гл. Успенскаго,—«это жизнь земледѣльца, «народный бытъ», которому противопоставляется «культурный бытъ», гдѣ нѣтъ настоящей трудовой жизни, а есть только «труженичество» **). Но формулируетъ онъ эту идеализацію «земледѣльческаго» быта, равно какъ и сопоставленіе, сдѣланное выше, своей формулы прогресса съ «практической дѣятельностью» гр. Толстого только для того, чтобы опротестовать все это. И когда Гл. Успенскій въ статьѣ «Трудами рукъ своихъ» пробуетъ опереться на авторитетъ Михайловскаго, то Михайловскій замѣчаетъ по этому поводу, но онъ «не считаетъ себя отвѣтственнымъ за то употребленіе», которое Г. И. Успенскій дѣлаетъ изъ его словъ. Уже изъ этого видно, до какой степени проблематично утвержденіе г. Бердяева. Въ чемъ же сущность разногласія между Михайловскимъ и Толстымъ съ Успенскимъ?

«У Венеры Милосской—мужицкіе завитки волосъ», а Венера Милосская—прообразъ гармонически развитого человѣка, чѣмъ она и «выпрямила» Тяпушкина въ разсказѣ Гл. Успенскаго, который въ этой цитатѣ имѣетъ въ виду Михайловскій; но хотя у «Венеры Милосской и мужицкіе завитки волосъ»,—«все-таки душевное равновѣсіе, гармонія жизни достигается не однимъ земледѣльческимъ трудомъ»; «спасеніе не въ земледѣліи, что, впрочемъ, самъ Успенскій очень хорошо знаетъ»,—оговаривается Михайловскій. И «*ужъ, конечно, не этимъ путемъ будетъ поколеблено зданіе, вѣками строившееся на раздѣленіи труда*».

«Спасеніе не въ земледѣліи» потому, что для громадныхъ массъ изъ числа «односторонне-спеціализированныхъ индивидуумовъ» земледѣльческій трудъ просто невозможенъ, а, стало быть, невозможна и вся связанная съ нимъ программа дѣятельности. «Доступна ли она, ну, хоть тому наборщику,—спрашиваетъ Михайловскій,—который набиралъ программу гр. Толстого... и который необходимъ именно какъ наборщикъ, ради пропаганды ученія Толстого?» А вѣдь въ такомъ положеніи, какъ этотъ наборщикъ,

*) См. у Гл. Успенскаго „Сочин." т. II, стр. 888. „Ту формулу прогресса", которую лелѣетъ г. Михайловскій путемъ научнымъ, гр. Л. Н. Толстой видитъ даже осуществленной въ глубинахъ народныхъ массъ», гдѣ «каждый... удовлетворяетъ всѣмъ своимъ потребностямъ»... „соединяя разрозненныя профессіи въ каждомъ человѣкѣ".

**) См. дальнѣйшія цитаты въ т. V „Сочин." Михайловскаго, стр. 129, 132, 134, 135, 136; въ „Литературн. воспом." т. I., 350, 351, 358, 360, 361; въ т. VI, ст. о Толстомъ, стр. 414. въ т. III „Записки профана", стр. 493.

стоятъ тысячи народу. «Предложить имъ всѣмъ сейчасъ же обуться въ лапти и пахать было бы и празднословіемъ и издѣвательствомъ». Это *«невозможно*, да и не нужно, не требуется теоріей прогресса»,—какъ ее понимаетъ Михайловскій. «По крайней мѣрѣ сейчасъ,—говоритъ онъ. — «первая стадія упорядоченія, уравновѣшенія, гармонизаціи жизни культурныхъ людей должна не въ *этомъ состоять»*. Сейчасъ будетъ *прогрессивной* дѣятельность спеціализированная, *«односторонняя»*.

«Успенскій, при всемъ своемъ увлеченіи идеалами земледѣльческаго труда, отводилъ интеллигенціи высокую миссію, такую высокую, что выше, пожалуй, и не выдумаешь». И когда Гл. Успенскій останавливался надъ идеализаціей земледѣльческаго труда, какъ единственнаго источника «жизни во всю», то Михайловскій спрашивалъ его: «А дѣвушка въ пледѣ? А дѣвушка строгаго, почти монашескаго типа? Развѣ онѣ земледѣліемъ занимаются?» Между тѣмъ, «страданія, на которыя идетъ дѣвушка строгаго, почти монашескаго типа, лишенія и оскорбленія, которымъ можетъ подвергаться дѣвушка въ пледѣ», — какъ на все это указывалъ самъ Гл. Успенскій, посвятившій всѣмъ имъ глубоко художественныя страницы,—«все это ничего, все это даже хорошо и весело, потому что сюда вложена вся душа, цѣликомъ. «Ахъ, хорошо! Ахъ, славно!» Значитъ, не въ одномъ земледѣльческомъ трудѣ спасеніе. Есть и еще какіе-то виды дѣятельности, нужные, полезные, цѣнные и, быть можетъ, столь же способные установить или возстановить душевное равновѣсіе». Такъ, «хромой Тиртей былъ плохой воинъ, но его поэзія воодушевила спартанцевъ на военные подвиги, и если бы онъ даже совсѣмъ не принималъ личнаго участія въ сраженіяхъ, по своему физическому убожеству, то окольнымъ путемъ вдохновенной хвалы храбрымъ онъ достигъ гораздо большаго, чѣмъ этимъ личнымъ участіемъ. И мы не возмущаемся поведеніемъ Тиртея, потому что вѣримъ въ искренность хромого пѣвца».

И замѣчательно, что еще въ «Запискахъ профана», когда, казалось бы, онъ долженъ былъ быть особенно близокъ къ «практической дѣятельности гр. Толстого», Михайловскій на примѣрѣ того же гр. Толстого указывалъ тѣ «виды дѣятельности, нужные, полезные, цѣнные», которые, несмотря на свою односторонность, «способны установить или возстановить душевное равновѣсіе». «Но разъ онъ увѣренъ,--писалъ тогда Михайловскій про гр. Толстого,—что нація состоитъ изъ двухъ половинъ, и что даже невинныя, «непредосудительныя» наслажденія одной изъ нихъ клонятся къ невыгодѣ другой,—что можетъ мѣшать ему посвятить всѣ свои громадныя силы этой громадной темѣ. Трудно даже себѣ представить, чтобы какія-нибудь иныя темы могли занимать писателя, носящаго въ душѣ такую страшную драму, какую носитъ въ своей гр. Толстой: такъ она глубока и серьезна, такъ она захватываетъ самый

корень литературной дѣятельности, такъ она, казалось бы, должна глушить всякіе другіе интересы, какъ глушитъ другія растенія цѣпкая павилика». И буквально то же самое Михайловскій повторилъ почти 20 лѣтъ спустя о томъ же гр. Толстомъ, полемизируя на этотъ разъ противъ его теоріи земледѣльческаго труда и знаменитыхъ «четырехъ упряжекъ». «Но, спрашивается, назвалъ ли бы кто-нибудь его поведеніе безнравственнымъ,—говоритъ Михайловскій,—если бы онъ бросилъ всѣ свои способствующія здоровью и душевному спокойствію «запряжки» и *надорвался на односторонней*, хотя бы той же писательской работѣ во имя того же идеала общественной однородности? Это было бы столь же невозможно-нелѣпо, какъ если бы, скажемъ, итальянскій патріотъ временъ объединенія Италіи уличался въ недостаткѣ патріотизма за то, что, во имя идеала свободы, претерпѣлъ австрійскій плѣнъ и неаполитанскую тюрьму» *).

Всѣ подобныя заявленія Михайловскаго, сгруппированныя у насъ на послѣднихъ страницахъ, слишкомъ категоричны, ярки, рѣзко-опредѣленны и слишкомъ тѣсно пріурочены у него къ «формулѣ прогресса», требующей «гармоническаго развитія» «всѣхъ способностей» человѣка, чтобы можно было заподозрить здѣсь Михайловскаго въ «непослѣдовательности» при объясненіи его полемики съ гр. Толстымъ. Безусловно, Михайловскій сознавалъ всю отвѣтственность своего заявленія, когда онъ въ 1870 году сводилъ свою «формулу» изъ статьи «Что такое прогрессъ?» къ отысканію законовъ коопераціи. Въ анализѣ соціологическаго содержанія про-

*) Ср. съ цитатами въ текстѣ слѣдующія слова изъ ст. „Что такое прогрессъ" стоящія съ ними какъ бы въ полномъ противорѣчіи. При сложной коопераціи,—говоритъ тамъ Михайловскій,—„въ союзъ простого сотрудничества вступаютъ не цѣлостные индивидуумы, какъ въ обществѣ вольныхъ охотниковъ, а индивидуумы спеціализированные: головы вступаютъ въ союзъ съ головами, руки съ руками, умственныя способности съ умственными, капиталъ съ капиталомъ, трудъ съ трудомъ и т. д.".—„Понятіе о единствѣ, индивидуальности человѣка здѣсь не имѣетъ мѣста". Центромъ помысловъ и стремленій становится не человѣкъ, какъ недѣлимое, не вся совокупность человѣческаго организма, а нѣкоторая отвлеченная категорія. *Членъ общества, въ которомъ раздѣленіе труда провело достаточно глубокія борозды, не въ состояніи охватить понятіе человѣка во всей его цѣлости и недѣлимости:* онъ можетъ понять и оцѣнить только ту долю человѣка, которая развита въ немъ самомъ" (т. I, стр. 92). Наоборотъ, изъ цитатъ въ текстѣ мы видѣли, что „членъ общества, въ которомъ раздѣленіе труда провело достаточно глубокія борозды", *можетъ* охватить „понятіе человѣка во всей его цѣлости". На самомъ дѣлѣ здѣсь противорѣчіе только словесное. Какъ примиряются подобныя „противорѣчія",—ибо можно привести еще такіе примѣры изъ разныхъ статей Михайловскаго,—показываетъ его теорія личности и взгляды на процессъ прогрессивной смѣны формъ коопераціи, которыхъ мы здѣсь не касаемся. Примѣръ этотъ позволяетъ лишній разъ судить, какого тщательнаго и глубокаго анализа требуетъ самый текстъ сочиненій Михайловскаго.

стой и сложной коопераціи мы пришли поэтому къ опроверженію не «формулы» гармоническаго развитія, а тѣхъ предразсудковъ, освященныхъ марксистской критикой, которые являются главной причиной какой-то косности мысли, характерной для «критической» литературы о Михайловскомъ. Для насъ очевидно, что въ представленіи Михайловскаго его «формула», требующая, какъ идеалъ, всесторонняго развитія человѣка и намѣчающая путь къ нему въ видѣ созданія условій, обезпечивающихъ осуществленіе этого идеала, связывалась въ данный моментъ съ принципомъ свободной коопераціи «спеціализированныхъ» или, какъ онъ говоритъ въ послѣдней цитатѣ о Толстомъ, «одностороннихъ» индивидуумовъ,—*т. е. связывалась и въ этомъ случаѣ съ борьбой соціальныхъ группъ*. Весь вопросъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы теперь же «обуться въ лапти и пахать»,—весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы, будучи односторонне-спеціализированнымъ человѣкомъ, найти такіе «роды дѣятельности», которые бы величіемъ поставленной задачи захватывали цѣликомъ человѣка, заставляли бы напрягаться во всю его силы, создавая тѣмъ самымъ чувство глубокаго душевнаго спокойствія,—«*гармоніи*». «Дѣвушка со строгимъ, почти монашескимъ лицомъ» и «дѣвушка въ пледѣ», взятыя Михайловскимъ изъ разсказа Гл. Успенскаго, нашли такую дѣятельность, и никакія «оскорбленія и лишенія»,—а мы знаемъ слишкомъ хорошо, что ихъ путь усыпанъ не розами,—не могутъ лишить ихъ чувства глубокой душевной гармоніи. Эта дѣятельность «глушитъ у нихъ всякіе другіе интересы, какъ глушитъ другія растенія цѣпкая павилика». Соня изъ «Въ перемежку» Михайловскаго и «Бѣдный музыкантъ» (оттуда же) тоже «совершили свой подвигъ»,—«милый бѣдный музыкантъ»... «ты попробовалъ, за тобой нѣтъ недоимокъ»,—говоритъ Михайловскій. И «бѣдный музыкантъ, хотя онъ и занятъ изученіемъ физическаго труда изъ совершенно самостоятельныхъ, впрочемъ, мотивовъ, и Соня, эта «дѣвушка въ пледѣ» изъ «Въ перемежку», предвосхищенная Михайловскимъ у Гл. Успенскаго, люди «односторонніе» и «спеціализированные», что не мѣшаетъ Михайловскому говорить о «дивной красотѣ» тогдашняго поколѣнія. И Соня, и бѣдный музыкантъ, и «дѣвушка съ строгимъ, почти монашескимъ лицомъ»,—все это люди, не знающіе счастья въ обыденномъ смыслѣ этого слова,—наоборотъ, это «мученики исторіи» (т. IV, 239), но есть нѣчто искупающее въ глазахъ Михайловскаго ихъ страданія и оправдывающее ихъ «односторонность»,—*благодаря именно этой «односторонности», благодаря ихъ дѣятельности вообще, будетъ разрушено «зданіе, вѣками строившееся на раздѣленіи труда»*. Вотъ почему Михайловскій и соединялъ и одномъ томѣ «Что такое прогрессъ?» съ очерками «Въ перемежку», несмотря на ихъ крайне несходный по внѣшности характеръ.

Евг. Колосовъ.

*
* *

Какъ сотни лѣтъ назадъ, сегодня ночь прекрасна!
Узоры тѣ же все сплетаютъ хоры звѣздъ,
Красавецъ Оріонъ горитъ все такъ же ясно,
И Млечнаго Пути дрожитъ алмазный мостъ.
Но къ тайнѣ нѣтъ ключа... Кто тамъ живетъ, страдаетъ?
Какъ мы же, смертные съ стремленьемъ безъ конца?
Иная красота мечту ихъ окрыляетъ,
И о добрѣ иномъ тоскуютъ ихъ сердца?
Ужель и тамъ—вражда? За свѣтлый даръ свободы
Немолчный бой кипитъ, живая льется кровь?
Какъ жалкій вьючный скотъ, влачатъ ярмо народы,
Въ колодкахъ—мысль, и геній, и любовь?

Такъ эта даль свѣтла, такъ эта ночь прекрасна,
Такъ тихи хоры звѣздъ, что мысль о злѣ бѣжитъ.
Нѣтъ, люди—братья тамъ! Невозмутимо-ясно
Тамъ Разума величіе горитъ!

П. Я.

РОКОВЫЯ СИЛЫ.

Романъ Густава афъ Гейерстама.

Переводъ **А. Грюмберга.**

VIII.

Когда Оке Іельмъ вернулся домой, въ его комнатѣ сидѣлъ какой-то человѣкъ въ ожиданіи его возвращенія. Это былъ тотъ самый рабочій, который нѣсколько дней тому назадъ обратился къ Стейнерту и ушелъ отъ него раздраженный, не добившись никакихъ результатовъ.

Іельмъ не особенно удивился. Будучи любимымъ ораторомъ въ рабочихъ школахъ и ферейнахъ, онъ привыкъ, чтобы рабочіе приходили къ нему за совѣтами и разъясненіями, и не было ничего удивительнаго въ томъ, что рабочій, имѣя такъ мало свободнаго времени въ будни, пожелалъ поговорить съ нимъ въ необычное время. Теперь, однако, это посѣщеніе было совсѣмъ не кстати, и первая и вполнѣ естественная мысль, пришедшая ему въ голову при видѣ этого человѣка, была,—что весь вечеръ теперь испорченъ. Но онъ зналъ этого человѣка, зналъ, что онъ одинъ изъ достойнѣйшихъ людей въ рабочихъ кругахъ, и ужъ не разъ говорилъ съ нимъ. Онъ поэтому очень любезно отнесся къ его извиненіямъ въ томъ, что онъ пришелъ такъ поздно, заявилъ свою готовность выслушать все, что у него на сердцѣ, и попросилъ его сѣсть.

— Только вы должны быть кратки,—замѣтилъ онъ.—Меня ждетъ жена, намъ съ нею нужно, какъ разъ сегодня вечеромъ, кое о чемъ поговорить.

Но когда рабочій изложилъ, что у него на сердцѣ, разсказалъ, какъ онъ былъ у адвоката Стейнерта, какъ тотъ принялъ его, и какъ мало вѣроятно, чтобы наказаніе этой бѣдной женщины было смягчено, если при первомъ же допросѣ къ ней не придетъ на помощь ловкій адвокатъ, Оке

Іельмъ поднялся со своего мѣста и вышелъ въ столовую. Переговоривъ съ женой, онъ вернулся къ рабочему.

— Я сказалъ женѣ, что разговоръ нашъ затянется,— сказалъ онъ и попросилъ рабочаго повторить весь разсказъ.

Тотъ исполнилъ его просьбу. Точно и добросовѣстно повторилъ онъ слова, которыми они обмѣнялись съ адвокатомъ. Онъ не сказалъ ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало, не преувеличивалъ, и свое личное возмущеніе противъ поведенія адвоката обнаружилъ лишь въ словахъ:

— Отъ такого человѣка мы этого не ожидали.

Искреннее огорченіе омрачило лицо учителя.

— Что вы теперь намѣреваетесь дѣлать?

— Ничего,—я ничего не знаю.

Оке Іельмъ задумался на минуту.

— Другого адвоката нѣтъ?

— Много ли вообще такихъ, съ которыми можно было бы поговорить о подобныхъ дѣлахъ?

Рабочій при этихъ словахъ ядовито улыбнулся. Взглядъ его сталъ рѣзокъ. Послѣ короткой паузы учитель продолжалъ:

— Вы думаете, я могу указать вамъ выходъ?

— Да, я такъ думалъ.

— А какой именно?

— Не могли ли бы вы поговорить съ г-номъ адвокатомъ? Вѣдь вы другъ съ другомъ знакомы.

Учитель все время понималъ, что рабочій клонитъ къ этому. Но одна мысль о подобномъ шагѣ вызывала въ немъ непріятное чувство, котораго онъ не въ состояніи былъ преодолѣть. Вмѣшиваться въ дѣла Стейнерта—было тяжело для большинства его знакомыхъ. Оке Іельмъ зналъ, что натолкнется на холодъ, котораго,—онъ это чувствовалъ,—онъ не въ состояніи будетъ побѣдить, хотя и не будетъ въ состояніи объяснить себѣ его источника. Смѣсь тепла и холода въ натурѣ Стейнерта всегда отталкивала его, какъ отталкиваетъ человѣка все, чего онъ не понимаетъ. Когда же онъ вспомнилъ про совмѣстно проведенные съ нимъ часы нѣсколько дней тому назадъ, предложеніе рабочаго показалось ему еще болѣе неосуществимымъ: самое сильное впечатлѣніе, оставшееся въ немъ съ того дня, было то, что съ годами они со Стейнертомъ стали другъ другу совершенно чужими.

— Я увѣряю васъ,—сказалъ онъ,—что это ни къ чему не привело бы. Мы не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы я могъ это сдѣлать. И если бъ я даже, несмотря на все, поговорилъ съ нимъ, мои слова не оказали бы желательнаго дѣйствія.

Учитель увидѣлъ, что лицо рабочаго при этомъ объяс-

неніи омрачилось. А такъ какъ ему было невыносимо тяжело отпустить кого бы то ни было съ омраченнымъ лицомъ,—онъ послѣ короткаго раздумья сказалъ:

— Если я найду выходъ, я сообщу вамъ. Я подумаю и, если позволите, поговорю съ другими. Можетъ, все-таки что нибудь да придумаемъ.

Рабочій имѣлъ задумчивый видъ. Онъ не былъ доволенъ. Ему хотѣлось имѣть рѣшительный отвѣтъ—да, или нѣтъ. Но разъ учитель не отказалъ ему окончательно, онъ считалъ своимъ долгомъ поблагодарить его. Онъ такъ и сдѣлалъ и прибавилъ:

— Я зналъ, что г-нъ докторъ сдѣлаетъ все возможное.

— Что смогу—сдѣлаю,—отвѣтилъ тотъ.

Они пожали другъ другу руки, и рабочій ушелъ.

Учитель поспѣшилъ въ столовую и торопливо съѣлъ свой одинокій ужинъ. Всѣ уже успѣли поужинать, и Фольке былъ въ кровати. Іельмъ отправился въ комнату мальчика, поцѣловалъ полусоннаго ребенка и сказалъ ему много добрыхъ словъ въ благодарность за прекрасный день, проведенный вмѣстѣ. Свою жену онъ нашелъ въ маленькой пріемной. Лампа горѣла, и вся привѣтливая комната, съ головкой мальчика Донателло надъ роялемъ, съ большими гравюрами на стѣнахъ и маской Гете надъ низенькимъ книжнымъ шкафомъ, утопала въ тепломъ сумеречномъ свѣтѣ. И здѣсь онъ разсказалъ ей, какъ зачастую дѣлалъ это и прежде, все, что его угнетало, всю эту безобразную, только что разсказанную ему исторію про его прежняго друга, который отказалъ рабочему, искавшему у него помощи. Что за этими страданіями, которымъ онъ такъ горячо сочувствовалъ, могли скрываться страданія другія, еще болѣе сильныя, болѣе горькія,—онъ и не подумалъ. Все то, что онъ въ глубинѣ души постоянно критиковалъ въ своемъ бывшемъ другѣ, пришло ему опять на умъ. Онъ невольно чувствовалъ большое удовлетвореніе отъ того, что всегда былъ достаточно проницателенъ, чтобы подвергать Стейнерта подобной критикѣ, хотя какъ разъ это, можетъ быть, и было причиной того, что они оба не сошлись тогда ближе. Ему казалось, что послѣдній инцидентъ доказываетъ его правоту и подтверждаетъ никогда не оставлявшее его подозрѣніе, что съ этимъ человѣкомъ не все обстоитъ благополучно.

— Вполнѣ ли ты меня понимаешь? — спросилъ онъ жену.—Этотъ человѣкъ началъ свою дѣятельность въ качествѣ адвоката рабочихъ. Подумай только, что это значитъ, когда онъ поступаетъ такъ въ подобномъ случаѣ? Это значитъ, что у него есть уже теперь кругъ хорошихъ кліентовъ, а рабочіе служили ему лишь рекламой. Теперь они

ему не нужны, и онъ отъ нихъ отворачивается. Душеубійство—вотъ что совершилъ этотъ человѣкъ. Не больше и не меньше.

Фру Лизе проникалась негодованіемъ мужа, можетъ быть, еще глубже, чѣмъ онъ самъ. Она вся загорѣлась отъ собственнаго чувства и отъ преклоненія передъ его негодованіемъ, которое она честно раздѣляла.

— По-моему, въ Стейнертѣ всегда было что-то отталкивающее,—сказала она.—Когда онъ на кого-нибудь смотритъ, то все кажется, будто онъ думаетъ: можетъ ли онъ тебя использовать, или нѣтъ? Однако, такимъ безсердечнымъ я его никогда не считала.

Учитель поднялся и, въ возбужденіи, сталъ ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Въ молодости мы встрѣчались очень часто,—сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время.—Онъ, какъ разъ, сдалъ тогда экзаменъ. Когда онъ впервые появился въ столичныхъ кругахъ, на него возлагали большія надежды. Мнѣ онъ, какъ ты знаешь, никогда не былъ особенно симпатиченъ. Но онъ интересовалъ меня. Голова его была полна всякихъ идей, и вся его личность имѣла въ себѣ что-то ослѣпляющее. Теперь и представить себѣ невозможно, каковъ онъ былъ тогда,—такъ онъ измѣнился. Нѣсколько лѣтъ мы встрѣчались почти ежедневно, хотя бы ужъ потому, что обѣдали въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Онъ интересовался тогда литературой и современной философіей. И большинство знакомыхъ его думали, что онъ юриспруденцію броситъ и станетъ писателемъ. Что этотъ человѣкъ, какъ оказалось потомъ, обладаетъ такимъ большимъ практическимъ талантомъ, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ,—никто даже и не подозрѣвалъ. Настроеніе его часто мѣнялось. Будучи нѣкоторое время самымъ веселымъ среди насъ, онъ могъ вдругъ замолкнуть, и тогда казалось, что вотъ вспыхнетъ въ немъ что-то опасное, скажу даже—что-то адское. Онъ могъ тогда цѣлыми часами сидѣть молча и пить, и, если ему мѣшали, онъ вспыхивалъ такъ, что становилось прямо жутко. Позже я понялъ, что эти именно рѣзкіе переходы во всемъ его существѣ мѣшали мнѣ сойтись съ нимъ ближе. Теперь же я считаю это счастьемъ.

Учитель замолчалъ. Изъ-за проснувшихся въ немъ воспоминаній онъ почти забылъ свое негодованіе. Онъ тихо улыбался.

— Я вспоминаю,—продолжалъ онъ,—одинъ вечеръ, когда онъ болѣе обыкновеннаго былъ непостояненъ въ своихъ сужденіяхъ. Онъ утверждалъ, что понялъ, наконецъ, почему никогда не сможетъ сойтись съ людьми. Какъ это тяжело

угнетало его, онъ самъ сознавалъ вполнѣ. Онъ сказалъ нѣчто такое, что сначала звучало довольно-таки смѣшно: „Это происходитъ оттого“, — сказалъ онъ, — „что у меня нѣтъ способности относиться къ злобѣ и глупости съ достодолжнымъ уваженіемъ“. Мы нѣсколько выпили, и настроеніе было очень веселое. Что онъ выпилъ больше другихъ, никто не замѣтилъ. Но все-таки было такъ, потому что онъ вдругъ обратился ко мнѣ и очень громко крикнулъ черезъ столъ: —„Ты не дуракъ, я этого не говорю. Но ты—посредственность, а это хуже всего“.

Оке Іельмъ нѣсколько принужденно засмѣялся при этомъ воспоминаніи. Фру Лизе также улыбнулась.

— И знаешь, что мнѣ кажется?—продолжалъ онъ.—Онъ это думалъ серьезно.

Теперь фру Лизе, въ свою очередь, разсмѣялась.

— Тогда это еще бóльшая невоспитанность!

— Конечно. Впрочемъ, я никогда и не выдавалъ себя за генія. Но это, въ концѣ концовъ, неинтересно. Я, собственно, вотъ что хотѣлъ сказать: онъ часто въ шутку говорилъ то, что въ душѣ дѣйствительно думалъ, но чего не могъ высказать инымъ способомъ. Казалось, будто у него существуетъ потребность язвить другихъ, я бы даже сказалъ—быть жестокимъ по отношенію къ другимъ. Въ немъ сидѣлъ холодный, критикующій человѣкъ, который насъ всѣхъ, а можетъ быть—даже его самого обманывалъ какой-то горячностью, которую можно было принять за теплоту.

Учитель опять замолчалъ и опять зашагалъ по комнатѣ.

— А въ какихъ кругахъ теперь вращается онъ? — спросила фру Лизе.

— Ни въ какихъ,—коротко отвѣтилъ Іельмъ.—Онъ самъ изолировалъ себя.

— Такъ онъ одинокъ?

— Совершенно. У него много знакомыхъ, но нѣтъ друзей. Это уединеніе началось съ его женитьбой. Онъ женился заграницей. Никто изъ его знакомыхъ не зналъ объ этомъ. Онъ сошелся съ женой въ Парижѣ, гдѣ отношенія между полами свободнѣе, чѣмъ у насъ. О ея семейномъ положеніи я не знаю ничего и почти ничего не слыхалъ. Говорятъ, ея покойный отецъ былъ представителемъ какого-то предпріятія во Франціи. Мать, будто бы, француженка. Я ее видѣлъ нѣсколько разъ, но лишь мелькомъ. Впрочемъ, ты ее также знаешь.

— Я не нахожу, чтобъ она была красива, а въ другихъ отношеніяхъ она и подавно ничего не представляетъ,—произнесла свой приговоръ фру Лизе.

— Какъ я сказалъ, — продолжалъ Іельмъ, — онъ послѣ

женитьбы вернулся сюда. Онъ никого не предупредилъ о своемъ пріѣздѣ и устроился въ качествѣ адвоката, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись. О прежнихъ планахъ и мысляхъ онъ и слышать не хотѣлъ. Онъ выбралъ себѣ путь и идетъ имъ въ жизни, какъ человѣкъ, который со всѣмъ покончилъ и живетъ лишь для себя. Замѣчательнѣе всего при этомъ то, что онъ сталъ тѣмъ именно, что самъ предсказалъ о себѣ.

Фру Лизе посмотрѣла на мужа.

— Ты мнѣ объ этомъ никогда не разсказывалъ.

— Я забылъ,—возразилъ учитель. — Это было однажды вечеромъ, много лѣтъ тому назадъ, когда мы видались еще ежедневно. Я уже давно забылъ объ этомъ, но недавно, обѣдая вмѣстѣ со мною, онъ мнѣ объ этомъ напомнилъ— со свойственной ему манерой. Я однажды совершенно случайно коснулся его плановъ о писательствѣ, о которыхъ онъ самъ говорилъ очень много. Онъ вдругъ омрачился и сказалъ: —„Ты развѣ не замѣтилъ, что послѣднее время я объ этомъ ничего не говорю? Я пересталъ въ это вѣрить. То, что кажется у меня волей и энтузіазмомъ, есть не что иное, какъ извѣстный избытокъ жажды жизни, которая въ одинъ прекрасный день окажется растраченнымъ капиталомъ. Вѣрь мнѣ, я знаю это лучше, чѣмъ ты“.

Фру Лизе сидѣла совсѣмъ тихо. Одну минуту ей казалось, что въ этихъ словахъ, быть можетъ, кроется что-нибудь другое, болѣе глубокое, чѣмъ жестокое признаніе своей несостоятельности, за что принималъ ея мужъ слова Стейнерта Но злоба къ Стейнерту, который могъ повернуться спиной къ человѣку, когда тотъ обратился къ нему въ нуждѣ, засѣла въ ней слишкомъ глубоко. И, вся подъ впечатлѣніемъ этого чувства, она сказала:

— По дѣломъ ему, если онъ теперь одинокъ.

Таковъ былъ приговоръ, произнесенный обоими супругами. Не проходило дня, чтобы они по тому или другому случаю не вспоминали Стейнерта. Разсмотрѣть дѣло поближе, найти объясненія, смягчающія обстоятельства, - подобная мысль имъ и въ голову не приходила. Возмущеніе, которое люди называютъ „святымъ“, „справедливымъ“, овладѣло всѣмъ ихъ существомъ, и на его алтарь были принесены въ жертву имя, честь и вся личность Стейнерта. Чѣмъ чаще они говорили о немъ, тѣмъ чернѣе становился его образъ. Поступокъ, такъ строго осужденный ими вначалѣ, мало-по-малу сталъ почти забываться и уходить на задній планъ: вскорѣ оказалось, что они были не единственные въ своемъ мнѣніи о характерѣ и жизни Стейнерта. Іельмъ съ женой безъ особенной трудности мало-по-малу узнавали все

больше поступковъ и выраженій Стейнерта, которые при свѣтѣ этого послѣдняго происшествія получали совсѣмъ не то значеніе, какое придавали ему прежде. Всѣ эти исторіи не остались въ семьѣ Іельмовъ. Учитель сообщилъ ихъ въ учительской, фру Лизе занималась ими во время своихъ предобѣденныхъ визитовъ. Вначалѣ учитель говорилъ объ этомъ неохотно, въ лучшемъ случаѣ съ близкимъ другомъ, съ глазу на глазъ. Но спустя нѣсколько недѣль, замѣтивъ, что объ этомъ знали и такіе люди, съ которыми онъ совершенно не говорилъ, онъ рѣшилъ, что исторія эта уже всѣмъ извѣстна, и счелъ лишнимъ смотрѣть на нее, какъ на тайну. Жена его, съ своей стороны, разсказывала всякому, кто только хотѣлъ слушать, и на замѣчаніе мужа, что она не вправѣ этого дѣлать, гордо отвѣчала, что все это она дѣлаетъ въ интересахъ истины, и что попросту считаетъ своимъ долгомъ раскрыть всѣмъ глаза на то, чѣмъ въ дѣйствительности является Стейнертъ. А тотъ фактъ, что онъ и мужъ ея были когда-то товарищами, представлялъ въ ея глазахъ лишній мотивъ не держать въ тайнѣ того, что она знаетъ и думаетъ.

И вотъ, у цѣлой массы людей раскрылись глаза на дѣйствительную сущность характера адвоката Стейнерта. Интересъ къ психологіи, какъ извѣстно, очень усилился въ наше время, и такъ какъ этотъ интересъ концентрировался на знакомой личности, то вполнѣ естественно, что объединенныя усилія увѣнчались не малымъ успѣхомъ. Въ подобныхъ случаяхъ даже люди, по природѣ своей вполнѣ добродушные, проявляютъ активность, которая тѣмъ болѣе зловредна, что ихъ стимулы, какъ имъ самимъ, такъ и ихъ знакомымъ, кажутся стоящими внѣ критики и подозрѣній. Солидный интересъ, которымъ отличаются подобнаго рода психологическія изысканія, придаетъ этимъ сплетнямъ размѣры и авторитетъ, исключающіе всякія сомнѣнія и становящіеся тѣмъ дѣйствительнѣе, что сами сплетники ничуть не опасаются того, какъ бы самимъ когда-нибудь не пасть жертвами насмѣшки общества. „Дѣло“ Стейнерта представляло, какъ разъ, прекрасный случай для примѣненія этого европейскаго суда Линча. Этотъ случай былъ столь чреватъ возможностями, что онъ на цѣлыхъ двѣ недѣли далъ богатый матеріалъ для разговоровъ интеллектуально руководящимъ кругамъ и людямъ, находящимся въ болѣе или менѣе близкомъ соприкосновеніи съ ними, пока переѣздъ на дачи не разсѣялъ общества тѣхъ святошъ, которые взвѣсили уже и нашли слишкомъ легковѣсными столькихъ выдающихся людей въ нашей странѣ.

Если-бы Оскаръ Стейнертъ принадлежалъ къ тѣмъ лю-

дямъ, которые по непонятнымъ причинамъ считаются у большинства вліятельныхъ лицъ за persona grata, то, навѣрное, поднялся бы въ его пользу хоть одинъ вліятельный голосъ. Или, по крайней мѣрѣ, кто-нибудь былъ бы посвященъ въ семейныя дѣла Стейнерта, которыя могли бы служить извѣстнымъ объясненіемъ. Но онъ былъ одинокъ, и судьба его была рѣшена еще до того вечера, когда профессоръ Грапе и супруга его собрали своихъ друзей на прощальный вечеръ передъ отъѣздомъ на лѣтніе мѣсяцы, когда все общество разсѣивается, и каждый ищетъ для себя природы и отдыха, или природы и работы.

Домъ профессора Грапе былъ домомъ образцовымъ: все, начиная съ большого портрета Герберта Спенсера надъ диваномъ и кончая оригинальной еловой мебелью въ стилѣ модернъ, все свидѣтельствовало о томъ, что лучшія произведенія современности здѣсь почитаются и находятъ пріютъ. Въ этомъ домѣ собирались художники и писатели, молодые ученые и серьезные журналисты, женщины, принимавшія участіе въ общественной жизни и интересахъ, стоящихъ выше интересовъ повседневности. Тутъ былъ докторъ Эбелингъ, все еще холостой, съ своими подернутыми легкой просѣдью волосами и своимъ пенснэ. Директоръ Гёста Викнеръ, который вновь обрѣлъ всеобщее уваженіе, съ тѣхъ поръ, какъ новымъ разумнымъ бракомъ загладилъ ту опрометчивость, съ которой онъ соблазнилъ жену Боба Флодина, и вернулся въ тотъ кругъ, котораго долженъ былъ нѣкоторое время избѣгать. Тутъ былъ и Оке Іельмъ, любезный и счастливый, въ сознаніи того, что волны бухты, омывающей его „хуторъ“, скоро смоютъ съ него всю школьную пыль, осѣвшую за зиму. Фру Лизе сидѣла, интимно разговаривая съ хозяйкой дома. Фрёкенъ Тора Льюнгъ также разсталась сегодня съ своими занятіями и одиночествомъ, хотя обыкновенно она очень рѣдко посѣщала общество. Возлѣ нея молча и задумчиво сидѣлъ Олафъ Бьеркъ, молодой поэтъ съ дѣтскимъ лицомъ и робкими глазами. Его лишь недавно ввели въ это общество, и онъ сидѣлъ, всѣмъ чужой, оглядываясь робкими, но въ то же время критическими взглядами и внутренно желая вернуться въ свободный кругъ товарищей, который онъ оставилъ противъ воли.

Разговоръ шелъ оживленно и легко. Не стѣсняясь никакой отвѣтственностью, каждый высказывалъ свои взгляды и мысли совершенно свободно, что такъ рѣдко удается въ обществѣ. Твердо увѣренные, что каждое слово будетъ встрѣчено съ уваженіемъ и не будетъ невѣрно понято, эти люди обмѣнивались своими впечатлѣніями на злобу дня, своими сужденіями о книгахъ и произведеніяхъ искусства, ко все

этому примѣшивая мелкія личныя частности, то здѣсь, то тамъ вызывавшія мимолетныя улыбки или обмѣнъ выражающихъ взаимное пониманіе взглядовъ. Это былъ кругъ людей, которые другъ друга поддерживали, ободряли и помогали вести часто столь нелегкую борьбу, выпадающую на долю тѣхъ, кто посвятилъ себя служенію обществу. Жажда образованія была здѣсь не пустымъ звукомъ, интересъ къ общему благу—искренній и живой. Сужденія въ этомъ обществѣ были мягки, но въ то же время строги, и не было ни одного, кто бы не зналъ и не уважалъ мнѣнія другого. Не было также никого, кто бы не занималъ извѣстнаго положенія въ культурно-національныхъ вопросахъ времени и не умѣлъ бы защитить своего положенія.

Каждый изъ этихъ мужчинъ и женщинъ зналъ исторію Оскара Стейнерта съ обратившимся къ нему за помощью рабочимъ, исторію, которая такъ сильно взволновала учителя Іельма и его супругу. Единственный человѣкъ, который среди этого общества не зналъ про всю исторію, была Тора Льюнгъ. Благодаря своему уединенному образу жизни, она принадлежала къ тѣмъ немногимъ счастливцамъ, до которыхъ on dit дня доходитъ лишь очень рѣдко.

Словно руководимое инстинктомъ, общество вначалѣ не поднимало этого вопроса, и лишь послѣ ужина, когда всѣ разсѣлись вокругъ большого изъ чернаго дерева стола подъ портретомъ Герберта Спенсера, было произнесено имя Стейнерта. Произнесла его фру Лизе. Справедливое возмущеніе, переполнявшее ея душу вотъ ужъ нѣсколько дней, дѣлало для нея совершенно невозможной мысль, что вечеръ пройдетъ, не давъ ей доказательствъ, что приговоръ, признанный ею справедливымъ, одобряется тѣмъ обществомъ, въ которомъ она привыкла находить поддержку своимъ взглядамъ. Ей казалось, что лишь такимъ путемъ она добьется извѣстной увѣренности въ томъ, что приговоръ ея дѣйствительно имѣетъ силу. И съ напряженіемъ ждала она, чтобы высказались другіе, хотя впередъ знала, каковъ будетъ и ихъ приговоръ.

Когда былъ поднятъ этотъ вопросъ, на минуту воцарилось мертвое молчаніе. И, словно желая отклонить дальнѣйшее обсужденіе его, самъ профессоръ Грапе сказалъ:

— Я думаю, что больше говорить о немъ намъ не приходится.

Казалось, онъ въ деликатной формѣ приглашалъ общество не заниматься именемъ подобнаго человѣка.

Тора Льюнгъ вся вздрогнула отъ пренебрежительнаго тона, которымъ были произнесены эти слова. Не зная, въ

чемъ дѣло, и не предчувствуя, какую бурю вызовутъ ея невинныя слова, она спокойно спросила:

— Что-жъ такое случилось?

Въ отвѣтъ у всѣхъ вырвалось восклицаніе удивленія: какъ можно не знать *того,* что было у всѣхъ на устахъ! Желая отчасти прійти на помощь своей женѣ, начавшей этотъ разговоръ, отчасти изъ вниманія къ фрекенъ Льюнгъ, чья долголѣтняя дружба съ адвокатомъ была ему извѣстна, Оке Іельмъ началъ разсказъ. Спокойно разсказалъ онъ ей свой разговоръ съ посѣтившимъ его рабочимъ и все, что узналъ отъ него. Іельмъ говорилъ спокойно и печально, словно человѣкъ, молчаливо сожалѣющій, что ему приходится говорить что-нибудь невыгодное о недавно умершемъ. И онъ былъ пораженъ, замѣтивъ, что фрекенъ Льюнгъ во время его сообщенія попеременно то краснѣла, то блѣднѣла, а когда онъ кончилъ, дрожащимъ отъ возбужденія голосомъ воскликнула:

— Такъ, значитъ, это вы распространяете эту исторію? Или рабочій, о которомъ вы говорите, обращался и къ другимъ?

Оке Іельмъ вздрогнулъ. Уже самый тонъ, которымъ были сказаны эти слова, уязвили его.

— Я не занимаюсь сплетнями, — возразилъ онъ сухо. — То, о чемъ мы теперь говоримъ, извѣстно всѣмъ.

— Но какъ?—мужественно продолжала фрекенъ Льюнгъ.— Какъ эта исторія стала извѣстна?

Она оглянулась. Но, увидѣвъ кругомъ лица, которыя смотрѣли на нее со смѣсью холоднаго удивленія и недоброжелательства, она поняла, что въ этомъ кругу судьба Оскара Стейнерта рѣшена: онъ осужденъ. Ей, отъ природы робкой и сдержанной, было крайне мучительно продолжать говорить объ этомъ хотя бы ужъ потому, что она замѣтила, какое она возбудила вниманіе. Она какъ-то разомъ почувствовала, что въ этомъ кругу она совершенно одинока, и удивлялась лишь тому, какъ не замѣтила этого раньше. Но ни за что не желая оставить безъ защиты невиннаго, тѣмъ болѣе, что дѣло шло о другѣ, она вооружилась мужествомъ и, сильно подчеркивая каждое слово, сказала:

— Я знаю Оскара Стейнерта ужъ много лѣтъ и не сомнѣваюсь въ томъ, что по той или другой причинѣ онъ можетъ поступить необдуманно. Но онъ не способенъ совершить низкій или подлый поступокъ, я это знаю. Если онъ даже сдѣлалъ то, въ чемъ вы его теперь упрекаете, то и для этого существуетъ извѣстное объясненіе.

Учитель пожалъ плечами и возразилъ:

— Не думаю, чтобъ въ подобномъ случаѣ существовало или могло существовать больше, чѣмъ *одно* объясненіе.

— А я думаю, что можетъ, — тихо промолвила Тора Льюнгъ. — Къ сожалѣнію, я здѣсь объ этомъ говорить не могу. Я обѣщала молчать.

Фру Лизе прислушивалась съ пылающими щеками. Она больше не могла владѣть собою.

— Это значитъ, что онъ невмѣняемъ?

— Нѣтъ,—возразила фрекенъ Льюнгъ по-прежнему,—не это хотѣла я сказать.

Тутъ вмѣшался въ разговоръ хозяинъ, чтобы прекратить положеніе, грозившее стать критическимъ. Своимъ мягкимъ, добрымъ голосомъ онъ сказалъ:

— Если бы мы могли предположить, что адвокатъ Стейнертъ имѣетъ такого горячаго друга въ лицѣ фрекенъ Льюнгъ, никто, навѣрное, не началъ бы этого разговора. Когда дѣло доходитъ до личныхъ симпатій и антипатій, всякій споръ прекращается.

Жена профессора бросила мужу выразительный взглядъ въ благодарность за то, что онъ такимъ деликатнымъ образомъ положилъ конецъ неловкому положенію. Но фрекенъ Льюнгъ почувствовала, что и она осуждена заодно съ прежде осужденнымъ. Погруженная въ мысли, она вся ушла въ себя, между тѣмъ какъ разговоръ продолжался. Она думала о томъ, что въ этомъ обществѣ каждый прекрасно знаетъ, что если дѣло идетъ о какомъ-нибудь научномъ вопросѣ, во всякое время можетъ обнаружиться неизвѣстный дотолѣ факторъ, который разомъ опрокидываетъ вверхъ дномъ почти готовую теорію. Въ подобныхъ случаяхъ слишкомъ поспѣшное сужденіе есть проявленіе грубой некомпетентности. Но когда дѣло идетъ о человѣкѣ, стоитъ лишь тому или другому мнѣнію получить распространеніе, развитіе, и никакая сила міра не въ состояніи поколебать его! Одно слово ведетъ за собою другое, одна страсть вызываетъ другую, одинъ человѣкъ подстрекаетъ другого. Словно умственная эпидемія, распространяется симпатія и антипатія къ тому или другому человѣку. Какъ высокообразованныя, такъ и самыя грубыя народныя массы кажутся одинаково воспріимчивыми къ этой заразѣ, которая распространяется, точно чума, и дѣлаетъ слѣпымъ всякое сужденіе. „Злыя слова", думала она: „злыя слова! Кто ихъ обуздаетъ?"

Когда она получила, наконецъ, возможность попрощаться и вышла на улицу, у нея было такое чувство, будто она провела вечеръ въ спертомъ воздухѣ, и теперь ей придется долго ходить подъ открытымъ небомъ, чтобы вернуть себѣ спокойствіе.

Между тѣмъ, въ передней профессора Грапе еще стояла группа гостей, оживленно бесѣдуя между собою. Они говорили тихо, словно опасаясь, чтобы ихъ не подслушалъ чужой. Они говорили объ Оскарѣ Стейнертѣ, но ужъ не объ исторіи съ нимъ, а о его личности, объ его отношеніяхъ, о всей его жизни. Они говорили о человѣкѣ, котораго они нѣкогда высоко чтили, на котораго возлагали большія надежды, и съ которымъ теперь вдругъ покончили всякіе счеты.

— Она великолѣпна, фрекенъ Льюнгъ, — говорила одна дама.—Объясненіе, котораго нельзя открыть! Что она хотѣла этимъ сказать?

Серьезный мужской голосъ возразилъ:

— Къ подобнымъ доводамъ прибѣгаютъ лишь тогда, когда чувство беретъ верхъ надъ разумомъ.

Полѣ короткаго молчанія кто-то прибавилъ:

— Грустно за людей, которые не въ состояніи владѣть своими личными симпатіями.

— Да,—отвѣтила молодая дѣвушка,—тотъ, кто такъ поступаетъ, никогда не добьется истины.

— Правильно, фрекенъ,—замѣтилъ профессоръ Грапе.—Истина—это самое главное и самое благородное.

Въ то самое время, какъ шелъ этотъ разговоръ, фрекенъ Тора Льюнгъ возвращалась домой. Ей совсѣмъ не приходило на умъ, что она сама можетъ стать предметомъ чьего бы то ни было вниманія. Ея сердце слишкомъ полно было горечи противъ людей, которые позволяютъ себѣ такъ быстро произносить приговоры. И вотъ, ее охватываетъ неопредѣленный страхъ за будущность своего друга. Она очень серьезно боится за его судьбу, думая, что эта исторія, которая, впрочемъ, вѣрно, будетъ, скоро позабыта, все-таки можетъ рѣшительно повредить ему. И хотя она сама себѣ говоритъ, что и эта клевета, вѣроятно, не дойдетъ до него, какъ не дошло и все плохое, что о немъ говорятъ и думаютъ, она все-таки не можетъ подавить своего страха.

Ужасна безпомощность, охватывающая человѣка, когда онъ, въ великомъ или маломъ, чувствуетъ себя стоящимъ совершенно одиноко передъ лицомъ истины. Ужасно сознаніе безсилія истины, ужасно открытіе, что истинѣ люди вѣрятъ именно меньше всего. Но ужаснѣе всего сознаніе, что какъ разъ тѣмъ, которые ее громче всего призываютъ, богиня явитъ свой образъ гордо и равнодушно, точно желая показать, что она презираетъ всѣхъ, призывающихъ ея имя, не зная ея сущности. „Если бы я имъ даже все открыла,—думаетъ Тора Льюнгъ,—мнѣ бы вѣдь никто не повѣрилъ. Гдѣ дѣло идетъ о грубыхъ фактахъ, тамъ инстинктъ

тонкихъ различій мертвъ. И что хуже всего—онъ отвергнутъ и презрѣнъ".

Она продолжала путь, дрожа отъ озноба. Она уже не могла освободиться отъ охватившаго ее чувства страха. Онъ такъ сильно овладѣлъ ею, что на каждомъ поворотѣ ей казалось, будто она должна встрѣтить Оскара Стейнерта. А этого она боялась: она знала, что въ данный моментъ она выдастъ себя. Она поэтому вся вздрогнула отъ испуга, когда въ темнотѣ ее вдругъ окликнулъ чей-то голосъ. Не въ состояніи больше владѣть собой, она оборачивается и видитъ за собою на тротуарѣ того самаго молодого поэта, который во время разговора у профессора Грапе сидѣлъ возлѣ нея.

— Я не осмѣливался сейчасъ же заговорить съ вами,—объясняетъ онъ.—Я видѣлъ, что вы взволнованы, и хотѣлъ оставить васъ въ покоѣ.

Они продолжаютъ путь вдвоемъ. Тора Льюнгъ начинаетъ успокаиваться. Близость молодого человѣка кажется ей чуть ли не спасеніемъ.

— Я долженъ поблагодарить васъ,—продолжаетъ поэтъ.

Голосъ его дрожитъ, мускулы молодого лица нервно подергиваются.

— Вамъ должно, конечно, показаться страннымъ, что я такъ говорю. Я васъ не знаю, и вы не знаете меня. Я здѣсь вообще никого не знаю, кромѣ д-ра Эбелинга. Онъ меня ввелъ въ это общество и сказалъ, что оно мнѣ можетъ принести пользу. Весь вечеръ я сидѣлъ одинъ. И все время предо мною стоялъ вопросъ: что могу я сказать этимъ людямъ и что они мнѣ? Весь вечеръ я спрашивалъ себя, почему я такъ плохо чувствую себя въ этомъ кругу. Я боролся со своими собственными чувствами, бранилъ самого себя. Душеубійство совершаютъ они—въ большихъ размѣрахъ,—и чувства мои вполнѣ справедливы, гораздо справедливѣе, чѣмъ я думалъ!

Нѣчто фанатическое появляется на лицѣ молодого человѣка съ его напряженнымъ, суровымъ выраженіемъ. Весь видъ его такой серьезный, чувства его такъ искренни, что Тора Льюнгъ совершенно забываетъ, что она познакомилась съ нимъ лишь сегодня вечеромъ, и они успѣли обмѣняться только нѣсколькими ничего не значащими словами. Она оглядываетъ его своими спокойными испытующими глазами и говоритъ:

— Вы знакомы съ адвокатомъ Стейнертомъ?

Молодой человѣкъ отвѣчаетъ:

— Его имя я слышу сегодня впервые. Но вамъ не нужно говорить больше того, что вы уже сказали. Я вѣдь пони-

маю, что все сказанное вами — правда. Не потому только, что вы были однѣ,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

У Торы Льюнгъ становится тепло на душѣ: существуетъ, значитъ, человѣкъ, который понимаетъ не только ея слова, но и то, что кроется за ними! Она съ благодарностью пожимаетъ руку молодого человѣка. Молча идутъ они рядомъ. Вокругъ нихъ дрожитъ свѣтъ весеннихъ сумерекъ и газовыхъ фонарей.

— Можетъ быть, нужно быть молодымъ, чтобъ думать и поступать такъ, какъ вы,—говоритъ она, наконецъ.

— Если бы я долженъ былъ такъ думать, я бы не хотѣлъ и жить!—возразилъ молодой человѣкъ.

Тора Льюнгъ улыбается.

— Вы очень молоды,—говоритъ она.

И черезъ минуту прибавляетъ:

— Я не хотѣла васъ огорчить.

— Вы меня и не огорчили,—возражаетъ онъ наполовину разсѣянно.

Они опять идутъ молча. Вдругъ Тора Льюнгъ говоритъ:

— Вы для меня сдѣлали сегодня очень многое, гораздо болѣе, чѣмъ вы вообще думаете.

Молодой человѣкъ молча киваетъ головой. Онъ наклоняется къ ея лицу и говоритъ:

— Это былъ мой первый вечеръ въ стокгольмскомъ кругу.

Тора Льюнгъ останавливается и смотритъ на него. Ее вызвалъ на это тонъ, которымъ сказаны были его слова: въ нихъ звучало все отчаяніе юности, обманутой въ своихъ ожиданіяхъ.

— Что вы хотите сказать?—говоритъ она. Но ея собственныя слова кажутся ей безсмысленными: она прекрасно знаетъ, что вполнѣ понимаетъ его.

— Я пріѣхалъ сюда,—продолжаетъ молодой человѣкъ,— въ надеждѣ узнать здѣсь жизнь. Я изъ маленькаго городка, гдѣ каждый занятъ своими маленькими интересами. Мнѣ казалось, что тамъ я ничему не смогу научиться. Долгіе годы стремился я сюда, не для того, конечно, чтобы познакомиться со знаменитостями, а попросту чтобы встрѣчаться съ людьми, у которыхъ есть мысли въ головѣ, и которые ими живутъ. Я сегодня вошелъ въ это общество съ такой робостью, которую я совершенно не привыкъ замѣчать у себя. Поймете ли вы, если я скажу вамъ, что все видѣнное и слышанное мною сегодня укрѣпило во мнѣ самонадѣянность?

— Вы хотите сказать, что теперь вы лучше, чѣмъ прежде, поняли, насколько здѣсь нужна именно молодость?— возразила Тора.

— Да,—отвѣчаетъ юноша, и на лицѣ его появляется выраженіе мрачной энергіи, которое находится въ странномъ несоотвѣтствіи съ его словами.

— Вы все-таки должны помнить, что сегодня вечеромъ мы видѣли лишь нѣсколькихъ людей, которые ошибаются, заблуждаются и потому судятъ несправедливо,—замѣчаетъ Тора съ улыбкой.—Если бы вы ихъ лучше знали, вы бы знали также, что въ нихъ есть и много хорошаго.

Молодой человѣкъ весь вспыхнулъ.

— Вы такъ снисходительны къ духовной нищетѣ?—говоритъ онъ горячо.

Фрекенъ Льюнгъ подходитъ къ своему дому, но поворачиваетъ назадъ. Медленно ходятъ взадъ и впередъ по тротуару эти два человѣка, которые знаютъ другъ друга столь короткое время. Молодыя деревья на Іоанновскомъ кладбищѣ тихо шумятъ надъ ихъ головами. Лицо Торы Льюнгъ выражаетъ свойственное ей сочетаніе ума и теплоты, но, когда она возражаетъ ему, ея голосъ звучитъ рѣзко:

— Злые духи пришли къ добрымъ. Я это давно ужъ чувствовала, но лишь сегодня вечеромъ я это поняла вполнѣ. Теперь пишутся лучшія книги, создаются лучшія произведенія искусства, чѣмъ прежде. И все-таки чего-то недостаетъ. Въ воздухѣ носится какъ бы болѣзнь недовѣрія. Выражусь образно. Іисусъ изъ Назарета почти забытъ нами. Но вѣра въ Іуду еще жива. Если вы здѣсь поживете дольше, вы увидите, что здѣсь существуетъ мнѣніе, которое опаснѣе общественнаго, ибо оно гораздо менѣе уязвимо,—мнѣніе такъ называемыхъ руководящихъ круговъ и всѣхъ, находящихся въ соприкосновеніи съ ними. Если какой-нибудь мужчина или женщина въ ходѣ своего развитія освободится отъ нѣкоторыхъ взглядовъ, поощряемыхъ тѣмъ кругомъ, къ которому они принадлежатъ, то это лишь очень рѣдко находятъ естественнымъ,—большею же частью это разсматривается, какъ оскорбленіе общества. Не спрашиваютъ: въ какой связи находится это съ его или ея натурой, съ его или ея характеромъ?—а спрашиваютъ: какую пользу можетъ онъ или она извлечь изъ этого? Разъ этотъ вопросъ поставленъ, то данный человѣкъ становится уже сомнительной личностью. Тутъ является сентиментальность, и начинаютъ оплакивать печальный ходъ его или ея развитія. Ихъ еще нѣкоторое время терпятъ: ибо до послѣдняго момента надѣются, что они вернутся на стезю истины. Но преступникъ, отступившій отъ того или другого пункта катехизиса, скоро замѣчаетъ, что вокругъ него становится пусто. Друзья ужъ не такъ дружественны, какъ прежде. Не понимая въ своей невинности, почему все это происходитъ, жертва замѣчаетъ,

что атмосфера кругомъ него,—я хочу сказать, атмосфера воззрѣній на него—становится совершенно другой, леденящей. И, не понимая причины, онъ начинаетъ чувствовать себя несчастнымъ, ему не по себѣ, онъ вянетъ. Вокругъ него образуется пустота, въ немъ самомъ все печально...

Тора Льюнгъ кончила. Она минуту молчитъ, и во всемъ существѣ ея есть что-то такое, что удерживаетъ молодого поэта отвѣтить ей сейчасъ же. Вдругъ глаза ея наполняются слезами, и, думая о судьбѣ той жизни, которая сегодня вечеромъ вступила въ только что изображенную ею сферу ненависти, она медленно говоритъ:

— Раньше или позже въ характерѣ подобнаго человѣка найдутъ что-нибудь похожее на недостатокъ. И изъ-за этого единственнаго недостатка забывается все, что онъ сдѣлалъ или вырестрадалъ. Не одни только правительства пользуются понятіемъ „неблагонамѣренный“. И свободомысліе имѣетъ свой деспотизмъ. Разъ хотятъ уничтожить человѣка, ничто ужъ не можетъ спасти его. Онъ вытолкнутъ изъ жизни. Вѣра въ Іуду одерживаетъ надъ нимъ побѣду.

Молодой человѣкъ не вспыхиваетъ, а блѣднѣетъ больше прежняго. Онъ отвѣчаетъ:

— Никогда, никогда въ жизни я не забуду той ненависти, свидѣтелемъ которой я былъ сегодня вечеромъ.

— Ахъ,—говоритъ Тора Льюнгъ,—что значитъ ненависть? Вѣрьте мнѣ, между лучшими, между самыми лучшими происходитъ нѣчто подобное. Въ этомъ-то и заключается ужасъ всѣхъ тайнъ!

— Вы думаете?—замѣчаетъ онъ.

Но Тора Льюнгъ ужъ не слушаетъ его. Она исчезла подъ аркой воротъ, и поэтъ слышитъ лишь, какъ съ шумомъ захлопывается тяжелая дверь. Быстро скользитъ его высокая фигура мимо рядовъ домовъ, которые вдругъ кажутся ему темными, угрожающими, зловѣщими. Онъ чувствуетъ себя возбужденнымъ, сбитымъ съ толку, и въ его воображеніи просыпается картина маленькаго городка съ узкими, темными улицами, скупо освѣщенными рѣдкими газовыми фонарями, которые, кажется, тонутъ въ мягкомъ, глубокомъ мракѣ. Между газовыми фонарями плывутъ тѣни низкихъ, окруженныхъ садами домовъ и полоса моря, надъ которой мигаетъ свѣтъ маяка, словно отраженіе короткихъ быстрыхъ дыханій... И съ той же силой, съ какой онъ нѣкогда рвался изъ дому, онъ теперь рвется домой. Но онъ знаетъ, что онъ одинокъ, что одинокимъ онъ останется въ жизни, которая кажется ему теперь столь безконечной, столь безцѣльной, длинной, какъ вѣчность. Передъ глазами его носится призракъ одиночества. И столица пугаетъ его.

IX.

На слѣдующій день послѣ разговора съ Торой Льюнгъ адвокатъ Стейнертъ, послѣ долгаго, тяжелаго сна, проснулся съ своеобразнымъ чувствомъ силы, которое вдругъ можетъ ожить въ человѣкѣ въ періодъ самой глубокой подавленности. Полный страха, что параличъ воли, державшій его въ своей власти въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ, можетъ опять вернуться къ нему, онъ рѣшилъ использовать свое сегодняшнее настроеніе. И съ какимъ-то отчаяніемъ думалъ онъ о томъ, какая еще предстоитъ ему жестокая борьба, прежде чѣмъ онъ самъ себѣ сможетъ сказать, что онъ побѣдилъ всѣ трудности, мѣшавшія ему жить.

Вошедши въ спальню, онъ нашелъ жену свою проснувшейся. Съ счастливой улыбкой протянула она ему руки и сказала: „Мнѣ сегодня лучше!“

Адвоката кольнулъ этотъ покорный взглядъ, нѣкогда доставлявшій ему столько счастья. Онъ долженъ былъ сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы по прежнему не дать себя обмануть надеждѣ, что на этотъ разъ все дѣйствительно прошло, и здоровье его жены разъ навсегда возстановлено. Но онъ подавилъ свою мягкость, сѣлъ на край кровати и началъ говорить, все время разсматривая исхудавшее, блѣдно-желтое лицо жены и упрекая самого себя въ жестокости своего намѣренія. Однако, онъ продолжалъ говорить. Къ его великому удивленію, она не противорѣчила ему. На слова его она ничего не отвѣчала, лишь по временамъ задумчиво и молча опускала голову, и изъ глазъ ея, которые она закрыла, словно ей мучителенъ былъ дневной свѣтъ, капали тяжелыя слезы. Уходя отъ своей жены, Стейнертъ зналъ, что она согласилась съ нимъ, но не могъ еще представить себѣ, что начатое имъ станетъ дѣйствительностью.

Что его поддерживало въ слѣдующіе дни, онъ и самъ не зналъ. У него было такое чувство, будто его толкала какая-то посторонняя сила. Онъ очутился въ пріемной врача. Они съ врачемъ стали друзьями во время болѣзни его жены, и разговоръ шелъ въ томъ своеобразно возбужденномъ тонѣ, который какъ-то самъ собою появляется, когда говорятъ о психически разстроенныхъ.

— Я всегда держался того взгляда,—сказалъ врачъ,—что дома жена твоя не можетъ получить того ухода, который ей необходимъ.

— Но свою жену хочется оставить у себя возможно дольше,— замѣтилъ Стейнертъ.

— Конечно,—отвѣтилъ врачъ,—я это вполнѣ понимаю.

— Ты думаешь, ее придется отправить надолго?

Врачъ нерѣшительно пожалъ плечами.

— На этотъ вопросъ не такъ-то легко отвѣтить. Будемъ надѣяться, что болѣзнь не столь серьезна...

Оскаръ Стейнертъ опустилъ глаза, какъ будто стыдился того, что онъ намѣревался сказать.

— Я былъ бы тебѣ благодаренъ, еслибъ это можно было сдѣлать немедленно.

И когда тотъ обѣщалъ, онъ нервно прибавилъ:

— Я боюсь самого себя. Если этого не сдѣлать сейчасъ, то меня оставитъ моя рѣшимость. И тогда этого ужъ никогда не будетъ.

Онъ замѣтилъ быстрый, испытующій взглядъ, который бросилъ на него врачъ, и тотчасъ же понялъ его.

— Все это, вполнѣ естественно, оказало извѣстное дѣйствіе и на меня.

Нѣсколько дней спустя онъ сидѣлъ съ дѣтьми въ своемъ кабинетѣ и сообщилъ имъ, что они сегодня поѣдутъ гулять. Одна тетя, которой они еще не знаютъ, но съ которой онъ очень друженъ, обѣщала взять ихъ съ собой. Онъ думалъ сказать это въ легкомъ, полушутливомъ тонѣ. Но когда заговорилъ, голосъ его дрожалъ, и Робинъ обмѣнялся съ сестрой быстрымъ взглядомъ, который означалъ, что они умѣютъ молчать о томъ, что извѣстно *имъ* обоимъ.

И вотъ, однажды передъ обѣдомъ адвокатъ остался дома. Тревожно шагалъ онъ по своей комнатѣ и ждалъ жены и сидѣлки, которыя все не выходили.

Внизу у подъѣзда стояла закрытая карета. Кругомъ царило молчаніе: Стейнертъ въ этотъ послѣдній моментъ все еще боялся, что онъ ждетъ напрасно. Напряженно прислушивался онъ ко всякому шуму. Наконецъ, когда безпокойство его достигло высшей степени, вошла жена одѣтая по дорожному. Увидѣвъ ее, онъ долженъ былъ отвернуться, чтобъ не выдать своей слабости. На лицѣ ея не было никакихъ слѣдовъ слезъ. Но губы были плотно сжаты, точно она приняла какое-то твердое рѣшеніе. Въ этотъ моментъ ея душа бодрствовала—онъ зналъ это. Она все видѣла и понимала такъ, какъ оно на самомъ дѣлѣ было. И подъ вліяніемъ этого взгляда онъ ослабѣлъ. Онъ чувствовалъ: скажи жена его хоть одно слово—и онъ заключитъ ее въ свои объятія и скажетъ ей, что это былъ лишь дурной сонъ! Онъ не въ состояніи будетъ перенести все то, что происходило тутъ! Но жена прошла мимо него и, казалось, не обра-

тила никакого вниманія на его присутствіе. Она шла черезъ комнату, замкнувшись въ себѣ, и глаза ея блуждали, словно со всѣмъ прощались. Проходя мимо мужа, она инстинктивно отвернулась въ сторону, и у рта ея появилась пренебрежительная, недоброжелательная улыбка.

За нею шла сидѣлка. Ихъ сопровождалъ Стейнертъ, которому нужно было запереть дверь въ корридорѣ. Усѣвшись затѣмъ въ карету возлѣ жены, онъ замѣтилъ, что выраженіе рѣшительности уже исчезло съ лица ея, и оно смѣнилось столь хорошо знакомымъ ему безнадежнымъ, ничего не выражающимъ оцѣпенѣніемъ. Ея лицо такъ преобразилось, такъ было лишено какой-нибудь духовной выразительности, что онъ спрашивалъ себя, не есть ли все видѣнное имъ сейчасъ одна лишь игра его воображенія. Казалось, теперь въ больной умерло все, за исключеніемъ пальцевъ, которые у нея, точно у умирающей, все время щипали пледъ, покрывавшій ее.

Оскаръ Стейнертъ положилъ свою руку на маленькую одѣтую въ перчатку руку, которую онъ столько разъ цѣловалъ. Онъ не могъ дольше смотрѣть на ея волненіе.

— Милая Элленъ!—началъ онъ.

Сидѣлка, усѣвшаяся на заднемъ сидѣньѣ, сдѣлала ему молчаливый знакъ ничего не говорить. Но жена все равно не слушала его. Она продолжала сидѣть молча до тѣхъ поръ, пока карета не остановилась передъ большими рѣшетчатыми воротами, которыя тотчасъ же распахнулись передъ ними. Тогда Элленъ проснулась отъ своего оцѣпенѣнія. Когда они въѣзжали, она осматривалась широко раскрытыми глазами, и лишь только карета остановилась передъ лѣстницей, на которой ее ждалъ врачъ, она громко вскрикнула и хотѣла выброситься. Когда Стейнертъ попытался успокоить ее, все еще надѣясь, по крайней мѣрѣ, попрощаться съ нею, она крикнула:

— Кто это? Уберите его! Я не хочу его видѣть!

Припадокъ былъ такой сильный и такой неожиданный, что адвокатъ остановился, точно окаменѣлый. Не понимая, что ему говорятъ, онъ безпомощно оглядывался, и лишь тогда, когда врачъ прикоснулся къ его рукѣ и напомнилъ ему, что нужно идти, къ нему опять вернулось сознаніе. И, уходя, онъ слышалъ, какъ жена говорила:

— Мнѣ было такъ тяжело, такъ тяжело. Теперь мнѣ будетъ легче, я это знаю, пусть только онъ уйдетъ!

Точно преслѣдуемый фуріями, Стейнертъ вскочилъ въ карету и приказалъ кучеру ѣхать. Въ его ушахъ безпрерывно звучали слова: „Мнѣ было такъ тяжело, такъ тяжело!"

А потомъ: „Мнѣ будетъ лучше, пусть только онъ уйдетъ!"

Онъ былъ еще весь взвинченъ, онъ могъ еще владѣть собой. Онъ снялъ шляпу и замѣтилъ, что лобъ его покрытъ потомъ. Сорвалъ съ рукъ перчатки,—онѣ горѣли, какъ въ огнѣ. Неотвязно преслѣдовали его ужасныя слова, и передъ глазами онъ все видѣлъ сопровождавшій его злой, пронзительный взглядъ. Безсознательно онъ снялъ съ себя и пальто. Все, что было на немъ давило его; казалось, что онъ ничего не въ состояніи переносить. И подъ яркими лучами майскаго солнца ему было такъ холодно, что онъ поднялъ оба окна и грузно бросился въ уголъ кареты, все время прислушиваясь къ послѣднимъ словамъ своей жены, неотвязно звучавшимъ въ его ушахъ. Какъ будто она умерла и прокляла его своимъ послѣднимъ вздохомъ...

Наконецъ, онъ очутился въ своей комнатѣ и смотрѣлъ на широкую площадь, окруженную лѣсомъ. Обширная площадь утопала въ блѣдномъ лунномъ свѣтѣ, и темнѣе обыкновеннаго тянулся за нею лѣсъ. Изъ земли поднимались серебряныя полосы холоднаго тумана. Оскаръ Стейнертъ смотрѣлъ на все это безъ единой мысли въ головѣ. Тора Льюнгъ зашла было, но теперь уже удалилась. Дѣти спятъ въ своей маленькой комнаткѣ. Все, что нужно было сказать, уже сказано. День, столь богатый событіями и потому тянувшійся безконечно долго, кончился. На диванѣ, на которомъ онъ спалъ, не было постлано. Въ первый разъ послѣ столь долгаго промежутка адвокатъ спалъ опять въ спальнѣ. Тора спросила его, не будетъ ли это ему тяжело. И съ горькой усмѣшкой онъ отвѣтилъ: „Теперь ужъ нѣтъ“.

Теперь его вдругъ охватила мысль: „Почему я не сказалъ Торѣ Льюнгъ, что Элленъ вдругъ оттолкнула меня отъ себя и отвернулась отъ меня, какъ отъ врага?“ Онъ теперь нѣсколько успокоился. Ужасъ, охватившій его послѣ припадка жены, уступилъ мѣсто размышленію. „Я хотѣлъ ее пощадить?“ думалъ онъ: „Жену? Или Тору пощадить, чтобъ она не слышала этого?“ Онъ вспомнилъ, что психически больные часто воспламеняются ненавистью какъ разъ къ тѣмъ, кого они обыкновенно больше всего любятъ. Слѣдовательно, здѣсь не было ничего такого, что нужно было бы скрывать. Это былъ вполнѣ естественный случай. Почему же онъ не могъ объ этомъ говорить? Все другое онъ разсказалъ Торѣ. Всякую подробность, всякую мелочь, съ начала этого дня до конца его. Она слушала его, не спуская съ него своихъ добрыхъ, умныхъ глазъ, и, уходя, навѣрное думала, что пользуется его полнымъ довѣріемъ. Почему же онъ скрылъ отъ нея то, что теперь ему кажется какъ разъ самымъ важнымъ, что далеко превзошло всѣ пережитыя имъ когда-либо страданія? Почему онъ не разсказалъ, что жена

посмотрѣла на него злыми глазами и бросила ему прямо въ лицо всю свою ненависть? Почему онъ это обошелъ молчаніемъ? Не было ли это послѣднимъ остаткомъ скрытности, связывавшей его языкъ, той мужской скрытности, которая даже въ крайности не даетъ мужчинѣ бросить тѣнь на женщину, которую онъ любитъ?

Оскаръ Стейнертъ подошелъ къ окну. И, когда онъ смотрѣлъ въ ночь, ему ясно стало, что такъ, какъ сегодня, онъ молчалъ вообще всегда. Ему стало до конца ясно, что свое крайнее, послѣднее довѣріе, самое важное, онъ не подаритъ никому и никогда. Мужчины и женщины входили въ его жизнь и опять уходили изъ нея, точно тѣни, посѣщавшія его лишь въ воспоминаніяхъ. Онъ всегда говорилъ больше, чѣмъ другіе. Въ немъ всегда жила жажда къ людямъ, жажда брать и давать, жажда, которая никогда не утоляется. Каждый въ отдѣльности или, по крайней мѣрѣ, многіе думали, что они получили отъ него все существенное изъ его внутренняго я. Даже онъ самъ отдавался этой иллюзіи, не только другіе. Теперь онъ впервые видѣлъ въ себѣ это свойство. Когда онъ бывалъ болѣе всего откровененъ, онъ сохранялъ наиболѣе глубокое молчаніе. Всегда наступалъ моментъ, когда онъ замолкалъ.

Что его молчаніе на этотъ разъ можетъ заключать въ себѣ опасность, ему и въ голову не приходило. Онъ былъ занятъ теперь только разсмотрѣніемъ этого свойства, которое онъ раздѣлялъ со столь многими, но на которое смотрѣлъ, какъ на нѣчто свойственное лишь ему одному. Онъ чувствовалъ, что оно дѣлало его одинокимъ, и въ то же время прекрасно зналъ, что никогда не освободится отъ этого. Самыя тяжелыя свои страданія онъ всегда будетъ носить одинъ. И ему казалось, что пережитый имъ сегодня ужасъ является провозвѣстникомъ неопредѣленнаго будущаго мрака, который когда-нибудь неминуемо окутаетъ его.

Медленно поднимался надъ окрестностью туманъ. Подобно облаку, онъ тянулся по направленію къ лѣсу, темныя верхушки котораго высились на бѣломъ серебряномъ фонѣ его.

Оскаръ Стейнертъ отправился спать. Когда онъ вошелъ въ спальню и увидѣлъ одну кровать застланную, пустую, стоящую возлѣ его кровати, у него явилось такое чувство, будто стѣны начинаютъ говорить, будто каждый предметъ въ этой столь хорошо ему знакомой комнатѣ хочетъ ему что-то разсказать, что-то новое, что здѣсь произошло за все это долгое время, когда онъ спалъ одинъ, что-то такое, чего онъ еще не зналъ. Но онъ былъ слишкомъ утомленъ, слишкомъ обезсиленъ, чтобы думать. Его одолѣла

усталость, и, едва потушивъ свѣчку, онъ ужъ спалъ тяжелымъ сномъ безъ сновидѣній.

Онъ спалъ, не подозрѣвая, что есть нѣчто такое, что и Тора Льюнгъ охотно разсказала бы ему, но что никогда не будетъ сказано. Никогда она не сможетъ ему сказать, что люди, мнѣніе которыхъ онъ, несмотря на всю свою гордость и своеволіе, уважалъ и цѣнилъ, что эти именно люди его судили, осудили, приговорили къ лишенію, если не жизни, то, по крайней мѣрѣ, чести.

Полная мыслей о приговорѣ этихъ людей, Тора Льюнгъ эти послѣдніе дни находилась вблизи отъ Стейнерта, помогала ему переносить тяжелое время, затѣмъ опять оставила его. Теперь она сидѣла въ своей комнатѣ, безъ сна, вся въ тревогѣ. Она знаетъ Оскара Стейнерта, знаетъ, что онъ можетъ переносить страданія, но сознаніе несправедливаго приговора, отъ котораго онъ не можетъ уйти, котораго не можетъ передѣлать въ справедливый,—это сознаніе убьетъ его. Вотъ почему она молчитъ и страдаетъ отъ несправедливости, которая молча и неудержимо совершаетъ свое дѣло.

Стейнертъ же можетъ спать: онъ вѣдь ничего не знаетъ. Съ окрѣпшими силами можетъ онъ встрѣтить завтрашній день. Милосердна скрытность между людьми,—милосердна и безсердечна.

X.

Материнское чувство—вотъ что внушало Торѣ Льюнгъ дружбу къ Оскару Стейнерту съ самаго начала ея знакомства съ нимъ. Сознаніе, что эта дружба ему необходима, что она дѣйствуетъ на него благотворно,—вотъ что было, быть можетъ, наиболѣе глубокой причиной того, что ея чувство не мѣнялось съ годами. Она инстинктивно чувствовала, что этотъ человѣкъ такъ же одинокъ, какъ и она. Она поняла это еще въ то время, когда онъ и міръ, казалось, улыбались другъ другу. Когда онъ позже казался такимъ счастливымъ въ своемъ бракѣ, она, не понимая даже почему, никогда не могла повѣрить, что этого счастья хватитъ на всю его жизнь. Она смотрѣла на жену Стейнерта и на всю его семейную жизнь совсѣмъ иными глазами, нежели онъ,—болѣе трезвыми и болѣе проницательными.

По ея мнѣнію, фру Элленъ Стейнертъ была, въ сущности, холодная женщина, у которой много страстности, но мало сердца. Она знала также, что эта натура не измѣнится, если-бъ она даже выздоровѣла отъ постигшаго ее психическаго разстройства. Поэтому Торѣ Льюнгъ было не легко—ежедневно раздѣлять съ Стейнертомъ ту иллюзію, которою

онъ жилъ. Ибо это была иллюзія, которую можетъ создать лишь любовь, ослѣпляющая людей. Никогда это не было ей такъ ясно, какъ въ послѣднее время. Каждый разъ, когда они бывали вмѣстѣ, онъ заговаривалъ съ нею о своей женѣ. То, что между ними произошло, онъ, или вѣрнѣе его любовь, пересоздавали въ его фантазіи. Въ этой прекрасной иллюзіи, которою онъ, всегда столь проницательный, окружилъ всю свою жизнь, жена всегда являлась дающей, а онъ съ благодарностью принимающимъ. Тора видѣла это, и передъ этимъ полнымъ благодарности культомъ мужчины въ ней просыпалось смѣшанное изъ удивленія и ужаса чувство, которое охватываетъ насъ, когда мы слѣдимъ за игрою трагическаго героя, слѣпо идущаго навстрѣчу своей темной судьбѣ, причина которой лежитъ въ немъ самомъ.

Въ это лѣто Оскаръ Стейнертъ велъ лихорадочный образъ жизни. Онъ взваливалъ на себя всякой работы больше, чѣмъ это было нужно, словно самъ себя хотѣлъ убѣдить въ томъ, что ради жены, страданія которой казались ему нечеловѣческими, онъ бралъ на себя тяжесть, равную тому, что она переживала. Одновременно съ этимъ онъ всѣмъ интересовался, читалъ, занимался политикой, вращался въ обществѣ.

Тора Льюнгъ стала догадываться, что въ немъ все-таки кроется что-то, что онъ старается заглушить въ себѣ; но она не понимала, въ чемъ тутъ дѣло. По временамъ она думала, что его мнѣніе о женѣ начинаетъ измѣняться, и что нервное напряженіе, охватившее его теперь, находится въ тѣсной связи съ этимъ новымъ открытіемъ, которое должно измѣнить всю его жизнь.

Иной разъ она спрашивала себя, не замѣтитъ ли онъ все-таки въ одинъ прекрасный день, что для него полезно было бы одиночество, и что отсутствіе жены какъ разъ можетъ быть тѣмъ средствомъ, которое вернетъ покой его переутомленной нервной системѣ.

Но она ничего подобнаго не замѣчала. Съ неописуемымъ страхомъ слѣдила Тора Льюнгъ за его лицомъ, за всѣмъ его поведеніемъ, за его словами. Приходя къ ней, онъ каждый разъ сообщалъ ей что-нибудь новое о своей женѣ. Иной разъ ея положеніе не внушало никакихъ надеждъ, на другой день все-таки являлась тѣнь надежды. Когда онъ говорилъ о своей женѣ, въ его глазахъ было что-то просящее, несказанно мучившее Тору Льюнгъ. Казалось, онъ умолялъ ее на все смотрѣть тѣми же глазами, что и онъ, чувствовать съ нимъ заодно, преклоняться, какъ онъ—слѣпо, довѣрчиво, страстно.

Тора это время сильно страдала. Всей ея натурѣ претила эта необходимость молчать о томъ, что видѣли ея глаза: и

инстинктъ, и разсудокъ ея учили ее быть искренней. И въ душѣ своей она чувствовала все усиливающееся нерасположенiе къ этой женщинѣ: ей приписывала она все то крайнее умственное напряженiе, которое чувствовалось во всемъ, что въ это время говорилъ или дѣлалъ Стейнертъ. Она видѣла ее передъ собой, стройную и высокую, съ маленькимъ, восковымъ, обрамленнымъ золотистыми волосами, лицомъ. Она видѣла передъ собою эти маленькiе лучистые глаза подъ выступающимъ впередъ лбомъ, внезапно появляющуюся улыбку у рта съ его выраженiемъ чувственности и притворства, все это поражающее своею неожиданностью, постоянно мѣняющееся, всегда лишенное спокойствiя и ясности, что нѣкогда очаровало ея мужа и еще теперь продолжало держать его въ своихъ оковахъ,—все это видѣла она и должна была употребить усилiе надъ собой, чтобы въ сердцѣ своемъ не быть несправедливой и озлобленной. Въ этихъ предѣлахъ она глубоко сочувствовала своему другу и оплакивала его судьбу...

Ей казалось, что она ничего не можетъ сдѣлать. Да и что могла она, дѣйствительно, предпринять? Изо-дня въ день ходила она въ домъ Стейнерта. Она приходила и уходила, и никто не зналъ, какъ и когда. Однако, когда она нужна была, она всегда была тутъ. И все-таки ей казалось, что она безполезна. Стейнертъ, какъ будто, совершенно не замѣчалъ ея. Онъ весь былъ охваченъ тоской по женѣ.

Поэтому Торѣ доставило большое облегченiе, когда Стейнертъ однажды сказалъ ей, что ему придется поискать дачу для дѣтей и для себя.

— А что будетъ со мной?—сказала съ улыбкой Тора Льюнгъ.

Она была счастлива, думая, что тутъ нужна будетъ ея помощь. На нерѣшительный вопросъ Стейнерта она въ легкомъ тонѣ отвѣтила:

— Конечно, я поѣду съ вами. Кто же будетъ заботиться о дѣтяхъ?

Въ этотъ вечеръ адвокатъ долго шагалъ по свой комнатѣ. Онъ удивился, что вдругъ почувствовалъ облегченiе. По мановенiю руки, съ его плечъ было снято бремя, то бремя, которое его болѣе всего угнетало.

Въ этомъ именно пунктѣ Тора не поняла его. Оскаръ Стейнертъ болѣе всего жаждалъ отдѣлаться отъ дѣтей. Съ ними онъ не чувствовалъ себя свободнымъ, не могъ пользоваться временемъ по своему. Это бремя чувствовалъ онъ такъ тяжело, что оно мучило его, чуть ли не какъ idée fixe. И ставши теперь свободнымъ, онъ облегченно вздохнулъ: теперь онъ опять могъ дѣйствовать.

Черезъ нѣсколько дней адвокатъ нашелъ дачу. Она была расположена на островѣ, въ двухъ часахъ отъ города. Кромѣ него, тамъ жилъ лишь одинъ рыбакъ со своими дѣтьми. Просторная и свѣтлая вилла была построена какимъ-то богачемъ и освободилась за смертью его. Весь островъ былъ покрытъ сплошнымъ еловымъ лѣсомъ, рѣдко гдѣ попадалась береза. По скалистымъ берегамъ въ трещинахъ росла ежевика.

Сюда-то и переѣхалъ Оскаръ Стейнертъ со своими дѣтьми. Ихъ сопровождала Тора Льюнгъ. Но на слѣдующій день онъ ихъ оставилъ и поѣхалъ въ городъ къ своей работѣ. Онъ сидѣлъ на пароходѣ въ сторонѣ отъ другихъ, съ виду погруженный въ чтеніе газеты. Но онъ ужъ нѣсколько разъ ловилъ себя на томъ, что вторично начиналъ читать тотъ же столбецъ и все-таки не воспринималъ его содержанія. Наконецъ, онъ выпустилъ изъ рукъ газету. Вѣтеръ ласкалъ его лицо, передъ его глазами играла вода, зеленѣлъ лѣсъ, свѣтило солнце. Ему казалось, будто онъ раньше забылъ про солнце и не видѣлъ ничего, кромѣ ночи... Медленно потянулись рабочіе часы, но ему казалось, будто все, что занимало его, получило теперь новый интересъ. Уже задолго до срока онъ сидѣлъ на пароходѣ, который долженъ былъ отвезти его домой. Увидѣвъ, что дѣти пришли его встрѣчать у моста, онъ выскочилъ на берегъ легко, точно мальчикъ, улыбаясь и болтая, и пошелъ съ ними по песчаной дорогѣ. Онъ обрѣлъ покой и наслаждался имъ, точно малое дитя. Дни шли однообразной чередой, и лучше всего было то, что ничего не случалось. Однообразіе всей этой жизни было полно покоя; и Торѣ Льюнгъ казалось, что адвокатъ за это время становится совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ выглядѣлъ такъ, какъ будто напряженіе внутри его улеглось, и складки у угловъ рта уже не были такъ рѣзки, какъ раньше.

Однажды вечеромъ онъ и Тора сидѣли вмѣстѣ на зеленой скамьѣ подъ большой сосной, которая одиноко росла далеко на скалѣ, круто спускавшейся къ морю.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ все здѣсь дѣйствуетъ на меня, — сказалъ Стейнертъ.—Ты не знаешь, что значитъ такъ устать и получить возможность отдохнуть.

Спустя немного онъ продолжалъ.

— Мнѣ кажется, такъ ясно, какъ теперь, я еще никогда не видѣлъ ни себя, ни такого уголка жизни, который является моимъ. Я знаю, больше всего дѣлаетъ меня теперь счастливымъ не то, что я имѣю возлѣ себя своихъ дѣтей, что они находятся подъ твоей опекой, что я вижу передъ собою хорошее спокойное лѣто, не то даже, что его раздѣ-

ляешь со мною ты, а просто то, что нѣтъ моей жены, и что здѣсь по-близости нѣтъ ничего, что напоминало бы о ней. Ты находишь то, что я говорю, очень неестественнымъ и жестокимъ?

Сердце Торы Льюнгъ пронизываетъ какъ бы молнія испуга и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды. „Неужели онъ начинаетъ понимать?“ думаетъ она. Но, боясь выдать себя, она не рѣшается отвѣтить и ограничивается нѣмымъ кивкомъ.

Стейнертъ продолжаетъ:

— Не легко чувствовать это и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавать, что, если бы она не вернулась никогда, жизнь показалась бы мнѣ пустой. Человѣкъ, который такъ близокъ другому, можетъ все взять на себя, все снести. Скажи мнѣ одно, Тора. Думаешь ли ты, что одинъ человѣкъ можетъ заразить другого?

— Ты думаешь, Элленъ могла заразить тебя? Что она могла омрачить и *твой* умъ?

— Да, я иной разъ испытываю нѣчто подобное.

Тора рада была, что она сидитъ, нагнувшись впередъ, такъ что черты ея лица видны неясно.

— И я иной разъ думала объ этомъ,—замѣчаетъ она.

И, помолчавъ немного, прибавляетъ:

— И я боялась за тебя.

Оскаръ Стейнертъ молчалъ. Она боялась, что онъ уже раскаялся въ сказанномъ. Поэтому она не продолжала разговора, хотя слова жгли ей уста.

Бухта утопала въ прозрачно-сѣрыхъ сумеркахъ. Деревья, скалы, дорожка и крыша виллы отражались въ спокойной водѣ. Воздухъ былъ тихъ. На западѣ краски вечерней зари тускнѣли точно подъ вуалью.

Они разстались на ночь. Черезъ свое окно въ нижнемъ этажѣ Стейнертъ глядѣлъ на гладкую бухту и на густой еловый лѣсъ, покрывающій островъ. Надъ собой онъ слышалъ легкіе шаги Торы, которая ходила взадъ и впередъ по своей комнатѣ.

И въ этотъ моментъ Стейнерту казалось, что, несмотря на все, что онъ обыкновенно чувствовалъ, эта женщина ему ближе, чѣмъ кто бы то ни было на свѣтѣ, ближе, чѣмъ еслибъ они дѣлили другъ съ другомъ ложе и были соединены бракомъ. Онъ понималъ это, несмотря на все свое горе о женѣ, на все свое безпокойство за ея судьбу. Чѣмъ была для него Тора, увидѣлъ онъ сегодня лучше, чѣмъ когда-либо. Не требуя ничего другъ отъ друга, сошлись они; не чувствуя другъ къ другу ничего, кромѣ взаимной благодарности—когда-нибудь разойдутся. Они бы не могли упрекнуть другъ друга ни въ одной ссорѣ, ни въ какомъ-

нибудь безпокойствѣ, ни въ натянутости, ни въ раздвоенности, ни въ огорченіи. Они встрѣтились однажды въ сутолокѣ жизни, въ которой люди встрѣчаются, расходятся, проходятъ мимо другъ друга торопливо, какъ бы гонимые, чтобъ предоставить мѣсто другимъ. Они даже не держались другъ за друга, быть можетъ, подолгу другъ о другѣ забывали. Влюблены другъ въ друга они никогда не были. Но они никогда и не избѣгали другъ друга. Оскару Стейнерту вдругъ показалось, что Тора Льюнгъ единственный человѣкъ, о которомъ онъ всегда думалъ съ тайнымъ чувствомъ полной вѣры въ него. Даже тогда, когда онъ встрѣтился съ дѣвушкой, которая впослѣдствіи стала его женой, когда любовь, съ ея неописуемымъ сочетаніемъ наслажденія и муки, вовлекла его въ ту судьбу, которая теперь такъ тяжело давила его, даже тогда въ глубинѣ его души виталъ другой образъ; и онъ сохранилъ этотъ образъ, такъ какъ зналъ, что ничто въ мірѣ не можетъ омрачить его. Этотъ образъ всегда былъ съ нимъ и никогда не дѣлалъ ему ничего, кромѣ добра. Противоположность между этими отношеніями и бракомъ, соединившимъ его съ другой, показалась ему теперь при ясномъ, холодномъ свѣтѣ того момента такой вопіющей, что онъ пришелъ почти въ ужасъ. Мысли, мелькавшія въ его головѣ, казались ему недостойными, оскорбительными для него самого и для другихъ. И глубоко вь душѣ его, куда не проникалъ его взглядъ, таилась боязнь передъ истиной, которая открыла бы ему глаза на то, что онъ жилъ и боролся ради иллюзіи...

На слѣдующее утро, выйдя къ завтраку, адвокатъ былъ молчаливъ и разсѣянъ; задолго до того, какъ подошелъ пароходъ, онъ отправился къ бухтѣ. Онъ сѣлъ и смотрѣлъ на воду, темносинюю и бѣлую при свѣжемъ бризѣ.

Прибывъ въ городъ, онъ вспомнилъ, что ему сегодня надо защищать въ коммерческомъ судѣ крупный искъ по конкурсу. Случай былъ довольно сложный, и онъ самъ очень интересовался его исходомъ. Онъ ошибся во времени и пріѣхалъ слишкомъ рано. Увидѣвъ, что много людей толпится около уголовнаго отдѣленія, онъ изъ любопытства тоже пошелъ туда, чтобъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло.

За рѣшеткой онъ увидѣлъ блѣдную, изможденную женщину-работницу; за ея спиной стоялъ тюремный надзиратель. Помѣщеніе для публики было переполнено. Стейнертъ смотрѣлъ, смотрѣлъ: онъ весь напрягся, чтобы овладѣть своей памятью. „Вѣдь я совершенно забылъ все, что произошло со мною въ то время. Гдѣ только я видѣлъ это лицо?“ думалъ онъ. Онъ такъ привыкъ къ тому, что память ему измѣняла, какъ только дѣло доходило до прошлой зимы, что

совершенно инстинктивно начиналъ рыться именно въ томъ времени, какъ только встрѣчалось что-нибудь, о чемъ онъ зналъ, что долженъ былъ это помнить, но забылъ...

Прокуроръ окончилъ свою рѣчь и вынесъ заключеніе—исправительный домъ. Адвокатъ не слышалъ, на сколько именно лѣтъ, но онъ какъ-то чувствовалъ, что много. По собранію прошелъ ропотъ, и судья окинулъ присутствующихъ строгимъ взглядомъ.

Затѣмъ начался допросъ. Его вели необыкновенно тихо, какъ будто судья стыдился того поста, который ему приходилось занимать. Ставя вопросы, онъ глядѣлъ на бумаги, лежавшія передъ нимъ на столѣ, и въ голосѣ которому онъ старался придать возможно болѣе дѣловитый тонъ, каждый разъ звучало какъ бы невольное уваженіе къ незаслуженному несчастью.

— Вы, значитъ, признаете, что вы вполнѣ обдуманно и преднамѣренно бросились въ воду, чтобъ лишить жизни себя и ребенка?

Отвѣтъ послѣдовалъ тихо, какъ будто женщинѣ надоѣли всѣ эти безполезные вопросы, которые для нея вѣдь никакого значенія не имѣли.

— Да.

— Вы ясно и точно помните все?

— Да.

— Вы, значитъ, хотѣли, чтобъ ребенокъ умеръ?

— Да.

— Можете ли сказать что-нибудь въ свое оправданіе?

— Я думала, что сама тоже умру.

Судья раскрылъ свою записную книжку, медленно высморкался, надѣлъ на носъ пенснэ, бросилъ бѣглый взглядъ на обвиняемую и опять уставился въ пространство.

Женщина повернула голову и оглянулась ничего не выражающимъ взглядомъ. Ея движеніе было чисто механическое; видно было, она еле сознавала, что происходило кругомъ. Но Стейнертъ узналъ ее по этому движенію. Это была та самая женщина, котороя нѣкогда стояла возлѣ трупа рабочаго съ большими, широко открытыми глазами, не замѣчая безпрестанно мѣнявшихся возлѣ нея людей. Въ его ушахъ вдругъ прозвучали сказанныя ею слова: „Будь у него деньги на револьверъ, онъ бы не покончилъ съ собою". Ясно и отчетливо увидѣлъ онъ передъ собою всю эту сцену, которую онъ давно уже забылъ—съежившуюся фигуру на скамейкѣ, полицейскаго, народную массу, которая приходила и уходила... Все онъ увидѣлъ опять, какъ будто переживалъ это вторично. И въ то же время его что-то какъ бы рѣзнуло по сердцу, онъ почувствовалъ неопредѣленныя

угрызенія совѣсти, причины которыхъ онъ не могъ бы объяснить, но которыя мучили его гораздо непосредственнѣе и глубже, чѣмъ всѣ разсужденія, которыя, какъ ему хотѣлось увѣрить себя, ему удалось подавить.

Судья, между тѣмъ, продолжалъ задавать свои безцѣльные вопросы, и женщина отвѣчала все съ той же равнодушной холодностью. Она стояла тутъ, исключенная изъ среды людей и изъ жизни, и, чѣмъ больше Стейнертъ вглядывался въ нее, тѣмъ лучше онъ понималъ ее и ея отчаяніе, тѣмъ ближе чувствовалъ себя къ ней. Казалось, будто все выстраданное имъ самимъ сдѣлало его сердце болѣе воспріимчивымъ и помогло ему понять страданія этой простой женщины совершенно новымъ и лучшимъ образомъ. Или, можетъ быть, не страданія помогли ему понять? Быть можетъ, это произошло именно потому, что страданія миновали, что явился нѣкто, кто снялъ ихъ съ него? Все равно—онъ не могъ свести глазъ съ этой женщины. Она устала... только устала. Когда она говорила,—казалось, что она хочетъ сказать: „Вы вѣдь знаете все! Зачѣмъ же вы меня мучаете? Вѣдь всѣ они говорятъ, что я убила. Такъ это, должно быть, такъ и есть. Отправьте же меня въ заключеніе. Тамъ я буду работать. Если-бъ я это могла дѣлать раньше, я бы не стояла здѣсь".

Подобныя слова мелькали въ головѣ Стейнерта, когда онъ прислушивался ко всему происходящему передъ его глазами. Они звучали въ немъ такъ ясно, что ему почти казалось, будто онъ ихъ произнесъ вслухъ. „Почему здѣсь никто не говоритъ этого?"—думалъ онъ. „Почему вообще бываетъ такъ мало людей, которые говорили бы тамъ, гдѣ это нужно? Вѣдь такъ они говорятъ слишкомъ достаточно!"

Тутъ опять послышался голосъ женщины. Судья поставилъ, вѣроятно, вопросъ, котораго Стейнертъ не разслышалъ. Въ залѣ царила мертвая тишина. Каждое слово слышно было ясно и отчетливо. Своимъ усталымъ, равнодушнымъ голосомъ женщина отвѣтила:

— Я прекрасно знала, что дѣлала. Все послѣднее время я ни о чемъ другомъ не думала.

Послѣдовавшее за этимъ движеніе напоминало собою журчаніе воды, закрывающейся надъ головой утопающаго... Присяжные вышли на совѣщаніе, и подсудимую вывели. Адвокатъ механически посмотрѣлъ на часы. Онъ вспомнилъ про свой процессъ. Какъ разъ пора было итти.

И въ послѣдній разъ прошелъ онъ мимо женщины, приговоръ надъ которой былъ, собственно говоря, уже произнесенъ. Онъ посмотрѣлъ на нее еще разъ, словно желая запечатлѣть ея образъ въ своей памяти. Тутъ онъ вдругъ

почувствовалъ, что кто-то пристально смотритъ на него, и въ тотъ же моментъ увидѣлъ два горящихъ глаза: человѣкъ въ рабочемъ костюмѣ, улыбаясь иронически, приблизился къ обвиняемой, чтобы что-то шепнуть ей.

Будучи уже въ дверяхъ, Стейнертъ услышалъ за спиной: „Вотъ онъ!"

Но еще до этого въ немъ проснулось воспоминаніе. Онъ зналъ ужъ теперь, кто здѣсь долженъ былъ говорить, и почему никто не говорилъ. Быстро поднимался онъ по лѣстницѣ въ ту комнату, гдѣ должно было разбираться его дѣло, думая и при этомъ: „Это нужно сдѣлать прежде всего. Мысли не уйдутъ".

Въ обычное время онъ сидѣлъ на палубѣ судна и читалъ газету. Ему бросилась статья о недостаткахъ шведскаго суда. Чтобы прогнать свои собственныя мысли, онъ внимательно прочиталъ эту статью до конца. Статья была дѣльная, богатая выводами и вполнѣ совпадала съ тѣмъ, что онъ самъ часто думалъ объ этомъ вопросѣ. Это не было лишь упражненіемъ въ краснорѣчіи. Это было дѣло, которое когда-нибудь, можетъ быть, принесетъ плоды. Авторъ статьи былъ молодой юристъ, служившій въ какомъ-то бюро. Стейнертъ зналъ его. То былъ дѣльный человѣкъ, человѣкъ съ будущимъ.

„Почему я не написалъ этой статьи?"—подумалъ онъ вдругъ.

Дулъ довольно рѣзкій вѣтеръ, и на палубѣ было прохладно. Верхушки темныхъ волнъ заканчивались бѣлыми гребнями. Стейнертъ поднялся и сошелъ внизъ. Въ салонѣ онъ легъ на диванъ, тихо, съ закрытыми глазами, словно спалъ. Только когда пароходъ проѣхалъ мимо Ваксгольма, онъ опять поднялся на палубу, пробрался между бочками и сложенными дровами къ самому носу и сталъ смотрѣть на темную бухту, по которой волны гнались другъ за другомъ.

XI.

Тора Льюнгъ скоро увидѣла, что спокойствіе, которое на нѣсколько дней снизошло на Оскара Стейнерта, не будетъ продолжительно. Она видѣла по всему его поведенію, что случилось то о чемъ онъ не хотѣлъ разсказывать, чего не хотѣлъ касаться. Онъ приходилъ и уходилъ, какъ будто совершенно не замѣчая ни ея, ни дѣтей. И когда однажды она спросила объ этомъ дѣтей, они отвѣтили:

— Папа всегда такой.

Только вечеромъ, когда дѣти уходили спать, и они оста-

вались вдвоемъ, онъ вдругъ оттаивалъ и начиналъ говорить. Тогда онъ могъ разсказывать всякую всячину, сидя съ нею на открытой верандѣ съ видомъ на бухту или въ комнатѣ съ открытымъ каминомъ и желтыми шелковыми занавѣсями.

Онъ разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, о старыхъ друзьяхъ,—длинныя, сложныя исторіи, подчасъ полныя жизни и юмора, подчасъ отвратительныя... Даже Тора, которая вѣдь хорошо знала его, поражалась, какая уйма людей была ему близка. Разъ она ему замѣтила это. Но Стейнертъ вдругъ омрачился и замолкъ на полусловѣ.

— Старыя дороги съ годами зарастаютъ,—сказалъ онъ.— Противъ этого ничего не подѣлаешь.

— Развѣ ничего нельзя сдѣлать, чтобъ уберечь ихъ? — осторожно спросила Тора.

— Можно, если имѣть деньги и время. Безъ нихъ нельзя.

Тора хорошо знала это выраженіе лица, съ которымъ онъ обрывалъ на полусловѣ свою рѣчь, требовавшую дальнѣйшаго довѣрія, и по выраженію лица, которое сопровождало его слова, она заключила, что онъ про сужденія людей о немъ знаетъ больше, чѣмъ хочетъ сказать. Ея тревога еще больше усилилась однажды вечеромъ. Она была утомлена и хотѣла ужъ пойти къ себѣ.

— Не уходи еще!—попросилъ онъ нервно.

— Вѣдь уже почти полночь. Ты тоже долженъ лечь.

— Я этой ночью все равно не смогу уснуть,—отвѣтилъ онъ,—и подчасъ одиночество мучитъ меня.

При этихъ словахъ онъ глядѣлъ робко и почти застѣнчиво.

— Мои мысли въ страшномъ безпорядкѣ,—сказалъ онъ какъ бы въ оправданіе.—Онѣ иной разъ отказываютъ мнѣ въ повиновеніи.

Съ этими словами онъ всталъ и болѣе легкимъ тономъ продолжалъ.

— Нѣтъ, иди, если ты устала. Вѣдь это одно только воображеніе.

И не отсталъ, пока она не оставила его одного.

Въ другой вечеръ они долго говорили о дѣтяхъ, объ ихъ наклонностяхъ и задаткахъ, и Тора къ удивленію замѣтила, какъ мало въ сущности Стейнертъ знаетъ своихъ дѣтей. Разговоръ перешелъ потомъ на воспоминанія дѣтства, и вдругъ лицо Стейнерта освѣтилось отъ радостнаго воспоминанія. Онъ вообще весь этотъ вечеръ былъ въ прекраснѣйшемъ настроеніи и такъ и сыпалъ шутками и остротами.

— О старомъ Бьоркенѣ я тебѣ уже разсказывалъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, никогда.

— Знаешь, вѣдь немногому учились въ школахъ въ мое время,—продолжалъ онъ.— Но когда я теперь подумаю, я не могу вспомнить никого, кому я былъ бы обязанъ столь многимъ, какъ старому Бьоркену. Чему мы научились у него изъ области школьной премудрости, объ этомъ я говорить не стану. Гаммельбро, гдѣ я посѣщалъ школу, былъ епархіальнымъ городомъ, и церковный духъ виталъ надъ всей гимназіей. Ну, довольно! Но старой Бьоркенъ! Этого человѣка мы ставили очень высоко. Сколько ему теперь лѣтъ, я, собственно, и не знаю, но, вѣрно, далеко за семьдесятъ, потому что я его вообще помню только старикомъ. Увѣряю тебя, мы съ каждымъ годомъ начинали цѣнить его все больше. Въ теченіе полныхъ трехъ лѣтъ онъ давалъ намъ почти всѣ уроки. Кажется, онъ не преподавалъ лишь математики и естествовѣдѣнія. Сначала онъ всегда внушалъ мальчикамъ страхъ. Нарочно или нѣтъ, я не знаю. Но мы питали къ старику глубочайшее уваженіе. У него была густая сѣдая борода до самыхъ ушей. А тамъ начинались волосы такіе же густые и тоже съ просѣдью, съ однимъ громаднымъ локономъ, который ему всегда приходилось откидывать, такъ какъ онъ падалъ ему на лобъ и заслонялъ глаза. Кромѣ того, онъ носилъ очки. Носъ, который отъ хроническаго насморка всегда былъ красенъ, опускался на бороду, точно орлиный клювъ. Я помню еще, какъ страшно я его боялся, когда поступилъ въ школу. Отчасти потому, что у него былъ такой строгій и страшный видъ, отчасти потому, что онъ въ дѣйствительности былъ строгъ и придерживался особаго способа наказывать дѣтей. Онъ таскалъ ихъ за волосы, и не такъ, какъ всѣ люди,а за любимую прядь у самаго уха. Онъ обернетъ ее, бывало, вокругъ пальца и начнетъ тебя трясти такъ, что кричишь какъ сумасшедшій. Онъ же стоялъ совершенно спокойно и трясъ, потомъ на минуту отпускалъ и, высоко поднявъ руку, суровымъ дрожащимъ голосомъ дѣлалъ выговоръ. Когда онъ находилъ, что проступокъ заслуживаетъ еще большаго наказанія, онъ бралъ прядь волосъ вторично. Потомъ возвращался на каѳедру, сердито потряхивая роскошной шевелюрой. Тамъ садился онъ на желтое кресло, придвигалъ его къ краю и клалъ ноги на столъ, такъ что мы, мальчишки, всегда видѣли его голову съ кривымъ носомъ и бородой какъ бы обрамленной голенищами.

Стейнертъ при этомъ воспоминаніи разсмѣялся и продолжалъ:

— Но за этой наружностью скрывалось доброе сердце ребенка и справедливость человѣка. Чѣмъ больше мы узнавали нашего старика, тѣмъ больше начинали къ нему при-

вязываться; мы понимали его неподкупную любовь къ истинѣ, его честность и его дѣтскую душу больше, чѣмъ можно было думать, и, когда онъ бывалъ въ праздничномъ настроеніи и шутилъ со своими учениками, для всего класса былъ истинный праздникъ. Но мы научились его понимать еще по другому случаю. Это произошло, благодаря его маленькому сыну, поступившему въ приготовительный классъ, когда мы были уже въ пятомъ. Это былъ маленькій, блѣдный, сутуловатый мальчикъ съ добрыми глазами. Передъ обѣдомъ онъ освобождался на полчаса раньше насъ, старшихъ, и вотъ, за четверть часа до конца занятій приходилъ къ намъ, робко улыбался и садился на скамейку у двери. Старику онъ не говорилъ ни слова. Отецъ обращался съ мальчикомъ не менѣе строго, чѣмъ съ нами. Но мы прекрасно видѣли, какъ они обмѣнивались взглядами, какъ глаза старика свѣтились, и какъ онъ улыбался въ бороду. Когда старикъ надѣвалъ свою широкую шубу и шапку, мальчикъ ожидалъ его внизу у воротъ, потомъ клалъ свою тоненькую ручку въ руку отца и старался по возможности не отставать отъ него: старикъ шелъ большими ровными шагами, словно по пашнѣ.

Къ этому онъ, впрочемъ, и привыкъ. Лѣтомъ онъ становился крестьяниномъ. Въ одной милѣ отъ Гаммельбю находилось его имѣньице подъ названіемъ Рюннарбю. Онъ получилъ его въ приданое отъ жены. Я знаю, что онъ женился поздно и, хорошо зная этого человѣка, думаю, что онъ такъ долго оставался холостякомъ изъ одной лишь робости. И вотъ, когда какая-то зажиточная дама изъ почтенной семьи захотѣла дѣйствительно выйти замужъ за него, глядѣвшаго старымъ медвѣдемъ, этотъ человѣкъ преисполнился безконечной благодарности. Для стараго Бьоркена все пришло слишкомъ поздно: бракъ, благосостояніе и ребенокъ. Помнится, супруги ждали ребенка больше десяти лѣтъ. Такъ какъ всего ему приходилось ждать долго, то старикъ испытывалъ постоянную благодарность за все, что дарила ему жизнь: за благосостояніе, жену и ребенка.

Даже мы, мальчики, или, по крайней мѣрѣ, лучшіе изъ насъ понимали это. Старикъ былъ старосвѣтскимъ человѣкомъ, оригиналомъ среди расцвѣтавшей вокругъ него новой жизни. Поэтому намъ и въ голову не приходило звать его докторомъ, какъ мы звали другихъ, болѣе молодыхъ учителей, и мы величали его магистромъ. Но мы отводили ему почетное мѣсто въ нашихъ сердцахъ, и, когда стало приближаться время разлуки, мы заранѣе чувствовали пустоту въ душѣ, хотя и радовались, что оставляемъ пятый классъ и можемъ

называться гимназистами согласно обычаю, существующему въ Гаммельбю.

Стейнертъ помолчалъ минутку, и Тора спросила его:

— Съ тѣхъ поръ ты его ужъ больше не видалъ?

— Видалъ неоднократно. Мы даже переписывались; я и теперь по временамъ пишу ему, хотя переписка наша, какъ и все за послѣднее время, заглохла. День нашего разставанія съ училищемъ остался памятнымъ для него и для насъ. Экзамены были распредѣлены на два дня, и въ первый же день распространилась вѣсть, что сынокъ магистра опасно заболѣлъ. Самъ магистръ весь день имѣлъ очень подавленный видъ, и когда раздался звонокъ, онъ, весь сгорбившись, быстрыми шагами пошелъ домой. На слѣдующій день мы узнали, что ночью мальчикъ умеръ. Мы съ напряженіемъ ожидали, придетъ ли магистръ. Но онъ былъ старомодный, строгій человѣкъ, который свои обязанности ставилъ выше всего. Едва раздался звонокъ, онъ обычнымъ путемъ направился къ каѳедрѣ. Однако, когда онъ далъ знакъ садиться, мы не сѣли. Мы остались стоять, какъ при входѣ магистра. Намъ такъ хотѣлось какъ-нибудь выразить ему то, что мы чувствовали. И старикъ насъ понялъ: полусдавленнымъ, страннымъ голосомъ, отъ котораго наше сердце сжалось, онъ сказалъ: „Спасибо вамъ, дѣти, спасибо!" И продолжалъ экзаменовать насъ. Когда экзаменъ кончился, онъ въ послѣдній разъ попрощался съ нами и ушелъ. Да, старикъ—мое лучшее школьное воспоминаніе!

— Ты сказалъ, что видался съ нимъ позже?—напомнила Тора.

— Еще одно сохранилось въ моей памяти,—возразилъ Стейнертъ.

— Старшій классъ, его классъ, въ которомъ былъ и я, сдавалъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости, и послѣ этого естественно наступили очень веселые дни. Магистръ больше уже не преподавалъ въ школѣ. Послѣ смерти ребенка онъ весь измѣнился. Сталъ избѣгать людей еще больше, чѣмъ прежде. Мнѣ кажется, онъ постоянно думалъ о томъ, почему именно его постигло это несчастье, чѣмъ онъ провинился, и т. п. Онъ вышелъ въ отставку, выѣхалъ въ свое Руппарбю и все свое время раздѣлилъ между земледѣліемъ и размышленіями о загадкѣ бытія. Много удивительныхъ разсказовъ передавали мнѣ о его тамошней жизни. Имѣніе его было подъ городомъ, и въ одинъ прекрасный іюньскій день мы, новоиспеченные студенты, вскорѣ послѣ экзамена наняли лодку и поѣхали къ нему. Насъ, бывшихъ его учениками и хорошо жившихъ съ нимъ, было семеро. Наша встрѣча была очень весела — пуншъ и разговоры лились

безъ конца. Старикъ какъ бы помолодѣлъ. Онъ былъ мягокъ, нѣженъ, добръ и весь вечеръ безпрестанно благодарилъ насъ. „Я великое потерялъ, но великое досталось мнѣ въ удѣлъ“, какъ говоритъ Терье Вигенъ. Вотъ что онъ, кажется, испытывалъ въ тотъ вечеръ. Когда мы уѣзжали, онъ тропинкой побѣжалъ по лугамъ, чтобы еще разъ кивнуть намъ на прощанье. Будто сейчасъ вижу, какъ онъ скакалъ,—вижу его густые сѣдые волосы, разлетавшіеся во всѣ стороны, и большую черную шляпу, которою онъ махалъ въ знакъ привѣта. Послѣ этого онъ нѣсколько разъ просилъ меня навѣстить его. Но я ни разу не собрался, хотя и много путешествовалъ.

— Ты, быть можетъ, поѣхалъ бы къ нему теперь?

Стейнертъ покачалъ головой.

— Это невозможно, ты вѣдь знаешь!

Тора молчала. Но она не отказывалась отъ своей мысли. Вдругъ она сказала:

— Когда ты говоришь о другихъ, у тебя взглядъ ясный и добрый. Почему же ты никогда не видишь ясно, когда дѣло касается близкихъ тебѣ людей?

Едва сказавъ эти слова, она сейчасъ же раскаялась въ нихъ. Какъ они подѣйствовали на Стейнерта, она не могла себѣ уяснить. Онъ казался спокойнымъ и съ виду совершенно незадѣтымъ. „Я объ этомъ никогда не думалъ“,—замѣтилъ онъ только. Лишь черезъ нѣкоторое время, когда Тора уже начала надѣяться, что неосторожно сказанныя ею слова остались незамѣченными, онъ, какъ будто все время не думая ни о чемъ, вдругъ сказалъ:

— Того, что происходитъ вокругъ насъ, мы, быть можетъ, оба не видѣли ясно—ни ты, ни я!

Слова его звучали нѣсколько рѣзко. Но взглядъ, сопровождавшій ихъ, былъ дружелюбенъ и мягокъ. Тора, однако, съ тѣхъ поръ остерегалась затрагивать опасный пунктъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЧАСЫ.

Какъ будто въ волшебномъ, таинственномъ снѣ
Несется минутъ безконечность;
Рождаетъ ихъ Вѣчность въ своей глубинѣ,
И вновь поглощаетъ ихъ Вѣчность.

Онъ въ Вѣчности былъ заключенъ безъ оковъ,—
Въ ней счастье онъ зналъ и печали,—
И медленно двигались стрѣлки часовъ
И время его отмѣчали.

Въ темницу тираномъ онъ былъ заключенъ,
Врагомъ животворнаго свѣта,
И долго онъ жилъ, какъ во снѣ, безъ временъ,—
Часы его... спрятали гдѣ-то!

Негаданно день избавленья пришелъ,
И съ узника сняли оковы,—
Часы свои снова свободный нашелъ,
И стрѣлки задвигались снова...

И вновь для него, какъ въ таинственномъ снѣ,
Помчалась минутъ безконечность...
Ихъ Вѣчность въ своей родила глубинѣ,
И вновь поглощаетъ ихъ Вѣчность!

Николай Морозовъ.

Изъ дневника человѣка безъ паспорта.

I.

...Паспортъ «провалился». Другой, «настоящій», достать было нельзя, а тутъ еще «разныя соображенія»... Короче говоря, уѣхать за границу было необходимо. Но какъ переправиться? «Переходить» съ женой было неудобно и довольно рискованно; было рѣшено сдѣлать попытку раздобыть губернаторскій паспортъ. А время не ждало, оставаться въ Петербургѣ было опасно. Въ часъ времени уложили вещи и тронулись въ Москву. Тамъ пробыли свыше недѣли, выслушали не одинъ добрый совѣтъ, но паспорта никто не далъ. Кто говорилъ:—«ѣзжайте въ Петербургъ», кто рекомендовалъ, «пока суть да дѣло», Финляндію, а нѣкто посовѣтывалъ прямо ѣхать на границу и тамъ найти за деньги «паспортъ и человѣка»... Всѣ эти разговоры, въ связи съ ночевками сегодня въ Сокольникахъ, а завтра въ Замоскворѣчьи, такъ опротивѣли, что въ одинъ довольно скверный вечеръ мы ѣхали въ губернскій городъ Т., гдѣ, въ надеждѣ на старыхъ знакомыхъ, думали раздобыться паспортомъ. Увы! то лицо, о которомъ мы думали, сидѣло въ тюрьмѣ, городъ былъ охваченъ ужасомъ и трепеталъ передъ губернаторомъ, знакомые разводили руками, соболѣзновали, вздыхали и въ одинъ голосъ рекомендовали отправиться въ К., котораго не миновать большинству уѣзжающихъ за границу безъ паспорта.

Въ К., отыскавъ нужныхъ людей, мы, къ ужасу своему, услышали: «Наши личныя связи на границѣ провалены, вамъ придется ѣхать въ Р.»—А до Р.—пятнадцать часовъ ѣзды, городъ далекъ отъ границы, переполненъ жандармами и шпіонами. Однако, дѣлать нечего, надо ѣхать въ Р.!

Въ вагонѣ было душно, какой-то старикъ разсказывалъ о подвигахъ стражниковъ, въ сосѣднемъ отдѣленіи кричалъ ребенокъ, и сердитымъ голосомъ мать цыкала:

— Буде, буде, цыть!—

На промежуточной станціи въ вагонъ ввалился пьяный па-

рень и до самого Р. похвалялся своимъ участіемъ въ одесскомъ погромѣ:

— Ужъ мы лупили! А они: «Вей, вей!»—умора!...—А потомъ, молодцовато заломивъ картузъ, начиналъ пѣть на весь вагонъ:

„Отца я зарѣзалъ,
Мать свою убилъ..."

Далѣе слѣдовали столь непристойныя дѣянія героя пѣсни, что знать о нихъ слѣдуетъ только прокурорскому надзору.

Часовъ въ шесть утра мы были въ Р., отыскали нужное лицо, и это послѣднее доставило насъ къ «товарищу Герасиму». Тотъ вызвалъ товарища Моисея, и началось обсужденіе вопроса, черезъ какую границу насъ отправить. Большой, костлявый, съ горящими глазами, Моисей немилосердно размахивалъ руками, доказывая, что «его» граница—наилучшая; а когда Моисей кончалъ, Герасимъ холодно добавлялъ:

— И еще есть граница: на X.

Тогда Моисей запускалъ въ черную бороду свою пятерню и нервничалъ:

— На X. Спасибо за добрый совѣтъ... А если арестуютъ?.. Отправить людей прямо къ жандармамъ!.. Скажите мнѣ, Герасимъ, гдѣ у васъ умъ?.. Вѣдь у васъ есть голова?

— Посмотрите.

— Голова?!. Какъ же, если у васъ голова, давать глупые совѣты?..—Наскучивъ споромъ, концу которому не предвидѣлось, мы попросили дать любую границу...

— Итакъ, вотъ граница. Поѣзжайте въ городъ П., отыщите Арона...

— Какъ въ П.? А вамъ неизвѣстно?..

Герасимъ холодно улыбнулся и сталъ наставлять:

— Граница извѣстна только тѣмъ, кто живетъ около нея и завѣдываетъ этой частью. Поэтому вамъ надо ѣхать въ П.—Посмотрѣли на карту—и всплеснули руками: приходится ѣхать обратно часовъ пять, а потомъ сворачивать въ сторону по направленію къ границѣ. А главное, насъ охватила боязнь, что въ П. скажутъ:

— Поѣзжайте въ X., У., Z.—Путешествіе уже длится три недѣли, деньги на исходѣ, нервы напряжены до крайности.. Подходящій поѣздъ шелъ въ одиннадцать часовъ вечера. Изъ квартиры надо уходить (она была конспиративной), до отхода поѣзда оставалось еще десять часовъ. Мы пошли бродить по пыльнымъ улицамъ города. Ходили часъ, другой, устали... Дѣваться некуда: городишко маленькій, ресторановъ, гдѣ можно просидѣть нѣсколько часовъ, не водится... Въ свою очередь, и хожденіе небезопасно, въ городишкѣ знаютъ другъ друга, каждый новый человѣкъ замѣтенъ, по улицамъ снуютъ подозрительные люди въ выцвѣтшихъ пальто... Мы сѣли въ конку и поѣхали. Жалкая кляча тащила грязный

пробѣгавшій вагонъ. онъ подпрыгивалъ и трещалъ. Черномазый парень стоялъ на передней площадкѣ, энергически плевалъ на крупъ лошади и злобно хлесталъ кнутъ. сопровождая дѣйствія соотвѣтствующими восклицаніями, въ родѣ: «Чтобъ тебя разобрало», «Чтобъ ты треснула». Пассажиры попросту вскакивали въ конку на ходу, а господа въ котелкахъ или дамы въ шляпахъ иногда останавливали вагонъ и торжественно входили въ него.

Такъ проѣхали мы городъ изъ конца въ конецъ одинъ разъ, не сходя съ конки поѣхали обратно... Было только три часа сорокъ минутъ; мы считали время по минутамъ, и каждая минута казалась часомъ. Оставалось еще свыше шести часовъ до отъѣзда на вокзалъ. Какъ ихъ убить?..

И опять мы пошли бродить. шатались добрый часъ... Надъ однимъ изъ грязныхъ домовъ вывѣска гласила: «Гостинница для пріѣзжающихъ и ресторанъ. Отдѣльные кабинеты». Зашли въ ресторанъ, пропитанный запахомъ жаренаго лука и кислаго пива. Развязный молодой человѣкъ въ черномъ отъ грязи воротничкѣ принесъ два обѣда... Мы ѣли долго, мрачно, жуя твердые куски мяса... Потомъ я пилъ пиво, горькое, бившее въ носъ, похожее по вкусу на лимонный сокъ.

Зашелъ кучеръ-еврей, выпилъ рюмку водки, появился продавецъ папиросъ, «самыхъ лучшихъ, ихъ куритъ самъ Бронштейнъ», вѣроятно, мѣстный Крезъ... Я мрачно цѣдилъ отвратительное пиво... А время шло такъ убійственно медленно... Просунулась въ двери физіономія съ острыми усиками, оглядѣла залъ, и сейчасъ же за этимъ показалась фигура типичнаго шпика: начиная съ выцвѣтшаго котелка, ярко-желтаго галстуха и кончая запыленными сапогами—все указывало на профессію этого человѣка, державшагося съ видомъ рантье, вышедшаго подышать свѣжимъ воздухомъ.

Мы расплатились и вышли. Было шесть часовъ, и на «главной» улицѣ зажигали уже фонари. Ихъ тусклый свѣтъ совершенно терялся въ облакахъ пыли, поднимавшихся каждой проѣзжавшей пролеткой; пыль осѣдала на легкія и душила. Изъ грязныхъ домовъ вылѣзали семьи, усаживались на ступенькахъ, поѣдали свой ужинъ и бесѣдовали... Свернули въ другую улицу, третью: все та же картина бѣдности и грязи... Клонило ко сну, тѣло ныло отъ усталости, въ горлѣ першило. Ѣхать на вокзалъ, сидѣть нѣсколько часовъ въ ожиданіи поѣзда на виду у жандармовъ, полицейскихъ и шпиковъ было бы неосторожно... Влѣзли въ вагонъ конки и поѣхали; затѣмъ были въ какомъ-то «кафе», пили очень долго, вышли въ девятомъ часу и опять пошли наслаждаться пылью.

Городъ уже готовился ко сну. Гремѣли засовы у дверей и оконъ лавокъ, съ улицъ уносили табуреты, не видно было копошащихся въ мусорѣ дѣтей... Откуда-то несся густой лай цѣпного пса, а ему вторили десятки дискантовъ, теноровъ, баритоновъ...

На вокзалъ мы пріѣхали въ началѣ десятаго часа. Носильщикъ

любезно сообщилъ, что поѣздъ запоздалъ на полтора часа, такъ что отойдетъ не ранѣе часа. «Зало I и II класса» было заперто, а въ третьемъ классѣ стоялъ такой ароматъ, что человѣку съ обоняніемъ войти туда было бы геройствомъ. Мы вышли на платформу и стали прохаживаться... Но усталость взяла свое: жена усѣлась на телѣжку, въ которой носильщики возятъ тяжести, а я продолжалъ все ходить, глядя на небо, черное, покрытое яркими звѣздами.

Душный день смѣнился свѣжимъ вечеромъ, съ поля потянуло холодомъ. Мы зашли въ багажное отдѣленіе и усѣлись на ящикъ. Дежурный помощникъ начальника станціи шутилъ съ молодой особой, одѣтой весьма откровенно, съ подведенными бровями и губами; носильщики бесѣдовали на тему о причинахъ запозданія поѣзда... Наконецъ, около одиннадцати часовъ «зало» открыли; мы заняли два дивана и моментально заснули.

Меня разбудилъ какой-то крикъ, словно надъ самымъ ухомъ рота солдатъ крикнула: «Рады стараться»... Вскочивъ, какъ ужаленный, я долго протиралъ глаза, стараясь припомнить, гдѣ нахожусь.

— Въ Б.,—проносилось въ головѣ...—Тогда что это за женщина? И къ чему батарея бутылокъ?..

Признаться, картина была нѣсколько необычная. За столомъ сидѣло нѣсколько субъектовъ съ бритыми физіономіями, двѣ полуобнаженныя дамы и маленькій старичекъ, ерзавшій на стулѣ и закручивавшій все время усы кверху. Бритые господа съ чисто волчьимъ аппетитомъ пили и ѣли, дамы поминутно взвизгивали, а сѣденькій старичекъ, стараясь говорить басомъ, кричалъ:

— Человѣкъ, бутылку коньяку! Человѣкъ, бутылку лафиту!..

Старый еврей съ большимъ чемоданомъ въ одной рукѣ и съ подушкой, которую онъ держалъ за кончикъ—въ другой, подошелъ къ намъ и, презрительно качая головой, сталъ возмущаться:

— Актерщики... Гуляютъ себѣ.. Нашли себѣ дурака, онъ ихъ угощаетъ.

Сѣденькій старичекъ сорвался съ мѣста и бросился къ выходу. Актеры и актрисы набросились на напитки и быстро поглотили все содержимое бутылокъ. Вернулся старичекъ съ букетомъ цвѣтовъ и поднесъ его одной изъ дамъ. Подали шампанское; бритая физіономія цѣловала провинціальнаго мецената, старичекъ лобызалъ артистокъ, а старый еврей плевалъ на полъ, сапогомъ растиралъ плевокъ и, наклонившись ко мнѣ, бормоталъ:

— Ну, какъ вамъ нравится этотъ старый босовикъ? Онъ считаетъ себя за молодого... Тоже кавалеръ, чтобы ему пропасть!..

Къ компаніи подсѣлъ пѣхотный офицеръ. Онъ глядѣлъ по сторонамъ, какъ волкъ, и, держа старичка за руку, сипѣлъ:

— Въ прошломъ году, за этимъ самымъ столомъ... Отлично помню—за этимъ столомъ мы сидѣли втроемъ: я, Померанцевъ и

нашъ адъютантъ... Вотъ, значитъ...— Офицеръ бралъ рюмку, произносилъ неизмѣнное: «Будемъ здоровы»! и, выпивъ, начиналъ съизнова:

— Въ прошломъ году... Вотъ тутъ сидѣлъ Померанцевъ, вотъ тутъ, гдѣ ты сидишь... Ну, такъ вотъ тутъ я, значитъ, сидѣлъ, а адъютантъ сидѣлъ... Втроемъ сидѣли, помню... Ну, такъ вотъ—сидимъ... Будемъ здоровы...

Наконецъ, свистя и шипя, къ станціи подошелъ поѣздъ, и давно небритый, заспанный малый влѣзъ въ «зало» и провозгласилъ:

— Первый дзвонокъ на Казятинъ, Волочискъ... Поѣздъ на первому пути.

Второй звонокъ, третій, и мы понеслись. Какъ на бѣду, артисты оказались въ одномъ вагонѣ съ нами, и къ духотѣ прибавились скабрезные разговоры.

Старый интендантскій чиновникъ представился артисткѣ: онъ служилъ въ Варшавѣ и ѣхалъ куда-то «отдохнуть». И артистка знала Варшаву, гдѣ служила когда-то въ шантанѣ. Интендантъ называлъ актрису «мамочкой», она его — «папашкой»; нашлись общіе знакомые среди офицеровъ, оказалось—дѣвица хорошо знакома съ сыномъ интенданта...

— А, такъ Володька сынъ вашъ?.. Очень рада... Прекрасный парень! Еще бы не знать Володьки!..

До Казатина, гдѣ намъ была пересадка, мы ѣхали въ атмосферѣ той грязи, тѣхъ скабрезностей, которыя возможны только въ бесѣдѣ инденданта и шансонетной пѣвички.

А въ 9 часовъ утра мы пріѣхали въ П.

II.

Городокъ утопалъ въ зелени. Съ двухъ сторонъ широкимъ полукругомъ его охватывалъ вѣковой лѣсъ, а съ двухъ другихъ— прихотливо извиваясь, тихо плыла широкая рѣка. А за рѣкой опять, насколько хваталъ глазъ, тянулся лѣсъ. Казалось, городъ умираетъ въ желѣзныхъ объятіяхъ лѣса, высокаго и крѣпкаго.

Вокзалъ находится въ трехъ верстахъ отъ города. Насъ окружили извозчики, предлагавшіе отвезти; одинъ просилъ полтинникъ, другой—сорокъ копѣекъ, третій—двадцать пять; это былъ аукціонъ труда, на которомъ сбавляли цѣну по копѣйкамъ. Видно было, что люди задыхались въ этомъ городишкѣ, рвали другъ у другъ хлѣбъ изо рта, давили одинъ другого и бились въ тискахъ нужды,—типичное мѣсто черты осѣдлости.

Мы выбрали бѣднѣйшаго на видъ возницу и тронулись въ городъ; лошадь спотыкалась, съ трудомъ перебирая ногами, тяжело дышала и фыркала. Съ полчаса длилось путешествіе. На базарѣ мы слѣзли и отправились отыскивать Арона.

Базаръ шумѣлъ и волновался. Большіе, крѣпкіе малороссы стояли у возовъ и продавали съ очень озабоченнымъ видомъ сѣно, яйца, куръ, яблоки, вишни и бычковъ. Между возовъ, покупая и продавая, суетились евреи. У дверей лавокъ стояли торговцы и на весь базаръ выкрикивали качества своихъ товаровъ, лучше которыхъ не найти въ самомъ Кіевѣ. Въ памяти моей запечатлѣлась нервная фигура съ длинными пейсами; еврей сидѣлъ на землѣ, предъ нимъ лежало три пары сапогъ; пронзительно-громко онъ выкрикивалъ:

— Чоботы, чоботы!.. Ой, паночку, добрі чоботы!..

«Гостинницу», вѣрнѣе—постоялый дворъ, мы разыскали быстро. Ворота были открыты настежь, и мы вошли въ грязный, покрытый навозомъ, дворъ. Прошли его до конца, свернули налѣво и по узкой деревянной лѣстницѣ, жалобно скрипѣвшей, покрытой навозомъ, взобрались на второй этажъ, гдѣ жилъ Аронъ, къ которому насъ послали. Мы вошли въ переднюю, и атмосфера ужасающей бѣдности охватила насъ сразу. Старая еврейка (передняя служила кухней) стояла у печи и что-то стряпала. Двое ребятъ ползали по полу, подбирали крошки хлѣба и съ жадностью поѣдали ихъ. За передней шла большая комната; у одной стѣны ея, подлѣ оконъ, находилось три швейныхъ машины, другую половину комнаты занимали двуспальная кровать и дѣтская «люлька», въ которой качался грудной ребенокъ.

На вопросъ, здѣсь ли живетъ портной Аронъ, старуха отвѣтила:

— Ну да, здѣсь, навѣрно спитъ еще баринъ вашъ. Идите вонъ въ ту комнату,—и она указала на противоположную стѣну, въ которой чернѣлось отверстіе, мало похожее на дверь. Мы постучали. Вышла молодая дѣвушка, справилась, кто намъ нуженъ, и исчезла за завѣтной дверью. Скоро дѣвица вышла обратно и попросила обождать нѣсколько минутъ, пока Аронъ одѣнется.

— Откуда вы ѣдете, и кто послалъ васъ?..

Мы сказали, что ѣдемъ изъ Б., и нужна граница.

— Ага, сейчасъ...

— Войдите,—раздался за дверью звонкій, неокрѣпшій еще, юношескій голосъ.—Извините, что заставилъ васъ ждать.

Удивительно характерна по обстановкѣ своей была эта маленькая комната въ далекомъ, маленькомъ городкѣ. Средину комнаты занималъ круглый обѣденный столъ, покрытый скатертью. Небольшой письменный столъ на трехъ ножкахъ уныло прислонился къ стѣнѣ. На столѣ въ безпорядкѣ были навалены брошюры, книги, газеты, какія-то тетради. Тутъ же на столѣ стояли портреты молодыхъ людей и дѣвицъ, вѣроятно, товарищей Арона. А со стѣнъ, глядя на нищету, старавшуюся имѣть приличный видъ, глядѣли Марксъ, Бебель, Горькій и старый генералъ, мнѣ неизвѣстный.

Передъ нами стоялъ высокій, худой юноша, съ только начавшими пробиваться усиками. Желтое лицо было покрыто морщинами; кривой носъ свѣшивался внизъ, большіе уши расходились въ сто-

роны. Этотъ больной сынъ гетто былъ бы безобразенъ, если бъ не красивые, одухотворенные глаза, придававшіе Арону специфическую красоту евреевъ-мечтателей.

Онъ говорилъ по-русски плохо, путался, заикался, но говорилъ страстно, съ горячей вѣрой.

Юноша радъ былъ видѣть свѣжихъ людей, которые поймутъ его, которымъ онъ можетъ разсказать все то, что такъ наболѣло и ищетъ выхода.

— Вы извините, что я васъ задержалъ. Я легъ спать въ два часа ночи. Вчера у насъ было совѣщаніе съ хозяевами... Просили прекратить стачку... У насъ стачка портныхъ... Мы требуемъ, чтобы намъ набавили 10% на расцѣнку...

Онъ говорилъ, повышая голосъ съ каждой фразой, и его слова падали, какъ тяжелые камни, и своей страшной простотой били по головѣ.

За работу костюма портные П. получаютъ четыре рубля; больше тридцати рублей, имѣя мальчика-помощника, заработать никакъ нельзя.

— А жизнь такъ дорога, такъ дорога...

— Да вотъ комната,—говорила дѣвица; она портниха, работаетъ съ шести до восьми.—Вы видите, какіе у меня красивые глаза (она показала на воспаленные, безъ рѣсницъ, глаза), я считаюсь одной изъ первыхъ портнихъ, а больше пятнадцати рублей выработать не могу... Скажите, какъ же жить?.. Комната 8 рублей, эта скверная вонючая комната... Отъ грязи здѣсь милліоны клоповъ, ихъ никакъ нельзя вывести... Внизу кабакъ, напротивъ кабакъ...—Я выглянулъ въ окно: на противоположномъ домѣ висѣла желтая вывѣска: «Трактиръ Не унывай».

— Стоитъ шумъ, дерутся... Цѣлую ночь иногда не спишь отъ этого крика, а утромъ идешь на работу, и кажется, голова набита землей, такая она тяжелая... И за это—восемь рублей... вы поймите—во-о-семь рублей!.. Теперь дальше: обѣдъ стоитъ двѣнадцать рублей... Когда я жила въ Кіевѣ, я ѣла вкусные обѣды по двадцати копѣекъ... И много, много давали ..

И она закрыла глаза отъ пріятныхъ воспоминаній.

— А тутъ!.. Такъ нельзя жить! Вы знаете, какъ мы живемъ?.. Эту комнату мы снимаемъ втроемъ, беремъ два обѣда, такъ что комната и обѣдъ стоятъ намъ 32 рубля, почти одиннадцать рублей на человѣка, почти весь мой заработокъ... Имъ еще можно какъ-нибудь выкрутиться, а намъ, модисткамъ, никакъ нельзя... Два обѣда на троихъ!.. Развѣ можно быть сытымъ?.. Но надо жить, и мы живемъ...

Ее прервалъ Аронъ. Онъ не хотѣлъ, видимо, чтобы въ эту жизнь, голодную, жалкую и обидную, влѣзали посторонніе люди, разсматривали ее, говорили о ней...

— Что дѣлается на свѣтѣ?—Онъ хотѣлъ жить въ Петербургѣ,

«видѣть свѣтъ», учиться, учиться многому, многое узнать. Онъ хотѣлъ годъ назадъ ѣхать въ столицу... Но какъ же бросить городъ? Здѣсь нѣтъ людей, а люди такъ нужны... Пролетаріатъ здѣсь такой бѣдный, темный, ни о чемъ больше, кромѣ куска хлѣба, не думающій. Онъ рождается въ тискахъ нищеты, живетъ, если это можно назвать жизнью, и погибаетъ... А на смѣну ему приходитъ новое поколѣніе, и, какъ предыдущее, оно страдаетъ, влачитъ страшное существованіе и безслѣдно исчезаетъ во мракѣ забвенія... Всѣ эти тысячи голодныхъ, чахоточныхъ людей мечтаютъ объ Америкѣ, о новой жизни, не такой голодной, не такой безправной... О, среди нихъ много героевъ!.. Они голодаютъ годами, питаются однимъ картофелемъ, скопятъ двѣсти рублей и уѣзжаютъ въ далекую страну... Тамъ имъ хорошо...

— Всѣмъ?..

— Кто говоритъ—всѣмъ?.. Далеко не всѣмъ, но уже одно то хорошо, что они тамъ люди, а не жиды... Да и заработокъ тамъ хорошій... Но многіе и тамъ голодаютъ, многіе гибнутъ, не умѣя приспособиться къ новой жизни, новымъ людямъ...

Аронъ путался, но говорилъ страстно, образно.

— А вы, Аронъ, поѣхали бы въ Америку?..

Онъ смутился.

— Я? Нѣтъ, мнѣ не зачѣмъ ѣхать... Я долженъ жить здѣсь среди такихъ же, какъ я, пролетаріевъ, долженъ работать съ ними и за нихъ.—И онъ заговорилъ о далекомъ будущемъ, которое придетъ... Наступитъ время, когда не будетъ голодныхъ, не будетъ самаго слова «пролетарій», обиднаго слова, которымъ хотятъ гордиться... И тогда ни капиталистовъ, ни пролетаріевъ не будетъ, будутъ люди. Онъ вѣритъ въ это, какъ его отецъ, старый, мѣстечковый еврей, вѣритъ въ Бога, суроваго и справедливаго, живущаго на небѣ, глядящаго на землю, всѣмъ распоряжающагося—отъ солнца на небѣ до придорожнаго камня на землѣ.

— А пока тяжело,—вздохнула портниха. Когда говорилъ Аронъ, она не спускала съ него восхищеннаго взгляда, она непрерывно смотрѣла на него, и видно было, что слова юноши глубоко западаютъ въ ея душу.

— А пока.. пока надо жить втроемъ въ одной комнатѣ, слушать брань, ѣсть только два обѣда и вечеромъ, когда такъ хочется покушать послѣ работы, ложиться спать голоднымъ... Лѣтомъ еще ничего, а вотъ наступитъ зима. Нужна теплая одежда, вѣдь нужна она, правда?.. Вы знаете, гдѣ хорошо зимой? Вы будете смѣяться надъ глупой дѣвушкой... Не смѣйтесь!.. Зимой хорошо въ тюрьмѣ... Тамъ тепло, сытно кормятъ... Если бы въ тюрьмѣ держали только зимой, я бы уходила туда. Меня бы кормили, я бы читала, училась...

Аронъ сидѣлъ на стулѣ, раскачиваясь, шепча что-то и глядя въ одну точку...

— Правда?—обратилась къ нему портниха.

Онъ встрепенулся и быстро спросилъ у меня:

— Вотъ вы знаете навѣрное... Сколько стоитъ билетъ до Петербурга?--Очевидно, мысль о поѣздкѣ въ столицу крѣпко засѣла въ голову юноши.

— Ну, довольно, однако, что-жъ мы сидимъ такъ, безъ дѣла?— Аронъ схватилъ фуражку и вышелъ. Дѣвушка сообщила намъ, что Аронъ руководитъ стачкой портныхъ и портнихъ, что «хозяева» жаловались уже на него въ полицію, а хозяинъ квартиры, портной, хочетъ выгнать ихъ изъ комнаты. Это—злой хозяинъ, одинъ изъ самыхъ безсердечныхъ эксплуататоровъ въ городѣ... А старуха мать хозяина, которую мы видѣли, входя въ квартиру,—настоящая вѣдьма.

Такъ вотъ онъ, одинъ изъ «капиталистовъ» городка! Вотъ она, настоящая жизнь еврейскаго гетто, гдѣ двое нищихъ бьются не на животъ, а на смерть, гдѣ другъ у друга стараются добиться уступокъ—пролетарій и капиталистъ, капиталистъ гетто! У него три швейныхъ машины; на одной работаетъ онъ самъ, на двухъ другихъ заняты пролетаріи... Ergo—безпощадная борьба, борьба представителей двухъ антагонистическихъ классовъ, классовая борьба!..

Аронъ принесъ фунтъ хлѣба, два яйца и кусокъ колбасы. Онъ ушелъ въ пальто, явился безъ него: онъ хотѣлъ угостить насъ завтракомъ. Спасибо, милый юноша!

Маршрутъ былъ намъ данъ, къ агенту на границѣ было написано письмо; Аронъ все сообщилъ подробно: и къ кому заѣхать, и сколько за что заплатить, и какъ ѣхать, избѣгая непріятныхъ осложненій.

— Только не платите больше. Агенты и контрабандисты—жулики, они обираютъ, смотрите въ оба... А мнѣ, когда благополучно переберетесь, напишите объ этомъ. Не забудьте. Мнѣ это нужно знать для другихъ бѣглецовъ.

Мы вышли изъ дому. Солнце палило, и въ огненномъ сіяніи сверкалъ лѣсъ. По рѣкѣ плыли широкіе круги, расходились блестящими струйками и скрывались подъ густой тѣнью лѣса.

— Счастливаго пути! Успѣха!..

— Спасибо. Желаемъ выиграть стачку.—Послѣднее рукопожатіе, мы взобрались на тряскую пролетку и поѣхали на вокзалъ.

Поѣздъ уже стоялъ. И не прошло пяти минутъ, какъ мы мчались уже въ мѣстечко.

Я выглянулъ въ окно. Городъ исчезъ, и только шпиль единственной церкви въ городкѣ горѣлъ на солнцѣ. Лѣсъ поглотилъ городъ и рѣку, и людей... Надъ лѣсомъ стоялъ дымъ,—это обжигали горшки жители бора. Но дымъ сталъ сѣрѣть, лѣсъ уходилъ все дальше и дальше... Пошли поля, ровныя поля Малороссіи...

И подъ грохотъ колесъ мнѣ видѣлся желтый Аронъ, сотни

Ароновъ, запертыхъ въ клѣткѣ, погибающихъ въ ней отъ духоты и лишеній...

Гдѣ-то теперь чахоточный юноша съ мечтательными глазами? Агитируетъ среди голодныхъ пролетаріевъ противъ голодныхъ капиталистовъ? Уѣхалъ ли въ Петербургъ «увидѣть свѣтъ», тотъ свѣтъ, который дразнитъ многихъ Ароновъ? Или попалъ въ тюрьму, гдѣ ему будетъ тепло, сытно, гдѣ можно читать, набираться знаній и безъ волненія думать о кускѣ хлѣба на завтра?

III.

Отъ города до станціи В. было полтора часа ѣзды. Вагонъ былъ переполненъ евреями въ бархатныхъ шляпахъ, длинныхъ до пятъ капотахъ. Длинные пейсы развивались отъ слабого дуновенія вѣтра. Покупали и продавали коньякъ, шелкъ, сигары: чувствовалось приближеніе границы. Быстрый гортанный говоръ дѣйствовалъ на нервы...

Къ намъ подошелъ молодой человѣкъ и по-польски спросилъ, куда ѣдутъ панъ и пани. Мы отвѣтили по-французски, что не понимаемъ вопроса. Молодой человѣкъ весьма настойчиво предложилъ тотъ же вопросъ на нѣмецкомъ, еврейскомъ и русскихъ языкахъ; мы отрицательно качали головой, давая этимъ знать, что не понимаемъ ни одного изъ этихъ языковъ... Молодой человѣкъ усѣлся на лавку и сталъ смотрѣть на насъ, что называется, въ оба.

На станціи В., куда мы прибыли въ четвертомъ часу дня, все было поставлено на военную ногу: два жандарма съ винтовками за плечами дѣловито расхаживали по платформѣ, разсматривая всѣхъ сходящихъ пассажировъ, а у входа въ вокзалъ стоялъ вооруженный до зубовъ дебелый стражникъ и немилосердно зѣвалъ во весь ротъ.

Вошелъ въ вагонъ парень.

— Кому снести вещи?—Мы указали на чемоданы, онъ схватилъ ихъ и потащилъ къ выходу. Помня наказъ Арона не входить въ станціонное помѣщеніе, а идти прямо къ извозчикамъ, мы стали быстро проходить платформу, какъ вдругъ надъ самимъ своимъ ухомъ я услышалъ грозный окрикъ:

— А, опять вещи?—Оглянулись, съ ужасомъ видимъ: носильщикъ положилъ чемоданы на землю, а жандармъ въ позѣ человѣка «при исполненіи служебныхъ обязанностей» стоитъ съ видомъ героя, совершившаго подвигъ. Аронъ говорилъ намъ, что на станціи требуютъ иногда отъ «подозрительныхъ» пассажировъ паспорта и, въ случаѣ чего, арестуютъ.

И потому, первой мыслью, пришедшей въ голову, была:—Требуютъ паспорта. «Дѣло сорвалось»...

Но жандармъ скоро вывелъ насъ изъ состоянія оцѣпенѣнія.

— Ишь ты, с. с., опять носильщикомъ задѣлался!.. Не служишь на станціи, а таскаешься сюда. Если еще разъ попадешься...— И послѣдовала отчаянная брань. Парень схватилъ вещи и бросился къ выходу, сопровождаемый монологомъ жандарма.

На небольшомъ дворѣ, гдѣ, какъ увѣряли въ Н., стоитъ всегда десятка два «фуръ», находилось на сей разъ всего двѣ повозки, и, что удивительнѣй всего, извозчиковъ-евреевъ не было. Стали вспоминать, какой день, оказалась—пятница; дѣло идетъ къ вечеру, наступаетъ суббота...

Мы подошли къ одному извозчику; онъ запросилъ пять съ полтиной, мы дали полтину (обычная цѣна въ мѣстечкѣ — рубль съ двоихъ). Онъ расхваливалъ намъ быстроту бѣга своихъ коней, указывалъ на трудную дорогу, увѣрялъ, что до мѣстечка шестьдесятъ верстъ (въ дѣйствительности—25). Въ то время, какъ мы ожесточенно торговались, во дворѣ показалась фигура жандарма. Мы вбросили вещи въ бричку, согласились на послѣднюю цѣну, предложенную ямщикомъ, т. е. на три съ половиной рубля, и тронулись въ путь.

Дорога шла ровной степью. Хлѣбъ былъ уже снятъ и свезенъ съ полей, и только кой-гдѣ мелькали еще желтоватыя копны. День былъ очень жаркій, солнце обдавало насъ огнемъ, а тутъ еще эта пыль, въ густыхъ облакахъ которой мы положительно задыхались.

Ямщикъ нашъ былъ русинъ, Андрей Каминскій, или какъ онъ произносилъ съ польскимъ акцентомъ — Андрій Куминьски. Отъѣхавъ отъ станціи верстъ пять, онъ пустилъ лошадей шагомъ, повернулся къ намъ лицомъ и вступилъ въ бесѣду.

Его отецъ, бѣдный крестьянинъ, «выгодувалъ» четверыхъ сыновей и дочь. Дочь—пропала.

— Ушла на Кіївщину, и уже годівъ десятокъ немае слуху від неі.—Должно, померла. Кабы жила, написала бы письмо, моргъ земли отписалъ ей старикъ передъ смертью. Навѣрное,—померла.

Андрея женили восемнадцати лѣтъ на вдовѣ. Было ей сорокъ два года; отъ перваго мужа имѣла она четыре морга, корову и двѣ лошади; была хорошая изба и всякое хозяйство. Баба была хорошая, тихая... Да все болѣла горломъ и скоро померла. Всего два года жили. А потомъ пошелъ Андрей на военную службу, загнали его къ москалямъ, три года служилъ, думалъ скоро кончить службу... Да война началась, и погнали Андреевъ полкъ на «Мажурку», гдѣ скоро въ незначительной стычкѣ герой нашъ былъ взятъ въ плѣнъ. О японцахъ возница нашъ былъ дурного мнѣнія:

— Тоже народъ!.. Мяса не ѣдятъ, какъ звѣри какіе, рисъ трескаютъ, сами маленькіе, черные...

— А дерутся хорошо?

— Японцы?—Андрей ухмыльнулся. — Только потому нашихъ одолѣли, что ноги у нихъ такіе, ходить шибко могутъ. Сегодня — тутъ, а завтра за сто верстъ. Хочу я спросить, панъ,—обратился

Каминскій,—отчего это у нихъ такой порядокъ: нога маленькая, маленькая, а у бабъ, тьфу! не нога, а какъ у поросенка все равно копытце... Не по хрестьянски... У насъ нѣтъ того... Обязательно въ другой разъ побьемъ японца.

Въ Андреѣ было много цивилизаціи чисто казарменной, вынесенной съ военной службы. Было презрѣніе къ врагамъ, гордость своимъ званіемъ унтеръ-офицера и то удальство, которое усиленно культивируютъ въ солдатахъ, удальство горланить пѣсни, лихо заламывать на бекрень фуражку и носить нафабренные усы...

— Ну, а земли у васъ довольно, хватаетъ?—спросилъ я, желая перемѣнить разговоръ.

— Земли?—Андрей торопливо оглядѣлъ меня, скрутилъ папироску и философски отвѣтилъ:

— Какъ у кого... У кого есть много, а у кого чортъ мае.

— У мужиковъ довольно?

— Мало. Паны у насъ дюже сильные. — Онъ даже закрылъ глаза и тряхнулъ головой. — Вся «губерня» панска. Дюже много земли у пановъ.—И Андрей сталъ по фамиліямъ перечислять, сколько сотенъ и тысячъ морговъ у каждаго пана. Кончивъ перечисленіе, онъ вопросительно, глядя сбоку, продолжалъ:

— Про думу балакали, дума дастъ... Брехня!.. Паньска дума... Монахи приходили, объяснили, что хочетъ дума у мужиковъ землю отнять, а потомъ по клаптику давать...

— Какіе монахи?...—полюбопытствовалъ я.

— Съ Почая, отъ Божьей Матери. Одинъ старый такой, гарно сказувалъ.

По Волыни и Подоліи работаютъ монахи и, какъ видно, не безуспѣшно.

— За то и прогналъ царь думу,—продолжалъ Андрей:—за то, что землю у мужиковъ отнять хотѣла.

Пришлось объяснить Андрею, за что именно были распущены обѣ думы, въ чемъ сущность законопроектовъ «о землѣ», представленныхъ въ думу различными партіями. Андрей слушалъ очень внимательно, курилъ сосредоточенно одну папиросу за другой и, когда я кончилъ говорить, испытующе спросилъ:

— Немае туточкі фальши?

Я сослался на газеты.

— Было напечатано.. Можетъ, читали?

— Гдѣ намъ? Нѣтъ у насъ газетъ.. Батюшка получаетъ, далъ мнѣ одинъ разъ газету. Мало тамъ про землю пишутъ, все про жидовъ... Спасибо батюшкѣ, что далъ, вторую недѣлю цыгарки кручу,—и онъ засмѣялся. Я взялъ оборванный по краямъ листъ: это было «Русское Знамя».

— А что за землю сказували,—спасибо, скажу на деревнѣ.

Солнце заходило. Ямщикъ остановился поить лошадей.. Потомъ мы поѣхали, я сталъ дремать и сквозь дремоту видѣлъ, что Андрей

усиленно куритъ, размахиваетъ руками; иногда онъ вскрикивалъ: «Такъ батька брехавъ!» хлесталъ лошадей и зло кричалъ:

— Вотъ я тебѣ, чортова скотина!..

Дорога пошла въ гору. Лошадямъ приходилось чуть ли не по отвѣсной линіи тащить бричку по тяжелому, каменистому грунту. Нѣсколько разъ мы чуть-чуть не вылетали изъ экипажа, который подпрыгивалъ, наклонялся и готовъ былъ разлетѣться въ щепы отъ страшныхъ толчковъ. Минутъ съ двадцать мы взбирались на гору и, наконецъ, достигнувъ ея, оказались какъ бы въ центрѣ огней. Внизу, налѣво, широкой огненной лентой извивались село и мѣстечко Ф., а справа, изгибаясь, то взбѣгая вверхъ, то опускаясь внизъ, къ окутанной туманомъ долинѣ, скользила полоса австрійскихъ огней. Возница ткнулъ кнутомъ направо и безразлично произнесъ:

— Та́мочки австрійски ѐгери.

Такъ вотъ она граница, къ которой мы такъ долго ѣхали! Она совсѣмъ не похожа на ту, которую приходилось переходить раньше; та была мрачная, ее смыкалъ лѣсъ и шепталъ убѣгающимъ: «Прощай, прощай»...

А эта граница сіяла сотнями огней, какъ змѣя, играла ими. Вокругъ этой границы кипѣла жизнь шумная и здоровая. И эта жизнь съ границей не считалась, она переходила полосу огней безъ паспорта и игнорировала пограничные кордоны.

IV.

Мѣстечко какъ бы вымерло: наступала суббота. Во всемъ мѣстечкѣ было только нѣсколько христіанскихъ семей, да и тѣ жили въ концѣ, тамъ, гдѣ начиналось село.

Намъ нужно было разыскать постоялый дворъ Боруха Шмуэйльса (т. е. сына Шмуэля). Въ теченіе добрыхъ десяти минутъ странствовали мы по улицамъ, надѣясь увидѣть хоть одного человѣка. Тщетно! Сквозь ситцевыя занавѣски въ окнахъ вырисовывались фигуры, сидящія за столами, слышался говоръ, нарушаемый смѣхомъ. Видя, что этакъ можно проплутать цѣлую ночь въ поискахъ человѣка, я слѣзъ съ брички, подошелъ къ первому дому и постучалъ въ двери. Цѣлая ватага взрослыхъ и дѣтей выскочила на крылечко съ вопросомъ, что угодно. Извинившись за безпокойство, я попросилъ указать, гдѣ живетъ Борухъ Шмуэйльсъ.

— Борухъ Шмуэйльсъ? А зачѣмъ вамъ нуженъ Борухъ Шмуэйльсъ? Вы—ойрахъ (путешественникъ)? Развѣ можно останавливаться хорошему пану у Боруха, у этого разбойника? Отчего пану не заѣхать къ намъ? Пану всякій скажетъ, что наша гостинница — первая въ мѣстечкѣ.

Но такъ какъ всѣ уговариванія на меня не дѣйствовали, пожилая женщина, вѣроятно, мать, приказала всѣмъ войти въ домъ,

а затѣмъ, круто повернувшись спиной, захлопнула передъ самымъ моимъ носомъ двери, такъ и не сообщивъ адреса Боруха.

Точно такой же пріемъ оказали мнѣ и въ другомъ домѣ, гдѣ повторилось предложеніе переночевать въ «лучшей» гостинницѣ. Я влѣзъ въ бричку, мы поѣхали дальше среди густой темноты; лошади фыркали и спотыкались, Каминскій проклиналъ «жидовъ, чтобъ имъ треснуть», и давалъ совѣты:

— Плюньте, панъ, на жідовъ. Поѣдемъ до урядника, онъ и скажетъ, гдѣ живетъ Борухъ.

Ругань Каминскаго усиливалась съ каждой минутой, и мы уже начинали опасаться, чтобы шумъ не привлекъ полицейскихъ, какъ вдругъ, на наше счастье, за поворотомъ улицы мы увидѣли ярко освѣщенный магазинъ, на входныхъ дверяхъ котораго, освѣщенная фонаремъ, висѣла вывѣска: «Аптекарскій магазинъ. Піявки. Содовая и сельтерская вода».

Хозяинъ стоялъ за высокой конторкой и, подперевъ щеку рукой, согнутой въ локтѣ, внимательно штудировалъ «Биржевыя Вѣдомости. Онъ испугался моего вида: грязный, покрытый толстымъ слоемъ пыли, въ широкомъ пальто и зимней шапкѣ, я могъ испугать своей внѣшностью любого обывателя мѣстечка. Оправившись, хозяинъ спросилъ:

— Чего нужно?

Я попросилъ указать, гдѣ живетъ Борухъ Шмуэйльсъ.

— Онъ вамъ нуженъ?..

— Ну, конечно, нуженъ.

— И сейчасъ нуженъ вамъ Борухъ Шмуэйльсъ?—Слово «сейчасъ» аптекарь подчеркнулъ.

— Сейчасъ. Если-бъ не нуженъ былъ, я не безпокоилъ бы васъ ночью.

— А!.. — аптекарь улыбнулся: — Значитъ, Борухъ нуженъ экстренно... Ну, что-жъ, мы вамъ поможемъ въ вашемъ дѣлѣ.—Онъ немного подумалъ, щелкнулъ пальцами и ласково спросилъ:

— Навѣрное, серьезное дѣло?.. А, серьезное?..—Аптекарь щурилъ глаза, поводилъ плечами и хитро грозилъ мнѣ указательнымъ пальцемъ, приговаривая съ отеческимъ вздохомъ:

— Молодой человѣкъ, ай-ай-ай, молодой человѣкъ!..

Было видно, что все мѣстечко занималось или знало о лицахъ, занимавшихся переправой и прочими пограничными предпріятіями.

— Исайка!—крикнулъ аптекарь, подойдя къ двери, ведущей видимо въ его квартиру. Выскочилъ рыжій мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати; отецъ сказалъ ему что-то на ухо; мы вышли на крыльцо, и аптекарь прошепталъ:

— Идите прямо за Исайкой. Онъ отведетъ васъ къ Боруху... Только—тихо, не стучите, не говорите, теперь полиція хорошо смотритъ за... понимаете, молодой человѣкъ?.. Политика, что подѣлаете!.. Ну, идите!.. Желаю вамъ успѣха и хорошихъ дѣлъ.

Словоохотливый аптекарь протянулъ руку, еще разъ пожелалъ успѣха и скрылся въ магазинѣ.

Минутъ черезъ пять мы входили въ ворота Борухова дома. Одна половина большого помѣщенія была ярко освѣщена, и оттуда несся крикъ, звуки гармоники гудѣли и плыли поверхъ шума: это былъ шинокъ. Пройдя длинныя ворота, напоминающія входы въ средневѣковые замки, мы очутились предъ большой дубовой дверью. Исайка указалъ намъ на нее, прошепталъ: «Стукайте!» и убѣжалъ домой.

Мы стали стучать. Отвѣта не было. Постучали другой, третій разъ. За дверьми что-то завозилось, потомъ послышались кашель, шлепанье туфель, и рѣзкій, хриплый басъ спросилъ:

— Вэръ изъ дортъ *)?

— Пассажиры. Есть комната?

— Пассажиры?.. Какіе пассажиры?.. Въ пятницу ночью?..

— Со станціи. Поѣздъ опоздалъ.

— А кто вы и откуда? Гоимъ? **)

Приходилось давать точный отвѣтъ.

— Намъ рекомендовали васъ, рэбъ Борухъ.

— Рекомендовали?.. Пхе, кто можетъ помнить бѣднаго Боруха?..

Въ присутствіи Андрея было неудобно вступать въ бесѣду на щекотливую тему, а потому я попросилъ прежде всего впустить насъ въ домъ.

— Впустить?..—басилъ за дверьми старческій голосъ:—А кто вы, развѣ знаю я, кто вы?..

— Да не разбойники, чего боитесь?..

— Ну что-жъ, можно и впустить въ хату... Стараго Боруха обижать не за что... Подождите одну минуточку!..

Борухъ зашмыгалъ туфлями, потомъ мы слышали, какъ появилось еще нѣсколько паръ туфель; несся шепотъ, что-то передвигали...

— Должно быть, контрабанду прячутъ, — пронеслось въ головѣ.

Минута шла за минутой, терпѣніе наше стало истощаться. Но, наконецъ, загремѣлъ засовъ, завизжали тяжелыя двери, и мы вступили въ обѣтованную комнату. У порога стоялъ самъ Борухъ, сѣдой человѣкъ въ ермолкѣ; большая сѣдая борода волнами падала на грудь; изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей проницательно смотрѣли сѣрые, холодные, какъ сталь, глаза. Рядомъ съ Борухомъ стояла маленькая сморщенная старушонка съ отвратительнымъ гноящимся глазомъ. За ихъ спинами двѣ молодыхъ женщины съ любопытствомъ разглядывали насъ. Въ глубинѣ ком-

*) Кто тамъ.

**) Гой—не еврей.

наты, заложивъ нога на ногу, сидѣлъ старичекъ въ европейскомъ костюмѣ,—какъ мы потомъ узнали отъ него, комиссіонеръ какой-то фирмы, пріѣхавшій въ мѣстечко покупать свеклу для сахарнаго завода.

Когда возница внесъ наши чемоданы и удалился въ Боруховъ шинокъ, мы усѣлись за столъ, придвинутый къ длинному клеенчатому дивану и приступили къ дѣлу.

— Намъ нуженъ Лейбце.

Это было лицо, наблюдавшее за агентами и руководившее операціями.

Борухъ засмѣялся, старуха кисло улыбнулась.

— Ха, вамъ нуженъ Лейбце!?. А мнѣ нуженъ банкъ Ротшильда.. А гдѣ я вамъ возьму Лейбце?

— Да вѣдь онъ здѣсь живетъ?

— Если бы Лейбце былъ здѣсь, отчего я не сказалъ бы вамъ?.. Вы знаете, гдѣ Лейбце?—Борухъ придвинулся ко мнѣ поближе и торжественно заговорилъ:

— Лейбце уѣхалъ учиться. Лейбце хочетъ быть докторъ. Понимаете, гдѣ Лейбце?..

Положеніе было отвратительное: исколесить тысячи верстъ, проѣхать чуть не всю пограничную линію и, вдругъ, у самой переправы, передъ огнями австрійскихъ кордоновъ потерпѣть крахъ.

— А зачѣмъ вамъ Лейбце?—полюбопытствовала молодая женщина.

— Не твое дѣло,—окрысилась старуха.—Вотъ пріѣдетъ мужъ, скажу, что у него жена—дура.—Молодая женщина смутилась и ушла въ другую комнату.

Борухъ дѣловито спросилъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ нуженъ Лейбце?

— Чтобы переправиться въ Австрію.

— Ну??

— Поэтому намъ нужно имѣть человѣка, чтобы перейти.

— Ну?

— Дайте человѣка.

— А когда панъ хочетъ перейти?

— Сегодня ночью.

— Такъ скоро?.. Ой-ой-ой, какой панъ скорый! Россія, Австрія—и вдругъ разъ-два... Что это—хапанцы?.. А потомъ панъ забылъ, что сегодня пятница... Ха, суббота вѣдь праздникъ?.. Въ субботу нельзя ничего дѣлать.

Что-жъ, надо ждать! Я попросилъ позвать агента. Старикъ кивнулъ дочери, и та исчезла.

Съ утра мы ничего не ѣли еще, необходимо было также умыться и принять болѣе благообразный видъ. Но Борухъ заявилъ, что въ субботу воспрещается носить что-либо. Я вышелъ

во дворъ и самъ досталъ изъ колодца воды. Просьбу поставить самоваръ старикъ категорически отвергъ.

— Въ субботу огонь разводить?! Что еще выдумаете вы себѣ? Можетъ, печку затопить? Хорошее дѣло на старости лѣтъ, только этого не доставало...

— Ну, дайте намъ поѣсть чего-нибудь,—просили мы.

— Сегодня—суббота. Въ субботу ѣсть нечего,—стоялъ на своемъ Борухъ.

— Но вѣдь у васъ шинокъ открытъ.

— Это—не мой. Я сдаю въ аренду квартиру.

— Такъ пошлите взять и принести что-нибудь.

— Панъ не слышалъ, что я сказалъ?.. Въ субботу носить нельзя.

— Такъ я самъ пойду.

— Ну-ну! Только надо посмотрѣть: можетъ, тамъ сидитъ кто изъ такихъ...—Старуха вышла, сейчасъ же вернулась и сообщила, что въ трактирѣ полицейскій «гуляетъ». Приходилось сидѣть голоднымъ. Насъ выручилъ, однако, коммиссіонеръ. Онъ слушалъ разговоры и подошелъ, когда мы замолчали.

— Позвольте я схожу. Они съ ихъ набожностью могутъ на тотъ свѣтъ отправить... Праведники!.. Никакой въ нихъ образованности нѣту!.. У насъ въ Кіевѣ, я двадцать лѣтъ живу въ Кіевѣ... Вы, можетъ быть, были когда-нибудь въ нашемъ Кіевѣ?.. Вотъ это городъ!—столица можно сказать!.. Вы сами изъ Петербурга? Или вы сами изъ Москвы?.. Ну, скажите, Петербургъ вправду лучше Кіева?.. Тамъ въ субботу люди, какъ люди... Вамъ что купить? Здѣсь деликатесовъ нѣтъ, ни килекъ, ни сардинокъ...— И онъ снисходительно докончилъ:—Ну, это же не Кіевъ

Коммиссіонеръ ушелъ за покупками, а мы отправились въ отведенную для насъ комнату. Три четверти ея занимала кроват исполинскихъ размѣровъ. По стѣнамъ висѣли олеографіи: одна изображала Іерусалимъ съ раскрашеннымъ синей краской храмомъ Соломона, другая—какое-то сраженіе, остальныя были такъ засижены мухами, что нельзя было ничего разобрать. Надъ изголовьемъ кровати висѣли портреты цадиковъ *) съ описаніемъ чудесъ, совершенныхъ каждымъ изъ нихъ, ихъ библіографіями и дѣятельностью.

Минутъ черезъ пять явился коммиссіонеръ по «сахарной части»; онъ несъ что-то бережно обѣими руками, положилъ на столъ покупку и сталъ быстро извиняться:

— Вы умываетесь?.. Умывайтесь, умывайтесь, не стѣсняйтесь, свои люди!.. А что я купилъ, Боже мой! Ну и мѣсто, хоть пропадай!.. Ужъ вы извините... вы понимаете?.. купилъ только хлѣбъ и селедку... Тоже селедка!.. Въ Кіевѣ за пять копѣекъ купишь

*) Чудотворцы, почитаемые хасидами.

селедку, такъ видишь, что это селедка! Нѣтъ! Вы посмотрите только, что это за селедка! За десять копѣекъ—и не на что смотрѣть...

Мы приступили къ ѣдѣ. Селедка была такая соленая, что мы принуждены были выбросить ее за окно; что касается французской булки, то несомнѣнно, она ждала покупателя уже не одинъ день. Мы съ аппетитомъ уничтожали тѣмъ не менѣе булку, въ то время, какъ коммиссіонеръ приступилъ къ безконечнымъ разсказамъ о Кіевѣ, о сахарныхъ операціяхъ, о «нашемъ извѣстномъ Бродскомъ» и прочемъ въ этомъ родѣ. И долго бы еще, вѣроятно, занималъ онъ насъ образованными разговорами, если бы въ дверь не раздался сильный стукъ; не дожидаясь отвѣта, въ комнату вошелъ, точнѣе—вплылъ, худой, длинный человѣкъ съ манерами кошки. Онъ вошелъ крадучись, медленно и тихо, подалъ руку женѣ, мнѣ, коммиссіонеру и, не глядя ни на кого, усѣлся на стулъ. Изъ-подъ крутого лба глядѣли голубые глаза рѣдкой красоты. Онъ медленно вращалъ ими, и когда взглядъ падалъ на меня, всего меня охватывала дрожь.

Посидѣвъ нѣсколько секундъ, Ицко — такъ звали агента—подошелъ къ нашимъ чемоданамъ, поднялъ каждый и голосомъ ровнымъ, сильнаго металлическаго тембра, сказалъ:

—Много. Сегодня перейти нельзя.

— А когда можно?..—Ицко обвелъ взглядомъ комнату. Коммиссіонеръ поднялся, желая видимо удалиться, но сейчасъ же опустился обратно на стулъ и небрежно махнулъ рукой:

— Говорите, говорите.. Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Мы—люди свои. Зачѣмъ церемоніи?

— Когда можно?—Ицко подумалъ... —Завтра можно.

И такъ, приходилось сутки ждать. Ицко замолчалъ и сидѣлъ въ позѣ человѣка, готоваго слушать: очевидно, намъ онъ предоставилъ инициіативу вести разговоръ. При этомъ агентъ глядѣлъ въ потолокъ; когда же переводилъ взглядъ на кого-нибудь изъ насъ,—дѣлалось жутко. Даже коммиссіонеръ ерзалъ, когда на немъ останавливался ледяной взглядъ Ицки. Я прервалъ молчаніе.

— Сколько это будетъ стоитъ?

— Сколько? Мнѣ тридцать пять, переправщику—пять, всего сорокъ рублей. Не гульденовъ, а рублей.

Аронъ говорилъ, что Лейбце устроитъ все дѣло за пять—шесть рублей... Да и заплати мы агенту сорокъ рублей, нашъ кошелекъ былъ бы наполовину пустъ. Начался яростный торгъ, длившійся съ полчаса; нѣсколько разъ Ицко собирался уходить, не вставая, щупалъ чемоданы и немедленно повторялъ все ту же фразу: «Много, даже очень». Наконецъ, сошлись на восемнадцати рубляхъ; за эту сумму насъ должны были перенести на плечахъ на тотъ берегъ и лошадьми доставить въ австрійское мѣстечко, находившееся въ 25 верстахъ отъ станціи желѣзной дороги.

Когда дѣло было покончено, Ицко подалъ руку со словами:—«Въ добрый часъ. Мы будемъ довольны другъ отъ друга»,—и попросилъ разрѣшенія угостить насъ пивомъ. Онъ принесъ двѣ откупоренныя уже бутылки, налилъ четыре стакана, чокнулся и медленно выпилъ «за успѣхъ», «за здоровье» и «за знакомство съ хорошими панами». Затѣмъ, считая насъ находящимися уже подъ его протекторатомъ, Ицко вышелъ въ комнату Боруха, и мы слышали, какъ онъ говорилъ:

— Приготовьте пану и пани постели, утромъ не будите, не шумите.—Придя послѣ того въ нашу комнату, Ицко сообщилъ, что о нашихъ удобствахъ онъ уже позаботился, пожелалъ намъ «спокойной ночи» и удалился во-свояси.

Коммиссіонеръ развалился на стулѣ и сталъ доказывать, какой «хлѣбъ»—переправа.

— Вотъ это—хлѣбъ. Не надо ѣздить на старости лѣтъ по городамъ и мѣстечкамъ покупать свеклу, не надо вести собачью жизнь...—И сталъ высчитывать:

— Съ одного человѣка—пятнадцать рублей... Въ годъ можно провести пятьсотъ душъ... ну, положимъ, только сто... выходитъ полторы тысячи. Полторы тысячи!.. Это—не двадцать копѣекъ!.. А контрабанда?.. Вы думаете, онъ не заработаетъ еще тысячи?.. Какой-нибудь Ицко—и двѣ тысячи пятьсотъ рублей!.. Что онъ—образованіе получилъ?.. Что онъ—сынъ Бродскаго?.. А вѣдь такія деньги дай Богъ, чтобъ зарабатывалъ докторъ...

Старуха съ гноящимися глазами прервала поучительные разговоры коммиссіонера. Она принесла подушки, постельное бѣлье, приготовила два необъятныхъ ложа и ушла на свою половину. Удалился и коммиссіонеръ, и, измученные, не спавшіе нѣсколько ночей къ ряду, мы бросились въ постель и быстро заснули.

V.

Сонъ нашъ длился не много времени. Я вскочилъ отъ звука посуды, которую колотятъ, и услышалъ:—«Ратуйте!» Въ кабакѣ шла форменная битва; наша комната отдѣлялась отъ шинка тонкой стѣной и запертыми на ключъ дверями, такъ что прежде всего шумъ разбудилъ насъ. Потомъ мы услышали, какъ Борухъ шлепаетъ туфлями, отворяя выходъ на улицу и уходитъ. Потомъ его густой басъ раздался во дворѣ... Затѣмъ все стихло, и я заснулъ... Мнѣ снился огромный, рыжій жандармъ, Ицко, который душитъ меня за горло, потомъ въ нашу драку вмѣшался Борухъ... Коммиссіонеръ сидитъ верхомъ на Борухѣ... Кто-то кусаетъ меня, больно, душно... Вскакиваю—и чувствую, что меня ѣдятъ клопы. Зажигаю свѣчу—кровать и подушка буквально усѣяны черными клопами, словно одно большое копошащееся пятно заняло кровать. Такъ и

не удалось больше уснуть, такъ какъ всю остальную ночь я велъ войну съ клопами. Лишь подъ утро, примостившись на стульяхъ, я сталъ дремать. Сквозь дрему я услышалъ, что кто-то стучитъ въ нашу комнату.

— Вставай,—трясла меня жена за плечи:—Хозяинъ зоветъ тебя, надо выйти.

Наскоро одѣвшись, я вышелъ къ Боруху. Онъ взволнованно ходилъ по комнатѣ, подбѣжалъ ко мнѣ, взялъ за пуговицу и, глядя въ глаза, спросилъ:

— Вы кошерны?

— Т. е. какъ это?

— Я спрашиваю у васъ, вы кошерны? Ай, Боже мой? Или трефной, а?..

— Да объясните же, чортъ возьми, въ чемъ дѣло.

— Вашъ извозчикъ, чтобы ему не доѣхать до дому, чтобы лихорадка трясла его до самой его смерти, вашъ извозчикъ остался себѣ ночевать здѣсь. А я, дуракъ, пустилъ его... Такъ онъ пошелъ себѣ въ шинокъ и подрался, а глупая баба, отдамъ ей въ аренду, можетъ она ждать! она позвала полицейскаго... Ну, а когда зовутъ полицейскаго, вы думаете—хорошо это? Его спрашиваютъ:—«Кто ты, откуда ты, зачѣмъ пріѣхалъ»? А онъ, чтобы ему сгорѣть на самой дорогѣ, когда онъ еще ѣдетъ, взялъ себѣ и сказалъ:—«Привезъ со станціи пана и пани». Что вы на него скажете?.. А утромъ пришли уже двѣ собаки и говорятъ:—«Кто у тебя, Борухъ?» Кто можетъ быть у Боруха? У Боруха нѣту никого, Борухъ не занимается никакими дѣлами; старому человѣку зачѣмъ дѣла?.. Кто у меня? Жена и дѣти, чтобы они здоровы были... Вы думаете, они повѣрили, эти собаки? Они говорятъ совсѣмъ:—«Фурманъ сказалъ, что привезъ пана и пани». А? Что вы на него скажете? Ну, что мнѣ было дѣлать? Я говорю:—«На-те тридцать копѣекъ...» Я никогда не давалъ имъ больше двадцати копѣекъ... Я—двадцать, другой—двадцать, въ мѣсяцъ будетъ пятьдесятъ, понимаете?—и еврей всплеснулъ руками:—Они себѣ дома строятъ, землю покупаютъ, дѣлаются панами... А полицейскіе говорятъ:—«За тридцать копѣекъ будемъ отъ службы отказываться? Мы присягали. Давай три рубля!» Три рубля! Что я—фальшивый монетчикъ, или деньги растутъ въ огородѣ?..

— Надо было дать рубль, они бы взяли, рубль—это деньги,—вмѣшался коммиссіонеръ.—А то непріятности могутъ быть. У насъ въ Кіевѣ черезъ полицію много людей пропало. А почему? Потому, что деньги жалѣли.

— И что же было?..

Борухъ удивленно посмотрѣлъ на меня:

— Вы хотите, чтобы уже что было? Ничего не было... Я сказалъ,—и Борухъ хитро улыбнулся,—я сказалъ:—панъ проснется, я скажу пану, онъ дастъ, сколько его щедрость... Ну, а все таки

панъ кошерный? У пана есть паспортъ?.. Настоящій паспортъ?.. А покажите, панъ!. Ой, въ самомъ дѣлѣ паспортъ! Зачѣмъ я давалъ имъ цѣлыхъ тридцать копѣекъ?

Тѣмъ не менѣе, коммиссіонеръ бросился пригласить на совѣщаніе Ицко. Явился агентъ, выслушалъ донесеніе о случившемся, вошелъ въ нашу комнату, забралъ чемоданы и потащилъ ихъ, не говоря ни слова, въ погребъ. Въ этомъ помогалъ ему Борухъ, забывшій, кстати, о святости дня субботняго. Затѣмъ мы одѣлись и, перейдя дворъ, прошли во флигель, гдѣ жила замужняя дочь Боруха. Ея мужъ уѣхалъ «по дѣламъ» и въ виду праздничнаго дня заночевалъ на австрійской сторонѣ; оттуда онъ доставлялъ шелкъ и сигары.

Мы попросили поставить самоваръ. Повторилась вчерашняя исторія: Борухъ сказалъ, что въ субботу самовара поставить никакъ нельзя; когда мы предложили сами это сдѣлать, Борухъ наотрѣзъ отказался:

— Зачѣмъ мнѣ трефную посуду дѣлать?—Наконецъ, послѣ долгихъ пререканій и ссылокъ на должные авторитеты, намъ удалось убѣдить старика, что закономъ воспрещено не вообще пить чай, а пить Боруху. Изъ кладовой намъ вытащили порыжѣвшій отъ времени самоваръ, испорченный и грязный, указали, гдѣ лежитъ уголь, и мы приступили къ дѣлу.

Пока я занятъ былъ самоваромъ, жена, сопутствуемая коммиссіонеромъ, отправилась въ единственную лавку, открытую по субботамъ,—«общество потребителей», чтобы купить припасы. Черезъ часъ она возвратилась, неся хлѣбъ, масло, яйца и колбасу, завидя которую Борухъ сталъ нещадно плевать... А я сидѣлъ еще передъ самоваромъ, бросалъ туда уголь, щепки—и дулъ. Только къ двѣнадцати часамъ самоваръ закипѣлъ, и мы аппетитно пили чай, увѣряя Боруха, что законы писались, когда чай еще не употреблялся, иначе была бы сдѣлана соотвѣтствующая оговорка.

Коммиссіонеръ разсѣлся на кровати и сталъ сообщать намъ свѣдѣнія изъ жизни кіевскаго beau monde'а, гдѣ «извѣстный Бродскій»—«первый человѣкъ».

Около трехъ часовъ пришелъ Ицко и попросилъ «приготовиться», такъ какъ скоро придется тронуться въ путь. Жена нарядилась въ платочекъ, я натянулъ пальто, и мы, готовые къ путешествію, стали ждать. Прошло полчаса, часъ, — никто не появлялся. Съ каждой минутой мы нервничали все больше и больше, а когда на стѣнныхъ часахъ пробило половина пятаго, мы подумали, что и сегодня не удастся перебраться, что придется ждать завтрашняго дня, еще сутки жить въ этомъ проклятомъ мѣстечкѣ... И, кто знаетъ, быть можетъ, судьба заставитъ насъ сидѣть здѣсь трое-четверо сутокъ: вѣдь на границѣ это бываетъ сплошь да рядомъ.

Только въ началѣ шестого часа къ флигелю подъѣхала бричка, и туда стали класть наши чемоданы; скоро, значитъ, придутъ и за

нами. Но время шло, никто не появлялся, и въ сердцѣ нашемъ росла тревога. Но вотъ скрипнули двери, и въ комнату вошли Борухъ, его жена, дочь, Ицко и высокій, крѣпкій, черный отъ загара мужчина лѣтъ тридцати пяти.

— Ну, можно идти. Вотъ съ кѣмъ вы пойдете,—началъ Ицко, указывая на контрабандиста. — А ты, Трофимъ, веди ихъ той дорогой, а черезъ рѣчку—перенести. Понимаешь?

Трофимъ крякнулъ и выразительно щелкнулъ пальцами.

— Ну, паночку, вы дадите ему рубль на водку? Неправда развѣ?

— Дамъ, только скорѣй!

Трофимъ удалился, Ицко нагнулся къ самому моему уху и зашепталъ:

— Зачѣмъ пану говорить мужику, сколько мнѣ дали? Вѣдь панъ не скажетъ? Какой интересъ? Позвольте мнѣ, паночку, три рубля, а остальныя отдадите рэбэ Боруху. Когда благополучно перейдете, напишите на листикѣ одно слово: «хорошо». Тогда рэбэ Борухъ мнѣ заплатитъ.

Такъ мы и сдѣлали. Затѣмъ Борухъ предъявилъ счетъ: за ночлегъ—рубль, за самоваръ—четвертакъ, еще четвертакъ и еще четвертакъ. Я хотѣлъ дать ему деньги, но онъ отдернулъ руку, поднялъ съ края стола скатерть и попросилъ туда положить деньги.

Затѣмъ коммиссіонеръ по сахарной части галантно сталъ шаркать ногой, увѣряя, что его племянникъ здѣсь же перешелъ границу.

— Такой соціалистъ!.. Первый соціалистъ!!.. Перебѣжалъ границу и хоть бы вотъ что,—онъ показалъ на кончикъ мизинца:— Живетъ и теперь за границей и такъ живетъ, какъ дай Богъ каждому еврею...

Старикъ Борухъ принялся философствовать:

— Отчего человѣку плохо живется? Оттого, что онъ человѣкъ. Ему хочется все больше. Мало чего хочется? Если у меня сто рублей, а я захочу — милліонъ?.. Отчего вы бѣжите за границу? Лейбце занимался этими дѣлами. Онъ поѣхалъ учиться на доктора... Нехай учится, докторъ мало денегъ зарабатываетъ?.. Докторъ пускай онъ и будетъ. Зачѣмъ ему быть политикомъ?.. Политика не даетъ деньги. Что такое политика?.. Одинъ говоритъ: «красный», а другой «синій», а я говорю—«бѣлый», а кто сказалъ правду?..

Дальнѣйшимъ логическимъ построеніямъ Боруха помѣшалъ Трофимъ, пригласившій насъ слѣдовать за собою.

— Подъ ручку, подъ ручку!—наставлялъ насъ Ицко.—Вышли себѣ погулять. Кому какое дѣло? Идетъ себѣ кавалеръ съ барышней гулять послѣ чая, зачѣмъ солдату трогать?

Мы пошли «подъ ручку».

— Идите за мной шаговъ на двадцать,—обернулся Трофимъ. Пройдя кривую, грязную улицу, посреди которой въ мусорѣ копо-

шились дѣти, мы вышли на базарную площадь. Группа молодыхъ людей въ шелковыхъ капотахъ и шелковыхъ же картузахъ сидѣла на крылечкѣ дома и, завидя насъ, стала тыкать пальцами и вслухъ удивляться, откуда появились эти люди-гои, ходящіе по субботнимъ днямъ съ палками. Миновавъ площадь, мы свернули въ узкую улицу, упиравшуюся въ огромную казарму, нѣкогда служившую фортомъ, какъ потомъ мы узнали.

Трофимъ махнулъ рукой, чтобы мы шли, а самъ подошелъ къ бѣдно-одѣтой женщинѣ и вступилъ съ ней въ разговоръ. Мы прошли улицу и остановились, не зная, куда идти дальше... Простояли минуту, другую, а Трофима все нѣтъ. Наше пребываніе обратило на себя вниманіе: пожилой еврей съ женой, вышедшіе, должно быть, подышать свѣжимъ воздухомъ, остановились и стали насъ разсматривать. Къ нимъ подошла какая то старуха, затѣмъ еще женщина, и скоро въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ стояла кучка народа, дѣлавшая на нашъ счетъ всевозможныя предположенія. Относительно цѣли нашей «прогулки» никто, впрочемъ, не сомнѣвался; до насъ долетали отдѣльныя слова: «Политика», «Жандармы», «фрейлехе *) путешествіе» и пр. въ этомъ духѣ. Главнымъ образомъ, зѣвакъ интересовалъ вопросъ, кто мы: евреи или гои.

— Еврей — и бритый! Въ субботу съ палкой! Навѣрное — русскій.

— Положимъ, — возражала старуха, — теперешніе евреи все равно, что гои. Брѣетъ бороду!.. А мало евреевъ свиней кушаютъ?..

Но появился Трофимъ. Онъ прошелъ мимо, бросилъ на-лету: «За бабой!» и скрылся въ воротахъ желтаго дома. Изъ-за угла показалась женщина, которую мы видѣли на площади; она шла очень быстро и, когда поровнялась съ нами, шепнула:

— Ходить до мэнэ! Швідко!

И опять мы пошли «подъ ручку».

Обогнули казарму, спустились внизъ и двинулись вдоль рѣчки, мѣстами широкой, мѣстами такой узкой, что, хорошо разбѣжавшись, ее можно было перепрыгнуть.

Случайно оглянулся: въ окнѣ казармы торчитъ лицо и смотритъ намъ вслѣдъ. Но вотъ рѣчка повернула влѣво, скрылись казарма, мѣстечко, и передъ нами на возвышеніи запестрѣлъ рядъ домиковъ съ обѣихъ сторонъ рѣчки: это были наблюдательные посты русскихъ и австрійскихъ пограничниковъ.

Женщина обернулась, поманила насъ пальцемъ и взбѣжала по крылечку въ жалкую избушку, слѣдомъ за ней вошли и мы.

*) Веселое.

VI.

Болѣе бѣдной, нищенской избы мнѣ видѣть не доводилось. Ходить можно было, только наклонивъ голову, въ противномъ случаѣ голова ударялась въ потолокъ. Одно окно выходило на востокъ, другое—на югъ, но такъ малы были они, что свѣтъ падалъ узкой полоской. Большая русская печь занимала половину комнаты. У стѣны стояла кровать, покрытая массой тряпья, на полу валялась груда мѣшковъ, ими завалена была и скамья, на которой возились дѣвочка лѣтъ семи-восьми и неимовѣрно-грязный мальчуганъ лѣтъ четырехъ. Другой мальчикъ, которому можно было дать по виду и всѣ пятнадцать лѣтъ,—ему было, какъ мы потомъ узнали, всего двѣнадцать—при нашемъ появленіи выскочилъ на улицу.

Подъ окномъ, сгорбившись, сидѣлъ старый дѣдъ и, мурлыча въ носъ пѣсенку, чинилъ мѣшки.

Разрѣзавъ на тонкіе ломти половину принесеннаго черного хлѣба, женщина стала кормить дѣтей; тѣ съ жадностью, еле разжевывая, глотали куски тяжелой, плохо-выпеченной массы.

Въ ожиданіи Трофима, мы сѣли на скамью и стали смотрѣть на то, что происходило на нашихъ глазахъ. Женщина достала изъ шкафчика картофель, почистила, помыла его и затопила печь; потомъ нарѣзала большую луковицу и положила ее на глиняную тарелку. Явился старшій мальчикъ, крѣпкій, краснощекій и, увидя хлѣбъ, сталъ радостно повторять:

— Хлібе! хлібе!

Онъ хотѣлъ взять кусокъ, но мать серьезно сказала:

— А манѐнькимъ?.. Имъ дюжче трѐба.

Мальчикъ опустилъ голову, усѣлся на кровать и сталъ смотрѣть въ полъ. Между тѣмъ, маленькій началъ плакать, прося «булки»; получивъ ломоть, онъ проглатывалъ его и опять начиналъ плакать.

— Зàразъ, зàразъ,—утѣшала мать:—Вічіряты будемо... На-на, іншь!..

Утоливъ голодъ, маленькій легъ на кровать и заснулъ. Мать усѣлась передъ печкой на табуретѣ и стала жаловаться на свою судьбу. Когда-то они жили хорошо, мужъ работалъ на своихъ трехъ моргахъ, она занималась хозяйствомъ. Была корова, и молоко продавали въ мѣстечко. Но мужа взяли на военную службу, а тутъ родился ребенокъ... Отецъ ушелъ на службу сильнымъ и здоровымъ, а пришелъ домой желтымъ, худымъ и все жаловался на грудь. Онъ плохо понималъ военную науку, и его били, били всѣ: унтеры, фельдфебель, билъ молодой офицеръ... Работать въ полѣ Стецъ уже не могъ и поступилъ на сахарный заводъ: о, Стецъ былъ добрымъ механикомъ! Тридцать рублей приносилъ онъ домой каждый мѣсяцъ, да пятьдесятъ одинъ рубль въ годъ давала

аренда за землю, хорошо имъ жилось! А потомъ начались у Стеца лихорадки, грудь болѣла все больше, службу на заводѣ пришлось оставить... Съѣли сбереженія, продали корову, потомъ продали три морга, продали желѣзный сундукъ, платье... Стецъ харкалъ кровью. Плюнулъ въ руку—полна жмѣня крови! Такъ и померъ отъ кашля... Приходила знахарка, давала пить воду, былъ фельдшеръ... Да развѣ поможетъ человѣкъ, когда Богъ хочетъ наказать? Когда померъ мужъ, манёнькому было всего годъ съ мѣсяцемъ. Стала ходить Ганна по домамъ работать, солнце на небо—она на работу, а домой придетъ—на небѣ звѣзды уже ходятъ. Платили за день по злотому *); кто платитъ и полтора, да такихъ было мало, и не каждый день была работа... Принялась Ганна за починку мѣшковъ; пятьдесятъ мѣшковъ—злотый, а сколько въ день успѣешь ихъ заштопать? Другой такъ разорванъ, что полчаса сидишь за нимъ; больше злотого не заработаешь... Да хоть то хорошо, что дома сидишь, за дѣтьми глазъ, а то раньше уйдешь, а они, какъ блудные, по сосѣдямъ ходятъ... И такъ тяжко, такъ тяжко было, и не хотѣлось Ганнѣ, и много слезъ пролила, а все-жъ пришлось Николу отдать на заводъ; два года работаетъ онъ тамъ, большую помощь приноситъ матери: два злотыхъ въ недѣлю деньги не очень большія для пановъ, а для бѣдныхъ!.. На два злотыхъ хлѣба можно десять фунтовъ купить, на недѣлю хватитъ!

Фартухомъ Ганна вытирала слезы...

— Не растетъ Никола, на грудь все жалуется... Какъ началъ на заводъ ходить,—пѣту въ немъ роста... Петру двѣнадцати нѣтъ еще, а онъ больше, крѣпче Николы... Бураки таскаетъ онъ на заводъ; навалятъ на него пудъ,—онъ несетъ... А не можетъ—бьютъ по тылицѣ, смѣются... А взять его съ завода никакъ невозможно, жить будетъ совсѣмъ тяжело... Расходъ большой: сорокъ копѣекъ въ мѣсяцъ—аренда за хату, три копѣйки съ четвертью фунтъ хлѣба, это мы ѣдимъ его полтора фунта въ день, а чтобъ какъ слѣдуетъ, такъ его надо поѣдать такой семьѣ фунта четыре; надо и Николѣ дать на заводъ, надо и ему вѣдь ѣсть... Онъ тамъ цѣлый день, вотъ сейчасъ придетъ, уже звѣзды показываются... А Петра на работу никому не отдамъ, помру, а не отдамъ, пускай гуляетъ дома до пятнадцати годовъ... Вотъ и теперь Трофимъ говоритъ: «Дай мнѣ Петра. Нѣтъ у меня сыновъ, будетъ онъ мнѣ замѣсто сына, будетъ со мной работать, много денегъ принесетъ тебѣ.».. Это—съ Трофимомъ работать?.. А какъ солдаты будутъ стрѣлять?.. Мало народу убиваютъ они?.. Другой разъ такъ стрѣляютъ, такъ стрѣляютъ, что страшно дѣлается...

Пришелъ Никола. Перекрестился на образъ, не давъ намъ опомниться, поцѣловалъ въ плечо жену и меня, вынулъ изъ кармана тридцать копѣекъ (суббота—день получки) и отдалъ матери.

*) Пятнадцать копѣекъ.

Онъ усѣлся на кровать, рядомъ съ Петромъ, и отечески сталъ гладить свернувшагося въ клубокъ маленькаго брата; тотъ проснулся, обхватилъ Николу рученками и сталъ ласкаться...

Никола былъ, дѣйствительно, ниже ростомъ, блѣднѣе Петра и казался бы десятилѣтнимъ ребенкомъ, если бы не серьезный взглядъ и манеры взрослаго, самостоятельнаго человѣка.

Съ тихою, грустной улыбкой гладилъ онъ маленькаго, пѣлъ ему пѣсню и, когда тотъ заснулъ, всталъ съ кровати, зажегъ чадящій ночникъ и усѣлся на гору мѣшковъ на полу.

Вбѣжала одна дѣвочка, за ней другая, третья, откуда-то появилась засаленная колода картъ, и началась игра, въ которой дѣятельное участіе принялъ Петръ. Только Ганна сидѣла молчаливо у печи, да на мѣшкахъ, опустивъ на руки голову, въ неподвижной позѣ дремалъ Никола. Изрѣдка онъ поворачивалъ голову къ игрокамъ и шепталъ:

— Тссъ... Разбудите...—Игроки стихали, но черезъ нѣсколько секундъ въ лачужкѣ ужъ звенѣлъ молодой смѣхъ и слышались возгласы: «Козырь», «Дура» «Носа»...

То ли, что Никола старшій, или то, что онъ—работникъ, но—удивительное явленіе!—къ нему дѣти относились, какъ къ высшему въ домѣ авторитету, высшему, чѣмъ мать, которая продолжала сидѣть у печи и глядѣть на ярко пылавшую солому...

Вошелъ Трофимъ, завѣсилъ мѣшками окна и, сказавъ:

— Не ходите по горницѣ, сидите, солдаты ходятъ,—ушелъ...

Уже шелъ восьмой часъ. Сквозь «занавѣску» окна видна была луна, огни на той сторонѣ. Изрѣдка тяжелые шаги раздавались у домика, гулко отзывались на дребезжащихъ стеклахъ: это проходилъ дозорный пограничникъ... Время тянулось медленно, хотѣлось выскочить изъ хаты и броситься въ эту рѣчку, добраться до того берега, отдавшись на произволъ судьбы: только бы прекратилось мучительное ожиданіе...

Ганна вышла посмотрѣть, «что чуть» *) вернулась тотчасъ же и сообщила, что уже двое солдатъ идутъ. Мы усѣлись въ уголъ; одна томительная минута проходила за другой... Ганна вышла вторично и прибѣжала блѣдная и испуганная.

— А съ другой стороны идутъ солдатъ съ офицеромъ...

Неужели это идутъ арестовать насъ?.. Продолжать ли оставаться здѣсь, въ хатѣ, или, пользуясь нѣсколькими секундами до прихода офицера, броситься въ рѣчку, довѣрившись судьбѣ?.. Вѣдь не всякая пуля достанетъ!..

Забывъ приказаніе Трофима, Ганна приподняла мѣшокъ-занавѣску и прильнула къ окну:

— Еще стоятъ... Ой, лишечько, під окномъ!.. Показываютъ на хату!.. Ой, Царица Небесная, саблюку отвязываетъ!..—

---

*) Что слышно.

Трудно сказать, сколько времени прошло въ наблюденіяхъ Ганны, но намъ это время казалось вѣчностью...

— Ушли, пошли по своимъ сторонамъ... Слава тебѣ, Господи!.. — Ганна перекрестилась, задернула окно и пошла готовить столъ «вечѐряты». Присмирѣвшія было дѣти вновь принялись за игру, зазвенѣлъ хохотъ, и опять послышалось: «Козыри», «Нòса». Мы ждали Трофима; время шло, а нашего контрабандиста все не было...

Порывисто открылась дверь, и отвратительное лицо, кривое на одинъ глазъ, просунулось внутрь, быстро оглянуло комнату, и, замѣтивъ двухъ посторонних, здоровый глазъ сталъ быстро вращаться...

— Панъ та панни, — закричала баба рѣзкимъ голосомъ.— Хто вонi?...

Двери захлопнулись, и кривая баба исчезла. Ганна выбѣжала за ней: на крылечкѣ шелъ оживленный споръ въ полголоса .. Ганна насъ смутила:

— Денегъ требуетъ кривая... Не дадите — солдатъ обѣщала позвать...

— За что ей деньги—и сколько?

— Три рубля... А за то, чтобы она молчала...

Мы попросили позвать Трофима, изба котораго находилась очень близко.

— Трѐба, трѐба,—вздыхала Ганна.—Заразъ.

Трофимъ явился немедленно. Онъ ругательски ругалъ кривую «стерву», обѣщая переломать ей руки, ноги, выбить второй глазъ и непремѣнно завтра же повырывать ей «пàтлы». Трофима не то злило, что баба требуетъ вознагражденія за молчаніе,—а сумма, которую та заломила:

— Хоть бы четвергакъ, а то три-и рубля, а?! А чтобы ей свѣту Божьяго не видѣть! Чтобъ ей къ батькѣ своему, черту полосатому, провалиться!

Надо было скорѣй уходить, такъ какъ кривая баба отправилась докладывать о насъ по начальству. Трофимъ на минуту удалился и, придя, попросилъ обѣщанный рубль.

— Переправьте раньше.

— Давайте сейчасъ, а то не поведу.

Ожидать можно было всего, Трофимъ говорилъ настойчиво и твердо. Получивъ рубль, контрабандистъ исчезъ, поманивъ за собой Ганну. Изъ-за рѣки раздался рѣзкій свистъ, простоялъ секунду въ воздухѣ и умеръ.

— Тсъ, идите!..—и въ отворенныя двери показалась голова Ганны.—Нагнитесь! Ниже, еще ниже!..—Чуть не ползкомъ слѣзли мы съ крыльца и доползли до рѣчки. Луна ярко сіяла и озаряла домики и далекую фигуру, стоявшую на возвышеніи.

Но вотъ пронесся долгій, переливчатый свистъ, что-то бух-

нуло въ воду, по водѣ пошли круги. Прямо передъ нами появились двѣ головы и мы услышали:

— Сидайте! Швідко!..

Мы вскочили на спины дюжихъ парней и тронулись въ Австрію. Вода доходила до пояса, а носильщикамъ — до шеи; тянуло холодомъ, сыростью, мы были мокры насквозь...

Я оглянулся въ ту сторону, гдѣ была Россія; у избушки стояли Ганна и Никола и кивали головами, нѣсколько лѣвѣе—ясно вырисовывались фигура Трофима, «заговаривавшаго» солдата... А наверху, налѣво, какъ стоглазое чудовище, сверкала казарма; свѣтъ изъ оконъ ея падалъ на воду, переливался и кружился въ тонкихъ струйкахъ, плывшихъ въ нашу сторону...

— Годи, слазьте!.. Тихо, шобъ єгери ны бачили...

И опять, сгорбившись, доставая руками до земли, мы стали ползти за проводниками, ползли долго, спотыкались, опять ползли, пока не добрались до хаты...

Хата была большая, хорошо обставленная. У печи стояла старуха, а на скамьѣ подлѣ окна сидѣлъ здоровый дѣтина съ помутившимся взглядомъ и извлекалъ изъ «сопілки» нестройные звуки.

Проводники остановились у входа, вытянули руки и отрубили:

— Давайте пять рублів!..

— За что?

— За переправу. Что несли черезъ рѣку.

— Деньги получилъ Ицко, онъ вамъ заплатитъ.

— Ицко сказалъ, панъ заплатитъ. Гроши!

Мы попали въ типичный разбойничій притонъ; при мнѣ не было никакого оружія, если не считать легкую желѣзную палку... Парни наступали на насъ весьма угрожающе. Я прислонился къ стѣнѣ, взялъ наперевѣсъ палку, жена схватила лежавшій на столѣ ножъ,—и мы приготовились...

Увидя насъ въ позѣ обороняющихся отъ нападенія, парни остановились, соображая съ какой стороны напасть удобнѣй...

— Ой, паночку, — зашамкала старуха: — Дайте хлопцамъ два гульдена. Буде вамъ, хлопцы, мандруваты!..

Идіотъ поднялся съ лавки, вытянулъ руки и безсмысленно, нараспѣвъ залепеталъ:

— Панъ бумажки, панъ бумажки!.. Хэ-хэ-хэ! У пана богато бумажекъ!..

Я согласился уплатить два рубля, но чтобы чемоданы наши немедленно перенесли къ извозчику. Парни посовѣщались, подумали и сказали:

— Гарно. А то панъ дюже скаженный... — Они подхватили чемоданы и потащили ихъ черезъ улицу. Старуха получила два рубля и внимательно осмотрѣла ихъ:

— Настоящи... Панъ можетъ теперь не сумлѣваться... Бувайте здоровенькі!

VII.

— Гэп, гэп!.. Илько, а Илько!

— Кто тамъ?—послышался за дверью сильный голосъ.

— Москали до станціи. .

— А-а-а!.. Заразъ!..

Насъ ввели въ темную комнату. На просьбу зажечь огонь, Илько отвѣтилъ:

— Сидите въ темнотѣ, егерь увидитъ.

Оставаться въ темной комнатѣ съ грабителемъ было опасно; мы на себѣ испытали нравы контрабандистовъ, а теперь, достигнувъ почти цѣли, не хотѣлось рисковать ни кошелькомъ, ни тѣмъ паче жизнью. А это случается: былъ человѣкъ на границѣ—и пропалъ невѣдомо куда... Кто отыщетъ слѣды преступленія здѣсь, на пограничной линіи, гдѣ преступленіе—порядокъ жизни?

— Зажгите лампу, иначе мы уйдемъ...

— Куда пойдетъ панъ ночью?

— Въ шинокъ...

— Гэ-гэ, въ шинокъ... Тамъ ѐгери требуютъ паспорта... Въ острогъ посадятъ, туточки цѣпи надѣваютъ на руки да на ноги...

Наше терпѣніе истощилось.

— Послѣдній разъ—зажгите лампу, не то мы уходимъ.

Илько, бурча въ носъ какое-то польское проклятіе, ушелъ въ другую комнату и принесъ оттуда лампу. Мы любовались при свѣтѣ огня рѣдкой красотой контрабандиста. Лицо у него было смуглое, худощавое, съ орлинымъ носомъ и гордымъ подбородкомъ. Съ широкаго лба нависала прядь густыхъ, черныхъ волосъ; она доходила до глазъ, быстрыхъ, сверкавшихъ, какъ молнія. Стройная фигура была стянута легкимъ, сшитымъ въ талію, кафтаномъ. Силой и безконечной энергіей вѣяло отъ всей этой фигуры.

Поставивъ на столъ почникъ, Илько заявилъ, что мы ночуемъ у него.

— Это-жъ почему?

— Подъ ніділю *) нельзя ѣздить.

— Нельзя, такъ нельзя. Мы пойдемъ въ шинокъ. Не достанемъ тамъ лошадей—въ шинкѣ заночуемъ.

— Ну и панъ!—пожималъ Илько плечами.—Подъ ніділю нѣтъ ѣзды. Съ насъ за то пять рублей штрафу берутъ.

Было ясно, что Илько лжетъ... И «рубли» въ Австріи, и штрафъ, и святость воскреснаго дня у контрабандистовъ казались неправдоподобными.

— А кто беретъ штрафъ?—полюбопытствовалъ я.

Илько замялся.

*) Воскресенье.

— Да берутъ. Такъ что гминъ беретъ.

Говорить долго не приходилось, и я спросилъ, сколько онъ возьметъ до станціи.

— Семь гульденовъ.—«Штрафъ въ пять рублей» былъ изобрѣтенъ спеціально на тотъ предметъ, чтобы взять съ насъ возможно больше. Мы стали торговаться. Усталые, голодные, мечтавшіе о постели, а съ другой стороны—желавшіе скорѣй выбраться изъ этого проклятаго мѣста, мы скоро сошлись на четырехъ рубляхъ.

Илько пошелъ «вечерять», затѣмъ поить «коней», а мы сидѣли у окна и смотрѣли на русскую сторону. Виднѣлись огни мѣстечка, сіяла при лунномъ блескѣ вода рѣки да на самомъ верху, на горѣ, блистала огнями казарма; а внизу казармы стояли домишки, бѣдные дома со скрипучими крылечками...

Пара сытыхъ лошадей мчала насъ къ станціи.

— Молчите, — предупредилъ насъ Илько. — Сейчасъ пойдутъ австрійскіе егери. Мы шибко поѣдемъ.—Лошади быстро неслись, подгоняемые кнутомъ; одинъ за другимъ пробѣгали сторожевые дома, мы поднимались на гору, спускались внизъ, послѣдній подъемъ—и началась ровная степь.

Илько засмѣялся:

— Годи. Нема егерей.—Потомъ онъ ткнулъ пальцемъ вправо:— Тамъ москали. Заразъ не видно будетъ Россіи.

Въ сѣромъ туманѣ уплывала отъ насъ родина, одинъ огонекъ за другимъ исчезали, и скоро какъ бы потухъ огонь на горѣ. Мы смотрѣли все вправо: терялись контуры горы, все болѣе сѣрѣлъ туманъ, все дальше уплывала отъ насъ Россія...

Насъ охватила дрема, дремали лошади, предоставленныя самимъ себѣ, дремалъ и Илько... Но вотъ онъ скрутилъ цыгарку, чиркнулъ сѣрной спичкой... На секунду степь подлѣ насъ загорѣлась кровавымъ свѣтомъ; погасъ огонь... Илько усѣлся бокомъ на облучкѣ и запѣлъ.

Ее поютъ, эту пѣсню, тамъ далеко, «на русской сторонѣ», подъ Полтавой и Черниговомъ, на Подоліи и на Волыни, въ Кіевщинѣ,—вездѣ, гдѣ слышится малорусская рѣчь,—поютъ и въ Галиціи.

Ровно и протяжно, какъ эта большая степь,—шла пѣснь о дівчінѣ... Она любила парня. Любилъ ее парень. Но старый отецъ Марусеньки не хотѣлъ слышать о бѣдномъ Грицькѣ.

И приходилъ Грыцъ ночью къ дому возлюбленной, и пѣлъ онъ ей пѣснь любви. Онъ звалъ ее къ себѣ, просилъ уйти съ нимъ на далекую сторону, умолялъ убѣжать къ чужимъ людямъ.

И плакала дівчіна, увѣряла парня въ любви... Но крѣпки были замки, нельзя было убѣжать изъ дому...

Но обманула дівчіна злого отца и ночью ушла на гору, гдѣ стоялъ млинъ. А у млина стоялъ Грыцъ и поджидалъ свое «сердце»...

И убѣжали они отъ отца и тамъ, на чужбинѣ, скрылись отъ злого старика...

И черезъ много лѣтъ пришли они на родное село: спалъ въ землѣ отецъ, давно умерла въ тоскѣ по дочери мать...

Съ низинъ тянуло сыростью... Густой туманъ поднимался и шелъ кверху. А надъ туманомъ плыла пѣсня любви. И вмѣстѣ съ туманомъ она шла въ Россію...

Нѣтъ огней сторожевыхъ постовъ, нѣтъ солдатъ, контрабандистовъ, ничего, ничего... Одна ровная степь въ туманѣ и пѣсня, не знающія границъ, не признающія паспортовъ и переходящія свободно изъ Россіи въ Австрію, изъ Австріи въ Россію.

П. Р—ъ.

Исторія моего современника.

Наши „бунты". Случай съ Безакомъ.

Въ тѣ времена ни о какой „агитаціи" еще не было и рѣчи. Въ городѣ получалось нѣсколько номеровъ столичныхъ газетъ, — главнымъ образомъ „Голоса", „Сына Отечества" и трубниковскихъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", начинавшихъ тогда пріобрѣтать популярность въ провинціи. Гимназисты, разумѣется, и этихъ газетъ не читали. Политическая жизнь страны протекала гдѣ-то въ отдаленіи, и даже та степень участія къ ней, какая проявлялась въ столицахъ,— была чужда маленькому городку, дремавшему надъ заплесневѣлыми прудами, кругомъ стараго замка.

О политикѣ, о „злоумышленныхъ агитаторахъ", волнующихъ молодежь, никто ничего не слыхалъ...

Тѣмъ не менѣе, и у насъ порой бывали „бунты". Они имѣли по большей части странный, неожиданный и стихійный характеръ. Жизнь текла ровно, однообразно, скучно, день за днемъ, урокъ за урокомъ, четверть за четвертью... Мнѣ до сихъ поръ помнится странное ощущеніе въ тѣ минуты, когда почему-нибудь приходилось выходить изъ класса въ серединѣ урока... Въ длинныхъ корридорахъ стояла тишина. Вдали по обоимъ концамъ виднѣлись окна, одно было затѣнено густыми каштанами, такъ что къ серединѣ стояла полутьма; погруженный въ нее, дремалъ старикъ Савелій. Сложивъ на груди руки и прислонясь къ учительскимъ шубамъ, онъ ждалъ прямо противъ инспекторской сигнала звонить. Изъ-за запертыхъ дверей просачивались неопредѣленные звуки, точно кто читаетъ по покойнику. Порой вырывалось взвизгиваніе толстаго Егорова, или тонкіе пѣвучіе вскрикиванія географа Самаревича, или порывистый лай Градомирецкаго. И опять все стихало. Открывалась дверь инспекторской, на Савелія падала на мгновеніе бѣлая полоса свѣта. Онъ тревожно просыпался, но тот-

часъ опять закрывалъ глаза. Въ свѣтлой полосѣ появлялась странная фигура Дидонуса. Ковыляя своей изломанной походкой, онъ, какъ лодка на волнахъ, плылъ въ полутьмѣ корридора, вдоль темныхъ вѣшалокъ, и вдругъ исчезалъ въ амбразурѣ классной двери. Тогда виднѣлся только уголъ отъ Дитяткевича съ смѣшно торчащими фалдочками фрака. Самъ онъ впивался глазомъ въ замочную скважину и тихо, съ наслажденіемъ шпіонилъ за классомъ, стараясь только, чтобы торчащій надъ его лбомъ хохолокъ волосъ не показался въ дверномъ стеклѣ. Тогда въ классѣ поднялся бы шумъ и хохотъ. Помню, что въ такія минуты у меня являлось странное, почти физіологическое желаніе—крикнуть, застучать, вообще сдѣлать что-нибудь необычное, что съ неожиданнымъ громомъ пролетѣло бы по корридорамъ, наполняя это сонное зданіе сверху до низу грохотомъ, шумомъ и встряской...

Впослѣдствіи, когда я былъ уже студентомъ и давалъ уроки,—одна добрая старушка съ недоумѣніемъ разсказала мнѣ, что съ ея племянникомъ, недавно привезеннымъ въ Москву изъ полтавской деревни, творится что-то неладное. Мальчикъ внезапно выбѣгаетъ изъ комнаты на крыльцо и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ кричитъ дикимъ голосомъ. Если его пытаются увести въ комнаты,—онъ рвется, кусается, бьетъ ногами... Если его не трогаютъ,—онъ выкричится и тихо возвращается въ комнаты... Старушка собиралась пригласить доктора, думая, что это начало какой-нибудь нервной болѣзни.

Во время самаго разсказа съ мальчикомъ случился этотъ припадокъ: онъ стремительно выбѣжалъ на крыльцо и, остановившись на верхней ступенькѣ, сталъ кричать во весь голосъ, кривляясь и размахивая руками. Потомъ, смирный и нѣсколько сконфуженный, вернулся и прошелъ въ свою комнату. Въ квартирѣ наступила гробовая тишина, нарушаемая только тиканьемъ маятника да глухими призрачными отголосками уличнаго движенія сквозь двойныя рамы...

Въ моей памяти внезапно встали корридоры нашей гимназіи, и мнѣ показалось, что я понялъ: это была реакція живой натуры юнаго степняка на угнетающую тишь, стоявшую въ квартирѣ, съ едва теплящимися лампадками и едва шевелившимися двумя старушками...

Весь нашъ городокъ былъ въ сущности такой-же сонной квартирой, въ которую едва просачивались откуда-то отголоски далекой жизни, а гимназія была точно одна изъ заводей нашихъ заросшихъ тиной прудовъ. И порой мы начинали такъ-же дико, стихійно кричать, безобразничать и волноваться...

Налетало это такъ, ни откуда и кончалось ничѣмъ... Въ гимназіи жили легенды о прежнихъ поколѣніяхъ учениковъ, когда во второмъ классѣ учились усачи и прямо изъ третьяго класса женились. Старожилы помнили нѣкоторые изъ подвиговъ этихъ богатырей. Однажды ночью они выворотили всѣ фонарные столбы,—правда, никогда не свѣтившіе, и побросали въ рѣчку. Другой разъ подстерегли надзирателя въ тотъ моментъ, когда тотъ темнымъ вечеромъ заглядывалъ въ окна и, внезапнымъ натискомъ взявъ его въ плѣнъ, завязали ему ротъ и глаза, привязали къ лѣстницѣ и стали эту лѣстницу съ злополучнымъ надзирателемъ опускать съ мостковъ въ рѣчку. Опустятъ до шеи и опять вынутъ... Затѣмъ съ гиканьемъ протащили его на той-же лѣстницѣ по улицамъ и бросили противъ клуба...

Я не могу теперь дать себѣ ясный отчетъ въ томъ чувствѣ, съ какимъ я лично и мои товарищи выслушивали эти разсказы. Тутъ не было, кажется, ни одобренія, ни осужденія, не было и жалости къ надзирателю, но порой—среди ровной пустоты нашей жизни это казалось необычнымъ, удалымъ и потому... интереснымъ. Если бы явился среди насъ одинъ изъ этихъ богатырей, то, кто знаетъ, быть можетъ—онъ увлекъ бы за собой привыкшую къ автоматизму массу на какой-нибудь подобный подвигъ.

Наши „бунты" были мельче. Кто-нибудь нажовывалъ, напримѣръ, комъ бумаги и швырялъ въ стѣну. За нимъ то же дѣлалъ другой, третій, и въ теченіе пяти или десяти минутъ стѣны, потолокъ, окна бывали усѣяны мокрыми кляксами. Одинъ разъ, вдобавокъ, эти кляксы были смочены чернилами, и стѣны класса пришлось бѣлить. Зачѣмъ это дѣлалось,—никто бы сказать не могъ, но—разъ кто-нибудь начиналъ, большинство продолжало.

Возникало, конечно, слѣдствіе, и тутъ уже являлось что-то вродѣ настоящаго живого интереса. То, что было до тѣхъ поръ,—и намъ, конечно, представлялось мальчишескимъ и дѣтскимъ. Но съ началомъ разслѣдованія выступало нѣчто серьезное. Нужно было, чтобы начальство не могло узнать „зачинщиковъ", чтобы передъ гимназической администраціей стоялъ „весь классъ", сплоченный, единый, солидарный. Разумѣется, начальство начинало съ попытки „раздѣленія". Вызывали прежде всего дежурнаго по классу, и Рущевскій обрушивался на него всѣми своими голосовыми средствами. Дежурный возвращался въ классъ, весь красный, точно послѣ бани, но гордый сознаніемъ, что онъ не выдалъ товарищей. Затѣмъ звали первыхъ учениковъ, потомъ старшихъ по возрасту, потомъ на выборъ, кого попало... Затѣмъ Яковъ Степановичъ приходилъ въ классъ во время какого-нибудь

урока и произносилъ длинную торжественно-печальную рѣчь о томъ, что безъ наказанія такія выходки оставить нельзя, что, значитъ, будутъ наказаны дужурный, „старшіе", первые ученики, что это нечестно со стороны дѣйствительныхъ виновниковъ. Но у насъ были свои понятія о честности и товариществѣ; никто не имѣлъ права сознаться безъ общаго рѣшенія, а оно давалось рѣдко. Въ сущности, несмотря на многія непріятности, которыя приходилось выносить,— эти внезапныя маленькія грозы положительно освѣжали нравственную атмосферу, точно разряды электричества. Мы въ эти дни чувствовали себя тѣсно сплоченной семьей, крѣпче любили тѣхъ, на кого въ данную минуту всѣхъ больше обрушивалось начальство, и гордились собственной готовностью претерпѣть то же. Когда, наконецъ, исторія приходила къ концу, и нѣсколько человѣкъ попадали въ карцеръ—товарищи пробирались въ затѣненный уголокъ сада, куда съ высоты глядѣло карцерное оконце, и подавали сигналы. Заключенные на собственныхъ спинахъ подсаживали одного, и, когда въ узкомъ отверстіи показывалось лицо узника, оно казалось такимъ милымъ, дорогимъ, пріятнымъ и красивымъ... Пустота, рутина, автоматизмъ гимназической жизни на время разрывались, уступая мѣсто яркому сознанію товарищескаго единенія. Рождались эти вспышки въ пустотѣ и въ пустоту уходили, оставляя все-таки впечатлѣніе какого-то рыцарства, готовности пострадать „за товарищество", иллюзію высшихъ интересовъ, которыхъ не было замѣтно нигдѣ въ окружающей жизни.

Порой эти внезапныя встряски напоминали прямо коллективное помѣшательство. Такъ однажды, во время „малой перемѣны", по коридору проходилъ Самаревичъ въ своей мерлушечьей шубѣ (изъ „бирокъ"). На дворѣ, кажется, стояла слякоть, и потому корридоры были переполнены малышами, которые разступались передъ строгимъ и непріятнымъ учителемъ. Но вдругъ, какой-то первоклассникъ, преслѣдуемый другимъ, кинулся чуть не подъ ноги Самаревичу и, быть можетъ, просто отъ внезапности и испуга, звонко крикнулъ: „Бирка!"

Эта кличка, брошенная прямо въ лицо учителю, послужила сигналомъ.

Слово было подхвачено, пронеслось по корридорамъ, залетѣло въ классы, отовсюду бѣжали малыши, хохоча, протискивались къ тѣсно сжатому учителю, кричали „бирка, бирка!" высовывали языки, дергали за полы шубы. Бѣдный маніакъ съ выраженіемъ испуга и злобы стоялъ среди этого шумнаго шабаша, точно корабль, попавшій на мель среди зыби, и только поворачивалъ изъ стороны въ сторону сухое желтое

лицо на тонкой шеѣ, сверкая сухо-воспаленными, страдающими и злыми глазами. Изъ инспекторской выбѣжалъ Рущевскій, оба надзирателя, даже нѣкоторые учителя, и общими усиліями имъ удалось проводить Самаревича до инспекторской комнаты. У ея захлопнувшихся дверей — вспышка внезапно стихла, и толпа мирно разошлась по классамъ. Начальство было такъ озадачено, что на этотъ разъ не было даже сдѣлано попытки разыскать „зачинщиковъ". Всѣмъ было ясно, что никакихъ зачинщиковъ не было, что странный „бунтъ" родился такъ же неожиданно, непроизвольно, стихійно, какъ встаетъ пыльный вихрь среди степи, истомленной отъ неподвижности и зноя...

Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ я говорилъ объ учителѣ нѣмецкаго языка Францѣ и о чисто маніаческой травлѣ, которой онъ подвергалъ первоклассника малыша Голубецкаго. На этого Франца пришелъ какъ-то черный день. Онъ жилъ на квартирѣ у немолодой вдовы, и по городу пошли сплетни, что нашъ нѣмецъ, сухой и жиловатый, какъ сказочный лемуръ, воспылалъ нѣжной страстью къ своей дебелой хозяйкѣ. Нашъ городокъ вообще былъ полонъ всякими сплетнями; поэтому слухъ объ этой связи тлѣлъ среди другихъ болѣе или менѣе пикантныхъ слуховъ, пока однажды дѣло не разразилось неожиданнымъ и громкимъ скандаломъ: Францъ объявилъ о своемъ переѣздѣ на другую квартиру; тогда бойкая вдова ворвалась въ засѣданіе гимназическаго совѣта и принесла туда съ собой невиннаго младенца, котораго и предложила на попеченіе родителя или всего педагогическаго персонала.

Черезъ нѣсколько дней во время уроковъ была получена телеграмма изъ округа: „немедленно" устранить Франца отъ преподаванія. Вѣсть эта, неизвѣстными путями, мгновенно распространилась по гимназіи, и когда въ большую перемѣну Францъ, зеленый и мрачный, вышелъ изъ гимназическаго корридора, то мы уже знали, что болѣе онъ въ гимназію не вернется...

Разумѣется, онъ нисколько не заблуждался насчетъ чувствъ, которыя въ благодарныхъ питомцахъ вызваны постигшей его катастрофой. Но это, кажется, интересовало его мало. Онъ шелъ, не глядя по сторонамъ, весь поглощенный какими-то злобными мыслями, а ученики гурьбой слѣдовали за нимъ, точно стая собакъ за затравленнымъ, но все еще опаснымъ волкомъ. Путь лежалъ мимо маленькаго домика, по близости отъ гимназіи, гдѣ жила семья Голубецкихъ. Семья была многочисленная (кажется, въ гимназіи училось ихъ четверо или пятеро); всѣ были маленькіе, толстощекіе, похожіе другъ на друга и очень дружные.

Преслѣдованія, которымъ подвергался младшій,—всѣхъ очень раздражали. Случилось, что въ этотъ день младшій остался по нездоровью дома, но, когда одинъ изъ братьевъ прибѣжалъ къ нему съ радостною вѣстью, мальчикъ сразу вскочилъ, и едва Францъ поравнялся съ окнами ихъ квартиры, какъ онъ выскочилъ на улицу и, точно маленькая комнатная собачонка, кинулся на Франца:

— А! что, проклятый нѣмецъ?.. Прогнали... Проклятый, проклятый, проклятый!

За нимъ выбѣжали другіе братья. Старшіе старались увести освирѣпѣвшаго малыша, но онъ вырывался изъ рукъ и опять кидался къ Францу. Младшіе его поддерживали. Среди шедшихъ сзади учениковъ поднялся злорадный хохотъ и улюлюканье, и на тихой, обыкновенно пыльной, Гимназической улицѣ повторилась сцена вродѣ той, какую испыталъ Самаревичъ въ коррндорѣ. Къ счастію, квартира вдовы оказалась по близости. Францъ взбѣжалъ на крыльцо, погрозилъ кулакомъ и скрылся за дверью, гдѣ его, вѣроятно, ждала тоже малоутѣшительная встрѣча. Дня черезъ два, наскоро собравъ пожитки, желчный нѣмецъ уѣхалъ изъ города и навсегда скрылся съ нашего горизонта. Мѣсто его занялъ старый и добрый Глюкъ, говорившій на plat-deutsch'ѣ и самъ подвергавшійся преслѣдованію безпощадной къ слабости ученической массы.

Разъ только, въ мое время, на нашемъ горизонтѣ встала возможность чего-то вродѣ безпорядковъ съ „политической“ окраской.

Въ городѣ ждали генералъ-губернатора Безака, которому предшествовалъ обычный трепетъ. Дѣло было уже послѣ уроковъ, и кучка свободныхъ гимназистовъ безпечно стояла у палисадника своей квартиры, противъ дома исправника, къ которому должна была подъѣхать генералъ-губернаторская коляска. Она показалась въ перспективѣ Гимназической улицы, приблизилась, остановилась... Полицейскіе чины вытянулись, какъ струны, у исправницкаго крыльца, ожидая появленія всемогущаго сатрапа изъ-за задернутаго фартука,—какъ вдругъ случилось нѣчто неожиданное, странное и страшное. Его превосходительство, вмѣсто того, чтобы выйти направо, въ объятія помощника исправника и квартальныхъ,—самъ отстегнулъ фартукъ на лѣвой сторонѣ и, быстро сѣменя короткими ножками, побѣжалъ черезъ улицу къ кучкѣ изумленно оглядывавшихся учениковъ. Оказалось, что изъ глубины коляски съ приподнятымъ верхомъ и застегнутымъ фартукомъ его превосходительство г. генералъ-губернаторъ юго-западнаго края замѣтилъ польскую крамолу: ученики передъ закрытой коляской не сняли шапокъ.

Пока онъ перебѣгалъ черезъ улицу,—всѣ уже исправили эту оплошность, и только одинъ, по фамиліи, кажется, Савицкій, русскій и православный, стоялъ, разиня ротъ и не снявъ шапки съ большимъ козыремъ, изъ-подъ котораго смотрѣли растерянные и простодушные глаза. Генералъ-губернаторъ схватилъ его за ухо и, проведя такъ нѣсколько шаговъ, передалъ подбѣжавшимъ сломя голову полицейскимъ. „Польская крамола" была тотчасъ же отведена въ находившуюся рядомъ полицейскую каталажку...

Съ мальчикомъ отъ неожиданности и испуга случился припадокъ падучей.

Я въ этотъ день за что-то былъ оставленъ послѣ уроковъ и возвращался домой позже обыкновеннаго, обремененный цѣлой охапкой расползавшихся книгъ. Занятый ими и торопясь домой, я какъ-то не обратилъ вниманія на признаки тревожнаго движенія на улицѣ, приписывая ихъ просто прибытію генералъ-губернатора. Я прошелъ уже всю улицу и повернулъ налѣво къ своей квартирѣ, какъ вдругъ дорогу мнѣ заступили нѣсколько гимназистовъ старшихъ классовъ, среди которыхъ были братья Перетятькевичи и Домарацкіе,—поляки, народъ великовозрастный и солидный. Нѣкоторые изъ нихъ уже окончили или вышли изъ гимназіи.

— Куда это такъ поспѣшаете, коллега?—спросилъ меня одинъ изъ нихъ съ непонятной для меня гнѣвной ироніей.

— Домой,—отвѣтилъ я съ недоумѣніемъ.

— Вотъ, господа, хорошій товарищъ, — сказалъ онъ, указывая на меня пальцемъ.—Спокойно идетъ домой, когда товарищъ гибнетъ въ кутузкѣ. Да вы развѣ не знаете, что случилось четверть часа назадъ?..

И, гнѣвно сверкая глазами, онъ разсказалъ мнѣ объ арестѣ Савицкаго. Разсказъ прошелъ по мнѣ, точно элекрическая искра. Въ памяти, какъ живая, встала добродушная фигура Савицкаго въ фуражкѣ съ большимъ козыремъ и простодушными синими глазами, и это воспоминаніе сразу отразилось во мнѣ чувствомъ внезапной жалости и... испуга. Мысль, что Савицкій лежитъ умирающій въ грязной каталажкѣ, одинъ, безъ помощи и привѣта, забилась въ мозгу, какъ птица, и тутъ же встало сознаніе, что теперь чувство товарищества потребуетъ жертвы посерьезнѣе окриковъ Якова Степановича. На одной сторонѣ былъ этотъ синеглазый мальчикъ, на другой — „власть", огромная, стихійная, неподлежащая критикѣ, обрушившаяся такъ безсмысленно и дико...

— Что же дѣлать?—сказалъ я, растерянно подымая глаза на этихъ старшихъ товарищей, очевидно, охваченныхъ уже какою-то рѣшимостью.

— Снесите ваши книги и выходите на улицу... Зовите другихъ...

Я побѣжалъ домой, бросилъ книги, не нашелъ дома братьевъ и опять опрометью кинулся на улицу. Перетяткевичей и Домарацкихъ на мѣстѣ, гдѣ я ихъ встрѣтилъ, уже не было. Они, вѣроятно, ушли куда-нибудь совѣщаться. По улицѣ бродили растерянныя группы учениковъ, ошеломленныхъ происшествіемъ и не знавшихъ, что дѣлать... Разговаривали, разспрашивали, передавали въ разныхъ варіантахъ о томъ, что случилось. Нѣсколько человѣкъ, особенно предпріимчивыхъ, пробрались въ первыя же минуты къ окну каталажки со двора Гортынскихъ и видѣли, что Савицкій лежитъ на лавкѣ съ лицомъ, покрытымъ темною тряпкой...

Трудно сказать, что могло бы изъ этого выйти, если-бы два-три рѣшительныхъ человѣка предложили какой-нибудь опредѣленный планъ: идти толпой къ генералъ-губернатору, пустить камнями въ окна исправницкаго дома... Можетъ быть, и ничего бы не случилось, и мы разбрелись бы по домамъ, унося въ молодыхъ душахъ сознаніе рабскаго безсилія и подавленной ненависти. И только ночью забренчали бы стекла въ генералъ-губернаторской комнатѣ, давая поводъ къ репрессіямъ противъ крамольной гимназіи... Но раньше, чѣмъ это успѣло опредѣлиться,—произошло другое рѣшительное вмѣшательство.

Изъ директорскаго дома на той же улицѣ, одѣтый во всей формѣ, важный, прямой, въ треуголкѣ и при шпагѣ вышелъ директоръ Долгоноговъ и направился по деревяннымъ кладкамъ къ дому исправника. Во всей фигурѣ этого малознакомаго намъ человѣка было что-то твердое и сурово-спокойное. Онъ, видимо, зналъ, что ему дѣлать, и шелъ среди растерянныхъ кучекъ гимназистовъ, какъ корабль среди маленькихъ лодокъ, отвѣчая на поклоны и порой говоря встрѣчнымъ кучкамъ, уступавшимъ ему дорогу:

— Расходитесь, дѣти, расходитесь.

Такъ онъ вошелъ въ домъ, гдѣ остановился генералъ-губернаторъ. Минуты черезъ три онъ вышелъ оттуда въ сопровожденіи помощника исправника, который почтительно забѣгалъ передъ нимъ сбоку, держа въ рукѣ свою фуражку, и оба пошли къ каталажкѣ при полицейскомъ управленіи. Помощникъ исправника открылъ дверь, и директоръ вошелъ къ своему ученику. Вслѣдъ затѣмъ прибѣжалъ гимназическій врачъ въ сопровожденіи Дитяткевича, и другой надзиратель провелъ заплаканную и испуганную сестру Савицкаго...

Было что-то хорошее, ободряющее и торжественное въ этомъ занятіи полицейскаго двора людьми въ мундирахъ

министерства просвѣщенія, и даже колченогій Дидонусъ, суетливо вбѣгавшій и выбѣгавшій изъ полиціи,—казался своимъ, близкимъ и хорошимъ. А когда другой надзиратель, большой рыжій Бутовичъ, человѣкъ очень добродушный, но всегда нѣсколько „въ подпитіи", вышелъ къ воротамъ и сказалъ:

— Директоръ проситъ всѣхъ гимназистовъ разойтись!— то черезъ минуту около полицейскаго двора и исправницкаго дома не осталось ни одного синяго мундирчика...

Въ чиновничьихъ кругахъ передавали подробности сцены между генералъ-губернаторомъ Безакомъ и директоромъ Долгоноговымъ. Когда директоръ вошелъ, Безакъ, весь раскаленный, какъ пушка, изъ которой долго палили по непріятелю,—накинулся на него:

— Что тутъ у васъ! Безпорядки! Непочтительность! Полячки не снимаютъ передъ начальствомъ шапокъ!

Но Долгоноговъ рѣшительно остановилъ этотъ бурный потокъ.

— Ваше превосходительство,—сказалъ онъ холодно и твердо,—въ другое время я готовъ выслушать все, что вамъ будетъ угодно сказать. Теперь же прежде всего я требую немедленнаго освобожденія моего ученика, незаконно арестованнаго при полиціи. О происшествіи я уже послалъ телеграмму *моему* начальству...

Передавали, что Безакъ, привыкшій къ общей безгласности, совершенно растерялся и нѣсколько времени глядѣлъ на директора, выпуча глаза и не говоря ни слова. А затѣмъ—торопливо приказалъ освободить ученика.

Въ одинъ изъ карточныхъ вечеровъ у отца объ этомъ случаѣ заговорили чиновники. Всѣ сочувствовали и немного удивлялись Долгоногову. Одни думали, что ему не сдобровать, другіе догадывались, что, должно быть, у этого Долгоногова есть „сильная рука" въ Петербургѣ. Отецъ съ обычной спокойной категоричностью сказалъ:

— А, толкуйте! Просто—дѣйствовалъ человѣкъ на законномъ основаніи и баста!

— Но вѣдь,—Безакъ!.. Назначенъ царемъ!

— А законы написаны не царемъ?—возразилъ отецъ.

Никакихъ дурныхъ послѣдствій для Долгоногова эта исторія, кажется, не имѣла. Нѣкоторое время, года еще, помнится, полтора, онъ оставался у насъ, а затѣмъ былъ переведенъ, если не ошибаюсь, въ Москву, то есть получилъ значительное повышеніе. Времена тогда были глухія, но „законныя основанія" имѣли тогда значеніе гораздо большее, чѣмъ впослѣдствіи. Министерство внутреннихъ дѣлъ не успѣло еще поглотить всѣ остальныя вѣдомства, какъ въ

наши нынѣшнія времена. Нѣсколько лѣтъ назадъ, напримѣръ, по требованію администраціи былъ уволенъ учитель. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, совершенно оправдался передъ своимъ начальствомъ и получилъ новое назначеніе. Но едва онъ пріѣхалъ на мѣсто, какъ къ нему явился исправникъ и предъявилъ предписаніе, на основаніи котораго ему воспрещено жительство именно въ данномъ городѣ. Тогда такія штуки, очень распространенныя въ наше время, еще не были возможны, да и Толстой былъ не чета Деляновымъ или Боголѣповымъ. Онъ принесъ Россіи много зла своей системой, но все же онъ былъ министръ стараго типа, и простая чиновничья честь заставила бы его заступиться за чиновника своего вѣдомства противъ незаконнаго натиска. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, и въ теченіе десятилѣтій „административный порядокъ“ невозбранно выхватывалъ свои жертвы—изъ среды воспитателей, какъ и воспитанниковъ...

Достоевскій въ одномъ изъ своихъ „дневниковъ писателя“ разсказывалъ о томъ впечатлѣніи, какое еще въ юности произвела на него и его брата встрѣча на почтовомъ трактѣ съ фельдъ-егеремъ: фельдъ-егерь стоялъ въ повозкѣ и, не переставая, колотилъ ямщика по шеѣ. Ямщикъ неистово хлесталъ кнутомъ лошадей, и тройка съ смертельнымъ ужасомъ въ глазахъ мчалась по прямой дорогѣ, мимо полосатыхъ столбовъ. Эта картина, не безъ основанія, показалась юношѣ символомъ всей самодержавной Россіи и, быть можетъ, сильно содѣйствовала тому, что знаменитому впослѣдствіи писателю пришлось стоять у эшафота въ ожиданіи казни... Въ моей памяти такимъ же яркимъ и символическимъ пятномъ осталась фигура генералъ-губернатора Безака. Цѣльное еще недавно представленіе о „власти-стихіи“ дало огромную трещину. На одной сторонѣ оказался властный сатрапъ, собственноручно хватающій за ухо простодушнаго и испуганнаго мальчишку, на другой—законъ, какъ сила самостоятельная, отдѣленная отъ власти и вооружающая скромнаго директора на борьбу и побѣду.

Кто знаетъ, какъ это отразилось бы не только на моей личной судьбѣ, но и на судьбахъ всего русскаго просвѣщенія, если бы это второе представленіе оказалось сколько-нибудь устойчивымъ и прочнымъ. Эпизодъ съ Безакомъ вспоминался мнѣ впослѣдствіи много разъ и по многимъ поводамъ. Мы тогда сразу почувствовали себя дѣтьми, съ которыхъ снимается нравственный долгъ отвѣтить какъ-нибудь на грубое насиліе. Не потому, конечно, что такой отвѣтъ не диктовался нравственнымъ чувствомъ, а потому, что директоръ Долгоноговъ взялъ его въ свои болѣе сильныя и болѣе умѣлыя руки. И мы почтительно отступили.

Много ли русская жизнь знаетъ такихъ выступленій за послѣднія десятилѣтія, ознаменованныя вторженіемъ въ сферу образованія „административнаго порядка“ и бурными волненіями молодежи? Кто же *вмѣсто нея* проявлялъ гражданское мужество въ защитѣ законности, человѣчности и права?

Дядя-капитанъ. Религіозные мотивы.

Это было въ Житомірѣ, когда я еще не былъ въ гимназіи. Однажды въ нашемъ домѣ появился „новый дядя“, старикъ съ толстыми, совершенно бѣлыми усами и бритымъ подбородкомъ, въ сѣрой военной шинели. Онъ былъ женатъ на старшей сестрѣ моей матери, фамилія его была Курцевичъ, а имя Казиміръ, но звали его обыкновенно просто капитаномъ. Онъ былъ полякъ и католикъ, но служилъ въ русской военной службѣ, а затѣмъ по корпусу лѣсничихъ. Когда онъ былъ одѣтъ въ свою сѣрую шинель, или по домашнему въ сѣрую просторную тужурку военнаго образца, то казался старымъ и солиднымъ. Но когда надѣвалъ мундиръ съ круглыми эполетами, то сразу какъ будто молодѣлъ, и фигура его странно преображалась: мундиръ былъ съ коротенькой тальей и короткими полами, такъ что въ общемъ фигура капитана напоминала какого-нибудь долговязаго гимназиста, выросшаго изъ прошлогодняго мундира. А надъ тугимъ воротникомъ съ позументными нашивками, затянутое и налитое кровью, виднѣлось старое лицо съ бѣлыми, какъ молоко, усами.

Въ день его пріѣзда, послѣ обѣда, когда отецъ съ трубкой легъ на свою постель, капитанъ, надѣвъ тужурку, пришелъ къ нему и сталъ разсказывать о своей поѣздкѣ въ Петербургъ. Въ то время поѣздка въ столицу изъ глухой провинціи была не шутка. Капитанъ былъ извѣстенъ, какъ превосходный разсказчикъ, и, дѣйствительно, разсказывалъ мастерски, а главное—съ большимъ одушевленіемъ. Собственный интересъ къ разсказу есть главный шансъ успѣха у слушателей, а капитанъ всегда былъ переполненъ одушевленіемъ. И теперь, пока отецъ лежалъ, попыхивая трубкой, капитанъ ходилъ по комнатѣ, останавливался, жестикулировалъ, увлекался и увлекалъ. Онъ ѣхалъ на Вильно и говорилъ о томъ, что тамъ на воротахъ до сихъ поръ виситъ гербъ „литовская погоня“, и всѣмъ это казалось интереснымъ потому, что у насъ за эту „эмблему“ сажали въ кутузку. Затѣмъ онъ разсказывалъ о желѣзной дорогѣ (по которой отецъ мой не ѣздилъ ни разу въ жизни) и о Петербургѣ. Въ столицѣ онъ осмотрѣлъ все, что стоитъ смо-

трѣть. Былъ въ эрмитажѣ и видѣлъ тамъ изображеніе Божьей Матери.

— Понимаешь,—слеза на щекѣ... Какъ живая!

Но самое большое впечатлѣніе произвело на него обозрѣніе пулковской обсерваторіи, гдѣ онъ смотрѣлъ въ трубу на звѣзды. Онъ купилъ и себѣ ручной телескопъ, но это совсѣмъ не то. Въ пулковскую трубу онъ видѣлъ на лунѣ горы и долины... „Понимаешь,—какъ на ладони видно: горы, пропасти, рѣки (чуть ли даже не лѣса). Однимъ словомъ—цѣлый міръ, какъ наша земля. А кажется маленькой потому, что понимаешь: тысячи, десятки тысячъ... Нѣтъ, что я говорю: милліоны милліоновъ миль отдѣляютъ отъ луны нашу землю“.

Онъ останавливался посрединѣ комнаты и подымалъ кверху руки, раскидывая ими, чтобы выразить необъятность этихъ пространствъ. Въ дверяхъ кабинета стояли мать и тетки, привлеченныя громкимъ патетическимъ голосомъ разсказчика. Мы съ братьями тоже давно уже забрались въ кабинетъ и, усѣвшись въ уголкѣ, слушали, затаивъ дыханіе... Когда капитанъ взмахивалъ руками высоко-высоко, къ потолку, то мнѣ казалось, что самый потолокъ раздвигается, и руки капитана машутъ гдѣ-то въ тѣхъ неизмѣримыхъ пространствахъ, о которыхъ онъ разсказывалъ...

Потомъ онъ круто оборвалъ жестикуляцію и сказалъ:

— И знаешь, когда человѣкъ повидаетъ все то, что я видѣлъ, и поговоритъ съ умными людьми, то, я тебѣ скажу, человѣкъ многому перестаетъ вѣрить такъ слѣпо, какъ прежде...

— Напримѣръ?—спросилъ отецъ.

— Напримѣръ: вотъ Іисусъ Навинъ сказалъ: стой, солнце, и не движись, луна... Но вѣдь мы теперь со всѣми этими трубами и прочей, понимаешь, наукой, хорошо знаемъ, что не солнце вертится вокругъ земли, а земля вокругъ солнца... И тоже другія планеты..

— Такъ что-же?

— Значитъ, солнце не могло остановиться по слову Іисуса Навина... Оно и прежде стояло... А если земля все продолжала вертѣться, то, понимаешь, — никакого толку и не вышло...

Отецъ засмѣялся и сказалъ:

— Толкуй больной съ подлекаремъ! Іисусъ Навинъ не зналъ астрономіи, вотъ и все.

— То-то что не зналъ... Я что же говорю? Не зналъ, а распоряжался мірами...

— Распоряжался не онъ, а Богъ. А Богъ зналъ, что и какъ надо остановить...

Капитанъ скептически помоталъ головой...

— Остановить такую махину! А! никогда не повѣрю!

И опять, поднявшись во весь ростъ, — сѣдой, крупный, внушительный, — онъ сталъ словами, голосомъ, жестами передавать свои представленія о необъятности вселенной. Всѣ опять слушали съ захватывающимъ вниманіемъ, а капитанъ, увлекаясь все болѣе, шагъ за шагомъ подвигалъ свой скептицизмъ много дальше Іисуса Навина и его маленькихъ столкновеній съ амалекитянами.

— Говорится въ писаніи: небеса подножіе ногъ Его... Посмотришь въ эти трубы, на это небо... Тутъ тебѣ луна съ горами, вулканами, пропастями... Сатурнъ, обтянутый огненными обручами. Венеры эти, Марсы, Юпитеры, звѣзды, планеты, огромные міры, больше нашей земли... Безъ конца, безъ краю. И все въ постоянномъ круговращеніи. А! Толкуй ты мнѣ о подножіи. Гдѣ тутъ верхъ, гдѣ низъ? Я вотъ стою, задравши голову кверху... А подо мною, въ какой-нибудь тамъ Америкѣ, что ли, стоитъ антиподъ подошвами ко мнѣ, а головой, выходитъ, книзу. И тоже думаетъ, что смотритъ кверху. А! Когда все это узнаешь и представишь себѣ ясно, то прямо чувствуешь, какъ все это въ тебѣ поворачивается, по-во-рачивается, по-во-рачивается...

И, широко взмахивая простертыми руками, точно крыльями вѣтряной мельницы, капитанъ, казалось, поворачивалъ вселенную около какой-то оси, и я съ нѣкоторымъ страхомъ слѣдилъ снизу вверхъ за этой опасной операціей... Изъ очарованія вывелъ меня негодующій голосъ матери.

— Ахъ, Казимиръ, Казимиръ! Сколько людей ѣздятъ въ столицы и даже живутъ тамъ, а въ Бога все таки вѣрятъ. А вы разъ только съѣздили и уже говорите такія глупости. Старый человѣкъ...

— Ха! Въ Бога... Про Бога я еще ничего не говорю... Но я только говорю, что въ писаніи есть много такого...

Женщины горячо выступили на защиту писанія, закипѣлъ споръ, капитанъ защищался.

— Да вотъ, не вѣрите—спросите у него (онъ указалъ на отца, спокойно, съ легкой усмѣшкой слушавшаго споръ): правду я говорю про антипода-американца?

Я посмотрѣлъ на отца, ожидая, что онъ опровергнетъ капитана и установитъ опрокидывающійся міръ на свое мѣсто, но онъ кивнулъ головой и сказалъ:

— Правда...

И потомъ, пыхнувъ раза два трубкой, прибавилъ:

— И все это ничего не значитъ. У каждаго верхъ надъ своей головой, а низъ — въ центрѣ земли... А Богъ вездѣ.

Значитъ, всюду и можно къ нему обращаться. Слушай, Казимиръ. Былъ ты этотъ разъ у Яна?

— Былъ,—отвѣтилъ Казимиръ.

— Ну, что: какъ онъ живетъ?

— Ничего, живетъ... Просился на мѣсто тюремнаго смотрителя.

— Ну, и что же?

— Губернаторъ посмотрѣлъ и говоритъ: „да, настоящій тюремщикъ!“ А что будетъ,—еще неизвѣстно.

— Ну, а мертвецы его оставили въ покоѣ?

— А! Гдѣ тамъ оставили! Еще хуже стало.

И капитанъ перевелъ свое одушевленіе на другіе рельсы. Янъ Курцевичъ былъ его родственникъ, военный, служившій на Кавказѣ. Тамъ онъ былъ, кажется, контуженъ, вышелъ въ отставку и, вернувшись на родину, привезъ массу самыхъ удивительныхъ разсказовъ. Онъ участвовалъ въ набѣгахъ, въ засадахъ, попадалъ въ плѣнъ. Одного изъ его товарищей черкесы, якобы, распяли на стѣнахъ сакли, и молодежь долго упражнялась надъ нимъ въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ и луковъ. Самъ Янъ успѣвалъ всякій разъ спастись, порой не безъ вмѣшательства таинственныхъ силъ природы. По возвращеніи на родину его тоже сопровождали злые духи: въ его квартирѣ всѣ предметы,—столы, стулья, подсвѣчники, горшки и бутылки—жили какой-то своей собственной жизнью, передвигались, стучали, летали изъ угла въ уголъ. По ночамъ въ темныхъ комнатахъ раздавались стуки, шопоты, шорохи, вздохи и стоны. Черныя руки тянулись изъ темноты и точно бархатомъ проводили по лицу; кто-то черный, лохматый и мягкій разъ обнялъ его въ корридорѣ за талью...

— И опять онъ видѣлъ въ темнотѣ, что этотъ кто-то черный?—спросилъ съ улыбкой отецъ.

— Вотъ въ томъ-то, понимаешь, и штука,—съ одушевленіемъ отвѣтилъ капитанъ:—темно, хоть глазъ выколи, а онъ видитъ, что лохматый и черный... А зажегъ спичку,—нигдѣ никого... все тихо. Разъ насыпалъ на полу золы... На утро остались слѣды, какъ отъ большой птицы...

Я уже раньше слышалъ въ семьѣ разсказы объ этихъ особенностяхъ Яна Курцевича,—вѣроятно, со словъ того же капитана. Теперь особенное впечатлѣніе произвелъ на меня разсказъ о какой-то бѣлой „душѣ“, которая являлась въ новую квартиру Яна съ сосѣдняго кладбища. „Что тебѣ надо отъ меня, несчастная блуждающая душа?“—спросилъ Янъ. Она застонала и тихо двинулась изъ комнаты. Янъ наскоро натянулъ сапоги, накинулъ черкеску, взялъ пистолеты и, позвавъ слугу, тоже бывшаго кавказца, пошелъ вслѣдъ за фигурой. Прошли пустырь, подошли къ кладбищу. Ден-

щикъ остался у ограды, Янъ пошелъ. „Душа“ туманнымъ столбомъ подошла къ могилѣ, постояла надъ ней, колеблясь, какъ дымъ, потомъ свернулась спирально, какъ змѣя, и съ глухимъ стономъ ушла въ землю. А подъ Яномъ заколыхалась земля, какой-то вихрь подхватилъ его, и онъ очутился сразу въ своей постели и даже раздѣтый...

Капитанъ сидѣлъ теперь на стулѣ, съ меланхолическимъ видомъ оперши сѣдую голову на руку, и въ его голосѣ звучало глубокое сочувствіе къ страданіямъ невѣдомой души...

— А денщикъ?—спросилъ отецъ.

— Спитъ, понимаешь, какъ убитый. Едва добудился... И ничего не помнитъ.

У отца животъ заколыхался отъ внутренняго смѣха.

— Почему же ты думаешь, что это все твоему Яну не приснилось?

— А! Приснилось! Сапоги оказались мокрые отъ росы!..

Отецъ опять засмѣялся и сказалъ:

— Чудакъ ты, Казимиръ! Я тебя нарочно спросилъ о Янѣ. Ты, вотъ, сомнѣваешься въ Богѣ, а такимъ бабьимъ сказкамъ вѣришь...

— Э! не говори! Есть что-то въ натурѣ такое... Я не говорю, что непремѣнно тамъ нечистая сила или что-нибудь такое сверхъестественное... Можетъ быть, магнетизмъ... Когда-нибудь наука дойдетъ...

— Магнетизмъ тебѣ будетъ стонать?—засмѣялся отецъ.

Эта ночь у насъ прошла тревожно: старшій братъ, проснувшись, увидѣлъ, что къ нему тянутся черныя бархатныя руки, и закричалъ... Я тоже спалъ плохо, и просыпался въ поту отъ безсвязныхъ сновидѣній...

Но днемъ взяло силу настроеніе отца. Къ тому же, я чувствовалъ ночью, что, только крестясь и шепча молитву, можно забыть ужасъ и заснуть... И у меня сложилось опредѣленно отрицательное представленіе о людяхъ, которые слишкомъ легко отступаютъ отъ вѣры...

Около того же времени я узналъ еще одного „невѣрующаго“. Братъ моей матери женился, былъ безумно влюбленъ въ свою молоденькую жену и безумно счастливъ. Онъ очень любилъ меня и взялъ къ себѣ въ свой медовый мѣсяцъ. Кажется, ему хотѣлось, чтобы его будущій сынъ походилъ на меня. Я жилъ у нихъ, плохо понимая значеніе того, что совершалось въ жизни моего дяди, но чувствуя безсознательно атмосферу счастья и какой-то свѣтлой озаренной ласки, которыя струились и на меня въ этой маленькой квартирѣ, точно изъ золотого тумана. Я былъ тоже счастливъ, пока на нашемъ горизонтѣ не появилось новое лицо. Это былъ братъ моей новой тетки, Леонардъ, студентъ кіев-

скаго университета. У него было бѣлое лицо, черные волосы и выхоленныя маленькія баки. Онъ не любилъ дѣтей, почему-то былъ недоволенъ моимъ пребываніемъ у сестры и разъ, не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, сказалъ, что ужъ лучше бы ей завести собачонку. Сестра укоризненно указала ему глазами на меня.

— Что онъ понимаетъ, этотъ малышъ, — сказалъ онъ съ пренебреженіемъ. Я въ это время, сидя рядомъ съ теткой, очень сосредоточенно пилъ изъ блюдечка чай и ни на минуту не прекращалъ этого занятія, но въ то же самое время думалъ про себя, что я все понимаю не хуже его, что онъ вообще противный, а баки у него точно прилѣплены къ щекамъ. Вскорѣ я, вдобавокъ, услышалъ разговоры о томъ, что Леонардъ въ Кіевѣ рѣжетъ трупы, влюбился и не вѣритъ въ Бога...

Не помню точно, совпало ли это съ первымъ появленіемъ капитана и по времени, но только оба они слились въ моей памяти въ одно довольно сильное впечатлѣніе. Фигура капитана въ общемъ была занимательная; онъ былъ, несомнѣнно, поэтъ въ душѣ. Леонардъ казался мнѣ сухимъ и непріятнымъ, но ихъ объединяло то, что оба они „не вѣрятъ". Одинъ—потому, что съѣздилъ въ Петербургъ и смотрѣлъ въ трубу; другой—потому, что рѣжетъ трупы и влюбился. А капитанъ, вдобавокъ, вѣритъ въ нечистую силу. Я тогда мертвецовъ и всякой нечисти сильно боялся, особенно по ночамъ, но—не вѣрилъ въ нихъ. Отецъ часто заставлялъ насъ усиліемъ воли преодолѣвать страхъ, посылалъ въ темныя комнаты и, если что-нибудь насъ тамъ пугало, онъ требовалъ, чтобы мы узнали, что это такое, и дали ему отчетъ. Вздрагивая, замирая, съ бьющимся сердцемъ,—мы шли въ темноту, подходили къ какому-нибудь бѣлому призраку и сообщали съ радостнымъ торжествомъ, что это гладильная доска или бѣлая юбка на гвоздѣ. Страшные разсказы онъ старался сводить на смѣшныя окончанія... И мы считали, что вѣрить въ страхи стыдно.

И вотъ, въ связи съ этимъ мнѣ вспоминается одно очень опредѣленное и яркое душевное настроеніе. Я стою у насъ, на дворѣ, безъ дѣла и безъ цѣли. Въ рукахъ у меня ничего нѣтъ. Я безъ шапки. Стоять на солнцѣ нѣсколько непріятно. Но я стою на мѣстѣ съ мыслью въ головѣ. Что-то въ то время напомнило мнѣ о невѣріи капитана и Леонарда. И я думаю, что, когда стану большимъ, сдѣлаюсь ученымъ или докторомъ, когда влюблюсь, когда побываю въ столицахъ,—то все же никогда, никогда не перестану вѣрить въ то, во что такъ хорошо вѣрятъ мой отецъ, моя мать и я самъ.

Это было что-то вродѣ обѣта, и онъ сопровождался такой увѣренностью, которая для меня въ то время была *полной*. Я обозрѣвалъ весь извѣстный мнѣ мірокъ и твердой рукой распредѣлялъ въ немъ истину и заблужденія, вѣру и невѣріе. Вѣру я зналъ только такую глубокую и спокойную, какъ у отца, невѣріе казалось мнѣ поверхностнымъ, а главное—и то, и другое, по моему мнѣнію, совершенно зависѣло отъ воли... Захочешь, — вѣкъ будешь вѣрить. А не вѣришь,—значитъ, не захотѣлъ. Я тогда еще не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что въ этотъ маленькій кругъ, въ которомъ такъ свободно умѣщалась тогдашняя моя правда, могутъ со-временемъ ворваться стихійные процессы, остановить которые не легче, чѣмъ было Іисусу Навину остановить солнце и сдѣлать недвижной луну.

Но эта минута *полной* увѣренности въ обладаніи истиной осталась навсегда ярко-освѣщеннымъ островкомъ моей душевной жизни. Многое, что его окружало тогда, затянулось въ памяти глубокими туманами прошлаго. А онъ стоитъ— живой, яркій, хотя и очень, очень далекій...

Отецъ охотно посѣщалъ церковь и бралъ насъ съ собою. За исключеніемъ мучительныхъ минутъ, когда мнѣ не давалась настоящая молитва,—время въ церкви проходило для меня довольно легко и пріятно. Въ гимназіи, уже въ Житомірѣ—это измѣнилось: насъ заставляли посѣщать соборную церковь, ставили на хорахъ, и надзиратель Журавскій, вынувъ книжечку, просматривалъ какіе-то списки и отмѣчалъ или дѣлалъ видъ, что отмѣчаетъ отсутствующихъ. Этого было достаточно, чтобы сдѣлать церковную службу тяжелой повинностью... Молитва не шла на умъ,—рядомъ стоялъ, почти касаясь локтемъ, товарищъ, который на горячую, сосредоточенную молитву посмотрѣлъ бы съ удивленіемъ. Если стать на колѣни не въ обычное время,—это обратило бы вниманіе надзирателя. Товарищи могли бы подумать, что я выслуживаюсь набожностью передъ гимназическимъ начальствомъ. Однимъ словомъ, я долго еще оставался горячо вѣрующимъ, а церковную службу для меня уже превратили въ своего рода муштровку, которая казалась невыносимой. Всѣ мы только застывали въ вытянутыхъ позахъ, слѣдя за службой отъ перваго возгласа черезъ „херувимскую", „вѣрую", „Отче нашъ" до „достойной". „Достойная" вносила въ наши ряды оживленіе и бодрость: скоро „Спаси Господи", отпускъ, цѣлованіе креста и—свобода!

Въ Житомірѣ нѣкоторое время преподавателемъ закона Божія былъ старикъ священникъ Овсянкинъ, бѣлый, какъ молоко, съ прекрасными синими глазами. Однажды онъ задумалъ устроить для желающихъ изъ своихъ учениковъ

говѣніе особо отъ остальныхъ молящихся. Для этого онъ наскоро сладилъ ученическій хоръ подъ руководствомъ двухъ учениковъ изъ поповичей и самъ служилъ для насъ послѣ общей службы. Мнѣ кажется, что у стараго пастыря при этомъ была какая-то идея. Намъ это тоже нравилось. Церковь была въ нашемъ полномъ владѣніи, въ ней было какъ-то особенно уютно, хорошо и тихо. Надзирателей не было, и мы чувствовали себя совершенно свободными. Но, попавъ въ эту обстановку сразу послѣ уроковъ и послѣ годичной муштровки на хорахъ, — ученики распустились. Всѣхъ охватила какая-то особая рѣзвость, особенно во время спѣвокъ, на которыхъ не было и священника. При этомъ заводчикомъ шалостей былъ одинъ изъ регентовъ, Кульжинскій. Это былъ сынъ сельскаго священника, обладавшій прекраснымъ голосомъ и слухомъ, очень шаловливый, но, въ сущности, очень симпатичный и совсѣмъ неиспорченный. Послѣ одной такой спѣвки, гдѣ пѣвчіе особенно много шалили и хохотали,—это настроеніе перелилось черезъ край, и за вечерней хоръ пропѣлъ „отцу и сыну и святому духу“ съ кощунственнымъ измѣненіемъ („брюху“). Какъ это ни странно, но я положительно могу сказать, что, въ сущности, настоящаго, сознательнаго кощунства тутъ не было. Мальчишки шутили скорѣе надъ добрымъ священникомъ, чѣмъ надъ представленіемъ о Богѣ. По окончаніи службы причетникъ сказалъ, что батюшка проситъ всѣхъ остаться. Мы притихли и сгрудились около лѣваго клироса въ слабо освѣщенномъ темноватомъ старомъ храмѣ. Черезъ минуту Овсянкинъ вышелъ изъ алтаря серьезный и печальный. Подойдя къ намъ, онъ началъ говорить:

— Дѣти... дѣти мои...

Но дальше говорить не могъ. Бѣлое лицо его какъ-то жалко дрогнуло, синіе глаза затуманились, и по щекамъ потекли крупныя слезы.

Эти слезы, въ которыхъ вылилась не угроза, а глубокая печаль искренно вѣрующей души, потрясли насъ гораздо сильнѣе, чѣмъ могла бы потрясти самая краснорѣчивая проповѣдь. Пѣвчіе, пристыженные и растроганные, первые кинулись къ нему, цѣловали его руки, ловили края широкихъ рукавовъ. За ними старика обступили остальные, неповинные въ кощунствѣ; они каялись въ томъ, что имъ показалось это смѣшно и весело. Старикъ клалъ руки на наши коротко остриженныя головы, и лицо его постепенно прояснялось и свѣтлѣло... Никто не думалъ о возможности наказанія. И безъ него Овсянкинъ могъ торжествовать полную побѣду. Наше говѣніе окончилось подъ впечатлѣніемъ этой сцены, объединившей наше настроеніе съ настроеніемъ стараго священника. И никогда впослѣдствіи покаянная молитва

Ефрема Сирина не производила на меня такого дѣйствія, какъ въ эти дни, когда ее произносилъ для насъ Овсянкинъ въ почти пустомъ старомъ храмѣ, подъ низкимъ потолкомъ котораго лилось пѣніе растроганнаго и кающагося молодого хора...

Впрочемъ, обязательная „выстойка" на хорахъ подъ надзоромъ Журавскаго быстро изгладила это трогательное истинно-религіозное настроеніе. Мы опять стояли во время службы, вытянутые, съ ноющими колѣнками, въ мучительномъ ожиданіи конца. А на слѣдующій годъ Овсянкинъ пересталъ преподавать у насъ...

Впослѣдствіи мнѣ часто приходила въ голову мысль: что̀ было бы въ переполненныхъ теперь сельскихъ храмахъ, если бы народъ принялись обязательно сгонять въ церковь при помощи урядниковъ, дѣлали бы переклички, отмѣчали отсутствующихъ, а присутствующихъ выстраивали бы по ранжиру и пронизывали строгими взглядами?.. А вѣдь именно такъ поступаютъ съ нашей учащейся молодежью...

Въ Ровно, какъ я уже разсказывалъ, священникъ-законоучитель сразу же, и притомъ довольно грубо, затронулъ мое чувство къ матери. Онъ былъ недурной человѣкъ, но ярый обруситель, и значительную часть времени и настроенія тратилъ на войну съ неправильными удареніями и „ополяченными" именами, которыя иногда давали при крещеніи священники юго-западнаго края. Такъ, въ нашемъ классѣ оказался православный ученикъ Шпановскій, въ метрикѣ котораго стояло имя Конрадъ. Законоучитель перемѣнилъ это имя въ спискѣ и, отказавъ ему даже въ Кондратіѣ, велѣлъ именоваться Кодратомъ.

— Шпановскій,—вызывалъ онъ его въ классѣ. — Какъ твое имя?

И юноша, потупясь, коверкалъ свое привычное имя на имя Кодрата, вызывавшее всякій разъ—сдержанное, правда—веселье класса.

Совершенно понятно, что на этихъ урокахъ, несмотря на солидныя богословскія познанія отца Крюковскаго, — для меня да и для другихъ моихъ товарищей не было ни одной ноты, которая бы дѣйствительно шевельнула хоть слегка, хоть однажды религіозныя струны въ душѣ. Я, напримѣръ, оставался еще долго непосредственно вѣрующимъ, даже набожнымъ. Я по-прежнему стремился овладѣть молитвеннымъ настроеніемъ, какъ бы обращаясь къ невидимому, но глядящему на меня съ высоты личному Богу. Къ исповѣди я подходилъ съ душой сокрушенной и охваченной страхомъ, а уходилъ растроганный и потрясенный. Но все это шло со-

вершенно независимо, нигдѣ не соприкасаясь съ официальнымъ гимназическимъ богословіемъ.

Въ Ровно, въ зданіи гимназіи, была своя церковь, и за посѣщеніями ея слѣдили гораздо строже, чѣмъ въ Житомірѣ. Рано утромъ мы обязаны были собираться, всѣ православные, въ одномъ большомъ классѣ. Сюда являлся Дитяткевичъ или инспекторъ и дѣлалъ перекличку. Послѣ переклички—перемѣна въ пять минутъ, при чемъ надзиратели строго слѣдили, чтобы кто-нибудь не убѣжалъ домой. Затѣмъ насъ вели въ церковь. Самые маленькіе выстраивались впереди, старшіе классы—сзади. У каждаго класса, точно взводный у взвода, становился „старшій". Въ сторонѣ—какъ ротные, стояли надзиратели, искоса слѣдя за порядкомъ. Сзади высился Яковъ Степановичъ. Онъ иногда молился, кажется, довольно искренно, и тогда массивное лицо его какъ-то странно смягчалось. Но по большей части оно было сурово, и онъ внимательно обозрѣвалъ ряды своихъ питомцевъ. Порой я испытывалъ такое ощущеніе, какъ будто меня съ боковъ и сзади пронизываютъ невидимыя нити, а иной разъ не могъ отрѣшиться отъ мысли, что въ данную минуту тяжелый взглядъ Якова Степановича упирается какъ разъ въ мою спину. И длинная служба превращалась въ томительное путешествіе по знойной пустынѣ съ оазисами изъ знакомыхъ возгласовъ...

Царскія двери закрываются, завѣса задернута. Хорошо слаженный хоръ затягиваетъ херувимскую. Среди учениковъ легкое движеніе... Мы очнулись отъ томительнаго забытья съ сознаніемъ: „половина обѣдни отошла".

Но... еще долго.

Опять забытье, съ вереницей безсвязныхъ мыслей и нытьемъ въ ногахъ. Регентъ ударяетъ камертономъ, подымаетъ его, взмахиваетъ, и хоръ точно пускается вплавь съ знакомымъ оживленнымъ мотивомъ:

— От-че на-шъ... Иже еси на небеси...

„Двѣ трети",—пробѣгаетъ въ умахъ учениковъ.

Опять неопредѣленный туманъ, клубы кадильнаго дыма, возгласы, не отмѣчаемые памятью и вниманіемъ, вереница вялыхъ мыслей въ головѣ...

— До-стой-но есть яко во-истину.—Мотивъ еще болѣе оживленный, какъ будто радость: ну, слава Богу, скоро конецъ!

Таково было „общеніе съ Богомъ" огромнаго большинства обязательныхъ молельщиковъ.

Одинъ только моментъ изъ этихъ службъ до сихъ поръ вспоминается мнѣ, обвѣянный какой-то особенной, трогательно-молитвенной поэзіей. Это—пѣніе „свѣте тихій" за

вечерней (которая служилась у насъ вмѣстѣ съ заутреней), особенно поздней весной или ранней осенью. Солнце закатывается, бросая послѣдніе лучи на высокіе тополи острова за прудомъ... Въ открытыя окна изъ церкви тянутся струи кадильнаго дыма, въ углахъ и надъ алтаремъ ютятся уже мечтательныя тѣни, огни свѣчей выступаютъ ярче, фигура Христа изъ синеватой мглы простираетъ поднятыя руки, и тихое пѣніе хора несется, стройно колыхаясь въ прощальныхъ лучахъ затихающаго дня... „Свѣте тихій, святыя славы безсмертнаго, Отца небеснаго..."

День замѣтно уходитъ... Спускается тихая, свѣжая ночь... И кто-то добрый и ласковый говоритъ о томъ, что... черезъ нѣсколько минутъ конецъ долгаго стоянія...

Послѣ обѣдни насъ не отпускали домой, а опять гнали въ тотъ же классъ. Предстояло объясненіе евангелія. Опять пятиминутная перемѣна, звонокъ. Успѣвшій переодѣться въ церкви законоучителъ входитъ на каѳедру. Первый вопросъ его будетъ:

— Какой сегодня читался апостолъ? Какое евангеліе?

И—замѣчательное явленіе, которое, навѣрное, помнятъ мои товарищи: сотни полторы человѣкъ, только что выйдя изъ церкви, зная, что этотъ вопросъ имъ будетъ предложенъ одному за другимъ,—по большей части не могли вспомнить ни евангелія, ни апостола. Спрошенный безпомощно оглядывался по сторонамъ, толкалъ товарищей локтями, пинался подъ партой ногами. Священникъ сердился и допекалъ язвительными замѣчаніями, по обширному классу пробѣгалъ шопотъ, вопросы... И все-таки одинъ за другимъ ученики вставали и молчали, или говорили несообразности.

Мой другъ, Гаврило, благодаря своей пріятной октавѣ, читалъ въ церкви апостола, и потому, отчаявшись получить надлежащій отвѣтъ, священникъ, наконецъ, обращался къ нему:

— Кайдановъ. Ты читалъ апостола. О чемъ?

Но Гаврило казался еще безпомощнѣе другихъ. Онъ, дѣйствительно, читалъ апостола по указанію регента хора. Но при этомъ все его вниманіе уходило на то, чтобы взять вѣрный тонъ и чтобы закончить не хуже діакона. У діакона былъ когда-то могучій, но теперь уже давно пропитой басъ. У Гаврилы—небольшая; но свѣжая октава, и онъ явно соперничалъ съ діакономъ. Онъ такъ привыкъ передразнивать своего соперника, что однажды, выйдя на середину церкви и откашлявшись, вмѣсто апостола, торжественно затянулъ:

— Отъ Лу-ки свята-аго евангелія чте-ніе... Во время оно...

Въ рядахъ учениковъ послышался смѣхъ, священникъ изъ алтаря крикнулъ, не сдержавшись:

— Что ты! Гаврило! Анаѳема! Опомнись!

А діаконъ, стоя на солеѣ, смотрѣлъ искоса злорадно-торжествующимъ взглядомъ. Бѣдный Гаврило за посягательство на права „посвященныхъ" поплатился тремя часами карцера...

Итакъ, Кайдановъ по большей части тоже не зналъ, что именно онъ возглашалъ сегодня въ церкви своей пріятной октавой, и, чтобы избѣжать непріятнаго допроса и сугубыхъ уязвленій,—пускался на хитрости.

— Отецъ протоіерей,—говорилъ онъ, вставая и придавая голосу выраженіе важной серьезности.—Позвольте предложить вопросъ... По встрѣтившемуся нѣкоторому недоумѣнію...

Протоіерей Крюковскій окончилъ духовную академію. Говорили, что если бы онъ не женился, то могъ бы быть архіереемъ. Говорили также, будто его карьера испытала преткновеніе вслѣдствіе какого-то „вольнодумства" въ молодыхъ годахъ. Я уже говорилъ, что онъ былъ начитанъ и любилъ порой разбирать внѣ-очередные богословскіе вопросы. Говорилъ онъ умно, гладко, умѣло и красиво пользуясь текстами. Порой тому, кто давалъ для этого случай, онъ ставилъ отличный баллъ, даже не спрашивая урока; но почва это была скользкая. Если вопросъ былъ изъ щекотливыхъ и дѣйствительно задѣвалъ живое сомнѣніе, — лицо протоіерея, и безъ того довольно некрасивое, мѣнялось, тонкія губы кривились, голосъ становился дребезжащимъ и непріятнымъ, какъ въ то время, когда онъ улавливалъ полонизмы въ нашей рѣчи... И онъ долго помнилъ такіе вопросы тѣмъ, кто имѣлъ неосторожность предлагать ихъ.

— Ну, какое тамъ еще недоумѣніе? Говори!

— Вотъ, отецъ протоіерей,—начиналъ Гаврило при общемъ внимательномъ сочувствіи, — существуетъ, кажется, текстъ: „блаженъ, иже и по смерти творяй ближнему добро".

— Ну, положимъ, что существуетъ. Тутъ никакихъ недоумѣній быть не можетъ: изъ дѣяній апостольскихъ извѣстны многіе случаи, что даже отъ предметовъ, коими при жизни пользовались святые люди, какъ-то: главотяжи, убрусцы и иные тому подобные... Такъ и отъ нихъ происходили чудеса и исцѣленія.

И протоіерей пускался въ объясненіе чудесъ, произведенныхъ благодатными главотяжами и убрусцами. Гаврило, стоя на своемъ мѣстѣ, терпѣливо выслушивалъ до конца и потомъ говорилъ:

— Нѣтъ, отецъ протоіерей. Я не о томъ... то-есть не о главотяжахъ...

— А о чемъ же?..

— А о томъ, что напримѣръ... кости... то-есть именно человѣческія...

— Ну, что-жъ кости?.. Кости тѣмъ паче. Ты опять-таки долженъ знать чудо отъ костей пророка Елисея, когда мертвый, прикоснувшись къ нимъ въ пещерѣ, воскресъ и ожилъ.

Слѣдовалъ разсказъ о чудѣ отъ костей Елисея.

— Нѣтъ, отецъ протоіерей, я еще и не о томъ,—упорствовалъ Гаврило.—А вотъ одинъ англичанинъ предлагаетъ черезъ газеты...

— Что такое? Что еще за англичанинъ?—начиная сердиться, говоритъ о. протоіерей.—Газеты дѣло мірское и къ предмету не относятся. Вотъ скажи лучше...

— Нѣтъ, отецъ протоіерей, относятся!—торопливо перебиваетъ Гаврило.—Потому что: „блаженъ иже и по смерти"... Такъ этотъ англичанинъ... Онъ говоритъ: какая, говоритъ, масса человѣческихъ костей пропадаетъ напрасно... Безъ всякой пользы для ближнихъ...

Лицо священника измѣняется, дѣлается сразу настороженнымъ, внимательнымъ и непріятнымъ. Гаврило замѣчаетъ, что почва становится скользкой... Его красивые глаза на выкатѣ выкатываются еще больше и какъ бы застываютъ. Но останавливаются уже поздно.

— Ну, ну?—язвительно поощряетъ его священникъ:— такъ что же твой англичанинъ? Послушаемъ, послушаемъ...

— Такъ онъ... то-есть это англичанинъ, предлагаетъ ихъ...

— Ну?

— Чтобы отдавать... на фабрики. Для выдѣлки фосфору и тому подобное...

На лицѣ священника ярко вырисовывается крайнее отвращеніе и ужасъ. Онъ отворачиваетъ голову и закрывается отъ Гаврилы ладонями, какъ отъ бѣсовскаго навожденія.

— Гробокопательство!.. Кощунственное нарушеніе покоя мертвыхъ!—говоритъ онъ и вдругъ поворачивается къ Гаврилѣ:

— И это ты считаешь недоумѣніемъ... Газетки почитываешь? Сочувствуешь?.. Говори: какой сегодня апостолъ?

Гаврило застываетъ въ видѣ соляного столба.

— Не зна-аешь?.. Самъ сегодня читалъ? А про англичанина когда вычиталъ?

— Давно, отецъ протоіерей... Это я, отецъ протоіерей еще въ Полтавѣ...—неосторожно защищается бѣдный Гаврило.

— А-а. Въ Полтавѣ? И все-таки помнишь? А сегодняшнее евангеліе забылъ. Вотъ вѣдь какъ ты поддался лукавому?

Какъ онъ тебя осѣтилъ своими мрежами... Доложу, погоди. Якову Степановичу. Попадешь часика на три въ карцеръ... Тамъ одумаешься... Гробокопатель!

Гаврило, недоумѣло и печально оглядываясь, грузно опускается на парту, точно погружается въ омутъ. Бьетъ звонокъ, но на этотъ разъ успѣхъ достался дорогой цѣной: карцера, быть можетъ, и не будетъ, но долго еще протоіерей будетъ изводить его на урокахъ напоминаніями объ англичанинѣ...

Вообще, нужно было много дипломатическаго такта или простодушія, чтобы предлагать „недоумѣнные вопросы", и потому мы предлагали ихъ очень рѣдко. Законъ божій шелъ поэтому своимъ чередомъ и,—надо отдать отцу Крюковскому справедливость,—онъ „преподавалъ" его старательно и недурно, но холодно и тоже дипломатично. Этотъ „предметъ" шелъ въ ногу съ остальными, тѣмъ же казеннымъ шагомъ, а наша душевная жизнь, наши запросы, наши первыя сомнѣнія шли параллельно, нигдѣ не прикасаясь съ „предметомъ"...

Мнѣ вспоминается одно только собесѣдованіе за урокомъ, гдѣ мы были искреннѣе и прямѣе. Рѣчь зашла о церкви „единоспасающей". Кто-то предложилъ вопросъ: правда-ли, что спастись можно только въ восточно-православной церкви, а все остальное человѣчество, ничего о ней не знавшее, ничего не знающее или остающееся вѣрнымъ исповѣданію своихъ отцовъ,—обречено на гибель и вѣчныя страданія... Православная церковь, вдобавокъ, не признаетъ чистилища, какъ римско-католическая,—и потому рѣшеніе неуклонно и безповоротно,—навсегда, навѣки, въ безконечность! Сначала, когда вопросъ былъ предложенъ, отецъ протоіерей разработалъ его съ академической точки зрѣнія очень обстоятельно, съ большой объективностью и эрудиціей. Говорилъ онъ, по обыкновенію, обстоятельно, свободно и даже красиво, но, къ его удивленію, объясненіе не привело къ обычному молчанію вопрошавшихъ и класса, которое онъ привыкъ считать признакомъ легкой и рѣшительной побѣды. На этотъ разъ не было и внѣшняго согласія. Мы повѣрили только тому, что онъ правильно истолковалъ тексты и соборныя постановленія, но непосредственное чувство рѣшительно отказывалось подчиниться этому „вѣрному истолкованію". Наши товарищи-католики, признававшіе, что Духъ исходитъ отъ Отца и Сына и крестившіеся всей ладонью; лютеранинъ, отецъ Кроля, не признававшій иконъ и святыхъ; милліоны людей, никогда и не знавшихъ о существованіи символа вѣры... Все это стояло уже въ воображеніи юношей не въ качествѣ отвлеченности, а во всей своей огромности, живое,

реальное. Кромѣ того, мы защищали своихъ родныхъ отъ представленія объ адскихъ мученіяхъ только за одно слово въ символѣ, за сложеніе перстовъ, за незнаніе того, чего и мы не знали во всѣхъ тонкостяхъ...

Нѣсколько человѣкъ, задѣтыхъ глубоко и живо, — предлагали вопросъ за вопросомъ. Священникъ исчерпалъ всѣ тексты и почувствовалъ, что они безсильны. Съ какимъ-то особеннымъ, декоративнымъ смиреніемъ закрывъ глаза вѣками, онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Такъ учитъ святая церковь... А мы должны подчинять авторитету церкви свои суемудрыя толкованія и... даже внутреннее чувство... Перейдемъ къ уроку.

И онъ опять вздохнулъ, какъ будто сожалѣя, что ему приходится подтвердить тяжкій приговоръ. Но мы чувствовали, что увѣренности въ немъ нѣтъ... А при этомъ—„правильное истолкованіе“ становилось чрезвычайно опаснымъ... Когда-то—живое непосредственное чувство Овсянкина сразу побѣдило насъ и захватило въ область его вѣры. Теперь то же чувство вставало въ насъ противъ тонкой церковной эрудиціи о. Крюковскаго.

Начинались сомнѣнія, начиналась работа мысли въ религіозной области... Какъ работа волны, подтачивающей берегъ,—она была постепенна, длительна, незамѣтна, но порой происходили маленькіе обвалы, рѣзче отмѣчавшіе это поступательное движеніе. Какъ одинъ изъ такихъ обваловъ,—моя память отмѣчаетъ приведенный выше разговоръ о „единоспасающей церкви“. Помню, какъ въ одно изъ ближайшихъ послѣ этого воскресеній я шелъ изъ церкви вмѣстѣ съ товарищемъ Сушковымъ... Онъ былъ классомъ выше, но мы съ нимъ были близки и часто проводили время въ разговорахъ о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ. И теперь, вмѣсто того, чтобы пройти прямо домой, мы незамѣтно пошли въ пустынную улицу, обставленную тополями, и вышли въ поле. Былъ осенній свѣтлый день. Съ тополей тихо валились желтые листья и, крутясь, падали на землю. О чемъ именно мы говорили до того, я не помню. Сушковъ былъ сынъ великоросса-чиновника и матери-англичанки. Онъ былъ рыжій, очень впечатлительный, то застѣнчивый, то рѣзкій, но искренній и серьезный, и мнѣ въ немъ нравилась эта его впечатлительность. Кромѣ того, мы съ нимъ вмѣстѣ учились въ Житомирѣ, и онъ только обогналъ меня классомъ при переходѣ въ Ровно. Это насъ сближало еще больше.

Разговаривали мы о религіи, и Сушковъ, остановившись вдругъ у начала тропинки, которая черезъ поле вела къ рѣкѣ, спросилъ:

— Ты вѣришь?

— Да,—отвѣтилъ я.

— И я тоже. Но... во все?

— Нѣтъ, —отвѣтилъ я, застигнутый врасплохъ. — Я не могу вѣрить... въ вѣчную казнь.

— И я тоже,—опять отвѣтилъ онъ.—И еще...

Обвалъ захватилъ съ собой нѣсколько больше того, чего коснулась данная волна: сомнѣніе было вызвано вопросомъ о вѣчной казни только за иновѣріе... Теперь отпадала вѣра въ самую вѣчную казнь...

Непосредственность цѣльной вѣры была утрачена, но процессъ давался намъ обоимъ нелегко. Я вспоминалъ ту минуту, когда я съ такимъ яснымъ сознаніемъ давалъ свой обѣтъ: никогда, никогда не отступать отъ вѣры своего отца,— и мнѣ становилось больно. Я отстаивалъ эту вѣру шагъ за шагомъ, усиливалъ старанія молиться и порой переживалъ опять мучительные приступы напряженной набожности.

Помню, однажды я шелъ съ этой мыслью въ гимназическую церковь. Путь лежалъ черезъ небольшую городскую площадь,—центръ мѣстнаго торговаго движенія. Со всѣхъ сторонъ на нее глядѣли широкія ворота заѣзжихъ домовъ, по воскресеньямъ тутъ стояли возы съ сѣномъ, съ дровами, съ разной-деревенской провизіей, шныряли евреи-факторы, перекупщики и покупатели. Въ самой серединѣ помѣщалось въ двухъ-этажномъ домѣ казначейство, а передъ нимъ на высокой колоннѣ высилась статуя католической мадонны. Это была мѣстная святыня, поставленная, кажется, еще въ 1830 году по поводу холеры. Преданіе говорило, что холера мгновенно прекратилась, какъ только надъ городомъ встала въ вышинѣ фигура Богоматери, съ проволочнымъ вѣнчикомъ надъ головой, въ раскрашенныхъ одеждахъ. Все населеніе очень чтило эту святыню, и по вечерамъ будочникъ, то есть лицо офиціальное, спускалъ на блокѣ огромный фонарь, вставлялъ въ него огарокъ зажженной сальной свѣчки и за тѣмъ опять подымалъ кверху. Блокъ визжалъ и скрипѣлъ, огонекъ взлеталъ ввысь, качаясь въ ночномъ небѣ, и фигура Богородицы казалось, рѣяла въ воздухѣ, то выхватываемая желтымъ лучомъ, то опять утопая въ темнотѣ. И потомъ долго ночью въ фонарѣ, какъ звѣзда, висѣлъ огонекъ, и надъ нимъ неясно рисовалась красивая фигура. Въ то время въ видахъ „обрусенія“ и борьбы съ католицизмомъ, администрація и православное духовенство усиленно воевали съ католическими „эмблемами“,—уничтожали часовни и поставленные на роздорожьяхъ кресты съ распятьями, если ноги у Христа были пригвождены не „по православному“. Говорили, что о. Крюковскій, въ качествѣ соборного протоіерея,—то есть своего рода уѣзднаго церковнаго начальника,—возбу-

ждалъ нѣсколько разъ вопросъ о снятіи католической статуи, стоящей въ центрѣ города, и по временамъ будочникъ получалъ приказъ: прекратить освѣщеніе. Но эти мѣры все-таки оказывались временными: статую не рѣшались тронуть, и православные малороссы, пріѣзжая въ городъ съ возами, по прежнему снимали съ головъ барашковыя шапки, прося себѣ у „католической богородицы" удачи на предстоящемъ базарѣ.

Толки о своего рода „опалѣ", готовой постигнуть мадонну, на меня производили особенное впечатлѣніе, соединяясь съ представленіемъ о гоненіи на вѣру моей матери. И фигура казалась мнѣ дорогой и пріятной. Въ то утро я былъ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, охваченъ ощущеніемъ моей уже нѣсколько пошатнувшейся и потому отчасти болѣзненной вѣры. Я тихо шелъ по деревяннымъ морсткамъ, и что-то обратило мое вниманіе на колонну. Кажется, кто-то изъ деревенскихъ, должно быть удачно расторговавшись,—истово и съ чувствомъ крестился на фигуру, освѣщенную утреннимъ солнцемъ. Я подумалъ, какъ хорошо и просто молятся мужики и... по внезапному порыву, ставъ на колѣни и снявъ шапку, отвѣсилъ земной поклонъ.

Гимназистъ, молящійся на площади... Зрѣлище было довольно необычно, и на меня сразу обратили вниманіе мужики, бабы, торговцы, евреи-факторы, шнырявшіе въ толпѣ. А когда я поднимался съ колѣнъ, то замѣтилъ мелькающіе въ базарной толпѣ за мною синіе мундирчики. Я торопливо поднялся съ колѣнъ и быстро пошелъ впередъ. „Можетъ быть, не замѣтили",—стояла въ головѣ малодушная мысль.

Однако, когда я нѣсколько замедлилъ шаги,—гимназисты, шедшіе тоже скоро, обогнали меня, и одинъ пошелъ рядомъ. Я видѣлъ ясно, что они замѣтили. Двое были мнѣ меньше знакомы, а третій, Понорскій, добродушный толстякъ, съ которымъ мы часто разговаривали по душѣ обо многомъ, видимо хотѣлъ спросить меня,—но не рѣшился. Такъ мы дошли до самой гимназіи съ чувствомъ взаимной неловкости, разговаривая о постороннихъ предметахъ.

Черезъ нѣсколько дней другой мой пріятель, значительно старше меня, котораго мы называли Хомою, сказалъ, улыбаясь:

— Слушай, Карла (это была моя гимназическая кличка),— знаешь, какія про тебя разсказываютъ глупости. Будто ты по срединѣ базара на площади стоялъ на колѣняхъ и стукалъ лбомъ передъ статуей.

Онъ говорилъ шутя и не вѣря разсказамъ, но вдругъ остановился, вѣроятно замѣтивъ, что для меня это предметъ тяжелый... И дѣйствительно, съ этихъ поръ ко мнѣ, только

въ другой формѣ, вернулись навязчивыя идеи, отъ которыхъ я въ минуты молитвенныхъ напряженій страдалъ и въ дѣтствѣ... Кажется, у насъ въ семьѣ была легкая наклонность къ такимъ навязчивымъ идеямъ. Всѣ мы были здоровы, закалены, жизнерадостны. Но сильно страдали припадками ночныхъ страховъ, а у старшаго брата одно время развилась странность: отходя отъ стола или проходя мимо предмета, обращавшаго вниманіе, онъ долженъ былъ тронуть его рукой. Порой онъ для этого останавливался, дѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ и касался столба, угла дома, косяка двери концами пальцевъ. Иной разъ это повторялось по нѣскольку разъ, и одно время на него стали обращать вниманіе на улицахъ. Насмѣшки и передразниваніе товарищей отучили его отъ странной привычки.

У меня это принимало другія формы: въ минуты усталости и нервнаго напряженія отъ молитвы въ мозгу звучали кощунственныя ругательства... А теперь каждый разъ, когда я проходилъ мимо столба съ мадонной,—въ моемъ умѣ вставалъ укоръ: „ты, значитъ, стыдишься открыто молиться"... Я ускорялъ шаги, но затѣмъ самъ овладѣвалъ этой мыслью, ставилъ ее передъ собой ясно и открыто и... опускался на колѣни, иногда даже на грязные мостки, съ охапкой книгъ въ рукахъ. Полнаго захвата все-таки не было ни на одно мгновеніе. Я чувствовалъ на себѣ насмѣшливые или удивленные взгляды, и мнѣ мучительно хотѣлось поскорѣе стать на ноги. Но тогда я нарочно оставался дольше...

Не знаю, сколько времени продолжалось бы это мучительное состояніе, если бы вскорѣ мнѣ не пришла въ голову мысль, что я уподобляюсь фарисею, молящемуся на стогнахъ. Она доставила мнѣ громадное облегченіе... Правда, въ глубинѣ души шевелилось сознаніе, что это не то, что фарисеи молились при другихъ условіяхъ, чтобы заслужить одобреніе. Я же скорѣе стремлюсь, при помощи этого сравненія съ фарисеемъ, избѣжать осужденія и насмѣшекъ (въ юго-западномъ краѣ народъ гораздо меньше склоненъ къ наружнымъ проявленіямъ благочестія, чѣмъ въ Великороссіи). Но эти соображенія только чуть-чуть шевелились въ глубинѣ совѣсти. Надъ ними господствовала радость освобожденія отъ этого мучительнаго процесса, происходившаго въ пустотѣ растущаго и ничѣмъ серьезно не захваченнаго ума...

Вл. Короленко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

— Онъ самый.

Коллективисты были изумлены. Тернанъ — этотъ рабъ? Это было внѣ ихъ пониманія, они оглядывали другъ друга съ чувствомъ тяжелой неожиданности, съ мыслью, что въ ихъ толпѣ легко могутъ отыскаться еще любители легкаго хлѣба. Вѣдь, въ сущности, Тернанъ пользовался ихъ полнымъ довѣріемъ, казался всегда добрымъ товарищемъ, преданнымъ революціи.

— Проклятіе!—заоралъ Риго.—Это еще почище прохвоста Жозефа.

— Да не клевета ли это?—спросилъ Малико, всегда съ отвращеніемъ относящійся къ мысли объ измѣнникахъ.

— Гражданинъ, увѣрявшій меня въ этомъ, не вралъ, — отвѣчалъ пришедшій.- Въ четвергъ вечеромъ онъ обѣщалъ мнѣ представить неоспоримыя доказательства.

— Тогда ладно!—сказалъ „сынъ желѣза".—Ни слова! Въ четвергъ вечеромъ Лаваръ дастъ намъ справку, и если это окажется вѣрнымъ, мы устроимъ кое-что основательное. Мы пригласимъ Тернана къ девяти часамъ... но мы придемъ раньше.

— Ладно...

Всѣ разбились на группы, съ яростью разсказывая другъ другу объ исторіяхъ съ полиціей, раздувая ихъ, до нельзя возбужденные ненавистью и мрачнымъ негодованіемъ противъ полицейскихъ; они, казалось, готовы были безпощадно сокрушить всю полицейскую префектуру, если бы это сошло имъ безнаказанно.

Ева, между тѣмъ, послѣ минутнаго развлеченія, заскучала сильнѣе. Ларамэ, съ его привычкой шататься отъ одной группы къ другой, разозлилъ ее. Онъ просто казался идіотомъ, не понимая ея легкихъ рискованныхъ намековъ; онъ и не думалъ бросить все остальное, чтобы неотступно слѣдовать за ней. Оскорбленная и очень недовольная своимъ поступкомъ, съ чувствомъ пораженія и смутнаго стыда, она готовилась уйти.

— Гражданка, — окликнулъ ее кто-то, — можно вамъ предложить стаканъ вина?

Она обернулась. Это былъ тотъ таинственный субъектъ, въ грязной рубашкѣ, и она, почти свирѣпо, отвѣтила:

— Нѣтъ, гражданинъ.

Онъ принялъ лукавый видъ и сказалъ:

— Пусть ваше величество не гнѣвается. Насильно мочить васъ никто не желаетъ.

Онъ насмѣшливо расшаркался передъ нею, какъ истинный дипломатъ и удалился.

Раздраженная Ева направилась къ двери. Нѣкоторые

стали уходить, и на порогѣ она столкнулась съ Ларамэ. У маленькаго человѣчка мелькнула мысль, что онъ можетъ быть смѣлѣе.

— Вы уходите?—спросилъ онъ.

И пока они шли по корридору, онъ вкрадчиво разговаривалъ съ ней. Къ кабатчику онъ не зашелъ, и очутился съ Евой на улицѣ. Было тепло и безлюдно; изъ-за облаковъ показался край луны. Они пошли безъ опредѣленной цѣли, разговаривая о Тернанѣ, о полиціи. Оба ненавидѣли ее и въ нервныхъ фразахъ старались разоблачить другъ передъ другомъ это гнусное учрежденіе. Городовые обращались у нихъ въ чудовищныхъ звѣрей, олицетворяя капиталистическую подлость, упраздненіе правосудія, произволъ. Граждане таинственно гибли подъ ударами сапогъ, замороженные, голодные, даже отравленные. Оба въ этихъ разсказахъ потеряли чувство мѣры, вѣрили въ воскресшую инквизицію, въ застѣнки, въ отвратительныя пытки. Одинъ полицейскій на улицѣ Реннъ остановилъ ихъ на минуту. Сурово, съ густыми, торчащими усами, онъ выступалъ на каблукахъ, неопредѣленно глядя на молодыхъ людей.

— Между ними нѣтъ ни одного парижанина... ни одного!—прошепталъ Ларамэ.

IV.

Наступило робкое молчаніе, потомъ Ева выразила удовольствіе по поводу заявленія Ларамэ, что община не должна игнорировать ни одного изъ видовъ искусства; послѣ этого они, естественно, принялись за созиданіе будущаго общества. Ему оно представлялось милымъ: оно не требовало отъ людей много труда, давало досугъ, свободный театръ, сигары, романы вродѣ Бувье и массу музыки на общественныхъ площадяхъ. Ева представляла его себѣ нѣсколько строгимъ, возлагающимъ на людей обязанности, поэтичнымъ, съ чистой душой и серьезными разговорами. Впрочемъ, она также любила обиліе танцевъ и романы, но скорѣе вродѣ такихъ, какъ „Любовь золотого вѣка". Что касается музыки, то она любила слушать ее издалека, изъ глубины парка. Она желала еще, чтобы можно было много учиться, и чтобы люди не произносили грубыхъ и неприличныхъ словъ.

— По буржуазному!—сказалъ, смѣясь, Ларамэ.

— Нисколько... Нѣчто посвѣжѣе буржуазнаго, но чтобы не было грязи.

Она снова стала фантазировать, построила городъ по

примѣру своего отца,—при всякомъ домѣ были огороды; уничтожила всѣ грязные вертепы Парижа, а коммуна предоставляла въ безплатное пользованіе квартиры, омнибусы и желѣзныя дороги. Что касается работы, то и Ева мечтала, что она будетъ занимать немного часовъ, а длинные перерывы каждый гражданинъ употребитъ на расширеніе своего образованія. Но противъ пьянства она издавала ужасные законы.

— Ну, какъ же! Одинъ стаканчикъ вина иногда можно дозволить!—возражалъ Ларамэ.

Они очутились на бульварѣ С.-Мишель, возлѣ улицы Ройе-Колларъ. На ярко освѣщенной колоннѣ красовалась афиша-реклама, восхвалявшая ваксу Марсеру, а ниже старый фокусникъ въ остроконечной шапкѣ, съ восточной, нѣжнобѣлой бородой и въ мантіи, усѣянной звѣздами и полумѣсяцами, на голубомъ полѣ, показывалъ въ волшебномъ фонарѣ магическую мазь. По другую сторону тротуара сверкало огнями огромное кафе, а за рѣшеткой въ саду мрачно разгуливалъ часовой.

Молодые люди смотрѣли въ мягкую тьму роскошной аллеи, съ окутанными луннымъ свѣтомъ статуями, съ таинственными поворотами и серебристымъ дерномъ. Оба были нѣжнѣе настроены, и въ томной тревогѣ относились другъ къ другу съ уваженіемъ.

— Вы не устали?—спросилъ Ларамэ.

— Нѣтъ,—отвѣчала она.

— Можетъ быть, мы выпьемъ что-нибудь?

Она нашла, что онъ очень деликатенъ, не предложивъ выпить „стаканъ" или „литръ". Время отъ времени она взглядывала на него, находя его очень красивымъ, съ гладкой кожей, съ тщательно подстриженной бородой, чисто одѣтымъ, въ почти новой шляпѣ и въ пальто безъ пятенъ.

Вѣтки, склонившіяся надъ рѣшеткой сада, качались, открывая въ просвѣтахъ небольшія пространства бѣлесоватыхъ небесъ. Ларамэ было досадно, что онъ съ Евой не тамъ, подъ каштанами, наединѣ, что не держитъ ее въ своихъ объятіяхъ и не нашептываетъ словъ, заставляющихъ женщину сдаться. У нея, напротивъ, былъ въ душѣ миръ, мысли были хрустально чисты, стремленіе къ нѣжности цѣломудренно, спокойно, безъ волненій.

Городъ уже засыпалъ, вздыхая еще гуломъ проѣзжавшихъ трамваевъ. На дворцовой башнѣ величественно пробили часы.

Въ Ларамэ проснулось хищное желаніе, и кровь прилила у него къ затылку. Онъ уже не такъ робко взглядывалъ на молодую дѣвушку; чтобы придать себѣ храбрости, онъ

дерзко смотрѣлъ на ея красивую шею, на черную массу волосъ, на очаровательное трепетаніе маленькаго кусочка поддѣльныхъ кружевъ. Но страхъ пересиливалъ его и увеличивался съ каждымъ біеніемъ сердца до такой степени, что онъ едва могъ проговорить:

— Здѣсь недурно!

— Да, хорошо,—отвѣчала она и внутренно запѣла:

Dans les sentiers remplis d'ivresse,
Marchons ensemble à petits pas! *)

Сама того не замѣчая, она потихоньку стала напѣвать мотивъ. Онъ подхватилъ, и они вмѣстѣ запѣли въ унисонъ; это успокоило ихъ и доставило удовольствіе.

Они вошли подъ суровые своды сада тонувшіе во мракѣ. Дивная чистота луннаго свѣта озаряла дерновыя дорожки и бѣлоснѣжныя грезы мраморныхъ статуй. Фонари казались висѣвшими на колеблющихся вѣтвяхъ деревьевъ, съ трепетавшимъ кружевомъ листьевъ. Молодые люди умолкли подавленные величіемъ вечерней тишины, красотою сада, и ихъ волненіе еще усилилось, когда въ концѣ аллеи въ полусвѣтѣ выступила темная бронза фонтана. Морскіе кони, съ ихъ нервной красотой, стремительность ихъ тонкихъ поднятыхъ ногъ, выгнутыя шеи и черныя, какъ смоль, головы, загадочные драконы съ раскрытыми пастями земной шаръ, поддерживаемый четырьмя человѣческими расами, все придавало мистическую торжественность выбрасываемой водѣ ея ряби подъ легкимъ дуновеніемъ вѣтра и отраженному въ ней темному своду небесъ.

— Знаете, а вѣдь очень красиво,—сказала Ева.

— Еще бы!—отвѣчалъ Ларамэ.—Это потому, что здѣсь нѣтъ скученнаго жилья.

— Вѣроятно.

Они повернули назадъ. Тротуары были пустынны. Вдали, одинокая, бродила проститутка. Какой-то мужчина увелъ ее, и все стало безлюдно. Ларамэ подвинулся къ Евѣ, почти задѣвая ее. Она смутилась всей душой отъ тысячи ощущеній, тонкихъ, какъ паутина.

Но вдругъ съ крыши фармацевтической школы раздался отвратительный крикъ. Молодые люди остановились. Наверху появились двѣ быстро гоняющіяся другъ за другомъ кошки, въ припадкѣ любовной страсти. Вскорѣ онѣ исчезли.

— Это въ самой природѣ,—замѣтилъ Ларамэ.

— Да, въ самой природѣ,—отвѣчала Ева.

*) По упоительнымъ тропинкамъ, тихо пойдемъ вмѣстѣ съ тобой.

Они умолкли. Онъ, все больше смущаясь своей робостью, не осмѣливался хотя бы поцѣловать ее и старался придать себѣ храбрость подстрекая себя къ этому.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ грубо.—Въ будущемъ обществѣ будутъ поступать такъ же, какъ звѣри.

Она вспыхнула, вдругъ остыла, оскорбленная до глубины души мыслью походить когда-нибудь на кошку.

— Не думаю,—отвѣчала она жестко.

— Почему?—робко спросилъ онъ.—Зачѣмъ осложненія, дѣлающія жизнь только несчастной? Такъ было бы хорошо любить другъ друга, не стѣсняясь.

Она возмутилась, пришла въ негодованіе и рѣшила, что онъ идіотъ.

— Скоро любви совсѣмъ не будетъ. Будутъ сходиться, расходиться, какъ эти животныя... Я презираю женщину, отдающуюся мужчинѣ, не зная его. Это низко... и она никогда не будетъ умѣть любить... Хорошо устроенное общество не должно дѣлать изъ насъ кошекъ, иначе оно будетъ еще ниже существующаго. Наоборотъ, надо, чтобы оно возвысило насъ, внушило бы больше уваженія другъ къ другу.

— Такъ вы стоите, значитъ, за бракъ, за эту глупую церемонію въ присутствіи господина мэра?—спросилъ онъ, пытаясь быть насмѣшливымъ.

Она отодвинулась отъ него, и онъ увидѣлъ ея гордую красоту, озаренную очарованіемъ сумерекъ, и съ дрожащими словами на устахъ:

— Я не стою за бракъ, я за свободный союзъ. Но именно поэтому-то я не хочу, чтобы женщина отдавалась первому встрѣчному. Это тогда будетъ не любовь, а свинство... я гдѣ-то читала, что выборъ любовника... дѣло инстинкта, чтобы производить болѣе совершенное потомство... и что этотъ выборъ будетъ разумнѣе по мѣрѣ того, какъ женщина сдѣлается болѣе сознательной. Я нахожу это справедливымъ и вѣрнымъ, и думаю, что болѣе совершенное общество будетъ на моей сторонѣ.

Скверъ сталъ еще уютнѣе, послѣдніе отблески сумерекъ гасли на стеклахъ домовъ, и мерцаніе фонарей сдѣлалось болѣе мягкимъ. Онъ шелъ теперь съ грустнымъ и стѣсненнымъ сердцемъ, съ пробудившимся серьезнымъ чувствомъ къ великолѣпной статуѣ, которая величественно высилась передъ нимъ въ складкахъ своего чернаго платья, очаровательно гибкая и живая. Тѣмъ не менѣе, онъ пробовалъ еще спорить съ ней.

— Можете говорить, что угодно, но нѣтъ ничего выше природы.. и жизнь была бы гораздо счастливѣе, если бы

дѣвушкамъ не внушали мысли дорожить тѣмъ, о чемъ и говорить не стоитъ.

— О чемъ и говорить не стоитъ!—повторила она, поблѣднѣвъ.

У нея явилось непреодолимое желаніе тотчасъ же уйти отъ него, запретить ему слѣдовать за ней. Но привитая съ ранней юности привычка къ спорамъ взяла верхъ, и она продолжала:

— Да развѣ вы не понимаете, оставляя въ сторонѣ даже вопросъ о появленіи ребенка, что если бы дѣвушки были простыми развратницами, то мужчины перестали бы ими дорожить.

— И тогда?—глупо спросилъ онъ.

— Тогда... все, что есть самаго очаровательнаго въ нашей жизни, исчезло бы. Мой бѣдный юноша, въ той самой книгѣ, гдѣ написано, что любовь скорѣе свойственна людямъ, чѣмъ животнымъ... говорится также, что если бы у людей не было любви, чтобы сдѣлать ихъ лучше и разумнѣе, наша порода не была бы такой распространенной. Ну не глупо ли было бы желать подражать кошачьимъ пріемамъ, когда любовь и есть то, что возвышаетъ насъ надъ животными?

Побѣжденный, онъ умолкъ. Высокомѣрная дѣвушка преобразилась въ душѣ человѣка изъ народа. Онъ уже меньше желалъ ее, испытывалъ къ ней страхъ, близкій къ обожанію. Гордые жесты, возмущенная и трепетная рѣчь, окружающая обстановка представлялись ему высшей, недосягаемой поэзіей, гдѣ зарождалось поклоненіе Евѣ. И онъ почтительно произнесъ, наконецъ:

— Вы правы, гражданка!

Довольная своей побѣдой, она опять двинулась впередъ, и мысли обоихъ снова вернулись, какъ и въ началѣ вечера, къ проклятіямъ республикѣ, этой замаскированной имперіи, къ измѣнамъ на утро послѣ великаго дня.

Они вышли изъ сквера. Изъ Бюлье доносились звуки веселой музыки. Ней, съ восторженнымъ лицомъ, яростно поднялъ свою саблю, а на востокѣ обрисовывался куполъ Обсерваторіи. Маленькій человѣкъ, вполнѣ покоренный, слушалъ восторженныя рѣчи дѣвушки, время отъ времени вставляя свое: „конечно“. Она, счастливая, что видитъ его такимъ, вновь предалась своимъ неопредѣленнымъ мечтамъ о вѣчной любви, о долгихъ цѣломудренныхъ испытаніяхъ прежде, чѣмъ отдаться другъ другу. Онъ, черезчуръ уже охваченный смиреніемъ, говорилъ себѣ, что она слишкомъ горда, что нечего и думать овладѣть ею неожиданно и надо ждать, быть можетъ, цѣлые мѣсяцы. Онъ не привыкъ къ этому, предпочитая пользоваться случайными и легкими

связями. Но несмотря на это, онъ былъ плѣненъ этой встрѣчей, чувствовалъ, что терпѣніе его растетъ, въ ожиданіи такой рѣдкой и прекрасной добычи.

Въ предмѣстьѣ сурово пробили часы.

— Уже половина двѣнадцатаго!—воскликнула Ева.—Мнѣ пора домой.

А маленькій человѣкъ грустно направился вдоль улицы Орлеановъ, съ побѣжденной и трепетной душой, съ готовностью любить и съ большимъ страхомъ за будущее.

V.

Первыя двѣ недѣли марта выпали очень теплыя, земля была возбуждена проникающими поцѣлуями солнца, а небо необыкновенно прозрачно и едва подернуто тонкой пеленой чудесной сѣти нѣжнаго эфира. Въ садахъ подъ высокими стволами возродились кудрявые кустарники, и даже высокія деревья отозвались на эту общую тревогу жизни и покрылись сплошными почками, источниками будущей богатой листвы.

Въ этомъ опьяненіи бытія чуткая тревога овладѣла душою дѣвушки и вновь подняла воспоминаніе о вечерѣ въ саду. Красота сада, тонкая игра свѣта и тѣней, мягкость природы, влажность воздуха въ скверѣ,—все это возвышало и идеализировало маленькаго Ларамэ и дѣлало его въ воспоминаніи все болѣе привлекательнымъ и желаннымъ.

Поэтому то, да еще изъ любопытства, Ева отправилась съ отцомъ въ пятницу на долго жданное собраніе. Въ восемь съ половиною часовъ большинство членовъ было уже въ сборѣ, таинственно и страстно перешептываясь между собою.

— Такъ это вѣрно... Онъ и есть!

— Какъ—онъ ли, подлецъ! Но вы еще увидите!

— Эй, Риго!.. Ты знаешь, что тебѣ дѣлать?

— Не бойся, Макаиль!

— Знаете, граждане, безъ лишней чувствительности... Надо владѣть собою... Это не то, что обругать за болтовню!

— Да ужъ ладно!

Ярость нѣкоторыхъ была совершенно безгранична, но большинство склонялось къ тому, чтобы просто пинками выбросить за дверь измѣнника. Крики злобы заглушили слабыя попытки мягкости, и наиболѣе робкіе бормотали угрозы. Единственный жалкій газовый рожокъ освѣщалъ своимъ желтымъ свѣтомъ грубыя, угловатыя физіономіи и тонкіе цивилизованные профили, въ старыхъ картузахъ или изорванныхъ шляпахъ, перемѣшавшіеся въ этомъ

тайномъ сборищѣ. И среди нихъ маленькій Ларамэ выдѣлялся кокетливостью своего бѣлоснѣжнаго воротничка и свѣжей шляпы.

Между тѣмъ, вошли Равьеръ и Ева. Она на минуту остановилась у порога, чувствуя себя болѣе робкой, чѣмъ обыкновенно.

— Ну, что?—спросилъ Равьеръ.

— Свинья въ загонѣ!—прорычалъ Шайю.

— Отлично. И что же съ нимъ сдѣлають?

— Онъ придетъ сейчасъ. Съ этой минуты всякій сунетъ ему въ морду... Каждый по очереди... Мы всѣ согласны, а ты?

— Я тоже согласенъ,—сказалъ Равьеръ.

Въ сущности, дѣло опротивѣло ему, но оно соотвѣтствовало его принципамъ.

— Рѣшено,—сказалъ Риго.—Я начну первый!

— Тогда это не шутка!

Маленькій Ларамэ незамѣтно подошелъ къ Евѣ, посѣщавшей его уже четыре дня. И они ничего не нашли другого сказать другъ другу, какъ:

— Какая мерзость, правда?

— Безобразіе!

Вошли еще граждане; они обмѣнивались кисетами съ табакомъ, и, по мѣрѣ приближенія рѣшительнаго часа, лица все болѣе вытягивались, а погребъ становился все холоднѣе, наполнялся отвратительными испареніями, какъ вонючая пещера. Вдругъ дверь распахнулась, бретонецъ весь въ поту, вбѣжалъ въ кабакъ.

— Идетъ!

Наступила нѣмая тишина. Нѣкоторые сѣли; Риго, вытянувшись во весь свой огромный ростъ, съ дрожащими челюстями, помѣстился нѣсколько впереди; изъ коррилора послышались колеблющіеся, медленные шаги. Болѣе нервные поблѣднѣли; Ева спряталась за спиной отца, и, среди надвигающейся драмы, дверь медленно растворилась, и въ ея отверстіи показался низенькій, неясный силуэтъ человѣка. Очутившись передъ этими нѣмыми товарищами, Тернанъ, охваченный страхомъ, робко произнесъ:

— Здорово!

Риго тяжелой поступью подошелъ къ нему и, сжимая ему плечо своей ужасной рукой, началъ:

— Скажи-ка, Тернанъ, сколько ты заработываешь этимъ ремесломъ?

Тернанъ страшно улыбнулся въ смертельной тревогѣ.

— Какимъ ремесломъ?—спросилъ онъ.

Понявъ угрожающую опасность, онъ попытался придать

всему смѣшной видъ и, какъ жалкій шутъ, принялся бормотать:

— Чучело ты! Дѣйствительно, полны мои карманы отъ моего... ремесла! Считаю щели на асфальтовой мостовой, больше ничего.

Шутка была сказана дрожащимъ, прерывающимся голосомъ; въ то же время со всѣхъ концовъ комнаты подошедшіе товарищи медленно окружили его. Онъ сталъ искать улыбки или хотя бы тѣни симпатіи на чьемъ-нибудь лицѣ, но видѣлъ только суровость и гнѣвъ. Между тѣмъ Риго подошелъ къ нему еще на полшага и, остановившись совсѣмъ близко возлѣ несчастнаго, сказалъ съ презрѣніемъ:

— Такъ ты не можешь намъ сказать, сколько получаешь?

И такъ какъ тотъ, обезсиленный, чувствуя себя пойманнымъ, хотѣлъ увернуться, Риго закричалъ:

— Не любишь развѣ, чтобы пріятели смотрѣли тебѣ въ лицо, гражданинъ Тернанъ?

И, схвативъ посинѣвшаго отъ страха рабочаго за шиворотъ, прибавилъ:

— Пора кончить!.. Берегись! Первая отмѣтка!.. Получай!

И, дико размахнувшись, тяжелой рукой нанесъ страшную оплеуху.

— Простите!—закричалъ Тернанъ.

Лѣвая щека покраснѣла и распухла въ противоположность правой—блѣдной; а смертельный страхъ сдѣлалъ его неподвижнымъ. Маленькій бретонецъ стремительно прыгнулъ къ нему и, помахавъ въ воздухѣ рукой, крикнулъ по-мальчишески:

— Простить тебя, сводникъ?

И въ свою очередь со всею яростью влѣпилъ ему вторую оплеуху. Спокойный Шайю далъ ему сильный и сухой ударъ опять слѣва, а онъ, между тѣмъ, упалъ на колѣни, выкрикивая унизительныя мольбы:

— О!.. пожалуйста... обѣщаю вамъ... обѣщаю вамъ...

Четвертый ударъ, нанесенный сзади, повалилъ его лицомъ внизъ. Онъ остался распростертый, жалобно увѣряя всѣхъ въ своей преданности группѣ, путанно объясняя, какъ онъ навелъ полицію на ея слѣдъ. Жестокій пинокъ ногой заставилъ его подпрыгнуть, и онъ очутился у стѣны, нервно закрывая себѣ лицо то одной, то другой рукой. Грязное лицо смѣшно и ужасно раздулось, а тяжелыя слезы проводили по немъ черныя широкія борозды.

— Ну, что жъ ты раздумываешь, Ларамэ?—грубо закричалъ Риго.

Онъ, дѣйствительно, раздумывалъ и съ остановившимся сердцемъ и съ презрительной жалостью глядѣлъ на эту

синебагровую, почти кровавую маску, съ гнусно молящими глазами. Ему показалось, что во взорѣ Евы онъ уловилъ огорченіе, и это въ особенности удерживало его. Она, счастливая его колебаніемъ, съ нѣжностью смотрѣла на него издали.

— Да ну-же!—кричали товарищи.— Развѣ ты не мужчина?

— Ты былъ бы величайшимъ трусомъ,—грубо заявилъ Риго.

Тогда онъ поднялъ руку и ударилъ слабо, но громко.

— Надо еще разъ! Такой ударъ насмѣшка надъ всѣми.

— Я больше не буду,—отвѣчалъ маленькій человѣкъ.— Не въ силѣ дѣло, ему можно было бы просто надавать пинковъ въ задъ ногами!

— Ладно, ладно,—сказалъ какой-то старикъ,— пусть продолжаютъ.

Послѣдніе, все болѣе и болѣе проникаясь злобой, методически подходили и опускали свои длани на жалкія щеки Тернана.

Ева, ослабѣвшая отъ состраданія, отвернулась, уговаривая и повторяя себѣ, однако, что по гнусности преступленія это наказаніе еще слишкомъ мягко.

Оставались еще только Равьеръ и Малико. Когда двинулся отецъ, Ева закрыла лицо руками. Союзникъ, нѣсколько поблѣднѣвшій и униженный такимъ дѣломъ, нанесъ медленный ударъ.

— Твоя очередь, Малико.

— Я бить не буду,—отвѣчалъ мрачный человѣкъ.

— Какъ не будешь бить!—заоралъ Риго.—Почему это? Ты смѣешься надъ народомъ?

Малико плюнулъ съ негодованіемъ и, глядя прямо въ лицо огромному мускулистому дикарю, сказалъ:

— Ни надъ кѣмъ я не смѣюсь... Я хочу только сказать... сказать вотъ что... если я захочу примѣнить свою энергію... то не буду тратить ее на оплеухи шпіонамъ... я угощу ихъ пулей!..

— Ты дуришь!—сказалъ Риго.

— Вотъ увидишь!

Лицо его было такое жестокое и упрямое, что даже Риго стало не по себѣ. Но въ это время гражданинъ-дипломатъ, закричалъ Евѣ:

— А, гражданка! Ты развѣ не выполнишь своего долга?

— Это не входитъ въ роль женщины!—отвѣчала выпрямившись и съ негодованіемъ Ева.

— Почему же, гражданка? Развѣ у насъ у всѣхъ не одинаковыя обязанности?

Товарищи прервали добросовѣстнаго друга справедли-

вости, а Тернанъ стоялъ неподвижный, оглушенный жестокостью наказанія.

— Ну что, всѣ?—спросилъ Риго.

— Всѣ!—отвѣтили остальные.

— Такъ удирай, мерзавецъ!

Тотъ, одурѣлый, съ минуту ничего не понималъ, потомъ, поднявшись, двинулся къ двери, какъ раздавленный, еще весь подъ тяжестью страха. Но Риго здоровенными пинками сапогъ заставилъ его поторопиться, и, слѣдуя за нимъ по корридору, такъ подогналъ его, что Тернанъ пустился галопомъ и, сопровождаемый гиканьемъ, стрѣлою пролетѣлъ кабакъ.

— Если бы ихъ всѣхъ вотъ такъ отдѣлать,—заявилъ кто-то изъ товарищей,—то къ концу года ни одного шпіона не осталось бы среди насъ.

— Онъ отомститъ!—сказалъ одинъ разсудительный человѣкъ.

Робкіе грустно переглядывались, но другіе кричали, ораторствовали. Снова поднялась энергичная революціонная парижская ненависть противъ полиціи, отвращеніе собаки къ кошкѣ, упорное предубѣжденіе, созданное гнусностями Имперіи. Пошли разсказы объ ужасныхъ исторіяхъ, говорили о рѣзнѣ, о похищеніяхъ, о невѣроятномъ шпіонствѣ, о какой-то Большой книгѣ, куда шпіоны вписываютъ исторію каждаго, даже наиболѣе скромнаго гражданина. Шайю передавалъ объ изнасилованіи одной женщины агентами, другой—о молодыхъ дѣвушкахъ, отдававшихся подъ вліяніемъ угрозъ и страха, или для спасенія отца или любовника, а бретонецъ зналъ безчисленную массу фактовъ вымогательства денегъ за освобожденіе изъ-подъ ареста у бѣдняковъ, тогда какъ они были совершенно невинны.

И мало-по-малу гнѣвъ обезображивалъ нервныя лица, рѣзкое стремленіе къ мести, желаніе страшной борьбы, гдѣ полицейскіе будутъ лежать на мостовой подъ ихъ ногами, а всѣ шпіоны будутъ выброшены въ Сену.

Граждане, по-двое, по-трое стали расходиться.

— Бѣжимъ-ка и мы, Ева,—обратился Равьеръ къ дочери.

Старикъ пошелъ съ ними, а Ларамэ, послѣ нѣкотораго колебанія, въ припадкѣ внезапной храбрости, тоже рѣшилъ присоединиться къ компаніи. Возбужденные предыдущей сценой, трое мужчинъ, идя вдоль бульваровъ, все продолжали вести теоретическій споръ. Шайю не признавалъ никакихъ заслугъ за человѣкомъ идеи или за изобрѣтателемъ. По его мнѣнію, все, что являлось продуктомъ соціальнаго строя, будь то теорія или машина, не имѣло права на какія бы то ни было привилегіи. Честь и удовольствіе отъ

сознанія, что ты полезенъ своимъ ближнимъ, создаетъ уже достаточную награду, и онъ лично не согласился бы на освобожденіе отъ труда и матеріальное вознагражденіе кого бы то ни было. Получая пропорціонально своимъ нуждамъ и, считая, что ручной трудъ является единственной ходячей мѣрой цѣнности, всѣ вмѣстѣ создадутъ огромное число часовъ одинаковой работы.

Эта точка зрѣнія жестоко оскорбляла Еву и Ларамэ. Маленькій человѣчекъ, выйдя изъ обычнаго равнодушія выпаливалъ свое мнѣніе, сопровождая рѣчь быстрыми жестами, съ глазами, полными оживленія.—Чортъ возьми!—кричалъ онъ.—Человѣкъ, способный придумать машину, написать хорошую книгу или шутливую пѣсенку долженъ быть вознагражденъ совершенно иначе, чѣмъ рабочій, размѣшивающій известку.

— Въ такомъ случаѣ, ты не изъ рабочей партіи!—вскричалъ Шайю.—Какъ только ты станешь дѣлать это различіе, борьба классовъ возобновится на другой же день послѣ революціи. Я хочу, чтобы главная честь выпала на долю черныхъ рукъ и мозолистыхъ пальцевъ. Если я допущу, чтобы аристократишки чистую работу присвоили только себѣ... захватили бы мѣста... принципъ... принципъ... Я утверждаю, что трудъ вскорѣ перестанетъ почитаться, а мозолистыя руки очутятся въ пренебреженіи.

— Да вѣдь мозговая работа, это тоже трудъ!—вскричала Ева:—изобрѣтатели и писатели будутъ вѣдь работниками Что изъ того, что они не работаютъ руками, но они все же работаютъ!

— Это очень важно, очень важно, гражданка. Они будутъ презирать ручной трудъ, а этого больше не должно быть. Это уже извѣстно! Называя себя рабочими мысли, этимъ мало-по-малу они вырываютъ пропасть между собой и остальными, отдѣляются отъ нихъ, плюютъ на бѣдныхъ рабочихъ, соединяются между собой, чтобы обманывать народъ... чтобы... говорить намъ красивыя слова, что мы слишкомъ глупы, чтобы все понимать, и опять появляется раздѣленіе на классы. А такъ какъ вы изъ партіи, то не должны этого желать.

— Но, чудакъ!—вскричалъ Ларамэ,—это не будутъ классы, это будутъ благодѣтели!

— Благодѣтели! что ты говоришь? Мы слишкомъ горды, чтобы имѣть благодѣтелей! У каждаго должна быть своя обязанность, вотъ все, чего мы добиваемся. Ни благодѣтелей, ни привилегій! Безъ благодѣтелей! Прочь!

— Ты, значитъ, отрицаешь умственный трудъ?—спросилъ Равьеръ.

— Отрицаю?.. Нисколько, Наоборотъ! Я логиченъ прежде всего. Общій уставъ для всѣхъ, вотъ нашъ принципъ.

— Конечно, но...

— Никакихъ но, никакихъ. Выслушай хорошенько! Я хочу вотъ чего... чтобы всѣ сообща отработывали свои опредѣленные часы работы, всѣ! Это прежде всего!.. Послѣ этого желающіе учиться и заниматься работой мысли, пусть ихъ, они свободны! Они совершенно свободны. Ихъ, слѣдовательно, по справедливости ничѣмъ обдѣлить не могутъ. И если они откроютъ что нибудь, тѣмъ лучше для всѣхъ, тѣмъ лучше для нихъ самихъ. Общество будетъ пользоваться ихъ открытіемъ, а они будутъ имѣть удовольствіе отъ сознанія, что кое что сдѣлали для всѣхъ, и что товарищи за это имъ благодарны. Развѣ это несправедиво, скажите сами? должны ли они требовать большаго?

— Но вѣдь люди, утомленные работой, не могутъ такъ легко придумать что нибудь, какъ тѣ, у кого все время отдано только этому!—вскричалъ Ларамэ.

— Очень естественно,—замѣтилъ Равьеръ.

— Обожди минутку, старушенція!—хитро отвѣтилъ Шайю приставивъ палецъ къ носу.—Во первыхъ, будущее общество, соціализируя капиталъ, уменьшитъ для всѣхъ количество труда... хотя какой-то зубоскалъ сказалъ, что въ концѣ концовъ, трудъ сведется къ тому, что придется только слегка подливать масла въ колеса, а все будетъ дѣлаться само собой; но это брехня... Слѣдовательно, усталость вовсе не будетъ такъ велика, будетъ просто нѣчто вродѣ гимнастики... скорѣе полезной, чѣмъ вредной для мысли. Хе? что ты на это скажешь?

Они остановились посрединѣ между двумя фонарями, третій освѣщалъ ихъ лица съ другой стороны улицы. Со своимъ ненормальнымъ туловищемъ на трясущихся ногахъ Шайю представлялъ каррикатуру изъ англійскаго журнала, тогда какъ Равьеръ, съ тяжело посаженной прямо на плечи, почти безъ шеи, головой, съ прозрачными глазами и массивнымъ тѣломъ, походилъ на носильщика изъ южныхъ портовъ. Рядомъ съ ними Ева казалась какъ бы символомъ современной граціи, а маленькій Ларамэ, въ видѣ изящнаго рабочаго, въ хорошемъ свѣжемъ пальто, въ шляпѣ съ небольшими полями, являлся типомъ сѣвера.

— Что я на это скажу?—вскричалъ Равьеръ.

И медленно, нанизывая фразы, съ сильнымъ желаніемъ быть какъ можно яснѣе, онъ сказалъ:

— Ты не совсѣмъ точно себѣ все представляешь... Прежде всего намъ не удастся сразу сократить работу, сократить

ее въ достаточной степени для того, чтобъ она являлась простой гимнасткой, какъ ты говоришь. Чтобы этого скорѣй достигнуть, намъ понадобятся... намъ прежде всего понадобятся тѣ люди съ головой, которыхъ вы... которыхъ вы швыряете въ мастерскую... и когда эти люди достигнутъ того, что сведутъ трудъ до такихъ пустяковъ... тогда не зачѣмъ будетъ и спорить объ этомъ.. Но именно благодаря имъ, мы добьемся этого, поэтому-то мы и должны освобождать тѣхъ, кто окажется способнымъ на... нѣтъ, не прерывайте меня... нѣтъ, да выслушайте же! по этой то причинѣ мы и должны выбирать по конкурсу людей для умственнаго труда, и они будутъ такими же работниками, какъ и остальные.

— Моя идея!—вскричалъ Ларамэ.—Да, моя мысль. Слишкомъ глупо не желать имѣть въ своей средѣ образованныхъ людей для умственнаго труда.

Ева спокойно смотрѣла на маленькаго человѣчка, довольная, что видитъ его такимъ возбужденнымъ любовью къ людямъ мысли, не такимъ безучастнымъ и потому, милѣе, съ наивнымъ, яркимъ пламенемъ въ глазахъ. Но старикъ, нѣсколько озадаченный, разразился гнѣвомъ сектанта рабочей партіи, партіи мозолистыхъ рукъ, противъ другихъ соціалистическихъ группъ.

— Если ты проповѣдуешь такія вещи, то ты не партійный человѣкъ, — замѣтилъ онъ съ горечью. — Ты можешь идти за такими бездѣльниками, какъ Гедъ и даже Лиссагаре.

— Я человѣкъ партіи!—строго отвѣчалъ Равьеръ,—и это не мѣшаетъ мнѣ уважать Геда, слышишь ты!.. Если я слѣдовалъ за поссибилистами до момента, когда расколъ сталъ неизбѣжнымъ... я не слѣпой сторонникъ всякой доктрины нашихъ вожаковъ. Нѣтъ, только не это!.. Группироваться вокругъ рабочихъ главарей... теперь... въ ожиданіи... я готовъ. Но почему? Потому что пропорція рабочихъ главарей по отношенію къ другимъ очень слаба.. Но въ тотъ день, когда наступитъ равновѣсіе... конечно, я не буду такимъ ревностнымъ сторонникомъ партіи.. я нахожу нелѣпымъ не соглашаться на жертвы въ пользу революціи, и мнѣ незачѣмъ знать, съ какой стороны онѣ исходятъ!.. Лишь бы мы всѣ сходились на соціализаціи капитала.. Это самое главное!

— А, это самое главное!.. самое главное! — ворчалъ старикъ.—Таковъ-то твой фундаментъ!.. Ну, а эти пресловутыя жертвы... ты развѣ не знаешь, куда онѣ ведутъ, не видѣлъ ты предателей... и всякія подлости, проваливающія наши предпріятія? Эти прекрасные господа или сами буржуа, или сыновья буржуа... они обучались на деньги буржуа... И ты хочешь, чтобы они намъ были вѣрны? При первомъ же случаѣ они покажутъ намъ спины... какъ всегда... чтобы лизать

пятки правительству... милліонерамъ. Они преданные, чортъ побери! Будетъ тебѣ! Въ ихъ костяхъ мозгъ ихъ класса... происхожденіе, это не излѣчивается... это зараза... Только рабочіе поймутъ наши нужды и наши несчастья... только рабочіе могутъ раздобыть для насъ что-нибудь... люди, раздѣлившіе наши страданія... какъ и мы, побывавшіе въ самой гущѣ жизни... Остальные... оппортунисты революціи... маленькіе Жюли Ферри, маленькіе переодѣтые Гамбетты! Вотъ что! и это моё убѣжденіе... и оно не находится въ противорѣчіи съ истинной соціальной политикой!

— Понятно! тебѣ незачѣмъ намъ это и повторять... довольно ужъ намъ объ этомъ твердили... и программа съ каждымъ днемъ становится все болѣе рабочей. Но интеллигенція...

— Да развѣ среди рабочихъ не столько же интеллигенціи, сколько среди буржуа?

— Я не говорю нѣтъ... наоборотъ!.. и ты, старина, это хорошо знаешь! Я говорю только, что въ теченіе тридцати лѣтъ рабочіе точно такъ же намъ измѣняли, какъ и остальные... мнѣ нечего называть имена... ты ихъ знаешь отлично, да, такъ же, какъ и я. Часто даже тотъ, кто получалъ только обглоданныя черныя корки и брань, очутившись среди буржуа, преисполнялся гордости... когда буржуа протягивалъ ему руку... онъ не могъ устоять противъ этого... онъ находилъ, что они очень милы, и вступалъ съ ними въ союзъ! Ты не можешь отрицать этого! Я отлично знаю, что говорю! Если хочешь знать мое настоящее мнѣніе, такъ я тебѣ скажу: самые свободные и самые вѣрные чаще всего тѣ, что слывутъ среди насъ подъ кличкой буржуа... о, я не говорю о толпѣ... но среди вожаковъ!

— Это ложь!.. Я тебѣ запрещаю...

— Пссс!.. нѣтъ, да выслушай меня!.. Я не шучу... Голодную собаку можно поймать кускомъ печенки... такъ безусловно и съ рабочими кандидатурами.

— Какъ! съ людьми, какъ Шаберъ, Жоффренъ, какъ Клеманъ!

— Да вѣдь я о нихъ ничего худого не говорю, наоборотъ... Но это скорѣе исключенія! Это не то!.. И вотъ къ чему ты придешь въ концѣ концовъ... къ тому, что даже въ ремеслахъ... слышишь, въ ремеслахъ... ты найдешь огромныя различія... ты не можешь сравнивать каменщика съ часовщикомъ, или писателемъ... землекопа съ искуснымъ механикомъ. Ха, видишь, до чего можно дойти съ этой чепухой о мозолистыхъ рукахъ. Вмѣсто одного класса у тебя ихъ будетъ сто, да, сто... и потасовки съ утра до вечера!.. Нѣтъ, надо смотрѣть шире... надо устранить только капиталистовъ, стригущихъ бѣдняка, а отнюдь не живущихъ личнымъ тру-

домъ и не представляющихъ собою торговцевъ бѣлыми рабами... Изгнать тѣхъ, кто, насчетъ пониженія платы у сотни голодныхъ, посылаетъ своихъ содержанокъ на курорты... прибавляетъ лишнее украшеніе на своей дачѣ... или даритъ брилліанты своей любовницѣ!

Сквозь разсѣянныя тучи прорывался мѣстами трепетный свѣтъ луны, освѣщавшій высокія деревья бульвара. Тихія блѣдныя аллеи казались безжизненными съ своими различной величины домами,съ каменными оградами садовъ, убѣгавшими вдаль и терявшимися въ полутьмѣ. Шайю впалъ въ сильный гнѣвъ, и съ устъ его срывались непонятныя, глухія слова, съ трудомъ выражавшія его мысли.

— Ты говоришь глупости!.. да, мнѣ это досадно!.. Принципы партіи справедливы... мы побѣдимъ только благодаря рабочимъ... сыновья буржуа не могутъ понять... если бы даже и хотѣли... они не могутъ!.. надо вмѣстѣ не мало соли съѣсть... пусть они составятъ свою партію... рядомъ съ радикалами, а насъ пусть оставятъ въ покоѣ! Мы же должны идти плечо въ плечо... борьба классовъ... ничего больше, какъ борьба классовъ!.. и всѣ, стремящіеся къ другому, опасны для народа!

Равьеръ медленно пожалъ плечами.

— Значитъ, я опасенъ для народа?—сказалъ онъ, ударивъ себя въ грудь.—Я!

— Да, ты!.. Но ты измѣнишь свои убѣжденія... Это невозможно...

— Никогда не измѣню!

— И ты состоишь въ партіи!.. ну, это ужъ слишкомъ!

— Состою въ партіи.. Потому что иногда не мѣшаетъ подтянуться... дѣйствовать въ порядкѣ, въ дисциплинѣ, но повторяю тебѣ... когда среди насъ появится достаточное количество рабочихъ лидеровъ... тогда...

— Тогда ты намъ измѣнишь?

— Слушай, Шайю... если бы это былъ не ты!.. Надо быть дуракомъ, чтобы сказать это старому солдату Коммуны!

— Я говорю тебѣ это... потому что это мой долгъ!

— Значитъ, твой долгъ валять дурака. Да, дурака! Брань за брань...

— Ну, спокойной ночи... увидимъ потомъ, кто дурака валяетъ... увидимъ!..

— Увидимъ!

И онъ направился вдоль бульваровъ, унося свою колеблющуюся и смѣшную фигуру, вѣчную мишень для насмѣшекъ уличныхъ оборванцевъ.

— Онъ не глупо говоритъ,—замѣтилъ Ларамэ.

— Да, что!—отвѣчалъ Равьеръ, — въ концѣ концовъ это

принципъ Брусса и партіи... по крайней мѣрѣ, принципъ рабочихъ кандидатуръ... потому что, собственно, по вопросу о томъ, является ли умственный трудъ трудомъ особымъ, его мнѣніе, къ счастью, является чисто личнымъ... Хотя есть не мало дураковъ, съ нимъ согласныхъ... Ева, я иду къ Северену... не хочешь повидать его, бѣднаго старика?

— Я ему кое-что понесу завтра, завтра пойду.

— Хорошо... Уже одиннадцатый часъ, знаешь!

Ларамэ благоразумно пожелалъ имъ спокойной ночи и спустился къ городу. Равьеръ и Ева разстались близъ улицы Сенъ-Жакъ: онъ по Поръ-Рояль пошелъ дальше, а она вернулась на улицу Данферъ-Рошро.

Она шла впередъ медленными шагами, рѣшивъ быть столь же медленной, столь же неопредѣленной, какъ поднимающійся туманъ на хлѣбномъ полѣ. Въ послѣдніе годы она часто видѣла себя во снѣ, точно тѣло ея, сдѣлавшись невѣсомымъ, плавало въ эфирѣ надъ разсѣлинами горъ, надъ дѣвственными вершинами скалъ, надъ колокольнями и шпилями храмовъ, и въ эту минуту она испытывала знакомое ощущеніе такъ же ясно, какъ и во снѣ. Все ее окружающее нѣжно тѣснило и сжимало ее, приводило въ восторгъ; она вся пропитана была влюбленностью, находившей отзвукъ въ ея умѣ и мысляхъ.

Она остановилась съ легкимъ сердцебіеніемъ, спрашивая себя, дѣйствительно ли она любитъ маленькаго человѣчка. Почему же нѣтъ? Онъ былъ логиченъ и энергично защищалъ свои идеи. Потомъ она улыбнулась. О! нѣтъ, не такъ скоро. Онъ ей больше нравился, вотъ и все!

Безконечная кротость была разлита надъ Парижемъ. Нѣжная и молчаливая борьба облаковъ собрала ихъ, наконецъ, на лунѣ, и свѣтъ ея пробивался сквозь нихъ, придавая сѣроватый оттѣнокъ всему вокругъ. Трамвай мелькнулъ своимъ краснымъ глазомъ и на минуту оживилъ улицу громыханіемъ колесъ и цѣпей; потомъ опять наступила пустынная тишина. Ева продолжала свой путь. Платаны, съ ободранной корой блѣдносѣраго цвѣта, протягивали свои сучья, а колючіе плоды на голыхъ вѣтвяхъ казались свернувшимися въ клубокъ, окоченѣвшими маленькими птичками. Надъ платанами выступала длинная синеватая стѣна, окружавшая садъ съ высокими распускающимися деревьями. И вдругъ, среди скученныхъ облаковъ, блеснулъ мѣдно-желтый дискъ луны; стѣна окончилась, и начался рядъ домовъ.

Это были удобныя жилища, не достигавшія отвратитель-

ной высоты парижскихъ построекъ: кроткое освѣщеніе комнатъ, висящая на мѣдныхъ цѣпяхъ небольшая лампа, съ просвѣчивающимъ абажуромъ, подмѣченныя случайно интимныя сцены трогали Езу до глубины души и претворялись въ ней въ высшее блаженство, какое только возможно въ жизни.

И, наивно пользуясь своимъ положеніемъ, она иногда заглядывала въ какое-нибудь окно, удивляясь необыкновенному очарованію, вѣявшему ото всего въ этотъ вечеръ. Но она вздрогнула, и ей стало немного страшно: кто-то приближался къ ней. Она оглянулась.

Въ лунномъ свѣтѣ, вновь затемненномъ надвинувшимися облаками, она увидѣла маленькаго Ларамэ, быстро и осторожно подошедшаго къ ней. Ева почувствовала негодованіе отъ такой дерзости,—однако, улыбнулась. Она не измѣнила походки, заставила его догнать себя, и холодно выслушивала ласковыя слова Ларамэ.

— Каково!.. Вы пошли этой дорогой... Я думалъ, что вы пройдете улицей Сенъ-Жакъ!

Слыша дрожаніе его голоса, робкіе шаги рядомъ съ ней, Ева стала болѣе милостивой и отвѣчала:

— Нѣтъ, такъ ближе.

Робость мѣшала ему выбрать предметъ разговора, и Ларамэ снова принялся за соціализмъ. Свѣжіе голоса молодыхъ людей пріятно звучали въ спящей улицѣ. Ева развивала идеи Равьера объ организаціи милиціонной арміи на случай защиты отъ тиранновъ, если бы коллективизмъ Франціи опередилъ коллективизмъ Германіи.

— Мой отецъ увѣренъ, что побѣдитъ Франція... если нападеніе будетъ сдѣлано на нее... если она будетъ права!.. Только потому, что французскій солдатъ думалъ, что онъ не правъ, мы и были разбиты въ 1870 году.

— Моя мысль — отвѣчалъ маленькій человѣкъ. — Вашъ отецъ, гражданка, умнѣйшая голова!

Что-то невыразимо нѣжное пробивалось въ ихъ существахъ сквозь соціальныя настроенія и примѣшивалось къ словамъ ихъ бесѣды. Но вотъ показался Левъ. Скрытая тучами луна бросала слабый отблескъ на огромную статую. Коллоссальная фигура, сидящая на заднихъ лапахъ, на своемъ высокомъ пьедесталѣ, по вечерамъ всегда тревожила Еву. Она представлялась ей воплощеніемъ тайной горячей мести, страстнаго патріотическаго гнѣва, и весь теоретическій космополитизмъ группы, къ которой она принадлежала, не могъ заглушить въ ней этого чувства.

Оба молча остановились передъ памятникомъ, а шесть бульваровъ, погруженные въ темноту, убѣгали передъ ними,

какъ горное ущелье, изрѣдка освѣщенные вдали огнями кабаковъ и пересѣкаемые смутными силуэтами людей и экипажей.

Ларамэ непремѣнно хотѣлъ сказать что-нибудь любезное и перебиралъ въ умѣ подходящія фразы, но вслѣдствіе страха, внушаемаго ему Евой всѣ онѣ казались ему незначительными. А она въ восторгѣ отъ сознанія уваженія, оказываемаго ей ея спутникомъ, все еще подъ вліяніемъ идилліи, опять начала разговоръ.

Ларамэ продолжалъ мысленно сочинять фразы, считая, что будетъ феноменальнымъ дуракомъ, если не сумѣетъ выжать изъ себя ни одного, хотя бы ничтожнаго комплимента до того, какъ они разойдутся. Къ несчастью, для него это становилось все менѣе и менѣе возможно; они отошли отъ Льва, прошли мосты и улицы и углубились въ улицу Орлеановъ.

— Гражданка,—сказалъ Ларамэ.

Онъ, застыдившись, остановился. Она взглянула на него. Наконецъ, онъ съ большимъ усиліемъ произнесъ:

— Вы, всетаки, необыкновенно образованы.

— Вы находите?

— Право!

Онъ былъ такъ милъ съ своими покраснѣвшими отъ волненія щеками, что Ева нашла эту маленькую лесть очаровательной. Она тихо подняла голову, думая, что жизнь не дурна. Мимо шли рѣдкіе прохожіе, порою проносилась конка, ярко освѣщенная и почти пустая въ этотъ часъ. Луна въ эту минуту окончательно восторжествовала и поднялась надъ самымъ соборомъ. Сквозь разорванныя облака робко мерцали звѣзды. Линія домовъ, кружевной профиль деревьевъ, соборъ, трубы, торчавшія, какъ маленькія крѣпостцы, мостовая, протянувшаяся вдаль, какъ неподвижный каналъ,—все это заставляло молодыхъ людей забыть о позднемъ часѣ, и они безостановочно ходили взадъ и впередъ отъ церкви къ почтовому отдѣленію.

— Спокойной ночи,—сказала, наконецъ, Ева.

Онъ хотѣлъ спросить, увидитъ ли ее опять. Но не посмѣлъ и, когда дѣвушка исчезла за поворотомъ улицы, онъ съ комическимъ и грустнымъ жестомъ пробормоталъ:

— Она должна считать меня дуракомъ... Какъ я глупъ!

VI.

Первые десять дней марта были очаровательны. Едва струящійся, почти неподвижный воздухъ нѣжно окутывалъ Парижъ подъ его безоблачнымъ голубымъ небомъ. Возбужденіе и легкое и пріятное головокруженіе выгнало на улицу мужчинъ, наполнило садъ толпами дѣтей, а женщинъ привело къ весеннимъ выставкамъ пестрыхъ туалетовъ. Но это продолжалось не долго. Вдругъ подулъ сухой рѣзкій вѣтеръ, поднявшій кучи пыли, сѣя болѣзни среди людей, и они съ мрачнымъ видомъ, усталые, обезсиленные, со страхомъ ждали возвращающагося холода. Небо подернулось сѣрыми тучками и пропускало лишь мертвенный, блѣдный свѣтъ, какъ въ склепѣ. Падали мелкія капли дождя, и однажды вечеромъ явилась гололедица, быстро смѣнившаяся туманомъ. Когда туманъ поднялся кверху, въ небѣ появилось солнце, нерѣшительное, блѣдное, въ теченіе двухъ дней боровшееся съ облаками.

Въ эти лихорадочные дни равноденствія идиллія Евы и Ларамэ сильно развилась. Они видѣлись почти каждый вечеръ, и возрастающій инстинктъ ослаблялъ пассивность молодого человѣка въ глазахъ молодой дѣвушки; иллюзія ослѣпляла ее. Къ тому же онъ велъ себя съ ней съ рѣдкой деликатностью, никогда не позволялъ себѣ грубыхъ выходокъ, какъ въ тотъ первый вечеръ, и, при отсутствіи опасеній, Ева нѣсколько болѣе довѣрилась ему въ своей влюбленности. Онъ также покорился судьбѣ, заполоненный, неспособный разсуждать, отдавшись своей любви, не въ силахъ сопротивляться, какъ затерявшаяся въ океанѣ щепка.

Разъ послѣ обѣда, когда наступила оттепель, Ева возвращалась домой. Накрапывалъ дождь; она шла пѣшкомъ, презирая омнибусъ, не обращая ни на что вниманія, думая о пріятныхъ для себя вещахъ, въ особенности о Ларамэ. Трепетный голосъ заставилъ ее вздрогнуть.

— Здравствуйте, гражданка!

— Вы шли за мной!—вскричала она съ упрекомъ.

— Да,—отвѣчалъ онъ чистосердечно, глядя ей въ глаза.

Это доставило ей удовольствіе. Они прошли мимо Люксембурга и машинально завернули въ скверъ. Въ саду не было ни дѣтей, ни обычныхъ въ этотъ часъ посѣтителей. Подъ правильно расположенными рядами темныхъ каштановъ царила торжественная тишина прошедшихъ временъ. Рѣдкія птицы перепархивали съ дерева на дерево; прохожіе

двигались безъ шума, какъ тѣни въ темной комнатѣ; какой-то приказчикъ сидѣлъ на скамейкѣ и читалъ газету, неподвижный, какъ статуи, украшавшія скверъ.

Между тѣмъ блѣдное солнце садилось, посылая послѣдніе лучи; какой-то солдатъ тихо бродилъ вокругъ бассейна; къ Евѣ и Ларамэ безпрерывно подлетали воробьи, выпрашивая подачку. Гдѣ-то, жалобно, точно на деревенской колокольнѣ, пробило два часа. Отдаленныя перспективы отливали рыжими и синеватыми тонами, а куполы Обсерваторіи смутно вырисовывались на небѣ, бѣломъ, какъ бумага.

Ева и Ларамэ, молча отошли, объятые одинаковымъ очарованіемъ, болѣе живымъ, однако, чѣмъ въ первый разъ передъ этимъ самымъ садомъ. Молодой человѣкъ былъ блѣденъ, опьяненъ нѣжной меланхоліей, но никогда кровь не кипѣла сильнѣе въ его жилахъ. Онъ вновь пережилъ эти три недѣли, со множествомъ воспоминаній, ощущеній, казавшихся ему, въ концѣ концовъ, всей его жизнью; онъ изумлялся, какъ могло такъ много произойти въ столь короткое время.

Вдругъ онъ остановился и, заложивъ руки за спину, съ томнымъ выраженіемъ лица, вперилъ взоръ въ перспективу каштановыхъ деревьевъ. Она также остановилась, и оба почувствовали, что настоящее мгновенье очень важно для всей ихъ жизни.

Мало-по-малу его охватила дрожь; онъ сжалъ челюсти, какъ человѣкъ, испытывающій сильный страхъ, и не осмѣливался взглянуть на нее. Но рѣшеніе его окрѣпло; отчаянный вопль души потрясъ все его тѣло, и онъ заставилъ себя склониться передъ дѣвушкой и сложить свою судьбу къ ея ногамъ.

И, вперивъ въ нее свои испуганные, кроткіе глаза, онъ произнесъ:

— Гражданка Ева... Я долженъ поговорить съ вами серьезно...

Онъ попытался улыбнуться, но безуспѣшно.

— Гражданка Ева... выслушайте, безъ шутокъ... Я не могу больше жить безъ васъ... конечно, я не стою такой какъ вы... но я честный человѣкъ... Хотите имѣть меня спутникомъ на всю жизнь?

Она, колеблясь, суровая и почти оскорбленная, молчала. Потомъ предложеніе показалось ей очень милымъ, смягило ее, и она, нѣсколько склонившись, съ блѣднымъ лицомъ, въ усталой и огорченной позѣ, нервно теребила свои манжеты. Онъ ждалъ, съ смутнымъ желаніемъ бѣжать,—такимъ глупымъ казался ему его видъ.

— Благодарю васъ, — сказала она. — Ваше предложеніе

мнѣ льститъ... но я не думала еще объ этомъ... Я должна подумать.

— Конечно,—отвѣчалъ юноша.

Молча, слегка смущенные, они продолжали свою прогулку. Близость предыдущихъ дней исчезла, но что-то плѣнительное зародилось въ ихъ сердцахъ, какое-то неясное желаніе поскорѣе, въ одиночествѣ, разобраться въ этомъ необыкновенно сладостномъ чувствѣ. И передъ огромнымъ Львомъ обороны, грозно задумавшимся въ послѣднихъ пурпурныхъ лучахъ заходящаго солнца, они робко пожали другъ другу руки и разстались.

VII.

Каждый вечеръ, возвращаясь домой, Ева испытывала легкую тревогу при мысли, что отецъ могъ уже вернуться и ждать ее. Хотя она считала себя совершенно свободной, она все же боялась огорчить Равьера, ибо старый революціонеръ обладалъ безконечно впечатлительной душой; жена и дочь обожали его за его кротость, откровенность и нѣжное терпѣніе. Свою непреклонную волю онъ обнаруживалъ только въ исключительныя минуты.

Со смерти матери нѣжность Евы къ несчастному отцу, еще усилилась и проявлялась въ постоянномъ стараніи ему нравиться. И, хотя Равьеръ не возвращался отъ Северена раньше полуночи, Ева, для большей увѣренности, разставалась съ Ларамэ въ одиннадцать часовъ.

Разъ въ четвергъ она поднималась къ себѣ, по обыкновенію, въ большой тревогѣ. На площадкѣ шестого этажа она остановилась и прислушалась. Сквозь узкое окно въ крышѣ свѣтила полная луна, роскошно освѣщая стѣны, перила и изношенныя красныя плиты пола. Она не уловила ни малѣйшаго шума. Очевидно, отецъ былъ еще у стараго товарища. Она всунула ключъ въ замокъ съ невольнымъ холодомъ въ спинѣ, вошла и, вся побѣлѣвъ, остановилась: въ рабочей комнатѣ горѣла свѣча, бросая сильный, дрожащій свѣтъ. Набравшись храбрости, она все-же вошла.

— Добрый вечеръ,—сказала она.

— Ты откуда?

Отецъ сидѣлъ за какой-то работой; его огромная умная голова, съ прямыми плоскими волосами, широкій свѣтлый лобъ, прищуренные упорные и пристальные глаза, упрямый подбородокъ, темно-багровое возбужденное и гнѣвное лицо — все сразу бросилось ей въ глаза.

— Ты откуда?—повторилъ онъ своимъ глубокимъ металлическимъ голосомъ.

— Я только что разсталась съ гражданиномъ Ларамэ,— отвѣчала она свободно и откровенно.

— А!—произнесъ онъ со вздохомъ.

Разсерженный, онъ на минуту умолкъ, сжавшись на своемъ низкомъ стулѣ, съ колѣнями, упиравшимися почти въ подбородокъ. Но вдругъ имъ овладѣлъ приступъ безумной ярости.

— Какъ ты смѣешь таскаться по вечерамъ съ мужчинами?—закричалъ онъ.

— Я свободна!—отвѣчала она.

— Свободна!

Ему хотѣлось крикнуть ей что-нибудь уничтожающее, что ее бы унизило, но онъ ничего не могъ найти и коротко засмѣялся своимъ громкимъ, напоминавшимъ колокольный звонъ, смѣхомъ. Обожая отца, она невыразимо страдала отъ этой ужасной вспышки, видя, какъ онъ жестоко страдаетъ, и, сердце ея рвалось къ нему навстрѣчу; она хотѣла обнять его. Но враждебная воля, расовое упрямство останавливали ее. И она стояла во весь ростъ, точно съ вызывающимъ видомъ, готовая вступить въ споръ. Передъ этой хрупкой дѣвственницей, въ ореолѣ красоты и граціи, освѣщенной мерцающимъ свѣтомъ свѣчи, Равьеръ сидѣлъ и думалъ, что всѣ мужчины должны желать ея; онъ пересталъ смѣяться, и призвавъ своего внутренняго кормчаго, свою могучую волю, сказалъ ей кротко:

— Ты еще слишкомъ молода, чтобъ быть свободной.

— Мнѣ девятнадцать лѣтъ!

— Это слишкомъ мало.

— Ты былъ другого мнѣнія недавно...

— Когда это?

— Не утверждалъ ли ты сотни разъ, что въ девятнадцать лѣтъ женщина должна быть свободна?

Тяжелая голова отца опустилась. Уже въ теченіе двухъ лѣтъ это было его мрачной заботой. Въ пустой, тяжелой жизни стараго разбитаго неудачами утописта, въ этой жизни горькаго опыта, гдѣ позади валялись заплеснѣвшіе обломки коммуны, ужасы Новой Каледоніи, гдѣ погибли надежды, увѣренность, упованіе на свѣтлое будущее, въ этой жизни Ева стала для него источникомъ радости, бодрой симфоніей покоя. Заставая ее каждый вечеръ дома, видя ея очаровательную прелесть, нѣжныя черты, столь различныя по типу отъ отца, этотъ удрученный человѣкъ испытывалъ гордое удовлетвореніе. И очарованный, онъ часами стоялъ передъ ней, повѣряя ей мысли, переполнявшія его мозгъ, говоря вѣчно объ одномъ и томъ же: о справедливости и возмездіи. И она съ самаго ранняго возраста все это впитала

въ себя настолько, что созвучіе убѣжденій, величіе сердца обоихъ дѣлало ихъ домашній очагъ безконечно милымъ.

Уже давно Равьеръ пересталъ приводить къ себѣ товарищей. Изрѣдка заходили два-три старика, и жестокая ярость поднималась въ его груди при мысли, что какой-нибудь негодяй, какая-нибудь обезьяна можетъ похитить у него дочь. И, онъ съ особой заботливостью избѣгалъ говорить о свободномъ бракѣ, какъ это дѣлалъ прежде, самъ женившись на наслѣдницѣ Господа Бога. Въ немъ жила и крѣпла страшная тревога. Онъ смотрѣлъ очень серьезно на соединеніе половъ, отыскивалъ аргументы, и если и не требовалъ законнаго брака, то, по крайней мѣрѣ, введенія закона о подборѣ, права отца и старшихъ наблюдать за частыми посѣщеніями молодыми людьми дѣвушекъ. И его смертельный страхъ былъ какъ бы расплатой за легкомысленныя рѣчи, за пренебреженіе теоретика къ утонченной стыдливости старой цивилизаціи.

— Послушай, — сказалъ онъ, — вѣрно, ты свободна... но надо, чтобъ тебя уважали.

Слова падали тяжело, какъ камни.

— Чтобъ меня уважали?

— Да... Вѣдь этотъ часъ для прогулокъ не годится...

— Почему?

Онъ сталъ кашлять, не зная, въ сущности, что сказать. Его прежнія рѣчи падали на его душу, какъ комья земли на засыпаемый гробъ.

— Скажи, Ева..—началъ онъ съ трогательной кротостью упрямца, ищущаго уступки,—сознайся, вѣдь это совсѣмъ неподходящій часъ!

— Но при чемъ часъ въ дурномъ или хорошемъ поступкѣ? Что справедливо утромъ, то и вечеромъ справедливо!

— Прежде всего, это причиняетъ мнѣ безпокойство,— сказалъ онъ.

Онъ попытался улыбнуться, но неудачно, и его большой ротъ скривился въ трагическую, страшную гримасу.

— А!—сказала она...—Это другое дѣло! Я буду приходить раньше, отецъ.

— Ну, хорошо.

Свѣча бросала вздрагивающій свѣтъ на стѣну съ висѣвшей на ней головой мавра и съ корсажемъ Евы въ углу. Лучи свѣта отражались въ стальныхъ ножницахъ, въ швейной машинѣ, въ шкафу, въ чашкѣ съ крахмаломъ, рядомъ съ флакономъ духовъ, придавая своимъ колеблющимся свѣтомъ всему своеобразную форму. Отецъ тупо смотрѣлъ на каменный полъ, гдѣ блестѣли два стекловидныхъ пятна, и

старался опредѣлить, что это такое. Оба не двигались, возбужденные, съ прерывистымъ дыханіемъ. Равьеръ въ особенности потерялъ равновѣсіе, испытывая страшный приливъ крови къ сердцу и шумъ въ лѣвомъ ухѣ.

Онъ всталъ и принялся ходить взадъ и впередъ. Несчастный задыхался, рыдалъ въ душѣ. Она будетъ приходить раньше! Это не то, Боже мой, не то! Жестокая дочь ошеломила его. Развѣ она не знаетъ, какъ онъ боится ее потерять! О! жестокая! жестокая!

Вдругъ онъ наклонился и поднялъ бѣлые кусочки, такъ притягивавшіе его вниманіе, и увидѣлъ, что это пуговица отъ рубашки, разбитая пополамъ. Онъ серьезно соединилъ оба обломка, увѣрился, что они точно подходятъ другъ къ другу; потомъ осмотрѣлъ подсвѣчникъ со всѣхъ сторонъ. Но, взглянувъ опять на Еву, увидѣвъ ея изящество, чудное лицо, безстрашные и кроткіе глаза, и все, чѣмъ такъ гордился, онъ глухо произнесъ:

— Слушай... ты сдѣлала дурной выборъ.

— Это касается только меня, отецъ!

Тогда ему показалось, что если бы маленькій Ларамэ былъ у него подъ рукой, онъ швырнулъ бы его съ шестого этажа на мостовую. Онъ сморщился, еще болѣе сощуривъ глаза и нѣсколько минутъ раскачивалъ свои короткія руки.

— Конечно, это касается только тебя... но, видишь ли... это, право, не та птица, какую, я разсчитывалъ, ты поймаешь.

— Онъ честенъ и добръ.

— Но мягокъ, какъ жвачка.

— Мягокъ!.. Неизвѣстно!

— Вѣрно, говорю тебѣ... И во мнѣ поворачивается вся кровь, когда я подумаю, что моя дочь достанется такому маленькому человѣчку.

— Ты аристократъ, нечего сказать!

Тяжелый подбородокъ задрожалъ, и отецъ вновь принялся шагать взадъ и впередъ въ унизительномъ сознаніи побѣжденнаго.

— Ты отдалась?—спросилъ онъ внезапно и грубо.

Она, устыдившись за него, сурово отвѣтила:

— Нѣтъ.

— Охъ!—вздохнулъ онъ тяжко.

И бѣдная душа его нѣсколько смягчилась.

— Уважай себя,—сказалъ онъ.—Такая какъ ты должна долго подумать прежде, чѣмъ сдѣлать выборъ...

— Не вмѣшивайся въ это!

Она горячо и жестоко оборвала его. Онъ согнулся отъ боли, но прибавилъ:

— Все равно... Такой слизнякъ!

— Ты несправедливъ.

— Нисколько... Я сужу безпристрастно.

— Я это слышу... Ты стучишь зубами!

Дѣйствительно, зубы у него стучали, его била лихорадка, и опять мало по малу гнѣвъ овладѣвалъ имъ. Тогда она вдругъ вздумала уступить; сердце ея разрывалось при видѣ страданій этого сильнаго человѣка, котораго она такъ любила; она подошла къ нему. Но было поздно: послѣдняя насмѣшка дочери глубоко оскорбила его, и во весь свой сильный голосъ онъ закричалъ:

— Ступай въ свою комнату!

Она вся похолодѣла и отодвинулась. Тяжело раскаиваясь, она заперлась у себя. Онъ остался на своемъ мѣстѣ, низко опустивъ голову. Въ его послѣдней надеждѣ появилась роковая трещина. Онъ заглянулъ въ себя, въ тѣснину своихъ воспоминаній, и его страшная судьба прошла передъ мрачнымъ волшебнымъ фонаремъ его памяти. Онъ долго сдерживался, крѣпко сжавъ свои могучія челюсти, но страданіе побѣдило. Ужасное хриплое рыданіе вырвалось изъ груди упрямаго человѣка.

— Жестокое дитя!.. жестокое дитя!

VIII.

Эта сцена нарушила идиллію. Неотступные упреки совѣсти вселились въ сердце Евы, и въ самыя лучшія минуты свиданій передъ ней вставалъ грустный домъ и суровый отецъ, отравляя все очарованіе. Она, впрочемъ, держала слово, не возвращалась позже десяти часовъ, къ великому огорченію Ларамэ; но это не смягчало Равьера. Угрюмый, отвернувъ свою громадную голову отъ дочери, онъ ѣлъ молча, говорилъ только необходимое, и его широкій подбородокъ сжимался, скрывая молчаливое упрямство. Она была непреклонна передъ сценами, приказаніями, передъ произволомъ, но величіе этого горя, справедливость отца, не желавшаго идти противъ исповѣдуемыхъ принциповъ, это удручало ее, наполняло безконечной скорбью. И въ ея дочерней нѣжности ее еще глубже волновало воспоминаніе о многихъ случаяхъ, когда Равьеръ былъ къ ней добръ и снисходителенъ.

Къ тому же Ларамэ сталъ менѣе робокъ, мало по малу сдѣлался развязнѣе, льстивые разговоры были полны намековъ, становившихся до такой степени прозрачными съ приближеніемъ весны, что Ева то и дѣло боялась какихъ

нибудь неприличныхъ выраженій. Тѣмъ не менѣе, своимъ строгимъ поведеніемъ она еще управляла имъ, держала въ повиновеніи. Но нѣжное прикосновеніе къ дѣвушкѣ опьяняло его, охватывало нетерпѣніемъ, онъ безпрестанно требовалъ отвѣта на свое предложеніе въ Люксембургѣ. Она все оттягивала, неспособная на окончательное рѣшеніе при мысли о горѣ Равьера, и иногда въ полномъ отчаяніи готова была все оборвать. Но привычка привязывала ее теперь къ маленькому человѣчку, и она находила, что отецъ несправедливъ въ своемъ сужденіи о немъ: она считала, что ея возлюбленный обладаетъ энергіей и даже логикой, но главное, каждый день она все больше и больше подпадала вліянію его внѣшняго очарованія и природнаго изящества.

Въ этомъ душевномъ противорѣчіи, между очарованіемъ возрастающей привязанности, видѣніемъ обѣтованной земли и недовѣрчивостью, усыпляя упреки совѣсти, Ева жила среди искусственныхъ условій, какъ сильное растеніе, хотя и истощенное вѣчной тѣнью, но способное приносить плоды въ невоздѣланной почвѣ. И она смотрѣла въ будущее съ неувѣренностью, съ ужасомъ къ грядущей судьбѣ, полная гнѣва противъ враждебныхъ силъ, порабощавшихъ ее, теряя власть надъ своей волей. Жестокая случайность разрубила узелъ.

Разъ вечеромъ, разставшись съ Ларамэ веселѣе обыкновеннаго, ей пришла въ голову шаловливая мысль пошпіонить за нимъ, и она потихоньку вернулась назадъ и повернула за уголъ, куда скрылся Ларамэ. Удивленіе ея было ужасно. Въ нѣсколькихъ метрахъ отъ нея, повернувшись къ ней спиной, стоялъ маленькій человѣчекъ рядомъ съ проституткой. Ева высунула впередъ голову и въ полосѣ свѣта увидѣла тучную женщину, съ трудомъ ковылявшую въ своихъ широкихъ ботинкахъ, въ сопровожденіи маленькаго человѣка.

— Ей по меньшей мѣрѣ сорокъ лѣтъ,—подумала молодая дѣвушка.

Она ушла, мало раздумывая надъ своими словами. Неужели это былъ грязный развратникъ? Онъ былъ слишкомъ развязенъ и совершенно правъ, сравнивая себя съ тѣми кошками, что бѣгали по крышамъ фармацевтической школы—онъ принадлежалъ къ ихъ породѣ!

— О, да! ей навѣрное сорокъ лѣтъ.

Она начала хохотать, потому что это дѣйствительно было смѣшно. Плетясь за толстухой, этотъ Ларамэ имѣлъ презабавный, шутовской видъ!

Но вотъ и улица, гдѣ она живетъ; десять часовъ вечера. Сквозь полузакрытыя ставни невзрачнаго отеля Шанзи, еще

наполовину бодрствующаго, пробивались блѣдные лучи дрожащаго свѣта. Фонари, прикрѣпленные къ оштукатуреннымъ фасадамъ, догорали слабымъ угасающимъ огнемъ. И Евѣ казалось, что она упала на дно глубокой, удушающей бездны, откуда вѣяло точно тлѣніемъ. Она задыхалась, хотѣла вздохнуть полною грудью, и сдерживаемыя слезы обильною струею хлынули у нея изъ-подъ рѣсницъ. Міръ казался ей отвратительнымъ, люди—грязными; она уже не смѣялась при воспоминаніи о маленькомъ Ларамэ, плетущемся за толстой коровой. Она сознавала тщетность, обманчивость, зловѣщую невозможность создать убѣжище, пріютъ для счастья и любви. И она отдалась во власть туманной утопіи объ обществѣ, еще болѣе властномъ, нежели созданное ея отцомъ, объ обществѣ, предписывающемъ обязательныя нормы добродѣтели и налагающемъ безпощадныя наказанія за пороки.

Потомъ скорбь, овладѣвшая ею, смѣнилась чувствомъ изумленія. Какъ могъ онъ, только что разставшись съ нею, Евою, послѣ того, какъ онъ излилъ ей свое чувство въ словахъ, полныхъ нѣжности, отдаться продажнымъ ласкамъ отвратительной твари.

Но изумленіе исчезло, и она вновь вернулась къ мысли о мракѣ и пустотѣ жизни. Съ тяжелымъ чувствомъ поднялась Ева къ себѣ на шестой этажъ. Отца еще не было дома; она легла.

Растянувшись на мягкомъ тюфякѣ, покрытомъ чистою и свѣжею простынею, она свободно, съ какимъ-то чувствомъ трепетнаго сладострастія, откинула голову на подушку, и ей казалось, что это милое ложе, этотъ ежедневный исцѣлитель ея усталости, проливалъ въ ея душу благодатный миръ, возвращалъ ей душевное равновѣсіе. Нѣсколько разъ пыталась она улечься удобнѣе, свернувшись калачикомъ и сложивъ руки у груди, но покой на этотъ разъ покинулъ ее, измѣнилъ ей. Жгучія муки сердца, черныя думы снова вернулись. На грустномъ и мрачномъ фонѣ овладѣвшей ею идеи быстрой вереницей проносились другія мысли, мимолетныя, безсвязныя; она была въ огнѣ, въ вискахъ стучало. Медленно вырисовывался передъ нею образъ Ларамэ, сначала грязный, отвратительный, а затѣмъ нѣжный, съ лицомъ красиво обрамленнымъ бородою, съ кроткимъ, покорнымъ, яснымъ взоромъ. Молчаливый, но обаятельный, онъ, мило передергивая плечами, съ своею открытою полною, нѣсколько загорѣлою, но тщательно вымытою шеей, слушалъ ее, повернувшись въ ея сторону. Вскорѣ этотъ маленькій человѣчекъ совершенно овладѣлъ затаеннымъ чувствомъ дѣвственницы; онъ сталъ для нея могущественнымъ, побѣдоноснымъ суще-

ствомъ, заставившимъ ее позабыть свою гордость въ порывѣ глубокой пожирающей страсти. Но снова передъ нею выступаетъ въ полосѣ свѣта отвратительная группа въ двухъ шагахъ отъ нея, и плѣнительный образъ Ларамэ вдругъ исчезаетъ. Въ бѣшенствѣ, вся въ поту, она возвращается къ дѣйствительности, сильнѣе смыкаетъ вѣки и на нѣсколько мгновеній овладѣваетъ собою. Но сильная тревога, ноющая боль въ затылкѣ, гдѣ заложены центры интимныхъ чувствъ, заставляютъ опять работать бѣдную головку.

Ей удалось бы всетаки уснуть, думала она, если бы не холодъ въ ногахъ. Это былъ неодолимый холодъ, и ничѣмъ, ни растираніемъ, ни одѣялами, нельзя было побѣдить его. Напрасно она поджимала ноги подъ себя. Маленькія ножки не хотѣли согрѣться. И эта борьба, вмѣстѣ со всѣмъ предидущимъ, была такъ тяжела, что Ева желала умереть.

Приходъ отца развлекъ ее. Она слышала поворотъ ключа въ дверяхъ, тихіе шаги, неувѣренныя движенія въ потемкахъ; затѣмъ до ея тонкаго слуха донеслось чирканье спички о стѣну кухни, и слабый свѣтъ огня изъ-подъ двери пріободрилъ молодую дѣвушку.

Теперь она думала только объ отцѣ; ее тронулъ вздохъ, вылетѣвшій изъ его груди; отецъ представлялся ей единственнымъ идеальнымъ существомъ во всемъ мірѣ, единственнымъ героемъ и благороднымъ человѣкомъ; сердце его всегда останется открытымъ для его бѣдной Евы. Какъ могла она рѣшиться, вопреки его желанію, идти вмѣстѣ съ этимъ моллюскомъ? Вѣдь отецъ совершенно правъ — и онъ всегда былъ правъ! — утверждая, что это противный слизнякъ, что онъ не достоинъ ея!

Непобѣдимый порывъ нѣжности къ отцу охватилъ ее; она сѣла, готовая соскочить съ постели и броситься къ его ногамъ, чтобы онъ поднялъ ее и обнялъ своими добрыми, заботливыми руками. Но она не рѣшилась и снова легла; и ея раскаяніе стало еще глубже, дойдя до степени жестокихъ страданій, дѣлающихъ наши ошибки неизмѣримо великими передъ сознаніемъ ихъ непоправимости.

— Ты дома?—спросилъ отецъ черезъ дверь.

— Да.– отвѣтила она, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.

Это „да“, сказанное нерѣшительнымъ, дрожащимъ голосомъ, привело ее въ себя, и она тотчасъ же крикнула громче и съ глубокой нѣжностью:

— Да, папа.

— Ну, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Онъ ушелъ спать. Она чувствовала, что отецъ подслушалъ ея печаль, но не могъ угадать ея причинъ.—О, Боже,

какъ грустно! Но вотъ, ноги стали мало-по-малу согрѣваться: усталость сковала ея мозгъ, мысль перестала работать; послышалось мягкое и мѣрное дыханіе уснувшей молодой дѣвушки.

IX.

Ева встала сильно утомленная безпокойными ночными грезами; она долго мылась и смачивала вѣки свѣжей водою. Но блѣдность не сходила съ лица; впалыя щеки, прерывистое тяжелое дыханіе, чувство пустоты—все осталось попрежнему. Однако, она усердно принялась за работу и не проявила ни малѣйшаго раздраженія въ отношеніяхъ къ своимъ товаркамъ-работницамъ.

Мастерская Евы, машины, шумъ которыхъ скрадывался каучуковыми изоляторами, положенными на войлокѣ, регламентація рабочаго времени, распредѣленіе чистой прибыли между участницами мастерской—все это было плодомъ созидательной идеи революціонера. Дочь съ энтузіазмомъ относилась къ планамъ отца. Случайно дѣло удалось, и Равьеръ, совершенно несправедливо, приписывалъ себѣ весь успѣхъ предпріятія, тогда какъ въ дѣйствительности душою всего были ловкость и художественное изящество Евы. Въ изготовленіи тонкаго бѣлья у нея почти не было соперницъ, и модный магазинъ, поручавшій ей свои заказы, очень неохотно отказался бы отъ ея сотрудничества. Нельзя сказать, чтобы порядокъ и разсчеты, введенные Равьеромъ, не вознаграждали маленькое предпріятіе. Весь доходъ распредѣлялся только между тремя его членами. Въ обыкновенномъ буржуазномъ предпріятіи Ева была бы простой хозяйкой и въ среднемъ получала бы за свою ловкую работу и вложенный капиталъ, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ процентовъ еженедѣльнаго дохода. Но она рѣдко думала объ этомъ и была совершенно счастлива, оставляя на свою долю какихъ-нибудь тридцать франковъ и отдавая семьдесятъ своимъ простымъ и исполнительнымъ работницамъ, лишь бы только ни малѣйшій упрекъ съ какой бы то ни было стороны не могъ коснуться организатора предпріятія. А онъ, гордясь достигнутыми результатами, разсказывалъ всякому встрѣчному о чудномъ успѣхѣ мастерской, о женщинахъ, имѣющихъ заработокъ, достаточный для удовлетворенія ихъ потребностей, благодаря простымъ выгодамъ ассоціаціи.

Очень многіе скептически относились къ словамъ Равьера, но выслушивали ихъ молча, безъ возраженій. Одинъ только Элье, встрѣчаясь иногда съ Равьеромъ въ скверѣ Биржи

и зная отъ него самого о ловкости и способностяхъ Евы, позволялъ себѣ громко критиковать его.

— Вы сильные, мужественные люди! Въ нашемъ грязномъ мірѣ даже частичная ассоціація несомнѣнно составляетъ благое дѣло... обезпечиваетъ сбереженія и доходы участниковъ общей работы... Но капитализмъ слишкомъ сильно организованъ, чтобы простое товарищество изъ четырехъ лицъ могло давать ежедневный заработокъ отъ двадцати пяти су до трехъ франковъ. Чтобы достигнуть этого, необходимо особое предварительное условіе. Этимъ условіемъ служитъ ваше благородство. Иначе такое предпріятіе могло бы существовать только при организаціи его въ крупныхъ размѣрахъ... Это, конечно, не мѣшаетъ мнѣ преклониться передъ вами, воздать должное вашему великодушію... Я завидую вамъ!

Ни утро, ни работа, не развѣяли мрачнаго настроенія Евы. Безпокойный сонъ не возстановилъ ея измученныхъ нервовъ. Въ ней снова поднималось унизительное въ ея собственныхъ глазахъ чувство, почти животное влеченіе къ Ларамэ. Она со стыдомъ сознавала, какъ властно надъ нею это влеченіе, какъ овладѣваетъ оно всѣмъ ея тѣломъ, осложняясь мелочными воспоминаніями, ароматомъ Люксембургскаго сада и особенно звуками наивной пѣсенки „Жила-была пастушка“, слышанной какъ-то за стѣною на улицѣ Данферъ.

Удрученная своимъ малодушіемъ, она пыталась отдѣлаться отъ него, обращаясь съ разными вопросами къ своимъ товаркамъ, бросая ничего не значущія фразы, запинаясь и сама прерывая себя. Ножницы падали изъ ея рукъ, и она только чувствовала, что образъ маленькаго человѣка, его бѣлокурая борода, окаймляющая красивую шею, подчинялъ ее себѣ съ все возрастающею силою. Любопытство работницъ удваивало ея муки.

— Одиннадцать часовъ!—сказала она.

Это былъ часъ перваго отдыха, и дѣвушки встали. Ева проводила ихъ взглядомъ благодарности. Она считала себя грязной, недостойной чьего бы то ни было общества. Оставшись одна, она подошла къ окну и безсознательно уставилась на двѣ противоположныя трубы. Тихія слезы катились по ея грустному лицу.

Но въ душу ея, между тѣмъ, проникло уже другое, болѣе возвышенное чувство, заглушившее чувственные инстинкты. Прежній образъ исчезъ и не застилалъ уже передъ ней остальнаго міра. Дѣвушка овладѣла собой и стала спокойнѣе. Ея приключеніе повернулось къ ней другой своей стороной: ей представилось, какъ будетъ доволенъ отецъ когда узнаетъ.

— О, какимъ неблагодарнымъ животнымъ я была!

Какъ жертву принесетъ она свое смиреніе къ его ногамъ и сознается въ свей глупости. Сѣрое, выразительное лицо коллективиста, его угрюмая сдержанность глубоко убѣжденнаго человѣка, отчужденность отъ семейнаго очага измѣнятся, и онъ опять будетъ излагать свои завѣтныя теоріи, будетъ читать или увлекаться спорами, предаваясь имъ со страстью стараго фанатика идеи.

Эта мысль преслѣдовала Еву все послѣ-обѣда и сдѣлала ее чрезвычайно доброй къ товаркамъ. Она отпустила ихъ раньше четырехъ часовъ, а сама, вернувшись домой, удобно усѣлась въ полутемномъ углу и долго съ чисто женскою мелочностью придумывала, какъ торжественнѣе встрѣтить вечернее возвращеніе Равьера. Впереди у нея оставалось еще много времени, и она лѣниво сидѣла въ своей спальнѣ, облокотившись на подоконникъ. Окно выходило въ огромный старый садъ г. Комба. Въ мягкости угасавшаго дня всѣ предметы выдѣлялись съ особенной ясностью, и Ева долго любовалась почти весенней зеленью тополей, платановъ и ясеней, и въ особенности зеркальной поверхностью небольшихъ прудовъ, сверкавшихъ почти отвѣсно подъ нею. И передъ этой роскошной картиной природы бѣдная дѣвушка почувствовала острую боль, глубокую скорбь о безполезно потраченной жизни. Но гордость и воспоминаніе объ отцѣ прогнали слабость. Она поспѣшно вышла въ кухню и растопила печь. Вскорѣ въ кастрюлѣ уже жарилась телятина, а Ева взбивала кремъ съ виномъ, приготовляла супъ и овощи.

— Еще что?

И оправивъ рукава, поправивъ изящнымъ движеніемъ прическу, она сошла внизъ купить бутылку хорошаго вина и дессертъ. Потомъ, веселая и довольная, что все сдѣлано по вкусу Равьера, она накрыла столъ сѣрой скатертью съ тройной красной каймой. Сѣвъ на мѣсто, Ева чутко стала прислушиваться, и вскорѣ на лѣстницѣ послышались тяжелые шаги.

— Это онъ!—съ волненіемъ подумала Ева и вдругъ поблѣднѣла.

Въ двери послышался медленный поворотъ ключа, и въ комнату вошелъ Равьеръ.

— Здравствуй, отецъ!

— Здравствуй!—отвѣтилъ онъ глухимъ и тяжелымъ голосомъ.

Не взглянувъ на дочь, сгорбивъ спину, онъ прошелъ мимо Евы не проронивъ ни слова; мучительное выраженіе лица говорило о разрушенномъ домашнемъ очагѣ, о поги

Изъ Англіи.

I.

Прежде чѣмъ строить, слѣдуетъ расчистить почву. Слѣдуетъ устранить всѣ обломки прежнихъ зданій, сравнять всѣ рвы. А что такое эти рвы и обломки? На этотъ простой вопросъ у насъ теперь даются различные отвѣты, иногда очень хитрые и замысловатые. Мы узнаемъ, напримѣръ, что нельзя говорить о строительной работѣ, покуда не разрѣшены спеціальные вопросы, поднимаемые нѣкоторыми молодыми беллетристами. Въ Англіи отвѣтъ на вопросъ, что такое обломки, которые необходимо устранить при строительной работѣ, даетъ, между прочимъ, Довъ, авторъ стараго классическаго труда «Elements of Political Science», вышедшаго еще въ 1850 г. «Въ Британіи временъ норманскаго завоеванія мы находимъ два общественныхъ полюса, представляющіе противоположные классы: лордовъ и крѣпостныхъ,—говоритъ Довъ. Они составляютъ основу только что формирующагося государства. Вдумавшись въ положеніе дѣлъ, мы увидимъ, что лордъ и крѣпостной представляютъ собою наиболѣе крайнее отклоненіе отъ основныхъ представленій о справедливости и правѣ. Вмѣсто двухъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый думаетъ, желаетъ и дѣйствуетъ за самого себя, мы видимъ одного индивидуума, думающаго и желающаго за другого и пожинающаго плоды его трудовъ. Крѣпостной не имѣетъ ни своей воли, ни правъ, даже тѣхъ существенныхъ правъ на передвиженіе, которыми пользуются всѣ животныя. Разница между лордомъ и крѣпостнымъ безгранична. Первый имѣетъ все, второй—ничего. Разсмотримъ теперь, при какихъ условіяхъ крѣпостной можетъ пріобрѣсть нѣчто, что будетъ принадлежать ему самому. Такъ какъ все принадлежитъ лорду, то, очевидно, всякое пріобрѣтеніе, сдѣланное крѣпостными, дѣлается на счетъ властелина. По мѣрѣ того, какъ постепенно увеличиваются *права* крѣпостного, уменьшаются по такой же скалѣ *привилегіи* лорда. Борьба эта продолжается вѣками. Каково же естественное окончаніе ея? Процессъ можетъ завершиться только тогда, когда крѣпостной, переставъ быть таковымъ, станетъ *равнымъ* лорду, а послѣдній, переставъ быть лордомъ, станетъ только сво-

боднымъ человѣкомъ, *равнымъ* съ освобожденнымъ крѣпостнымъ. Каждая страна въ Европѣ находится въ одномъ изъ фазисовъ намѣченнаго двойного процесса, въ которомъ непривилегированные классы пріобрѣтаютъ *законный документъ* на свои естественныя права, а привилегированные классы теряютъ законный документъ на свои неестественныя привилегіи» *).

Въ Англіи считаютъ, что «устранять обломки» значитъ уничтожать парламентскимъ путемъ послѣдніе остатки «двойного процесса». Когда у власти стоятъ консерваторы, лорды коченѣютъ надолго,—тогда страна полагаетъ обыкновенно, что процессъ пріобрѣтенія правъ и утраты привилегій пришелъ къ тому «естественному концу», о которомъ говоритъ Довъ. Но какъ только власть переходитъ къ либераламъ, лорды оживаютъ и отвергаютъ законопроекты, принятые народными представителями. Тогда страна убѣждается, что лорды—своего рода «конституціонный ревматизмъ», плохо залѣченный и склонный проявляться въ бурныхъ формахъ. И каждый разъ, когда этотъ «конституціонный ревматизмъ» проявляется, какъ, напримѣръ, въ настоящій моментъ,—въ англійской печати поднимается вопросъ о необходимости окончательно «расчистить старые обломки». Въ демократической странѣ народъ черезъ своихъ непосредственныхъ, свободно выбранныхъ представителей долженъ быть полнымъ и единственнымъ хозяиномъ положенія. Только тогда онъ можетъ спокойно приступить къ созидательной работѣ. Какъ много можетъ быть сдѣлано парламентомъ для блага населенія, даже при нынѣшней системѣ экономическихъ отношеній,—показываетъ только что появившаяся книга «Riches and Poverty», написанная извѣстнымъ англійскимъ экономистомъ Chiozza-Money. Авторъ ея (членъ парламента, между прочимъ) намѣчаетъ грандіозный планъ реформъ. Чіозза-Моней говоритъ сперва о дѣтяхъ, потомъ о школѣ, о жилищахъ, о землѣ, о производствѣ, справедливомъ обложеніи и пр. Каждый вопросъ тщательно разработанъ авторомъ въ финансовомъ отношеніи. Онъ доказываетъ не только настоятельную необходимость намѣченныхъ реформъ, но и полную осуществимость ихъ. Авторъ, прежде всего, практическій англичанинъ, финансистъ по спеціальности.

Въ настоящемъ письмѣ и въ слѣдующемъ я намѣренъ познакомить читателей съ конструктивной частью работы Чіозза-Моней. Въ каждой странѣ, покончившей съ «расчисткой обломковъ», созидательная работа должна начаться съ улучшенія положенія будущихъ гражданъ. Ежегодно въ Соединенномъ Королевствѣ рождается 1.200.000 а умираетъ 700.000 человѣкъ. «Какъ бы забиты, преступны или подавлены ни были нѣкоторыя клѣточки общественнаго организма,—онѣ отмираютъ послѣдовательно и замѣняются новыми, — говоритъ Чіоза-Моней.—Дѣти, за немногими исключе-

*) Dove, Elements of Political Science; „The Lord and the Serf".

ніями, являются неоскверненной страницей, на которой мы можемъ написать, что угодно». Къ такому же заключенію пришелъ профессоръ Каннингэмъ, дававшій недавно показанія передъ спеціальной комиссіей, изслѣдовавшей вопросъ о физическомъ вырожденіи (Committee on Physical Deterioration). «Несмотря на замѣтную разницу въ физическомъ сложеніи различныхъ классовъ англійскаго народа,—говоритъ профессоръ,—антропологи имѣютъ достаточно основаній полагать, что существуетъ средняя физическая норма, унаслѣдованная всѣмъ народомъ. И какъ бы сильно ни отклонялись нѣкоторыя части общества, вслѣдствіе различныхъ причинъ, отъ этой средней нормы, раса проявляетъ свойство поддерживать унаслѣдованный типъ. Другими словами, ослабленіе организма, обусловливаемое бѣдностью (но не пороками, какъ алкоголизмъ или же сифилисомъ), не передается отъ одного поколѣнія къ другому. Вотъ почему,—заключаетъ профессоръ Каннингэмъ,—необходимо только поднять матеріальное положеніе бѣдныхъ классовъ, чтобы улучшить здоровье ихъ. Черезъ одно или два поколѣнія всѣ такъ называемые признаки вырожденія исчезнутъ. «Выродившіеся» (если мы имѣемъ только результатъ бѣдности, а не сифилиса или алкоголизма) приблизятся къ нормальному среднему типу». Докторъ Альфредъ Эйхольцъ, давававшій, въ качествѣ школьнаго инспектора, показанія передъ тою же комиссіей, — подтвердилъ заключеніе проф. Каннингэма. Чтобы остановить «вырожденіе» бѣдныхъ классовъ, стоитъ лишь улучшить ихъ матеріальное положеніе. Согласно показаніямъ доктора Эдуарда Малинса передъ тою же комиссіей, 80—85% всѣхъ дѣтей бѣдныхъ классовъ рождаются совершенно здоровыми, каковы бы ни были условія, при которыхъ жили матери *). Долженъ прибавить, что въ отчетѣ комиссіи находимъ показанія діаметрально противоположнаго характера. Такъ, напримѣръ, манчестерскій врачъ Генри Ашби рѣшительно опровергаетъ мнѣніе доктора Малинса, что большинство дѣтей бѣдняковъ рождается здоровыми. «Мой собственный амбулаторный опытъ,—говоритъ Ашби,—убѣдилъ меня, что питаніе матери имѣетъ громадное вліяніе на развитіе плода. Утвержденіе, что процентъ слабыхъ новорожденныхъ младенцевъ у бѣдняковъ не великъ,—не подтверждается фактами. Мы постоянно видимъ вполнѣ нормальныхъ, но чрезвычайно слабыхъ новорожденныхъ, которыхъ приносятъ къ намъ въ амбулаторію акушерки или же сосѣдки. Такихъ младенцевъ, вѣроятно, очень много въ бѣдныхъ кварталахъ. Они не могутъ жить и умираютъ черезъ день или два. Тутъ не можетъ быть вопроса о наслѣдственномъ сифилисѣ. Все это—дѣти бѣдныхъ матерей, вынужденныхъ работать до послѣдняго момента беременности, плохо питавшихся. Я глубоко убѣжденъ, что дѣти наиболѣе бѣдныхъ и плохо питавшихся ма-

*) Evidence before the Phisical Deterioration Committee.

терей, — настолько слабы, что умираютъ даже и при хорошемъ уходѣ въ госпиталѣ или въ дѣтскомъ пріютѣ». Отвѣчая доктору Ашби, докторъ Малинсъ выставляетъ такого рода положеніе: «природа даетъ всѣмъ дѣтямъ одинаковый шансъ».

Во всякомъ случаѣ, если общество явится на помощь природѣ, оно можетъ дать каждому новорожденному наибольшее количество шансовъ на превращеніе современемъ въ здороваго, энергичнаго и способнаго гражданина. Ежегодно въ Англіи рождается 1.200.000 младенцевъ, т. е. столько же потенціаловъ будущихъ хорошихъ и полезныхъ гражданъ. Первая забота общества должна состоять въ томъ, чтобы всѣ эти младенцы рождались здоровыми. Каждый годъ умираетъ въ Англіи 700.000 человѣкъ. Природа, такимъ образомъ, улучшаетъ расу. Посмотримъ теперь, при какихъ матеріальныхъ условіяхъ рождаются въ Англіи эти 1.200.000 младенцевъ. Чіозза-Монней доказываетъ, что 25—33% всѣхъ дѣтей принадлежатъ наиболѣе бѣднымъ родителямъ. По переписи 1901 г. въ Англіи и Уэльсѣ изъ населенія въ 32.527.843—12.983.109 принадлежали къ семьямъ, жившимъ въ помѣщеніяхъ изъ четырехъ и меньше комнатъ. Именно:

507.763	чел. группиров. въ семьи, изъ котор. каждая жила въ 1 комн.
2.158.644	« » » » » » » . » 2 »
3.186.640	« » » » » » » » » 3 »
7.130.062	« » » » » » » » » 4 »

Съ русской точки зрѣнія эти цифры не представляютъ ничего особеннаго. У насъ въ деревняхъ въ одной избѣ зачастую помѣщаются двѣ семьи, вмѣстѣ съ телятами. Въ городахъ сотни семействъ живутъ въ помѣщеніяхъ изъ одной или двухъ комнатъ. Но съ англійской точки зрѣнія эти цифры ужасны. Англичане полагаютъ, что семья, не имѣющая «home», очага, совершено отдѣльнаго домика, по крайней мѣрѣ, изъ пяти комнатъ, прозябаетъ хуже животнаго.

Чіозза-Монней доказываетъ, что при нынѣшнихъ условіяхъ одна треть населенія Англіи не можетъ имѣть сколько-нибудь человѣческаго существованія (по англійской мѣркѣ), даже если бы пьянство было совершенно уничтожено, и если бы бѣдняки разумно тратили каждый пенсъ своего заработка. Такимъ образомъ,—говоритъ экономистъ,—одна треть нашихъ надеждъ на будущее находится въ вѣчномъ залогѣ. Одна треть всѣхъ младенцевъ въ Соединенномъ Королевствѣ рождается только для того, чтобы пополнить кадры нищеты. Если эти дѣти не умрутъ въ раннемъ возрастѣ, они представляютъ собой сырой матеріалъ для соціальныхъ вопросовъ, надъ которыми будутъ работать наши потомки» *). Въ 1904 г. въ Англіи и Уэльсѣ родилось 944.703 дѣтей, изъ которыхъ умерли 137.490. Треть смертности дѣтей ниже одного года приходится на возрастъ

*) «Riches and Poverty», p. 160.

до трехъ мѣсяцевъ. Смертность дѣтей въ различныхъ англійскихъ городахъ не одинакова, какъ это показываетъ слѣдующая таблица.

На тысячу рожденій.

Бернлей	261	Гулль	182
Блэкбернъ	252	Ньюкэстель на Тайнѣ	174
Іоркъ	223	Манчестръ	170
Престонъ	212	Сольфордъ	166
Сендерлэндъ	201	Лидсъ	158
Ольдхэмъ	194	Галифаксъ	154
Миддельборо	192	Ноттингэмъ	152
Соутсъ-Шильдъ	191		

«Большинство умирающихъ младенцевъ относится къ бѣднымъ классамъ,—говоритъ Маргарита Макъ-Милланъ, авторъ брошюры «Infant Mortality».—Нетрудно жить даже слабому младенцу тогда, когда къ услугамъ находятся и средства, и заботы, и новѣйшія приспособленія науки. Но слабый младенецъ, родившійся отъ работницы, не можетъ пользоваться даже услугами матери. Такимъ образомъ, его шансы на жизнь очень слабы» *). Слѣдующая таблица, относящаяся къ одному изъ лондонскихъ округовъ (Финсбери) показываетъ, какъ уменьшаются шансы дѣтей на жизнь по мѣрѣ ухудшенія матеріальнаго положенія ихъ родителей.

Размѣры помѣщенія.	По переписи 1901.	Число рожденій.	Число смертей.	Дѣтская смертность на 1000.
Квартиры въ одну комн.	14.516	532	117	219
» » двѣ »	31.482	1.216	192	157
» » три »	21.280	468	66	141
» » чет. »	33.185	464	46	99
Пріюты и кварт. больше, чѣмъ въ четыре комн.	1.000	206	8	37

Въ помѣщеніяхъ, состоящихъ изъ одной или двухъ комнатъ, дѣти бѣдняковъ имѣютъ немного шансовъ на жизнь, но еще меньше на здоровье. Не только въ Финсбери, но всюду констатировано, что наибольшая смертность среди дѣтей замѣчается тамъ, гдѣ населеніе живетъ скученно. Вотъ, напримѣръ, еще показаніе авторитетовъ. «Смертность наблюдается только въ тѣсныхъ, маленькихъ помѣщеніяхъ,—пишетъ докторъ Робертсонъ по поводу тифа, появившагося среди дѣтей въ Бирмингэмѣ.—Во все время изслѣдованія я не наблюдалъ *ни одного* случая смерти въ домахъ, занятыхъ средними классами». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такая же эпидемія наблюдалась въ Глазго. Въ бѣдныхъ кварталахъ смертность отъ нея была 1698 на милліонъ, а въ богатыхъ только 201.

*) Infant Mortality, p. 3.

II.

Я упомянулъ уже, что жалобы англійскихъ изслѣдователей на «невѣроятный» процентъ смертности среди бѣдныхъ дѣтей нужно мѣрить на *англійскую* же мѣрку. Это видно изъ слѣдующей таблицы, показывающей $^0/_0$ смертности малолѣтнихъ дѣтей въ разныхъ странахъ. По даннымъ 1903 г. на тысячу рождаемыхъ умираютъ въ

Россіи	272 дѣтей.	Японіи	151	Шотландіи	126
Венгріи	221 »	Англіи	150	Нов. Юж. Уэльсѣ.	111
Пруссіи	195 »	Зап. Австраліи	145	Ирландіи	103
Ямайкѣ	173 »	Швейцаріи	143	Норвегіи	93
Франціи	155 »	Даніи	130	Новой Зеландіи	80*)

Дѣтская смертность не одинакова не только въ различныхъ странахъ или городахъ, но даже въ разныхъ округахъ одного и того же округа. Возьмемъ, напримѣръ, Бирмингэмъ. Смертность дѣтей (на 1000) выражалась тамъ разныхъ кварталахъ въ 1904 г. въ слѣдующихъ цифрахъ.

С. Мэри	331
С. Бартоломью	263
С. Томасъ	196
С. Мартинъ	185
Харборнъ	133

Въ 4 $^1/_2$ миляхъ разстоянія отъ Бирмингэма лежитъ образцовая деревня Боурнвилль, о которой я писалъ когда-то. Деревня выстроена по иниціативѣ квакера Кадбери, извѣстнаго радикала и владѣльца громадной шоколадной фабрики. Коттеджи рабочихъ представляютъ почти идеалъ изящества, красоты и удобства. Каждый домикъ окруженъ деревьями. Улицы чередуются лужайками и цвѣтниками. (Къ слову сказать, въ Боурнвиллѣ живутъ не только рабочіе съ фабрики Кадбери. Деревня представляетъ маленькую автономную земскую единицу, своего рода, крошечную муниципальную республику). И вотъ въ Боурнвиллѣ смертность среди дѣтей рабочихъ классовъ составляетъ только 65 на тысячу. Такимъ образомъ, счастливую жизнь можно устроить не только въ Новой Зеландіи.

Медицинскій инспекторъ Бирмингэма въ годичномъ отчетѣ о здоровьѣ города говоритъ, что если бы удалось уменьшить смертность дѣтей на 50%, то это означало бы спасеніе 1500 жизней каждый годъ. Но не только съ смертностью дѣтей приходится бороться реформатору. «Тѣ изъ дѣтей, которыя выживаютъ, —

*) По даннымъ 1905 г.—смертность дѣтей еще понизилась и составляетъ теперь 71 на тысячу.

говоритъ Чіозза-Монней,—вступаютъ въ жизнь при крайне неблагопріятныхъ условіяхъ. Дѣти растутъ слабыми и хилыми, и это тогда, когда для борьбы за существованіе необходимо крайнее напряженіе силъ. Получаются безвольные, слабосильные, неталантливые борцы, которые пополняютъ или и безъ того многочисленные кадры чернорабочихъ, или ряды тюремныхъ жителей» *). О томъ, какъ неблагопріятно складываются условія жизни для такого члена общества прежде еще, чѣмъ онъ родился, доказываетъ слѣдующее. Женщина не должна работать въ послѣдніе три мѣсяца беременности и въ первые три мѣсяца послѣ родовъ. Если ребенокъ кормится грудью, его не слѣдуетъ отнимать раньше, какъ на восьмомъ мѣсяцѣ. Какъ относится фабричное законодательство къ этимъ фактамъ? Повидимому, составители англійскаго фабричнаго закона не знаютъ, что дѣторожденію предшествуетъ беременность. Въ самомъ дѣлѣ, Factory Act признаетъ рожденіе и воспрещаетъ владѣльцамъ фабрикъ и прачешныхъ допускать на работу женщинъ въ первыя четыре недѣли послѣ разрѣшенія. Такимъ образомъ, мы имѣемъ слабую попытку защитить мать; но никакой законъ покуда не охраняетъ младенца. Мать можетъ отправиться на фабрику на двадцать девятый день послѣ родовъ и оставить младенца на произволъ судьбы. Въ дѣйствительности «четыре недѣли», опредѣленныя закономъ, являются только мертвой буквой. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ предприниматель знать, что женщина, обратившаяся къ нему за работой, родила двѣ недѣли тому назадъ? И кто рѣшится упрекнуть такую женщину, которая ищетъ работы, такъ какъ иначе должна умереть? Въ спеціальной синей книгѣ мы находимъ три примѣра, зарегистрованные въ одномъ и томъ же городѣ главнымъ фабричнымъ инспекторомъ, миссъ А. М. Андерсонъ.

«А. Б., двадцати четырехъ лѣтъ, незамужняя, работница на джутовой фабрикѣ. Должна была оставить фабрику за семь недѣль до родовъ. Осталась безъ всякихъ средствъ и впала въ крайнюю нищету. Нашла работу у новаго предпринимателя, которому ничего не сказала про младенца. Зарабатываетъ 9 шил. 8 пенсовъ въ недѣлю.

«С. Д., тридцати четырехъ лѣтъ, прядильщица на джутовой фабрикѣ. Ребенокъ незаконный. Пошла на работу три недѣли послѣ родовъ. Предприниматель ничего не зналъ о ребенкѣ.

«Ф. Ф., тридцати двухъ лѣтъ, замужемъ, прядильщица на джутовой фабрикѣ. Пошла на работу двѣ недѣли спустя послѣ родовъ къ новому предпринимателю. Зарабатываетъ отъ 11—12 шиллинговъ въ недѣлю. Отецъ ребенка — безъ работы; бросилъ жену вскорѣ послѣ родовъ. Мать работницы присматриваетъ за младенцемъ и за двумя другими дѣтьми, изъ которыхъ старшая

*) Riches and Poverty, p. 162.

дѣвочка зарабатываетъ 8 шиллинговъ въ недѣлю на джутовой фабрикѣ. Такимъ образомъ, на 19 шил. въ недѣлю живутъ двое взрослыхъ и трое дѣтей. Помѣщаются всѣ въ одной очень грязной комнатѣ» *).

Несмотря на подавляющее количество фактовъ, собранныхъ спеціальной комиссіей для изслѣдованія вопроса о физическомъ вырожденіи массъ (Physical Deterioration Committee), фактовъ, показывающихъ, что на фабрикахъ работаютъ женщины на сносяхъ и матери черезъ нѣсколько дней послѣ родовъ, — мѣры, рекомендуемыя отчетомъ комиссіи, очень робки. Повидимому, на комиссію произвели сильное впечатлѣніе факты, доказывающіе, что «женщина работаетъ, когда она дѣвушка, затѣмъ во время замужества, въ періодъ беременности и ранняго материнства». Комиссія констатируетъ, что, «хотя предприниматель часто отправляетъ домой работницу въ послѣднемъ періодѣ беременности, но, оставшись безъ заработка, будущая мать вынуждена приняться за еще болѣе тяжелый трудъ поденщицы». И, установивъ всѣ эти факты, комиссія, тѣмъ не менѣе, приходитъ къ заключенію, что «сдѣлать можно очень мало», такъ какъ всякое запрещеніе со стороны закона «вызвало бы рядъ практическихъ затрудненій». Комиссія не рѣшается даже высказаться за запрещеніе принимать женщинъ на фабрику раньше, какъ черезъ пять или шесть недѣль послѣ родовъ. Отчетъ рекомендуетъ только медицинское свидѣтельство, въ которомъ должны быть указаны, какъ пригодность женщины на работу, такъ и то, что младенецъ находитъ призоръ въ муниципальныхъ ясляхъ. Комиссія рекомендуетъ также добровольную помощь роженицамъ путемъ «материнскихъ фондовъ» (Maternity funds).

Причина робости комиссіи вполнѣ понятна. Англичане народъ практичный. Когда они рекомендуютъ какое нибудь средство, они задаются вопросомъ: «какъ осуществить реформу, т. е., сколько она будетъ стоить?» За этимъ слѣдуетъ второй вопросъ: «откуда пойдутъ деньги»? Частная благотворительность въ Англіи развита сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было на континентѣ. Англичане жертвуютъ охотно и щедро. Лучшимъ доказательствомъ служатъ госпитали, которые всѣ содержатся на частныя пожертвованія. Но основывать реформу на благотворительности, значитъ вводить случайный элементъ, не поддающійся учету. Базисомъ реформы должны быть средства, доставляемыя налогами, притомъ прямыми. Но тутъ каждый реформаторъ останавливается въ смущеніи. Средній англичанинъ считаетъ сборщика налоговъ, являющагося дважды въ годъ, своимъ личнымъ врагомъ. Обыватель, конечно, платитъ, но по выраженію его лица, когда онъ подписываетъ чекъ, видно, что онъ съ гораздо большимъ удовольствіемъ подмахнулъ бы приказъ отправить въ тюрьму всѣхъ сборщиковъ налоговъ. Обыватель

*) Cd. 2175, pade 117.

не имѣющій вклада въ банкѣ, платящій не чекомъ, а наличными деньгами, отдаетъ сборщику золотыя монеты съ такой миной, какъ будто то были его внутренности. Самый крайній консерваторъ становится въ оппозицію министерству, хотя бы у власти и были консерваторы, когда приходится платить налоги. Нѣтъ другого пункта избирательной программы, который дѣйствовалъ бы такъ хорошо на средняго обывателя, какъ обѣщаніе уменьшить прямые налоги. Этимъ въ значительной степени объясняется явленіе, которое англійскія газеты называютъ «качаніемъ политическаго маятника», и состоящее въ періодическомъ передвиженіи однихъ и тѣхъ же избирателей, то направо, то налѣво. У власти стояли консерваторы, игравшіе на имперіализмѣ. Такъ какъ это игрушка очень дорогая, то потребовалось увеличить налоги. Средній обыватель какого нибудь округа Пекхэмъ, ничего не имѣвшій противъ имперіализма и даже противъ сожженія чучела «Круджера», если это ничего не стоитъ,—вознегодовалъ на правительство, когда понадобились новые налоги. И вотъ на выборахъ онъ подалъ голосъ за радикаловъ. «Политическій маятникъ въ Пекхэмѣ уклонился влѣво»,—отмѣчаютъ газеты. Но радикалы намѣтили цѣлый рядъ реформъ, для осуществленія которыхъ нужны деньги, т. е. прямые налоги. И вотъ средній обыватель округа Пекхэмъ, ничего не имѣвшій противъ реформъ, какъ и противъ воинственнаго имперіализма, покуда это ничего не стоитъ,—разъяренъ противъ радикальнаго министерства, поднимающаго прямые налоги еще на пенсъ съ фунта ст. И свою ярость средній обыватель проявляетъ на ближайшихъ мѣстныхъ выборахъ. «Политическій маятникъ отклонился въ Пекхэмѣ вправо»,— констатируютъ англійскія газеты. Средній обыватель Пекхэма воевалъ бы со всѣмъ міромъ, строилъ бы «Дрэдноты» сотнями, вооружалъ бы каждаго солдата пулеметомъ, вводилъ бы самыя грандіозныя реформы, если бы... это ему ничего не стоило; если бы все это было осуществимо безъ налоговъ. Миссъ Андерсонъ, о показаніяхъ которой передъ комиссіей для изслѣдованія причинъ физическаго вырожденія населенія я говорилъ уже выше, повидимому, тоже имѣетъ въ виду физіологическое отвращеніе, питаемое среднимъ обывателемъ къ сборщику налоговъ. Вотъ почему она говоритъ довольно неопредѣленно о союзѣ различныхъ обществъ для помощи матерямъ—работницамъ. Чіозза-Моней въ своей книгѣ доказываетъ, что рента, дивидендъ и прибыль получаемые состоятельнымъ населеніемъ Англіи изъ труда рабочаго класса составляютъ въ годъ 900.000.000 ф. стерл. Только очень небольшая часть этихъ денегъ понадобится для того, чтобы осуществить естественное право каждаго будущаго гражданина—«право быть рожденнымъ при наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ». «Мы должны имѣть въ виду,—продолжаетъ англійскій экономистъ,—не только матерей работающихъ на фабрикахъ, но также и занятыхъ домашними работами. Многія матери

этого рода сильно нуждаются и, притомъ, крайне невѣжественны. У нихъ нѣтъ ни средствъ прокормить удовлетворительно себя и младенцевъ, ни знанія какъ пользоваться средствами, если бы даже и имѣли послѣднія. Мы видѣли случай, когда воспитаніе и реальная помощь должны итти вмѣстѣ. И то, и другое обязано доставить общество».

III.

Но какимъ образомъ дать ребенку шансы на то, чтобы онъ выросъ здоровымъ? Отвѣтъ, навертывающійся прежде всего—это: «воспитывайте будущихъ матерей». «Дѣвочки не должны оставлять окончательно народную школу, покуда не пройдутъ соотвѣтственный курсъ дѣтской гигіены и домохозяйства, — говоритъ Чіозза-Монней.—Въ настоящее время въ начальныхъ школахъ набиваютъ въ одинъ классъ 60—80 дѣвочекъ, которымъ учительница, имѣющая сама смутное понятіе объ обязанностяхъ матери, преподаетъ обрывки знаній. Дѣвочки выучиваются съ грѣхомъ пополамъ писать и считать. Онѣ умѣютъ читать тѣ лубочныя повѣсти, которыя фабрикуются спеціально для женщины рабочаго класса. Во всемъ остальномъ дѣвочка, оставляющая народную школу, болѣе невѣжественна, чѣмъ дикарка каменнаго вѣка. Чтобы подготовить будущихъ матерей, требуются, прежде всего, другія учительницы». Все это такъ; но въ такомъ случаѣ строительную работу пришлось бы отложить на много лѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, если предварительно еще необходимо подготовить штатъ новыхъ воспитателей, то къ реформамъ можно приступить только лѣтъ черезъ двадцать. По мнѣнію Чіозза-Монней, такъ долго ждать совсѣмъ не слѣдуетъ. Дѣло не терпитъ отлагательства, и общество немедленно обязано приступить къ подготовленію будущихъ гражданъ. И тутъ, когда авторъ развиваетъ свои планы, мы видимъ, какъ сильно предварительно расчищена уже почва въ Англіи. Мы имѣемъ передъ собою мощный, здоровый, крѣпкій организмъ, состоящій изъ множества маленькихъ самоуправляющихся клѣточекъ. Передъ нами автономные во всѣхъ своихъ дѣлахъ сельскіе, городскіе и графскіе совѣты, абсолютно не стѣсняемые безпрерывнымъ вмѣшательствомъ представителей центральной власти. Англійская земская единица знаетъ *только* выбранныхъ всѣмъ населеніемъ (съ этого года, безъ различія пола) совѣтниковъ. Ей не могутъ навязывать своихъ рѣшеній ни генералъ-губернаторы, ни губернаторы, ни градоначальники, ни исправники, ни полицеймейстеры, ни жандармскіе полковники, ни пристава, ни урядники, потому что ничего подобнаго этимъ должностямъ въ Англіи нѣтъ. Большія деньги, расходуемыя щедрой Россіей на содержаніе этихъ огорчителей смирнаго обывателя,—въ скупой Англіи остаются въ карманахъ населенія, безъ малѣйшаго ущерба для послѣдняго. У насъ осу-

ществителями «реформъ» являются представители центральной власти; въ Англiи же — начальная земская единица. И, вотъ по проекту Чiозза-Монней, на нее должна быть возложена обязанность заботиться о «начальной клѣточкѣ» общества, о младенцахъ. Кое гдѣ въ Англiи мелкiя земскiя единицы приступили уже къ реформамъ по собственной инициативѣ. Вотъ, напримѣръ, округъ С. Панкрасъ, одинъ изъ 29 муниципалитетовъ, входящихъ въ составъ федеративной муниципальной республики, которой имя Лондонъ. С. Панкрасъ очень бѣдный округъ. Городскiе врачи не успѣваютъ обходить всѣ дома. Въ округѣ еженедѣльно бываетъ около 130 рожденiй.

Каждой матери главный врачъ посылаетъ по почтѣ брошюру съ наставленiемъ, какъ кормить младенца и какъ ухаживать за нимъ. Адресъ матери главный врачъ узнаетъ у «регистратора», который въ Англiи ведетъ метрическiя книги *). Матери стоитъ только бросить въ почтовый ящикъ «открытку», какъ на квартиру явится сердечная, идеально-деликатная женщина инспекторъ изъ Organization Society. Инспекторъ осмотритъ младенца, напишетъ записку, по которой мать получитъ безплатно лѣкарства или специальную пищу для ребенка. Если нужно, инспекторъ пришлетъ опытную сидѣлку-фельдшерицу. Средства С. Панкраса не велики, поэтому медицинскiй штатъ тоже не такъ великъ, какъ долженъ былъ быть. Общество должно, прежде всего, позаботиться о беременной женщинѣ. «Нацiя должна употребить всѣ усилiя на то, чтобы замужнiя женщины не работали на фабрикахъ»,—говоритъ Чiозза Монней. Достигнуто это будетъ, конечно, тогда, когда повысится заработная плата мужчинъ и сократится число рабочихъ часовъ.

---

*) „Регистраторъ" принимаетъ у себя на дому. Приходитъ отецъ и заявляетъ, что у него такого-то числа родился, скажемъ, мальчикъ, названный Чарльзомъ. Регистраторъ не спрашиваетъ никакихъ документовъ; ему не нужны свидѣтели: его не интересуютъ свѣдѣнiя о религiи или нацiональности родителей. Всякiй, родившiйся на англiйской почвѣ,— британскiй подданный. Родители, если хотятъ, могутъ обратить младенца въ какую угодно вѣру или оставить его совсѣмъ безъ религiи. Все это совершенно не касается „регистратора". Тотъ же регистраторъ, не спрашивая документовъ, вѣнчаетъ; но при этомъ одинъ свидѣтель, живущiй въ данномъ округѣ и платящiй налоги, удостовѣряетъ, что вѣнчающiеся— люди свободные, не связанные бракомъ. Если вѣнчающiеся обманули регистратора, то отвѣчаетъ свидѣтель. Регистраторъ отмѣчаетъ смерть обывателя и выдаетъ разрѣшенiе на похороны, если кто-нибудь изъ родственниковъ принесетъ свидѣтельство врача о смерти. И всѣ эти обязанности регистраторъ продѣлываетъ споро, быстро и *незамѣтно*, безъ всякой волокиты и безъ малѣйшаго желанiя импонировать пришедшему своимъ начальническимъ тономъ. Кто разъ имѣлъ дѣло съ англiйскимъ регистраторомъ, тотъ съ особеннымъ раздраженiемъ будетъ вспоминать свои мытарства по россiйскимъ „присутственнымъ мѣстамъ", въ которыхъ не знаешь, чего больше: грязи ли, или грубыхъ, невоспитанныхъ чиновниковъ.

На заводахъ, гдѣ теперь работаютъ женщины, хозяева должны всюду имѣть спеціальный фондъ для помощи матерямъ. Чіозза-Монней какъ и другіе англійскіе экономисты, указываютъ на евреевъ, какъ на примѣръ. Даже среди переселенцевъ-евреевъ въ Истъ-Эндѣ замужнія женщины не работаютъ на фабрикахъ. Результаты очевидны. «Дѣти евреевъ въ Истъ-Эндѣ, за которыми матери лучше смотрятъ, здоровѣе и сильнѣе дѣтей христіанъ,—говоритъ Чіозза-Монней.—Какъ бы еврей ни былъ бѣденъ, онъ не пошлетъ свою жену, а въ особенности беременную, на фабрику».

Но мало еще добиться законодательнымъ путемъ того, чтобы беременная женщина не работала на фабрикѣ. Мать и младенецъ должны имѣть хорошее питаніе. Въ Англіи ежегодно рождаются 1.200.000 младенцевъ. Родители 300.000 изъ нихъ не имѣютъ средствъ. На помощь обязано явиться общество. Если бы каждая роженица получала по 10 ф. ст.,—говоритъ Чіозза-Монней, то это составило бы лишь три милліона ф. ст. въ годъ. Помощь эта отнюдь не должна вся выражаться въ деньгахъ. Авторъ опять указываетъ, какъ на примѣръ, на самопомощь среди евреевъ въ Истъ-Эндѣ. Тамъ существуетъ организація сидѣлокъ (Sick Room Helps). Вотъ какъ описываетъ ее Miss Bella Löwy. «Въ случаѣ болѣзни или родовъ матери,—дѣти остаются очень часто безъ всякаго призора. Некому убрать комнату, снарядить дѣтей въ школу и накормить мужа, отправляющагося на фабрику. И вотъ на помощь являются сидѣлки (Helps). Общество отправляетъ ихъ только туда, гдѣ нѣтъ другой женщины или дѣвочки-подростка. Сидѣлка на нѣкоторое время замѣняетъ въ домѣ мать: она купаетъ младенца, обряжаетъ дѣтей въ школу, стряпаетъ, моетъ и чиститъ домъ, чинитъ бѣлье и заботится о томъ, чтобы оно было выстирано. Очень часто все помѣщеніе семьи состоитъ только изъ одной комнаты, поэтому сидѣлкѣ приходится особенно заботиться о чистотѣ квартиры. Sick Room Helps, конечно, заботится о роженицѣ и гарантируетъ ей тотъ душевный и физическій покой, который особенно необходимъ въ подобныхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, роженица можетъ отдохнуть въ постели и встать потомъ безъ всякаго риска для здоровья. Сидѣлки получаютъ отъ Общества за свой трудъ. Такимъ образомъ, помимо того, что новорожденнымъ данъ лишній шансъ на то, чтобы вырости здоровымъ, множество женщинъ получаетъ правильный заработокъ». Sick Room Helps поддерживаются на средства еврейскаго общества въ Лондонѣ. Чіозза-Монней доказываетъ, что заботы подобнаго рода о роженицахъ вообще должны взять на себя мѣстные муниципалитеты. «Рожденіе ребенка,—говоритъ экономистъ,—является спеціальнымъ налогомъ на родителей, отъ котораго многіе умышленно уклоняются. А между тѣмъ ребенокъ принадлежитъ не только семьѣ, такъ какъ представляетъ собою интегральную часть націи. Вотъ почему страна, желающая имѣть здоровыхъ гражданъ, должна заботиться о воспитаніи ихъ».

Многія муниципальныя единицы въ Англіи занялись теперь доставкой здороваго, не подмѣшаннаго молока для дѣтей. Результаты сказались немедленно. Въ тѣхъ округахъ, гдѣ существуютъ муниципальныя молочныя фермы, смертность среди дѣтей понизилась на 50%. По мнѣнію экономиста, дѣло должно быть развито. Необходимо, чтобы городскія фермы не только доставляли здоровое молоко, но и снабжали имъ безплатно матерей, не имѣющихъ средствъ покупать его и не могущихъ кормить дѣтей грудью.

Разъ общество начнетъ заботиться о своихъ гражданахъ, такъ сказать, въ потенціалѣ, оно не можетъ не натолкнуться на вопросъ, что дѣлать съ тѣми «обломками человѣчества», которые могутъ рождать только нравственныхъ и физическихъ калѣкъ, ложащихся бременемъ на націю. Чтобы получить представленіе о потомствѣ «обломковъ человѣчества», мы должны заглянуть въ нѣкоторые особенно дикіе и бѣдные кварталы Лондона. Обратимся, напримѣръ, къ классическому «Labour and Life of the People». «Къ несчастью,— читаемъ мы тамъ,—во многихъ случаяхъ хроническое полуголодное состояніе дѣтей въ школахъ обусловливается не только бѣдностью родителей, но также пьянствомъ и пороками ихъ. Опытный глазъ сразу узнаетъ дѣтей подобнаго рода по ихъ болѣзненному, запуганному виду, по согнутымъ плечикамъ, какъ будто подавленнымъ пороками родителей.—Почему вы явились сегодня безъ завтрака въ школу?—спросилъ я разъ маленькаго мальчика.—Мать напилась вчера и не могла встать утромъ,»—услыхалъ я въ отвѣтъ *) Изъ подобныхъ домовъ являются не только *голодныя*, но и *тупыя* дѣти, полуидіоты или идіоты полные. Въ бѣдныхъ кварталахъ Лондона при городскихъ школахъ пришлось основать спеціальныя отдѣленія для такихъ тупицъ и полуидіотовъ (Special Difficulty Schools). Тупицъ пришлось выдѣлить, потому что они тормозятъ занятіе съ другими дѣтьми и, кромѣ того, служатъ объектомъ вѣчныхъ и злыхъ насмѣшекъ для товарищей. Въ одномъ Лондонѣ двадцать двѣ школы подобнаго рода съ 21.000 учащихся. «Special Difficulty Schools» всегда можно найти въ опредѣленныхъ кварталахъ. «Мы находимъ школу всегда въ центрѣ грязныхъ, нездоровыхъ, шумныхъ улицъ,—говоритъ Мэри Тэйборъ.—Отъ главной улицы ведетъ лабиринтъ слѣпыхъ, запутанныхъ переулковъ и дворовъ, грязныхъ, вонючихъ, заваленныхъ мусоромъ всякаго рода. Нѣкоторые изъ домовъ забракованы уже санитарными инспекторами и признаны негодными для жилья. Помѣщенія эти глядятъ на васъ выбитыми стеклами и забитыми дверями. Въ кварталѣ, гдѣ помѣщается «Special Difficulty School», мало семействъ, живущихъ въ квартирахъ, больше чѣмъ изъ двухъ комнатъ. Треть всего населенія живетъ въ квартирахъ изъ одной комнаты. Тутъ помѣщается иногда еще и жилецъ. Въ такихъ кварталахъ кабаки изобилуютъ.

---

*) «Labour and Life of the People», vol. II, p. 489.

Иногда одинъ питейный домъ приходится на 80—100 взрослыхъ жителей. Если принять во вниманіе, что всѣ кабаки торгуютъ бойко, то не будетъ удивительно, если родители тратятъ не много на то, чтобы прокормить дѣтей. Рожденныя въ такихъ квартирахъ дѣти носятъ на себѣ печать среды. Подчиняясь законамъ природы, они выростаютъ, чтобы слѣдовать примѣру родителей» *). Въ англійскихъ народныхъ школахъ около $2^0/_0$ такихъ дѣтей, которыя потомъ не смогутъ заботиться о себѣ въ жизни. «Государство,—говорить Чіозза-Монней,—защищая неприспособленныхъ къ жизни отъ самихъ себя, также обязано охранять отъ нихъ общество. Дѣти хроническаго алкоголика часто слабоумны. Дѣти слабоумныхъ часто идіоты. Слѣдуетъ ли удивляться, что въ домахъ для умалишенныхъ не хватаетъ помѣщенія, если вспомнимъ, что общество не можетъ помѣшать непригоднымъ къ жизни плодиться?—продолжаетъ англійскій экономистъ. Статейные списки тюремъ и рабочихъ домовъ свидѣтельствуютъ объ ужасныхъ послѣдствіяхъ права слабоумныхъ и безумныхъ на размноженіе. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Дэвентри привлекались къ отвѣту супруги за жестокое обращеніе съ своимъ десятилѣтнимъ сыномъ. На судѣ выяснилось, что мальчикъ—полный дегенерантъ, несомнѣнный кандидатъ на первое вакантное мѣсто въ каторжной тюрьмѣ. Родители признаны были «слабоумными». «Мальчика отправили въ рабочій домъ,—говоритъ Чіоза-Монней,—а родителей присудили къ однодневному аресту. Теперь они снова свободны и могутъ опять нарождать себѣ подобныхъ. Другой случай, отмѣченный мною,—продолжаетъ экономистъ,—произошелъ въ Олтонѣ. Къ попечительному о бѣдныхъ комитету обратился старикъ-паралитикъ. Онъ былъ женатъ трижды и наплодилъ тридцать дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторыя—«полные идіоты». Отъ нихъ, по всей вѣроятности, произойдетъ потомство калѣкъ и идіотовъ. Недавно Амосъ Бѣтлеръ прочиталъ передъ Ассоціаціей ученыхъ Америки докладъ о вырожденіи. Ученый привелъ цѣлый рядъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ гибельно для общества то, что дегенеранты имѣютъ право размножаться. Бѣтлеръ прослѣдилъ потомство слабоумной женщины. У ней были двѣ дочери, которыя, какъ не вполнѣ безумныя, имѣли право выйти замужъ. Одна изъ нихъ, Рэчель, была дважды замужемъ и родила одиннадцать дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ восемь. Одинъ изъ нихъ—преступникъ, остальные дегенеранты. Вторая дочь Кэтъ имѣла четырехъ дѣтей и всѣ они—слабоумны. Одна изъ ея дочерей вышла замужъ за слабоумнаго паралитика и имѣетъ пять ужасныхъ дѣтей. Теперь упомянутая слабоумная женщина—родоначальница потомства въ двадцать девять душъ, изъ которыхъ двѣнадцать въ послѣднія десять лѣтъ провели въ домахъ для умалишенныхъ въ сложности двадцать два года» **).

*) Life and Labour of the People, vol. II, page 491—492.
**) Riches and Poverty, p. 173.

Гораздо легче констатировать подобные факты, чѣмъ придумать предупредительныя мѣры, сколько-нибудь соотвѣтствующія элементарнымъ представленіямъ о справедливости. Понятія «дегенерантъ» и «преступникъ» крайне растяжимы. Терминъ «слабоумный» тоже не такъ легко будетъ опредѣлить, если придется, напримѣръ, на основаніи его установить право индивидуума на бракъ. Сколько моральныхъ идіотовъ не только имѣютъ право размножаться, но держать въ своихъ рукахъ счастье и даже жизнь сотенъ людей! Алкоголики несомнѣнно плодятъ будущихъ дегенерантовъ; но отъ нихъ рождаются также такіе безумные геніи, какъ Эдгаръ По или поэтъ Томсонъ, о которомъ я не такъ давно писалъ въ «Русскомъ Богатствѣ» («Поэтъ отчаянія»). Если бы въ Италіи въ началѣ XIX вѣка существовали такіе же законы по отношенію къ уродливымъ дѣтямъ, какъ въ древней Спартѣ,—то погибъ бы въ младенчествѣ Леопарди. Тотъ надзоръ за правоспособностью населенія на продолженіе потомства, о которомъ говоритъ Чіозза-Монней привелъ бы даже въ демократическихъ странахъ къ такимъ грубымъ нарушеніямъ элементарныхъ человѣческихъ правъ, что отъ него пришлось бы отказаться. Иначе даже въ свободной странѣ человѣчество оказалось бы загнаннымъ въ какой-то подвалъ. Даже въ Англіи такой законъ, если бы онъ осуществился, вынесъ бы на поверхность, какъ охранителей общества отъ вырожденія, собственныхъ Держимордъ и Угрюмъ-Бурчеевыхъ, лежащихъ теперь на невѣдомой глубинѣ, гдѣ-то подъ иломъ. Когда этотъ илъ невѣдомыхъ глубинъ былъ всколыхнутъ реакціей при реставраціи Стюартовъ, на поверхность выплыли столь знакомые современному русскому типы, какъ обличитель всеобщаго (не существовавшаго) заговора, организаторъ союза «истинныхъ англичанъ» и боевыхъ дружинъ для борьбы съ крамолой, шантажистъ и обманщикъ, вымогатель королевскихъ субсидій священникъ Титъ Оатсъ. Теперь у англичанъ это имя—синонимъ всего безчестнаго, продажнаго, наглаго и подлаго. А во времена Карла II Титъ Оатсъ былъ политической силой, съ которой считался король. Жалкій, подобранный парламентъ временъ реставраціи вотировалъ даже ему благодарность и пожизненную пенсію. Контроль, о которомъ говоритъ англійскій экономистъ,—несомнѣнно призоветъ такихъ блюстителей общественныхъ интересовъ, какъ Оатсъ. Что же дѣлать? Если потомки алкоголиковъ дегенеранты,—нужно принять такія мѣры, чтобы алкоголики не могли появляться вообще, т. е. необходимо такъ оздоровить общество, чтобы пьянство изчезло. Если жизнь въ трущобахъ порождаетъ калѣкъ,—необходимо, чтобы трущобъ не было, чтобы все населеніе жило въ здоровыхъ помѣщеніяхъ, удовлетворяющихъ элементарнымъ требованіямъ гигіены.

IV.

Итакъ, мы видѣли, что англійскій экономистъ выставляетъ и защищаетъ тезисъ: общество обязано заботиться о «гражданахъ въ потенціалѣ». Вотъ почему оно *обязано* дать средства неимущимъ матерямъ выкормить здоровыхъ и крѣпкихъ дѣтей. Въ этомъ не только обязанность, но и *выгода* общества. Наступаетъ второй фазисъ развитія будущаго гражданина: школьный періодъ. Вся школьная система должна представлять одно органически стройное цѣлое. Въ Англіи существуютъ теперь очень хорошія начальныя школы (Board Schools), которыя вполнѣ національны, т. е. открыты для всѣхъ, безплатны и не оказываютъ давленія на совѣсть учащихся: катехизисъ не преподается въ Board Schools. Учитель прочитываетъ только главу изъ библіи, не комментируя ее. Въ Англіи есть также нѣсколько прекрасныхъ, почти идеальныхъ среднихъ учебныхъ заведеній (Public Schools). Въ нихъ система воспитанія состоитъ въ культивированіи *индивидуальности* мальчика. Учителя уважаютъ личность маленькаго гражданина. Школа, кромѣ того что даетъ знанія, воспитываетъ въ мальчикахъ чувство справедливости, чести, долга, self-respect (самоуваженія), затѣмъ—мужество. Чувство справедливости настолько высоко развито, что въ англійскихъ школахъ, гдѣ рядомъ на одной скамьѣ сидятъ не только бѣлые разныхъ вѣръ и національностей, но и цвѣтнокожіе изъ колоній, *никогда* не поднимается узко-національный вопросъ. Школа учитъ маленькаго англичанина, что изъ чувства self-respect онъ долженъ уважать личность другихъ. Въ англійской средней школѣ мальчики составляютъ одну республику, или, коли хотите, сѣчь, проникнутую общимъ корпоративнымъ духомъ. Сѣчь эта дѣлится на множество маленькихъ кошей, согласно симпатіямъ мальчиковъ. Но учителя, цѣня индивидуальность кошевиковъ, умѣютъ внушить также уваженіе къ себѣ. Учителя и «сѣчь» въ подавляющемъ большинствѣ Public Schools не составляютъ два враждующихъ, ненавидящихъ и не понимающихъ другъ друга лагеря, какъ у насъ въ гимназіяхъ, а одно органическое цѣлое. Передъ Рождествомъ я былъ на актѣ въ одной изъ самыхъ старинныхъ англійскихъ Public Schools, въ St. Paul's. Признаться, меня больше всего поразило слѣдующее. Когда актъ кончился, одинъ изъ мальчиковъ на хорахъ крикнулъ:

— Three cheers for Mr. Bewsher! (Трижды ура за мистера Бьюшера, т. е. директора). И тотчасъ же *всѣ* мальчики закричали:

— Hip! Hip! Hip! Hurra!

Я не могу себѣ представить, чтобы въ мое время, т. е. въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ, кто-нибудь изъ моихъ школьныхъ товарищей предложилъ бы крикнуть «ура» ди-

ректору. Еще меньше могу себѣ представить, что предложеніе принято немедленно всѣми. На сколько мнѣ извѣстно, за послѣднія тридцать лѣтъ положеніе дѣлъ не измѣнилось...

Итакъ, въ Англіи существуютъ очень хорошія среднія школы, открытыя для всѣхъ, безъ различія національности, вѣры или цвѣта кожи. При поступленіи въ англійскую среднюю школу отъ родителей не спрашиваютъ никакихъ «документовъ», какъ у насъ. Отецъ только заявляетъ, что желаетъ опредѣлить своего сына стольких-то лѣтъ. И это заявленіе принимается на вѣру. Громадный недостатокъ англійской средней школы это, прежде всего, высокая плата: 40—45 ф. ст. въ годъ и даже больше. Я не говорю о спеціальныхъ школахъ для дѣтей очень богатыхъ людей, какъ итонская или гарроуская, гдѣ обученіе обходится въ 150—200 ф. ст. въ годъ. Правда, въ большинствѣ Public Schools имѣются въ громадномъ числѣ стипендіи (Scholarships), открытыя для *всѣхъ*, выдержавшихъ спеціальный экзаменъ. Такимъ образомъ, способный мальчикъ, англичанинъ ли онъ или иностранецъ, всегда можетъ разсчитывать на стипендію, вообще довольно большую (50—70 ф. ст. въ годъ). Но способные мальчики, обучающіеся въ начальныхъ безплатныхъ школахъ, не всегда могутъ получить стипендію: въ младшихъ «формахъ» (классахъ) среднихъ учебныхъ заведеній нѣтъ Sholarships. Затѣмъ, преподаваніе въ низшихъ и среднихъ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ не координировано. Въ настоящее время мальчики съ блестящими способностями, кончающіе начальную школу, получаютъ отъ города небольшую стипендію, чтобы поступить въ переходныя учебныя заведенія, какъ, напр., Latimer School. Если среднія учебныя заведенія въ Англіи поставлены очень хорошо, то въ такой же степени плохи университеты. Кромѣ Шотландіи, гдѣ университеты демократичны и приближаются къ германскому типу, въ Соединенномъ Королевствѣ мы имѣемъ или хроническіе обломки минувшихъ вѣковъ, или новые, тоже крайне неудовлетворительные университеты. Въ отношеніи платы за ученіе англійскіе университеты еще болѣе недоступны, чѣмъ Public Shools. Такимъ образомъ, предъ реформаторомъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ Англіи—задача нелегкая и сложная. «Всеобщее начальное образованіе не явилось въ Англіи панацеей отъ всѣхъ спеціальныхъ бѣдствій,—говоритъ профессоръ Даррокъ въ своемъ интересномъ трудѣ, вышедшемъ въ концѣ прошлаго года.—Необходимо, конечно, признать, что всеобщее и обязательное обученіе дало очень хорошіе результаты, но многое еще остается сдѣлать. Съ тѣхъ поръ, какъ введено всеобщее и обязательное образованіе, дѣти у насъ болѣе систематически обучаются механическому искусству читать, писать и считать; но въ то же время мы наблюдаемъ тенденцію смотрѣть на это механическое искусство, какъ на *конечную цѣль*, а не какъ на *инструментъ* для овладѣнія другимъ знаніемъ. Вотъ почему

нашей начальной школѣ не удалось развить воображеніе дѣтей. Не удалось ей также воспитать умъ ученика и пробудить иниціативу. Въ послѣднія тридцать лѣтъ въ начальной англійской школѣ было больше обученія, но меньше воспитанія. Процессъ воспитанія состоитъ въ созиданіи въ умѣ ученика постоянной и прочной системы идей, которая впослѣдствіи будетъ дѣйствовать при достиженіи различныхъ цѣлей въ жизни. Въ настоящее время наша школа все еще руководится старымъ взглядомъ, въ силу котораго важны только знанія, добытыя памятью. Вслѣдствіе этого значительная часть такъ называемаго знанія, пріобрѣтеннаго въ школѣ, оказывается совершенно непригоднымъ въ жизни. Обусловливается это явленіе тѣмъ, что начальная школа совершенно не знакомитъ ни съ природой, ни съ обществомъ. Противъ начальной школы выдвигается еще одно серьезное обвиненіе. Она не развиваетъ чувства гражданскаго долга, безъ котораго немыслимъ соціальный прогрессъ націи. Наши начальныя школы въ большихъ городахъ являются не учебными заведеніями, а скорѣе фабриками, въ которыхъ молодежь ежегодно шлифуется такъ, что механически овладѣваетъ искусствомъ читать, писать и считать. Окончательнымъ лоскомъ, наводимымъ этими фабриками, являются кое-какіе обрывки знаній. Но «школьныя фабрики» не внушаютъ никакого представленія о моральныхъ и гражданскихъ обязанностяхъ въ жизни. Чтобы начальная школа могла принести дѣйствительную пользу, она должна быть преобразована согласно требованіямъ живой жизни. Дальнѣйшимъ недостаткомъ начальной школы является слишкомъ ранній возрастъ, въ которомъ дѣти разстаются съ нею,— продолжаетъ профессоръ Даррокъ. Чтобы воспитаніе принесло пользу, необходимо повысить тотъ возрастъ, въ которомъ дѣти оставляютъ школу. Наконецъ, въ современной начальной школѣ не удѣляется достаточно вниманія техническому обученію тѣхъ, которымъ впослѣдствіи суждено, быть можетъ, стать «вождями въ области промышленности и торговли» *).

V.

Какъ же перестроить школу такъ, чтобы она соотвѣтствовала запросамъ, выдвигаемымъ демократическимъ обществомъ? На это отвѣчаетъ Чіозза-Монней въ своей книгѣ. Необходимо, чтобы низшее, среднее и высшее образованіе составляли одно стройное цѣлое; необходима демократизація науки. Авторъ останавливается, прежде всего, на начальной школѣ и доказываетъ, что она должна подготовить ученика къ борьбѣ за жизнь.—«Чтобы преуспѣть въ

*) „Prof. Darroch", The Children: Some Educational Problems. Edinburgh, 1907, page 8—9.

ней,—говоритъ авторъ,—гражданинъ долженъ быть не только силенъ, но и искусенъ; не только уменъ, но и смышленъ; не только храбръ въ отстаиваніи своихъ правъ, но и дерзновененъ въ требованіи новыхъ правъ. Будущій гражданинъ долженъ быть не только искусный мастеръ, но и практичный купецъ, умѣющій выгодно продать свой трудъ». Чіозза-Монней, конечно, рисуетъ идеалъ, какъ онъ представляется среднему англичанину. Какъ несправедливо общество, знающее что такое система соперничества, къ дѣтямъ, которыхъ берется воспитывать! Начальная школа отпускаетъ воспитанникамъ скромную дозу книжнаго знанія, затѣмъ выпускаетъ ихъ, чтобы они искали предпринимателей. «Школа совершенно не приготовила дѣтей къ практической жизни. Будущіе работники не имѣютъ никакого представленія о механизмѣ, часть котораго составятъ, о машинахъ, у которыхъ будутъ работать. Мальчики, кончающіе начальную школу, погружаются въ работу, о которой имъ ничего не говорили. Они должны жить заработной платой, не имѣя представленія о законахъ ея. Дѣло, въ которомъ мальчики работаютъ, представляется имъ великой тайной, понятной только нѣкоторымъ избраннымъ. Молодой работникъ становится производителемъ товаровъ, которые непонятнымъ для него путемъ расходятся и доставляютъ ему непостоянный, ограниченный заработокъ. Молодой работникъ не видитъ отчетовъ фабрики, а если бы и видѣлъ, то не понялъ бы ихъ. Онъ не въ состояніи измѣрить, до какой степени велика несправедливость по отношенію къ нему. Современная форма производства, помимо всего, есть игра между немногими, понимающими ее и подавляющимъ большинствомъ, не имѣющимъ о ней никакого представленія. Большинство смутно сознаетъ только, что его постоянно обыгрываютъ. Вслѣдствіе того, что большинство населенія бѣдно, дѣти его не имѣютъ физической возможности развить всѣ свои способности». Страдаетъ отъ этого, прежде всего, общество. «Изъ года въ годъ,—говоритъ Чіозза-Монней,—мы губимъ ранніе всходы населенія; изъ года въ годъ общество отупляетъ людей, которые при болѣе благопріятныхъ условіяхъ могли бы обогатить литературу и искусство. Только иногда, при исключительныхъ условіяхъ, выдвигаются талантливые люди изъ массъ; и тогда только мы видимъ, какъ богатъ запасъ силъ, таящихся тамъ».

Реформированная начальная школа должна, прежде всего, позаботиться о физическомъ развитіи дѣтей. Медицинскій персоналъ въ начальныхъ школахъ долженъ быть значительно увеличенъ. Каждый ребенокъ при поступленіи въ школу долженъ быть подвергнутъ тщательному изслѣдованію со стороны врача, которое повторяется потомъ періодически нѣсколько разъ въ мѣсяцъ. Результатомъ осмотра будетъ, между прочимъ, рѣшеніе, способенъ ли ребенокъ прослушать нормальный школьный курсъ? Малоспособныхъ дѣтей слѣдуетъ выдѣлить въ отдѣльный классъ. Въ бельгійскихъ началь-

ныхъ школахъ врачъ осматриваетъ дѣтей каждые десять дней. Подобные же осмотры происходятъ въ берлинскихъ школахъ. Вотъ какъ описываетъ наблюдатель эти періодическіе осмотры дѣтей въ начальныхъ школахъ Шарлоттенбурга. «Родители получаютъ увѣдомленіе, что такъ какъ такого-то числа въ школѣ ихъ сынъ будетъ подвергнутъ медицинскому осмотру, то поэтому желательно присутствіе отца или матери. Къ назначенному часу,—говоритъ наблюдатель,—собралось около тридцати дѣтей съ ихъ матерями. Необыкновенно тщательное медицинское изслѣдованіе происходило соотвѣтственно выработанной инструкціи. Мальчиковъ, которыхъ осмотръ, повидимому, очень забавлялъ, раздѣли и тщательно выслушали сердце, легкія и другіе органы тѣла. Врачъ отмѣчалъ всякую мелочь. Матерямъ задавали вопросы о томъ, какъ питаются дѣти, какого рода пищу ѣдятъ они? Пьютъ ли они много молока? Хорошій ли у нихъ аппетитъ? и т. д. Въ «статейномъ спискѣ» каждаго мальчика отмѣчается его ростъ, вѣсъ, объемъ грудной клѣтки, состояніе сердца и желудка, болѣзни кожи, состояніе спины и конечностей, острота зрѣнія и слуха, въ какомъ состояніи ротъ и носъ, рѣчь. Врачъ обращаетъ вниманіе учителей на то, какъ слѣдуетъ обходиться съ тѣмъ или другимъ мальчикомъ. Въ одномъ случаѣ, напр., врачъ отмѣтилъ, что мальчика не слѣдуетъ заставлять дѣлать гимнастику, такъ какъ у него грыжа».

Чіозза-Монней рекомендуетъ приглашать родителей не только при періодическихъ медицинскихъ осмотрахъ дѣтей. Въ Шотландіи, напр., очень хорошіе результаты получены оттого, что во многихъ начальныхъ школахъ имѣются особые дни, когда родители могутъ являться и видѣть, какъ работаютъ ихъ дѣти. «Родители (работницы и работники) очень любятъ эти дни,—пишетъ инспекторъ народныхъ школъ miss Deverell. — Женщины критически осматриваютъ чужихъ дѣтей и гордятся, если ихъ собственныя болѣе умыты, тщательнѣе причесаны и вообще чище». Школьный врачъ долженъ составлять тщательныя антропометрическія таблицы, чтобы, такимъ образомъ, нація постоянно знала, какъ обстоятъ дѣла съ подрастающимъ поколѣніемъ. Тщательное вниманіе необходимо удѣлять зубамъ дѣтей. Дантистъ, поэтому, долженъ работать въ начальныхъ школахъ рука въ руку съ врачомъ. Дѣти вообще мало нуждаются въ лѣкарствахъ, но тоническое средство, какъ рыбій жиръ, необходимо имѣть въ каждой начальной школѣ. О томъ, насколько необходимъ медицинскій осмотръ въ школахъ, говоритъ примѣръ Берлина. Въ 1899 г. 21% всѣхъ мальчиковъ и 19% дѣвочекъ, осмотрѣнныхъ въ Шарлоттенбургѣ, помѣщены подъ спеціальный медицинскій контроль. Совершенно здоровыми признаны только 24% всѣхъ мальчиковъ и 19%—дѣвочекъ *).

---

*) George Andrew, Report to the Scottish Education Department on the schools of Berlin and Charlottenburg. Cd. 2120.

Иногда дѣти являются въ школу безъ завтрака по винѣ и по небрежности родителей. Но такіе случаи представляютъ все-таки исключеніе. И если дѣти приходятъ въ школу голодныя, то обусловливается это бѣдностью. Вотъ почему прямая обязанность общества заботиться о томъ, чтобы въ школѣ не было голодныхъ дѣтей. По показаніямъ доктора Эйхольца, даннымъ предъ спеціальной комиссіей, въ народной школѣ на Johanna Street въ Ламбетѣ (самый «бѣдный и дикій кварталъ Лондона), 90% всѣхъ дѣтей не могутъ слѣдить за объясненіями учителя, потому что голодны. Докторъ Хентеръ вычисляетъ, что 16% всѣхъ дѣтей въ лондонскихъ начальныхъ школахъ приходятъ безъ завтрака.

«Кто имѣлъ соприкосновеніе съ организаціей школьныхъ столовыхъ,—говоритъ Хентеръ,—тотъ никогда не забудетъ сценъ, свидѣтельствующихъ о крайнихъ предѣлахъ голода дѣтей. Мальчики и дѣвочки жадно набрасываются на кружки съ какао и такъ стремительно глотаютъ куски хлѣба, что, кажется, никогда не насытятся». Помимо безплатныхъ завтраковъ, дѣти въ начальныхъ школахъ должны получать еще во время перемѣнъ молоко,—говоритъ Чіозза-Монней. Когда всѣ муниципалитеты будутъ имѣть городскія молочныя фермы, то снабженіе начальныхъ школъ молокомъ очень легко устроить. Прибыль, получаемая фермами, покроетъ расходы, сопряженные съ безплатнымъ снабженіемъ школъ молокомъ. Если дѣти будутъ хорошо накормлены, то обученіе ихъ гимнастикѣ, плаванью, садоводству—быстро дастъ отличные результаты. Нація, такимъ образомъ, получитъ здоровое, крѣпкое, жизнерадостное молодое поколѣніе. Здоровое, сытое, чисто одѣтое дитя можно учить уже «self-respect» и основанному на этомъ уваженію къ другимъ.

Позаботившись, такимъ образомъ, о тѣлѣ воспитанника, мы можемъ обратить теперь вниманіе на умъ его,—говоритъ Чіозза-Монней. Въ англійскихъ Public Schools, т. е. въ среднихъ школахъ, воспитатели обращаютъ вниманіе на то, чтобы мальчики умѣли *думать* и чтобы они ясно и точно выражали свои мысли. Вотъ почему въ лучшихъ среднихъ школахъ центръ тяжести преподаванія лежитъ въ изученіи англійскаго языка, математики и естественныхъ наукъ. Въ тѣхъ школахъ, гдѣ изученію древнихъ языковъ удѣляется все еще первое мѣсто, преподаватели мотивируютъ это тѣмъ, что сжатость и точность латинскихъ классиковъ дисциплинируютъ умъ и пріучаетъ мальчиковъ къ ясному и точному мышленію. «Парламенты», существующіе при всѣхъ Public-Schools, тоже пріучаютъ мальчиковъ не только къ сознательному отношенію къ дѣйствительности, но и къ выраженію своихъ мыслей въ ясной, точной, сжатой и красивой формѣ. По мнѣнію англійскихъ реформаторовъ, начальная школа страдаетъ большимъ дефектомъ: она не пріучаетъ, какъ средняя школа, къ точному мышленію. Для этого въ начальныхъ школахъ необходимо

преподаваніе точныхъ наукъ. Необходимо, чтобы ребенокъ, съ самаго ранняго возраста, знакомился съ природой и научился бы наблюдать явленія ея.

«Ничто такъ дѣти ни любятъ, какъ уроки естественной исторіи, если преподаваніе поставлено хорошо,—говоритъ Чіозза-Монней. — Дитя — естествоиспытатель по природѣ своей. Умъ его всегда ищетъ причину явленій. Каждый отецъ, вслѣдствіе своего невѣжества въ области естественныхъ наукъ, долженъ постоянно хитростью или грубостью уклоняться отъ простыхъ и вполнѣ разумныхъ вопросовъ, задаваемыхъ дѣтьми. Есть много людей, получившихъ университетское образованіе, но не могущихъ понятно объяснить процессъ кровеобращенія. Дикарь, по крайней мѣрѣ, удивляется, когда видитъ локомотивъ. Средній «образованный» человѣкъ давно уже пересталъ удивляться всѣмъ чудесамъ творящимся вокругъ него. Онъ принимаетъ все, какъ нормальное. Школа должна хоть поддерживать въ дѣтяхъ свойство «удивляться». Преподаваніе естественной исторіи въ начальныхъ школахъ должно идти рядомъ съ знакомствомъ съ окружающей природой. Ничего сколько-нибудь основательнаго начальная школа не можетъ дать, если дѣти будутъ оставлять ее, какъ теперь, въ 13 лѣтъ. Необходимо, чтобы воспитанники оставляли народную школу только въ 16 лѣтъ. Для этого необходимо законодательнымъ путемъ воспретить дѣтскій трудъ. Помимо того, что такая реформа дастъ болѣе здоровую націю, она улучшитъ также положеніе труда вообще. Если дѣти останутся въ школѣ до 16 лѣтъ, явится возможность дать имъ порядочныя техническія знанія. Послѣдніе три года школьной жизни должны быть посвящены, между прочимъ, ознакомленію съ правами и обязанностями гражданина, съ общественнымъ строемъ, съ положеніемъ промышленности. Мальчикамъ слѣдуетъ узнать основные экономическіе законы. И теперь въ начальныхъ англійскихъ школахъ существуютъ въ зародышѣ тѣ «клубы», которые мы наблюдаемъ въ Public-Schools. По мнѣнію Чіозза-Монней, большая самодѣятельность мальчиковъ принесетъ громадную пользу націи. Въ этомъ отношеніи англійскій экономистъ рекомендуетъ интересное школьное движеніе (School City movement), зародившееся въ Филадельфіи по инціативѣ Уильсона Джилля, который, подъ вліяніемъ идей Песталоцци, желаетъ, чтобы школа дѣйствительно подготовляла къ жизни. По проекту Уильсона Джилля, каждая школа составляетъ своего рода отдѣльную муниципальную республику, въ которой каждый классъ представляетъ избирательный округъ (Ward). Школьники сами выбираютъ изъ своей среды срокомъ на десять недѣль мэра, совѣтниковъ, магистратовъ и... полисмэновъ. Дѣти сами вырабатываютъ собственную конституцію и постановляютъ законы. Вотъ одна изъ такихъ «конституцій».

I. Общій законъ для всего Школьнаго города. Поступай по отно—

шенію къ другимъ такъ, какъ ты хотѣлъ бы, чтобы они поступали съ тобой. Это тотъ естественный законъ, при несоблюденіи котораго не можетъ преуспѣть ни одно правительство. Онъ является въ школьномъ городѣ (School City) основнымъ закономъ которому должны соотвѣтствовать всѣ другіе законы и предписанія.

II. Что воспрещается. § 1. Не дѣлай другимъ того, чего не хотѣлъ бы, чтобы они дѣлали тебѣ.

Порядокъ. § 2. Воспрещается все то, что нарушаетъ порядокъ въ залахъ и помѣщеніяхъ, находящихся въ предѣлахъ юрисдикціи Школьнаго города.

§ 3. Воспрещается все грубое, невѣжливое и грязное и т. д.

Третья глава «конституціи» говоритъ о правахъ и обязанностяхъ «гражданъ» Школьнаго города. Четвертая глава посвящена наказаніямъ. Каждый мальчикъ, нарушившій законы Школьнаго города, выработанные самими «гражданами», подлежитъ наказанію отъ выговора до «лишенія правъ гражданства». Въ подобномъ случаѣ мальчикъ перестаетъ быть членомъ Школьнаго города. «До сихъ поръ,—говоритъ Уильсонъ Джилль,—школа представляла собою абсолютную монархію, съ самодержцемъ-педагогомъ во главѣ. Мнѣ пришла мысль превратить школьную монархію въ свободную республику, и опытъ далъ хорошіе результаты. Дѣти *не играютъ* въ законодателей, когда составляютъ конституцію и вырабатываютъ законы. Мальчики такъ же серьезно относятся къ своему дѣлу, какъ и взрослые законодатели. Они вполнѣ сознаютъ отвѣтственность своихъ поступковъ. Такимъ образомъ, школьный городъ подготовляетъ мальчиковъ къ сознательной гражданской жизни» *). Въ слѣдующемъ письмѣ я коснусь дальнѣйшихъ реформъ, намѣченныхъ въ книгѣ Чіозза-Монней. Созидательная работа въ начальной школѣ требуетъ громадныхъ средствъ. Авторъ указываетъ на поразительное богатство Англіи. Здѣсь, напр., въ прошломъ году 27.500 человѣкъ оставили наслѣдство въ 257 мил. ф. ст. Повышенный прогрессивный налогъ на наслѣдства можетъ доставить громадныя суммы на осуществленіе реформъ. То же самое можно сказать о налогѣ на «незаработанное приращеніе» ренты.

Діонео.

---

*) Social Service. New York. Іюльская книжка за 1905 г.

Хроника внутренней жизни.

1. Казенный расцвѣтъ церкви и его итоги. Полемика православія со старообрядчествомъ.—2. Средняя линія современнаго старообрядчества. Политическая лояльность сектантовъ.—3. Попытка церковной реформы.—4. Время неблагопотребное. Всероссійскій національный союзъ. Думскій вотумъ о террорѣ.—5. Малыя дѣла вмѣсто великихъ задачъ. Дума и рѣчь г. Извольскаго. Малыя дѣла и большіе вопросы. Состояніе работъ въ думскихъ комиссіяхъ.

I.

Всякаго, кто сколько-нибудь внимательно присматривался къ православно-церковной жизни послѣднихъ 25 лѣтъ, невольно поражаетъ глубокое противорѣчіе между внѣшностью и внутреннимъ содержаніемъ. Если судить по внѣшности, насколько она отражается въ офиціальныхъ актахъ, то съ воцаренія Александра III въ Россіи началась эпоха небывалаго расцвѣта православія и неожиданно высокаго подъема религіозныхъ, въ православномъ смыслѣ этого слова, чувствъ среди народа. Именно небывалаго и неожиданнаго. Царствованіе Александра II для церкви было какъ бы временемъ застоя и даже упадка. И въ частности, какъ ни горячо убѣждалъ Леонтьевъ, что «въ наше время основаніе спаснаго монастыря полезнѣе учрежденія двухъ университетовъ и цѣлой сотни реальныхъ училищъ», какъ ни заманчива для голоднаго люда обезпеченная русскими законами сытость иноковъ, но уменьшалось, хотя и медленно, число мужскихъ монастырей, рѣдѣла, хотя и не сильно, монастырская мужская братія *). А затѣмъ вдругъ началась эпоха расцвѣта. Уже въ первое десятилѣтіе этой эпохи,—съ 1881 г. по 1890 г.—между прочимъ, было основано 160 новыхъ монастырей. Подсчетъ г. Кильчевскаго по «Собранію узаконеній и распоряженій» обнаружилъ, что за время съ 1885 по 1906 г. основано 304 новыхъ монастыря, изъ нихъ 34 за послѣдніе годы (1903 — 1906). Ежегодный приростъ монашествующихъ при Александрѣ III достигалъ въ среднемъ до 1234 иноческихъ душъ обоего пола. Съ 1895 по 1902 г. ежегодный приростъ монашествующихъ достигъ въ среднемъ до цифры 1693. За 20 лѣтъ удвоилось число монастырской братіи; за 15 лѣтъ (съ 1890 г.) на 200.000 десятинъ увеличилось землевладѣніе церквей; размѣръ монастырскаго землевладѣнія доведенъ въ среднемъ въ 50 губерніяхъ Ев-

*) Въ Россіи было: а) мужскихъ монастырей въ 1855 г. 463, въ 1881 г. 448; б) монаховъ и послушниковъ въ 1855 г. 10,5 тысяч., въ 1881 г. 9,8 тыс. См. у г. В. Кильчевскаго, „Богатства и доходы духовенства“, стр. 4—5.

ропейской Россіи до 40 десятинъ на каждаго монаха и на каждую монахиню (не считая послушниковъ и послушницъ)... Словомъ, казалось бы, православіе и матеріально пріумножилось и морально расцвѣло. Одна только Саровская пустынь стала вдругъ собственникомъ 26000 десятинъ земли. Казалось бы, и продолжаетъ православіе пріумножаться и расцвѣтать. Растутъ ассигновки. Украшаются церкви и монастыри. И, тѣмъ не менѣе, духовно-нравственный «Лучъ Свѣта» (№ 2, 1908 г.) горестно спрашиваетъ:

«Какое будущее ожидаетъ нашу церковь?.. Успокаивающій голосъ, что ничто не разрушитъ церкви, что ее не одолѣютъ даже врата ада, въ настоящее время звучитъ скорѣе ироніей, чѣмъ правдой».

«Что видимъ, что слышимъ вокругъ себя?—подтверждаетъ ту же мысль первоприсутствующій членъ синода митрополитъ Антоній.—Оскудѣваетъ вѣра; гибнетъ древне-русское благочестіе» *).

И первоіерархъ православія не ошибается: дѣйствительно «оскудѣваетъ» и «гибнетъ» древнее благочестіе. Церкви за послѣднее время непрестанно приходится считать потери. Происходитъ отпаденіе въ католичество,—массовое (мірянъ) и единичное (священниковъ); и въ числѣ отпавшихъ состоитъ, между прочимъ, какъ сообщалъ «Старообрядецъ», протоіерей Сергій Веригинъ, настоятель православныхъ русскихъ церквей въ южной Франціи. Происходитъ массовое и единичное отпаденіе въ магометанство, особенно сильное въ губерніяхъ Казанской, Уфимской, Симбирской; въ числѣ прочихъ отпалъ въ магометанство священникъ Іоаннъ Громовъ вмѣстѣ съ своимъ приходомъ. Наблюдается массовое отпаденіе въ лютеранство, въ штундизмъ, въ баптизмъ, въ язычество, въ еврейство **). Во многихъ мѣстахъ среди мірянъ обнаруживается тяготѣніе къ переходу въ старообрядчество, особенно замѣтное, между прочимъ, въ Саратовской губ. («Старообрядецъ» № 9, 1907 г.). Священниковъ, отпавшихъ въ старообрядчество, приходится считать десятками. И это не прежніе никому невѣдомые «бѣглые попы». Среди «присоединенныхъ къ старой вѣрѣ» есть, напр., учитель при волынской духовной семинаріи Іоаннъ Волощукъ, бывшій редакторомъ-издателемъ православнаго органа: «Кременецкій Голосъ»; есть даже профессоръ петербургской духовной академіи архимандритъ Михаилъ.

Въ настоящее время трудно даже приблизительно учесть потери православія. Судя по отрывочнымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, совсѣмъ плохо дѣло обстоитъ среди инородцевъ на окраинахъ. Извѣстно, напримѣръ, что православные буряты почти поголовно отпали въ ламаизмъ. Судя по тѣмъ же свѣдѣніямъ, мало утѣши-

*) См. посланіе митрополита Антонія ко всѣмъ епископамъ Русской церкви; напечатано 2 сент. 1907 г. „Новымъ Временемъ“ (№ 10945).

**) Напр., недавно 50 семей Яранскаго у., Вятской губ., заявили губернатору о своемъ переходѣ изъ православія въ „староавраамскую вѣру“,—„Сѣверъ“. 13 февраля 1908 г.

тельнаго даетъ и центральная, кореннымъ образомъ православная, Россія. Есть даже и кое-какіе цифровые подсчеты. Между прочимъ, на сентябрскомъ съѣздѣ представителей евангелической церкви (въ 1907 г.) обнаружено, что за послѣдній годъ «евангелическая паства увеличилась болѣе чѣмъ на 40.000 человѣкъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе перехода православныхъ». Но, конечно, нѣтъ возможности полагаться на эти цифры и нѣтъ резона суммировать ихъ. Приходится брать только общее впечатлѣніе:

— Эпоха расцвѣта, эпоха ежегоднаго построенія 12 новыхъ монастырей неожиданно и вдругъ дала въ итогѣ несомнѣнное и явное разрушеніе церкви.

По этому случаю, разумѣется, ищутъ виноватаго. По словамъ митрополита Антонія, виноваты во всемъ «ожесточенные враги церкви Христовой и государственнаго порядка», ибо они «повсемѣстно развращаютъ ввѣренныя намъ паствы своими пагубными ученіями и возбуждаютъ православный народъ къ отвращенію церкви, отрицанію вѣры, забвенію христіанской любви» *). Болѣе понятныя указанія сдѣланы епархіальными начальствами. «Разъяснить (міряномъ),—предписывалъ, напр., недавно архіепископъ Антоній волынскій одному изъ благочинныхъ своей епархіи,—что евреи и революціонеры, узнавъ, что главною причиною неудачи ихъ заговора противъ Россіи является православная вѣра, рѣшили вооружить народъ на своихъ пастырей и посему внушаютъ имъ (?) нелѣпыя затѣи черезъ бывшихъ солдатъ и матросовъ» **)... Разъяснить, что евреи внушаютъ пастырямъ нелѣпыя затѣи... Я не знаю, такъ ли «разъяснялъ» благочинный мірянамъ. И даже не увѣренъ, что именно это хотѣлъ сказать волынскій архіепископъ. Быть можетъ, онъ множественное «имъ» предполагалъ отнести къ собирательному «народъ». Почему Антоній волынскій увѣренъ «въ заговорѣ противъ Россіи», и что значатъ эти слова,—онъ такъ же не объясняетъ, какъ Антоній петербургскій не объясняетъ, какимъ образомъ можно «возбуждать къ забвенію». Поневолѣ приходится отказаться отъ желанія понять архипастырскую мысль во всей ея полнотѣ и считаться съ нею лишь постольку, поскольку она ясна и несомнѣнна. Ясно же и несомнѣнно въ ней главнымъ образомъ указаніе на виноватыхъ, на «враговъ церкви». А таковые, по архипастырскому исчисленію, суть: 1) евреи, 2) революціонеры, 3) бывшіе солдаты и матросы.

Исчисленіе, безспорно, оригинальное. Но это не значитъ, что оно совершенно не имѣетъ отношенія къ дѣйствительности. Наоборотъ, въ основѣ этого исчисленія лежатъ нѣкоторые факты; подъ алгебраическими величинами: «еврей», «революціонеръ», «солдатъ», скрывается нѣкоторый намекъ на конкретныя явленія.

*) „Нов. Вр.", № 10945.

**) „Рѣчь", 22 января 1908 г.

Между прочимъ, среди досадившихъ синоду, несомнѣнно, есть и «бывшіе солдаты», а въ числѣ ихъ едва ли не самое замѣтное мѣсто занимаетъ нѣкій Иванъ Усовъ. Возвратившись съ военной службы лѣтъ 10—11 назадъ онъ написалъ и распространилъ, первоначально въ рукописномъ видѣ, книгу подъ названіемъ: «Разборъ отвѣтовъ на стопять вопросовъ». Книга эта, представляющая прямой и мѣстами довольно рѣзкій вызовъ синоду, создала имя автору среди старообрядцевъ. А ея главный и основной пунктъ произвелъ ошеломляющее впечатлѣніе на православныхъ миссіонеровъ. Къ этому основному пункту книги Ивана Усова намъ еще надо будетъ вернуться. А пока отмѣчу лишь что до сихъ поръ на нее ничего не отвѣтила православная іерархія, хотя книга теперь уже напечатана и легализована, и хотя въ личныхъ вылазкахъ противъ автора со стороны православной миссіи недостатка не было. Между прочимъ, миссіонеры увѣряли, что г. Усовъ не самъ написалъ «Разборъ отвѣтовъ» (научили евреи и революціонеры,—если слѣдовать нынѣшней терминологіи россійскихъ іерарховъ).

Въ 1906 г. тотъ же бывшій солдатъ Иванъ Усовъ, но уже въ качествѣ старообрядческаго епископа Иннокентія нижегородскаго, основалъ въ Нижнемъ журналъ «Старообрядецъ». И довольно скоро неизбѣжная полемика между органомъ старообрядчества и синодальнымъ «Миссіонерскимъ Обозрѣніемъ» осложнилась экскурсами въ область исторіи, не только церковной. Однимъ изъ поводовъ для такихъ экскурсовъ послужила напечатанная «Старообрядцемъ» справка, что «патріархъ Никонъ имѣлъ связь съ Марьей Ильиничной, первой супругой Алексѣя Михайловича». «Миссіонерское Обозрѣніе» отвѣтило, что редакторъ «Старообрядца» (тоже Усовъ, родственникъ Иннокентія) «почти въ каждой строкѣ лжетъ»... «Старообрядецъ» послалъ по адресу «Миссіонерскаго Обозрѣнія» едва ли менѣе изысканныя полемическія выраженія. Но свою справку о патріархѣ Никонѣ подтвердилъ цитатами, главнымъ образомъ изъ подлиннаго «Дѣла о патріархѣ Никонѣ». Полемическая схватка на этой почвѣ какъ бы усугубила естественную и вполнѣ понятную склонность редакціи «Старообрядца» освѣтить нравы православнаго духовенства, какъ бывшаго такъ и настоящаго.

Изобличенія въ пьянствѣ и другихъ непотребствахъ оставимъ въ сторонѣ. Старо это,—не теперь только, но и въ древле-благочестивыя до-никоновскія времена и монахи, и бѣлое духовенство были слишкомъ нечужды «сихъ мерзостей». А поскольку тутъ есть новое, поскольку чрезмѣрная терпимость къ нравамъ, напр., нынѣшняго чернаго духовенства стоитъ въ связи съ усиленною постройкою монастырей, для которыхъ нужна хоть какая-нибудь, но «братія»,—это отъ сотрудниковъ «Старообрядца» совершенно ускользнуло. Несомнѣнно, это новое есть. При Александрѣ II синодъ, желая «уничтожить нареканія и обвиненія противъ монасты-

рей, распространяемыя въ обществѣ», предполагалъ повсемѣстно лишить монаховъ жалованья и перевести на «общежительный» режимъ, обязывающій каждаго инока къ работѣ на всю братію и къ отказу отъ личнаго имущества. Но объ этой реформѣ легко было думать раньше. Теперь синодъ забылъ о ней. Пугать братію общежительнымъ режимомъ стало такъ же затруднительно, какъ затруднительно во время усиленнаго рекрутскаго набора обращать вниманіе на мелкіе физическіе недостатки новобранцевъ. Церковная политика послѣднихъ 25 лѣтъ соотвѣтственно отражалась и не могла не отражаться на нравахъ духовенства. Но это особая, спеціальная тема, и углубляться въ нее мы, повторяю, не будемъ. Оставимъ въ сторонѣ даже тѣ разоблаченія «Старообрядца», гдѣ говорится о религіозныхъ подлогахъ съ цѣлью наживы. И лишь въ видѣ примѣра приведу хотя бы слѣдующій «фактъ, засвидѣтельствованный (мѣстною) консисторіею»: «лѣтъ 15 назадъ въ трапезной церкви Задонскаго монастыря (съ мощами преп. Тихона) висѣла слезоточащая икона Божіей Матери», а слезоточила икона по той причинѣ, что монахи «сзади глазъ Пречистой мочили губку масломъ» *). Далѣе идутъ другія разоблаченія... Но эти «маленькіе недостатки» церковнаго механизма не только русской церкви свойственны. И я остановлюсь лишь на тѣхъ разоблаченіяхъ, которыя болѣе характерны. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Русскими іерархами издана завѣдомо для нихъ подложная «Книга соборнаго дѣянія» **).

2) Митрополитъ Филаретъ Дроздовъ, когда ему «принесли книгу, основанную цѣликомъ на подлогѣ, и сказали, что издать эту книгу значитъ отъ имени синода пустить въ оборотъ подлогъ, положилъ резолюцію: «это не вредно». Тотъ же Филаретъ однажды увидѣлъ «выгодную для старообрядцевъ резолюцію митрополита Платона и приказалъ ее изгладить». Тотъ же Филаретъ приказалъ «подчистить» «Посланіе восточныхъ патріарховъ». И когда этотъ документъ былъ основательно «исправленъ», «Филаретъ сообщилъ Муравьеву, что «Посланіе» «стало достаточно не дикимъ».

3) «Православная церковь не знаетъ, какъ она вѣруетъ. У ней есть «Православный катехизисъ»... Но «катехизисъ Филарета исправлялся и дополнялся по прихоти Шишкова и его лакеевъ»... «Есть «Православное догматическое богословіе» Макарія, по которому обучаются будущіе священники, но эту книгу считалъ неправославной Филаретъ, назвалъ «богохульной дрянью» Хомяковъ.

*) „Старообрядецъ". сентябрь, 1907 г., стр. 1010.

**) Первое изданіе этой „Книги" было напечатано въ 1718 г., по инипіативѣ тогдашняго нижегородскаго епископа Питирима, какъ подлинный документъ XII вѣка. Документъ этотъ «найденъ» въ Кіевѣ въ 1717 г. И объ его подложности, между прочимъ, по словамъ „Старообрядца", докладывалъ Мельниковъ Александру II.

и авторитеты теперешней церкви,—напримѣръ, Антоній волынскій—присоединяются къ этому отзыву» *).

Обличенія не новы. И для синодальной церкви въ нихъ, пожалуй, больше задора, чѣмъ опасности. Сколько обвиненій въ подлогахъ пришлось услышать католицизму по случаю хотя бы только такъ называемыхъ «лжеисидоровыхъ декреталій?» Однако, эти обвиненія не мѣшали католической церкви довольно долго и довольно благополучно здравствовать. Сложнѣе и существеннѣе указаніе на хаотическое, а быть можетъ, и прямо-таки младенческое состояніе россійской богословской науки. Ни для кого не секретъ, что наши православные богословы до сихъ поръ не умѣютъ опредѣлить существо православія. Общеизвѣстно анекдотическое приключеніе англійскаго пастора, который до того увлекся «православнымъ катехизисомъ» Ѳеофана Прокоповича, что принялъ православную вѣру, и лишь послѣ перехода ему открылось, что вѣра, излагаемая въ катехизисѣ Прокоповича, есть личная Ѳеофанова вѣра и притомъ гораздо больше протестантская, чѣмъ православная. Этотъ анекдотъ характеренъ не только для старины. Не далѣе, какъ годъ или полтора назадъ, по сообщенію журнала: «Къ свѣту», «два профессора петербургской академіи, оба, кажется, доктора богословія, самымъ серьезнымъ образомъ обвиняли другъ друга въ неправославіи, ссылаясь на однѣ и тѣ же символическія книги русской церкви» *). Но со стороны «Старообрядца» и это обвиненіе синоду слышать не страшно:

— Пусть, молъ, мы, никоніане, настоящей богословской науки не имѣемъ. Ну, а вы, старообрядцы? Ваша гдѣ наука?

Словомъ, сами по себѣ эти разоблаченія и не новы, и, пожалуй, не очень опасны. Но въ томъ-то и дѣло, что они поставлены не сами по себѣ, а по спопутности съ главнымъ и основнымъ пунктомъ, который былъ выдвинутъ еще 10 лѣтъ назадъ «бывшимъ солдатомъ» Иваномъ Усовымъ въ «Разборѣ отвѣтовъ», и на которомъ этотъ нынѣшній епископъ и основатель перваго въ Россіи старообрядческаго журнала продолжаетъ съ особеннымъ упорствомъ настаивать. Епископъ Иннокентій не раздѣляетъ ходячаго мнѣнія, что расколъ русской церкви во времена Никона произошелъ исключительно на почвѣ обрядовыхъ разногласій. Онъ ищетъ причину раскола въ разногласіяхъ догматическихъ. Старообрядцы,—говоритъ онъ,—остались вѣрны догмату о соборности церкви. Подъ словомъ церковь они разумѣютъ «всѣхъ вѣрующихъ», безъ раздѣленія на пастырей и міранъ. «Этой церкви повиновались, и ее слушали» предки. «Повиновенія и послушанія этой именно церкви мы требуемъ отъ всѣхъ безъ исключенія: и отъ епископовъ, и отъ самихъ

*) См. „Старообрядецъ", сентябрь, 1907 г., статья „Разрушающаяся церковь".

**) Цит. по „Старообрядцу", сентябрь, 1907 г.

соборовъ... Нашъ долгъ—не религію вести, куда захотѣли бы», не слѣдовать, куда церковь поведетъ. «Новообрядцы»-никоніане подъ словомъ церковь «разумѣютъ только однихъ епископовъ», или «одну іерархію, называя ее страннымъ именемъ: *учащая церковь*». По ученію новообрядцевъ, каждый долженъ оказывать безусловное послушаніе не церкви, а именно епископамъ. Ссылками на общеизвѣстные факты и цитатами изъ богословскихъ трактатовъ епископъ Иннокентій доказываетъ, что «новообрядческая церковь» приняла догматъ о непогрѣшимости іерархіи, при чемъ даже самый терминъ «непогрѣшима» употребляется нѣкоторыми православными богословами,— напримѣръ, Филаретомъ черниговскимъ *) Вотъ собственно въ чемъ, по мнѣнію Иннокентія, пропасть между старообрядцами и православіемъ.

— Старообрядческая церковь построена «на началахъ соборности и свободы». Ей чуждъ догматъ о непогрѣшимости іерархіи. «Она не сватается съ сильными міра сего; она не имѣетъ грязи византійскаго обскурантизма; ея дѣвственная рука не скована съ грубой рукой центуріона; своихъ чадъ за мнѣнія... по устройству внѣшней жизни въ государствахъ она не анаѳематствовала, не лишала сана; человѣконенавистничество, проповѣдь убійствъ, освященіе человѣческой рѣзни и бойни далеки отъ нея» **).

Такова основная мысль «Старообрядца». И разоблаченія имѣютъ характеръ, такъ сказать, подсобныхъ аргументовъ:

— Вы признаете, молъ, вашу іерархію непогрѣшимой. А вотъ что такое она въ дѣйствительности.

Позиція оказалась настолько выгодной, что, разъ она избрана, можно не столько спорить по существу, сколько раздражать противника, безпомощнаго и безсильнаго дать отвѣтъ. И въ соотвѣтствіи съ этой позиціей измѣнился характеръ обычныхъ «собесѣдованій» между православными миссіонерами и старообрядческими начетчиками. Не углубляясь въ традиціонныя распри по поводу двоеперстія и двугубой аллилуіи, начетчикъ ставитъ основную тезу: православіе отвергло рѣшающую силу мірянъ, затѣмъ беретъ подходящія къ случаю брошюры и книжки и объясняетъ: «А вотъ какова «учащая церковь», и вотъ каковы тѣ, кому она подчиняется». За послѣднее время миссіонеры, правда, пытаются назначать такія темы для собесѣдованія, чтобы оппонентъ былъ лишенъ возможности перевести споръ на эту общую и чрезвычайно выгодную для него почву. Такой выборъ темъ былъ, между прочимъ, примѣненъ миссіонерами на нижегородской ярмаркѣ 1907 г. Но этотъ разсчетъ совершенно не приноровленъ къ нынѣшнимъ потребностямъ простонародной аудиторіи, въ которой ведутся собесѣдованія. Рѣшающая сила мірянъ, знакомая по опыту каждому,

*) „Старообрядецъ", январь, 1907 г.; см. въ особенности стр. 12—17.
**) „Старообрядецъ".

кто имѣлъ дѣло съ толпой, не позволяетъ сдержать публичныя религіозныя пренія въ предѣлахъ узкой и специальной темы. И миссіонерамъ на нижегородской ярмаркѣ пришлось скандально прервать собесѣдованія, не доведя до конца заранѣе намѣченную программу. Неволя заставила сугубо обращаться за помощью къ частному приставу. И, какъ извѣстно, журналъ «Старообрядецъ» былъ закрытъ въ административномъ порядкѣ за статью «Духовенство господствующей церкви въ изображеніи русскихъ писателей новѣйшаго времени». А мѣсяца черезъ два редакторъ другого старообрядческаго (еженедѣльнаго) журнала «Церковь» привлеченъ къ отвѣтственности просто за кощунство*). Заявленіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ Крыжановскаго въ думской «старообрядческой комиссіи», что нельзя допускать старообрядцамъ «свободу пропаганды», идетъ дальше и клонится, собственно, къ упраздненію народившейся старообрядческой журналистики. Правда, старообрядческая комиссія отвергла предложеніе г. Крыжановскаго. Но болѣе близкая къ настроенію думскаго большинства «вѣроисповѣдная комиссія» уже категорически высказалась, что необходимы сугубыя кары за «оскорбленіе православной церкви, какъ господствующей». Впрочемъ, дѣло не въ томъ, захотятъ октябристы и союзники третьей Думы помогать г. Крыжановскому въ борьбѣ за православіе, или не захотятъ. Для насъ пока нужно лишь отмѣтить, что усиленное въ послѣднее время единеніе между православными пастырями и представителями министерства внутреннихъ дѣлъ вовсе не простой капризъ реакціи. Я склоненъ даже думать, что реакціи сколько-нибудь обдуманной и сознательной не такъ ужъ легко снова обострять старыя вѣроисповѣдныя распри, въ которыхъ кое-что было все-таки примирено и сглажено указомъ 17 апрѣля 1905 г.

II.

Антоній волынскій приказалъ «разъяснять», что «бывшими солдатами» тайно руководятъ «революціонеры». Въ этомъ архипасторскомъ сновидѣніи, повторяю, есть кое-какіе намеки на дѣйствительность. Приведу для примѣра хотя бы слѣдующій отрывокъ изъ «слова» того же старообрядческаго епископа Иннокентія «На праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы» (напечатано въ № 1 «Старообрядца» за 1907 г.):

«Любители и защитники смертной казни должны... перестать праздновать святителю Филиппу, митрополиту московскому и признавать его святымъ, такъ какъ онъ... противился... смертной казни, а обязаны признавать святымъ Малюту Скуратова и празд-

*) „Рѣчь“, 7 февраля 1907 г.

новать ему съ поліеліосомъ, какъ точному исполнителю... смертной казни, которая нынѣ многимъ такъ мила».

Форма рѣзка, а для Антонія волынскаго, который въ числѣ «многихъ» высказывался за смертную казнь, и жестока. Мысль защитниковъ смертной казни доведена до абсурда. И намъ незачѣмъ обсуждать, умѣстенъ былъ въ данномъ случаѣ этотъ полемическій пріемъ или неумѣстенъ. Но идея сама по себѣ, на оцѣнку синода, по меньшей мѣрѣ «кадетская», а стало быть и «революціонная»:

Или еще отрывокъ изъ того же «слова»:

«Что такое политическое преступленіе?.. Въ Россіи, если кто идетъ противъ монархическаго образа правленія, добиваясь республиканскаго, считается политическимъ преступникомъ, а во Франціи, наоборотъ, считается политическимъ преступникомъ тотъ, кто идетъ противъ республиканскаго образа правленія въ защиту монархическаго... У насъ въ Россіи... въ царствованіе Николая Павловича считалось политическимъ преступленіемъ идти противъ крѣпостного права»...

И такъ дальше, съ обычнымъ «революціоннымъ», на взглядъ синода, выводомъ, что нынѣшнее «политическое преступленіе», можетъ быть, завтра будетъ офиціально признано политическимъ подвигомъ.

«Разъясненіе» архіепископа Антонія простой перифразъ обычныхъ упрековъ: «это ты не самъ выдумалъ, это тебя подучили»... А такъ какъ, между прочимъ, въ послѣднее время начетчики во время «собесѣдованій» съ православными миссіонерами порою пользуются такъ называемыми «революціонными книжками», то волынскій пастырь «догадался» вполнѣ. Да и сама по себѣ «идея», что расколъ возникъ на почвѣ не только обрядовыхъ разногласій, пожалуй, во многомъ позаимствована у «историковъ, общеизвѣстныхъ своимъ революціоннымъ образомъ мыслей».

Надо, однако, сказать, что въ это позаимствованіе епископъ Иннокентій внесъ много слишкомъ церковнаго, слишкомъ свойственнаго начетчику, принимающему условности за абсолюты. Ужъ очень онъ вѣритъ, напримѣръ, старымъ хорошимъ словамъ о «соборномъ началѣ церкви». Въ дѣйствительности-то это самое соборное начало имѣло весьма условный смыслъ. И лишь послѣ Никона старообрядческой церкви пришлось строиться дѣйствительно на началахъ соборности, при условіяхъ перехода рѣшающей силы въ руки мірянъ. «Боголюбивѣйшій духовный совѣтъ австрійскаго согласія» трудно назвать вполнѣ демократическимъ учрежденіемъ. И вообще демократичность старообрядческой церкви надо понимать условно. Еще болѣе условно надо понимать принципіальныя различія между старообрядческимъ ядромъ, принявшимъ «правильную» трехстепенную іерархію, и православіемъ. По общему складу религіозныхъ воззрѣній, по всѣмъ формамъ удовлетворенія религіознаго чувства

старообрядчество доселѣ не уклонилось отъ православія. Но между старообрядческою и господствующею церквами время положило глубокія организаціонныя различія, быть можетъ гораздо болѣе неизгладимыя и болѣе существенныя, чѣмъ различія обрядовыя и догматическія. Совокупность историческихъ условій создала въ Россіи подъ видомъ старообрядчества церковь православную по духу, но народную по организаціи. Помимо государственнаго православія и въ борьбѣ съ нимъ создалось православіе народное, православіе самоопредѣляющееся снизу. Это большой фактъ въ русской жизни. И какую онъ роль можетъ сыграть въ нынѣшнее религіозное броженіе массъ,—объ этомъ во всякомъ случаѣ можно спорить.

Я сказалъ: «самоопредѣляющееся снизу». «Мнѣнія чадъ нашей церкви бываютъ довольно разнообразны» — говоритъ «Старообрядецъ». Среди нынѣшнихъ старообрядцевъ есть соціалисты и есть союзники русскаго народа; есть причастные къ вершинамъ европейской культуры и есть простецы, благочестиво увѣренные въ правотѣ «сочиненія противъ самовара»:

«Кто имѣетъ самоваръ въ дому своемъ,—гласитъ, между прочимъ, этотъ любопытный документъ, сильно распространенный въ послѣднее время, напримѣръ, въ Семеновскомъ у.—у того домохозяина сидитъ сатана, а въ дѣтяхъ бѣси. Дому тому царствія и покаянія нѣтъ. Піютъ кровь змiину и кушаютъ тѣло звѣрино. Изъ одной главы смрадъ идетъ, а съ другой кровь течетъ. И повалитъ народъ въ адъ, аки гряды лѣсу».

Эти крайности могутъ быть соглашены лишь на нѣкоторой средней линіи. И о томъ, гдѣ проходитъ средняя линія, можно до нѣкоторой степени судить по слѣдующему хотя бы отрывку изъ постановленія Бендерскаго собора старообрядцевъ 9 апрѣля 1907 года:

«Имя Іисусъ въ наименованіи Христа Спасителя... не принимать, ибо это мудрованіе никоніанъ о имени Іисусъ есть еретическое» (не еретическое же именованіе «Ісусъ»); «крестъ четвероконечный употреблять при осѣненіи и другихъ приличествующихъ тому дѣйствіяхъ и мѣстахъ, но написаніе и употребленіе его съ изображеніемъ распятія Господа воспрещается».

Отвергнуть снова «двуиотированное Іисусъ» и четырехконечный крестъ пришлось, чтобы примирить ортодоксальную (такъ называемую противоокружническую) часть старообрядчества съ новаторами, «окружниками». Но не только къ этой, такъ сказать, буквенной уступкѣ вынуждены новаторы. Вотъ, напримѣръ, редакціонный отзывъ «Старообрядца» о Л. Н. Толстомъ:

«Левъ Толстой, по отзыву даже почитателей его, есть «папа», «мартышка», «лицемѣръ»... Если къ чему такіе эпитеты и приложимы, то это именно къ сочиненіямъ Л. Толстого противъ Христа, апостоловъ, святыхъ, церкви, духовенства, таинствъ и т. п. Въ

этихъ вопросахъ онъ... геніально копируетъ мартышку, возящуюся съ очками, разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ» *).

А вотъ какъ дискуссируется на страницахъ «Старообрядца» вопросъ о постановкѣ начальныхъ школъ:

«Отъ современнаго ученья—пишетъ представитель ортодоксальнаго теченія г. Гаранинъ,—много является вреднаго для христіанина»... Въ сельскихъ училищахъ «учителя и учительницы частенько встрѣчаются не вѣрующіе... Не увидишь ихъ истинно на себѣ ограждающихъ крестнаго знаменія, ни посты хранящихъ... Программа же преподаванія у нихъ состоитъ почти только изъ одникъ скворцовъ, ежовъ, ласточекъ и чижиковъ... Въ начальныхъ училищахъ только нужно преподавать Законъ Божій и всѣ обычаи, какъ должно быть по-христіански, научать чтенію Псалтыря, Часовника и какъ должно помолиться Богу по уставу дома и въ церкви... Конечно, должно преподавать чистописаніе и 4 правила ариѳметики, можно и изъ исторіи церковной и гражданской. Но болѣе всего должно вселять въ дѣтяхъ страхъ Божій» **).

На это возражаетъ одинъ изъ представителей новаторскихъ теченій:

«Вопросъ школьной программы начальныхъ старообрядческихъ школъ очень просто разрѣшается: Законъ Божій по старообрядческимъ учебникамъ, Псалтырь, Евангеліе, Часословъ и земская программа, со включеніемъ тѣхъ скворцовъ, чижиковъ, ласточекъ и ежей, о которыхъ такъ насмѣшливо отзываются гг. Гаранины, ибо все живущее есть твореніе Божіе... Что же касается «старинной азбуки»—такъ изучать молитвы, помѣщенныя въ ней, никто не отвергаетъ, но при современной постановкѣ школьнаго дѣла таинственные: «бра, вра, гра, дра, жра» совершенно ненужны»...***)

Молитвъ «старинной азбуки» никто не отвергаетъ,—это очень смѣло сказано. Часть старообрядчества споритъ о «земской программѣ», о «бра, вра, гра». И есть еще часть старообрядчества, къ которой редакція «Старообрядца» вынуждена обращаться съ особыми «бесѣдами о вѣрѣ»:

«Въ послѣднее время,—читаемъ, напримѣръ, въ № 9 этого журнала за 1907 г.,—книжный рынокъ заполненъ безбожной книгой. Ренанъ, Штраусъ, брошюрки «О Адамѣ и Евѣ», «О происхожденіи идеи о Богѣ» и т. д. Большею частью это дешевый, копеечный товаръ, иногда невѣжественно-партійный, иногда просто торгашески расчитанный на остроту кощунственнаго заглавія, но свое дѣйствіе онъ производитъ, и отъ вліянія негодной брошюры не совсѣмъ отгородилась и старообрядческая молодежь. Эта тля проходитъ всюду и легко отравляетъ молодую неустойчивую мысль»...

*) «Старообрядецъ», февраль 1907 г.
**) «Старообрядецъ», мартъ 1907 г.
***) «Старообрядецъ», май 1907 г.

«Ренанъ—тля», тотъ самый Ренанъ, на защиту котораго противъ г-на Розанова счелъ долгомъ выступить даже г. Буренинъ въ «Новомъ Времени»:

— Г. Розановъ,—пишетъ, между прочимъ, нововременскій критикъ,—«провозглашаетъ, что онъ не читалъ «Жизни Іисуса» Ренана, «французскаго вольнодумца», какъ онъ его обзываетъ. По всей вѣроятности, онъ не читалъ и Штрауса и другихъ подобныхъ вольнодумцевъ... Но этимъ, право, нечего хвалиться. Если бы г. Розановъ попробовалъ почитать этихъ и другихъ «вольнодумцевъ»... онъ научился бы, какъ надобно относиться къ такой личности какъ Христосъ, какъ надо относиться къ ученію Христа и къ такому явленію, какъ историческое христіанство» *).

Журналъ «Старообрядецъ» со стороны самихъ старообрядцевъ подвергался обвиненію въ «кадетизмѣ» и вольномысліи. Но предположимъ, что онъ выражалъ среднюю линію старообрядчества. И все таки, какъ видите, по общему складу религіознаго направленія онъ гораздо ближе къ реакціи и православію, чѣмъ г. Буренинъ. Увѣщевая «чадь», зараженныхъ «безбожною книжкою», редакція «Старообрядца» договорилась таки до полемики съ дарвинизмомъ и до характерныхъ, «истинно-православныхъ» выпадовъ противъ «вольномыслія»:

«Если ты,—читаемъ, напримѣръ, въ № 10—11 за 1907 г.—не хочешь вѣровать въ существованіе Бога, невидимаго міра, безсмертія твоей души, то будешь вѣровать, что нѣтъ Бога, ангеловъ, и что твоя душа равна душѣ свиньи, навозной мухи, и мокрицы» **).

Значеніе этихъ штриховъ едва ли можетъ быть скрыто отъ реакціи, сколько-нибудь сознательной, сколько-нибудь умѣющей искать себѣ опору. «Повиновенія и послушанія церкви мы требуемъ отъ всѣхъ безъ исключенія»,—пишетъ епископъ Иннокентій. Жестокій смыслъ скрытъ въ этихъ словахъ. Рѣшающая сила міранъ опредѣлила: «крюковое пѣніе не имѣетъ ничего общаго съ нотнымъ, итальянскимъ, введеннымъ повсемѣстно въ церкви господствующей» ***). И всѣ безъ исключенія, даже тѣ кто достигъ вершинъ европейскаго музыкальнаго образованія, должны сказать: святъ отеческій крюкъ, проклята еретическая нота. Даже человѣкъ съ музыкальными силами и потребностями Чайковскаго повиненъ все таки отказаться отъ ноты и защищать крюкъ. Для всякой общественной организаціи эта дисциплина, это подчиненіе волѣ большинства есть необходимость. Но въ организаціи, гдѣ рѣшающая сила большинства стоитъ на идеологіи протопопа Аввакума, а обязанное подчиняться меньшинство пріобщилось къ

*) «Нов. Время», 29 февраля 1908 г.

**) Стр. 1153.

***) «Старообрядецъ».

Штраусу и Ренану, вопросъ о необходимости желѣзной дисциплины легко можетъ стать вопросомъ о необходимости разложиться на составныя части. И не безъ основанія нѣкій г. Старовѣръ писалъ въ № 1 «Старообрядца» (1907 г.): «Въ настоящее время признаніе нашихъ іерарховъ дѣйствительными со стороны правительственной церкви можетъ принести величайшій вредъ старообрядческой церкви... Отъ старообрядческой церкви могутъ (въ случаѣ признанія) отпасть цѣлые приходы... Не даромъ болѣе дальновидные въ церковной политикѣ, каковы, напримѣръ, профессоръ Ивановскій, Скворцовъ и др., стоятъ за признаніе старообрядческой іерархіи»...

Во время гоненія сглаживаются и забываются принципіальныя разногласія. Настали дни, хотя и очень относительной, но свободы, и редакція «Старообрядца», между прочимъ, ограничилась лишь признаніемъ, что «жизнь неумолимо выдвигаетъ» вопросъ о старообрядческихъ школахъ. Она не сумѣла найти среднюю линію, на которой можно бы примирить разногласія. Не нашли этой линіи и старообрядческіе съѣзды. И этотъ вопросъ оказался столь опаснымъ, что сотрудникамъ «Старообрядца» даже приходилось слышать: «напрасно заводятъ теперь школы у насъ, — вѣдь, терпѣли же 250 лѣтъ» *). Въ самомъ дѣлѣ, не лучше ли и еще потерпѣть? Ибо если отступить отъ программы г. Гаранина, взбунтуются ортодоксы. И среди нихъ есть не только невѣдающіе, что творятъ. Есть люди, вполнѣ легко понимающіе, что правильная постановка начальнаго образованія кореннымъ образомъ измѣнитъ старообрядчество, и вполнѣ сознательно стремящіеся этого не допустить. А если принять программу г. Гаранина, дѣйствительно можетъ начаться «отпаденіе цѣлыми приходами».

Рядомъ съ этими принципіальными разногласіями нельзя не отмѣтить и кое-какія бытовыя черточки. «За послѣднее время,— жаловалась, между прочимъ, старообрядческая газета «Слово Правды»,—среди нѣкоторыхъ нашихъ священниковъ проявляется склонность къ подражанію... Они начали, по подобію духовенства господствующей церкви, носить рясы, и даже шелковыя, съ широкими рукавами... Это заимствованіе неумное и въ подражателѣ обличаетъ дурной вкусъ... Нашимъ священникамъ слѣдовало бы принять къ свѣдѣнію, что и само правительственное духовенство тяготится этой мѣхообразной свитой»... Положимъ, далеко не все правительственное духовенство тяготится шелковыми рясами. И лишь нѣкоторая, наиболѣе либеральная его часть тяготится обязанностью ходить постоянно въ рясѣ. Но во всякомъ случаѣ между православною и старообрядческою іерархіями есть нѣкоторое совпаденіе даже во вкусахъ. У нихъ оказывается и нѣкоторое общее дѣло: борьба съ вольномысліемъ, борьба со лжеученіями графа Льва Толстого, обличеніе Дарвина и Ренана, и такъ далѣе, вплоть до защиты

*) Май, 1907 г. стр. 588.

строя и духа церковно-приходскихъ школъ, и даже до такихъ мелочей, какъ отстаиваніе «крюкового пѣнія». Какъ извѣстно, покойный Побѣдоносцевъ въ «обиходахъ» для школьнаго пѣнія тоже реформировалъ итальянскую нотную азбуку въ смыслѣ приближенія ея къ древле-благочестивымъ крюкамъ.

Казалось бы, для реакціи нѣтъ прямого резона ссориться со всѣми старообрядцами. Пожалуй, не было бы особаго резона ссориться и съ нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, сектантскими группами. Недавно г. Меньшиковъ возмущенно писалъ въ «Новомъ Времени»: «Образцовые русскіе колонисты-духоборы, предпріимчивые, промышленные, достигшіе высокой степени благосостоянія въ затруднительныхъ для земледѣлія высокогорныхъ мѣстностяхъ Кавказа были въ числѣ 11,800 душъ выселены въ Америку» *). Положимъ, съ духоборами, какъ и съ нѣкоторыми другими крайними сектантскими теченіями, властямъ, достойнымъ апологетомъ коихъ является г. Меньшиковъ, ладить мудрено. Но есть цѣлый рядъ умѣренныхъ сектантовъ, у которыхъ «со времени опубликованія указа о вѣротерпимости стали произноситься молитвы за предержащія власти» **). Въ видѣ поясненія, насколько это мирный и отнюдь неопасный для правительства народъ, рѣшаюсь привести вкратцѣ разсказъ «Саратовскаго Листка» о недавнемъ религіозномъ собраніи молоканъ въ Саратовѣ. Собраніе началось проповѣдью какого-то старца, повидимому, виднѣйшаго руководителя мѣстной молоканской общины. Старецъ, однако, торопился на похороны «къ владѣльцу извѣстнаго (въ Саратовѣ) гастрономическаго магазина».

— Не гоже бы оставлять корабль,—виновато объяснялъ онъ:—да ужъ... сами понимаете... Ужъ какъ-нибудь попойте и прочее...

Собраніе ропщетъ:

— О праведности-то говоритъ, а самъ... Небось, кто побѣднѣе, къ тому на похороны не торопился бы...

Мѣсто ушедшаго занялъ другой старецъ, пріѣзжій—человѣкъ очень упитанный.

— Ну, что жъ, сестрицы,—началъ онъ,—споемъ...

Сестрицы отказывались: не знаемъ, не горазды... Старецъ волновался.

- Что же это? Тѣ ушедши, а эти въ отказъ... Не порядокъ... Бывши на Кавказѣ,—тамъ каждый по силѣ возможности: и слово Господне (скажетъ) и насчетъ пѣнія...

— Охотниковъ-то (сказать слово Господне) и у насъ много,—возразилъ одинъ изъ братьевъ—да не каждому даютъ говорить.

— Кто можетъ не дать?—еще больше заволновался старецъ, не уступая, однако, своего мѣста.—Сказано: „слово Божіе не вяжется"... Ну, сестрицы, спойте...

Сестрицы нехотя спѣли. Изъ братцевъ никто почти не подтягивалъ Затѣмъ старецъ сталъ поучать:

— О горнемъ помышляйте, а не о земномъ... Да, возлюбленные братцы съ сестрицами, о горнемъ, сказано, то есть о вышнихъ, а мы то...

---

*) „Новое Время", 4 марта 1908 г.

**) „Сар. Листокъ", 14 февраля 1908 г.

Воспользовавшись паузой, одинъ изъ постороннихъ, присутствовавшій на собраніи задалъ вопросъ проповѣднику:

— Считаете ли вы, что есть соотвѣтствіе между евангельскими завѣтами и нынѣшнимъ государственнымъ порядкомъ?

Старецъ спустилъ очки на конецъ носа и долго въ упоръ смотрѣлъ на вопрошавшаго.

— Возлюбить надо,—сказалъ онъ и махнулъ рукой.—Споемъ еще, сестрицы... *).

Собственно, едва ли для кого-либо секретъ, что современный намъ религіозный кризисъ коснулся далеко не одного православія. Происходитъ нѣчто, гораздо болѣе важное и сложное. Измѣняются вообще понятія о небесномъ и земномъ. Въ народной толщѣ терпитъ крушеніе многовѣковой метафизическій типъ мышленія; вывѣтривается старое представленіе о небесной власти,—законодательной, исполнительной и судебной; въ самомъ фундаментѣ общественнаго зданія зашаталась вѣра въ незыблемость божественнаго откровенія вообще и священнаго писанія въ частности. Было бы слишкомъ смѣло хоронить традиціонныя представленія о небесной силѣ. Ихъ защищаютъ не только саратовскіе старцы, у которыхъ мысли о похоронномъ обѣдѣ переплетаются со словами: «о горнемъ помышляйте, а не о земномъ». Помимо саратовскихъ старцевъ, есть Левъ Толстой. И помимо Льва Толстого, есть массовый экстазъ отчаянія, съ какимъ духоборы, напримѣръ, ищутъ на всемъ земномъ шарѣ такое мѣсто, гдѣ можно выполнить всю волю Божію, всѣ словеса писанія. Метафизическое мышленіе, объективированіе и олицетвореніе, главнымъ образомъ, моральныхъ понятій, какъ чего-то внѣ насъ стоящаго и искони сущаго, не созданнаго мыслью человѣка, а создавшаго и эту мысль и самаго человѣка, пока лишь огравлено «ядомъ позитивизма». Нехотя поютъ саратовскія сестрицы. Однако, поютъ. Тоскливо молчатъ во время пѣнія саратовскіе братцы. Однако, не уходятъ. А вернувшись изъ собранія домой, они перечитываютъ Библію, ищутъ «слова», которое помогло бы сразу понять волю небесъ, примирить противорѣчія, уничтожить сомнѣнія и колебанія... Метафизическое мышленіе очень хочетъ жить. И поскольку рѣчь идетъ о борьбѣ метафизической мысли съ мыслью реальной, сектантство, если не считать нѣкоторыхъ раціоналистическихъ теченій, представляетъ собою довольно значительную консервативную силу, временами готовую идти до полнаго отрицанія культуры во имя спасенія вѣры и до упраздненія рода человѣческаго, дабы исполнить слово писанія.

Я лишь мелькомъ и вскользь упоминаю объ этой сторонѣ дѣла. Слѣдовало бы, пожалуй, остановиться на съѣздахъ молоканъ, достаточно показавшихъ, что власть, измѣнивши свою религіозную политику, среди нихъ можетъ найти больше принципіальныхъ друзей, чѣмъ принципіальныхъ враговъ. Кромѣ молоканскихъ съѣздовъ,

*) „Сарат. Листокъ", 14 февраля 1908.

жизнь за 2—3 послѣдніе года дала вообще не мало фактовъ, характеризующихъ сектантство, какъ именно консервативную силу, въ смыслѣ сохраненія старыхъ основъ вѣры, въ смыслѣ борьбы съ «позитивизмомъ» въ области религіи. Но экскурсъ въ эту сторону завелъ бы насъ далеко. Для моихъ ближайшихъ цѣлей пока нужна лишь оговорка, что религіозное броженіе нынѣшнихъ дней не такъ просто, чтобъ саратовскаго старца и митрополита Антонія считать только врагами. Они враги, но у нихъ есть площади совпаденія. И у нихъ есть нѣкоторый общій врагъ. И передъ лицомъ этого общаго врага, власти едва ли выгодно ссориться безъ особой нужды со старцами. А особой нужды ссориться, казалось бы, нѣтъ. Даже въ смыслѣ возможнаго ущерба православію, опаснѣе старецъ гонимый, являющійся въ ореолѣ мученичества. Старецъ, лишенный этого ореола, есть просто сытый проповѣдникъ, которому надо заботиться, чтобъ его призывы «помышлять о горнемъ» производили не вовсе комическое впечатлѣніе. И чисто политическихъ поводовъ для вражды нѣтъ. Старецъ строго лояленъ. Братцевъ и сестрицъ убѣждаетъ возлюбить предержащую власть. И о благоденствіи ея вмѣстѣ съ братцами и сестрицами молится. Молится саратовскій молоканскій «корабль» также и объ истребленіи «волковъ хищныхъ», о премѣненіи «временъ лютыхъ». «Пошли намъ Создатель,—гласитъ одна изъ новыхъ общественныхъ молоканскихъ молитвъ—духа любовнаго, изъ любви—страхъ, изъ страха—послушаніе, изъ послушанія—терпѣніе, изъ терпѣнія—смиреніе, изъ смиренія—спасеніе». Эта лояльность характерна не только для саратовскаго «корабля» и не только для однихъ молоканъ. Укажу хотя бы на опытъ баптистскихъ публичныхъ собесѣдованій въ Елисаветградѣ. Между прочимъ, первое елисаветградское «собесѣдованіе подъ руководствомъ баптистскаго пресвитера Балихина окончилось провозглашеніемъ ура Государю Императору за дарованную свободу совѣсти» *). Собесѣдованіе это происходило 24 января 1908 года, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ указа синода, воспретившаго «переходъ нижнихъ военныхъ чиновъ въ инославныя и иновѣрныя исповѣданія и упразднившій такимъ образомъ для военныхъ высочайшій манифестъ 14 апрѣля 1905 г.» **). Но г-ну Балихину было, безъ сомнѣнія, извѣстно не только объ «упраздненіи манифеста 17 апрѣля», поскольку онъ касался и арміи. Г. Балихинъ не могъ не знать, что манифесты 17 апрѣля о вѣротерпимости и 17 октября о «свободѣ совѣсти» далеко не устранили административнаго воздѣйствія не только противъ «законозапрещенныхъ», сектантовъ и старообрядцевъ, но и противъ «законопризнанныхъ» баптистовъ и единовѣрцевъ. Напомню для примѣра объ единовѣрческомъ священникѣ Ижевскаго завода о. Іоаннѣ Рябовѣ, который

*) „Южная Заря“ № 532, 1908 г.

**) „Старообрядецъ“, № 10—11 1907 г.

былъ подвергнутъ карѣ, какъ заявило офиціально мѣстное епархіальное начальство, «за то, что онъ хорошій», и своими душевными качествами можетъ содѣйствовать переходу православныхъ въ единовѣріе *). И если тѣмъ не менѣе елисаветградскіе баптисты объявили свободу совѣсти существующей, то это свидѣтельствуетъ именно о лояльности, готовой даже пренебрегать фактами.

Но въ [illegible] ч. дня 24 января баптисты славословили «дарованную свободу совѣсти», вечеромъ въ тотъ же день на второе собраніе явился елисаветградскій миссіонеръ о. Кирикъ и потребовалъ у пресвитера Балихина категорическаго отвѣта: «признаешь ли православную вѣру истинной или считаешь ложной?» А вслѣдъ за о. Кирикомъ явился «помощникъ пристава, объявилъ собраніе (разрѣшенное губернаторомъ), закрытымъ и предложилъ всѣмъ разойтись». И дальнѣйшія собранія баптистовъ, уже разрѣшенныя губернаторомъ, также не были допущены. Произволъ и насиліе,—негодуютъ баптисты. Но оставаясь произволомъ и насиліемъ, поступки православнаго миссіонера о. Кирика до извѣстной степени не лишены мотивовъ. Даже слухъ о собесѣдованіяхъ оказался соблазнительнымъ На первое собраніе, кромѣ баптистовъ, пришло много православныхъ; пришли даже евреи. На второе собраніе православныхъ явилось еще больше. О. Кирикъ, тоже пришедшій, нѣкоторое время пытался подѣйствовать «словомъ убѣжденія», предлагая «православнымъ оставить собраніе, сохранить сердца чистыми отъ баптистовой ереси». Но большинство православныхъ отвѣтило криками: «довольно», «просимъ баптиста продолжать», «просимъ батюшку не мѣшать баптисту»... Что же оставалось о. Кирику, какъ не уйти и обратиться за помощью къ полиціи? На другой день въ елисаветградской газетѣ «Голосъ Юга» было напечатано открытое письмо православнаго человѣка г. Кучеренка православному миссіонеру о. Ѳеодосію Кирику. «Какъ христіанинъ и вашъ почитатель,—писалъ г. Кучеренко,—прошу отвѣтить мнѣ, кому угодили вы, поступивъ такъ, какъ вы поступили въ общественномъ собраніи 24 сего января вечеромъ?» Это письмо какъ бы подчеркивало, сколь опасны для православія невинныя собранія вполнѣ лояльныхъ баптистовъ. И властямъ поневолѣ пришлось пресѣчь и запретить.

Маленькій человѣкъ—елисаветградскій о. Кирикъ. Онъ лишь винтикъ большой синодской машины. И въ его дѣйствіяхъ лишь выразилась нынѣшняя политика синода, явно направленная къ ликвидаціи не только «октябрскаго манифеста», но и «апрѣльскаго». О. Кирикъ «творитъ волю пославшаго». Но и примѣръ дѣяній о. Кирика свидѣтельствуетъ, что нынѣшнюю политику синода нельзя разсматривать, какъ простое ослѣпленіе реакціи, ко-

*) „Рѣчь", 9 октября 1907 г.

торая забываетъ объ условіяхъ дѣйствительности. Спора нѣтъ, власти невыгодно осложнять свое положеніе отказомъ отъ «началъ вѣротерпимости». Но если эти начала допустить, если позволить «публичное оказательство инославія и иновѣрія», то не обезлюдѣетъ ли церковь? Массовыя отпаденія отъ православія при малѣйшей попыткѣ не препятствовать выполненію манифеста 17 апрѣля ясно показываютъ, чѣмъ можетъ окончиться эта игра. Наказаніе единовѣрческаго священника «за то, что онъ хорошій», похоже на анекдотъ. Но благодаря добротѣ и отзывчивости этого священника 200 православныхъ душъ за короткое время перешли въ единовѣріе («Рѣчь», 9 октября 1907 г.). Для синода это вовсе не анекдотъ. Сейчасъ между синодомъ и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ ведутся сношенія на предметъ «выработки мѣропріятій, дабы католическія процессіи (въ Западномъ краѣ) не служили средствомъ пропаганды католицизма» («Рѣчь, 21 января 1908 г.). Это тоже анекдотъ. Но чѣмъ, кромѣ чисто анекдотическихъ мѣропріятій, можетъ реагировать синодъ по случаю массоваго отпаденія православныхъ въ католичество? Недавнимъ циркуляромъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній рекомендовано организовать повседневныя чтенія отрывковъ изъ Новаго Завѣта съ объяснительными толкованіями и бесѣдами по поводу прочитаннаго». Организація этихъ чтеній и бесѣдъ поручена «отдѣленскимъ воспитателямъ».' Повседневная бесѣда юнкеровъ съ воспитателями о спасеніи души уже сама по себѣ способна напомнить анекдотическіе разсказы о нѣкоторыхъ военноначальникахъ, пытавшихся нынѣшнюю казарму преобразить въ молитвенную келью. Но эта мѣра осложнилась вполнѣ естественной тревогой православнаго «Колокола», нашедшаго, что ежедневное чтеніе Новаго Завѣта «легко можетъ породить новую смуту умовъ» *). Газеты иронизировали надъ этой тревогой церковнаго и близкаго къ руководящимъ синодскимъ кругамъ органа. Но съ своей точки зрѣнія онъ правъ. Ни для кого, вѣдь, не тайна, чѣмъ нерѣдко заканчиваютъ православные люди, начавшіе ежедневно и сознательно читать Евангеліе. И что-жъ дѣлать, если бѣдственно внутреннее состояніе церкви, если даже толковое чтеніе Новаго Завѣта грозитъ ей потерями? «Пока православная церковь не укрѣплена реформами, нельзя допускать вѣротерпимости», — вотъ собственно мотивъ, которымъ если не оправдывается, то объясняется возвращеніе церковной политики на «до-манифестныя позиціи». Сначала реформа, потомъ вѣротерпимость... И вопросъ лишь въ томъ, какая же именно реформа, и какъ её сдѣлать?

---

*) „Рѣчь“, 30 января 1908 г.

III.

Православный Антоній негодуетъ противъ старообрядческаго Иннокентія. Но вотъ что, между прочимъ, гласитъ всеподданнѣйшая записка синода, представленная черезъ оберъ-прокурора въ концѣ марта 1905 г. и подписанная, въ числѣ другихъ іерарховъ, тѣмъ же Антоніемъ волынскимъ.

«Въ возстановленіи *соборнаго начала*, теперь не дѣйствующаго, заключается насущная нужда Россійской церкви, ибо въ немъ ея творческая сила и высшее нравственное достоинство... Полное устроеніе внутренней жизни православной россійской церкви на началахъ каноническаго *соборнаго управленія*, возможно лишь при полной автономіи церкви во всѣхъ собственно церковныхъ дѣлахъ» *).

Что же это такое, какъ не полное признаніе самимъ синодомъ правоты епископа Иннокентія, именуемаго бывшимъ солдатомъ Иваномъ Усовымъ? Объ «автономіи въ дѣлахъ церковныхъ» говорилъ три года назадъ синодъ. И какой же другой смыслъ имѣютъ слѣдующія, напр., слова «Старообрядца»?

«Старообрядцы не желаютъ позволить, чтобы ихъ епископы пресмыкались и низкопоклонничали предъ чиновниками полиціи. Они не желаютъ позволить, чтобы ихъ священниковъ лишалъ сана всякій урядникъ или акцизный чиновникъ. Они не желаютъ позволить, чтобы ихъ пастыри объясняли слова божественнаго Евангелія по выкройкѣ чиновъ полиціи, какъ это дѣлается у правительственной церкви, гдѣ священники творятъ проповѣди по указкѣ пристава. Они скорѣе согласятся снова уйти въ подземелье, чѣмъ отдать... живую свободу вѣры».

Именно на эту сторону указывалось и многими епархіальными съѣздами. «Наше крестьянство, — жаловался, напр., одинъ изъ священниковъ на недавнемъ съѣздѣ въ Смоленскѣ, — смотритъ на духовенство отрицательно, какъ на какихъ-то дармоѣдовъ, имѣетъ противъ насъ нескрываемую злобу». «Мы, русскіе пастыри, — подтверждалъ на томъ же съѣздѣ другой священникъ, — потерявшіе всякое расположеніе паствы, не должны взывать о помощи къ правительству. Нѣтъ, не оно выведетъ насъ изъ затруднительнаго положенія... Вы приглядитесь, прислушайтесь, какъ народъ смотритъ на духовенство. Всякая идейная и религіозная связь съ нимъ почти порвана. Народъ смотритъ на духовенство съ презрѣніемъ, онъ плюетъ на него... Мы должны вернуться къ народу» **).

---

*) Записка напечатана была въ № 52 „Церковныхъ Вѣдомостей“ за 1905 г. Цит. по „Кіев. Вѣст.“, 3 марта 1908 г.

**) „Сѣверъ“, 31 января 1908 г.

«Вернуться къ народу»... Три года назадъ въ этомъ синодъ полагалъ, ссылаясь на каноническія правила, спасеніе церкви и ея «нравственное достоинство». Позже, между прочимъ, архіепископъ Антоній сталъ убѣждать іереевъ: Стойте за правительство и за его земельную программу; «держитесь крѣпко за (церковную) землю; не вѣрьте льстивымъ обѣщаніямъ либераловъ замѣнить вамъ земельные доходы жалованьемъ; смотрите, чтобы не остаться безъ земли и безъ жалованья» *). Со стороны волынскаго іерарха, пожалуй, было лишне напоминать объ экономической базѣ къ церковной надстройкѣ. Значительная часть духовенства и безъ того надлежаще освѣдомлена относительно «церковно-экономическаго матеріализма». И едва открылась третья Дума, между прочимъ, «среди кіевскаго духовенства былъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы, пользуясь благопріятными обстоятельствами, вдвое увеличить площадь церковнаго землевладѣнія, до 72 десятинъ при каждой церкви» **). Кое-гдѣ «благопріятныя обстоятельства» использованы премудрыми іереями въ разныхъ направленіяхъ, а между прочимъ, и въ цѣляхъ борьбы съ прихожанами за «таксу». Мѣстами помощь со стороны епархіальныхъ начальствъ доходила до разрѣшенія закрыть церкви и прекратить службу, пока прихожане не согласятся платить за требы по назначенной духовными отцами таксѣ. Мѣстами эта борьба ознаменовалась укоризненными посланіями архіереевъ къ мірянамъ. «Волынскіе прихожане,—читаемъ, напр., въ одномъ изъ такихъ посланій, принадлежащемъ перу архіепископа Антонія,—нищенски благодарятъ за требы. Кацапы живутъ бѣднѣе, но платятъ за обѣдню 2 руб., за бракъ 10 руб., за похороны 1 р. Вообще тамъ отъ каждой исповѣдной души священникъ получаетъ 75 к. или 1 руб., а на Волыни 15 коп. Добрый христіанинъ не торгуется за благодать и набавляетъ сверхъ обычая».

«Добрый христіанинъ не торгуется за благодать». Подчиненные архіепископу Антонію пастыри торгуются... Но мы уже по отзыву смоленскихъ батюшекъ знаемъ, что православная паства и не склонна считать духовныхъ лицъ «добрыми христіанами». «Прихвостень», «молишься, да не Небесному», «въ Христа не вѣруешь, на барскихъ псовъ надѣешься»... Таковы ходячія нынѣ укоризны пасомыхъ пастырямъ. Учитывая «благопріятныя обстоятельства», премудрые іереи пока что недурно устроились; кое-кто, какъ, напр., протоіерей Восторговъ, сумѣли сдѣлать блестящую карьеру. Пастыри не премудрые попытались «вернуться къ народу». Что изъ этого вышло, о томъ свидѣтельствуетъ судьба Клавдія Афанасьева, Брилльянтова, Огнева, Тихвинскаго, Григорія Петрова, Антонина, епископа нарвскаго... Много ихъ. Недавно въ

*) „Старообрядецъ“ № 9, 1907 г.
**) „Рѣчь“, 12 декабря 1907 г.

одной только пермской епархіи сразу 52 священника сосланы въ монастырь на покаяніе за несоотвѣтствующее видамъ начальства поведеніе *). Правда, эти примѣры не мѣшаютъ смоленскимъ батюшкамъ говорить о «возвратѣ къ народу», какъ 3 года назадъ все прошлое россійской государственной церкви не мѣшало синоду говорить объ «автономіи». Но въ другихъ епархіяхъ иллюзіи на счетъ возврата сильно растаяли. И сейчасъ, напримѣръ, въ Воронежской губерніи «нѣсколько священниковъ (уже не молодыхъ, семейныхъ) оставили свои приходы и записались въ студенты харьковскаго университета; точно также ушли въ университетъ нѣсколько дьяконовъ и псаломщиковъ; семинаристы, окончившіе курсъ въ 1907 г., за весьма немногими исключеніями, также не желаютъ надѣвать рясу, и, благодаря этому, въ епархіи остается много незанятыхъ мѣстъ дьяконовъ и псаломщиковъ». («Сѣверъ», 31 января 1908 г.). Со временъ опубликованія синодской программы церковнаго обновленія произведена генеральная очистка православной іерархіи отъ элементовъ, не приспособленныхъ руководиться указаніями департамента полиціи и соотвѣтствовать видамъ верховной управы союза русскаго народа. Такъ осуществленъ пунктъ программы объ «автономіи».

Нѣсколько сложнѣе и отчасти даже неожиданнѣе осуществленъ второй пунктъ той же синодской программы 1905 г. относительно «соборнаго начала, теперь не дѣйствующаго». 31 марта 1905 г. было офиціально объявлено, что для полнаго осуществленія реформъ, намѣченныхъ въ запискѣ синода, въ принципѣ рѣшено созвать помѣстный всероссійскій церковный соборъ, но «исполненіе сего откладывается до благопріятныхъ временъ». Нельзя приступить къ такому дѣлу въ разгаръ войны съ Японіей, — такъ, помнится, комментировало эти слова «Новое Время». Въ обиходъ вошло такимъ образомъ два понятія: соборное начало, какъ программа реформы, и помѣстный соборъ, какъ одно изъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли. Затѣмъ 28 іюня 1905 г. оберъ-прокурору было предложено приступить къ разработкѣ вопросовъ, затронутыхъ всеподданнѣйшею запискою синода, и опросить епархіи и относительно соборнаго начала и относительно автономіи. Мнѣнія епархіальныхъ архіереевъ были получены, разработаны и представлены. 27 декабря 1905 г. митрополиты петербургскій Антоній, московскій Владиміръ, кіевскій Флавіанъ получили препорученіе— «опредѣлить время созванія собора», въ цѣляхъ «осуществленія нѣкоторыхъ преобразованій въ строѣ отечественной церкви». То есть уже черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ мартовской записки синода

*) Вина сосланныхъ состояла, между прочимъ, во-первыхъ, въ томъ, что они съ разрѣшенія полиціи съѣзжались въ Ирбитъ для обсужденія своихъ нуждъ, а во-вторыхъ, въ томъ, что подали жалобу въ синодъ на своего архіерея, запретившаго этотъ съѣздъ. См. „Рѣчь“, 2 февраля 1908 г.

вмѣсто соборнаго начала въ реформаторской программѣ оказались лишь «нѣкоторыя преобразованія»,—какія именно, сами митрополиты затруднились опредѣлить. И для выработки программы собора было учреждено въ январѣ 1906 г. такъ называемое «предсоборное присутствіе». Въ декабрѣ того же года предсоборное присутствіе окончило свои работы. 27 апрѣля 1907 г. было опубликовано положеніе о составѣ предполагаемаго собора. По этому положенію, право рѣшающаго голоса на соборѣ предоставлено только епископамъ. Бѣлое духовенство и міряне намѣчаютъ лишь кандидатовъ (3 кандидата отъ мірянъ и 3 отъ клира) въ порядкѣ трехстепенныхъ и четырехстепенныхъ выборовъ. Изъ представленныхъ кандидатовъ епархіальный архіерей избираетъ членовъ собора,—одного отъ бѣлаго духовенства и одного отъ мірянъ. Но и эти избранные епископскою властью на соборѣ пользуются лишь правомъ совѣщательнаго голоса. Иначе говоря, принципіально принятая въ мартѣ 1905 г. программа реформы была отвергнута. Цѣль, выражаемая словами: «соборное начало», подъ которымъ мнилось нѣчто вродѣ «рѣшающей силы мірянъ», исчезла. Вмѣсто нея, выдвинулось подчеркнутое желаніе сохранить исконныя начала: рѣшающая сила, согласно положенію 27 апрѣля, должна остаться въ рукахъ высшей іерархіи, властью опредѣляемой и отъ нея зависящей. Отъ всѣхъ разговоровъ осталось лишь средство: созывъ собора, но созывъ неизвѣстно когда, и неизвѣстно, для какой надобности. Правда, чтобъ намѣтить программу занятій для собора, была учреждена при синодѣ «предсоборная комиссія», называемая также «особымъ совѣщаніемъ». Но послѣ разныхъ колебаній, о которыхъ рѣчь ниже, комиссія, если вѣрить газетнымъ свѣдѣніямъ «разослала всѣмъ епархіальнымъ и викарнымъ архіереямъ опросные листы съ цѣлью всесторонняго выясненія вопроса о задачахъ церковнаго собора и его желательномъ составѣ» *). Сначала издать высочайше утвержденное положеніе, точно опредѣлившее составъ собора, а потомъ разослать опросные листы о задачахъ и желательномъ составѣ,—это ужъ слишкомъ похоже на истинно-русскія сказки. Однако, сообщеніе объ опросныхъ листахъ не было опровергнуто, какъ не опровергнуты и два другихъ сообщенія, имѣвшія важное симптоматическое значеніе. Одно изъ нихъ появилось въ ноябрѣ прошлаго 1907 г.: «по словамъ «Холмской Церковной Жизни», 23 епархіи заявили синоду о нежеланіи участвовать во всероссійскомъ церковномъ соборѣ; мотивомъ служитъ то, что въ «Положеніи» 27 апрѣля дается преимущество епископамъ, а роль мірянъ и бѣлаго духовенства сводится къ нулю» **). Другое напечатано многими газетами въ концѣ февраля нынѣшняго года: «синодомъ рѣшено весь собранный предсоборной комиссіей матеріалъ оставитъ

*) „Русское Слово", 12 января 1908.
**) Цит. по „Кіев. Вѣст.".

до созыва всероссійскаго собора, а самый созывъ отложить до болѣе благопріятнаго политическаго момента и полнаго внутренняго успокоенія страны» *). Послѣднее косвенно подтвердилось 20 февраля во время представленія церковной думской комиссіи митрополиту Антонію. Предсѣдатель комиссіи г. В. Н. Львовъ сказалъ, между прочимъ, Антонію:

«Стремясь работать въ Государственной Думѣ на пользу церкви, мы не можемъ не засвидѣтельствовать нашей скорби отъ того сознанія, что тщетны наши труды, доколѣ то учрежденіе, которое является въ церкви источникомъ ея жизнедѣятельности, не дѣйствуетъ... Это святое учрежденіе есть помѣстный церковный соборъ русской церкви, а между тѣмъ вотъ уже 200 лѣтъ, какъ существуетъ безъ собора наша матерь, церковь соборная. Но мы вѣримъ, что пастыри въ лицѣ вашемъ и пасомые въ лицѣ нашемъ... будутъ содѣйствовать скорѣйшему созыву собора».

Митрополитъ отвѣтилъ, что хотя созывъ собора въ принципѣ рѣшенъ, но «всѣмъ намъ, православнымъ, нужно молиться, чтобъ намъ Господь указалъ время, благопотребное для собора, всѣми вѣрными сынами церкви ожидаемаго» **).

Собственно, въ этихъ рѣчахъ характерны кое-какія детали. Митрополитъ не возразилъ на совершенно ясное указаніе, что синодъ не соборъ даже въ своемъ нынѣшнемъ, съ 1 января, сугубомъ составѣ, доведенномъ до 12 лицъ, со включеніемъ «представителя отъ бѣлаго духовенства», въ лицѣ Іоанна кронштадтскаго. Въ этомъ смыслѣ митрополитъ Антоній оказался молчаливо единодушенъ съ церковной комиссіей. Но единодушна оказалась и комиссія съ митрополитомъ Антоніемъ, замѣняя соборность созывомъ собора. А затѣмъ: молитесь о времени благопотребномъ. И митрополитъ, три года стоящій въ центрѣ всякаго рода разговоровъ и совѣщаній о церковной реформѣ, правъ, призывая найти утѣшеніе въ молитвѣ.

23 епархіи заявили объ отказѣ участвовать во соборѣ... Цифрѣ 23 я лично не очень вѣрю. Мнѣ она кажется преувеличенной. Слишкомъ старательно очищено духовенство отъ непослушныхъ элементовъ, и едва ли возможенъ бойкотъ собора въ такихъ размѣрахъ. Но едва ли можно сомнѣваться, что идея «соборности» имѣетъ глубокіе корни даже среди нынѣшняго очищеннаго іерейства, а среди міронъ эти корни еще болѣе глубоки. Можно возлагать надежды на традиціонное тупо-безразличное отношеніе «вѣрныхъ сыновъ православной церкви». Но если не всѣ тупобезразличны, если есть въ православіи люди, которыхъ вопросы вѣры задѣваютъ за живое, то даже по случаю выборовъ въ соборъ, опредѣляемый положеніемъ 27 апрѣля, надо ждать большихъ не-

*) Цит. по „Утру“, 23 февраля 1908 г.

**) „Рѣчь“, 21 февраля 1908.

пріятностей. Даже самые выборы могутъ стать поводомъ къ новому расколу. Возможность, тѣмъ болѣе вѣроятная, что старообрядчество существовало не даромъ. Форма церковной организаціи, православной по обрядамъ, но соборной по организаціи, создана исторіей. И новоотколовшимся отъ церковнаго дѣйствія государственной власти, буде таковые окажутся, остается лишь взять готовые образцы религіознаго устройства, опредѣляемаго рѣшающею силою мірянъ. Прежній простецъ сдерживался страхомъ: «будешь жить безъ причастья, умрешь безъ покаянія и похоронить некому» Старообрядцы австрійскаго согласія показали, какъ, рѣшаются эти вопросы религіозной совѣсти простеца. Не безъ основанія писалъ епископъ минскій Михаилъ въ предсоборную комиссію, что выборовъ производить не слѣдуетъ:

«Соборъ всероссійскій долженъ состоять только изъ архіереевъ». Если пресвитеровъ и мірянъ приглашать, то «лишь по указанію епископовъ». Иначе «при современномъ положеніи вещей должно ожидать на соборѣ такихъ рѣчей, сужденій, и требованій, отъ которыхъ ужаснется истинный христіанинъ» *).

Положимъ, въ разсужденіи опасности новаго раскола, созвать соборъ вовсе безъ выборовъ, быть можетъ, еще хуже, чѣмъ допустить избирательную видимость, какъ предусмотрѣно положеніемъ 27 апрѣля. Но независимо отъ этой, такъ сказать, предсоборной опасности, какимъ образомъ на самомъ соборѣ обойти роковой вопросъ о «соборномъ началѣ?». Старый это вопросъ. И не спроста около него сосредоточены даже въ синодѣ споры о реформѣ. Нынѣ такіе органы, какъ «Новое Время», «Гражданинъ» неслыханную смуту послѣднихъ лѣтъ объясняютъ разрывомъ исторической власти съ народомъ. Пусть разрывъ. Но вопросъ о соборности стоялъ остро задолго до разрыва. Рѣшительная попытка оформить фактъ юридически была сдѣлана при Павлѣ I, такъ какъ впервые въ актѣ 5 апрѣля 1797 г. употребленъ правильный, точно соотвѣтствующій дѣйствительности терминъ: «Глава Церкви». Но этотъ терминъ столкнулся съ массою предубѣжденій. И его въ статьѣ 42 стараго свода основныхъ законовъ замѣнили описательными выраженіями «верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія,—въ семъ смыслѣ императоръ... именуется Главою Церкви». Фактъ церковнаго главенства свѣтской власти оставался фактомъ, далеко не всѣми понятымъ и далеко не для всѣхъ яснымъ. Но попытка объяснить его и растолковать въ точной юридической формулировкѣ даже при Павлѣ I оказалась неблаговременной, возбуждающей толки и страсти. Даже въ пору «единенія власти съ народомъ» было нѣчто, принципіально непріемлемое мірянами. Теперь, говорятъ намъ, произошелъ разрывъ. Но это лишь значитъ,

*) «Русское Слово», 12 января 1908 г.

что на подмогу старымъ причинамъ явились причины новыя, по преимуществу политическія. И, насколько я понимаю, самъ по себѣ вопросъ о соборности есть вопросъ по преимуществу политическій. Это—стремленіе замѣнить главенствующую въ церкви государственную власть силою мірского приговора. Это все та же крамола, хотя и принявшая благочестивый видъ, хотя и заговорившая каноническимъ языкомъ. Былъ высокъ авторитетъ власти, и церковь, плохо ли, хорошо ли, но стояла. Умалился авторитетъ,—раздраженіе противъ правительства стало раздраженіемъ и противъ поставленной правительствомъ іерархіи. И, чѣмъ откровеннѣе выступаетъ «учащая церковь», какъ органъ правительства, тѣмъ сильнѣе раздраженіе противъ нея со стороны «учимыхъ».

Повторяю, кризисъ православія обусловленъ разными причинами,—и общими, хроническими, и мѣстными, острыми. Но среди мѣстныхъ причинъ едва ли не главнѣйшее мѣсто занимаетъ раздраженіе массъ противъ іерархіи, подготовленное политическими обстоятельствами времени. И, пока эта причина не устранена, пока создавшія и питающія ее политическія обстоятельства существуютъ, церковь обречена на безсиліе и быстрое разрушеніе. Можно желать и стремиться, чтобъ на соборѣ оказались исключительно «уравновѣшенные люди», способные сохранить хладнокровіе: «лишь бы, молъ, прожить какъ-нибудь безъ скандаловъ,—на нашъ вѣкъ, Богъ дастъ, хватитъ». Но при самомъ старательномъ подборѣ приспособленнѣйшихъ, нельзя ручаться, что не попадутъ «ревнующіе о вѣрѣ». И тогда не миновать рѣчей о необходимости спасти церковь и о соборномъ началѣ, какъ единственномъ, при нынѣшнемъ состояніи умовъ, и самимъ синодомъ подсказанномъ лѣкарствѣ. Но говорить объ этомъ на соборѣ значитъ настаивать на упраздненіи одного изъ самыхъ исконныхъ устоевъ: «въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствамъ синода, ею учрежденнаго» *). Какъ бы ни рѣшилъ соборъ альтернативу: «или спасеніе церкви, или исконные устои», но самая постановка ея церковными людьми и при рѣшеніи церковныхъ дѣлъ грозила бы весьма непріятными осложненіями.

Положеніе таково, что устранить опасные вопросы, имѣющіе прямое отношеніе къ источникамъ религіознаго авторитета власти, трудно. А если созывать соборъ для общаго сужденія о церковныхъ дѣлахъ, то и вовсе невозможно. Остается созывъ собора для рѣшенія заранѣе опредѣленныхъ, строго изолированныхъ отъ «соборнаго начала» задачъ. И притомъ задачъ, достаточно импозантныхъ, большихъ: 200 лѣтъ не было соборовъ, нельзя же ихъ созывать по пустякамъ. Но гдѣ же онѣ, эти задачи, стоящія внѣ очередныхъ злобъ времени? «20 сентября 1907 г. въ Петербургѣ состоялось въ митрополичьихъ покояхъ совѣщаніе, на которомъ участвовали

*) Ст. 43 старыхъ основныхъ законовъ.

нѣсколько епископовъ, члены синода, митрополитъ всѣхъ римско-католическихъ церквей въ Россіи; предсѣдательствовалъ митрополитъ Антоній. Митрополитъ римско-католическихъ высказалъ свое пожеланіе о возможно-скоромъ объединеніи православныхъ съ католиками и согласился повліять на свою духовную паству съ цѣлью привлечь ее къ наиболѣе широкому участію въ выборахъ на предстоящій всероссійскій соборъ. Всѣ расходы по выборамъ представителей римско-католическаго духовенства будутъ отнесены на счетъ римско-католическаго духовнаго имущества». Эта замѣтка, напечатанная 6 мѣсяцевъ назадъ въ «Старообрядцѣ» *), была озаглавлена: «Соединеніе господствующей церкви съ католичествомъ». «Соединеніе церквей» задача весьма почтеннаго возраста. Пожалуй, и достаточно импозантная. По плечу она или не по плечу такимъ не слишкомъ страдающимъ отъ избытка инициативы людямъ, какъ митрополитъ Антоній, напр.,—судить не будемъ. Но и независимо отъ этого, соединеніе съ католицизмомъ, съ «папоцезаризмомъ», даже по созвучію наводитъ на мысль о болѣе близкомъ нашему сердцу цезарепапизмѣ... Стоитъ лишь заговорить объ этомъ, и боевая, наболѣвшая тема о соборномъ началѣ станетъ сама собою. Да и какой смыслъ разговаривать о соединеніи церквей? Соединить ихъ не соединишь, а волненіе православныхъ умовъ, пожалуй, усилишь.

Говорили одно время, что слѣдуетъ возложить на предполагаемый соборъ реформу духовныхъ учебныхъ заведеній. Задача тоже довольно почтеннаго возраста, хотя нѣсколько спеціальная. Но спеціальность, сравнительно, пустяки. Гораздо хуже, что за этой сравнительно узкою темою стоитъ уже давно поднятый—какъ мы видѣли, даже въ полемикѣ со старообрядцами—вопросъ о жалкомъ состояніи православной богословской науки. И я не знаю, зачѣмъ скрывать отъ себя, что до сихъ поръ самая возможность научно-богословскаго изслѣдованія основныхъ церковныхъ вопросовъ въ православной церкви не обезпечена и отсутствуетъ. Вѣдь, это обстоятельство отмѣчено и объяснено даже въ такихъ общедоступныхъ книгахъ, какъ «Очерки по исторіи русской культуры» П. Н. Милюкова. Православное богословіе доселѣ находится въ положеніи митрополита Филарета Дроздова, который при Александрѣ I былъ горячимъ другомъ высочайше поощряемаго Библейскаго общества, а при Николаѣ I сталъ другомъ враговъ того же общества, высочайше закрытаго. При Александрѣ Филаретъ симпатизировалъ больше протестантству, не отказываясь отъ византіизма. При Николаѣ I онъ больше симпатизировалъ византіизму, не отказываясь отъ протестанства. И въ сущности его мысли приходилось усерднѣе сосредоточиваться на возможностяхъ

*) См. № 9. 1907 г. стр. 1043. Замѣтка доселѣ не опровергнута. И, судя по ней, работы предсоборной комиссіи шли въ разныя стороны и имѣли въ виду не только „помѣстный", исключительно православный соборъ.

завтрашняго дня, нежели на богословскомъ существѣ. Такъ оно и до сихъ поръ идетъ. Въ 1905 г. россійскому богослову легко и свободно было развивать «догматъ соборности», хотя голосъ благоразумія обязывалъ не вовсе отрицать объявленную Филаретомъ черниговскимъ непогрѣшимость учащей церкви. Теперь легко и свободно развивать теорію непогрѣшимости, хотя голосъ благоразумія обязываетъ не вовсе отвергать соборное начало, ибо «не уявися будущее». Конечно, растяжимы и условны нормы богословія, а все-таки онѣ обязываютъ настаивать на чемъ-либо опредѣленномъ, защищать ту или иную позицію, разъ она избрана. Но Антонинъ нарвскій занялъ опредѣленную позицію, послѣ 17 октября 1905 г., объявилъ пріемлемымъ съ православно-богословской точки зрѣнія только конституціонно-монархическій строй, и защита этой позиціи привела его къ безсрочной ссылкѣ въ Троице-Сергіевскую пустынь. Антоній петербургскій сумѣлъ по случаю манифеста 17 октября одновременно согласиться съ двумя противоположными точками зрѣнія и по предусмотрительному благоразумію своему преуспѣлъ. Ни о какой опредѣленной, сколько-нибудь послѣдовательной богословской системѣ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ дѣло сводится къ соотвѣтствію капризнымъ поворотамъ внутренней политики. Доселѣ систематическое богословское мышленіе въ православной церкви было и есть, какъ выразился П. Н. Милюковъ въ своихъ «Очеркахъ», «роскошь», допустимая для такихъ независимыхъ людей какъ покойные Хомяковъ и В. С. Соловьевъ. Для подчиненныхъ же оберъ-прокуратурѣ синода это—опасная и, въ интересахъ внутренней политики, недопустимая роскошь. Пока жизнь не требовала отъ русскихъ богослововъ немедленнаго отвѣта на чрезвычайно острыя противорѣчія и сомнѣнія, можно было пребывать и безъ роскоши. Теперь противорѣчія и сомнѣнія стали ребромъ. Отъ духовной школы и «бывшіе солдаты», и разные другіе люди требуютъ немедленнаго отвѣта. Почему, въ самомъ дѣлѣ, катехизисъ Филарета исправлялся по указаніямъ «шишковскихъ лакеевъ?» Почему въ россійской, номинально соборной, церкви, соборное начало, по словамъ самого синода, отсутствуетъ? При такихъ условіяхъ дѣлать реформу духовной школы предметомъ торжественно-соборнаго сужденія значитъ опять-таки идти навстрѣчу альтернативѣ; или возможность богословской науки, или исконные устои. Вовсе не надо быть «революціонеромъ», чтобы поставить эту альтернативу. Недавно начальникъ 22 дивизіи, генералъ Артамоновъ обратился къ новгородскому архіепископу Гурію съ просьбой прислать миссіонеровъ для борьбы съ «безбожіемъ» и вообще религіознымъ броженіемъ среди солдатъ. И такъ какъ генералъ оказался по военному настойчивъ, то архіепископу пришлось откровенно отвѣтить, что у церкви нѣтъ людей, способныхъ на это дѣло. Генералъ сталъ просить о присылкѣ хоть монаховъ. Преосвященный отвѣтилъ полууклончиво:

— «Нынче идутъ въ монастыри не для Іисуса, а для куса»... Монастырскіе совсѣмъ не способны на такую борьбу *).

Если бы генералъ былъ еще болѣе настойчивъ, то онъ бы, пожалуй, узналъ отъ преосвященнаго Гурія, что духовная школа не можетъ готовить «годныхъ» миссіонеровъ. А если онъ, дѣйствительно, ревнуетъ о «спасеніи вѣры», то поневолѣ задумался бы о средствахъ обезпечить возможность богословской науки, не уклоняющейся отъ разсмотрѣнія «жупеловъ», создавшихъ нынѣшнее броженіе массъ. Въ послѣднее время «союзники русскаго народа» выработали проектъ о повсемѣстномъ устройствѣ, даже по деревнямъ, миссіонерскихъ училищъ. Но авгуры учащей церкви, знаютъ, что можно ухлопать на это дѣло десятки милліоновъ, но духа, который питалъ бы миссіонерскія школы, все-таки не будетъ. Появленіе такихъ проектовъ и ходатайствъ, подобныхъ возбужденному генераломъ Артамоновымъ, свидѣтельствуетъ лишь, что бѣдственное состояніе церкви чувствуется разными людьми, волнуетъ ихъ, заставляетъ искать выхода. Но это значитъ, что собору, если его созвать, трудно удержаться отъ проникновенія въ глубь вещей, въ корень всѣхъ неустройствъ.

Предполагалось, далѣе, занять соборъ вопросомъ о патріаршествѣ. Но по этому поводу предсоборная комиссія столкнулась съ рѣзкими разногласіями среди епархіальныхъ архіереевъ. Епископъ туркестанскій, напр., рѣшительно настаивалъ, что учрежденіемъ патріаршества не улучшится, а ухудшится положеніе православной церкви. А нѣкоторые сторонники патріаршества связывали этотъ вопросъ съ «возвращеніемъ утраченныхъ основъ церковнаго строя»,—напр., съ выборнымъ началомъ и духовнымъ главенствомъ, долженствующимъ замѣнить главенство свѣтское. Одинъ изъ архіепископовъ, разсуждая о выборномъ началѣ, высказался даже за «право прихода рекомендовать кандидатовъ на священнослуженіе».

Словомъ, ничего другого не оставалось, какъ «отложить до болѣе благопріятнаго политическаго момента», до «полнаго успокоенія», до замѣны «разрыва» единеніемъ. Но когда же это наступитъ? И откуда получится единеніе? Какимъ образомъ? На какой почвѣ?

— Молитесь,—сказалъ митрополитъ Антоній,—о времени благопотребномъ...

IV.

«Голосъ Москвы» остался очень недоволенъ этимъ «молитесь». Недовольство понятное. Въ самомъ дѣлѣ у третьей Думы могъ быть «большой планъ», о которомъ мнѣ пришлось говорить въ прошлой

*) „Рѣчь“ 20 февраля 1908.

книжкѣ,—созданіе внѣшняго могущества. Но онъ оказался «чреватымъ» опасными послѣдствіями, угрожающимъ постановкой крайне щекотливыхъ альтернативъ. Могъ быть и другой планъ. Соборъ,—говорилъ депутатъ Львовъ отъ имени церковной комиссіи митрополиту Антонію,—«долженъ бы являться вдохновителемъ нашихъ трудовъ и предметомъ нашей сильнѣйшей защиты». Слова и мечтательны, и неясны. Третья Дума, по примѣру первыхъ двухъ, не можетъ защитить многія свои законныя права. И какимъ образомъ она сумѣла бы защищать церковный соборъ, изъятый изъ ея компетенціи,—это секретъ. Да и слишкомъ ужъ въ словахъ г. Львова намѣреніе преобладаетъ надъ разумомъ. Богъ вѣсть, какой можетъ быть соборъ; Богъ вѣсть, кому онъ можетъ быть другомъ, и кому врагомъ; а церковная комиссія Думы уже выдаетъ щедро слишкомъ безусловные авансы. Какъ конкретно могла бы связать себя Дума съ реформою церкви,—сказать трудно. Но мечта о «сильнѣйшей защитѣ» увлекательна. Реформа церкви—этотъ планъ нѣсколько слабѣе патріотическихъ милліардовъ на постройку флота и перевооруженіе арміи. И все-таки планъ хорошій, увлекательный, способный привлечь вниманіе широкихъ массъ, задѣть за живое и собрать силы; и среди депутатовъ третьей Думы нашлись бы люди, способные увлечься такой работой. Это могло быть. Думская церковная комиссія, судя по ея адресу митрополиту Антонію, объ этомъ мечтала. Но оказались препятствія. Органъ октябристовъ старается увѣрить, что главное препятствіе кроется въ самомъ митрополитѣ, который противится созыву собора. По этому поводу невольно припоминается окрикъ «Гражданина» на октябристовъ другой думской комиссіи, разрабатывающей законопроектъ о неприкосновенности личности:

«Да будетъ вамъ, господа, прикидываться... Сказали бы открыто: нельзя говорить о вздорномъ законопроектѣ неприкосновенности жилищъ и личности, когда ежедневно приходится производить аресты и обыски. Зачѣмъ понапрасну ломать комедію, стараясь выработать законъ о неприкосновенности въ такихъ формахъ, чтобъ осталась прикосновенность? Для того только, чтобъ отвести глаза? Неужели вы думаете, что... обманете или удовлетворите»? *)

Не резоннѣе ли, и въ самомъ дѣлѣ, говорить открыто? И во всякомъ случаѣ, съ какой стати винить Антонія? Вѣдь, онъ, не взирая на противодѣйствіе покойнаго Побѣдоносцева, присоединился къ реформаторской запискѣ синода въ мартѣ 1905 г., и стоялъ по сану своему, во главѣ ревнующихъ о церковной «реформѣ сверху». И самый созывъ собора считался одно время какъ бы елеемъ, способнымъ утишить политическія волненія. И три года этотъ вопросъ обслѣдовался со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ возможныхъ комбина-

*) Цит. по „Рѣчи“, 19 февраля 1908.

ціяхъ. Вина ли митрополита, если открылось ему, что жизнь сильнѣе конфуза неисполненныхъ обѣщаній, а интересы нынѣшняго дня властнѣе страховъ за день завтрашній? Завтрашній день для церкви страшенъ. Но выполнить сегодня обѣщаніе нельзя.

Нѣчто странное и поучительное дѣется въ послѣднее время съ «правой Россіей». Ея планы мельчаютъ. Поле дѣятельности ея быстро суживается. Формы дѣятельности пріобрѣтаютъ утомительное однообразіе. И попытки углубить и расширить работу то и дѣло натыкаются на властный голосъ жизни: «Нельзя».

Недавно, между прочимъ, образовалась новая политическая партія подъ названіемъ: «Всероссійскій Національный Союзъ». Точнѣе говоря, сдѣлана и еще одна попытка сыграть на завѣтной мысли «Новаго Времени»: великорусская народность должна быть господствующею. Рядъ попытокъ начатъ учрежденіемъ «Русскаго Собранія», гдѣ руководство дѣлами оказалось въ рукахъ людей съ нѣмецкими фамиліями. Возникавшія затѣмъ организаціи, вродѣ «партіи правового порядка», оказались еще менѣе удачными. А грубо націоналистическая идея, привитая къ союзу русскаго народа, дала наиболѣе плачевные для національнаго самолюбія «Новаго Времени» результаты: гласными руководителями союза оказались молдаване, а негласными—люди, во всякомъ случаѣ, не великорусскаго происхожденія. Возникновеніе новой попытки тотчасъ послѣ грязно скандальнаго съѣзда делегатовъ союза русскаго народа *) дало даже поводъ для толковъ, что союзъ провалился во мнѣніи высшихъ сферъ, что въ лицѣ Всероссійскаго Національнаго Союза создается нѣчто, болѣе приличное, взамѣнъ «дикой дубровинской орды». Толки о провалѣ союза во мнѣніи сферъ, по обыкновенію, оказались неосновательными. Наоборотъ, послѣ съѣзда союзники попали въ особый фаворъ. О какомъ провалѣ можно говорить, если теперь во власти отдѣловъ союза очутилось фактически право налагать на жителей штрафы въ свою пользу (такъ дѣлается, напр., въ с. Дашковкахъ, Подольской губ., см.—«Рѣчь», 4 марта. 1908 г.)? А до какой степени это трудно объяснить только произволомъ союзниковъ, свидѣтельствуетъ примѣръ одесскаго генералъ-губернатора Толмачева: послѣ съѣзда, г. Толмачевъ, между прочимъ, страхомъ административныхъ каръ принудилъ университетскихъ служителей записаться въ члены союза русскаго народа, а значитъ—прежде всего внести опредѣленную сумму въ кассу союза **). Судя по

*) Вотъ, наприм., одинъ изъ эпизодовъ на съѣздѣ: „послѣ многихъ возліяній казакъ Миловидовъ поспорилъ съ инженеромъ Кашкинымъ. Постный и Давыдовъ увели инженера. Поднялся шумъ. Стали бить посуду. Среди этой обстановки подписывался адресъ на высочайшее имя". „Рѣчь" 29 февраля.

**) 10 неподчинившихся служителей, по требованію г. Толмачева, уволены. См. „Рѣчь", 6 марта.

этому, можно думать, что новая организація возникаетъ, хотя и не безъ вѣдома сферъ, но не взамѣнъ союза.

Возникновенію Всероссійскаго Національнаго Союза предшествовала агитація, главнымъ образомъ, г. Меньшикова. На этотъ разъ онъ взялъ необыкновенно ясную, опредѣленную, даже демагогически подчеркнутую ноту. Для большой ясности онъ поименно називалъ многихъ покойныхъ и здравствующихъ особъ военной и гражданской службы. И поставилъ точку надъ і: мы—русскіе, мы господствующая народность, а надъ нами командуютъ, нами управляютъ инородцы, пришлецы съ польскими, нѣмецкими, французскими, датскими и всякими другими фамиліями... Не пощадилъ даже «предпріимчиваго инородца Бориса Годунова». Задумано это во всякомъ случаѣ не безъ демагогическаго чутья. И есть возможность съ этой именно аргументаціей проникнуть въ сѣрую массу и встрѣтить тамъ искренній откликъ. Разговаривая на этомъ языкѣ, можно, хотя бы чрезъ посредство такихъ добровольныхъ защитниковъ власти, какъ г. Меньшиковъ, установить съ нѣкоторыми элементами массы взаимное пониманіе, кое-какія точки для того единенія, о которомъ, по слову столичнаго архипастыря, надо молиться. Но уже аргументація г. Меньшикова вызвала тревогу и опасеніе:

— «Удивительною безтактностью, — писалъ, напр., «Русскій Инвалидъ»—чтобы не сказать болѣе, отличается фельетонъ Меньшикова... Онъ по фамиліямъ старается установить, кого изъ генераловъ нашей арміи надо считать русскимъ, и кто изъ нихъ таковымъ не можетъ считаться... Г. Меньшиковъ вноситъ въ нашу армію ядъ раздора и сыска» *)...

А въ разсужденіи нижнихъ чиновъ и ядъ призыва къ неповиновенію начальству, каковое предусмотрѣно 5 п. 129 ст. Но не одной 129 статьею тутъ пахнетъ. Пусть Борисъ Годуновъ инородецъ. Но «у Апухтина,—напомнили «С.-Петер. Вѣдомости»,—есть чудныя строки про Екатерину II: «я больше русская была, чѣмъ многіе цари, по крови вамъ родные». Примѣръ, даже хронологически болѣе щекотливый. Да и независимо отъ тѣхъ или иныхъ частностей агитаціонной аргументаціи, «г. Меньшиковъ, по отзыву тѣхъ же «С.-Петер. Вѣдомостей», поднялъ опасный вопросъ... Русское революціонное броженіе уже не разъ питалось тѣмъ самымъ, чѣмъ хочетъ отравить сердца... г. Меньшиковъ,—подозрѣніемъ въ нерусскости русскихъ правящихъ классовъ. Нетрудно и сейчасъ разжечь пожаръ на этой почвѣ. Стоитъ нарисовать генеалогическое дерево первѣйшихъ родовъ, чтобы убѣдиться, что въ жилахъ ихъ несравненно больше, крови иноземной, чѣмъ русской» **). И едва «Всероссійскій Національный Союзъ» возникъ, какъ учредители его,

*) Цит. по „Саратов. Листку", 19 февр. 1908.
**) Цит. по „Рѣчи", 27 февраля.

видимо, испуганные выводами изъ основой ихъ идеи, сочли долгомъ, какъ сообщало «Новое Время» поставить вопросъ: соотвѣтствуетъ ли эта идея основнымъ законамъ?... *) Во всѣхъ «порядочныхъ странахъ» реакція, организуя націоналистическіе инстинкты массы, находитъ себѣ опору. Въ Россіи даже націоналистическіе инстинкты оказываются силой революціонной. Нельзя ихъ трогать.

Но если и это нельзя,—что же можно? Въ массѣ есть еще инстинкты жалости и человѣчности. Собственно къ нимъ и апеллировали защитники и творцы военно-полевой юрисдикція, настойчиво требуя отъ первой и второй Думы вынести «осужденіе террору». Въ этой настойчивости было что-то странное, почти болѣзненное. Черты болѣзненной странности, главнымъ образомъ, и отмѣчались прессою. Я лично готовъ думать, что тутъ не все, по крайней мѣрѣ, болѣзненно. Уже нѣсколько десятилѣтій революціонный терроръ виситъ постоянною грозою надъ виднѣйшими представителями власти. Выросло это тактическое средство снизу, въ силу общеизвѣстныхъ историческихъ причинъ. Снизу оно питается. Внизу его корни. И ни для кого не секретъ, какое впечатлѣніе на широкіе общественные круги произвела смерть В. К. Плеве. Нѣтъ ничего болѣзненнаго въ желаніи по Думѣ, по собранію выборныхъ людей, до нѣкоторой степени опредѣлить, насколько широки и глубоки корни, питающіе это жестокое и страшное орудіе политической борьбы. Важно и утѣшительно было услышать слово именно безусловнаго осужденія, которое свидѣтельствовало бы, что корни революціоннаго террора не широки и не глубоки, что недоразумѣнія между властью и страною несомнѣнно не перешли ту грань, за которой пословица: «худой миръ лучше доброй ссоры», перестаетъ звучать убѣдительно. Имѣло смыслъ желаніе добиться извѣстнаго вотума и какъ тактическое средство. Показать, что между Думой и революціоннымъ терроромъ совершенно нѣтъ ни общаго языка, ни общихъ чувствъ, ни намека на взаимное пониманіе, провести чрезъ авторитетъ народнаго представительства соотвѣтствующую грань въ странѣ,—повторяю, эта мысль, если она была, вовсе не странна и не болѣзненна. А она, повидимому, была. И то, что она не осуществилась, было поставлено въ особую вину двумъ первымъ Думамъ. Судить о широтѣ и глубинѣ корней пришлось по Думѣ третьей, предусмотрѣнной избирательнымъ закономъ 3 іюня. И на долю третьей Думы выпало показать отсутствіе общаго языка, общихъ чувствъ и намека на взаимное пониманіе. Но тутъ-то и произошло нѣчто, дѣйствительно, странное, почти болѣзненное.

Начать съ того, что инаціативу въ дѣлѣ парламентскаго сужденія о террорѣ взяли на себя «правые» депутаты, въ томъ числѣ принадлежащіе къ союзу русскаго народа или близкіе къ нему. Какъ

*) „Нов. Вр.“, 1 марта № 11483.

и почему въ роли инициаторовъ явились и представители организацiи, связь которой съ правящими сферами никѣмъ, кажись, не оспаривается,—судить мудрено. Но есть нѣчто роковое въ томъ, что эту роль взяли на себя и союзники, которымъ во время пренiй думскiе ораторы принуждены были напомнить о Iолосѣ и Герценштейнѣ. Можно было напомнить не только эти два имени. Укажу для примѣра хотя бы слѣдующее обстоятельство, занесенное по требованiю прокурора въ протоколы петербургскаго окружнаго суда. На судѣ при разборѣ дѣла о рабочемъ Невскаго судостроительнаго завода Андрiановѣ, обвинявшемся въ покушенiи на умышленное убiйство братьевъ Ивана и Ильи Лавровыхъ, Илья Лавровъ въ качествѣ свидѣтеля, между прочимъ, показалъ:

Въ февралѣ 1906 г. онъ, Илья Лавровъ, состоялъ членомъ союза русскаго народа; союзъ поручилъ ему, Лаврову, убить директора Семянниковскихъ заводовъ инженера Гиппiуса; онъ, Лавровъ, на это согласиться не могъ, за что и былъ исключенъ изъ союза *).

Есть нѣчто роковое и глубоко неприличное въ рѣшимости думскихъ союзниковъ выступить среди инициаторовъ и по другой причинѣ. Дебаты о террорѣ происходили въ Думѣ 8 февраля. Черезъ 3 дня начались засѣданiя съѣзда союза русскаго народа, и постановленiя этого съѣзда «Русскимъ Знаменемъ» раздѣлены на «подлежащiя опубликованiю» и «неподлежащiя опубликованiю». Мы не знаемъ, конечно, постановленiй «неподлежащихъ». Изъ газетныхъ отчетовъ о съѣздѣ извѣстно, однако, что во время делегатскихъ пренiй ужъ слишкомъ много было рѣчей такого, напр., содержанiя: «Именемъ Христа призываю и благословляю васъ на борьбу и истребленiе жидовъ и поляковъ, бейте ихъ, жгите, рѣжьте крамольниковъ»*); «должно по всей Россiи организовать боевыя дружины и приступить къ поголовному истребленiю крамолы» **). Правда, засѣданiя съѣзда происходили втайнѣ, и на случайно добытыя газетныя свѣдѣнiя вполнѣ полагаться нельзя. Но послѣ съѣзда уже явно и публично въ Русскомъ Собранiи нѣкто г. Веножинскiй доказывалъ, что «необходимъ терроръ истинно-русскiй», осуществляемый посредствомъ «боевыхъ дружинъ союза русскаго народа». («Рѣчь» 24 февр.). А передъ съѣздомъ и даже за нѣсколько дней до пренiй въ Думѣ о террорѣ агитаторы союза въ разныхъ мѣстахъ убѣждали вооружаться и убивать. Напр., въ Саратовѣ 4 февраля союзный агитаторъ Овсянниковъ на собранiи членовъ учреждаемаго саратовскаго союза активной борьбы съ революцiей говорилъ: «вамъ нужно вооружиться, составить черно-

*) Дѣло разсматривалось при открытыхъ дверяхъ съ участiемъ присяжныхъ засѣдателей. Андрiановъ оправданъ. См. „Рѣчь", 2 марта 1908 г.
**) Слова iеромонаха Илiодора; см. „Рѣчь", 13 февр.
***) Слова гр. Кононовницына: „Рѣчь" 13 февр.

сотенную боевую дружину и... мстить, не останавливаясь ни передъ какими затрудненіями» *). И когда послѣ всѣхъ этихъ недвусмысленныхъ заявленій до съѣзда, во время съѣзда и послѣ съѣзда былъ предательски убитъ по приговору «коморры народной расправы» въ Екатеринославѣ Александръ Львовичъ Караваевъ, невольно вспоминались думскія сужденія о террорѣ. Союзники - депутаты вправѣ, конечно, сказать: «не доказано, что Караваевъ убитъ нашимъ союзомъ». Да, не доказано. Но, говоря объ осужденіи террора въ Думѣ, вы хорошо знали, что ваши единомышленники проповѣдуютъ терроръ въ странѣ. И кровь Караваева, убитаго пусть не союзниками, а лишь увлеченными проповѣдью союзныхъ агитаторовъ, говорившихъ отъ имени всего союза, а, слѣдовательно, и отъ вашего имени, убиваетъ всякую вѣру въ искренность думскаго вотума противъ террора.

Политически неприлична была и манера подойти къ вопросу. Его пытались провести контрабандой, подъ видомъ «законопроекта о помощи жертвамъ революціи», при чемъ иниціаторы особенно подчеркивали сочувствіе къ жертвамъ служебнаго долга, стоящимъ на низшихъ ступеняхъ правительственной лѣстницы. Назывались имена городовыхъ, смертельно раненыхъ или убитыхъ. Этотъ призывъ къ сочувствію пострадавшимъ низшимъ агентамъ власти былъ выслушанъ лѣвымъ крыломъ Думы съ подобающей серьезностью. Но когда депутатъ Покровскій пригласилъ къ сочувствію сотнямъ тысячъ сосланныхъ за политическія убѣжденія и политическую дѣятельность, къ сотнямъ тысячъ крестьянъ, пострадавшихъ отъ репрессій, десяткамъ тысячъ убитыхъ за три года, начиная съ 9 января, правое крыло Думы отвѣтило смѣхомъ и издѣвательскими криками: «мало», «браво». То есть у праваго крыла, близкаго къ союзу русскаго народа, оказался общій языкъ и общія чувства съ контръ-революціонными террористами. И оно понятно. Мы уже знаемъ, что какъ разъ въ это время внѣдумскіе союзники дѣятельно организовывали «черносотенныя боевыя дружины». Да и въ самой Думѣ 8 февраля членъ союза священникъ Гознатовскій взывалъ: «Доколѣ, Господи,... не *отомщены* будутъ за кровь нашу живущіе на землѣ»? Но это и свидѣтельствуетъ, что попытка уклониться отъ существа вопроса призывомъ къ сочувствію низшимъ агентамъ, пострадавшимъ отъ террора, совершенно не удалась.

Смѣхъ праваго крыла Думы, его крики «браво» и «мало» — симптомъ, несомнѣнно, имѣющій цѣну. И поскольку рѣчь шла о выясненіи источниковъ контръ-революціоннаго террора, думскіе дебаты 8 февраля прошли не безплодно.

Для власти гораздо болѣе важно было выяснить источники революціоннаго террора. Г. Гучковъ близко подошелъ къ существу вопроса, когда говорилъ въ Думѣ, 8 февраля: «Если раньше тер-

*) „Сарат. Вѣст.“ 7 февраля 1908.

роръ былъ окруженъ извѣстной общественной атмосферой сочувствія, и я даже сказалъ бы соучастія—то теперь всѣ эти иллюзіи давно отошли въ вѣчность, и вырожденіе террора должно было лишить его того ореола героизма, который ему раньше былъ приданъ *). Въ самомъ дѣлѣ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло? съ «кучкою террористовъ»? Кучка террористовъ для правительства не очень страшна. Но если они «окружены общественной атмосферой сочувствія», если существуетъ озлобленіе и раздраженіе противъ данной власти въ широкихъ общественныхъ слояхъ, то положеніе почти безнадежно. Тутъ ужъ рѣчь идетъ о самомъ существованіи объекта, на которомъ сосредоточились столь печальныя массовыя чувства. Г. Гучковъ говоритъ, что такія чувства были, что, благодаря имъ, террористовъ окружалъ «ореолъ героизма». Но теперь, по его словамъ, эти чувства исчезли, даже «давно» исчезли. Вѣрно это или невѣрно?

И какъ смотрѣть на террористическіе акты противъ низшихъ агентовъ власти? Есть-ли это вырожденіе террора, какъ говоритъ г. Гучковъ? Или это признакъ, что массовое озлобленіе страшно повысилось, дошло до готовности обрушиться на голову перваго встрѣчнаго агента власти? Къ сожалѣнію, г. Гучковъ счелъ возможнымъ не доказывать свое мнѣніе. А выступившій вслѣдъ за нимъ его партійный товарищъ, баронъ Мейендорфъ, засвидѣтельствовалъ, что даже въ союзѣ 17 октября мнѣніе г. Гучкова не всѣми считается правильнымъ. Г. Мейендорфъ согласенъ, что «революціонный терроръ развился на извѣстной почвѣ». Но не думаетъ, что эта почва исчезла. «Сотни ни въ чемъ неповинныхъ,—говорилъ онъ—мучатся въ полицейскихъ застѣнкахъ, и правительство прибѣгаетъ къ такимъ мѣрамъ, которыя подъ мѣриломъ абсолютной справедливости никакой критики не выдерживаютъ и ничѣмъ оправданы быть не могутъ». «Мѣрило абсолютной справедливости» вообще далеко. Да и каждый это самое «мѣрило» понимаетъ по своему. Но во всякомъ случаѣ г. Мейендорфъ счелъ долгомъ «высказать надежду», къ которой, по его разсчету, «присоединится и партія центра, что правительство найдетъ въ себѣ силы стать въ борьбѣ съ крамолой исключительно на почву законности». Уклончивы, пожалуй, даже увертливы, эти моментальныя перескакиванія отъ одного неизвѣстнаго, но максимальнаго «мѣрила» (абсолютная справедливость) къ другому тоже неизвѣстному, но минимальному «мѣрилу» («почва законности»). Да и вообще пренія 8 февраля изрядно-таки страдали уклончивостью и увертливостью. Но во всякомъ случаѣ, было указано, что источникъ массового раздраженія и озлобленія (сотни невинныхъ въ застѣнкахъ и т. д.) существуетъ до сихъ поръ. Это указаніе г. Мейендорфа не опровергнуто. А создаютъ ли «сотни невинныхъ въ застѣнкахъ» соотвѣтствующій эффектъ въ странѣ, есть-ли въ народныхъ массахъ озлоб-

*) Цит. по отчету „Рѣчи“.

леніе и раздраженіе противъ данной власти, или нѣтъ, и если есть, то какой, въ общихъ чертахъ, оно глубины и ширины,— отъ этихъ центральныхъ вопросовъ Дума, вульгарно выражаясь, увильнула. Она проголосовала и приняла большинствомъ придаточное предложеніе: «выражая чувство глубокаго негодованія и ужаса террористическимъ актамъ, мѣшающимъ мирному развитію страны» *). Но даже въ этомъ придаточномъ предложеніи видны уклончивость и увертливость. Убитъ Караваевъ. Какъ, по мнѣнію того же хотя бы депутата-священника Рознатовскаго, этотъ «актъ» «мѣшаетъ мирному развитію страны» или не мѣшаетъ? И принятое правыми, октябристами, мирнообновленцами и прогрессистами думское придаточное предложеніе «выражаетъ» ли именно этому акту «чувство глубокаго негодованія и ужаса»? Вѣдь, съ какой же нибудь стати отнесено это придаточное предложеніе къ главному, въ которомъ говорится о помощи жертвамъ именно революціоннаго террора? Очевидно, для каждаго отдѣльнаго случая потребуются обширныя комментаріи на тему, что разумѣла Дума надъ «актами мѣшающими», и предполагала-ли возможность «актовъ не мѣшающихъ». Но уклончивость и увертливость идутъ дальше. Къ убійству Караваева и къ покушенію на Щегловитова обычно одинаково прилагается терминъ: «терроръ». И тотъ-же терминъ прилагается и къ военно-полевымъ судамъ, и къ карательнымъ экспедиціямъ, и къ массовымъ смертнымъ приговорамъ — вплоть до отдѣльныхъ эпизодовъ, какъ, напр., недавнее убійство переодѣтымъ городовымъ въ Одессѣ ученика, замѣченнаго въ прогулкѣ въ запрещенное время. Согласна Дума съ этимъ словопониманіемъ, или держится какого-нибудь другого пониманія, напримѣръ, свойственнаго офиціальнымъ газетамъ, которыя основательно, съ своей точки зрѣнія, избѣгаютъ примѣнять слово «терроръ» къ дѣйствіямъ начальства? Можетъ быть думское придаточное предложеніе относится и къ представителямъ власти. Но, можетъ быть, Думѣ свойственна терминологія офиціальныхъ газетъ? Въ такомъ случаѣ почему это не оговорено, почему точно не указано, что именно разумѣется ею, Думою, подъ «террористическими актами»?

Придаточное предложеніе неопредѣленнаго смысла и съ сомнительнымъ адресомъ,—вотъ что получилось изъ большого вопроса, на постановку котораго возлагались большія надежды. И оно со стороны нынѣшняго думскаго большинства понятно. Сколько-нибудь логически правильно построенная постановка вопроса о революціонномъ террорѣ уже сама по себѣ обязываетъ къ извѣстнымъ выводамъ, къ признанію единственно дѣйствительными извѣстныхъ лѣкарствъ противъ этой страшной болѣзни. «Тутъ лѣкарство одно»— говорилъ 8 февраля въ Думѣ г. Шингаревъ,—разумѣя переходъ къ новымъ формамъ государственнаго бытія, соотвѣтствующимъ новому

*) Цит. по думскому реферату „Рѣчи“.

правосознанію страны. Къ этой двери Дума подошла вплотную во время преній, потопталась около нея и въ лицѣ своего большинства быстро увильнула въ сторону. Нельзя. Нельзя даже сказать искреннее, пусть ошибочное, но отъ всего сердца идущее, способное найти откликъ, слово о террорѣ. И еще разъ приходится спросить: если даже это нельзя, то что же можно?

V.

Можно дѣлать «малыя дѣла»... 25 лѣтъ назадъ, когда въ обществѣ проповѣдь малыхъ дѣлъ пользовалась большимъ успѣхомъ, у правящихъ верховъ были сплошь «великія задачи». Поднятіе производительныхъ силъ, міровая, руководящая событіями, политика, монометаллизмъ, «націонализація водочной торговли»... Что ни задача, то Гималайская гора. Нельзя сказать, что теперь въ обществѣ проповѣдь малыхъ дѣлъ исчезла. Нѣтъ, она слышна. А за послѣдніе мѣсяцы, въ связи съ крушеніемъ надеждъ на моментальное рѣшеніе проклятыхъ вопросовъ, стала замѣтнѣе, откровеннѣе. Но даже наиболѣе прямолинейные проповѣдники этого рода все чего-то стыдятся, постоянно оговариваются, что они собственно ничего не имѣютъ и противъ Гималайскихъ горъ, но и кочка—тоже возвышенность. На постороннихъ эта проповѣдь дѣйствуетъ и вовсе странно. Какъ ни стараешься проникнуться уваженіемъ къ кочкамъ, ибо онѣ, и въ самомъ дѣлѣ, возвышенности, а все-таки не можешь забыть, что ты подошелъ вплотную къ Гималаямъ. Сколько ни ищи окольныхъ дорожекъ, ихъ нѣтъ. И какъ ни страшны высоты, на нихъ надо взобраться. Великія задачи стоятъ передъ обществомъ. Въ правительственныхъ и примыкающихъ къ нимъ кругахъ выдающимся успѣхомъ пользуется проповѣдь «малыхъ дѣлъ».

«Законопроектъ является тѣмъ путемъ мирнаго прогресса, по которому мы должны идти. Это—лучъ свѣта. И да окружатъ подобные лучи свѣта ореоломъ дѣятельность Государственной Думы»...

Это—слова г. Шубинскаго по поводу проекта о досрочномъ освобожденіи уголовныхъ заключенныхъ, встрѣченныя аплодисментами думскаго центра. Въ большой теперь модѣ эти «лучи свѣта» и «да окружатъ ореоломъ». Апологія «дѣловой, будничной работы», всестороннее обсасываніе мелочей, учрежденіе безчисленнаго множества комиссій и подкомиссій, сокращеніе общихъ засѣданій Думы, самодовольныя слова, насколько помнится, г-на Плевако: «славно мы сегодня поработали въ комиссіи», необыкновенный восторгъ «Новаго Времени» по поводу этихъ словъ,—все это характерные признаки нынѣшняго настроенія «круговъ», старая формула: «наше время—не время великихъ задачъ», въ новой, правительственной офиціальной и офиціозной редакціи. И повадки старыя, всѣмъ

хорошо знакомыя, даже надоѣвшія: по случаю каждаго пустяка непремѣнно взобраться на самый верхъ крыши и оттуда крикнуть:

— Кукареку! Лучъ свѣта. Для березки яму выкопали, праздникъ древонасажденія...

— Кукареку! Мы уголовнаго выпустили, политическаго на его мѣсто посадили. Лучъ свѣта. Да окружатъ насъ ореоломъ...

Дѣйствующія лица только другія. А роль старая. И старая тоска по настоящимъ «лучамъ свѣта». И старая манера за отсутствіемъ настоящихъ лучей объявить таковыми первое, что подъ руку попалось. Я говорю: «тоска», ибо даже «Новое Время» хоть изрѣдка, но чувствуетъ безпокойство. «Вамъ надлежало, господа члены Думы,—послало оно недавно упрекъ—обновить Россію въ нѣсколько дней, а вы употребили цѣлую недѣлю, чтобъ закрыть или открыть двери одной комиссіи... Вы все болѣе и болѣе привыкаете къ пустымъ разговорамъ и праздноппатанію *). «Обновить Россію въ нѣсколько дней,—что же это, если не преувеличенное до каррикатуры, по случаю тоски, представленіе о большомъ, настоящемъ дѣлѣ?

На фонѣ «пустыхъ разговоровъ», даже мелочь, сколько-нибудь выдающаяся, или просто непривычная, кажется большимъ событіемъ, служитъ поводомъ къ устройству «большого дня» въ Думѣ, обсуждается на всѣ лады, объявляется «историческимъ событіемъ». Одинъ изъ такихъ праздниковъ думскаго древонасажденія случился, между прочимъ, 27 февраля, по случаю рѣчи министра иностранныхъ дѣлъ, сопровождавшей обсужденіе «законопроекта о преобразованіи миссіи въ Токіо въ посольство». Не обошлось при устройствѣ праздника безъ маленькихъ организаціонныхъ недочетовъ. Напр., заранѣе было объявлено, что министръ собственно лишь повторитъ свою рѣчь, произнесенную въ комиссіи. И повторитъ по той причинѣ, что его рѣчь была неточно передана въ иностранныя газеты, и гдѣ-то вызвала какія-то недоразумѣнія. Но въ общемъ «все прошло хорошо, гладко, какъ въ парламентѣ», по ироническому замѣчанію «Рѣчи». Вышелъ г. Гучковъ и изложилъ программу заранѣе извѣстной ему рѣчи министра,—конечно, въ формѣ вопросовъ, по которымъ желательно было бы народнымъ представителямъ услышать разъясненія отъ высшаго представителя дипломатическаго вѣдомства. Г. Извольскій любезно повторилъ свою рѣчь,—что на Дальнемъ Востокѣ все спокойно, какъ нѣкогда на Шипкѣ. Затѣмъ г. Милюковъ сказалъ, между прочимъ, что народнымъ представителямъ желательно также услышать разъясненія о событіяхъ на Ближнемъ Востокѣ. Но это уже выходило изъ программы праздника, нарушало предустановленную гармонію. И оратору к.-д. партіи откровенно и вслухъ было сказано предсѣдателемъ: это «не относится къ дѣлу»... Словомъ, совсѣмъ, какъ въ

*) „Нов. Вр.“, 1 марта 1908 г.

парламентѣ. «Устанавливается—писало «Слово»—важный прецедентъ, расширяющій сферу вліянія народнаго представительства... Власть признаетъ Государственную Думу участницей не только внутренняго, но и внѣшняго государственнаго строительства. Изъ такихъ прецедентовъ создается право» *). Слишкомъ склонная, къ собственному несчастью, увлекаться праздниками древонасажденія «Рѣчь», забыла объ отвѣтѣ г-ну Милюкову и тоже нашла «большое единодушіе между народнымъ представительствомъ и представителемъ вѣдомства», а затѣмъ напечатала юридическую справку, что хотя Думѣ и непривычно выслушивать заявленія о внѣшней политикѣ, но, если вникнуть въ основные законы, то наше молодое народное представительство имѣетъ несомнѣнныя права...

Коротко говоря, лучъ свѣта, казалось бы, вышелъ на славу. И даже часть оппозиціонной печати готова «окружить насъ ореоломъ». Но гармонію нарушило прежде всего «Новое Время». Оказалось, что г. Милюковъ въ своей рѣчи напрасно хвалилъ г. Извольскаго, ибо это можетъ испортить служебное положеніе послѣдняго... И ужъ одна эта совершенно невинная замѣтка портила все впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, «Гражданинъ» въ концѣ февраля н. г. доказывалъ:

«Столѣтіями кристаллизовался тотъ строй, которымъ живетъ Западъ,—пресловутая конституція. Нужно столько же времени, чтобъ противопоставить ему строй иной, нигдѣ еще не испытанный—гражданской свободы, осѣненной самодержавіемъ. Вспомнимъ теорію Менделѣева объ основныхъ элементахъ химіи. Что осталось отъ нея послѣ открытія радія. Теорія государственнаго права тоже указываетъ на два основные элемента: абсолютизмъ и народовластіе. На нашу долю выпала задача открыть тотъ политическій радій, который бы разложилъ эти элементы... создалъ бы новый, нигдѣ неиспытанный еще элементъ государственной власти» **).

Гг. Извольскій и Гучковъ такъ старательно демонстрировали, что радіоактивный парламентъ, собственно говоря, точь-въ-точь такой же, какъ и настоящій. И вдругъ оказывается, что въ Россіи служебное положеніе даже министра можетъ пошатнуться отъ похвалы г. Милюкова, упоминавшаго въ своей американской лекціи о виновникахъ кишиневскаго погрома!.. Вслѣдъ затѣмъ испортилъ впечатлѣніе кн. Мещерскій: онъ тоже похвалилъ въ «Гражданинѣ» г. Извольскаго за ловкость, съ какой онъ при помощи восторговъ Думы, что съ нею говорятъ даже о внѣшней политикѣ, затѣнилъ щекотливые вопросы, связанные съ дальневосточной авантюрой, приведшей къ Русско-Японской войнѣ. Положимъ, за это надо поблагодарить не только г. Извольскаго, но, между прочимъ, и г. Гучкова. Вопросъ о дальновосточной авантюрѣ, такъ есте-

*) Цит. по «Стол. Почтѣ», 29 февр.
**) Цит. по «Рѣчи», 29 февр.

ственно всплывавшій при обсужденіи ассигновки на содержаніе посольства въ Токіо, дѣйствительно, удалось заслонить и потопить при помощи простого повторенія уже произнесенной рѣчи. И въ числѣ прочихъ г. Милюковъ нѣсколько опрометчиво вдругъ заинтересовался дѣлами Ближняго Востока. Но независимо отъ этого, замѣчаніе «Гражданина» способно спутать празднично настроенную мысль. Авантюристовъ стараются скрыть, но что они теперь дѣлаютъ, какую неожиданность готовятъ? «Радій»-то г. Мещерскаго словно для того и придуманъ, чтобъ авантюристамъ, попавшимъ «въ случай», жилось привольно... А тутъ еще выступилъ г. Суворинъ въ «Новомъ Времени» и сталъ сомнѣваться, что нынѣ на Дальнемъ Востокѣ спокойно? Точно-ли освѣдомленъ министръ? Не ошибается ли онъ? Оказывается, что важнѣйшіе вопросы внутренней политики могутъ рѣшаться при свѣтѣ радія совсѣмъ помимо министерства иностранныхъ дѣлъ. И это оказывается изъ офиціальнаго «Сборника документовъ по переговорамъ съ Японіей въ 1903—1904 гг.» («Малиновая книга»). Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Ламздорфъ, какъ явствуетъ изъ этой книги, велъ переговоры, стараясь не довести до быстраго разрыва. Въ виду этого, независимо отъ министра иностранныхъ дѣлъ и тайно отъ него велись черезъ контръ-адмирала Абазу и статсъ-секретаря Безобразова дипломатическіе переговоры съ Японіей въ крайне рѣзкомъ тонѣ, и доведены были до разрыва и закончились совершенно неожиданнымъ для г. Ламздорфа нападеніемъ на портъ-артурскую эскадру *). А теперь, когда изобрѣтенъ радій и министры снисходятъ до разговоровъ въ Таврическомъ дворцѣ, возможно это или невозможно?

Рѣчь г. Извольскаго—эпизодъ мелкій, хотя и произведшій нѣкоторое подобіе шума. Я останавливаюсь на ней для примѣра. И для примѣра упоминаю лишь нѣкоторые недоумѣнные вопросы, какіе въ связи съ нею какъ бы сами собою всплыли наружу. Но и по этимъ немногимъ примѣрамъ можно судить, сколь трудно гг. Гучковымъ и самимъ загородиться малыми дѣлами отъ большихъ вопросовъ, и отъ другихъ загородить. Люди все время кого-то стараются увѣрить:

— Большой журавль, вѣдь, не что иное, какъ полтораста маленькихъ синицъ. И если ежедневно фабриковать по одной синицѣ, то черезъ годъ Россія будетъ имѣть не менѣе двухъ журавлей.

Флотъ нуженъ,—безъ этого власть не можетъ обойтись. «Православіе гибнетъ». Терроръ угрожаетъ. Всѣ разсчеты офиціальнаго правительства могутъ быть опрокинуты простымъ капризомъ

*) Пользуясь отрывками изъ „Малиновой книги", напечатанными „Рѣчью" 27 февраля, т. е. въ самый день дипломатическаго выступленія г. Извольскаго передъ „народнымъ представительствомъ". Уже по этимъ отрывкамъ можно судить, какъ было важно загипнотизировать оппозицію парламентскими видимостями и заслонить щекотливые вопросы прошлаго, слишкомъ похожаго на настоящее.

новаго или стараго г. Абазы. Все это вещи для г.г. Столыпиныхъ и Гучковыхъ—не чета какимъ-то тамъ конституціямъ или принудительнымъ отчужденіямъ. Это надо непремѣнно сдѣлать. Однако, задумываясь о томъ, какъ это сдѣлать, г.г. Столыпины и Гучковы неминуемо приходятъ къ выводу, что нужна предварительная большая работа надъ большими вопросами, колеблющими и упраздняющими устои. Но устои нельзя трогать. Значитъ, нужно добиться совершенно необходимыхъ для власти результатовъ подпорками и заплатами. И вотъ лозунгъ дня: пожалуйста, не будемъ ни говорить, ни думать о журавлѣ, сосредоточимъ все свое вниманіе на синицахъ. И Дума, по крайней мѣрѣ, старается сосредоточить свое и общественное вниманіе на синицахъ. Но изъ этого ничего не выходитъ, кромѣ постояннаго напоминанія, что журавль—есть журавль, и никакими синицами его не замѣнишь. Такъ оно вышло по случаю разговоровъ о внѣшней политикѣ г. Извольскаго. Такъ оно и вообще выходитъ.

Я вотъ упомянулъ выше о рѣчи г. Шубинскаго при обсужденіи законопроекта о досрочномъ освобожденіи. Собственно, рѣчь была, какъ рѣчь. И вполнѣ бы соотвѣтствовала торжественному началу преній. «Государство должно стремиться къ поднятію павшаго преступника»... «Идея облегченія участи осужденнаго... пользуется законодательнымъ признаніемъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ»... «Условное досрочное освобожденіе, по моему глубокому убѣжденію, внесетъ лучъ свѣта»... Такъ говорилъ министръ юстиціи въ своей первой рѣчи по поводу законопроекта (въ засѣданіи Думы 27 февраля). И даже обѣщался «подумать объ изысканіи мѣръ къ возбужденію и оживленію общественной инициативы». Собственно, въ эти торжественныя минуты и надо бы выступить г. Шубинскому съ своими тоже «лучами свѣта». Но затѣмъ, вмѣсто торжественныхъ словъ, появились чрезвычайно острыя темы: окончилась революція, или продолжается, какъ съ нею бороться—уступками обществу или усиленными репрессіями, не увеличится ли при наличныхъ общихъ условіяхъ, благодаря досрочному освобожденію, произволъ тюремной администраціи? Словомъ, вмѣсто того, чтобъ сосредоточиться и другихъ сосредоточить на данной синицѣ, люди фатальнымъ образомъ будили и свою, и общественную мысль на счетъ журавлей. Не диво бы, что соціалъ-демократъ Гегечкори напомнилъ по случаю досрочнаго освобожденія о «долгѣ обратиться къ разрѣшенію аграрнаго вопроса». О томъ же самомъ «вопросѣ» напоминалъ и правый Марковъ, говоря объ аграрныхъ поджогахъ. И на засѣданіи 1 марта министру юстиціи пришлось высказать свое новое глубокое убѣжденіе, но уже не о лучахъ свѣта. «Наши мѣста заключенія... разсчитаны на 100—110 тыс. арестантовъ. Между тѣмъ въ настоящее время... болѣе 150 тысячъ заключенныхъ... Намъ скоро некуда будетъ помѣщать лицъ, заслуживающихъ наказанія»... Вполнѣ понятно, почему министръ юстиціи,

съ самаго начала не поставилъ вопросъ на эту чисто-дѣловую почву. Дѣловая почва ужъ очень близка къ революціи съ ея большими вопросами. Но и попытка придать синицѣ самый невинный и жизнерадостный видъ, не помогла заслонить журавлей.

Беру другой примѣръ. Комиссія государственной обороны высказалась противъ очередной ассигновки на постройку броненосцевъ впредь до «реформированіи морского вѣдомства». Если вѣрить газетамъ, въ данномъ случаѣ между октябристами и г. Столыпинымъ произошло какъ бы повтореніе «заговора Извольскій—Гучковъ 27 февраля». Г. Столыпинъ-министръ горячо убѣждалъ ассигновать. Г. Гучковъ съ совершенно несвойственною ему твердостью и независимостью рѣшилъ отказать «впредь до реформированія». И по словамъ «Рѣчи», роли были розданы и условія поединка опредѣлены заранѣе. «Реформированіе» пока понимается обѣими договорившимися сторонами въ благочестивомъ смыслѣ: замѣна стараго личнаго состава на высшихъ ступеняхъ морской лѣстницы новымъ личнымъ составомъ. Этому категорическому требованію «реформы» предшествовали газетныя свѣдѣнія о преніяхъ между морскимъ министерствомъ и предсѣдателемъ совѣта министровъ. Между прочимъ, указывалось, что «программа возрожденія флота», представленная въ Думу морскимъ министерствомъ, не была подвергнута предварительному обсужденію въ совѣтѣ министровъ. Такъ или иначе, но «реформа» понадобилась кому-то. И г. Меньшиковъ приступилъ къ обсужденію, какъ её осуществить.

«Противъ биржи,—пишетъ онъ,—у маяковъ сидятъ морскіе боги изъ гипса. Гораздо легче увѣрить публику въ томъ, что это не идолы, а живые боги, отъ которыхъ зависитъ морское могущество, чѣмъ внушить хоть искру подобнаго же довѣрія къ (русскимъ) адмираламъ... Просто необходимо широко раскрыть двери и окна, провѣтрить зараженное насквозь зданіе, повычистить его—извините за выраженіе—отъ клоповъ и крысъ... Изъ числа адмираловъ, которымъ можно было бы поручить реформу во флотѣ, приходится останавливаться на адмиралѣ Алексѣевѣ. Вотъ до какой плачевной степени истощился во флотѣ живой составъ» *).

Но октябристамъ государственной обороны, видимо, не улыбается мысль, что они таскали каштаны для г. Алексѣва. Пошли разговоры, что собственно морское дѣло въ виду его нынѣшняго состоянія слѣдовало бы поручить какому-нибудь энергичному «статскому лицу», разъ г. Меньшиковъ, перечисляя адмираловъ поименно, доказалъ, что они никуда негодны. Въ качествѣ наиболѣе подходящаго «статскаго лица» былъ даже названъ самъ г. Гучковъ... Считаю нужнымъ оговориться, разъ мною приведено мнѣніе г. Меньшикова о личномъ составѣ морского министерства. Не сплошь, конечно, тамъ «клопы и крысы»; навѣрное, есть и люди, которые,

*) Цит. по „Рѣчи“, 7 марта.

при нормальныхъ условіяхъ, могли бы оказаться хорошими и полезными работниками, во всякомъ случаѣ, не менѣе добросовѣстными, чѣмъ многія «статскія лица», и гораздо болѣе технически подготовленными, чѣмъ г. Гучковъ. И самая попытка вину за все свалить на личный составъ свидѣтельствуетъ лишь о желаніи отклонить мысль отъ общихъ условій россійской государственности, которыя обезсиливаютъ и уродуютъ даже не плохихъ отъ природы людей. Едва ли сами октябристы увѣрены, что если на г. Гучкова, вмѣсто цивильнаго сюртука, надѣть морской мундиръ съ кортикомъ, то военное могущество Россіи будетъ обезпечено. Разговоръ объ этихъ общихъ условіяхъ въ связи съ морской реформой, судя по газетамъ, въ думскихъ кулуарахъ уже начался. И врядъ ли удастся избѣжать этой темы, когда вопросъ объ очередной ассигновкѣ на постройку броненосцевъ изъ комиссіи перейдетъ въ Думу. Не даютъ о себѣ забыть «общія условія». И куда ни повернись, отовсюду они видны.

Съ большимъ увлеченіемъ выбирала третья Дума свои 23 комиссіи. Въ ту пору, въ медовый мѣсяцъ октябристовъ, быть можетъ, многіе депутаты въ серьезъ надѣялись: вотъ мы двинемъ... Тогда призывъ къ «дѣловой работѣ» звучалъ почти вдохновенно. 5 мѣсяцевъ всего живетъ третья Дума. И «Новое Время» уже посылаетъ упрекъ депутатамъ: «погасъ зажигавшій васъ огонь вдохновенія, вы еще суетитесь, но уже не такъ страстно». Давно ли афоризмъ: «славно мы сегодня поработали въ комиссіяхъ» составлялъ предметъ гордости. Но уже 3 мѣсяца «говорятъ шопотомъ въ кулуарахъ Государственной Думы: комиссіонныя засѣданія посѣщаются весьма мало». А если и посѣщаются, то немного выходитъ радости: «сегодня обсуждаютъ дѣло одни, завтра—другіе; послѣ завтра забѣжитъ... депутатъ, попроситъ слова и, бросивъ геніальную мысль, весьма удивится, когда узнаетъ, что мысль эта уже давно подвергнута въ комиссіи подробнѣйшему обсужденію. Случаенъ составъ, случайно и рѣшеніе... Члены комиссіи не читаютъ докладовъ. Въ прежнемъ Государственномъ Совѣтѣ считалось неприличнымъ явиться въ департаментъ и обнаружить незнаніе того печатнаго матеріала, который положенъ въ основаніе обсуждаемаго дѣла. Въ Думѣ же такое явленіе сплошь и рядомъ». Комиссіи пользуются тѣмъ, что ихъ много, и сваливаютъ дѣла одна на другую. «Напр., Амурская желѣзная дорога обсуждалась сначала въ комиссіи путей сообщенія; затѣмъ обнаружилось, что этотъ вопросъ имѣетъ отношеніе къ военной оборонѣ, и передали его въ комиссію Гучкова. А теперь (въ серединѣ февраля) собираются запросить еще и комиссію по переселенческому дѣлу» *). Не говоря уже о мелкихъ комиссіяхъ, которыя все никакъ не могутъ собраться, но даже такая комиссія, какъ бюджетная, обязан-

*) „Новое Время“. 16 февр.

ная срочностью, оказывается «при систематическомъ отсутствіи кворума» *). Чтобъ преодолѣть это зло, предсѣдатель Думы придумалъ такую мѣру: «въ случаѣ отсутствія кворума, прервать засѣданіе, а затѣмъ послѣ перерыва возобновить при какомъ угодно числѣ членовъ» **), т. е., очевидно, келейнымъ образомъ, не разсылая повѣстокъ. Кое-какія мѣры придумало «Новое Время». Но и оно сочло необходимымъ признать, что это—«палліативы», такъ какъ «развалъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется психологическими причинами, общими настроеніями... именно даннаго состава Думы».

Скучно, тоскливо заниматься работой, въ сколько-нибудь серьезное значеніе которой не вѣришь. И не въ «данномъ только составѣ» тутъ дѣло. «Данный составъ», поскольку рѣчь идетъ о правой и центрѣ, чрезвычайно воодушевляется во время призывовъ къ искорененію революціи, къ борьбѣ со смутою. Тутъ онъ огненно-страстенъ, вдохновленъ до истерики. Для защиты своихъ позицій, для спасенія исконныхъ устоевъ онъ готовъ почти на все. И если бы задача сводилась только къ этому, никакого «развала» навѣрное, не было бы. Но есть другая задача. Нужна государственная работа, безъ которой эти позиціи и эти устои не могутъ разсчитывать на сколько-нибудь долговременное существованіе. А такой, дѣйствительно государственной и возможной при данныхъ условіяхъ работы, которая не колебала бы позиціи и устои, пока не придумано. И неизвѣстно, удастся ли придумать.

А. Петрищевъ.

Кто же субъектъ какого права?

(*Отвѣтъ А. В. Пѣшехонову.*)

Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» за 1907 годъ А. В. Пѣшехоновъ въ статьѣ «На очередныя темы» разбираетъ аграрный законопроектъ с.-р., внесенный послѣдними во вторую Государственную Думу. Съ того времени прошло девять мѣсяцевъ. Срокъ немалый. «Отвѣтъ» является какъ бы слишкомъ запоздавшимъ, хотя есть основаніе полагать, что я не столько запоздалъ, сколько поторопился... Дѣло въ томъ, что майская статья обѣщаетъ окончаніе, которое все еще —вотъ уже шесть мѣсяцевъ—не воспослѣдовало. Какъ бы то ни было, запоздалъ я или, наоборотъ, поспѣшилъ, это, въ концѣ кон-

*) „Столич. Почта", 4 марта 1908.

**) Ibid.

цовъ, не существенно: майская статья г. Пѣшехонова имѣетъ законченный характеръ и можетъ быть разсмотрѣна, какъ таковая, самостоятельно; тѣмъ болѣе, что врядъ ли существуетъ положительная увѣренность въ томъ, что «Аграрный законопроектъ с.-р.» снова станетъ въ ближайшемъ будущемъ «очередной темой» г. Пѣшехонова.

Я предпочитаю отвѣтить г. Пѣшехонову сейчасъ еще и потому, что, если окончанію все же суждено увидѣть свѣтъ, проявленная мною «поспѣшность» дастъ ему возможность внести при желаніи поправки, какъ къ своимъ, такъ и къ моимъ мыслямъ.

I.

Разбираемый законопроектъ возбуждаетъ въ г. Пѣшехоновѣ сомнѣніе, прежде всего, по сравненію его съ законопроектомъ 33-хъ, внесеннымъ въ первую Думу. По новѣйшему аграрному законопроекту с.-р.: «*навсегда* отмѣняется» «всякая собственность на землю»; по прежнему же проекту основного земельнаго закона: «совершенно уничтожается» «всякая *частная* собственность». Соотвѣтственно съ этимъ, съ другой стороны, по новѣйшему законопроекту: «вся земля съ ея водами и нѣдрами объявляется *достояніемъ* всего населенія Россійскаго государства»; тогда какъ по прежнему проекту: «вся земля съ ея нѣдрами и водами объявляется общею *собственностью* всего населенія Россійскаго государства».

Такимъ образомъ, новый законопроектъ, отмѣняя *всякую* собственность на землю и обращая ее въ «достояніе» всего населенія, какъ бы окончательно порываетъ съ отношеніями и понятіями «квиритскаго права» и идетъ тѣмъ самымъ какъ бы значительно дальше прежняго проекта, посягнувшаго лишь на *частную* земельную собственность, замѣнившаго ее общей и сохранившаго въ неприкосновенности всѣ прочіе виды собственности.

До этой «отмѣны всякой собственности» — до отмѣны власти надъ землею—авторы законопроекта,—думаетъ г. Пѣшехоновъ, — дошли по недоразумѣнію. «Увлекшись преслѣдованіемъ ненавистнаго «квиритскаго закона», они, повидимому, упустили изъ виду, что имѣютъ дѣло съ «понятіемъ, свойственнымъ всякому мыслимому правовому состоянію общества» *). Но выскочить изъ правовыхъ рамокъ нельзя, и такой задачи авторы законопроекта, конечно, себѣ не ставили». Въ результатѣ, какъ оцѣниваетъ его г. Пѣшехоновъ,—«отмѣна свелась, въ сущности, къ замѣнѣ,—менѣе звуч-

---

*) Послѣднія слова г. Пѣшехоновъ сочувственно цитируетъ изъ брошюры П. Вихляева: «Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія». Стр. 47.

наго слова болѣе звучнымъ, юридическаго термина литературнымъ выраженіемъ, «собственности» «достояніемъ». И хотя «такую замѣну, если бы она осуществилась», г. Пѣшехоновъ готовъ былъ бы «даже привѣтствовать», ибо ему лично слово «достояніе» тоже больше нравится, чѣмъ «собственность, но онъ «боится только», что «не такъ легко осуществить эту замѣну».

Остановимся прежде всего на *отмѣнѣ* «всякой собственности» на землю etc., а потомъ на *замѣнѣ* ея общенароднымъ «достояніемъ». Плодъ ли это «недоразумѣнія», какъ думаетъ г. Пѣшехоновъ, или, наоборотъ, его собственный упрекъ основанъ на недоразумѣніи или, быть можетъ, на чемъ-либо иномъ.

Что такое право собственности, и что значитъ «отмѣна» собственности?

Г. Пѣшехоновъ полагаетъ, что понятіе собственности условное; что содержаніе этого понятія не только «мѣняется вмѣстѣ съ преобразованіемъ экономическихъ отношеній», но больше того: «при одномъ и томъ же экономическомъ строѣ оно бываетъ различно».

Все это—сущая правда, но нисколько не отвѣчаетъ на вопросъ: что есть собственность? Измѣняя свое содержаніе во времени и въ процессѣ преобразованія экономическихъ отношеній, понятіе собственности, какъ всякое понятіе, остается само себѣ равнымъ въ каждый моментъ времени отдѣльно взятый, т. е. сохраняетъ тотъ или иной характерный *опредѣлительный* признакъ, который отличаетъ его отъ всякихъ другихъ, смежныхъ или отдаленныхъ, понятій. Разсматриваемое въ качествѣ общаго, родового понятія, понятіе собственности можетъ распадаться на свои виды, разнообразиться по своимъ формамъ, но отличительный свой признакъ, который всегда дастъ возможность логически различить, что есть собственность и что—не собственность,—оно не можетъ утратить, не переставая быть самимъ собою, не отказываясь выражать *опредѣленнаго* понятія, т. е. выполнить главное назначеніе, которое имѣетъ всякое словообразованіе.

Я бы не сталъ останавливаться на этихъ «элементахъ», если-бъ пренебреженіе ими, какъ ясно будетъ изъ дальнѣйшаго, не оказало существеннаго вліянія на послѣдующую аргументацію г. Пѣшехонова.

Кто же не знаетъ, что цивильная собственность, опредѣляемая въ римскомъ правѣ, какъ абсолютная и полная или неограниченная и исключительная власть человѣка надъ мѣстно-ограниченной частью несвободной природы, въ современномъ правѣ сузила и сферу своего приложенія, и силу своего дѣйствія? Кто же не знаетъ, что современная собственность, будучи ограниченной въ пользу различнаго рода публичныхъ соединеній (государства, земства, города, ипотечныхъ учрежденій и проч.), въ современномъ правѣ опредѣляется уже относительно, лишь какъ наиболѣе полное господство надъ матеріальной вещью?

Но значитъ ли это, что собственность, хотя бы и ограниченная и качественно, и количественно, перестаетъ тѣмъ самымъ быть собственностью? Обозначаетъ ли ограниченіе собственности и относительное опредѣленіе ея—отрицаніе самаго понятія собственности и существованія ея въ современномъ строѣ? А если нѣтъ, то въ чемъ именно заключается то характерное, наличность или отсутствіе чего даетъ возможность сказать въ одномъ случаѣ: собственность отмѣнена, а не только ограничена, а въ другомъ: собственность хотя и ограничена, но не отмѣнена?

Отвѣты на эти вопросы вводятъ насъ въ область юридическаго анализа понятія собственности.

При этомъ прежде всего необходимо сказать, что тѣ многоразличныя содержанія понятія собственности, которыя находитъ г. Пѣшехоновъ, раскрывъ X томъ нынѣшняго свода россійскихъ законовъ, абсолютно не доказательны и не убѣдительны: они подтверждаютъ лишь общее мѣсто, что нашъ X томъ никуда не годится, что онъ не только не удовлетворяетъ запросамъ современности, наукѣ и жизни, но и полонъ пробѣловъ, неясностей и противорѣчій съ самимъ собой; достаточно напомнить, что «владѣльца» онъ постоянно смѣшиваетъ съ «собственникомъ», а понятіе собственности, какъ права, съ собственностью, какъ объектомъ права, т. е. съ имуществомъ, вещью.

Надо вообще признать, что аргументація отъ дѣйствующаго права вообще мало убѣдительная, еще менѣе убѣдительная для сторонниковъ и борцовъ за новое право, становится особенно не убѣдительной, когда она ведется отъ нынѣ дѣйствующаго X тома свода россійскихъ законовъ.

Толкуя 420 ст. X тома, г. Пѣшехоновъ находитъ, что «въ сущности, наше законодательство даже не знаетъ «неограниченной» власти надъ вещью и тѣмъ болѣе надъ землею; оно знаетъ лишь власть «независимую отъ лица посторонняго», *но не отъ законодателя»* (курсивъ мой).

«Власти надъ вещью» *независимой отъ законодателя*, какъ того требуетъ г. Пѣшехоновъ, чтобы признать ее «неограниченной», онъ не найдетъ не только въ нашемъ законодательствѣ, онъ не найдетъ ее ни въ какомъ другомъ, потому что для законодательной власти не можетъ возникать и вопроса о принципіальной неприкосновенности права вообще *). Даже римскому праву, при-

*) Законодательная власть государства, о которой въ Англіи примѣнительно къ парламенту говорятъ, что она можетъ все сдѣлать, не можетъ только «изъ женщины сдѣлать мужчину и обратно», по новѣйшей доктринѣ ограничена только: a) международными актами; b) юридическимъ признаніемъ большинства населенія (народнымъ правосознаніемъ) и особенно c) такъ называемыми основными неотъемлемыми правами гражданъ, которыя стоятъ выше законодательной власти государства, какъ бы надъ нею. Въ этомъ смыслѣ «независимой отъ законодателя»

знававшему въ принципѣ, что собственникъ можетъ дѣлать со своей вещью все, что угодно, и ему не чужды ограниченія собственности путемъ закона. Напр., ограниченіе господской власти надъ рабами, введенное въ императорскую эпоху по соображеніямъ гуманности; экспропріація частныхъ земель для общеполезныхъ цѣлей; изъятіе земли въ провинціяхъ изъ частныхъ рукъ и установленіе права собственности на нее римскаго народа въ концѣ республики и императора во времена имперіи и т. д., и т. д.

Слѣдуетъ ли отсюда, что и римское право не знало «неограниченной власти надъ вещью»?

Неограниченность и независимость какой бы то ни было власти вообще заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что она не подчинена юридически никакой другой власти и что она не принадлежитъ никакому другому субъекту.

«Неограниченность» или «независимость» права собственности выражается ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что собственнику въ отношеніи своей вещи позволено абсолютно все, что только положительно не запрещено, и въ этихъ предѣлахъ онъ имѣетъ надъ объектомъ своего права власть «исключительную» и «независимую».

«Противоположность между правомъ собственности и другими *ограниченными* вещными правами,—пишетъ извѣстный нѣмецкій ученый Конрадъ Козакъ,—слѣдуетъ формулировать не такимъ образомъ, что собственность есть право неограниченное; въ дѣйствительности она подлежитъ всѣмъ возможнымъ ограниченіямъ. Противоположность лежитъ гораздо скорѣе въ томъ, что у ограниченныхъ правъ ограниченіе составляетъ основаніе ихъ внутренняго существа, тогда какъ на право собственности, какое бы то ни было ограниченіе налагается извнѣ; тамъ, слѣдовательно, ограниченіе составляетъ положительный признакъ права, тогда какъ здѣсь оно имѣетъ лишь отрицательное значеніе, образуетъ лишь препятствіе; тамъ оно—политическая необходимость настолько, что тѣ права нельзя даже описать, не мысля одновременно и ихъ ограниченность, тогда какъ здѣсь она—лишь возможность. Соотвѣтственно съ этимъ, мы можемъ выставить формулу: субъектъ всякаго ограниченнаго права можетъ дѣлать съ подчиненною его праву вещью только то, что ему прямо разрѣшено, тогда какъ

была признана «власть надъ вещью» напр., въ 1789 г. Національнымъ Учредительнымъ Собраніемъ, которое въ статьѣ 2 своей Деклараціи правъ человѣка и гражданина включило собственность въ число «естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка»; хотя статья 17 той же Деклараціи, признавая право собственности «ненарушимымъ и священнымъ» указываетъ уже въ качествѣ исключенія «тѣ случаи, когда общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, очевидно, требуетъ и нарушенія, и отчужденія права собственности.

собственникъ можетъ дѣлать со своей вещью все, что ему прямо не запрещено» *).

Практически «неограниченность» права собственности сказывается въ случаяхъ наложенія какого-нибудь ограниченія на предметъ собственности: какъ только это ограниченіе отпадаетъ или уничтожается, власть собственника тотчасъ же возстановляется въ прежнемъ размѣрѣ сама собою, ipso jure, безъ особаго юридическаго акта она «консолидируется» въ рукахъ собственника; напр., принадлежащій частному лицу на правахъ собственности участокъ, въ случаѣ смерти или отказа пользовладѣльца отъ своего права, не становится никому не принадлежащимъ (res nullius) или не отходитъ «къ составу имуществъ государственныхъ», а только освобождается отъ лежавшаго на немъ въ лицѣ пользовладѣльца ограниченія и съ утратой послѣдняго снова подпадаетъ подъ неограниченную въ этомъ смыслѣ власть собственника.

Итакъ, не существующая въ дѣйствительности независимость собственности отъ законодателя, не существенна и для понятія собственности. Собственника отличаетъ отъ не-собственника отнюдь не неограниченность его «власти надъ вещью» отъ власти законодателя.

И въ этомъ смыслѣ утвержденіе г. Пѣшехонова, что неограниченная власть надъ вещью есть «лишь одинъ видъ собственности» въ одинаковой степени неправильно, какъ и противоположное его утвержденіе, уже приведенное мною, будто «наше законодательство даже не знаетъ «неограниченной» власти надъ вещью и тѣмъ болѣе надъ землею». Въ дѣйствительности, неограниченной власти надъ вещью въ смыслѣ неограниченности даже отъ законодателя, наше законодательство не знаетъ *ни для одного вида собственности*, какъ не знаетъ ея и ни одно изъ современныхъ законодательствъ; и, наоборотъ, неограниченности въ смыслѣ полноты и исключительности власти въ предѣлахъ, положительно не запрещенныхъ закономъ, не можетъ не знать особенно «наше законодательство», сложившееся подъ исключительнымъ вліяніемъ римскаго права.

Собственника отъ субъекта всякаго иного вещнаго права отличаетъ его право распоряженія вещью по собственному усмотрѣнію, свободно и независимо, поскольку то опять-таки не запрещено положительно закономъ.

Собственникъ можетъ отказаться отъ *пользованія* своею вещью, сдать ее въ наймы,—и остаться въ то же время ея собственникомъ. Собственникъ можетъ утратить *владѣніе* своею вещью, ее могутъ украсть, онъ все же сохранитъ свое право собственности. Собственникъ можетъ передать по договору право пользованія или

*) Lehrbuch des Deutschen bürgerlichen Rechts. II Band, § 195, S. 100—101. Iena. 1904.

право владѣнія вещью, можетъ передать и то, и другое вмѣстѣ и все же остаться собственникомъ, но *онъ не можетъ передать другому права распоряженія вещью, не лишивъ въ то же время себя права собственности.*

Въ то время какъ при пользованіи и владѣніи разъ данное объекту назначеніе остается неизмѣннымъ, право распоряженія (jus disponendi) есть право измѣнять способы пользованія,—какъ опредѣляетъ его Іерингъ. Право распоряженія есть maximum правомочія. Оно распадается на:

1) jus abutendi—право измѣнять способы пользованія объектомъ, не уничтожая объекта и не передавая права на него другому субъекту;

2) jus alienandi—право отчуждать объектъ другому лицу, какъ право выбора особаго способа пользованія объектомъ;

и 3) jus disponendi de substantia — право уничтоженія самаго объекта и тѣмъ самымъ пользованія имъ.

Особенно характерны для права распоряженія послѣднія два свойства.

Ясно отсюда, насколько справедливо утвержденіе г. Пѣшехонова: «Права пользованія, владѣнія и распоряженія, составляя въ своей совокупности право собственности, могутъ быть и отдѣлены отъ послѣдняго, при чемъ право собственности все-таки остается». Нѣтъ, должны мы сказать, если право распоряженія будетъ отдѣлено отъ права собственности,—послѣднее исчезнетъ!

«Право распоряженія—пишетъ извѣстный правовѣдъ Мейеръ—составляетъ какъ бы вѣнецъ права собственности: въ распоряженіи представляется наибольшее напряженіе права собственности, напряженіе, которое, можетъ быть, стоитъ жизни самому праву собственности» *)...

Говорить, что мы имѣемъ дѣло съ правомъ собственности,—называя его неполнымъ,—и въ томъ случаѣ, когда оно не соединено съ правомъ распоряженія можетъ нашъ дряхлый бюрократическій никуда не годный X томъ (въ ст. 432, ч. I). Ему это простительно. Но когда это повторяетъ А. В. Пѣшехоновъ, самъ сторонникъ новаго права, критикуя проектъ такого права,—то я склоненъ думать, что тутъ, по меньшей мѣрѣ, «недоразумѣніе»... возможно,—не одно только недоразумѣніе...

Выше я сказалъ, что аргументація отъ X тома, на мой взглядъ, вообще не убѣдительна. Можетъ быть, г. Пѣшехоновъ не раздѣляетъ моего взгляда, считаетъ его неправильнымъ и самъ думаетъ иначе. На этотъ случай сошлюсь на ст. 542, ч. I, т. X, по кото-

---

*) Д. И. Мейеръ. Русское гражданское право. Изд. 7-ое 1897 г. Стр. 262. Такъ же стр. 263.—См. о томъ же Шершеневича: Учебникъ русскаго гражданскаго права. Изд. 5-ое 1905 г. Стр. 229 230. Побѣдоносцева: Курсъ гражданскаго права. Изд. 4-ое 1896 г. Ч. I, стр. 216, и друг.

рой—въ противорѣчіи съ приведенной 432 ст. — право распоряженія не иначе можетъ отдѣлиться отъ права собственности, какъ или по довѣренности, данной отъ собственника, или по закону,когда имущество подвергается запрещенію, секвестру или опекѣ.

Мы уже знаемъ, что законамъ законы, такъ сказать, не писаны,—они ничѣмъ—кромѣ международныхъ актовъ, народнаго правосознанія и основныхъ правъ гражданъ—не ограничены, такъ что останавливаться на томъ случаѣ, когда право распоряженія «отдѣляется» отъ права собственности «по закону», не приходится: такая возможность должна предполагаться сама собой, и спеціальная оговорка на этотъ счетъ характерна только для X тома. Остановимся на другомъ случаѣ, указанномъ въ той же 542 ст., когда право распоряженія «отдѣляется» отъ права собственности по довѣренности, данной отъ собственника. Дѣйствительно ли имѣетъ здѣсь мѣсто «отдѣленіе» права распоряженія отъ права собственности?

При довѣренности юридическія сдѣлки, какъ извѣстно, совершаются не въ силу права распоряженія довѣреннаго, а въ силу права распоряженія, принадлежащаго довѣрителю; сдѣлки совершаются *за* довѣрителя, но *въ его пользу и отъ имени его.* Поэтому право распоряженія по довѣренности «отдѣлиться» не можетъ: все то, что входитъ въ право распоряженія, можетъ быть выполнено самимъ собственникомъ и до, и послѣ выдачи довѣренности; самая довѣренность можетъ быть уничтожена односторонней волей довѣрителя во всякое время и при всякихъ условіяхъ.

Такимъ образомъ тѣ два случая, въ которыхъ 542 ст. въ качествѣ исключенія усматриваетъ «отдѣленіе» права распоряженія отъ права собственности, при ближайшемъ анализѣ не составляютъ исключенія и отпадаютъ сами собой. Приходится признать a contrario, что и отжившему X тому (въ лицѣ своей 542 ст.) не совсѣмъ чуждо правильное представленіе о существѣ права собственности.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда самое существо права собственности, право распоряженія, исчезало или переходило къ другому, римляне называли собственность—«голымъ правомъ» (nudum jus Quiritium): напр., силой преторскаго эдикта второй половины республики квиритскій собственникъ вынужденъ былъ уступить самую сущность своего права собственности, его душу—jus disponendi,—и сохранить лишь «голое право»... на наименованіе...

Спрашивается, по «оголеніи»права собственности, по «отдѣленіи» отъ него права распоряженія должны ли мы держаться за слово собственность во что бы то ни стало, мы — соціалисты, для которыхъ,—по справедливому замѣчанію г. Пѣшехонова, — «принципъ важнѣе формулы, содержаніе понятія важнѣе его словеснаго выраженія»?

Если земля съ ея водами et cet. перестаетъ быть предметомъ купли и продажи, залога, мѣны, завѣщанія и т. д.,—въ чемъ можетъ выразиться тогда jus disponendi, особенно jus disponendi de substantia и jus alienandi? Если земля изъемлется изъ рукъ всѣхъ частныхъ лицъ и группъ, если она перестаетъ быть товаромъ, объектомъ гражданскаго оборота, то въ чемъ, спрашивается, выразится чье бы то ни было право распоряженія ею, право собственности надъ нею? Не въ правѣ ли мы тогда сказать, что собственность на землю, какъ собственность, исчезаетъ, ея не станетъ, она будетъ *отмѣнена*?

Именно этимъ объясняется выраженіе программы П. С.-Р.: «всѣ земли поступаютъ въ *завѣдываніе* центральныхъ и мѣстныхъ органовъ самоуправленія». Въ неутвержденномъ «проектѣ программы» вмѣсто завѣдываніе стояло «распоряженіе»,—это было его недостаткомъ: «отмѣняя» собственность на землю, нельзя было сохранить распоряженіе ею, и, удерживая понятіе распоряженія, нельзя было «отдѣлить» отъ него, хотя бы мысленно, понятія собственности.

Поэтому съ точки зрѣнія выдержанности формулировки нельзя одобрить § 4 аграрнаго законопроекта. Употребленіе выраженій «верховнымъ распорядителемъ всей земли»; «мѣстными распорядителями»... не можетъ быть оправдано неблагозвучіемъ болѣе точнаго словообразованія: «завѣдующимъ», «завѣдующими»; наконецъ, соотвѣтствующій § слѣдовало редактировать иначе, такъ, чтобы отглагольныя существительныя сохранили бы глагольную форму, но сказать: «верховный распорядитель» и ограничить этого распорядителя въ правѣ купли, продажи, завѣщанія и прочихъ формахъ отчужденія и уничтоженія объекта, его jus disponendi, это значитъ, по меньшей мѣрѣ, насиловать слова и затемнять ихъ смыслъ.

Къ чему удерживать слово, разъ ему не соотвѣтствуетъ вложенное въ него содержаніе? Къ чему «формула» — собственность, разъ «принципъ» ея—распоряженіе—исчезло?

Эта невыдержанность формулировки и словесное противорѣчіе: «всякая *собственность* отмѣнена» и въ то же время «верховнымъ *распорядителемъ* является», быть можетъ, послужило поводомъ и къ тому «недоразумѣнію» въ статьѣ г. Пѣшехонова, которое я считаю наиболѣе существеннымъ и важнымъ. Къ нему я сейчасъ и перейду.

II.

Рѣчь идетъ о томъ, что станетъ съ землей? Чьей она станетъ т. е. кому достанется право на нее, хотя бы то было и не право собственности?

На этотъ вопросъ г. Пѣшехоновъ отвѣчаетъ приведеніемъ четвертаго параграфа разбираемаго имъ законопроекта, предпославъ ему—уже отъ себя—слѣдующія слова: ...землю они (авторы законопроекта) вовсе не желаютъ сдѣлать «ничьей», оставить безъ хозяина. Они спѣшатъ указать его «въ первыхъ же строкахъ своего письма» — въ четвертомъ параграфѣ законопроекта» (слѣдуетъ цитата).

Мнѣ кажется, что неправильное выраженіе 4 §: верховнымъ распорядителемъ»; «мѣстными распорядителями»... и ввело г. Пѣшехонова въ заблужденіе; оно же дало ему и поводъ предпослать свой комментарій, ибо, какъ мнѣ представляется, и какъ слѣдуетъ изъ общаго «духа» законопроекта и всего его контекста, авторы его желали сдѣлать именно то, въ чемъ имъ отказываетъ г. Пѣшехоновъ. Собственность на землю они хотѣли сдѣлать именно «ничьей», т. е. сдѣлать такъ, чтобы земля дѣйствительно, не принадлежала на правѣ собственности *никому*, ни частнымъ лицамъ или группамъ въ отдѣльности, ни всѣмъ въ цѣломъ; оставить землю именно «безъ хозяина» въ смыслѣ собственника-распорядителя, — въ противномъ случаѣ аннулировался бы весь смыслъ «отмѣны всякой собственности» и обращенія ея въ общенародное «достояніе». Исходить же безъ достаточныхъ основаній изъ такого предположенія значило бы слишкомъ мало считаться со взглядами противника, слишкомъ низко ставить его...

Мы подошли вплотную къ вопросу, чѣмъ «замѣнилась» «отмѣненная» собственность на землю; *какой* и *чьей* она стала?

Второй параграфъ законопроекта отвѣчаетъ на вопросъ, «какой» стала земля. Третій—на вопросъ, «чьей», т. е. кому стало принадлежать право на землю.

Второй параграфъ гласитъ: «Вся земля съ ея водами и нѣдрами объявляется достояніемъ всего населенія Россійскаго государства» или—что то же «общенароднымъ достояніемъ», по выраженію программы П. С.-Р.

Что означаетъ «отмѣна» всякой собственности на землю и «замѣна» ея общенароднымъ достояніемъ? Есть ли это только словесная замѣна одного выраженія «менѣе звучнаго» другимъ «болѣе звучнымъ», — какъ находитъ г. Пѣшехоновъ,—или это не словесная только замѣна?

Нѣтъ сомнѣнія, что въ первомъ случаѣ предпочтеніе «литературнаго выраженія» «юридическому термину», оказываемое г. Пѣ-

шехоновымъ слову «достояніе», которое ему «тоже больше нравится, чѣмъ «собственность»,—не могло бы быть, конечно, оправдано съ точки зрѣнія соціалиста, для котораго «принципъ важнѣе формулы, содержаніе понятія важнѣе его словеснаго выраженія». Къ счастью, положеніе не столь трагично.

Выраженіе «достояніе» можно предпочесть не только потому, что оно «звучнѣе» «собственности», но прежде всего потому, что оно — точно такъ же, какъ и всякое другое выраженіе—болѣе умѣстно, нежели слово «собственность», лишенное своего essentiale, главнаго содержанія обозначаемаго имъ понятія—права распоряженія; его можно предпочесть и потому, что «достояніе» есть не только «литературное выраженіе», но ближе всего подходитъ къ нѣмецкому юридическому термину «Vermögen»; его слѣдуетъ предпочесть, наконецъ, и потому, что не будучи связано съ опредѣленными признаками, при новомъ словообразованіи, которымъ неизбѣжно сопровождается творчество въ правѣ, свободное отъ предвзятыхъ представленій и ложныхъ ассоціацій, оно легче другихъ можетъ быть надѣлено потребнымъ содержаніемъ для выполненія главнаго своего назначенія, символизаціи заключеннаго въ немъ понятія.

Не въ словѣ, конечно, дѣло, но не надо забывать: не всякій споръ о словѣ есть споръ только о словѣ; бываютъ случаи, когда споръ о словахъ является споромъ и о дѣлѣ.

Мы установили: всякая собственность на землю отмѣнена; право распоряженія ею, jus disponendi de substantia et jus alienandi, перестало быть доступнымъ кому бы то ни было: ни частныя лица, ни корпораціи, ни государство, ни кто-либо иной не въ правѣ больше ни продавать, ни закладывать, ни покупать, ни обмѣнивать, ни дарить, ни завѣщать землю и т. д.; земля стала «общенароднымъ достояніемъ». Остановимся ближе на этомъ понятіи.

Здѣсь не мѣсто указывать, почему, на какомъ *основаніи* вещь—въ данномъ случаѣ «вся земля съ ея нѣдрами и водами»—объявлена общенароднымъ достояніемъ. Въ настоящую минуту для насъ безразлично, произошло ли это въ силу природныхъ ея свойствъ («землю никто не сработалъ и не сдѣлалъ»; «какъ воздухъ, какъ солнце»), и она приняла форму «Res omnium communis»; произошло ли это по соображеніямъ общественной пользы («государственная необходимость», «дезорганизація хозяйственнаго строя»). и землю отнесли къ категоріи вещей, предназначенныхъ для общаго пользованія: «Res, quae publicis usibus destinatae sunt»; наконецъ, религіозные ли предразсудки («земля божья») наложили свою печать и превратили «землю съ ея нѣдрами и водами» въ «Res divini juris»;—какая именно причина или совокупность ихъ сыграла здѣсь роль и какая именно юридическая формула, изъ извѣстныхъ еще римскому праву, ближе всего подходитъ къ данному случаю, для насъ это, повторяю, безразлично въ настоящее

время. Насъ интересуетъ не основаніе преобразованія въ правѣ, не его форма или формула, а его содержаніе, смыслъ, цѣль.

Земля—*общенародное* достояніе! Это значитъ, что юридическими отношеніями по поводу земли, поскольку послѣдняя является объектомъ права, завѣдуетъ, ихъ регулируетъ народъ, организованный въ центральные и мѣстные органы самоуправленія.

Земля—общенародное *достояніе!* Это значитъ, что земля, изъятая изъ современныхъ юридическихъ отношеній, отнесена къ той категоріи вещей, которыя римляне называли «quarum commercium non est», т. е. объявлена всецѣло необоротоспособной и въ извѣстномъ смыслѣ неправоспособной: необоротоспособна она потому, что, по поводу нея, нельзя совершать гражданско-правовыхъ сдѣлокъ, обычныхъ для современнаго оборота; неправоспособна въ извѣстномъ смыслѣ—потому, что она не можетъ служить объектомъ всякаго вещнаго права, ибо отмѣненному праву собственности она уже не подлежитъ,—другими словами: ея юридической связанности соотвѣтствуетъ лишь ограниченное въ своихъ предѣлахъ субъективное право... Но чье право?.. Чье субъективное право?..

Отвѣтъ мы находимъ въ третьемъ параграфѣ законопроекта: «На пользованіе этимъ достояніемъ (т. е. землей съ ея водами и нѣдрами) всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право».

Именно потому, что всѣ «граждане и гражданки» имѣютъ равное право на землю,—послѣдняя стала достояніемъ всего населенія Россійскаго государства», а не наоборотъ, не потому всѣ граждане и т. д. получили равное право на землю, что она стала «общенароднымъ достояніемъ». Пріоритетъ *субъекта права* предъ *содержаніемъ права* несомнѣненъ и съ логической, и съ политико-правовой точки зрѣнія *). Только смѣшеніе причины со слѣдствіемъ, права личности, какъ субъекта права, съ юридической связанностью земли, какъ содержаніемъ субъективнаго права, могло дать основаніе г. Пѣшехонову усмотрѣть «двойственность» въ даваемомъ законопроектомъ отвѣтѣ.

Не въ томъ выразилась отмѣна *всякой* собственности на землю, что послѣдняя стала принадлежать народу въ цѣломъ и каждому гражданину въ отдѣльности, т. е. не въ томъ, что она перемѣнила и расширила кругъ субъектовъ права, а въ томъ, что вовсе исчезло самое право распоряженія землей и земля стала народнымъ достояніемъ, т. е. измѣнилось прежнее содержаніе права.

Установленіе же субъективнаго права пользованія землей, какъ неотъемлемаго права каждой личности, вытекаетъ вовсе не изъ ограниченія содержанія права собственности, съ которымъ оно ни въ какой логической связи не стоитъ,—а изъ общаго догмата

---

*) Подробнѣе этотъ взглядъ развитъ въ моей брошюрѣ: «Личность въ правѣ». Книгоизд. «Трудъ и Борьба». 1907 г. Особенно главы III и IV.

соціалистической политики права, равноцѣнности человѣческой личности *). Изъ равенства, освященнаго трудомъ и породившаго неотъемлемое право каждаго, соціалистическая политика права конструируетъ юридическое понятіе соціализаціи земли съ необходимымъ ограниченіемъ самого содержанія права на землю, обращеніе послѣдней въ общенародное достояніе и предоставленіе каждому права пользованія имъ: юридическая связанность земли является, другими словами, лишь производной отъ субъективно-равнаго права всѣхъ гражданъ и гражданокъ на пользованіе этой землей.

Это равенство въ правахъ не есть равенство ариѳметическое: фактически, напр., пользованіе участкомъ земли однимъ гражданиномъ устраняетъ другого отъ такого же пользованія тѣмъ же участкомъ, но такова природа всякаго субъективнаго права. «Принципъ равноправія, какъ его формулируютъ новѣйшія конституціи, обозначаетъ не гарантію равнаго правового положенія и не равную правоспособность,—говоритъ Георгъ Іеллинекъ,—а только то, что при равенствѣ объективныхъ и субъективныхъ условій одному индивиду можетъ принадлежать правомочій не больше, чѣмъ другому» **). Или ниже въ томъ же сочиненіи: «Равенство заключается только въ равномъ признаніи притязаній на защиту права и интересовъ точно такъ же, какъ въ равномъ притязаніи на возможное вниманіе со стороны государства къ индивидуальному интересу. Въ этомъ равенствѣ притязаній, въ признаніи равенства способностей заключается единственная позитивно-правовая функція правового равенства, которое вообще можетъ имѣть значеніе, какъ правило съ исключеніями ***).

Возможно, будь § 4 законопроекта формулированъ иначе, не возникло бы нѣкоторыхъ «недоразумѣній» у г. Пѣшехонова, не было бы повода усмотрѣть мнимое противорѣчіе тамъ, гдѣ были лишь различные отвѣты на различные и самостоятельные вопросы.

Какой и *чей* вопросы, дѣйствительно, близкіе, но не схожіе и отнюдь не тождественные. И отвѣтить: «земля объявляется достояніемъ всего населенія Россійскаго государства», при чемъ «на пользованіе имъ всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право»,—какъ это дѣлаютъ § 2 и § 3 законопроекта,—значитъ отвѣтить не на одно и то же въ «прямо противоположной редакціи»,—какъ полагаетъ г. Пѣшехоновъ,—а дать два различные отвѣта на два самостоятельные вопроса. Точно такъ же отвѣтить на вопросъ «Cui prodest?» (въ чьихъ интересахъ?) — «Всѣмъ въ цѣломъ и каждому въ отдѣльности!» ничуть не значило бы вступить въ про-

*) См. тамъ же, стр. 25—26.

**) G. Iellinek: «System der subjectiven öffentlichen Rechte». S. 79.— Ed. 1902.

***) Ibidem, S. 128.

тиворѣчіе съ положеніемъ: субъектомъ права является только личность.

Смѣшеніе права съ интересомъ, субъекта права съ его содержаніемъ—вещь слишкомъ обыденная и въ то же время слишкомъ серьезная, чтобы не быть отмѣченной...

Что же касается четвертаго параграфа законопроекта, неудачная редакція котораго сыграла, быть можетъ, немалую роль въ заблужденіи г. Пѣшехонова, то онъ не отвѣчаетъ вовсе ни на вопросъ о томъ, *чье* право, ни на вопросъ, *каково* оно; его задача опредѣлить, *какова организація*, какіе органы вѣдаютъ и регулируютъ то новое право, которое создали §§ 2 и 3 законопроекта на мѣсто отмѣненнаго § 1 стараго права.

III.

Мнѣ остается сдѣлать замѣчанія еще по двумъ сравнительно второстепеннымъ вопросамъ. Первый — касается «непониманія» г. Пѣшехонова,—какъ онъ увѣряетъ,—той части цитаты изъ статьи В. М. Чернова, которая указываетъ на значеніе, какое имѣло для авторовъ законопроекта новѣйшее ученіе о субъективныхъ публичныхъ правахъ. Второй—касается пониманія г. Пѣшехоновымъ значенія основныхъ законовъ.

Въ своемъ комментаріи къ аграрному законопроекту, напечатанномъ въ № 1 «Народнаго Знамени», В. М. Черновъ, упоминая между прочимъ объ юридической конструкціи общиннаго владѣнія, предложенной В. Лешковымъ,—говоритъ: «Но такъ какъ Лешковъ писалъ до того времени, когда и въ публично-правовой области были провозглашены *неотъемлемыя права личности*, субъективныя или индивидуальныя публичныя права, то для него коллективность (государство, община) являются неограниченными владыками, а члены общины отъ нея получаютъ свои права, какъ нѣчто производное, вторичное или созданное».

Именно эти слова В. М. Чернова вызываютъ со стороны г. Пѣшехонова признаніе, что онъ ихъ «просто не понимаетъ». Вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ разсужденіе: «Подъ «неотъемлемыми правами личности» въ данномъ мѣстѣ разумѣются такъ называемыя «естественныя права»,—права человѣка и гражданина. Насколько я знаю, таковыя были «провозглашены» уже во время борьбы Соединенныхъ Штатовъ за независимость и затѣмъ съ еще большимъ шумомъ во время великой французской революціи. Теорія естественнаго права впервые сложилась на много вѣковъ раньше; въ это время она заняла видное мѣсто въ юридической наукѣ. Правда, потомъ въ теченіе долгаго періода эта теорія оспаривалась и возродилась уже въ наши дни—почти наканунѣ русской революціи—съ новымъ обоснованіемъ. Можетъ быть, В. М. Черновъ имѣетъ

въ виду это новое обоснованіе, можетъ быть, ему просто нужно было авторитету Лешкова противопоставить въ данномъ вопросѣ авторитетъ Изгоева или, правильнѣе, авторитетъ перваго дополнить авторитетомъ второго.... Но въ данномъ случаѣ,—заключаетъ г. Пѣшехоновъ свое разсужденіе,—это не важно, и мое недоразумѣніе, какъ я думаю, не сыграетъ роли въ дальнѣйшемъ».

Я тоже думаю, что «недоразумѣніе» («недоумѣніе»?) г. Пѣшехонова не сыграло роли въ дальнѣйшемъ его изложеніи, но только потому, что оно сыграло свою роль—и весьма значительную—уже въ предыдущемъ; возможно, впрочемъ, что судьба и всего дальнѣйшаго оказалась столь завидной только потому, что оно, это «дальнѣйшее», занимаетъ пока всего одну страницу, послѣ которой значится: «окончаніе слѣдуетъ». Поэтому съ мнѣніемъ г. Пѣшехонова о томъ, что «недоразумѣніе» его «не важно» я согласиться не могу и считаю нужнымъ на немъ нѣсколько остановиться.

И прежде всего—одинъ вопросъ: для чего было г. Пѣшехонову въ началѣ абзаца столь категорически признаваться, что онъ «просто не понимаетъ» приводимой имъ изъ статьи В. М. Чернова цитаты, разъ въ срединѣ того же абзаца онъ дѣлаетъ попытку отгадать смыслъ «просто непонятныхъ» для него словъ и, дѣйствительно... догадывается?... Вѣдь если экскурсія г. Пѣшехонова въ область психологіи В. М. Чернова и упрекъ въ «соглашательской политикѣ» дополненія или примиренія авторитетовъ, ничуть не слѣдующій изъ существа вопроса, и не можетъ быть оправданъ вообще,—то, съ другой стороны, въ качествѣ одной изъ двухъ высказанныхъ самимъ г. Пѣшехоновымъ «возможностей» пониманія словъ В. М. Чернова, онъ стоитъ вѣдь въ явномъ противорѣчіи съ признаніемъ г. Пѣшехонова въ «простомъ непониманіи» этихъ словъ! Не такъ ли? И тѣмъ болѣе незаслуженно это ауто-признаніе г. Пѣшехонова, что второе высказанное имъ же самимъ возможное пониманіе непонятныхъ для него словъ В. М. Чернова вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ смысломъ, который послѣдній, несомнѣнно, и хотѣлъ имъ придать...

«Можетъ быть, В. М. Черновъ имѣетъ въ виду это новое обоснованіе (теоріи естественнаго права)?»—спрашиваетъ г. Пѣшехоновъ.

Да, именно. Именно о «новомъ обоснованіи» теоріи естественнаго права,—называемомъ такъ обыкновенно его противниками,—надо думать, ведетъ рѣчь В. М. Черновъ. Надо думать, что именно Іеллинека и его ученіе имѣетъ въ виду В. М. Черновъ, когда говоритъ—что слѣдуетъ a contrario изъ цитированной мною выше фразы—о первичности провозглашенныхъ субъективныхъ публичныхъ правъ, ограничившихъ владычество коллективности. Такъ надо думать не только и по другой приводимой г. Пѣшехоновымъ фразѣ В. М. Чернова, не только—по всему контексту статьи последняго, не только по тому болѣе обстоятельному разбору юри-

дической природы соціализаціи земли, которую далъ В. М. Черновъ годомъ раньше въ №№ 1 и 2 еженедѣльника «Народный Вѣстникъ»,—но думать надо такъ, главнымъ образомъ, потому, что въ настоящее время,—какъ правильно замѣчаетъ Б. А. Кистяковскій въ своей вступительной статьѣ къ послѣдней работѣ Іеллинека,—вообще «нельзя разрабатывать большинства философско-правовыхъ проблемъ, не идя вслѣдъ за Іеллинекомъ, или, по крайней мѣрѣ, не опровергая его» *). Зная же Іеллинека по его сочиненіямъ (особенно по его «System der subjektiven öffentliche Rechte») или даже слыша о немъ хотя бы по энциклопедическому словарю,—нельзя не знать, что «Мысль о самоограниченіи государства, какъ основѣ публичнаго права, составляетъ центральный пунктъ теоріи Іеллинека и его главную научную заслугу» **). А зная это, нельзя «не понимать и словъ В. М. Чернова. Ихъ можно раздѣлять, соглашаться или опровергать, наконецъ, превратно понять, но «просто не понимать»—нельзя. Въ противномъ случаѣ въ категорію «непонятнаго пришлось бы включить и все ученіе Іеллинека; при оставшемся же упрощенномъ пониманіи нельзя не только разрабатывать философско-правовую проблемму,—ее нельзя ни разбирать, ни критиковать ее...

Какъ мы видѣли, г. Пѣшехоновъ вопреки своему признанію—понялъ непонятныя для него слова В. М. Чернова и понялъ въ общемъ правильно; это слѣдуетъ изъ тѣхъ словъ г. Пѣшехонова, гдѣ онъ высказываетъ въ формѣ предположенія, что В. М. Черновъ, возможно, имѣлъ въ виду новое обоснованіе теоріи естественнаго права; это слѣдуетъ, кромѣ того, и изъ апріорнаго соображенія: В. А. Пѣшехоновъ, разбирая аграрный законопроектъ с.-р. («философско-правовую проблему»), не могъ не знать ученія Г. Іеллинека; зная же Іеллинека, онъ не могъ не понять словъ В. М. Чернова; ergo—онъ понялъ слова Чернова!..

Все же у меня остается нѣкоторое сомнѣніе... Пожалуй, осмотрительнѣе будетъ удержать первоначальное мое выраженіе: г. Пѣшехоновъ не понялъ, а *догадался* объ истинномъ смыслѣ словъ В. М. Чернова?.. Основаніе къ тому—пониманіе г. Пѣшехоновымъ значенія основныхъ законовъ.

Г. Пѣшехоновъ въ «основномъ законѣ, не подлежащемъ отмѣнѣ или измѣненію въ обычномъ законодательномъ порядкѣ», видитъ «гарантію противъ случайностей государственной жизни, но не противъ самого государства».

Этотъ взглядъ г. Пѣшехонова противорѣчитъ тому значенію и

*) Стр. XVI—XVII.—Профессоръ Г. Іеллинекъ.—Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Изд. склада «Право». Между прочимъ, см. тамъ же замѣчанія о принадлежности Іеллинека къ школѣ естественнаго права.

**) «Энциклопедическій Словарь» Брокгауза и Ефрона. Т. XIII а стр. 637—Статья Ѳ. Кокошкина.

смыслу основныхъ законовъ, который вслѣдъ за Іеллинекомъ придавали имъ авторы законопроекта, В. М. Черновъ и друг. И критикуя отдѣльные пункты законопроекта,—стоящаго въ общемъ на почвѣ іеллинековскаго ученія,—слѣдовало сообразоваться именно съ *его* общей точкой зрѣнія, а не со своей: ее можно было опровергнуть, но нельзя было отвергнуть. Какъ бы то ни было,—воззрѣнія Іеллинека ни для кого, конечно, не обязательны. И я не хочу сказать, что для меня непонятно, какъ можно не раздѣлять взглядовъ Іеллинека. Я хочу только сказать, что для меня непонятно, какъ можетъ держаться своего пониманія основныхъ законовъ г. Пѣшехоновъ, знакомый съ новѣйшимъ ученіемъ о государствѣ, хотя бы по Іеллинеку, зная его и *понявъ изъ него* слова Чернова?..

Не противъ «случайностей государственной жизни», которыхъ въ большинствѣ случаевъ нельзя ни предвидѣть, ни предупредить, должны составить гарантію основные законы. Исторія учитъ, что всякія «деклараціи» правъ и основныхъ законовъ противъ «случайностей государственной жизни» оказывались безсильными и не составляли никакой гарантіи. Скорѣе, наоборотъ, тамъ, гдѣ не существуетъ различія между законами основными и обыкновенными, гдѣ нѣтъ ни основныхъ законовъ, ни писаннаго кодекса обыкновенныхъ законовъ, въ странѣ «гибкой конституціи»,—я говорю объ Англіи,—тамъ «случайности государственной жизни» бывали особенно рѣдки. Очевидно, гарантія противъ нихъ—не въ основныхъ законахъ. Больше того. «Случайностей» государственной жизни не знаетъ и деспотія или абсолютныя монархіи, ибо тамъ все правомѣрно, все одинаково правомѣрно въ томъ смыслѣ, что все право и всѣ законы исходятъ отъ ничѣмъ неограниченныхъ представителей государственной власти: ихъ произволъ имѣетъ значеніе закона, ихъ насиліе—смыслъ права. Они не знаютъ практическаго отличія законовъ основныхъ отъ законовъ обыкновенныхъ (sic volo—sic jubeo!), они не вѣдаютъ «случайностей государственной жизни»,—гарантію противъ нихъ составляютъ, очевидно, не основные законы *).

Новѣйшее государство съ народно-представительными учрежденіями обыкновенно различаетъ законы основные и обыкновенные, при чемъ первые полагаютъ юридическій предѣлъ государственной власти, опредѣляютъ остовъ всей правовой жизни народа и намѣчаютъ общій характеръ законовъ обыкновенныхъ, которые, въ случаѣ противорѣчія съ первыми, уступаютъ имъ въ силѣ и признаются недѣйствительными.

---

*) Выдѣленіе „основныхъ законовъ", напр., въ нашемъ сводѣ законовъ практическаго значенія не имѣло. Оно заимствовано Сперанскимъ съ западно-европейскихъ конституціонныхъ образцовъ и пересажено на русскую почву механически.

Назначеніе основныхъ законовъ быть гарантіей именно противъ государства, какъ назначеніе основныхъ правъ личности служить гарантіей «противъ произвола коллективности».

«Господство государства есть господство надъ свободой, т. е. надъ личностями,—пишетъ Іеллинекъ; поскольку государство признаетъ личность, оно само становится ограниченнымъ» *).

Отказъ г. Пѣшехонова видѣть въ основныхъ законахъ гарантію противъ государства почти равносиленъ признанію съ его стороны неограниченности власти государства. А такое признаніе стоитъ въ противорѣчіи не только со всѣмъ новѣйшимъ ученіемъ о государствѣ, - оно несогласно и съ собственнымъ взглядомъ г. Пѣшехонова: стоитъ только вспомнить его поиски «власти надъ вещью, *независимой отъ законодателя*».

Вѣдь одно изъ двухъ: либо никакой гарантіи противъ государства нѣтъ, т. е. верховенство его ничѣмъ неограничено ни по своему содержанію, ни по сферѣ или силѣ своего дѣйствія,—но тогда какъ на ряду съ этимъ г. Пѣшехоновъ можетъ искать «власть надъ вещью», независимую отъ законодателя? Либо—гарантія противъ государства существуетъ, т. е. оно можетъ быть ограничено по содержанію своей власти, хотя бы и не будучи подчинено другой власти,—но тогда, въ чемъ же иномъ выразится эта гарантія, какъ не въ основныхъ законахъ, воплотившихъ въ себѣ правосознаніе народа по наиболѣе насущнымъ вопросамъ? Логически — положеніе безвыходное.

Резюмирую главныя мысли статьи. Условность и относительность понятія собственности не лишаетъ возможности принципіальнаго различія между собственностью и несобственностью. Характернымъ признакомъ права собственности является jus disponendi, какъ право неограниченнаго распоряженія своею вещью. Подъ неограниченностью права слѣдуетъ разумѣть право совершать все, что положительно не запрещено закономъ; другими словами: неограниченность права есть неподчиненность его никакому другому субъекту права, но отнюдь не независимость отъ власти законодателя. Изъятіе земли съ ея нѣдрами изъ гражданскаго оборота, т. е. ограниченіе въ распоряженіи ею какъ отдѣльныхъ лицъ и группъ, такъ и всѣхъ въ цѣломъ,—отмѣняетъ всякую собственность на землю. Земля какъ объектъ права собственности частныхъ лицъ и группъ, становится общенароднымъ достояніемъ, какъ объектомъ равнаго права пользованія каждой личности. Право распоряженія смѣняется правомъ завѣдыванія. § 2 аграрнаго законопроекта с.-р. отвѣчаетъ на вопросъ, *какой* стала земля? § 3—на вопросъ, *чьимъ* стало право на землю? § 4—какова организація,

---

*) System der subjectiven öffentlichen Rechte.—S. 80.

какъ регулируются отношенія по поводу земли? Авторы законопроекта, равно какъ и его комментаторъ, конструируютъ юридическую природу соціализаціи земли, стоя на почвѣ «новаго обоснованія теоріи естественнаго права» и исходя изъ ученія Іеллинека о субъективныхъ публичныхъ правахъ. Права личности, входя въ число основныхъ законовъ, являются гарантіей противъ неограниченности государственной власти, а не противъ «случайностей государственной жизни».

Веніаминъ Марковъ.

На очередныя темы.

Право на землю.

I.

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года подъ тѣмъ же общимъ заглавіемъ, что и теперь («На очердныя темы»), я началъ статью объ аграрномъ законопроектѣ соціалистовъ-революціонеровъ, внесенномъ ими во вторую Думу. Началъ и не кончилъ... Читателямъ, я думаю, понятно было, почему именно. Государственная Дума была распущена, и моя тема изъ числа «очередныхъ» была такимъ образомъ вычеркнута. Уже съ внѣшней стороны статья, посвященная одному изъ думскихъ законопроектовъ, представлялась въ ту пору несвоевременною.

Впрочемъ, это одно меня не остановило бы. Надо сказать, что сами с.-р., внося свой законопроектъ, вовсе не расчитывали, что онъ будетъ осуществленъ Думой. Въ сущности это былъ даже не законопроектъ, расчитанный на опредѣленное соотношеніе общественныхъ силъ, — это была программа, выставленная съ цѣлью собрать таковыя.

Нашъ проектъ основного закона, — заявилъ г. Мушенко, внося его въ Думу, — это не проектъ полюбовнаго соглашенія между борющимися классами. Нѣтъ. Борьба еще не кончена. Составляя нашъ проектъ, мы хотѣли дать трудовому народу, стремящемуся перестроить свои земельные порядки въ Россіи, точный и ясный отвѣтъ на вопросъ, какіе земельные порядки наиболѣе удовлетворяютъ его потребности. Сила каждаго класса въ огромной степени зависитъ отъ того, насколько ясно представляетъ онъ свои интересы. Мы, повторяю, старались помочь трудовому народу въ этомъ и тѣмъ самымъ измѣнить соотношеніе силъ въ его пользу.

И меня интересовала эта именно программная сторона законопроекта. Послѣдній давалъ поводъ и вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ, чтобы поставить и обсудить нѣкоторые программные вопросы, какъ-

то затуманившіеся въ послѣдніе годы и сдѣлавшіеся даже спорными въ предѣлахъ нашего направленія. Само собой понятно, что этого значенія законопроектъ с.-р. не утратилъ и послѣ роспуска Думы. Поэтому та внѣшняя неловкость, о которой я упомянулъ, не могла имѣть въ данномъ случаѣ рѣшающаго для меня значенія.

Важнѣе было внутреннее самочувствіе... Приходилось переживать особенно тягостный моментъ русской жизни, и полемика съ товарищами по направленію представлялась мнѣ не вполнѣ умѣстною. Во всякомъ случаѣ желанія продолжать ее у меня тогда не было. Конечно, спорные вопросы,—думалъ я,—надо будетъ выяснити, но вѣдь это можно будетъ сдѣлать и послѣ... И, можетъ быть, теперь настало для этого время.

Помѣщенный въ настоящей книгѣ «Отвѣтъ» г. Веніамина Маркова даетъ мнѣ поводъ вернуться къ темѣ, которую я тогда далеко не исчерпалъ. Я говорю: даетъ *поводъ*... По адресу самого г. Маркова я ограничусь лишь немногими репликами и притомъ скорѣе формальнаго свойства, чѣмъ по существу вопроса. Возьму главное изъ предъявленныхъ имъ мнѣ возраженій.

Въ своей статьѣ я отмѣтилъ, что соціалисты-революціонеры въ новомъ своемъ законопроектѣ задались цѣлью отмѣнить не частную только, какъ это предполагалось раньше, а *всякую* собственность на землю, не исключая государственной. Ссылаясь на самый законопроектъ, на партійные къ нему комментаріи и партійную литературу, я высказалъ предположеніе, что до такой отмѣны авторы законопроекта договорились по недоразумѣнію. Въ дѣйствительности же, отмѣнивъ «власть надъ вещью», они сами немедленно ее возстановили только подъ другимъ названіемъ. Отмѣна,—писалъ я,—свелась въ сущности къ замѣнѣ менѣе звучнаго слова болѣе звучнымъ, юридическаго термина—литературнымъ выраженіемъ, «собственности» — «достояніемъ». Спорить о словахъ у меня не было никакой охоты. И я изъявилъ даже готовность избѣгать въ дальнѣйшемъ изложеніи термина «собственность», разъ с.-р. считаютъ его недопустимымъ въ своихъ аграрныхъ построеніяхъ.

Но этотъ, неважный съ моей точки зрѣнія, вопросъ оказался очень важнымъ. По крайней мѣрѣ, г. Марковъ удѣляетъ ему въ своемъ отвѣтѣ главное вниманіе. По его словамъ, никакого тутъ неодразумѣнія нѣтъ: с.-р. въ серьезъ желаютъ отмѣнить «всякую» собственность на землю. Мой оппонентъ настолько любезенъ, что взялся даже растолковать намъ, что это значитъ.

Въ качествѣ «характернаго, опредѣлительнаго признака, который отличаетъ собственность отъ всякихъ другихъ смежныхъ и отдаленныхъ понятій», онъ указываетъ «право распоряженія» (jus disponendi).

Собственникъ, пишетъ г. Марковъ,—можетъ отказаться отъ *пользованія* своею вещью, сдать ее внаймы—и статься въ то же время собственникомъ.

Собственникъ можетъ утратить *владѣніе* своею вещью, ее могутъ украсть, онъ все же сохраняетъ право собственности... Но онъ не можетъ передать другому право распоряженія вещью, не лишивъ себя въ то же время права собственности...

«Собственника отъ субъекта всякаго иного вещнаго права отличаетъ его право распоряженія» *)... Такимъ образомъ отмѣнить право собственности очень просто: нужно только отмѣнить право распоряженія. Отмѣнить же всякую собственность на землю это значитъ устроить такъ, чтобы никто землей не распоряжался. Этого именно и желаютъ соціалисты-революціонеры.

Такъ и запишемъ... Я не знаю, за кого «отвѣчаетъ» г. Марковъ: за партію или думскую фракцію, за авторовъ законопроекта или его комментаторовъ. Вѣроятнѣе всего самъ за себя, движимый чувствомъ партійной солидарности. Во всякомъ случаѣ мы не должны забывать, что с.-р. писали и раньше, что, кромѣ г. Маркова, у нихъ имѣются и другіе теоретики. Напомню хотя бы г. Вихляева. Послѣдній указалъ намъ въ свое время иной «опредѣлительный признакъ» собственности. Онъ полагаетъ, что отъ послѣдней можетъ быть отдѣлено «все управленіе и распоряженіе ею, такъ что собственнику остается въ этомъ случаѣ работать на другихъ и не думать вовсе о такъ называемомъ «неограниченномъ» и «свободномъ» правѣ распоряженія ни въ одномъ атомѣ своей вещи» **). Но право собственности все-таки сохранится. Въ концѣ концовъ это право можетъ быть сведено къ чисто формальному признаку,—къ «праву распоряженія вещью въ послѣдней инстанціи», и это нѣчто иное, чѣмъ «право распоряженія», какъ его понимаетъ г. Марковъ.

---

*) Я не вхожу въ разсмотрѣніе вопроса, насколько „опредѣлительный признакъ“ собственности указанъ моимъ оппонентомъ удачно. Вообще у меня нѣтъ желанія забираться въ дебри юридической схоластики, по которымъ онъ такъ самовольно разгуливаетъ. Думаю, что въ данномъ случаѣ это совершенно безплодное занятіе, и г. Марковъ можетъ служить нагляднымъ для насъ примѣромъ. „Если право распоряженія будетъ отдѣлено отъ права собственности,—восклицаетъ онъ,—послѣднее исчезнетъ!“ И тутъ же указываетъ случаи—запрещеніе, секвестръ, опеку,—когда право распоряженія отдѣляется, но право собственности остается. Но такъ какъ такое отдѣленіе происходитъ „по закону“, то останавливаться на такихъ случаяхъ, по мнѣнію г. Маркова, не приходится: „такая возможность должна предполагаться сама собой“, ибо „законамъ,—поясняетъ онъ—законы, такъ сказать, не писаны“. Ну,—а самъ г. Марковъ расчитываетъ отмѣнить право распоряженія по закону или какъ-нибудь иначе? Если по закону, то гдѣ же доказательство, что съ отмѣной права распоряженія исчезнетъ и право собственности? Не напрасны ли оказались всѣ его поиски? Или возьмите хотя бы это: „законамъ законы не писаны“,—и все-таки г. Марковъ считаетъ возможнымъ написать такой „основной законъ“, котораго всѣ остальные законы сами собой будутъ слушаться... Въ этихъ словесныхъ дебряхъ можно блуждать безъ конца—и все-таки на дорогу не выбраться.

**) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“. М. 1906 г., стр. 48.

Если земля съ ея водами et cet..—пишетъ послѣдній, — перестаетъ быть предметомъ купли и продажи, мѣны, завѣщанія и т. д., — въ чемъ можетъ выразиться jus disponendi, особенно jus disponendi de substantia и jus alienandi?.. Не вправѣ ли мы тогда сказать, что собственность на землю, какъ собственность, исчезаетъ, ея не станетъ, она будетъ *отмѣнена?*

Г. Вихляевъ думаетъ,—по крайней мѣрѣ, въ 1906 году думалъ,— что сказать это мы не вправѣ. Онъ приводитъ такой примѣръ: право пользованія землей можетъ быть предоставлено отдѣльнымъ гражданамъ, право передѣлять между ними землю можетъ быть признано за общиной; могутъ быть выдѣлены и другія права, которыя входятъ въ понятіе собственности;—однако, и за всѣмъ тѣмъ «право распоряженія землею въ послѣдней инстанціи» за кѣмъ-нибудь все-таки останется... Останется, стало быть, и право собственности. Выходитъ, такимъ образомъ, что отмѣнить послѣднее по рецепту, предложенному г. Марковымъ, нельзя...

Я взялъ г. Вихляева, потому что онъ, вѣдь, изобрѣлъ то «право на землю», для осуществленія котораго с.-р. признали потомъ нужнымъ отмѣнить «всякую» на нее собственность. Но я понимаю, конечно, что это такъ только говорится, будто бы «яйца курицу не учатъ». Въ дѣйствительности ученики нерѣдко идутъ много дальше своего учителя... И г. Марковъ имѣетъ, конечно, право свой авторитетъ противопоставить авторитету г. Вихляева *). Допустимъ, поэтому, что способъ отмѣнить собственность имъ найденъ и что для этого достаточно отмѣнить право распоряженія.

*) Читателямъ, надѣюсь, понятны тѣ соображенія, въ силу которыхъ въ своемъ „формальномъ" отвѣтѣ г. Маркову я ссылаюсь исключительно на литературу с.-р., минуя труды ученыхъ-спеціалистовъ. Мнѣ кажется, что послѣднихъ не стоитъ тревожить. А то нетрудно, конечно, было бы, напримѣръ, Мейеру,—несомнѣнно, „извѣстному правовѣду",—на котораго въ важнѣйшемъ пунктѣ своей аргументаціи опирается г. Марковъ, и который, къ слову сказать, читалъ свой курсъ гражданскаго права болѣе 50 лѣтъ тому назадъ (умеръ въ 1856 г.), противопоставить цѣлый рядъ новѣйшихъ ученыхъ,—хотя бы Штамлера, Менгера, Гамбарова, по стопамъ которыхъ идетъ въ своей аргументаціи г. Вихляевъ. „Собственность, — говоритъ Менгеръ,—есть вѣчное понятіе, которое никогда не исчезнетъ вполнѣ изъ соціальной жизни человѣчества". Штамлеръ находитъ, что собственность есть понятіе, свойственное всякому мыслимому правовому состоянію общества. „Разъ вопросъ рѣшается утвердительно для права вообще, то не можетъ быть,—говоритъ г. Гамбаровъ,—иного рѣшенія и для собственности, такъ какъ всякій правовой порядокъ предполагаетъ уже признаніе того рѣшающаго въ послѣднемъ счетѣ распоряженія вещью, которое мы называемъ собственностью. Эту собственность предполагаетъ также и соціалистическій идеалъ общества, требующій лишь ея преобразованія и перемѣщенія, въ интересѣ всего общества, отъ индивидуальнаго обладанія къ коллективному, но вовсе не отмѣны самаго права собственности. И только индивидуалистическій анархизмъ можетъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, отрицать въ этомъ смыслѣ собственность, такъ какъ онъ отрицаетъ самое понятіе права"... („Вещное право". Лекціи Ю. С. Гамбарова. Литограф. изданіе Кассы взаимопомощи Спб. Политехнич. Института. Стр. 126).

Однако, и за всѣмъ тѣмъ остается вопросъ: этого ли желаютъ с.-р.?

Я беру первую брошюру, вышедшую въ Россіи подъ заголовкомъ «Соціализація земли». Она помѣчена 1906 годомъ и вышла подъ иниціалами «Р. Р.»; если не ошибаюсь, въ ней содержатся статьи, печатавшіяся раньше въ «Революціонной Россіи». На стр. 17-й этой брошюры курсивомъ напечатано:

Соціализація земли есть лишь передача въ общественныя руки, въ общественное распоряженіе одного изъ необходимыхъ условій производства, и тѣмъ самымъ, отмѣна одной изъ самыхъ вредныхъ и тягостныхъ частныхъ монополій.

Какъ видятъ читатели, соціализація понималась тогда не въ томъ смыслѣ, что земля должна быть «ничья», что у нея не должно быть «хозяина», что никто не долженъ распоряжаться ею. Напротивъ, весь смыслъ соціализаціи полагался въ томъ, что земля перейдетъ «въ общественныя руки, въ общественное *распоряженіе*». И если теперь с.-р., дѣйствительно, желаютъ отмѣнить право распоряженія, какъ утверждаетъ г. Марковъ, то не отмѣнятъ ли они тѣмъ самымъ и то, ради чего созывали въ свои ряды общественныя силы?

Г. Марковъ знаетъ, что такое пониманіе соціализаціи было, но онъ только думаетъ, что оно быльемъ поросло. Дѣйствительно,— говоритъ онъ—въ проектѣ програмы стояло слово «распоряженіе», но въ «утвержденной программѣ» его уже нѣтъ. «Отмѣняя собственность на землю—поясняетъ г. Марковъ—нельзя было сохранить распоряженіе ею, и, удерживая понятіе распоряженія, нельзя было отдѣлить отъ него, хотя бы и мысленно, понятія собственности». Поэтому-де «распоряженіе» и исчезло...

Г. Марковъ, повидимому, столь увѣренъ въ своихъ логическихъ построеніяхъ, что не потрудился даже справиться въ протоколахъ съѣзда, который утверждалъ программу, въ силу какихъ соображеній слово «распоряженіе» замѣнено словомъ «завѣдываніе». Приходится напомнить.

Соотвѣтствующее предложеніе внесъ тов. Поморцевъ. Приведу главныя соображенія, которыми онъ его мотивировалъ.

...Словъ—говорилъ онъ—бояться нечего, и поэтому слѣдуетъ опредѣленно высказаться за терминъ „общенародная собственность", а не „общенародное достояніе"... Соціализація земли предполагаетъ національзацію; національзація есть логическій prius соціализаціи... Фактически соціализація можетъ быть условіемъ національзаціи, хронологически она можетъ и предшествовать признанію земли общенародною собственностью, но логически она всегда предполагаетъ идею національзаціи... Въ проектѣ программы говорится: соціализированная земля поступаетъ въ распоряженіе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ самоуправленія" и т. д. Распоряженіе есть одно изъ проявленій права собственности и только его одного... Поэтому для меня непонятно, какъ возможно передать землю въ распоряженіе одновременно двумъ собственникамъ: и центральнымъ, и мѣстнымъ органамъ самоуправленія, какъ это предлагаетъ проектъ программы. На этомъ основаніи я предлагаю слова

„поступаетъ въ распоряженіе“... замѣнить словами „поступаетъ въ завѣдываніе“, т. е. въ управленіе, которое, конечно, можетъ распредѣляться между двумя и даже большими органами народнаго самоуправленія *).

Трудно, конечно, сказать, чѣмъ руководилось большинство съѣзда, принимая эту поправку. Во всякомъ случаѣ предложеніе было внесено лицомъ, вовсе не желавшимъ, повидимому, отмѣнять собственность...

Но допустимъ, что отсутствіе «распоряженія» въ утвержденной программѣ доказываетъ, что соціалисты-революціонеры считаютъ возможнымъ обойтись безъ распоряженія и въ жизни. Почему же, однако, въ аграрномъ законопроектѣ, который составлялся послѣ утвержденія программы и въ которомъ с.-р. впервые задались цѣлью отмѣнить «всякую» собственность, это слово опять появилось? Это описка, неудачная формулировка—утверждаетъ г. Марковъ.

Какъ слѣдуетъ изъ общаго „духа“ законопроекта и всего его контекста, авторы его желали сдѣлать именно то, въ чемъ имъ отказываетъ г. Пѣшехоновъ. Собственность на землю они хотѣли сдѣлать именно „ничьей“, т. е. сдѣлать такъ, чтобы земля, дѣйствительно, не принадлежала на правѣ собственности *никому*, ни частнымъ лицамъ, ни всѣмъ въ цѣломъ; они хотѣли оставить землю именно „безъ хозяина“ въ смыслѣ собственника—распорядителя.

Стоитъ только,—какъ думаетъ г. Марковъ—въ 4-мъ параграфѣ законопроекта «распоряженіе» замѣнить «завѣдываніемъ», да еще, пожалуй, «отглагольное существительное» «глагольной формой», и всѣ недоразумѣнія сразу исчезнутъ: совершенно ясно будетъ, чего именно желаютъ с.-р... Но мы уже знаемъ, какъ г. Марковъ передаетъ «духъ» документовъ;—обратимся лучше сами къ «контексту» законопроекта.

Государство и всѣ органы мѣстнаго самоуправленія—читаемъ мы въ 7-мъ его параграфѣ—имѣютъ право особыми постановленіями соотвѣтственныхъ представительныхъ собраній обращать необходимыя площади земли подъ общественное пользованіе въ цѣляхъ и т. д.

Цѣли при этомъ указаны самыя разнообразныя, вплоть до «установленія болѣе цѣлесообразныхъ формъ хозяйства»... Легко понять, что однимъ этимъ параграфомъ авторы законопроекта предоставляютъ государству, включая и мѣстные его органы, такое широкое право, которое покроетъ, пожалуй, всѣ jus'ы, какими испещрилъ свою статью г. Марковъ, включая въ то число jus alienandi и jus disponendi de substantia, которые онъ считаетъ наиболѣе характерными признаками права собственности. Въ самомъ дѣлѣ: государство имѣетъ право обратить землю подъ общественное пользованіе. Но вѣдь это значитъ, что оно имѣетъ

---

*) „Протоколы перваго съѣзда партіи соціалистовъ-революціонеровъ“. Стр. 195 и 196.

право изъять ее изъ частнаго пользованія. Не заключается ли въ этомъ jus alienandi, право отчужденія,—даже въ той не совсѣмъ точной транскрипціи, какую далъ ему г. Марковъ,—«право отчуждать объектъ другому лицу, какъ право выбора особаго способа пользованія объектомъ». Далѣе: представьте себѣ, что государство, изъявъ,—скажемъ, въ оросительныхъ цѣляхъ—кусокъ пашни изъ частнаго пользованія, выроетъ на этомъ мѣстѣ прудъ, или, наоборотъ, изъявъ прудъ изъ частнаго пользованія—въ санитарныхъ, скажемъ, цѣляхъ—выпуститъ изъ него воду. Не проявится ли въ этомъ и притомъ въ самой рѣшительной формѣ jus disponendi de substantia, право уничтоженія объекта, поскольку таковое осуществимо по отношенію къ землѣ съ водами et cet.? И въ цѣломъ не возстановляетъ ли 7-й параграфъ право распоряженія, отъ котораго г. Марковъ такъ легко избавился, исправивъ описку въ 4-мъ параграфѣ?

Я взялъ одинъ пунктъ законопроекта, но имѣются, вѣдь, и другіе... Укажу, напримѣръ, хотя бы пунктъ *в* параграфа 9-го, который между прочимъ предоставляетъ право общинѣ въ цѣляхъ уравнительности «измѣнять земельныя границы», т. е., попросту говоря, отбирать землю у однихъ и передавать другимъ. Что же это такое, какъ не jus alienandi? Укажу, далѣе, пунктъ *з* того же параграфа: «частно-трудовые пользователи при оставленіи занятія земледѣліемъ—говорится въ немъ—сдаютъ пользуемые участки въ распоряженіе общины». Конечно, можно и здѣсь описку исправить: распоряженіе замѣнить завѣдываніемъ. Но, вѣдь, право-то—jus recadentiae—у государственнаго органа останется. Правда, по-латыни этого права г. Марковъ не называетъ, но онъ упоминаетъ о немъ подъ другимъ именемъ, какъ о существенномъ признакѣ собственности. «Какъ только ограниченіе отпадаетъ или уничтожается,—говоритъ онъ—власть собственника тотчасъ же возстановляется въ прежнемъ размѣрѣ, сама собой, ipso jure, безъ особаго юридическаго акта она консолидируется въ рукахъ собственника». Въ этомъ, по мнѣнію г. Маркова, практически сказывается «неограниченность» права собственности. Эту именно «консолидацію» права, совершающееся само собой возвращеніе къ собственнику вещныхъ правъ старые юристы и называли jus recadentiae, «и нѣкоторые изъ нихъ—говоритъ г. Гамбаровъ—уже давно видѣли въ этомъ правѣ отличительный признакъ собственности» *). Согласно приведенному пункту законопроекта права, на землю, въ случаѣ утраты ихъ пользователями, сами собой должны возвратиться къ государству въ лицѣ общины. Не значитъ ли это, что государство будетъ имѣть «неограниченную», какъ ее понимаетъ г. Марковъ, власть надъ землей? Не значитъ ли это, что оно явится собственникомъ?

Я не буду приводить другихъ параграфовъ и пунктовъ законо-

*) „Вещное право“, стр. 100.

проекта, которыми предоставляются различныя права государству. Напомню, что еще остается «право распоряженія въ послѣдней инстанціи», въ каковомъ видятъ отличительный признакъ собственности новѣйшіе юристы и безъ котораго, повидимому, нельзя обойтись, если не отказываться вообще отъ правового порядка. Въ данномъ же случаѣ я считаю не лишнимъ напомнить и о правѣ распоряженія, если можно такъ выразиться, въ первой инстанціи. Въ самомъ дѣлѣ: кто-нибудь долженъ, вѣдь, санкціонировать законопроектъ, который выработали с.-р... Кто же сдѣлаетъ это первое распоряженіе? Не государство ли въ лицѣ того или иного представительнаго собранія? Отмѣнить право распоряженія, повидимому, не такъ просто, какъ думаетъ г. Марковъ.

Во всякомъ случаѣ я долженъ признаться, что и послѣ данныхъ имъ разъясненій, мнѣ не совсѣмъ ясно, чего именно желаютъ достигнуть с.-р., отмѣняя «всякую» собственность на землю. Въ прошлый разъ мы видѣли, что они желаютъ менѣе звучное слово замѣнить болѣе звучнымъ, «собственность»—«достояніемъ». Теперь мы узнали, что звучнаго «распорядителя» они желаютъ замѣнить «неблагозвучнымъ», какъ выражается г. Марковъ «завѣдующимъ» или даже «глагольной формой». Если и только, то...

Спорить о словахъ, какъ я уже сказалъ, у меня нѣтъ охоты.

II.

Спорный между нами вопросъ;—можетъ быть, лучше будетъ сказать: вопросъ, запутанный теоретиками с.-р.,—слишкомъ важенъ, чтобы, имѣя его передъ собой, заниматься словесностью. Напомню, какъ въ своей неоконченной статьѣ я этотъ вопросъ формулировалъ.

Власть надъ землею, какими бы словами мы ее ни обозначали, всегда останется. Не будучи анархистами, мы должны отлить эту власть въ форму права. Вопросъ заключается въ томъ, кому эта власть въ формѣ права должна принадлежать: личности или коллективности, гражданину или государству?

Соціалисты-революціонеры, какъ я указалъ, даютъ на этотъ вопросъ различные и притомъ прямо противоположные отвѣты. Въ болѣе ранней партійной литературѣ власть надъ землей признавалась только за коллективностью, за отдѣльными же лицами, поскольку они не получили ея отъ коллективности, безусловно отрицалась. Въ литературѣ послѣдняго времени съ неменьшею, пожалуй, категоричностью «право на землю» постулируется какъ «неотъемлемое», «естественное» право личности, посягать на которое коллективность не смѣетъ. Наряду съ этимъ все время наблюдалось и наблюдается тенденція объявить землю какъ бы находящеюся внѣ правовой власти, «ничьею», вещью безъ хозяина. Нельзя однако

сказать, что прежнія воззрѣнія окончательно уступили мѣсто новымъ: рецидивъ слѣдуетъ за рецидивомъ, и иногда на пространствѣ двухъ-трехъ страницъ можно прослѣдить цѣлый рядъ колебаній отъ одного полюса до другого. Точно такъ же государственный и анархическій элементы въ аграрныхъ построеніяхъ с.-р. нерѣдко присутствуютъ рядомъ, не получая ни тотъ, ни другой рѣшительнаго преобладанія.

Тотъ же двойственный отвѣтъ, съ тѣмъ же привкусомъ анархизма, данъ и въ законопроектѣ. Въ 3-мъ параграфѣ законопроекта право на землю провозглашено, какъ личное право гражданина, а въ 4-мъ параграфѣ указанъ «верховный распорядитель» въ лицѣ народнаго собранія, при чемъ этимъ двумъ положеніямъ предпослана въ 1-мъ параграфѣ отмѣна «всякой» собственности. Желая «дать трудовому народу, стремящемуся перестроить земельные порядки въ Россіи, точный и ясный отвѣтъ», авторы законопроекта въ дѣйствительности дали отвѣтъ до-нельзя запутанный: выставивъ общія положенія, они сами же ихъ потомъ разрушили...

Кому должна принадлежать власть надъ вещью? Казалось бы, для соціалиста въ этомъ случаѣ не можетъ быть никакихъ колебаній. Это вопросъ, на который не только можно дать самый «точный и ясный отвѣтъ», но и нужно давать... Давая его вы вскрываете суть соціализма, подчеркиваете одно изъ главныхъ отличій его отъ буржуазнаго строя. И все-таки с.-р. колеблются. Въ прошлогодней статьѣ я указалъ, чѣмъ это обусловлено... Не возвращаясь теперь къ этому вопросу, считаю нелишнимъ все-таки отмѣтить тѣ позиціи, до которыхъ с.-р., конечно, не доходятъ, но съ которыми все-таки сближаются въ своихъ колебаніяхъ.

Возьмемъ сначала «право на землю», какъ «естественное», «неотъемлемое» право личности. Въ такой постановкѣ аграрной проблемы с.-р. склонны въ послѣднее время видѣть главное отличіе «соціализаціи» земли отъ тѣхъ аграрныхъ построеній, которыя являются или представляются имъ «буржуазными». Не слѣдуетъ, однако, забывать, что власть надъ вещью, какъ «личное» право и притомъ «неотъемлемое», «естественное» право, является боевымъ лозунгомъ именно буржуазіи. Существуетъ, какъ извѣстно, даже естественно-правовая теорія частной собственности, неоднократно уже возрождавшаяся въ исторіи науки. Подъ ея вліяніемъ находились римскіе юристы, которые разсматривали частную собственность, какъ jus gentium, какъ право, которое охраняется у всѣхъ народовъ (quod apud omnes gentes custoditur) и основаніемъ котораго служитъ естественный разумъ (ratio naturalis). Съ особымъ блескомъ естественно-правовая теорія частной собственности возродилась въ XVIII столѣтіи, при чемъ она нашла себѣ признаніе въ «деклараціи правъ человѣка и гражданина», въ которой собственность, какъ извѣстно, была отнесена къ числу «естественныхъ и неотъемлемыхъ» правъ личности, наряду со свободой слова или

собраній. Жива эта теорія и въ наши дни. Даже среди ученыхъ у нея имѣется болѣе, чѣмъ достаточно сторонниковъ. Теперь

это воззрѣніе,—говоритъ г. Гамбаровъ,—сводитъ весь вопросъ на человѣческую личность или ея свободу и считаетъ всѣ эти понятія, т. е. понятія собственности, личности и свободы, покрывающими другъ друга или соотносительными. Одни изъ писателей, придерживающихся этого направленія (наприм., Фихта, Шталь, Аренсъ, Франкъ, Беданъ и др.) утверждаютъ, что частная собственность есть необходимое послѣдствіе человѣческой личности, что она тождественна со свободой, или что личность требуетъ для своихъ хозяйственныхъ проявленій того именно господства надъ вещами, которое дается частной собственностью... Другіе писатели настаиваютъ на необходимости частной собственности для совершенствованія человѣка, какъ нравственнаго существа. Покойный Принцъ, одинъ изъ извѣстныхъ нѣмецкихъ юристовъ нашего времени, думалъ, что „собственность есть качество лица". Французскій юристъ Helle старался убѣдить своихъ читателей въ томъ, что если бы не было частной собственности, то не было бы права, не было бы ничего, а французскій экономистъ Michel Chevalier восклицалъ: „безъ собственности не существовало бы свободы". Въ свою очередь нѣмецкій экономистъ Виртъ утверждалъ, что „вещь есть нѣкоторымъ образомъ часть нашей личности, продолженное „я" и т. п. *).

Особенно много сторонниковъ естественно-правовой теоріи собственности, какъ думаетъ г. Гамбаровъ, имѣется среди «некомпетентной въ научныхъ вопросахъ публики»... Напомню, что согласно этой теоріи власть надъ вещью является не только «личнымъ» правомъ, но и правомъ «неотъемлемымъ», неприкосновеннымъ даже для государственной власти. Нужно было такъ далеко зайти въ чащу схоластики, нужно было такъ увлечься словеснымъ анализомъ понятій, какъ это сдѣлалъ г. Марковъ, чтобы за деревьями не увидѣть лѣса, чтобы говорить о «власти надъ вещью, независимой отъ законодателя», какъ о чемъ-то такомъ, что выдумалъ спеціально для полемики г. Пѣшехоновъ. Вѣдь это значитъ совсѣмъ позабыть о знамени, которое развѣвается надъ вражескимъ лагеремъ, о знамени, на которомъ написано: «собственность неприкосновенна». В. М. Черновъ, который знаетъ не хуже г. Маркова, что «на практикѣ нѣтъ и никогда не было собственности, не связанной соціально», тѣмъ не менѣе опредѣляетъ ее, «какъ абсолютное, неограниченное, индивидуальное и вѣчное право, по своей полнотѣ и исключительности, сравнивающееся лишь съ властью человѣка надъ самимъ собою и въ этомъ смыслѣ представляющее собою какъ бы гордое выступленіе человѣческой личности за границы своей собственной индивидуальной природы»...

Такъ буржуазный паразитизмъ—прибавляетъ онъ,—облекается въ тогу истинно-человѣческаго величія... „Человѣкъ!" „Свободная собственность!"—это звучитъ гордо"... **).

Лозунгъ «право на землю принадлежитъ личности» тоже зву-

*) „Вещное Право". Стр. 130—131.
**) „Народный Вѣстникъ", 1906 г. № 1.

чить гордо и вмѣстѣ съ тѣмъ... я затрудняюсь найти подходящее слово. Суть же въ томъ, что въ этомъ лозунгѣ черезъ-чуръ много общаго съ «боевымъ кличемъ буржуазіи», и я даже побаиваюсь, какъ бы «некомпетентная въ научныхъ вопросахъ публика» въ своей житейской практикѣ ихъ не перепутала. Тоже «личное» право, тоже «естественное», тоже «неотъемлемое». И даже такое же «абсолютное», такое же «вѣчное»... Писатели с.-р., повидимому, сами сознаютъ эту опасность: поэтому, быть можетъ они и настаиваютъ, чтобы право, которое они конструируютъ, не называлось «собственностью». Но, вѣдь, это же только титулъ, названіе... Правда, и содержаніе права различное: одни желаютъ утвердить за личностью право «пользованія», другіе—право «распоряженія». Не забудемъ, однако, что содержаніе права собственности «не только мѣняется вмѣстѣ съ преобразованіемъ экономическихъ отношеній», но и «при одномъ и томъ же экономическомъ строѣ можетъ быть различно». Напрасно ученые пытались опредѣлить это право, исходя изъ фактическаго его содержанія,—въ концѣ концовъ имъ приходится удовлетвориться чисто «формальнымъ признакомъ». Оказывается, что можно отдѣлить и пользованіе, и владѣніе, и распоряженіе,—можно вынуть все содержаніе,—но право собственности все-таки останется. Голое право, jus nudum... Напрасно, однако, г. Марковъ считаетъ его не стоющимъ вниманія. Сохранившись даже въ этомъ только въ видѣ, право личной собственности явится регуляторомъ экономическихъ отношеній... *)...

Такимъ образомъ разница въ содержаніи права, когда формальные признаки остаются тѣ же самые, еще не даетъ увѣренности, что аграрный строй получитъ новое основаніе. По меньшей мѣрѣ, мы не знаемъ, какіе фрукты могутъ произрасти на почвѣ утвержденнаго въ народномъ правосознаніи за личностью абсолютнаго права «пользованія». Можетъ быть, эти фрукты будутъ немного лишь лучше тѣхъ, которые произрастаютъ теперь на почвѣ личнаго «распоряженія».

Уклоненіе въ другую сторону—въ сторону «ничьей» земли—сближаетъ с.-р. съ неменѣе неудобными позиціями. Въ самомъ

---

*) Чтобы пояснить значеніе права собственности, лишеннаго „души“, какъ выражается г. Марковъ, за отдѣленіемъ отъ него jus disponendi. приведу такіе примѣры. Владѣльцы майоратовъ, можно сказать, лишены права „распоряженія“ своими имѣніями,—во всякомъ случаѣ существенно ограничены въ немъ. Но, вѣдь, если бы даже вся земля была обращена въ майораты, то это не означало бы еще, что въ основу аграрнаго строя положены начала, принципіально отличныя отъ началъ частной собственности. Крестьяне до сихъ поръ были лишены права „распоряженія“ надѣльной землей; они лишь „пользовались“ и „владѣли“ ею. Но, я думаю. и г. Марковъ не станетъ отрицать значенія въ экономической жизни того факта, за кѣмъ крестьяне подразумѣвали это право: за коллективностью или личностью. Достаточно указать въ этомъ случаѣ разницу между передѣльными и мертвыми общинами.

дѣлѣ: что такое значитъ, что землей никто не можетъ распоряжаться, что у нея не должно быть хозяина. Власть человѣка надъ міромъ становится, вѣдь, все больше и больше. Этотъ фактъ мы учитываемъ въ своихъ программахъ, видимъ въ немъ надежный залогъ торжества нашихъ идеаловъ. Въ частности программа с.-р. «ростъ власти человѣка надъ естественными силами природы» разсматриваетъ, какъ «необходимое условіе» сознательнаго вмѣшательства въ стихійный процессъ жизни. Рѣчь, стало быть, можетъ идти объ уничтоженіи не фактической, а правовой власти надъ землею.

Жизнь безъ такой власти мы можемъ, пожалуй, себѣ представить. Мы можемъ наблюдать ее, если не въ своей средѣ, то у другихъ живыхъ существъ.

Голуби по двору ходятъ, воркуютъ
Сизой артелью своей...
. . . .
Часто гурьбою громадной слетаются
Мирно ко мнѣ подъ окно,
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлять по-братски зерно...

Въ такомъ, пожалуй, видѣ мы можемъ представить себѣ жизнь безъ правовой власти, хотя надо сказать, что и въ голубиной средѣ зачатки ея, вѣроятно, имѣются. Важнѣе, однако, другое. И въ голубиной жизни не все, вѣдь, мирно обходится: нѣтъ нѣтъ, да и клюнетъ одинъ голубь другого. Въ средѣ же людей борьба съ природой въ теченіе всей исторіи сопровождалась борьбою—въ большинствѣ случаевъ изъ-за частичекъ той же природы — другъ съ другомъ,—борьбою, нерѣдко до-нельзя ожесточенной. Homo homini lupus est—резюмировали этотъ рядъ явленій римляне. Правовая власть явилась и до сихъ поръ остается важнѣйшимъ средствомъ, умѣряющимъ эту борьбу, сдерживающимъ ее въ опредѣленныхъ формахъ, а въ дальнѣйшемъ, какъ мы надѣемся, та же власть явится и главнымъ орудіемъ слабыхъ въ борьбѣ ихъ съ сильными...

И вотъ намъ предлагаютъ уже теперь сдѣлать землю ничьею, оставить ее внѣ правовой власти. Что это значитъ? Думаютъ ли лица, которыя это предлагаютъ, что людямъ лучше вернуться назадъ и вновь начать жизнь по звѣриному? или они надѣются, что мы уже настолько ушли впередъ, что можемъ начать ее по-голубиному?

Я указалъ крайнія точки, до которыхъ теоретики с.-р. доходятъ въ своихъ колебаніяхъ. Даже не доходятъ: какъ уже сказано, я желалъ отмѣтить позиціи, съ которыми они лишь сближаются въ нѣкоторыхъ своихъ положеніяхъ. Само собою понятно, однако, что эти колебанія не проходятъ безслѣдно.

Они сказываются прежде всего на программныхъ построеніяхъ.

Въ прошлогодней статьѣ я напомнилъ, какъ путались с.-р. съ общиной и союзомъ общинъ, прежде чѣмъ встали въ аграрномъ вопросѣ на путь государственности. Но и послѣ того, исправивъ и утвердивъ программу, они не разъ уже съ него сбивались. Отмѣчу хотя бы такой фактъ, уже констатированный въ ихъ партійной литературѣ.

Недавно вышла книга Ник. Суханова, посвященная вопросу о земельномъ обложеніи при соціализаціи земли. Въ программѣ с.-р. этотъ вопросъ рѣшенъ, казалось бы, совершенно опредѣленно. «Земельная рента,—говорится въ ней,—путемъ спеціальнаго обложенія должна быть обращена на общественныя нужды». Но

любопытенъ тотъ фактъ,—пишетъ теперь г. Сухановъ,—что соотвѣтствующіе пункты и положенія оффиціальныхъ партійныхъ документовъ не находятъ себѣ достаточной поддержки и обосновки во мнѣніяхъ нашихъ писателей. Наоборотъ, большинство авторовъ, касавшихся обложенія соціализированной земли, дѣлаютъ довольно категорическія предложенія, несогласныя съ оффиціальными постановленіями *).

Далѣе г. Сухановъ приводитъ цѣлый рядъ выдержекъ изъ трудовъ чуть ли не всѣхъ аграрныхъ теоретиковъ с.-р. (автора «Проекта основного закона», изданнаго Новожиловымъ, И. Грея, Льва Буха, П. Вихляева, С. Зака). Одни изъ нихъ прямо настаиваютъ, что «земельная рента должна поступить исключительно въ пользу трудового земледѣльца», что земля должна поступить въ «безплатное пользованіе». Другіе, хотя и допускаютъ налогъ на землю, но не въ видѣ рентнаго обложенія и чуть ли даже не въ видѣ временной только мѣры.

Я не буду останавливаться на выясненіи связи, какая, несомнѣнно, существуетъ между этимъ отрицаніемъ права государства на ренту и указанными уже положеніями, съ одной стороны, что право на землю принадлежитъ личности и, съ другой, что земля должна быть «ничьею». Думаю, что эта связь и такъ понятна. Едва ли нужно говорить и о томъ, какую смуту должна вносить въ умы «некомпетентной въ научныхъ вопросахъ публики» эта программная литература, доказывающая, что земля должна поступить въ безплатное пользованіе.

Не менѣе сильно колебанія въ вопросѣ, кому должна принадлежать земля, сказывались, какъ я думаю, и на тактическихъ рѣшеніяхъ. Возьму важнѣйшее изъ нихъ—попытку начать рѣшеніе аграрнаго вопроса посредствомъ захвата земли. Чѣмъ можетъ быть обосновано такое рѣшеніе? и чѣмъ можно объяснить склон-

---

*) Ник. Сухановъ. „Земельная рента и основы земельнаго обложенія. Къ вопросу о соціализаціи земли". Съ предисловіемъ Викт. Чернова. М. 1908 г. Стр. 14. Съ удовольствіемъ отмѣчаю появленіе этой работы, посвященной одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ аграрной программы нашего направленія и долженствующей, какъ я думаю, устранить цѣлый рядъ недоразумѣній, имѣющихся по этому вопросу въ литературѣ с.-р.

ность къ такому методу дѣйствія? Нѣтъ ли и въ данномъ случаѣ связи—можетъ быть, даже не сознанной и не формулированной—съ положеніемъ, что право на землю есть личное право и что, стало быть, его можно, какъ и всѣ другія личныя права, осуществлять явочнымъ порядкомъ? или съ другимъ положеніемъ, что земля «ничья» и что стало быть, власть надъ нею можно пріобрѣсти внѣ правовыхъ формъ? Какъ бы то ни было, крайне характерно, что вопросъ о правовой власти надъ землей при этомъ методѣ дѣйствія отодвигается на второй планъ, и главное вниманіе сосредоточивается на власти фактической. Мнѣ приходилось уже не разъ указывать на рискованность такой тактики и вновь повторять своихъ соображеній я не буду.

Но одно я долженъ сказать. Если бы была надежда быстро рѣшить аграрный вопросъ, рѣшить однимъ ударомъ и сразу выйти на открытую дорогу, то отмѣченныя мною программныя недоразумѣнія и тактическія ошибки, можетъ быть, и не представляли бы особенно большой опасности. Допустимъ въ самомъ дѣлѣ, что проектированный соціалистами-революціонерами захватъ земель дѣйствительно бы осуществился, осуществился бы быстро и повсемѣстно, а затѣмъ немедленно собралось бы учредительное собраніе. Въ такомъ случаѣ можно было бы, пожалуй, расчитывать, что захватившіе землю селенія и домохозяева не успѣли бы сжиться съ фактическою властью надъ нею, и представительному собранію, удалось бы установить цѣлесообразный правовой порядокъ, не стѣсняясь фактическими отношеніями, какія уже сложились. И если бы даже въ учредительномъ собраніи сплошь оказались одни с.-р., то и въ такомъ случаѣ, не смотря на всѣ программныя ихъ недоразумѣнія, съ аграрнымъ вопросомъ оно бы справилось. Очутившись лицомъ къ лицу съ практической задачей, можно думать, с.-р. сумѣли бы отрѣшиться отъ спорныхъ положеній, которыми легко увлекаться въ теоріи, но которыя нельзя реализировать на практикѣ. Порукой въ этомъ до извѣстной степени можетъ служить предпринятая ими попытка отлить свои программныя пожеланія въ форму законопроекта. Провозгласивъ въ первомъ его параграфѣ отмѣну всякой собственности и въ третьемъ — личное право на землю, въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ я уже отмѣтилъ, они право собственности опять возстановили и вручили его уже не гражданину, а государству.

Несравненно болѣе опаснымъ программный разбродъ въ средѣ нашего направленія представляется мнѣ теперь, когда съ полною очевидностью выяснилось, что борьба за землю получила затяжной характеръ. Не генеральную только битву предстоитъ намъ выдержать. Раньше предстоитъ еще вынести цѣлый рядъ схватокъ въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ народной жизни. Велика при этомъ опасность разойтись, растеряться, сбиться съ пути, который ведетъ къ цѣли. Чтобы выиграть кампанію, не тактика уже только

нужна;—нужна стратегія, а въ этой послѣдней важнѣе всего конечное заданіе. Нужнѣе, чѣмъ когда-либо, сейчасъ ясные и опредѣленные принципы. Для силъ, которыя не собраны къ одному мѣсту, не стянуты къ одному пункту, а разбросаны на громадномъ пространствѣ, это единственно возможное знамя.

Опасность разойтись и растеряться тѣмъ больше, что значительная часть силъ нашего направленія загнана въ подполье. Если недоразумѣнія проникали даже въ законопроекты, то тѣмъ больше ихъ можетъ оказаться въ прокламаціяхъ...

Опасность не въ томъ только, что нива будетъ засорена плевелами... Она ближе и можетъ сказаться раньше, чѣмъ придетъ время собирать жатву. Теорія личнаго права на землю и теорія захвата особенно опасными, быть можетъ, представляются именно теперь, когда борьба перенесена въ среду крестьянства, когда ея объектомъ сдѣланы надѣльныя земли,—теперь, когда даже тѣ немногія права, какія имѣются у коллективности, приходится энергично защищать отъ притязаній на нихъ личности.

Полемика съ товарищами по направленію въ переживаемое нами время представляетъ мало пріятнаго. Но мнѣ кажется, что на тѣхъ изъ насъ, которые остаются на открытой аренѣ, лежитъ нравственная обязанность сдѣлать все возможное, чтобы устранить имѣющіяся въ нашей средѣ недоразумѣнія. Можетъ быть, эта обязанность тяжела, но ее надо выполнить; можетъ быть это дѣло нужно было раньше сдѣлать, но это не резонъ, чтобы его еще откладывать... Послѣ только что сказаннаго, читателямъ, я думаю, понятна и брошенная мною мимоходомъ въ началѣ статьи фраза, что именно теперь, быть можетъ, настало время возвратиться къ спорнымъ вопросамъ.

Да, спорные вопросы надо выяснить... Но полемику можно все-таки ограничить. По крайней мѣрѣ, я въ настоящій разъ ограничусь уже сказаннымъ и, въ частности, вовсе воздержусь отъ отъ отвѣта на другіе полемическіе выпады г. Маркова,—напримѣръ, по вопросу о значеніи основныхъ законовъ и тѣмъ болѣе о томъ, слѣдуетъ ли назвать «недоумѣніемъ» или «недоразумѣніемъ» мое отношеніе къ нѣкоторымъ ссылкамъ писателей с.-р. на теорію естественнаго права. *) Думаю, что эти темы лежатъ въ сторонѣ отъ

---

*) Впрочемъ, нѣсколько словъ объ этомъ «недоумѣніи» или „недоразумѣніи“ сказать все-таки нужно. Г. Марковъ настолько увлекся хожденіемъ вокругъ него да около, что такъ и не разглядѣлъ, въ чемъ оно заключается, чего я „просто не понялъ“. Надо это ему объяснить. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ приведенномъ мною отрывкѣ изъ статьи В. М. Чернова сказано: „Лешковъ писалъ до того времени, когда и въ публично-правовой области были провозглашены неотъемлемыя права личности“. Между тѣмъ извѣстно, что Лешковъ жилъ въ XIX столѣтіи, а неотъемлемыя права личности были провозглашены въ XVIII, во время войны Соединенныхъ Штатовъ за независимость и затѣмъ во время великой фран-

главнаго вопроса — кому должно принадлежать право на землю: гражданину или народу?—который является спорнымъ между нами.

Пользуясь остающимся въ моемъ распоряженіи мѣстомъ, я попытаюсь развить не въ полемической уже, а въ положительной формѣ нѣкоторыя изъ соображеній, которыя заставляютъ, по моему мнѣнію, рѣшать этотъ вопросъ совершенно опредѣленно въ пользу коллективности.

III.

Всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право на пользованіе землей, ея водами и нѣдрами... О, конечно!—хочется сказать, когда слышишь это положеніе. Въ качествѣ этическаго или соціологическаго постулата оно не можетъ вызвать въ средѣ нашего направленія ни споровъ, ни возраженій *). Мы не должны, однако, забывать, что въ данномъ случаѣ задача заключается не въ томъ, чтобы формулировать нравственную заповѣдь или дать критерій для оцѣнки различныхъ общественныхъ формъ. Такого рода положеній, безспорныхъ не только въ средѣ людей одного и того же общественнаго направленія, но и въ болѣе широкой средѣ почти всего культурнаго человѣчества, можно найти, пожалуй, много. Было бы безцѣльно, однако, переписывать эти положенія въ законопроекты или выставлять ихъ, какъ политическія требованія. Задача заключается въ томъ, чтобы найти, указать и установить ту общественную форму, то соціальное учрежденіе, тотъ правовой институтъ, при посредствѣ котораго равное право всѣхъ на землю лучше всего могло бы осуществиться. Признавая это право, можно, тѣмъ не менѣе разно рѣшать вопросъ, кому оно— уже въ качествѣ правового института — должно принадлежать: *всѣмъ* ли гражданамъ въ совокупности, какъ коллективности, или *каждому* гражданину въ отдѣльности, какъ личности. Рѣчь идетъ

цузской революціи. Ну такъ вотъ я и не понялъ, какимъ образомъ Лешковъ могъ писать раньше...

*) Чтобы показать, какъ-далекъ я отъ спора съ этихъ точекъ зрѣнія, позволю себѣ привести строки, написанныя мною самимъ. „Всѣ личности,—писалъ я въ „Основныхъ положеніяхъ нашей программы",— равноцѣнны, и поэтому всѣ люди имѣютъ одинаковое право на обладаніе міромъ... Полнота чьей-либо личной жизни ни въ коемъ случаѣ не должна ограничивать жизни другихъ личностей. И въ этомъ требованіи мы склонны идти очень далеко. Не ограничиваясь предѣлами своей семьи, своей общины, своей націи и даже своего государства, мы требуемъ бережнаго и участливаго отношенія къ интересамъ всего человѣчества. Съ другой стороны, намъ дороги интересы не только современниковъ, но и потомковъ. Понятіе о ближнемъ и любовь къ нему мы стремимся распространить на самыхъ дальнихъ. Идеалъ, который мы ставимъ, долженъ обнять всю землю, долженъ освѣтить и согрѣть всю исторію". (Программные вопросы". Вып. I, стр. 13 и 19).

о правѣ не въ этическомъ, а въ юридическомъ смыслѣ, и суть вопроса, какъ видятъ читатели, заключается не въ томъ, чтобы лишить кого-либо права на землю, а въ томъ, какъ, въ какой формѣ его лучше использовать.

Чтобы яснѣе представить себѣ будущее, не лишне, какъ я думаю, оглянуться въ прошлое. Нормы, регулирующія взаимныя отношенія людей по поводу обладанія ими землею, появились въ исторіи, повидимому, очень рано. Нѣкоторые ученые полагаютъ даже, что въ соціальной жизни человѣчества не было такого момента, когда бы такихъ нормъ не существовало. Возникли они, какъ можно думать, въ формѣ коллективнаго права,—въ видѣ права отдѣльныхъ племенъ на занятыя ими территоріи.

Къ какой бы древности мы ни восходили,—говоритъ Гамбаровъ,— земля представляется намъ всюду, при начальныхъ стадіяхъ общественной организаціи, въ коллективной собственности племени, рода и другихъ союзовъ, среди которыхъ не возникаетъ долго и мысли о томъ, чтобы какое-нибудь отдѣльное лицо могло имѣть исключительное и наслѣдственное право собственности на тотъ или другой участокъ земли. Когда же это право устанавливается, то мы видимъ, что оно устанавливается не иначе, какъ съ согласія и признанія той общественной группы, къ которой принадлежитъ лицо, занимающее тотъ или другой участокъ земли въ частную собственность *).

Въ смыслѣ верховнаго обладанія территоріей право на землю и теперь остается за коллективностью,—за государствомъ. Это право является наиболѣе безспорнымъ. Изъ этого можно дѣлать и дѣйствительно дѣлаются нѣкоторые выводы относительно всѣхъ другихъ правъ на землю. Существуетъ, между прочимъ, такъ называемая «легальная» теорія частной собственности, стремящаяся объяснить частныя права на землю волею государственной власти, которая по тѣмъ или инымъ соображеніямъ признаетъ эту форму господства надъ вещами наиболѣе цѣлесообразной и ее санкціонируетъ. Внѣ же этой санкціи нѣтъ никакихъ правъ. «Собственность и законъ, — говорилъ Бентамъ,—родились вмѣстѣ и умрутъ вмѣстѣ. До закона не было собственности; устраните законъ и собственность перестанетъ существовать». «Удержаніе земли,—писалъ Лабулэ,—есть только фактъ, утверждаемый силой, пока общество не беретъ на себя защиты этого факта, освящая его своей санкціей: съ этихъ поръ фактъ становится правомъ, и это право есть собственность».

Важное преимущество этой теоріи, — говоритъ г. Гамбаровъ, — заключается въ томъ, что она подчеркиваетъ значеніе собственности, какъ права, сведеніе котораго къ государственной волѣ упраздняетъ спорный вопросъ объ ограниченіяхъ этого права. Государство не могло бы съ самаго начала ни создать, ни допустить собственности, не подчинивъ ее въ то же время соотвѣтствующимъ даннымъ условіямъ ограниченіямъ въ интересахъ сосѣдства, общежитія и т. д. Сверхъ того, сведеніе собственности къ государственной

*) „Вещное право“, стр. 145—146.

волѣ дѣлаетъ болѣе возможными и легче осуществимыми, какъ видоизмѣненія, такъ и преобразованія и даже самое уничтоженіе института собственности, который, будучи установленъ государственной властью, можетъ быть ею же преобразованъ и уничтоженъ. Вотъ чрезвычайно важное съ точки зрѣнія политики собственности послѣдствіе „легальной“ теоріи, вызывающее горячіе протесты противъ этой теоріи со стороны защитниковъ современнаго порядка частной собственности и особенно тѣхъ, которые выводятъ этотъ порядокъ изъ такъ называемаго „естественнаго права“ *).

Мнѣ незачѣмъ входить въ разборъ этой теоріи. Я сослался на нее лишь въ качествѣ иллюстраціи, желая напомнить, что нѣкоторыя коллективныя права на землю стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вопросъ о размѣрѣ этихъ правъ — можетъ-ли, напримѣръ, государство уничтожить институтъ частной собственности, — я тоже сейчасъ трогать не буду. Отмѣчу лишь, что коллективное право на землю не только раньше возникло, но и всегда отстаивалось—при встрѣчѣ съ другими однородными правами — особенно энергично. Государство, защищая находящуюся въ его обладаніи землю, не останавливается до сихъ поръ передъ пролитіемъ крови,—и нельзя, конечно, сказать, что оно дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ въ разрѣзъ съ народнымъ правосознаніемъ.

Внутри охваченной уже коллективнымъ правомъ территоріи нормы, регулирующія взаимныя отношенія коллективностей, появились опять-таки, какъ можно думать, прежде, нежели нормы, регулирующія взаимныя отношенія личностей. Родовыя, волостныя, общинныя грани прошли, повидимому, по землѣ раньше, чѣмъ границы подворныя или личныя. И охраняются первыя народнымъ правосознаніемъ долгое время болѣе энергично, чѣмъ послѣднія. У насъ, напримѣръ, произвести передѣлъ между домохозяевами, несомнѣнно, легче, чѣмъ передѣлъ между селеніями. Это можно сказать по отношенію даже къ замершимъ общинамъ, гдѣ уже десятки лѣтъ не было передѣловъ и, быть можетъ, по отношенію даже къ такой коллективности, какъ Донское казачество. Нарушить земельныя права послѣдняго, пожалуй, было бы опаснѣе, чѣмъ произвести черный передѣлъ внутри области... Въ общемъ, развитіе права на землю, если не было привходящихъ факторовъ— вродѣ нашествія иноплеменниковъ—шло, какъ можно думать, въ направленіи отъ болѣе широкой коллективности къ болѣе тѣсной— отъ племени къ роду и общинѣ, волостной, сельской или семейной— и отъ этихъ послѣднихъ къ личности. До этой послѣдней стадіи процессъ развитія земельнаго права у насъ въ Россіи, можно сказать, не дошелъ. Потому ли, что время не исполнилось, или встрѣчныя теченія мѣшали, но по отношенію къ громадной части крестьянства, если и можно говорить, то только о подворномъ, семейномъ правѣ на землю, а не личномъ.

Встрѣчныя же теченія были... Изслѣдователи нашего народ-

---

*) Ibid стр. 177.

наго права видятъ въ послѣднемъ результатъ борьбы двухъ главныхъ началъ. Если принять терминологію К. Р. Качоровскаго, таковыми были: право труда и право на трудъ. Въ общемъ же ходъ развитія правовыхъ воззрѣній на землю, если начать прямо съ общины, представляется въ такомъ видѣ.

Пока земли много, ею и ея произведеніями «люди пользуются такъ-же, какъ воздухомъ, и никому въ голову не приходитъ, что она можетъ быть обращена въ исключительное пользованіе и тѣмъ болѣе въ завладѣніе. Связи съ землей не закрѣплены еще постоянствомъ отношеній и регулярнымъ приложеніемъ труда» *). Въ этой стадіи въ сущности нельзя даже говорить о правѣ въ юридическомъ смыслѣ: имѣются лишь фактическія отношенія людей къ землѣ, но взаимныя ихъ отношенія по поводу земли не регулируются еще никакими обязательными нормами. Послѣднія появляются позже и именно въ формѣ «заимочнаго права». Народное правосознаніе санкціонируетъ нѣкоторыя изъ фактическихъ отношеній къ землѣ, и коллективность беретъ ихъ подъ свою защиту. Основаніемъ для такой санкціи служитъ фактъ приложенія труда къ землѣ: отдѣльныя лица и группы ихъ могутъ предъявлять свои притязанія на землю лишь въ тѣхъ границахъ, гдѣ ихъ «топоръ и соха ходили», какъ выражаются на этотъ счетъ древне-русскіе акты. Съ прекращеніемъ трудовыхъ отношеній къ землѣ сначала прекращалось и право на нее. Если хозяинъ бросалъ землю, то она опять становилась «ничьею» въ предѣлахъ данной общины, доступною любому изъ ея членовъ. Въ согласіи съ этимъ находились и системы хозяйства — переложная и подсѣчная. Съ теченіемъ времени появляется, однако, стремленіе удерживать за собою землю и послѣ того, какъ трудъ на ней прекратился. Возможно, что развитію права въ данномъ направленіи способствовало то, что вложенный въ землю трудъ не сразу вознаграждался, а съ другой стороны, и то, что расчищенная земля и мягкая пашня начали играть все большую и большую роль въ хозяйствѣ. Какъ-бы то ни было, уже въ этотъ допередѣльный періодъ мы встрѣчаемъ притязанія на землю не только въ тѣхъ границахъ, гдѣ соха «ходитъ», но и въ тѣхъ, гдѣ она «ходила», а вмѣстѣ съ тѣмъ и стремленіе распорядиться своимъ правомъ не только при жизни, но и послѣ смерти, посредствомъ завѣщанія. Не только фактъ приложенія труда въ настоящемъ, но и фактъ приложенія его въ прошломъ сталъ являться основаніемъ для власти надъ землею, освящавшейся нерѣдко народнымъ правосознаніемъ.

Мнѣ кажется,—пишетъ Качоровскій, желая объяснить это явленіе,—что основаніе права на землю у обработавшаго ее, собственно говоря, совершенно аналогично съ правомъ родителей на ихъ ребенка. Какъ ребенокъ

---

*) Ф. Щербина „Заимочное право". (Издат. „Народный трудъ", сборникъ XI-й).

есть органическая и функціональная часть организма отца и матери, есть матеріальная частица ихъ тѣлъ, такъ и *земля въ обработанномъ видѣ относится къ земледѣльцу, какъ сѣмя къ пригоршнѣ, есть матеріальная частица его, ибо она заключаетъ въ себѣ въ превращенной формѣ часть энергіи его организма*... На этомъ-то болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что обработанная земля неотъемлемо принадлежитъ обработавшему ее, такъ какъ въ нее *неотдѣлимо включена частица его самого*, и основывалось трудовое право на землю, существовавшее едва ли не у всѣхъ народовъ въ извѣстный, по крайней мѣрѣ, періодъ ихъ исторіи; это право, собственно, вполнѣ теоретически всѣми признаваемое и въ настоящее время, съ особенной ясностью выступаетъ именно въ захватный періодъ,—когда земельныя права только зарождаются и складываются *).

Приводя это объясненіе, считаю не лишнимъ обратить вниманіе на характерное совпаденіе подчеркнутыхъ авторомъ строкъ съ нѣкоторыми опредѣленіями, относящимися къ частной собственности, которыя были приведены мною выше. Напомню хотя бы выраженіе Вирта, что «вещь есть нѣкоторымъ образомъ часть нашей личности, продолженное «я»; или опредѣленіе, данное личной собственности В. М. Черновымъ, разсматривающимъ ее, какъ бы «гордое выступленіе человѣческой личности за границы своей собственной индивидуальной природы». Дѣло, конечно, не въ объясненіяхъ и опредѣленіяхъ, а въ томъ, что и по существу право на землю, основанное на правѣ труда, имѣетъ общія черты съ правомъ личной собственности. «Право труда или, точнѣе, право затраченнаго труда,—говоритъ г. Качоровскій въ другомъ своемъ изслѣдованіи,—проникнуто личнымъ началомъ и представляетъ собою индивидуалистическое право» **). И это, я думаю, вполнѣ понятно: трудъ—атрибутъ личности, и это его свойство съ особою силою должно сказываться въ строѣ индивидуальнаго хозяйства. Если право на землю, складывавшееся въ средѣ крестьянства подъ сильнымъ вліяніемъ трудового начала, не пріобрѣло еще въ его правосознаніи личнаго характера, то этимъ до извѣстной степени мы, несомнѣнно, обязаны тому, что основной хозяйственной ячейкой является семья,—хотя и маленькая, но все же корпорація. Само же по себѣ народное правосознаніе,—говоритъ г. Качоровскій,—«поскольку оно исходитъ изъ одного только права затраченнаго труда, не только не представляетъ ступени къ высшему идеалу обобществленія и коллективизма, но скорѣе отходитъ дальше въ сторону отъ него».

Резюмируя социально-политическое значеніе права труда,—продолжаетъ онъ,—можно, мнѣ кажется, сказать, что оно прежде всего глубоко демократично, но не коллективистично. Вошедшее прочно въ народное правосознаніе право затратившаго трудъ и на орудія, и на продуктъ труда, развитое до логическаго конца, несомнѣнно даетъ нѣкотораго рода идеалъ „освобожденія труда“ отъ всякаго нетрудового права, т. е. отъ всякой эксплуатаціи его хищническимъ государствомъ и капитализмомъ. Но отрицая нетру-

*) „Русская община“, т. I, стр. 119 и 120.

**) „Народное право“, стр. 131.

довое строеніе давящей его соціальной пирамиды, чистое и голое право затраченнаго труда замѣнило бы, если бы побѣдило, эту пирамиду своеобразнымъ царствомъ необъединеннаго, раздробленнаго труда, господствомъ, такъ сказать, равенства безъ братства, какимъ-то особеннымъ видомъ жесткаго, суроваго, противообщественнаго анархизма. А главное, смогло ли бы оно побѣдить? *).

Въ этомъ послѣднемъ приходится больше, чѣмъ сомнѣваться.. Кромѣ соображеній, которыя приводитъ по этому случаю г. Качоровскій, можно было бы указать цѣлый рядъ другихъ. Приведу одно, наиболѣе, по моему мнѣнію, существенное. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, можно установить «право затратившаго трудъ»?—особенно теперь, при мѣновомъ строѣ хозяйства, когда каждый продуктъ и каждое орудіе представляетъ результатъ труда множества лицъ, чуть ли не всего человѣчества? Какимъ образомъ это право можетъ быть установлено, въ частности, по отношенію къ землѣ, надъ обработкой которой трудился цѣлый рядъ поколѣній?—по отношенію къ землѣ, которая при данномъ хозяйственномъ строѣ даетъ «незаработанное приращеніе», именуемое земельной рентой? Не будетъ ли при такихъ условіяхъ всякое индивидуальное право, основанное на затраченномъ трудѣ, завѣдомо необоснованнымъ и даже завѣдомо неправымъ? И побѣда трудового права въ индивидуальной его формѣ надъ такимъ же нетрудовымъ правомъ не окажется ли въ силу этого только—въ силу смѣшенія одного съ другимъ—невозможной?

Между тѣмъ индивидуальное право, разъ возникши, стремится конечно, стать неограниченнымъ,—сдѣлаться въ конечномъ счетѣ правомъ собственности. Я уже упомянулъ, что даже въ захватный періодъ землепользованія и въ эпоху безраздѣльнаго почти господства натуральнаго хозяйства наблюдается стремленіе распорядиться этимъ правомъ не только при жизни, но и послѣ смерти. Тѣмъ сильнѣе это стремленіе можетъ быть теперь, когда въ народную жизнь привносится много элементовъ такого же индивидуальнаго, но вовсе уже не трудового права **)...

Надо сказать, что въ крестьянской средѣ правовыя воззрѣнія,

*) Ibid. стр. 160.

**) Какъ я уже сказалъ, мнѣ не хотѣлось бы въ этой части статьи полемизировать. И въ данномъ мѣстѣ я не сдѣлаю исключенія; позволю лишь себѣ выразить надежду, высказавъ ее словами К. Р. Качоровскаго, а именно „что у извѣстной части крайней лѣвой активность не затемнитъ критицизма и она во время твердо ухватится не за тотъ рычагъ, который соблазняетъ внѣшними эффектами революціонности, кружитъ голову программной, чисто словесной „максимальностью“ и покоряетъ сердце филантропическими надеждами на быстрое утоленіе народныхъ страданій, но который вмѣстѣ съ тѣмъ разбилъ бы всѣ эти иллюзіи, ибо отклонилъ бы движеніе отъ *высшаго* и *чистаго* типа коллективизма къ низшему его типу и даже отчасти къ укрѣпленію индивидуализма,—а за тотъ единственный вѣрный рычагъ, гдѣ принципъ коллективизма всего шире, глубже, чище и полнѣе“... („Народное право“, стр. 163).

основанныя на затратѣ труда, очень сильны *). И если бы даже въ народную жизнь вовсе не привносилось другихъ началъ индивидуальнаго права, то эти воззрѣнія, логически развиваясь въ томъ направленіи, въ какомъ ихъ развитіе шло до сихъ поръ, сами по себѣ привели бы въ концѣ концовъ къ установленію личной собственности на землю. Если же этого не случилось, то благодаря тому только, что въ народной жизни оказалось другое правообразующее начало, направлявшее развитіе земельнаго права въ противоположную сторону,—не въ сторону индивидуализма, а въ сторону коллективизма.

К. Р. Качоровскій называетъ это начало «правомъ на трудъ». Суть въ томъ, что индивидуальная власть надъ вещью не только стремится сдѣлаться неограниченной, но и дѣлается въ концѣ концовъ, если не является таковой уже съ самаго начала, неравной. Захватное или заимочное право на землю уже при возникновеніи своемъ оказывается именно таковымъ, неравнымъ: это право работоспособнаго и оно тѣмъ больше, чѣмъ индивидуумъ сильнѣе, чѣмъ онъ выносливѣе. Но это первоначальное неравенство ограничено все-таки извѣстными предѣлами. Оно становится однако—по крайней мѣрѣ, можетъ становиться—все значительнѣе по мѣрѣ того, какъ увеличивается роль накопленнаго труда въ хозяйственной жизни. Сохой больше можно вспахать земли, чѣмъ вскопать голыми руками, съ двумя лошадьми—больше, чѣмъ съ одной. Неравенство можетъ сдѣлаться еще болѣе значительнымъ, когда право на землю опредѣляется уже не только прилагаемымъ въ данное время трудомъ, но и вообще, когда бы то ни было затраченнымъ. Оно, наконецъ, можетъ достигнуть очень крупныхъ размѣровъ, когда въ правѣ на землю учитываются трудовыя затраты не только даннаго лица, но и его предковъ, когда право становится наслѣдственнымъ... Какъ бы то ни было, при захватномъ способѣ землепользованія это неравенство очень скоро начинаетъ чувствоваться. Когда же находящаяся въ обладаніи общины земля окажется вся захваченной, то оно отливается въ острую форму: появляется цѣлый рядъ лицъ, которыя не могутъ вполнѣ использовать своихъ силъ, и даже такихъ, которымъ не къ чему приложить ихъ. Внутри об-

*) Во избѣжаніе недоразумѣній считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ по адресу „проницательнаго читателя“. Я вовсе не предлагаю занять по отношенію къ этимъ воззрѣніямъ просто отрицательную позицію. Напротивъ, я полагаю, что въ вопросахъ практической политики—при построеніи партійной платформы—съ ними нужно очень внимательно считаться. Больше того: я думаю, что ихъ можно и должно использовать, и притомъ не только въ качествѣ сильнаго средства въ очередной борьбѣ трудового крестьянства съ помѣстнымъ сословіемъ, но и въ интересахъ—объ этомъ я еще буду говорить—нашей конечной цѣли, въ интересахъ коллективизма. Я возражаю лишь противъ того, чтобы искать свой идеалъ въ томъ направленіи, въ какомъ эти воззрѣнія развивались до сихъ поръ,—въ направленіи индивидуальнаго права.

щины разгорается борьба—борьба между тѣми, кто основываетъ свое право на трудѣ въ прошломъ, и тѣми, кто отстаиваетъ свое право трудиться въ будущемъ. Если коллективность жива, то она уничтожаетъ право труда и возстановляетъ право на трудъ. На мѣсто захватной формы землепользованія возникаетъ передѣльно-уравнительная.

Трудно, быть можетъ, сказать, нарождается-ли въ данномъ случаѣ новое право или оживаетъ старое. Представляетъ ли передѣлъ непосредственный результатъ борьбы двухъ заинтересованныхъ силъ и побѣды той изъ сторонъ, которая неизбѣжно почти становится все болѣе многочисленной? или, кромѣ непосредственныхъ интересовъ, здѣсь дѣйствуютъ и другія, менѣе видныя силы, заставляющія соглашаться на передѣлъ даже тѣхъ, кому онъ явно не выгоденъ? Сказывается ли въ этомъ случаѣ свойственное всякому соціальному существу сознаніе, что всѣ члены коллективности имѣютъ равное право на жизнь, или оживаютъ воспоминанія, что землею всѣ сообща завладѣвали и всѣ ее сообща защищали? Такъ или иначе, но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ начало, которое ведетъ къ установленію или возрожденію коллективной власти надъ землею. «Въ противность праву затраченнаго труда, являющемуся въ зависимости отъ формы владѣнія и производства, то личнымъ, то коллективнымъ началомъ,—говоритъ К. Р. Качоровскій,—право на трудъ, по самому существу своему, коллективно» *).

Надо, однако, сказать, что исторія вообще и у насъ, въ частности, въ Россіи не очень благопріятствовала развитію этого коллективнаго начала въ народныхъ воззрѣніяхъ. Коллективность, какъ таковая, сохранилась лишь въ самыхъ низахъ народной жизни, въ формѣ мелкихъ общинъ, да и тѣ должны были жить и развиваться подъ сильнымъ давленіемъ индивидуальной власти чиновника или барина. Всѣ болѣе широкія коллективности оказались дезорганизованными государствомъ, получившимъ рѣзко выраженный централистическій характеръ. На это были, конечно, свои причины,—и въ числѣ ихъ наиболѣе видную, быть можетъ, роль, какъ мнѣ приходилось уже указывать **), сыграла необходимость отстаивать свою территорію отъ вторженія иноплеменниковъ. Сохранивъ и доведя до высшей напряженности право верховнаго обладанія надъ нею, государство растеряло почти всѣ остальныя права на землю. Произошло это тѣмъ незамѣтнѣе и легче, что народное правосознаніе вовсе почти не участвовало въ созданіи правовыхъ нормъ, при посредствѣ которыхъ проявляла себя государственная коллективность.

Но и въ низахъ народной жизни коллективное право на землю не могло развиваться свободно. Я не буду останавливаться на

*) „Народное право“, стр. 171.

**) См. „Програмные вопросы“, вып. II. „Историческія предпосылки“.

условіяхъ, которыя этому препятствовали. Достаточно, я думаю, въ этомъ случаѣ напомнить, что въ общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ оно, несомнѣнно, лучше сохранилось и дальше подвинулось въ своемъ развитіи, чѣмъ въ общинахъ, бывшихъ помѣщичьихъ. Такъ или иначе, но и въ общинѣ коллективное право на землю далеко не вездѣ успѣло отлиться въ форму постоянно и регулярно дѣйствующаго института. Въ большинствѣ случаевъ оно дошло до нашихъ дней въ видѣ періодически возрождающагося и потомъ какъ бы опять замирающаго права.

Каждый количественно-качественный передѣлъ, — говоритъ г. Качоровскій, — вырываетъ съ корнемъ личное право труда, а затѣмъ это право труда съ каждой вспашкой, посѣвомъ, съ каждой телѣгой навоза и т. д. снова пускаетъ корни. Всѣ „держатели" надѣловъ, которымъ выгодно данное распредѣленіе земли, снова прирастаютъ къ своимъ надѣламъ, и новый передѣлъ лишь съ усиліемъ, съ болью и борьбой, отрываетъ опять эти корни личнаго права труда, съ тѣмъ, чтобы сейчасъ же опять началось новое ихъ прорастаніе *).

Въ дѣйствительности эта борьба между личнымъ и коллективнымъ правомъ гораздо сложнѣе, чѣмъ ее изображаетъ въ данномъ случаѣ г. Качоровскій: въ нее привходитъ много другихъ элементовъ и вмѣшивается много другихъ силъ, обыкновенно не въ пользу коллективности. Напомню хотя бы законъ, воспретившій частные передѣлы и тѣмъ, въ сущности, лишившій общину права дѣйствовать въ качествѣ постояннаго института. Тѣмъ же закономъ, какъ извѣстно, общіе передѣлы ограничены минимальнымъ срокомъ и поставлены подъ контроль земскихъ начальниковъ. Коллективному праву разрѣшено, можно сказать, оживать не иначе, какъ только разъ въ теченіе 12-лѣтняго срока, да и то съ дозволенія начальства, воспитаннаго въ атмосферѣ личной собственности и незнающаго другихъ авторитетовъ, кромѣ личной власти. Напомню, далѣе, насильственное разрушеніе общины, которое спѣшно производится на нашихъ глазахъ и которое имѣетъ совершенно очевидную цѣль искоренить во что бы то ни стало въ народномъ сознаніи коллективное право на землю.

Удастся ли этотъ послѣдній походъ,—сказать, конечно, пока трудно. Но до сихъ поръ воззрѣнія на землю, какъ на коллективную собственность, очень сильны еще въ народѣ. Они сказались, вѣдь, не только въ томъ, что сохранили общину отъ распада, развили этотъ институтъ у государственныхъ крестьянъ и возродили его во многихъ случаяхъ у бывшихъ помѣщичьихъ; сказались они и въ тѣхъ мечтахъ о «черномъ передѣлѣ», о «всеобщемъ поравненіи», которымъ такъ долго жило крестьянство; сказались они,—притомъ съ неожиданною для многихъ силою,—и въ послѣднемъ народномъ движеніи. Послѣ того, что мы уже пережили

*) „Русская община", т. I, стр. 317.

и видѣли, я думаю, не можетъ быть сомнѣнія, что при возникновеніи демократически-организованныхъ коллективностей въ Россіи, они, несомнѣнно, сдѣлаютъ попытку въ той или иной формѣ возстановить свое право на землю.

Конечно, коллективному праву придется вынести упорную борьбу съ личнымъ, но у насъ не можетъ быть никакихъ колебаній, на сторону котораго изъ нихъ мы должны встать: мы должны употребить всѣ усилія, чтобы дать перевѣсъ первому. Больше того: мы должны сдѣлать все возможное, чтобы оно установилось въ видѣ постоянно и регулярно дѣйствующаго института, а не ожило только на одинъ моментъ, чтобы опять замереть на долго. Не забудемъ главной задачи, которая стоитъ передъ нами.

Какъ, въ какой формѣ лучше всего осуществить равное право всѣхъ на землю?—таковъ вопросъ, которымъ я началъ настоящую главу. Думаю, что даже та поверхностная экскурсія, которую мы совершили въ исторію поземельныхъ отношеній даетъ намъ отвѣтъ. Въ прошломъ равенство всѣхъ достигалось лишь при помощи коллективной власти надъ землею.

О настоящемъ я упоминалъ лишь мимоходомъ, но мы должны и въ него внимательно всмотрѣться...

(Окончаніе слѣдуетъ).

На-дняхъ я обратился въ редакцію газетъ со слѣдующимъ письмомъ:

„Свѣдѣнія объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность пока очень скудны. Офиціальныхъ публикацій до сихъ поръ нѣтъ, а газетныя сообщенія сравнительно немногочисленны и отрывочны. Между тѣмъ фактическихъ данныхъ объ этомъ крайне важномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до-нельзя сложномъ процессѣ, какъ я имѣлъ возможность убѣдиться во время недавней поѣздки, имѣется въ жизни уже много. Горячо интересуясь ходомъ этого дѣла, я рѣшаюсь обратиться настоящимъ письмомъ ко всѣмъ лицамъ, располагающимъ свѣдѣніями о немъ и не имѣющимъ почему либо возможности использовать ихъ печатно, съ покорнѣйшею просьбою сообщить ихъ по нижеуказанному адресу. Въ числѣ другихъ крайне были бы желательны сообщенія по слѣдующимъ вопросамъ:

а) размѣры движенія въ той или иной мѣстности по укрѣпленію надѣльной земли въ личную собственность и его исторія: б) формы, въ какихъ происходитъ это укрѣпленіе и способы, какими оно осуществляется; в) мѣры, предпринимаемыя администраціей, чтобы вызвать и ускорить движеніе; г) на сколько сознательно относится крестьянство къ укрѣпленію земли и именно въ личную собственность; не было ли крутыхъ переломовъ въ его настроеніи; д) какіе слои крестьянства являются сторонниками и противниками укрѣпленія и какими соображеніями они руководятся; е) борьба между ними, ея формы и средства (моральныя и матеріальныя, юридическія и хозяйственныя); ж) послѣдствія укрѣпленія общинной земли и замѣны подворнаго владѣнія личной собственностью (соціально экономическія и культурно-хозяйственныя; въ общественныхъ

и семейныхъ отношеніяхъ и т. д.); з) отношеніе къ укрѣпленію надѣльной земли другихъ слоевъ мѣстнаго населенія, а также мѣстныхъ дѣятелей и учрежденій.

Заранѣе приношу свою благодарность за всякое сообщенное свѣдѣніе, будетъ ли то цифра или документъ, конкретный фактъ или обобщенное наблюденіе, цѣльная картина или отдѣльная черточка...

Полученныя свѣдѣнія я постараюсь использовать въ своихъ литературныхъ работахъ, а также въ докладахъ, гдѣ представится возможность таковые сдѣлать.

Корреспонденцію прошу направлять на мое имя по адресу: *С.-Петербургъ, Широкая д. 16* или черезъ редакцію „Русскаго Богатства".

Нѣтъ сомнѣнія, что среди нашихъ читателей найдется не мало лицъ, которыя не только съ интересомъ но и съ тревогой слѣдятъ, за дѣйствіемъ указа 9 ноября, какъ и вообще за всей аграрной политикой правительства. И я надѣюсь, что они не откажутся подѣлиться свѣдѣніями и матеріалами, которыми располагаютъ.

А. Пѣшехоновъ.

Три случая.

(Письмо изъ Балашовскаго уѣзда).

Законъ 9 ноября 1906 года о выдѣленіи изъ общины и укрѣпленіи земельныхъ надѣловъ въ личную собственность за отдѣльными домохозяевами начинаетъ мало-по-малу проникать въ жизнь крестьянской общины, внося въ нея не малыя осложненія. Съ требованіемъ объ укрѣпленіи земельныхъ надѣловъ обращаются къ обществамъ «души» ревизскія, наличныя и *мертвыя* (!),—надо думать тоже интересующіяся улучшеніемъ сельскаго хозяйства... Вслѣдствіе того, что нѣкоторыя «души» значатся записанными въ семейныхъ спискахъ сельскихъ обществъ, цѣлыми вереницами тянутся онѣ сюда изъ далекой Сибири—съ цѣлью не поселенія и образованія хозяйства, а чтобы какъ-нибудь и сколько возможно «сорвать» съ прежняго общества. Такіе хозяева въ большомъ количествѣ, обращаются къ обществамъ но, когда имъ разъясняютъ, что требованія объ укрѣпленіи земли могутъ предъявлять лишь домохозяева, *фактически* пользующіеся надѣлами, они возвращаются въ свои уже насиженныя новыя мѣста, ругая себя за непроизводительные расходы на дальнюю поѣздку.

Не лучшій сортъ «отрубныхъ» хозяевъ представляютъ собою нерѣдко и домохозяева осѣдлые, т. е. фактически пользующіеся своими надѣлами и заявившіе желаніе о выдѣленіи изъ общиннаго землепользованія...

Было бы въ высокой степени интересно и поучительно прослѣдить, какъ совершается процессъ этого «исхода» изъ общины и насильственнаго ея разрушенія, вызванный закономъ 9 ноября,—при какой бытовой обстановкѣ, при какомъ отношеніи и крестьянскаго міра, являющагося въ данномъ случаѣ «лицомъ потерпѣвшимъ», и властей его опекающихъ, идетъ насажденіе въ деревнѣ началъ личной земельной собственности и хозяйства на отрубныхъ участкахъ.

Не претендуя на выполненіе такой задачи, мы хотѣли бы привести нѣсколько данныхъ, освѣщающихъ одинъ маленькій уголокъ общей картины. Разскажемъ 3 случая, относящіеся къ одному уѣзду — Балашовскому, Саратовской губерніи. Чтобы быть объективнѣе, постараемся говорить языкомъ подлинныхъ документовъ, находящихся въ нашихъ рукахъ. Документы эти очень характерны; поэтому мы приводимъ ихъ почти цѣликомъ, извиняясь предъ читателемъ за неизбѣжную при этомъ сухость изложенія. Мы даемъ только матеріалъ. Когда такіе матеріалы накопятся, найдутся люди, которые сумѣютъ сдѣлать изъ нихъ обобщающіе выводы.

Первый случай относится къ Свинухинскому сельскому обществу (знаменитому своимъ «союзомъ истинно-русскихъ людей»). Здѣсь оказалось цѣлыхъ 168 душъ (изъ 500 м. п.), пожелавшихъ выдѣлиться изъ, общины, хотя, увы, среди нихъ едва ли есть хоть одинъ домохозяинъ, способный вести «отрубное» хозяйство.

Дѣло о выдѣленіи свинухинскихъ крестьянъ изъ общины интересно еще вотъ съ какой стороны: домохозяева, желающіе укрѣпить за собою землю, требуютъ надѣленія ихъ тѣми надѣлами, какими они пользовались до передѣла всей земли въ прошломъ 1906 году. Разница въ этомъ случаѣ очень большая, какъ въ количествѣ «душъ», такъ и причитающихся на нихъ долей. По передѣлу до 1906 года на каждую наличную мужского пола душу причиталось земли во всѣхъ трехъ поляхъ $18^1/_2$ саж., а по передѣлу въ 1906 году — 14 саж. Въ общемъ послѣдній передѣлъ уменьшилъ количество долей во всѣхъ трехъ поляхъ почти на десятину.

Чтобы устранить несправедливое требованіе будущихъ «отрубныхъ» хозяевъ, уполномоченные свинухинскаго общества Евгеній Томинъ и Григорій Катасановъ 23-го августа 1907 года подали мѣстному земскому начальнику докладную записку, въ которой подробно излагаютъ соображенія, по которымъ они считаютъ неправильнымъ желаніе просителей получить въ личную собственность землю въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они пользовались ею *до* общаго передѣла 1906 г.

Приводимъ эти соображенія полностью:

«1) На основаніи ст. 3, отд. I Высочайшаго указа отъ 9 ноября 1906 года,—говорятъ просители—въ обществахъ, въ коихъ были передѣлы надѣльной земли, за каждымъ сдѣлавшимъ заявленіе домохозяиномъ укрѣпляются въ личную собственность всѣ участки общинной

земли, которые предоставлены ему обществомъ въ постоянное, впредь до слѣдующаго общаго передѣла, пользованіе. До 1906 года у насъ было два передѣла, на срокъ по 12 лѣтъ каждый, а въ 1906 году съ парового поля земля подѣлена была вновь на тотъ же срокъ, по приговору отъ 23 мая того же года № 5 § 17. Въ составленіи этого приговора, а также въ передѣлѣ земли и фактическомъ пользованіи своими долями по новому передѣлу участвовали всѣ тѣ лица, кои заявляютъ теперь объ укрѣпленіи за ними надѣльной земли въ личную собственность. Такимъ образомъ этотъ послѣдній передѣлъ, фактически осуществленный въ минувшемъ 1906 году, долженъ служить показателемъ размѣра пользованія, и только въ этомъ количествѣ земельные надѣлы могутъ быть укрѣплены въ личную собственость за отдѣльными домохозяевами. Это положеніе, кромѣ приведенной 3 ст. Высочайшаго указа, подтверждается ст. 5-ю того же указа, гдѣ довольно ясно оговорено: «постоянныя доли въ угодьяхъ опредѣляются въ томъ размѣрѣ, въ какомъ домохозяева, заявившіе желаніе перейти отъ общиннаго владѣнія къ личному, пользуются означенными угодьями ко времени подачи такого заявленія». Передѣлъ по приговору отъ 23 мая 1906 года фактически совершенъ не только до подачи просителями заявленія, но ранѣе изданія самаго закона о правѣ выдѣленія изъ общиннаго землепользованія.

«2) Приговоръ сельскаго схода отъ 23 мая 1906 года о передѣлѣ общественной земли на новый 12-лѣтній срокъ приведенъ былъ въ исполненіе ранѣе утвержденія его уѣзднымъ съѣздомъ, а именно: передѣлъ фактически былъ произведенъ въ томъ же 1906 году, начиная съ парового поля, а приговоръ былъ утвержденъ 13 іюля сего года, когда вся земля была уже передѣлена. Словомъ—фактическое владѣніе по новому передѣлу осуществлено всѣми домохозяевами за цѣлый годъ впередъ до заявленія просителей о выходѣ изъ общиннаго землепользованія.

«Требованіе объ укрѣпленіи за просителями того количества долей, коимъ они пользовались до передѣла земли въ 1906 году, основано главнымъ образомъ на томъ, что приговоръ объ условіяхъ передѣла вступаетъ въ силу лишь по провѣркѣ его на мѣстѣ земскимъ начальникомъ и утвержденіи уѣзднымъ съѣздомъ, а заявленіе объ укрѣпленіи за ними земли подано ранѣе утвержденія приговора,—поэтому они и считаютъ передѣлъ, состоявшійся въ 1906 году, для себя необязательнымъ.

«На этотъ единственный и главный доводъ просителей объ укрѣпленіи за ними земли въ количествѣ, коимъ пользовались они до передѣла въ 1906 году, мы считаемъ необходимымъ возразить слѣдующее: проведеніе въ жизнь закона о передѣлахъ мірской земли, между прочимъ, вызвало со стороны правительствующаго сената вотъ какое разъясненіе: мірскіе приговоры о передѣлѣ земли, въ установленномъ порядкѣ составленные, могутъ быть

исполняемы немедленно по постановленіи и записи ихъ въ указанную 57 ст. общ. полож. книгу, если не будутъ пріостановлены въ своемъ исполненіи по особому распоряженію учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ (Рѣш. прав. сен. 1 февраля 1891 года № 706). Свинухинское общество привело въ исполненіе приговоръ отъ 23 мая 1906 года о передѣлѣ земли на новый 12-тилѣтній срокъ до утвержденія его уѣзднымъ съѣздомъ, во 1-хъ, потому, что условія передѣла были одинаковы съ прежними (земля во всѣхъ случаяхъ дѣлилась по наличнымъ мужского пола душамъ); во 2-хъ, въ томъ же 1906 г. оканчивался срокъ прежняго передѣла; въ 3-хъ, никто не жаловался и не протестовалъ противъ передѣла, и въ 4-хъ, никто изъ начальства не предупреждалъ общество, чтобы приговоръ не приводился въ исполненіе впредь до его утвержденія.

«Впослѣдствіи, хотя и годъ спустя, приговоръ все-таки былъ утвержденъ безъ всякаго измѣненія, т. е. срокомъ на 12 лѣтъ, считая таковой со 2-й половины 1906 года, съ каковаго срока фактически пользуются надѣлами по новому передѣлу всѣ домохозяева, въ томъ числѣ и просители.

«Домогаться теперь измѣненія доставшихся по передѣлу долей никто не имѣетъ права, впредь до новаго передѣла.

«Таковой, по крайней мѣрѣ, порядокъ установленъ закономъ о передѣлахъ мірской земли.

«3) Если приведенныхъ выше доводовъ недостаточно для отклоненія домогательства нашихъ общественниковъ, требующихъ укрѣпленія за ними надѣловъ по передѣлу до 1906 года, то мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе вашего высокоблагородія на заявленія ихъ, написанное на имя сельскаго старосты отъ 5 іюня и помѣченное сверху 8 іюня. Повидимому, заявленіе это какъ будто подано было сельскому старостѣ до утвержденія приговора съѣздомъ о передѣлѣ земли на новый срокъ, т. е. до 13 іюля; между тѣмъ, какъ объясняетъ староста Чепрасовъ, ни 8 іюня, ни впослѣдствіи онъ лично заявленія письменнаго ни отъ кого не получалъ, и о содержаніи таковаго ему сдѣлалось извѣстнымъ на сельскомъ сходѣ, состоявшемся 22 іюля, на которомъ обсуждался этотъ вопросъ по предложенію волостного старшины.

«По приведенному выше высочайшему указу ст. 6 отд. 1, требованіе крестьянъ объ укрѣпленіи за ними земли въ личную собственность обусловлено подачею заявленія не кому другому, а только сельскому старостѣ. Въ этомъ случаѣ временемъ подачи заявленія надо считать то число, когда стало извѣстнымъ его содержаніе сельскому старостѣ, а по объясненію послѣдняго, оно сдѣлалось ему извѣстнымъ только на сельскомъ сходѣ 22 іюля, т. е. послѣ утвержденія приговора о передѣлѣ. Кромѣ того, тому заявленію, которое имѣется при дѣлѣ, и по внѣшней формѣ и содержанію его нельзя придавать никакого значенія. По однимъ

внѣшнимъ признакамъ мы глубоко сомнѣваемся въ томъ, чтобы заявленіе это было написано 5 іюня и подано кому-то 8 іюня. Кромѣ очевидной приписки внизу: «Іюня 5-го 1907 г.», невольнымъ образомъ наше вниманіе остановилось на томъ, что такая важная и срочная бумага не записана въ книгу входящихъ бумагъ и сверхъ того оставалась неизвѣстною для должностного лица, на имя коего она адресована. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, невольнымъ образомъ приводятъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что заявленіе это написано и передано для пріобщенія къ дѣлу послѣ утвержденія приговора о передѣлѣ земли, т. е. послѣ 13 іюля. Мы подозрѣваемъ, что съ чьей-то стороны въ этомъ случаѣ проявлено особое усердіе, достойное не только порицанія, но и кары по суду. Точно также нельзя признать заявленіе дѣйствительнымъ и соотвѣтствующимъ приведенной выше 6 ст. указа по самому содержанію его. Заявленіе, какъ значится въ заголовкѣ, написано отъ лицъ «нижеподписавшихся», между тѣмъ подписано оно однимъ только лицомъ—Львомъ Семикинымъ, а остальные просто поименованы въ спискѣ. Между тѣмъ, по подсчету, произведенному нами, однихъ грамотныхъ домохозяевъ значится въ спискѣ 57. Кромѣ того, въ тотъ же списокъ и въ число «нижеподписавшихся» вошли лица умершія (Игнатъ Васильевъ Ларіоновъ, Петръ Евстратовъ Клишинъ, Козьма Федоровъ Семикинъ), отсутствующія и непользовавшіяся землею (Анафрій Корастылевъ, Сергѣй Александровъ Подосинниковъ) и сверхъ того въ тотъ же списокъ внесены домохозяева безъ ихъ вѣдома и согласія (Иванъ Ивановъ Горсковъ, Фролъ Евтѣевъ Сгибневъ). Такимъ образомъ оказывается, что описанное завленіе по содержанію его можно признать написаннымъ отъ одного лишь «нижеподписавшагося» Льва Семикина, а по отношенію къ остальнымъ оно не имѣетъ никакого значенія и составляетъ изъ себя плодъ разстроеннаго воображенія одного Семикина. Впослѣдствіи только послѣдній сталъ именовать себя уполномоченнымъ отъ лицъ, изъявившихъ желаніе укрѣпить за собою надѣлы

«и 4) въ заключеніе всего мы не можемъ не указать здѣсь и вотъ на какую неправильность: по списку, составленному при заявленіи Львомъ Семикинымъ, значилось всѣхъ домохозяевъ 138; впослѣдствіи это число было уменьшено до 114, а теперь въ списокъ, представленный Вашему Высокоблагородію, внесено 168 домохозяевъ. Такимъ образомъ оказывается очевиднымъ несоблюденіе порядка, установленнаго въ приведенной выше 6 ст. указа, т. е. многіе домохозяева не заявляли своего требованія ни сельскому старостѣ, ни обществу».

Уполномоченные сельскаго общества просили земскаго начальника: всѣ выставленные ими «доводы провѣрить на мѣстѣ и затѣмъ постановить опредѣленіе объ отказѣ всѣмъ домохозяевамъ, поименованнымъ въ представленномъ (земскому начальнику)

спискѣ, въ укрѣпленіи за ними въ личную собственность надѣльной земли въ размѣрѣ и количествѣ душъ по передѣлу до 1906 года».

Эту записку земскій начальникъ «пріобщилъ къ дѣлу» и мѣсяцъ спустя—составилъ постановленія объ укрѣпленіи за всѣми просившими домохозяевами надѣльной земли не въ размѣрѣ *фактическаго владѣнія*, какъ это требуется закономъ 9 ноября—а въ размѣрѣ прежняго пользованія *до* послѣдняго передѣла 1906 года.

Въ постановленіяхъ этихъ, составленныхъ на каждаго домохозяина отдѣльно, земскій начальникъ ни однимъ словомъ не обмолвился по поводу протеста со стороны общества.

Уполномоченные общества обжаловали постановленія земскаго начальника уѣздному съѣзду. По количеству постановленій и жалобъ подано 168,—всѣ одинаковаго содержанія. Приводимъ одну изъ нихъ, касающуюся крестьянина Мячина. За нимъ укрѣплено было изъ общиннаго пользованія въ личную собственность, по разсчету на 3 души, 7 дес. 1500 саж. полевой земли и сверхъ того участки: лѣса, огорода, луговъ, выгона и усадьбы. Постановленіе это просители считали неправильнымъ и просили отмѣнить по слѣдующимъ основаніямъ.

«1) За мѣсяцъ впередъ,—объясняютъ они,—до составленія означеннаго постановленія, мы представили г. земскому начальнику докладную записку, въ которой изложили подробно свои соображенія и доводы, основанныя на высочайшемъ указѣ, отъ 9 ноября 1906 года, по поводу несправедливаго домогательства нашихъ односельчанъ, въ томъ числѣ и просителя Мячина укрѣпить за ними землю, не состоящую въ ихъ фактическомъ владѣніи и въ размѣрѣ гораздо большемъ, чѣмъ слѣдуетъ. Споръ, заявленный нами отъ имени общества, подлежалъ разрѣшенію по существу, но г. земскій начальникъ, въ явное отступленіе отъ порядка, установленнаго 6-ю статьею приведеннаго указа, оставилъ нашу записку безъ разсмотрѣнія. Считая излишнимъ повторять въ настоящей жалобѣ всѣ тѣ соображенія, кои изложены нами въ докладной запискѣ, мы ходатайствуемъ предъ съѣздомъ потребовать послѣднюю отъ г. земскаго начальника и по разсмотрѣніи возвратить ему дѣло обратно, для провѣрки приведенныхъ нами доводовъ на мѣстѣ и составленія соотвѣтствующаго постановленія, согласно требованія закона, выраженнаго въ приведенной 6 ст. Одно разрѣшеніе заявленнаго нами спора, въ смыслѣ утвердительномъ для общества, устранитъ потребность въ составленіи самого постановленія объ укрѣпленіи земли въ личную собственность. Въ данномъ дѣлѣ, проситель Мячинъ и другіе *заинтересованы*, главнымъ образомъ, *не въ самомъ актѣ укрѣпленія, а въ корыстномъ стремленіи заполучить въ свою пользу землицы побольше, чѣмъ въ дѣйствительности слѣдуетъ*.

«2) Къ доводамъ, представленнымъ нами въ докладной запискѣ г. земскому начальнику, мы признаемъ необходимымъ добавить

слѣдующее: а) требованіе каждаго крестьянина объ укрѣпленіи за нимъ надѣльной земли въ личную собственность обусловлено подачею заявленія сельскому старостѣ (ст. 6 указа). Этимъ заявленіямъ, въ виду возможности столкновенія ихъ съ новымъ передѣломъ общинной земли, придано особое значеніе со стороны учрежденій, надзирающихъ за правильнымъ проведеніемъ въ жизнь новаго закона. По этому поводу послѣдовало подробное разъясненіе со стороны саратовскаго губернскаго присутствія, которое признало необходимымъ для сельскихъ обществъ заносить заявленія въ особую книгу въ порядкѣ ихъ предъявленія. (Журн. постан. присут. отъ 12 іюня 1907 года за № 391). Никакого заявленія сельскому старостѣ отъ просителя Мячина не поступало, а его вмѣстѣ съ другими (живыми, мертвыми и отсутствующими) внесъ въ списокъ односелецъ Левъ Семикинъ, въ одномъ лицѣ подписавшійся подъ заявленіемъ. Это заявленіе и списокъ, якобы поданные старостѣ 8-го іюня, сдѣлались извѣстными, какъ тому же старостѣ, такъ обществу, одновременно, на сельскомъ сходѣ, состоявшемся 22 іюля сего года, послѣ провѣрки и утвержденія приговора о новомъ передѣлѣ общинной земли. То же самое заявленіе не только не внесено въ особую книгу, а не записано и во входящую, куда записываются всѣ бумаги, поступающія къ сельскому старостѣ. Въ докладной запискѣ мы представили г. земскому начальнику болѣе или менѣе ясныя доказательства тому, что составленное однимъ Львомъ Семикинымъ заявленіе написано заднимъ числомъ. При томъ же убѣжденіи мы остаемся и въ настоящее время. А сдѣлано все это съ тою цѣлью, чтобы доказать подлежащему начальству, что съ требованіемъ своимъ объ укрѣпленіи земли въ личную собственность обратились просители къ обществу гораздо ранѣе утвержденія приговора о передѣлѣ земли на новый 12-тилѣтній срокъ. Приговоръ о новомъ передѣлѣ, въ копіи представленной при докладной запискѣ г. земскому начальнику, былъ составленъ 23 мая 1906 года, а утвержденъ уѣзднымъ съѣздомъ 13-го іюля сего года и б) при повѣркѣ приговора о новомъ передѣлѣ никто не заявлялъ на сельскомъ сходѣ о желаніи укрѣпить за собою землю въ личную собственность. Между тѣмъ домохозяева, желающіе при общемъ передѣлѣ выйти изъ общины обязаны заявить о томъ не позднѣе повѣрки передѣльнаго приговора земскимъ начальникомъ. Такія заявленія разсматриваются и разрѣшаются уѣздными съѣздами одновременно съ передѣльными приговорами. Въ такомъ именно смыслѣ послѣдовало разъясненіе со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, выраженное въ циркулярѣ г. саратовскаго губернатора отъ 29 іюля сего года за № 53. Приговоръ сельскаго схода отъ 23 мая 1906 года утвержденъ уѣзднымъ съѣздомъ безъ всякихъ измѣненій и одно утвержденіе его въ такомъ видѣ достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что со стороны просителя Мячина никакого заявленія при провѣркѣ приговора сдѣлано не было, поэтому

и не можетъ быть рѣчи объ укрѣпленіи за нимъ земли въ размѣрѣ, коимъ онъ пользовался до новаго передѣла до 1906 года.

«3) Согласно точному смыслу указа 9 ноября 1906 года (отд. I ст. 2, 3, 7 и 16), разъясненнаго циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, отъ 12 апрѣля 1907 года за № 24, укрѣпленію подлежатъ тѣ самые, опредѣленные въ натурѣ, участки (полосы), которые состоятъ (а не состояли) въ дѣйствительномъ пользованіи переходящихъ къ личному владѣнію крестьянъ. Всѣ крестьяне нашего общества, въ томъ числѣ и проситель Мячинъ въ настоящее время фактически пользуются участками полевой земли, отведенными каждому по передѣлу въ 1906 году въ размѣрѣ 14 саж. въ каждомъ изъ трехъ полей на наличную мужского пола душу (1 дес. 1800 кв. саж.). По постановленію же г. земскаго начальника отъ 20 сентября за просителемъ Мячинымъ укрѣплена полевая земля не по фактическому владѣнію, а по воображаемому праву пользованія согласно прежняго передѣла, бывшаго въ 1894 году въ размѣрѣ 18½ саж. на каждую душу (и во всѣхъ трехъ поляхъ 2 дес. 750 саж.). Въ доказательство того, что въ дѣйствительномъ пользованіи всѣхъ крестьянъ состоитъ первое количество полевой земли, мы представляемъ копію съ удостовѣренія мѣстнаго сельскаго старосты за № 299. Такимъ образомъ одно укрѣпленіе за просителемъ Мячинымъ полевой земли въ размѣрѣ не дѣйствительнаго пользованія, какъ недозволенное приведенными указомъ отъ 9 ноября 1906 года и послѣдовавшими разъясненіями, должно имѣть своимъ послѣдствіемъ безусловную отмѣну обжалуемаго постановленія г. земскаго начальника

«и 4) при передѣлѣ земли самимъ обществомъ, участки (доли въ поляхъ) распредѣляются всегда крайне равномѣрно, но г. земскій начальникъ, укрѣпляя землю не по дѣйствительному, а лишь воображаемому праву пользованія, отступилъ отъ этого порядка. Въ этомъ случаѣ стоитъ только поверхностно просмотрѣть списокъ всѣхъ отчужденцевъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что количество душъ и размѣръ полевой земли большинства домохозяевъ опредѣлялись по личному благоусмотрѣнію самихъ домохозяевъ, иначе говоря: «сколько кому Богъ на душу полагалъ». За названнымъ въ сей жалобѣ просителемъ Мячинымъ укрѣплено полевой земли на 3 души 7 десят. 1500 саж. (по передѣлу въ 1894 году онъ пользовался на 3 души, по расчету 18½ саж. на каждую, 6 десят. 2250 саж.); между тѣмъ за ближайшимъ сосѣдомъ по списку (№ 69) Гавриломъ Семикинымъ на то же количество душъ укрѣплено полевой земли 6 десят. 1175 саж. Такая значительная разница, не имѣвшая никогда мѣста при передѣлахъ земли обществомъ, получилась отъ того, что укрѣпляемая земля не состояла въ дѣйствительномъ пользованіи просителя. *Послѣдній фактически пользуется теперь на одну душу 1 десят. 1800 саж.*»

Если читатель обратитъ вниманіе на послѣдній пунктъ при-

веденной жалобы,—ему ясно будетъ, какое значеніе для выдѣляемыхъ имѣлъ успѣхъ ихъ предпріятія. Крестьянинъ Мячинъ получилъ *въ собственность* въ 4 раза болѣе того, что слѣдовало ему по передѣлу во временное пользованіе. То, что выигрывали предпріимчивые люди, терялъ «міръ». Но его дѣла обрѣтались «не въ авантажѣ»...

Жалоба, поданная, по законному порядку, чрезъ того же земскаго начальника, на котораго приносилась—такъ же, какъ и первоначальное прошеніе, была пріобщена къ дѣлу и надолго тамъ застряла. Вышла-ли она на свѣтъ Божій теперь,—мы не знаемъ. Уполномоченные твердо рѣшились довести дѣло до вершинъ іерархической лѣстницы вѣдающихъ крестьянское дѣло учрежденій, но добьются-ли они осуществленія своего права—мудрено гадать.

Совершенно однородный со свинухинскимъ случай имѣлъ мѣсто въ селѣ Ивановкѣ 2-й (9-го земскаго участка). Здѣсь заявленіе о выдѣлѣ подали 4 домохозяина.

Крестьяне с. Ивановки, такъ же, какъ и свинухинцы, по истеченіи 12-тилѣтняго срока, передѣлили вновь землю на все наличное населеніе мужескаго и женскаго пола, иначе говоря, на ѣдоковъ. Три раза отмѣнялись съѣздомъ приговоры о новомъ передѣлѣ по формальнымъ нарушеніямъ. Четвертый приговоръ, составленный 3 іюня 1907 г., провѣренный на мѣстѣ земскимъ начальникомъ и послѣднимъ допущенный къ исполненію, т. е. къ фактическому передѣлу, спокойно хранился цѣлые мѣсяцы въ канцеляріи земскаго начальника,—а можетъ быть, и донынѣ тамъ хранится. Какъ бы то ни было, благодаря тому, что приговоръ, по винѣ земскаго начальника, не былъ еще утвержденъ съѣздомъ,—за крестьянами укрѣплена была земля не по фактическому размѣру пользованія, а по прежнему передѣлу. Разница въ этомъ случаѣ въ пользу отрубныхъ хозяевъ оказалось очень значительная. Уполномоченные отъ Ивановскаго общества въ жалобѣ уѣздному съѣзду указали на отступленіе отъ порядка, установленнаго указомъ 9 ноября—укрѣплять землю въ предѣлахъ фактическаго владѣнія—и кромѣ того на приведенное въ жалобѣ уполномоченныхъ Свинухинскаго общества разъясненіе минист. вн. дѣлъ, по которому заявленія объ укрѣпленіи должны быть сдѣланы не позднѣе провѣрки приговора о новомъ передѣлѣ. Ивановцы подѣлили землю, не выжидая разрѣшенія вопроса уѣзднымъ съѣздомъ, но съ разрѣшенія земскаго начальника. А теперь послѣдній указываетъ на законъ, по которому передѣлять землю вновь позволительно только по утвержденіи приговора уѣзднымъ съѣздомъ. Словомъ, въ дѣлѣ укрѣпленія надѣловъ за крестьянами Ивановскаго общества допущены тѣ же нарушенія, какія отмѣчены и въ Свинухинскомъ обществѣ. И здѣсь очевидно стремленіе «во что бы то ни стало укрѣпить».

хотя бы съ явнымъ отступленіемъ отъ какого-бы то ни было порядка.

Жалоба уполномоченныхъ Ивановскаго общества также не разрѣшена пока съѣздомъ.

Третій случай, на которомъ мы хотѣли бы остановиться, имѣлъ мѣсто въ деревнѣ Лунинной, Ольгинской волости. Этотъ случай еще характернѣе обоихъ описанныхъ выше. Лунинскіе «благоразумные» собственники съ помощью начальства умудрились укрѣпить за собою землю совершенно на особый ладъ, едва-ли еще имѣвшій гдѣ-нибудь мѣсто.

До 1907 года Лунинское общество пользовалось надѣльною землею по наличнымъ мужского пола душамъ. Въ этомъ году истекъ двѣнадцатилѣтній срокъ передѣла и надо было подѣлить землю вновь. Въ такихъ случаяхъ дѣлается всюду такъ: изъ списка исключаются всѣ умершіе за 12 лѣтъ члены общества, пользовавшіеся землею, а вмѣсто нихъ вносятся вновь родившіеся. Лунинскіе «міроѣды», съ помощью всякаго рода неправильностей, до подлоговъ включительно, повернули дѣло о передѣлѣ на свой ладъ. По приговору общества отъ 29 августа 1907 года, какъ будто большинствомъ двухъ третей домохозяевъ, порѣшено было подѣлить землю на ревизскія души, т. е. по переписи 1857 года. Самый приговоръ писался не на сельскомъ сходѣ, а гдѣ-то за угломъ, безъ участія старосты. И вотъ такого рода приговоръ, благодаря простой оплошности заинтересованныхъ крестьянъ, не опротестовавшихъ его своевременно передъ уѣзднымъ съѣздомъ, былъ послѣднимъ утвержденъ.

Приговоры сельскихъ обществъ о передѣлѣ земли, по утвержденіи ихъ уѣзднымъ съѣздомъ, считаются окончательными и обращаются къ немедленному исполненію. Въ порядкѣ надзора жалобы на опредѣленія уѣзднаго съѣзда приносятся чрезъ губернское присутствіе въ правительствующій сенатъ.

Когда получилось извѣстіе объ утвержденіи незаконнаго приговора, лунинскіе крестьяне, не «міроѣды», были поражены, какъ громомъ. Съ цѣлью возстановить незаконнымъ образомъ попранныя права общества, обиженные и обдѣленные крестьяне, въ числѣ 26 домохозяевъ, принесли 10 ноября жалобу чрезъ саратовское губернское присутствіе въ сенатъ. Приводимъ здѣсь эту жалобу цѣликомъ.

«Постановленіемъ Балашовскаго уѣзднаго съѣзда, отъ 14 октября сего года, — пишутъ жалобщики — утвержденъ приговоръ сельскаго схода Лунинскаго общества, составленный 29 августа за № 21, о передѣлѣ вновь на 12-лѣтній срокъ общинной земли на ревизскія души, взамѣнъ существовавшаго 12 лѣтъ раздѣла по наличнымъ душамъ. Постановленіе уѣзднаго съѣзда и

самый приговоръ сельскаго схода мы считаемъ неправильнымъ и подлежащимъ отмѣнѣ по слѣдующимъ основаніямъ:

«1) Закономъ 1893 г. о передѣлахъ мірской земли, обществу предоставлено распредѣлять дѣлимую землю, между прочимъ, и на ревизскія души, но разъ земля была уже подѣлена по наличнымъ душамъ и всѣ члены общества пользовались равномѣрно своими надѣлами въ продолженіе 12-лѣтняго періода, то возвратъ къ передѣлу земли вновь на ревизскія души (въ большинствѣ отошедшія въ вѣчность), нельзя не признать отступленіемъ отъ закона. Возвратъ такого рода къ передѣлу земли на несуществующія души, равносиленъ и обезземеленію многихъ наличныхъ членовъ общества, и крайне неравномѣрному распредѣленію земельныхъ надѣловъ. Изъ приговора общества отъ 29 августа за № 21 видно, что по прежнему передѣлу, въ продолженіе 12 лѣтъ землею пользовались 294 наличныхъ души, а вновь порѣшено подѣлить на 137 ревизскихъ душъ. При такомъ расчетѣ несомнѣнно подвергнуты или полному обезземеленію, или крайне неравномѣрному распредѣленію многіе члены общества, не имѣющіе въ своихъ семьяхъ ревизскихъ душъ. Такого рода порядка не допускаетъ основной законъ, относящійся до общиннаго пользованія мірской землею (п. 6 ст. 51 общ. пол. и рѣш. правит. сената отъ 4 ноября 1883 г. № 3488 и 8 января 1888 г. № 31). По этому закону общество не вправѣ обезземеливать тѣхъ изъ своихъ членовъ, кои пользовались уже землею по приговору общества.

«2) Одновременно съ утвержденіемъ приговора отъ 29 августа за № 21, уѣзднымъ съѣздомъ разсмотрѣнъ и отмѣненъ приговоръ нашего общества, составленный о томъ же передѣлѣ земли 10 іюня за № 16 (дѣло уѣзднаго съѣзда № 562). Не выждавъ разсмотрѣнія и разрѣшенія уѣзднымъ съѣздомъ приговора 10 іюня, общество составило новый приговоръ 29 августа и также представило его въ уѣздный съѣздъ. Такого рода порядокъ составленія приговоровъ противорѣчитъ основному закону, выраженному въ общемъ полож. о крестьянахъ, а въ данномъ случаѣ второй приговоръ составленъ съ явнымъ отступленіемъ отъ порядка, установленнаго правилами 1893 г. о передѣлахъ мірской земли (прилож. къ ст. 51 п. 6 допол. ст. 7 на прод. 1893 г.). Новый приговоръ объ условіяхъ передѣла могъ быть составленъ вновь только въ томъ случаѣ, когда послѣдовалъ бы отказъ со стороны съѣзда въ утвержденіи перваго приговора, съ указаніемъ обществу причинъ его неутвержденія. Въ приговорѣ отъ 29 августа ровно ничего не сказано о томъ, что таковой былъ составленъ имъ взамѣнъ или въ дополненіе приговора отъ 10 іюня.

«3) Приговоръ отъ 29 августа за № 21, провѣренный на мѣстѣ земскимъ начальникомъ и утвержденный съѣздомъ съ формальной стороны, составленъ съ большими отступленіями отъ закона,

чѣмъ приговоръ отъ 10 іюня, въ утвержденіи коего отказано. Очевидныя отступленія отъ закона, допущеныя, съ формальной стороны, въ приговорѣ отъ 29 августа, по коимъ онъ не долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ,—суть слѣдующія: а) изъ текста самого приговора видно, что сельскій сходъ 29 августа собранъ былъ сельскимъ старостою Сидоромъ Панкратовымъ, а составленный приговоръ удостовѣренъ подписью другого старосты, Якова Егорова, заступившаго на мѣсто перваго на другой день послѣ написанія приговора, т. е. 30 числа.

«Объ этомъ замѣщеніи и времени его можно видѣть изъ представленія земскаго начальника уѣздному съѣзду за № 1980, въ копіи при семъ представляемаго. Въ числѣ лицъ, приносящихъ жалобу, состою, между прочимъ, и я, Сидоръ Панкратовъ, бывшій сельскій староста, уволенный отъ должности 30 августа,—и удостовѣряю, что наканунѣ своего увольненія отъ должности, т. е. 29 августа, никакого сельскаго схода по моему распоряженію собрано не было, что доказывается отсутствіемъ моей подписи на приговорѣ: замѣстившій же меня, Панкратова, староста Егоровъ не имѣлъ права подписывать приговора, составленнаго наканунѣ допущенія его къ обязанностямъ сельскаго старосты. Такого рода приговоръ, какъ составленный съ явнымъ отступленіемъ отъ 52 ст. общ. пол., разъясненной рѣшеніемъ сената отъ 11 декабря 1884 г. за № 5355, не долженъ имѣть законной силы. На это отступленіе отъ закона почему-то не было обращено вниманія ни уѣзднымъ съѣздомъ, утвердившимъ приговоръ, ни земскимъ начальникомъ, провѣрявшимъ его; б) изъ числа 83 домохозяевъ, записанныхъ въ приговоръ общества и въ томъ же количествѣ провѣренныхъ на мѣстѣ г. земскимъ начальникомъ, оказалось: 55 домохозяевъ, согласныхъ подѣлить землю на ревизскія души, а 28—несогласныхъ. Если принять въ разсчетъ это количество домохозяевъ, то и тогда одного домохозяина нехватаетъ до полныхъ двухъ третей. На самомъ же дѣлѣ, количество домохозяевъ, внесенныхъ въ приговоръ, а впослѣдствіи и провѣренный списокъ господина земскаго начальника, значительно преувеличено. Въ числѣ домохозяевъ, напримѣръ, и по приговору, и по списку, значатся: вдова Марія Оськина (51), дѣвицы: Прасковья Оськина (52) и Акулина Пончакова (53); эти три лица не владѣли никогда землею и не имѣютъ въ нашемъ обществѣ ни усадьбы, ни хозяйства, въ чемъ можно убѣдиться изъ представляемаго удостовѣренія мѣстнаго сельскаго старосты. По закону (ст. 47 общ. пол. и рѣш. прав. сената отъ 23 марта 1883 г. за № 5337) лица эти не могутъ считаться въ числѣ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ. Одно исключеніе изъ приговора поименованныхъ трехъ лицъ, ошибочно внесенныхъ въ приговоръ и провѣренный списокъ, уменьшитъ количество домохозяевъ, согласныхъ на передѣлъ земли по ревизскимъ душамъ до 52, противъ 28 несогласныхъ; в) во

время составленія приговора, 29 августа и провѣрки его на мѣстѣ г. земскимъ начальникомъ, 5 октября, восемь домохозяевъ, записанныхъ въ провѣрочный списокъ въ число 55 согласныхъ, содержались въ Балашовской тюрьмѣ, отбывая наказаніе по суду, а именно: Платонъ Михайловъ (1), Степанъ Зимницкій (2), Семенъ Романовъ (15), Тимофей Селивановъ (18), Тихонъ Селивановъ (19), Тимофей Еремииъ (23), Ксенофонтъ Зайцевъ (37) и Алексѣй Овчаровъ (44). Это обстоятельство удостовѣряется сельскимъ старостою въ названномъ выше удостовѣреніи. За нахожденіемъ въ тюрьмѣ, никто изъ поименованныхъ лицъ не могъ участвовать ни на сходѣ 29 августа, ни при провѣркѣ приговора г. земскимъ начальникомъ 5 октября. Между тѣмъ, одинъ одинъ изъ нихъ, Семенъ Романовъ (15), значится въ приговорѣ, въ числѣ домохозяевъ, участвовавшихъ на сельскомъ сходѣ, а затѣмъ они всѣ внесены въ повѣрочный списокъ г. земскимъ начальникомъ, какъ лица, лично участвовавшія при провѣркѣ приговора и подтвердившія составленіе послѣдняго. Изъ всего этого усматривается, что приговоръ сельскаго схода провѣрялся на мѣстѣ господиномъ земскимъ начальникомъ не такъ, какъ того требуетъ законъ о передѣлахъ мірской земли (прилож. къ ст. 51 п. 6 допол. ст. 6 по продол. 1893 года; г) вмѣсто домохозяевъ, содержавшихся въ тюрьмѣ, въ приговорѣ сельскаго схода записаны семейные ихъ: за Платона Михайлова — Марфа Михайлова (жена), Степана Зимницкаго— Аксинья Зимницкая (жена), Тимофея Селиванова — Акулина Селиванова (жена), Тараса Селиванова—Наталья Селиванова (жена), Тимофея Еремина—Наталья Еремина (мать), Ксенофонта Зайцева—Прокопій Зайцевъ (малолѣтній сынъ) и Алексѣя Овчарова—Екатерина Овчарова (жена). По закону (ст. 47 общ. полож.) домохозяевамъ, имѣющимъ право участвовать на сходѣ, въ случаѣ болѣзни, отлучки, вообще невозможности явиться на сходъ, *не воспрещается посылать* вмѣсто себя кого либо изъ членовъ своего семейства. Могли-ли послать своихъ женъ, мать и сына поименованныя выше лица, содержавшіяся въ тюрьмѣ за 60 верстъ отъ мѣста жительства, могло быть выяснено лишь путемъ провѣрки приговора на мѣстѣ, но этого обстоятельства г. земскій начальникъ не только не выяснилъ, а, наоборотъ, записалъ въ провѣренный списокъ домохозяевъ, якобы лично участвовавшихъ и при провѣркѣ, и самомъ составленіи приговора. Кромѣ того на практикѣ, въ жизни сельской общины, участіе женщинъ на сельскихъ сходахъ возможно встрѣтить исключительно отъ тѣхъ домохозяйствъ, гдѣ женщина состоитъ во главѣ семьи и правитъ хозяйствомъ. По крайней мѣрѣ, въ нашемъ обществѣ, не было никогда случая, чтобы жена замѣняла своего мужа на сходѣ по какимъ-бы то ни было вопросамъ. Въ этомъ случаѣ внесеніе въ приговоръ поименованныхъ женъ вмѣсто мужей допущено въ явное нарушеніе приведенной 47 ст.; и д) значущійся въ спискѣ г. земскаго началь-

ника въ числѣ согласныхъ, подъ № 25, Кузьма Романовъ, а въ приговорѣ общества жена его Аксинья Романова, лѣтъ 15 не живутъ въ нашемъ обществѣ и не были въ послѣднемъ, какъ во время составленія приговора, такъ и провѣрки послѣдняго г. земскимъ начальникомъ. Это обстоятельство оставшееся не провѣреннымъ со стороны г. земскаго начальника удостовѣряется сельскимъ старостою, въ представляемомъ удостовѣреніи. Точно также ошибочно внесенъ въ списокъ и Василій Ивановъ (№ 3), не проживающій въ нашемъ обществѣ и не бывшій на мѣстѣ при провѣркѣ приговора.

«На основаніи изложеннаго мы покорнѣйше просимъ губернское присутствіе настоящую жалобу нашу представить въ правительствующій сенатъ, а предъ послѣднимъ мы ходатайствуемъ постановленіе уѣзднаго съѣзда отъ 14 октября отмѣнить. До разрѣшенія настоящей нашей жалобы правительствующимъ сенатомъ мы просимъ губернское присутствіе сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы приговоръ сельскаго схода, отъ 29 августа, какъ постановленный съ явнымъ отступленіемъ отъ закона, былъ пріостановленъ исполненіемъ. Ноября 10 дня 1907 года».

Предстоящими весною и лѣтомъ лунинцы должно будутъ подѣлить землю по ревизскимъ душамъ, а вслѣдъ затѣмъ отъ крестьянъ-«міроѣдовъ», сугубо надѣленныхъ землею, послѣдуютъ заявленія о выходѣ изъ общины и укрѣпленіи надѣловъ въ личную собственность. Въ сенатѣ едва-ли будетъ разрѣшена принесенная жалоба ранѣе года. А до того времени возможно будетъ и передѣлить и укрѣпить землю. Представьте себѣ, что то и другое успѣютъ крестьяне осуществить, а жалобу сенатъ признаетъ правильною. Несомнѣнно и передѣлъ, и укрѣпленія рушатся, и у лунинцевъ начнется междоусобица, которая потянется на много лѣтъ...

Въ продолженіе всего 1907 года по Балашовскому уѣзду создано, пока номинально, до 400 отрубныхъ хозяевъ. Но до сихъ сихъ поръ мы не знаемъ въ средѣ новыхъ собственниковъ дѣйствительныхъ сельскихъ хозяевъ, стремящихся улучшить сельско-хозяйственное дѣло. Выходцы стремятся лишь къ тому, какъ бы побольше захватить землицы и продать свои пайки другимъ лицамъ.

Заранѣе нельзя предрѣшать, какъ пойдетъ эта распродажа, но въ нѣкоторыхъ обществахъ продать землю будетъ нелегко. Истинные общинники намѣрены бойкотировать продавцовъ. Послѣдніе надѣятся больше всего на крестьянскій банкъ, полагая запродать или заложить свои пайки туда. Недалекое будущее выяснитъ насколько такіе разсчеты основательны.

Алексѣй Петровъ.

В. Мякотинъ.

Наброски современности.

XI.

О политикѣ и культурной работѣ.

[illegible]

устройства желаетъ она для Россіи. Но въ сущности между строкъ сенатскаго указа явственно проглядываетъ другой аргументъ, сводящійся къ тому, что легализованы могутъ быть лишь партіи, въ своихъ стремленіяхъ идущія не дальше такихъ «конституціонныхъ и демократическихъ началъ», которыя не противорѣчатъ существующимъ въ настоящій моментъ порядкамъ. Въ связи съ этимъ вполнѣ понятенъ и другой аргументъ противъ легализаціи к.-д. партіи, приводимый сенатомъ и заключающійся въ указаніи на «характеръ дѣятельности, проявленной уже сообществомъ лицъ, именующихъ себя партіей народной свободы». За два съ половиной года своего существованія к.-д. партія успѣла далеко отойти вправо отъ занятыхъ было ею первоначально позицій, успѣла сдѣлать много уступокъ и проявить весьма большую гибкость. За это время она перешла отъ попытокъ союза съ лѣвыми партіями къ рѣшительной и страстной враждѣ противъ нихъ, отъ заявленій о необходимости борьбы съ старымъ строемъ—къ настойчивымъ попыткамъ соглашенія съ его представителями. И тѣмъ не менѣе въ глазахъ администраціи и выразителя ея желаній—сената—«характеръ дѣятельности, проявленной сообществомъ лицъ, именующихъ себя партіей народной свободы», является непреоборимымъ препятствіемъ для легализаціи к.-д. партіи и лишаетъ послѣднюю всякой возможности разсчитывать на признаніе за нею правительствомъ права на существованіе.

Своимъ рѣшеніемъ, обращающимъ конституціонно-демократическую партію въ нелегальную организацію, сенатъ лишній разъ недвусмысленно подчеркнулъ тенденцію правительственной политики, стремящейся возстановить прежнее положеніе вещей, при которомъ въ странѣ не допускалось существованія никакихъ политическихъ организацій, преслѣдующихъ цѣли, несогласныя съ видами и намѣреніями правительства. Въ моментъ подъема народнаго движенія эта тенденція нѣсколько ослабѣла и ее считали нужнымъ хотя бы до нѣкоторой степени прикрывать. Но теперь, когда народное движеніе затихло и реакція считаетъ за собою рѣшительную побѣду, та же самая тенденція проявляется въ совершенно откровенномъ видѣ и передъ населеніемъ страны самымъ рѣшительнымъ образомъ закрываются всѣ пути, ведущіе къ организаціи общественныхъ силъ въ цѣляхъ политической дѣятельности. И даже к.-д. партія, столько разъ старавшаяся доказать свою умѣренность и такъ усердно отгораживающаяся отъ всѣхъ лѣвыхъ группъ, оказывается недопустимой въ рамкахъ насаждаемаго г. Столыпинымъ «представительнаго строя» и соотвѣтственно этому лишается права на легальное существованіе.

Въ этой политикѣ, несомнѣнно, есть свой смыслъ и своя последовательность. Стараясь создать и упрочить побѣду реакціи надъ рвущимся къ свободѣ народомъ, естественно стремиться удерживать народъ въ состояніи разрозненной «людской пыли», а, идя

Наброски современности.

XI.

О политикѣ и культурной работѣ.

Не такъ давно въ газетахъ былъ опубликованъ любопытный документъ, въ высокой мѣрѣ характерный для переживаемаго нами момента. Документъ этотъ представляетъ собою сенатскій указъ, изданный въ результатѣ жалобы нѣсколькихъ членовъ центральнаго комитета конституціонно-демократической партіи на отказъ петербургскаго городского по дѣламъ объ обществахъ присутствія зарегистрировать названную партію. Какъ сообщается въ этомъ указѣ, сенатъ, разсмотрѣвъ дѣло объ отказѣ въ легализаціи к.-д. партіи, нашелъ, что «по смыслу ст. 21 временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ въ уставѣ общества, подлежащаго регистраціи, должна быть точно означена его цѣль. Между тѣмъ указанная въ представленномъ въ с.-петербургское особое городское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе проектѣ устава общества «партія народной свободы» цѣль: «утвержденіе государственнаго строя россійской монархіи на конституціонныхъ и демократическихъ началахъ», по общности и неопредѣленности своей, не можетъ быть признана соотвѣтствующей вышеприведенному требованію ст. 21 временныхъ правилъ объ обществахъ и союзахъ, такъ какъ подъ понятіе монархіи «на конституціонныхъ и демократическихъ началахъ» могутъ быть подведены весьма многочисленные и различные виды государственнаго устройства». «Признавая въ виду сего, что означенная неясность цѣли, въ связи съ характеромъ дѣятельности, проявленной уже обществомъ лицъ, именующихъ себя «партіей народной свободы», въ достаточной мѣрѣ оправдываетъ отказъ присутствія въ регистраціи упомянутаго общества», сенатъ опредѣлилъ жалобу на этотъ отказъ «оставить безъ послѣдствій» *).

Итакъ, конституціонно-демократическая партія не могла получить легализаціи уже потому, что не потрудилась указать въ проектѣ своего устава, какой именно желаетъ она «монархіи на конституціонныхъ и демократическихъ началахъ», а между тѣмъ подъ это понятіе «могутъ быть подведены весьма многочисленные и различные виды государственнаго устройства». Это, конечно, не совсѣмъ точно, такъ какъ относительно конституціонно-демократической партіи слишкомъ хорошо извѣстно, какого государственнаго

*) „Рѣчь", 8 марта 1908 г.

устройства желаетъ она для Россіи. Но въ сущности между строкъ сенатскаго указа явственно проглядываетъ другой аргументъ, сводящійся къ тому, что легализованы могутъ быть лишь партіи, въ своихъ стремленіяхъ идущія не дальше такихъ «конституціонныхъ и демократическихъ началъ», которыя не противорѣчатъ существующимъ въ настоящій моментъ порядкамъ. Въ связи съ этимъ вполнѣ понятенъ и другой аргументъ противъ легализаціи к.-д. партіи, приводимый сенатомъ и заключающійся въ указаніи на «характеръ дѣятельности, проявленной уже сообществомъ лицъ, именующихъ себя партіей народной свободы». За два съ половиной года своего существованія к.-д. партія успѣла далеко отойти вправо отъ занятыхъ было ею первоначально позицій, успѣла сдѣлать много уступокъ и проявить весьма большую гибкость. За это время она перешла отъ попытокъ союза съ лѣвыми партіями къ рѣшительной и страстной враждѣ противъ нихъ, отъ заявленій о необходимости борьбы съ старымъ строемъ—къ настойчивымъ попыткамъ соглашенія съ его представителями. И тѣмъ не менѣе въ глазахъ администраціи и выразителя ея желаній—сената—«характеръ дѣятельности, проявленной сообществомъ лицъ, именующихъ себя партіей народной свободы», является непреоборимымъ препятствіемъ для легализаціи к.-д. партіи и лишаетъ послѣднюю всякой возможности разсчитывать на признаніе за нею правительствомъ права на существованіе.

Своимъ рѣшеніемъ, обращающимъ конституціонно-демократическую партію въ нелегальную организацію, сенатъ лишній разъ недвусмысленно подчеркнулъ тенденцію правительственной политики, стремящейся возстановить прежнее положеніе вещей, при которомъ въ странѣ не допускалось существованія никакихъ политическихъ организацій, преслѣдующихъ цѣли, несогласныя съ видами и намѣреніями правительства. Въ моментъ подъема народнаго движенія эта тенденція нѣсколько ослабѣла и ее считали нужнымъ хотя бы до нѣкоторой степени прикрывать. Но теперь, когда народное движеніе затихло и реакція считаетъ за собою рѣшительную побѣду, та же самая тенденція проявляется въ совершенно откровенномъ видѣ и передъ населеніемъ страны самымъ рѣшительнымъ образомъ закрываются всѣ пути, ведущіе къ организаціи общественныхъ силъ въ цѣляхъ политической дѣятельности. И даже к.-д. партія, столько разъ старавшаяся доказать свою умѣренность и такъ усердно отгораживающаяся отъ всѣхъ лѣвыхъ группъ, оказывается недопустимой въ рамкахъ насаждаемаго г. Столыпинымъ «представительнаго строя» и соотвѣтственно этому лишается права на легальное существованіе.

Въ этой политикѣ, несомнѣнно, есть свой смыслъ и своя послѣдовательность. Стараясь создать и упрочить побѣду реакціи надъ рвущимся къ свободѣ народомъ, естественно стремиться удерживать народъ въ состояніи разрозненной «людской пыли», а, идя

въ этомъ направленіи, нельзя останавливаться на половинѣ дороги. Но любопытно, что въ то время, какъ власть старательно загораживаетъ общественнымъ силамъ доступъ къ политической дѣятельности, въ рядахъ самого прогрессивнаго общества порою также проявляется своеобразное стремленіе отойти отъ политики. За послѣднее время въ нашей періодической печати довольно часто раздаются голоса, утверждающіе, что полоса увлеченія политикой въ народной жизни теперь должна смѣниться и смѣняется, дѣйствительно, полосой культурной работы, и настойчиво зовущіе живыя силы общества отдаться этой «культурной работѣ». Но, не смотря на всю настойчивость этихъ призывовъ, истинный ихъ смыслъ остается въ значительной мѣрѣ туманнымъ, и понять, чего именно желаютъ публицисты, восхваляющіе въ настоящій моментъ важность и преимущества культурной работы, порою бываетъ нѣсколько трудно.

Правда, это можно сказать не обо всѣхъ публицистахъ, считающихъ нужнымъ говорить о необходимости и пользѣ «культурной работы». Среди нихъ есть, по крайней мѣрѣ, одинъ, слова и мысли котораго совершенно ясны, ясны до полной прозрачности. Такой ясностью отличаются именно разсужденія одного изъ сотрудниковъ «Рѣчи», г. Леонида Галича, регулярно обогащающаго названную газету своеобразными политико-философскими размышленіями и пожелавшаго сказать свое слово и по поводу внезапно всплывшаго вопроса о пользѣ культурной работы. «Когда я слышу—пишетъ г. Галичъ—о культурной работѣ въ томъ узкомъ, мелкомъ, кружковомъ смыслѣ, въ какомъ она у насъ проповѣдуется, мнѣ дѣлается и скучно, и стыдно. Когда насъ призываютъ къ этой работѣ, это значитъ въ двухъ словахъ вотъ что: учите, создавайте коопераціи, секретарствуйте въ профессіональныхъ союзахъ, словомъ, отказавшись отъ роли, исполняемой въ Европѣ «мѣщанами», — идите просвѣщать массы. Призывъ къ «культурѣ» есть призывъ къ просвѣтительству, а отнюдь не къ той широкой работѣ, къ тому размаху трудовой жизни, какими строилась культура на Западѣ. Въ Европѣ такъ,—у насъ иначе. Тамъ «мѣщанство», а у насъ—«просвѣтительство». Еще одна отрыжка славянофильства! Еще одна изъ фантастичныхъ нашихъ утопій, скучнѣйшая и прозаичнѣйшая вдобавокъ!.. Конечно, это вовсе не значитъ, что не нужно просвѣщать массу, что не нужно ни союзовъ, ни школъ, ни артелей, ни рабочихъ секретаріатовъ. Все это нужно: даже больше: необходимо. Нелѣпо только дѣтское обольщеніе, что, жужжа объ этихъ маленькихъ средствицахъ, каждый день рекомендуя ихъ публикѣ, во-первыхъ, увлечешь общество и собьешь его съ «мѣщанской» дороги въ свѣтлое учительство съ секретарствомъ, а во-вторыхъ, что, даже если собьешь, то, словно рычагомъ грузъ, подымешь государство къ культурѣ». За то самъ г. Галичъ знаетъ иную, вѣрную дорогу къ культурѣ и охотно дѣлится своимъ знаніемъ. «Если правда,—говоритъ онъ—что нашъ обра-

зованный слой искренно стремится къ культурѣ, то пусть же онъ полюбитъ и то, что есть необходимая ея почва: религію труда и работы, восторгъ не только созерцательно-эстетическій, но и дѣйственный, практическій, созидательный. Пусть пойметъ, что просвѣщать массу не значитъ только—заводить школы, но еще больше—вовлекать ее въ трудъ, расширяя производство народное и талантливо руководя этимъ производствомъ. Еще вопросъ, что болѣе просвѣтительно: новая ли школа въ деревнѣ или новый заводъ рядомъ съ деревней? И возможно, что тотъ самый интеллигентъ, который шелъ въ учительство съ неохотой, ломая свои вкусы и склонности, окажется прекраснѣйшимъ инженеромъ, руководителемъ производства. До сихъ поръ, когда мы шли «въ дѣло», мы шли туда съ какой-то странной оглядкой, словно чѣмъ-то принижали себя. Пора понять, что это—ложное чувство, хотя, конечно, исторически объяснимое и, быть можетъ, въ своемъ родѣ возвышенное. Культура требуетъ отказа отъ диллетантства. Она требуетъ людей дѣла, не только въ узкой области просвѣщенія (и тамъ, конечно, диллетантамъ не мѣсто), но и рѣшительно во всѣхъ областяхъ, во всѣмъ слоямъ работы и сознанія. И когда мы разсуждаемъ о томъ, что мы изъ политической полосы вступаемъ въ полосу культурной работы, то это вовсе не отказъ отъ политики и отнюдь не проповѣдь просвѣтительства, а первый шагъ къ войнѣ съ диллетантствомъ, во имя трудового начала. Мы идемъ на «выучку къ капитализму», позаимствовать у него духъ серьезности» *).

Какъ видитъ читатель, для г. Галича дѣло обстоитъ, какъ нельзя болѣе просто. Мы, дѣйствительно, «изъ политической полосы вступаемъ въ полосу культурной работы», но для того, чтобы это вступленіе прошло благополучно, «нашъ образованный слой» долженъ перестать усматривать главную свою задачу въ просвѣтительствѣ народныхъ массъ, долженъ полюбить «религію труда и работы» и во имя этой любви выдѣлить изъ своей среды возможно большее количество инженеровъ и заводчиковъ въ цѣляхъ «руководительства народнымъ производствомъ». Такимъ путемъ мы пойдемъ «на выучку къ капитализму», и это будетъ настоящій путь «культурной работы». Мысль г. Галича ясна, но по существу ея ясность является лишь результатомъ ея безнадежной плоскости. И эта послѣдняя нисколько не уменьшается тѣмъ обстоятельствомъ, что къ своимъ совѣтамъ русской интеллигенціи не столько заботиться о просвѣщеніи народной массы, сколько «вовлекать ее въ трудъ» путемъ расширенія капиталистическаго производства, г. Галичъ зачѣмъ-то припутываетъ имя Бѣлинскаго. Отожествляя культуру съ капитализмомъ, г. Галичъ могъ бы поискать для себя другихъ, болѣе подходящихъ авторитетовъ и оста-

*) „Рѣчи“, 2 марта 1908 г.

вить въ покоѣ Бѣлинскаго, въ такомъ отожествленіи неповиннаго.

Во всякомъ случаѣ, когда къ «культурной работѣ» зоветъ русскую интеллигенцію г. Галичъ, практическій смыслъ его призыва достаточно ясенъ. Надо съ «дѣйственнымъ восторгомъ» строить фабрики и заводы, надо становиться инженерами и «руководителями народнаго производства» въ капиталистическихъ предпріятіяхъ, надо идти самимъ и вести народную массу «на выучку къ капитализму» или, точнѣе, на услуженіе къ капиталистамъ—вотъ работа, предлагаемая г. Галичемъ. И, если можно спорить о томъ, дѣйствительно ли она является «культурной работой», то на счетъ практической ея осуществимости не можетъ возникать никакихъ сомнѣній. Но иначе обстоитъ дѣло съ призывами къ культурной работѣ, когда они исходятъ отъ публицистовъ другого типа, нежели г. Галичъ, и когда въ самихъ этихъ призывахъ идетъ рѣчь о подлинной культурной работѣ, не подмѣниваемой никакимъ другимъ понятіемъ. Въ этихъ случаяхъ самый смыслъ настойчивыхъ совѣтовъ именно въ настоящій моментъ отдаться культурной работѣ, какъ чему-то, до извѣстной степени противоположному политикѣ, представляется, по меньшей мѣрѣ, неяснымъ. И прежде всего способно вызвать недоумѣніе уже самое противоположеніе культурной работы политической и пріуроченіе первой къ одному опредѣленному моменту. Съ одной стороны, казалось бы, политическая работа, способствуя подъему культурнаго уровня массъ, уже въ силу одного этого является неизбѣжною составною частью культурной работы. Съ другой стороны,—никому, конечно, не придетъ въ голову оспаривать необходимость культурной работы, но вѣдь такая необходимость существуетъ одинаково во всякое время.

Бываютъ, правда, въ жизни народовъ такіе моменты, когда эта необходимость ощущается особенно остро, а удовлетвореніе ея представляется наиболѣе возможнымъ и даетъ особенно плодотворные результаты. Подобные моменты наступаютъ въ народной жизни по преимуществу тогда, когда наиболѣе назрѣвшія нужды народа въ сферѣ политическихъ вопросовъ оказываются удовлетворенными и благодаря этому передъ нимъ открывается болѣе или менѣе широкій просторъ для развитія и практическаго примѣненія его умственной энергіи. Быть можетъ, мы переживаемъ именно такой моментъ? Но этотъ вопросъ звучитъ слишкомъ горькой проніей, чтобы его можно было ставить сколько-нибудь серьезно. Оглядываясь на окружающую насъ дѣйствительность, довольно мудрено найти въ ней условія, благопріятствующія культурной работѣ въ настоящемъ значеніи этого слова. Торжествующая реакція стремится до-нельзя затруднить живымъ общественнымъ силамъ всякую политическую дѣятельность, но та же самая реакція, съ ея точки зрѣнія вполнѣ послѣдовательно и логично, вооружается и противъ всѣхъ другихъ видовъ культурной работы, создавая для нихъ такую обстановку,

въ которой развивать ихъ далеко не такъ ужъ легко. И факты, рисующіе эту обстановку, въ изобиліи находятся передъ глазами у всѣхъ, въ томъ числѣ и у публицистовъ, восхваляющихъ преимущества «культурной работы» для настоящаго момента.

Не такъ давно въ «Смоленскомъ Вѣстникѣ» былъ опубликованъ циркуляръ, еще въ концѣ января разосланный министромъ внутреннихъ дѣлъ всѣмъ губернаторамъ. «Учрежденныя—говорится въ этомъ циркулярѣ—въ порядкѣ, установленномъ закономъ 4 марта 1906 г., многочисленныя частныя такъ называемыя просвѣтительныя общества различныхъ наименованій и въ особенности «общества народныхъ университетовъ», ставящія, согласно ихъ уставамъ, своей задачей распространеніе общаго и профессіональнаго образованія въ народныхъ массахъ, за послѣднее время, какъ это явствуетъ изъ свѣдѣній, имѣющихся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, стали замѣтно уклоняться отъ дѣятельности, обозначенной ими въ ихъ уставахъ, и все болѣе обращаются въ сторону энергичной пропаганды, путемъ народныхъ чтеній и бесѣдъ, крайнихъ политическихъ ученій, въ то же время направляя имѣющіяся въ ихъ распоряженіи силы и средства къ сплоченію народныхъ массъ для противоправительственной дѣятельности». Для избѣжанія такой опасности министерскій циркуляръ предписываетъ губернаторамъ «принимать рѣшительныя мѣры вплоть до закрытія этихъ обществъ». Какъ сообщаетъ опубликовавшая этотъ циркуляръ газета, смоленскій губернаторъ, исходя изъ министерскаго предписанія, въ свою очередь обратился съ особымъ циркуляромъ ко всѣмъ исправникамъ и полиціймейстерамъ своей губерніи, рекомендуя имъ «обращать особое вниманіе какъ на избранную тему, такъ равно и на личность автора» всякой предполагающейся лекціи. Тема лекціи, по словамъ губернаторскаго циркуляра, можетъ не отвѣчать «прямымъ задачамъ, осуществленіе которыхъ предоставлено данному просвѣтительному обществу». Въ свою очередь личность автора можетъ «дать основанія къ убѣжденію, что лекція не останется въ рамкахъ избранной темы и перейдетъ на политическую пропаганду». Въ обоихъ этихъ случаяхъ исправники и полиціймейстеры «обязаны не допускать устройства публичныхъ собраній, угрожающихъ общественному спокойствію и безопасности, и воспрещать устройство означенной лекціи или чтенія» *). Подобныя мѣры были приняты, конечно, не въ одной только Смоленской губерніи и въ настоящій моментъ встрѣчаются уже извѣстія, говорящія о томъ, какъ отразились онѣ въ мѣстной жизни. Въ Варшавѣ народному университету не разрѣшены лекціи о фабричномъ законодательствѣ, о третейскихъ судахъ и объ отвѣтственности за несчастные случаи; въ томъ же варшавскомъ народномъ университетѣ преподаваніе польскаго языка разрѣшено только

*) Цитирую по „Рѣчи", 4 марта 1908 г.

при условіи введенія русскаго языка въ такомъ же объемѣ *). На ряду съ польскимъ языкомъ опаснымъ для поляковъ предметомъ естественно оказывается и польская литература. На дняхъ еще разрѣшенная было въ Варшавѣ лекція г. Маковскаго о современной польской литературѣ не была допущена полиціей и собравшейся на лекцію публикѣ пришлось разойтись, не услыхавъ ея. «Угрожающими общественному спокойствію и безопасности» оказываются и польскія національныя эмблемы, и въ театрахъ при постановкѣ историческихъ пьесъ воспрещено употреблять такія эмблемы **). Въ центральной Россіи вниманіе администраціи, охраняющей общественное спокойствіе и безопасность отъ нарушенія ихъ просвѣтительными обществами и учрежденіями, направилось въ другую сторону. Въ Орлѣ, напримѣръ, «въ виду допущеннаго педагогическимъ обществомъ отступленія отъ устава, выразившагося въ собесѣдованіи о половомъ воспитаніи дѣтей», мѣстный губернаторъ воспретилъ названному обществу какъ публичныя собесѣдованія, такъ и всякаго рода лекціи, не исключая и общеобразовательныхъ ***). Еще болѣе рѣшительныя мѣры принимаются администраціей по отношенію къ профессіональнымъ союзамъ, ихъ съѣздамъ и собраніямъ. Въ Скерневицы недавно съѣхалось на съѣздъ около ста еврейскихъ рѣзаковъ для обсужденія своихъ профессіональныхъ интересовъ. На первое же засѣданіе съѣзда явилась однако полиція и произвела среди его участниковъ аресты, послѣ чего остальные члены съѣзда разъѣхались ****). Подобныя же неожиданности постигли за послѣднее время собранія членовъ профессіональныхъ союзовъ и во многихъ другихъ городахъ, не исключая и Петербурга.

Въ непрерывномъ рядѣ репрессій, обрушивающихся на просвѣтительныя и профессіональныя организаціи и предпріятія, порою, впрочемъ, не легко разобрать, какія изъ этихъ репрессій зависятъ отъ общихъ распоряженій правительства и какія создаются волей мѣстныхъ властей. Въ настоящее время чуть не каждая губернія Россіи представляетъ собою самостоятельную область, въ которой мѣстная администрація устанавливаетъ собственные законы и собственные порядки, считаясь лишь съ общимъ направленіемъ правительственной политики. Но при всемъ разнообразіи этихъ мѣстныхъ законовъ и порядковъ обстановка, создаваемая ими для культурной работы, остается повсюду одинаковой. Въ Вильнѣ недавно были оштрафованы редакторы двухъ литовскихъ газетъ, каждый по 100 р., «за напечатаніе корреспонденціи, возбуждающей вражду крестьянъ къ волостному писарю *****). Не трудно

*) „Наша Газета", 19 марта 1908 г.
**) „Наша Газета", 19 марта 1908 г.
***) „Рѣчь", 19 марта 1908 г.
****) „Наша Газета", 19 марта 1908 г.
*****) „Рѣчь", 5 марта 1908 г.

себѣ представить, какъ легко литовской печати, поощряемой такого рода мѣрами, содѣйствовать культурной работѣ среди населенія. Но въ аналогичныхъ условіяхъ въ сущности находится и вся вообще провинціальная печать. Въ Вяткѣ мѣстный губернаторъ оштрафовалъ недавно на 500 р. редактора «Вятской Газеты» за помѣщеніе передовой статьи объ отчужденіи польскихъ помѣщичьихъ земель и объ отношеніи къ этому вопросу нашихъ правыхъ партій, а также за то, что «въ отдѣлѣ печати того же номера, въ вырѣзкѣ изъ „Столичной Почты“ слова „высочайшей“ и „высочайшее“ напечатаны съ маленькой буквы, изъ чего можно заключить о неуваженіи къ верховной власти» *). Еще болѣе рѣшительныя и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе общія мѣры принимаются по отношенію къ печати въ Одессѣ. «Замѣчено мною,—писалъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ приказовъ одесскій генералъ-губернаторъ, ген. Толмачевъ,—что многія типографіи принимаютъ къ напечатанію отдѣльныя статьи, брошюры, газеты и журналы крайне вреднаго направленія. Прошу г. старшаго инспектора типографій, литографій и другихъ тому подобныхъ заведеній объявить владѣльцамъ всѣхъ типографій, что впредь буду привлекать къ отвѣтственности не только издателей книгъ и редакторовъ газетъ и журналовъ, а также и владѣльцевъ типографій, подвергая ихъ штрафу до трехъ тысячъ рублей или закрывая типографіи» **). Такимъ образомъ путемъ простого генералъ-губернаторскаго приказа въ административную практику по дѣламъ печати вновь вводится кара за «вредное направленіе», исчезнувшая было въ законѣ, и вдобавокъ кара эта получаетъ новыя формы и болѣе широкое примѣненіе, распространяясь не только на редакторовъ и издателей, но и владѣльцевъ типографій. И опять-таки можно думать, что одесской печати, надъ которой повисла угроза каръ за «крайне вредное направленіе», не особенно легко будетъ содѣйствовать успѣхамъ культурной работы среди населенія. Нельзя вѣдь поручиться за то, что пропаганда культурной работы не окажется какъ разъ проявленіемъ крайне вреднаго направленія.

Временами, по крайней мѣрѣ, эти два понятія, несомнѣнно, совпадаютъ одно съ другимъ. Недавно, напримѣръ, «Новому Времени» сообщали изъ Севастополя, что по ходатайству профессора московскаго университета Кожевникова мѣстный генералъ-губернаторъ разрѣшилъ московскимъ студентамъ-естественникамъ пребываніе въ Севастополѣ втеченіе Страстной и Свѣтлой недѣль для изученія фауны Чернаго моря, но разрѣшилъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы среди экскурсантовъ не было евреевъ ***). Изученіе фауны Чернаго моря, несомнѣнно, культурная работа, и притомъ

*) „Кіевск. Вѣсти.“, 16 марта 1908 г.

**) „Рѣчь“, 4 марта 1908 г.

***) Цитирую по „Рѣчи“, 20 марта 1908 г.

работа весьма мирнаго характера. Но столь же несомнѣнно и то, что, еслибы кто-нибудь въ Севастополѣ вздумалъ доказывать необходимость невозбраннаго допущенія къ этой культурной работѣ студентовъ-евреевъ, онъ тѣмъ самымъ, пойдя въ разрѣзъ съ предначертаніями мѣстной власти, проявилъ бы «вредное направленіе» и, по всей вѣроятности, добился бы примѣненія къ себѣ одного изъ разнообразныхъ пріемовъ политики «успокоенія».

Нѣсколько времени тому назадъ въ одной изъ корреспонденцій «Рѣчи» были подведены итоги этой политики за два года, съ 1 января 1906 г. по 22 января 1908 г., въ одной лишь Томской губерніи, и такіе итоги оказались весьма внушительными. За два года въ названной губерніи состоялось 14 смертныхъ приговоровъ, 1.104 человѣка были подвергнуты тюремному заключенію на сроки отъ недѣли до 3 мѣсяцевъ, въ общей сложности на 65.047 дней или почти на 180 лѣтъ, и 481 человѣкъ были высланы въ столь и не столь отдаленныя мѣста. Помимо того, 24 человѣка, въ томъ числѣ предсѣдатель окружнаго суда, три преподавателя технологическаго института, мировой судья, судебный слѣдователь, начальникъ службы тяги желѣзной дороги и начальникъ почтово-телеграфнаго округа, были устранены отъ должности по представленію губернатора. 10 учениковъ по его же требованію исключены изъ реальнаго училища и 836 человѣкъ оштрафованы въ общей сложности на 16.545 р., въ томъ числѣ 128 студентовъ университета по 5 р. и 415 студентовъ-технологовъ по 1 р. каждый. Сверхъ того подверглись штрафу 5 крестьянскихъ обществъ за сопротивленіе властямъ—на 2400 р. и газеты: «Сибирская Жизнь» на 1500 р. и «Обь» и «Сибирскіе Отголоски» на 500 рублей каждая. За эти же два года въ предѣлахъ Томской губерніи были закрыты 5 газетъ и журналовъ, пріостановлены 2 газеты, одна—на три недѣли и другая—на два мѣсяца, запрещены къ продажѣ газеты «Око» и «Товарищъ» и юмористическіе журналы и изъяты изъ продажи 163 книги. Наконецъ, за это же время были запрещены администраціей спектакли и вечера въ пользу общеобразовательныхъ курсовъ, недостаточныхъ студентовъ, общества физическаго развитія и жителей г. Томска, пострадавшихъ отъ погрома, и были закрыты: родительскій комитетъ въ Барнаулѣ, общество попеченія о начальномъ образованіи, два студенческихъ общежитія, зуболѣчебная школа и т. д. «Божіею помощью—писалъ послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ томскій губернаторъ, бар. Нолькенъ, въ своемъ объявленіи, обращенномъ къ жителямъ края,—удалось разрѣшить задачу успокоенія края не столько напряженностью, сколько послѣдовательностью мѣропріятій, которыя привели нашу губернію въ мирное работоспособное положеніе. Не смотря на то, что намъ пришлось воспринять до двухъ тысячъ неврастениковъ и злоумышленниковъ разныхъ степеней и категорій въ черту мирнаго населенія Нарымскаго края и смежныхъ уѣздовъ... незначительная вначалѣ по чис-

ленности, но сильная духомъ горсточка лицъ томской администраціи сумѣла быстро завладѣть общественнымъ довѣріемъ, а вслѣдъ затѣмъ помощью и наконецъ—достигнуть единенія съ нею почти всего мѣстнаго населенія» *).

Объединеніе съ «сильной духомъ» администраціей «почти всего мѣстнаго населенія»—это, конечно, лишь неудачная гипербола, почти неизбѣжная въ устахъ совершающаго подвиги «успокоенія» администратора. Но не подлежитъ сомнѣнію, что среди населенія имѣются опредѣленные элементы, стремящіеся къ единенію съ администраціей на почвѣ политики «успокоенія» и готовые всѣми силами поддерживать эту политику и вести ее какъ можно дальше. Нѣтъ недостатка со стороны этихъ элементовъ и въ проектахъ, направленныхъ къ приданію такой политикѣ еще большей энергіи. За послѣднее время въ печать проникли свѣдѣнія о нѣсколькихъ подобныхъ проектахъ. Въ минувшемъ февралѣ въ Звенигородскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи уѣзднымъ предводителемъ дворянства г. Моссаковскимъ было созвано совѣщаніе мѣстныхъ землевладѣльцевъ, съ участіемъ мировыхъ посредниковъ, исправниковъ, становыхъ приставовъ и волостныхъ старшинъ, для обсужденія вопроса о мѣрахъ борьбы съ грабежами, поджогами и убійствами. Это совѣщаніе признало желательными такія мѣры: удалять порочныхъ членовъ сельскихъ обществъ, не обременяя при этомъ расходами удаляющія своихъ членовъ крестьянскія общества; воспретить высылаемымъ и лишеннымъ правъ по суду членамъ сельскихъ обществъ селиться въ сосѣднихъ губерніяхъ; разрѣшить выселеніе порочныхъ членовъ сельскихъ обществъ съ 18-лѣтняго возраста, а въ промежутокъ отъ 14 до 18 лѣтъ подвергать сельскую молодежь за проступки тѣлесному наказанію или содержанію въ колоніяхъ малолѣтнихъ преступниковъ; возстановить упраздненный институтъ сотскихъ и десятскихъ, подчинивъ ихъ по старому полиціи, но давъ имъ «приличное содержаніе»; увеличить число полицейскихъ чиновъ, не упраздняя вновь введенныхъ стражниковъ, находящихся при становыхъ квартирахъ; основать фондъ для выдачи пособій пострадавшимъ отъ разбойническихъ нападеній чинамъ администраціи и частнымъ лицамъ **). Вслѣдъ за тѣмъ тотъ же самый вопросъ о «борьбѣ съ анархіей и терроромъ въ деревнѣ» обсуждался на съѣхавшемся въ Кіевѣ совѣщаніи землевладѣльцевъ всей губерніи и это совѣщаніе, принявшее имя «союза землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ», въ свою очередь пошло по той же дорогѣ, какая была намѣчена землевладѣльцами Звенигородскаго уѣзда, но только пошло еще дальше. Для борьбы съ терроромъ въ деревнѣ кіевское совѣщаніе нашло недостаточнымъ увеличеніе численнаго состава полиціи, расширеніе ея административныхъ пол-

*) „Рѣчь", 21 февр. 1908 г.
**) „Рѣчь", 27 февр. 1908 г.

номочій и усиленіе тяжести находящихся въ ея распоряженіи репрессивныхъ мѣръ по отношенію къ крестьянамъ. Оно признало необходимымъ въ еще болѣе рѣзкой и откровенной формѣ «противопоставить силу насилію». По мнѣнію совѣщанія, «необходимо вооружить благонадежный элементъ деревни, облегчивъ ему возможность пріобрѣтать оружіе, необходимо вооружить ночныхъ сторожей, причемъ право на пріобрѣтеніе оружія должно быть выдаваемо администраціей не на имя сторожей, а на имя землевладѣльцевъ». Признавъ «весьма цѣлесообразной и не терпящей отлагательствъ» мѣрой борьбы съ деревенскимъ терроромъ высылку въ Сибирь порочныхъ членовъ сельскихъ обществъ, кіевское совѣщаніе вмѣстѣ съ тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ и одобреніемъ выслушивало ораторовъ, говорившихъ о томъ, что не менѣе, если не болѣе, радикальнымъ средствомъ является прямой самосудъ деревенскаго населенія, и разсказывавшихъ бывшіе кое-гдѣ случаи такого самосуда, выразившіеся въ звѣрскихъ пыткахъ и истязаніяхъ заподозрѣнныхъ въ поджогахъ лицъ *). И не въ одной только Кіевской губерніи ведутся подобные разговоры и составляются подобные проекты. Дворянство другихъ губерній не отстаетъ отъ кіевскаго въ дѣлѣ изысканія мѣръ, могущихъ придать бо́льшую энергію политикѣ «успокоенія», а право-октябристское большинство третьей Думы готово конкуррировать въ этомъ дѣлѣ со съѣздами дворянъ и землевладѣльцевъ.

Такова та конкретная обстановка, въ которой должна въ настоящее время совершаться у насъ культурная работа. Эта работа окружена бдительнымъ попеченіемъ «сильной духомъ» администраціи, съ «Божьей помощью» успокаивающей страну и озабоченной искорененіемъ «вреднаго направленія», проявляющагося въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ общественныхъ группъ. Если интересы культурной работы выдвигаютъ вопросы о болѣе широкомъ просвѣщеніи народныхъ массъ, о поднятіи ихъ умственной самодѣятельности, о покрытіи страны болѣе или менѣе густою сѣтью образовательныхъ, профессіональныхъ и кооперативныхъ учрежденій, то въ цѣляхъ «успокоенія» народа въ жизни ставятся и обсуждаются вопросы объ упроченіи власти розги въ деревнѣ, о дальнѣйшемъ расширеніи и безъ того уже, казалось бы, почти безграничныхъ правъ администраціи надъ населеніемъ и объ утвержденіи силами государства въ народномъ быту самыхъ дикихъ формъ произвола и насилія. Въ этомъ параллелизмѣ, по-истинѣ, есть надъ чѣмъ задуматься.

Указывая на него, я вовсе не хочу, конечно, сказать, что въ настоящій моментъ культурная работа для насъ не нужна, несвоевременна или же совершенно невозможна. Нѣтъ и не можетъ быть такого момента въ народной жизни, когда бы въ культурной работѣ

*) „Кіевск. Вѣсти". Цитирую по „Рѣчи", 23 февр. 1908 г.

не ощущалась нужда, а у насъ, при слабомъ развитіи культуры и громадномъ спросѣ на нее, эта нужда даетъ себя чувствовать съ особой, почти болѣзненной остротой. Съ другой стороны, не приходится оспаривать и того, что въ условіяхъ переживаемой нами дѣйствительности «культурная работа» въ томъ пониманіи, въ какомъ употребляется за послѣднее время этотъ терминъ въ нашей журналистикѣ, встрѣчаетъ все же меньше препятствій, нежели другіе виды общественной дѣятельности, носящіе явно политическій характеръ. Чтеніе лекцій осуществить во всякомъ случаѣ легче, чѣмъ устройство политическихъ собраній. Гоненія, выпадающія на долю профессіональныхъ союзовъ, все же нѣсколько меньше тѣхъ, какія постигаютъ политическія партіи. Но когда эти совершенно безспорныя положенія кладутся въ основу утвержденія, что теперь для насъ вслѣдъ за періодомъ увлеченія политикой наступила полоса культурной работы, передъ нами оказывается формула, въ которой за словами не стоитъ никакого реальнаго содержанія и которая можетъ дать поводъ къ самымъ нежелательнымъ недоразумѣніямъ. И это до такой степени ясно, что представляется даже нѣсколько страннымъ, какъ сами авторы и провозвѣстники такой формулы не замѣчаютъ ея безсодержательности и двусмысленности.

Двусмысленность заключается уже въ самомъ противопоставленіи «культурной работы» политикѣ, противопоставленіи, какъ будто заставляющемъ предполагать, что первая сможетъ дать то, чего не дала вторая. На самомъ дѣлѣ публицисты, прибѣгающіе къ этому противопоставленію, быть можетъ, и не питаютъ столь преувеличенныхъ надеждъ на силу культурной работы—нѣкоторые даже навѣрно не питаютъ,—но неясность формулы, въ которую они облекаютъ свою мысль, дѣлаетъ во всякомъ случаѣ возможнымъ подобный выводъ изъ нея. И этотъ выводъ еще облегчается той категоричностью, съ какой въ приведенной формулѣ періодъ «увлеченія политикой» объявляется ликвидированнымъ и уступившимъ свое мѣсто другой «полосѣ» общественной жизни. Дѣло вѣдь не только въ томъ, чтобы констатировать, есть въ данной общественной средѣ «увлеченіе политикой» или же оно отсутствуетъ. Надо еще сказать, необходимо ли оно въ данный моментъ жизни или же безъ него можно обойтись. И, когда въ отвѣтъ на этотъ естественный вопросъ слышатся лишь настойчивые призывы къ «культурной работѣ», которая должна замѣнить собою «увлеченіе политикой», легко родиться предположенію, что въ представленіи авторовъ такихъ призывовъ политика въ настоящій моментъ является безплодной и что, по ихъ мнѣнію, мѣсто политической дѣятельности, направленной къ коренному преобразованію народной жизни, должна занять иного рода работа, ставящая своею цѣлью разрѣшеніе сравнительно мелкихъ вопросовъ и устройство сравнительно второстепенныхъ дѣлъ внѣ связи съ тѣмъ или инымъ ходомъ общей государственной жизни. Понятая такимъ образомъ,—а понять ее

иначе въ данномъ контекстѣ довольно трудно—проповѣдь «культурной работы» обращается уже въ своего рода проповѣдь «малыхъ дѣлъ».

Въ связи съ этимъ въ приведенной формулѣ, поскольку она стремится охватить и выразить собою основную задачу переживаемаго момента, таится и другого рода двусмысленность. «Полоса культурной работы», смѣняющая собою «періодъ увлеченія политикой»,—это звучитъ, если и не гордо, то, во всякомъ случаѣ, до извѣстной степени красиво. Но другой вопросъ, отвѣчаетъ ли это красивое опредѣленіе дѣйствительность, есть ли въ послѣдней на-лицо такія условія, которыя обезпечили бы собою возможность существованія въ общественной жизни «полосы культурной работы». Не такъ трудно отвѣтить на этотъ вопросъ и выше я приводилъ уже факты, достаточно наглядно показывающіе, въ какихъ формахъ даетъ такой отвѣтъ современная русская жизнь. Въ жизни, которая слагается изъ ряда неограниченныхъ возможностей, въ которой царитъ ничѣмъ, кромѣ интересовъ господствующихъ классовъ, не сдерживаемое усмотрѣніе, въ которой эти господствующіе классы ведутъ яростную и безпощадную войну съ рвущимися къ свѣту и свободѣ народными массами, нѣтъ и не можетъ быть мѣста для такого явленія, какъ полоса культурной работы. Въ условіяхъ этой жизни возможны лишь отдѣльныя культурныя начинанія, болѣе или менѣе крупныя, но во всякомъ случаѣ по необходимости разрозненныя, въ своемъ развитіи неизбѣжно наталкивающіяся на серьезныя препятствія и въ большинствѣ своемъ обреченныя на преждевременную гибель. Какъ бы ни была сужена культурная работа, какъ бы ни была она по охватываемой ею области сознательно и преднамѣренно отдалена отъ условій, опредѣляющихъ собою характеръ политической жизни народа, она все же не сможетъ выйти изъ-подъ власти послѣднихъ и они рано или поздно проявятъ надъ ней свое могущественное вліяніе и своимъ давленіемъ опредѣлятъ ея характеръ и размѣръ. Въ переживаемыхъ нами условіяхъ этотъ процессъ неизбѣжно обращается въ рядъ тяжелыхъ конфликтовъ, въ которыхъ сколько-нибудь широкія культурныя начинанія либо погибаютъ совершенно, либо сокращаются до неузнаваемости, либо даже искажаютъ свой характеръ. Въ такой обстановкѣ говорить о созданіи «полосы культурной работы», какъ объ основной задачѣ текущаго момента, значитъ, пожалуй, черезчуръ ужъ идеализировать дѣйствительность и добровольно закрывать глаза на самыя важныя ея стороны.

Въ сущности сознаніе этого проглядываетъ и въ писаніяхъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ публицистовъ, восхваляющихъ преимущества культурной работы для текущаго момента. Въ этомъ смыслѣ, между прочимъ, небезынтересна статья г. Маловѣра, появившаяся недавно въ «Нашей Газетѣ». Названный писатель возражаетъ противъ «неосновательнаго безпокойства», будто проно-

вѣдь «культурной работы» можетъ повести къ примиренію съ существующими порядками или выродиться въ безсодержательную проповѣдь «малыхъ дѣлъ». «Мы привыкли думать,—говоритъ г. Маловѣръ—что въ основѣ недовольства существующимъ различныхъ общественныхъ группъ лежатъ не зловредныя идеи, а болѣе глубокія причины, и намъ прямо невозможно себѣ представить, чтобы культурная работа, которая къ тому же сама никакъ не можетъ „примириться" съ историческими традиціями, могла сыграть тутъ роль цѣлебнаго средства. Сколько бы мы ни „культурничали", мы рѣшительно никого не умиротворимъ, да и сами, натыкаясь на каждомъ шагу на рогатки, врядъ ли умиротворимся. Гораздо болѣе основательнымъ представляется на первый взглядъ опасеніе, что культурная работа, при возможности переоцѣнки ея значенія, отвлечетъ общественную энергію отъ основной задачи момента—отъ «широкой политической борьбы» въ сторону «малыхъ дѣлъ». Но такъ можетъ казаться лишь при апріорномъ разсмотрѣніи вопроса и притомъ, если совершенно забыть о томъ, что называется реальнымъ соотношеніемъ силъ, и стать спиной къ жизни. „Широкая политическая борьба" въ условіяхъ текущаго момента—не болѣе, какъ педагогическая фикція, которая, въ силу своей ирреальности, не можетъ имѣть даже должнаго воспитательнаго значенія. Общественная энергія укрѣпляется не въ *помыслахъ* о томъ, для чего нѣтъ данныхъ въ жизни, а въ *общественныхъ дѣлахъ*, которыя сейчасъ всѣ одинаковы *по масштабу*. Отъ малыхъ дѣлъ надо звать къ великимъ, но для тѣхъ, кто не вѣритъ въ чудеса, теперь такихъ нѣтъ и имъ волей-неволей приходится хлопотать о томъ, чтобы хоть въ малыя дѣла внести побольше живого содержанія и не дать имъ обратиться въ ничтожныя» *)

Въ соображеніяхъ г. Маловѣра есть кое-что вѣрное, и тѣмъ не менѣе они нуждаются въ серьезныхъ оговоркахъ, способныхъ въ значительной мѣрѣ видоизмѣнить ихъ смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ даже, что широкая политическая работа въ условіяхъ текущаго момента является лишь фикціей. Но не въ такой же ли и даже не въ большей ли еще мѣрѣ фикціей является въ такомъ случаѣ и широкая культурная работа? Всего три года тому назадъ самые разнообразные культурные работники Россіи въ одинъ голосъ заявляли, что при существующихъ условіяхъ ихъ работа упирается въ тупикъ, изъ котораго нѣтъ выхода, и изъ конца въ конецъ громадной страны, отъ одной группы культурныхъ работниковъ къ другой, передавался крикъ: «такъ дальше жить нельзя». Теперь же, когда царящій надъ страною произволъ пріобрѣлъ еще бо́льшую остроту и напряженность, когда происходитъ грандіозный разгромъ всѣхъ культурныхъ начинаній, насъ какъ будто хотятъ увѣрить, что въ такихъ условіяхъ не только можно жить, но можно и ве-

---

*) „Наша Газета", 22 марта 1908 г. Курсивъ принадлежитъ автору.

сти широкую культурную работу. Если же послѣднее невѣрно, если культурная работа неизбѣжно будетъ наталкиваться на обезсиливающія ее «рогатки» и, благодаря этому, не сможетъ получить достаточно широкаго размаха, то, нисколько не отрицая ея значенія, позволительно не видѣть и большого смысла въ противопоставленіи культурной работы политической. Врядъ-ли полезно затушевывать мысль, однажды уже охватившую широкіе слои общества, и притомъ затушевывать, впередъ зная, что новый жизненный опытъ долженъ будетъ снова возродить ее. Стихійный историческій процессъ иногда создаетъ такой круговоротъ, но сознательно способствовать его образованію, отказываясь отъ сдѣланныхъ уже общественной мыслью пріобрѣтеній, едва-ли есть какая-либо надобность.

Въ своей статьѣ г. Маловѣръ съ глубокимъ недоумѣніемъ спрашиваетъ: «о какой общественной энергіи идетъ теперь рѣчь, отъ какихъ дѣлъ и интересовъ можетъ отвлечь общество культурная работа? точно-ли отъ политики, а не отъ «половой проблемы»? Мнѣ, признаться, думается, что отъ привлеченія къ культурной работѣ лицъ, занятыхъ «половой проблемой», первая едва-ли много выиграетъ. Въ остальной же части на вопросъ г. Маловѣра не такъ ужъ трудно отвѣтить. Политика и культура, если ужъ брать послѣднюю въ условно ограниченномъ смыслѣ, могутъ приходить въ столкновеніе одна съ другой, и проповѣдь исключительныхъ преимуществъ культурной работы для текущаго момента врядъ-ли поможетъ выбрать правильный путь при такихъ столкновеніяхъ. Выше я упоминалъ о томъ, какъ проф. Кожевникову, организовавшему студенческую экскурсію для изученія фауны Чернаго моря, поставлено было условіе, чтобы въ числѣ экскурсантовъ не было евреевъ. О какомъ-либо протестѣ г. Кожевникова противъ этого требованія ничего не слышно, и отсутствіе такого протеста, весьма возможно, объясняется интересами «культурной работы», болѣе важной и болѣе подходящей къ обстоятельствамъ момента, нежели «политика». И такую позицію занимаетъ не одинъ проф. Кожевниковъ, да и занимается она не только въ экскурсіяхъ къ Черному морю. Недавно еще всѣ наши университеты высказывались противъ процентной нормы для евреевъ и принимали послѣднихъ въ число своихъ слушателей безъ всякихъ ограниченій. Теперь, какъ сообщаютъ газеты, совѣтъ московскаго университета уже выработалъ новыя правила пріема студентовъ, категорически устанавливающія, что число студентовъ-евреевъ ни въ какомъ случаѣ не должно превышать трехпроцентной нормы общаго числа студентовъ. Трудно предположить, чтобы въ столь короткій срокъ убѣжденія московскихъ профессоровъ такъ радикально измѣнились. Гораздо вѣроятнѣе, что гг. московскіе профессора, какъ это бывало съ ними и раньше, самоотверженно пожертвовали своими убѣжденіями интересамъ «культурной работы». Быть можетъ, пу-

темъ такого самоотверженія и дѣйствительно обезпечено мирное теченіе послѣдней. И все же приходится спросить,—если рѣшеніе московскаго совѣта войдетъ въ жизнь, будетъ-ли оно знаменовать собою успѣхъ «культурной работы» или же пораженіе культуры?

Примѣры, взятые мною, если угодно, страдаютъ нѣкоторою грубостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ они хорошо передаютъ существо вопроса. Дѣло въ томъ, что политическая и культурная работа представляютъ лишь двѣ части одного неразрывнаго цѣлаго и не могутъ быть безнаказанно разъединены одна отъ другой. И, быть можетъ, съ особенной силой эта ихъ связь дастъ себя чувствовать именно въ острые моменты напряженной борьбы различныхъ общественныхъ силъ, подобные переживаемому нами сейчасъ. Въ такіе моменты всякое ослабленіе политической дѣятельности неизбѣжно влечетъ за собою пониженіе темпа культурной работы и, наоборотъ, суженіе размѣровъ послѣднихъ сокращаетъ и количество силъ, участвующихъ въ политической борьбѣ. Сообразно этому основной задачей текущаго момента является никакъ не сосредоточеніе всѣхъ силъ на одной какой-либо работѣ, а возможно болѣе энергичное отстаиваніе всѣхъ занятыхъ позицій. Въ высшей степени желательно, конечно, чтобы культурная работа со всѣмъ присущимъ ей просвѣтительнымъ и организаціоннымъ значеніемъ была развернута какъ можно шире, но не слѣдуетъ ни преувеличивать ея силы, ни тѣмъ болѣе—противопоставлять ее политической дѣятельности, какъ менѣе важной для данной минуты. Пусть даже политическая дѣятельность не можетъ быть сейчасъ развита съ надлежащей широтою,—это еще не поводъ отказываться отъ нея, тѣмъ болѣе, что то же самое относится и къ культурной работѣ. Пусть политическая дѣятельность является наиболѣе стѣсненной и наиболѣе угрожаемой областью жизни,—она вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ собою и наиболѣе отвѣтственную позицію. Нельзя забывать, что съ ослабленіемъ этой позиціи будутъ ослаблены и всѣ остальныя, и соотвѣтственно этому всѣ живыя общественныя силы должны быть по мѣрѣ возможности привлекаемы къ ней, а не оттягиваемы отъ нея.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

К. Марксъ. Теорія прибавочной цѣнности. По оставшейся рукописи „Къ критикѣ политической экономіи" издано К. Каутскимъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. Желѣзнова. Изд. Горской. 1907. XIII+279. Ц. 1 р. 25 коп.

Передъ нами первая изъ трехъ частей работы Маркса, которую Энгельсъ въ предисловіи къ 2-му тому, «Капитала» (въ 1885 г.) думалъ издать въ видѣ IV тома «Капитала». Какъ извѣстно, по плану Маркса IV томъ долженъ былъ содержать исторію теоріи. Но то, что имѣется въ оставшейся послѣ него рукописи, является, по мнѣнію Каутскаго, только наброскомъ исторіи теоріи прибавочной цѣнности, въ значительной мѣрѣ повторяющимъ то, что сказано во II и III томахъ «Капитала». Онъ, по словамъ Каутскаго, образуетъ теперь параллель къ первымъ тремъ томамъ, относясь къ нимъ такъ же, какъ первая тетрадь «Къ критикѣ политической экономіи» относится къ первому отдѣлу перваго тома «Капитала».

Во всякомъ случаѣ эта книга, стоившая Каутскому громаднаго редакціоннаго труда, является драгоцѣннымъ источникомъ для освѣщенія многихъ взглядовъ Маркса, ихъ генезиса и развитія, такъ какъ рукопись была написана только для его собственнаго пользованія, «не для печати, а для выясненія предмета самому себѣ», по выраженію Каутскаго. Но въ тоже время она заключаетъ массу чрезвычайно цѣнныхъ критическихъ замѣчаній о буржуазныхъ экономистахъ и о классической школѣ въ особенности. Задачу своей работы Марксъ ограничивалъ только этими экономистами. «Согласно плану моего труда, — говоритъ онъ — я намѣренъ совершенно исключить изъ историческаго обзора соціалистическихъ и коммунистическихъ писателей. Этотъ обзоръ долженъ только показать, отчасти—въ какой формѣ критиковали сами себя буржуазные экономисты, отчасти въ какихъ исторически рѣшающихъ формахъ впервые были высказаны и развивались далѣе законы политической экономіи» (стр. 52 и 53). Эта критика имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, ученіе о цѣнности и о прибавочной цѣнности, хотя попутно касается и другихъ вопросовъ, въ особенности о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ. Начинается книга разборомъ ученія В. Петти, «одного изъ геніальнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ экономическихъ изслѣдователей», предвосхитившаго основныя положенія классической экономіи и въ частности обосновавшаго дифференціальную ренту «лучше Адама Смита». Затѣмъ идетъ рядъ меркантилистовъ и вообще предшественниковъ физіократовъ; Марксъ извлекъ цѣлый рядъ любопытныхъ замѣчаній Локка, Д. Юма и др. У физіокра-

товъ (Тюрго, Неккера и др.) Марксъ нашелъ довольно правильное представленіе о прибавочной цѣнности, какъ продуктѣ труда наемнаго рабочаго, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ земледѣльческаго труда, а также опредѣленіе заработной платы во всѣхъ отрасляхъ труда «цѣной необходимыхъ для рабочаго средствъ къ жизни» (Неккеръ). Неккеръ очень ясно намѣчаетъ также законъ, впослѣдствіи подробно разработанный Марксомъ, что «развитіе производительныхъ силъ труда приводитъ только къ тому, что рабочій нуждается въ меньшемъ количествѣ времени для воспроизводства своей собственной заработной платы и слѣдовательно работаетъ безплатно больше времени на своего нанимателя». Неккеръ осмѣиваетъ также смѣшеніе значенія землевладѣльца— «функціи, столь легко исполняемой»—съ значеніемъ самой земли. Рядъ очень любопытныхъ замѣтокъ въ этомъ духѣ Марксъ извлекъ изъ соч. Linguet (напр., «сущность общества... заключается въ освобожденіи богатаго. отъ труда», или «рабство продолжаетъ существовать, но только подъ болѣе легкимъ названіемъ»).

Особенно подробно разобрано ученіе А. Смита, который, по мнѣнію Маркса, «твердо держится правильныхъ опредѣленій мѣновой цѣнности товаровъ, а именно ея опредѣленія количествомъ затраченнаго на нихъ труда или рабочимъ временемъ» (стр. 85), хотя и путаетъ нерѣдко съ цѣной рабочей силы. Точно также Марксъ находитъ, что Смитъ «разсматриваетъ прибавочную цѣнность, какъ прибавочный трудъ, какъ излишекъ выполненнаго и реализованнаго въ товарѣ труда сверхъ оплаченнаго труда, получившаго свой эквивалентъ въ заработной платѣ, какъ всеобщую категорію, только развѣтвленіями которой являются прибыль въ собственномъ смыслѣ и поземельная рента» (стр. 95), хотя опять-таки нерѣдко смѣшиваетъ прибавочную цѣнность съ ея частными формами, напр., предпринимательскимъ доходомъ. Но въ то же время Смитъ разлагалъ цѣну товара на заработную плату, прибыль и ренту; этотъ «нелѣпый догматъ» (по выраженію Маркса въ III т. Капитала, стр. 696) противорѣчитъ трудовой теоріи цѣнности. Но, по мнѣнію Маркса, «противорѣчія Адама Смита имѣютъ то значеніе, что они содержатъ проблемы, которыхъ, правда, онъ не разрѣшаетъ, но которыя онъ высказываетъ тѣмъ, что самъ себѣ противорѣчитъ» (стр. 113). Въ другомъ мѣстѣ Марксъ говоритъ: «Я покажу позднѣе, (что) даже средняя цѣна товаровъ *всегда* (курс. Маркса) отличается отъ ихъ цѣнности» (стр. 107). Изъ сопоставленія этихъ мѣстъ мы можемъ видѣть, что уже въ 1861—1863 гг., когда писана эта рукопись, Марксъ имѣлъ въ виду то, что впослѣдствіи было развито въ III т. Капитала, а именно, что цѣна товара опредѣляется не трудовой стоимостью его, а такъ наз. цѣной производства, т. е. издержками плюсъ средняя прибыль.—Послѣдующіе экономисты повторяли

противорѣчія А. Смита, принимая то одну, то другую изъ его сторонъ.

Очень любопытны и оригинальны разсужденія Маркса о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, не получившія дальнѣйшаго развитія въ «Капиталѣ». Уже у физіократовъ Марксъ находитъ правильное положеніе, что только тотъ трудъ производителенъ, который создаетъ прибавочную цѣнность» (стр. 24). У Смита опять-таки были противорѣчивыя опредѣленія. Онъ неправильно понимаетъ подъ производительнымъ трудомъ тотъ, который производитъ *товаръ*, подъ непроизводительнымъ—такой, который не производитъ товара, т. е. воплощеннаго, матеріализованнаго продукта (стр. 178). Но прежде всего товары дѣлятся на двѣ основныя категоріи: самые товары и рабочую силу, да и матеріализація труда въ товарѣ не является достаточнымъ признакомъ. «Возможно,—говоритъ Марксъ,—что конкретный трудъ, результатомъ котораго является данный товаръ, не оставитъ на немъ никакого слѣда», напр., въ земледѣльческихъ продуктахъ (въ противоположность мануфактурнымъ), а также тамъ, гдѣ цѣль труда «заключается не въ измѣненіи формы предмета, а только въ передвиженіи его изъ одного мѣста въ другое». Марксъ даетъ производительному труду другое опредѣленіе, которое онъ также находитъ у Ад. Смита. «Производительнымъ трудомъ—въ системѣ капиталистическаго производства—будетъ, по словамъ Маркса, такой трудъ, который производитъ прибавочную цѣнность для того, кто его примѣняетъ, или который превращаетъ объективныя условія труда въ капиталъ, а ихъ владѣльца въ капиталиста, слѣдовательно, трудъ, который производитъ свой собственный продуктъ, какъ капиталъ» (стр. 269). Съ этой точки зрѣнія «актеръ, напр., хотя бы и клоунъ, будетъ производительнымъ рабочимъ, если онъ работаетъ на службѣ у капиталиста (антрепренера), которому онъ отдаетъ больше труда, чѣмъ получаетъ отъ него въ формѣ заработной платы, тогда какъ портной, который приходитъ на домъ къ капиталисту и починяетъ его брюки, производитъ для него лишь потребительную цѣнность и является непроизводительнымъ рабочимъ» (стр. 167). Точно также «самостоятельные ремесленники или крестьяне, которые не примѣняютъ никакихъ рабочихъ, слѣдовательно, производятъ не какъ капиталисты»... «не принадлежатъ, по мнѣнію Маркса, ни къ категоріи производительныхъ, ни къ категоріи непроизводительныхъ рабочихъ, хотя они и суть производители товаровъ» (стр. 276). Такое опредѣленіе производительнаго труда, нѣсколько противорѣчащее обычному словоупотребленію, требуетъ подробнаго разбора.—Второй выпускъ, по словамъ Каутскаго будетъ содержать критику Рикардо, въ третьемъ говорится о Мальтусѣ и о распаденіи школы Рикардо. Переводъ хорошъ.

Давидъ Рикардо. Собраніе сочиненій. Пер. съ англ. подъ ред. Н. Рязанова. Т. I. Начала политической экономіи и податнаго обложенія. Спб. Книгоизд. „Зерно". 1908.

«Старый русскій переводъ Рикардо, сдѣланный Зиберомъ—говоритъ г. Рязановъ—уже давно сталъ библіографической рѣдкостью. Въ общемъ удовлетворительный, несмотря на мѣстами устарѣлую терминологію, онъ, однако, не свободенъ отъ многихъ ошибокъ, а иногда и искаженій, хотя въ жертву точности была принесена внѣшняя форма изложенія». Для переводчика Рикардо—продолжаетъ г. Рязановъ—при тяжеловѣсности изложенія у этого экономиста и неясностяхъ, встрѣчающихся въ текстѣ, создаются особенныя затрудненія, «если онъ желаетъ соединить требованія точности и строгости перевода съ требованіями литературной формы изложенія». Г. Рязановъ самъ, ставя на первый планъ вѣрность перевода, въ то же время, какъ онъ указываетъ—не пренебрегалъ при этомъ и внѣшней формой изложенія. Но «тамъ, гдѣ сталкивались требованія точности передачи мысли и передачи стиля, онъ отдавалъ предпочтеніе первымъ». Для достиженія этихъ цѣлей, приходилось потратить не мало усилій, но зато кропотливая работа г. Рязанова несомнѣнно увѣнчалась успѣхомъ и русскій читатель имѣетъ всѣ основанія быть ему благодарнымъ за снабженіе его хорошимъ переводомъ (почему только слово «value» переведено всюду «стоимость», когда у насъ уже вполнѣ успѣло укорениться «цѣнность») великаго экономиста.

Было бы желательно, чтобы дѣло не остановилось на этомъ и на русскомъ языкѣ появились бы не только прочія сочиненія Рикардо и его письма, что обѣщаетъ г. Рязановъ, но и другіе классическіе писатели, которыхъ частью вовсе нѣтъ на русскомъ языкѣ, частью—какъ Адамъ Смитъ—имѣются лишь въ очень устарѣлыхъ переводахъ. При томъ интересѣ къ экономическимъ вопросамъ, который у насъ замѣчается въ послѣднее время, съ одной стороны, при расширеніи преподаванія въ области политической экономіи въ русскихъ университетахъ, съ другой стороны, гдѣ на изученіе исторіи экономическихъ ученій, обращается въ настоящее время особое вниманіе,—такія изданія могутъ разсчитывать на значительный сбытъ и, при невысокой цѣнѣ, могли бы стать общераспространенными пособіями при изученіи экономической науки. Имѣя въ виду незнакомство нашей публики въ большинствѣ случаевъ съ иностранными языками, въ настоящее время приходится мириться съ тѣмъ въ сущности ненормальнымъ явленіемъ, что читаютъ «что-нибудь о великихъ мыслителяхъ», а не ихъ самихъ въ подлинникѣ, и только изданіе цѣлой серіи переводовъ могло бы измѣнить положеніе дѣла.

Примѣчанія г. Рязанова къ Рикардо, находящіяся позади текста, весьма интересны (почему-то книга Liebknecht'а на стр. 298 названа Giebriöscht), быть можетъ, слѣдовало бы ихъ еще расши-

рить, ибо всѣ основныя теоретическія положенія Рикардо понятны лишь въ связи съ условіями той эпохи, когда онъ жилъ. При сопоставленіи ихъ съ фактами экономической жизни Англіи конца XVIII ст. и первой четверти XIX вѣка они получаютъ совершенно иной смыслъ и освѣщеніе. Попытка понять Рикардо съ этой точки зрѣнія была сдѣлана, между прочимъ, на страницахъ «Русскаго Богатства» нѣсколько лѣтъ тому назадъ (см. I. М. Кулишеръ. Историческія основы ученія Рикардо о поземельной рентѣ. Авг. 1904 г.). Желательны были бы дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи.

Эд. Бернштейнъ. Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. Отъ 1848 года до изданія закона противъ соціалистовъ. Пер. съ нѣм. I. В. Постмана. Спб. 1908. Стр. 465. Цѣна 2 руб.

Переведенная на русскій языкъ книга Бернштейна представляетъ собою первую часть трехтомнаго сочиненія (въ настоящее время на нѣмецкомъ языкѣ вышелъ уже и второй томъ), посвященнаго исторіи рабочаго движенія въ Берлинѣ отъ Мартовской революціи до нашихъ дней. Этотъ первый томъ обнимаетъ тридцатилѣтній періодъ отъ 1848 года до изданія пресловутаго бисмарковскаго Sozialistengesetz, которымъ онъ разсчитывалъ сломить соціалъ-демократическую партію; онъ обнимаетъ 30-лѣтіе въ исторіи только рабочаго движенія, рабочихъ ассоціацій, рабочихъ партій, рабочихъ волненій, но не въ исторіи рабочихъ вообще, не касаясь ни матеріальныхъ и духовныхъ условій жизни рабочихъ въ эту эпоху, ни фабричнаго законодательства, коопераций и т. д.; онъ обнимаетъ, наконецъ, 30-лѣтіе лишь въ исторіи берлинскаго рабочаго движенія, а между тѣмъ—какъ указываетъ и самъ авторъ въ предисловіи—рабочее движеніе въ Берлинѣ въ тѣ времена имѣло мало значенія, «стояло далеко позади рабочаго движенія другихъ нѣмецкихъ городовъ и иностранныхъ центровъ».

При такихъ условіяхъ книга Бернштейна не можетъ, казалось бы, представлять для русскаго читателя значительнаго интереса, составляя въ сущности лишь страничку изъ исторіи рабочаго класса и соціалистическихъ партій, и притомъ далеко не наиболѣе важную. Обобщать же данныя, сообщаемыя Бернштейномъ, и распространять ихъ на Германію вообще—въ такомъ видѣ они заслуживали бы уже вниманія и русской публики—было бы слишкомъ поспѣшно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже положительно невѣрно. И при всемъ томъ книга Бернштейна читается съ интересомъ, скажемъ болѣе, съ захватывающимъ интересомъ, и тотъ кто разъ взялъ ее въ руки, едва ли остановится, не дочитавъ до конца. Талантъ Эдуарда Бернштейна какъ писателя, его умѣнье писать живо и занимательно и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и просто, давать яркія и выпуклыя картины, иллюстрировать свои положенія немногими врѣзывающимися

въ память фактами,—все это въ полной мѣрѣ проявилось и въ лежащей предъ нами книгѣ.

Въ оригиналѣ послѣдняя снабжена многочисленными, черезъ каждыя двѣ-три страницы попадающимися рисунками, изображающими сцены изъ жизни берлинскихъ рабочихъ, различныя мѣстности Берлина, портретами дѣятелей того времени, снимками съ газетъ разсматриваемой эпохи и т. д. Въ русскомъ изданіи не было, къ сожалѣнію, возможности воспроизвести все это, и отъ этого книга несомнѣнно потеряла. По переводъ сдѣланъ недурно; если не считать немногихъ замѣченныхъ нами неудачныхъ выраженій (напр. «локаль» вмѣсто: помѣщеніе, залъ для собраній, «ремесленная свобода» вмѣсто: свобода промысловъ, авторизованный переводъ—такого слова на русскомъ языкѣ нѣтъ), онъ вполнѣ удобочитаемъ.

На русскаго читателя книга Бернштейна производитъ своеобразное впечатлѣніе. Съ одной стороны, передъ нами проходятъ крупные вожаки рабочаго движенія—Лассаль, Швейтцеръ и даже Шульце-Деличъ, котораго Бернштейнъ едва ли справедливо упрекаетъ въ томъ, что его «кооперативные союзы превратились только въ средства сохраненія буржуазнаго средняго сословія». Съ другой стороны, мы наблюдаемъ борьбу между различными партіями среди рабочихъ, борьбу, принимавшую въ тѣ времена весьма мало культурныя формы—во время столкновенія дѣло доходило до ножей. И наконецъ, мы читаемъ правительственныя постановленія вродѣ слѣдующаго: «если союзъ закрывается полиціей, то члены его навсегда теряютъ право участія въ союзахъ, и всякая попытка со стороны такихъ лицъ основать новый союзъ должна быть разсматриваема какъ продолженіе закрытаго союза» (стр. 348). Такого рода правовыя понятія, постоянное закрытіе союзовъ, запрещеніе собраній, привлеченіе къ отвѣтственности редакторовъ газетъ (редакторъ «Берлинской Свободной Прессы» Рихардъ Фишеръ въ 1878 г. «за шесть недѣль своей редакторской дѣятельности успѣлъ совершить одиннадцать преступленій въ печати», стр. 411)—какъ это все близко и знакомо намъ. Или, напримѣръ, такая картинка.

18 марта 1873 г. въ двадцатипятилѣтнюю годовщину мартовской революціи, берлинскіе рабочіе отправились длинной процессіей на кладбище, на могилы павшихъ борцовъ и «остановившись у входа, спѣли съ обнаженными головами марсельезу, а затѣмъ депутаціи возложили вѣнки на могилы, и масса начала расходиться... Едва успѣло удалиться нѣсколько тысячъ человѣкъ, какъ вдругъ... какъ изъ земли, выросла конная полиція, приказала разойтись и когда при этомъ произошло нѣкоторое замедленіе, она ворвалась въ толпу, нанося удары саблями направо и налѣво и не только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходила задержка движенія, но и на противоположныхъ концахъ кладбища. Безъ разбору удары

сыпались на старыхъ и молодыхъ, на мужчинъ и женщинъ...» Затѣмъ начались аресты, но большинство пришлось отпустить, такъ какъ даже полиція не могла установить обвиненій противъ нихъ (стр. 312—13).

Предъ нами нѣчто подобное тому кошмару, который мы сами сейчасъ переживаемъ. Но кошмаръ не можетъ длиться вѣчно, и для германскаго народа эти печальныя страницы его жизни уже преданіе...

Л. Кульчицкій. Современный анархизмъ. Изложеніе, источники, критика. Переводъ съ польскаго С. Штернъ. Спб., 1907 года. 284 стр. Ц. 1 р.

Книга г. Кульчицкаго содержитъ довольно полное и очень добросовѣстное, по признанію самихъ анархистовъ, изложеніе анархистскихъ системъ, указаніе ихъ общественныхъ источниковъ и ихъ критику. Авторъ опредѣляетъ анархизмъ, какъ «доктрину, для которой идеаломъ является общественный строй, осуществляющій полную свободу, уничтоженіе всякихъ государственныхъ формъ, всякихъ обязательныхъ законовъ, всякихъ институтовъ, возникшихъ хотя бы на основѣ договоровъ, но затѣмъ ставшихъ принудительными». Исторію анархизма г. Кульчицкій дѣлитъ на три главныхъ періода. Въ началѣ (Годвинъ, Прудонъ и Штирнеръ), анархизмъ имѣетъ индивидуалистическій и мирный характеръ. Съ выступленіемъ Бакунина (въ концѣ 60-хъ годовъ), онъ становится революціоннымъ и коллективистическимъ. Третій періодъ (съ выступленія П. А. Кропоткина въ 1877 г.), характеризуется разнообразіемъ анархистскихъ системъ, имѣющихъ большей частью коммунистическій характеръ, и рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ государству. Изложивъ вкратцѣ системы анархистовъ перваго періода, г. Кульчицкій подробно останавливается на біографіи и сочиненіяхъ Бакунина, «творца политическо-анархистскаго движенія», оказавшаго громадное вліяніе и на характеръ русскаго соціалистическаго движенія 70-хъ годовъ. Подробно излагаются также взгляды П. А. Лаврова, по книгѣ «Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ». По словамъ г. Кульчицкаго «изъ всѣхъ соціалистовъ-писателей только Лавровъ разсмотрѣлъ широко и даже, можно сказать, исчерпывающе вопросъ о государствѣ въ ближайшемъ и отдаленномъ будущемъ» (стр. 83). Изъ анархистовъ послѣдняго періода подробно излагаются взгляды Кропоткина и вкратцѣ системы цѣлаго ряда анархистовъ, въ томъ числѣ и мало извѣстныхъ, какъ Корнелиссенъ, Д. Соренъ, Вальчевскій и др.

Въ общемъ, очерки г. Кульчицкаго довольно конспективны и блѣдны и скорѣе могутъ служить для справокъ, чѣмъ для знакомства съ духомъ анархистскихъ системъ. Кромѣ того, г. Кульчицкій совершенно не упоминаетъ о Г. Спенсерѣ, требующемъ

анархистскаго строя для будущаго совершеннаго общества, только мелькомъ касается такого виднаго анархиста, какъ Домела Ньювенгуисъ и посвящаетъ буквально пять строкъ анархистскимъ идеямъ Маркса и Энгельса, заслуживающимъ гораздо большаго вниманія. Гораздо живѣе и интереснѣе изложеніе «источниковъ анархизма». Г. Кульчицкій дѣлитъ пролетаріатъ на два главныхъ отдѣла: рабочихъ занятыхъ физическимъ трудомъ и занятыхъ умственнымъ трудомъ. Первые могутъ быть подраздѣлены на три группы. Это, во-первыхъ, квалифицированные, хорошо оплачиваемые рабочіе, члены профессіональныхъ союзовъ, во-вторыхъ, рабочіе съ среднимъ заработкомъ и съ болѣе или менѣе постояннымъ занятіемъ, и въ-третьихъ, чернорабочіе, часто бывающіе безъ мѣста. Соціалистическія партіи, по мнѣнію г. Кульчицкаго, защищаютъ, главнымъ образомъ, интересы средней группы. «Ни профессіональные союзы, ни соціалъ-демократія и въ настоящее время, и въ ближайшемъ будущемъ, ничего не смогутъ сдѣлать для рабочихъ, не имѣющихъ заработка и живущихъ изо-дня въ день» (стр. 216). Число же безработныхъ въ общемъ постоянно возрастаетъ. «Не видя въ соціализмѣ быстраго удовлетворенія своихъ нуждъ, элементы, о которыхъ идетъ рѣчь, бросаются въ объятія анархизма» (стр. 221). Этимъ объясняется, что «больше всего анархистовъ насчитывается въ странахъ типичной нищеты, т. е. въ Италіи и Испаніи». Распространенность же анархизма во Франціи зависитъ отъ громаднаго числа ея интеллигентнаго пролетаріата. Въ общемъ «развитіе анархизма въ романскихъ странахъ мы прекрасно можемъ объяснить существующими тамъ общественными отношеніями и потому намъ незачѣмъ приписывать его національно-расовымъ чертамъ» (стр. 227). Г. Кульчицкій даетъ также краткое изложеніе анархистскаго движенія въ различныхъ странахъ и приводитъ нѣсколько любопытныхъ статистическихъ данныхъ. Во Франціи, по анархистскимъ источникамъ, число анархистовъ достигаетъ 100 тысячъ, въ Италіи ихъ столько же, сколько и соціалистовъ, въ Испаніи (и Португаліи) даже больше, чѣмъ соціалистовъ, а именно, еще въ 1882 г., ихъ было 50 тысячъ; въ Соединенныхъ Штатахъ—100 тысячъ (главнымъ образомъ, среди переселившихся туда итальянцевъ и испанцевъ).

Послѣдняя часть книги г. Кульчицкаго посвящена критикѣ анархизма. Въ современномъ анархизмѣ можно различать два главныхъ теченія: индивидуалистическій анархизмъ и коммунистическій, при чемъ послѣдній можетъ быть подраздѣленъ на мирный (Толстовскій) и революціонный (стр. 200). Въ своей критикѣ анархизма г. Кульчицкій имѣетъ въ виду почти исключительно эту послѣднюю разновидность. Въ общемъ, по его мнѣнію, «анархизмъ основывается на совершенно бездоказательныхъ и ложныхъ соціалистическихъ (соціологическихъ?) тезисахъ, служащихъ ему

исходной точкой въ его критикѣ законовъ и государства», а идеалы анархистовъ «неосуществимы и въ высшей степени легкомысленны» (стр. 267). Отдѣльныя замѣчанія г. Кульчицкаго,—не всегда оригинальныя впрочемъ—очень цѣнны. Такъ, по его мнѣнію, «выступая противъ законовъ, анархисты забываютъ одно,—что самое важное условіе свободы каждаго гражданина заключается въ увѣренности въ томъ, что онъ можетъ требовать отъ другихъ и что онъ обязанъ дѣлать другимъ, въ строго конкретныхъ условіяхъ. Безъ этой увѣренности нѣтъ свободы, ибо человѣкъ не можетъ строить никакихъ плановъ на будущее и долженъ жить изо дня въ день» (стр. 259). Въ частности, необходимая во всякомъ общественномъ строѣ организація безопасности потребуетъ извѣстныхъ государственно-правовыхъ нормъ. «Но если-бы даже послѣдняя и была излишня, то производство и хозяйственная дѣятельность потребовали бы нѣкоторой руководящей центральной власти» (стр. 258). Цѣлая глава посвящена защитѣ парламентаризма, главные недостатки котораго могутъ быть устранены по мнѣнію г. Кульчицкаго, введеніемъ пропорціональнаго представительства и другими реформами. Г. Кульчицкій полагаетъ, что въ историческомъ процессѣ, по мѣрѣ развитія индивидуальности людей «государственная организація становится все болѣе необходимой» (стр. 239). Съ послѣднимъ трудно согласиться, такъ какъ развитіе индивидуальности ведетъ главнымъ образомъ къ умноженію свободныхъ общественныхъ союзовъ для удовлетворенія новыхъ потребностей людей. Точно также было бы правильнѣе указать на условную необходимость государства, такъ какъ психологія людей отдаленнаго будущаго и техника ихъ производства могутъ радикально отличаться отъ нынѣшней.

А. Богдановъ. Красная звѣзда. (Утопія). Спб. 1908. 156 стр.

Все перепуталось въ наше смутное время. Марксистскій философъ А. Богдановъ послѣ тяжеловѣсныхъ статей объ эмпиріомонизмѣ перешелъ къ беллетристикѣ, да еще на такую тему, которая принципіально отрицается правовѣрнымъ марксизмомъ: его «Красная звѣзда» описываетъ соціалистическій строй на Марсѣ. Фабула этой утопіи довольно занимательна, хотя повторяетъ во многомъ Жюля-Верна и Уэльса. Жители Марса открыли матерію съ отрицательнымъ вѣсомъ, примѣнили эту минусъ-матерію къ летательнымъ снарядамъ и организовали изслѣдованія другихъ планетъ. Увидѣвъ, что на землѣ приближается соціальная революція, марсіане пригласили къ себѣ на Марсъ одного изъ дѣятелей россійской соціалъ-демократической партіи, Леонида, для взаимнаго знакомства. Леонидъ наблюдалъ тамошніе порядки, имѣлъ два любовныхъ приключенія (такъ какъ марсіанки оказались вполнѣ похожими на земныхъ женщинъ) и въ заключеніе убилъ марсіанина,

который предлагалъ перебить всѣхъ людей на землѣ, чтобы занять ихъ мѣсто. За это марсіане выслали его обратно на землю. Онъ очутился въ лѣчебницѣ для душевно-больныхъ, выздоровѣлъ, снова ушелъ въ революціонную работу и принималъ дѣятельное участіе въ великой революціи, доставившей рабочимъ окончательную побѣду. Когда онъ лежалъ раненый въ больницѣ, къ нему пришла одна изъ его женъ-марсіанокъ, изъ чего слѣдуетъ, что путешествіе на Марсъ не было выдумкой его больного ума.

Описаніе соціалистическаго строя не представляетъ чего-либо особенно новаго и оригинальнаго. Все производство централизовано, ведется точная статистика труда, дѣти воспитываются въ общественныхъ заведеніяхъ, при чемъ родители могутъ жить тутъ же, но рѣдко пользуются этимъ правомъ; произведенія искусства сосредоточиваются главнымъ образомъ въ музеяхъ и очень мало въ жилищахъ, гдѣ люди почти и не живутъ; преступниковъ лѣчатъ и т. п. «Платя дань вѣку», г. Богдановъ устами Леонида останавливается также на половомъ вопросѣ въ соціалистическомъ строѣ «Я всегда считалъ,—говоритъ онъ,—что единобрачіе въ нашей средѣ вытекаетъ только изъ нашихъ экономическихъ условій, ограничивающихъ и опутывающихъ человѣка на каждомъ шагу» (стр. 109). Въ соціалистическомъ же строѣ идеальная марсіанка оказывается «женою двухъ своихъ товарищей одновременно». Кромѣ того, г. Богдановъ задумывается надъ вопросомъ о перенаселеніи въ соціалистическомъ строѣ. Все это изложено хорошимъ языкомъ, но очень отрывочно и мало трогаетъ читателя. Оно и понятно: не марксистское дѣло сочинять проекты соціалистическаго строя.

Поль Луи. Рабочій и государство. Сравнительная исторія законодательства о трудѣ въ обѣихъ частяхъ свѣта. Перев. съ франц. Спб. 1907. (Библіотека „Общественной Пользы").

Чрезъ всю книгу Поля Луи проходитъ общая идея о невозможности путемъ фабричнаго законодательства дѣйствительно улучшить положеніе рабочихъ, о безплодности всякаго государственнаго вмѣшательства при господствѣ капиталистическаго строя. Онъ съ тщательностью изучаетъ подробности различныхъ фабричныхъ законовъ въ отдѣльныхъ странахъ, но придаетъ этимъ законамъ весьма малое значеніе. Никакъ нельзя сказать впрочемъ, чтобы его выводы отличались большею доказательностью. «Желѣзный законъ Маркса и Лассаля,—утверждаетъ авторъ,—что бы тамъ ни говорили, не былъ окончательно опровергнутъ новѣйшими данными. Заработная плата, за нѣкоторыми исключеніями, всегда стоитъ на уровнѣ условій самаго жалкаго существованія; она не всегда обезпечиваетъ ежедневный (очевидно: насущный) хлѣбъ» (стр. 26). И этимъ голословнымъ заявленіемъ дѣло ограничивается; авторъ не считаетъ даже нужнымъ остановиться на тѣхъ многочисленныхъ аргумен-

тахъ, которые приводились противъ господства «желѣзнаго закона», не дѣлаетъ ни малѣйшей попытки опровергнуть ихъ. Но тѣ, которые создаютъ рабочее законодательство, продолжаетъ авторъ, вовсе и не имѣютъ въ виду улучшить условія жизни рабочихъ, а преслѣдуютъ совершенно иныя цѣли. «По мнѣнію его творцовъ, оно (фабричное законодательство) не является зародышемъ новаго кодекса, но оружіемъ обороны, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, противъ того, что принято называть «соціальной революціей». Вызванные силой, рабочіе законы почти никогда не носятъ на себѣ опредѣленнаго отпечатка или плана» (стр. 19). Если къ этому еще прибавить требованіе автора, чтобы государство «сразу» подошло ко всѣмъ возникающимъ въ области соціальнаго законодательства вопросамъ,—то вполнѣ понятнымъ становится его заключеніе, что пока имѣются лишь зачатки въ этой области, что настоящее законодательство приходится еще создавать (стр. 29). Уже изъ приведенныхъ цитатъ видна и крайняя односторонность точки зрѣнія Поля Луи и его наклонность къ чрезмѣрному упрощенію столь трудной и сложной проблемы, какъ рабочій вопросъ. Что сказать, напр., по поводу утвержденія, что Англія, «вѣрная въ этомъ отношеніи либеральной доктринѣ, допускаетъ самую безграничную эксплуатацію взрослыхъ рабочихъ» (стр. 28)? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что эксплуатація рабочихъ въ Англіи меньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, что рабочіе въ англійской индустріи пользуются даже извѣстнымъ достаткомъ. Правда, рабочій день взрослыхъ рабочихъ и т. д. тамъ не регулируется закономъ, но фабричное законодательство вѣдь не есть единственное средство борьбы съ эксплуатаціей. Авторъ совершенно упустилъ изъ виду роль и значеніе рабочихъ союзовъ, какъ онъ и вообще, подчеркивая отсутствіе нормировки заработной платы государствомъ, совершенно не останавливается на вопросѣ о томъ, не достигается-ли та же цѣль дѣятельностью рабочихъ ассоціацій? Приведенный примѣръ является характернымъ для всей книги Поля Луи.

При чтеніи послѣдней невольно напрашивается сравненіе съ извѣстнымъ сочиненіемъ Геркнера по рабочему вопросу, и результаты такого сопоставленія получаются далеко не въ пользу французскаго экономиста. У Геркнера мы имѣемъ строго-продуманное изложеніе того, что сдѣлано до сихъ поръ въ области рабочаго вопроса, при чемъ онъ останавливается на наиболѣе характерныхъ явленіяхъ и на тѣхъ государствахъ, которыя наиболѣе развили у себя тотъ или другой институтъ; обнаруживается далѣе желаніе выяснить сущность каждаго института, отнестись къ нему критически, указать способы достиженія наилучшихъ результатовъ. Въ противоположность этому, Поль Луи даетъ намъ детальное изложеніе фабричнаго законодательства, излагая его параллельно чуть-ли не по всѣмъ странамъ, независимо отъ того, выигрываетъ-ли отъ этого ясность изложенія, или, наоборотъ, оно загромо-

ждается излишними фактическими данными, приводить отдѣльныя постановленія, не стараясь понять самой сущности и значенія того или другого мѣропріятія. Конечно, въ качествѣ справочника по фабричному законодательству такая книга можетъ оказаться полезной, но едва-ли этого въ ней будетъ искать русскій читатель.

Переводчикъ далеко не вполнѣ справился со своей задачей. Выраженія вродѣ: «раскладка заработной платы» (вмѣсто: установленіе размѣровъ,—стр. 90), «либеральный экономизмъ» (стр. 6), «расположеніе деревенщины» (стр. 22) и даже «этатизмъ» (т. е. вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь),—слово, которое прямо должно поставить въ тупикъ читателя (стр. 12, 19 и др.),—встрѣчаются довольно часто. На стр. 124 читаемъ: «Англійскій *синдикатъ* не образовался, какъ часто утверждали, изъ древней *Гильды*. *Онъ* возникъ въ 1700 г., когда масса рабочихъ сконцентрировалась *вокругъ* крупной промышленности». Это должно обозначать, что англійскіе рабочіе союзы (тродъ-юніоны) не образовались изъ старыхъ ремесленныхъ цеховъ или гильдій, а стали возникать, лишь начиная съ 1700 г., когда масса рабочихъ сосредоточилась въ крупной промышленности.

Н. Жорданія. Происхожденіе и развитіе политическихъ партій въ Германіи. Спб. 1907. стр. 112.

Небольшую книгу г. Жорданія правильнѣе было бы назвать не «Происхожденіе и развитіе», а только «происхожденіе» нѣмецкихъ политическихъ партій. Исторію ихъ онъ излагаетъ почти исключительно за періодъ семидесятыхъ—восьмидесятыхъ годовъ, когда партіи только еще начали развиваться. Въ согласіи съ этимъ заканчиваетъ авторъ свою книжку словами: «Такъ завершилось сформированіе... главныхъ политическихъ силъ... современной Германіи». Это «сформированіе» и есть основная тема книги г. Жорданія.

По своему составу разбираемая книга является сборникомъ статей, напечатанныхъ первоначально на грузинскомъ языкѣ въ 1895—1907 г.г. Статьи эти составлены въ марксистскомъ духѣ и даютъ рядъ очень красиво и доступно написанныхъ очерковъ, посвященныхъ «разложенію натуральнаго хозяйства въ Германіи» и происхожденію трехъ главнѣйшихъ партій страны: консерваторовъ, либераловъ и соціалистовъ. Характеристики партій написаны очень живо, при чемъ достаточное мѣсто отведено идеологіи партій. Сами партіи разсматриваются въ непрестанномъ процессѣ горячей политической борьбы, передъ читателями возникаетъ вся картина бисмарковской эпохи. Рабочей партіи посвящена почти половина книги, при чемъ одному Лассалю посвящена цѣлая глава.

Удивительнымъ въ книгѣ г. Жорданія является одно: онъ почему то рѣшилъ совершенно упразднить одну изъ германскихъ

партій, притомъ такую, которая съ начала культуркампфа является первой и по числу голосовъ въ парламентѣ, и по своему политическому вліянію. Мы говоримъ здѣсь, конечно, о партіи католическаго центра. Посвящая христіанско-соціальной партіи Штокера (вѣрнѣе Штекера) полторы страницы текста, для центра г. Жорданія отводитъ маленькое примѣчаніе, которое гласитъ: «Клерикалы (или партія центра) организовались на почвѣ стремленія къ признанію духовной власти высшей властью. По ихъ мнѣнію, папа является какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ царемъ, которому должно быть подчинено и германское правительство. Послѣдователями ихъ являются крестьяне-католики въ наиболѣе отсталыхъ провинціяхъ. Бисмаркъ велъ борьбу съ этой партіей, такъ называемую «борьбу за культуру». Въ настоящее время центръ утратилъ свой старый оппозиціонный характеръ».

Мы не можемъ признать этой характеристики сколько-нибудь отвѣчающей дѣйствительности; еще менѣе мы можемъ признать допустимымъ въ книжкѣ, посвященной «происхожденію и развитію политическихъ партій въ Германіи» такое удивительное игнорированіе одного изъ серьезнѣйшихъ политическихъ факторовъ страны, отразившагося очень замѣтно на ея судьбахъ. Вѣдь и съ марксистской точки зрѣнія нѣмецкій клерикализмъ, подобно бельгійскому, французскому, швейцарскому и австрійскому, вполнѣ находитъ свое объясненіе.

А. Т. Снарскій. Автономія или федерація? Спб. 1907. стр. 62.

Брошюра г. Снарскаго прислана авторомъ съ надписью, въ которой «въ виду важности поставленнаго вопроса авторъ покорнѣйше проситъ о рецензіи». Мы охотно исполнимъ желаніе г. Снарскаго, хотя не совсѣмъ понимаемъ, въ какомъ отношеніи стоитъ его брошюра къ «важности поставленнаго вопроса». Не всякую же брошюру о важномъ вопросѣ необходимо принимать въ счетъ при его разрѣшеніи. И намъ думается, что «автономія» г. Снарскаго какъ разъ принадлежитъ къ послѣдней категоріи. Правда, почтенный авторъ разсказываетъ намъ о выступленіи кадетскихъ «господъ профессоровъ» на различныхъ митингахъ. Онъ повѣствуетъ намъ также, какъ самъ онъ выступалъ на этихъ же бурныхъ собраніяхъ съ полемикой противъ «автономіи», провозглашаемой «господами профессорами». Болѣе того, оказывается, что полемика г. Снарскаго не увѣнчивалась достодолжнымъ успѣхомъ, и онъ умолкалъ подъ тяжестью профессорскаго авторитета. Подавленный своими неудачами нашъ борецъ за цѣлость и единство Россіи рѣшилъ написать книжку, чтобы въ ней, такъ сказать, вдали отъ митинга, излить всѣ накопившіеся въ его душѣ аргументы.

Этихъ аргументовъ у г. Снарскаго очень много. Изъ богатаго ассортимента мы выберемъ тѣ, которые насъ болѣе всего пора-

зяли. Таковыми безспорно надо считать примѣръ средне-вѣковой Польши. Конечно, для людей непосвященныхъ можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ старые польскіе сеймы и сеймики могутъ служить примѣромъ вреда и опасности, порождаемыхъ современной автономіей. Слава Богу, мы живемъ въ XX вѣкѣ, и нигдѣ больше не существуетъ ни шляхетскаго liberum veto, ни «автономіи» крѣпостного дворянства, сидящаго на безправныхъ хлопахъ. Это, однако, нашего автора нисколько не смущаетъ. Онъ видитъ уже какъ, въ Россіи разгорается новая Крымская кампанія. И, по образцу стараго сейма при Янѣ Замойскомъ, уже протестуетъ украинскій сеймъ противъ защиты родины отъ враговъ. «Если представить себѣ, что Крымская кампанія повторится, то украинскій сеймъ еще, быть можетъ, и возьмется защищать Севастополь, но защищать Либаву ему ужъ нѣтъ никакого смысла... «Быть можетъ», потому что вѣдь Крымъ тоже не Украйна; а какъ разобраться въ этомъ чрезполосномъ государствѣ»!

Мы тоже не можемъ разобраться. Думаемъ, однако, что сеймъ знаменитаго города Головотяповъ, который, какъ извѣстно именуется у Щедрина городомъ Глуповымъ, несомнѣнно выступитъ въ защиту оскорбленнаго отечества. Спрашивается, однако, почему г. Сварскій такъ страшно боится немедленнаго крушенія Россіи, какъ только несчастная Польша станетъ автономной? И если онъ на утѣшеніе финляндцевъ махнулъ рукой на ихъ мирный пчелиный улей, то почему онъ Россію съ автономной Польшей или «украинскимъ сеймомъ» почитаетъ столь же жалкой и немощной, какъ Италію IX—XIX вѣка? Мы такой исторической аргументаціи рѣшительно не понимаемъ.

П. И. Люблинскій. Право амнистіи, историко-догматическое и политическое изслѣдованіе. Спб. 1907, стр. VIII, 383.

Книга г. Люблинскаго вышла какъ разъ въ то недавнее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и далекое время, когда не только дебатировался вопросъ объ амнистіи, но и сама она представлялась въ высшей степени близкой и возможной. Крикомъ объ амнистіи была встрѣчена первая Дума, амнистіи добивался отвѣтный адресъ первой русской представительной палаты и той же амнистіи былъ посвященъ обстоятельный законопроектъ трудовой группы выработанный ею передъ роспускомъ второй Государственной Думы. «Всѣ тюрьмы въ странѣ переполнены, тысячи рукъ протягиваются къ намъ съ надеждой и мольбой», говорили депутаты перваго нашего парламента: «долгъ нашей совѣсти заставляетъ насъ употребить всѣ усилія... чтобы свобода, которую покупаетъ себѣ Россія, не стоила болѣе никакихъ жертвъ». «Мира и согласія» просили депутаты, первое слово свое посвятили они тѣмъ, «кто пожертвовалъ своей свободой за освобожденіе дорогой намъ всѣмъ родины».

Вышедшая въ такой моментъ книга объ амнистіи естественно привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе. И это тѣмъ болѣе, что она сознательно стремилась облегчить работу народнаго представительства въ очень трудномъ вопросѣ о правѣ амнистіи по русскому праву. Различеніе амнистіи и общаго помилованія, обоснованное Люблинскимъ, какъ разъ отвѣчало стремленію Думы провести амнистію въ законодательномъ порядкѣ, не затрагивая притомъ правъ монарха на дарованіе общаго помилованія. И когда г. Люблинскій сдѣлалъ соотвѣтственный докладъ въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, оно подавляющемъ большинствомъ присоединилось къ практическимъ выводамъ докладчика и подкрѣпило своимъ авторитетомъ заключенія автора, который признавалъ амнистію институтомъ, отличнымъ отъ помилованія и не предусмотрѣннымъ въ русскихъ основныхъ законахъ...

Увы, не прошло съ тѣхъ поръ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и въ Россіи все такъ рѣзко и сразу измѣнилось. Въ іюнѣ погибла вторая Дума со своими законопроектами и мечтами объ амнистіи, и вмѣсто «освобожденія отъ преслѣдованія и наказанія нѣкоторыхъ категорій лицъ путемъ амнистіи въ законодательномъ порядкѣ» еще крѣпче захлопнулись двери тюрьмъ, ихъ келіи и казематы наполнились новыми пришельцами и заточенными, выросли еще цѣлые города новыхъ остроговъ и тюрьмъ, и за рѣшеткою въ числѣ лицъ пожертвовавшихъ «своей свободой за освобожденіе... родины» оказались и тѣ, кто такъ горячо ратовалъ за ихъ освожденіе. Книга г. Люблинскаго, къ великому несчастью, потеряла практическій интересъ, благодаря этимъ новымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. И если-бы теперь этотъ авторъ рѣшилъ написать изслѣдованіе на животрепещущую тему, ему пришлось бы выбрать предметомъ своей работы «дѣйствительную неприкосновенность личности при господствѣ военнаго положенія, чрезвычайной и усиленной отъ нея охраны обывателя».

Останавливаясь на чисто теоретической оцѣнкѣ книги г. Люблинскаго нельзя не замѣтить въ ней недостатковъ, которые мало бросались въ глаза въ пылу практической работы. Смѣшеніе соціально-политической и юридической точекъ зрѣнія представляетъ одно изъ наиболѣе больныхъ ея мѣстъ. Въ опредѣленія чисто-юридическія вносятся неопредѣленныя и слишкомъ гибкія понятія политической оцѣнки, соціально историческая характеристика не можетъ оторваться отъ интерпретаціи тѣхъ или иныхъ формулъ. Въ историческій очеркъ развитія амнистіи въ различныхъ странахъ вносятся теоретическія сужденія о ней различныхъ писателей, которыя было бы лучше соединить въ общій теоретическій очеркъ; тогда не было бы необходимости излишнихъ повтореній, а теорія получила бы большую полноту. Нельзя не обратить вниманія и на нѣкоторую несоразмѣрность частей, причемъ отдѣльнымъ странамъ вродѣ Болгаріи отводится несоотвѣтствующее ихъ значенію мѣсто...

Амнистію опредѣляетъ нашъ авторъ, какъ «актъ верховной государственной власти, предписывающій прекращеніе судебныхъ и административныхъ дѣйствій, направленныхъ къ примѣненію мѣръ репрессій, по отношенію къ извѣстной категоріи воспрещенныхъ дѣяній, и издаваемой ради достиженія какихъ-либо болѣе высокихъ задачъ государственнаго властвованія». Уже здѣсь видимъ мы введеніе понятій совершенно недопустимыхъ въ юридической формулировкѣ. Ибо «болѣе высокія задачи государственнаго властвованія» есть понятіе не только выраженное невразумительно — здѣсь сравнительная степень употреблена при отсутствіи предмета и критерія для сравненія — но и въ высшей степени опасно съ точки зрѣнія практической. Спрашивается, что болѣе высоко въ государственномъ властвованіи, гдѣ постоянный критерій для опредѣленія подобной высоты? Какую обязательность имѣетъ этотъ критерій для «верховной государственной власти?» Будетъ-ли, наконецъ, считаться амнистіей и дозволительно-ли примѣненіе ея тамъ, гдѣ дѣло идетъ о болѣе «низкихъ задачахъ» государства? Признаться, намъ болѣе симпатично то опредѣленіе, которое приводитъ г. Люблинскій со словъ западныхъ ученыхъ и которое гласитъ: «Амнистія — это моментальная суспенсація законовъ» (Шометтъ); или «амнистія есть въ сущности отмѣна въ особыхъ случаяхъ законовъ по отношенію къ прошлому» (Каба); или, какъ еще лучше выражается Дайси: «Акты объ амнистіи суть законы съ обратной силой, которые освобождаютъ лицъ, нарушившихъ законъ, отъ отвѣтственности и такимъ образомъ, дѣлаютъ законными тѣ поступки, которые при совершеніи были незаконны».

Нельзя признать также достаточно яснымъ и убѣдительнымъ то въ высшей степени важное различіе между амнистіей и общимъ помилованіемъ, которое открывало второй Думѣ возможность законодательной амнистіи. Здѣсь опять таки тяжесть вопроса не въ политической желательности различія двухъ институтовъ... И если по нашему праву прерогативѣ монарха принадлежитъ только «общее помилованіе», то желательность еще особаго института амнистіи, не входящей въ прерогативу, едва ли подвергнется сомнѣнію со стороны демократическихъ партій. Здѣсь важна не желательность, а строгая «юридическая формулировка». Однако, г. Люблинскій ищетъ своихъ опредѣленій какъ разъ тамъ, гдѣ они менѣе всего безспорны — то «въ области общегосударственныхъ интересовъ», то въ особомъ «положеніи монарха внѣ активной политики», которое по отношенію къ амнистіи даетъ, однако, «чисто-политическую реакцію», то, наконецъ, въ особомъ отношеніи законодательнаго органа «къ спеціальнымъ цѣлямъ погашенія репрессіи въ области соціальной преступности». И только незначительное мѣсто отводитъ г. Люблинскій строго-юридической характеристикѣ указанныхъ институтовъ.

Книга г. Люблинскаго уже имѣетъ свою исторію: авторъ м-

жеть утѣшиться мыслью, что онъ «хоть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ» облегчилъ «отвѣтственную работу Государственной Думы». Однако, въ тѣхъ же цѣляхъ практическаго успѣха мы желали бы автору большей чистоты юридической конструкціи, большей системы въ ея соціальномъ обоснованіи; отъ этого выиграютъ прежде всего убѣдительность и сила самихъ политическихъ предложеній.

Р. Пельманъ. Очеркъ греческой исторіи въ связи съ источниковѣдѣніемъ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Русановой, Н. И. Кремлевой и Е. Л. Бекетовой. Изданіе общества вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на Спб. высшихъ женскихъ курсахъ. 1905 г., стр. 1—303, 1—10.

Нельзя не привѣтствовать изданія на русскомъ языкѣ такой книги какъ извѣстный трудъ Пельмана, притомъ въ столь тщательной редакціи и прекрасномъ переводѣ. Хотя, замѣтимъ кстати, у насъ въ Россіи болѣе общеупотребительно иное произношеніе греческихъ именъ, чѣмъ принятое въ переводѣ; отсюда могутъ произойти недоразумѣнія.

Очеркъ Пельмана охватываетъ собой въ очень краткихъ и сжатыхъ чертахъ всю исторію древней Эллады, начиная съ доисторической эпохи и кончая послѣдними движеніями греческой самостоятельности при нашествіи Рима. Изложеніе извѣстнаго знатока древней Греціи чрезвычайно гармонично и старается въ равной степени охватить и внѣшнюю исторію и развитіе внутренней партійной и классовой борьбы и даже подчасъ судьбы отдѣльныхъ историческихъ личностей. Самъ Пельманъ является приверженцемъ культурной и соціальной исторіи, чему онъ далъ блестящее доказательство въ своей «Исторіи античнаго соціализма и коммунизма». Однако, здѣсь же мы должны предупредить читателя противъ излишнихъ увлеченій Пельмана аналогіями стараго и новаго соціальнаго строя—увлеченій которыя, кстати сказать, общи ему съ Эдуардомъ Мейеромъ и его школой. Несомнѣнно онъ идетъ слишкомъ далеко въ своихъ сближеніяхъ новаго соціализма и тѣхъ соціальныхъ стремленій, которыми былъ проникнутъ эллинскій городской «пролетаріатъ». Нельзя согласиться съ нимъ, когда онъ говоритъ, что «какъ по пятамъ современнаго либерализма идетъ коммунизмъ и соціализмъ, такъ это случилось и съ буржуазной демократіей того времени».

Чрезвычайное увлеченіе теоріей древняго капитализма во всемъ будто бы сходнаго съ новѣйшимъ привело Пельмана и къ принципіальному отверженію демократіи. Нежеланіе видѣть разницы между рабовладѣльческой демократіей древности и современнымъ строемъ, основаннымъ на свободномъ трудѣ, приводитъ знаменитаго историка къ совершенно невозможнымъ утвержденіямъ. Съ одной стороны онъ говоритъ относительно древнихъ Аѳинъ: «эгоистиче-

ское пользованіе политической властью въ интересахъ большинства и постоянное насиліе надъ меньшинствомъ уже показали намъ, какъ мало стремленія къ свободѣ и праву осталось даже у тѣхъ людей, которые съ гордостью именовали себя истинными носителями этой идеи. Преобладанію богатыхъ классовъ... сторонники демократіи... противополагали всегда лишь гармоническую мелодію права; однако, съ другой стороны, отовсюду, гдѣ только демократія могла свободно слѣдовать своимъ стремленіямъ, столь же громко доносятся до насъ и грубые отзвуки силы». Таково заключеніе объ аѳинской демократіи. Но ученый не можетъ удержаться отъ рискованнаго сближенія съ современностью: «про тогдашнюю демократію можно сказать тоже, что и про демократизмъ настоящаго времени, у нея были наготовѣ двѣ струны, чтобы смотря по надобности извлекать звуки то съ одной, то съ другой». «Многоголовый деспотъ Аттики является такимъ образомъ общимъ правиломъ для всякаго демократизма». Это утвержденіе автора безспорно идетъ далѣе приведенныхъ въ его пользу доказательствъ.

Какъ бы то ни было, однако, мы можемъ рекомендовать книгу Пельмана какъ очень полезное руководство по исторіи Греціи, тѣмъ болѣе, что она снабжена подробнѣйшими библіографическими указаніями, прекрасной характеристикой источниковъ и тщательно составленнымъ указателемъ собственныхъ именъ.

Почему бы тѣмъ же издателямъ не попробовать перевести новый трудъ по исторіи капитализма въ древнемъ мірѣ, а именно изданный по французски «Le capitalisme dans le monde antique» извѣстнаго проф. Сальвіоли.

Н. Денисюкъ. Н. Г. Чернышевскій. Его время, жизнь и сочиненія. Съ портретомъ и двумя снимками. Изд. Панафидиной. М. 1908. 196 стр. Ц. 50 коп.

Брошюра г. Денисюка не совсѣмъ отвѣчаетъ своему заглавію, такъ какъ о сочиненіяхъ Чернышевскаго въ ней говорится очень мало и къ тому же очень поверхностно. Г. Денисюкъ излагаетъ, напр., на нѣсколькихъ страницахъ теорію Мальтуса и возраженія Фурье противъ нея, о Чернышевскомъ же говорится буквально полторы строки: «среди критиковъ Мальтусовой теоріи, конечно, первое мѣсто занимаетъ Чернышевскій» (стр. 77). Г. Денисюкъ говоритъ о вліяніи Фурье на Чернышевскаго, но умалчиваетъ о вліяніи Р. Оуэна и въ частности ни слова не говоритъ о проникнутомъ вліяніемъ Оуэна романѣ «Что дѣлать?» Далѣе, по мнѣнію г. Денисюка, если оставить въ сторонѣ взгляды Чичерина на происхожденіе общины, то «останутся два взгляда на сельскую общину: это взглядъ славянофиловъ и русскихъ соціалистовъ» (стр. 96). Такимъ образомъ, г. Денисюку, повидимому, неизвѣстно, что существовалъ еще «взглядъ» на общину либеральныхъ экономистовъ

съ которыми главнымъ образомъ и велъ борьбу Чернышевскій. Точно также разсужденія г. Денисюка о томъ, что Чернышевскій не былъ революціонеромъ, а «только борцомъ въ идейномъ смыслѣ» можно объяснить незнакомствомъ съ политическими хрониками Чернышевскаго и др. его статьями, гдѣ онъ высказывается совершенно опредѣленно, въ особенности по поводу либераловъ.

Біографія Чернышевскаго въ изложеніи г. Денисюка почти не отличается отъ вышедшей ранѣе брошюры г. Федорова: тѣ же семь главъ съ тѣмъ же приблизительно содержаніемъ. Хотя важнѣйшій біографическій матеріалъ, письма Чернышевскаго, еще не опубликованы, но уже имѣется масса біографическихъ данныхъ, разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ, и если бы г. Денисюкъ умѣло воспользовался ими, его книжка имѣла бы значеніе до появленія обстоятельной біографіи Чернышевскаго. Однако, по работѣ г. Денисюка не видно, чтобы онъ пользовался даже такими важными матерьялами, какъ дневникъ Чернышевскаго, его «Записка по дѣлу старообрядцевъ» и т. п.; наоборотъ, онъ пользуется романомъ Чернышевскаго «Прологъ пролога», автобіографическое значеніе котораго довольно проблематично и во всякомъ случаѣ требуетъ спеціальной провѣрки. Изложеніе и языкъ г. Денисюка заставляютъ желать очень многаго. Вотъ образчикъ его разсказа. Послѣ т. наз. торговой казни надъ Чернышевскимъ, «съ Мытнинской площади карета увезла Чернышевскаго для того, чтобы,—по словамъ г. Денисюка,—на оленяхъ и собакахъ удалить его отъ русскаго общества...» (стр. 150). И затѣмъ г. Денисюкъ подробно описываетъ городъ Вилюйскъ. Изъ этого читатель, разумѣется, заключаетъ, что Чернышевскаго повезли въ Якутскую область, но г. Денисюкъ какъ ни въ чемъ не бывало продолжаетъ: «но раньше, чѣмъ поселиться въ Вилюйской тюрьмѣ, Чернышевскій долженъ былъ отбыть каторжныя работы въ рудникѣ Кадалъ, на китайской границѣ (въ Забайкальѣ)» (152). Главная бѣда г. Денисюка—отсутствіе чувства мѣры. Онъ опускаетъ очень важныя вещи, касающіяся Чернышевскаго (напр., романъ «Что дѣлать»), и въ то же время сообщаетъ объ отношеніи Гамбетты къ соціализму, о безпорядкахъ на лекціяхъ Костомарова, и болѣе двухъ страницъ (155—157) посвящаетъ Сѣраковскому только потому, что Чернышевскій вывелъ его въ своемъ романѣ. Еще непропорціональнѣе разсужденія г. Денисюка объ эпохѣ Чернышевскаго. Онъ отводитъ огромную главу крѣпостному праву при Александрѣ I и Николаѣ I, очень подробно говоритъ о движеніи 70-хъ годовъ, о «засѣданіи 8 марта 1881 года», о рѣчи Побѣдоносцева на немъ, и въ то же время только мелькомъ упоминаетъ о 50 и 60-хъ годахъ, о статьяхъ Чернышевскаго, относящихся къ крестьянской реформѣ и т. п. Словомъ, какъ попытка біографіи Чернышевскаго книжка г. Денисюка имѣетъ нѣкоторое, впрочемъ очень небольшое значеніе, объ эпохѣ же Чернышевскаго и о его сочиненіяхъ изъ нея ничего нельзя узнать.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1908. 1) ***Шоломъ Ашъ.*** Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.—2) ***Сѣверные сборники.*** Кн. 4-я. Ц. 1 р. 20 к.—3) ***Юрій Жулавскій.*** Разсказы и стих. въ прозѣ. Ц. 1 р.

Изд. „Знаніе". Спб. 1908. 1) ***М. Горькій.*** Т. VIII. Пьесы. Ц. 1 р.—2) XX Сборникъ. Ц. 1 р.

Изд. „Сотрудничество. Москва. 1908. 1) ***С. С. Закъ.*** Промышленный капитализмъ въ Россіи. Ц. 1 р.—2) ***Викторъ Черновъ.*** Соціализація земли. Вып. II. Ц. 50 к.

Изд. Н. Глаголева. Спб. 1908. 1) ***Максимъ Ковалевскій.*** Очерки по исторіи полит. учрежд. Россіи. Ц. 1 р. 50 к.—2) ***Ж. Сорель.*** Эрн. Ренанъ. Критич. этюдъ. Пер. В. Иванова. Ц. 80 к.—3) ***Ренанъ Эрн.*** Жизнь Іисуса. Перев. О. А. Крыловой. Ц. 1 р.—4) ***Ренанъ Эрн.*** Исторія израильскаго народа. Т. I. Пер. Е. Смирнова. Ц. 1 р.

Изд. М. О. Вольфъ. Спб. 1908. 1) ***Проф. П. Ковалевскій.*** Мірозданіе. Естественно-истор. очеркъ. Ц. 80 к.—2) ***З. Столица.*** Очерки по философіи идеализма. Ц. 50 к. 3) Полное собраніе сочиненій Н. В. Гоголя. Подъ ред. П. Быкова. Ц. 2 р.

Изд. „Медицинскаго журнала". Спб. 1907. 1) ***Поль Дюбуа.*** Вліяніе духа на тѣло. Ц. 20 к.—2) ***Д-ръ М. Ліонъ.*** Половая жизнь человѣка. Очеркъ. Ц. 50 к.—3) Уходъ за больными. Руководство для врачей, ихъ помощниковъ, братьевъ и сестеръ милосердія и семьи. Подъ ред. д-ра Пфейфера. Пер. д-ра мед. М. Геселевича. Ц. 1 р.

Изд. П. Артемьева. Спб. 1908. 1) ***Д-нъ.*** Прошлое Портъ-Артура. Ц. 70 к.—2) ***П. Россовъ.*** Религіозныя воззрѣнія китайцевъ. Ц. 50 к.

Изд. А. Панафидиной. М. 1908. 1) ***Э. Вульфсонъ.*** Эсты, ихъ жизнь и нравы. Ц. 15 к.—2). ***Ф. Берге.*** Естественная исторія. Изученіе растеній. Ц. 50 к.—3) ***Э. Вульфсонъ.*** Какъ живутъ сарты. Ц. 30 к.—4) ***В. Ст—ва.*** Н. И. Новиковъ. Ц. 10 к.—5) ***Н. Денисюкъ. Николай Гавриловичъ Чернышевскій,*** его время, жизнь и сочиненія. Ц. 50 к.

Изд. Т-ва „Общественная Польза". Спб. 1908. 1) ***К. Пажитновъ.*** Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Изд. 2-е дополн. и испр. Ц. 1 р.—2) Выборгскій процессъ. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Бюхнеръ. Дарвинизмъ и соціализмъ. Пер. Ю. Бемъ. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Л. Бюхнеръ. Силы наслѣдственности. Пер. Ю. Бемъ. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Ив. Тхоржевскій. Облака. Лирическая сюита. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Леопарди. „Пѣсни и отрывки". Полное собраніе стихотвореній. Пер. Ив. Тхоржевскаго. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Фр. Энгельсъ. Происхожденіе семьи, собственности и государства. Пер. подъ ред. М. Іолшина. Спб. 1907. Ц. 40 к.

Изд. „Посѣвъ". Герой нездороваго творчества („Санинъ" романъ Арцыбашева). Рефератъ д-ра ***П. Омельченко.*** Спб. 1908. Ц. 35 к.

А. О. Оливетти. Проблемы современнаго соціализма. Пер. съ итал. В. Шулятикова. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1908. Ц. 80 к.

Лапласъ Опытъ философіи теоріи вѣроятностей. Пер. подъ ред. А. К. Власова. М. 1908. Ц. 1 р.

С. Д. Дрожжина. Стихотворенія 1866—1888. 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

Исторія русской литературы. Подъ ред. Е. Аничкова, А. Бороздина, Д. Овсянико-Куликовскаго. Т. I. Вып. III и IV. М. 1908.

К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Литературное наслѣдіе. Подъ ред. Л. Аксельродъ, В. Засуличъ. Л. Мартова и др. Т. II. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Политическая энциклопедія подъ ред. Л. Слонимскаго. Т. II. В. 5 и 6.

Л. Слонимскій. О великой лжи нашего времени. К. П. Побѣдоносцевъ и кн. В. П. Мещерскій. Спб. 1908. Ц. 30 к.

Бернардъ Шоу. Апостолъ сатаны. Мелодрама въ 3 актахъ. Пер. съ англ. И. Данилова. Подъ ред. К. Чуковскаго. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Вып. II. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

М. Винаверъ. Изъ области цивилистики. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Б. Лебедевъ. Санинъ. М. Арцыбашева. 2-е изд. Спб. 1908. Ц. 12 к.

I. Дроздовъ. Какъ современ. земство облагаетъ мѣстное населеніе. Черниговъ 1908 Ц. 16 к.

Р. Блэчфордъ. Волшебная лавка. Невѣроятный романъ. М. Ц. 90 к.

М. К. Стихотворенія. М. 1908. Ц. 30 к.

Маркъ Богуславлевъ. Сборникъ отверженнаго. Т. I. Спб. 1908. Ц. 1 р.

В. В. Громанъ. Организація работодателей въ Германіи. Изд. О-ва заводчиковъ и фабрикантовъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 20 к.

В. И. Чернышевъ. Некрасовъ при жизни и по смерти. Спб. 1908.

I. Шиховскій. Неорганическая химія. Изд. К. Риккера. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Ренанъ Эрн. Исторія израильскаго народа. Пер. подъ ред. С. Дубнова. Т. I. Вып. I. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

М. Тарѣевъ, проф. Христіанская свобода. Основы христіанства. Т. IV. 2-е изд. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

С. Макарова. Горемычные. Истор. разсказъ для дѣтей. М. 1908. Ц. 45 к.

Г. Лестеръ. Къ свободѣ и порядку. Пер. съ англ. Н. Дружинина. М. 1908. Ц. 45 к.

З. Мостовенко. Изъ наблюденій природы. Спб. 1908. Ц. 85 к.

А. Геттнеръ. Европейская Россія. Пер. Л. Синицкаго. Изд. журн. «Землевѣдѣніе». М. 1907. Ц. 1 р.

В. А. Поссе. Идеалы коопераціи. Изд. „Библіотека Рабочаго". Спб. 1908. Ц. 5 к.

Я. Лещинскій. Еврейскій рабочій въ Лондонѣ. Изд. „Перевалъ". М. 1907. Ц. 20 к.

Сполохи. Литературно-художественный альманахъ. Т. III. Изд. „Стожары". М. 1908. Ц. 1 р.

Текущая жизнь. Спб. 1908. Ц. 70 к.

Авг. Стриндбергъ. Исповѣдь глупца. Кн-во „Современныя Проблемы". М. 1908. Ц. 1 р.

Гр. Новицкій. Зажженныя бездны. Стихи. Спб. 1908 Ц. 1 р.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1908. 1) ***Г. Фальборкъ.*** Всеобщее образованіе въ Россіи. Ц. 1 р.—2) ***В. Немировичъ-Данченко.*** Незамѣтные герои. Ц. 1 р.—3) ***Н. Данилинъ.*** Разсказы. Кн. 2-я. Ц. 1 р.

Проф. ***Г. Оппенгеймъ.*** Письма къ нервнымъ людямъ. Пер. подъ ред. д-ра М. Гуревича. М. 1908. Ц. 35 к.

В. Кильчевскій. Необходимыя свѣдѣнія женщинамъ о нихъ самихъ. Спб. 1908. Ц. 10 к.

Изд. Т-ва „Общественная Польза". Спб. 1908. 1) ***Сидней Лоу.*** Государственный строй Англіи. Пер. В. Браже. подъ ред. Б. Нольде и съ пред. М. М. Ковалевскаго. Ц. 1 р. 50 к.—2) ***Б. Низе.*** Очеркъ Римской исторіи и Источниковѣдѣнія. Пер. слушательницъ В. женск. курсовъ подъ ред. М. Ростовцева. 2-е изд. Ц. 3 р.—3) ***А. Писаревъ.*** Краткій курсъ русской исторіи для самообразованія. Ч. I до XIX в. Ц. 40 к.—4) ***А. Амфитеатровъ.*** Пять пьесъ. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Деворъ. Наши Шекспиръ и Гете. Литерат. памфлетъ. Спб. 1908. Ц. 60 к.

Н. Лопатинъ. Чума. Романъ. 1908. Ц. 85 к.

Викторъ Полтавцевъ. Альбомъ. Стихи и Штрихи. М. 1908. Ц. 1 р.

Я. М. Бѣлый. Изъ недавней старины. Воспоминанія земскаго врача 70-хъ годовъ. Новгородъ. 1907. Ц. 75 к.

Исторія Россіи въ XIX в. Вып. 8. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ. Спб. 1908.

Евг. Курловъ. Война. Драмат. фантазія въ девяти карт. М. 1908. Ц. 50 к.

К. Каутскій. К. Марксъ и его историческое значеніе. Пер. подъ ред. Н. Рязанова. М. 1908. Ц. 40 к.

Компейре. Жанъ Масе и обязательное образованіе. Пер. П. Первова. М. 1908. Ц. 25 к.

Викт. Стражевъ. Путь голубиный. Стихи. М. 1908. Ц. 40 к.

Dr. Ahron Eliasberg. Die Bedeutung des Allmendbesitzes in der Gegenwart. Karlsruhe. 1907.

Simon Sagorsky. Die Arbeiterfrage in der Südrussischen Landwirtschaft. München. 1908.

П. Смоннъ. Безсмертіе души. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Г. Френсенъ. „Рукопись". Жизнь Спасителя. Изд. 2-е. перев. и дополн. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Текущая школьная статистика Курскаго губ. земства, 2 части. Курскъ. 1908.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1904 г.

Статистическій ежегодникъ 1907 г.

Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1907 годъ. 2 части. 1908.

Редакторъ-Издатель ***Вл. Короленко.***

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ Люси Золотницкой—1 р.; отъ М. О.—1 р.; отъ Д. У. Новига, изъ Лодзи—2 р.; чрезъ А. М. Рѣдько—20 р.

Итого . . . . 24 р. — к.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ М. А. Е.—16 р.; отъ „стараго подписчика“—5 р.; отъ Ѳ. Адамовича и М. Васильевой—10 р.; „изъ Балты“—10 р.; отъ в-ча А. Воробьева—3 р.; отъ Д. У. Новига, изъ Лодзи—2 р.; отъ Н. М. Г. 10-ый взносъ—10 р.; отъ М. А. Е.—19 р.; отъ Гѣйлова—14 к.; „отъ Луки“—6 р.

Итого . . . . 81 р. 14 к.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ отъ Д. У. Новига, изъ Лодзи—2 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ Е. Соболевской, изъ Чернигова—4 р.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой и второй Госуд. Думы: отъ М. А. Е.—8 р.; отъ А. Бранта, изъ Гомеля—19 р.; отъ Шереметевскаго—5 р.; собранные А. П. Ч.—24 р. 25 к.; отъ промысловыхъ рабочихъ Московско-Кавказскаго Т-ва, чрезъ уполномоченныхъ Е. Кобеца и П. Колесникова—43 р.

Итого . . . . 99 р. 25 к.

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

АПРѢЛЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 4.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 3-ую стр. обложки).

АПРѢЛЬ. 1908.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Изданія редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

(*С.-Петербургъ*—контора журнала „Русское Богатство“, Баскова ул., 9; *Москва*—отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина).

Выписывающіе книги въ провинцію на сумму не меньше 1 рубля пользуются даровой пересылкой. Книжнымъ магазинамъ — уступка 25% при пересылкѣ книгъ на ихъ счетъ.

Н. Авксентьевъ. ВЫБОРЫ НАРОДНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ. Изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 коп.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Изд. 1894 г.—150 стр. Ц. 80 к.

П. Булыгинъ. РАЗСКАЗЫ. Изд. 1902 г.—482 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Григорій Бѣлорѣцкій. БЕЗЪ ИДЕИ (Изъ разсказовъ о русско-японской войнѣ). 1906 г. 207 стр. Цѣна 75 коп. Безъ идеи.—Безъ настроенія.—Въ чужомъ пиру.—Химера.

П. Голубевъ. ПОДАТНОЕ ДѢЛО. 1906 г. 32 стр. Цѣна 8 к.

Діонео. ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ. Изд. 1903 г.—558 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— АНГЛІЙСКІЕ СИЛУЭТЫ. Изд. 1905 г. 501 стр. Ц. 1 р. 50 к. Характеръ англичанъ.—Англ. полиція.—Возрожденіе протекціонизма. — Ирландскій „ледоходъ“.—Земля.—Женскій трудъ.—Дѣтскій трудъ.

— НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ и ЖИЛИЩА. Изд. *второе* 1906 г. 16 стр. Цѣна 4 коп.

— СВОБОДА ПЕЧАТИ. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

В. І. Дмитріева. ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ. 1906 г. 312 стр. Цѣна 1 руб. Гомочка.—Подъ солнцемъ юга.

В. Я. Кокосовъ. РАЗСКАЗЫ О КАРІЙСКОЙ КАТОРГѢ. 1907 г. 317 стр. Ц. 1 р. «Не нашъ».—Воспоминанія врача.—Практика.—Искусники.—Трофимычъ.—Ласковый.—Яшка.—Н. Г. Чернышевскій.

Владиміръ Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Книга I. *Двѣнадцатое* изд. 1908 г.—403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ дурномъ обществѣ.—Сонъ Макара.—Лѣсъ шумитъ.—Въ ночь подъ свѣтлый праздникъ.—Въ подслѣдственномъ отдѣленіи.—Старый звонарь.—Очерки сибирскаго туриста.—Соколинецъ.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. II. *Восьмое* изд. 1908 г.—411 стр. Ц. 1 р. 50 к. Рѣка играетъ.—На затменіи.—Атъ-Даванъ.—Черкесъ.—За иконой.—Ночью.—Тѣни.—Судный день (Іомъ-Кипуръ). Малор. сказка.

— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. III. *Четвертое* изд. 1907 г.—349 стр. Ц. 1 р. 25 к. Огоньки.—Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды.—Парадоксъ.—„Государевы ямщики“.—Морозъ. — Послѣдній лучъ.—Марусина заимка.—Мгновеніе.—Въ облачный день.

— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. *Шестое*, исправленное и дополненное, изд. 1907 г.—400 стр. Ц. 1 р.

— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Этюдъ. *Одиннадцатое* изд. 1906 г.—200 стр. Ц. 75 к.

— БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. *Четвертое* изд. 1906 г.—218 стр. Ц. 75 к.

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

— СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ (по даннымъ судебнаго разслѣдованія). Изд. 1907 г. Ц. 10 коп.

— ОТОШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. Изд. 1908 г. Цѣна 40 коп.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

— ЗАДАЧИ ПОЗИТИВИЗМА И ИХЪ РѢШЕНІЕ. Теоретики сороковыхъ годовъ въ наукѣ о вѣрованіяхъ. Изд. 1906 г.—143 стр. Ц. 40 к.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1908 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Четвертое* изд. 1907 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина.* — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаю.* Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. 504 стр. Ц. 2 руб. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. – Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г. — 489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

— ДВА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХЪ ЗАКОНА. Спб. 1907 г. Ц. 10 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА. — Изд. 1905 г. — 296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ.—Изд. 1905 г.—287 стр. Ц. 75 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 к.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

— ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. І. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II. (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Стихотворенія и характеристики 132 поэтовъ. Красивый компактный томъ въ два столбца; около 40.000 стиховъ. Переработанное дополненное изданіе. 1907 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

СТѢНЫ.

(Очерки военной жизни).

I.

— Подпоручикъ Башневъ! — доложилъ полковой адъютантъ командиру полка, скрипѣвшему перомъ за огромнымъ письменнымъ столомъ, занимавшимъ половину комнаты.

Командиръ, не отрываясь отъ работы, пробурчалъ короткое:

— Просите.

— Честь имѣю представиться по случаю прибытія во ввѣренный вамъ полкъ,—отрапортовалъ молоденькій безусый подпоручикъ, Коля Башневъ, краснѣя отъ волненія и гордясь тѣмъ, что съ этого момента онъ уже настоящій, заправскій полковой офицеръ.

Радость распирала его грудь, а на лицо выползала сама собой блаженная улыбка.

Командиръ, повидимому, не раздѣлялъ этой радости. Тусклыми, пустыми глазами онъ смотрѣлъ куда-то въ пространство, сквозь рапортовавшаго ему офицера.

Командиръ былъ высокъ ростомъ, тощъ, съ выпуклой грудью и непріятно-сухимъ, отталкивающимъ выраженіемъ глазъ.

— Имѣйте въ виду,—сказалъ онъ деревяннымъ басомъ,— что я требую службу и ничего болѣе.

Командиръ помолчалъ, какъ будто ожидая возраженія, потомъ наклонился и, не подавая руки, прибавилъ:

— Вы назначены въ одиннадцатую роту. Я васъ не задерживаю.

Отъ такого пріема радость сразу потухла въ груди молодого офицера, и тамъ сдѣлалось вдругъ тѣсно отъ сознанія своего одиночества и заброшенности.

Придя къ себѣ въ грязный номеръ гостинницы, онъ снялъ блиставшую новизной парадную форму, надѣлъ бѣло-

снѣжный китель и, не зная—куда дѣваться отъ тоски, пошелъ осматривать городъ.

Городъ былъ невеликъ, хотя насчитывалъ отъ своего основанія девятьсотъ лѣтъ. Несмотря на такую сѣдую древность, онъ являлъ изъ себя мерзость запустѣнія; повсюду кругомъ высились живые свидѣтели его былой славы,—полуразрушенные памятники и забытые костелы, которые, какъ умудренные опытомъ старцы, угрюмо, спокойно взирали на все съ высоты своихъ башенъ и, казалось, ясно говорили о тщетѣ земного величія:

— Суета суетъ и всяческая суета!

Старый замокъ Гедимина, свидѣтель раздоровъ и распрей многихъ поколѣній, съ обвалившимися зубцами на стѣнахъ и когда-то грозными башнями,стоялъ теперь полуразрушенный и оставленный своими обитателями. Стаи птицъ гнѣздились въ его глубокихъ бойницахъ и съ шумомъ разлетались, когда какой-нибудь любознательный путешественникъ взбирался на обвалившуюся стѣну и проникалъ въ угловую башню, гдѣ было сыро, холодно и мрачно.

Отсюда, съ высоты, открывался взору видъ на городъ съ искривленными улицами, окруженный со всѣхъ сторонъ зеленѣющими болотами и рѣкой, уходившей на западъ, а тамъ, далеко на горизонтѣ, чуть виднѣлся синѣющій дымъ убѣгавшаго поѣзда, напоминавшій невольно о томъ, что гдѣ-то далеко отъ этого соннаго безмолвія есть другая жизнь, яркая, сверкающая, полная блеска и шума, совсѣмъ непохожая на ту, которая ютилась здѣсь, у подножья стараго замка.

Здѣсь, среди грязныхъ и вонючихъ проулковъ, кое-гдѣ замощенныхъ досками, которыя опускались и поднимались при каждомъ шагѣ, какъ клавиши рояля, среди скученныхъ домовъ самой невозможной архитектуры, гдѣ иногда средній этажъ не стоялъ на одномъ уровнѣ съ верхнимъ и нижнимъ, а безобразно выпячивался впередъ, среди грязи, нищеты и сутолоки цѣлый день, какъ неутомимые муравьи, суетились евреи: старики съ длинными апостольскими бородами, съ вѣчно озабоченными морщинистыми лицами, постоянно бесѣдующіе другъ съ другомъ, поднявъ локти и растопыривъ пальцы, старыя, отвратительно-грязныя еврейки, молодыя дѣвушки съ огненно-яркими взорами и дѣти всѣхъ возрастовъ у пороговъ дверей, съ живыми безпокойными глазами.

Коля въ полчаса обошелъ весь городъ, который своей грязью и бѣдностью произвелъ на него удручающее впечатлѣніе, потомъ зашелъ въ костелъ, гдѣ шла служба и величественно стоналъ органъ, гулко разнося подъ сводами низкіе звуки.

Молящихся не было, за исключеніемъ нѣсколькихъ нищихъ, выставлявшихъ напоказъ свои отвратительныя язвы.

Постоявъ минутъ пять у колонны, Коля вышелъ и пробрался тропинкой по обрыву рѣки къ замку и по его стѣнѣ съ величайшими усиліями вскарабкался, цѣпляясь за выступы камней, въ башню, откуда открывался далекій красивый видъ.

Этотъ первый день своей службы онъ почему-то запомнилъ необычайно ярко до самыхъ мельчайшихъ подробностей и, хотя не случилось ничего замѣчательнаго, могъ бы разсказать всѣ ничтожныя событія его черезъ двадцать лѣтъ.

Видъ, открывавшійся изъ окна башни стараго замка, врѣзался ему въ память особенно неизгладимо. Въ первый разъ ему только здѣсь какъ-то наглядно пришло въ голову, какъ огроменъ міръ, какъ, можетъ быть, интересна та недоступная для него жизнь, которая скрывалась далеко-далеко за синей далью горизонта, гдѣ-нибудь тамъ, среди пѣнящихся бурями морей, среди горныхъ громадъ, въ дебряхъ тропическихъ лѣсовъ, или въ вѣчной суетѣ необозримо-огромныхъ столицъ Европы, гдѣ есть все, что когда-либо изобрѣлъ человѣческій умъ, гдѣ кипитъ жизнь, полная страстнаго напряженія, котораго просило молодое, крѣпкое тѣло...

II.

Черезъ недѣлю Коля Башневъ познакомился со всѣми товарищами по службѣ и началъ входить въ колею новой жизни.

Военное дѣло ему нравилось, и онъ считалъ его самымъ почетнымъ; всѣ другія занятія казались ему, сравнительно, низкими, незначительными.

— Самъ Государь носитъ мундиръ,—часто говорилъ онъ съ чужихъ словъ еще мальчикомъ, приходя въ отпускъ изъ корпуса, — потому что военная служба выше всѣхъ другихъ.

Слово „мундиръ“ вызывало въ немъ чувство гордости, и теперь, надѣвъ мундиръ офицера, онъ захлебывался отъ полноты счастія и такъ смотрѣлъ на прохожихъ, какъ кавалеристъ смотритъ на пѣхотинца, т. е. съ легкой улыбкой презрѣнія:

— Эй, пѣхота, не пыли!

Продолжительное военное воспитаніе привило ему эти взгляды, хотя въ душѣ онъ былъ мягокъ и добросердеченъ, какъ дѣвочка; онъ былъ даже немного поэтъ, любилъ при-

роду и стихи, которые въ дружеской компаніи постоянно декламировалъ,—впрочемъ, такъ неудачно, что всѣ смѣялись.

Общая квартира, гдѣ поселился Коля вмѣстѣ съ нѣсколькими другими офицерами, носила названіе „конспиративной". Жильцы здѣсь часто мѣнялись. Число ихъ нерѣдко доходило до десятка, иногда падая до трехъ. Сюда переселялись обыкновенно проигравшіеся въ пухъ офицеры, которымъ нечѣмъ было заплатить за наемъ квартиры и даже нечего было ѣсть. Долго они не засиживались, исчезая при первой денежной получкѣ, впредь до новаго проигрыша.

Поэтому конспиративная квартира напоминала грязную гостинницу. Вездѣ валялись окурки, бутылки и принадлежности офицерскаго туалета: мундиры, сапоги, рейтузы, подтяжки, нижнее бѣлье... На столѣ стоялъ вѣчный самоваръ, немытые стаканы, валялась рваная газетная бумага и пустыя коробки отъ печеній. Было шумно, неудобно, но Колѣ, послѣ строгостей тепличной училищной жизни, здѣсь нравилась свобода, сутолока и непринужденность.

Постоянными аборигенами конспиративной квартиры были трое: командиръ шестнадцатой роты капитанъ Яшъ, поручикъ Олшинъ—здоровый тридцатилѣтній мужчина, малый рубаха, какъ говорили про него, любившій выпить и блеснуть краснорѣчіемъ, и третій — поручикъ Тарбѣевъ,—человѣкъ мягкій, корректный, обладавшій элегантной фигурой и довольно красивой наружностью. Четвертымъ членомъ этой корпораціи сдѣлался Коля.

Ближе всѣхъ и какъ-то сразу на „ты" сошелся онъ съ Олшинымъ, который любилъ часто и много говорить, принимая при этомъ позу оратора и патетическій тонъ. Онъ считалъ себя выше толпы, часто повторялъ, что онъ космополитъ, „гражданинъ міра", человѣкъ безъ предразсудковъ. Рѣчи свои онъ пересыпалъ непонятными словами и цитатами изъ Шопенгауэра, Ренана и Дарвина, вычитанными изъ энциклопедическаго словаря и газетъ. На самомъ дѣлѣ, это былъ обыкновенный армейскій выпивака, душа общества и весельчакъ, привыкшій однимъ своимъ появленіемъ приводить всѣхъ въ хорошее расположеніе духа, хотя остроты его не шли дальше выворачиванья наизнанку романсовъ и подражанія еврейскому жаргону.

Капитанъ Яшъ былъ старый холостякъ и незамѣнимый собутыльникъ. Пить онъ могъ когда угодно,—днемъ, ночью, натощакъ... и никогда не пьянѣлъ. На видъ это былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія, держался прямо, говорилъ громко и отрывисто, внушительнымъ басомъ. Исполнительный служака, военная косточка, онъ имѣлъ всѣ качества для того, чтобы преуспѣвать по службѣ: не отличался особыми

умственными способностями, никогда не пускался въ критику и, кромѣ уставовъ, забылъ все на свѣтѣ. Всякое живое слово было для него совершенно непонятно.

То, отъ чего другіе радовались, волновались, плакали, его оставляло совершенно спокойнымъ и равнодушнымъ: на его деревянномъ лицѣ не отражалось никакого чувства, и самое лицо это напоминало красный, хорошо закаленный кирпичъ, на которомъ углемъ были нарисованы брови, глаза и усы. При разговорахъ съ начальствомъ у него не было другихъ словъ, кромѣ смиренно-мудраго: „слушаю-съ", „никакъ нѣтъ" и „покорнѣйше благодарю". Зато онъ считался самымъ исполнительнымъ офицеромъ и былъ, вообще, на хорошемъ счету. Случалось, въ приказахъ попадался иногда выговоръ и капитану Яшу, но выговоръ этотъ писался всегда самымъ деликатнымъ языкомъ, и въ концѣ всегда приписывалось: „въ виду прежней отличной службы означеннаго капитана"...

Если, случалось, неопытный молодой товарищъ шелъ къ нему съ какимъ-нибудь сомнѣніемъ, за душу хватающимъ вопросомъ, онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Е-рун-да-съ! Въ уставѣ ясно сказано. Смирно—и конецъ! Громоотводъ—и конецъ!

„Громоотводомъ" называлось прикладываніе руки къ козырьку во время разносовъ начальства.

Двадцать лѣтъ прослужилъ Яшъ въ одномъ полку и даже въ одной ротѣ. Сѣдина уже начала пробиваться у него на вискахъ, лицо покрылось предательскими морщинами, а онъ ходилъ такъ же прямо, говорилъ такъ же громко и отрывисто, такъ же неуклонно держалъ громоотводъ, и въ приказахъ все такъ же писалось:

„Въ виду прежней отличной службы означеннаго капитана".

Олшинъ и Яшъ взяли Башнева немедленно подъ свое покровительство и занялись тѣмъ, чтобы превратить скорѣе „наивную институтку" въ настоящаго боевого офицера-рубаку, но воспитаніе прививалось плохо. Къ водкѣ Коля чувствовалъ органическое отвращеніе, въ карты не игралъ за неимѣніемъ денегъ, женщинъ, которыя частенько посѣщали конспиративную квартиру, боялся и во всѣхъ отношеніяхъ былъ „шпакъ".

Слово „шпакъ" считалось оскорбительнымъ въ военной средѣ, но къ Колѣ оно примѣнялось въ шутку.

— Ты, братъ, никчемный человѣкъ, фертикультяпный мальчикъ,—говорилъ Олшинъ, дружески хлопая Колю по плечу.

— Уставовъ не знаетъ,—добавлялъ Яшъ,—и въ женщи-

нахъ толку не понимаетъ. Этакіе груздочки... цимпомпончики... а онъ хоть бы что. Паръ какой-то, а не человѣкъ. Ну, да дастъ Богъ, оправится.

III.

Несмотря на все молодое рвеніе новаго подпоручика, служебное дѣло у него тоже не клеилось.

Должность младшаго офицера въ ротѣ была, собственно говоря, совершенно лишней. Вся отвѣтственность лежала на ротномъ командирѣ, ближайшимъ помощникомъ котораго былъ фельдфебель, а младшій офицеръ только мѣшалъ, слоняясь безъ дѣла и уныло посматривая на часы— скоро ли кончатся занятія.

Большею частью ротные боялись что-либо поручать молодымъ офицерамъ въ виду ихъ неопытности и, вообще, смотрѣли на нихъ, какъ на неизбѣжное зло. Ихъ вѣдѣнію подлежала только ротная школа, которая, по мнѣнію начальства, не требовала особыхъ знаній и сноровки.

Башневу также пришлось сразу же попасть въ школу въ качествѣ преподавателя науки чтенія, письма и ариѳметики.

Съ замираніемъ сердца вошелъ онъ въ первый разъ въ свою невзыскательную аудиторію, боясь, какъ бы не попасть въ просакъ. Передъ нимъ сидѣли четыре ряда людей, не похожихъ одинъ на другого, изъ разныхъ губерній, съ разною степенью развитія и даже говорящіе на разныхъ языкахъ. Тутъ были нѣмцы, поляки, грузины, армяне, евреи, татары, великороссы и хохлы.

Коля совершенно потерялся отъ такого смѣшенія племенъ, нарѣчій, состояній и не зналъ, съ чего начать и какъ приступить къ дѣлу. Взявъ журналъ, онъ началъ дѣлать перекличку, чтобы скрыть отъ своихъ учениковъ овладѣвшее имъ состояніе неловкости и неумѣнья. Въ военномъ училищѣ проходили массу наукъ, вродѣ: химіи, механики, фортификаціи, стратегіи, топографіи и т. п., но здѣсь въ полку все это оказывалось лишнимъ, ненужнымъ балластомъ, а то, что требовалось — умѣнье подойти къ солдату, опытность учителя,—все это приходилось изобрѣтать самому, отыскивать ощупью, наугадъ.

Съ дѣтства готовясь воспитывать солдата, за десять лѣтъ ученья Коля видѣлъ его лишь издалека и случайно, въ образѣ кадетскаго дядьки или горниста, игравшаго сборъ на уроки. И теперь эти живые сѣряки, сидѣвшіе въ одинаковыхъ позахъ за партами, заставляли его съеживаться и робѣть.

Окончивъ перекличку, онъ раздѣлилъ всѣхъ на три

группы. Въ первой оказалось четверо, умѣвшихъ кое-какъ читать и писать; во второй—человѣкъ десять, разбиравшихъ склады, остальные не знали ничего. Многіе при этомъ не понимали, что такое время, зачѣмъ часы, недѣли, мѣсяцы, не знали значенія самыхъ обычныхъ простыхъ вещей и поражали своими нелѣпыми отвѣтами. Коля былъ прямо ошеломленъ неожиданнымъ для него открытіемъ, что этотъ сынъ Россіи прозябалъ въ глуши, какъ скотъ, велъ растительную жизнь и ничѣмъ на свѣтѣ не интересовался.

— Тимофей Гришинъ,—назвалъ онъ фамилію изъ группы грамотныхъ.

— Я, ваше благородіе...

Съ задней скамейки поднялся солдатъ со скуластымъ рябымъ лицомъ того типа, который называется „кувшиннымъ рыломъ". Глаза у него были маленькіе, свиные, съ нѣкоторой, однако, дозой лукавства.

— Что ты знаешь?—спросилъ Коля.

— Четыре правила рихметики, правила читанія и писанія.

— Читай вотъ отсюда.

— При-вя-за-лась къ ста-ри-ку Е-мель-я-ну хво-ростъ.

— Не хворостъ, а хворость,—поправилъ Коля.

— Хво-ростъ,—повторилъ Гришинъ.

— Хворость. Ты знаешь, что такое хворость?

— Такъ точно. Эфто такія дрова, что печку подпаливають.

— Нѣтъ, то другое. Хворость—это болѣзнь, понимаешь?

— Такъ точно.

— Слѣдующій. Какъ фамилія?

— Трикоза, вашъ бродь.

— Читай вотъ это.

Трикоза взялъ книгу и залпомъ отбарабанилъ:

— Птичкабожіянезнаетънизаботынитрудахлопотливо не свиваетдолговѣчнагогнѣздавъдолгуночьнавѣткѣ...

— Стой, стой! Куда ты летишь?—остановилъ Коля Трикозу, который думалъ блеснуть передъ офицеромъ своимъ искусствомъ.

Трикоза положилъ книгу и съ гордостью заявилъ:

— Я, вашъ бродь, дюжо хорошо умѣю.

— Да развѣ въ томъ умѣнье, чтобы барабанить. Нужно такъ читать, чтобы всѣмъ было понятно. Разскажи, что ты прочелъ?

— Птичка божія не знаетъ ни заботы, ни труда...

— Нѣтъ, ты разскажи своими словами.

Трикоза поднялъ брови до самыхъ волосъ, посмотрѣлъ на потолокъ, точно ища отвѣта.

— Позапамятовалъ, вашъ бродь...

Провѣривъ первыя двѣ группы, изъ которыхъ только одинъ еврей Шапиро умѣлъ толково читать, Коля задалъ имъ чтеніе про себя и перешелъ къ группѣ неграмотныхъ. Взявъ кучу разборныхъ буквъ, онъ началъ объяснять, вполнѣ вразумительно, какъ ему казалось,—что слова состоятъ изъ слоговъ, а слога изъ буквъ, но изъ вопросовъ, которые онъ задавалъ солдатамъ послѣ своего объясненія, убѣждался, что никто ничего не понялъ. Для ясности онъ повторялъ одно и то же пятнадцать, двадцать разъ, и ученики все попрежнему тупо глядѣли на учителя, вытаращивъ глаза.

— Экіе идіоты!—сердился про себя Коля, приписывая непониманіе неразвитости солдатъ и не желая сознаться въ томъ, что онъ не умѣетъ и не въ состояніи учить ихъ безъ подготовки.

Въ самый разгаръ урока неожиданно явился въ классъ фельдфебель и доложилъ, что требуютъ глазныхъ.

— Глазные могутъ идти,—сердито сказалъ Коля и продолжалъ:

— Вотъ, напримѣръ, возьмемъ слово „вата". Это слово состоитъ изъ двухъ слоговъ,—„ва" и „та", а каждый слогъ состоитъ изъ двухъ буквъ, которыя я вамъ сейчасъ показывалъ. Эти буквы: в, а, т. Голополосовъ, повтори.

Голополосовъ, съ котораго уже давно лилъ ручьями потъ, всталъ, тупо уставился на доску, стараясь припомнить въ точности слова его благородія, и началъ:

— Возьмемъ, вашь бродь, слово, которое... стоитъ съ двохъ буковъ...

— Экій дуракъ!—разсердился, наконецъ, Коля.—Я уже не знаю, какъ объяснить, чтобы...

— Ваше благородіе,—сказалъ откуда-то вынырнувшій вѣстовой,—командёръ батильона, такъ что, приказали тѣмъ, которы саперы, надѣть мундеры и итить у первую роту.

Пять человѣкъ саперъ вышли.

— Такъ вотъ слово „вата",—началъ опять Коля, отдуваясь отъ усталости.

— Требуютъ санитаровъ,—доложилъ дежурный по ротѣ.

— Санитары могутъ идти. Голополосовъ, ты понялъ, что такое слогъ?

— Такъ точно, вашь бродь. Это, которые складываются...

— Ну вотъ, вотъ. Слово складывается изъ слоговъ...

— Встать, смирррна!—раздалось въ корридорѣ, и въ ротную школу вошелъ батальонный командиръ подполковникъ Рындинъ.

Рындинъ былъ въ полку самымъ вліятельнымъ лицомъ. Онъ считался помощникомъ командира полка, и отъ него [illegible]то все. Человѣкъ, отъ природы лишенный всякихъ

нравственныхъ принциповъ, онъ могъ подвести и обмануть самымъ жестокимъ образомъ даже тѣхъ, къ кому, казалось, благоволилъ. Онъ не стѣснялся, въ случаѣ надобности, извращать факты до неузнаваемости, заводилъ себѣ шпіоновъ, гдѣ могъ, умѣлъ по одному движенію глазъ, по жесту руки угадывать, чего требуетъ начальство.

Онъ былъ ненавидимъ всѣми подчиненными, но любовь начальства давала ему награды, а ненависть остальныхъ была для него звукъ пустой. Когда было нужно, Рындинъ умѣлъ, по офицерскому выраженію, „нырнуть", т. е. польстить, унизиться, а когда нужно,—разыграть благородство.

Въ сущности, онъ не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ чорта, но считалъ полезнымъ высказывать вслухъ религіозныя сентенціи среди офицеровъ и, особенно, среди солдатъ.

— Молитесь, братцы,—повторялъ онъ солдатамъ со слезой въ голосѣ,—за царемъ служба, а за Богомъ молитва не пропадаетъ.

Но солдаты хорошо раскусили Рындина и называли его „она" и „ласая Рында".

— Глянь, братцы, она поперла въ девятую,—раздавались голоса, когда сгорбленная фигура Рындина ковыляла въ девятую роту,—гляди, и къ намъ прилетитъ.

— Здорово, братцы!—возвысивъ голосъ до тонкаго фальцета, пропищалъ Рындинъ.—Чѣмъ занимаетесь, подпоручикъ?

— Грамотностью, господинъ полковникъ. Объясняю буквы и сложеніе словъ.

Подполковникъ поморщился. Онъ имѣлъ свойство оставаться всѣмъ недовольнымъ.

— Знаете что,—сказалъ онъ подумавъ,—оставьте это. Солдата нужно прежде всего развивать. Читать, повѣрьте мнѣ, онъ самъ выучится. Это рутинный способъ учить его такъ, какъ вы учите: а, б, в, г, д... Его нужно развить, расширить, такъ сказать, его умственный горизонтъ... Какъ фамилія... вотъ этого, что сидитъ на второй скамейкѣ?

— Голополосовъ, вашъ скобродь.

— Такъ вотъ, Голополосовъ,—началъ Рындинъ тихимъ вкрадчивымъ голосомъ.—Ты, навѣрно, не знаешь, отчего это у насъ бываетъ день и ночь. Почему, понимаешь, сперва день, а потомъ ночь?

— День, вашъ скобродь, тò когда зорю бьютъ.

— Стой, стой, братецъ. Ты меня совсѣмъ не понимаешь. Я хочу тебя спросить, отчего не бываетъ, напримѣръ, подрядъ трое сутокъ день и потомъ трое сутокъ ночь?

— Не могемъ знать.

— Такъ я тебѣ объясню,—все также ласково сказалъ

Рындинъ.—Наша земля есть шаръ. Она вертится вокругъ своей оси. Въ то время, когда одна сторона ея обращается къ солнцу, вокругъ котораго она въ то же время вращается, другая находится во тьмѣ. Значитъ, съ одной стороны... понимаешь, такимъ образомъ, день, а съ другой ночь. Понялъ?

— Не могемъ знать, ваше...

— Экій дуракъ,—разсердился Рындинъ.—Стань лицомъ къ окну. Вотъ ты будешь земля. Окно—солнце. Что теперь на дворѣ?

— День, ваше высок... бродь,—отрапортовалъ Голополосовъ.

— Такъ. Вѣрно!—обрадовался Рындинъ.—Вотъ подпоручикъ, съ ними нужно приложить только нѣкоторыя усилія, и сразу все пойдетъ на ладъ. Они очень смышленый народъ. Повернись теперь, Голополосовъ, кругомъ. Понимаешь, ты—земля, и ты теперь обернулся на полный оборотъ къ солнцу. Что, значитъ, теперь на дворѣ?

— День, ваш... скобродь.

Рындинъ измѣнился въ лицѣ.

— Болванъ!—закричалъ онъ, теряя всякое самообладаніе.—Я тебя на недѣлю на хлѣбъ и воду посажу. Теперь на дворѣ ночь, ночь, ночь! Экіе болваны! Неужели вы даже этого не понимаете! Продолжайте, подпоручикъ, заниматься. Ужасно неразвитые люди. Впрочемъ... ихъ, кажется, только семь человѣкъ. Гдѣ же остальные?

— Потребовали санитаровъ, глазныхъ и саперъ,—доложилъ Башневъ.

— Это безобразіе. Я вамъ приказываю впредь никого не отпускать съ занятій изъ ротной школы, хотя бы ихъ требовалъ самъ Господь Богъ. Если люди каждый разъ будутъ отлучаться,—какія же это занятія. Пожалуйста, попрошу васъ, подпоручикъ...

— Ваше высок... бродь,—доложилъ вѣстовой,—командёръ полка, такъ что... приказали нарядить по десять человѣкъ отъ роты на работу.

— По десять человѣкъ?—повторилъ Рындинъ. Онъ подумалъ, пожалъ плечами и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ, одѣваться всѣмъ на работу.

Коля съ чувствомъ облегченія пошелъ домой.

— Брось ты эту чепуху!—посовѣтовалъ ему Олшинъ, зѣвая, выслушавъ его жалобы.—Возьми вольноопредѣляющагося, пусть зубритъ съ этими идолами, а ты себѣ газету читай. Все равно, хоть ты расшибись, изъ твоихъ занятій ничего не выйдетъ.

IV.

Утреннія занятія въ ротахъ кончались въ двѣнадцать часовъ, и едва офицеры успѣвали уходить изъ помѣщенія,—картина казармы мгновенно мѣнялась.

Чинный показной укладъ жизни сразу стирался, какъ стирается съ доски неправильный чертежъ лѣниваго, неспособнаго ученика, а на мѣсто его выступалъ тотъ дневной порядокъ, который установилъ фельдфебель, настоящій хозяинъ роты со своими подручными—унтеръ-офицерами.

Растлѣвающее вліяніе раздѣленія людей на начальниковъ и подчиненныхъ сказывалось здѣсь, гдѣ ничто не было сглажено позолотой и блестками мишуры, съ особой силой, и жизнь являлась во всей своей наготѣ и ничѣмъ не прикрытомъ безобразіи.

Какъ вездѣ на землѣ, и здѣсь были гонимые и гонители, палачи и жертвы, господа и рабы, и тѣмъ хуже было послѣднимъ, потому что сумракъ жизни, который сгустился кругомъ, не имѣлъ исхода и стоялъ безцѣльный, безглазый, слѣпой. Изъ толпы людей самыхъ различныхъ свойствъ и способностей нужно было сдѣлать только одушевленное героизмомъ стадо, безъ мыслей, безъ желаній, безъ инстинктовъ, безъ прошлаго, покорное велѣнію одного.

И для этой цѣли годились всѣ средства.

Въ одиннадцатой ротѣ, такъ же, какъ и въ другихъ ротахъ, примѣнялись въ широкомъ размѣрѣ такъ называемые наглядные способы обученія—пинки, зуботычины, затрещины и другія мѣры, которыя примѣняются обыкновенно для дрессировки и укрощенія звѣрей.

— Тимофея Гришина требуютъ питхебиль, — раздался чей-то голосъ въ ротномъ помѣщеніи, едва только по окончаніи утреннихъ занятій изъ роты успѣли выйти офицеры.

— Тимохвей Гри...шинъ! Гри...шинъ!—закричали солдаты, и передъ фельдфебелемъ одиннадцатой роты, Романомъ Антоновичемъ, предсталъ Гришинъ, который при одной мысли, что его требуетъ начальство, весь похолодѣлъ.

Фельдфебель стоялъ въ ротной канцеляріи въ однихъ штанахъ, живописно растегнутыхъ, и курилъ, заложивъ руки въ карманы.

Видъ у него былъ необычайно импозантный, внушавшій всѣмъ, безъ исключенія, солдатамъ роты почтеніе и трепетъ.

Это былъ коренастый человѣкъ, необычайно браваго, чисто фельдфебельскаго типа, служившій въ полку третій

десятокъ лѣтъ и изучившій до тонкости всѣ особыя сноровки, столь необходимыя для втиранія очковъ высшему начальству.

Когда онъ стоялъ гдѣ-нибудь на смотру на флангѣ роты, грузный, важный, величественный, похожій на изваянный изъ бронзы монументъ, съ медалями и крестами, закрывавшими всю грудь, то даже самые строптивые начальники проникались къ нему уваженіемъ, и у нихъ не поворачивался языкъ говорить ему „ты“, какъ полагалось по уставу, и, скрѣпя сердце, даже противъ своей воли, они обращались къ нему на „вы“.

У своего ротнаго командира, капитана Радугина, онъ былъ правой рукой и пользовался его полнымъ, неограниченнымъ довѣріемъ.

Романъ Антоновичъ былъ предметомъ зависти всѣхъ ротныхъ командировъ, и не разъ многіе пытались переманить его къ себѣ, но всѣ попытки оказывались тщетными.

— Обязанности часового? — кратко спросилъ онъ, упираясь тяжелымъ взглядомъ въ глаза Гришина, который почувствовалъ себя, точно кроликъ подъ взглядомъ удава.

Гришинъ вытянулъ руки по швамъ до полнаго напряженія всѣхъ мускуловъ, шея его удлиннилась на вершокъ, и видно было, какъ на ней бились жилы. Онъ мигалъ глазами, шевелилъ губами, растопыривалъ пальцы, судорожно вздыхалъ, но не могъ вымолвить ни одного слова.

Хотя онъ зналъ обязанности часового, но при видѣ начальства у него отшибало всякій разъ память, и онъ ничего не могъ припомнить.

Фельдфебель выждалъ минуту и нахмурился.

Отъ этого языкъ какъ-то самъ собой повернулся во рту Гришина.

— Часовой... есть... часовой... есть... воинская хорюгъ... которую защитникъ отъ враговъ... до самой смерти...

— Не знаешь, опять не знаешь, сукинъ сынъ, свинячья морда! Чтобы до сего времени обязанности часового не изучить, какъ слѣдоваетъ!

Фельдфебель сжалъ кулаки и пѣтухомъ наступилъ на Гришина. Бить нельзя. Строжайше запрещено многими приказами, и Романъ Антоновичъ твердо помнилъ ихъ всѣ, но въ концѣ концовъ какъ-то такъ выходило, что кулакъ скользилъ самъ собой къ носу виноватаго. Бацъ!.. раздался громкій звукъ оплеухи, и физіономія Гришина отклонилась нѣсколько вправо. Бацъ! бацъ! — и физіономія отклонилась влѣво.

— Первый разъ—замичиніе, второй разъ замичиніе, третій разъ—въ морду!—заключилъ Романъ Антоновичъ, выти-

рая руки носовымъ платкомъ.—У меня чтобы безъ баловства!

Изъ носу Гришина текла кровь; она замазала губы и подбородокъ и двумя тонкими струйками капала на мундиръ и на полъ. Но Гришинъ держалъ руки по швамъ, предоставивъ на это время свою физіономію въ полное распоряженіе Романа Антоновича. Утереться онъ не смѣлъ, изъ боязни оскорбить начальство.

— Вечеромъ „на прыжки!"—сказалъ фельдфебель, строго взглянувъ на кровь.—Ишь, насвинячилъ. Ступай.

Гришинъ, по правиламъ, быстро повернулся кругомъ на лѣвомъ подборѣ, приставилъ правую ногу, щелкнулъ каблукомъ и пошелъ къ двери такимъ шагомъ, точно у него на головѣ стоялъ стаканъ воды.

Выйдя изъ канцеляріи, оглушенный и подавленный, Гришинъ легъ на койку, принялъ свою обычную позу лѣниваго созерцанія и началъ думать.

Думать онъ умѣлъ только медленно, по порядку, по складамъ,—шевеля при этомъ губами и разводя пальцами.

— Шибко бьется,—думалъ Гришинъ.—Совсѣмъ можно жизни рѣшиться. Кажинный, почитай, день. Кажинный божецкій день. Рука у его крѣпкая, мужественная... Теперича, скажемъ, прыжки мнѣ... Самъ спитъ, а ты руки кверху держи—и прыгай, и прыгай, и прыгай, пока не упадешь вовсе. И все это занапрасно. Денегъ хочетъ. А мнѣ гдѣ взять? Нѣту у меня денегъ, будь ты проклятъ. Говоритъ позавчерась: сбѣгай, Гришинъ, въ лавочку, купи полкварты водки, принеси, значитъ, табаку, да ошкварокъ сала, колбасы, опять, купи, да соли, да принеси мнѣ три копейки сдачи. А гдѣ у меня эко мѣсто денегъ? Нешто у меня фабрика? Да...а! Хорошо ученому быть. Назначитъ тогда ротній командеръ въ учебну команду... Безпремѣнно буду ученымъ!

Гришинъ закрываетъ глаза и продолжаетъ сладко мечтать.

Послѣ учебной команды самъ полковникъ производитъ его ехлеторомъ; походилъ немного—нашиваютъ младшаго, потомъ старшаго ундера. Тутъ „питхебиль уторой роты" уходитъ домой къ случаю. Полковникъ приказываетъ назначить его, Гришина, замѣсто питхебиля. Пошелъ на дежурствѣ чичасъ у роту къ Романъ Антоновичу; у ротѣ безпорядокъ. Ка..акъ вдаритъ его въ голову, такъ голова въ туловище и загналася!..

А вечеромъ Гришинъ прыгалъ часа два въ комнатѣ у Романа Антоновича, полумертвый отъ напряженія, и думалъ одну только думу, которая гвоздемъ сверлила его:

— Нужно бѣжать. Вѣдь это што? Ахъ ты Господи! Рази

можно этта... мучить? Гдѣ этта... дозволено? По какому полному праву? Бѣжать! Безпремѣнно бѣжать. Потому можно жизни рѣшиться. Кажинный божій день! Кажинный божецкій день!

Послѣ вечерней молитвы Романъ Антоновичъ говорилъ людямъ рѣчь по поводу украденныхъ татариномъ Гайтулой у еврея Шапиро двухъ паръ сапожныхъ голенищъ.

— Такъ какъ,—началъ онъ тономъ прокурора,—въ настоящее время я возлагаю вину на человѣка совершенно виновнаго, въ лицѣ котораго есть вамъ Гайтула, что онъ руководитель всему этому грязному дѣлу. Убѣдившись и разслѣдуя виновныхъ порядкомъ законнымъ и пользуясь случаемъ окончанія ему срока службы, подводя его подъ категорію этого злоупотребленія... Человѣколюбіе заставляетъ меня морально страдать и потому не могу замолчать. Я вынужденъ, какъ самъ православной вѣры, напомнить, что подобное злоупотребленіе поведетъ къ большой грозѣ. Я буду просить принять зависящія мѣры, которыя будутъ фактически доведены до конца. Гдѣ присяга? Гдѣ правда? Гдѣ совѣсть?

Долго еще въ этомъ духѣ говорилъ фельдфебель, вызывая уваженіе всей роты къ своему дару краснорѣчія, потомъ крѣпко выругался и позволилъ разойтись.

V.

Послѣ обѣда почти всѣ офицеры полка ложились спать и спали до самыхъ вечернихъ занятій, которыя начинались въ пять часовъ.

Отдыхали и солдаты въ своихъ угрюмыхъ ящикахъ-казармахъ, если только можно было назвать отдыхомъ стирку и починку бѣлья, репетицію знанія словесности и т. п.

Все кругомъ какъ-то замирало въ это время, пустѣло... Облупленныя зданія смотрѣли на міръ своими трехстворчатыми окнами, злобно прищурившись, какъ ехидныя подслѣповатыя старухи; чахлыя, низкорослыя деревья печально кивали вѣтвями мимо несущимся поѣздамъ, которымъ не было рѣшительно никакого дѣла до этихъ сѣрыхъ зданій, приникшихъ деревьевъ и спящихъ тяжелыми кошмарными снами людей.

Но въ этотъ день офицерамъ не удалось выспаться послѣ обѣда, такъ какъ всѣхъ ихъ потребовали собраться въ полковой канцеляріи по дѣламъ службы, какъ гласила записка полкового адъютанта.

— Зачѣмъ это?—испуганно спрашивали адъютанта рот-

ные командиры, предчувствуя какую-нибудь каверзу вродѣ инспекторскаго смотра, но адъютантъ съ непроницаемымъ лицомъ вѣжливо отшучивался, не отвѣчая на вопросъ, и мчался далѣе.

— С... скотина! — шипѣли оскорбленные ротные ему вслѣдъ, но при новомъ его появленіи ласково улыбались и брали за талію.

Адъютантъ считался въ полку очень важнымъ лицомъ, какъ посредникъ между офицерами и командиромъ полка, и отъ него зависѣло многое. Поэтому почти всѣ, даже старшіе офицеры полка, заискивали у него, несмотря на разницу лѣтъ и чиновъ.

— Командиръ полка,—провозгласилъ адъютантъ, и въ дверяхъ канцеляріи показалась знакомая командирская фигура.

Командиръ полка, Николай Ивановичъ Кашинъ, былъ на видъ серьезный и солидный человѣкъ, держалъ себя съ достоинствомъ, и когда входилъ куда-нибудь, то неизбѣжно вносилъ съ собой атмосферу скуки и натянутости. Въ его присутствіи становилось всѣмъ какъ-то не по себѣ. Онъ былъ воплощеніемъ служебной точности и аккуратности, и, глядя на него, можно было подумать, что никакія человѣческія чувства не шевелили его души.

Если глаза—зеркало души, то душа была у него холодная, стеклянная, безжизненная.

Онъ не умѣлъ ни о чемъ говорить, кромѣ службы, при чемъ всегда и во всемъ находилъ одни упущенія, непорядки и по отношенію къ своимъ подчиненнымъ употреблялъ одни командныя слова: „я указываю, предписываю, подтверждаю" и т. п. Когда же приходилось говорить о предметахъ сколько-нибудь отвлеченныхъ, онъ мялъ, путалъ и сводилъ разговоръ не священное писаніе, съ которымъ былъ знакомъ потому, что когда-то учился въ семинаріи.

Впрочемъ, съ подчиненными онъ рѣдко и скупо тратилъ слова, держалъ себя гордо, недоступно; зато немедленно терялъ все свое величіе, когда разговаривалъ съ лицами высшаго служебнаго положенія. Куда дѣвались тогда его плавная рѣчь, размѣренныя движенія! Сладкая улыбка появлялась на морщинистомъ лицѣ, и даже большой обвислый животъ, словно, прятался куда-то въ складки одежды.

— Слушаю-съ,—говорилъ онъ, мучительно сладко улыбаясь.—сію минуту, ваше превосходительство, немедленно будетъ исполнено.

— Господа,—сказалъ командиръ полка, послѣ довольно продолжительнаго молчанія,—прошу васъ пожаловать сего-

дня ко мнѣ въ три часа дня. Форма одежды — сюртукъ при оружiи.

Приглашенiе командира было равносильно приказанiю, и всѣ пошли переодѣваться.

Черезъ полчаса подполковникъ Рындинъ во главѣ торжественной процессiи входилъ въ командирскую гостинную, счастливый, сiяющiй, точно получившiй наслѣдство, и тотчасъ же завоевалъ себѣ позицiю около жены командира, Дарьи Мартыновны, дамы съ тупымъ, важнымъ лицомъ, считавшей положенiе своего мужа почти самымъ высокимъ въ мiрѣ, такъ сказать, мѣриломъ для всего прочаго человѣчества.

Она любила быть исключительно въ обществѣ мужчинъ, а полковыхъ дамъ не долюбливала, считая ихъ своими подчиненными, находя ихъ легкомысленными и развратными отчасти только снисходя къ штабъ-офицершамъ.

Когда она являлась по какому-либо поводу въ офицерское собранiе, то ни съ кѣмъ не здоровалась, а садилась на самое видное мѣсто и сидѣла на манеръ китайскаго истукана до тѣхъ поръ, пока всѣ не подходили къ ней для прикладыванiя. Горе было той неосторожной, которая не продѣлывала этой церемонiи! Подобное невниманiе всегда отражалось на служебной дѣятельности ея мужа...

Въ полку она была первымъ лицомъ, вершила всѣ дѣла, отдавала подъ судъ нижнихъ чиновъ, назначала денщиковъ, пускала въ отпускъ офицеровъ и т. п.

Говорила она, въ противоположность своему супругу, очень много, причемъ разсказывала постоянно о знаменiяхъ, чудесахъ, святыхъ угодникахъ, была очень набожна, боялась смерти, ходила въ церковь каждый праздникъ, становясь впереди всѣхъ на бархатномъ коврѣ въ зеленомъ шелковомъ платьѣ и огромной шляпѣ съ птицей.

Въ Рындина она была втайнѣ влюблена и во всѣхъ случаяхъ жизни обращалась къ нему за совѣтомъ.

— Валентинъ Өедоровичъ,—протянула она странно тонкимъ голосомъ, похожимъ на мышиный пискъ,—вы, вѣдь чтецъ литературы?

— Всегда за всѣмъ считаю своимъ служебнымъ долгомъ слѣдить,—быстрымъ теноркомъ отвѣтилъ Рындинъ.

— Вы не слышали?.. Опять этотъ... Какъ его... Толстой... написалъ тамъ что-то... Говорятъ, что-то ужасное... противъ Бога... Вы, навѣрно, слышали?

— Какъ же, какъ же! Онъ написалъ новый романъ „Вознесенiе“.

— Ахъ, Боже мой, это ужасно. Ужасно, до чего доходятъ *эти* люди!

И командирша длинно и несвязно, ни съ того ни съ сего, начала разсказывать о мощахъ какого-то святого старца, которыя она недавно видѣла въ монастырѣ.

Окончивъ повѣствованіе о мощахъ, она безъ передышки начала самый свѣтскій разговоръ о дороговизнѣ дровъ и керосина.

Офицеры слушали съ необычайно внимательнымъ видомъ, какъ будто боясь проронить слово, поддакивали и напряженно улыбались.

Между тѣмъ, гостинная все наполнялась, и къ тремъ часамъ дня собрались уже всѣ безъ исключенія офицеры полка.

— Ѣдетъ!—вдругъ прервалъ адъютантъ потокъ краснорѣчія Дарьи Мартыновны, и командиръ съ необычайною торопливостью устремился въ переднюю и скоро привелъ подъ руку толстаго, незнакомаго никому изъ офицеровъ господина со скобелевскими бакенами.

— Прошу познакомиться,—сказалъ командиръ, почтительно склонивъ голову къ лѣвому плечу гостя.—Семенъ Саввичъ,—краса и гордость здѣшняго края. Позвольте представить: подполковникъ Рындинъ, капитанъ Матусевичъ... Знакомьтесь, господа. Семенъ Саввичъ, здѣшній милліонеръ, такъ сказать... краса и гордость... Прошу пожаловать, дорогой Семенъ Саввичъ, въ нашу бѣдную хижину, которая, вѣроятно, покажется вамъ послѣ вашихъ палатъ... такъ сказать... Не даромъ въ священномъ писаніи говорится: воздадите убо Кесарево Кесареви... хе-хе-хе. Прошу садиться, господа!

Всѣ, точно по командѣ, сѣли.

Между командиромъ и командиршей помѣстился Семенъ Саввичъ, напротивъ—подполковникъ Рындинъ, остальные въ отдаленіи у стѣнъ, какъ послушные ученики, готовые выслушать урокъ строгаго учителя.

Семенъ Саввичъ Ворошиловъ былъ простой, сѣрый купецъ, вначалѣ мелкій лавочникъ, правдами и неправдами выбившійся наверхъ. Теперь онъ быстро шелъ въ гору, скупалъ земли, строилъ заводы и считался въ нѣсколькихъ милліонахъ. Сюда онъ попалъ случайно по дѣлу арендованія его земли полкомъ подъ стрѣльбище.

Повидимому, онъ не ожидалъ такого пышнаго пріема, и на его неглупомъ лицѣ ясно было написано недоумѣніе...

Какъ только перестали двигать стульями, полковникъ началъ рѣчь:

— Семенъ Саввичъ, господа,—сказалъ онъ, обращаясь къ безмолвной толпѣ офицеровъ,—солидный дѣятель здѣшняго края, такъ сказать... милліонеръ... звѣзда первой вели-

чины, имѣетъ пять паровыхъ мельницъ, чугуннолитейный заводъ и множество пароходовъ.

Командиръ кашлянулъ, оглянулъ всѣхъ, какъ будто стараясь провѣрить впечатлѣніе своихъ словъ, и продолжалъ:

— Я и моя жена, Дарья Мартыновна, съ мѣсяцъ тому назадъ воспользовались... такъ сказать... гостепріимствомъ этого почтеннаго дѣятеля. Мы были въ роскошномъ дворцѣ Семена Саввича... да... и чувствовали себя тамъ, какъ дома. Семенъ Саввичъ былъ настолько добръ, что оставилъ насъ у себя обѣдать, и я, въ свою очередь, желая отблагодарить дорогого гостя, рѣшилъ собрать васъ, господа, чтобы почтить этого виднаго и солиднаго дѣятеля...

Командиръ говорилъ почти безъ запинки, вѣроятно, заранѣе выучивъ рѣчь наизусть.

Коля слушалъ его сперва съ удивленіемъ, потомъ съ мучительнымъ стыдомъ. Ему вдругъ стало такъ невыносимо стыдно, какъ бываетъ иногда во снѣ, когда видишь себя совершенно раздѣтымъ среди большого общества людей. Онъ искоса взглянулъ на лица другихъ, думая открыть въ нихъ выраженіе того же чувства, но лица у всѣхъ были ясны, спокойны и даже веселы. Повидимому, всѣ съ величайшимъ интересомъ слушали то, что разсказывалъ командиръ.

— Какое униженіе!—думалъ Башневъ, испытывая желаніе заткнуть уши.

И вдругъ почему-то, совершенно нелѣпо, некстати врываясь въ ходъ его мыслей, какъ въ музыку фальшивая нота, вспомнились ему два стиха:

Тамъ сухое убираютъ
Мужички его кругомъ...

— „Боже мой, какая нелѣпость!"—повторялъ онъ, глядя на лоснящееся лицо милліонера, сжимая отъ остраго стыда пальцы ногъ, и вдругъ опять врывалось въ мысли:

Тамъ сухое убираютъ
Мужички его кругомъ...

Солдатъ, одѣтый во фракъ, внесъ подносъ съ шампанскимъ.

— Пью здоровье добрѣйшаго Семена Саввича, — провозгласилъ командиръ.— Ура!

Многимъ не хватило бокаловъ, и они стояли съ пустыми руками, крича „ура", точно статисты во время представленія патріотической пьесы.

Потомъ сѣли и замолчали.

Никто не зналъ, что нужно еще говорить. Командиръ израсходовалъ все краснорѣчіе и сидѣлъ, какъ сова, повидимому, давъ обѣтъ молчанія; офицеры стѣснялись и не находили темы, а Семенъ Саввичъ, очевидно, не зналъ, какъ выпутаться изъ нелѣпаго положенія. Такъ прошло минуты три. Молчаніе становилось неудобнымъ.

Наконецъ, бразды разговора взяла Дарья Мартыновна.

— Ахъ, Семенъ Саввичъ, — воскликнула она патетическимъ голосомъ,—видно по всему, что вы ужасно любите военныхъ. Вы такой патріётъ, такой патріётъ. У васъ даже управляющій—бывшій военный. Представьте, господа, у него управляющій—бывшій военный.

Многіе постарались изобразить на лицахъ изумленіе.

— Онъ получаетъ,—продолжала она,—у Семена Саввича десять тысячъ, и положеніе его все равно, какъ командира полка. А вѣдь былъ всего только жалкій подпоручикъ. А что такое подпоручикъ на службѣ? Бѣднота, нищета... жена нищая...

— Да,—вставилъ ни съ того, ни съ сего командиръ,—наша военная семья дружная. Приказалъ вотъ... и собрались. Дружная, знаете, семья, Семенъ Саввичъ. Если Господь Богъ благословитъ, то мы всѣ придемъ къ вамъ на поклонъ. Господа, выпьемъ еще здоровье свѣтила, такъ сказать, звѣзды первой величины. Чугуннолитейный заводъ, на которомъ дѣлаются пушки...

Полковникъ пришелъ въ умиленіе, на глазахъ показались слезы.

— При первой возможности я съ господами офицерами прійду вамъ поклониться, добрѣйшій Семенъ Саввичъ.

Милліонеръ окончательно растерялся, ерзалъ на стулѣ и не зналъ, куда глядѣть.

— Помилуйте,—наконецъ, вымолвилъ онъ,—развѣ я... Да развѣ я... Что вы? Помилуйте!

Онъ отеръ потъ, выступившій на лбу, всталъ и хотѣлъ прощаться, но Николай Ивановичъ былъ неумолимъ.

— Нѣтъ, ужъ извините, дорогой Семенъ Саввичъ,—сказалъ онъ любезно, хватая гостя за руки.—Вы нашъ плѣнникъ, такъ сказать. Вы, такъ сказать... звѣзда... дѣятель... Извините!

И Семенъ Саввичъ еще два часа покорно выслушивалъ комплименты „дружной семьи“.

Когда офицеры расходились по домамъ, по лицамъ ихъ было видно, что ничего особеннаго не случилось; многіе были веселы, нѣкоторые равнодушны, и рѣшительно никто не высказалъ протеста.

Колѣ вдругъ захотѣлось очутиться въ полномъ одино-

чествѣ, гдѣ-нибудь среди высокой колосящейся ржи, подальше отъ стѣнъ казармъ. Онъ пересѣкъ линію желѣзной дороги и пошелъ къ лѣсу по пыльному проселку.

Багряный отблескъ зари умиралъ, поблескивая на переплетающихся вѣтвяхъ одинокихъ деревьевъ; красивый огненный шаръ, склоняясь къ закату, озарялъ новыя страны, и Башневу почему-то вдругъ страстно захотѣлось растаять, разлиться въ этихъ лучахъ и исчезнуть незамѣтно навсегда вмѣстѣ съ потокомъ умирающаго свѣта. Какая-то неясная, скорбная мысль, точно тайное предчувствіе страданія, овладѣла имъ.

Вѣчное мерцающее небо, думалъ онъ, какъ оно высоко, чисто и недоступно, но зачѣмъ оно? Зачѣмъ эта смѣшная комедія, которую мы всѣ разыгрываемъ на подмосткахъ жизни?..

VI.

Въ воскресенье, часовъ въ двѣнадцать, передъ окнами офицерскихъ квартиръ выстроился длинный рядъ экипажей. Здѣсь были и коляски, и брички, и ротныя артелки, и полковая долгушка, носившая на англійскій манеръ названіе „брэка“.

Прошло часа полтора, но никто еще не показывался. Дамы еще не успѣли приготовиться. Онѣ завивались, румянились, затягивались въ корсеты и страшно спѣшили.

— Вѣдь я-жъ тебѣ говорилъ, что нужно было одѣваться съ десяти часовъ, — сердился на свою жену капитанъ Пискорскій, — а ты, тумба этакая, только сейчасъ начинаешь крутить папильотки.

Марья Ивановна Пискорская, толстая, безобразная, съ огромнымъ животомъ, въ одной нижней юбкѣ, носилась по комнатамъ, не зная, за что схватиться. Она ужасно боялась опоздать и старалась надѣть все сразу, но вещи валились изъ рукъ, и ничего не выходило. Бросивъ прическу, она схватила корсетъ и начала затягиваться, но корсетъ плохо поддавался усиліямъ.

— Жанъ,—застонала Марья Ивановна,—позови прислугу, пусть поможетъ мнѣ стянуться.

Жанъ съ сердцемъ плюнулъ въ уголъ и закричалъ:

— Василій, помоги барынѣ.

Деньщикъ Василій съ серьезнымъ, рѣшительнымъ лицомъ и съ такимъ видомъ, точно онъ шелъ брать неприступную крѣпость, задержавъ дыханіе, изо всѣхъ силъ натянулъ шнурки. Внутри Марьи Ивановны что-то лопнуло.

— Вотъ хорошо...—прошептала она, совершенно задыхаясь.—Спасибо, Василій.

— Радъ стараться, барыня.

— Ну, я пойду,—сказалъ мужъ,—а ты, если не успѣешь, сама виновата.

Онъ вышелъ изъ дому и увидѣлъ, что возлѣ экипажей уже ходили взадъ и впередъ нѣсколько офицеровъ въ новенькихъ кителяхъ, ослѣпительно блестѣвшихъ на солнцѣ. Тутъ же, попадая всѣмъ подъ ноги, бѣгали безчисленныя офицерскія дѣти и собаки.

Наконецъ, появились и дамы.

Первая вышла мадамъ Матусевичъ въ дорогомъ весеннемъ модномъ платьѣ съ соблазнительно-большимъ вырѣзомъ на груди, вся пропитанная какими-то необыкновенными духами. Она была очень красива той страстной животной красотой, которая, какъ будто, отдавалась жаднымъ ласковымъ взглядамъ мужчинъ, устремленнымъ на ея сильную, открытую грудь. Глаза ея, какъ будто, говорили всякому: „я могу быть и твоя“.

Мужъ ея плелся сзади, сопя, какъ испорченный насосъ. Это былъ низкій, толстый человѣкъ съ обрюзглымъ старообразнымъ лицомъ, на которомъ всегда было такое выраженіе, точно онъ только что выпилъ и еще не успѣлъ протрезвиться. Больше всего на свѣтѣ онъ заботился о своемъ здоровьи и питаніи организма. Съ самаго ранняго утра онъ уже ѣлъ, а когда приходилось быть на службѣ, то съ нетерпѣніемъ посматривалъ на часы и съ послѣднимъ ударомъ маятника спѣшилъ домой, гдѣ снова со смакомъ ѣлъ всевозможныя блюда, приготовленныя не менѣе, чѣмъ на десять персонъ.

Человѣкъ со средствами, онъ въ службѣ видѣлъ лишь маленькое подспорье, и забитые бѣдностью офицеры считали его аристократомъ; однако, никто бы не рѣшился попросить у него взаймы, потому что послѣдовалъ бы вѣжливый, но неизмѣнный отказъ.

Съ молодежью онъ ругалъ начальство, а съ начальствомъ велъ себя смирно, почтительно и умѣлъ держать „громоотводъ“. Многіе считали его даже полковымъ шпіономъ...

За ними появилась Анна Ларіоновна, соломенная вдова, мужъ которой (лицо чуть-ли не миѳическое) находился гдѣ-то въ вѣчномъ плаваніи. Послѣднія пять лѣтъ ей было все двадцать четыре года, и, наперекоръ времени, она прыгала, какъ дѣвочка, кокетничала, картавила, ухаживала за молодыми офицерами, любила пикантные анекдоты и обижалась, когда нѣкоторые не договаривались до конца.

Потомъ пришли старыя, почтенныя дамы, обладавшія

[illegible]

Мужъ Марьи Ивановны слушалъ и мрачно молчалъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ.

— Что ты, матушка, сочиняешь. Никогда мы съ Лишиными Звонскими не ѣздили на пикники.

Но Марья Ивановна, даже не покраснѣвъ, обратилась уже къ поручику Чубуковскому и изобразила на своемъ лицѣ милѣйшую улыбку.

— А вы молодой человѣкъ, все ухаживаете, ухаживаете?

Чубуковскій,—красивый и гибкій, какъ верба, франтоватый, чистенькій, считавшій себя рыцаремъ всѣхъ дамъ,—при обращеніи къ нему Марьи Ивановны, моментально закланялся, закартавилъ, какъ петрушка, со звономъ щелкнулъ шпорами, снялъ фуражку и поклонился такъ низко, что стало видно его маленькую, въ серебряный пятачокъ, лысину.

Это онъ называлъ корректнымъ поклономъ. Такъ постоянно кланялся генералъ, и Чубуковскій перенялъ у него эту манеру. Онъ весь состоялъ изъ подражаній, перенимая быстро, какъ обезьяна, у одного прическу, у другого поклонъ, у третьяго манеру говорить и т. д.

— Я, madame, — залепеталъ онъ, подражая свѣтскому

льву,—готовъ ухаживать только за вами... Мнѣ очень интегесно...

Марья Ивановна при этихъ словахъ начала таять, какъ сахаръ.

— Садитесь съ нами, молодой человѣкъ, вотъ здѣсь есть мѣсто,—сказала она, имѣя тайное желаніе взять въ плѣнъ подпоручика на все время пикника.—Хотя тутъ мало мѣста, но потѣснимся,—прибавила она сладкимъ голосомъ.

Чубуковскій понялъ военную хитрость, но было уже поздно думать объ отступленіи, и, проклиная судьбу, онъ полѣзъ на долгушу и усѣлся рядомъ съ Марьей Ивановной, отъ которой палило, какъ отъ печки.

— Туша проклятая!—думалъ онъ съ негодованіемъ.—Подушка съ пухомъ, туда же лѣзетъ ухаживать!

И, чтобы не видѣть противной рожи Марьи Ивановны, онъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ поле, кусокъ котораго виденъ былъ изъ-за стѣны казармы.

Легкій вѣтерокъ волнами перекатывался по яркой зелени молодого овса; вдали синѣла рѣка, за ней на краю горизонта чернѣла сплошная линія лѣса. Необозримая даль!

Это было то время весны, когда только еще пробиваются молодые листочки, когда всѣ запахи, цвѣта и краски дѣлаются ярче, когда впечатлительность удваивается, когда полной грудью вдыхаешь цѣлебный воздухъ, несущійся съ полей. Кажется, что глотокъ воздуха—лишній день жизни...

Всѣ были въ приподнятомъ весеннемъ настроеніи; хотѣлось пѣть, дурачиться, смѣяться.

Командиръ полка проскакалъ верхомъ впереди экипажей, раскланиваясь съ дамами и показывая ослѣпительно-бѣлые вставные зубы. За нимъ тронулись всѣ. Барышни начали махать руками и визжать, но нельзя было разобрать—что. На встрѣчу то и дѣло попадались хохлы, босые, изодранные, обнищалые, бабы—неуклюжія, грязныя, съ подоткнутыми подолами. Они съ любопытствомъ оглядывались на вереницу экипажей, останавливаясь у дороги, закрывая глаза отъ солнца ладонью, и долго видно было, какъ они стояли, глядя вслѣдъ несущейся пыли.

Олшинъ на велосипедѣ, сверкая спицами колесъ, быстро перегналъ кавалькаду и, сдѣлавъ дамамъ рукой поцѣлуй, скрылся за поворотомъ дороги.

Черезъ полчаса пріѣхали въ лѣсъ.

Было что-то трогательное въ молодой робкой зелени, которая развертывалась, дѣвственная, еще не тронутая пылью, яркая и блестящая. Дубы еще не распустились. Эти великаны въ три обхвата одѣвались листвой позже всѣхъ, но зато зеленѣли вплоть до перваго снѣга.

Теперь, точно угрюмые старики, разставивъ во всѣ стороны свои корявыя руки, они вырисовывались темными силуэтами на свѣжей, ласкающей глазъ зелени. Пахло сухими прошлогодними листьями и тѣмъ особеннымъ запахомъ лѣса, который такъ рѣдко приходится вдыхать людямъ, прикованнымъ въ городахъ къ своимъ многоэтажнымъ управленіямъ и конторамъ.

На одной изъ полянокъ суетился буфетчикъ Никифоръ съ огромнымъ самоваромъ и закусками. Посреди поляны выстроился оркестръ. Капельмейстеръ взмахнулъ палочкой, и по лѣсу понеслись твердые мѣдные звуки, а гдѣ-то въ глубинѣ его эхо точно и вѣрно повторяло ихъ, опаздывая на пять секундъ, и казалось, что тамъ играетъ другой, спрятанный за деревьями оркестръ.

— А жаль, что не взяли картъ,—сказалъ капитанъ Матусевичъ; но дамы замахали на него руками.

— Успѣете дома наиграться. Здѣсь гулять, гулять!

Марья Ивановна повисла на рукѣ Чубуковскаго и ни за что не хотѣла оставить завоеванную позицію. Анна Ларіоновна и мадамъ Матусевичъ усѣлись по-одаль натравѣ, окруженныя компаніей изъ конспиративной квартиры.

Олшинъ разсказывалъ довольно недвусмысленный анекдотъ, а дамы дѣлали видъ, что не понимаютъ.

Въ это время изъ-за опушки лѣса показался еще цѣлый цвѣтникъ женщинъ. Это были приглашенныя изъ города.

— Смотри,—шепнулъ Олшинъ Колѣ Башневу на ухо,— впереди въ бѣломъ... Это Лена Конторовичъ, она въ тебя влюблена. Сама говорила, честное слово армейскаго офицера...

Женщины смѣялись, наполняя лѣсъ звонкими раскатами молодого смѣха и заражая всѣхъ здоровымъ весельемъ. Хотѣлось прыгать, скакать, дурачиться, громко кричать на весь лѣсъ и любоваться гулами эхо.

Начали играть въ горѣлки, и задорнѣй всѣхъ звучалъ серебристый голосъ Леночки. Жизнь била въ ней ключомъ и рвалась наружу, какъ лава изъ кратера кипящаго вулкана, и отъ нея вѣяло молодой, дѣвственной свѣжестью, точно отъ соленой волны моря.

Черезъ полчаса Коля рѣшилъ уже, что въ нее нельзя не влюбиться—и сразу влюбился такъ, какъ только могутъ влюбляться двадцатилѣтнія дѣти. Онъ уже ничего не видѣлъ кругомъ кромѣ Леночки и ея воздушно-бѣлаго платья на фонѣ бархатной зелени. И лѣсъ, и звуки музыки, и вѣтеръ, шевелившій верхушки деревьевъ, были полны ею, говорили о ней, цѣловали ея бѣлокурые волосы, наклонялись къ ея дѣвической груди. Ему хотѣлось схватить ее, обнять, цѣ-

ловать и не разставаться съ нею до конца жизни! Онъ былъ умиленъ, растроганъ свѣжимъ дуновенiемъ весны и ласковой улыбкой этой полузнакомой дѣвушки, въ которой ему чудилось что-то близкое, родное, точно когда-то давно потерянное и теперь снова найденное счастье. Каждое слово, поворотъ головы, улыбка Леночки казались ему необыкновенно умными, интересными, особенными, совсѣмъ не такими, какъ у другихъ женщинъ.

Въ то время, какъ уже разостлали на травѣ скатерть для чаепитiя, изъ чащи показался незнакомый никому штатскiй господинъ атлетическаго сложенiя съ рожкомъ черезъ плечо. Онъ вѣжливо снялъ шляпу и началъ говорить что-то командиру полка. Доносились только отдѣльныя слова: „панъ грабе... пше прашам... пана... не моге“.

Смыслъ его рѣчи былъ тотъ, что графъ, которому принадлежалъ лѣсъ, не позволялъ здѣсь устраивать пикники.

Всѣ съ разочарованными лицами снова усѣлись въ экипажи и поѣхали искать пристанища. Управляющiй долго еще кланялся вслѣдъ и извинялся.

Черезъ три версты въѣхали въ казенный лѣсъ, гдѣ и расположились. Снова разостлали скатерть, вокругъ которой усѣлись алчущiе и жаждущiе.

Капитанъ Матусевичъ, хромая на правую ногу, сопровождалъ Марью Ивановну, которая во время суматохи потеряла своего кавалера, и объяснялъ ей, въ какихъ случаяхъ надѣвается парадная и въ какихъ обыкновенная форма.

Марья Ивановна разсѣянно слушала и глядѣла по сторонамъ. Ей было скучно.

— На всѣхъ ученьяхъ и разводахъ въ присутствiи высшаго начальства, а равно на смотрахъ и парадахъ,—говорилъ капитанъ скрипучимъ голосомъ.

— Гдѣ мой Жанъ?—перебила его Марья Ивановна.—Отыщите, ради Бога, моего Жана, я хочу ѣхать домой.

Но Жанъ какъ въ воду канулъ.

— Увѣряю васъ,—говорилъ Олшинъ,—что я видѣлъ, какъ вашъ мужъ цѣловалъ руку у Леночки.

Марья Ивановна не на шутку встревожилась.

Пискорскiй былъ человѣкъ безличный. Женился онъ не по любви, не по расчету, а такъ—чортъ знаетъ почему. Жену онъ терпѣть не могъ и любилъ тайно другую. Онъ мечталъ объ иной благородной жизни, но часто наперекоръ себѣ самому дѣлалъ гадости и терзался этимъ. Съ солдатами своей роты онъ старался поступать справедливо, обращаться съ лаской, но какъ-то выходило такъ, что его фельдфебель и унтера брали взятки и щелкали солдатъ по зубамъ, а самъ онъ часто кричалъ на людей до потери голоса,

топалъ ногами и приказывалъ фельдфебелю дать „этому мерзавцу“ три раза въ морду, что тутъ же и приводилось въ исполненіе. Потомъ онъ раскаивался, хватался за голову, хотѣлъ застрѣлиться, но почему-то откладывалъ это намѣреніе и шелъ играть по тысячной въ винтъ.

Марья Ивановна знала хорошо своего супруга и безпомощно оглядывалась кругомъ, разыскивая глазами его фигуру и чуть не плача. А капитанъ въ это время въ глубинѣ лѣса, дѣйствительно, шелъ рядомъ съ Леночкой, которая, держа подъ руку Башнева, кокетничала на два фронта, заставляя сжиматься сердце Коли безумной ревностью. Не замѣчая косыхъ взглядовъ соперника, Пискорскій срывалъ стебли травы и жевалъ ихъ, выплевывая зеленую слюну. Ему нравилась невозмутимая тишина лѣса, отблески солнца на листьяхъ, на стволахъ, шорохъ вѣтра и близость молодой, чистой, изящной, кокетливой дѣвушки.

— Боже мой,—думалъ онъ,—за что я такъ несчастливъ, за что?

Внезапно сталъ накрапывать дождь.

Всѣ засуетились и бросились къ экипажамъ, оставивъ закуски и самоваръ съ буфетчикомъ Никаноромъ на произволъ судьбы.

Когда выѣхали изъ лѣсу,—глазамъ представилась великолѣпная картина. Почти полнеба было затянуто точно черной марлей, на фонѣ которой крутились желтыя облака. Сильный вѣтеръ гналъ по дорогѣ огромные густые столбы пыли, дождь еще чуть-чуть накрапывалъ, но видно было, что сейчасъ разразится первый весенній ливень. Вдругъ черную марлю внезапно разрѣзалъ ослѣпительный зигзагъ молніи, и почти въ ту же секунду оглушительно загрохоталъ раскатъ грома. Казалось, что небо свалилось на землю. Лошади зафыркали, задвигали ушами, дамы завизжали отъ страха, перетрусивши не на шутку.

Вдругъ, точно по командѣ, побѣжали съ неба густые, косые струи дождя, мгновенно превратившіе глинистую дорогу въ трясину, а пестрыя шляпки дамъ въ безформенные куски матеріи.

По сторонамъ дороги образовались мутные потоки, которые, грозно шипя, бѣжали внизъ, заливая колеса экипажей. Лошади перемѣнили аллюръ изъ рыси на шагъ и еле вытаскивали копыта изъ густой грязи.

Марья Ивановна, по счастью, попала въ крытый экипажъ и сидѣла сухая и довольная tête-a-tête съ Тарбѣевымъ. Она болтала безъ умолку.

— Представьте,—говорила она,—какой случай. У меня бонна—простая нѣмецкая дѣвка, а съ какими претензіями.

Не хочетъ бѣлье стирать. Я ей говорю: что вы, говорю, голубушка! Вы вѣдь не въ Германіи, гдѣ все можно. У насъ, говорю, въ Россіи есть законы. Можно заставить васъ исполнять свои обязанности. А она, представьте, хамка этакая, мнѣ дерзости. Конечно я, не медля ни минуты, прогнала ее, и теперь сижу одна. Все сама. Все сама. Не знаю, что и дѣлать. Я слышала, вы, мосье Тарбѣевъ, поѣдете въ Кіевъ.

— Да, да. Ѣду на одинъ день.

— Голубчикъ!—воскликнула Марья Ивановна.—Одну маленькую, маленькую просьбу. Не откажите исполнить.

— Что такое?

— Манюсенькій пакетикъ... не болѣе четверти аршина. Сверточекъ. Александровская улица, домъ номеръ двадцать седьмой, Лидіи Павловнѣ Грундиной. Очень хорошая наша знакомая. Бо..огатая! Урожденная княжна... Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе.

— Да у меня времени рѣшительно нѣтъ, Марья Ивановна,—возразилъ съ неудовольствіемъ Тарбѣевъ, знавшій привычки Марьи Ивановны всѣмъ и каждому давать какія-либо порученія.

— Ма..анюсенькій пакетикъ...

— Да поймите, Марья Ивановна...

— Согласны! Согласны! Я по глазамъ вижу. Благодарю васъ, отъ души благодарю.

Олшинъ сидѣлъ на артелкѣ съ Анной Ларіоновной и мокъ подъ дождемъ, отдавъ дамѣ свое пальто. Она, освободивъ ногу, прижалась ею совершенно недвусмысленно къ ногѣ поручика...

— Отчего вы тогда не пришли?—зашептала она.—Ахъ вы, противный!

Олшинъ, вмѣсто отвѣта, ущипнулъ ее за ногу. Анна Ларіоновна вскрикнула отъ боли и обидѣлась.

— Вы невѣжа!—сказала она сердито.—Не умѣете обращаться съ женщинами.

— Развѣ вамъ непріятно?—удивился Олшинъ.

Анна Ларіоновна отодвинулась отъ него и надулась.

Чубуковскій ѣхалъ съ женой Матусевича.

Едва онъ влѣзъ въ фаэтонъ, какъ запечатлѣлъ на ея розовыхъ устахъ продолжительный поцѣлуй. Они давно были въ интимныхъ отношеніяхъ и не стѣснялись.

— Приходи завтра, мужъ дежурный, — зашептала она, глядя влюбленными глазами въ наглые глаза подпоручика.—Въ четыре часа приходи и постучи въ окно.

Чубуковскій кивнулъ головой въ знакъ согласія и погрозилъ ей пальцемъ.

— Смотри, Вѣрка, я замѣтилъ, что ты мнѣ измѣняешь...

— Ей-Богу, ей-Богу ничего подобнаго! — забожилась она.—Я тебя одного только и люблю. Честное слово, че..естное слово!

Когда пріѣхали въ казармы, дождь уже пересталъ. Солнце свѣтило еще ярче, омытая листва отсвѣчивала зеленымъ бархатомъ. Всѣ вылѣзли мокрые, обрызганные грязью и начали расходиться по домамъ, торопливо пожимая другъ другу руки.

— Господа,—суетился Чубуковскій,—поблагодаримъ же командира и командиршу за доставленное удовольствіе. Неловко. Вѣдь нужно. Крайне необходимо.

Въ такихъ случаяхъ, гдѣ нужно было благодарить начальство, Чубуковскій былъ всегда тутъ, какъ тутъ. Всѣ гадости онъ дѣлалъ съ милой дѣтской наивностью, шутилъ и смотрѣлъ всѣмъ въ глаза съ такой честной откровенностью, что даже кремни, которыхъ ничѣмъ нельзя было удивить, удивлялись и въ душѣ говорили: „ну и подлецъ!“ Но высказать это вслухъ ни у кого не хватало духу, потому что Чубуковскій перевернулъ бы тогда вверхъ дномъ весь полкъ, кричалъ бы въ офицерской столовой и собраніи о рыцарствѣ, благородствѣ, товарищескихъ отношеніяхъ, побѣжалъ бы жаловаться къ командиру полка, поѣхалъ бы къ генералу и сталъ грозить дуэлью и судомъ общества офицеровъ, котораго всѣ боялись, такъ какъ предсѣдателемъ суда былъ Рындинъ, а членами Яшъ, Матусевичъ и компанія.

Судъ былъ всегда скорый, рѣдко милостивый и постоянно неправый, потому что не имѣлъ никогда собственнаго мнѣнія, а плясалъ по начальнической дудкѣ.

Но исторіи съ Чубуковскимъ случались рѣдко. Онъ разыгрывалъ честнаго, преданнаго товарища, для котораго долгъ выше всего. Человѣкъ холоднаго разсчета, онъ дѣйствовалъ всегда навѣрняка. „Лютъ къ начальству“, говорили про него полковые остряки.

А онъ леталъ, какъ пухъ, отъ одного начальства къ другому и у каждаго разыгрывалъ роль маленькой, ласковой комнатной собачки.

— Этотъ бѣсъ вездѣ пролѣзъ!—сказалъ про себя Торбѣевъ, глядя на стройную, шмыгающую фигуру Чубуковскаго, но сейчасъ же пошелъ вслѣдъ за нимъ и приложился къ ручкѣ матушки командирши.

— Ахъ, душечка,—внезапно воскликнула Марья Ивановна, увидѣвъ Леночку подъ руку съ Башневымъ,—извините, хоть я незнакома, но у меня къ вамъ есть одна просьба... Этотъ негодяй портной Минцесъ сшилъ моему Колюшкѣ штаны—и представьте: коротки!

При словѣ „штаны“ Леночка сдѣлалась вся пунцовая и опустила глаза, отчего еще больше похорошѣла.

— Такъ жалко, что вы себѣ и представить не можете. Я думаю, что онъ просто укралъ сукно. Эти евреи такой нахальный народъ...

— Но... что же я могу сдѣлать?—перебила Леночка и подняла свои невинные лучистые глаза, въ которыхъ свѣтилась въ то же время насмѣшка.

— Вы, какъ племянница здѣшняго пристава, можете повліять на своего дядюшку, чтобы онъ не допускалъ подобнаго... подобныхъ безобразій. Здѣсь нужны строгія мѣры. Вѣдь портной Минцесъ совершенно испортилъ Колюшкѣ штаны. Мой Колюшка... Вы не знаете моего Колюшку?

— Н... нѣтъ, не знаю.

— Это мой сынъ Колюшка. Портной Минцесъ совершенно испортилъ ему штаны...

Глаза Леночки вдругъ сверкнули лукавствомъ.

— Марья Ивановна,—воскликнула она, сдѣлавъ вдругъ испуганное лицо,—что съ вами?

— А что такое?—удивленно оглядываясь, спросила Марья Ивановна.

— Да на васъ лица нѣтъ! Вы ужасно, ужасно поблѣднѣли!

У Марьи Ивановны отъ страха похолодѣли ноги. „Такъ и есть!“ подумала она съ ужасомъ: „такъ и есть, простудилась. Вѣдь говорила Жану,—не ѣзди“.

— Ахъ, душечка, мнѣ дурно, ахъ, ахъ!—прошептала она упавшимъ голосомъ, внезапно позабывъ и Минцеса, и Колюшку съ его штанами, и, подхваченная своимъ супругомъ, поплелась домой, гдѣ раздѣлась, бухнулась въ постель и стонала до самой ночи.

Тѣмъ не менѣе, на другой день Тарбѣевъ ѣхалъ на вокзалъ, проклиная день и часъ, когда онъ познакомился съ Марьей Ивановной, потому что на другомъ извозчикѣ, ѣхавшемъ сзади, возвышался „манюсенькій пакетикъ“ Марьи Ивановны съ надписью: „Кіевъ. Александровская 27. Лидіи Павловнѣ Грундиной. Обращаться съ осторожностью. Стекло“.

А Коля Башневъ, тѣмъ временемъ, весь былъ опьяненъ мечтами любви. Онъ старался вспомнить всѣ мельчайшія подробности вчерашней встрѣчи: *ея* платье, жесты, мелькнувшую улыбку и переливы смѣха, которые, казалось, еще и сейчасъ дрожали въ яркомъ, ослѣпительномъ воздухѣ.

Въ мысляхъ стояло одно сильное и новое ощущеніе— любви прекрасной молодой дѣвушки, въ которой теперь для него сосредоточился весь міръ.

— Какъ хороша жизнь!—думалъ Коля.—Я люблю ее! — шептали его губы, и перо выводило само собой эти же слова на бумагѣ.

— Она прекрасна!—говорили кругомъ всѣ предметы.— Она лучше всѣхъ на землѣ!

Посмотри, какъ воздушно сіянье луны,—

тихо декламировалъ онъ, наслаждаясь музыкой стиховъ,—

Какъ проходитъ она, не дыша, не спѣша.
Всѣ видѣнья въ застывшей тиши сплетены,
Всюду свѣтъ и восторгъ, всюду сонъ, всюду сны...
О, земля хороша, хороша, хороша!

Вячеславъ Артемьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

„Тукъ... тукъ... тукъ“.

(Посвящается Николаю Александровичу Морозову.)

Миновалъ обходъ докучный. Лязгнулъ ключъ, гремитъ засовъ...
Льется съ башни многозвучный перепѣвный бой часовъ.
Скоро полночь—мигъ свободы:
Жаркой искрой сквозь гранитъ къ мысли мысль перебѣжитъ,
Тайный зовъ, тоску невзгоды
Сердце сердцу простучитъ—
Тукъ... тукъ... тукъ!
Условный звукъ,
Звукъ привѣтный—стукъ отвѣтный,
Говоръ азбуки завѣтной,
Голосъ камня: тукъ-тукъ-тукъ! голосъ друга: здравствуй, другъ!

„Я томлюсь во мракѣ ночи;
Ноетъ грудь, не видятъ очи,
Одолѣлъ меня недугъ...

Слышу смерти приближенье... О, какъ жажду я забвенья,
Какъ зову успокоенье,
Наслажденье мертвымъ сномъ!
Другъ, отвѣть мнѣ, что съ тобою? Ты сильнѣй меня душою...
Спишь ли ты ночной порою
Въ этомъ склепѣ гробовомъ?“

Стукъ привѣтный, тихій стукъ,
Звукъ отвѣтный—тукъ... тукъ... тукъ:
„Я бы спалъ, и сонъ приходитъ, духъ усталый вдаль уводитъ,
Но не долгъ чуткій сонъ.
Вдругъ проснусь я, содрогнусь я, и такъ больно въ душу входитъ
Голосъ плѣнницы безумной, одинокій страшный стонъ...
Часто ночью многодумной
Рядомъ, рядомъ за стѣной
Слышу смѣхъ ея безумный,
Слышу крикъ души больной...
Жутко... страшно... Но бываетъ, сердце тьму позабываетъ:
Въ просвѣтленный чудный мигъ
Мысль далёко улетаетъ—въ книгѣ звѣздъ душа читаетъ
Откровенье древнихъ книгъ...
Другъ, мужайся! День настанетъ! Въ аломъ блескѣ солнце встанетъ,
Синей бурей море грянетъ,
Волны—пѣсни загудятъ!
Будетъ веселъ многоводный пиръ широкій, пиръ свободный,—
Онъ смететъ грозой народной
Нашъ гранитный казематъ.
Мы разскажемъ міру тайны
Долгихъ лѣтъ и долгихъ мукъ,
И въ садахъ родной Украйны вспомнишь ты, сосѣдъ случайный,
Нашъ условный тихій стукъ,
Стукъ привѣтный, звукъ отвѣтный,
Говоръ азбуки завѣтной—
Голосъ камня: тукъ... тукъ... тукъ! голосъ друга: здравствуй, другъ!“

Тихій стукъ, печальный стукъ—

Тукъ... тукъ.. тукъ:
„Нѣтъ, не мнѣ въ саду зеленомъ встрѣтить пѣсней и поклономъ
Лучъ багряный—вспышку дня!
Слышишь: льется нѣжнымъ стономъ, бьетъ послѣднимъ перезвономъ
Часъ желанный для меня.
Другъ, прощаюсь я съ тобою: смерть склонилась надо мною
И рукою ледяною
Ужъ моихъ коснулась губъ...
Завтра утромъ два солдата
Унесутъ изъ каземата
Безымянный блѣдный трупъ...
Душно, душно... Умираю... Месть тебѣ я завѣщаю:
Разскажи родному краю
Этотъ ужасъ долгихъ мукъ.
Ближе, ближе холодъ ночи... Давитъ грудь... Не видятъ очи"..

Слабый стукъ—послѣдній стукъ:
„Милый другъ, спокойной ночи!"
Тукъ... тукъ... тукъ.

Юрій Свѣтогоръ.

НИЩІЙ АХИТОѲЕЛЪ.

Уже много лѣтъ было такъ, что кто-бы ни приходилъ въ храмъ, онъ всегда видѣлъ при входѣ, у подножія первой колонны, поддерживавшей навѣсъ крыши, одну и ту-же фигуру. Сгорбленная и грязная, кое-какъ обмотанная пестрыми лохмотьями, сквозь которые мертвой желтизной блестѣла старческая кожа, сидѣла она въ тѣни толстой колонны и двигалась вокругъ нея по мѣрѣ того, какъ двигалось солнце: справа—налѣво, незамѣтно и неуклонно, какъ та тѣнь, которую искала она.

И кто бы ни поднимался по ступенькамъ храма—былъ ли то первосвященникъ, левитъ, или просто молящійся, принесшій жертву свою,—едва только раздавались шаги по каменнымъ плитамъ, желтая полуголая спина сгибалась дугой, острыми углами выступали на ней кости лопатокъ, а между ними цѣпь перемежающихся позвонковъ, и старческій, слабый и всхлипывающій голосъ бормоталъ смутныя благословенія, которыя были похожи на просьбы, и просьбы, похожія на благословенія.

Кинувъ оболъ или кусокъ жертвеннаго хлѣба, проходившій шелъ дальше, звонко шаркая туфлями въ прохладномъ и гулкомъ порталѣ храма, и долго еще слышалъ за собой дряблый, прерывающійся голосъ, повторявшій жалкія всхлипывающія слова. И мало кто зналъ лицо нищаго, потому что рѣдко видѣлъ его, такъ какъ при проходѣ оно склонялось до самой земли, такъ что желтая, грязная борода касалась блестящихъ камней пола, отполированныхъ милліонами прошедшихъ по нимъ ногъ.

И только когда шаги проходившаго замирали въ отдаленіи, старый нищій подымалъ голову и тянулся корявой, дрожащей рукой въ сплетенную изъ терновыхъ корней чашку за кускомъ брошеннаго хлѣба или за глухо звякнувшимъ оболомъ. Пряталъ полученное и улыбался чуть-чуть сухими, ушедшими внутрь рта губами.

Къ нему всѣ привыкли, къ этому старому оборванному нищему, сидѣвшему всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ,—отъ самого Каіафы до послѣдняго служителя, подметавшаго полъ послѣ служеній. Когда-то, очень давно, когда первымъ лицомъ въ храмѣ былъ Анна его пробовали гнать, такъ какъ жалкій видъ оборванца былъ темнымъ пятномъ въ величіи и красотѣ храма, но за него заступился пріобрѣтавшій тогда все болѣе силы Каіафа и по личнымъ счетамъ съ первосвященникомъ отстоялъ стараго нищаго. И такъ какъ былъ доволенъ побѣдой надъ всесильнымъ Анной (ибо это было еще однимъ доказательствомъ подымавшагося могущества его), то, проходя назадъ изъ собранія, бросилъ старику нѣсколько ободрительныхъ словъ. И съ тѣхъ поръ—даже когда самъ сталъ первосвященникомъ—не могъ пройти мимо, чтобы не поговорить съ нимъ, какъ бы подчеркивая тѣмъ свою милость и доступность, сохранившуюся даже при такомъ высокомъ положеніи.

— Сидишь, старикъ?—спрашивалъ онъ, пріостанавливаясь на мгновеніе.

Нищій склонялся къ полу и бормоталъ несвязныя слова о милости могучаго первосвященника, позволившаго ему сидѣть.

— Такъ, такъ...—тянулъ Каіафа.—Какъ тебя звать-то?

— Ахитоѳелъ изъ Виѳаніи...

— Такъ, такъ, Ахитоѳелъ,—задумчиво повторялъ первосвященникъ, двигаясь дальше,—такъ, такъ...

Проходилъ мимо, окруженный членами синедріона и почтеннѣйшими изъ гражданъ, и когда шаги умолкали вдали—Ахитоѳелъ подымалъ голову и неодобрительно качалъ ею.

Каіафа спрашивалъ его объ имени каждый разъ, какъ только видѣлъ его, и это было обидно. Старый, больной и одинокій нищій, онъ былъ обиженъ даже тѣмъ, что единственный человѣкъ, спрашивавшій объ его имени, никогда не помнилъ его и при встрѣчѣ спрашивалъ каждый разъ снова.

Это было нехорошо, какъ нехорошо было то, что обижавшему его человѣку онъ былъ обязанъ мѣстомъ у колонны.

Проходилъ день, солнце уходило за горы и тонуло въ багровомъ туманѣ пылающаго вечера, и тѣни сливались въ одну широкую тѣнь, властно подымавшуюся съ земли, въ городѣ зажигались огни, и трепетныя, золотыя точки ихъ были похожи на звѣзды, неожиданно упавшія съ неба и разсыпавшіяся между плоскими кровлями городскихъ зданій.

Надвигалась ночь, и рослый служитель храма Минабъ обходилъ въ послѣдній разъ колоннаду.

— Идетъ ночь, иди и ты, старикъ, надо спать,—говорилъ онъ, проходя мимо Ахитоѳела и звонко щелкая отпадающими задниками туфлей по плитамъ пола.

Ахитоѳелъ поднимался и неясно бормоталъ что-то о снѣ и о ночи, чего не могъ слышать далеко ушедшій Минабъ.

Старый нищій спалъ во внутреннемъ дворѣ храма, и для того, чтобы добраться до него, надо было пройти лѣстницу, обогнуть лѣвое крыло входа и пройти первый, внѣшній дворъ. Это было очень трудно, потому что у Ахитоѳела правая нога высохла и болталась, безсильная и безчувственная, какъ дерево, послѣ того какъ одинъ изъ ословъ, погонщикомъ которыхъ онъ былъ тогда, ударивъ задомъ, раздробилъ ему колѣнную чашку. Передвигался Ахитоѳелъ съ помощью костыля, на который опирался подмышкой—передвигался медленно, трудно и очень уставалъ. И когда добирался до своего угла во второмъ дворѣ, то садился подъ навѣсомъ совершенно изнеможенный и не сразу могъ приняться за свой ужинъ.

Отдохнувъ, ужиналъ тѣмъ, что давали ему днемъ, и вытягивался на рваной цыновкѣ, служившей ему постелью.

Но не засыпалъ сразу, потому что дремалъ цѣлый день у колонны, и ночью, въ темнотѣ, старыя одинокія мысли дѣлались смѣлѣе и, рождая одна другую, какъ лѣнивыя волны, ползли смутной чередой.

Думалъ Ахитоѳелъ о томъ, что онъ одинокъ, заброшенъ и старъ, и что нѣтъ на всей землѣ ни одного человѣка, который бы отнесся къ нему, какъ къ равному,—и поговорилъ бы съ нимъ.

Ему не съ кѣмъ было говорить и некому было пожаловаться на одинокую старость свою, потому что тѣ, кто были выше его, гнушались имъ, а тѣ, что были наравнѣ съ нимъ—такіе же нищіе, какъ онъ, завидовали его мѣсту при храмѣ и тому, что онъ въ милости у первосвященника.

А когда онъ думалъ о Каіафѣ, то сердился: очень обидно было то, что важный старикъ не можетъ запомнить его имени, какъ и то, что отстоялъ онъ Ахитоѳела передъ Анной не потому, что пожалѣлъ его, а потому, что хотѣлъ досадить старому первосвященнику.

Такъ, въ тягучихъ старческихъ мысляхъ, засыпалъ одинокій нищій, а на утро просыпался и опять видѣлъ и дѣлалъ то же, что вчера: заслышавъ звукъ шаговъ по ступенькамъ храма, кланялся и причиталъ плаксивымъ голосомъ, тянулся дрожащей рукой за брошенной монетой или кускомъ хлѣба—и дремалъ.

И такъ же, какъ вчера, проходя мимо, пріостанавливался Каіафа и спрашивалъ:

— Сидишь? Такъ, такъ... А какъ тебя звать-то?

— Ахитоѳелъ изъ Виѳаніи...

— Да, да, изъ Виѳаніи!—задумчиво бормоталъ первосвященникъ и шелъ дальше, окруженный фарисеями и служителями, степенный, важный и забывшій тотчасъ и стараго нищаго, и его имя...

II.

У Ахитоѳела разболѣлась нога, и тупая надоѣдливая боль мѣшала спокойно сидѣть. Обыкновенно старый нищій подворачивалъ ногу подъ себя, пристраивалъ рядомъ костыль и, выставивъ впередъ свою чашечку, сидѣлъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока тѣнь не уходила влѣво и солнце не подбиралось къ нему. Тогда онъ, не измѣняя позы, двигался на рукахъ за колонну, усаживался въ тѣни—и, если никого проходящихъ не было, дремалъ, прислонившись спиной къ холодному мрамору.

Но теперь сидѣть было больно и неудобно, и Ахитоѳелъ вытягивалъ впередъ свою больную безсильную ногу, и снова подгибалъ ее. И оттого, что никакъ нельзя было найти покойнаго положенія, въ душѣ пробуждалось старческое брюзгливое раздраженіе, при которомъ злило все: и упорно двигавшееся солнце, отъ котораго то-и-дѣло надо было переползать на новое мѣсто, и нестерпимо сверкающее небо, слѣпившее глаза мутной слезой, и молящіеся, съ громкимъ оживленнымъ говоромъ проходившіе мимо и не хотѣвшіе замѣчать стараго больного нищаго.

Особенно оживленное движеніе было въ тотъ день, когда въ храмѣ выступалъ новый учитель, объяснявшій священное писаніе съ своей точки зрѣнія. И съ утра, съ самаго окончанія богослуженія, толпа сновала взадъ и впередъ, шумливая, горячо спорящая.

Въ то смутное время глухого броженія и неяснаго протеста противъ тяжелой руки Рима, грубо давившей еврейскій народъ, было много ихъ, невѣдомыхъ проповѣдниковъ, являвшихся въ храмъ и излагавшихъ народу свое толкованіе. Они являлись и пропадали, приходили неизвѣстно откуда и неизвѣстно куда уходили, унося съ собой темную боль своего непонятаго исканія...

Они были далеки отъ стараго нищаго, потому что смотрѣли только передъ собою, и, устремленные въ свою глубокую мысль, глаза ихъ не опускались внизъ и не видѣли дряхлаго Ахитоѳела, смиренно приникшаго къ колоннѣ паперти,

Приходили, — говорили то гнѣвныя, то скорбныя слова, спорили и уходили, оскорбленные или задумчивые, сердитые, пропадая въ сумракѣ наступившаго вечера иногда до завтра, иногда навсегда...

Въ тотъ день, какъ и всегда послѣ нихъ, медлительный и тайный, увѣренный въ томъ, чего не могли постичь они, шелъ изъ храма Каіафа—съ застывшимъ въ неподвижномъ величіи лицомъ, какъ побѣдитель, не желающій хвастаться своей побѣдой.

Окруженный лучшими членами синагоги, онъ улыбался чуть примѣтной усмѣшкой внутренняго превосходства, прислушиваясь къ льстивымъ рѣчамъ спутниковъ, выражавшихъ удивленіе его умѣнью побѣждать въ спорѣ. И какъ бы подчеркивая то, что онъ не слушаетъ ненужныя ему похвалы, проходя мимо нищаго, на минуту пріостановился и спросилъ:

— Сидишь?

Спина нищаго согнулась такъ, что лобъ почти коснулся каменной плиты пола, и кости лопатокъ выступили острыми углами, а губы забормотали безсвязныя благословенія милостивому первосвященнику, позволившему старому больному нищему слышать милостивыя слова его и сидѣть на пути его.

— Такъ, такъ...—задумчиво отозвался Каіафа, глядя вдаль и обдумывая то важное и большое, что назрѣвало у него послѣ только что выдержаннаго спора.—А какъ тебя звать-то?

— Ахитоѳелъ изъ Виѳаніи, милостивый отецъ!

— Такъ, такъ, Ахитоѳелъ...

Онъ двинулся впередъ въ той же глубокой задумчивости, покручивая отдѣлившуюся прядь бороды, и когда отошелъ уже нѣсколько шаговъ,—неожиданно обернувшись къ сопровождавшимъ, громко вымолвилъ:

— Онъ говоритъ, что если разрушить этотъ храмъ, то онъ въ три дня построитъ его... А?

Старый священникъ, шедшій рядомъ, слегка пожалъ плечами.

— Я жалѣю, — сказалъ онъ, — что ты терялъ время на споръ съ нимъ: это сумасшедшій.

Каіафа улыбнулся замкнутой, тайной улыбкой и помолчалъ.

— Это хуже, чѣмъ сумасшедшій, — проговорилъ онъ, наконецъ,—это богоотступникъ... и вредный очень.

Они прошли, и за ними прошли тѣ немногіе, что оставались до конца спора. Прошла кучка бѣдно-одѣтыхъ людей съ длинными дорожными посохами, оживленно говорившихъ между собою и размахивавшихъ руками. Одинъ изъ нихъ—молодой и задумчивый — съ ясными печальными глазами и

лицомъ такимъ нѣжнымъ, какъ лицо женщины, пріостановился возлѣ чашки изъ терновыхъ кореньевъ, что стояла передъ нищимъ, и, склонившись, положилъ возлѣ нея большой хлѣбъ, который несъ подъ плащемъ.

— Я не имѣю денегъ, а хлѣба намъ хватитъ, — сказалъ онъ печально и тихо и тотчасъ же пошелъ впередъ, не слушая благодарственныхъ благословеній нищаго.

Сзади всѣхъ прошелъ человѣкъ, загорѣлый до того, что казался уроженцемъ эфіопскихъ странъ, съ сумкой черезъ плечо. Онъ вскользь посмотрѣлъ на Ахитоѳела и пошелъ дальше, внимательно разглядывая носки своихъ туфель, съ видомъ человѣка, рѣшающаго трудную задачу.

И опять все стало тихо въ пустомъ и гулкомъ порталѣ. Уже садилось солнце, и половина города закуталась въ лиловую тѣнь, брошенную горами, а другая половина алѣла въ послѣднихъ лучахъ и ждала ночи, прощаясь съ солнцемъ. Стало прохладно, и эта прохлада мягкой ласкающей волной нѣжила старое тѣло, измученное дневнымъ зноемъ и неперестающей тянущей болью въ ногѣ.

— Должно быть, скоро пойдетъ Минабъ, и тогда надо будетъ идти на покой.

Ахитоѳелъ подумалъ о томъ, что лучше идти теперь, пока не такъ сильно болитъ успокоившаяся нога, и поднялся. Приладилъ костыль, крѣпко оперся на него тѣмъ мѣстомъ подмышки, гдѣ отъ постояннаго тренія тѣла объ дерево образовалась твердая, какъ само дерево, мозоль, и, захвативъ чашку и пожертвованный только что хлѣбъ, поплелся къ лѣстницѣ.

Но идти было трудно, потому что нога мучительно заныла въ разбитомъ колѣнѣ, и старикъ употребилъ много времени, чтобъ достичь половины высокой лѣстницы.

Уже сѣло совсѣмъ солнце, и небо просвѣтлѣло надъ потемнѣвшей землей, а Ахитоѳелъ, морщась отъ поднявшейся съ новой силой боли, все еще ползъ по ступенькамъ, останавливался и ворчалъ. Уже шелъ сзади легкими сильными шагами Минабъ, гулко постукивая подъ сводомъ грубыми подошвами обуви, и, не дожидаясь его обычнаго замѣчанія, Ахитоѳелъ плаксиво крикнулъ:

— Молчи, молчи, видищь—иду уже... Чего тамъ—видишь, трудно мнѣ, проклятая нога, чтобъ ее...

Онъ опять сморщился и двинулся дальше, какъ сзади раздался незнакомый голосъ:

— Подожди, я помогу тебѣ...

Ахитоѳелъ оглянулся. По ступенямъ спускался совсѣмъ незнакомый ему человѣкъ въ грубой бѣлой одеждѣ и дорожныхъ сандаліяхъ. Когда онъ подошелъ ближе, старикъ раз-

глядѣлъ его лицо — спокойное и какъ бы чуть-чуть скорбное, какъ будто этого человѣка сейчасъ обидѣли, или онъ задумался надъ чѣмъ-то, что темной тѣнью покрыло его душу.

— Я сейчасъ помогу тебѣ, старикъ, — повторилъ подошедшій и бережно и сильно взялъ его подъ локоть,—обопрись на меня, и тебѣ будетъ легче итти...

Ахитоѳелъ молча оперся на него и двинулся. Они сошли съ лѣстницы и пошли во второй дворъ.

— Ты кто такой? — искоса взглядывая на незнакомца, спросилъ нищій.

Шедшій рядомъ чуть-чуть улыбнулся, и улыбка мгновенно странно измѣнила его лицо: изъ скорбнаго и чуть-чуть суроваго оно стало вдругъ удивительно милымъ, освѣтившись неуловимымъ выраженіемъ какой-то дѣтской простоты и свѣжести.

— Я — человѣкъ! — отвѣтилъ онъ тихо и опять улыбнулся.

— Новый прислужникъ храма?—подозрительно спросилъ Ахитоѳелъ. Онъ отвыкъ говорить съ людьми и боялся ихъ:— Вмѣсто Минаба, что-ли?

— Нѣтъ, я такъ... Пришедшій въ храмъ отца своего... Ты гдѣ живешь, куда тебя провести?

Ахитоѳелъ не сразу отвѣтилъ. Онъ думалъ о томъ, что сказалъ незнакомецъ.

— Я здѣсь живу,—сказалъ онъ, наконецъ,—во второмъ дворѣ... Тутъ есть навѣсъ, куда раньше загоняли жертвенныхъ барановъ.. Теперь сдѣлали новый, а я тутъ...

Они вошли во второй внутренній дворъ и остановились у навѣса.

— Вотъ тутъ я... — снова промолвилъ Ахитоѳелъ, слегка кивая на свою цыновку, разложенную подъ навѣсомъ.

Онъ опять посмотрѣлъ на своего провожатаго, на этотъ разъ внимательнѣй. Въ лицѣ его онъ замѣтилъ одну особенность: въ немъ то и дѣло происходила неуловимая внутренняя перемѣна.

Напоминало это смутное чередованіе свѣта и тѣни, когда по землѣ ползутъ широкія тѣни двигающихся въ небѣ облаковъ, уползаютъ, даютъ мѣсто яркимъ пятнамъ солнечнаго свѣта и вновь закрываютъ его.

То скорбнымъ и даже суровымъ было это лицо, то грустно задумчивымъ, то вдругъ озарялось мягкой женственной улыбкой, показывавшей, что человѣкъ, улыбающійся такъ, знаетъ то, чего не знаютъ всѣ другіе люди. Этимъ выраженіемъ внутренней замкнутости и тихаго превосходства оно странно напоминало совсѣмъ непохожее

на него лицо Каіафы—сухое, черствое лицо гордаго первосвященника.

И, какъ разъ по этому обратному сходству, Ахитоѳелъ вдругъ почувствовалъ къ незнакомцу теплую и неясную еще для него самого пріязнь.

— Ты, можетъ быть, голоденъ — у меня есть хлѣбъ, — медленно проговорилъ онъ и опустился на цыновку: — вотъ онъ.

Пришедшій тихо усмѣхнулся, какъ будто онъ зналъ раньше, что нищій предложитъ ему раздѣлить его хлѣбъ, и сказалъ:

— Да, я не ѣлъ еще...

Онъ сѣлъ рядомъ и разломилъ хлѣбъ. Ахитоѳелъ взялъ свою половину и началъ ѣсть. Когда немного насытился—ему захотѣлось говорить и жаловаться на то, что у него нѣтъ никого близкихъ, и что даже имени его никто не знаетъ.

— Вотъ первосвященникъ тоже... Онъ почтенный человѣкъ, — говорилъ онъ, собирая на ладонь просыпавшіяся крошки и всыпая ихъ въ черный беззубый ротъ, — каждый разъ проходитъ, скажетъ что-нибудь... и — какъ зовутъ?—Ахитоѳелъ!—Такъ, такъ, Ахитоѳелъ.. А потомъ опять: какъ зовутъ?

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на собесѣдника. Тотъ неподвижно глядѣлъ вдаль, въ потемнѣвшее уже совсѣмъ небо, по которому, какъ крупныя искрящіяся слезы, проступили звѣзды и тихо пылали далекимъ холоднымъ пламенемъ.

На дворѣ было совсѣмъ темно, и огромная стѣна синагоги подымалась сбоку угрюмымъ силуэтомъ, черной тяжестью своей закрывшимъ часть небосклона. За плоскими и, сравнительно, невысокими пристройками храма, за разсыпавшимися дальше строеніями города и за туманной полосой городской стѣны—возвышалась вдали Лобная гора, гладкая и круглая, какъ оголенный черепъ.

Еще дальше за ней смутной дымкой намѣчались скалы, и багровый мѣсяцъ, уже ущербленный и узкій, подымался изъ-за нихъ, бросая тусклый отблескъ на острыя ребра каменныхъ обломковъ.

— Каіафа, ты говоришь?—выходя изъ задумчивости, переспросилъ пришедшій.—Онъ умный человѣкъ, только не знаетъ, что дѣлаетъ...

Ахитоѳелъ вздрогнулъ и оглянулся. Возможно, что на дворѣ кто-нибудь былъ еще, кто могъ услышать эти неосторожныя слова о первосвященникѣ.

— Онъ не злой, а можетъ сдѣлать много зла,—продол-

жалъ пришедшій и вздохнулъ, какъ человѣкъ, который хочетъ поднять большую тяжесть и сомнѣвается, сможетъ ли онъ ее поднять.

И вдругъ заговорилъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ о злѣ на землѣ, о злѣ по невѣдѣнію, по непониманію истиннаго царствія Божія. Говорилъ долго и тихо, какъ бы говорилъ самъ съ собой, по-прежнему глядя затуманившимися тайной думой глазами на лысый черепъ горы, принявшей такъ много страданія и оттого мрачной, черной, таившей въ себѣ темное предчувствіе тѣхъ слезъ, что еще должны пролиться на ней...

Новыя, незнакомыя до тѣхъ поръ старому нищему, слова о грядущемъ времени всеобщаго братства, о равенствѣ человѣка передъ человѣкомъ, какъ всѣ равны передъ Богомъ,— тихо звучали въ неподвижномъ сонномъ воздухѣ и сплетались въ странную звенящую серебряную цѣпь, блестящую и такую красивую, что трудно было повѣрить, что ее создалъ человѣкъ...

Она протянулась по всей землѣ и опутала ее свѣтлыми звеньями своими, какъ мудрая серебряная змѣя—и это было похоже на сонъ.

Ахитоѳелъ слушалъ—и одинокая, жалкая, затерянная между сонмами людей на землѣ, старая душа его раскрывалась стыдливо и нѣжно навстрѣчу свѣтло-радостнымъ словамъ невѣдомаго человѣка, неизвѣстно откуда пришедшаго.

— И не будетъ различія между людьми, и старый нищій будетъ равенъ первосвященнику?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Да, такъ должно быть...

— И скоро это будетъ?

— Не сказано ли въ писаніи, что въ рукѣ Господа душа всего живущаго и духъ всякой человѣческой плоти? Не ему ли послужатъ они любовью своею? И ему ли оттягивать время его?

Уже не томила зудящей болью нога, и старое тѣло сладко отдыхало на твердой цыновкѣ, а странныя, новыя слова звучали надъ нимъ и будили въ душѣ давно забытую грусть, такую сладкую и свѣтлую, какъ воспоминаніе безслѣдно потонувшаго въ прошломъ дѣтства. Это было, какъ сонъ, когда духъ, освобожденный отъ износившагося стараго и тяжелаго тѣла,—этого благословенія молодости, превращающагося въ проклятіе при концѣ жизни,—вдругъ почувствуетъ себя вольнымъ, не связаннымъ и создаетъ сверкающую мечту, которой вѣритъ все существо, потому что это бываетъ во снѣ.

Уходили однообразные дни скучнаго сидѣнія у колонны на каменномъ полу и вѣчные поклоны шаркающимъ по

плитамъ шагамъ, и прерываемое избитыми словами благословеній молчанье уходило, а воздвигалась мечта—далекая и прекрасная, несбыточная и заманчивая, какъ сонъ.

Это было, какъ сонъ, потому что нищій Ахитоѳелъ не чувствовалъ вѣчнаго движенія времени, и прошелъ ли одинъ мигъ или вся ночь—онъ не могъ-бы сказать. Когда онъ поднялъ голову, то не было уже плотной таинственной дымки ночи, соединявшей небо съ землею, а былъ синій полусвѣтъ, въ которомъ небо отчетливо и легко отдѣлилось зубчатой полосой дальнихъ горъ отъ земли, и массивная громада храма вылѣпилась четко и выпукло на свѣтломъ небѣ...

Такъ странно это было, эта мгновенная перемѣна ночи въ разсвѣтъ, такъ странно глядѣло узкое, изогнутое правильнымъ полукругомъ, блестящее и совсѣмъ бѣлое лезвіе мѣсяца наверху, въ куполѣ неба, и эта звонкая прозрачная тишина, хрустальной, неподвижной глыбой нависшая надъ городомъ...

И никого не было возлѣ—какъ будто никто и не сидѣлъ рядомъ на цыновкѣ и не будилъ прекрасную, далекую, какъ невозвратно ушедшее дѣтство, мечту...

Или это былъ сонъ?..

III.

Нищій Ахитоѳелъ заболѣлъ. Нога распухла и ныла, тѣло горѣло то жгучей, то знобкой лихорадкой, а въ головѣ шумѣло, какъ будто гдѣ-то рядомъ, возлѣ самаго уха, вздымались и падали, набѣгая одна на другую, огромныя волны.

Большую часть времени Ахитоѳелъ спалъ—или ему казалось, что спалъ—и когда просыпался, то въ недоумѣніи видѣлъ надъ собою то сверкающее нестерпимымъ блескомъ дневное небо, то темносиній, почти черный пологъ ночи, въ которомъ дрожали и шевелились холоднымъ огнемъ звѣзды.

Онъ опять засыпалъ, или ему казалось, что засыпалъ...

А когда проснулся окончательно и почувствовалъ, что нога хоть и болитъ, но изъ тѣла вышла тягучая, сладкая истома, что налила его сухимъ жаромъ и била крѣпкимъ ознобомъ, какъ въ холодную ночь на кедронскихъ перевалахъ—онъ обрадовался и солнцу, тянувшемуся къ нему веселыми золотыми лучами сквозь щели навѣса, и теплу, и, главнымъ образомъ, тому, что онъ живъ.

Надъ нимъ стоялъ Минабъ и, широко оскаливъ крѣпкіе блестящіе зубы, смѣялся и говорилъ что-то, что трудно было понять.

— Живъ, старый нищій?—понялъ, наконецъ, Ахитоѳелъ.— Такъ Богу было угодно, чтобы былъ живъ!

— А гдѣ-же тотъ, пришлецъ?—спросилъ старикъ.

— Какой пришлецъ?

— Который былъ тутъ, сидѣлъ и говорилъ?

— Кто былъ, когда говорилъ?

— Ну, тотъ, что помогъ мнѣ сойти по лѣстницѣ, когда у меня такъ больно, такъ нестерпимо больно болѣла нога?

— А, та-та-та, вотъ что ты вспомнилъ!—протянулъ Минабъ.—Видѣлъ, видѣлъ, я шелъ сзади и видѣлъ, какъ онъ помогалъ тебѣ! Такъ, такъ, ну только...—онъ вдругъ боязливо оглянулся и, наклонившись къ лицу Ахитоѳела, зашепталъ таинственно и съ испугомъ:—только смотри, старикъ, молчи объ немъ! Онъ оказался великимъ грѣшникомъ и богоотступникомъ, и его осудили! Да, да, осудили!—закивалъ Минабъ, не давая Ахитоѳелу вымолвить слова:—Сэмъ Каіафа, понимаешь ли, самъ Каіафа передалъ его въ руки намѣстника, да, да!.. Онъ говорилъ ужасныя слова! Я, говоритъ, сынъ божій, да, да, и еще—царь іудейскій! Такъ и сказалъ: царь іудейскій... Мой прислужникъ изъ синагоги говорилъ...

Минабъ выпрямился и, ужасаясь тому, что говорилъ нелѣпый человѣкъ, покачалъ головой.

— Да, да,—продолжалъ онъ,—и сегодня его казнятъ. Казнятъ на Галголифѣ, вмѣстѣ съ двумя ворами и разбойниками, которыхъ поймали съ поличнымъ... Ужъ ты лучше молчи про него!..

Ахитоѳелъ съ изумленіемъ глядѣлъ и слушалъ

— Его казнятъ?—переспросилъ онъ.

— Да, да, казнятъ на крестѣ, на Галголифѣ,—съ тѣмъ же таинственнымъ ужасомъ подтвердилъ Минабъ и перебилъ самъ себя, словно тотчасъ-же забывая то, о чемъ расказывалъ сейчасъ.—Мнѣ надо идти—весь народъ, левиты, священники, синедріонъ, всѣ ушли туда; надо идти въ храмъ, а то онъ пустой совсѣмъ... Никого, кромѣ Бога, нѣтъ тамъ... Богъ да Минабъ!..

Онъ опять засмѣялся, сверкнувъ блестящими зубами, и пошелъ со двора.

Старый нищій долго сидѣлъ, молчаливый и задумавшійся, и, склонивъ лысую голову на бокъ, какъ бы прислушивался къ тому, что совершалось въ немъ.

Медленно и сильно билось сердце, разгоняя по толстымъ, напряженнымъ отъ многолѣтней работы жиламъ теплую, словно проснувшуюся, кровь; широко и захватывающе дышала отдыхавшая отъ болѣзни грудь, а въ головѣ плыли неясныя мысли—то радостныя, какъ возвращавшееся

здоровье, то пугающія близкой тоской незамѣтно подползающей смерти.

Это было похоже на игру тѣни и свѣта, когда въ солнечномъ небѣ плывутъ дымныя облака, закрывая и вновь открывая его, и по землѣ, чередуясь съ яркими пятнами свѣта, ползетъ темная тѣнь...

И то, что казалось радостью, непонятно напоминало свѣтлую ночь, узкій рогъ мѣсяца и тихія слова о царствіи божіемъ на землѣ, царствѣ бѣдныхъ, обиженныхъ и убогихъ; а тоска была въ томъ, что это былъ только сонъ, безслѣдно потонувшій въ мутной смѣнѣ одинокихъ, унылыхъ дней, полныхъ поклоновъ и молчанія, прерываемаго бормотаніемъ благословеній... Тѣхъ дней, что сложились въ печальную жизнь одинокаго нищаго, котораго никто не хотѣлъ знать и имени котораго никто не помнилъ.

Съ чувствомъ смутной надежды, которой въ глубинѣ души онъ самъ не вѣрилъ, Ахитоѳелъ поднялся и поплелся къ выходу,

Какъ будто что-то могло перемѣниться, стоило только опять увидѣть того, кто подошелъ, не гнушаясь, раздѣлилъ хлѣбъ и зажегъ яркое пламя надежды — и сдѣлалъ опять человѣкомъ костлявый, блестѣвшій желтой старческой кожей трупъ... Увидѣть—и тогда все будетъ понятно, и муть молчаливой печали уйдетъ, а взамѣнъ ея станетъ яркая жизнь. Въ ней, не дорожа мѣстомъ у колонны, можно будетъ сказать важному, снисходящему Каіафѣ свою обиду, и не кланяться и не льстить, а смотрѣть всѣмъ въ глаза, какъ равный равному... Не жалко будетъ ничего и не страшно жизни, и не дорого уже будетъ мѣсто у колонны въ порталѣ храма, такое выгодное мѣсто, обезпечивающее старую жизнь...

Ахитоѳелъ брелъ по пыльнымъ, кривымъ улицамъ города, щурился отъ ослѣпляющаго солнца и иногда останавливался въ безсиліи. Еще была слабость въ тѣлѣ, и грудь горѣла нестерпимой жаждой, а въ глазахъ вертѣлись огненные круги, и неровная мостовая казалась залитой кровью.

Обычно оживленныя, переполненныя крикливой толпой улицы теперь были пустынны и молчаливы, и тишина, стоявшая въ ихъ узкихъ корридорахъ, казалась зловѣщей отъ яркаго свѣта, пронизаннаго горячими лучами.

Никого не было на улицахъ, какъ будто огромный шумный городъ умеръ, и дома стояли пустынными и безжизненными, пугая непривычной заброшенностью распахнутыхъ дверей и неприкрытыхъ оконъ.

Только уже возлѣ городской стѣны стали попадаться немногіе встрѣчные. Прошелъ продавецъ хлѣба съ пустыми

палками, на которыхъ обыкновенно носилъ онъ нанизанными свои лепешки,—юноша, почти мальчикъ,—и на ходу подкидывалъ свои тростниковыя палки и напѣвалъ что-то.

Потомъ прошло еще двое людей: благообразный старикъ въ богатой одеждѣ и бѣломъ шелковомъ тюрбанѣ—такомъ чистомъ и блестящемъ подъ солнцемъ, что было больно смотрѣть, и рядомъ съ нимъ шелъ его слуга или родственникъ, одѣтый проще, но тоже хорошо, и внимательно слушалъ, что говорилъ старикъ.

Ахитоѳелъ помнилъ старика, хотя и не зналъ его имени—говорили, что это богатый человѣкъ изъ Аримаѳеи, который купилъ себѣ землю подъ городомъ и велъ торговлю съ иноземными купцами.

Онъ былъ благочестивъ и часто бывалъ въ храмѣ и, бывая, каждый разъ давалъ Ахитоѳелу оболъ или два, а иногда и три. Разъ, на Пасху, далъ даже цѣлый сикелъ серебра, и съ тѣхъ поръ старый нищій запомнилъ его и кланялся ему не ниже, чѣмъ первосвященнику.

Но теперь онъ только искоса посмотрѣлъ на него и, неодобрительно поджавъ губы, проковылялъ дальше.

Встрѣчные прошли мимо, по-прежнему оживленно разговаривая и не обращая на него вниманія.

— Нѣтъ, онъ дастъ, я знаю, что онъ дастъ совершить погребеніе,—и слова старика громко и коротко звучали въ пустой улицѣ.—Къ тому же, у меня тамъ есть другъ, онъ служитъ у прокуратора писцомъ, онъ выхлопочетъ...

У самой стѣны стало встрѣчаться больше народа. Люди шли кучками, въ большинствѣ женщины, иногда молчаливыя и какъ будто подавленныя, иногда оживленныя, крикливыя, сверкающія возбужденными глазами.

Ахитоѳелъ брелъ, изнемогая подъ прямыми безпощадными лучами, которые пылающимъ знойнымъ бременемъ давили его ослабѣвшія плечи, обливался потомъ, и моментами ему казалось, что онъ не вынесетъ этого пути и упадетъ. Но все же шелъ, напрягая всѣ силы, цѣплялся дрожащей ногой и качающимся въ невѣрной рукѣ костылемъ за болѣе крупные камни мостовой.

Шелъ упрямо, молчаливо, съ старчески-брюзгливо поджатыми губами и сурово нахмуреннымъ лбомъ.

Въ самыхъ воротахъ ему встрѣтился караванъ—длинная цѣпь связанныхъ между собою верблюдовъ, отягощенныхъ огромными вьюками.

Впереди шелъ погонщикъ — черный, высохшій отъ солнца человѣкъ, весь связанный изъ сухожилій и твердыхъ, какъ дерево, мускуловъ.

— Берегись, берегись!—крикнулъ онъ нищему,—подожди, пока пройдемъ!..

Ахитоѳелъ прижался къ стѣнѣ, и мимо него, почти задѣвая его громоздкими вьюками. медленно и непрерывно качаясь широкими размахами шаговъ, шли голенастые, остро пахнущіе потомъ верблюды—съ задранными, мотающимися въ тактъ шаговъ головами на длинныхъ шеяхъ. Одинъ пріостановился на моментъ, сунулся было въ сторону, широко скребнувъ тюкомъ по стѣнѣ, но шедшій съ той стороны невидимый погонщикъ больно ударилъ его, и онъ закричалъ громко и противно, далеко вытянувъ отвислую нижнюю губу и брызгаясь зеленой вонючей слюной.

Здѣсь, въ темномъ и прохладномъ корридорѣ узкихъ воротъ городской стѣны, старый нищій передохнулъ немного и отеръ съ лица потъ.

Вдали, по ту сторону стѣны, за городомъ, перекатывался нестройными заглушенными волнами смутный гулъ, свойственный большой, возбужденной толпѣ. Этотъ гулъ былъ похожъ на тотъ неуловимый въ непонятномъ ритмѣ шумъ, который слышалъ Ахитоѳелъ, когда лежалъ больной подъ навѣсомъ во дворѣ храма, когда день и ночь въ непривычной быстротѣ смѣняли другъ друга, не чувствуемые, не ощущаемые, а только видимые.

Шли мимо верблюды, качаясь на длинныхъ, усталыхъ ногахъ, сверкала въ узкомъ просвѣтѣ воротъ пустынная улица, и все было такимъ же, какимъ было прежде, а тамъ, за городомъ, шумитъ безпорядочнымъ гомономъ толпа.

И среди нея, на лысомъ черепѣ позорной горы умираетъ тотъ, что, не гнушаясь, раздѣлилъ трапезу нищаго.

— Въ чемъ же дѣло, въ чемъ дѣло-то?—силился сообразить Ахитоѳелъ. — Ахъ да, царство нищихъ, обиженныхъ и убогихъ... И равны другъ передъ другомъ, какъ всѣ передъ Богомъ... Да, да, такъ!—шепталъ онъ съ глубокимъ, необъятнымъ изумленіемъ...

Это было, какъ сонъ, и сознаніе не принимало того, что видѣли глаза, искало, стремилось къ разгадкѣ и звало дальше.

Прошелъ послѣдній верблюдъ, и сзади, низко свѣсивъ пыльныя ноги, на которыхъ еле держались грубыя веревочныя туфли, проѣхалъ на маленькомъ осликѣ начальникъ каравана съ длинной палкой поперекъ сѣдла.

Ахитоѳелъ двинулся впередъ и вышелъ за городъ.

И сразу увидѣлъ и понялъ то, что было: огромную толпу, разсыпанную у подножія горы и на сосѣднихъ скалахъ — шумную, пеструю, переливающуюся, какъ брошенная на камень живая ртуть; три высокихъ пятна наверху горы,

куда было больно смотрѣть, потому что они были противъ солнца; и бурое отъ зноя, низко нависшее пылающимъ пологомъ небо, посреди котораго остановилось солнце, особенное, не похожее на обычное,—красное, словно налитое кровью, какъ глазъ, готовый сейчасъ закрыться.

Отъ города до горы каменистая дорога шла незамѣтнымъ, но упорнымъ уклономъ, и идти было трудно. Ахитоѳелъ брелъ, упрямо и настойчиво передвигая невозможно тяжелый костыль и дрожащую ногу, но порой его охватывало отчаяніе, что онъ не дойдетъ и упадетъ на дорогѣ, на горячіе камни, отъ которыхъ несло сухимъ жаромъ, какъ отъ накаленнаго очага.

Онъ пріостанавливался, отиралъ струящійся по лицу потъ, ѣдко щипавшій глаза, и опять, упрямо поджавъ губы и нахмуривъ лысый лобъ, ползъ дальше.

А когда доползъ до мѣста, откуда можно было разсмотрѣть, что дѣлается на вершинѣ лобной горы,—остановился, тяжело навалившись на костыль, вздохнулъ глубоко и облегченно и сталъ смотрѣть.

IV.

Съ того мѣста, гдѣ стоялъ Ахитоѳелъ, было плохо видно все то, что дѣлалось наверху горы. Было больно смотрѣть вверхъ, потому что знойная дымка повисла надъ землей, струилась прозрачной дрожащей завѣсой, и темныя накаленныя скалы млѣли подъ ней, колебались смутнымъ неуловимымъ движеніемъ, и казалось, что вотъ-вотъ онѣ растопятся и потекутъ душной, горячей волной.

Невольно жмурились больные глаза и туманились такъ, что ихъ постоянно надо было протирать.

Наверху горы темными колеблющимися силуэтами двигались люди, и по мгновенному ослѣпительному блеску мѣди въ неспокойной, переливающейся толпѣ можно было отличить солдатъ.

Повисшее низкимъ раскаленнымъ шаромъ солнце и дрожавшія призрачнымъ сухимъ паромъ скалы придавали всему окружающему неуловимое, трепетное движеніе, отчего казалось, что оставшіеся на плѣшинѣ горы люди были не живыми людьми, а призраками, и будто все совершавшееся совершалось не на самомъ дѣлѣ, а въ призрачномъ, чудесномъ снѣ.

И такимъ же страннымъ, чудеснымъ видѣніемъ, живымъ и струящимся, какъ жидкій горячій воздухъ, были возвышавшіеся надъ двигавшейся кучкой людей три черныхъ,

тупыхъ отъ заканчивавшихъ ихъ наверху поперечныхъ перекладинъ креста, на которыхъ корчились и трепетали повѣшенные люди.

Два лицомъ другъ къ другу, одинъ по серединѣ и нѣсколько выше ихъ.

Его можно было разглядѣть лучше, и видно было, какъ въ мучительномъ напряженіи вытянулись мускулы его пригвожденныхъ рукъ, и неестественнно вздулся животъ, перетянутый внизу привязывавшей тѣло къ столбу креста полосой бѣлой матеріи.

Невдалекѣ отъ крестовъ, на сосѣдней скалѣ, ближе къ Ахитоѳелу, стояла группа священниковъ—плотная, медлительная въ движеніяхъ и важная. Кое-кто изъ задняго ряда ея выдвигался иногда въ сторону, выходя изъ толпы, чтобы лучше видѣть, и заслонялъ собою то, что дѣлалось на горѣ.

Ахитоѳелъ зналъ всѣхъ, кто стоялъ на скалѣ, потому что всѣ они бывали въ храмѣ каждый день, а старый нищій жилъ тамъ. И лучше всѣхъ онъ различалъ Каіафу, хотя тотъ стоялъ къ нему спиной; но спина эта была ему отлично знакома, такъ какъ онъ рѣдко видѣлъ его лицо, а всегда слѣдилъ глазами за тѣмъ, какъ важный первосвященникъ, сказавъ нѣсколько милостивыхъ, разсѣянныхъ словъ, уходилъ отъ него прочь.

Въ толпѣ народа, окружавшей Ахитоѳела, возлѣ него стояло трое мужчинъ, по лицамъ и одеждамъ пришельцевъ изъ восточныхъ странъ. Должно быть, это были купцы, которыхъ всегда много было въ городѣ, — прибывшіе съ товарами къ предпраздничному торгу. Лица у нихъ были темныя, бронзоваго оттѣнка, съ матовой кожей и длинно прорѣзанными глазами, необычайно черными и тоже матовыми безъ блеска, отчего получалось впечатлѣніе странной глубины и какой-то отчужденности.

Говорили они на незнакомомъ языкѣ и, говоря, часто покачивали головами медленнымъ размѣреннымъ движеніемъ. Когда головы качались—лица оставались совершенно неподвижными, и глаза также замкнуто и глухо смотрѣли изъ длинно прорѣзанныхъ вѣкъ, и это придавало имъ неуловимое сходство съ деревянными манекенами, внимательными и равнодушными въ одно и то же время, далекими отъ всего, что происходило предъ ними, потому что у нихъ была своя особая жизнь.

И особенно безжизненными были черныя плотныя бороды подъ ихъ лицами, такія гладкія и густыя, что, казалось, онѣ состояли не изъ безчисленнаго множества отдѣльныхъ волосъ, а были высѣчены изъ одного чернаго камня.

Одинъ изъ купцовъ двинулся и подошелъ къ нищему.

— Не можешь ли ты мнѣ сказать,—заговорилъ онъ медленно, очевидно съ трудомъ подбирая трудныя слова мало знакомаго языка, — кого и за что предали такой лютой казни тамъ на горѣ?

Онъ указалъ на вершину горы и, склонивъ голову на бокъ, внимательно посмотрѣлъ своими черными неподвижными глазами на Ахитоѳела.

Старикъ угрюмо покосился въ его сторону и не сразу отвѣтилъ.

— Кого, кого...—забормоталъ онъ, какъ будто передразнивая спрашивавшаго,—я не знаю его имени... Не знаю, откуда онъ и чѣмъ провинился... Они, вонъ, знаютъ хорошо!—кивнулъ онъ на скалу, гдѣ стояли члены синедріона.

— Поди вонъ его спроси, вонъ толстаго-то, большого, а я не знаю... Онъ все знаетъ, потому что онъ самый сильный, котораго я знаю... Онъ знаетъ даже стараго нищаго, что сидитъ всегда въ храмѣ возлѣ колонны, хотя и не помнитъ его имени, спрашивая объ немъ каждый день... А того, распятаго, я не знаю... Онъ, должно быть, большой грѣшникъ, потому что не гнушается старымъ презрѣннымъ нищимъ и дѣлитъ съ нимъ скудную трапезу его... И говоритъ,—такъ сладко говоритъ, какъ во снѣ,—о томъ, что царствіе божіе придетъ на землю, и всѣ будутъ въ немъ равны, отъ первосвященника до послѣдняго нищаго, которому оселъ раздробилъ ногу, когда онъ былъ погонщикомъ...

Ахитоѳелъ вдругъ оживился и безпокойно завозился на мѣстѣ.

— Я не знаю, кто онъ и откуда, я знаю только, что всѣ гнушались старымъ нищимъ, а онъ пришелъ и помогъ ему; никто не зналъ и не помнилъ стараго нищаго, и спрашивавшій забывалъ имя его, а онъ не спрашивалъ объ имени, а раздѣлилъ съ нимъ хлѣбъ его...

— И вотъ теперь они казнятъ его!—вдругъ, въ неистовомъ волненіи, вскрикнулъ Ахитоѳелъ и свирѣпо застучалъ своимъ костылемъ объ камни:—они, лицемѣры, гордецы, не могущіе запомнить имени человѣка, къ которому обращаются только потому, чтобъ показать свою снисходительность! О, лжецы, они казнятъ его, и онъ распятъ на позорномъ крестѣ! И умираетъ, пойми, чужеземецъ, умираетъ!..

Голосъ Ахитоѳела пресѣкся, и на минуту онъ умолкъ.

Собесѣдникъ молча слушалъ его и такъ же, какъ прежде, качалъ безжизненной, какъ деревянная, головой и смотрѣлъ съ холоднымъ вниманіемъ своими длинными загадочными глазами. Похоже было, будто неподвижное бронзовое лицо его только маска, подъ которой прячется настоящее жи-

вое лицо, волнующееся и подвижное, полное игры и выраженій.

— О, тсе, тсе, тсе!—причмокнулъ онъ, не то удивляясь, не то сожалѣя неизвѣстно кого—стараго ли нищаго, говорящаго такія непонятныя вещи, или того, что былъ распятъ на крестѣ.—О, тсе, тсе...

— Фарисеи! Онъ сказалъ, что вы не знаете, что́ дѣлаете, и я теперь вижу это!—вдругъ вскрикнулъ Ахитоѳелъ и, въ великой горести и сиротливомъ гнѣвѣ своемъ, внезапно поднялъ руку и погрозилъ сухимъ, сморщеннымъ и безсильнымъ кулакомъ по тому направленію, гдѣ—заслоняя вершину горы—стояла толпа священниковъ.

— О, тсе, тсе, тсе!—зачмокалъ иноземецъ, и голова его закачалась отъ одного плеча къ другому, какъ на шарнирѣ, а глаза такъ же внимательно, съ холоднымъ изумленіемъ, слѣдили за взглядомъ Ахитоѳела.—А не можешь ли ты мнѣ сказать, добрый человѣкъ, кто это стоитъ на скалѣ среди этихъ почтенныхъ старцевъ и смотритъ въ нашу сторону? Должно быть, начальникъ или очень уважаемый человѣкъ?

Ахитоѳелъ присмотрѣлся. Каіафа, дѣйствительно, стоялъ, обернувшись, и, казалось, глядѣлъ на нихъ.

— Этотъ?—переспросилъ нищій. Это тотъ самый, который возвелъ на крестъ распятаго! Это великій лицемѣръ и гордецъ, который не знаетъ, что дѣлаетъ! Надутое, бездушное брюхо, презирающее даже имя, простое имя человѣка, отличающее его отъ другихъ... Лицемѣріе, заступающееся за стараго нищаго только потому, что хочетъ досадить угнетающему!.. О, скверность, передъ которой пометъ осла, на которомъ ѣхалъ распятый,—манна!..

Онъ опять задохнулся и умолкъ, а купецъ отступилъ, удивляясь слышанному и сочувственно причмокивая тонкими, блѣдными губами.

Старый нищій усталъ и присѣлъ тутъ же, гдѣ стоялъ.

Багровое и напряженное солнце потемнѣло, словно задернулось легкой траурной фатой. Но отъ этого не уменьшился томительный жаръ, а наоборотъ — разсѣянные, потускнѣвшіе внезапно лучи палили землю, казалось, еще нестерпимѣе и безпощаднѣе.

Ахитоѳелъ закрылъ глаза и, истомленный, обливающійся потомъ, сталъ смутно прислушиваться къ тому, что совершалось въ немъ.

Неизвѣстно откуда появившаяся горечь, похожая на огромную безпричинную обиду, сжимала горло, и снова старому нищему казалось, будто на всей землѣ онъ совершенно одинъ—никому неизвѣстный, больной и дряхлый.

Отъ этого хотѣлось плакать, и если бы онъ давно уже не

разучился плакать, то заплакалъ бы мутными безмолвными слезами заброшеннаго, бездомнаго существа, у котораго не было впереди ничего, кромѣ одинокаго сидѣнья у колонны, нищенскихъ прошеній и темной смерти въ углу внутренняго двора храма, среди обломковъ стараго навѣса и пересохшаго помета давно не существующихъ барановъ.

А можетъ быть, и плакалъ старый Ахитоѳелъ, потерявшій единственнаго человѣка, говорившаго съ нимъ, какъ съ равнымъ, но слезъ нельзя было отличить отъ крупныхъ капель пота, съ которыми смѣшивались онѣ,—катившихся по темному лицу и убѣгавшихъ къ сморщенной, жилистой шеѣ.

Ахитоѳелъ долго сидѣлъ такъ и долго думалъ и, должно быть, задремалъ даже, потому что неясная темная скорбь, угнетавшая его, вдругъ встала надъ нимъ черной ночью, и чистыя, огненныя слезы пылали въ ней живыми, яркими звѣздами и мигали ему, старому Ахитоѳелу, такъ какъ знали то, что постигло его...

Эти звѣзды мигали, колыхались и, тихо дрогнувъ, сдвигались съ мѣста и плыли одна къ другой и сливались въ одну яркую трепетную цѣпь—такую длинную и звонкую, какъ безконечная серебряная струна... Она звенѣла жалобно и печально, и звукъ росъ, дѣлался сильнѣе, крѣпчалъ, охватывалъ Ахитоѳела со всѣхъ сторонъ, потрясалъ его отрѣшившуюся отъ стараго тѣла душу, какъ таинственный, наростающій громъ.

И вдругъ онъ порвался дикимъ потрясающимъ вскрикомъ—такимъ ужаснымъ и безмѣрно скорбнымъ, какой можетъ вырваться изъ груди человѣка только въ послѣдній моментъ безвозвратной побѣды смерти надъ тѣломъ человѣческимъ...

Ахитоѳелъ поднялъ голову и съ усиліемъ открылъ глаза.

Все небо было темно, и пылающій дискъ солнца закрылся, какъ глазъ человѣка въ послѣднюю минуту отчаянія.

На вершинѣ горы, гдѣ висѣли казненные, народъ стоялъ неподвижной, плотной толпой, сгустившейся у средняго креста.

Ахитоѳелъ взглянулъ на распятаго и понялъ, что пробудившій его крикъ принадлежалъ ему. Онъ слился съ разразившимся громомъ, каменные отзвуки котораго еще катились глухимъ ворчаніемъ вдали надъ горнымъ кряжемъ.

Должно быть, во время дремоты нищаго налетѣла туча, но, подхваченная вѣтромъ, не успѣла разразиться дождемъ и теперь недовольно уползала къ горизонту зловѣщимъ синимъ призракомъ.

Ахитоѳелъ прищурился, напрягая изо всѣхъ силъ зрѣніе, и увидѣлъ, что голова распятаго безсильно повисла внизъ и на бокъ, а все скрученное, мягко и безвольно подавшееся внизъ тѣло судорожно дергается послѣдней дрожью.

Еще разъ, въ послѣднемъ усиліи побѣдить обнимающую смертную тьму, рванулось судорогой это обвисшее тѣло, слабо мотнулась голова, и все оно замерло въ тупой и холодной неподвижности трупа...

Ахитоѳелъ опустилъ голову и ворчливо пробормоталъ:

— Умеръ... И то, что говорилъ старому Ахитоѳелу, умерло съ нимъ вмѣстѣ... Какъ было, такъ и осталось! Кривое не можетъ сдѣлаться прямымъ, и чего нѣтъ, того нельзя считать!—добавилъ онъ, смутно припоминая изъ священнаго писанія изреченіе Соломона.

Онъ поднялся, оперся на свой костыль и тихо побрелъ къ городу, съ трудомъ пробираясь въ хлынувшей сразу къ воротамъ толпѣ, цѣпляясь за камни и съ каждымъ шагомъ чувствуя, какъ убываютъ его силы.

Съ утра онъ ничего не ѣлъ, и теперь голодъ, сосавшій внутренности, особенно ослабилъ его.

Его толкали, обгоняли, стремились мимо нестройной текучей волной, то задумчиво молчаливой, то назойливо крикливой, и когда онъ подошелъ къ воротамъ, люди скопились тамъ, какъ неожиданно запруженная вода.

Продавцы хлѣба съ длинными поднятыми надъ головами палками, тяжелыми отъ нанизанныхъ на нихъ прѣсныхъ лепешекъ, и продавцы воды съ глиняными кувшинами, привѣшенными сбоку, выстроились у воротъ и оглушительно кричали, предлагая возвращавшимся съ казни подкрѣпить себя.

Ахитоѳелъ подумалъ, что не худо бы съѣсть хоть одну лепешку, но у него не было ни обола, и надежды выпросить у кого-либо подаяніе было мало. Всѣ были заняты, всѣ торопились домой, протискивались къ воротамъ и не обращали вниманія на стараго нищаго.

Вдругъ народъ заволновался, двинулся душной горячей волной и, какъ хлѣбное поле подъ вѣтромъ, заколыхался низкими поклонами.

Окруженный членами Синедріона и наиболѣе почтенными изъ гражданъ, въ толпѣ проходилъ всемогущій Каіафа, въ сохраненіи закона Моисеева сейчасъ доказавшій еще разъ свое могущество.

Спутники склонялись къ нему и шептали что-то, должно быть, льстивыя слова удивленія его проникновенію и всесилію, а онъ шелъ съ затаенной въ тонкихъ, плотно сжатыхъ гу-

бахъ улыбкой, съ замкнутымъ лицомъ, какъ побѣдитель, который не хочетъ гордиться своей побѣдой.

Проходя мимо Ахитоѳела, онъ на мигъ пріостановился, и улыбка его стала широкой и поощрительной.

— Видѣлъ, видѣлъ гнѣвъ твой на богоотступника, видѣлъ старческую десницу, простертую съ проклятіемъ на него!— проговорилъ онъ и спросилъ:

— Какъ, бишь, твое имя?

Глухое, темное отчаяніе вспыхнуло въ старой груди бѣшенымъ гнѣвомъ. Хотѣлось крикнуть, ударить костылемъ въ гордое, самодовольное лицо важнаго старика, упасть на землю и не вставать больше... И одинъ моментъ нищій неподвижно, злобно и пристально глядѣлъ на первосвященника. Но онъ былъ старъ, безсиленъ и совсѣмъ одинокъ послѣ смерти распятаго и... былъ голоденъ... И вдругъ, неожиданно для самого Ахитоѳела, спина его склонилась съ прежней рабской покорностью, такъ что кости лопатокъ выступили острыми углами подъ желтой, мертвенной кожей.

И съ уничтожающимъ презрѣніемъ къ себѣ, къ смутному предательству своему, залившему безмѣрнымъ стыдомъ дряблыя безкровныя щеки, нищій пробормоталъ смиреннымъ, плаксивымъ голосомъ:

— Ахитоѳелъ изъ Виѳаніи, милостивый господинъ!

— Такъ, такъ, Ахитоѳелъ,—кивнулъ головой Каіафа, бросая серебряную монету, которую тотъ живо подхватилъ,— такъ, такъ,—повторилъ онъ, улыбаясь, и по этой улыбкѣ можно было подумать, что онъ отлично помнитъ имя нищаго и только дѣлаетъ видъ, что забываетъ.—И вотъ, смотрите на этого бѣднаго человѣка изъ Виѳаніи,—продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ,—не есть-ли онъ гласъ народа, какъ гласъ божій, осудившій казненнаго?

Онъ двинулся дальше, и сразу за нимъ и за его свитой толпа замкнулась шумливымъ потокомъ.

Ахитоѳелъ поднялъ голову. Противъ него, наискось, ближе къ воротамъ, стояли тѣ три восточныхъ купца, которыхъ онъ видѣлъ возлѣ горы. Тотъ, что разспрашивалъ, глядѣлъ на него черными, загадочными въ своей неподвижности глазами и говорилъ что-то. Рядомъ кричали въ нѣсколько голосовъ торговцы, предлагавшіе прѣсныя лепешки и воду, но Ахитоѳелъ ясно разслышалъ неодобрительно-изумленное причмокиванье и слащавый голосъ купца:

— Тсе, тсе, тсе, какъ же это ты теперь говоришь, старый нищій, а?

Ахитоѳелъ сердито отвернулся и остановилъ продавца лепешекъ.

— Дай мнѣ два хлѣба за полтора обола, вотъ деньги!—

ворчливо проговорилъ онъ. Потомъ взялъ хлѣбы и сдачу, отправилъ деньги за щеку и побрелъ въ толпѣ къ городу.

И когда шелъ все время, неодобрительно качалъ головой, удивляясь тѣмъ снамъ, что посѣщаютъ иногда людей, такимъ радостнымъ и свѣтлымъ, какъ далекое воспоминаніе дѣтства.

А вспоминая иноземнаго купца и почудившееся ему неодобрительное причмокиванье, бормоталъ провалившимися внутрь беззубаго рта губами:

— Эге, если-бы ты зналъ, какой могучій человѣкъ первосвященникъ и какое доходное мѣсто у колонны храма... Кххэ!.. А старый Ахитоѳелъ слабъ, одинокъ и бѣденъ, хотя и видитъ иногда такіе хорошіе сны...

Должно быть, передъ смертью они бываютъ у такихъ старыхъ людей, какъ нищій Ахитоѳелъ...

В. Муйжель.

---

* * *

Оторву я листокъ отъ березы родной
И тебѣ на чужбину пошлю:
Онъ напомнитъ тебѣ, какъ прекрасны весной
Лѣсъ и небо въ суровомъ краю.

Онъ заставитъ забыть знойно-ласковый югъ
Для далекихъ прозрачныхъ ночей
И тебя позоветъ, какъ тоскующій другъ,
Въ тѣнь душистыхъ весеннихъ вѣтвей.

И въ душѣ у тебя гдѣ-то нѣжной струной
Снова пѣсню весна запоетъ,
Что̀ зеленый листокъ отъ березы родной
На чужбину тебѣ принесетъ!

Г. Галина.

Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ.

IV.

Союзъ Спасенія.—Союзъ Благоденствія.—Заимствованія при составленіи его устава изъ устава Союза Добродѣтели.—Учрежденіе школъ.—В. Ѳ. Раевскій, какъ пропагандистъ.—Литературныя общества.—Предположенія Н. И. Тургенева объ изданіи журнала.—Конституціонныя стремленія Союза Благоденствія.—Обсужденія коренною управою 1820 г. вопроса о формахъ правленія.—Сѣверное Общество и его монархически-конституціонныя стремленія.—Пріѣздъ Пестеля въ Петербургъ въ 1824 г.—Республиканскія теченія въ Сѣверномъ Обществѣ.—Кандидаты во временное правленіе.—Проекты манифеста о созывѣ великаго собора.—Республиканскія стремленія Южнаго Общества.

Союзъ Добродѣтели, не смотря на то, что онъ существовалъ въ Пруссіи въ 1808—9 гг. съ вѣдома правительства, въ самомъ концѣ 1809 г. былъ закрытъ королемъ; отсюда Мих. Ѳед. Орловъ заимствовалъ мысль объ устройствѣ тайнаго общества, которую онъ пытался осуществить при помощи гр. Дмитріева-Мамонова учрежденіемъ Общества Русскихъ Рыцарей, по этому поводу онъ находился въ сношеніяхъ и съ Н. И. Тургеневымъ. Мысль объ устройствѣ тайныхъ обществъ была настолько популярна въ первой четверти XIX вѣка, что даже извѣстный прусскій государственный дѣятель Гарденбергъ въ 1807 г., въ виду необходимости для Пруссіи бороться съ Наполеономъ, высказывалъ убѣжденіе, что тайныя общества могутъ быть полезны, если руководить ими въ интересахъ государства; такими обществами онъ считалъ и масонскія ложи *).

Н. И. Тургеневъ, хорошо знавшій въ Германіи нѣкоторыхъ членовъ Союза Добродѣтели (Tugendbund'а), также не мало размышлялъ о значеніи тайныхъ обществъ. Въ 1817 г., быть можетъ вслѣдствіе своего участія въ замыслахъ М. Ѳ. Орлова, онъ занесъ въ свой дневникъ слѣдующія мысли: «Убѣдившись въ необходимо-

*) Stettiner. Der Tugendbund, 1904, 9—10.

сти тайныхъ обществъ, надобно въ особенности замѣтить, что тѣ изъ нихъ, кои устроены на правилахъ нравственности и патріотизма, заслуживаютъ не преслѣдованія, а одобренія правительствъ, тѣмъ болѣе, что правительства часто не могутъ произвести въ дѣйство того, что могутъ общества... Общество можетъ... пріобрѣсти болѣе довѣрія отъ людей, нежели правительства, потому самому, что правительство, имѣя болѣе власти, нежели всякое общество, не можетъ внушать сего довѣрія: законъ сильнаго не то, что законъ условный. Общество состоитъ изъ частныхъ лицъ, слѣдовательно заключается въ кругу частнаго дѣйствія; правительство не имѣетъ соперниковъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сила уничтожаетъ довѣріе».

Вслѣдъ затѣмъ (29 іюня 1817 г.) Тургеневъ заноситъ въ свой дневникъ мысли о необходимости работать и жертвовать собою на «пользу гражданскаго счастія отечества», которыя, повидимому, находятся въ связи съ разсужденіемъ о необходимости тайныхъ обществъ. Мысли эти очень неопредѣленны, но характерны для тѣхъ молодыхъ людей, которые находились, такъ сказать, наканунѣ вступленія въ тайное общество *).

Въ концѣ 1816 или началѣ 1817 г. былъ основанъ «Союзъ Спасенія или Истинныхъ и Вѣрныхъ Сыновъ Отечества». По показанію С. Муравьева-Апостола, цѣлью общества, объявленною всѣмъ членамъ-учредителямъ, было введеніе въ Россіи представительнаго правленія. Позднѣе обсуждались средства для достиженія этой цѣли, но никакого опредѣленнаго плана дѣйствій принято не было. Въ уставѣ общества было также сказано, что если царствующій императоръ «не дастъ никакихъ правъ независимости своему народу, то ни въ какомъ случаѣ не присягать его наслѣднику, не ограничивъ его самодержавія».

Пестель, согласно съ Муравьевымъ-Апостоломъ, далъ показаніе, что «вмѣстѣ съ учрежденіемъ общества Сыновъ Отечества появились мысли конституціонныя», но весьма неопредѣленныя, «однако жъ болѣе склонныя къ монархическому правленію». Въ другомъ показаніи онъ говоритъ: «настоящая цѣль перваго общества была введеніе монархическаго конституціоннаго правленія»; она была опредѣлена одновременно съ принятіемъ устава, однако о ней сообщалось членамъ лишь второй степени, а при принятіи въ первую только глухо говорилось о введеніи новаго порядка. По показанію Якушкина, общество должно было стараться приготовить всѣ сословія къ представительному правленію, но эта главная цѣль должна была быть извѣстна только членамъ высшей степени. По

*) Даже и гораздо позднѣе, въ 1840-хъ годахъ, придя къ другому взгляду на тайныя общества, Тургеневъ высказываетъ убѣжденіе, что они „всегда будутъ существовать тамъ, гдѣ мысль подавлена, слово сковано". La Russie I, 366—367.

свидѣтельству М. А. Фонъ-Визина, цѣлью общества было проведеніе въ жизнь «нашихъ тогдашнихъ любимыхъ идей: конституціи, представительства народнаго, свободы книгопечатанія, словомъ, всего того, что составляетъ сущность правленія въ Англіи и другихъ земляхъ».

Хорошимъ показателемъ бродившихъ въ то время политическихъ идей служитъ неизданный дневникъ Н. И. Тургенева. Въ ноябрѣ 1816 г. онъ разсуждаетъ о дурномъ вліяніи неограниченнаго монархическаго или деспотическаго правленія на нравственность и отмѣчаетъ «строгость нравовъ въ республикахъ *), развращенность» ихъ «въ деспотическихъ правленіяхъ». Этимъ онъ объясняетъ то, что у насъ «многіе умные люди погибаютъ отъ пьянства и безпутной жизни». Нѣсколько позднѣе, получивъ извѣстіе отъ брата Сергѣя изъ Парижа, что и тамъ его либеральныя идеи не нравятся «нашимъ хамамъ и хамикамъ», по поводу опасеній брата, что это можетъ ему повредить, Тургеневъ замѣчаетъ: «Онъ не долженъ забывать, что мы не для того исповѣдуемъ либеральныя идеи, чтобы нравиться людямъ, изъ коихъ большая часть хамы». Въ это же время Тургеневъ задумываетъ писать, хотя бы и отрывками, разсужденіе объ общей политикѣ: о составныхъ частяхъ государства, о раздѣленіи властей, о различныхъ сословіяхъ. 3-го марта 1817 г., подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него засѣданіемъ государственнаго совѣта, онъ задается вопросомъ: «отчего есть противники конституціонныхъ правленій», и рѣшаетъ его такимъ образомъ, что такъ какъ дѣйствія ихъ открыты для всѣхъ, то поражаемые ихъ недостатками «кричатъ противъ республикъ, противъ конституціонныхъ правленій. Отчего неограниченныя правленія имѣютъ защитниковъ? Оттого, что въ нихъ все скрыто, и многіе, не видя явно ни хорошаго, ни дурного, составляютъ себѣ собственное понятіе о выгодахъ темнаго хода сихъ правленій и защищаютъ ихъ. Но что бы сказали самые горячіе чтители самодержавія, посмотрѣвъ на засѣданія высшихъ правительственныхъ и законодательныхъ мѣстъ въ самодержавныхъ государствахъ? Если въ нихъ есть совѣсть, безпристрастіе и любовь къ отечеству, то они бы, по крайней мѣрѣ, замолчали». Въ томъ же году Тургеневъ, подъ вліяніемъ мысли о необходимости для Россіи коституціоннаго строя, пишетъ слѣдующее: «Меня гнететъ, уничтожаетъ мысль, что я при жизни своей не увижу Россію свободною на правилахъ мудрой конституціи. При всякомъ добромъ намѣреніи, такъ сказать, *падаютъ руки*, когда вспомню, что я осужденъ прожить вторую половину своего вѣка въ томъ же

*) Еще въ 1814 г., находясь въ Вѣнѣ, Тургеневъ выражаетъ въ своемъ дневникѣ (20 сентября) сочувствіе республикѣ, но, видимо, считаетъ ее мало осуществимою. „Люди, похожіе болѣе на ангеловъ, нежели на людей", пишетъ Тургеневъ, „изобрѣли республиканское правленіе—идеалъ всего человѣчества".

порядкѣ вещей, который существовалъ доселѣ. Это печально, грустно, ужасно, унизительно». 3-го іюля 1818 г. онъ опять размышляетъ на ту же тему: «Пусть эгоисты и глупцы смѣются надъ тѣми, кто желаетъ и любитъ конституцію. Слово—не вещь. Говоря: «мы хотимъ конституціи, мы не говоримъ: мы хотимъ того, что въ Англіи, въ Америкѣ; но мы хотимъ порядка, справедливости, устройства и не разумѣемъ того, чтобы сіе устройство было доставлено тѣми же средствами, какъ въ Англіи и Америкѣ, но средствами, удобными и лучшими для Россіи». Тургеневъ, вѣроятно, желалъ этимъ сказать, что конституція Россіи не должна быть слѣпымъ подражаніемъ англійскому государственному строю или конституціи сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и притомъ (очевидно подъ вліяніемъ варшавской рѣчи Александра I) выражалъ надежду, что она будетъ дарована государемъ, а не добыта революціоннымъ путемъ. Въ письмѣ къ кн. Козловскому *) (7 ноября 1818 года) онъ говоритъ: «Я согласенъ, что самодержавіе можетъ возвышать, усиливать государства, но можетъ ли оно вмѣстѣ съ симъ и счастливить народы. Историкъ, или, въ семъ случаѣ правильнѣе сказать, исторіографъ (очевидно, намекъ на Карамзина), думаетъ *да*, а я думаю и всегда буду думать: *нѣтъ*!»

Союзъ Спасенія просуществовалъ недолго и привлекъ къ себѣ не много членовъ. Осенью 1817 г. рѣшено было приступить къ составленію новаго устава, руководствуясь уставомъ нѣмецкаго Союза Добродѣтели.

Объ этомъ союзѣ у насъ ходили преувеличенные слухи ***). Онъ существовалъ немногимъ болѣе полуторыхъ лѣтъ: онъ былъ основанъ въ Кёнигсбергѣ 16 апрѣля 1808 г.; прусскій король призналъ его существованіе (на основаніи составленнаго проф. Леманомъ устава) 30 іюня 1808, а закрытъ онъ былъ 31 декабря 1809 г. Хотя союзъ имѣлъ 738 членовъ, но онъ не успѣлъ сыграть видной роли; впрочемъ, нѣкоторые отдѣльные его члены участвовали въ заявленіи правительству желаній о созывѣ народныхъ представителей **). Между тѣмъ кн. Трубецкой въ своемъ показаніи говоритъ, что Союзу Добродѣтели (Тугендбунду) приписывали «опол-

---

*) Біографическія свѣдѣнія о немъ см. въ „Остафьевскомъ Архивѣ", т. III, 1908 г., примѣчанія В. И. Саитова, стр. 551—554.

**) См. о немъ слѣдующія сочиненія: 1) Ioh. Voigt. Geschichte des sogenannten Tugendbundes oder des sittlich-wissenschaftlichen Vereins. Berl. 1850. 2) Der Tugenbund. Aus den hinterlassenen Papieren des Mitschtifters Prof Dr. H. F. G. Lehmann. Herausg. Von Pr. Dr. Aug. Lehmann. Berl. 1867. 3) Aug. Fournier. Historische Studien u. Skizzen 1885 (Zur Geschichte des Tugendbundes); 4) Alfr. Stern. Abhandlungen und Aktenstücke zur Geschiche der preussischen Reformzeit. 1807—1815. Leipz. 1885 (Der Sturz des Freiherrn v. Stein im Iahre 1808 und der Tugendbund); 5) Dr. P. Stettiner. Der Tugendbund. Könisb, 1904.

***) Stettiner, 25—26.

ченіе Шиля и послѣ того, въ 1813 г. скорое возстаніе Пруссіи противъ Франціи»; «начальникомъ» его «почитали извѣстнаго министра Штейна» и полагали, что въ числѣ членовъ его находится Гнейзенау и многіе другіе извѣстные люди. Однако, эти слухи были несправедливы. Майоръ Шилль, сдѣлавшій въ 1809 г. попытку возстанія для освобожденія Германіи отъ власти Наполеона и показавшій патріотической молодежи примѣръ своею геройскою смертью *), хотя и зналъ хорошо дѣла Союза Добродѣтели и хотя ему было предложено вступить въ число его членовъ, но онъ, уже задумавъ свое отважное предпріятіе, отказался, чтобы не повредить союзу. Штейнъ не былъ его членомъ и довольно равнодушно относился къ нему; членомъ его не былъ и Гнейзенау. Кн. Волконскій также ошибочно полагалъ, что Шарнгорстъ былъ однимъ изъ первыхъ основателей Тугендбунда **). Лореръ передаетъ слова, сказанныя ему Пестелемъ, будто бы прусскій король въ 1813 и 1814 гг. былъ главою Союза Добродѣтели, между тѣмъ какъ союзъ въ это время уже не существовалъ. Нужно замѣтить также, что въ изданіи Freimüthige Blätter, которымъ пользовались составители устава Союза Благоденствія, былъ напечатанъ первоначальный текстъ устава Союза Добродѣтели ***); при составленіи второй редакціи, онъ подвергся значительной переработкѣ и въ этомъ видѣ былъ напечатанъсамимъ союзомъ ****), но затѣмъ по требованію администраціи вновь пересмотрѣнъ *****).

Въ Союзѣ Добродѣтели участвовало не мало офицеровъ. По свидѣтельству М. А. фонъ-Визина, многіе русскіе познакомились съ нѣмецкими офицерами, бывшими членами этого общества. Н. М. Муравьевъ во время слѣдствія показалъ, что «еще въ Петербургѣ» (т. е. до отправленія въ Москву гвардейскаго отряда осенью 1817 г.) кн. Лопухинъ, членъ Союза Спасенія, «доставилъ книжку нѣмецкаго журнала «Freiwillige Blätter» ******), въ которой находился Уставъ

---

*) K. Goette. Das Zeitalter der deutschen Erhebung. 1807—1815. Gotha, 1891, I, 301—304.

**) Lehmann, 22—23, Voigt, 9—10, A. Stern, 26—29, Stettiner 13—18, 25—27.

***) Freimüthige Blätter, 1815, Heft 4, 1816, Heft 5. Fournier 310. Въ петербургскихъ библіотекахъ нѣтъ названныхъ книгъ Freimüthige Blätter, но въ рукописномъ отдѣленіи Имп. Публичной Библіотеки хранится копія съ напечатанной въ нихъ первой редакціи устава Tugendbund'а, сдѣланная для А. Н. Пыпина.

****) Вторая редакція перепечатана въ книгѣ Lehmann'а, 147—192.

*****) Изложеніе 3-й редакціи см. въ книгѣ Voigt'а, 57 — 70; ср. Fournier, 319.

******) Это ошибочное названіе (вмѣсто Freimüthige Blätter) повторено и въ „Донесеніи Слѣдств. Коммисіи". Указаніе, что доставлена была „книжка", наводитъ на мысль, что составители Устава Союза Благоденствія имѣли въ рукахъ не весь уставъ Tugendbund'а, а только первую половину (первой редакціи), которая была напечатана въ 4 тетради Freimüthige Blätter" 1815 г., гдѣ помѣщены были: введеніе и Gesetz I II и III, до 73 §

Тугендбунда въ томъ самомъ видѣ, какъ оный, по сказанію сего журнала, былъ представленъ въ 1808 году на утвержденіе королю Прусскому *). Петръ Колошинъ перевелъ его на русскій языкъ. Уставъ сей весьма понравился Михаилу Муравьеву, фонъ-Визину и Якушкину, которые (въ Москвѣ) «настаивали, чтобы оный примѣнить къ состоянію Россіи и народному характеру, на что другіе члены не соглашались, такъ что Михайло Муравьевъ и Петръ Колошинъ оставили общество» (до тѣхъ поръ, пока ихъ мнѣніе не восторжествовало). Передѣлка устава, какъ показалъ Н. М. Муравьевъ, «продолжалась около 4 мѣсяцевъ. Она была поручена Михайлѣ Муравьеву, кн. Трубецкому и мнѣ. Но такъ какъ моя часть не отвѣтствовала прочимъ, то поручено было Петру Колошину ее передѣлать. Пока работа сія производилась, Александръ Муравьевъ завелъ Военное Общество, которое было довольно многочисленно и раздѣлялось на двѣ управы. Но по окончаніи новаго устава общество сіе было распущено, и члены общества поступили въ новый *Союзъ Благоденствія*... Многіе члены предлагали поднести его правительству и испросить отъ онаго утвержденія» **).

Между тѣмъ какъ Н. Муравьевъ приписываетъ доставленіе оригинала Устава Союза Добродѣтели кн. П. П. Лопухину, другіе декабристы (М. А. фонъ-Визинъ, С. Муравьевъ-Апостолъ и Якушкинъ) говорятъ, что это сдѣлалъ кн. Илья Долгоруковъ. Вступивъ въ Союзъ Спасенія въ началѣ 1817 г., онъ уѣхалъ за-границу въ апрѣлѣ того же года и вернулся лишь въ августѣ слѣдующаго. По словамъ фонъ-Визина, въ Германіи онъ «вошелъ въ сношенія» съ (бывшими) членами Союза Добродѣтели, которые «сообщили ему свои статуты». Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говоритъ, что печатный уставъ Союза Добродѣтели былъ присланъ изъ Германіи кн. Долгорукимъ и что уставъ Союза Благоденствія былъ введенъ въ дѣйствіе за нѣсколько времени предъ обратнымъ выступленіемъ гвардейскаго отряда изъ Москвы.

А. Н. Пыпинъ доказалъ, что составители устава Союза Благоденствія значительно воспользовались первою редакціею устава Союза Добродѣтели ***). Онъ отмѣтилъ также опущеніе въ уставѣ Союза

включительно. Дѣйствительно, заимствованія, сдѣланныя составителями устава Союза Благоденствія, относятся только къ этой первой части устава Tugendbund'a.

*) Въ предисловіи нѣмецкаго изданія сказано, что печатаемый уставъ Союза Добродѣтели былъ составленъ въ 1808 г., въ 1809 исправленъ и въ томъ же году союзъ былъ уничтоженъ королемъ. Издатели пожелали его огласить на томъ основаніи, что по § 27 первой редакціи устава Союзъ Добродѣтели—общество, „которое старается получить одобреніе каждаго правительства".

**) Н. И. Тургеневъ также свидѣтельствуетъ, что „основатели Общества спорили о томъ, не слѣдуетъ ли просить поддержки правительства. Только боязнь, что ихъ намѣренія не будутъ признаны, побудило ихъ дѣйствовать безъ содѣйствія и вѣдома императора". La Russie I, 78.

***) „Очерки общественнаго движенія", изд. 3-е, стр. 379—380, 553—558, 562, 567.

Благоденствія двухъ очень важныхъ параграфовъ устава Союза Добродѣтели, въ которыхъ непремѣннымъ условіемъ пріема въ члены Союза для землевладѣльцевъ, имѣющихъ «подданныхъ» (Unterthanen), т. е. крѣпостныхъ, было постановлено, чтобы они обязались въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ вступленія въ союзъ или, по крайней мѣрѣ, къ концу того же хозяйственнаго года и, во всякомъ случаѣ, до 1810 года, когда по закону 9 октября 1807 г. должно было прекратиться существованіе крѣпостного права, «освободить ихъ отъ подданническихъ отношеній» (Unterthänigkeit) и, посредствомъ полюбовнаго соглашенія относительно работъ, обратить ихъ условное владѣніе землею въ свободную собственность, по возможности совершенно достаточную для пропитанія трудолюбиваго семейства. Опущеніе этихъ параграфовъ показываетъ, что не только мысль объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ не созрѣла еще среди основателей Союза Благоденствія, но въ уставѣ его они не рѣшились прямо говорить о какомъ бы то ни было освобожденіи крѣпостныхъ *). Но если, такимъ образомъ, соціальное міросозерцаніе составителей устава Союза Благоденствія стояло на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ составителей устава Tugendbund'а (это объясняется тѣмъ, что для всей Пруссіи былъ уже изданъ 9 октября 1807 г. законъ объ уничтоженіи наслѣдственнаго подданства **), а у насъ во время составленія устава Союза Благоденствія крѣпостное право было уничтожено лишь въ Царствѣ Польскомъ и уничтожалось въ Остзейскомъ краѣ), то за то въ смыслѣ политическаго либерализма первые были неизмѣримо выше вторыхъ, что, впрочемъ, зависитъ и отъ болѣе поздняго, на цѣлые десять лѣтъ, учрежденія Союза Добродѣтели, а за это время и политическое міросозерцаніе нѣмцевъ сдѣлало значительные успѣхи. Какъ бы то ни было, весьма важно для характеристики настроенія членовъ Союза Благоденствія, что они не воспользовались цѣлымъ рядомъ параграфовъ устава Союза Добродѣтели, въ которыхъ высказывалась преданность монарху, предписывалось защищать государя и домъ Гогенцоллерновъ «отъ напора безнравственнаго духа времени», а также выслѣживать измѣнническія сношенія и чрезъ высшихъ представителей союза предавать ихъ начальству. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ, вѣроятно, объ измѣнническихъ сношеніяхъ съ иностраннымъ государствомъ ***), но все же Союзъ

*) Впрочемъ члены Союза должны были подвергать осужденію тѣхъ господъ, крестьяне которыхъ бродятъ по міру, и стараться „склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя, что подданные такіе же люди и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которыя дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться“.

**) См. Кnapp. Die Bauern-Befreiung. 1887, I, 135—136 (есть русскій переводъ).

***) Во введеніи первой редакціи устава Союза Добродѣтели (§ 11) сказано, что этотъ союзъ „составляетъ среди народа оплотъ трона ны-

Добродѣтели не пожелалъ взять на себя обязанности ни защищать русское правительство «отъ напора духа времени», ни предупреждать государственную измѣну *). Эти требованія устава Союза Добродѣтели не могли не находиться въ самомъ рѣзкомъ разногласіи съ убѣжденіями составителей устава Союза Благоденствія, часть которыхъ (Трубецкой и Н. Муравьевъ) были членами Союза Спасенія, ставившими одною изъ своихъ задачъ достиженіе политической свободы. Составители устава Союза Благоденствія не возвысились до признанія полной свободы совѣсти, такъ какъ членами Союза могли быть только христіане (книга II, гл. I, § 2), о чемъ въ уставѣ Союза Добродѣтели не упоминается **). Что касается соціальнаго положенія лицъ, желающихъ сдѣлаться его членами, то по уставу Союза Благоденствія онъ «не взираетъ на различіе состояній и сословій», но, однако, членами могли быть только «вольные люди» ***). Женщины не могли быть членами ни Союза Добродѣтели, ни Союза Благоденствія. Но въ уставѣ послѣдняго прибавлено: «должно, однакожъ, стараться нечувствительнымъ образомъ склонять» женскій полъ «къ составленію человѣколюбивыхъ и вообще частныхъ обществъ, соотвѣтствующихъ цѣли Союза».

нѣшняго властелина Пруссіи и дома Гогенцоллерновъ противъ безнравственнаго духа времени". Въ § 21 того же введенія: „Союзъ Добродѣтели создаетъ общественное мнѣніе въ низшихъ классахъ народа, благопріятное для государя и правительства". Въ § 22: Союзъ ставитъ себѣ задачею бороться съ вреднымъ вліяніемъ „подкупленныхъ писателей", которые проповѣдуютъ уничтоженіе существующихъ порядковъ. Въ § 9 отдѣла 1-го устава: „Ни одинъ чиновникъ изъ уступленныхъ... провинцій, который оказался виновнымъ въ участіи въ тамошнемъ возстаніи, въ помощи инсургентамъ или въ нарушеніи своего долга, не можетъ быть принятъ въ Союзъ". Въ постановленіяхъ о полиціи (отд. III гл. 6, §§ 154 и 155) сказано: „за сношеніями, имѣющими цѣлью измѣну государству, должно слѣдить съ величайшею настойчивостью и къ подозрительнымъ лицамъ приставлять тайныхъ наблюдателей. Если членъ союза заподозритъ кого-либо, то долженъ указать на него своему цензору и продолжать въ полной тайнѣ свои наблюденія до того, когда будетъ имѣть возможность предъявить несомнѣнныя доказательства". Въ уставѣ Союза Благоденствія есть правило, что „всякій членъ подъ опасеніемъ взысканія обязанъ властямъ союза" (а не правительству, какъ въ уставѣ Tugenbund'а) „доносить о всѣхъ противозаконныхъ и постыдныхъ дѣяніяхъ своихъ сочленовъ". Впрочемъ, въ третьей редакціи устава Союза Добродѣтели система тайнаго надзора и доносовъ была устранена. Fournier, 319.

*) Нужно обратить также вниманіе на то, что въ подпискѣ вступающаго въ Союзъ Добродѣтели онъ давалъ обязательство „съ особенною вѣрностью быть преданнымъ теперешнему королю и его семейству", въ уставъ же Союза Благоденствія это мѣсто не было включено.

**) Однако, фактически, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ евреи не имѣли доступа въ Союзъ Добродѣтели. Lehmann, 31, Voigt, 38.

***) Въ уставѣ же Союза Добродѣтели было сказано, что въ немъ „исчезаетъ всякое различіе сословія и званія" (Отдѣлъ I, § 23). Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ устава Союза Благоденствія это послѣднее правило Союза Добродѣтели было повторено уже безъ оговорки: „различіе гражданскихъ состояній и званій въ союзѣ уничтожается".

Любопытно постановленіе устава Союза Благоденствія, что «вступленіе въ такія общества, кои правительствомъ не одобрены, членамъ союза воспрещается, ибо онъ, дѣйствуя къ благу Россіи и, слѣдовательно, къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣнію». Въ первой редакціи устава Союза Добродѣтели этому соотвѣтствуетъ постановленіе, что онъ представляетъ «открытое общество, которое старается пользоваться одобреніемъ каждаго правительства» (введеніе, § 27). Впрочемъ, уставъ Союза Благоденствія повторяетъ правило устава Союза Добродѣтели, что «никто безъ особеннаго порученія» не можетъ съ посторонними говорить о занятіяхъ и дѣлахъ союза, а также безъ особеннаго позволенія письменно (въ уставѣ Тугендбунда—посредствомъ печати) излагать свои мысли ни за, ни противъ союза. Въ другомъ мѣстѣ устава Союза Благоденствія сказано, что «никакое сочиненіе не издается отъ Союза безъ согласія правленія онаго».

Въ первой части «законоположенія Союза Благоденствія» не выражается какой-либо опредѣленной политической программы. Во «вступленіи» указывается на необходимость «соблюденія блага общаго», какъ на первый, естественный законъ общества, на то, что всякое правительство должно имѣть цѣлью «благо управляемыхъ», что безъ добрыхъ нравовъ народа правительство не можетъ удержать государство отъ паденія, что противодѣйствовать господствующему злу можно не иначе, какъ «отстраненіемъ личныхъ выгодъ и совокупленіемъ общихъ силъ добродѣтели противъ порока». Поэтому Союзъ Благоденствія считаетъ своею обязанностью «распространеніемъ между соотечественниковъ истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія». Такъ какъ одно время была даже рѣчь о томъ, чтобы, по примѣру нѣмецкаго Союза Добродѣтели, представить уставъ Союза Благоденствія правительству, то Союзъ выражаетъ надежду на «доброжелательство правительства», но все же рѣшаетъ дѣйствовать втайнѣ «во избѣжаніе нареканій злобы и зависти».

Цѣлью Союза были слѣдующія четыре отрасли дѣятельности: 1) человѣколюбіе, 2) образованіе, 3) правосудіе, 4) общественное хозяйство. Задачею первой отрасли являлось наблюденіе за больницами, сиротскими домами и проч., учрежденіе новыхъ заведеній этого рода, надзоръ за тюрьмами, острогами и проч., проповѣдь гуманнаго обращенія съ крѣпостными и порицаніе иначе относящихся къ нимъ, предоставленіе работы праздношатающимся учрежденіемъ рабочихъ заведеній, устройство пристанищъ для дряхлыхъ и увѣчныхъ, учрежденіе въ большихъ и губернскихъ городахъ «приказовъ» для всѣхъ свободныхъ людей, желающихъ получить мѣсто или работу *). Вторая отрасль—образованіе—

*) Въ уставѣ Союза Добродѣтели, не ограничиваясь такими бюро для

должна была имѣть цѣлью: 1) распространеніе правилъ нравственности, 2) воспитаніе юношества и 3) распространеніе познаній. Пропагандируя правила нравственности, должно было показывать «неразрывность собственнаго блага съ общимъ и ничтожность такъ называемыхъ личныхъ выгодъ», бороться съ лихоимствомъ, съ «жестокостью съ подвластными» (очевидно, тутъ имѣлись въ виду не только крестьяне, но и солдаты) *), осмѣивать чрезмѣрное стремленіе къ удовольствіямъ и «нелѣпую приверженность къ иноземному», предоставлять женщинамъ «новое поприще дѣйствій въ распространеніи возвышенныхъ чувствованій... любви къ отечеству и къ истинному просвѣщенію», объединять молодыхъ людей въ обществахъ для полезныхъ занятій, но съ тѣмъ, чтобы ихъ послѣдствіемъ, а также «всѣхъ дѣйствій, всѣхъ помышленій, было *общее благо*». Члены, желающіе оказать пользу воспитанію юношества, должны были собирать свѣдѣнія о существующихъ въ государствѣ учебныхъ заведеніяхъ, предлагать средства для исправленія ихъ недостатковъ, стараться участвовать въ управленіи учебными заведеніями и самимъ заводить ихъ; члены, имѣющіе помѣстья, должны были по возможности заводить училища въ своихъ деревняхъ **). Наиболѣе важными отраслями знаній для воспитанія сердца и разсудка Союзъ считалъ «точныя науки», «бытописаніе» (исторію) и «государственныя науки»; онъ придавалъ большое значеніе и образованію женскаго пола. Распространять познанія, какъ и все остальное, слѣдовало: личнымъ примѣромъ, словомъ и письмомъ. Члены союза должны были дѣлаться членами ученыхъ обществъ, сочинять и переводить книги. Дѣятельность по первой и второй отрасли должна была выражаться, между прочимъ, и въ выпускѣ въ свѣтъ соотвѣтственныхъ періодическихъ изданій ***).

пріисканія работы, рекомендовалось устройство колоній для бѣдныхъ. Члены Союза должны были также защищать рекомендованныхъ ими рабочихъ отъ чрезмѣрной строгости и несправедливости господина (Отдѣлъ III, 125, 126, 165).

*) Кн. Волконскій въ показаніи на слѣдствіи прямо говоритъ, что одною изъ цѣлей Союза Благоденствія было уничтоженіе жестокаго обращенія съ нижними чинами и охраненіе собственности ихъ отъ расхищенія. По словамъ Комарова, одною изъ задачъ Союза было распространеніе кроткаго обращенія въ войскахъ съ офицерами и солдатами. О дѣятельности членовъ тайнаго общества въ этомъ отношеніи мнѣ придется еще говорить.

**) Въ уставѣ Союза Добродѣтели рекомендовалось заводить въ университетахъ свободныя общества (подъ именемъ „Нѣмецкій Союзъ"); въ уставѣ Союза Благоденствія это исключено. Различныя свободныя общества (Freivereine) уставъ Союза Добродѣтели совѣтовалъ устраивать и внѣ университетовъ, при чемъ этимъ могли заниматься какъ духовныя, такъ и другія лица.

***) Уставъ Союза Добродѣтели рекомендовалъ въ журналѣ союза, посвященномъ литературѣ, защищать свободу мысли и слова (Отдѣлъ III,

Дѣятельность третьей отрасли (правосудіе) должна была состоять въ томъ, чтобы не отказываться отъ должностей, особенно по выборамъ дворянства, наблюдать за чиновниками, вникать въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ и военныхъ судовъ *) и стараться склонять все на сторону справедливости, соглашать «различныя племена, состоянія, сословія» и направлять ихъ всѣ «къ благоденствію Россіи», искоренять злоупотребленія, вкравшіяся въ военную службу, восхвалять помѣщиковъ, извѣстныхъ добрымъ обхожденіемъ съ подвластными, «истреблять» продажу крѣпостныхъ людей въ рекруты, отклонять отъ продажи людей по-одиночкѣ, объясняя, что они—не товаръ, и что такая торговля людьми неприлична христіанамъ, устраивать вольныя общества для подавленія порока и неправды, въ которыхъ должна была собираться «общественная казна» для вознагражденія потерпѣвшихъ за правду.

Четвертая отрасль союза должна была заниматься «общественнымъ хозяйствомъ, т. е. изысканіемъ непреложныхъ правилъ общественнаго богатства»: она обращаетъ особенное вниманіе на хлѣбопашество, «покровительствуетъ» (?) всякой полезной промышленности, имѣетъ надзоръ (?) надъ внѣшнею и внутреннею торговлею. Члены этой отрасли въ мѣстахъ своего жительства по возможности устраиваютъ «страховые приказы» для вознагражденія убытковъ отъ пожара и другихъ несчастныхъ случаевъ, заводятъ вольныя общества для усовершенствованія хлѣбопашества и проч. **). Составленіе устава Союза Благоденствія продолжалось четыре мѣсяца, затѣмъ уставъ Союза Спасенія былъ сожженъ, и общество начало свое существованіе въ 1818 году.

Хотя значительное вліяніе на уставъ Союза Благоденствія устава нѣмецкаго Союза Добродѣтели совершенно несомнѣнно, но нѣкоторыя лица, приближенныя къ имп. Александру, искали образца для перваго устава въ другомъ мѣстѣ. Генералъ-адъютантъ А. И. Чернышевъ представилъ императору Александру въ 1822 г. уставъ Союза Благоденствія, при чемъ сопоставилъ его съ нѣкоторыми мѣстами, заимствованными изъ двухъ книгъ объ извѣстномъ орденѣ иллюминатовъ: «Оригинальныя» (или «подлинныя») «писанія ордена иллюминатовъ, книга I», найденныя у нихъ при обыскѣ и напечатанныя въ Мюнхенѣ въ 1787 году ***) и «Пол-

§ 108); въ уставѣ Союза Благоденствія это правило отсутствуетъ, быть можетъ потому, что оно находится въ той части устава, которая могла остаться неизвѣстною членамъ Союза Благоденствія.

*) Это правило отчасти объясняетъ интересъ, который Н. И. Тургеневъ обнаруживалъ и относительно военнаго судопроизводства.

**) Уставъ Союза Благоденствія напечатанъ А. Н. Пыпинымъ въ приложеніи къ его извѣстной книгѣ „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, изд. 3-е, стр. 547—576.

***) Einige Originalschriften des Illuminatenordens, welche bei dem gewesenen Regier.-Rath. Zwack durch vorgenommene Hausvisitation zu Landshut, den 11 und 12 October 1786, vorgefunden worden, auf Befehl Sr. Churfürstl. Durchlaucht

ная исторія гоненія (sic) иллюминатовъ въ Баваріи» (сочиненіе основателя ордена, проф. Вейсгаупта). Однако, совпаденія постановленій иллюминатовъ съ правилами Союза Благоденствія весьма невелики. Такъ, правило устава этого Союза: «подъ его надзоромъ должны находиться всѣ безъ исключенія народныя учебныя заведенія» сопоставлено съ правиломъ ордена иллюминатовъ: «всѣ нѣмецкія школы состоятъ подъ орденомъ и управляются членами онаго». («Подлинныя писанія иллюминатовъ», стр. 10). Но оно, вѣроятно, заимствовано изъ слѣдующаго постановленія устава Союза Добродѣтели: «всѣ общественныя воспитательныя заведенія состоятъ подъ тайнымъ надзоромъ соовѣтственнаго отдѣла союза». Точно такъ же не убѣдительно сопоставленіе правила Союза Благоденствія о занятіи членовъ сочиненіями и переводомъ книгъ и о допущеніи «въ словесности» только истинно-изящнаго и отверженіи всего худого и посредственнаго» съ тѣмъ, что, по статуту ордена иллюминатовъ, члены его должны «распространять художества, науки и хорошій вкусъ, противясь всему, что сему мѣшаетъ» *); приведенное правило Союза Благоденствія, очевидно, заимствовано изъ устава Союза Добродѣтели, одинъ изъ параграфовъ котораго гласитъ: «въ отечественной литературѣ союзъ поддерживаетъ классическое, пробуждаетъ равнодушіе къ господствующей посредственности и презрѣніе къ дурному». Правило Союза Благоденствія, что онъ «не взираетъ на различіе состояній и сословій», заимствовано не изъ постановленія иллюминатовъ: «исчезаетъ въ орденѣ всякое различіе чиновъ и званія», а, какъ было уже указано, изъ устава Союза Добродѣтели **). Извѣстно изъ донесенія Грибовскаго (1821 г.), что Н. И. Тургеневъ былъ знакомъ съ правилами иллюминатовъ, но при составленіи устава Союза Благоденствія онъ не былъ еще его членомъ. Возможно, конечно, что уставы иллюминатовъ имѣли вліяніе на составителей устава Союза Добродѣтели ***), но при сочиненіи правилъ Союза Благоденствія непосредственнаго вліянія, вопреки указаніямъ доклада Чернышева, они не оказали ****).

Мы видѣли, что Союзъ Благоденствія задавался, въ сущности,

---

zum Druck befördert. 1787. Этой книги нѣтъ въ петербургскихъ библіотекахъ.

*) Vollständige Geschichte der Verfolgung der Illuminaten in Bayern, I Band, 1786, S. 121.

**) Военно-Учен. Архивъ, Отд. I, № 509-а, л. 1—86; на копіи, найденной въ бумагахъ гр. Дибича, рукою гр. Чернышева написано: „L'original a été remis à Sa Majesté le 23 de mars 1822". „Рус. Стар." 1904 г. № 5, стр. 242.

***) Иллюминатами интересовались нѣкоторые наши масоны. Гос. Арх. I B. № 499 „Fragment sur les Illuminés de Bavière".

****) Объ иллюминатахъ см. ст. Kluchohn'a въ его книгѣ Vorträge und Aufsätze, 1904 и въ Allgemeines Handbuch der Freimaurerei. 2 Aufl. von Lenning's Encyklopädie, 1863, II Band (въ 3-мъ изд. 1900 г. статья эта сокращена).

непосильными задачами, но отдѣльные его члены пропагандировали мысль объ уничтоженіи крѣпостного права, улучшали бытъ своихъ крестьянъ, заводили для нихъ училища *).

Въ дѣлѣ устройства школъ дѣятельность членовъ Союза Благоденствія совпадала съ дѣятельностью нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ. Такъ, въ январѣ 1819 г. былъ утвержденъ государемъ уставъ «С.-Петербургскаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія Бэля и Ланкастера» **). Двое изъ главныхъ дѣятелей этого общества, извѣстный художникъ гр. Ѳ. П. Толстой, предсѣдатель общества, и Ѳ. Н. Глинка, помощникъ предсѣдателя, были и членами масонской ложи Избраннаго Михаила, и членами Союза Благоденствія ***). Общество открыло въ 1819 г. въ Петербургѣ училище для мальчиковъ на 250 чел. (но училось и болѣе); оно просуществовало до 1827 г. и закрылось по недостатку средствъ ****).

Примѣненіемъ у насъ ланкастерской методы взаимнаго обученія *****) много занимался М. Ѳ. Орловъ и до того, какъ онъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія, и въ то время, какъ онъ былъ членомъ этого общества. Ланкастерская школа была учреждена въ Кіевѣ въ 1817 г. еще до пріѣзда туда Орлова ******) генераломъ Н. Раевскимъ, но въ ней было всего 40 кантонистовъ. Въ 1819 г. Орловъ довелъ число учениковъ въ ней до 800 человѣкъ, при чемъ на ряду съ дѣтьми учились и нѣкоторые пожилые солдаты. Въ школѣ этой преподавали, кромѣ чтенія и письма, ариѳметику, черченіе, исторію, географію и законъ Божій. Мартосъ, посѣтившій

---

*) Напр., И. Д. Якушкинъ въ своемъ имѣніи въ Вяземскомъ у. Смоленской губ.

**) Проектъ устава этого общества см. въ „Рус. Стар." 1881 г. т. XXX, стр. 181—183. Утвержденный государемъ 14 янв. 1819 г. уставъ общества см. „Рус. Вѣстн." 1819 г. № 5, стр. 29—37.

***) О декабристахъ-масонахъ см. мою статью въ журн. „Минувшіе Годы" 1908 г. №№ 2, 3.

****) См. о немъ и петербургской школѣ „Сынъ Отечества" 1820 г. ч. 63, стр. 129—134 и воспоминанія гр. Ѳ. П. Толстого въ „Рус. Стар." 1878 г. т. 21, 214—222. Объ училищахъ по методѣ взаимнаго обученія въ Россіи см. „Сынъ Отечества" 1823 г. № 10, стр. 97—107; Пыпинъ. „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I", изд. 3-е, стр. 334—342. С. В. Рождественскій, „Историч. обзоръ дѣятельности мин. нар. просвѣщ." 1902 г. стр. 145—148. Вороновъ, „Истор. стат. обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа". Спб. 1849, стр. 155—157, 221—225.

*****) См. о ней книгу Гамеля „Описаніе способа взаимнаго обученія по системамъ Белла, Ланкастера и другихъ, въ коемъ изложены начало и успѣхъ сего способа въ Англіи, во Франціи и въ другихъ странахъ и подробно изъяснены правила и порядокъ употребленія онаго въ училищахъ". Переводъ Кнаппе. По Высоч. повелѣнію издано Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Спб. 1820.

******) Въ этомъ году онъ былъ назначенъ въ Кіевъ на мѣсто начальника штаба 4-го корпуса.

школу около 1820 г., нашелъ въ ней уже до 1800 учениковъ. Обучавшіеся здѣсь учителя преподавали въ подобныхъ же школахъ въ Москвѣ, Могилевѣ и Херсонѣ *).

23 іюля 1819 г. Орловъ писалъ Киселеву: «Знаешь-ли, что сочиняю грамматику? Вотъ куда чортъ меня дернулъ! Ужъ много сдѣлано и примѣнено къ ланкастерской методѣ, которая, можетъ быть, въ отечествѣ нашемъ будетъ называться нѣкогда орловскою методою, ибо теперь я все нормальное ученіе преклоняю къ оной, что будетъ совершеннымъ изобрѣтеніемъ, ибо нигдѣ еще не сдѣлано въ самой образованной Европѣ». Орловъ усердно собиралъ пожертвованія и для «Общества взаимнаго обученія», учредившаго школу въ Петербургѣ, о чемъ онъ оффиціально писалъ Киселеву 6 ноября 1819 г. и 16 мая 1820 г. изъ Кіева **). Съ такимъ же вниманіемъ къ учрежденію школъ относился Орловъ и послѣ назначенія его начальникомъ 16-й дивизіи. 17 ноября 1820 г. онъ писалъ Киселеву изъ Кишинева, что «на всѣ школы» у него собрано 13.200 руб. въ годъ. По свидѣтельству Н. Тургенева, Орловъ жертвовалъ на ланкастерскія школы получаемое имъ жалованье и истратилъ на нихъ значительную часть своего состоянія ***).

11 марта 1818 г. Орловъ писалъ въ комитетъ Парижскаго Общества начальнаго образованія, котораго онъ былъ членомъ: «Мы нуждаемся болѣе, чѣмъ всякая другая страна, въ либеральныхъ учрежденіяхъ, которыя распространяютъ просвѣщеніе, но ихъ послѣдствія у насъ будутъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, чувствительны. Другіе народы, быть можетъ, имѣютъ надъ нами преимущество въ большемъ распространеніи цивилизаціи; мы же находимся сравнительно съ ними въ болѣе выгодномъ положеніи въ томъ отношеніи, что стремимся къ просвѣщенію, не имѣя нужды свергать иго старинныхъ предразсудковъ, и начальныя школы учредятся у насъ, не возбуждая ни критики педантовъ, ни пристрастнаго противодѣйствія привилегированной касты».

Однако, М. Ѳ. Орловъ былъ настроенъ въ это время слишкомъ оптимистически, и будущее показало, что и въ Россіи не всегда

*) М. О. Гершензонъ „Молодая Россія" стр. 10—13; „Кіевская Старина" 1897 г. № 7—8, стр. 65—69; „Столѣтіе военнаго министерства. Главный Штабъ" ч. I, кн. I, отд. II, прилож. стр. 69. Въ черновомъ наброскѣ посланія въ стихахъ къ Орлову, во время пребыванія его въ Кіевѣ, Жуковскій говоритъ: „Ты по ланкастерской методѣ мальчишекъ учишь говорить о славѣ, пряникахъ, природѣ, о кубаряхъ и о свободѣ". Бумаги Жуковскаго. „Отч. Имп. Публ. Биб. за 1884 г." стр. 61.

**) Кн. С. П. Трубецкой говоритъ въ своемъ показаніи, что многіе члены Тайнаго общества вошли „въ общество для заведенія училищъ взаимнаго обученія, котораго однако-жъ отъ упадка не поддержали".

***) Въ Кіевѣ существовала еще школа взаимнаго обученія при 3 понтонной ротѣ на 160 челов., заведенная полк. Шварценбергомъ, членомъ масонской ложи „Соединен. славяне".

ланкастерскія школы встрѣчали благосклонное отношеніе со стороны правительства.

Въ концѣ письма отъ 11 марта 1818 г. въ комитетъ Парижскаго Общества начальнаго образованія Орловъ проситъ выслать ему лучшіе труды о новой методѣ (ланкастерской) начальнаго обученія, какъ элементарные, такъ и болѣе обширные *). Присланныя изъ Франціи пособія сыграли любопытную роль въ исторіи нашихъ военныхъ ланкастерскихъ школъ.

14 августа 1820 г. начальникъ главнаго штаба кн. Волконскій приказалъ спросить московскаго коменданта, г.-м. Волкова, откуда онъ взялъ печатныя таблицы для школы взаимнаго обученія, въ которой обучались воспитанники московскаго военно-сиротскаго отдѣленія, и если онѣ переведены съ иностраннаго языка, то кѣмъ именно. Оказалось, что Волковъ посылалъ учителя Милютина въ кіевское военно-сиротское отдѣленіе для изученія ланкастерской методы, и онъ привезъ оттуда таблицы для чтенія, скопированныя имъ съ тѣхъ, *какія были выписаны г.-м. Орловымъ для кіевскаго отдѣленія изъ Франціи* **).

Въ таблицахъ, полученныхъ въ Москвѣ изъ Кіева, очевидно, оказалось что-то нежелательное съ правительственной точки зрѣнія, потому что 5 ноября 1820 года кн. Волконскій, начальникъ главнаго штаба, объявилъ повелѣніе государя, чтобы изъ московскаго военно-сиротскаго отдѣленія были отобраны всѣ таблицы для чтенія, напечатанныя съ тѣхъ, которыя привезены изъ Кіева, «не оставляя ни подъ какимъ видомъ ни одной въ училищѣ», а также откуплены какъ доски, такъ и всѣ оттиски, если они остались у гравера или типографа. Московскому коменданту Волкову было предписано всячески стараться «безъ малѣйшей огласки» отобрать эти таблицы по всей Москвѣ такъ, чтобы ни подъ какимъ предлогомъ ни одного ихъ экземпляра ни у кого не осталось. Волковъ нашелъ въ военно-сиротскомъ отдѣленіи 490 экз. таблицъ; было выкуплено небольшое количество ихъ у типографа Селивановскаго и еще найдено три экз. въ другихъ мѣстахъ. Волковъ утверждалъ, что больше ни у кого этихъ таблицъ въ Москвѣ нѣтъ. Всѣ отобранные и выкупленные экземпляры въ пяти тюкахъ были отправлены въ Петербургъ. Затѣмъ разосланы были предписанія о возвращеніи экземпляровъ, проданныхъ во 2-ю гренадерскую дивизію и отправленныхъ изъ Москвы въ военно-сиротскія отдѣленія: Астра-

---

*) „Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1896 г.“ Спб. 1900 г., стр. 192—195.

**) Въ Москвѣ ихъ вызвался награвировать граверъ Кудряковъ, а типографщикъ Селивановъ напечаталъ ихъ безплатно, за что они были награждены по приказанію государя. Съ марта мѣсяца 1819 г. началось ученіе по этимъ таблицамъ, а въ декабрѣ того же года онѣ были замѣнены таблицами для чтенія изъ священнаго писанія, изданными министерствомъ народнаго просвѣщенія.

ханское, Казанское, Нижегородское и Архангельское (въ первыя три—въ весьма большомъ количествѣ). Государь велѣлъ вытребовать и тѣ экземпляры, которые были представлены изъ типографіи въ цензуру. Смотрителю кіевскаго военно-сиротскаго отдѣленія предписано было также выслать въ Петербургъ всѣ экземпляры таблицъ, употребляемыхъ для обученія чтенію *).

Ланкастерскою школою въ Кишиневѣ завѣдывалъ извѣстный пріятель Пушкина, членъ Союза Баготенствія, маіоръ В. Ѳ. Раевскій, вступившій вмѣстѣ съ нимъ въ кишиневскую масонскую ложу Овидія. Пропаганда въ школѣ и вообще среди нижнихъ чиновъ вызвала многолѣтнее слѣдствіе и тюремное заключеніе для Раевскаго.

Изъ общаго заключенія корпуснаго командира Сабанѣева (1823 г.) и доклада императору Николаю (1827 г.) видно, въ чемъ обвиняли Раевскаго. Ему ставили въ вину между прочимъ: 1) «употребленіе письменныхъ прописей въ дивизіонныхъ юнкерской и ланкастерской школахъ» **); 2) «разговоры о правительствѣ съ воспитанниками съ невыгодной стороны»; 3) «позволеніе читать нижнимъ чинамъ журналы и другія книги безъ особеннаго на то отъ начальства разрѣшенія»; 4) «одобреніе поступковъ Семеновскаго полка» (волненія 1820 г.); 5) «его слова солдатамъ, что ихъ никто не смѣетъ тронуть»; 6) «дружеское обхожденіе съ нижними чинами» (онъ позволялъ имъ сидѣть предъ собою, цѣловалъ ихъ, подчивали другъ друга табакомъ); 7) «говорилъ нижнимъ чинамъ, что если кто-либо ихъ тронетъ, то чтобы вышли десять человѣкъ впередъ и, уничтожа одного, спасли 200» ***); 8) «разсказывалъ нижнимъ чинамъ, что въ какомъ-то полку солдаты подняли полковника своего на штыки» ****); 9) «говорилъ унтеръ-офицерамъ на гауптвахтѣ: «Вы рады, что я оставляю роту, чтобы имѣть случай безъ меня тиранить солдатъ, однако, я черезъ мѣсяцъ или черезъ два явлюсь опять предъ ротою, и ежели узнаю, что кто-нибудь толкнетъ солдата, то велю того на штыки поднять». Изъ всѣхъ разговоровъ Раевскаго съ нижними чинами, обхожденія его съ ними и внушеній, имъ дѣлаемыхъ, по словамъ Сабанѣева, ясно видно, что Раевскій старался всѣми противозаконными средствами снискать любовь и довѣренность къ себѣ нижнихъ чиновъ, пользовался всѣми

*) Секретный журналъ Главнаго Штаба и дѣло Арх. Главн. Штаба по секретной описи № 5 (Бумаги Н. Ѳ. Дубровина).

**) Грибовскій въ своемъ извѣстномъ доносѣ указывалъ на опасность ланкастерскихъ школъ. Изъ позднѣйшаго доклада о Раевскомъ видно, что было найдено преступнаго въ этихъ прописяхъ (см. ниже).

***) Въ другой части записки приведено показаніе офицера, портупей-юнкера и рядового относительно этого совѣта Раевскаго убить одного тирана, который осмѣлится „ихъ тронуть". Но ни офицеры, ни солдаты роты Раевскаго этого не подтвердили.

****) Раевскій заявилъ, что былъ слухъ о такомъ событіи, но не думаетъ, чтобы онъ разсказывалъ о немъ „фельдфебелю или кому другому".

случаями, когда только могъ имъ напомнить о тягости службы, поселялъ въ нихъ недовѣрчивость и даже ненависть ко всѣмъ тѣмъ изъ начальниковъ, кои были противнаго ему образа мыслей; говоря съ похвалою о поступкѣ Семеновскаго полка и какомъ-то полковникѣ, коего солдаты будто бы подняли на штыки, какъ бы указывалъ имъ, что и они такимъ же образомъ поступать должны. Въ заключеніе Сабанѣевъ говоритъ, что Раевскій «употреблялъ средства, дабы посѣять въ юнкерахъ тѣ же правила, какими самъ онъ преисполненъ», и называетъ его «возмутителемъ».

Изъ доклада имп. Николаю 1827 г. видно, что Раевскаго обвиняли въ употребленіи, вмѣсто литографированныхъ прописей, собственныхъ рукописныхъ, въ которыхъ онъ помѣстилъ слова: «свобода, равенство, конституція, Квирога, Вашингтонъ, Мирабо» *) и въ томъ, что на урокахъ юнкеровъ онъ между прочимъ говорилъ: «Квирога, будучи полковникомъ, сдѣлалъ въ Мадридѣ революцію и когда въѣзжалъ городъ, то самыя значительныя дамы и весь народъ вышли къ нему навстрѣчу и бросали цвѣты къ ногамъ его, а Мирабо былъ тоже участникомъ во французской революціи и писалъ много противъ государя, и что конституціонное правленіе лучше всѣхъ правленій, а особливо нашего, монархическаго, которое» (такъ переданы слова Раевскаго въ оффиціальномъ докладѣ) «хотя и называется монархическимъ, но управляется деспотизмомъ». Раевскій все это отрицалъ, а относительно употребленія рукописныхъ прописей заявилъ, что онъ пользовался ими «по недостатку печатныхъ»; однако, большинство бывшихъ въ юнкерской школѣ портупей-прапорщиковъ и юнкеровъ подтвердило подъ присягою обвиненіе Раевскаго въ приведенныхъ выше «внушеніяхъ». Прописи, которыя должны были бы послужить къ уличенію Раевскаго, не сохранились **); но обвиненіе поддерживалось, кромѣ словесныхъ показаній, и тѣмъ, «что въ отысканной у юнкеровъ книжкѣ о правописаніи между прочими именами помѣщены Квирога и Мирабо», что въ географическихъ тетрадкахъ юнкерской школы подъ заглавіемъ «о постановленіяхъ» названо правленіе «конституціонное самымъ лучшимъ, новѣйшимъ» и что въ одной черновой бумагѣ, найденной у Раевскаго, было сказано, что государь «медлитъ дать конституцію народу русскому, и милліоны скрываютъ свое отчаяніе до первой искры». Кромѣ того, Раевскаго обвиняли въ томъ, что, командуя ротою, онъ толковалъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ

---

*) Такъ какъ начальникомъ дивизіи, въ которой служилъ Раевскій, былъ М. Ѳ. Орловъ, то весьма возможно, что эти прописи были списаны съ таблицъ для чтенія, употреблявшихся въ кіевской военно-сиротской школѣ и истребленныхъ правительствомъ въ 1820 г.

**) Вслѣдствіе того, что послѣ его ареста всѣ находившіяся въ школѣ таблицы, книги и разныя вещи были переданы служителю капитана Охотникова, также члена Тайнаго Общества, жившаго съ Раевскимъ на одной квартирѣ, а взяты были только печатныя таблицы Греча.

о конституціи и говорилъ, «что между солдатами и офицерами... должно быть равенство, и что природа создала всѣхъ одинаковыми». Раевскій же утверждалъ, что о равенствѣ солдатъ съ офицерами не говорилъ.

Когда онъ узналъ о волненіи Семеновскаго полка въ 1820 г., то при офицерахъ и нижнихъ чинахъ 32 егерскаго полка, а также и въ дивизіонной юнкерской школѣ хвалилъ семеновскихъ солдатъ, называлъ ихъ молодцами, а по показанію одного офицера, объявивъ при собраніи роты нижнимъ чинамъ объ этомъ происшествіи, сказалъ: «придетъ время, въ которое должно будетъ, ребята, и вамъ опомниться». Совѣтуя офицерамъ гуманно обходиться съ солдатами, порицая самымъ энергическимъ образомъ «тиранство и варварство», Раевскій говорилъ офицерамъ, что «палки противны законамъ и природѣ», и называлъ злодѣемъ того, кто наказываетъ солдата.

Какъ уже было упомянуто, дѣло Раевскаго тянулось очень долго, и, наконецъ, по резолюціи имп. Николая 15 октября 1827 г., онъ былъ сосланъ на поселеніе *).

Члены Союза Благоденствія, согласно уставу Общества, преслѣдовали злоупотребленія помѣщиковъ, уничтожали, насколько это отъ нихъ зависѣло, или, по крайней мѣрѣ, смягчали тѣлесныя наказанія солдатъ **), пропагандировали идеи о преобразованіи судопроизводства ***), объ уничтоженіи жестокихъ наказаній по суду и проч., наконецъ, распространяли идеи о необходимости политической свободы. О послѣдней, правда, какъ мы видѣли, нигдѣ не говорилось въ уставѣ Союза Благоденствія, но это какъ бы подразумѣвалось въ немъ. Пестель въ одномъ своемъ показаніи заявилъ: «тайное наше общество было революціонное съ самаго начала своего существованія» (т. е. еще и въ періодъ Союза Спасенія) «и во все свое продолженіе не переставало никогда быть таковымъ. Перемѣны, въ немъ происходившія, касались собственнаго его устрой-

---

*) Военно-учебный Архивъ Главнаго Штаба, Отд. I, № 567; Арх. Главн. Военно-суднаго Управленія, Всеподд. доклады 1827 г. Ланкастерскія школы въ арміи были заподозрѣны, какъ это видно изъ слѣдующаго письма отъ 31 мая 1824 г. начальника Главн. Штаба Дибича къ ген. Эссену въ отвѣтъ на увѣдомленіе, что „открыто и въ 4-мъ линейномъ Оренбургскомъ баталіонѣ ученіе по методѣ Ланкастера, всего на 80 человѣкъ“. Дибичъ просилъ Эссена „обратить особенное вниманіе на заведеніе сего рода“ въ корпусѣ, которымъ онъ командовалъ, „и, наблюдая строго, чтобъ въ образѣ преподаванія ученія не вкралось какихъ либо безпорядковъ и отступленіи отъ принятыхъ правилъ, *не допускать вообще слишкомъ распространяться ученію по сей методѣ между нижними чинами*“. Арх. Глав. Штаба, секрет. опись, 1824 г. д. № 17 (бумаги Н. Ѳ. Дубровина). Тѣмъ не менѣе школы взаимнаго обученія продолжали существовать въ гвардіи, въ арміи и въ военныхъ поселеніяхъ. См. вѣдомости о нихъ въ „Запискахъ издав. отъ Департ. Нар. Просв.“ 1827 г. кн. II, 435—447.

**) Мих. фонъ-Визинъ, М. Ѳ. Орловъ, В. Ѳ. Раевскій, С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

***) См. ниже разборъ записки по этому предмету Н. И. Тургенева.

ства и положительнѣйшаго изъясненія его цѣли, которая всегда пребывала революціонною; и потому не было члена въ союзѣ, на котораго бы союзъ не надѣялся, именно для произведенія революціи, содѣйствія ея успѣхамъ или участія въ ней... Содержаніе Зеленой Книги Союза Благоденствія было не что иное, какъ пустой отводъ отъ настоящей цѣли на случай открытія общества и для первоначальнаго показанія вступающимъ членамъ, коимъ всѣмъ послѣ вступленія дѣлалось сіе совершенно извѣстнымъ» *). Эти слова Пестеля являются сильнымъ преувеличеніемъ, но все же съ ними слѣдуетъ считаться при оцѣнкѣ если не дѣятельности, то намѣреній многихъ членовъ этого союза, а что лучшіе члены его именно такъ понимали свою задачу, служитъ примѣромъ дѣятельность В. Ѳ. Раевскаго.

Какъ мы видѣли, уставъ Союза Благоденствія предписывалъ его членамъ устраивать различныя общества молодыхъ людей для полезныхъ занятій, вступать въ ученыя общества, выпускать въ свѣтъ повременныя изданія; слѣдовательно, уставу вполнѣ соотвѣтствовало участіе членовъ тайнаго общества въ литературныхъ обществахъ и кружкахъ.

Однимъ изъ негласныхъ кружковъ, гдѣ разсужденія о литературѣ и театрѣ и чтеніе литературныхъ произведеній сопровождались мечтаніями о вольности, было общество Зеленой Лампы, собиравшееся у учредителя его камеръ-юнкера Никиты Всеволод. Всеволожскаго, въ которомъ ближайшими участниками были: членъ Союза Благоденствія Як. Ник. Толстой **), лейбъ-гусаръ, членъ Союза Благоденствія Петръ Пав. Каверинъ, слушавшій въ 1810—12 г. лекціи въ геттингенскомъ университетѣ ***), офицеръ л. гв. Егерскаго полка Д. Н. Барковъ, много переводившій для театра, лейбъ-уланъ Юрьевъ и нѣкоторые другіе; къ нему, хотя и недолго, принадлежалъ и извѣстный членъ Тайнаго Общества кн. С. П. Трубецкой. Однимъ изъ самыхъ близкихъ членовъ кружка былъ А. С. Пушкинъ ****).

---

*) Гос. Арх. I В. № 87, л. 11 об. „Я знаю по общимъ жалобамъ членовъ“, говоритъ въ своемъ показаніи фонъ-деръ-Бриггенъ, „что начертанный въ Зеленой Книгѣ (уставѣ Союза) порядокъ никогда не соблюдался“. Г. А. I В. № 372, л. 24.

**) См. ст. П. Е. Щеголева „Изъ 20-хъ годовъ“ въ изд. Академіи Наукъ „Пушкинъ и его современники“, вып. II. Спб. 1905 г. Записки Е. Оболенскаго „XIX вѣкъ“ изд. Бартенева, I, 320.

***) M. Wischnitzer. Die Universität Göttingen und die Entwicklung der liberalen Ideen in Russland im ersten Viertel des XIX Jahrhunderts. Berl. 1907, S. 204. См. біогр. свѣдѣнія о Каверинѣ въ Остафьевскомъ Архивѣ т. III, примѣч. В. И. Саитова, стр. 431, 432.

****) Объ Обществѣ Зеленой Лампы см. въ статьѣ Б. Л. Модзалевскаго. „Я. Н. Толстой“ „Рус. Стар.“ 1899 г. № 9, стр. 589—596, статьи А. Н. Веселовскаго „Періодъ Зеленой Лампы“ и П. О. Морозова „Отъ лицея до ссылки“ въ изданіи сочиненій Пушкина подъ ред. Венгерова, 1907 г. т. I. Б. Л. Модзалевскій и П. О. Морозовъ называютъ въ

М. А. Фонъ-Визинъ прямо причисляетъ кружокъ Зеленой Лампы къ числу обществъ, учрежденныхъ членами Союза Благоденствія, «но отдѣльно отъ него подъ вліяніемъ его духа и направленія» *).

Трубецкой показалъ, что „1) общество Зеленой Лампы возымѣло начало въ 1818 г. и основано было камеръ-юнкеромъ Н. В. Всеволожскимъ. 2) Цѣль сего общества была просто собираться читать сочиненія" его членовъ **), „а политической цѣли никакой, сколько мнѣ извѣстно, не было. 3) Изъ бывшихъ членами сего общества, — продолжаетъ Трубецкой, — кромѣ меня и Всеволожскаго, извѣстны мнѣ еще были Улыбышевъ, служащій нынѣ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ ***), Дельвигъ (баронъ) извѣстенъ... литературными своими произведеніями; Я. Н Толстой, старшій адъютантъ главнаго штаба Его Величества; съ оговоркою „кажется" называетъ Трубецкой членами общества Родзянко, служившаго въ гвардейскомъ егерскомъ полку****), и Баркова. „Еще кто былъ,—упомнить не могу. Я былъ недолго членомъ сего общества, не болѣе двухъ мѣсяцевъ, предъ отъѣздомъ моимъ въ чужіе края въ 1819 году, и... когда оно разстроилось, я достовѣрнаго свѣдѣнія дать не могу. 4) Сколько мнѣ извѣстно, оно ни съ какими другими обществами сношенія не имѣло. 5) Особыхъ правилъ и законовъ, сколько я знаю, оно никакихъ не имѣло; только въ члены принимались не иначе, какъ по общему согласію; каждый членъ былъ обязанъ сочиненія свои прежде читать въ семъ обществѣ до изданія ихъ. Собирались у Всеволожскаго, кажется,

---

числѣ участниковъ Зеленой Лампы извѣстнаго декабриста Якубовича; это могло быть только до 20 янв. 1818 г., когда онъ былъ переведенъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. П. О. Морозовъ упоминаетъ въ числѣ посѣтителей кружка и А. С. Грибоѣдова.

*) Нужно, однако, замѣтить, что Пушкинъ, какъ извѣстно изъ записокъ Пущина и Якушкина, только догадывался о существованіи Тайнаго Общества; слѣд., въ прямыхъ сношеніяхъ съ Союзомъ Благоденствія весь кружокъ Зеленой Лампы не состоялъ.

**) Изъ „протоколовъ" и бумагъ этого общества, которыя видѣлъ П. А. Ефремовъ, онъ убѣдился, что тамъ читались стихи и прозаическія сочиненія (напр. Пушкина и Дельвига), представлялся постоянный отчетъ по театру (Д. Н. Барковымъ), были даже читаны обширные очерки Всеволожскаго изъ русской исторіи, составленные по лѣтописямъ. „Сочиненія Пушкина", изд. Суворина, Спб. 1905 г., VIII, 135.

***) Александръ Дмитр. Улыбышевъ (1794—1858), завѣдывалъ съ 1812 по 1830 г. редакціей „Journal de St.-Petersbourg" и помѣщалъ въ этомъ изданіи критическія и музыкальныя замѣтки. Съ раннихъ лѣтъ онъ теоретически и практически занимался музыкою и въ 1843 г. издалъ въ Москвѣ на французскомъ языкѣ трехтомное, пользующееся большою извѣстностью, сочиненіе о Моцартѣ, а въ 1858 г. сочиненіе о Бетховенѣ. Онъ былъ горячимъ противникомъ крѣпостного права. А. Гацисскій. „А. Д. Улыбашевъ". „Рус. Арх." 1885 г. т. I. Здѣсь же напечатана его драма (1850 г.) „Раскольники". „Остафьевскій Архивъ" т. III, 126, 484—485, 522. На русскомъ языкѣ первое сочиненіе Улыбышева подъ названіемъ „Новая біографія Моцарта" въ переводѣ Чайковскаго съ приложеніемъ статьи Г. А. Лароша о жизни и трудахъ автора издано въ 1890—93 г.

****) Посредственный стихотворецъ, написавшій на Пушкина нѣчто вродѣ доноса въ стихахъ по поводу его ссылки. Михайловскому-Данилевскому Родзянко разсказывалъ, что онъ бывалъ въ обществѣ „лампистовъ" (Зеленой Лампы), гдѣ читались стихи противъ государя и правительства. „Сочин. Пушкина", под. ред. П. А. Ефремова. 1903 г. т. VII, 74, 141.

разъ въ двѣ недѣли" *). Щадя Пушкина, Трубецкой не назвалъ его въ числѣ членовъ кружка Зеленой Лампы **).

Я. Н. Толстой, въ запискѣ, приложенной къ его письму къ имп. Николаю изъ Парижа отъ 17 окт. 1826 г., относитъ основаніе общества Зеленой Лампы къ 1818 или 1819 годамъ и говоритъ, что былъ однимъ изъ первыхъ его учредителей, первымъ его предсѣдателемъ. Цѣлью общества было чтеніе литературныхъ произведеній. Названіе свое оно получило отъ того, что гостинная, гдѣ происходили его собранія, освѣщалась лампою зеленаго цвѣта. Въ названіи заключался двоякій смыслъ—девизомъ общества были *просвѣщеніе и надежда;* члены обязаны были носить перстни, на которыхъ были награвированы изображенія лампъ. По свидѣтельству Толстого, общество Зеленой Лампы не имѣло никакой политической цѣли и лишь тѣмъ отличалось отъ всѣхъ другихъ литературныхъ обществъ, что уставъ приглашалъ его членовъ выражаться безъ стѣсненія, и всѣ они обязывались хранить глубокое молчаніе объ его существованіи. Это Общество, по словамъ Толстого, было вѣрно своей цѣли въ продолженіе года и, за исключеніемъ чтенія нѣсколькихъ либеральныхъ стихотвореній и статей, не совершило ничего противнаго правительству. Засѣданія происходили въ квартирѣ Всеволожскаго, а въ его отсутствіи—въ квартирѣ Толстого. Однажды полк. Жадовскій, членъ общества, сообщилъ, что полиція узнала о его существованіи и что оно можетъ подвергнуться преслѣдованію, такъ какъ на учрежденіе его не было дано формальнаго разрѣшенія; тотчасъ рѣшили болѣе не собираться, и общество было распущено ***). Изъ показанія Бурцева мы узнаемъ и время, когда на общество это обратила вниманіе администрація. «При изслѣдованіи происшествія Семеновскаго полка» (вѣроятно, въ концѣ 1820 г.) «открыто было полиціею въ Петербургѣ много тайныхъ обществъ, и изъ нихъ одно именовалось обществомъ Зеленой Лампы... Это я слышалъ отъ полк. Глинки», члена Союза Благоденствія, служившаго подъ начальствомъ с.-петербургскаго генералъ-губернатора, гр. Милорадовича. Въ «Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ и лицамъ прикосновеннымъ» къ дѣлу, произведенному Выс. утв. 17 декабря 1825 г. Слѣдственною Комиссіею», подъ именемъ Н. В. Всеволожскаго сказано, что общество Зеленой Лампы уничтожено до 1821 года. Но уже въ октябрѣ 1819 г. Пушкинъ писалъ изъ

*) Гос. Арх. I. В. № 333, л. 55.

**) П. В. Анненковъ неправильно придалъ этому обществу исключительно кутежный характеръ. „Пушкинъ въ Александровскую эпоху". Спб. 1874 г. стр. 63—64.

***) Тургеневскій Архивъ № 116 въ рукописномъ отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ. Подлинникъ записки Толстого находится, какъ видно изъ бумагъ Н. Ѳ. Дубровина, въ Архивѣ Главнаго Штаба (въ Москвѣ), дѣло 1826 г. № 562.

Петербурга Мансурову, члену этого общества: «Зеленая Лампа нагорѣла, кажется, гаснетъ, а жаль: масло есть (т. е. шампанское нашего друга)... Поговори мнѣ о себѣ, о военныхъ поселеніяхъ,—это все мнѣ нужно, потому что я люблю тебя и ненавижу деспотизмъ». Въ Посланіи къ Я. Н. Толстому, написанномъ въ сентябрѣ 1822 г. въ Кишиневѣ, Пушкинъ называетъ эти собранія «пріютомъ любви и вольныхъ музъ.., гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ садилось милое равенство». Наиболѣе ясный намекъ на оппозиціонный элементъ въ собраніяхъ Зеленой Лампы (хотя и не упоминая о ней) дѣлаетъ Пушкинъ въ посланіи къ одному изъ его товарищей по этому кружку, В. В. Энгельгардту; въ концѣ посланія (1819 г.) Пушкинъ говоритъ:

„Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говоря
На счетъ глупца, вельможи злого,
На счетъ холопа записного,
На счетъ небеснаго царя,
А иногда насчетъ земного" *).

М. А. Фонъ-Визинъ, въ числѣ обществъ, учрежденныхъ членами Союза Благоденствія, упоминаетъ объ одномъ литературномъ обществѣ въ Москвѣ. Относительно послѣдняго, въ своемъ показаніи во время слѣдствія, онъ говоритъ: «вольныхъ обществъ ни одного мнѣ не было извѣстно, да, кажется, ни одного не существовало, кромѣ опыта, сдѣланнаго Ѳ. Шаховскимъ учредить общество литературное изъ нѣкоторыхъ молодыхъ московскихъ литераторовъ, который не удался, ибо послѣ двухъ собраній они разстались». Объ этомъ литературномъ обществѣ Зубковъ показалъ, что въ 1817 или 1818 г. кн. Ѳ. П. Шаховской предлагалъ ему вступить въ тайное литературное общество, названіе котораго ему неизвѣстно, но у котораго былъ писанный уставъ. «Цѣль его,—заявилъ онъ,—кажется, заключалась единственно въ распространеніи общеполезныхъ познаній между членами и въ денежныхъ пособіяхъ бѣднымъ членамъ, а средство состояло въ переводахъ на русскій языкъ лучшихъ иностранныхъ книгъ и нѣкоторыхъ денежныхъ пожертвованій» **). Вѣроятно, этотъ кружокъ Шаховского упоминается въ

*) Любопытны также слѣдующія строки въ посланіи ко Всеволожскому (1818 г.):

„Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву".

(Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ, т. II, 1905 г., стр. 63).

**) Въ черновикѣ отвѣта Зубкова было прибавлено, что „члены обязаны были вносить одну десятую часть доходовъ" и „платить штрафы всякій разъ, когда не приносили какого-нибудь сочиненія или перевода... Главное упражненіе членовъ состояло въ переводѣ хорошихъ историческихъ

«Донесеніи Слѣдственной Коммиссіи» подъ названіемъ одной изъ двухъ московскихъ управъ Союза Благоденствія (другая подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева). По словамъ «Донесенія», обѣ эти управы существовали не долго» (стр. 16).

Грибовскій въ своемъ доносѣ (1821 г.) говоритъ: «генералъ Орловъ» (Алексѣй Ѳедоровичъ, командиръ конно-гвардейскаго полка, братъ Михаила Ѳедоровича), узнавши, что въ его полку есть литературное общество офицеровъ и не предполагая ничего добраго, созвавши ихъ, объявилъ, что не допуститъ заводить никакихъ обществъ и поступитъ по всей строгости, если узнаетъ впередъ». Вѣроятно, упоминаемое здѣсь литературное общество конно-гвардейскаго полка—не что иное, какъ конно-гвардейская управа Союза Благоденствія, которая, какъ показалъ фонъ деръ-Бриггенъ, была основана генералъ-маіоромъ Кошкулемъ и полковникомъ Мирковичемъ, и которое, по малочисленности своей, присоединилось къ Измайловской управѣ *).

Было уже упомянуто, что многіе тогдашніе и будущіе члены Тайнаго Общества участвовали въ петербургскомъ Вольномъ Обществѣ Любителей Россійской Словесности (или Соревнователей просвѣщенія и благотворенія), основанномъ въ 1816 г., а именно Ѳ. Н. Глинка (съ 1816 г.), А. А. Бестужевъ (съ 1820 г.), Н. А. Бестужевъ (съ 1821 г.), П. И. Колошинъ (съ 1823 г.), А. О. Корниловичъ (съ 1821 г.), М. Н. Новиковъ (съ 1818 г.), К. Ѳ. Рылѣевъ (съ 1821 г.), гр. Ѳ. П. Толстой (съ 1818 г.), К. П. Торсонъ (съ 1824 г.), Н. И. Тургеневъ (съ 1820 г., почетный членъ) **). Кромѣ литературной, общество имѣло и благотворительную цѣль: доходъ отъ издаваемаго имъ журнала, начавшаго выходить въ 1818 г. ***), оно расходовало на пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ ****).

Союзъ Благоденствія, на основаніи его устава, долженъ былъ предпринимать повременныя изданія. Н. И. Тургеневу мысль о

книгъ и въ сочиненіяхъ, въ стихахъ и въ прозѣ". „Записки В. И. Зубкова, съ предисл. и примѣч. Б. Л. Модзалевскаго", Спб. 1906 г., стр. 3, 48, 49.

*) О Конногвардейской управѣ упоминаетъ также въ своихъ показаніяхъ Н. Муравьевъ и кн. Трубецкой. Мирковичъ ничего не говоритъ о ней и прямо перечисляетъ составъ Измайловской управы.

**) „Свѣдѣнія о рукописяхъ, печатныхъ изданіяхъ и другихъ предметахъ, поступившихъ въ рукописное отдѣленіе библіотеки Академіи Наукъ въ 1904 году". Спб. 1907 годъ, стр. 270—277.

***) „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія" или „Труды высоч. утв. вольнаго общества любителей россійской словесности". 1818—1825 г.г.

****) Обзоръ всѣхъ петербургскихъ управъ и кружковъ, примыкавшихъ къ Союзу Благоденствія, не входитъ въ нашу задачу. Отмѣтимъ, что обѣщалъ завести управу нижегородскій помѣщикъ Вас. Ив. Бѣлавинъ; онъ писалъ Трубецкому въ 1818 г., что 5—6 человѣкъ принялъ; то же самое предполагалъ сдѣлать тамбовскій помѣщикъ Левинъ, знакомый Новикова, но объ немъ потомъ Трубецкой ничего не слышалъ.

журналѣ приходила въ голову еще ранѣе, чѣмъ онъ сдѣлался членомъ Союза; его могло навести на нее предложеніе М. Ѳ. Орлова членамъ Арзамаса въ 1817 г. издавать журналъ, въ которомъ, судя по черновой программѣ, написанной рукою Жуковскаго, предполагалось помѣщать между прочимъ статьи, касавшіяся «распространенія идей свободы, приличныхъ Россіи, при ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее» *). Тургеневъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія въ 1819 году, а уже 28 октября 1818 г. онъ записываетъ въ дневникѣ, что у него «бродитъ въ головѣ мысль» объ изданіи журнала, «но, замѣчаетъ онъ, наша теперешняя цензура!» Для осуществленія своего предположенія онъ задумывалъ въ концѣ декабря 1818 г. составить общество, которое предполагалъ назвать обществомъ 19-го года или XIX вѣка, а журналъ его «Россіяниномъ XIX вѣка». Набросавъ свои мысли по этому предмету, онъ созвалъ 21 января 1819 г. совѣщаніе; рѣшено было поручить редактированіе журнала двумъ лицамъ — Н. И. Тургеневу и проф. Куницыну и приготовлять статьи **). Въ письмѣ къ брату Сергѣю отъ 24 января 1819 г. Н. Тургеневъ сообщалъ ему о своемъ намѣреніи издавать журналъ, главная цѣль котораго—«распространить у насъ здравыя идеи политическія». Участвовать должны были молодые люди, бывшіе воспитанники лицея, и нѣсколько офицеровъ; обѣщалъ свое участіе и Жуковскій; Н. Тургеневъ возлагалъ надежду также на кн. Вяземскаго и просилъ брата Сергѣя поговорить съ жившимъ въ Парижѣ Старынкевичемъ, который могъ бы сообщать интересныя статьи. «Свѣдѣнія его въ юриспруденціи», замѣчаетъ Н. И., «могутъ пролить свѣтъ и на наше законодательство. По возможности мы будемъ писать противъ рабства». Н. Тургеневъ просилъ и брата Сергѣя участвовать въ журналѣ статьями о Франціи, особенно объ ея государственномъ устройствѣ и управленіи. «Всѣ статьи должны имѣть цѣлью свободомысліе. Старынкевичъ могъ бы принести пользу, написавъ о судѣ присяжныхъ, и... сказать что нибудь о нашемъ судопроизводствѣ... Я буду писать о финансахъ и о политикѣ» ***). Черезъ мѣсяцъ Ник. Ив. сообщалъ брату, что журналъ все еще существуетъ только въ намѣреніяхъ, жаловался на строгость цензуры и особенно на неопредѣленность ея правилъ,

---

*) Отчетъ Имп. Публичной библіотеки за 1884 г., бумаги Жуковскаго, стр. 159—161, Отчетъ той же библіотеки за 1887 г. Прилож. стр. 82--88. Въ журналѣ предполагалось участіе членовъ Арзамаса Н. И. Тургенева, М. Ѳ. Орлова, Никиты Мих. Муравьева и др.

**) Между прочимъ И. И. Пущину Тургеневъ предложилъ написать статью о книгѣ г-жи Сталь „Considérations sur la révolution française".

***) Нѣсколько позднѣе Н. Тургеневъ предполагалъ помѣщать въ журналѣ свои статьи объ уголовномъ судопроизводствѣ и о судѣ присяжныхъ.

потому что руководствуются не столько цензурнымъ уставомъ, сколько предписаніемъ министра *). Дѣло, однако, туго подвигалось впередъ. 30 апрѣля 1819 г. А. И. Тургеневъ передавалъ Вяземскому въ Варшаву просьбу брата Николая присылать или, по крайней мѣрѣ, готовить статьи, а 6 мая сообщалъ И. И. Дмитріеву, что для журнала заготовлено много матеріала. «но сотрудники его весьма зелены, исключая молодого Муравьева, который подаетъ прекрасную надежду».

Вступленіе Н. И. Тургенева въ Союзъ Благоденствія совершилось, вѣроятно, 24 апрѣля 1819 г. На другой день онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Вчера, какъ началъ писать, пришли Трубецкой и Корсаковъ» (вѣроятно, Римскій-Корсаковъ, офицеръ Семеновскаго полка, членъ Союза Благоденствія). Вслѣдъ затѣмъ Тургеневъ записываетъ: «Если, какъ я слышу теперь, Г. (государь) точно имѣетъ капризную и деспотическую волю и если такъ называемыя революціонныя мнѣнія вредятъ людямъ въ его глазахъ, то я не долго съ нимъ уживусь». Такимъ образомъ Тургеневъ тутъ уже прямо причисляетъ себя къ революціонерамъ. Черезъ три недѣли онъ отмѣчаетъ въ дневникѣ: «Надобно написать правила поведенія для насъ» (т. е., очевидно, для членовъ Союза Благоденствія), «въ которыхъ изложить, какъ во всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ поступать» **). Въ своей книгѣ (La Russie, I. 181) Тургеневъ утверждаетъ, что вступилъ въ Союзъ Благоденствія лишь послѣ выхода изъ него А. Н. Муравьева, который окончательно вышелъ изъ Союза Благоденствія въ маѣ 1819 г., но ужъ съ начала этого года сталъ «отставать» отъ него.

Въ ноябрѣ 1819 года Н. И. отмѣчаетъ въ дневникѣ, что теряетъ уже надежду на изданіе журнала. Мысль эта, дѣйствительно, не осуществилась, и Тургеневъ въ послѣдній разъ вспоминаетъ о ней въ своемъ дневникѣ 3-го апрѣля 1820 года ***). Онъ не рѣшился предаться журнальной дѣятельности вслѣдствіе опасенія цензурныхъ препятствій; но, кромѣ того, и лица, съ которыми онъ задумывалъ это дѣло, плохо поддерживали его ****).

Въ доносѣ Грибовскаго, представленномъ имп. Александру въ

---

*) Арх. Тургеневыхъ въ рук. отд. библ. Акад. Наукъ.

**) Митьковъ показалъ, что правила о членахъ Общества, прочитанныя Н. Тургеневымъ въ 1823 г., были тѣ же, которыя были сообщены ему имъ въ 1821 г., съ небольшою прибавкою.

***) „Какъ бы пріятно можно было заняться изданіемъ журнала, если бы позволено было писать все то, чего никто не долженъ запрещать писать... Пошелъ бы въ отставку, посвятилъ бы себя въ журналисты, жилъ бы отъ своего журнала, жилъ бы независимо и съ пользой".

****) Въ своей оправдательной запискѣ 1826 г. Тургеневъ объясняетъ свою мысль объ изданіи журнала желаніемъ распространять идею о необходимости освобожденія крестьянъ („Рус. Стар." 1902 г. № 4). Впрочемъ онъ предполагалъ помѣщать въ немъ статьи самаго разнообразнаго содержанія на современныя темы.

1821 г. Бенкендорфомъ, сообщались объ этомъ дѣлѣ слѣдующія свѣдѣнія: «Тургеневъ, дававшій главное направленіе» (Тайному Обществу), «брался съ проф. Куницынымъ издавать журналъ по самой дешевой цѣнѣ для большого расхода, полагая издержки на счетъ общества, въ которомъ бы помѣщать статьи, къ цѣли общества относящіяся. Содѣйствовать сему были обязаны всѣ члены; также брались Чаадаевъ (испытывавшійся еще для общества), Кюхельбекеръ (молодой человѣкъ съ пылкою головою, воспитанный въ лицеѣ...) и др. *). Тургеневъ въ своей книгѣ возражаетъ, что мысль издавать журналъ принадлежала ему самому, что онъ не принималъ въ этомъ отношеніи никакихъ обязательствъ относительно общества, что онъ обращался за составленіемъ статей и къ лицамъ, которыя въ обществѣ не участвовали; онъ даже могъ разсчитывать на полученіе нѣкоторыхъ статей для журнала отъ самого составителя Донесенія Слѣдственной Комиссіи Блудова, и что, наконецъ, издавать журналъ предполагалось съ разрѣшенія цензуры (I. 186). Такимъ образомъ, вопреки словамъ Грибовскаго, нельзя видѣть въ предположенномъ Тургеневымъ журналѣ прямо органъ Союза Благоденствія, но, конечно, онъ издавался бы въ духѣ этого общества.

Въ томъ же доносѣ мы находимъ далѣе слѣдующее извѣстіе: «Въ одной изъ отдаленныхъ деревень кого-либо изъ членовъ намѣревались завести типографію и какъ литеры, отливъ на старинный шрифтъ, такъ и все нужное, выписать изъ-за границы... Глинка и Тургеневъ полагали успѣшнѣйшимъ, чрезъ находящихся за границею членовъ, литографировать въ Парижѣ, особенно каррикатуры, и, ввозя черезъ нихъ же, распускать въ народѣ на толкучемъ рынкѣ, разсылать въ армію и по губерніямъ». Грибовскій, составитель доноса, былъ, и по показаніямъ кн. Трубецкого, Семенова и Бурцева, и по собственному свидѣтельству въ письмѣ къ Бенкендорфу, членомъ Союза Благоденствія: онъ былъ даже членомъ кореннаго совѣта этого Союза, и потому могъ знать все; весьма возможно, что въ обществѣ бывали такіе разговоры, но тайной типографіи заведено не было, попытка же воспользоваться для пропаганды литографированіемъ была сдѣлана **).

*) Объ этомъ упоминается и въ составленномъ Блудовымъ Донесеніи Слѣдственной Комиссіи со ссылкою на записку (Грибовскаго), найденную въ бумагахъ имп. Александра I. Въ письмѣ къ Дибичу отъ 15 мая 1826 г. Бенкендорфъ говоритъ, что Грибовскому „поручено было разыскать существованіе предполагаемаго тогда только тайнаго общества", причемъ дано было по волѣ Имп. Александра I „обѣщаніе, что все открытое сохранится въ тайнѣ", а въ письмѣ къ Бенкендорфу Грибовскій говоритъ, что принадлежалъ къ Союзу Благоденствія, „о чемъ извѣстно правительству". Военно-Ученый Архивъ № 668-а, л. 241—243. Этотъ самый Мих. Кир. Грибовскій издалъ въ Харьковѣ въ 1816 г. диссертацію „О состояніи крестьянъ господскихъ въ Россіи". См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ" I., 387—388.

**) Какъ видно изъ слѣдующаго показанія Лунина: „Литографическій

Пропаганда мысли о необходимости политическихъ и соціальныхъ реформъ была главнымъ дѣломъ тайнаго общества. Мы видѣли, что къ достиженію политической свободы стремился еще Союзъ Спасенія. По словамъ Якушкина, въ его показаніи, «явныя цѣли общества измѣнялись съ преобразованіемъ самаго общества, но главная цѣль оставалась всегда одна: приготовить государство къ правленію представительному». По словамъ Лунина, «объявленная цѣль тайнаго общества... благотворительность, сокровенная же цѣль—водвореніе законно-свободнаго правленія въ Россіи. Уставы тайнаго общества писаны вообще въ законно-свободномъ духѣ» *). Въ засѣданіяхъ тайнаго общества «мы разсуждали о выгодахъ конституціоннаго правленія вообще и о средствахъ учрежденія онаго въ Россіи». Семеновъ, бывшій секретаремъ тайнаго общества въ Петербургѣ, говоритъ въ своемъ показаніи: «сначала знали только главные, а впослѣдствіи проникнули и другіе члены, что цѣлью союза было измѣненіе государственныхъ установленій; для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, признавали равно нужнымъ усиливать общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ публики».

Якушкинъ, живя въ своемъ имѣніи, въ Вяземскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, составилъ въ 1820 г., въ виду крайне печальнаго положенія народа, адресъ имп. Александру, который онъ думалъ предложить для подписи всѣмъ членамъ Союза Благоденствія. Онъ описывалъ въ немъ «всѣ бѣдствія Россіи» и для прекращенія ихъ предлагалъ государю «созвать земскую думу по примѣру своихъ предковъ». М. А. Фонъ-Визинъ, гостившій въ это время у Якушкина, согласился подписать петицію, и затѣмъ они оба отправились въ Дорогобужъ къ члену союза Граббе. Онъ не отказывался дать свою подпись вмѣстѣ съ другими, но доказывалъ товарищамъ, что такимъ образомъ они сразу уничтожатъ тайное общество и сами попадутъ въ крѣпость. Якушкинъ уничтожилъ проектъ адреса.

Н. Тургеневъ 22 февраля 1821 г. записалъ въ своемъ дневникѣ такую мысль: «Посмотря на образъ жизни» и «на положеніе

станокъ былъ купленъ мною съ той цѣлью, чтобы литографировать разные уставы и сочиненія тайнаго общества и не имѣть труда или опасности оныя переписывать". Станокъ былъ пріобрѣтенъ въ Петербургѣ „на деньги, взятыя изъ кассы общества, которое находилось тогда у меня" и въ которой было не болѣе 1200 рублей. Станокъ послѣ двухъ или трехъ пробъ оказался неудобнымъ. А. Поджіо упоминаетъ въ своемъ показаніи, что Н. Муравьевъ вручилъ ему въ 1823 г. *литографированный* листъ—общее изложеніе правилъ Союза Благоденствія. Не были ли это правила о „Составленіи управъ", представляющія повтореніе правилъ Союза Благоденствія съ сокращеніями и нѣкоторыми варіантами?

*) Въ другомъ показаніи Лунинъ говоритъ: „Общество имѣло двѣ цѣли: явную—распространеніе просвѣщенія и благотворительности; сокровенную—введеніе конституціи или законно-свободнаго правленія".

крестьянъ русскихъ, что можно придумать для пользы Россіи? Посмотря на управленіе, часть судную, на нашихъ дворянъ, гдѣ будемъ искать спасенія? Въ совѣтѣ народа! Мы знаемъ, что намъ очень худо, но никто не знаетъ и знать не можетъ въ отдѣльности, какъ дѣлать лучше. Надобно узнать зло во всемъ пространствѣ, чтобы быть въ состояніи помочь ему. А каждый изъ насъ, даже и самые знающіе, знаютъ часть, но не знаютъ цѣлаго».

По вопросу о томъ, къ установленію какой формы конституціоннаго правленія,—монархической или республиканской—должно стремиться общество, состоялось очень важное собраніе коренной управы Союза Благоденствія въ 1820 г. въ Петербургѣ, въ квартирѣ члена общества Ѳ. Н. Глинки, которое подробно описалъ въ своемъ показаніи Пестель:

„Въ началѣ 1820 г. было назначено здѣсь, въ Петербургѣ, Собраніе Коренной Думы Союза Благоденствія. Сія коренная дума по правиламъ Зеленой Книги имѣла законодательную власть Союза. Коренными членами назывались тѣ члены, которые присутствовали при учрежденіи Союза Благоденствія и первоначально въ оный вступили *). Предсѣдателемъ Союза былъ тогда гр. Толстой, а блюстителемъ кн. Долгоруковъ. Присутствовали въ то время въ коренной думѣ сверхъ предсѣдателя и блюстителя еще Тургеневъ, Лунинъ, Глинка, Иванъ Шиповъ, Сергѣй, Матвѣй и Никита Муравьевы и я, да еще нѣкоторые другіе **). Кн. Долгоруковъ, по открытіи засѣданія, которое происходило на квартирѣ у полковника Глинки, предложилъ Думѣ просить меня изложить всѣ выгоды и всѣ невыгоды, какъ монархическаго, такъ и республиканскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы потомъ каждый членъ объявлялъ свои сужденія и свои мнѣнія. Сіе такъ и было сдѣлано. Наконецъ, послѣ долгихъ разговоровъ, было преніе заключено и объявлено, что голоса собираться будутъ такимъ образомъ, чтобы каждый членъ говорилъ, чего онъ желаетъ: монарха или президента. А подробности будутъ современемъ опредѣлены. Каждый при семъ объявлялъ причины своего выбора, а когда дѣло дошло до Тургенева, онъ сказалъ по-французски: Le président—sans phrases, т. е. президентъ безъ дальнихъ толковъ. Въ заключеніе приняли всѣ единогласно республиканское правленіе. Во время преній одинъ Глинка говорилъ въ пользу монархическаго правленія, предлагая императрицу Елизавету Алексѣевну. Сіе заключеніе коренной думы было сообщено всѣмъ частнымъ думамъ, а въ томъ числѣ и Тульчинской ***). Съ сего времени республиканскія мысли начали брать верхъ надъ монархическими".

---

*) По уставу Союза Благоденствія коренною управою, (а не „думою") называлось соединенное собраніе коренныхъ членовъ Союза (членовъ-учредителей) вмѣстѣ съ выбраннымъ ими совѣтомъ коренного союза (въ послѣднемъ должно было быть 5 „засѣдателей" и одинъ блюститель, обязанный наблюдать за исполненіемъ постановленій союза). По уставу общества, коренной союзъ назначаетъ особенную, временную законодательную палату для разсмотрѣнія, поясненія и исполненія законовъ союза; если коренная управа одобритъ труды этой палаты, то они должны были „имѣть силу" временно до окончательнаго утвержденія „верховнымъ правленіемъ, имѣющимъ установиться, лишь только союзъ совершенно будетъ составленъ".

**) Въ этомъ собраніи были еще: фонъ-деръ-Бриггенъ, С. М. Семеновъ и Пав. Колошинъ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ и С. Трубецкой.

***) Въ другомъ показаніи Пестель сказалъ, что онъ „долженъ думать", что то же было сдѣлано и въ прочихъ думахъ.

Фонъ-деръ-Бриггенъ, пріятель Н. И. Тургенева, присутствовавшій на этомъ собраніи и назвавшій въ числѣ участниковъ его Степ. М. Семенова, нѣсколько иначе передаетъ мнѣніе Тургенева. По его словамъ, Тургеневъ сказалъ: «Правленіе съ президентомъ отмѣнно хорошо, но главное, на чемъ все основано», это «хорошее народное представительство». Тогда Пестель замѣтилъ: «государи всегда питаютъ враждебныя чувства къ конституціямъ и думаютъ, что» ихъ, «какъ тарифъ, можно перемѣнять по произволу». На очной ставкѣ съ Пестелемъ Бриггенъ заявилъ, что не помнитъ словъ, приписываемыхъ Пестелемъ Тургеневу *), и настаивалъ на томъ, что окончательнаго рѣшенія принято не было, и что онъ, гр. Толстой, и Глинка рѣшительнаго мнѣнія не высказали. С. Муравьевъ-Апостолъ заявилъ, что въ этомъ собраніи происходило только «политическое разсужденіе о преимуществѣ правленія республиканскаго надъ монархическимъ». На очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ Пестель напомнилъ ему, что они даже до совѣщанія у Глинки «условились быть тамъ одного мнѣнія». Тогда Н. Муравьевъ «послѣ нѣкоторыхъ отрицаній сознался, что на совѣщаніи у Глинки, въ самомъ дѣлѣ, всѣ присутствующіе согласились признать республиканское правленіе», но утверждалъ, что объ этомъ прочимъ управамъ объявлено не было. Однако, Пестель по возвращеніи изъ Петербурга въ первой половинѣ 1820 г. объявилъ въ Тульчинѣ многимъ членамъ Общества о принятомъ постановленіи, и никто не возражалъ противъ него, кромѣ Бурцова, который сомнѣвался въ возможности ввести въ Россіи республиканское правленіе.

---

*) Въ первой оправдательной запискѣ Тургеневъ допускалъ, что приписываемыя ему слова могли вырваться въ одномъ изъ разговоровъ. Въ другомъ мѣстѣ того же оправданія, упомянувъ о взглядахъ лицъ, отрицающихъ частную земельную собственность, очевидно, Пестеля (однако, послѣдній допускалъ ея существованіе наравнѣ съ общественными, волостными землями и казенными, хотя и требовалъ принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель, при извѣстныхъ размѣрахъ владѣнія даже безъ вознагражденія), Тургеневъ говоритъ: „Мудрено ли, что посреди такихъ теорій я говорилъ о президентѣ безъ фразъ". Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что это было лишь теоретическое обсужденіе вопроса (La Russie, 1, 173—176), но, очевидно, Тургеневъ выразился именно такъ, какъ показалъ Пестель. Въ перепискѣ между кн. Вяземскимъ и Тургеневымъ нерѣдко употреблялся подобный оборотъ рѣчи. Вяземскій въ письмѣ къ А. И. Тургеневу (1818 г.), совѣтуетъ Пушкину высѣчь „мстительнымъ стихомъ мерзавца Каченовскаго ...Не надобно личности, но сильный приговоръ къ смерти: la mort sans phrases". Въ 1825 г. А. И. Тургеневъ, извѣщая кн. Вяземскаго о томъ, что подаетъ въ въ отставку, говоритъ: „Je demande le congé sans phrases, т. е. безъ предварительнаго письма". „Остафьев. Арх.". 1, 119, 111, 98. Изъ лицъ, присутствовавшихъ на совѣщаніи, Н. Муравьевъ и С. Муравьевъ-Апостолъ подтвердили, что Тургеневъ выразился такъ, Семеновъ, Бриггенъ и Колошинъ не подтвердили, а Глинка не призналъ, что у него происходило засѣданіе столь рѣшающаго значенія.

Когда члены Союза Благоденствія на съѣздѣ въ Москвѣ въ началѣ 1821 г. фиктивно объявили его закрытымъ, чтобы удалить изъ своей среды неблагонадежные элементы *), члены Общества въ Тульчинѣ, какъ извѣстно, не признали этого закрытія. Въ Петербургѣ и Москвѣ Общество также продолжало существовать, хотя первое время дѣятельность его мало проявлялась.

Между тѣмъ какъ въ южномъ обществѣ, подъ вліяніемъ Пестеля, было условлено стремиться къ достиженію республиканской формы правленія, въ сѣверномъ (несмотря на постановленіе 1820 г.) преобладало,—судя по конституціи Н. Муравьева, по крайней мѣрѣ до 1824 года,—направленіе монархически-конституціонное. Это видно и изъ показаній декабристовъ во время слѣдствія, хотя не слѣдуетъ все же забывать, что это—показанія подсудимыхъ, которымъ было гораздо удобнѣе говорить о своемъ сочувствіи конституціонно-монархическому, чѣмъ республиканскому правленію. При этомъ слѣдуетъ принимать во вниманіе и то, что личные взгляды дающаго показаніе иногда могли проявляться при оцѣнкѣ общаго настроенія. Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ показаній. «Цѣль общества была», говоритъ М. Бестужевъ,—«введеніе конституціи». По словамъ А. Бестужева, «цѣль общества была распространять понятія о правахъ людей и со временемъ возстановить ихъ въ Россіи. Кончина имп. Александра Павловича назначена была знакомъ къ началу дѣйствія, если позволятъ силы; но это говорено было только въ началѣ; потомъ, когда сочленъ привыкалъ уже къ этой мысли, ему открывали, что если общество будетъ довольно сильно, то надобно дѣйствовать и при жизни» государя, «поднять народъ, войска, и если это удастся, то принудить императора подписать конституцію» **). Никита Муравьевъ въ первомъ же показаніи сказалъ: «цѣль общества была введеніе представительнаго правленія монархическаго, средство достиженія сего было распространеніе представительныхъ понятій и склоненіе вооруженной силы для содѣйствія сему. Тогда, бывъ поддержаны войсками, надѣялись заставить принять хартію». Рылѣевъ въ самомъ первомъ показаніи 14 декабря также заявилъ, что цѣль общества, «по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, была—конституціонная монархія». Принимая Каховскаго, который обнаруживалъ республиканскій образъ мыслей, Рылѣевъ сказалъ ему, что «цѣль общества есть введеніе самой свободной монархической конституціи». Но нужно замѣтить, что еще въ концѣ января 1824 года, т. е. задолго до пріѣзда Пестеля въ Петербургъ, А. Поджіо, прибывъ

---

*) Объ этомъ съѣздѣ см. въ моей статьѣ о М. А. Фонъ-Визинѣ въ изд. „Общественныя движенія перв. пол. XIX в.“, т. I.

**) Пущинъ сказалъ Штейнгелю, что общество намѣрено „заставить государя дать конституцію“; то же подтвердилъ ему Рылѣевъ. По словамъ Свистунова, „намѣреніе общества было истребовать отъ царя конституцію посредствомъ возмущенія войскъ или народа“.

оттуда, сообщилъ въ Кіевѣ главнѣйшимъ членамъ южнаго общества, что въ Петербургѣ «мнѣніе раздѣлено, что иные хотятъ республики съ покушеніемъ на жизнь всей царской фамиліи, и что другіе», какъ ему говорилъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, «отвергнули республику». Я не буду останавливаться здѣсь на монархической конституціи Н. Муравьева *), тѣмъ болѣе, что она не была окончательно принята и одобрена даже Сѣвернымъ Тайнымъ Обществомъ, какъ это прямо свидѣтельствуетъ Нарышкинъ, а Пестель и члены Южнаго Общества были рѣшительными ея антагонистами. Рылѣевъ говорилъ Н. Бестужеву, что дума продолжаетъ дѣлать въ проектѣ конституціи Муравьева «перемѣны и поправки». Къ тому же, самъ Н. Муравьевъ не былъ противникомъ республиканскаго строя: по его собственному показанію, онъ считалъ необходимымъ, если бы конституція не была принята императорскою фамиліею, изгнать ее и предложить введеніе республиканскаго правленія. А. Бестужевъ говоритъ въ своемъ показаніи о Н. Муравьевѣ: «мнѣніе съ нами о чистомъ народномъ правленіи раздѣлялъ одинаково». Въ другомъ показаніи онъ выражается такъ: «Никита Муравьевъ, когда читалъ намъ часть опыта своей конституціи, мнѣніе о преимущественности республики передъ монархіей съ нами раздѣлялъ; впрочемъ, тогда еще рѣшительнаго ничего положено не было».

Конституція Н. Муравьева встрѣчала среди членовъ сѣвернаго общества возраженія съ точки зрѣнія и болѣе правыхъ, и болѣе лѣвыхъ **). Митьковъ въ своемъ показаніи говоритъ, что считалъ конституцію Н. Муравьева «ютопіею». Назимовъ былъ принятъ въ Сѣверное общество въ 1823 г. Нарышкинымъ, который давалъ ему разныя книги для изученія конституціи и затѣмъ повезъ его къ Н. Муравьеву. Если вѣрить показанію Назимова, по выслушаніи конституціи Н. Муравьева, которая еще не была окончена, онъ замѣтилъ ему, что въ его проектѣ власть императора «вовсе ослаблена», и что такое правленіе въ Россіи, въ виду ея обширности, невозможно, что никакой государь не согласится на столь сильное ограниченіе его власти, что, опираясь на «привычку народа», на «недовольныхъ новымъ правленіемъ» и на поддержку иностранныхъ державъ, онъ «можетъ все потрясти, что это влечетъ за собою междоусобія, что ослабленная Россія не будетъ въ состояніи отразить нападеній внѣшнихъ враговъ. Муравьевъ отвѣчалъ: что вну-

*) См. мою статью въ журналѣ „Былое“, 1906 г. № 2.

**) Декабристъ фонъ деръ-Бриггеиъ показалъ, что „большая часть изъ членовъ“ (Сѣвернаго тайнаго общества) „выхваляли англійскую конституцію“. Убѣжденнымъ сторонникомъ этой конституціи былъ морякъ Торсонъ, и онъ доказывалъ Рылѣеву преимущества ея, какъ монархической, предъ американскою. Замѣчанія на конституцію Н. Муравьева (см. „Былое“, 1906 г. № 2, стр. 99—106), какъ я теперь убѣдился, принадлежатъ Торсону.

три «выгоды новаго правленія привяжутъ къ правительству всѣ сословія, что извнѣ нечего опасаться, ибо сосѣди будутъ ожидать, чтобы и у нихъ самихъ того же не случилось, что войско, защищающее свободу, можетъ все отразить, что честолюбцевъ даже и опасаться нечего, ибо—что они будутъ говорить народу? и что если Россія потерпитъ при семъ переворотѣ, то предстоящее ей благосостояніе все вознаградитъ»; приводилъ въ примѣръ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и, наконецъ, сказалъ, что «конституція его не имѣетъ еще ничего положительнаго, но что, впрочемъ, онъ показывалъ ее знающимъ людямъ и пользовался ихъ мнѣніями». Когда затѣмъ Назимовъ говорилъ съ Нарышкинымъ о конституціи Н. Муравьева и выражалъ несогласіе съ нѣкоторыми ея параграфами, то Нарышкинъ сказалъ ему, что «по законамъ общества» онъ даже не имѣетъ права «разсуждать о перемѣнахъ конституціи, ибо это принадлежитъ верховному кругу *). Что касается введенія конституціи, то Нарышкинъ сказалъ, что это можетъ произойти послѣ смерти имп. Александра I или посредствомъ возстанія еще при его жизни, при чемъ разсчитывали на войско и крестьянъ. Кн. Оболенскому Назимовъ заявилъ, что такъ какъ конституція Н. Муравьева «имѣетъ сходство съ конституціею Сѣверо-Американскихъ штатовъ, то мы должны узнать тамъ, на самомъ мѣстѣ, все ли такъ хорошо, какъ пишутъ», и для этого нужно, чтобы кто-нибудь изъ членовъ общества отправился туда, все изслѣдовалъ подробно, во всѣхъ отрасляхъ правленія и, возвратясь, далъ... вѣрный отчетъ обществу». Съ совершенно другой точки зрѣнія, чѣмъ Назимовымъ, было сдѣлано возраженіе на одномъ собраніи въ 1824 г. у Нарышкина, гдѣ читался проектъ Муравьева. Противъ него возсталъ какой-то офицеръ (принятый въ общество Евг. Оболенскимъ) на томъ основаніи, что конституція эта была монархическая. Онъ сказалъ М. Муравьеву Апостолу: «думаете-ли вы остановить дѣйствія государя у насъ мнимою конституціею?» и вышелъ изъ общества.

Политическіе взгляды Батенькова отличались аристократическимъ характеромъ. Онъ не только былъ монархистомъ и рѣшительнымъ противникомъ республиканскаго строя, но защищалъ такую двухпалатную систему, при которой верхняя палата состояла бы изъ членовъ большею частью наслѣдственныхъ, съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкотораго числа свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, назначаемыхъ государемъ пожизненно. Впрочемъ, въ переговорахъ съ Трубецкимъ и Рылѣевымъ онъ соглашался на составленіе всей верхней палаты изъ пожизненныхъ членовъ, но считалъ это лишь временною уступкою въ виду того, что они предлагали пожизненныхъ членовъ ея и даже «на срокъ». Батеньковъ счи-

*) Объ организаціи Сѣвернаго Общества см. М. В. Довнаръ-Запольскій „Тайное Общество декабристовъ", М. 1896, стр. 216 и сл.

талъ необходимымъ стремиться къ установленію въ Россіи «родового вельможества» *). Что касается нижней палаты депутатовъ то онъ предлагалъ составить ее изъ депутатовъ отъ извѣстныхъ городовъ, землевладѣльцевъ, 3-хъ университетовъ и 3-хъ академій, но въ одномъ изъ своихъ показаній онъ упоминаетъ о соглашеніи съ Рылѣевымъ относительно избранія депутатовъ въ эту палату по сословіямъ: отъ дворянства, купечества, духовенства и поселянъ.

Батеньковъ работалъ надъ трудомъ подъ названіемъ «Опытъ теоріи правительственныхъ учрежденій» (при монархическомъ строѣ), который онъ хотѣлъ представить имп. Александру «для соображеній въ комиссіи законовъ» и который не успѣлъ окончить (онъ читалъ его Н. А. Бестужеву). Сочиненіе это хотѣлъ прочесть имп. Николай Павл., но его не удалось разыскать. Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ о томъ, въ какой степени Батеньковъ ознакомился съ сочиненіями по государственному праву. Онъ только упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ показаній, что читалъ труды г-жи Сталь объ Англіи и о французской революціи, что исполненъ былъ «величайшимъ уваженіемъ къ англійской конституціи и совершенной ненавистью къ французской конституціи 1791 года». Узнавъ о смерти Александра I, онъ бранилъ государственный совѣтъ и сенатъ за то, что они «спятъ», и говорилъ, что если бы они думали объ отечествѣ, то могли бы въ ту самую минуту, когда Николай Павловичъ присягнулъ цесаревичу Константину, провозгласить императоромъ Александра II и «сдѣлать потомъ, что признаютъ за благо»; онъ досадовалъ, что удобный случай пропущенъ **). Мечтая о представительномъ правленіи въ Россіи, онъ считалъ «величайшимъ счастьемъ» дожить до «такого порядка вещей».

Пестель во время пріѣзда въ Петербургъ въ концѣ 1824 г. видѣлся преимущественно съ тремя директорами Сѣвернаго Общества,—Трубецкимъ, Н. Муравьевымъ и Оболенскимъ. Послѣдняго, при свиданіи съ нимъ отдѣльно, Пестелю довольно легко удалось убѣдить въ необходимости введенія республики, но Н. Муравьевъ и Трубецкой выказали несочувствіе его предположеніямъ о соединеніи Сѣвернаго и Южнаго Обществъ и о введеніи республиканскаго строя посредствомъ диктатуры временнаго правленія. Симпатіи Трубецкого колебались между республикою и монархіею ***).

*) У него являлось также предположеніе обратить въ верхнюю палату сенатъ и синодъ.

**) Штейнгель на слѣдствіи клятвенно утверждалъ, будто бы Батеньковъ сказалъ ему въ день присяги Николая Константину, что высказалъ свое негодованіе Сперанскому, и будто бы тотъ отвѣчалъ: „Я одинъ, что же мнѣ прикажете дѣлать, одному мнѣ нечего было говорить". Но Батеньковъ заявилъ, что „со Сперанскимъ ни малѣйшихъ сношеній по подобному предмету никогда не имѣлъ и не смѣлъ говорить съ нимъ о тѣхъ связяхъ, кои я имѣлъ".

***) Чтобы склонить на свою сторону Трубецкого, Пестель шелъ даже

По свидѣтельству Матвѣя Муравьева-Апостола, раздраженный сопротивленіемъ его взглядамъ, въ собраніи директоровъ Сѣвернаго Общества, на которомъ присутствовали Н. Тургеневъ, Нарышкинъ и Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ (въ квартирѣ Оболенскаго), Пестель ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ: «такъ будетъ же республика!» Онъ познакомился въ Петербургѣ и съ Рылѣевымъ. По мнѣнію кн. Оболенскаго, это знакомство «имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія политическія дѣйствія Рылѣева». Но едва ли это такъ, ибо и ранѣе Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ находилъ у Рылѣева революціонный образъ мыслей *). Изъ разсказа Рылѣева о свиданіи съ Пестелемъ видно ихъ взаимное недовѣріе другъ къ другу и желаніе вывѣдать намѣренія собесѣдника. Рылѣевъ высказалъ при этомъ, что «образъ правленія Соединенныхъ Штатовъ самый приличный и удобный для Россіи», но вмѣстѣ съ тѣмъ заявилъ, что покорится постановленію, принятому большинствомъ членовъ общества, съ тѣмъ однако, чтобы «уставъ» (т. е. конституція), принятый обоими обществами, былъ представленъ, какъ проектъ, великому народному собору и осуществленъ лишь съ его согласія. А. Бестужевъ замѣтилъ, что въ концѣ 1824 г. Рылѣевъ, стремившійся до тѣхъ поръ къ установленію конституціонной монархіи, сдѣлался защитникомъ республиканскаго строя, и приписывалъ это вліянію Пестеля, но тутъ же Бестужевъ, также склонявшійся къ республиканскимъ взглядамъ, говоритъ, что онъ и Рылѣевъ «непримѣтно, мнѣніе за мнѣніемъ, дошли до мысли о республикѣ» **). Н. Тургенева Пестель нашелъ «въ республиканскомъ образѣ мыслей», что подтверждаетъ и Трубецкой, но Тургеневъ былъ горячимъ противникомъ аграрныхъ плановъ Пестеля.

Не встрѣтивъ сочувствія въ Думѣ Сѣвернаго общества, Пестель рѣшилъ, помимо нея, пропагандировать въ Петербургѣ идеи южнаго общества и принимать въ него членовъ. По показанію М. Муравьева-Апостола, Пестель, принявъ Свистунова, сдѣлалъ его и Вадковскаго «боярами» и открылъ имъ всѣ планы южнаго общества, а затѣмъ на собраніи у Свистунова горячо доказывалъ необходимость введенія республиканскаго правленія и принялъ въ члены южнаго общества (въ число «братьевъ» его) Анненкова,

---

на нѣкоторыя уступки, какъ видно изъ слѣдующаго его показанія: „съ Трубецкимъ говорили между прочимъ, что ежели не республика будетъ принята, то избрать Александра Николаевича въ императоры при регентствѣ“.

*) „Рылѣевъ въ полномъ революціонномъ духѣ“.

**) Грибоѣдовъ писалъ А. Бестужеву 22 ноября 1825 г.: „Оржицкій (членъ Сѣвернаго Общества) передалъ ли тебѣ о нашей встрѣчѣ въ Крыму? Вспомнили о тебѣ и о Рылѣевѣ, котораго обними за меня искренне, по республикански“. Полное собраніе сочиненій Грибоѣдова, подъ редак. И. А. Шляпкина“. Спб. 1889, I, 209.

Поливанова, Кривцова и Депрерадовича *). Правительство дѣйствовало такимъ образомъ, что подрывало вѣру въ возможность его согласія на установленіе ограниченной монархіи. Естественно являлся вопросъ: что дѣлать, если государь не согласится на введеніе конституціи. Когда А. Бестужевъ задалъ этотъ вопросъ Рылѣеву въ 1825 году, указавъ на то, что, какъ доказалъ примѣръ Испаніи, вынужденное согласіе не прочно, Рылѣевъ отвѣчалъ ему, что члены Южнаго Общества отвергаютъ монархію, что мнѣніе ихъ принято здѣсь (т. е. въ Петербургѣ), и что они «берутся извести государя». По свидѣтельству Торсона, Н. Бестужевъ весною 1825 г. объявилъ ему о намѣреніяхъ тайнаго общества ввести республику. О томъ же осенью онъ слышалъ отъ Рылѣева.

Съ отъѣздомъ Трубецкого въ Кіевъ**) и замѣною его въ думѣ Сѣвернаго Общества Рылѣевымъ, республиканское теченіе въ этомъ обществѣ усилилось. По свидѣтельству Батенькова, Рылѣевъ говорилъ ему, что «въ монархіи не можетъ быть ни великихъ характеровъ, ни искреннихъ добродѣтелей, что одни американцы поняли всю важность сей истины, что въ Европѣ даже и Англія пребываетъ въ тяжкомъ рабствѣ отъ аристократіи, что она освободится послѣ всѣхъ, а прочіе должны ждать всего отъ Россіи, гдѣ опытъ 1812 служитъ лучшимъ доказательствомъ, что революція» наша, въ отличіе отъ Неаполя, Пьемонта и даже Испаніи, «не можетъ быть прекращена чужеземною силою». Кн. Трубецкой также свидѣтельствуетъ о республиканскихъ мнѣніяхъ Рылѣева и о томъ, что, напротивъ, Оболенскій не имѣлъ на этотъ счетъ «основательнаго мнѣнія», т. е. въ этомъ вопросѣ колебался,—какъ и самъ Трубецкой. Послѣдній въ Кіевѣ сталъ склоняться, подъ вліяніемъ членовъ Южнаго общества, къ республикѣ, но по пріѣздѣ въ Петербургъ Батеньковъ сталъ убѣждать его, что въ Россіи возможна только монархія. Трубецкого смущало опасеніе, что русскій народъ «не пойметъ республики», что нѣтъ человѣка, который могъ бы быть ея главою. Онъ высказывалъ эти сомнѣнія и на югѣ С. Муравьеву-Апостолу и Бестужеву-Рюмину, но въ концѣ

---

*) Однако Свистуновъ, Анненковъ и Кривцовъ были осуждены какъ члены Сѣвернаго Общества. Сторонниками въ 1824 г. въ Петербургѣ введенія республиканскаго строя М. Муравьевъ-Апостолъ называетъ: Н. Тургенева, кн. Е. Оболенскаго, А. Бестужева, кн. Валеріана Голицына, Митькова (?), Поливанова, Ѳ. Вадковскаго, Свистунова, Анненкова и Депрерадовича. Пестель же показалъ: „съ Краснокутскимъ видѣлся я раза два, и мы все время разсуждали о республикѣ и объ объявленіи новаго порядка вещей чрезъ сенатъ. Вадковскій, Поливановъ, Свистуновъ и артиллерійскій Кривцовъ... находились въ полномъ революціонномъ и республиканскомъ духѣ". О пріѣздѣ Пестеля въ Петербуръ въ 1824 году ср. Н. П. Павловъ-Сильванскій „Пестель" и М. В. Довнаръ-Запольскій „Тайное общество декабристовъ", стр. 228—253.

**) Трубецкой былъ назначенъ штабъ-офицеромъ въ 4-й пѣхотный корпусъ 22 декабря 1824 г.

пребыванія тамъ сталъ соглашаться съ ними. Однако, по пріѣздѣ въ Петербургъ, во время междуцарствія, по его словамъ, «въ мысляхъ» своихъ «рѣшительно положилъ», что должно быть правленіе монархическое, но думалъ, что окончательное рѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ предоставить собранію депутатовъ. По показанію Н. Бестужева, Рылѣевъ, въ разговорѣ съ нимъ о проектѣ конституціи Н. Муравьева, заявилъ, что нѣкоторые члены Думы предполагаютъ ввести въ Россіи республиканскую форму правленія, но что неизвѣстно, будетъ ли она принята. По словамъ Н. Бестужева, онъ и его пріятель, морякъ Торсонъ, были противъ этого. Ревностнымъ республиканцемъ, стремившимся къ учрежденію «правленія народнаго» былъ Каховскій *), а также и морской офицеръ Д. И. Завалишинъ. Подъ его вліяніемъ объ установленіи федеративной республики мечтали моряки Арбузовъ, братья Бѣляевы и Дивовъ **).

Приведенныя извѣстія показываютъ, что нѣкоторые, очень вліятельные, члены Сѣвернаго общества или вообще желали учрежденія республики, или допускали это лишь въ случаѣ несогласія государя на введеніе конституціонно-монархическаго строя. Но, вопреки мнѣнію Пестеля, въ Петербургѣ не допускали преобразованія государственнаго строя посредствомъ диктатуры временнаго верховнаго правленія, а считали необходимымъ, чтобы эта реформа была принята народными представителями, которыхъ предполагали созвать манифестомъ отъ имени сената, и, кромѣ того, до созванія народнаго представительства, считали нужнымъ учредить временное правленіе изъ трехъ лицъ.

По словамъ Рылѣева, предполагалось «принудить сенатъ назначить временную правительственную думу», состоящую изъ Мордвинова, Сперанскаго и, въ качествѣ правителя дѣлъ, члена Сѣвернаго общества, подполк. Батенькова. Имена Мордвинова и Сперанскаго назвалъ первый Трубецкой, еще въ 1824 г. на собраніи у Митькова, въ отвѣтъ на предложеніе М. Муравьева-Апостола назначить во «временное правленіе» Пестеля, еще кого-либо изъ директоровъ Южнаго Общества и Н. Тургенева или Трубецкого. Конечно, предложеніе М. Муравьева-Апостола, предоставлявшее во временномъ правленіи большинство голосовъ представителямъ Южнаго Общества, въ Петербургѣ принято быть не могло, и Трубецкой, очевидно, во избѣжаніе пререканій, назвалъ лицъ, не бывшихъ

*) См. о немъ статью П. Е. Щеголева въ журналѣ „Былое“ 1906 г. №№ 1 и 2.

**) Завалишинъ, какъ заявилъ на очной ставкѣ съ нимъ Арбузовъ, указывалъ, въ видѣ доказательства возможности введенія въ Россіи федеративной республики, на то, что въ Панамѣ будетъ конгрессъ для учрежденія такой республики въ Америкѣ. Однако Панамскій конгрессъ изъ представителей Мексики, Колумбіи, Перу и Центральной Америки, начавшій свои засѣданія 22 іюня 1826 г., не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

членами общества, но пользовавшихся извѣстностью и уваженіемъ. Съ тѣхъ поръ имена Сперанскаго и Мордвинова обыкновенно и назывались въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе. Мы увидимъ, впрочемъ, что нѣкоторые, болѣе крайніе, члены общества не особенно сочувствовали этому предположенію. Рылѣевъ, по его словамъ, согласился съ предложеніемъ Трубецкого относительно Мордвинова и Сперанскаго, но, по мѣрѣ, того, какъ взгляды поэта становились болѣе радикальными, видимо, кандидатура этихъ лицъ все менѣе улыбалась ему. По крайней мѣрѣ, Каховскій сообщаетъ о слѣдующихъ разговорахъ съ Рылѣевымъ. Когда Каховскій спрашивалъ его, есть ли между членами общества люди извѣстные, Рылѣевъ отвѣчалъ: «ты—азіатецъ, тебѣ только и нужны звѣзды, да сѣдые волосы!» Каховскій возразилъ: «Нѣтъ, Рылѣевъ, мнѣ это не нужно, но нужно для довѣрія; я очень понимаю, что и подъ сѣдыми волосами часто бываютъ пустыя головы и въ звѣздахъ невѣжды, но согласись со мной, что умный генералъ значущѣе умнаго прапорщика и по мѣсту, и по извѣстности». Если вѣрить Каховскому, Рылѣевъ однажды сказалъ ему, что Ермоловъ и Сперанскій—члены общества, а въ другой разъ такъ выразился о Сперанскомъ: «онъ, вѣрно, будетъ нашъ; мы на него дѣйствуемъ чрезъ Батенькова». О Мордвиновѣ же онъ сказалъ: «Что ты хочешь отъ аристократа Мордвинова; его, что ли, сдѣлать правителемъ?» Правда, Рылѣевъ во время слѣдствія отрицалъ этотъ отзывъ и утверждалъ, что «всегда предлагалъ его во временное правленіе», но все же Рылѣевъ, съ уваженіемъ относившійся къ Мордвинову и засвидѣтельствовавшій это своимъ извѣстнымъ стихотвореніемъ «Гражданское мужество», написаннымъ въ 1823 году, могъ питать относительно него такое же двойственное чувство, какъ и Н. И. Тургеневъ, т. е. уважать его за политическій либерализмъ, хотя и на аристократической подкладкѣ, но въ то же время съ негодованіемъ относиться къ его крѣпостническимъ мнѣніямъ. Рылѣевъ не могъ не чувствовать, какъ неудобно поставить во главѣ временнаго правительства противника немедленнаго прекращенія крѣпостного права, когда въ проектѣ того же самаго сенатскаго манифеста, которымъ предполагалось учредить это временное правленіе, объявлялось «уничтоженіе права собственности, распространяющееся на людей» *). Вѣроятно, имя Мордвинова Рылѣевъ допускалъ въ числѣ возможныхъ кандидатовъ во временное правленіе, какъ популярное въ либеральныхъ кругахъ, но, въ случаѣ большого успѣха возстанія, не прочь былъ выдвинуть и другихъ, болѣе лѣвыхъ, кандидатовъ. Изъ дневника Н. Тур-

---

*) Н. Муравьевъ на первомъ допросѣ показалъ: „Слышалъ отъ Рылѣева, что нѣкоторые члены государственнаго совѣта желаютъ представительнаго правленія, а именно Мордвиновъ и Сперанскій, изъ коихъ первый хотѣлъ соединить хартію (т. е. конституцію) съ рабствомъ крестьянъ".

генева видно, что Сперанскій при личныхъ сношеніяхъ также не особенно ему нравился *).

Кн. Трубецкой полагалъ, что «для управленія государствомъ до рѣшенія, какое послѣдуетъ отъ депутатскаго собранія», нужно назначить временное правленіе изъ двухъ или трехъ членовъ государственнаго совѣта, а сенатъ до того времени закрыть, оставивъ, если нужно, «департаментъ для судныхъ только дѣлъ, но всякая законодательная власть должна прекратиться до сбора депутатовъ». Трубецкой считалъ необходимымъ дать участіе и полякамъ въ государственномъ управленіи уже и въ этотъ переходный періодъ. По его заявленію во время слѣдствія, онъ «касательно Царства Польскаго также думалъ, что нужно пригласить члена во временное правленіе или депутатовъ для опредѣленія мѣръ» съ цѣлью «сохраненія единства державы».

Колебанія относительно назначенія въ члены временнаго правленія Мордвинова и Сперанскаго видны и изъ показанія кн. Оболенскаго. По его словамъ, предполагали учредить «временное правленіе, составленное изъ двухъ или трехъ членовъ, которыхъ имя и правило служили поручительствомъ точнаго исполненія нашихъ намѣреній. Выборъ сихъ членовъ еще не былъ опредѣленъ, потому что мы не имѣли истинныхъ причинъ полагаться на мнѣніе общее о правилахъ, коими руководствовались бы въ управленіи Н. С. Мордвиновъ и М. М. Сперанскій. Никто изъ насъ о намѣреніи нашемъ имъ не говорилъ». Въ другомъ показаніи кн. Оболенскій поясняетъ, что къ двумъ или тремъ членамъ временнаго правленія, взятымъ изъ государственнаго совѣта, предполагалось присоединить еще одного изъ членовъ тайнаго общества въ качествѣ его правителя дѣлъ. Сообщивъ и о предположеніи собрать, при посредствѣ сената, представителей «отъ губерній», кн. Оболенскій добавляетъ: «вотъ все, что положено было опредѣлительно» **).

Назывались, впрочемъ, и другія имена въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе. Такъ, по словамъ С. Муравьева-Апостола, кн. Трубецкой одно время предполагалъ сдѣлать членами временнаго правленія вмѣстѣ съ Мордвиновымъ и Сенявина. О томъ же разсказывалъ Пестель ***).

---

*) Быть можетъ, вслѣдствіе этихъ сомнѣній у Рылѣева, по словамъ Каховскаго, мелькала мысль, чтобы дума сѣвернаго общества на нѣкоторое время удержала правленіе за собою. „Какъ опредѣлитъ дума, такъ и будетъ", говорилъ Рылѣевъ. Иногда онъ мотивировалъ эту мысль тѣмъ, что народъ „еще не совершенно приготовленъ къ полученію свободы". Тутъ уже могло сказываться нѣкоторое вліяніе идей Пестеля о диктатурѣ верховнаго правленія вслѣдствіе бесѣды съ нимъ Рылѣева въ 1824 году.

**) Завалишинъ также говоритъ: „Положено было, что одинъ или два изъ членовъ (временнаго правленія) непремѣнно должны быть изъ числа лицъ, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ и принимавшихъ участіе въ переворотѣ".

***) Любопытно, что еще въ 1820 г. до вице-адмирала Сенявина, хоро-

Батеньковъ совѣтовалъ Рылѣеву сдѣлать членомъ этого правленія, вмѣсто Сперанскаго, архіепископа Филарета, а услышавъ, по его словамъ, отъ Рылѣева 13 декабря, что членами правленія будутъ Сперанскій, Мордвиновъ и онъ, Батеньковъ (мы видѣли, что его прочили только въ правители дѣлъ), утверждалъ, что Сперанскій не приметъ такого назначенія. По словамъ Завалишина въ его запискахъ, необходимость ввести въ составъ временнаго правленія лицъ, «пользовавшихся общимъ довѣріемъ, привела задолго почти къ общему соглашенію, что въ число членовъ» его должны быть назначены Мордвиновъ и Сперанскій. «Одни полагали ограничиться пятью, и чтобы всѣ были русскіе, другіе хотѣли, чтобы было 7 членовъ», и въ такомъ случаѣ по одному должно было быть изъ нѣмцевъ и поляковъ, чтобы внушить довѣріе и въ тѣхъ окраинахъ Россіи, гдѣ эти національности преобладали «въ образованномъ сословіи» (ср. выше мнѣніе по этому предмету Трубецкого). «Этотъ пунктъ», говоритъ Завалишинъ, «былъ самый спорный»... Вопросъ о назначеніи въ число регентовъ митрополита былъ рѣшенъ отрицательно вслѣдствіе нежеланія «смѣшивать религію съ политикою», а также и потому, что опасались получить отъ митрополита отказъ, который неизбѣжно былъ бы истолкованъ, какъ порицаніе самого переворота *). Трубецкой въ своихъ запискахъ говоритъ положительно, что общество хотѣло предложить во временное правленіе Мордвинова, Сперанскаго и Ермолова, а въ показаніяхъ своихъ на слѣдствіи объясняетъ выборъ Сперанскаго тѣмъ, что считалъ его «не врагомъ новостей», такъ какъ онъ дѣлалъ многія нововведенія, будучи государственнымъ секретаремъ. Трубецкой старался разузнать о Сперанскомъ отъ близкаго къ нему Батенькова, но тотъ отвѣчалъ:

шаго знакомаго Н. С. Мордвинова, дошелъ слухъ, что его считаютъ главою общества, имѣющаго вредные замыслы противъ правительства. Сенявинъ былъ возмущенъ этимъ, пріѣхалъ заявить о лживости этого слуха управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею, намѣренъ былъ объясниться съ петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, гр. Милорадовичемъ, который, какъ ему говорили, уже доносилъ государю о заговорѣ, наконецъ—предполагалъ писать и самому государю и просить произвести разслѣдованіе по поводу этого слуха. Это объясненіе Сенявина съ Кочубеемъ произошло въ ноябрѣ 1820 г., т. е. вскорѣ послѣ волненія въ Семеновскомъ полку. Теперь имя Сенявина называли, повидимому, потому, что, „слышавъ объ его отставкѣ, считали его въ числѣ недовольныхъ правительствомъ". Въ Петербургѣ упоминали также въ качествѣ кандидатовъ во временное правленіе сенатора И. М. Муравьева-Апостола, отца трехъ братьевъ-декабристовъ, сенатора Баранова, а прежде (до его смерти) Столыпина, зятя Мордвинова. „Рус. Арх." 1875 г., т. III, 436. В. Л. Давыдовъ сообщалъ І. Поджіо, что кто-то предложилъ генерала Н. Раевскаго, но не встрѣтилъ сочувствія. По словамъ Бестужева-Рюмина Пестелю, кн. Трубецкой и Бриггенъ говорили ему о намѣреніи назначить дѣлопроизводителемъ верховнаго (временнаго) правленія Н. Тургенева, а членами--Мордвинова и Сенявина.

*) „Записки декабриста Завалишина". Мюнх. 1904 г., I, 327—329.

«Нѣтъ, батюшка, у нашего старика не вывѣдаешь, что онъ думаетъ» *). По словамъ Лунина, при временномъ правительствѣ долженъ былъ находиться избранный членъ Тайнаго Общества и «безослабно слѣдить за всѣми дѣйствіями правительства».

Относительно составленія манифеста отъ имени сената Рылѣевъ показалъ, что «положено было захватить императорскую фамилію и задержать оную до съѣзда великаго собора», который долженъ былъ рѣшить, кому царствовать и на какихъ условіяхъ. Вслѣдствіе этого Трубецкой поручилъ Рылѣеву написать манифестъ отъ имени сената о томъ, что цесаревичъ Константинъ и Николай Павловичи отказались отъ престола, послѣ чего сенатъ счелъ необходимымъ задержать императорскую фамилію и созвать «на великій соборъ народныхъ представителей изъ всѣхъ сословій народа, которые должны будутъ рѣшить судьбу государства». Къ

*) Среди декабристовъ возлагалось на Мордвинова и Сперанскаго такъ много надеждъ, основанныхъ на слухахъ, что имп. Николай выразилъ подозрѣніе относительно участія Мордвинова въ заговорѣ уже въ письмахъ къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 23 и 28 декабря 1825 г. Шильдеръ. „Имп. Николай I". I, 320, 520. Объ отношеніи къ тайному обществу Мордвинова, Сперанскаго, Киселева и сенатора Баранова было произведено самое секретное изслѣдованіе, и дѣлопроизводитель слѣдственной комиссіи Боровковъ, самъ писавшій всѣ бумаги объ этихъ лицахъ, говоритъ, что „надежда эта была выдуманною и болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ". „Рус. Стар." 1898 г., № 11, стр. 348. Для спеціальнаго допроса Трубецкого по этому дѣлу въ камеру къ нему 28 марта являлся отъ имени государя Бенкендорфъ („Записки Трубецкого", 1907 г., стр. 55—60). Все это секретное дѣлопроизводство было уничтожено. Мордвиновъ въ автобіографической запискѣ, написанной въ 1841 г., говоритъ: „Извѣстно государю моему, сколь усердно старались приключить меня въ число измѣнниковъ государственныхъ въ началѣ царствованія Его Величества; для чего брали подъ стражу людей (моихъ), неприкосновенныхъ къ возмущенію, никѣмъ не осуждаемыхъ... Но когда не могли они извлечь ничего, могущаго послужить для присоединенія меня къ бунтовщикамъ, то дабы навлечь въ мысляхъ омраченіе въ умѣ государя-царя, излагали подробно обо всемъ, что происходило между ними, но Его Величество, не видя ничего, могущаго навлечь подозрѣніе на меня, приказалъ истребить всѣ вопросы и отвѣты вопрошаемыхъ". „Арх. гр. Мордвиновыхъ". Спб., 1903 г., т. VIII, 697—698, ср. т. VII, стр. 8. Однако, Трубецкой въ своихъ запискахъ увѣряетъ, будто бы черезъ Батенькова было обѣщано декабристамъ содѣйствіе нѣкоторыхъ членовъ государственнаго совѣта, подъ условіемъ сохраненія въ тайнѣ ихъ именъ и съ тѣмъ, чтобы войска, по объявленіи манифеста, выступили изъ города и расположились въ окрестностяхъ. Напротивъ, Завалишинъ приводитъ такое показаніе Корниловича относительно Сперанскаго: „Утромъ, прежде еще, нежели началось движеніе, Корниловичъ былъ посланъ къ Сперанскому объявить ему о предстоящемъ переворотѣ и испросить его согласія на назначеніе его въ число членовъ регентства.—„Съ ума вы сошли", отвѣчалъ Сперанскій, „развѣ дѣлаютъ такія предложенія преждевременно? Одержите сначала верхъ, тогда всѣ будутъ на вашей сторонѣ". Но въ показаніяхъ Корниловича во время слѣдствія нѣтъ ничего подобнаго, и Батеньковъ заявилъ, что утромъ 13 декабря Корниловича у Сперанскаго не видалъ.

этому должно было прибавить увѣщаніе, чтобы народъ оставался покойнымъ, что имущества, какъ государственныя, такъ и частныя, останутся неприкосновенными, что для сохраненія порядка «сенатъ передалъ исполнительную власть временному правленію, въ которое назначилъ адмирала Мордвинова и тайнаго совѣтника Сперанскаго и проч.». Манифестъ былъ написанъ, по порученію Рылѣева, бар. Штейнгелемъ, котораго онъ считалъ наиболѣе къ тому способнымъ. По словамъ Штейнгеля, порученіе это дано было ему 13 декабря 1825 года, и на другой день утромъ онъ набросалъ проектъ манифеста *). Напротивъ, Трубецкой показалъ, что не поручалъ составленія манифеста Рылѣеву, такъ какъ полагалъ, что сдѣлать это долженъ самъ, какъ диктаторъ (въ это званіе онъ былъ избранъ наиболѣе вліятельными членами Сѣвернаго Общества для руководительства возстаніемъ). Онъ набросалъ лишь по пунктамъ содержаніе манифеста, и записка эта сохранилась**).

Изъ показанія Рылѣева видно, что общество намѣревалось созвать при посредствѣ сената великій соборъ и представить ему проектъ конституціи Н. Муравьева. По другому его показанію, общество предполагало представить на разсмотрѣніе собора, какъ проектъ, государственный уставъ, одобренный большинствомъ чле-

*) По показанію Штейнгеля, манифестъ былъ написанъ отъ имени соединеннаго присутствія сената и синода; имъ предписывалось присягнуть временному правительству, назначенному сенатомъ, и въ теченіе трехъ мѣсяцевъ въ каждой губерніи избрать изъ каждаго сословія по два депутата. О бар. В. И. Штейнгелѣ см. мою ст. въ книгѣ „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“, изд. М. В. Пирожкова, 1905 г., т. I.

**) Изложеніе ея см. въ моей статьѣ въ „Быломъ“ 1906 г., № 2, стр. 116—117. О спорахъ относительно манифеста къ народу отъ сената см. въ „Запискахъ Завалишина“, т. I, стр. 329—330. Н. Бестужевъ также заготовилъ на случай успѣха возстанія манифестъ отъ имени сената о томъ, что „наступило время для Россіи получить законы“, для постановленія которыхъ вскорѣ будетъ сдѣлано распоряженіе отъ особаго совѣщательнаго сословія о „собраніи избранныхъ народомъ представителей“. Батеньковъ изъявлялъ Рылѣеву готовность написать манифестъ „о признаніи временнаго правленія государемъ или сенатомъ“. Рылѣевъ на очной ставкѣ съ Трубецкимъ показалъ, что послѣдній поручалъ ему и Пущину представить сенату манифестъ для подписи, а Батеньковъ говорилъ Рылѣеву, что хочетъ произнести въ сенатѣ рѣчь. Пущинъ же показалъ, что порученіе это было дано ему и Рылѣеву не Трубецкимъ, а признано нужнымъ въ совѣщаніи. Н. Бестужевъ и Рылѣевъ высказали мнѣніе, что послѣ смерти сенатора Столыпина (зятя Мордвинова) принять ихъ сторону въ сенатѣ могутъ только И. М. Муравьевъ-Апостолъ и Барановъ, но что ихъ нужно поддержать силою, такъ какъ безъ этого „никто не осмѣлится говорить въ пользу какихъ-либо перемѣнъ“. Въ разговорѣ съ Батеньковымъ А. Бестужевъ высказалъ мысль, что если сенаторы не окажутъ имъ поддержки, „то, въ крайнемъ случаѣ, можно прибѣгнуть къ средству, употребленному Бонапартомъ въ пятисотномъ совѣтѣ“, т. е. разогнать ихъ, какъ разогналъ Наполеонъ совѣтъ пятисотъ 19 брюмера (10 ноября 1799 г.)

новъ обоихъ обществъ. Но какъ на совѣщаніяхъ общества, такъ и въ бесѣдахъ съ отдѣльными его членами, Рылѣевъ настойчиво повторялъ, что «никакое общество не имѣетъ права вводить насильно въ своемъ отечествѣ новаго образа правленія, сколь бы оный ни казался превосходнымъ, что это должно предоставить выборнымъ отъ народа представителямъ», рѣшенію которыхъ всѣ обязаны безпрекословно повиноваться *). По словамъ Оболенскаго, въ видѣ обезпеченія до созванія собора, декабристы предполагали занять крѣпость и передать управленіе гвардейскими войсками лицамъ, ими назначеннымъ.

Въ проектѣ манифеста о созваніи великаго собора, составленномъ бар. Штейнгелемъ, предписывалось въ теченіе трехъ мѣсяцевъ выбрать въ каждой губерніи по два депутата отъ каждаго сословія **). Кн. Трубецкой находилъ нужнымъ созвать по одному или по два депутата отъ сословій каждой губерніи. Ни о какомъ цензѣ для участія въ выборахъ не упоминается, и, слѣдовательно, при производствѣ ихъ правила конституціи Н. Муравьева примѣнять не предполагалось. Рылѣеву приходило въ голову, чтобы временное правленіе сдѣлало «оцѣнку», кто можетъ выбирать и кто можетъ выбираться, но Каховскій возражалъ, что временному правленію не слѣдуетъ предоставлять этого права,—«это значитъ вводить конституцію», а «ее лишь должно предложить. Правленіе можетъ назначить число депутатовъ, но какихъ именно,—богатыхъ или бѣдныхъ», относительно этого оно «распоряжаться не можетъ. Депутаты сойдутся и общимъ соборомъ для будущихъ собраній депутатовъ установятъ оцѣнку» (т. е. избирательный цензъ). Н. Бестужевъ въ своемъ показаніи заявилъ, что законы, составленные депутатами, должны были быть «разсмотрѣны сенатомъ и государемъ и обоими утверждены», но мы видѣли, что, по предположеніямъ наиболѣе выдающихся членовъ Сѣвернаго общества, собраніе депутатовъ могло установить и республику. Не даромъ присяга приносилась временному правительству, и предполагалось арестовать царскую фамилію. А. Бестужеву представлялось дѣло такъ, что 13 декабря 1825 г. было постановлено, въ случаѣ большого успѣха возстанія, сразу провозгласить республику ***).

Рылѣевъ заявилъ, что онъ и А. Бестужевъ, въ концѣ концовъ,

*) Таково было мнѣніе и И. И. Пущина.

**) Кн. Трубецкой представлялъ себѣ дѣло такъ, что когда депутаты соберутся „въ достаточномъ числѣ", то можно будетъ не ждать представителей „дальнихъ губерній", чтобы не затягивать переходнаго положенія или, какъ онъ выражался, междуцарствія.

***) Впрочемъ, переспрошенный по этому поводу, онъ далъ такое объясненіе: „Я твердо только зналъ, что царствующую фамилію положено, въ случаѣ удачи, захватить и увезти и потомъ собрать соборъ или вѣче; но это уже самое полагалъ я... актомъ республиканскимъ. Великій же соборъ долженъ былъ рѣшить, какого рода избрать правленіе, или кому царствовать"...

полагали предоставить рѣшеніе судьбы императорской фамиліи великому собору. Напротивъ, Трубецкой съ Батеньковымъ вели разговоры въ монархическомъ смыслѣ. По словамъ Батенькова, они пришли къ соглашенію, чтобы «пріостановить дѣйствіе самодержавія», назначить временное правительство, которое должно было собрать депутатовъ. Обоимъ имъ въ будущемъ рисовалась конституціонная монархія *).

Въ 1820 г. коренная управа Союза Благоденствія въ Петербургѣ, какъ мы уже знаемъ, высказалась въ пользу республиканскаго устройства. По возвращеніи въ Тульчинъ, Пестель объявилъ объ этомъ рѣшеніи многимъ членамъ тайнаго общества во второй арміи. Когда на собраніи въ Москвѣ, въ началѣ 1821 года, условились объявить о прекращеніи тайнаго общества, въ Тульчинѣ не признали этого постановленія и рѣшили стремиться къ достиженію республиканскаго государственнаго устройства революціоннымъ путемъ. «Южное общество,—по словамъ Пестеля,—держалось всегда республиканской цѣли». Въ этомъ обществѣ установлены были три степени членовъ: бояре (высшая степень), мужья и братья, а приготовляемые къ принятію, но еще не принятые, назывались друзьями. Это было заимствовано изъ устава Союза Спасенія. Братьямъ объявлялось только намѣреніе ввести «конституціонный порядокъ безъ дальнѣйшихъ объясненій». Мужамъ уже открывалась цѣль общества—достиженіе республиканскаго правленія. Вновь принимаемый членъ могъ поступить прямо въ мужья, минуя степень брата, если онъ «по образу своихъ мыслей былъ склоненъ принять цѣлью общества достиженіе республиканскаго правленія». Впрочемъ, Пестель утверждалъ, что почти всѣ члены южнаго общества всѣхъ трехъ управъ, Тульчинской, Каменской и Васильковской, знали о республиканской цѣли общества.

По мысли Пестеля, ввести республиканскій строй должно было при помощи диктатуры временнаго правленія. По показаніямъ А. В. Поджіо, онъ говорилъ ему, что временное правленіе, состоящее изъ трехъ членовъ, «должно было сосредоточить всѣ отрасли властей для избѣжанія могущихъ послѣдовать внутреннихъ раздоровъ и недоразумѣній между сообщниками въ приведеніи цѣли ихъ къ исполненію». Временное правленіе должно было назначить по одному лицу въ каждую губернію съ тѣмъ, чтобы оно находилось тамъ во время выборовъ депутатовъ въ палату представителей, и разъяснить этой палатѣ и законному правительству цѣль и намѣреніе общества. Послѣ установленія новаго строя временное правительство должно

*) Я не говорю здѣсь ни о предположеніяхъ монархистовъ о томъ, кого сдѣлать государемъ (Батеньковъ и Штейнгель предлагали Елизавету Алексѣевну, Батенькову и Трубецкому приходила мысль о регентствѣ при малолѣтнемъ Александрѣ Николаевичѣ), ни о предположеніяхъ республиканцевъ относительно вывоза императорской фамиліи за-границу или истребленіи ея.

было сложить свою власть. Самъ Пестель, по свидѣтельству Поджіо, не находилъ возможнымъ быть его членомъ, такъ какъ не желалъ, чтобы его заподозрили въ «личныхъ видахъ»; онъ считалъ это неудобнымъ и вслѣдствіе своей нерусской фамиліи. Продолжительность существованія временнаго правленія, по мнѣнію Пестеля, должна была обусловливаться окончаніемъ преобразованія. Онъ думалъ, что если временное правленіе прекратитъ свое существованіе, не довершивъ преобразованія государственнаго строя, то не достигнетъ цѣли своего учрежденія, и можно будетъ опасаться такихъ же послѣдствій, какія имѣли французскія республиканскія конституціи. По словамъ Поджіо, Пестель считалъ нужнымъ для исполненія задачи временнаго правленія восемь или десять лѣтъ *).

Сѣверное общество также предполагало учрежденіе временнаго верховнаго правленія, но не на такой продолжительный срокъ, а только до собранія избранныхъ представителей, которые должны были установить форму будущаго государственнаго устройства. Поэтому въ Петербургѣ мысль Пестеля о диктатурѣ временнаго правленія не встрѣтила сочувствія. Во время своего пріѣзда въ Петербургъ въ 1824 г. на совѣщаніяхъ съ членами сѣвернаго общества онъ доказывалъ, по свидѣтельству М. Муравьева-Апостола, что укрѣпленію новаго порядка вещей, обыкновенно, препятствовало ошибочное мнѣніе совершившихъ переворотъ относительно возможности непосредственнаго перехода отъ стараго порядка къ новому. Въ видѣ доказательства онъ ссылался на примѣръ Сѣверной Америки. Онъ полагалъ, что если ея населеніе достигло осуществленія своихъ желаній, то только потому, что имѣло временное правленіе «сильное и ничѣмъ не остановленное въ своихъ дѣйствіяхъ» въ лицѣ Вашингтона. Пестель предлагалъ во время переворота собрать синодъ и сенатъ и заставить ихъ издать два манифеста: отъ синода — о присягѣ временному правительству, которое должны были составить директора тайнаго общества **), другой—отъ сената (чтобы уничтожить подозрѣніе, что директора хотятъ себѣ присвоить власть) о томъ, что временное правительство обязано вводить конституцію. Никита Муравьевъ и Трубецкой особенно энергично возражали противъ предложенія Пестеля относительно временнаго правленія, и оно Сѣвернымъ Обществомъ принято не было ***).

В. Семевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

*) Въ „Русской Правдѣ", для осуществленія предположеннаго въ ней раздѣленія земель Пестель признавалъ необходимымъ даже 15-тилѣтній срокъ. См. мою ст. въ журналѣ „Былое" 1906 г. № 3.

**) По показанію Трубецкого, Пестель предлагалъ временное правленіе „изъ пяти директоровъ, облеченныхъ во всю верховную власть".

***) О республиканско-федеративныхъ планахъ Общества Соединенныхъ Славянъ см. въ моей статьѣ въ „Быломъ" 1905 года, № 3, стр. 200—203.

ВЪ БЕЗДНУ СВОБОДЫ.

(Психологическій этюдъ.)

I.

Постепенно и стихійно несетъ насъ на гребень волна, и не видно изъ нашихъ камеръ, что ждетъ на этомъ подъемѣ. Наступаетъ буря. Но если пришла буря, то мы не похожи на морскихъ чудовищъ, которыя свирѣпо кружатся въ волнахъ, наполняя ревомъ стихію. Нѣтъ. Мы, семнадцать,—послѣдніе угли отъ разбросаннаго костра. Бушуетъ вѣтеръ, и они разгораются, ярко краснѣютъ и, раскаляясь, таютъ. Мы — живыя звенья цѣпи, заключенной въ камень, по которой идетъ непрерывный тревожный токъ. Мы сгораемъ, но не трогайте насъ голыми руками, потому что цѣпь раскалилась.

Слушайте. Онъ схватилъ васъ за горло, опрокинулъ и давитъ, слѣдя, какъ вы задыхаетесь. Отпускаетъ на мгновенье, чтобы дать глотокъ воздуха, и снова давитъ и равнодушно забавляется этой игрой. „Я задушу тебя,—говоритъ онъ,—но если ты пошевелишься, я задушу тебя сейчасъ же“. Ударьте его скорѣе, плюньте въ лицо, пока есть силы.

Такъ и мы.

Вотъ мы уже на границѣ, за которой не жалѣютъ ни другихъ, ни себя. Насъ придавили къ глухой стѣнѣ. Теперь станемъ хвататься за ея камни, чтобы опрокинуть ее на себя. Они уже думаютъ, что раздавили насъ. Нѣтъ, мы честно обороняемся до послѣдней возможности. Но они увѣрены, что уже исчерпаны всѣ возможности до послѣдней. Нѣтъ. Еще осталась послѣдняя, неотъемлемая, побѣдоносная, которая возвышается надъ смирительными рубашками, остервенѣлыми кулаками и штыками солдатъ въ корридорахъ. Это оружіе—самоуничтоженіе.

Поймите, это наша свобода. Вдругъ открывается цѣлое царство, гдѣ мы—хозяева. Мы выходимъ изъ всякихъ чело-

вѣческихъ нормъ, внѣ времени, какъ призраки, какъ бы въ четвертомъ измѣреніи, куда *они* за нами уже не дотянутся. Что можетъ теперь испугать насъ? Угрозы? Насиліе? Всякое насиліе держитъ за спиной смерть, а мы съ нею вступаемъ въ союзъ. Смерть... Она облекается въ бѣлыя одежды и ждетъ за своимъ порогомъ, чтобы повстрѣчать и успокоить насъ.

Нѣтъ, теперь уже мы начинаемъ мстить. На глазахъ, на рукахъ *ихъ* мы будемъ обращаться въ трупы, еще живые и уже мертвые. Вы думаете, это не страшно — смотрѣть на обреченныхъ? Держать въ рукахъ нить человѣческой жизни и ждать, когда она порвется? О! мы будемъ еще послѣ смерти приходить къ нимъ по ночамъ и душить ихъ въ кошмарахъ...

Говорятъ, что это безуміе, безуміе отчаянія. Пусть. Оно начинается тамъ, гдѣ *человѣку* грозитъ гибель. Есть граница, за которой онъ тухнетъ, сламывается, какъ музыкальный инструментъ. На этой границѣ ему остается еще одно—сдѣлать послѣдній скачекъ въ бездну, въ бездну свободы. Это его право. Нѣтъ, это его долгъ.

Люди похожи на морскихъ животныхъ, приросшихъ къ камню. Какъ и имъ, людямъ нужны страшныя усилія, чтобы оторваться отъ земли. И когда отрываются,—и тѣ, и другіе погибаютъ. Но въ этотъ послѣдній моментъ жизнь должна ослѣпительно вспыхнуть. Она сокращается, какъ мѣхъ гармоники. Сближается начало и конецъ, выпадаетъ весь промежуточный матеріалъ. Отъ слишкомъ большого давленія, вѣдь, и уголь превращается въ солнечный алмазъ.

О, прекрасное, захватывающее, головокружительное безуміе мести и свободы... И одинъ крошечный кирпичъ въ стѣну зданія, въ которомъ будетъ жить грядущее...

Десять часовъ утра. Въ корридорѣ гулъ, лязгъ и топотъ. Это начальникъ, встревоженный угрожающимъ возбужденіемъ политическихъ дѣлаетъ экстренный обходъ камеръ.

Оглушительно грохочетъ и мой засовъ. Распахнулась дверь, и на порогѣ, заполняя всю дверную раму, появляется тучная фигура Сачко въ черномъ мундирѣ и въ шапкѣ съ кокардой. Жирныя щеки сползаютъ двумя мѣшками на шею. Жирныя губы развалились въ злобную растерянную улыбку, и маленькіе глаза глядятъ пронзительно и безпокойно. За нимъ—цѣлая ватага помощниковъ и надзирателей.

— Здравствуйте!—преувеличенно громко говоритъ онъ.

— Здравствуйте,—отвѣчаю я.

Отчего же. Я буду вѣжливъ. Свободные джентльмэны всегда вѣжливы.

— Ну?..—говоритъ онъ.

— Ну?..—отвѣчаю я.

Онъ мѣряетъ меня взглядомъ съ головы до ногъ, останавливается на рукахъ, непочтительно засунутыхъ въ карманы. Потомъ взоры наши скрещиваются, и мы нѣсколько мгновеній, какъ бы вцѣпившись другъ въ друга, бѣшено вперяемъ глаза въ глаза. Я чувствую, какъ врываюсь сквозь эти злые, старческіе, но теперь безпомощные глаза въ глубину, въ душу его... О, если бы можно было хотя бы ранить глазами! А!.. Онъ отводитъ свои...

— Что скажете?—спрашиваетъ Сачко ироническимъ тономъ.

— Сказано уже: совмѣстныя прогулки, табакъ, открытыя камеры, бумага, карандаши. Имѣющій уши слышать да слышитъ.

— Что такое?.. Уши?!.

Его лицо багровѣетъ, руки судорожно хватаются за животъ. Голосъ гремитъ, какъ водопадъ, наполняя корридоръ гуломъ.

— Уши?.. Я вамъ покажу уши!.. Я вамъ покажу „требованія!"... Здѣсь тюрьма, а не Отель-Грандъ!. Не смѣете требовать! Кто вы такой есть?.. Арестантъ! Обязаны просить, а не требовать...

Я возвышаю голосъ:

— Требованія должны быть выполнены, срокъ—девять часовъ вечера. Иначе мы начинаемъ голодовку.

— А мнѣ начхать на вашу голодовку! Хоть всѣ подохните... Вотъ—тьфу!—не заплачу!—гремитъ онъ и поворачивается уходить.

Двѣ секунды топчется на мѣстѣ и вдругъ поворачиваетъ ко мнѣ перекошенное слѣпымъ бѣшенствомъ лицо.

— Эхъ ты-ы!.. Еще въ университетахъ учился!.. Образованный!..

И площадная брань.

Только-то? Это становится забавно, и я смѣюсь.

Что, пріятель,—чувствуешь, какъ между нами начинаетъ расти разстояніе?..

Дѣло началось изъ-за пустяковъ.

Есть здѣсь помощникъ начальника Паливкинъ, маленькій тюремный служака съ сѣдѣющей бородой. Это язва нашей тюрьмы. Ему не везетъ по службѣ: бурбонъ Сачко не любитъ его, и онъ весь безъ остатка ушелъ въ эту свою несчастную

службу. Онъ не дерется съ арестантами, даже не бранится. Никто никогда не слыхалъ отъ него отвратительныхъ ругательствъ, которыми кишитъ тюрьма. Но обо всѣхъ до единаго прегрѣшеніяхъ противъ тюремнаго статута, обо всѣхъ проступкахъ и неправильностяхъ, не упуская ни одной мелочи, онъ доноситъ начальнику, доноситъ по долгу службы, ничего не прибавляя и не преувеличивая. Изо дня въ день онъ тихо шныряетъ по тюрьмѣ, производитъ обыски и повѣрки, сажаетъ въ карцеръ и дѣлаетъ многое множество другихъ дѣлъ—и все это по приказанію начальства, все это безъ злобы, но и безъ равнодушія, часто съ нервными подергиваніями лица. Въ этомъ есть что-то зловѣщее и невыносимое. Оно дѣйствуетъ, какъ пытка водой, когда капля за каплей доводитъ людей до сумасшествія.

Такъ вотъ, однажды утромъ меня вызвали на квартиру Сачко. Въ дверяхъ комнаты стоялъ Наливкинъ, вытянувъ руки по швамъ.

— Вы опять начинаете выкидывать штуки?—заревѣлъ Сачко, багровѣя и надвигаясь на меня своей огромной тушей.

Я глядѣлъ на него съ удивленіемъ, такъ какъ не зналъ за собою за вчерашній день ни одного прегрѣшенія.

— Позвольте и васъ спросить, о какихъ штукахъ вы говорите?—сказалъ я.

— Я вамъ „позволю"!..—оралъ Сачко, брызгая слюной.— Вотъ господинъ помощникъ говоритъ, что вы въ его присутствіи ведете себя неприлично. Облокачиваетесь! Да-съ! Вчера во время дневной повѣрки — что вы дѣлали? Ну? Свистѣли?..

Я не обращалъ вниманія на оранье Сачко и старался вспомнить обстоятельства дѣла. По совѣсти—я не помнилъ ничего подобнаго. Правда, вчера у меня въ камерѣ былъ Наливкинъ съ дневной повѣркой, которой, къ слову сказать, ни одинъ помощникъ, кромѣ него, не дѣлаетъ. Онъ, по обыкновенію, суетился и шарилъ, а я стоялъ и смотрѣлъ. Но свистѣть... Этого рѣшительно не было.

— Держите руки въ присутствіи начальства...—оралъ Сачко.—Что это такое?.. Опять начинаете демонстрировать.

— Я не свистѣлъ,—сказалъ я.—Я этого, во всякомъ случаѣ, не помню.

— Не свистѣли?.. Господинъ помощникъ, свистѣлъ онъ въ вашемъ присутствіи?

Наливкинъ вздрогнулъ, выступилъ шагъ впередъ, почтительно поклонился и сказалъ:

— Такъ точно, они насвистывали. Когда я окончилъ повѣрку, они пошли къ столу и насвистывали.

— Вотъ... Не умѣете прилично держать себя, да еще отказываетесь...

Я, наконецъ, очнулся отъ своего оцѣпенѣнія.

— Идите къ чорту съ вашимъ отказываніемъ, грубое животное!—завопилъ я и, кажется, затопалъ даже ногами.

Да, конечно, затопалъ. И мало времени спустя очутился въ карцерѣ.

Это была послѣдняя капля, за которой послѣдовалъ взрывъ накопившагося раздраженія. Мы поставили свои требованія и ждемъ грозы—грозы и смерти.

Вотъ и день прошелъ, день, въ который мы метались въ своихъ камерахъ, закруженные стихіей. Ползутъ уже тусклыя сумерки. Какъ будто тюрьма опускается на дно, и черезъ толщу воды доходитъ мутный свѣтъ и глохнутъ звуки.

Въ этихъ мутныхъ сумеркахъ что-то тоскливое. Что-то тревожное подымаютъ онѣ. И ты стучишься ко мнѣ ласково и упорно. Я думалъ о тебѣ такъ долго, такъ крѣпко, что боюсь уже думать. Когда подходило *это*—думалъ, что передъ концомъ напишу тебѣ письмо, длинное-предлинное. Все разскажу тебѣ и въ послѣдній разъ поцѣлую... И вижу теперь—не надо.

Мы съ тобой стали, какъ боги. Вотъ мы поднялись на высоту, надъ людьми, надъ временемъ и пространствомъ, перекликаемся и слышимъ другъ друга. Каждое движеніе мысли, каждый взмахъ сердца твоего слышу я. Вижу лучистыя морщинки глазъ, ихъ синій свѣтъ и добрую, мягкую, ласковую улыбку.

Загляни въ меня, родная. Видишь, какъ мнѣ тяжело...

Заглянула, ласково смѣется и говоритъ:

— Ты слышалъ?.. Губернаторъ далъ слово, что не уступитъ, хотя бы вы... хотя бы даже...

Все смѣется, и я вижу, какъ, наполняя лучистыя морщинки, блестятъ слезы, собираются свѣтлыми капельками и, тихо радуясь мнѣ въ своей мукѣ, скользятъ по щекамъ. И я чувствую, какъ у меня останавливается и вздрагиваетъ дыханіе, и изъ груди поднимается что-то тяжелое, готовое разразиться взрывомъ крика и отчаянія.

— Ничего, родная, ничего!

И провожу рукой по мягкимъ волосамъ ея. Конечно, губернаторъ и все прочее—пустяки.

— Слушай,—говорю я ей.— Ты молчишь и говоришь о другомъ. А у тебя одна мысль... Одна безумная мольба глядитъ на меня изъ твоихъ черныхъ зрачковъ... О, не надо... Другъ мой, жена моя... Мой умный, добрый человѣкъ—ты

должна понять: судьба уже положила свою руку. Если я тутъ взялъ немного вкривь—прости меня. Тутъ гдѣ-то есть и моя вина,—ты прости меня... Но развѣ есть у насъ другой исходъ? Послушай...

Она все такъ же ласково улыбается, слушаетъ, какъ я правильно доказываю, а свѣтлыя капельки дрожатъ и сбѣгаютъ все ниже, и чѣмъ ниже, тѣмъ скорѣе, и вотъ уже по вздрагивающему подбородку спѣшатъ другъ другу навстрѣчу.

— Не надо... Не надо... Я больше не могу...

Ночь. Я подхожу къ прозоркѣ и прислушиваюсь. Тихо. Нѣтъ, смутный гулъ и шорохъ, какой всегда бываетъ въ тюрьмѣ по ночамъ. Но и онъ, какъ будто, затаился и замеръ. Иногда—тонкій лязгъ кандаловъ. Это каторжане въ одиночкахъ ворочаются на постеляхъ и ждутъ. Напряженная тишина, какъ будто въ ночь подъ Пасху передъ первымъ ударомъ колокола. Какъ будто самъ камень насторожился и ждетъ сигнала, чтобы заревѣть... Это выходитъ торжественно, чортъ побери...

Я весело провожу рукой по стѣнѣ въ твердыхъ пупырушкахъ. Что, старая пріятельница,—когда у тебя былъ такой праздникъ? Ровно въ девять часовъ истекаетъ срокъ, и мы—получаемъ свободу. Надо только внимательно слушать, чтобы не пропустить боя часовъ.

Кажется, играютъ зорю. Я становлюсь на табуретъ къ окну и слушаю. За окномъ чернѣетъ тьма, и тянетъ теплымъ вѣтромъ. Гдѣ-то далеко играютъ на гармоникѣ, и чуть слышны долетающіе собачьи голоса. Недвижна и крѣпка подъ рукой желѣзная рѣшетка.

„Крѣпки затворы,
Толсты рѣшетки“.

О, да. Я еще прибавлю:

Мертвы петли,
Свирѣпы штыки.
Нѣтъ конца ожесточенію,
Слѣпо ихъ бѣшенство, и—
Прокляты тѣ, кто имъ служитъ!
Прокляты! Прокляты!

Мы поднимаемся къ звѣздамъ и солнцамъ въ послѣднемъ полетѣ. „И времени уже не будетъ“.

Такъ.

Слава обреченнымъ! Слава тѣмъ, кто умѣетъ самъ выпить горькій напитокъ смерти! Ангелъ Господень, раскрывающій

темницы ударомъ бѣлаго крыла, сказалъ намъ: вы свободны. Сквозь камень уйдетъ свободный духъ вашъ, какъ свѣтъ сквозь стекло, и...

— Дон-нъ!..

А!.. Колоколъ! Какъ страшно загудѣлъ онъ... Что-то огромное рушится ступенями... Пора?.. Сердце замерло... Все замерло... Молчанье...

— Дон-нъ!.. Дон-нъ!..

Торжественно и грозно звучатъ удары. И послѣдній, съ силой:

— Дон-нъ!..

Нѣсколько мгновеній я слушаю гудѣнье колокола. Смятеніе и вихрь поднимаются во мнѣ, вихрь, въ которомъ дрожитъ тѣло, все существо, вихрь, въ которомъ безумѣетъ мысль, и душа съ радостнымъ крикомъ поднимаетъ крылья. Ага! Пришло, наконецъ!.. Пора!.. Все смѣшалось въ одно неудержимое движеніе, въ одну страшную силу размаха—сокрушить и разбиться. Ага!.. Сама дверь вздрагиваетъ подъ руками... И въ ней забилось сердце!.. Терпѣніе, терпѣніе! Больше воздуха въ грудь, подальше губы отъ прозорки.

— Товарищи!..

И съ безумной радостью слышу, какъ зарокоталъ и наполнилъ коридоръ мой голосъ.

— Начинается голодовка!.. Да здравствуетъ протестъ... и смерть!.. Смерть!.. Ур-ра-а!..

На нѣсколько мгновеній наступила мертвая тишина, какъ будто старая тюрьма замерла въ глубокомъ изумленіи.

— А-а-а...—закричалъ кто-то въ нижнемъ этажѣ. И вдругъ тюрьма рванулась, загудѣла, загрохотала, встала на дыбы. Я ревѣлъ и съ остервенѣніемъ билъ въ дверь ногой, и она гремѣла, какъ чудовищный барабанъ. Грохотъ снизу и сверху... ревъ... Онъ бился въ стеклянный потолокъ и, какъ ураганъ, потрясалъ воздухъ и самыя каменныя стѣны тюрьмы.

Но въ это изступленное веселье уже врѣзываются другіе, зловѣщіе звуки: топотъ, лязгъ и звонъ затворовъ. Выстрѣлъ...

— Ур-ра... Ур-ра...

Едва успѣлъ отскочить отъ двери, какъ она распахнулась, и на порогѣ—Сачко съ искаженнымъ страшнымъ лицомъ и черные люди, штыки солдатъ.

— Это что такое?!...—гремитъ онъ, покрывая дьявольскій шумъ и грохотъ.

— Совмѣстныя прогулки... Табакъ... Слышишь, Сачко?.. Свобода слова и печати и конецъ дуракамъ!..—кричу я передъ его носомъ, потрясая кулаками.—Долой Сачко... Къ чорту Сачко...

Слышу его бѣшеное рычаніе. Изъ-за его спины выскальзываетъ маленькій Наливкинъ и проворно хватаетъ меня за руку. Въ одно мгновеніе меня схватываютъ со всѣхъ сторонъ, стискиваютъ и мнутъ. Кажется, поднимаютъ на воздухъ, и я исчезаю, какъ щепка въ водоворотѣ.

Шестой день. Я рано проснулся и тихо лежу, прислушиваясь. Жужжатъ и кружатся мухи. Сквозь открытое окно слышны шаги, приближаются, топочутъ тяжелыми каблуками и смолкаютъ за поворотомъ. И—тихо, какъ на поверхности пруда, куда еще не бросали мусора. Сюда, въ изоляціонную камеру, за поворотами и переходами, тюремный шумъ даже и днемъ доходитъ чуть слышно. Затихъ и стражъ въ корридорѣ. Задремалъ, должно быть.

И у меня внутри тихо. Просыпается день—просыпается мысль. Проснулась и такъ же тихо лежитъ, какъ я на постели. Слушаетъ, отдыхаетъ и собирается съ силами. Ночью ей бываетъ много работы.

Вотъ и они пожаловали. Надзиратель ставитъ на столъ чайникъ съ кипяткомъ. Я лежу и молча наблюдаю за Наливкинымъ. Онъ торопливо тычется и нюхаетъ по камерѣ. Я все лежу и тѣмъ нарушаю первый параграфъ основныхъ законовъ. Наконецъ, онъ, не вытерпѣвъ и—увы!—вная безнадежность словъ, говоритъ:

— Господинъ Нелидовъ, нужно бы встать... Вы хотя бы присѣли.

— Отвяжитесь, пожалуйста, Наливкинъ.

Онъ вздыхаетъ и уходитъ. Теперь и мнѣ можно вставать.

У меня не мало дѣла. Прежде всего я завариваю крѣпкій чай и съ наслажденіемъ пью его по-китайски. Онъ согрѣваетъ желудокъ и ротъ и даетъ ощущеніе пріятной полноты. Я пью одинъ за другимъ три стакана и читаю Реклю объ индійскихъ пустыняхъ. Потомъ начинаю чистить зубы. Это необходимо дѣлать чаще, потому что зубы покрываются слизью, и десны, постоянно сжатыя, нѣмѣютъ. Надо также чаще мѣнять бѣлье, такъ какъ тѣло постоянно покрывается испариной.

Потомъ ложусь на постель и читаю, прикрывшись отъ мухъ простыней. Онѣ яростно носятся, то исчезая въ окнѣ за рѣшеткой, то влетая назадъ на подобіе маленькихъ пуль. Какъ просто разрѣшается у нихъ вопросъ о свободѣ!

Когда онѣ, наконецъ, выводятъ меня изъ терпѣнія своей назойливостью, я встаю и начинаю охоту. Нѣтъ, уже скоро устаю. Онѣ въ паническомъ ужасѣ разлетѣлись и смирно сидятъ по стѣнамъ, и я оставляю ихъ наслаждаться жизнью. Читаю, но книга ложится на грудь, и закрываются глаза.

Скоро, вѣроятно, придетъ прокуроръ или докторъ. Когда явился жандармъ Полянскій, я попросилъ его сейчасъ же выйти изъ камеры, обѣщавъ иначе запустить въ него, чѣмъ попало. Не могу его спокойно видѣть. Во время ареста онъ держалъ меня за рукавъ, а когда я хотѣлъ поцѣловать маленькую Лелю. онъ не пустилъ меня—негодяй... Да, негодяй! Леля спала, я наклонился къ ней, а онъ... дернулъ меня назадъ...

Я быстро сажусь въ постели и съ поднимающимся бѣшенствомъ гляжу передъ собой, гдѣ еще истаиваютъ обрывки видѣнія. Эти проклятые и здѣсь не даютъ покоя. Безконечной назойливой вереницей идутъ они, прицѣпляются ко всякой мелочи и мусорятъ голову. Обыски, аресты, столкновенія, карцеры, опять обыски, и такъ безъ конца...

Приносятъ обѣдъ. Въ первый разъ мнѣ, по обыкновенію, поставили его на полъ у дверей. Я ударомъ ноги выбросилъ чашку въ корридоръ, обливъ при этомъ надзирателю ноги. У уголовнаго было испуганное и восхищенное лицо. Теперь мнѣ ставятъ чашку на столъ и торопливо уходятъ. Я встаю съ постели, беру чашку и опрокидываю ее въ парашу. Если въ это время случится Сачко, я, шутки ради, запущу въ него щами.

Говорятъ о мукахъ голода. Это не вѣрно. Сначала, правда, было непріятно выбрасывать пищу. Но теперь минутное раздраженіе вкуса проходитъ безслѣдно.

Такъ за всей этой возней проходитъ день. На дворѣ уже ложатся вечернія тѣни, а у меня начинается праздникъ перваго солнца. Въ окно вдругъ протянулся тоненькій лучъ и легъ на стѣнѣ зайчикомъ. Я лежу подъ простыней и щурю глаза на веселую солнечную улыбку и самъ улыбаюсь. Какъ будто грѣюсь, лежа у обрыва, и подо мной внизу тихо плещетъ вода. Въ травѣ звенитъ тонкое жужжанье, изъ озерецъ несутся дрожащіе голоса лягушекъ. А въ спокойной рѣкѣ опрокинулись мѣловыя горы и вечерѣющее небо.

Фюить... фюить... фюить...

Надъ самой водой летятъ кулички. Стучатъ весла въ уключинахъ, и братъ кричитъ мнѣ...

Что это?.. А! Вѣрный стражъ шуршитъ за дверями и смотритъ въ прозорку. Должно быть, просто для разнообразія. Шесть часовъ сидитъ онъ на своемъ стулѣ, за нимъ новый опять шесть и т. д. Невидимая рука ставитъ ихъ, какъ шахматы, въ безконечную цѣпь. И неизбѣжно—любопытный или угрюмый, острый или вялый взглядъ чернѣетъ и движется въ прозоркѣ.

И чего имъ отъ меня нужно!

Есть въ Гималаяхъ такая вершина—Нанга-Парбатъ. На семь верстъ въ глубину неба возноситъ онъ снѣжно-бѣлую пирамиду, а внизу, въ недоступной пропасти, реветъ и бьется Индъ. Однажды отъ горы откололось ребро, рухнуло внизъ, потрясая землю, и загородило русло рѣки чудовищной грудой камней. Индъ остановился и началъ подниматься вверхъ. А ниже, на равнинѣ, рѣка вдругъ пересохла. Понимаете, какой здѣсь готовился праздникъ...

Пока я подготовляюсь къ революціи въ Гималайскихъ горахъ, въ корридорѣ послышались шумъ и крики. Приближаются. Топотъ. сопѣнье, ругательства. Кого-то тащатъ. и онъ оретъ сдавленнымъ отъ ярости голосомъ:

— За что... Н-ну... Говори, за что... Н-не пойду-у...

И площадная захлебывающаяся брань.

— Тамъ увидишь... самъ разберешь...—съ наслажденіемъ приговариваетъ хриплый голосъ старшаго.

Гремитъ замокъ, снова брань, крики, шумъ борьбы — и карцеръ запирается. Мимо моей двери топочетъ обратно десятокъ тяжелыхъ сапогъ, а въ догонку несутся яростныя ругательства и гулъ ударовъ въ дверь.

За что?!.

Человѣкъ не можетъ примириться съ насиліемъ, такъ какъ, очевидно, нарушена справедливость, арестантская справедливость. И въ этомъ проклятомъ мѣстѣ существуетъ своя этика, обязательная для обѣихъ сторонъ, и, преступая ее, начальство само производитъ анархію.

— Давай сюда начальника!..—оретъ арестантъ сиплымъ босяцкимъ голосомъ.

Отъ этого крика и грома ударовъ немного болитъ голова, но все же занимательно, чѣмъ это кончится. Слышны торопливые шаги, и у карцера раздается скрипучій голосъ старшаго:

— Слышь, Вороновъ... Брось, говорю... Хуже будетъ...

— Давай сюда начальника!.. Я съ тобой, сволочью, не хочу говорить!..—гремитъ Вороновъ.—Требую начальника!..

— Дуракъ ты,—ядовито говоритъ старшой.—Начальника можетъ требовать лишь губернаторъ и прокуроръ. А ты, подлецъ, можешь только просить ихъ высокоблагородіе.

— Уйди... Требую начальника... Чтобъ сейчасъ начальникъ явился... Все разобью!!..

Я спускаю ноги съ кровати и долго сижу, пока въ голову ударяетъ, какъ молотками. Я ослабѣлъ-таки за эти четыре дня. Сердце сердито стучитъ, какъ будто выпали всѣ внутренности, и оно колотится въ пустую стѣнку. Я подхожу къ двери и вижу: назадъ проходитъ старшой съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ.

По всей тюрьмѣ вдругъ раздаются громовые удары. Вороновъ съ стращной силой бьетъ парашей въ дверь. По корридору опять бѣжитъ старшой.

— Слышь, Вороновъ... брось это... смотри... Есть для тебя, братъ, такая штучка... съ рукавами...

— Требую... Разобью...—рычитъ Вороновъ.

Онъ уже разбилъ парашу и теперь принялся за кадку съ водой. Старшой ушелъ. Кажется, будетъ исторія.

По корридору снова приближаются. Тяжело и равнодушно раздается топотъ десятковъ ногъ. Мимо прозорки проходитъ Сачко, огромный, съ зловѣще-сощуренными глазами, за нимъ Наливкинъ, старшой и человѣкъ шесть черныхъ надзирателей, а за ними—солдаты со штыками. Вороновъ вдругъ затихаетъ. И когда смолкъ гулъ шаговъ и звукъ отпираемаго замка, онъ говоритъ срывающимся голосомъ:

— Господинъ начальникъ... Вашескоблагородіе... За что меня старшой безвинно... Дозвольте выслушать, вышескоблагородіе...

Грохотъ засова заглушаетъ его слова. Слышно, какъ открывается дверь, и наступаетъ глубокая тишина.

— Бунтовать?..

— Вашескоблагородіе, господинъ...

— Бунтовать?!..

Грозное рычаніе наполняетъ корридоръ, камеру, всю тюрьму.

— Взять его...

Изъ шума свалки вырывается тонкій вопль:

— Ваша-а... ва-а...

Глухой стукъ паденія... Бьютъ... Подъ ударами вздрагиваетъ голосъ... Снова стукъ, опять... А!.. что же это!.. они поднимаютъ его и бросаютъ объ полъ... Я вздрагиваю и, какъ сумасшедшій, начинаю орать и биться въ дверь. У меня въ головѣ все кружится колесомъ. Я хочу, чтобы и меня били и убили, хочу вцѣпиться Сачко въ горло, кусать и грызть его руки.

Шествіе идетъ назадъ.

— Палачъ.. Людоѣдъ проклятый... Воръ, воръ...—реву я, какъ Вороновъ.

Но они молча проходятъ мимо, и шаги ихъ затихаютъ за поворотомъ.

— Вороновъ...—кричу я сквозь рыданья:—Вороновъ...

— Нельзя...—раздается корявый голосъ изъ прозорки,—не велѣно разговаривать.

— Вороновъ... Откликнись...

Прозорка закрывается чѣмъ-то чернымъ. Вѣрный стражъ догадался задвинуть ее фуражкой.

— Вороновъ... голубчикъ... откликнись...

Я иду къ постели, потомъ опять къ двери и мечусь по камерѣ съ бѣшенствомъ и плачемъ. А они ушли... ушли уже... Въ корридорѣ тихо, и въ карцерѣ тихо, какъ въ могилѣ.

Тишина...

Ночь. Десять шаговъ сдѣлала ко мнѣ смерть. Мнѣ кажется, что я лежу на откосѣ и тихо и спокойно соскальзываю внизъ въ темную бездну. Хорошо, пусть будетъ такъ.

Только растетъ безпокойство и нервность. Иногда кажется, что безумно хочу ѣсть. Но это обманъ, потому что нѣсколько мгновеній спустя забываю объ этомъ. Ушелъ спокойный сонъ, день и ночь смѣшались въ одну тревожную вереницу, и часто не разберу—сонъ это, или моя воспаленная голова вызываетъ на яву образы, заслоняющіе сознаніе. А за вспышками галлюцинацій слѣдуютъ періоды изнеможенія.

Поздно. Сквозь закрытыя вѣки стоитъ красный свѣтъ лампы. Хотя бы одну ночь провести безъ нея въ темнотѣ. На мгновеніе открываю глаза и вижу стѣны, печь, столъ, парашу. Поворачиваюсь къ стѣнѣ. Въ трехъ вершкахъ отъ моего лица грязно-желтое сальное пятно. Взглядъ нѣкоторое время стоитъ на немъ и потомъ сквозь стѣну погружается въ глубокое пространство и грезитъ и бродитъ въ смутныхъ видѣніяхъ.

Идутъ. Я знаю, это за Вороновымъ. Онъ съ утра не проронилъ ни слова. Мертвые не говорятъ...

Я плетусь къ прозоркѣ. Въ корридорѣ возня, кряхтеніе и сдержанные голоса.

— Поднимай... ты... Постой-ка... За ноги держи...

Кряхтя и часто перебирая ногами, несутъ тяжелое. Четыре надзирателя держатъ брезентъ за концы, и на немъ—что-то бѣлое, длинное, вродѣ большой куколки. Проходитъ фельдшеръ, старшой, и все исчезаетъ.

Что же это такое?.. Это не человѣкъ... Неужели это Вороновъ?.. На меня нападаетъ оторопь. Что же они съ нимъ сдѣлали?.. Я путешествую къ постели и сажусь отдыхать, и тутъ только догадываюсь, что на Воронова надѣта смирительная рубашка, та самая „штучка съ рукавами". Пускай, его вѣдь все равно убили.

И чего я такъ взволновался?!.. Пусть все идетъ своимъ чередомъ.

Смолкли всѣ звуки. Тихо... И я, кажется засыпаю. За

шумящими лѣсами, за широкимъ Гангомъ—городъ Аллагабадъ. Здѣсь говорится что-то о Махмудѣ Газневидѣ. Кажется, бѣлая мечеть въ память любимой супруги. Тоска въ головѣ и тѣлѣ... Хотя бы уснуть скорѣй... Махмудъ былъ великодушный завоеватель. Нѣтъ, все равно,—это была военная имперія, которой правили визири, приспѣшники, любимцы. Просто жутко, какая чудовищная власть бываетъ въ одной человѣческой точкѣ. Онъ возсѣдаетъ на вершинѣ колоссальнаго строенія государства. Милліоны рычаговъ, нитей и зацѣпокъ сходятся въ его рукѣ, давятъ, калѣчатъ, умерщвляютъ насъ, мучатъ насъ, не даютъ жить каждому изъ насъ.

Погодите, у него обыкновенное лицо съ большой холеной бородой и голымъ черепомъ. Я смотрю на него близко и вижу сутулую спину, ничтожный затылокъ, мѣшки подъ глазами. Онъ умѣетъ разговаривать и даже смѣяться... Нѣтъ, именно необыкновенное, зловѣщее лицо. Черный воздухъ вокругъ него, какъ черное сіяніе. И въ немъ изступленное, страшное лицо... Вотъ онъ... Толкни его—онъ не упадетъ, кькъ ванька-встанька.

Я очнулся въ поту, стиснувъ зубы, со сжатыми кулаками. А-а...

Сердце бьется страшными ударами, отъ которыхъ я вздрагиваю и извиваюсь. Я лежалъ на лѣвомъ боку, и оно разсердилось. Потише, пожалуйста... Безъ фокусовъ. А если вамъ такъ не нравится, можно перевернуться и на другой бокъ.

Сегодня утромъ въ дверяхъ показался Сачко. Взглянувъ на него, я почувствовалъ, какъ въ груди у меня поднимается что-то тяжелое и слѣпое. Мнѣ стало трудно дышать. Я приподнялся на локтѣ и, кажется, оскалился. Такъ, должно быть, оскаливается подъ ружьемъ затравленный волкъ.

Потомъ пришелъ докторъ, лысый старичекъ съ оплывшими щеками и сѣдой щетиной бороды. Ему было не по себѣ, но онъ все же началъ распространяться о вредныхъ послѣдствіяхъ голодовки, которая подрываетъ организмъ и прочее. Чудакъ, у меня будетъ одно послѣдствіе. Но, какъ это ни странно, мнѣ стало... непріятно. И я, въ отместку, захотѣлъ немного помистифицировать его.

— Все это не имѣетъ значенія, докторъ,—нахмурившись, сказалъ я.—Вы лучше скажите мнѣ,—это дѣйствительно важно,—что такое... *фасонъ*?

Онъ осторожно полѣзъ щупать мой пульсъ. Но когда я улыбнулся, улыбнулся и онъ, радостно улыбнулось старческое лицо, старчески-тусклые глаза и сѣдыя колючки усовъ.

Отъ его посѣщенія осталось смутное безпокойство.

Ночью видѣлъ сонъ. Пришелъ Будда. Я сказалъ ему:

— Ты—Гаутама. Ты Гаутама-Будда.

У него были худыя щеки, прозрачное лицо, прозрачные глаза, обращенные въ даль. Онъ держалъ руки подъ широкой желтой одеждой.

И вотъ—далекій звукъ, далекій крикъ, тонкій и печальный. Гдѣ-то въ голубой вышинѣ летятъ журавли. И я не могу повернуть голову, чтобы найти въ небѣ ихъ трепещущую вереницу. Сквозь закрытые глаза заглянуло дѣтство, какъ печальная улыбка, улыбка моей жизни, ясная моя заря... И крикъ журавлей, уносящихся въ невѣдомыя дали... и тихая тоска...

— Я скажу тебѣ, что есть *фасонъ*. Это мѣра вещей. Мѣра же человѣка—время. Неустанно идетъ оно, неустанно разрушаетъ и творитъ, и снова обращаетъ въ прахъ, чтобы вести вѣчный круговоротъ бытія. Смотри,—подъ солнцемъ прошла жизнь безчисленныхъ поколѣній. И вотъ меркнетъ и гаснетъ оно, и его объемлетъ вѣчность. Такъ несетъ его время въ своемъ неустанномъ теченіи, такъ вспыхнуло оно въ темныхъ пучинахъ пространствъ, какъ свѣча темной ночью,—блеснетъ и, дрожа, проливаетъ невѣрные отсвѣты, и тухнетъ, и мракъ поглощаетъ дрожащій кружокъ свѣта. И ты, какъ тѣнь, прошелъ по землѣ. Какъ тѣнь птицы, мелькнувшая по водѣ, прошелъ ты, чтобы пропасть въ безднѣ. Лаской озаряется жизнь человѣческая. Страсти бушують въ ней, въ малой точкѣ бытія. Призраки времени, живущіе малую часть мгновенія. Время дуновеніемъ своимъ уноситъ ихъ, и слѣдъ ихъ пропадаетъ въ вѣчности. Крѣпко, крѣпче всего привязанъ человѣкъ къ человѣку и въ немъ ищетъ смыслъ и цѣль бытія. Но время течетъ, и рвутся скрѣпы между людьми, какъ невидимая паутина.

— И забываютъ?

— Забываютъ.

— Не всѣ,—съ тоской сказалъ я.

— Всѣ.

Я проснулся и долго лежалъ безъ движенія съ закрытыми глазами. Чудилось далекое пѣніе, и въ окно долетали звуки прекраснаго, полнаго печали голоса. Тихо во мнѣ. Лишь гдѣ-то далеко-далеко шевелится смутное, какъ облако... тоскливое...

— Я умру. Но зачѣмъ ты пришелъ пугать меня?.. Я умираю, но еще стою на землѣ. Еще живу я, и, знаешь ли, Гаутама, — кажется, мнѣ жаль ея, моей жизни... Зачѣмъ такъ свирѣпо рвать ее, развѣ много надо, чтобы она потухла?.. Вотъ еще цѣпляюсь я за обломки ея, и молча

ждетъ меня слѣпая тьма. Съ каждымъ мгновеньемъ гаснетъ надежда... Темнѣетъ... Мнѣ страшно, Гаутама... Я падаю... Гдѣ же ты?.. Я тебя не вижу... Я падаю...

Я протягивалъ къ нему руки, но онѣ, какъ желѣзныя, какъ парализованныя, не поднимались. Ужасъ росъ во мнѣ и шевелилъ волосы. Несказанно-страшное вѣяніе, какъ туманъ изъ бездны, касалось меня. Я понялъ, что умираю...

Еще мгновеніе—и я сидѣлъ на постели, въ оцѣпенѣніи прислушиваясь къ уходившей волнѣ ужаса. Онъ прошелъ, прошелъ надъ моей головой, и я боялся пошевелиться...

— Вздоръ... пустяки...—говорилъ я самъ себѣ.

Нѣтъ, онъ что-то оставилъ послѣ себя, свои частицы въ углахъ и щеляхъ. Почему такъ странно глядятъ всѣ предметы? Въ нихъ что-то страшное, зловѣщее... Я оглядываюсь. Человѣка бы, живого человѣка—обнять его, прижаться къ нему, чтобы онъ отогналъ этотъ ужасъ! Нѣтъ... Я умираю... Что-то чудовищное уноситъ меня, какъ соломинку. Я чувствую—*она* сейчасъ начнетъ душить меня!... Нѣтъ, только не сейчасъ... Не надо... ради Бога... помогите же мнѣ!..

Я сбросилъ простыню и, молча, стиснувъ зубы, побѣжалъ къ двери. Печка холодна, какъ трупъ. Несокрушима дверь. Но въ прозорку глядитъ на меня человѣческій глазъ. О, какъ это хорошо! Въ нѣсколькихъ вершкахъ отъ моего лица—черный, живой человѣческій глазъ!

— Вамъ чего угодно?—спрашиваетъ меня изъ-за двери корявый голосъ.

Я жадно гляжу въ глазъ, жадно слушаю голосъ и начинаю приходить въ себя. Я—живъ. Но смерть была здѣсь въ камерѣ, и я боюсь оглянуться назадъ...

Я живъ!.. Да, да... Вотъ онѣ, мои руки, ноги, вотъ я щупаю голову—все это живое, теплое, милое... И вижу кругомъ себя печку, столъ, постель съ упавшей простыней... Я живъ!.. Какъ прекрасно жить! Подождите, надо лечь... Вотъ такъ... Ухъ, какая усталость! Но это ничего, я чувствую свое тѣло. Оно сладко отдыхаетъ и смѣется отъ радости. Если я сейчасъ позову дежурнаго и скажу, чтобы дали ѣсть, мнѣ сейчасъ же принесутъ горячаго бульона и ломтикъ хлѣба. Для начала будетъ довольно. А потомъ буду ѣсть, ѣсть, ѣсть... И ноги мои станутъ крѣпнуть и отдыхать. Я буду жить, я хочу жить. Только бы жить! Опять увижу небо и дома... Вздоръ какой... Ужасъ какой—смерть... Тюремная нелѣпость, трагедія „Смерть изъ-за Сачко". Будь другой начальникъ, помягче,—и не пришло бы въ голову заниматься самоубійствомъ. Отдохну немного

и скажу, чтобы дали ѣсть. Пусть думаютъ, что хотятъ, а я буду жить! И какъ мнѣ не пришло ниразу въ голову, что великіе страстотерпцы сидѣли въ казематахъ долгіе, долгіе годы и жили. Потомъ вышли и жили, любили и работали. Сачко тоже тюремный служака, какъ Наливкинъ. Барбосъ. Пусть оретъ и сажаетъ въ карцеръ,—я буду жить. Пріѣдетъ Нина, а я ей скажу: „Что, братъ, Нинка, натерпѣлась страху? А я—вотъ онъ!“ Только немножечко отдохну, а то, чуть пошевельнусь, сердце бѣснуется и стучитъ, какъ по наковальнѣ. Всѣхъ увижу... Слышите, я опять съ вами!.. Я живъ, живъ, я живу, я возвратился къ вамъ, родные мои... Вѣдь не поздно? Я удержался на послѣдней грани. Какъ прекрасно жить!..

У помощника было испуганное лицо. Онъ наклонился надо мной и трясъ за плечо.

— Господинъ Нелидовъ... встаньте... Встаньте, пожалуйста!..

Должно быть, они приняли меня за мертваго.

Я долго не могъ сообразить, гдѣ я, и что со мной, и глядѣлъ на склонившееся бородатое лицо Боровкова съ краснымъ носомъ, пока не понялъ, что я въ тюрьмѣ, а передо мной—тюремщики.

— Что такое?.. Чего вамъ нужно?..

— Повѣрка, понимаете, повѣрка,—басилъ Боровковъ, у котораго отлегло отъ сердца.—Потрудитесь подняться.

— Убирайтесь вонъ!.. — крикнулъ я, затрясшись отъ злости.

Онъ что-то бормоталъ и не уходилъ.

— Уходите!..—закричалъ я, поднимаясь на локтѣ.

Они ушли. Въ окно глядѣлъ мутный день. Запаутиненный уголъ, грязныя стѣны, желтая избитая дверь, и въ прозоркѣ—глазъ. Я лежу, а онъ все смотритъ съ тупымъ любопытствомъ. Здѣсь всегда такъ смотрятъ, какъ на скотину. Если понадобится, они войдутъ, схватятъ, станутъ переворачивать, разсматривать каждую часть тѣла, будутъ совать въ ротъ пальцы... Бр-р...

Вчера... „Вчера“ осталось гдѣ-то далеко,—одинъ изъ тюремныхъ призраковъ въ вихрѣ призраковъ и галлюцинацій. Возмущеніе противъ смерти. Что-жъ, развѣ это ужъ такъ плохо или такъ постыдно? Ничего, братъ, ничего, это бываетъ со всѣми. Бываетъ и хуже. Стало страшно, а потомъ жалко. Чего? Тюрьмы? Ссылки или каторги? Повѣрокъ, обысковъ и мучительства?

Начинается день. Изъ корридора уже доносится глухой

тюремный шумъ. Начинается день. Когда же будетъ послѣдній день!

Ну, вотъ—я съ тобой. Идемъ. Вотъ гора съ каменной верхушкой, на которую мы смотрѣли, запрокидывая головы. Она по прежнему купаетъ въ морѣ свою подошву. Идемъ. мимо скалъ, послушаемъ шумъ прибоя. Станемъ, какъ и тогда, бросать камни въ сердитое море. Пройдемъ садами, а когда зачернѣетъ крыша нашего дома, перепрыгнемъ канаву и пустимся бѣжать.

Леля спитъ. Милая моя Леля! Я, другъ мой, видѣлъ ее очень давно. У нея былъ такой чудесный черный пучекъ на затылкѣ, хотя вся она была не больше трехъ четвертей. Ты смѣялась, показывала ее и говорила... Что ты мнѣ говорила? Что же это?.. Я забылъ!.. Какъ же я забылъ?..

Мы идемъ черезъ веранду.

— Посиди, ты вѣдь усталъ,—говоришь ты.

— О, да, я очень усталъ. Я такъ усталъ, что не могу уже жить.

Это—бредъ... Я открою глаза—и никого нѣтъ въ угрюмой пустотѣ камеры. Какъ тяжело, родная...

Вечерѣетъ. Море уходитъ въ туманную мглу и тяжело шумитъ внизу у берега. Въ густѣющихъ сумеркахъ мелькаютъ огоньки. И я, какъ въ первый разъ, ищу вашего. Вотъ одинъ ласково свѣтитъ въ сторонѣ. Не тамъ ли мои милые?.. Я дойду до нихъ усталый, съ пыльными ногами. Отъ этой усталости будетъ крѣпко спаться.

Зачѣмъ ты смотришь такъ печально?.. И тѣни на худыхъ щекахъ... и протянутыя руки... Оставь! Уйди, или я зареву и стану биться головой объ стѣну... Ну, говори же, говори: „у тебя жена и дѣти“...

Подожди... Ужасъ опять шевелится во мнѣ. Я вижу его въ твоихъ сѣрыхъ, неподвижно раскрытыхъ глазахъ. Ты понимаешь, какъ они толкали меня въ бездну! Я цѣплялся и вылъ отъ страха, а они отдирали мои руки и сбрасывали все ниже, все ближе къ пропасти... Удержи меня... Помоги мнѣ... Жена моя... василекъ мой... Какъ я люблю тебя!..

Тонкій протяжный вой наполняетъ камеру, и я со стономъ открываю глаза, преодолѣвая страшную тяжесть.

Кончено! Все кончено! Я больше не увижу ея!

Подъ простыней—бѣлое мое тѣло; слабо обозначились ступни ногъ. Вонъ онѣ слабо зашевелились. Въ груди дрожитъ, и къ горлу подступаютъ рыданья. Буду плакать... Ну, вотъ—все заискрилось, заиграло въ блескѣ сквозь пелену, потонуло въ туманѣ. Такъ сладко плакать о ней, о себѣ, о своей жизни, почувствовать себя маленькимъ ребен-

комъ, жаловаться кому-то и рыдать,—рыдать, припавъ лицомъ къ подушкѣ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и не удерживая слезъ...

Четырнадцатый день.

Спокойно. Послѣ того дня стало спокойно, что-то оборвалось внутри. Какъ будто я жилъ много-много годовъ, все пережилъ и ото всего отошелъ. Теперь я беззвучно и все быстрѣе опускаюсь въ бездонный колодецъ, и наверху, далеко за мной, остались надежды и муки. Рано пробилъ часъ мой. Но когда онъ настаетъ—всѣ пути, и короткіе, и длинные, сравниваются передъ лицомъ вѣчности. Крѣпокъ будетъ сонъ, и никто не потревожитъ спящаго.

Одно еще живетъ и бьется во мнѣ—ненависть. Сегодня на повѣркѣ Наливкинъ наклонился надо мной, не взирая на святыя тюремныя правила, и залепеталъ:

— Господинъ Нелидовъ... Можетъ, у васъ что болитъ?.. Или въ чемъ нуждаетесь? Можетъ быть, сдѣлаете заявленіе?

У него было испуганное лицо съ вытаращенными глазами, дергалось вѣко, и ротъ былъ похожъ на зловѣщую яму. Я посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Убирайтесь къ чорту съ вашими заявленіями.

Нѣтъ, други мои, всѣ вы выросли на одномъ деревѣ. А если придетъ Сачко, я его ударю. Потихоньку дотянусь до стола, возьму стаканъ или книгу и запущу въ лицо. И у тебя, старичокъ Наливкинъ, шкуру не отдерешь отъ души. Нѣтъ, не нужно смѣяться. Я не прощу имъ до послѣдняго издыханья. Мы, какъ муравьи, собираемъ зерно къ зерну каждую муку, каждый ударъ, каждое поруганье. И все должно быть сохранено. Каждый плевокъ ихъ... Какъ муравьи, падаемъ мы подъ ноги, чтобы черезъ насъ проѣхала тяжелая колесница судьбы. И, падая, говоримъ одно: помните! Завѣщаемъ одно вамъ, живые: помните, помните!..

Что это? Я, какъ будто, надъ озеромъ. Сквозь прозрачную воду видны камни и темные водоросли, и надъ спокойной водой толкутся съ тонкимъ пѣньемъ комары, глядясь въ свое отраженіе. Лѣсъ замеръ и одѣвается сумракомъ, замерли темные дубы. Такъ тихо, словно все умираетъ...

Когда окончится мой день, мы, Гаутама, полетимъ съ тобой въ дальнюю дорогу, обнявшись, какъ братья. Сядемъ здѣсь, на гребнѣ стѣны. Вотъ—тюрьма, приземистое чудовище. Смотри, какъ засвѣтились окна—какъ будто она раскаляетъ внутренности и смотритъ сотней огненныхъ зрачковъ. Степь одѣлась сумракомъ, и не видно дальнихъ кургановъ. Прощай, проклятая тюрьма! Мы летимъ надъ полями, надъ городами, которые сіяютъ, какъ кучи звѣздъ,

надъ деревнями, гдѣ мерцаютъ одинокіе огоньки, надъ пустынной равниной моря. Потомъ станемъ отдѣляться отъ земли и понесемся въ темный куполъ неба навстрѣчу недвижно мигающимъ звѣздамъ. Вѣчность, Гаутама, вѣчность! Тамъ мы отдохнемъ.

За дверями—тихая возня. Потомъ стихаетъ. Безмолвно и важно заполняютъ камеру сумерки.

Веніаминъ Дубовской.

ПРИЛИВЪ.

Вершины горъ глубокимъ сномъ объяты...
Лишь въ заревѣ угаснувшаго дня,
Сквозь дымку тучъ, горитъ хребетъ зубчатый
Въ парчѣ кудрей изъ снѣга и огня.

Идетъ приливъ... Поднялся валъ косматый,
Сверкаетъ зыбь алмазнаго гребня:
На царство скалъ,—неволи врагъ заклятый,—
Онъ ринулся, кольчугою звеня!

Упалъ... затихъ... Мерцаютъ на обрывѣ,
Какъ вешній градъ на обнаженной нивѣ,
Крупинки брызгъ, брильянты горькихъ слезъ...

Онъ не разбилъ скалы гранитной темя,
Но вслѣдъ идетъ валовъ мятежныхъ племя—
Гремитъ прибой, дрожитъ сѣдой утесъ!

С. Ивановъ-Райковъ.

РОКОВЫЯ СИЛЫ.

Романъ Густава афъ-Гейерстама.

Пер. А. Брунберга.

XII.

Мечтой показалась Оскару Стейнерту возможность поѣхать къ старику. Въ душѣ онъ былъ благодаренъ Торѣ, что она, почти противъ его воли, заставила его рѣшиться на эту поѣздку. Вотъ мѣсто, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство, этотъ маленькій городокъ, начинающій разрастаться, эти улицы, на которыхъ онъ выкидывалъ свои школьническія шалости, старыя деревья вокругъ церкви, подъ которыми онъ грезилъ свои дѣтскія грезы и жаждалъ стать взрослымъ Давно ужъ это было, давно. Все случившееся съ тѣхъ поръ кажется ему однимъ безпрерывнымъ сномъ, отъ котораго онъ не знаетъ, когда проснется. При всѣхъ этихъ воспоминаніяхъ у него становится тепло на сердцѣ. Онъ бродитъ по улицамъ и долженъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы наружно остаться хладнокровнымъ и спокойнымъ. Прохожіе съ любопытствомъ глядятъ на человѣка, который повсюду останавливается и осматривается.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ сидитъ въ простенькой комнаткѣ магистра со старымъ кожанымъ диваномъ, потертымъ письменнымъ столомъ изъ корельской березы, трубками на столѣ и маленькимъ дѣтскимъ портретомъ надъ диваномъ. Старикъ почти не измѣнился, онъ сталъ лишь нѣсколько меньше прежняго, точно старость сдавила его. Стейнертъ чувствуетъ, что къ нему возвращается извѣстная доля почтительности школьника, когда онъ смотритъ въ бородатое лицо съ этими глазами, которые онъ понимаетъ теперь гораздо лучше, чѣмъ прежде. Старикъ радостно взволнованъ по поводу посѣщенія Стейнерта и безпрестанно говоритъ объ этомъ. Жена его, маленькая брюнетка съ добрыми, дружелюб-

выми глазами и съ изящными манерами, то уходитъ, то опять приходитъ, остается нѣкоторое время въ комнатѣ, прислушивается къ разговору, но затѣмъ опять исчезаетъ въ кухню.

Стейнертъ пересталъ говорить; онъ разсказалъ то, что могъ и что хотѣлъ разсказать про свою жизнь. Онъ обратился къ старику, говоря:

— А ты все время провелъ здѣсь?

— Да,—отвѣчаетъ старикъ,—конечно. Было бы недурно по временамъ уѣзжать отсюда. Но какъ то все не удается.

Онъ нѣкоторое время молчитъ, какъ бы думая о чемъ-то, затѣмъ беретъ изъ серебряной табакерки большую щепотку табаку и вытираетъ бороду громаднымъ краснымъ носовымъ платкомъ. Глаза его изъ-за очковъ сверкаютъ. Онъ кашляетъ, какъ бы припоминая что-то. Когда жена его выходитъ изъ комнаты, онъ говоритъ тихо, словно боясь, чтобы она не разслышала:

— Все вѣдь стало совершенно инымъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ ребенокъ. Если-бъ онъ жилъ, онъ былъ бы теперь ужъ старымъ человѣкомъ. Да, да.

Воспоминаніе это глубоко засѣло въ немъ. По голосу, по всему выраженію его лица Стейнертъ видѣлъ, какъ оно въ немъ живо.

— Какъ это однако случилось? Отъ чего онъ умеръ?— спрашиваетъ Стейнертъ.

Старикъ опять смотритъ на дверь, словно боясь, чтобы не разслышали его, и тѣмъ же тихимъ голосомъ говоритъ:

— Мы въ воскресенье отправились на прогулку. Послѣднее воскресенье передъ окончаніемъ семестра. Всю дорогу онъ шелъ пѣшкомъ. Для своихъ лѣтъ онъ былъ сильнымъ мальчикомъ. И онъ такъ радовался, что гулялъ со мною. Никогда онъ еще не былъ такъ доволенъ, какъ тогда. Жена всегда говорила, что я его балую. По временамъ она ревновала ко мнѣ ребенка. Да, да.

Дружелюбная, юмористическая улыбка пробивалась черезъ его строгую сѣдую бороду, точно солнечный лучъ черезъ густыя тучи.

— Теперь все это прошло,—продолжалъ онъ.—Преодолѣлъ, могу сказать. Но я бы не хотѣлъ, чтобъ жена слышала, что мы говоримъ о ребенкѣ. Мнѣ кажется, я ужъ и такъ слишкомъ много говорю о немъ, хотя съ тѣхъ поръ прошло столько времени. Я хотя и не вижу въ этомъ ничего дурного, однако мнѣ кажется, что я слишкомъ много любилъ его, и потому Богъ отнялъ его у меня. О такихъ вещахъ не слѣдуетъ говорить слишкомъ много. Нѣтъ, нѣтъ, нельзя этого дѣлать.

Магистръ сидѣлъ на диванѣ, поддерживая голову рукой. Онъ, какъ будто, говорилъ самъ съ собой, и воспоминанія стали пробуждаться въ немъ одно за другимъ. Очки его какъ будто стѣсняли: онъ поднялъ ихъ на лобъ, такъ что его синіе глаза съ робкимъ дѣтскимъ взглядомъ засвѣтились свободно.

— Я здѣсь сталъ немного одинокъ,—продолжалъ онъ.— Объ этомъ мы поговоримъ послѣ. Я никогда не забуду, какъ я въ послѣдній разъ былъ здѣсь вмѣстѣ съ моимъ мальчикомъ. Онъ такъ радовался, что кончились занятія въ училищѣ, и что онъ здѣсь со мною одинъ. Мы всегда были болѣе всего довольны тогда, когда бывали вмѣстѣ одни. Мы здѣсь переночевали. Онъ спалъ въ моей постели, и я, засыпая и просыпаясь, чувствовалъ возлѣ себя его маленькое худенькое тѣльце. Здѣсь онъ, вѣроятно, и простудился, и черезъ нѣсколько дней ужъ былъ мертвъ. Да, да.

Старикъ кашляетъ и замолкаетъ. Тихо проскользнула въ комнату его жена и садится въ кресло у двери. По выраженію ея лица, Стейнертъ видитъ, что она прекрасно знаетъ, о чемъ они говорили, и что она къ этому привыкла. Нѣкоторое время слышно лишь тиканье старыхъ стѣнныхъ часовъ.

Медленно проходятъ часы. Стейнертъ наслаждается покоемъ. Онъ понимаетъ, что его посѣщеніе является въ этомъ домѣ великимъ событіемъ, рѣдкимъ перерывомъ тихой обыденной жизни этихъ двухъ людей. Прежде чѣмъ онъ пріѣхалъ, о пріѣздѣ его думали многіе дни. Поэтому все здѣсь такъ чисто и прибрано. Полъ блеститъ, пестрыя дорожки кажутся новыми. На окнахъ висятъ бѣлыя гардины, ярко вычищенные блестятъ серебро, мѣдь, фарфоръ и мебель. Столъ богато убранъ. Въ ожидающей его комнатѣ пахнетъ свѣжимъ ельникомъ, чистая и свѣтлая кровать съ пестрымъ шелковымъ одѣяломъ стоитъ за бѣлыми занавѣсками, и старая зеленая изразцовая печь блеститъ свѣже-вымытая на фонѣ пестрыхъ обоевъ. Стейнертъ, кажется, видитъ, какъ оба старика его ждали, обо всемъ говорили, все устраивали, окружали его атмосферой дружбы, еще прежде чѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ все это чувствуетъ, вся окружающая его дружба дѣйствуетъ на него благотворно. Противоположность между его собственной жизнью и тѣмъ, что онъ здѣсь видитъ, занимаетъ его мысли, не нарушая его спокойствія. И онъ весь вздрагиваетъ, точно при воспоминаніи, которое совершенно не подходитъ къ этой уютной обстановкѣ, когда старая дама спрашиваетъ его:

— Вашъ отецъ еще живъ, г-нъ адвокатъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ.—Онъ умеръ. И моя мать

также,—прибавляетъ онъ, какъ бы желая предупредить второй вопросъ.

— Да, да,—говоритъ магистръ,—скоро изъ стариковъ останемся одни лишь мы.

Оскаръ Стейнертъ думаетъ о своей родинѣ. Его пронизываетъ мысль, что онъ далъ родителямъ такъ мало съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ отъ нихъ. Ему кажется почти, что этимъ старикамъ, которые въ сущности чужіе ему, онъ болѣе близокъ, чѣмъ своимъ родителямъ, которыхъ онъ вообще зналъ очень мало. „Своихъ родителей нельзя выбрать", думаетъ онъ и тутъ же замѣчаетъ, какъ мало гармонируетъ эта холодная мысль со всей окружающей его теперь обстановкой.

Старушка опять исчезаетъ также молча, какъ вошла, и старикъ опять начинаетъ говорить.

— Много сказать ужъ не приходится, но скорѣе всего говоришь, вѣдь, о томъ, о чемъ постоянно думаешь.

Позже магистръ со Стейнертомъ вышли изъ дому, осмотрѣли конюшни, пришли къ полямъ, гдѣ уже стала желтѣть рожь, и уже собирали кормовыя травы. Стейнертъ видѣлъ, какія сердечныя, довѣрчивыя отношенія установились между старикомъ и его рабочими. Какъ будто угадывая его мысли, магистръ замѣтилъ:

— Я былъ довольно строгъ со своими учениками. По временамъ я раскаивался въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ. Но никогда въ моихъ намѣреніяхъ не было ничего дурного. Здѣсь, среди народа, я ужъ не могъ бы быть такимъ. Я бы не могъ жить безъ нихъ.

Окрестность чудесная. Іюльскій вечеръ мягокъ и нѣженъ. Березовыя рощи чередуются съ лѣсной чащей, посреди пашенъ поднимаются кусты дубняка, а тамъ дальше, гдѣ заходитъ солнце, дрожатъ золотисто-красные листья осинъ.

Окольной тропинкой они возвращаются къ саду, надъ которымъ поднимается выгнутая черепичная крыша дома. Грядки только что взрыты, деревья пестрятъ незрѣлыми плодами. Въ одномъ углу сада есть мѣсто, откуда открывается далекій видъ на луга и поля. Внизу узкой свѣтлой лентой вьется рѣка. Тутъ же стоитъ старая липа, окруженная зеленой скамейкой. Они садятся, и старикъ говоритъ:

— Это мое любимое мѣсто. Каждый вечеръ, когда только могу, я прихожу сюда посидѣть. Большею частью, одинъ. Фридерикѣ трудновато ходить. Здѣсь такъ красиво!

Онъ бросаетъ взглядъ на открывающійся передъ нимъ видъ. Широкая свѣтлая стѣна изъ облаковъ поднимается надъ солнцемъ, пурпурными полосами протягивается по небесному своду и наверху переходитъ въ маленькія облачка, которыя, какъ будто, свободно висятъ въ свѣтломъ воздухѣ.

— Мы стали совершенно одинокими,—продолжаетъ старикъ. И, бросая на своего гостя пугливый и вопросительный взглядъ, прибавляетъ:

— Ты, можетъ быть, слыхалъ, что я тутъ дѣлалъ послѣдніе годы?

— Нѣтъ,—возразилъ Стейнертъ, нѣсколько удивленный.

Голосъ старика сталъ почти торжественнымъ. При этомъ онъ былъ нѣсколько смущенъ, какъ часто смущаются старики, когда они боятся критики молодыхъ.

Задумчиво качая головой, онъ продолжалъ:

— Это хорошо. Тогда я могу самъ тебѣ все разсказать. Знаешь ли ты, что земля эта не принадлежитъ уже мнѣ?

Стейнертъ весь вздрагиваетъ. Онъ не понимаетъ. У старика счастливый и вмѣстѣ съ тѣмъ смущенный видъ.

— Это такъ,—продолжаетъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.—Я подарилъ ее тѣмъ, которые работаютъ здѣсь. И каждый годъ они уплачиваютъ мнѣ сумму, которая хватаетъ на жизнь мнѣ и старухѣ моей.

— А потомъ—когда тебя ужъ не будетъ въ живыхъ?—спрашиваетъ Стейнертъ.

— Тогда земля имъ будетъ принадлежать полностью. Они ее раздѣлятъ между собою. Я, видишь ли, тоже немного соціалистъ, на свой манеръ.

Глаза старика блестѣли отъ удовольствія, какъ будто онъ радовался, что сказалъ уже самое трудное. А такъ какъ критики, которой онъ ожидалъ, не послѣдовало, онъ заговорилъ опять:

— У меня всегда были свои собственныя мысли о томъ, какъ люди живутъ другъ съ другомъ. Многое нахожу я не совсѣмъ въ порядкѣ.

Его кроткіе глаза загораются какой-то странной рѣзкостью. Упавшимъ голосомъ онъ продолжаетъ:

— Я и читалъ кое-что объ этомъ, и эта мысль была у меня ужъ давно: если-бъ каждый, кто владѣетъ чѣмъ-нибудь, захотѣлъ раздѣлить свою собственность, міръ былъ бы и счастливѣе, и лучше. Вначалѣ я говорилъ себѣ: если только ты одинъ раздаришь то, что у тебя есть—кто тебѣ скажетъ спасибо за это? Я долго, очень долго думалъ объ этомъ. Я жилъ здѣсь въ моемъ владѣніи и бралъ то, что мнѣ принадлежитъ. Я всегда былъ экономенъ, и когда я успѣлъ отложить кое-что, я, наконецъ, спросилъ себя: для кого ты, собственно, копишь? Жена моя и родные мои обезпечены, даже болѣе чѣмъ обезпечены. Одно время я думалъ, что собираю для своего сына, и потребовалось не мало времени, пока я не уяснилъ себѣ, что это одна лишь фраза, что я, въ сущности, собираю для себя самого. Я замѣтилъ, ви-

дишь ли, что деньги мнѣ дороги,—а это опасно. И вотъ наступилъ день, когда Богъ отнялъ у насъ мальчика.

Старикъ разомъ остановился. Онъ вытащилъ носовой платокъ и началъ сморкаться такъ громко, что Стейнертъ невольно улыбнулся, такъ какъ это напомнило ему о школьномъ времени. Магистръ этого не замѣтилъ и опять заговорилъ взволнованнымъ голосомъ.

— Жена моя была другого мнѣнія. Между нами произошла размолвка. Но, когда мы остались здѣсь одни, наши взгляды стали какъ бы ближе другъ другу. Она уступала мнѣ шагъ за шагомъ, и теперь она ужъ не жалуется.

Оскаръ Стейнертъ слушаетъ исповѣдь человѣка, боровшагося съ самимъ собою, и въ немъ не поднимается ни одно изъ тѣхъ возраженій, съ которыми онъ обыкновенно обрушивался на теоріи и поступки людей. Онъ смотритъ на старика и вдругъ понимаетъ, что совѣсть, какую можно представлять себѣ лишь въ воображеніи, является источникомъ всѣхъ поступковъ этого человѣка. Совѣсть заставляла быть строгимъ въ качествѣ отца, совѣстливость же не давала ему назвать своей попираемую имъ землю. Строгій видъ старика находился въ какомъ-то странномъ противорѣчіи съ мечтательнымъ свѣтомъ его глазъ и дрожащими губами.

Старикъ взглянулъ на лежащія передъ нимъ поля и продолжалъ:

— Я на все это могу теперь смотрѣть спокойно, потому что оно не принадлежитъ мнѣ. Но это ужъ сдѣлало насъ нѣсколько одинокими. Окрестнымъ помѣщикамъ то, что мы сдѣлали, не совсѣмъ-то понравилось, крестьянамъ еще меньше, а пастору меньше всего. Онъ однажды громилъ высокомѣріе и такъ расписалъ съ своей каѳедры образъ высокомѣрнаго человѣка, что всякій могъ узнать въ немъ меня.

Старикъ горько улыбнулся. Но какъ будто сожалѣя, что хоть это сказалъ въ свою защиту, онъ заговорилъ опять:

— И у меня, конечно, есть свои недостатки. И я поэтому кое-чего да заслужилъ. Я знаю, что всѣ эти мысли были у меня гораздо слабѣе, пока жилъ нашъ мальчикъ. Я ужъ много разъ думалъ объ этомъ: вѣдь это удивительно, что онъ долженъ былъ умереть для того, чтобъ я обрѣлъ въ себѣ покой. Пока онъ жилъ, я, казалось, забылъ всякую благодарность. Все, что мнѣ принадлежало, я получилъ вѣдь отъ другихъ. Я получилъ наслѣдство, и моя жена также. Я, собственно, никогда не могъ примириться съ тѣмъ, что все это должно стать моимъ. Я думалъ о словахъ: „Не собирайте сокровищъ на землѣ. Ибо, гдѣ ваше сокровище, тамъ и сердце ваше“. Но пока мальчикъ жилъ, я не вни-

калъ въ глубокій смыслъ этихъ словъ. Да, да, такъ это и было.

Медленно возвращаясь домой, магистръ сказалъ—и лицо его стало рѣзкимъ, какъ на каѳедрѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ веселымъ и свѣжимъ:

— Ты думаешь, что я старый дуракъ, который возится съ какими-то загадками и думаетъ еще при этомъ, что онъ совершаетъ что-то хорошее. Но я иначе не могъ. А что сдѣлано, то сдѣлано.

Когда они вернулись домой, столъ былъ уже накрытъ. По взглядамъ, которыми обмѣнялись старики, Стейнертъ видѣлъ, что фру Бьоркенъ знаетъ своего мужа и понимаетъ, о чемъ они бесѣдовали.

Они разошлись рано. Долго еще Стейнертъ сидѣлъ въ свѣтлой комнатѣ для гостей передъ окномъ и думалъ объ этомъ единичномъ разрѣшеніи соціальнаго вопроса, на которое онъ такъ неожиданно натолкнулся. Его охватывала мысль, какъ простъ, какъ далекъ отъ всякаго тщеславія и какъ силенъ былъ этотъ поступокъ, который является плодомъ человѣческой жизни. Онъ вспомнилъ теперь, что слыхалъ, какъ объ этомъ человѣкѣ отзывались, какъ о скупцѣ, потому что онъ былъ бережливъ, какъ объ оригиналѣ, потому что онъ думалъ не такъ, какъ другіе, какъ о жесткомъ человѣкѣ, потому что былъ требователенъ къ другимъ и къ самому себѣ. И все-таки въ немъ нѣтъ ни малѣйшей злобы противъ свѣта. Противодѣйствіе послѣдняго кажется ему необходимымъ для того, чтобъ на фонѣ этого противодѣйствія поступокъ старика выдѣлился настолько красиво, насколько онъ былъ красивъ въ дѣйствительности.

Стейнертъ оставался у магистра три дня. Когда онъ возвращался, ему казалось, будто онъ ужъ давно уѣхалъ изъ дому: такъ незамѣтно прошло это время, такъ заполненъ былъ для него каждый часъ борьбы этихъ обоихъ стариковъ съ жизнью, съ самими собою и другъ съ другомъ. Всѣ полки заставлены книгами; на маленькомъ столикѣ подъ доской для трубокъ лежитъ рядомъ Библія и Генри Джоржъ. Тутъ же и Толстой, и „Брандъ" Ибсена и переводы англійскихъ философовъ. Сюда же попала и современная нѣмецкая теологія и многое изъ шведской литературы, старой и молодой. Магистръ все это показывалъ ему, очень охотно говорилъ объ этомъ. Передъ гостемъ, пріѣхавшимъ изъ столицы и жившимъ въ большомъ свѣтѣ, старикъ хочетъ скромно сѣсть на школьную скамью, хочетъ, чтобъ его ученикъ научилъ его теперь многому, чего учитель уже не въ состояніи понять самъ.

Критиковать магистръ не хочетъ: онъ попросту выбираетъ то, что можетъ использовать для себя. Поэтому Генри Джоржъ лежитъ рядомъ съ Библіей. И Оскаръ Стейнертъ опять становится ребенкомъ и радуется тому, что разрѣшена одна изъ загадокъ жизни, разрѣшена поступкомъ одинокаго, неизвѣстнаго человѣка, который всю свою жизнь наполнилъ единственной, великой, основанной на наивномъ, дѣтскомъ благочестіи мысли, создающей героевъ и мучениковъ.

Когда Стейнертъ, наконецъ, уѣзжаетъ, оба старика стоятъ на лѣстницѣ. И по мѣрѣ того, какъ изъ его глазъ исчезаетъ усаженный липами и плодовыми деревьями садъ, у него является такое чувство, будто все это была лишь греза, которая охватила его, когда онъ вышелъ изъ вагона и сталъ бродить по улицамъ, знакомымъ ему съ дѣтскихъ лѣтъ. Ахъ! дорого далъ бы онъ за старость, которая была бы столь же богата воспоминаніями и столь же чиста, какъ старость магистра.

Лишь въ вагонѣ онъ опять ощущаетъ въ себѣ старое безпокойное чувство вѣчнаго возбужденія, къ которому онъ привыкъ такъ же, какъ люди привыкаютъ ко всему, даже къ самому плохому. И, прибывши, наконецъ, домой, онъ еще долго, долго тоскуетъ по томъ спокойствіи духа, которое онъ обрѣлъ у стариковъ...

Такъ прошло все лѣто. Чѣмъ ближе надвигался день, который долженъ былъ вернуть его къ старымъ условіямъ, тѣмъ сильнѣе Оскаръ Стейнертъ чувствовалъ, что ждетъ этого дня, котораго, казалось, такъ желалъ,—съ тайной боязнью. Онъ не могъ повѣрить этого ни одному человѣку, ни съ кѣмъ не могъ говорить объ этомъ... Меньше всего съ Торой Льюнгъ. Онъ чувствовалъ теперь въ ней критическое отношеніе къ своей женѣ, отношеніе, котораго онъ раньше и не замѣчалъ. И это чувство больше всего связывало его языкъ. Онъ ей очень многимъ былъ обязанъ; но, какъ только онъ объ этомъ заговаривалъ, Тора сейчасъ же обрывала его. И когда наступила осень, они разстались какъ братъ съ сестрой, которыхъ жизнь свела вмѣстѣ, и которые спокойно опять расходятся, считая это совершенно естественнымъ.

XIII.

Оскаръ Стейнертъ нанялъ новую квартиру. Это требовало отъ него нѣкоторой борьбы съ самимъ собой, такъ какъ онъ успѣлъ полюбить эти красивыя комнаты съ открытымъ видомъ изъ оконъ и очень неохотно оставлялъ мѣсто, въ

которомъ онъ въ теченіе столькихъ лѣтъ чувствовалъ себя такъ хорошо. Однако, забота о женѣ подавила всѣ его сомнѣнія. И когда она при послѣднемъ свиданіи сказала ему, что ей бы не хотѣлось опять увидѣть старую квартиру, адвокатъ пошелъ навстрѣчу этому желанію тѣмъ охотнѣе, что онъ и самъ думалъ, что новая обстановка подѣйствуетъ на его жену благотворнѣе, чѣмъ старая со всѣми ея мрачными воспоминаніями.

Въ томъ состояніи лихорадочнаго ожиданія, которое онъ переживалъ, ему пріятно было дѣлать что-нибудь для своей жены, и онъ не такъ-то легко удовлетворялся въ этомъ пунктѣ. Наконецъ, однако, онъ нашелъ квартиру на солнечной сторонѣ Нарвской улицы. Комнаты были заново отдѣланы, изъ оконъ открывался широкій видъ. Изъ выступа гостинной виднѣлась даже полоса воды и часть южнаго холма.

Когда, наконецъ, наступилъ день, въ который адвокатъ ожидалъ возвращенія своей жены, онъ все утро ходилъ по своей новой квартирѣ и подробно все осматривалъ. Онъ весь превратился въ тревогу и безпокойство. Его жена выразила желаніе, чтобъ онъ лучше не былъ при томъ, какъ она въ первый разъ вернется въ свой домъ. И, хотя это желаніе ея готовило ему мучительное утро ожиданія, онъ подчинился, какъ подчинялся въ этой области всему. Ему, правда, непріятно было, что дѣти увидятъ его жену раньше, чѣмъ онъ. И, когда онъ теперь глядѣлъ на деревья аллеи, которыя гнулись подъ напоромъ вѣтра при прохладныхъ лучахъ октябрьскаго солнца, настроеніе его было не такъ радостно, какъ онъ самъ того ожидалъ. На дворѣ кружились въ воздухѣ первые листья умирающихъ деревьевъ; а внутри въ первый разъ затопили каминъ. Адвокатъ бросилъ послѣдній взглядъ на квартиру, чтобъ удостовѣриться, что все въ порядкѣ. Единственно, чего недоставало еще, были старинные стѣнные часы, которые были ему обѣщаны на сегодня и все же не были еще принесены. Немного раздраженный, онъ подошелъ къ телефону и позвонилъ. Часы должны были послужить сюрпризомъ для фру Элленъ, но поправка отняла слишкомъ много времени. Ему было чрезвычайно непріятно, что теперь, когда ему надо было уходить, часы не были еще на мѣстѣ. И онъ отнюдь не склоненъ былъ принимать за чистую монету увѣренія часовщика, что у него случилось несчастіе.

Онъ второпяхъ посмотрѣлъ на карманные часы и увидѣлъ, что ему пора уходить. Его жена могла прибыть менѣе, чѣмъ черезъ полчаса, а онъ ни за что не хотѣлъ рискнуть встрѣтиться съ нею здѣсь, вопреки ея желанію. Онъ обмѣнялся немногими словами съ дѣтьми, которыхъ встрѣтилъ

на лѣстницѣ, попросилъ ихъ поклониться матери и ушелъ.

Робинъ и Эбба безъ дѣла бродили по квартирѣ. Этотъ день казался имъ несказанно торжественнымъ,—торжественнымъ и все-таки жуткимъ, какъ будто могло свершиться нѣчто ужасное. Отецъ для нихъ, какъ и для многихъ дѣтей ихъ возраста, игралъ лишь незначительную роль. Папа работалъ; когда онъ бывалъ дома, онъ всегда сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Играть съ ними ему было некогда, говорить съ ними онъ не умѣлъ. Послѣднимъ лѣтомъ онъ просто предоставилъ ихъ Торѣ и былъ радъ, что она сняла съ него бремя, которое такъ тяжело давило его. Онъ чувствовалъ себя дома болѣе или менѣе хорошо и спокойно лишь потому, что вездѣ видѣлъ ея твердую, распорядительную руку, которая поспѣвала повсюду. У нея, онъ это зналъ, дѣти были въ вѣрныхъ рукахъ. И это сознаніе позволяло ему удалиться, жить отшельникомъ, который переходитъ отъ работы къ отдыху и отъ отдыха къ работѣ. Робинъ и Эбба поняли это по-своему и болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, отдалились отъ отца. Онъ все больше и больше становился въ ихъ глазахъ тѣмъ, чѣмъ былъ въ глазахъ большинства, — оригиналомъ, который сторонится людей и отстраняетъ ихъ отъ себя. Что отецъ уходилъ теперь изъ дому, ихъ совершенно не удивляло: до такой степени они привыкли не видѣть его дома.

— Ты думаешь, мама такая, какъ всегда?—спросила Эбба, когда отецъ ушелъ.

— Почемъ я знаю? — отвѣтилъ Робинъ, почти сердито. Робинъ, какъ старшій, былъ еще въ большемъ напряженіи, чѣмъ сестра. Но такъ какъ Эбба была моложе его, онъ все-таки считалъ нужнымъ придерживаться по отношенію къ ней нѣкоторой осторожности.

Однако, Эбба не такъ скоро удовлетворилась.

— Ты думаешь, мама тосковала по насъ?—спросила она опять.

— Разумѣется,—сказалъ онъ.

— Но почему же она ни разу не писала? И почему она даже не попрощалась съ нами?

— Ей нельзя было, развѣ ты этого не понимаешь?

Робинъ, весь съежившись, сидѣлъ на стулѣ у окна. У него было полное, круглое лицо, маленькіе живые глаза и хорошо причесанные, вьющіеся волосы. На всемъ его существѣ лежала печать чего-то обыденнаго, банальнаго, чего-то указывающаго на будущаго фата.

— Когда кто-нибудь такъ боленъ, какъ мама, то ему нельзя никому писать и ни съ кѣмъ говорить,—объяснялъ

онъ ей.—Человѣка просто запираютъ, и онъ не можетъ даже уйти, когда хочетъ.

Эбба вся тряслась.

— Ты думаешь, что то же было и съ мамой?

— Разумѣется. Я это знаю.

— Но почему?

— Чтобъ она ничего дурного не дѣлала!

Эбба вытаращила глаза. Въ этотъ моментъ она была не ребенкомъ, жалѣющимъ свою мать, а любознательнымъ человѣкомъ, жаждущимъ отвѣта на свои вопросы.

— Ты думаешь, что мама могла бы намъ причинить что-нибудь дурное?

Робинъ задумался.

— Это возможно, такъ какъ она вѣдь была не въ своемъ умѣ.

— Да, но теперь?

Онъ придалъ своему лицу презрительное выраженіе.

— Теперь она уже здорова, не то ей бы не дали вернуться домой.

Дѣти продолжали говорить о матери. Никто имъ ничего не разсказывалъ про нее. Отецъ потому, что не могъ, Тора потому, что не хотѣла. Антипатія, которую она въ душѣ питала къ женѣ Стейнерта, мѣшала ей говорить о ней. Каждый разъ, когда она хотѣла заговорить съ дѣтьми объ этомъ вопросѣ, ей казалось, будто она собирается оклеветать ихъ мать. Дѣти, въ свою очередь, не разспрашивали ея. Она была добра къ нимъ, и они къ ней льнули. Но что-то удерживало ихъ заговорить съ нею о матери: когда мать была здорова, тетя Тора никогда не приходила, они это знали и потому инстинктивно избѣгали этой щекотливой темы. Служанки были единственными людьми, отъ которыхъ можно было кое-что узнать, и этимъ источникомъ свѣдѣній дѣти пользовались усердно. То, что Эбба теперь спрашивала и Робинъ отвѣчалъ, все были лишь старые вопросы и отвѣты, которые они повторяли ужъ не разъ. Они все вновь возвращались къ этой темѣ не потому, что боялись лишиться матери—они вѣдь знали, что она вернется, и этой увѣренности имъ было достаточно—а лишь для того, чтобъ смягчить напряженіе, съ которымъ они поджидали звонка въ передней, и лишь потому, что они натолкнулись на первую великую загадку своей жизни, которой ни одинъ изъ нихъ не могъ разрѣшить... Въ теченіе лѣта они хотя временами и забывали о матери, но все-таки часто возвращались къ этому разговору. А съ тѣхъ поръ, какъ возобновились занятія въ школѣ, и они вернулись въ городъ, они гово-

рили объ этомъ каждый разъ, какъ только оставались вдвоемъ.

— Звонятъ!—крикнула вдругъ Эбба, привскочивъ съ мѣста.

— Нѣтъ, это на улицѣ,—отвѣтилъ Робинъ.

Оба нѣкоторое время сидѣли молча и прислушивались къ трамваямъ, проходившимъ по улицѣ.

Потомъ Эбба сказала:

— Ты думаешь, что человѣкъ, который былъ такъ боленъ, какъ мама, можетъ опять совершенно выздоровѣть?

— Разумѣется,—сказалъ Робинъ.

— Да, но совсѣмъ ли—я спрашиваю. Чтобъ съ увѣренностью знать, что она никогда не заболѣетъ вновь.

Эбба чувствовала безпокойство, которое внушало ей какой-то особенный страхъ. Робинъ былъ гораздо болѣе положительной натурой, чѣмъ сестра. Онъ глядѣлъ на міръ трезво и былъ поэтому настроенъ критически.

— Я боюсь!—сказала сестра.

— Чего-же?

— Подумай—если мама все-таки еще не совсѣмъ здорова!

Робинъ помимо воли заволновался. Такъ сестра еще никогда не говорила съ нимъ. Одиночество начало тяготить и его.

— Ты не должна бояться,—сказалъ онъ съ какой-то неуклюжей, смущенной мальчишеской любезностью.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила Эбба.—Я не буду.

Дѣти опять сидѣли, каждый на своемъ стулѣ, молча.

Вдругъ Робинъ вскочилъ.

— Теперь звонятъ!—крикнулъ онъ.

Съ пылающимъ лицомъ онъ бросился въ переднюю, чтобъ отпереть. Тамъ стояла мать. Онъ протянулъ ей руку и отступилъ на шагъ, чтобъ дать ей пройти. Мать обхватила дѣтей обѣими руками и потащила ихъ за собой въ столовую. Дверь въ переднюю они оставили открытой. На матери было длинное, темное пальто и новая шляпа. Дѣти стояли по обѣ стороны отъ нея и не знали, говорить ли имъ что-нибудь или расплакаться. Мать сняла съ себя пальто, опять обняла ихъ, цѣловала и потащила за собою въ гостинную. Потомъ она опустилась на стулъ и начала говорить имъ короткія, отрывистыя слова, слова радости и умиленія, какъ никогда не говорила ихъ раньше. И напряженность дѣтей уступила мѣсто радости, и они поняли, что мать, дѣйствительно опять, съ ними! Въ столовой слышны были шаги горничной, которая тихо вышла и заперла за собой дверь.

Эленъ Стейнертъ бродила по квартирѣ, осматривала все,

что ей было ново, все, что она знала... Она пошла въ кухню и поздоровалась съ прислугой, потомъ въ дѣтскую, въ свою комнату. Тамъ она оставалась долго. Послѣ того, какъ она ушла, дѣти переглянулись; они оба были поражены, что то немногое, что случилось, уже есть все. Они ждали гораздо большаго.

Между тѣмъ, наступило время идти въ школу, и Эбба, наконецъ, рѣшилась постучаться въ спальню. Уйти, не попрощавшись съ матерью, они считали невозможнымъ.

Когда они вошли въ комнату, мать стояла у окна, и они замѣтили, что она плакала. Тогда въ нихъ проснулось вдругъ пониманіе того, что перестрадала мать, какъ она чувствовала себя одинокой. Но никто изъ нихъ не былъ въ состояніи сказать что-нибудь. Въ гораздо большемъ возбужденіи, чѣмъ они это сами сознавали и могли высказать, они ушли изъ дому, не обмѣнявшись ни единымъ словомъ, сбѣжали съ лѣстницы и вскочили на электрическій трамвай, который какъ разъ проходилъ мимо.

Фру Эленъ одиноко бродила по новой квартирѣ, въ которой безъ ея помощи было для нея устроено жилье. Она еще разъ осмотрѣла все и чувствовала, что сама не можетъ себѣ отдать отчета, чего именно недостаетъ. Она вошла, наконецъ, въ комнату мужа, начала прибирать его письменный столъ, тщательно сложила бумаги, не мѣняя порядка, въ которомъ онѣ лежали, вытерла пыль съ письменнаго прибора, поставила на мѣсто разныя мелочи... Наконецъ, она сѣла на стулъ, на которомъ бывало, сидѣла прежде, въ ожиданіи Стейнерта. Ей еще не все было ясно. Прошедшее отуманивало ее, но безъ страха, безъ грусти даже. Мало-по-малу тотъ фактъ, что она дома, началъ дѣйствовать на нее и вызывать въ ней какую-то неопредѣленную тревогу, какъ будто она идетъ навстрѣчу обязанностямъ, требующимъ сосредоточенности и напряженія. Ей казалось, что она еще никогда не сознавала того, что собственно означало для нея это долгое одиночество, этотъ принудительный отдыхъ, во время котораго къ ней вернулась ясность духа.

Но ей и въ голову не приходило, что все случившееся можетъ повториться. Меланхолія, навязчивая идея болѣзни— все это оставило ее; она опять обрѣла власть надъ собою. Какъ бы желая удостовѣриться въ своей силѣ, она пошла въ кухню и поговорила съ кухаркой объ обѣдѣ. Она говорила объ этомъ нѣсколько дольше, чѣмъ было необходимо. Вернувшись въ столовую, она подошла къ роялю и испробовала его тонъ. Онъ былъ хорошъ и чистъ. Она замѣтила— мужъ не забылъ распорядиться, чтобъ настроили рояль. Въ ней шевельнулись какъ бы теплота и благодарность.

Обернувшись, она вдругъ замѣтила и цвѣты. На обѣденномъ столѣ огромная астра въ горшкѣ, а въ гостинной полная ваза розъ. Ее ожидали дома, все было приведено въ порядокъ и украшено для нея...

Вдругъ она подумала о томъ, что ей было бы очень пріятно видѣть здѣсь сейчасъ своего мужа. Вѣдь ей бы тогда не пришлось испытывать одиночества и тревоги въ продолженіе этого перваго долгаго утра.

Не долго думая, она подошла къ телефону, позвонила и потребовала давно знакомый номеръ. Она почувствовала страшное разочарованіе, когда ей сказали, что г-нъ адвокатъ ушелъ. „Скажите ему, что жена его спрашивала", попросила она.

Вернувшись въ гостинную, она случайно остановилась передъ старымъ зеркаломъ, передъ которымъ она одѣвалась когда-то, будучи еще невѣстой. Кромѣ дивана въ стилѣ empire и канделябра изъ стараго французскаго стекла, это зеркало было единственнымъ предметомъ, напоминавшимъ ей родину—Францію. Она долго стояла и разсматривала свое лицо и свою высокую фигуру, которая, благодаря усиленному питанію и долгому сну, значительно пополнѣла. Она была недовольна тѣмъ, что на ея кожѣ все еще виднѣлись многочисленныя морщинки, которыя, она надѣялась, должны были исчезнуть. Холодно встрѣтила она свой собственный взглядъ въ зеркалѣ.

Оскаръ Стейнертъ, между тѣмъ, сильно волновался. Работать онъ не могъ, говорить съ людьми еще меньше. Безъ цѣли бродилъ онъ по городу, лишь бы убить время. Онъ не хотѣлъ вернуться домой раньше, чѣмъ того желала жена, и часы тянулись безъ конца. Онъ сталъ бродить по узкимъ улицамъ города, между мостами, внушая себѣ, что его интересуютъ тамъ красивые старые дома, что онъ ненавидитъ не дающія отдохнуть глазу новыя зданія, что онъ мечтами своими переносится въ давно минувшія времена, въ мысли давно умершихъ людей. Но это ему не удавалось. Красивая панорама узкихъ улицъ, мрачность которыхъ отъ времени до времени прерывалась видомъ на набережную, гдѣ просвѣчивалась синева воды, оставляла его совершенно равнодушнымъ. Кривыя улицы съ ихъ богатствомъ своеобразной захватывающей жизни не гармонировали съ ходомъ его собственныхъ мыслей, которыя такъ рѣшительно были заняты настоящимъ и имъ самимъ.

Оскаръ Стейнертъ попросту, какъ самый неразумный юноша, стремился къ своей женѣ, жаждалъ провѣрить, чего онъ можетъ ожидать отъ нея въ будущемъ. Ему казалось, что жена его держитъ въ рукахъ своихъ всю его жизнь,

что эта первая встрѣча должна рѣшить все его будущее. Чтобы убить время, онъ зашелъ въ ресторанъ, въ которомъ онъ не рисковалъ встрѣтить знакомыхъ. Выходя изъ него, онъ посмотрѣлъ на часы: два. Только черезъ три часа назначенъ обѣдъ. Быстрыми шагами прошелъ онъ сѣверный мостъ и направился въ свою контору, точно принялъ вдругъ рѣшеніе и убѣдился, что время уйдетъ скорѣе, если онъ заполнитъ его работой.

Когда онъ вошелъ въ свою комнату, ему сообщили, что г-жа Стейнертъ звонила.

— Хорошо,—сказалъ Стейнертъ, сохраняя возможно большее наружное спокойствіе. Когда онъ остался одинъ, его охватила какая-то своеобразная дрожь: онъ въ первый моментъ совершенно растерялся. Его первымъ импульсомъ было взяться за трубку телефона, висѣвшую тутъ же рядомъ. Но ему не хотѣлось, чтобъ голосъ жены, который онъ впервые услышитъ послѣ ея возвращенія домой, донесся до его слуха тѣмъ далекимъ, чужимъ тономъ, который всегда принимаетъ голосъ человѣка въ телефонѣ.

Его жена сгорала отъ нетерпѣнія увидѣть его, онъ это зналъ. Проходя быстрыми шагами черезъ первую комнату, онъ коротко заявилъ, что сегодня ужъ больше не придетъ въ контору. Вышедши на улицу, онъ сѣлъ въ дрожки. Онъ самъ посмѣивался надъ собой, посмѣивался, несмотря на обуревавшія его безпокойныя мысли. Точно влюбленный, спѣшащій на первое свиданіе, онъ чувствовалъ себя счастливымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ взволнованнымъ, неувѣреннымъ въ томъ, что ждетъ его, полнымъ боязни и надежды. Ѣзда нѣсколько успокоила его. Экипажъ—это защита. Кто сидитъ въ экипажѣ, тому не приходится бояться, что кто-нибудь изъ прохожихъ заговоритъ съ нимъ. Поднявъ глаза, адвокатъ вдругъ замѣтилъ, какъ все кругомъ прекрасно. Воздухъ, вода, деревянныя лодки на набережной, Шенсгольмъ со своими оголенными деревьями, южное предмѣстье съ солнечнымъ свѣтомъ на крутыхъ обрывахъ, звѣринецъ въ осеннемъ уборѣ, пароходъ, который со спущенной трубой пробирался подъ мостъ—все это разомъ пріобрѣло блескъ и окраску его собственнаго настроенія.

— Новый Стокгольмъ выросъ,—подумалъ Стейнертъ.— Новый Стокгольмъ, котораго я не знаю, но къ которому я подойду ближе въ тотъ самый день, когда несчастье перестанетъ давить меня къ землѣ.

Неопредѣленное чувство, что онъ что-то давно уже упустилъ, что что-то прошло мимо него и оставило его въ одиночествѣ, овладѣло всѣмъ его существомъ и на одинъ мигъ омрачило его радость, точно облако, закрывающее

солнце и на мигъ затемняющее его. Но вотъ онъ повернулъ, опять увидѣлъ солнце, и опять все потонуло въ сознаніи, что онъ послѣ долгаго, долгаго времени снова ѣдетъ къ себѣ домой.

При входѣ въ домъ, онъ столкнулся съ бѣдно одѣтымъ человѣкомъ съ большой бородой. Стейнерту этотъ человѣкъ показался знакомымъ; тотъ снялъ шляпу и поклонился.

Тутъ адвокатъ вспомнилъ, что это часовщикъ. Онъ вѣрно теперь только принесъ часы. Лицо Стейнерта омрачилось.

— Вы только сейчасъ принесли часы?—спросилъ онъ коротко.

— Это несчастная случайность, господинъ адвокатъ,— отвѣтилъ тотъ покорно.

— Несчастная случайность? Что вы хотите сказать этимъ? Вы вѣдь твердо обѣщали принести вчера.

Онъ едва сдерживался, готовый вспылить. Уже давно эти старые часы стояли въ его домѣ, какъ драгоцѣнность, но не были исправлены. Они представляли собою рѣдкій старинный экземпляръ, эти мавританскіе часы, которые жена его получила въ наслѣдство отъ какого-то своего родственника. Стейнертъ заказалъ теперь новый механизмъ, реставрировалъ оправу и радовался, что его жена изъ этого маленькаго сюрприза увидитъ, какъ много онъ думалъ о ней. Когда она вернется, эти часы должны были стоять на своемъ мѣстѣ, и ихъ мягкій бой долженъ былъ радовать ее какъ разъ въ первые часы по возвращеніи, пока она будетъ дома одна. Это опозданіе было такой неудачей, что она его пугала, какъ дурное предзнаменованіе. Полный негодованія противъ человѣка, разстроившаго его планъ, онъ ждалъ отвѣта.

Тотъ, разумѣется, не понималъ, почему адвокатъ такъ золъ; онъ видѣлъ только его досаду, его нетерпѣніе и сказалъ:

— При всемъ желаніи, нельзя иной разъ исполнить того, что обѣщаешь.

— Еще бы!—былъ насмѣшливый отвѣтъ.

— Мой маленькій мальчикъ слетѣлъ вчера съ окна,— продолжалъ тотъ.—Мы живемъ на самомъ верху, подъ крышей. Вотъ почему я вчера не могъ работать.

Гнѣвъ адвоката уступилъ мѣсто стыду и сочувствію.

— Что вы говорите?—крикнулъ онъ, схвативъ того за руку.—Вѣдь я не зналъ этого!

Лицо часовщика передернулось.

— Нѣтъ. Я это прекрасно понимаю.

— Какъ же это произошло?—спросилъ Стейнертъ.

Въ этотъ моментъ онъ совершенно забылъ о самомъ

себѣ. Онъ думалъ ужъ только о человѣкѣ, который стоялъ тутъ передъ нимъ, грустный и убитый.

— Жены моей не было въ комнатѣ,—отвѣтилъ онъ.—Она вышла всего на минутку. Вдругъ она услышала крикъ и бросилась туда. Но было ужъ поздно.

— Онъ былъ мертвъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.—Въ томъ-то и дѣло, что онъ не былъ мертвъ. Я долженъ былъ снести его въ больницу. И на это ушло все послѣобѣденное время. Поэтому я и не успѣлъ кончить часы.

Адвокатъ не могъ отвѣтить ни слова. Все это такъ неожиданно ворвалось въ его мысли, что онъ не могъ найти словъ, чтобъ выразить то, что хотѣлъ.

— Куда бы мы ни шли, мы ходимъ по тѣламъ другихъ,— думалъ онъ.—Нашъ путь усѣянъ несчастіями другихъ, и мы должны идти впередъ черезъ эти несчастья.

Въ тотъ же моментъ онъ опять вспомнилъ сцену въ судѣ,—несчастную женщину, искавшую у него помощи и осужденную безъ защиты опытнаго адвоката.

— Ребенокъ живъ?—спросилъ онъ, наконецъ.

— Не знаю,—отвѣтилъ отецъ.—Утромъ онъ еще жилъ какимъ-то чудомъ. Мать при немъ.

— И вы могли оставить ихъ и уйти работать!—крикнулъ адвокатъ, пораженный этой мыслью, какъ чѣмъ-то новымъ.

— Приходится, видите ли, исполнять свой долгъ,—отвѣтилъ часовщикъ.

Медленно поднимался Стейнертъ по лѣстницѣ. Послѣднія слова произвели на него болѣе потрясающее впечатлѣніе, чѣмъ все происшествіе, разсказанное этимъ человѣкомъ. Онъ ясно видѣлъ передъ собою всю сцену: маленькую мансарду, мать, выходящую изъ комнаты, глубокій вымощенный камнями дворъ пятиэтажняго дома, ребенка, падающаго изъ окна и не разбившагося на смерть, отца, который возвращается домой и уноситъ въ больницу разбитаго вдребезги ребенка, уноситъ спѣша, быстро, чтобъ не лишиться нѣсколькихъ кронъ, которыхъ не хватитъ даже на похороны.

— Этотъ человѣкъ умѣетъ исполнять свой долгъ,— думаетъ онъ, и его обуреваетъ сознаніе своей слабости и ничтожности.

Онъ нажалъ кнопку звонка и вошелъ въ свою квартиру. Въ столовой стояли часы и спокойно отбивали тактъ уходящаго времени... Стейнертъ прошелъ мимо нихъ въ свою комнату. Все время въ немъ смѣшивалось впечатлѣніе отъ только что пережитой сцены съ чувствомъ напряженнаго ожиданія, охватывавшаго его весь день. Почти робко

перешагнулъ онъ черезъ порогъ. Жена сидѣла на креслѣ у письменнаго стола. Въ первый моментъ онъ подумалъ, что хорошо сдѣлалъ, придя домой. Она встала и пошла ему навстрѣчу. У нея былъ утомленный видъ, какъ будто она устала ждать.

— Я не зналъ, что ты такъ захочешь меня видѣть,— сказалъ Стейнертъ.

— Мнѣ такъ долго пришлось сидѣть одной,—отвѣтила она.

Отвѣтъ прозвучалъ болѣе холодно, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ посмотрѣлъ на жену испытующимъ взоромъ. Она измѣнилась, но онъ не могъ сейчасъ же отдать себѣ отчетъ, въ чемъ именно. И онъ долженъ былъ побороть въ себѣ разочарованіе, чтобъ спасти хоть часть той радости, о которой онъ мечталъ. Разговоръ былъ сначала довольно робокъ, какъ бы нерѣшителенъ. За словами, которыя произносились, оба чувствовали другія, не произносившіяся. За всѣмъ, чего они касались, лежало что-то, мимо чего они проходили молча... Оба почувствовали облегченіе, когда Стейнертъ, наконецъ, сказалъ:

— И ты опять здорова, Элленъ! Это вѣдь самое лучшее!

Элленъ пододвинулась къ нему ближе и, поднявъ глаза, взглянула ему прямо въ лицо.

— Тяжело тебѣ было со мной,—отвѣтила она, не сводя съ него глазъ.

Стейнертъ какимъ-то страннымъ жестомъ провелъ рукою по своему лицу, какъ будто хотѣлъ спрятать или стереть что-то, чего онъ не хотѣлъ никому показать.

— Когда что-нибудь тяжелое минетъ, оно всегда кажется легкимъ,—сказалъ онъ, пытаясь перейти на болѣе легкій тонъ.—За лѣто я поправился, какъ и ты.

Едва произнесъ онъ эти слова, какъ уже раскаялся въ нихъ. Лицо его жены подернулось облакомъ. Она зажмурила глаза, какъ бы желая скрыть, что она думаетъ.

— Тора Льюнгъ благотворно дѣйствовала на тебя,—сказала она съ горечью.

И, какъ бы желая загладить свою вину, прибавила:

— Я ей очень благодарна за это.

Стейнертъ колебался одинъ моментъ, сказать ли ему еще что-нибудь. И, разъ щекотливая тема ужъ была затронута, продолжалъ:

— Я самъ не былъ бы въ состояніи доставить дѣтямъ такое хорошее лѣто.

Въ этотъ моментъ въ передней раздался шумъ. Дѣти вернулись домой. Атмосфера вокругъ супруговъ вдругъ стала легче, напряженное выраженіе исчезло съ лица фру Элленъ. Дѣти вошли медленно, почти торжественно. Имъ тоже было

легче оттого, что они не одни съ матерью. Впервые послѣ долгаго времени вся семья была въ сборѣ. И во всѣхъ было то своеобразное чувство единства, которое создается семьей, сливающей многихъ въ одно цѣлое. Всѣ вмѣстѣ пошли въ столовую, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ. Полные радости отъ вновь обрѣтенной, многообѣщающей будущности они дружелюбно улыбались другъ другу. Бѣлая скатерть съ зеленой бумажной дорожкой была украшена цвѣтами, какъ къ празднику.

Но Стейнертъ испытывалъ такое чувство, какъ будто онъ является зрителемъ происшествія, совершающагося съ кѣмъ-то другимъ.

XIV

Счастье, по которому Оскаръ Стейнертъ такъ страстно тосковалъ, не явилось. Въ отношеніяхъ между супругами что-то надломилось, и какъ ни глубоко адвокатъ былъ охваченъ созданной имъ самимъ мечтой о счастьи, онъ не могъ не чувствовать, не сознавать этой перемѣны. Какое-то сомнѣніе подтачивало его счастье, сомнѣніе, которое онъ не могъ заставить замолкнуть; оно было пробуждено горечью, которую его жена высказала ужъ въ первый день, какъ только было упомянуто имя Торы Льюнгъ. Это сомнѣніе еще усугублялось различными обстоятельствами, совпавшими случайно маленькими, незначительными фактами, которые всѣ вмѣстѣ образовали ткань безпокойства и мучительной тяжести, давившей всю душу. Стараясь наружно играть роль счастливаго мужа, Стейнертъ въ это время впервые наблюдалъ за своей женой, и его безотчетная любовь къ ней начала уступать мѣсто холодной, упорной тревогѣ, которой онъ самъ не могъ себѣ объяснить. Чѣмъ усерднѣе онъ искалъ объясненія, тѣмъ больше находилъ поводовъ къ сомнѣніямъ, тѣмъ больше укрѣплялся въ убѣжденіи, что его жена что-то таила въ себѣ, скрывала отъ него, до чего она его не допускала. Ихъ окружало какое-то таинственное молчаніе, когда они оставались одни, а когда однажды онъ неожиданно зашелъ въ комнату, гдѣ были жена и дѣти, онъ замѣтилъ, что ихъ веселье разомъ затихло. Ему все больше и больше начинало казаться, что жена вернулась домой къ дѣтямъ, а не къ нему, и когда онъ уходилъ изъ дому, мысли о нихъ не давали ему покоя.

Чего, собственно, недоставало въ ихъ отношеніяхъ, было ему неясно. Ему казалось, будто онъ живетъ въ безпрерывномъ выжиданіи чего-то таинственнаго, необъяснимаго, отъ

чего ему осталось одно только прекрасное воспоминаніе, чего онъ, однако, никогда больше не увидитъ. Иной разъ въ женѣ проглядывала какъ бы попытка приблизиться къ мужу проявленіемъ минувшей нѣжности. Но всегда казалось, какъ будто это желаніе ея слишкомъ слабо, или подавляется другими роковыми силами, невѣдомыми никому, даже ей, внутри которой онѣ бушевали „Можетъ быть, она переживаетъ то же, что и я“, думалъ Стейнертъ. „Можетъ быть, и она тайно тоскуетъ о томъ, что миновало“. И, думая такъ, онъ вдругъ начиналъ понимать: „День за днемъ я тоскую, тоскую по моей женѣ! Она опять со мной,—но ея нѣтъ. То, что было, не вернулось“.

Но тоска по минувшемъ была такъ сильна въ Оскарѣ Стейнертѣ, что она пробудила въ немъ силу къ борьбѣ, стремленіе вновь обрѣсти потерянное. Безъ этого жизнь теряла для него смыслъ. Идя въ свою контору, онъ обдумывалъ различные пути и средства, сидя за работой, будучи въ судѣ и защищая кого-нибудь изъ кліентовъ, онъ чувствовалъ въ себѣ это вѣчное исканіе и обдумываніе, точно рану, боль которой только временно заглушалась необходимостью думать и поступать сознательно. Когда онъ возвращался домой и видѣлъ семью, его преслѣдовало все то же. И вмѣстѣ съ тѣмъ съ его устъ никогда не срывался вопросъ, который жегъ его. „Почему все не такъ, какъ прежде? Что встало между нами?“ Ему казалось, что ихъ отношенія должны какъ-то разомъ распасться, какъ только онъ попытается заговорить объ этомъ.

Есть что-то безконечно тонкое въ отношеніи двухъ людей другъ къ другу; почти неуловимыя нити, связывающія ихъ, еще болѣе неуловимы силы, которыя разрушаютъ, подтачиваютъ и, наконецъ, разрываютъ эти незримыя нити. Въ горѣ, которое охватываетъ при этомъ человѣка, онъ ищетъ цѣлебныхъ средствъ, не останавливаясь даже передъ тѣмъ, что средство, къ которому онъ прибѣгнетъ, окажется ядомъ. Онъ дѣйствуетъ въ отчаяніи, которое его ослѣпляетъ, и тоска по счастью становится тоской мучительной.

Оскаръ Стейнертъ скоро набрелъ на странную мысль, что онъ, быть можетъ, вновь привлечетъ свою жену, если доставитъ ей возможность развлечься; и онъ рѣшился использовать это средство, хотя оно противорѣчило его натурѣ. Годы, въ теченіе которыхъ жена хворала, сдѣлали адвоката крайне одинокимъ. Необходимость скрывать характеръ ея болѣзни создала вокругъ него пустоту. Случайные знакомые, товарищи по дѣлу, посѣтители изъ провинціи отъ времени до времени оживляли одиночество супруговъ. Но настоящихъ, постоянныхъ друзей у нихъ не было; старые

друзья въ тяжелое время его одиночества нашли себѣ новое общество и не могли ему ничего удѣлить. Около него и жены образовались новые кружки, но они стояли внѣ ихъ.

Существовало, правда, простое средство, которымъ адвокатъ могъ доставить своей женѣ среду и развлеченіе, которое онъ считалъ необходимымъ для нея.

За послѣдніе годы, которые онъ прожилъ въ тиши и одиночествѣ, Стокгольмъ успѣлъ совершенно преобразиться; въ немъ возникли новыя формы общественности, которыя, не вытѣсняя старыхъ, стали рядомъ съ ними, какъ новый заманчивый родъ развлеченія. Теперь рестораны и кафе наполняли ужъ не только мужчины и путешественники. На обѣдъ въ отелѣ Рюдбергъ или Гранд-отелѣ, бывало, отецъ семейства лишь въ исключительныхъ случаяхъ водилъ жену и взрослыхъ дѣтей; теперь рестораны привлекли къ себѣ и женщинъ, которыя устремились туда, чтобы не просиживать цѣлые вечера дома, чтобъ почувствовать себя равными мужчинамъ, даже въ дурномъ. Этому же содѣйствовали еще скука и чопорность большого свѣта. Въ ресторанѣ каждый дѣлалъ что хотѣлъ, тамъ не было ни хозяевъ, ни гостей. Дамы наслаждались веселымъ обѣдомъ, не волнуясь тѣмъ, что не каждое блюдо удачно, не будучи вынуждены просить мужа о прибавкѣ на расходы, не тратя никакихъ силъ на устройство всего. Мужъ могъ въ продолженіе получаса по телефону устроить обѣдъ, женѣ оставалось только скоренько сдѣлать свой туалетъ и сѣсть въ дрожки. Импровизированныя пирушки всегда вѣдь бываютъ самыми удачными. Къ тому же, въ ресторанѣ мужъ совсѣмъ не тотъ, что дома. Дома онъ бережливъ и тяжелъ на подъемъ, ворчитъ на дорого стоющіе обѣды и скупится, когда надо платить. Тамъ же онъ въ своей тарелкѣ, къ рестораннымъ цѣнамъ онъ привыкъ еще со временъ своей холостяцкой жизни, онъ не скупится, не ворчитъ, и ѣстъ, и пьетъ, и веселится. Когда дѣло доходитъ до платежа, онъ ужъ всегда бываетъ въ такомъ приподнятомъ настроеніи, что расходъ кажется ему пустяшнымъ.

Въ ресторанѣ всегда можно встрѣтиться съ разными людьми. Для пріема дома требуются вѣдь нѣкоторыя формальности, чтобъ вообще собрать гостей; тамъ же все это значительно легче. Даже пресловутая шведская чопорность и любовь къ формальностямъ уступила необузданной жаждѣ наслажденія, охватившей высшіе слои населенія.

Содержатели ресторановъ, подмѣтивъ, откуда дуетъ вѣтеръ, устроились соотвѣтственнымъ образомъ. Съ начала девяностыхъ годовъ, во всѣхъ болѣе крупныхъ ресторанахъ открывались семейныя помѣщенія, хотя частныя квартиры

въ связи съ этимъ отнюдь не уменьшались. И къ концу прошлаго столѣтія этотъ обычай пріобрѣлъ право гражданства, какъ нѣчто прочно установленное и хорошо организованное.

Скучный семейный обѣдъ, данный по обязанности, завершался обычно ужиномъ въ ресторанѣ, гдѣ царило свободное настроеніе, и гдѣ веселье являлось само собой; монотонный семейный ужинъ находилъ на слѣдующій день свое продолженіе въ тѣсномъ кругу въ какомъ-нибудь ресторанѣ, гдѣ и хозяинъ и гости не были стѣснены мучительными обязанностями, обременявшими ихъ наканунѣ въ скучномъ частномъ домѣ.

И въ то время, какъ рестораны заполнялись посѣтителями, частные дома все болѣе пустѣли. Что происходило тамъ, пока мужъ и жена уходили и дѣти оставались одни— кто знаетъ! Дѣти и прислуга лишь въ исключительныхъ случаяхъ доносятъ другъ на друга и, при томъ, лишь тогда, когда у доносчика совѣсть совершенно чиста.

Во всякомъ случаѣ жилось весело. Дамы, которыя въ теченіе всей своей жизни едва ли прикоснулись губами къ рюмкѣ, пили теперь, не стѣсняясь, ликеръ и пуншъ и чувствовали себя очень хорошо среди шума этихъ ежедневныхъ свѣтскихъ оргій. Имъ было пріятно видѣть вокругъ себя столькихъ людей. То, что и онѣ могли теперь познакомиться съ той жизнью, которая раньше являлась привилегіей однихъ только мужчинъ, и на которую они смотрѣли со смѣсью тайнаго содроганія и зависти, придавало ихъ поведенію извѣстную увѣренность. Недостатка въ темахъ для разговоровъ никогда не ощущалось въ этихъ собраніяхъ. Здѣсь, столикъ о столикъ, сходился весь Стокгольмъ. Люди обмѣнивались поклонами, посѣщали другъ друга за столиками, пили за здоровье другъ друга или холодно проходили мимо другъ друга. Ихъ всѣхъ соединяла здѣсь общая потребность въ возбужденіи и забвеніи, которыя являются основой всякаго искусственнаго веселья. Каждый зналъ жизнь, характеръ, отношенія и тайны другого. Каждый самъ выставлялъ себя, какъ желанную тему для разговоровъ, этому случайному собранію индивидовъ, которые всѣ дышали однимъ и тѣмъ же испорченнымъ воздухомъ, ослѣплялись однимъ и тѣмъ же электричествомъ, опьянялись одними и тѣми же излишествами. Всѣ широко пользовались этой возможностью разбирать по косточкамъ и осмѣивать своихъ ближнихъ, принижать, клеветать и оговаривать ихъ. Отъ стола къ столу неслись многозначительные взгляды, улыбки, полувнятныя слова и жесты. А слова, которыя были

на всѣхъ устахъ и все объясняли, гласили: „Веселье необходимо каждому человѣку!“

Въ этотъ-то міръ Оскаръ Стейнертъ и ввелъ свою жену, и лишь только она отвѣдала яду, какъ онъ сталъ для нея насущной потребностью. Стейнертъ сопровождалъ ее, и изъ зрителя, который намѣревался принять участіе въ этой жизни лишь мимоходомъ, чтобы потомъ бросить ее, превратился въ несчастнаго, который привыкъ ней и втянулся въ нее. Отель Рюдбергъ сталъ постояннымъ мѣстомъ, гдѣ Оскаръ Стейнертъ проводилъ вечера, и недолго спустя онъ проводилъ тамъ больше времени, чѣмъ въ своей квартирѣ, куда приходилъ, собственно, только на ночь. Съ утра онъ отправлялся въ свое бюро, весь день посвящалъ выполненію цѣлаго ряда разнообразныхъ дѣлъ, которыя вводятъ адвоката почти во всѣ закоулки столичной жизни; обѣдъ же или ужинъ, а нерѣдко и то и другое онъ имѣлъ внѣ дома. Вначалѣ ему казалось, что эта перемѣна всего режима жизни дѣйствуетъ на фру Элленъ благотворно. Ея настроеніе стало ровнѣе, вся она начала держаться свободнѣе, могла смѣяться, какъ въ былыя времена, и принимала живое участіе въ свѣтской жизни. Когда на обратномъ пути ихъ скрывалъ поднятый верхъ дрожекъ, она, бывало, придвигается къ нему, пожимаетъ его руку и говоритъ: „Какъ много ты дѣлаешь для меня!“

Когда онъ ее при этомъ спрашивалъ: „Охотно ли ты встрѣчаешься съ людьми?“—она отвѣчала: „Кажется, да“.

Этотъ отвѣтъ могъ быть истолкованъ различно, но такъ какъ онъ не видалъ лица своей жены, то истолковывалъ ея слова по-своему и продолжалъ убаюкивать себя надеждами.

Осень прошла, наступила зима. Рождество промчалось съ подарками и весельемъ, съ катаньемъ на саняхъ, съ нѣсколькими вечерами, проведенными въ обществѣ дѣтей. Новогодніе счета были уплачены и забыты, и новый годъ имѣлъ ужъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ роду. Все это время адвокатъ съ женой жили общей стокгольмской жизнью, и отношенія между ними мало-по-малу вернулись къ тому состоянію, которое вначалѣ, когда онъ сталъ искать исцѣленія въ обществѣ чужихъ людей, такъ больно поразило Стейнерта. Разница между тѣмъ, что было раньше, и тѣмъ, что онъ ощущалъ теперь, была лишь та, что теперь онъ уже не страдалъ. Его чувства притупились, и требованія, которыя онъ предъявлялъ къ совмѣстной жизни, стали скромнѣе. Они съежились незамѣтно для него самого, и, когда онъ пытался думать о томъ, какъ онъ дошелъ до этого образа жизни и какую цѣль онъ себѣ ставилъ, онъ столь же мало пони-

малъ это, какъ и то, какая, собственно, причина заставляла его продолжать эту жизнь.

Этотъ вопросъ вдругъ предсталъ передъ нимъ однажды вечеромъ, когда онъ сидѣлъ за большимъ накрытымъ столомъ во внутреннемъ отдѣленіи столовой. Ужинъ кончался, подавали кофе, закурили сигары, и черезъ открытыя окна проникали изъ кафе говоръ смѣющихся, болтающихъ, ужинающихъ и пьющихъ мужчинъ и женщинъ и отрывистые звуки оркестра, игравшаго послѣдній номеръ программы. Не будучи въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, откуда собственно взялась у него эта мысль, и почему она безпокоитъ его какъ разъ теперь, Стейнертъ вдругъ почувствовалъ, что въ его душѣ вынырнулъ вопросъ: „Зачѣмъ я здѣсь сижу? Какое мнѣ дѣло до всѣхъ этихъ людей?"

Онъ взглянулъ на жену. На ней была свѣтлая шелковая блуза, легко охватывавшая ея роскошную фигуру; волосы были старательно завиты и свернуты въ узелъ, который, какъ будто, дѣлалъ ее чуждой ему.

Въ эту минуту она улыбнулась мужу и прикоснулась губами къ своей рюмкѣ съ ликеромъ. Глаза ея ярко блестѣли. Адвоката вдругъ охватило сознаніе, что онъ, самъ того не сознавая, повелъ жену на ложный путь, и что, если-бъ онъ поступилъ умнѣе, эта зима, которую онъ теперь перебиралъ въ своихъ мысляхъ, не была бы такой безнадежно-безсвязной, безпокойной и пустой. Ему казалось, что въ данный моментъ онъ видитъ все гораздо яснѣе и въ то же время въ болѣе ужасномъ свѣтѣ, чѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Новая мысль пробивалась въ немъ и силою хотѣла заставить остановиться на ней. Онъ, наконецъ, самъ сказалъ себѣ: ничто не измѣнилось ни теперь ни когда-либо прежде, и никогда не измѣнится. Онъ хотѣлъ бы вернуть эти послѣдніе мѣсяцы, измѣнить нѣчто важное, чего измѣнить ужъ нельзя было, удержать нѣчто, что ускользало изъ его рукъ, обрѣсти нѣчто, что онъ потерялъ, но отъ чего онъ ни за что не отказался бы... И его поразила, точно открытіе, мысль, что онъ, собственно говоря, долженъ измѣнить все, все въ своей жизни.

Возлѣ него откинулась на спинку стула фру Гранатъ, у которой ея сосѣдъ слѣва вызвалъ какимъ-то анекдотомъ полусдержанный смѣхъ. Фру Гранатъ собиралась разойтись съ своимъ мужемъ и часто показывалась въ обществѣ, чтобы поддержать свою репутацію. Справа отъ нея молча, медленно покуривая свою огромную заграничную сигару, сидѣлъ консулъ Рослингъ и съ насмѣшливой лукавой улыбкой прислушивался къ смѣху свѣтлорусой сосѣдки. „Анекдотъ, который разсказалъ вамъ директоръ Вернеръ, должно

быть очень интересенъ", сказалъ онъ: „нельзя-ли также намъ послушать его?"

Анекдотъ былъ повторенъ, и въ то время, какъ все общество, прислушиваясь, вытянуло головы, мысли адвоката продолжали идти своимъ путемъ, испытывая, изслѣдуя, возбуждая и муча его. Чтобы одурманить себя, онъ заказалъ виски и выпилъ его довольно много. Молча сидѣлъ онъ за столомъ, окруженный разошедшейся толпой мужчинъ и женщинъ, совершеннно механически слѣдилъ за разговоромъ другихъ, улыбался, когда они улыбались, и время отъ времени бросалъ нѣсколько словъ, чтобы показать, что онъ принимаетъ участіе въ разговорѣ. И въ то же время мысли его шли тѣмъ путемъ, на который онѣ вступили. Нечувствительный, холодный ко всему окружавшему его веселью, онъ чувствовалъ, что, чѣмъ больше онъ пилъ, тѣмъ сознаніе его становилось яснѣе. И одинокій, непроницаемый, скрывшись за многозначительной улыбкой, то появлявшейся, то вновь исчезавшей съ его лица, онъ продолжалъ думать. Онъ былъ чужимъ всѣмъ окружавшимъ его здѣсь людямъ, чужимъ своей женѣ, чужимъ самому себѣ. Издалека пришелъ онъ сюда, обратнаго пути онъ не зналъ. найти его опять, вернуться у него не было силъ. Все окружающее стало ему противно. Развѣ это радость, отдыхъ? Всѣ, сидѣвшіе за однимъ столомъ съ нимъ, были приведены сюда одной лишь случайностью. Никто ничего не желалъ отъ другого. Каждый изъ нихъ можетъ умереть, исчезнуть, и его стулъ не останется пустымъ въ слѣдующій же день. Что же это такое? Теперь онъ не боялся уже словъ: это была оргія, безконечная оргія, и никто не стыдился ея. Тутъ создавался новый классъ людей, который онъ въ припадкѣ страшной горечи, обозвалъ „общественной богемою". Чѣмъ все это было для него? Опьяненіемъ. Чѣмъ это было для другихъ? Стейнертъ ужъ не хотѣлъ отогнать свою мысль: они такъ же, какъ и онъ, были въ лихорадкѣ, благодаря отсутствію покоя въ жизни, благодаря жаждѣ наслажденій, плохимъ дѣламъ и слишкомъ хорошимъ дѣламъ, благодаря счастью и несчастью. Все лихорадочно. Все безъ равновѣсія. Единственное спасеніе оставалось лишь въ томъ, чтобъ заставить свои мысли молчать и опьянять себя жизнью. Зачѣмъ они здѣсь всѣ сидятъ? Зачѣмъ сходятся? Почему нравы такъ измѣнились, что добродѣтель стала словомъ, котораго въ обществѣ не переносятъ? Почему обществомъ завладѣваетъ богема, не художественная богема со своей беззаботной улыбкой на устахъ и невиннымъ сердцемъ, а дерзкая, безнравственная, циничная общественная богема, которая основой своего существованія дѣлаетъ деньги и съ по-

мощью послѣднихъ безотвѣтственно и хвастливо, попираетъ законы общества въ своихъ мысляхъ, словахъ, поступкахъ?

Стейнертъ видѣлъ, какъ столы пустѣли и огни гасли. Изъ передней звонко доносился голосъ пьянаго мужчины, препиравшагося съ швейцаромъ. Оберъ-кельнеръ прошелъ по залу спокойный, элегантный, бросая недвусмысленные взгляды на столъ, за которымъ сидѣли обычные посѣтители, извѣстные тѣмъ, что задерживали служащихъ.

Стейнерта охватила мучительная тоска. Ему опять вспомнилось прошедшее лѣто. Съ настойчивостью лунатика онъ избѣгалъ въ своихъ воспоминаніяхъ мысли о Торѣ Льюнгъ. Онъ думалъ лишь о томъ, чего онъ ждалъ отъ лѣта, казавшагося ему теперь такимъ далекимъ, далекимъ. Онъ думалъ о квартирѣ, на которую они переѣхали, о первомъ обѣдѣ на новой квартирѣ, когда они опять были вмѣстѣ, и его взглядъ сталъ искать взгляда жены. Его охватило такое сильное желаніе уйти отсюда, отъ этого общества, отъ окружавшихъ его людей, что ему показалось непонятнымъ, какъ жена его не слышитъ внутренняго голоса, который кричалъ въ немъ и взывалъ, какъ человѣкъ въ минуту смертельной опасности взываетъ къ тому, въ комъ видитъ все свое спасеніе.

Мысль, что жена, навѣрное, слышала слова, хотя онъ и не произнесъ ихъ, овладѣла имъ такъ сильно, что онъ еще въ экипажѣ ждалъ изъ ея устъ подтвержденія своего желанія, которое казалось ему вполнѣ человѣческимъ и естественнымъ. Отъ этихъ думъ пробудилъ его голосъ жены, сказавшей:

— Ты сегодня вечеромъ былъ такъ молчаливъ?

Въ ея словахъ звучалъ вопросъ, и Стейнертъ коротко отвѣтилъ:

— Я думалъ, что ты знаешь причину.

— Что ты хочешь этимъ сказать?—опять вопросительно раздался ея голосъ изъ глубины дрожекъ.

Ничего не отвѣчая, Стейнертъ зарылся въ уголъ и ушелъ въ себя. Думая свою думу, онъ сидѣлъ такъ, во все продолженіе пути.

XV.

Въ кабинетѣ Стейнерта сидятъ одинъ противъ другого оба супруга. На письменномъ столѣ горитъ лампа; сквозь зеленый абажуръ на замкнутыя, серьезныя лица обоихъ падаетъ мягкій свѣтъ.

Буря въ душѣ Стейнерта. Онъ знаетъ, что выпилъ, и

это сознаніе на короткое время заставляетъ его думать, что мысли его—лишь призраки, вызванные винными парами. Въ этой новой обстановкѣ онъ чувствуетъ себя какъ-то спокойнѣе. Онъ напряженно анализируетъ себя и замѣчаетъ, что мысли его яснѣе и мозгъ свободнѣе обыкновеннаго. „Кого лихорадитъ,—думаетъ онъ,—тотъ можетъ пить много и не пьянѣть". Онъ бросаетъ взглядъ на жену: она сжала губы, какъ бы силясь скрыть поднимающуюся въ ней злобу или печаль. Чтобы что-нибудь сказать, онъ спрашиваетъ:

— О чемъ ты думаешь?

— Ни о чемъ,—отвѣчаетъ она уклончиво.

Черезъ короткое время она прибавляетъ:

— Но ты вѣдь сегодня вечеромъ о чемъ-то думалъ?

Въ ея голосѣ звучатъ рѣзкія ноты, глаза ея сверкаютъ.

Стейнертъ наклоняется впередъ; руками онъ судорожно схватываетъ ручки кресла.

— Почему я не могу уже стать близкимъ тебѣ?—спрашиваетъ онъ.—Что ты имѣешь противъ меня?

Она откидывается назадъ. Лицо ея блѣднѣетъ.

— Объ этомъ лучше не спрашивать,—отвѣчаетъ она рѣзко.

Стейнертъ знаетъ, что онъ приблизился къ опасному пункту. Онъ знаетъ, что то, что онъ говоритъ, ужъ давно скрывается за всѣми ея поступками и словами, таится во всей безумной жизни этой зимы. Онъ говоритъ, не разсуждая, не для того уже, чтобы чего-нибудь добиться. Онъ говоритъ потому, что долженъ говорить, что слова рвутся съ его устъ.

— Я спрашиваю, потому что долженъ знать,—говоритъ онъ.—Ты и представить себѣ не можешь, какъ я тебя ждалъ тогда! Каждый день мнѣ казался невыносимо длиннымъ! Я считалъ каждый день, приближавшій меня къ тому дню, который долженъ былъ вернуть мнѣ тебя! Ты еще помнишь, что было между нами тогда, въ первое время? Помнишь, какъ я старался подойти къ тебѣ ближе, а ты отъ меня уходила? Или, быть можетъ, я говорю неправду? Можетъ быть, то было одно лишь воображеніе? Я былъ несправедливъ? Скажи же. Дальше я этого переносить не могу!

— Чего ты не можешь переносить?

— Этого нашего молчанія.

Фру Элленъ сидитъ совершенно спокойно; лицо ея застыло, голова опускается на руку. Образъ, который онъ видитъ теперь передъ собою, совершенно новъ для него: въ немъ появляются вдругъ черты, которыя онъ открываетъ въ первый разъ... Преодолѣвая себя, Стейнертъ сказалъ:

— Развѣ ты не понимаешь, что я тебя все еще люблю?

Онъ произнесъ эти слова тихо и самъ слышалъ, что они звучатъ коротко, горько, рѣзко.

Фру Элленъ вздрагиваетъ. Ее знобитъ. Они такъ далеко ушли другъ отъ друга, что только ухо слышитъ, сердце же глухо. Между ними лишь громадная пустота. И все-таки въ нихъ просыпается воспоминаніе о томъ времени, когда въ нихъ было еще счастье, полное, цѣльное и безупречное. Воцарилось молчаніе, такое мучительное, такое долгое, такое давящее, какое бываетъ только между людьми, безсознательно оскорбившими другъ друга, попросту потому, что они одни... Ибо въ нихъ пробѣгаютъ злыя мысли, которыя рвутъ, терзаютъ, мучатъ...

Оскаръ Стейнертъ начинаетъ понимать, но не хочетъ еще этому повѣрить. Это невозможно. Всѣ эти годы борьбы съ болѣзнью и страданіями не могли быть пережиты понапрасну. Онъ ищетъ словъ, которыя проникли бы въ сердце его жены, которыя были бы достаточно сильны, чтобы прогнать его собственныя сомнѣнія, говорящія ему, что все, что онъ видитъ теперь, пришло слишкомъ поздно... Онъ рвется къ своей мечтѣ, слѣпой мечтѣ, которою онъ былъ счастливъ столько лѣтъ...

— Ты ничего уже не помнишь?—спрашиваетъ онъ, наконецъ.—Ты все забыла?

Теперь начинаетъ говорить фру Элленъ. Она сидитъ въ углу дивана, далеко отъ мужа, и самый воздухъ вокругъ нихъ леденѣетъ отъ ея словъ.

— Ты думаешь, что сдѣлалъ для меня очень много?

Онъ пытается прервать ее, сказать: нѣтъ.

— Все-таки,—продолжаетъ она,—ты думаешь это. Самъ не сознавая этого, ты даешь мнѣ чувствовать, что я обязана тебѣ. Можетъ быть, ты вполнѣ правъ. Ты для своей жены сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-либо другой изъ нашего круга. Но это мало помогаетъ дѣлу. Давать, говорятъ, лучше, чѣмъ брать, и тотъ, кто постоянно беретъ и ничего не можетъ дать, становится въ концѣ концовъ охладѣвшимъ.

Оскаръ Стейнертъ смотритъ на неподвижное лицо своей жены. Ему опять вдругъ приходитъ въ голову, что съ нимъ говоритъ совершенно другой человѣкъ. Женщина, которая говоритъ съ нимъ сейчасъ, не есть женщина его многолѣтнихъ сновъ, ибо онъ переживалъ только сонъ страданія и счастія, и теперь еще онъ не знаетъ, во снѣ это или наяву. Глаза его мигаютъ, какъ будто свѣтъ причиняетъ имъ боль.

— Я знаю также, когда мы перестали любить другъ друга,—продолжаетъ Элленъ.

— Мы, значитъ, перестали? Между нами все кончено?— прерываетъ ее онъ.

— Ужъ давно.

— Почему же ты изо дня въ день мучишь меня всѣмъ тѣмъ, что ложится на меня такимъ тяжелымъ бременемъ? Чего же ты еще требуешь отъ меня?—хочется ему сказать.

Но онъ овладѣваетъ собою, ничего не говоритъ, опирается на спинку своего кресла и киваетъ женѣ, прося ее продолжать. Съ чувствомъ облегченія, что онъ наконецъ-то, наконецъ стоитъ передъ окончательнымъ рѣшеніемъ, онъ ждетъ, что̀ теперь послѣдуетъ.

— Ты думаешь, что я могла бы сказать тебѣ это раньше, что ты могъ стать свободнымъ,—продолжаетъ Элленъ.—Но это такъ долго жило во мнѣ, что я привыкла къ этому, какъ къ чему-то такому, что не можетъ измѣниться. Когда я сидѣла здѣсь, дома, возлѣ тебя, когда взоры наши встрѣчались тамъ, внѣ дома, когда я слышала шумъ или когда меня мучила тишина, я всегда слышала въ себѣ одно: между мною и имъ все кончено. И если ты хочешь знать, когда это началось, я тебѣ также могу сказать.

Она выпрямилась. Маленькое дѣтское лицо ея вдругъ постарѣло, глаза такъ холодно смотрѣли изъ-подо лба, лишеннаго бровей. Она говорила твердо, рѣзко; казалось, что выказываемая ею жестокость доставляетъ ей даже удовольствіе.

— Это было тогда, когда я такъ долго болѣла,—продолжала она,—и ты пришелъ мнѣ сказать, что мнѣ нужно уѣхать изъ дому. Ты говорилъ о дѣтяхъ и о себѣ, и обо мнѣ также. А я лежала совсѣмъ тихо, съ закрытыми глазами. Я не могла смотрѣть на тебя. Я все время думала лишь одно: „Неужели онъ не понимаетъ, что теперь происходитъ?“ А ты все говорилъ да говорилъ. Да я и не могла противорѣчить тебѣ. „Я уйду отъ него,—думала я.— Я сдѣлаю то, чего онъ желаетъ. Если онъ этого желаетъ, то и я хочу этого“. Когда ты уходилъ, я замѣтила, какое ты чувствовалъ облегченіе, что я не противорѣчила. И весь день послѣ этого я слышала въ себѣ одинъ лишь голосъ, который все повторялъ: „Онъ хочетъ освободиться отъ тебя“.

— Ты никогда не думала о томъ, что ты была больна?— спросилъ Стейнертъ.—И что все случившееся было необходимостью?

— Да,—медленно отвѣтила фру Элленъ,—пожалуй. Но больше всего я думала о томъ, что ты меня оставилъ тогда, когда я въ тебѣ больше всего нуждалась. Я тебѣ объ этомъ еще никогда не говорила?

Она вперила въ мужа робко-вопросительный взглядъ. И Стейнертъ мгновенно вспомнилъ. Онъ вспомнилъ о поѣздкѣ въ каретѣ, о сценѣ на дворѣ дома умалишенныхъ, о внезапномъ взрывѣ ненависти у жены, о возвращеніи домой, обо всемъ томъ, о чемъ онъ такъ часто думалъ и что затѣмъ опять позабылъ, о томъ, что онъ охотно разсказалъ бы другу, и что однако, ни разу не сошло съ его устъ. Неужели возможно чтобы существовала связь между тѣмъ припадкомъ бѣшенства и всѣми этими холодными словами, которыя такъ спокойно и обдуманно отрываютъ теперь его отъ жены? Онъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ и, въ отвѣтъ на слова жены, сказалъ:

— Ты мнѣ сказала однажды, но я пытался забыть объ этомъ.

— Когда?

Въ короткихъ, осторожныхъ словахъ отвѣтилъ Стейнертъ на этотъ вопросъ. Элленъ прислушивалась, и по лицу ея проскользнуло выраженіе облегченія, являющееся тогда, когда получаешь разъясненіе вопроса, бывшаго долго неяснымъ.

— Да, да, знаю,—бормотала она, словно возражая на свои собственныя мысли.

Внезапнымъ рѣзкимъ движеніемъ она поднялась со своего мѣста и, выпрямившись, стала передъ мужемъ. Свѣтъ лампы падалъ на ея стройную фигуру, на шелковую блузу, на поясъ и темное платье, оставляя лицо ея въ тѣни.

— Теперь я все знаю,—сказала она.—И я знаю, что то, что я говорю—правда. А все другое одна лишь ложь и призракъ. Это воспоминаніе стоитъ между нами и будетъ стоять постоянно. И я хочу сказать тебѣ лишь одно: если-бы роли наши перемѣнились, я бы никогда не могла такъ поступить съ тобой!

Съ этими словами она повернулась и вышла изъ комнаты. Стейнертъ слышалъ шуршанье ея шелковой юбки, когда она проходила столовую, слышалъ стукъ закрываемой ею двери. Онъ продолжалъ сидѣть, весь съежившись на своемъ стулѣ, а все, о чемъ онъ думалъ и мечталъ, превращалось въ пепелъ. Въ эту минуту жизнь его измѣнилась безповоротно. Все ушло отъ него. У него ужъ ничего нѣтъ. Тамъ, гдѣ ему казалось, что онъ дѣлаетъ хорошее дѣло, онъ только усугубилъ зло. Думая исцѣлить, онъ нанесъ новыя раны. Думая связать, онъ разорвалъ...

Но изъ всѣхъ этихъ мыслей пробивается еще нѣчто другое, что его еще болѣе унижаетъ, чѣмъ все остальное, ибо оно заставляетъ видѣть истину такой, какова она въ дѣйствительности. Возвратившаяся къ нему, жена никогда не при-

нимала его нѣжности съ безконечной благодарностью и нельнула къ нему тѣмъ больше, чѣмъ мрачнѣе были тѣни, окутывавшія ее. Никогда этого не было въ дѣйствительности,—этотъ образъ создало лишь его воображеніе и его безграничная любовь. Не съ болѣзнью жены онъ боролся: тутъ скрывалось нѣчто гораздо худшее. Это была натура, безнадежной пустоты которой онъ до сегодняшняго дня не понималъ. Ее выдалъ тонъ, тонъ, который противорѣчилъ словамъ о страданіяхъ и выдавалъ недостатокъ мыслей и сердца. *Эта* жена не будетъ ужъ болѣе нуждаться въ уходѣ. Къ ней уже никогда не вернется болѣзнь, поразившая ее нѣкогда. Гнѣвъ, проснувшійся въ ней тогда, когда она почувствовала себя оставленной, обманутой, закалилъ ее, совершенно преобразилъ этого человѣка и показалъ ему, что онъ правъ. Отнынѣ она пойдетъ своей дорогой, лишенная любви, сильная ненавистью, замкнутая и умная, говоря о своей болѣзни лишь тогда, когда это можно дѣлать, ничѣмъ не рискуя, обыкновенно-же замалчивая ее—женщина, создающая вокругъ себя пустоту и всю жизнь свою ведущая только на показъ.

Оскаръ Стейнертъ видитъ все это, и стыдъ, что онъ такъ безцѣльно и слѣпо любилъ, угнетаетъ его такъ тяжело, словно онъ ужъ никогда не сможетъ подняться. И, сидя такъ, онъ засыпаетъ. Когда онъ просыпается, его охватываетъ холодъ. Керосинъ въ лампѣ выгорѣлъ. Полураздѣтый, онъ пробирается въ комнату, закутывается въ пледъ и лежитъ такъ безъ сна до утра, радуясь, что его не замѣтила прислуга. Рядомъ съ нимъ, спокойно и глубоко дыша, спитъ фру Элленъ.

XVI.

Съ этого дня совмѣстная жизнь Оскара Стейнерта съ женой прекратилась. Ихъ ночной разговоръ больше не повторялся. Оба знали, что это безполезно, и то, что должно было случиться, не могло быть измѣнено. Каждый жилъ своей особой жизнью, которую онъ старался заполнить возможно лучше. Оскаръ Стейнертъ дѣлалъ это, накинувшисъ на работу съ удвоеннымъ рвеніемъ и стараясь возможно больше сократить время своего пребыванія дома. Фру Элленъ же отдалась веденію хозяйства и дѣтямъ, искала занятій гдѣ только возможно, становясь все болѣе дѣятельнымъ членомъ многочисленныхъ кружковъ и обществъ, которые даютъ зазамужней и матеріально независимой женщинѣ такую богатую возможность работать и забывать домашнее горе.

Оба супруга смотрѣли на эту жизнь, которая такъ отли-

чалась отъ прежней близости, какъ на большое облегченіе для себя. Изнуряющая борьба за любовь была кончена, Никто изъ нихъ и не тосковалъ больше по нѣжности, которой ужъ не было между ними. Никто изъ нихъ не питалъ уже надежды, которая становилась тѣмъ мучительнѣе, чѣмъ болѣе обманчивой она оказывалась. Но всетаки между ними стояло воспоминаніе, унизительное, мучительное сознаніе, что они не сумѣли удержать того, чѣмъ нѣкогда обладали, что оно ускользнуло отъ нихъ и стало для нихъ бременемъ, которое каждый изъ нихъ вынужденъ носить молча. Эта тяжесть больного воспоминанія и чувство стыда за всѣ промахи ихъ жизни было теперь одно что еще было у нихъ общаго. Дѣти всецѣло держались матери; Стейнертъ считалъ это естественнымъ и даже не желалъ иного. Его домъ сталъ для него чужимъ, сталъ мѣстомъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя лишнимъ.

Онъ не разъ удивлялся въ это время, что онъ ужъ не чувствовалъ себя, какъ прежде, выведеннымъ изъ равновѣсія, что жизнь вообще ужъ не представлялась ему полной стольkихъ противорѣчій. Онъ былъ одинокъ, разумѣется; но испытываемое имъ чувство одиночества имѣло въ себѣ что-то закаляющее, что-то такое, что давало увѣренность въ себѣ. Эта увѣренность и ясность была лишена всякой надежды, но безнадежность ужъ не пугала его. Въ немъ, будто волшебствомъ, открылась какая-то ясность духа, побѣдившая хаосъ. И эта ясность сопровождала его, какъ свѣточъ, который человѣкъ несетъ передъ собой въ темнотѣ; и который дѣлаетъ его бодрымъ и твердымъ. Постланный диванъ, ожидавшій его каждый вечеръ въ кабинетѣ, вливалъ въ него чувство покоя. И одиночество, среди котораго онъ жилъ, было, если не хорошо, то, во всякомъ случаѣ, лучше, чѣмъ прежнее, и напоминало ему то лѣто, когда онъ жилъ безъ жены. Жизнь стала значительнѣе, важнѣе; каждый день пріобрѣталъ высшую цѣнность.

Весь секретъ состоялъ въ томъ, что Оскаръ Стейнертъ пересталъ искать въ жизни чего-нибудь для себя. Все стало для него свѣтлѣе, возможнѣе, новѣе! Окружавшія его загадки стали отъ этого менѣе ужасными. Жажда счастья не мучила больше. Страсть не возвышала больше голоса. Тихо, ясно, прохладно; воздухъ разрѣжается, дышать легко. Человѣкъ, который ничего больше не желаетъ для себя, живетъ точно въ горныхъ высотахъ, тамъ, гдѣ легко ступать, гдѣ одиночество не давитъ, гдѣ звѣзды ночи сверкаютъ въ чистомъ блескѣ...

Вотъ почему Стейнертъ сравнительно легко мирился съ тѣмъ, что на безнадежное равнодушіе, внушаемое ему же-

ной, она отвѣчала все возрастающей ненавистью. Они шли совсѣмъ разными путями, и онъ понималъ, что эта ненависть столь же болѣзненна, сколь болѣзненна была нѣкогда нѣжность. Онъ чувствовалъ ея ненависть, но онъ никогда не допытывался, какъ она проявляется. Когда время отъ времени въ немъ просыпалось подозрѣніе, что онъ въ лицѣ жены имѣетъ врага, который инстинктивно желаетъ ему зла, онъ отгонялъ это чувство и продолжалъ отдавать свою жизнь работѣ и развлеченіямъ. Все было для него теперь ясно, прозрачно и реально. Всѣ иллюзіи были убиты въ немъ въ ту ночь, когда жена поставила передъ нимъ ихъ отношенія въ настоящемъ свѣтѣ. И по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался, что женщина, которую онъ нѣкогда любилъ, не существуетъ больше, онъ и самъ становился другимъ.

Такъ прошелъ годъ; ужъ вторично отпраздновали Рождество, холодное, пустое, безрадостное, какимъ онъ раньше и не представлялъ его себѣ. Стейнертъ пересталъ уже спрашивать, для чего онъ, собственно, живетъ. Зато онъ довольно часто спрашивалъ себя, почему, собственно, онъ не расторгаетъ своего брака. Точнаго отвѣта на этотъ вопросъ онъ никогда не находилъ. Но ему казалось, будто въ дали манитъ неопредѣленная возможность, что дѣти, которыя теперь чужими проходятъ мимо него, будутъ нуждаться въ немъ и поймутъ, что онъ только ради нихъ остался.

Все это время его, очевидно, всетаки поддерживало нѣчто вродѣ надежды.

Однажды вечеромъ онъ, самъ меньше всего думая объ объ этомъ, завернулъ къ Торѣ Льюнгъ. Давно ужъ онъ не всходилъ по знакомой ему лѣстницѣ. О томъ, что произошло между нимъ и женой, онъ вѣдь не могъ говорить. А въ горѣ своемъ сидѣть и молчать не могъ. Когда онъ сегодня всетаки пошелъ сюда, ему казалось, будто годы прошли съ тѣхъ поръ, какъ они съ женой поговорили другъ съ другомъ, разошлись, не попрощавшись, и опять встрѣтились, не чувствуя потребности возобновить разговоръ.

Когда онъ теперь позвонилъ къ Торѣ Льюнгъ, онъ чувствовалъ, что онъ совсѣмъ не тотъ уже человѣкъ, который когда-то пришелъ сюда, чтобъ просить о помощи.

Онъ вошелъ, и его охватило предчувствіе, что здѣсь сегодня должно что-то произойти. Тора быстрыми шагами вышла ему навстрѣчу; и, пожимая ея руку, онъ въ отворенную дверь спальни увидѣлъ открытый чемоденъ.

— Ты собираешься уѣзжать?—воскликнулъ онъ.

Она улыбнулась весело, молодо, бодро и энергично кивнула головой.

— Да.

— Не попрощавшись со мной?

— Вѣдь я еще не уѣхала,—возразила она.—Я уѣду лишь завтра вечеромъ.

Она пытливо посмотрѣла на него, точно хотѣла подробно изслѣдовать всю его личность, и казалась удовлетворенной результатомъ. Затѣмъ она продолжала:

— Я уѣду бодрой, потому что тебѣ хорошо. Что-то хорошее я, значитъ, все-таки сдѣлала, какъ ни безполезна и одинока была моя жизнь. Зайдемъ же.

Съ этими словами она ввела его въ комнату, гдѣ занавѣски были отодвинуты, такъ что можно было глядѣть далеко на всѣ огни Гумельскаго сада и на двойные ряды фонарей, которые свѣтились вездѣ на улицахъ.

— Куда ты, собственно, ѣдешь?—спросилъ Стейнертъ, медленно усаживаясь.

— Во Флоренцію,—отвѣтила она.—Меня тянетъ туда. На той недѣлѣ у меня вдругъ явилось это желаніе. Совершенно неожиданно. Я раньше и не думала объ этомъ. За послѣдніе дни я отъ всего освободилась, и завтра вечеромъ отправляюсь въ путь.

На ея лицѣ опять появилось юношеское, свѣтлое выраженіе. Оно, точно солнечное сіяніе, промелькнуло по ея лицу и засвѣтилось въ улыбающихся глазахъ.

— Ты долго думаешь оставаться тамъ?—спросилъ Стейнертъ.

— Годъ, — отвѣтила она. — Чтобъ путешествовать ради путешествія, я недостаточно богата. Я должна ужъ тогда остаться подольше. Иначе я не могу.

— Ты бывала когда-нибудь во Флоренціи? — спросилъ онъ, лишь бы спросить что-нибудь.

— Въ молодости,—отвѣтила Тора и опять улыбнулась.— И тогда же я дала себѣ обѣтъ вернуться туда, если у меня когда-нибудь появится потребность въ чемъ-нибудь прекрасномъ, кроткомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ великомъ, полномъ красоты и мысли. И до сихъ поръ я сберегала себѣ Флоренцію, какъ скупой свое сокровище.

Стейнертъ сидѣлъ совсѣмъ тихо и думалъ о томъ, что онъ тутъ потеряетъ. Онъ думалъ о послѣднихъ годахъ, о томъ, чѣмъ была для него эта женщина. Онъ не слишкомъ часто приходилъ сюда, но все-таки достаточно часто. Онъ всегда зналъ, что здѣсь онъ найдетъ покой. Одинокіе вечера у Торы Льюнгъ были оазисами покоя въ его одинокой, тревожной жизни. А теперь эти комнаты будутъ закрыты, и онъ останется совсѣмъ одинъ.

— Что же будетъ съ твоими уроками? — спросилъ онъ, наконецъ.

Тора Льюнгъ улыбнулась.

— Ахъ,—сказала она.—Несчастные уроки музыки, единственное, что я вообще дѣлала въ своей жизни! Что это за работа? Есть же достаточно учительницъ и безъ меня!

— Да, но почему же ты никогда не попробовала ничего иного? У тебя же есть интересы, образованіе, все.

Онъ замолкъ; ему вдругъ показалось страннымъ, что онъ никогда раньше не спрашивалъ объ этомъ.

— Есть достаточно другихъ и вездѣ,—улыбаясь, отвѣтила Тора.

— Да,—сказалъ онъ.—Кромѣ того это, очевидно, одинъ только эгоизмъ, что я до сихъ поръ объ этомъ не говорилъ. А можетъ быть, это потому, что Тора Льюнгъ представляетъ собою нѣчто совсѣмъ особое, что ее и представить себѣ нельзя иной.

— Милый Оскаръ,—отвѣтила Тора.—Мы оба слишкомъ стары, чтобъ говорить другъ другу любезности.

Вдругъ Стейнертъ спросилъ:

— Будешь ты мнѣ писать?

— Разумѣется. Скажу откровенно: мысль о тебѣ было единственное, что заставляло меня колебаться. Единственное, что дѣлало для меня тяжелымъ уѣхать отсюда надолго. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я рвалась отсюда, давно уже. Но съ нами, женщинами, вѣдь всегда такъ: единственное, что насъ дѣйствительно связываетъ, это сознаніе, что мы кому-нибудь хоть немного, немного нужны. А совсѣмъ безполезной я вѣдь не была тебѣ, скажи?

Она протянула ему руку. Стейнертъ схватилъ ее, но тотчасъ же отпустилъ. Онъ не рѣшался произнести то, что ему хотѣлось сказать. Въ его головѣ промелькнула мысль, что Тора вѣдь совсѣмъ не знаетъ, какъ онъ теперь живетъ, какимъ постылымъ сталъ его домъ, какимъ онъ сталъ одинокимъ. Онъ никогда не могъ ей этого сказать, а она никогда не спрашивала. Они, какъ будто, безъ словъ сговорились, что бракъ Оскара Стейнерта не будетъ больше обсуждаться ими. Онъ прекрасно понималъ, что Тора Льюнгъ давнымъ-давно уже знала то, къ чему онъ пришелъ только такими мучительными окольными путями. И онъ былъ ей благодаренъ за то, что она не вынуждала его къ исповѣди, къ которой онъ питалъ отвращеніе. Поэтому онъ почувствовалъ облегченіе отъ того, что его подруга такъ бодро и, какъ ему казалось, такъ молодо говорила о себѣ. Тора Льюнгъ продолжала:

— Почему я именно теперь такъ рвусь отсюда, я, собственно, не знаю. Иной разъ, какъ будто, является желаніе поглядѣть на Швецію издали. Иной разъ мнѣ кажется, что

здѣсь происходитъ такъ много важнаго а иной разъ—такъ мало. Я думаю, въ сущности, здѣсь происходитъ великое и хорошее, только мы всѣ слѣпы для этого.

Оскаръ Стейнертъ разсмѣялся. Онъ казался очень изумленнымъ.

— Ты, можетъ быть, хочешь вмѣшаться въ общественную жизнь?

— Ты вѣдь понимаешь, что я этимъ хочу сказать. Развѣ я не права? Развѣ это не такъ? Каждый изъ насъ чувствуетъ потребность сознавать, что онъ не совсѣмъ одинокъ духовно, что онъ, однимъ словомъ, имѣетъ отечество, съ которымъ онъ живетъ!

— И поэтому, ты думаешь, надо на нѣкоторое время уѣхать?

— Да,—отвѣчаетъ она.—И это совсѣмъ не ново. Здѣсь я чувствую только пустоту, вижу только раздвоенность, ограниченность. Однѣ ошибки, если хочешь. И я иной разъ думаю: разстояніе идеализируетъ.

— Не искусственная ли это штука?

— Что?

— Вотъ такъ сознательно и нарочно золотить дѣйствительность.

Въ голосѣ Стейнерта слышалось раздраженіе. Весь планъ подруги былъ ему непріяенъ, такъ какъ онъ опрокидывалъ его желаніе. Поэтому онъ нарочно невѣрно толковалъ ея слова и сопровождалъ свои рѣзкія замѣчанія насмѣшливой улыбкой.

Но Тора, какъ будто, не замѣчала этого.

— Развѣ ты не думаешь, что мы всѣ нуждаемся въ вѣрѣ, въ вѣрѣ, что изъ всего того, что совершается вокругъ насъ, что намъ часто такъ отвратительно, все-таки произрастаетъ что-то другое, лучшее, что таитъ въ себѣ сѣмя будущаго?

Недовольство въ тонѣ Стейнерта улеглось, когда онъ отвѣтилъ:

— Ты вѣдь знаешь, что я это думаю иной разъ.

— Для того, чтобъ вѣрить тому, о чемъ я теперь говорю, надо имѣть что-то такое, что большая часть людей потеряла, потому что годы подтачиваютъ и треплютъ насъ. Назови это эластичностью души или полнотой сердца, или какъ тамъ хочешь. Не легко найти настоящее слово для этого. Во всякомъ случаѣ, когда начинаешь терять вотъ это что-то, тогда—плохо.

Стейнертъ поднялъ на нее глаза.

— Ты самый живой человѣкъ, котораго я знаю,—воскликнулъ онъ.—Среди насъ, живыхъ мертвецовъ.

— Этого ты вѣдь совершенно не знаешь,—возразила она.

Она сама не чувствовала, что голосъ ея сталъ звонкимъ и молодымъ, пока она продолжала:

— Ты и не представляешь себѣ, какъ сильна во мнѣ потребность сочувствовать всему, что происходитъ вокругъ меня, сочувствовать со всею полнотою и горячностью. Мнѣ иной разъ кажется, что въ этомъ сочувствіи кроется сѣмя того, что когда-нибудь будетъ считаться самой утонченной любовью къ родинѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую, что именно это начинаетъ теперь умирать. И я, во что бы то ни стало, хочу постараться помѣшать этому.

Стейнертъ вслушивался въ слова пріятельницы.

Онъ въ этотъ мигъ забылъ и про себя, и про недовольство, охватившее его въ первый моментъ.

— Послѣ всего я радъ за тебя, что ты можешь поѣхать,— сказалъ онъ.

— И ты говоришь это только теперь? Развѣ ты могъ быть не радъ этому?

— Да, да,—отвѣтилъ Стейнертъ.—Но то, что ты говоришь, не настоящая причина. Ты вѣдь глядишь, точно новый человѣкъ. Сказать тебѣ откровенно, что я думаю? Ты помолодѣла. Я это вижу. Въ чемъ дѣло?

Тора Льюнгъ встала и подошла къ окну. Тамъ она немного постояла. Когда она обернулась, Оскаръ Стейнертъ замѣтилъ, что ея глаза влажны. На его нѣмой вопросъ она отвѣтила:

— Ты правъ. Это не то. Тутъ есть нѣчто, что для меня важнѣе, несравненно важнѣе. И все-таки въ словахъ, сказанныхъ мною раньше, кроется все. Я этого только не могу выразить такъ, какъ хотѣла бы. Если я смогу, я тебѣ, можетъ быть, напишу объ этомъ въ письмѣ.

На ея лицѣ опять появилась та загадочная улыбка, которая такъ молодила ея лицо.

Когда Стейнертъ прощался, было ужъ поздно; и только тогда, когда онъ стоялъ уже въ передней, ему пришло въ голову, что для него все-таки было бы облегченіемъ излить передъ Торой свою душу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вспомнилъ, что было бы жаль теперь, когда она вся такъ полна тайнаго счастья, омрачить его разсказомъ о своемъ горѣ. „Я вѣдь могу ей написать, если мнѣ это будетъ необходимо“, подумалъ онъ. „На чужбинѣ впечатлѣнія столь разнообразны, и заботы легче забываются“.

Онъ посмотрѣлъ на Тору съ выраженіемъ отчаянной насмѣшки и сказалъ:

— Я читалъ въ японской сказкѣ, что если человѣкъ прошелъ мимо женщины, которая была для него самымъ

высшимъ въ жизни, то онъ можетъ закрѣпить ее за собой на семь будущихъ жизней. Ты вѣришь этому?

— Подчасъ,—отвѣтила Тора.—А почему бы и нѣтъ?

— Тогда подари мнѣ тѣ жизни, которыя намъ еще предстоятъ,—сказалъ онъ.—Та жизнь, которою я теперь живу, не многаго стоитъ. Такъ, какъ я стою передъ тобою, я безнадежно старъ; и я не помолодѣю, если тебя не будетъ.

Съ этими словами онъ нагнулся къ ней и, на прощанье, поцѣловалъ ее въ губы. Черезъ минуту онъ тяжело и медленно шелъ по улицѣ. Зимній вѣтеръ трепалъ деревья на кладбищѣ; вокругъ полумѣсяца надъ церковнымъ шпилемъ неслись облака.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Національный вопросъ въ свѣтѣ соціалистическаго міровоззрѣнія.

V.

Каждое право въ отдѣльности и система опредѣленныхъ правъ въ совокупности предполагаетъ, какъ необходимое и неотъемлемое условіе свое, наличность носителя права, то, что мы называемъ лицомъ или *субъектомъ* права. Въ этомъ смыслѣ лица бываютъ или *физическія* (данное, опредѣленное физическое лицо, которому принадлежитъ данное право: А, В, Сидоровъ, Петровъ), или *юридическія*, подъ которыми разумѣются извѣстныя коллективности, конкретно существующія, какъ общества, союзы, учрежденія, корпораціи, ассоціаціи и т. п. Говоря о правахъ національностей, существующихъ или желательныхъ въ законодательствѣ, о національномъ правѣ или о системѣ національныхъ правъ, мы понимаемъ, что нація не можетъ быть представляема, какъ физическое лицо, ибо въ природѣ существуютъ только отдѣльные ея представители, сама же нація, въ цѣломъ, есть только коллективность, которая *можетъ* быть признана субъектомъ права не иначе, какъ въ формѣ лица юридическаго. Очевидно, что въ основу выработки системы національнаго права должно лечь признаніе націи юридическимъ лицомъ, снабженіе ея аттрибутомъ субъекта, какъ носителя опредѣленныхъ правъ и соотвѣтствующихъ обязанностей. А между тѣмъ отсутствіемъ, игнорированіемъ этого элементарнаго требованія страдаютъ всѣ современныя европейскія законодательства, даже тѣ изъ нихъ, въ которыхъ имѣются нѣкоторыя указанія о національныхъ правахъ.

Такъ, напримѣръ, по словамъ Шпрингера, принципъ равноправія національностей, выраженный въ § 19 австрійской конституціи формулой: «всѣ народности равноправны», совершенно неудовлетворителенъ. Чтобы показать, насколько неудачна законодательная формулировка этого лозунга, говоритъ Шпрингеръ, достаточно привести критику это мѣста у Гумпловича. Онъ пишетъ: «Мы хорошо знаемъ изъ юриспруденціи, какимъ образомъ корпо-

рація или ассоціація могутъ быть носителями права, и какъ онѣ могутъ осуществлять послѣднія. Но вѣдь народность не есть ни ассоціація, ни корпорація, ни вообще моральный субъектъ въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ юридической наукѣ». «Если же мы не имѣемъ необходимой предпосылки всякаго права, а именно яснаго и опредѣленнаго понятія о субъектѣ, который долженъ явиться носителемъ права, то тѣмъ менѣе мы можемъ себѣ вообразить, какъ осуществитъ свои права народность, которая вообще не поддается опредѣленію... Мы не знаемъ, что подразумѣваетъ законодатель подъ словомъ «народности», затѣмъ не указано, сколько народностей въ Австріи; наконецъ, отсутствуетъ указаніе, въ какомъ смыслѣ и какимъ образомъ народность можетъ быть носительницей права» *). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Шпрингеръ говоритъ: «Какъ извѣстно, національности въ Австріи не существуютъ, какъ юридическія лица; ихъ коллективное бытіе вообще не нормировано правомъ. Дѣйствующее право не знаетъ націи, оно считается съ національностью лишь какъ съ отличительнымъ признакомъ индивидуума. Ничего иного наше законодательство не знаетъ... Правовое положеніе націи въ высшей степени жалкое... Австрійскій государственный основной законъ, построенный на принципѣ атомистическаго индивидуализма, не остается вѣрнымъ до конца даже этому принципу. Парадоксально дѣлать отдѣльную личность носителемъ національныхъ интересовъ, неразрывно связанныхъ именно съ жизнью всей національной группы, и § 19 является, поэтому, лишь предвозвѣстникомъ того золотого вѣка, когда наступитъ истинное равноправіе; этотъ § есть своего рода блестящій законодательный феерверкъ, который «свѣтитъ, да не грѣетъ» **).

Такъ обстоитъ дѣло съ § 19 австрійской конституціи, представляющимъ собою, какъ было уже замѣчено, лучшее мѣсто въ памятникахъ европейскаго законодательства по національному праву. Отсюда очевидна явная необходимость въ выработкѣ системы національнаго права. При этомъ, изъ необходимости признанія націи лицомъ, субъектомъ правъ вытекаетъ предварительная необходимость въ опредѣленіи самого понятія націи. Если нація—лицо, за которымъ мы готовы признать сумму опредѣленныхъ правъ и вытекающихъ изъ нихъ обязанностей, то, естественно, необходимо дать точное представленіе о природѣ и содержаніи этого субъекта, равно какъ опредѣлить его основныя черты и особенности, отличающія его отъ смежныхъ понятій. Юристы и соціологи, работавшіе по данному вопросу, въ цѣляхъ выработки правильнаго опредѣленія понятія націи, пользовались прежде всего, такъ сказать,

*) Rud. Springer. Staat und Nation. Wien 1899, русскій переводъ «Государство и нація», съ приложеніемъ статьи М. Б. Ратнера «О національной и территоріальной автономіи». Кн-во «Серпъ», 1906, стр. 39.

**) Rud. Springer. Der Kampf der Oesterreichischen Nationen um den Staat, S. 8,20.

методомъ исключенія. Они доказывали, что ни одинъ изъ обычно приписываемыхъ націи объективныхъ признаковъ не можетъ служить опредѣляющимъ, конститутивнымъ моментомъ этого понятія. Такъ, часто языкъ признается характернымъ признакомъ націи. И, тѣмъ не менѣе, по мѣткому выраженію Ренана, «языкъ приглашаетъ соединиться, но не принуждаетъ къ этому». Соединенные Штаты и Англія, испанская Америка и Испанія говорятъ на одномъ и томъ же языкѣ, но не образуютъ одной націи. Напротивъ, Швейцарія... насчитываетъ три или четыре языка... Пруссія, гдѣ теперь говорятъ только по-нѣмецки, нѣсколько вѣковъ тому назадъ говорила на языкѣ славянъ; въ галльскихъ странахъ говорятъ по-англійски; Галлія и Испанія говорятъ на первоначальномъ языкѣ Альбы-Лонги; въ Египтѣ говорятъ по-арабски *). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и извѣстный нѣмецкій государствовѣдъ Еллинекъ. «Не можетъ служить прочнымъ отличительнымъ признакомъ націи языкъ — говоритъ онъ. Существуютъ разныя націи, говорящія на одномъ томъ же языкѣ (англичане—говорящіе по-англійски ирландцы — американцы, испанцы—говорящія по-испански американскія націи, португальцы-бразильцы, датчане—норвежцы и т. д.), какъ, съ другой стороны, существуютъ небольшія объединенныя общностью языка группы или части различныхъ по языку племенъ, которыя считаютъ себя не только политически, но и національно объединенными съ народами, говорящими на другихъ языкахъ, какъ, напр., баски-испанцы, бретонцы-французы, валійцы-англичане и др.»**) Такъ же, какъ Еллинекъ, смотритъ на данный вопросъ и Нейманъ. «Въ языкѣ отражается, какъ часто доказывалось, характеръ націи. И этотъ характеръ находится подъ вліяніемъ языка...» Но возьмемъ обратную сторону, — замѣчаетъ авторъ. Развѣ португальцы и бразильцы составляютъ одну націю? Или испанцы и всѣ тѣ по-испански говорящіе, частью съ индіанской кровью, жители Центральной и Южной Америки—одна нація? А образованные люди, говорящіе въ Мексикѣ, Колумбіи, Эквадорѣ, Перу и т. д. по-испански, а въ Бразиліи попортугальски, не составляютъ ни тамъ испанской, ни здѣсь португальской націи ***). Такими разсужденіями, отрицающими опредѣляющее для націи значеніе языка, полна литература, какъ иностранная ****), такъ и русская *****).

*) Ernest Renan. Discours et conférences. Paris. Qu'est-ce qu'une nation., p. 298—299.

**) Д-ръ Еллинекъ. «Право современнаго государства». Спб., 1903, стр. 74.

***) Fr. Neuman. Volk and Nation. Leipzig, 1888, S. 56—9.

****) См., напр., Otto Bauer, Marx-Studien. B. II, S. 115—116, Prof. Lasarus, Was heisst national? Berlin, 1880, S. 12.

*****) См., напр., Вс. Даневскій. Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности, стр. 280—4. Х. Житловскій. Соціализмъ и національный вопросъ, кн-во «Серпъ», 1906, стр. 35—7.

То же слѣдуетъ сказать и о другомъ, часто указываемомъ, признакѣ націи—*расѣ*. Справедливо замѣчаетъ Ренанъ, что въ настоящее время «нѣтъ чистыхъ расъ, и что основывать политику на этнографическомъ анализѣ—значитъ превращать ее въ химеру. Самыя большія страны, Англія, Франція, Италія—это тѣ, въ которыхъ кровь наиболѣе перемѣшана» *). По мнѣнію Еллинека, признакомъ націи не можетъ служить естественая общность племени, такъ какъ всѣ современныя націи образованы изъ различныхъ, этнологически нерѣдко далеко отличныхъ другъ отъ друга племенъ. Такъ, современные итальянцы происходятъ отъ этрусковъ, римлянъ, грековъ, германцевъ, сарациновъ; французы—отъ римлянъ, галловъ, бриттовъ, германцевъ; русскіе представляютъ смѣшеніе многочисленныхъ славянскихъ и не-славьнскихъ племенъ; въ жилахъ американцевъ течетъ кровь почти всѣхъ расъ **). На тотъ же смѣшанный расовой характеръ современныхъ націй указываютъ и многіе другіе авторы ***). Каутскій по вопросу о вліяніи расы на національность остроумно замѣчаетъ: «Принадлежность къ той или другой націи не есть-ли нѣчто столь же опредѣленное, какъ и принадлежность къ извѣстной расѣ? Значительное число нашихъ буржуазныхъ идеологовъ отвѣчаютъ на эти вопросы утвердительно. Но на самомъ дѣлѣ, что можетъ быть смѣшнѣе какого-нибудь берлинскаго профессора, по происхожденію наполовину славянина, наполовину французскаго гугенота, можетъ быть, съ нѣкоторою примѣсью «семитической» крови—ибо кто теперь можетъ поручиться, что въ его жилахъ не течетъ капля этой крови?—что можетъ быть смѣшнѣе этого ублюдка, когда онъ трактуетъ о «нашихъ предкахъ», которые-де подъ предводительствомъ вождя херусковъ, Арминія, начали борьбу съ «наслѣдственнымъ вельшскимъ врагомъ», борьбу, продолжающуюся и по сей день! Какъ мало національность основывается на происхожденіи, можно видѣть изъ того, что въ составъ ея входятъ люди, принадлежащіе не только къ различнымъ расамъ. Венгерская нація состоитъ изъ арійцевъ, семитовъ и монголовъ. Еврейская національность, которая кажется столь рѣзко отграниченной отъ всѣхъ остальныхъ, представляетъ самые разнообразные типы: даже негрская кровь представлена въ ней» ****).

«Религія также не могла бы доставить достаточнаго основанія для учрежденія современной національности», — говоритъ Ренанъ. Теперь, уже нѣтъ массъ одинаково вѣрующихъ. Каж-

*) Renan, op. cit. p. 293—4.

**) Еллинекъ, цит. соч., стр. 74.

***) См., напр., D-r. Kronenberg. Ethische Präludien, München, 1905, S. 285. Kirchoff. Nation und Nationalität. Halle, 1905, S. 11—13. Lazarus, op. cit., S. 9. Bauer, op. cit., S. 117—119.

****) К. Каутскій. Національность нашего времени. Перев. съ нѣм., Спб., 1905, стр. 4—5.

дый вѣритъ по-своему, какъ можетъ, какъ хочетъ. Въ настоящее время нѣтъ государственной религіи: можно быть французомъ, англичаниномъ, нѣмцемъ, будучи католикомъ, протестантомъ, іудеемъ, не исповѣдывая даже никакого культа. Религія сдѣлалась совершенно индивидуальной *). Еллинекъ поясняетъ эту мысль словами: «Религія уже не есть теперь религія національная; къ одной и той-же націи могутъ принадлежать послѣдователи разныхъ религій» **). По словамъ Даневскаго, религія имѣла значительное вліяніе на народы древняго міра, еще большее въ средніе вѣка, когда она соединяла различныя національности и разъединяла индивидуумовъ одной національности. Религіозныя начала, имѣвшія въ древности, въ средніе вѣка громадное вліяніе на нравы, обычаи, законодательства и учрежденія, были могущественными факторами при образованіи національныхъ группъ. Но въ результатѣ исторіи распространенія религій оказалось, что одна и та же религія обнимаетъ часто многія національности, и, наоборотъ, и границы религіи не легко совпадаютъ съ границами націи» ***).

Гораздо болѣе серьезнымъ является вопросъ о вліяніи территоріи на націю. По мнѣнію Даневскаго, «для образованія національности, какъ независимаго политическаго тѣла, прежде всего необходима извѣстная, *опредѣленная территорія*, на которой живутъ и дѣйствуютъ солидарно индивидуумы, составляющіе населеніе страны. Національность всегда останется только культурнымъ понятіемъ, если она разсѣяна по различнымъ территоріямъ... Территорія, какъ физическая основа государственнаго бытія, всегда признавалась существеннѣйшимъ признакомъ государства». Но при этомъ, даже этотъ авторъ не доводитъ своего территоріалистическаго принципа до такъ называемой «теоріи естественныхъ границъ»: «теорія естественныхъ границъ падаетъ сама собою, такъ какъ національно-политическое тѣло не останавливается въ своемъ образованіи ни горами, ни рѣками. Національность можетъ перейти ихъ и можетъ не дойти до нихъ» ****). Но другіе авторы идутъ гораздо дальше въ отрицаніи территоріи, какъ необходимаго фактора образованія національности. По указанію Лазаруса, «на одной и той же территоріи находятся люди различныхъ національностей, и не только временно, какъ чужіе, но продолжительно, и, наоборотъ, люди одной и той-же національности живутъ на различныхъ территоріяхъ» *****). По словамъ Ренана, «территорія, какъ и раса, не создаетъ націи. Земля доставляетъ субстратъ, поле для борьбы и труда; человѣкъ доставляетъ душу. Человѣкъ весь проявляется

*) Renan, op. cit., p. 301—2.

**) Еллинекъ, цит. соч., стр. 74 см. также Lazarus, op. cit. S. 9.

***) Даневскій, цит. соч., стр. 287.

****) Даневскій, цит. соч., стр. 271—4.

*****) Проф. Lazarus, op. cit. S. 8.

въ созданіи того священнаго явленія, которое именуется народомъ» *).

Въ спорѣ, существующемъ по вопросу о связи территоріи съ національностью, имѣетъ большое значеніе наблюденіе надъ однимъ народомъ—евреями, давно потерявшими территоріальную самостоятельность и, однако, не только не утратившими національнаго единства, но, наоборотъ, поражающими міръ силой и живучестью своихъ національныхъ инстинктовъ. Выше мнѣ приходилось уже цитировать мнѣніе Каутскаго о еврейской національности, которая «столь рѣзко отграничена отъ другихъ» **).

Мало приходится распространяться о такихъ признакахъ по-

*) Renan, op. cit., p. 305.

**) Такое мнѣніе не единично въ исторической и соціологической литературѣ. Антропологъ *Хвольсонъ* констатируетъ, что „евреи представляютъ собою одинъ изъ наиболѣе характерныхъ и обособленныхъ антропологическихъ типовъ, удерживающій вѣками свои особенности, несмотря на различіе географическихъ и другихъ условій, при которыхъ ему приходилось и приходится существовать въ разныхъ частяхъ свѣта". (*Д. Хвольсонъ*, ст. „Евреи" въ Энциклопед. словарѣ *Брокгауза и Ефрона*). А извѣстная ученая изслѣдовательница Украины, *А. Я. Ефименко*, по тому же поводу говоритъ: „Евреи народность совершенно исключительная. Будущая соціологія много почерпнетъ для своихъ положеній изъ ближайшаго знакомства съ ихъ исторіей и строемъ... Евреи сумѣли сохранить народность помимо единства языка и совсѣмъ независимо отъ территоріальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская?" (*Александра Ефименко*. Южная Русь. Очерки, изслѣдованія и замѣтки. Томъ II, Спб. 1905, ст. „Бѣдствія евреевъ въ Южной Руси XVII вѣка", стр. 1).

Къ этому же мнѣнію о „кочевникахъ высшей культуры" — евреяхъ примыкаетъ и еврейскій изслѣдователь *X. Житловскій*. „Попробуемъ", — говоритъ онъ,—„абстрагировать отъ немногочисленной группы ассимилировавшихся интеллигентовъ-евреевъ и спросить себя, къ какой-же національности, если не къ еврейской, принадлежатъ всѣ эти массы еврейскаго люда, населяющія Польшу, Литву, Венгрію, Буковину, Румынію, Украину, Уайтчепльскій кварталъ въ Лондонѣ и еврейское „гетто" въ Нью Іоркѣ,— всѣ эти милліоны людей, говорящіе на одномъ и томъ же языкѣ, столь рѣзко отличающіеся во всей своей жизни отъ всѣхъ окружающихъ ихъ народовъ. (*X. Житловскій*. „Соціализмъ и національный вопросъ" стр. 46).

Пишущій эти строки всецѣло раздѣляетъ это мнѣніе о существованіи опредѣленной еврейской національности. Но справедливость обязываетъ его отмѣтить, что въ литературѣ по этому вопросу раздавались голоса противоположнаго свойства. Такъ *Даневскій* склоненъ отрицать за евреями, „соединившими въ себѣ всѣ признаки національности самобытной" характеръ „независимаго политическаго тѣла" (цит. соч., стр. 271). *Нейманъ* идетъ дальше и отрицаетъ уже за евреями, — по крайней мѣрѣ западноевропейскими,—признаки національности (op. cit., 82—91).

Въ новѣйшее время обратилъ на себя вниманіе аналогичнымъ мнѣніемъ,—опять-таки по отношенію къ западнымъ евреямъ,—*Отто Бауеръ* (op. cit., 366 — 81). Любопытно, что и Нейманъ, и Бауеръ не рѣшаются распространить свое мнѣніе на восточныхъ евреевъ, т. е. на главныя массы еврейской національности.

Обсужденіе этого вопроса выходитъ за рамки настоящей работы.

нятія націи, какъ государство, династія, общность интересовъ и общность историческихъ судебъ, нравы и обычаи и т. д.

Государство не можетъ служить необходимымъ элементомъ націи, такъ какъ не всѣ націи представляются государственно-объединенными, а нѣсколько націй или частей ихъ могутъ жить въ одномъ государствѣ. Съ другой стороны, націи могутъ существовать и безъ династическаго принципа, и даже націи, образованныя династіями, могутъ отдѣлиться отъ этихъ династій, не переставая, однако, существовать. Далѣе общность интересовъ существуетъ въ настоящее время между различными національностями, соединяя ихъ посредствомъ торговыхъ договоровъ и другихъ промышленныхъ связей, но не объединяя всѣхъ индивидуумовъ единствомъ націи. А общность историческихъ судебъ проявляется, какъ внутри единственнаго народа, такъ и между нѣсколькими народами, политически связанными между собою. Наконецъ, общіе нравы и привычки не могутъ идти въ счетъ, такъ какъ, съ одной стороны, внутри единой націи имѣются группы населенія съ различными нравами и привычками, а съ другой стороны, группы и классы населенія съ одними и тѣми же нравами и привычками насчитываются въ различныхъ національностяхъ *).

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ перечисленныхъ объективныхъ моментовъ, никакіе объективные моменты вообще неспособны служить въ качествѣ принциповъ, создающихъ понятіе націи. И это понятіе оказывается какъ-бы лишеннымъ всякой объективной основы, оторваннымъ отъ той внѣшней оболочки, которая позволяла бы въ каждомъ случаѣ, на основаніи вполнѣ осязательныхъ чертъ, констатировать наличность опредѣленной, строго отграниченной, ясно очерченной національности.

Но что же такое, въ концѣ концовъ, національность, нація? Въ чемъ сущность, истинное содержаніе, подлинная основа той коллективности, которая носитъ это названіе? Современная соціологія и юриспруденція даютъ на эти вопросы отвѣты въ полномъ согласіи съ приведеннымъ выше анализомъ. Разрывая связь между націей и какимъ-либо изъ объективныхъ моментовъ, наука приходитъ къ заключенію о *субъективной* природѣ анализируемаго понятія. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Ренанъ, напримѣръ, говоритъ: «Нація—это духовный принципъ, результатъ глубокихъ усложненій исторіи, духовная семья, а не группа, опредѣляемая формой поверхности». «Нація—это душа, духовный принципъ... Нація, какъ индивидуумы, это результатъ продолжительныхъ усилій, жертвъ и самоотреченія». «Нація—это великая солидарность, устанавливаемая чувствомъ жертвъ, которыя уже принесены и которыя еще

---

*) Еллинекъ, цит. соч., стр. 74. Lazarus, op. cit., 8—9, 7—8. Renan, op. cit. p. 290—303. X. Житловскій, цит. соч., стр. 48. Даневскій, цит. соч., стр. 285.

имѣютъ быть принесены въ будущемъ». «Великое скопленіе людей со здравымъ смысломъ и пылающимъ сердцемъ создаетъ моральное сознаніе, называемое націей» *). Еллинекъ говоритъ: «Нація не есть что-либо объективное, въ смыслѣ внѣшне существующаго. Она относится, напротивъ, къ обширному классу соціальныхъ явленій, которыя вообще не могутъ быть измѣряемы внѣшними мѣрилами. Нація есть нѣчто существенно субъективное, т. е. свойство опредѣленнаго содержанія сознанія. Группа людей, сознающихъ себя объединенными множествомъ общихъ своеобразныхъ культурныхъ элементовъ и общимъ историческимъ прошлымъ и потому отличными отъ другихъ людей, образуетъ націю» **). И въ такомъ-же родѣ имѣется въ литературѣ рядъ аналогичныхъ опредѣленій ***).

Неудовлетворительность этихъ опредѣленій, описывающихъ субъективную природу націй, но нисколько не выясняющихъ намъ ни объективнаго значенія, ни генезиса націи, такъ же очевидна, какъ очевидна намъ неудовлетворительность разобранныхъ выше опредѣленій націи по объективнымъ признакамъ. Варьируя эти опредѣленія и логически расчленивъ смежныя, родственныя, но не тождественныя понятія *націи* и *національности*, мы получимъ слѣдующія искомыя опредѣленія. Именно, на основаніи чисто субъективныхъ моментовъ понятія, мы приходимъ къ выводу о *національности*, какъ особой, внутренней индивидуальной природѣ существованія людей, и о *націи*, какъ группѣ лицъ, которая условіями своего совмѣстнаго историческаго существованія создала основы для проявленія такой индивидуальности.

Такимъ образомъ мы вправѣ построить слѣдующее опредѣленіе.

Національность—это духовная форма, въ которую отливается вся матерія соціально-исторической жизни народовъ, — форма, сообщающая этой жизни прелесть своеобразной, культурной красоты. Національность—это необходимый аттрибутъ нормальной человѣческой личности, это—альфа и омега правильнаго человѣческаго существованія, залогъ ея неустаннаго физическаго роста и духовнаго совершенствованія. Въ національности, какъ въ призмѣ преломляются всѣ индивидуальныя особенности, культурные задатки и моральныя блестки живой человѣческой личности ****).

Нація—это группа людей, которые, въ теченіе долгаго историческаго періода совмѣстнаго существованія, рѣшали или стремились рѣшать свои соціальныя задачи для себя и иначе, чѣмъ

---

*) Renan, op. cit., p. 305—310.

**) Еллинекъ, цит. соч., стр. 75.

***) См., напр., Neumann, op. cit., 61—74. Kronenberg, op. cit., 286. Bauer, op. cit., 130—1. Lazarus, op. cit., 17. Даневскій, цит. соч. стр. 293—296.

****) Цит. изъ моей статьи: „Современная постановка еврейскаго вопроса въ Россіи", въ сборникѣ: „Наканунѣ пробужденія". Спб. 1906, стр. 144.

другіе, вслѣдствіе чего у нихъ и выработались своеобразныя формы соціальнаго бытія—своя національность.

VI.

На вышеизложенныхъ общихъ положеніяхъ основана получившая въ послѣднее время громкую извѣстность, принадлежащая перу австрійскаго публициста Шпрингера, такъ называемая теорія *экстерриторіальнаго* національнаго права. Шпрингеръ примыкаетъ къ даннымъ выше опредѣленіямъ націи и національности. «Нація есть культурное цѣлое». «Подъ національностью разумѣется духовная и культурная общность съ болѣе или менѣе значительной литературой, какъ выраженіемъ этой общности». «Нація имѣетъ своимъ основаніемъ общность мыслей и чувствъ, т. е. относится къ внутренней сторонѣ человѣческой жизни» *). Словомъ, Шпрингеръ примыкаетъ къ опредѣленію націи, какъ группы людей, связанныхъ въ процессѣ совмѣстной исторической жизни единствомъ интересовъ и чувствъ. Въ виду этого нація въ такомъ пониманіи должна быть признана *юридическимъ лицомъ*, въ смыслѣ частноправовомъ и публично правовомъ, т. е. она должна обладать полной правоспособностью, правомъ заключать сдѣлки, правомъ быть истцомъ и отвѣтчикомъ на судѣ и т. п.**) .Такимъ образомъ, для созданія національнаго права и устраненія національныхъ раздоровъ необходимо конституированіе національностей. Конституированіе національностей достигается путемъ образованія національныхъ союзовъ съ принудительнымъ характеромъ. Этотъ принудительный характеръ необходимъ, такъ какъ національный интересъ не есть интересъ этическій, какимъ является, напр., въ настоящее время религія. Гибель національности обозначаетъ для ряда ея поколѣній нужду и презрѣніе, и матеріальный эгоистическій интересъ каждаго отдѣльнаго индивидуума требуетъ сохраненія его національнаго союза. Матеріальное содержаніе національной жизни очень сильно и существенно разнится отъ содержанія религіозной жизни ***).

Какъ же рѣшается вопросъ о принадлежности къ той или другой націи, къ тому или другому національному союзу? Только путемъ объявленія индивидуума въ присутствіи компетентной власти о своемъ національномъ происхожденіи. Совершенно такъ же, какъ совершеннолѣтній выбираетъ свою религію свободно, а за несовершеннолѣтняго религія выбирается его попечителемъ. Вопросъ о принадлежности къ данной націи былъ предметомъ многочисленныхъ научныхъ изысканій, особенно трудную задачу составлялъ

*) Синонтикусъ, Государство и нація, стр. 45, 50, 52.
**) Springer, Der Kampf der Nationen, S. 39.
***) Ibidem, S. 73, 16—17.

онъ для статистики. Въ этомъ отношеніи замѣчательны дебаты петербургскаго международнаго статистическаго конгресса 1874 года. Опредѣленіе національности возможно троякимъ путемъ: 1) по этнологическимъ признакамъ, 2) по родному языку, 3) по разговорному языку. Конгрессъ остановился на третьемъ признакѣ по чисто практическимъ удобствамъ. Но теперь совершенно ясно, что ни одинъ изъ подобныхъ признаковъ не можетъ служить доказательствомъ принадлежности къ той или другой націи. И только свободное волеизъявленіе индивидуума должно считаться рѣшающимъ вопросъ *).

Такова природа личныхъ, персональныхъ, національныхъ союзовъ, добровольно образуемыхъ гражданами государства, но обладающихъ принудительной силой въ сферѣ ихъ компетенціи.

«Нація разсматривается, какъ собраніе одинаково мыслящихъ и говорящихъ на одномъ языкѣ людей, то есть какъ личный (персональный) союзъ и конституируется, какъ экстерриторіальная коллективная единица... Націи образуютъ организаціи, въ которыя входятъ всѣ члены націи, и только они, безъ различія занимаемой ими территоріи... Національные дѣла и вопросы автономно разрѣшаются и выполняются соотвѣтствующими національными организаціями... Націи, слѣдовательно, образуютъ, если можно такъ выразиться, экстерриторіальныя государства въ государствѣ» **).

Но «яблокомъ раздора» на пути дѣятельности экстерриторіальныхъ организацій является территорія. Территоріальный принципъ постоянно являлся источникомъ неразрѣшимыхъ конфликтовъ. Національность по своей внутренней природѣ не имѣетъ ничего общаго съ территоріей. Человѣкъ не теряетъ данныхъ національныхъ особенностей, покидая родную область; чужой ихъ не пріобрѣтетъ только оттого, что поселится на данной территоріи, или возьметъ нѣсколько сотъ гектаровъ ея поверхности въ приданное за женой... «Нація—это союзъ одинаково мыслящихъ и одинаково говорящихъ личностей. Это—культурная общность группы современныхъ людей не связанныхъ землей». Территоріальный принципъ гласитъ: кто живетъ въ моей области, тотъ подчиненъ моему господству, моему праву, моему языку. Этотъ принципъ есть выраженіе господства, а не равноправія. Отсюда—борьба національныхъ областей за «землю», отсюда «областная» политика и «національная геометрія» различныхъ народностей въ государствѣ. Но необходимо конструировать націи, не какъ области господства, а какъ союзы людей. Нація должна конструироваться, какъ союзъ людей на базисѣ современнаго демократизма, какъ организація правовой защиты а не какъ феодально-патримоніальная область господства ***).

*) Ibidem, S. 63—66.
**) Ibidem, S. 14.
***) Ibidem, S. 33—36.—Эти же соображенія см. въ новомъ трудѣ Rud.

Въ первобытныя времена, общество представляетъ собой личный союзъ, покоящійся на кровномъ родствѣ. Необходимость переселеній, кочевая жизнь не допускаетъ установленія какихъ либо прочныхъ связей съ территоріей. Большія восточныя монархіи, римская имперія являются первыми крупными территоріальными державами. Далѣе въ историческомъ порядкѣ слѣдуетъ міровое государство Каролинговъ, которое объединило много племенъ, но не уничтожило ихъ національнаго права. Римскій провинціалъ сохранялъ свое національное право. Судья, прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію спорнаго вопроса, спрашивалъ его: «Quo jure vivis?» По какимъ правовымъ нормамъ живешь ты? Въ отвѣтъ сторона дѣлала заявленіе о своемъ національномъ происхожденіи, и послѣ этого судья уже зналъ, какими юридическими нормами онъ долженъ руководствоваться при разбирательствѣ тяжбы. Такимъ образомъ, здѣсь персональный принципъ выступалъ въ своемъ чистомъ видѣ. Современное государство, вмѣсто этого, выставляетъ территоріальный принципъ: если ты живешь на моей территоріи, то подчиняешься моей власти, моему праву, моему языку. «Это—форма отношенія господства и подчиненія, а не равноправія; господство осѣдлаго надъ пришельцемъ, владѣльца, крѣпко держащагося за свою собственность, надъ неимущимъ, который долженъ слѣдовать за спросомъ, въ лучшемъ случаѣ—господство большинства надъ меньшинствомъ». Нація, какъ цѣлое, не выигрываетъ отъ этого господства. Вслѣдствіе внутреннихъ передвиженій и тѣсныхъ экономическихъ связей, устанавливающихся между отдаленнѣйшими частями человѣчества, одна маленькая нація не можетъ замкнуться въ опредѣленныхъ и къ тому-же столь тѣсныхъ границахъ отдѣльной территоріи. «Всѣ элементы, которые выходятъ за предѣлы своей отечественной территоріи, какъ «чужаки», безправны... Территоріальный принципъ включаетъ въ себя безграничныя привилегіи для «своихъ» и безпощадное давленіе власти для «чужихъ», гнетъ надъ меньшинствомъ чужихъ національныхъ группъ со стороны владѣющихъ классовъ, издавна пользующихся осѣдлостью. Онъ сковываетъ національную мысль и во многихъ отношеніяхъ является антинаціональнымъ». «Отсюда необходимо дать національностямъ правильную организацію, облечь ихъ правами и обязанностями и заявить: каждый членъ всякой національной группы пользуется во всѣхъ частяхъ имперіи защитою, оказываемою его націи, и несетъ возложенныя на нее обязанности. Короче говоря: персональный принципъ, а не территоріальный, долженъ быть принятъ за основное руководящее правило; націи должны быть конституированы, не какъ территоріальные организмы, а какъ персональные союзы, не какъ государства, а какъ

Springer. Grundlagen und Entwicklungsziele der Oesterreichisch-Ungarischen Monarchie. Wien 1906, S. 195—201.

народы, не на основаніи словесныхъ опредѣленій государственнаго права, не на основаніи живыхъ нормъ народнаго права» *).

Такова въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ та система національныхъ правъ, которой присвоено наименованіе *экстерриторіальной національной автономіи*. Съ проповѣдью этой идеи, въ ея зачаточномъ состояніи, выступила впервые южно-славянская партія въ Австріи, гдѣ она была развита въ пражскомъ журналѣ Akademiker **). Юридическое же обоснованіе придалъ ей Рудольфъ Шпрингеръ. Легко видѣть истинную сущность и отличительныя черты этой концепціи, выросшей въ значительной мѣрѣ на почвѣ борьбы съ противоположной ей идеей—автономіей областной, территоріальной. Источникомъ правъ,—національныхъ правъ,—здѣсь служитъ не внѣшняя случайная черта—проживаніе на опредѣленной территоріи, а признакъ внутренній, личный—сознательное и добровольное существованіе въ предѣлахъ даннаго національнаго союза, обусловленное, поэтому, подлинными, соціальными интересами и потребностями. Вотъ почему національную автономію называютъ еще часто автономіей *личной*, *персональной*. Идея національной автономіи, исходя изъ жизненно-важной теоретической концепціи—національнаго союза, сильнаго своимъ внутреннимъ единствомъ, а не случайнымъ признакомъ нахожденія на опредѣленной территоріи, ограждая интересы наиболѣе угнетаемыхъ національныхъ меньшинствъ, начинаетъ невольно привлекать умы политическихъ дѣятелей, ищущихъ выхода изъ гнетущихъ національныхъ конфликтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—это единственное рѣшеніе національнаго вопроса, которое можетъ быть согласовано съ высшимъ выраженіемъ соціальной мысли — съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ. Какъ было отмѣчено въ резолюціи, предложенной Брюнnскому партейтагу комитетомъ южно-славянской соціалдемократической партіи, «установившаяся точка зрѣнія на австрійскій національный вопросъ ложна, ибо въ ней смѣшивается понятіе о націи съ понятіемъ о территоріи... Между тѣмъ, живая нація никогда не можетъ отождествляться съ мертвымъ географическимъ факторомъ—ограниченной территоріей» ***).

Отрицательное отношеніе къ территоріальному принципу постепенно становится господствующимъ и въ тѣхъ сферахъ россійской соціалдемократической мысли, которыя наиболѣе заинтересованы въ разрѣшеніи національной проблемы. Бундовскій авторъ, г. В. Медемъ, по этому поводу говоритъ: «Территоріальная автономія, какъ отвѣтъ на національный вопросъ, и до сихъ поръ служитъ лозунгомъ болѣе популярнымъ, чѣмъ національная автономія. Ложныя традиціи территоріализма, ошибочно переносимаго

*) Ibidem, S. 58—61.

**) См. объ этомъ рѣчь Криштана на Брюннскомъ партейтагѣ („Дебаты по національному вопросу на Брюннскомъ партейтагѣ", стр. 49).

***) Тамъ же, стр. 75.

въ область національнаго вопроса, служатъ причиной этого представленія. Отъ этихъ традицій нужно отказаться». «Та коллективная единица въ которой мы видимъ залогъ мирнаго разрѣшенія вопроса, должна быть не территоріальной, не областной, а національной» *). Въ томъ же духѣ, но еще болѣе рѣзко, высказывается Т. Гейликманъ. Въ его изображеніи «буржуазной» идеѣ территоріальной автономіи «должны быть противопоставлены конкретные лозунги пролетаріата». Въ сферѣ національныхъ отношеній такимъ пролетарскимъ лозунгомъ должна явиться идея національной автономіи, къ которой Гейликманъ вполнѣ и всецѣло присоединяется **).

Глубже и осторожнѣе ставитъ вопросъ Каутскій. Онъ совершенно правъ, когда говоритъ: «Автономія территоріальная вполнѣ совмѣстима съ духомъ буржуазнаго общества, ибо она отдѣляетъ одну націю отъ другой, создавая изъ каждой особый индивидъ. Мирное же сожительство націй, живущихъ въ перемежку, не имѣющихъ возможности разграничить свои сферы дѣйствія, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ существѣ буржуазнаго общества, основой котораго является конкурренція, антагонизмъ различныхъ слоевъ народа...». «Въ Россіи, какъ и на Балканскомъ полуостровѣ, въ Малой Азіи, въ Австріи есть немало крупныхъ областей, которыя заняты не исключительно одной національностью, а въ которыхъ живетъ нѣсколько націй, образуя пеструю смѣсь, такъ что территоріальное ихъ разграниченіе совершенно невозможно... Въ Австріи же былъ сдѣланъ цѣлый рядъ весьма остроумныхъ предложеній, какъ скомбинировать самоуправленіе территоріи съ самоуправленіемъ отдѣльныхъ націй, да и въ организаціи австрійской соціалдемократической партіи мы находимъ осуществленіе одновременно обоихъ этихъ видовъ автономій. Тѣмъ не менѣе, и несмотря на то, что Австрія гибнетъ изъ-за своихъ національныхъ распрей, ея буржуазныя партіи упорно отворачиваются до сихъ поръ отъ идеи національной автономіи» ***).

Вопросъ о томъ, «какъ скомбинировать самоуправленіе территоріи съ самоуправленіемъ отдѣльныхъ націй», дѣйствительно, представляетъ самую важную и трудную проблему автономіи. Ибо вопреки неглубокимъ разсужденіямъ г.г. Медема, Гейликмана и другихъ многочисленныхъ бундовскихъ авторовъ, и при проведеніи принципа національной автономіи территоріализмъ отнюдь не теряетъ своей силы и жизненности. Обращаясь къ анализу взгляда на взаимное отношеніе автономій національной и территоріальной, необходимо прійти къ заключенію, что строгое и исключительное

*) В. Медемъ „Соціалдемократія и національный вопросъ", изд. „Трибуна". Стр. 55—56 Спб. 1906 г.

**) Т. Гейликманъ: „Національный вопросъ и пролетаріатъ", статья въ сборникѣ „Итоги и перспективы", 1906 г., стр. 122.

***) К. Каутскій «О національномъ вопросѣ въ Россіи», изд. «Трибуна», Спб. 1906 г., стр. 63—64.

противопоставленіе этихъ двухъ видовъ автономіи оказывается фактически недопустимымъ. И его не выдерживаетъ даже Шпрингеръ, съ именемъ котораго обычно связывается какъ бы открытіе идеи національной автономіи *). Перелистывая брошюру Шпрингера «Государство и нація», мы увидимъ, что въ кажущееся противорѣчіе съ ея основнымъ взглядомъ автору ея оказывается не чуждымъ опредѣленное тяготѣніе къ принципу автономіи областной, территоріальной. Такъ, въ одномъ мѣстѣ Шпрингеръ, не обинуясь, заявляетъ: «Гдѣ территоріальныя границы національностей рѣзко обозначены, тамъ, конечно, государственный механизмъ гораздо проще, ибо одинъ и тотъ же организмъ является носителемъ и исполнителемъ всѣхъ суверенныхъ правъ». Далѣе, въ другомъ мѣстѣ брошюры говорится: «Конечно, народъ не можетъ существовать безъ территоріи; отсюда только слѣдуетъ, что внутренняя организація народа должна происходить сообразно съ территоріальнымъ разселеніемъ его. И если персональный принципъ положенъ въ основаніе отдѣленія одной націи отъ другой и объединенія въ цѣлое каждой изъ нихъ, то принципъ территоріальности сыграетъ важную роль въ качествѣ организующаго начала». И наконецъ: «Мы отнюдь не пытались этимъ доказать, что территоріальный принципъ, самъ по себѣ, непримѣнимъ и противорѣчивъ. Напротивъ, онъ представляетъ собою формулу для построенія національнаго государства. Національное государство представляетъ собою государственный строй съ наименьшимъ внутреннимъ треніемъ; оно естественно представляетъ *идеалъ каждой націи* (курсивъ мой— М. Р.), по крайней мѣрѣ, такихъ, которымъ ученые не отказываютъ въ «активномъ» національномъ самосознаніи» **).

Совершенно въ томъ же духѣ, но въ еще болѣе яркой и обоснованной формѣ, высказывается авторъ ученія національной автономіи и въ своемъ большомъ изслѣдованіи по національному вопросу. Я приведу мысли и оттуда для того, чтобы доказать, что въ устахъ Шпрингера всѣ эти разсужденія о значеніи территоріализма не являются простой обмолвкой, а составляютъ интегральную часть его воззрѣнія.

«Государство и управленіе имъ»,—говоритъ Шпрингеръ—«со-

---

*) Вѣрно то, что Шпрингеру принадлежитъ трудъ наибольшаго обоснованія идеи національной автономіи, но мы уже встрѣтились съ заявленіемъ Криштана о томъ, что эту идею еще раньше Шпрингера развили южные славяне въ пражскомъ журналѣ Akademiker. Польскій писатель К. Кульчицкій, помѣщая въ своей книгѣ «Автономія и федерація» главу объ «экстерриторіальной національной автономіи», въ свою очередь, замѣчаетъ: «въ вопросѣ объ экстерриторіальной національной автономіи, я впервые формулировалъ свои взгляды, не будучи совершенно знакомъ съ трудомъ Шпрингера, на лекціяхъ о сущности націи, организованныхъ въ Краковѣ народнымъ университетомъ имени Мицкевича». К. Кульчицкій. «Автономія и федерація», М. 1907, стр. 128.

**) Синонтикусъ. Государство и нація, стр. 53, 56, 58.

вершенно неотдѣлимы отъ территоріи, и все противорѣчивое въ національномъ вопросѣ объясняется именно этимъ расхожденіемъ между необходимостью «территоріализировать» государство и «персонализировать» націю *). Персональный принципъ отрицаетъ не территорію вообще, а лишь *историческія* территоріи. Уничтоженіе, отрицаніе исторически-территоріальныхъ традицій—это главная задача персональнаго принципа. Но когда государство установитъ областное дѣленіе, удобное для административныхъ цѣлей, персональный принципъ будетъ приведенъ въ соотвѣтствіе съ нимъ. Персональный принципъ долженъ приноровиться къ административному дѣленію. Но это очень легко сдѣлать, ибо почти девять десятыхъ округовъ, образованныхъ для административныхъ нуждъ несомнѣнно будутъ одноязычными, или же національное меньшинство въ нихъ будетъ такое незначительное, что имъ можно будетъ пренебречь. Въ смѣшанныхъ округахъ вступаетъ въ силу раздѣленіе гражданъ на національныя (персональныя) группы **). Вообще же «самымъ важнымъ и почти во всѣхъ вещахъ неотъемлемымъ организующимъ принципомъ является опредѣленная территорія». Въ современномъ большомъ государствѣ для персональныхъ союзовъ необходима еще и территоріальная организація. Отсюда слѣдуетъ, что если территорія не составляетъ конститутивнаго фактора организаціи, то всюду и въ одинаковой мѣрѣ служитъ весьма важнымъ организующимъ и безусловно необходимымъ базисомъ всякой государственной жизни. Государство въ интересахъ господства надъ своимъ милліоннымъ народомъ организуетъ территоріальные союзы. Такимъ образомъ, государственное управленіе не отрывается отъ почвы своей территоріи; болѣе того, государство послѣ, какъ и раньше, остается территоріально постоянной организаціей» ***).

Такимъ образомъ, торжество персональнаго принципа нисколько не искажаетъ. и не колеблетъ значенія принципа территоріальнаго: національное государство, предполагающее государственный строй съ наименьшимъ треніемъ внутреннихъ его частей, составляетъ, разумѣется, идеалъ каждой націи. Территоріальный принципъ остается цѣлесообразнымъ для большихъ объединенныхъ національныхъ государствъ, но не примѣнимымъ къ государству національностей ****). Наконецъ, въсвоемъ крайнемъ выраженіи персональный принципъ приводилъ бы къ нѣкоторымъ неудобствамъ. «Персональный принципъ, проведенный до своихъ крайнихъ послѣдствій, имѣлъ бы своимъ результатомъ образованіе въ Австріи восьми національныхъ союзовъ безъ всякаго отношенія къ мѣстопребыванію націи». «Но

*) Rud. Springer. Der Kampf der Nationen, S. 40.
**) Ibidem, S, 43.
***) Ibidem, стр. 49, 51—3.
****) Ibidem, 62, 90.

такой результатъ»,—замѣчаетъ самъ же Шпрингеръ,—«невозможенъ и не желателенъ для государства и націи. Національный союзъ долженъ быть расчлененъ территоріально» *).

Болѣе конкретно ту же мысль Шпрингеръ выражаетъ слѣдующимъ образомъ. Внутренняя организація національности должна быть сообразована съ территоріальной плотностью населенія; люди одной національности, живущіе въ одномъ округѣ или области, образуютъ *національную общину*, владѣющую имуществомъ, облеченную публичными гражданскими правами и правомъ самообложенія. Извѣстное число такихъ общинъ, объединившихся культурно и территоріально, образуютъ національный *округъ*, имѣющій такой же циклъ правъ, что и община. Наконецъ, совокупность этихъ округовъ даетъ *націю*. Она также есть субъектъ публичнаго и гражданскаго права **). Въ результатѣ получается то, что я называю «тройственной формулой» законодательства и управленія: 1) учрежденія *общегосударственныя*, вѣдающія общегражданскія дѣла, относящіяся ко всѣмъ областямъ и народамъ страны; 2) учрежденія *областныя*, *территоріальныя*, вѣдающія дѣла данной области въ отношеніи всѣхъ націй, ее населяющихъ; 3) учрежденія *національныя*, въ кругъ вѣдѣнія которыхъ входятъ исключительно національные интересы, связанные только съ данной національностью, не затрагивающіе интересовъ другихъ національностей.

Въ такомъ именно видѣ теорія экстерриторіально-національной автономіи является нынѣ весьма распространеннымъ ученіемъ, направленнымъ къ разрѣшенію національной проблемы. Это ученіе въ новѣйшее время принято и Отто Бауеромъ въ его цитированномъ сочиненіи и извѣстнымъ австрійскимъ ревизіонистомъ Фр. Гертцомъ ***).

Въ изложенной аргументаціи Шпрингера рѣзко отдѣлены другъ отъ друга идеи *территоріальной областной* и *экстерриторіальной національной* автономіи. Несмотря на нѣкоторую спутанность изложенія, заслуга Шпрингера велика. Дѣло въ томъ, что****) въ попыткахъ разрѣшенія національнаго вопроса весьма часто у насъ допускалось и допускается теперь одно крупное недоразумѣніе. Вопросъ просто отожествляется съ другимъ, не менѣе важнымъ, но совершенно отъ него отличнымъ вопросомъ—областнымъ. Вслѣдствіе ли просто невыясненности соотвѣтствующихъ понятій и неумѣнія ихъ должнымъ образомъ различать, или же, вѣрнѣе, потому,

---

*) Ibidem, 180—181.

**) Синоптикусъ, цит. соч., стр. 59.

***) См. Фр. Гертцъ „Соціализмъ и національный вопросъ". (Задачи соціалистической культуры. Сборникъ статей. Спб. 1907 г.). Есть и отдѣльное изданіе.

****) Въ дальнѣйшемъ дается изложеніе вопроса по статьѣ М. Борисова „Наши задачи" въ сборникѣ первомъ „Серпъ", М. 1907, стр. 10—13, 27—8.

что въ порядкѣ историческаго возникновенія на русской почвѣ національный вопросъ, какъ вполнѣ законченная и самостоятельная проблема, со всѣми свойственными ей мучительными треніями и рѣжущими конфликтами, далъ себя почувствовать въ територіально-отграниченныхъ областяхъ—въ Польшѣ, на Украинѣ, на Кавказѣ—но фактъ тотъ, что въ эволюціи русскаго общественнаго сознанія и въ исторіи русскаго общественнаго движенія понятіе національнаго и областного вопросовъ, разрѣшаемыхъ въ смыслѣ національной и областной автономіи, слились въ одно нераздѣльное цѣлое.

Мы назвали это смѣшеніемъ понятій и притомъ незаконнымъ. Силою самыхъ простыхъ соображеній и вполнѣ очевидныхъ фактовъ эта мысль можетъ быть доказана съ непререкаемою убѣдительностью. Областная автономія—это разумная мѣра внутренней политики, диктуемая ясно сознанною историческою необходимостью въ странѣ, гдѣ самая широкая и демократически организованная децентрализація является лучшимъ средствомъ борьбы съ застарѣлою язвою бюрократическаго режима—централизмомъ въ законодательствѣ и управленіи. Областная автономія представляетъ собою, поэтому, наболѣвшій и очередной вопросъ внутренней политики, разрѣшеніе котораго приведетъ къ оздоровленію всѣхъ сторонъ мѣстной жизни, возрожденной на широкихъ демократическихъ началахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для тѣхъ народностей, размѣщеніе которыхъ совпадаетъ съ распредѣленіемъ государственной территоріи на рѣзко очерченныя въ географическомъ отношеніи области, осуществленіе мѣстной, областной автономіи попутно приведетъ и къ удовлетворенію ряда насущныхъ національныхъ потребностей. Автономія Польши означала бы полонизацію всѣхъ сторонъ краевой жизни и тѣмъ самымъ привела бы къ удовлетворенію жгучихъ потребностей польскаго народа, вѣками угнетеннаго и вѣками борющагося за свою національную свободу. То же самое имѣло бы мѣсто по отношенію къ малорусской народности, въ случаѣ осуществленія автономіи Украины, гдѣ національный гнетъ и порабощеніе милліоновъ коренного населенія достигли издавна чудовищныхъ размѣровъ. И все же можно ли разсматривать автономію Польши или Украины, какъ реальный способъ разрѣшенія всего національнаго вопроса въ предѣлахъ даже этихъ областей, или въ отношеніи только польскаго или украинскаго народовъ? Вѣдь въ Польшѣ обитаютъ, помимо поляковъ, другіе народы, и съ полонизаціей края особыя національныя потребности этихъ народностей не только не будутъ утолены, но, наоборотъ, достигнутъ, быть можетъ, наибольшей интенсивности. То же самое и на Украинѣ. Съ другой стороны, и поляки, и малороссы сосредоточены не только въ Польшѣ или Украинѣ, но разсѣяны большими массами въ другихъ областяхъ Россіи. Автономія Польши не уничтожитъ, поэтому, польскаго вопроса въ Сѣверо-Западномъ краѣ, а въ автономной Украинѣ все же будутъ перемѣшаны между собою національности:

великорусская, малорусская, польская, еврейская и др., нуждающіяся въ точномъ размежеваніи взаимно-переплетающихся и сталкивающихся національныхъ интересовъ. Наконецъ, что дастъ, что въ состояніи дать самая широкая областная автономія тѣмъ національностямъ, которыя давно вышли изъ рамокъ территоріальной отграниченности и разсѣяны среди другихъ народностей повсемѣстно въ предѣлахъ государства. А вѣдь и у этихъ національностей существуютъ свои насущныя національныя потребности, нужды, интересы и никакая истинно-демократическая организація не вправѣ отказывать имъ въ необходимой защитѣ, разъ своеобразными судьбами не отъ нихъ зависящаго неумолимаго историческаго процесса они оказались оторванными отъ земли своихъ предковъ, гдѣ размѣстились другіе народы, и гдѣ созрѣли новыя національныя потребности.

Ясно, что областной вопросъ не покрываетъ собою вопроса національнаго, что областная и національная автономія—двѣ совершенно самостоятельныя идеи.

Теперь остаются еще вопросы: какова необходимая организація вновь конструируемыхъ національныхъ учрежденій? Каковъ непосредственный предметъ и границы ихъ компетенціи?

Отвѣтъ на эти вопросы логически вытекаетъ изъ нашего теоретическаго опредѣленія понятія націи и роли національнаго фактора въ общественной жизни.

Какъ своеобразная, многосторонняя общественная связь, не поддающаяся точному объективному опредѣленію и охватывающая различныя стороны народнаго организма, выдвинутыя реальнымъ ходомъ историческаго процесса даннаго народа, данной націи,—содержаніе національной жизни не можетъ быть фиксировано, не можетъ быть пріурочено къ опредѣленнымъ моментамъ. Нельзя сказать разъ навсегда по отношенію ко всѣмъ народамъ: вотъ что составляетъ содержаніе національной жизни вообще, вотъ граница, отдѣляющая національные интересы отъ интересовъ общихъ и т. д. Наоборотъ, своеобразныя историческія судьбы каждаго народа въ отдѣльности, въ связи съ условіями данной политической среды, его окружающей, создаютъ естественныя индивидуальныя границы отдѣльной національной жизни и опредѣляютъ степень интенсивности отдѣльныхъ національныхъ потребностей. Какъ мы уже говорили, національный гнетъ проникаетъ всѣ стороны жизни угнетенной націи, отражаясь съ особенной силой тамъ, гдѣ въ данный моментъ сосредоточивается общественная борьба. Но непосредственно національный гнетъ можетъ проявляться съ особенной силой и яркостью въ различныхъ областяхъ. Такъ, напр., чудовищный національный гнетъ, развиваемый россійскимъ централизмомъ, выражается не въ одинаковой формѣ по отношенію ко всѣмъ народностямъ и поражаетъ не въ одинаковой мѣрѣ различныя стороны народной жизни. Подъ давленіемъ этого гнета для современ-

ной Польши національный вопросъ ярче всего проявляется, какъ проблема политической и отчасти культурной автономіи; напротивъ, Украина была всегда наиболѣе наглядно попираема въ своихъ элементарныхъ культурныхъ потребностяхъ, а евреи, испытывающіе сравнительную «свободу» въ своей національно-культурной жизни, чувствуютъ вліяніе національнаго гнета во всѣхъ сферахъ соціальной жизни, преимущественно же въ области экономическихъ и политическихъ отношеній. Задача законодателя, идущаго навстрѣчу дѣйствительнымъ народнымъ нуждамъ, уловить эту колеблющуюся гамму національныхъ нестроеній, и въ примѣненіи къ реальнымъ историческимъ и бытовымъ условіямъ каждаго народа, въ соотвѣтствіи съ его подлинной народной волей конструировать строй національныхъ отношеній. Ниже мы покажемъ путь такого реальнаго строительства на примѣрѣ нѣкоторыхъ національныхъ программъ.

VII.

Я сказалъ, что идея областной автономіи, покрывая собой идею автономіи національной, пользовалась и пользуется большой популярностью въ русскихъ общественныхъ кругахъ.

И дѣйствительно, идея областной автономіи ярко свѣтитъ въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ русской соціалистической мысли. Такъ, въ рѣчи на конгрессѣ «Лиги мира и свободы», 1868 г., Бакунинъ говорилъ:

„Лига признаетъ національности, какъ естественный фактъ, имѣющій безспорное право на существованіе и свободное развитіе... Права національностей будутъ всегда разсматриваться лигой, лишь какъ естественное слѣдствіе, вытекающее изъ высшаго принципа свободы...

Признаніе абсолютнаго права къ полной автономіи за всякой націей, большой или малой, за всякомъ народомъ, слабымъ или сильнымъ, за всякой провинціей, за всякой коммуной, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы внутреннее устройство одной изъ перечисленныхъ единицъ не являлось бы угрозой и опасностью для автономіи и свободы сосѣднихъ земель" *).

И, однако, въ своихъ практическихъ выводахъ Бакунинъ, ратовавшій за автономію всякой націи, большой и малой, всякаго народа, слабаго или сильнаго, высказываетъ слѣдующее пожеланіе:

„Хотимъ самоуправленія народнаго—общиннаго, волостного, уѣзднаго и, наконецъ, государственнаго... Чтобы не было въ Россіи чиновничества, и чтобы централизація бюрократическая замѣнилась вольной областной федераціей.

Хотимъ, чтобы Польшѣ, Литвѣ, Украйнѣ, финнамъ и латышамъ прибалтійскимъ, а также и Кавказскому краю была бы возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякаго съ нашей стороны вмѣшательства, прямого или косвеннаго.

*) М. А. Бакунинъ. Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 54—5.

Хотимъ братскаго и, если будетъ возможно, федеральнаго союза съ Польшей, Литвой, Украиною, прибалтійскими жителями и съ народами Закавказскаго края" *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ практическомъ смыслѣ для Бакунина идея національной свободы покрывается идеей областного характера—федераціей.

Герценъ писалъ въ 1859 г. въ своемъ второмъ письмѣ къ польскому патріоту:

„У насъ, людей изгнанія, печальныхъ свидѣтелей столькихъ неудачныхъ сочетаній и распаденій, не можетъ, не должно быть и рѣчи о томъ, кому должна принадлежать та или другая часть населенной земли. Въ Малороссіи живутъ люди, подавленные рабствомъ, но не настолько сломанные правительствомъ и помѣщикомъ, что потеряли всякое чувство народности, совсѣмъ напротивъ, родовое сознаніе у нихъ очень развито. Что же это будетъ за шагъ къ ихъ освобожденію, когда, снимая московскія цѣпи, имъ скажутъ, что они должны принадлежать Польшѣ.

„Развяжемъ же имъ руки, развяжемъ же имъ языкъ, пусть рѣчь ихъ будетъ совершенно свободна, и тогда пусть они скажутъ свое слово, перешагнувъ черезъ кнутъ къ намъ, черезъ правежъ къ вамъ, или, если умны, протянутъ намъ обоимъ руки на братскій союзъ и независимость отъ обоихъ.

„Вотъ почему я такъ высоко цѣню федерализмъ. Федеральныя части связаны общимъ дѣломъ, и никто никому не принадлежитъ. Федеральныя единства могутъ даже существовать при такомъ антагонизмѣ, какой народился между Сѣверными Штатами и Южными въ Америкѣ. Централизація жертвующая самобытностью частей, стремящаяся къ полицейскому однообразному фронту, убивающая все индивидуальное, характерное, мѣстное, всегда будетъ качаться между Николаемъ и Бонапартомъ" **).

И, тѣмъ не менѣе, этотъ высоко цѣнящій федерализмъ Герценъ писалъ въ «Колоколѣ» о національныхъ движеніяхъ своего времени:

„По отношенію къ національнымъ болѣзнямъ послѣдняго времени мы всегда держались индифферентно, но мы не выступаемъ враждебно противъ нихъ. Онѣ, вѣроятно, принадлежатъ къ физіологической линіи развитія. Но мы не можемъ забыть того, что онѣ вытѣсняли революціонныя и соціальныя движенія и до того затемняли умы народовъ и личностей, что во имя ихъ Гарибальди и Бисмаркъ... могли очутиться въ одномъ станѣ. Противъ національныхъ движеній не слѣдуетъ бороться, но не слѣдуетъ и воодушевляться во имя ихъ. Въ нихъ проявляется низшая ступень человѣческаго стремленія къ общественности, къ соединенію со „своими" противъ „чужихъ"... Элементарное стремленіе группироваться по зоологическимъ признакамъ представляетъ дѣтскую фазу развитія, и бороться противъ этой фазы было бы равносильно борьбѣ противъ молочныхъ зубовъ" ***).

Такое же игнорированіе національнаго вопроса, при полномъ вниманіи къ вопросу областному, къ идеѣ федераціи проходитъ

---

*) Тамъ же, стр. 231—2.

**) Цитир. въ ст. В. Поссе „Національная автономія и всемірная федерація", „Библіотека рабочаго", № 3, стр. 51—52.

***) Цит. Х. Житловскаго, Соціализмъ и націальный вопросъ, стр. 64.

красной нитью черезъ всю раннюю русскую нелегальную литературу. Такъ въ распространенномъ въ 1861 году въ Россіи № 2 листка «Великоруссъ» говорится:

„Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться одними, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой нужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполнѣ признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя свободу. Вотъ объясненіе имени, носимаго нашею газетою. Но вопросъ о Южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе южноруссовъ. Вопросъ о Польшѣ уже требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно — выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса народа или говоритъ по-польски, или привязана къ прежней уніонистской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя поляковъ, то польскій духъ" *).

Итакъ, начавъ съ готовности «признать права національностей», авторы прокламаціи занялись исключительно разговорами о Польшѣ и Южной Руси, т. е. о двухъ крупныхъ вопросахъ областного устройства Россіи.

Еще рельефнѣе обстоитъ дѣло въ вышедшей въ 1862 г., надѣлавшей много шума, прокламаціей «Молодая Россія». Въ числѣ требованій мы здѣсь находимъ слѣдующія:

„Мы требуемъ измѣненія современнаго деспотическаго правленія въ республиканско-федеративный союзъ областей, при чемъ вся власть должна перейти въ руки Національнаго и Областныхъ Собраній. На сколько областей распадется земля русская, какая губернія войдетъ въ составъ какой области, этого мы не знаемъ: само народонаселеніе должно рѣшить этотъ вопросъ.

„Мы требуемъ, чтобы, кромѣ Національнаго Собранія, составленнаго изъ выборныхъ всей земли русской, которое должно собираться въ столицѣ, были бы и другія Областныя Собранія въ главномъ городѣ каждой области, составленныя только изъ однихъ представителей послѣдней. Національное Собраніе рѣшаетъ всѣ вопросы иностранной политики, разбираетъ споры областей между собою, вотируетъ законы, наблюдаетъ за исполненіемъ прежде постановленныхъ, назначаетъ управителей по областямъ, опредѣляетъ общую сумму налога. Областныя Собранія рѣшаютъ дѣла, касающіяся до одной только той области, въ главномъ городѣ которой они собираются" **).

Здѣсь уже опредѣленно выставляется требованіе областного федеративнаго устройства Россіи.

Въ вышедшемъ въ мартѣ 1878 г. «Началѣ» сказано, что этотъ «органъ будетъ заниматься... критикой явленій существующаго общественнаго строя съ освѣщеніемъ, съ точки зрѣнія принциповъ соціализма, фактовъ текущей жизни». И въ объясненіе «принциповъ соціализма» въ передовой статьѣ № 1 говорится:

*) Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ г.г., под. ред. В. Богучарскаго, стр. 21.

**) Тамъ же, стр. 43—5.

„Принципы соціализма—это интернаціональное знамя; воплощеніемъ ихъ въ общественномъ строѣ долженъ закончиться, быть можетъ, вѣковой процессъ соціальнаго переворота; они, какъ путеводная звѣзда, должны быть нашимъ руководящимъ началомъ. Въ этомъ смыслѣ мы признаемъ:

1) Взамѣнъ сословнаго государства—федерацію, образованную путемъ свободнаго союза свободныхъ общинъ, безъ всякой принудительной центральной власти; сила, сплачивающая отдѣльныя общины и федеративные союзы, должна заключаться единственно въ общности и солидарности интересовъ побуждающей жить каждаго для всѣхъ и всѣхъ для каждаго“ *).

Опять здѣсь мы встрѣчаемся съ требованіями федеративнаго устройства, съ полнымъ игнорированіемъ національнаго вопроса.

Точно также въ программѣ Исполнительнаго Комитета Народной Воли, съ которою выразила полную свою солидарность и редакція Народной Воли, въ видѣ второго пункта программы, красуется требованіе «широкаго областного самоуправленія, обезпеченнаго выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа» **).

Наконецъ, въ № 8—9 «Народной Воли» отъ 5-го февраля 1882 года мы находимъ слѣдующее принципіальное заявленіе по національному вопросу:

„Въ заключеніе—нѣсколько словъ объ отношеніи партіи Нар. Воли къ національностямъ, входящимъ въ составъ русскаго государства.

„Нерѣдко говорятъ, будто партіи Нар. Воли присуще пренебреженіе мѣстными особенностями *русскихъ окраинъ*, стремленіе подчинить остальныя народности великорусскому племени. Излишне доказывать, что народовольчество, какъ соціалистическая партія, чуждо какихъ бы то ни было національныхъ пристрастій и считаетъ своими братьями и товарищами всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ, безъ различія происхожденія; что пользоваться племенной враждой, а тѣмъ болѣе раздувать ее—вовсе не входитъ въ наши планы; что мы не сдѣлаемъ подобнаго шага, какъ бы ни была велика ожидаемая отъ того временная выгода для партіи.

„Другая сторона національнаго вопроса касается будущаго способа существованія исторически обособившихся народностей. Само собою разумѣется, мы не отнимаемъ у такихъ народностей права на полную *политическую независимость*, оставляя на ихъ добрую волю стать въ тѣ или другія отношенія къ остальнымъ національностямъ. Но мы утверждаемъ, что противъ общаго врага должны быть направлены соединенныя, дружныя усилія всѣхъ составныхъ частей государства: разъединеніе въ борьбѣ ослабитъ наши силы и отдалитъ побѣду. Мы настаиваемъ также на томъ, что торжество революціи и соціалистическихъ принциповъ упрочится только при томъ условіи, если общими силами будетъ произведена не одна дезорганизаціонная, разрушительная работа, но и созидательная, т. е., если учредительная дѣятельность *обще-русскаго* Земскаго Собора, которой займетъ мѣсто временнаго революціоннаго правительства, распространится на территорію всего государства. Только послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній, послѣ твердой установки общихъ основъ новаго строя отдѣльнымъ народностямъ должно быть предоставлено право—опредѣлить свою политическую связь съ цѣлымъ

---

*) Революціонная журналистика 70-хъ годовъ, подъ ред. В. Богучарскаго, стр. 1—4.

**) Литература партіи Народной Воли. Вып. I, подъ ред. В. Богучарскаго, стр. 108.

государствомъ. Иначе темныя реакціонныя силы, навѣрное, найдутъ свою Вандею, откуда откроютъ походъ противъ расчлененной революціи.

„У насъ нѣтъ мѣста и времени, да—пожалуй—и надобности, входить въ препирательства съ празднобалтающими педантами-автономистами. Наши слова обращаются къ тѣмъ честнымъ людямъ, которые—быть можетъ—уже работаютъ на пользу своего родного края, и которыхъ раздѣляетъ отъ насъ простое недоразумѣніе.

„Мы призываемъ ихъ къ совмѣстной съ нами дѣятельности, указывая на обоюдную нерасчетливость „брести врозь" *).

Характерно, что въ этой цитатѣ національный вопросъ, принципіально признаваемый весьма важнымъ, откладывается разрѣшеніемъ до «послѣ закрѣпленія революціонныхъ пріобрѣтеній». Характерна также ссылка на «празднобалтающихъ автономистовъ». Впрочемъ, и здѣсь рѣчь идетъ о «русскихъ окраинахъ», о «политической независимости», т. е. о задачахъ областного устройства, а не о національномъ вопросѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Переходя затѣмъ къ современнымъ программамъ дѣйствующихъ политическихъ партій, надо признаться, что и здѣсь въ интересующей насъ области далеко не все обстоитъ благополучно.

Въ программѣ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи мы находимъ слѣдующіе пункты, относящіеся къ національному вопросу:

3. Широкое мѣстное самоуправленіе; областное самоуправленіе для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія.

7. Уничтоженіе сословій и полная равноправность всѣхъ гражданъ, независимо отъ пола, религіи, расы и національности.

8. Право населенія получать образованіе на родномъ языкѣ, обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства и органовъ самоуправленія необходимыхъ для этого школъ; право каждаго гражданина объясняться на родномъ языкѣ на собраніяхъ; введеніе родного языка наравнѣ съ государственнымъ во всѣхъ мѣстныхъ, общественныхъ и государственныхъ учрежденіяхъ.

9. Право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства **).

Обращаясь къ анализу этой программы, необходимо обратить вниманіе на слишкомъ широкую формулу областного самоуправленія «для тѣхъ мѣстностей, которыя отличаются особыми бытовыми условіями и составомъ населенія». Въ чемъ заключаются эти «особыя» бытовыя условія и «особый» составъ населенія,—никакихъ указаній въ программѣ мы не находимъ. Равноправность всѣхъ гражданъ безъ различія религіи, расы и національности—это элементарное общее гражданское требованіе, которое, очевидно, въ счетъ національнаго вопроса итти

---

*) Литература партіи Народной Воли. Вып. II, изд. В. Богучарскаго, стр. 34—35.

**) В. Ивановичъ. Россійскіе партіи, союзы и лиги. Спб., 1906 г., стр. 5.

не можетъ. Многообъемлющая, повидимому, формула «права на *самоопредѣленіе* за всѣми націями, входящими въ составъ государства», явно неудовлетворительна. Это явствуетъ изъ сопоставленія формулы съ тою мыслью, что, вѣдь, рѣчь идетъ не объ устроеніи быта *одной* національности, *самоопредѣленіе* которой могло-бы, пожалуй, служить достаточнымъ высшимъ критеріемъ въ области соотвѣтствующаго законодательства. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ не объ организаціи нормальнаго быта одного народа, а также объ установленіи гармоническихъ отношеній перемѣшанныхъ между собою національностей, тамъ, очевидно, принципъ *самоопредѣленія* всѣхъ этихъ отдѣльныхъ атомовъ, во избѣжаніе новыхъ конфликтовъ внутри этого многочисленнаго организма, долженъ быть одухотворенъ какимъ-либо общимъ и высшимъ критеріемъ, могущимъ внести стройность и гармонію въ эту сумму сталкивающихся интересовъ. Требуется, поэтому, принципіальное построеніе соотвѣтствующихъ законодательныхъ нормъ, исходящихъ изъ единаго высшаго критерія и достаточно эластичныхъ для безпрепятственнаго примѣненія къ цѣлой суммѣ индивидуальныхъ проявленій разносторонней національной жизни.

Остается, слѣдовательно, важное нововведеніе, вводимое § 8-мъ программы, гдѣ устанавливается право населенія получать образованіе на родномъ языкѣ, «обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства и органовъ самоуправленія необходимыхъ для этого школъ». Здѣсь, наконецъ, сквозитъ пониманіе той элементарной истины, что устанавливаемое въ пользу кого-либо право лишь тогда пріобрѣтаетъ практическую цѣнность, когда сопровождается указаніемъ пути его реальнаго осуществленія, конкретныхъ способовъ его обезпеченія. И вотъ въ цитированномъ пунктѣ программы говорится объ обезпеченіи права на полученіе образованія на родномъ языкѣ. Но какъ оно обезпечивается? Указаніемъ на обязанности созданія «на счетъ государства и органовъ самоуправленія» необходимыхъ для этого школъ. Но развѣ этого бѣглаго замѣчанія достаточно для разрѣшенія вопроса? Въ чьемъ завѣдываніи будутъ въ такомъ случаѣ находиться эти національныя школы? Каковы будутъ взаимоотношенія школы національной и общегосударственной? Чѣмъ гарантируется готовность государства и органовъ самоуправленія заняться созданіемъ дѣйствительно необходимыхъ для этого школъ? Не выростутъ ли на этой почвѣ между государствомъ и націей, съ одной стороны, и между отдѣльными національностями, съ другой,—серьезные конфликты? А если выростутъ, то кто и какъ ихъ будетъ разрѣшать?.. Очевидно, даже оставаясь въ тѣсной области чисто школьнаго дѣла, нельзя дать сколько-нибудь удовлетворительные отвѣты на всѣ эти неизбѣжные вопросы внѣ принципіальной постановки національнаго вопроса и конкретныхъ способовъ его практическаго разрѣшенія. А все это не дано въ программѣ Россійской Соціалъ-демократической Рабочей Партіи.

какъ нѣтъ этого и въ другихъ россійскихъ соціалистическихъ программахъ.

Любопытна та аргументація, которая развивалась во время дебатовъ по поводу областной и національной программы на II-мъ очередномъ съѣздѣ Р. С.-Д. Р. П.

„Читается § 3 въ редакціи коммиссіи: „Широкое мѣстное и областное самоуправленіе".

„*Ленинъ* противъ слова „областное", ибо это очень неясно и можетъ быть истолковано въ томъ смыслѣ, что соціалдемократія требуетъ раздѣленія всего государства на мелкія области.

„*Либеръ* стоитъ за слово „областное", такъ какъ „мѣстное самоуправленіе" есть самоуправленіе деревень и городовъ, область же есть союзъ деревень и городовъ.

„*Мартовъ* не согласенъ съ аргументаціей Либера, такъ какъ она ничего общаго не имѣетъ съ соціалдемократической аргументаціей. За самовольные союзы общинъ мы стоять не можемъ. Но громадное пространство Россіи и опытъ нашего централизованнаго управленія даетъ намъ поводъ считать необходимымъ и цѣлесообразнымъ существованіе областнаго самоуправленія для такихъ крупныхъ единицъ, какъ Финляндія, Польша, Литва и Кавказъ.

„Поэтому, онъ вноситъ въ резолюцію поправку и предлагаетъ читать весь § 3 такимъ образомъ: „Широкое мѣстное самоуправленіе; областное управленіе для тѣхъ окраинъ, которыя по своимъ бытовымъ условіямъ и составу населенія отличаются отъ собственно-русскихъ мѣстностей" *).

Характерна для русскаго соціалдемократа боязнь Ленина, какъ-бы соціалъ-демократіи не приписали стремленія раздѣлить государство на «мелкія» области, вслѣдствіе чего у этого лидера партіи хватило мужества предложить выбросить признанный терминъ *«областное» самоуправленіе*. Краснорѣчиво также опредѣленіе Либера, что «область есть союзъ деревень и городовъ» (?!). И даже обнаружившій наиболѣе широкую точку зрѣнія Мартовъ высказался за областное самоуправленіе только Финляндіи, Польши, Литвы и Кавказа, забывъ, повидимому, что Финляндія и въ настоящее время пользуется значительной политической самостоятельностью, а Кавказъ представляетъ собою конгломератъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ народностей, нуждающихся каждая въ отдѣльности въ областномъ самоуправленіи.

Столь же интересны дебаты съѣзда по поводу спеціально національной программы.

„Съѣздъ переходитъ къ обсужденію восьмого параграфа обще-политической части программы, который въ редакціи комиссіи гласитъ такъ: „Право на самоопредѣленіе за всѣми націями, входящими въ составъ государства". Членъ делегаціи Бунда (*Гольдблатъ*) предлагаетъ прибавить къ § 8 „и созданіе учрежденій, гарантирующихъ имъ полную свободу культурнаго развитія".

*) Протоколы II съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Женева, 1903 г., стр. 170.—У меня, къ сожалѣнію, въ моментъ писанія настоящей статьи нѣтъ подъ рукой протоколовъ. Цитирую по статьѣ Базина „Вопросы государственной децентрализаціи въ программѣ Р. С.-Д. Р. П." „Серпъ", сборникъ первый, стр. 122—123.

„*Мартыновъ* указываетъ на то, что общія учрежденія должны быть устроены такъ, чтобы они обезпечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого особаго учрежденія, обезпечивающаго свободу культурнаго развитія національности.

„*Кольцовъ*. Делегаты Бунда всегда обижаются, когда заходитъ рѣчь объ ихъ національнзмѣ. Между тѣмъ, та поправка, которая внесена товарищемъ изъ Бунда, чисто націоналистическаго характера. Отъ насъ требуютъ чисто наступательныхъ мѣръ для поддержанія даже тѣхъ національностей, которыя вымираютъ.

„Поправка Гольдблата, смягченная формулировкой Либера, гласящей: „признанія за націями права на свободу ихъ культурнаго развитія", отвергнута всѣми голосами противъ голосовъ делегаціи Бунда, и § 8 былъ принятъ въ редакціи комиссіи: „Право на самоопредѣленіе за всѣми національностями, входящими въ составъ государства" *).

Въ этихъ дебатахъ любопытны замѣчанія: Мартынова, что для культурнаго развитія національности нѣтъ надобности создавать какія бы то ни было учрежденія, и Егорова—что въ вопросѣ о національности можно ограничиться только отрицательными предложеніями, и что для соціалъ-демократіи безразличенъ вопросъ о ростѣ той или другой національной культуры. Это полное непониманіе національной проблемы.

Въ программѣ партіи Соціалистовъ Революціонеровъ національному вопросу удѣлено не много мѣста, но въ ней замѣчается одна особенность. Прежде всего здѣсь выставлено требованіе «широкой автономіи областей и общинъ, какъ городскихъ такъ и сельскихъ». Затѣмъ спеціально по національному вопросу содержится требованіе: признаніе за національностями «безусловнаго права на самоопредѣленіе, пропорціональное представительство, введеніе родного языка во всѣ мѣстныя, общественныя и государственныя учрежденія. Въ областяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ право каждой національности на пропорціональную своей численности долю въ бюджетѣ, предназначенномъ на культурно-просвѣтительныя цѣли и распоряженія этими средствами на началахъ самоуправленія». И надъ всѣмъ этимъ возвышается въ программѣ принципъ: «Возможно болѣе широкое примѣненіе федеративныхъ отношеній между отдѣльными національностями» **).

Въ этомъ программномъ отрывкѣ замѣчательно указаніе на необходимость для каждой національности пропорціональной ея численности доли въ бюджетѣ, предназначенномъ на культурно-просвѣтительныя цѣли, и возможность распоряженія этими средствами на началахъ самоуправленія. Въ этихъ словахъ сквозитъ пониманіе необходимости отдѣльныхъ національныхъ учрежденій, распоряжающихся соотвѣтствующими долями общегосударственнаго бюджета. Но это высказано только въ видѣ отдаленнаго и туманнаго

*) Базинъ, цит. ст., стр. 132—133.

**) Протоколы перваго съѣзда партіи соціалистовъ-революціонеровъ, 1907 г., стр. 361—2.

намека. Еще болѣе замѣчательно указаніе на необходимость болѣе широкаго примѣненія федеративаго начала въ отношеніяхъ между отдѣльными національностями. Федеративныя отношенія между національностями—это то зерно, изъ котораго должно произрости правильное и полное разрѣшеніе національной проблемы. Партія соціалистовъ-революціонеровъ вступила по этому вопросу на правильный путь, идя по которому она должна добраться до конечной цѣли. Къ сожалѣнію только, отмѣченное основное положеніе брошено въ программѣ какъ бы вскользь, безъ ближайшаго опредѣленія или подробнаго описанія, безъ какого-нибудь фактическаго обоснованія или логическаго развитія понятій.

На съѣздѣ партіи національной программѣ было удѣлено чрезвычайно мало вниманія. Членъ съѣзда *Красова* замѣтила, что «даже въ средѣ партійныхъ работниковъ существуютъ различныя толкованія о *широкой автономіи областей* и *общинъ*». И она спрашивала, поэтому, «авторовъ проекта, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это выраженіе». Но это весьма законное недоумѣніе такъ и осталось неразъясненнымъ на съѣздѣ.

Затѣмъ на съѣздѣ вызвала живой обмѣнъ мыслей формула «безусловнаго» права на самоопредѣленіе національностей.

Рославлевъ. Перехожу къ національному вопросу. Признаніе за національностями «безусловнаго» права на самоопредѣленіе можетъ быть истолковано въ крайне нежелательномъ смыслѣ. Представимъ себѣ, что, напр., въ Польшѣ возникаетъ сильное теченіе противъ четырехчленной избирательной формулы, что это теченіе получаетъ въ концѣ концовъ преобладающій характеръ. Мы не сможемъ относиться къ этому явленію безучастно. Очевидно, безусловное право на самоопредѣленіе за національностями признано быть не можетъ. Русскій народъ долженъ завоевать одинаковыя политическія права для всѣхъ народностей, населяющихъ Россію; онъ можетъ даже въ періодъ конституированія навязывать имъ извѣстный минимумъ политическихъ правъ. Тотъ же принципъ приложимъ къ нѣкоторымъ областямъ культурной жизни, напр. къ вопросу о всеобщемъ, безплатномъ первоначальномъ обученіи. Съ этимъ, согласны главнѣйшія политическія партіи Польши. Въ виду всего этого я предлагаю измѣнить соотвѣтствующую формулировку, выбросивъ слово «безусловное» и сохранивъ только выраженіе: «признаніе» за ними (національностями) права на самоопредѣленіе.

Крымскій. При безусловномъ правѣ на самоопредѣленіе нѣкоторыя національности могутъ потребовать полнаго отдѣленія отъ Россіи, могутъ требовать установленія таможенной границы. Мы не можемъ признать за ними такого права. Мы въ нашей программѣ исходимъ изъ интересовъ трудящихся массъ, а для нихъ нѣкоторыя формы національнаго обособленія необходимо нежелательны и вредны.

Рощинъ. Съ точки зрѣнія принципіальной, по существу, вопросы о правѣ самоопредѣленія не могутъ раздѣлять С.-Р.: свобода самоопредѣленія національности, какъ приложеніе и развитіе принципа свободы личности, рѣшительно отдѣляетъ соціалиста отъ матеріализма и шовинизма всѣхъ оттѣнковъ. Программное требованіе формулируетъ принципіальное отношеніе. И при болѣе или менѣе полномъ осуществленіи нашей демократической программы.. принципъ, формулированный какъ «безусловное право націй на самоопредѣленіе», необходимо долженъ быть осуществленъ во всей полнотѣ.

Съ другой стороны, на съѣздѣ раздавались и совершенно иные голоса

Красова. Очевидно, здѣсь происходитъ какое-то недоразумѣніе. Возражая противъ признанія за національностями безусловнаго права на самоопредѣленіе, товарищи не могутъ какъ будто отдѣлаться отъ исторически сложившагося взгляда на подчиненіе слабѣйшихъ національностей національности командующей, русской. Въ самомъ дѣлѣ, мы и не думаемъ, напр., оказывать какое-либо давленіе, навязывать чтобы то ни было Германіи и Франціи. Не признавъ безусловнаго права на самоопредѣленіе, мы волей-неволей воспользуемся пережитками самодержавнаго режима.

Шевичъ. Никакихъ организацій въ правѣ самоопредѣленія національностей быть не должно. Стремленіе организованныхъ трудящихся массъ представлять собою соотвѣтственныя національности не сопряжено съ опасностью созданія новыхъ формъ угнетенія, ибо происходитъ въ такой исторической обстановкѣ, гдѣ солидарность трудящихся массъ всѣхъ національностей, языковъ и нарѣчій есть основной органическій принципъ. Въ тенденціи всѣ соціалистическія націи составляютъ уже единый союзъ, единое рабочее человѣчество. Сила этого союза не только не исключаетъ, но требуетъ полнаго расцвѣта генія каждой отдѣльной единицы. Если Франція, Германія, Россія должны внести въ этотъ союзъ максимумъ развитія своей соціалистической силы, т. е. пропаганды, организаціи, боевой техники и т. д. почему не желать этого для Польши, Литвы, еврейства и т. д. *).

Весь этотъ споръ, проникнутый весьма внимательнымъ отношеніемъ къ національному вопросу и національнымъ интересамъ основанъ въ сущности на недоразумѣніи. Противники «безусловнаго» самоопредѣленія національности какъ бы ощупью искали того высшаго критерія, который, какъ показано выше, необходимъ, когда рѣчь идетъ о самоопредѣленіи нѣсколькихъ національностей съ взаимно-сталкивающимися интересами. Но это затрудненіе практически преодолѣвается особой системой согласованія отдѣльныхъ національныхъ конституцій, какъ это, напримѣръ, выражено въ слѣдующемъ пунктѣ программы Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи:

Формы и строй національной жизни для каждаго народа въ отдѣльности первоначально устанавливаются національными учредительными собраніями созванными для этой цѣли на основахъ всеобщаго, безъ различія пола, равнаго, прямого и тайнаго голосованія, и получаютъ утвержденіе въ порядкѣ общаго законодательства; при этомъ производится тщательное согласованіе различныхъ положеній, выработанныхъ отдѣльными національными учредительными собраніями, какъ между собою, такъ и съ общими основами демократическаго строя, опредѣленными общегосударственными законами **).

Таковъ практическій путь, на которомъ не оказывается противорѣчія между формулами самоопредѣленія различныхъ національностей, какъ между собою, такъ и съ общими основами демократическаго строя.

Программа Народно-соціалистической партіи содержитъ въ себѣ требованіе равенства предъ закономъ всѣхъ гражданъ, безъ раз-

*) Тамъ-же, стр. 163—77.

**) Проектъ программы Еврейской Соціалистической Рабочей Партіи. „Серпъ". Сборникъ первый, стр. 270.

личія, между прочимъ, національности и вѣроисповѣданія, а также «введенія въ тѣхъ мѣстностяхъ государства, гдѣ этого пожелаетъ населеніе, національно-областной и областной автономіи съ предоставленіемъ областнымъ представительнымъ учрежденіямъ, организованнымъ на широкихъ демократическихъ началахъ, законодательныхъ правъ по мѣстнымъ дѣламъ» *).

Прямое упоминаніе объ автономіи весьма умѣстно. Оговорка-же насчетъ желанія населенія естественно наводитъ на мысль, что здѣсь, по идеѣ авторовъ программы, идетъ рѣчь объ удовлетвореніи національныхъ потребностей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что понятія національной и областной автономіи, какъ средства разрѣшенія національнаго вопроса, здѣсь какъ бы намѣренно спутаны между собою, безъ малѣйшей попытки ихъ логическаго расчлененія и конкретнаго согласованія.

О программахъ партій не соціалистическихъ намъ распространяться долго не приходится. Скажемъ все же о нихъ нѣсколько словъ.

Замѣчательно, что на точку зрѣнія свободы національностей стали,—по крайней мѣрѣ, въ своихъ программахъ,—даже реакціонныя партіи, несмотря на то, что именно національныя отношенія, какъ показалъ историческій опытъ, всегда служили для этихъ партій источникомъ самыхъ вопіющихъ предразсудковъ и пробнымъ камнемъ ихъ политической рѣшимости и добросовѣстности. Такъ, въ программѣ союза 17-го октября мы наталкиваемся на требованіе «широкаго развитія мѣстнаго самоуправленія на всемъ пространствѣ имперіи, при прочно установленныхъ основныхъ элементахъ гражданской свободы, при участіи равно всѣхъ русскихъ гражданъ безъ различія національности и вѣроисповѣданія въ созданіи правительственной власти, при признаніи за отдѣльными національностями самаго широкаго права на удовлетвореніе и защиту своихъ культурныхъ нуждъ, допустимыхъ идеей государственности и интересами другихъ національностей», и «объединенія отдѣльныхъ мѣстностей Имперіи въ областные союзы для разрѣшенія задачъ, выходящихъ въ предѣлы мѣстнаго самоуправленія»**). И даже партія правового порядка робко лепечетъ о «равноправности всѣхъ на всемъ пространствѣ Россіи, независимо отъ мѣста рожденія или постояннаго жительства въ той или другой ея части» ***).

Но оставимъ лицемѣрныя заявленія реакціонныхъ партій, на дѣлѣ не склонныхъ осуществлять лозунги своихъ программъ и воззваній, и обратимся къ заявленіямъ искреннихъ политическихъ группъ. И вотъ, къ удивленію, окажется, что программа партіи

*) „Народно-соціалистическое обозрѣніе", 1906 г., вып. I, стр. 9—10.

**) В. Ивановичъ. Россійскіе партіи, союзы и лиги, стр. 30—31.

***) Тамъ-же, стр. 48.

мирнаго обновленія содержитъ по національному вопросу лишь азбучное положеніе что «всѣ россійскіе граждане, безъ различія пола національности, вѣроисповѣданія равны передъ закономъ» *).

Конституціонно-демократическая партія, партія народной свободы, по собственному отзыву ея адептовъ, «сдѣлала спеціальнымъ предметомъ своей дѣятельности парламентскую работу». Такая спеціальность, казалось бы, требуетъ особенно тщательной разработки программныхъ положеній. И что же мы видимъ въ дѣйствительности въ программѣ данной партіи по кардинальному національному вопросу? Есть въ программѣ гл. III, озаглавленная «*мѣстное самоуправленіе* и *автономія*». Но, въ дѣйствительности здѣсь въ четырехъ пунктахъ (пп. 20 — 23) говорится о мѣстномъ самоуправленіи. А въ п. 24 дается обѣщаніе въ томъ смыслѣ, что «послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго представительства съ конституціонными правами для всего россійскаго государства долженъ быть открытъ правомѣрный путь въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства для установленія мѣстной автономіи и областныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, соотвѣтственно потребности населенія». Затѣмъ въ п. 25 говорится объ автономіи Царства Польскаго **). И это все, что содержится объ автономіи въ программѣ партіи народной свободы. Далѣе по собственно національному вопросу имѣются въ программѣ два слѣдующихъ требованія:

§ 11. Основной законъ Россійской имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ имперію народностямъ, помимо полной гражданской и политической равноправности всѣхъ гражданъ, право свободнаго культурнаго самоопредѣленія, какъ то: полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ публичной жизни, свободу основанія и содержанія учебныхъ заведеній и всякаго рода собраній, союзовъ и учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

§ 12. Русскій языкъ долженъ быть языкомъ центральныхъ учрежденій, арміи и флота. Употребленіе на-ряду съ общегосударственнымъ мѣстныхъ языковъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства или органовъ самоуправленія, регулируется общими и мѣстными законами, а въ предѣлахъ ихъ самими установленіями. Населенію каждой мѣстности должно быть обезпечено полученіе начальнаго, а по возможности и дальнѣйшаго образованія народномъ языкѣ ***).

Легко видѣть всю неудовлетворительность этихъ программныхъ положеній, лишенныхъ въ дѣйствительности сколько-нибудь серьезнаго практическаго содержанія. Всѣмъ народностямъ должны быть

*) Партія мирнаго обновленія, ея образованіе и дѣятельность въ первой Госуд. Думѣ. Спб. 1907, стр. 185.

**) Тамъ-же, стр. 15.

***) В. Ивановичъ, цит. соч., стр. 16.

гарантированы право культурнаго самоопредѣленія, свобода родного языка, свобода школьнаго дѣла и т. д. Какова, однако, возможная практическая постановка этихъ гарантій? Какъ осуществить въ данной политической средѣ, на почвѣ существующихъ условій государственной жизни, и свободу языка, школы, и вообще право хотя бы лишь только культурнаго самоопредѣленія для всѣхъ народностей, спутанныхъ въ пестрый клубокъ разновидностей, переплетающихся между собою на одномъ клочкѣ государственной территоріи? Словомъ, каковъ долженъ быть тотъ строй національныхъ отношеній, который могъ бы фактически осуществить для всѣхъ народностей даннаго государства дѣйствительную свободу національнаго развитія? Такова сущность національной проблемы въ ея практической постановкѣ. Но на всѣ эти вопросы мы напрасно стали бы искать отвѣта въ программѣ конституціонно-демократической партіи *).

Въ общемъ, если собрать всѣ разбросанныя по программамъ нашихъ демократическихъ партій отдѣльныя положенія, относящіяся къ національному вопросу, то въ совокупности не получится въ лучшемъ случаѣ ничего болѣе пресловутой статьи 19 австрійской конституціи, гласящей, что «всѣ народности въ государствѣ равноправны, и каждая народность *имѣетъ* неприкосновенное *право* на охраненіе и развитіе своей національности и своего языка». А сколь неудовлетворительна эта формула, объ этомъ достаточно было сказано и въ предыдущей, и въ настоящей статьѣ.

М. Б. Ратнеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) А между тѣмъ въ золотые дни свободы будущіе дѣятели конституціоно-демократической партіи, въ качествѣ участниковъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей 12—15 сентября 1905 года, усердно занимались вопросами національной автономіи и выработали два проекта автономіи Польши и Украины, о которыхъ очень скоро забыли и въ своей программѣ, и въ Государственной Думѣ. См. „О правахъ національностей и о децентрализаціи“. Докладъ бюро съѣзду земскихъ и городскихъ дѣятелей 12—15 сентября 1905 года. Москва 1905.

СОСНА.

У моего окна
И день, и ночь сосна
Таинственно шуршитъ.
Ей много, много лѣтъ;
Старуха знаетъ свѣтъ
И много тайнъ хранитъ.

И, мудрости полна,
Ворчитъ она со сна:
„Гм! гм! весенній духъ...
Опять безумный міръ
Заводитъ буйный пиръ
И счастьемъ бредитъ вслухъ.

„Мелькнетъ, какъ мигъ одинъ,
Краса полей, долинъ...
А счастье—мирный сонъ.
Пусть бѣденъ мой нарядъ
И жёстокъ, говорятъ,
Зато—какъ проченъ онъ!“

— Хи-хи! Ха-ха! Ха-ха!
Старушка-то ветха...—
Веселый смѣхъ звенитъ.
То—вкругъ корней сѣдыхъ
Березокъ молодыхъ
Семья шумитъ, шумитъ

Привольно, любо имъ,
Кудрявымъ и густымъ,
Подъ лаской вешнихъ дней...
Жить, каждой почкой жить!
Какъ воздухъ, радость пить,
Хоть мигъ—да грудью всей!

П. Я.

* * *

Былъ чудный мигъ: суля отрадный день,
Заря свѣтло и пышно разгоралась...
Но черныхъ тучъ опять простерлась тѣнь—
И смолкло все, что̀ шумно пробуждалось!

. . . .

Мнѣ грезится: залитый кровью челнъ,
Безъ кормчаго, подъ парусомъ пурпурнымъ,
Летитъ во мглу, гонимый вѣтромъ бурнымъ...
И молній блескъ! И дикій грохотъ волнъ!

Н. Шрейтеръ.

шей близости. Ева робко слѣдовала за нимъ и, когда они вошли въ столовую, сказала:

— Послушай, отецъ!

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, нѣсколько удивленный.

Съ выраженіемъ покорности и нѣжности она подошла къ нему и, взявъ его за руку, тихо проговорила:

— Я была неправа, отецъ... Прости меня... Простишь?.. Я сдѣлала глупость, не послушавшись тебя... Отецъ!..

Равьеръ стоялъ неподвижный, не вѣря еще ея словамъ, и съ тревогой во взорѣ смотрѣлъ на нее. Но въ глубинѣ глазъ засвѣтился огонекъ надежды.

— Ты говоришь правду?—произнесъ онъ.

— Прости меня!

Онъ порывисто привлекъ ее къ своей широкой груди, и у него вырвался вздохъ глубокаго счастья.

— О, моя маленькая Ева!—произнесъ онъ глухимъ подавленнымъ голосомъ, и тяжелыя слезы, слезы радости, катились по лицу этого суроваго человѣка.

А Ева, чувствуя себя защищенной отъ всѣхъ превратностей судьбы сильными объятіями отца, испытывала невыразимое блаженство и тихо всхлипывала, какъ ребенокъ.

— Ну, теперь все пойдетъ на ладъ... все пойдетъ на ладъ!—повторялъ Равьеръ, неловко трепля по плечу молодую дѣвушку.

Успокоившись, они съ улыбкою сквозь слезы смотрѣли другъ другу въ глаза, и въ нихъ загоралась надежда на счастливое будущее. Но, чтобы скрыть новый приливъ нѣжности, старикъ началъ усиленно вдыхать запахъ готоваго обѣда и закричалъ:

— Какъ здѣсь великолѣпно пахнетъ!.. У меня такой аппетитъ, что я готовъ сожрать самого Жюля Ферри.

— Сейчасъ все будетъ готово!..

При мягкомъ свѣтѣ лампы они сѣли за свою вечернюю трапезу. Проголодавшійся Равьеръ набросился на супъ, съ жадностью съѣлъ жареную телятину; но больше всего обрадовался онъ дессерту и пришелъ въ полный восторгъ при видѣ крема съ бисквитами.

— Твой кремъ великолѣпенъ, прямо восхитителенъ... О, да у насъ опять будутъ красные деньки!

За кофе, неловко поднявъ колѣни, Равьеръ началъ, какъ бывало, долго и безъ устали болтать, тронутый вниманіемъ дочери, съ глубокимъ интересомъ слѣдившей за его словами. Она съ такою жадностью вслушивалась въ изложеніе сухихъ теорій, въ разсказы о кровавыхъ событіяхъ, а Равьеръ находилъ столько точекъ идейнаго соприкосно-

венія между нею и его воинствующею душою, что онъ спорилъ съ нею такъ же охотно, какъ съ самымъ интеллигентнымъ изъ своихъ товарищей. Возраженія, иногда ею вставляемыя, еще больше привлекали его. Рѣзкіе тоны въ разсужденіяхъ отца она сглаживала мягкими красками болѣе тонкаго анализа, продиктованнаго голосомъ человѣческаго сердца, снисходительною терпимостью къ соблазнительнымъ сторонамъ соціальной жизни.

Въ этотъ вечеръ, оставаясь въ состояніи какого-то блаженнаго и очаровательнаго покоя, Ева не возражала отцу; все ея существо было слишкомъ преисполнено нѣжнаго къ нему чувства. А онъ, восхищенный вновь обрѣтеннымъ миромъ, далъ волю потоку своихъ идей,—идей, гдѣ все, за исключеніемъ основныхъ принциповъ, было точно установлено, отлито въ безусловно опредѣленныя матеріальныя формы. Замкнутый до двадцати лѣтъ въ горной лощинѣ, а затѣмъ переселившійся въ Парижъ, Равьеръ былъ пораженъ рѣзкимъ контрастомъ между широкимъ просторомъ природы и громаднымъ человѣческимъ муравейникомъ. Этотъ контрастъ совершенно перевернулъ вверхъ дномъ его прежнія привычныя наблюденія надъ медленнымъ процессомъ постепенныхъ измѣненій окружавшаго его міра; онъ вселилъ въ него наивное, непреодолимое убѣжденіе въ возможности внезапныхъ перемѣнъ и сдѣлалъ его неспособнымъ понять всемогущество времени, вѣковой и суровый процессъ развитія стараго народа. Но, не говоря уже объ этомъ слѣпомъ игнорированіи времени, о его наивномъ невѣдѣніи, осложненномъ жестокой борьбой за существованіе, вѣчной работой въ соціальномъ водоворотѣ, ссылкой въ Новую Каледонію, Равьеръ къ тому же былъ еще человѣкъ особаго покроя. Категоричный, какъ Сенъ-Жюстъ, онъ не обладалъ, однако, его рѣшительностью, не склоненъ былъ прибѣгать къ гильотинѣ или къ массовымъ казнямъ и не былъ способенъ къ широкимъ логическимъ построеніямъ; это былъ характеръ, любившій копаться въ мелочахъ, неповоротливый, но пылкій, сильный волею и увлекавшій своею неувядаемою юношескою свѣжестью.

Въ его мозгу вѣчно зарождались проекты, цѣлый лѣсъ проектовъ самыхъ разнообразныхъ. То были зачаточныя формы машинъ, планы человѣческаго общежитія, колонизаціи, общины, земледѣльческой культуры, раціональной гигіены, распредѣленія продуктовъ, мѣръ предупрежденія фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ, регламентаціи развлеченій, искусствъ, наукъ, системы точной соціальной бухгалтеріи, воспитанія скота и дѣтей, системы даровыхъ общественныхъ путей сообщенія, путешествій. Все зарождалось

сначала въ смутныхъ для него самого очертаніяхъ. Но Равьеръ не останавливался на этомъ первоначальномъ фазисѣ своихъ проектовъ; онъ питалъ отвращеніе къ идейной неопредѣленности анархистовъ. Медленно и терпѣливо онъ осторожно нащупывалъ всѣ подробности своихъ плановъ, не пренебрегая ни малѣйшимъ изъ звеньевъ своихъ размышленій; онъ старался опредѣлить точность возникавшихъ въ немъ неясныхъ представленій, конкретизировать ихъ; онъ хотѣлъ ихъ *видѣть*. Такъ, переходя постепенно отъ звена къ звену, онъ кончалъ построеніемъ осязаемаго, организованнаго механизма, рѣдко, однако, годнаго къ употребленію безъ значительнаго участія доброй воли людей, безъ суроваго принужденія или жестокихъ казарменныхъ законовъ.

Источники его познаній были крайне скудны. Онъ почерпалъ ихъ, главнымъ образомъ, изъ обширнаго вороха брошюръ. Скороспѣлыя утвержденія, мѣры исцѣленія, изложенныя на нѣсколькихъ страничкахъ, описанія новыхъ изобрѣтеній — всею этою добычею онъ овладѣвалъ сразу; она и давала ему извѣстныя рамки, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, онъ уже самъ вкладывалъ въ нихъ свое содержаніе.

Полеты на управляемыхъ аэростатахъ, удивительныя электрическія машины, защита границъ чудодѣйственными способами, марксизмъ въ сжатомъ изложеніи, отрывки изъ Прудона, Геда, лапидарное изложеніе икаризма, изобрѣтеніе химическаго способа приготовленія хлѣба, система осушенія почвы, искусственное высиживаніе яицъ, акклиматизація пищевыхъ растеній—вотъ что было его умственной пищей, неизсякаемымъ источникомъ тревожнаго энтузіазма. И эта страсть къ планамъ общественнаго устройства выражалась въ коллекціонированіи компасовъ, наугольниковъ, линеекъ, пріобрѣтенныхъ у торговцевъ старыми вещами и помогавшихъ ему иногда набросать неловкой рукою штрихи какого-нибудь примитивнаго проекта, контуры причудливой постройки, планъ крестьянскаго хозяйства, убѣжища, музея. Несомнѣнно, въ школѣ онъ принадлежалъ бы къ числу тѣхъ учениковъ-изобрѣтателей, которые, прочитывая лишь изложеніе теоремы, настойчиво стараются самостоятельно найти ея рѣшеніе, не прибѣгая къ тексту учебника; но, подавленный тяжкимъ бременемъ трудовой жизни, заглушившей въ немъ зачатки его природныхъ способностей, Равьеръ сталъ очень плохимъ учителемъ, неспособнымъ создать ничего положительнаго.

Система чистаго разрушенія была ему ненавистна. Хотя онъ и не осуждалъ тактики вождей, оправдываемой, по его

мнѣнію, стратегическими условіями борьбы, тѣмъ не менѣе не сочувствовалъ пожарамъ Коммуны и охотно обвинялъ въ нихъ измѣнниковъ, подкупленныхъ версальцами и бонапартистами. Доктрина безусловнаго отрицанія претила его страсти къ положительному строительству; ему казалось идіотствомъ отожествленіе зданія съ учрежденіемъ. Но его презрѣніе къ всесокрушающему анархизму, къ туманнымъ проповѣдямъ соціальнаго нивеллированія не распространялось на мѣры, направленныя къ уничтоженію лицъ богатыхъ и господствующихъ классовъ. Онъ, безъ сомнѣнія, одобрилъ бы массовое убійство такихъ лицъ, какъ Ротшильдъ, Галлифе, Вальдекъ, Ферри, Жюль Симонъ, Сэй и пр., не питая никакой личной ненависти ни къ кому изъ нихъ, за исключеніемъ развѣ Галлифе. Но несомнѣнно также, что самъ онъ не принялъ бы на себя исполненія этого жертвоприношенія.

Не будь Коммуны, оставившей въ немъ острое чувство побѣжденнаго, горькія воспоминанія о пережитыхъ мукахъ и униженіяхъ, онъ жилъ бы отшельникомъ, какимъ въ сущности и былъ, безкорыстнымъ, совершенно чуждымъ мелкаго тщеславія, свободнымъ отъ мученій неудовлетворенныхъ потребностей, скромнымъ въ своихъ требованіяхъ. равнодушнымъ къ житейскому комфорту, и чувствовалъ бы себя счастливымъ человѣкомъ. Замкнутый въ своемъ ученомъ раю, онъ, быть можетъ, своею упорной настойчивостью въ концѣ концовъ достигъ бы того, что сдѣлался бы какимъ-нибудь ученымъ. Теперь же онъ чувствовалъ себя неудачникомъ и жаждалъ отмщенія. Отъ мукъ, вызываемыхъ въ немъ сомнѣніями въ способности человѣчества усвоить характеръ совершенно новаго міра, онъ находилъ успокоеніе въ наукѣ, въ авторитетахъ, въ строгомъ и неуклонномъ слѣдованіи избраннымъ руководителямъ и въ убѣжденіи, что счастливые результаты обновленія. быстрое уничтоженіе пауперизма, прочность коллективистическаго эдема покорятъ ограниченные умы.

Сильно смущалъ Равьера расколъ среди восьмидесяти двухъ. Страшный споръ между Бруссомъ и Гедомъ вызывалъ въ немъ мучительныя колебанія. Плѣненный философскою солидностью Геда, умомъ и ясностью его аргументаціи, онъ, однако, сознавалъ тяжесть намековъ и жестокихъ обвиненій, какими Бруссъ осыпалъ лидера коллективистовъ и, подобно громадному большинству послѣднихъ, испытывалъ глухую боязнь предъ диктаторствомъ, питалъ недовѣріе къ слишкомъ быстро возвышающейся индивидуальности. Но послѣ совершившагося раскола, послѣ ожесточенной борьбы на конгрессахъ, когда онъ увидѣлъ Геда

побѣжденнымъ, когда онъ началъ понимать печальныя послѣдствія крупныхъ разногласій въ центрѣ партіи въ то время, когда она еще слишкомъ слаба, его начали мучить укоры совѣсти. Затѣмъ возрастающее упорство партіи по своему канонизировать за заслуги, ея стремленіе къ обостренію классовой борьбы, соединенное съ исключительными дифирамбами, воспѣваемыми вождями партіи простому физическому труду, постепенно усиливали въ Равьерѣ отвращеніе ко всему этому, и онъ, невѣдомо еще для него самого, все болѣе и болѣе отклонялся въ сторону Геда и сталъ однимъ изъ стремящихся вмѣстѣ съ неофитами къ возстановленію первобытной церкви.

X.

Слѣдующіе дни протекали для Евы въ размѣренномъ покоѣ, въ настроеніи легкой безпечности; внутреннее инстинктивное благоразуміе удерживало ее отъ недавнихъ воспоминаній. Въ этомъ состояніи полной уравновѣшенности и душевной неподвижности ея лицо съ черными, широко раскрытыми глазами, покрылось какъ бы тѣнью дремоты и имѣло неопредѣленное выраженіе затворницы.

Равьеръ, опасаясь, чтобы она не раскаялась, упорно старался развлекать ее: водилъ на прогулки, изобрѣталъ различныя удовольствія. Къ несчастью, у него въ этой области не было опыта, а вкусы его были не особенно тонки; онъ наугадъ водилъ дочь на публичныя собранія, въ кафе-концерты, иногда въ театръ, и дѣвушка попеременно то веселилась, то скучала. Ея граціозная фигурка составляла рѣзкій контрастъ съ неуклюжимъ тѣломъ отца въ пальто блестящаго цвѣта, случайно купленномъ у одного ужаснаго портного въ предмѣстьи и сшитомъ изъ черезъ-чуръ вылощеннаго сукна, въ тяжелыхъ ботинкахъ, подбитыхъ гвоздями, и въ смѣшномъ миніатюрномъ котелкѣ, торчавшемъ на верхушкѣ черепа. Еву это нигдѣ не стѣсняло, исключая театра, гдѣ ея тонкое женственное чутье страдало отъ замѣченныхъ ею насмѣшекъ. Возмущенная не за себя, она заявила, что не любитъ театра, и отецъ ограничивался тѣмъ, что сопровождалъ ее въ прогулкахъ по Монпарнассу и Монружу.

Надъ Парижемъ носились уже вѣянія весенняго обновленія, а мысль Евы по-прежнему текла медленно и тихо, прерываемая работой, серьезнымъ чтеніемъ и совмѣстными прогулками съ отцомъ. У нея была встрѣча съ Ларамэ на третій день послѣ разрыва, и она не вызвала въ

ней никакого замѣтнаго волненія. Маленькій человѣкъ по поведенію Евы, по грубой сухости Равьера понялъ, что съ нимъ не желаютъ имѣть дѣла. Ошеломленный, онъ тщетно старался объяснить себѣ загадку, употребляя страшныя усилія, чтобы постичь непонятную ему тайну, и готовъ былъ на самыя крайнія мѣры. Но онъ отказался отъ этого; онъ придумывалъ различные поводы для возобновленія сношеній, подстерегалъ молодую дѣвушку у ея жилища; но, не заставая ее никогда въ одиночествѣ, онъ прекратилъ свои преслѣдованія, началъ искать и нашелъ другія любовныя связи, болѣе легкія, заглушившія чувство сожалѣнія о неудавшемся похожденіи. Тѣмъ не менѣе, онъ никогда не могъ думать о немъ безъ волненія, по-прежнему смущаемый тайной неожиданнаго разрыва.

— Ей наговорили обо мнѣ что-нибудь дурное!..

Послѣднія искры сожалѣнія, блѣдныя, мимолетныя, едва поддерживаемыя весеннимъ дыханіемъ, угасали въ душѣ Евы; она перестала думать о Ларамэ; трепетъ юности засіялъ новымъ блескомъ въ глубинѣ ея глазъ. Тогда Равьеръ успокоился и, продолжая водить ее въ собранія, на бульвары, къ Северену, обрѣлъ свой покой, философскую беззаботность къ мелочамъ повседневной жизни, и послѣ девятичасовой работы за конторкой чувствовалъ себя счастливымъ среди ничѣмъ не нарушаемаго покоя своего домашняго очага. Но Ева не была счастлива. Отъ неудачнаго приключенія въ глубинѣ души осталось сознаніе полнаго ничтожества, горечь неисполненнаго желанія, овладѣвшая въ концѣ концовъ всѣмъ существомъ дѣвушки. Горечь эта умолкала лишь ночью передъ уснувшимъ великолѣпіемъ стараго сада, среди весенняго шопота пробуждающейся природы, когда издали доносились смутные голоса прохожихъ, лай собаки или крикъ проснувшейся птицы, рѣзко раздававшіеся среди кристальной чистоты ночи.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ то время нѣкоторые изъ революціонеровъ XIII и XIV округовъ усвоили себѣ обычай собираться на бульварѣ Монпарнасъ, около бульвара Данферъ. Принадлежа большей частью къ различнымъ группамъ, всѣ они сходились подъ маленькой галлереей, то прохаживаясь на подобіе перипатетиковъ, то мирно усаживаясь подъ нею. Рѣдко когда собиралось больше шести человѣкъ, но Равьеръ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей. Какъ-то разъ вечеромъ

онъ машинально увелъ туда съ собою Еву; было уже довольно поздно, когда онъ замѣтилъ собравшихся товарищей. Лонжтурнъ и Малико пошли ему навстрѣчу. Минуты двѣ спустя, къ ихъ группѣ присоединился еще какой-то хромой съ головой Эскулапа. Послѣ этого Лонжтурнъ, смѣясь, воскликнулъ:

— Граждане... засѣданіе открыто!

Всѣ усѣлись, и такъ какъ это было часъ спустя послѣ обѣда, то собравшіеся находились въ какой-то полусонной неподвижности, не располагавшей къ бесѣдѣ. Говорили какъ-то неохотно, перебрасываясь отдѣльными словами. Въ вечернемъ воздухѣ чувствовалась тяжесть; звѣзды были скрыты густыми облаками.

Обмѣнявшись отрывочными фразами, товарищи оживились и начали выкладывать запасы изъ своихъ умственныхъ ящиковъ.

— Прежде чѣмъ приняться за работу,—заговорилъ глухимъ голосомъ, качая своей громадной трубкой, Эскулапъ,—мнѣ нужно выпить пять рюмокъ коньяку одну за другой... Тогда она у меня идетъ гладко, какъ по маслу... Къ сожалѣнію, я не успѣваю все заносить на бумагу, мои мысли текутъ слишкомъ быстро... Но это все равно. Увѣряю васъ, я готовлю ловкій ударъ для тѣхъ, кто добивается индивидуализма...

Онъ еще болѣе понизилъ и безъ того беззвучный голосъ; чудовищное авторское самолюбіе было написано на его лицѣ; остальные смотрѣли на него безъ всякой симпатіи, изумляясь этой болѣзненной страсти къ фабрикаціи новыхъ идей для блага бѣднаго человѣческаго рода. Но Эскулапъ, сильно затянувшись изъ своей черешневой трубки, началъ изливаться въ жалобахъ, принимая видъ генія, падающаго подъ бременемъ слишкомъ дѣятельной мыслительной работы.

— Все равно... это губитъ меня... Да, я чувствую, что это укорачиваетъ мнѣ жизнь. Я часто ложусь спать не раньше двухъ-трехъ часовъ утра! Но если имѣешь здѣсь что-нибудь, то было бы преступленіемъ не возвѣстить объ этомъ для блага человѣчества!

Къ послѣднему соображенію слушатели отнеслись съ одобреніемъ, понимая, однако, что оно совершенно непримѣнимо къ самому говорившему. Особенно былъ возмущенъ Лонжтурнъ; у него даже потъ выступилъ на лбу отъ надоѣдливыхъ признаній Эскулапа. Онъ находилъ его смѣшнымъ и негодовалъ при мысли, что слушатели могли допустить существованіе другого мастера пера, кромѣ редактора „Revendication prolétaire“. Впрочемъ, онъ, Лонжтурнъ, относился ко всему этому съ глубокимъ пренебреженіемъ: онъ приду-

малъ такую штуку, что вскорѣ будетъ стоять рядомъ съ Бруссами и Гедами.

Между тѣмъ, заученнымъ нервнымъ движеніемъ, раскрывъ свой потертый пиджакъ, Эскулапъ проворчалъ:

— Здѣсь у меня... здѣсь у меня есть нѣсколько спѣшно набросанныхъ мыслей.. Но это, конечно, требуетъ еще исправленія...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана и развернулъ черную тетрадку, вызывая въ присутствующихъ смѣшанное чувство любопытства и досады; однако, онъ началъ читать ее сначала медленно, но постепенно приходя все въ большій и большій экстазъ.

— „Человѣкъ созданъ для жизни въ обществѣ. Мы видимъ, что крохотныя насѣкомыя, какъ, напр., муравьи, работаютъ сообща, совмѣстными усиліями, и, благодаря коллективизму, они становятся гораздо сильнѣе, чѣмъ многія животныя, гораздо крупнѣе ихъ. Мы видимъ, что буржуа сами подаютъ намъ примѣръ, учреждая крупныя предпріятія, вродѣ магазиновъ Луврь, Прентанъ и Бонмарше, концентрирующихъ трудъ. Только эгоисты, пресыщенные наслажденіями, отказываются понять выгоды отъ соединенія нашихъ силъ и нашихъ орудій въ одно общее дѣло для извлеченія изъ него наибольшей прибыли. Тѣ, что желаютъ индивидуализма, уподобляются арміи, гдѣ солдаты желали бы биться порознь и этимъ самымъ обрекли бы себя на неизбѣжное пораженіе. Но въ мірѣ такъ много развратныхъ людей, не признающихъ за другими права на блага жизни, что мы не въ состояніи создать ничего серьезнаго безъ избирательнаго права, руководящаго всѣмъ—и государствомъ, и коммуной. Необходимо, чтобы центральная власть уничтожила конкурренцію, ибо конкурренція—это язва моральнаго и матеріальнаго благополучія".

Сердце мыслителя усиленно билось, и на лицахъ своихъ слушателей онъ искалъ того энтузіазма, какого заслуживали эти великія мысли, эти оригинальные принципы, призванные перестроить старый міръ. А они, на молчаливый вопросъ мыслителя, покачивая головами, великодушно отвѣчали:

— Очень хорошо, Ланглуа!

— Это недурно!

— Не правда ли?—восклицалъ онъ, поощряемый этими одобреніями.—Я думаю, это будетъ имѣть нѣкоторый успѣхъ... оно ударитъ по сердцамъ честныхъ людей...

Короткое и спокойное „да", сказанное въ отвѣтъ, подняло въ душѣ его негодованіе и злобу, но онъ сразу понялъ, что въ нихъ говоритъ зависть. О, они за это поплатятся!..

Лонжтурнъ былъ раздраженъ—конечно, не прозой Ланг-

луа, не его мужичьимъ слогомъ, но тѣмъ, что Ева, наклонившись впередъ, внимательно слѣдила за монотоннымъ чтеніемъ. И подобное животное способно сдѣлаться предметомъ восхищенія этой молодой дѣвушки! Невѣроятно!.. Впрочемъ, женщины такъ глупы!..

И Лонжтурнъ не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго чувства и, въ концѣ концовъ, какъ ни отрицалъ онъ Эскулапа, пришелъ къ заключенію, что въ мѣшанинѣ мыслителя есть что-то заманчивое.

— А вы, гражданка... какого вы мнѣнія о моемъ маленькомъ трудѣ? — спросилъ Ланглуа Еву притворнымъ тономъ искренняго огорченія.

Замѣтивъ по затаенной робости, съ какою старикъ ставилъ этотъ вопросъ, какая безконечная жажда похвалы скрывалась за нимъ, Ева, тронутая печальнымъ видомъ мыслителя, отвѣтила сочувственно:

— Мнѣ кажется, что онъ составленъ весьма удачно.

Ланглуа нашелъ, что она умнѣе товарищей и, почти успокоенный ея отвѣтомъ, набилъ свою трубку табакомъ. Было тихо. Мягкій вечерній воздухъ своимъ движеніемъ время отъ времени шелестилъ вѣтвями ясеня. Ева чувствовала себя счастливой въ этомъ состояніи нѣжащей лѣни. Равьеръ завелъ рѣчь о томъ, что настоящая книга о соціализмѣ еще ждетъ своего автора.

— Предстоитъ еще написать такую книгу, гдѣ бы до осязательности ясно изображены были всѣ подробности будущаго общества,—заявилъ онъ.

— Вродѣ Икаріи Кабэ!—замѣтилъ Лонжтурнъ.

— Нѣтъ, Кабэ—это слишкомъ туманно!

Ланглуа, полный самодовольства, удивлялся только ихъ идіотизму, мѣшающему имъ понять, что именно его книга и дастъ такое изображеніе будущаго общества. Но Малико, хранившій до сихъ поръ молчаніе, перебивая другихъ, заявилъ, что по его мнѣнію, въ книгахъ нѣтъ недостатка. Напротивъ, есть превосходныя сочиненія, излагающія всевозможные принципы организаціи.

— Нѣтъ, дѣло не въ книгахъ!—воскликнулъ онъ, попадая неизбѣжно на своего постояннаго конька,—намъ недостаетъ солдатъ. Злоба охватываетъ при мысли, что деспоты обладаютъ цѣлой арміей пушечнаго мяса, а принципы находятъ такъ мало убѣжденныхъ бойцовъ.

И, отчеканивая каждое слово, онъ съ болью въ душѣ замѣчалъ, какъ мало созвучія съ его страстною вѣрою оказывается въ сердцахъ его товарищей-революціонеровъ. Между тѣмъ, еще недавно, вступая въ святая святыхъ новыхъ идей, онъ мечталъ, что потрясатели буржуазной Бастиліи свя-

заны между собою узами взаимныхъ горячихъ симпатій и глубочайшей любви, что они всегда живутъ въ атмосферѣ безусловной искренности, дружбы, любви и въ то же время—борьбы за свой идеалъ. Но, прикоснувшись къ дѣйствительности, онъ встрѣтился съ слишкомъ большою инертностью, съ холоднымъ равнодушіемъ, съ безконечными пустозвонными спорами. Онъ замкнулся, и одинокій, со скорбью въ душѣ, весь ушелъ въ свою вѣру.

— Конечно, конечно,—проговорилъ Лонжтурнъ.—Но сильные люди явятся... Они поднимутся раньше, чѣмъ ты думаешь, гражданинъ Малико.

— Я,—началъ Равьеръ,—совершенно признавая необходимость извѣстныхъ отдѣльныхъ актовъ, думаю, что революція должна быть борьбою цѣлой арміи, а не отряда...

Ланглуа, все еще чувствуя себя уязвленнымъ, тщательно приберегалъ свой ударъ и пускалъ черезъ ноздри большія струи дыма. Лонжтурнъ, гордо воздерживавшійся отъ столкновеній съ какой бы то ни было тенденціей, наполовину поддержалъ Равьера.

— Вы до извѣстной степени правы... Борьба организованной арміи—это вещь очень важная, но недурна и партизанская борьба... этого нельзя отрицать. Читали ли вы послѣдніи номеръ *Revendication prolétaire*?

Ланглуа, на зло, отвѣтилъ „нѣтъ“. Равьеръ пробѣжалъ ее, Ева также, Малико молчалъ.

— Вы тамъ замѣтили мѣсто, гдѣ говорится о реорганизаціи группъ?.. Это есть именно попытка къ примиренію темпераментовъ.

Лонжтурнъ вытащилъ экземпляръ *Revendication prolétaire* и, въ свою очередь, началъ читать статью, стараясь уловить впечатлѣніе, какое она производитъ на Еву.

— Обстоятельство, обыкновенно игнорируемое при образованіи коллективистскихъ кружковъ,—это выборъ, сортировка индивидуумовъ. Развѣ не удесятерились бы силы, какими будутъ располагать въ часъ соціальной революціи, если бы уже и въ настоящее время группы составлялись сообразно вкусамъ революціонныхъ агентовъ? Быть можетъ, подобная мѣра, благоразумно примѣняемая, имѣла бы неисчислимые результаты...

И онъ всячески поворачивалъ свою идею, нисколько не развивая ея, расплываясь въ многословіи, гдѣ чередовались между собою слова: способности, наклонности, темпераменты, организаціи.

— Ну-съ!—воскликнулъ онъ, окончивъ чтеніе.—Не кажется ли вамъ, что здѣсь есть надъ чѣмъ подумать.

— Это ваша статья?—спросилъ Равьеръ.

— Моя.

— Мысль ея я нахожу въ высшей степени цѣнной.

Мыслитель былъ глубоко уязвленъ. Рѣдкія похвалы Равьера показались Лонжтурну благоухающимъ бальзамомъ; сами вожди партіи добивались ихъ.

— И самая мысль вамъ принадлежитъ?—спросилъ Равьеръ.

— Ну, да,—со скромной миной отвѣтилъ вопрошаемый.

Равьеръ презрительно улыбнулся. Недѣлю тому назадъ онъ въ своемъ клубѣ слышалъ, какъ одинъ молодой гражданинъ читалъ Лонжтурну мѣсто изъ какой-то брошюрки, гдѣ развивалась та же мысль. А Ланглуа, жаждавшій уколоть журналиста, вынулъ свою трубку изо рта и тономъ мудреца замѣтилъ:

— Эта мысль стара, какъ міръ!

— Какъ это стара, какъ міръ!—заревѣлъ Лонжтурнъ съ негодованіемъ обокраденнаго изобрѣтателя. Лицо его, цвѣта старой замазки, исказилось яростью; смѣшно вытянувъ впередъ руку, онъ обрушился на Ланглуа цѣлымъ градомъ колкихъ фразъ, сопровождаемыхъ безпорядочными жестами.

— Это новая идея! Слышишь ты... Попробуй мнѣ указать автора... хотя бы одного автора, уже высказавшаго ее... слышишь... хотя бы одного! Ни Прудонъ, ни Марксъ, ни Гедъ... Нѣтъ, ты ни одного не укажешь мнѣ.

Ничего не имѣвшій за душой, Лонжтурнъ, ослѣпленный злобой, въ эту минуту дѣйствительно проникся отеческою любовью къ идеѣ; дѣйствительно считая ее своею и совершенно оригинальною, онъ былъ увѣренъ, что никому не удастся открыть брошюры, откуда онъ заимствовалъ ее. Но Ланглуа высмѣивалъ его и зло мстилъ за себя.

— Пожалуйста, не говори глупостей... Твоя идея... Да я тебѣ ее укажу, по крайней мѣрѣ, въ трехъ брошюрахъ... Не хочешь ли пари?

Чувство страха и угрызенія совѣсти закрались въ душу Лонжтурна, и онъ, на всякій случай, чтобы выиграть время и оправиться, воскликнулъ:

— Нѣтъ ничего глупѣе пари!

— Когда боятся проиграть его!

Журналистъ чувствовалъ себя въ унизительно-гнусномъ положеніи, особенно въ присутствіи Евы, и начиналъ уже сожалѣть о жертвахъ, приносимыхъ партіи—этому неблагодарному животному! Къ чему эти крестныя страданія, зачѣмъ лучшую часть энергіи своего мозга отдавать этимъ идіотамъ? Боязнь пари, стоявшаго передъ нимъ грознымъ призракомъ, внушила ему желаніе гибели Лангуа. И припертый къ стѣнѣ онъ воскликнулъ:

— Держу пари на сто су... въ пользу анзенскихъ стачечниковъ!

— Въ такомъ случаѣ, идемте всѣ ко мнѣ... Ходьбы не болѣе десяти минутъ.

Лонжтурнъ колебался. Стоитъ-ли идти навстрѣчу собственному униженію? Озираясь кругомъ, онъ искалъ благовиднаго предлога для промедленія, испытывая въ то же время сильное желаніе хватить своей палкой это грязное животное Ланглуа! Но неожиданный случай счастливо спасъ его.

На рельсахъ трамвая съ едва замѣтной, неопредѣленной улыбкой на лицѣ остановился какой-то пѣшеходъ и затѣмъ направился къ спорившимъ.

— Нужно отложить визитъ къ Ланглуа... Этотъ гражданинъ одинъ изъ моихъ друзей... пари его не касается,—сказалъ Равьеръ, узнавъ въ приближающемся человѣкѣ Элье.

— А, Элье!—замѣтилъ Малико.

Ева внезапно подняла голову: какая-то боязнь съ примѣсью злости охватила ее. Но Элье, съ присущимъ ему выраженіемъ безконечной мягкости, приблизился и подалъ руку Равьеру; Ева съ удивленіемъ замѣтила, что суровое лицо Малико освѣтилось какой-то нѣжностью, когда Элье пожалъ ему руку.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ мирно, подойдя къ Евѣ.

— Добрый вечеръ,—отвѣтила она, вдругъ испугавшись чего-то подъ потокомъ нахлынувшихъ впечатлѣній.

Оправившись, она почувствовала еще большее презрѣніе къ этому человѣку. Почему возбуждаетъ онъ въ ней такое чувство?—съ удивленіемъ спрашивала она себя. Вѣдь, въ концѣ-концовъ, онъ соціалистъ. Да, но соціалистъ, болѣе опасный, чѣмъ самый отъявленный противникъ, ибо онъ холоденъ, не вѣритъ въ величіе народнаго возстанія, у него нѣтъ прочныхъ моральныхъ устоевъ.

Съ неудовольствіемъ слушала она, какъ Равьеръ спрашивалъ у пришедшаго разъясненій съ такимъ почтительнымъ видомъ, какого онъ ни передъ кѣмъ не принималъ, исключая, быть можетъ, стараго Делеклюза. Разъясненія касались различныхъ элементарныхъ астрономическихъ свѣдѣній; уже въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ былъ поглощенъ старинной книгой по астрономіи, сильно затруднявшей его своими спеціальными терминами. Элье, прислонившись къ фонарю и склонивъ голову къ лѣвому плечу, давалъ поясненія, чертя палкою на землѣ различныя фигуры.

Лонжтурнъ сильно скучалъ во время этихъ объясненій. Ева испытывала какое-то враждебное чувство къ этимъ геометрическимъ фигурамъ, набрасываемымъ врагомъ, и стра-

дала за отца, стоявшаго въ позѣ скромнаго ученика; отъ напряженія жилы на его вискахъ налились кровью и на лбу выступили капли пота. Малико, лишенный самыхъ элементарныхъ научныхъ знаній, слушалъ съ безпредѣльнымъ наслажденіемъ, неподвижный какъ дикарь, очарованный музыкой.

Между тѣмъ, Элье плавнымъ увлекательнымъ языкомъ продолжалъ говорить о чудесахъ и красотахъ вселенной, о вѣковыхъ переворотахъ происходившихъ въ ней, и Ева, плѣненная величественностью нарисованной картины, чувствовала, что покой разливается по всему ея тѣлу, а въ душѣ звучитъ чудная мелодія.

Еще болѣе, нежели Ева, возбужденный Малико слушалъ съ широко раскрытыми блестящими глазами, и этотъ, невѣдомый для него, сказочный міръ казался ему чудной гармоніей; на губахъ его появилась нѣжная складка, и очаровательная улыбка открывала рядъ блестящихъ зубовъ. Равьеръ уже не задавалъ вопросовъ, полный неизъяснимаго счастья и благоговѣнія къ непобѣдимой силѣ Космоса, къ его величественному устройству, къ непоколебимому процессу развитія. Даже Ланглуа находилъ все это великолѣпнымъ, и только Лонжтурнъ, зѣвая въ кулакъ и удерживаемый на мѣстѣ странной случайностью, не понималъ, почему бы не уйти отъ этихъ животныхъ съ ихъ астрономіей.

Наконецъ, погрузившись въ сѣдую древность далекихъ вѣковъ, когда на полуостровѣ Пеласговъ появился новый пришлецъ Сиріусъ, Элье остановился.

— Развѣ въ то время уже были люди?—спросилъ Малико, ошеломленный этимъ удивительнымъ разсказомъ о столь необъятныхъ для него вещахъ.

— Были ли люди?.. Люди существовали уже тысячи вѣковъ тому назадъ!

Какое-то дикое любопытство изобразилось на лицѣ Малико.

— А какіе они были тогда?

Но тутъ Лонжтурнъ, устрашенный предстоящей лекціей о приматахъ, рѣшилъ уйти.

— Мнѣ некогда, господа,—заявилъ онъ,—до свиданія.

И онъ удалился саженными шагами, обдумывая планъ, какъ бы разрушить скверную штуку, подготовленную ему Ланглуа.

Дѣйствительно, Элье началъ разсказъ съ туманной эпохи происхожденія человѣка, съ увлекательной поэмы, написанной человѣческою рукою въ земныхъ пластахъ четвертичнаго періода. Хотя Равьеръ и Ланглуа и были кое-какъ освѣдомлены въ этихъ вопросахъ, наслышавшись зачатковъ знаній

въ этой области во время дебатовъ на рефератахъ различныхъ собраній, но они совершенно не были знакомы со всѣмъ процессомъ развитія, какъ съ логическимъ цѣлымъ. Ясный ударъ мотыки въ геологическихъ слояхъ привелъ ихъ въ восторгъ, и странное зрѣлище представляли собою эти четыре усердныхъ посѣтителя клубовъ, эти смѣлые вершители революцій и судебъ человѣческаго общества, застывшіе въ наивномъ юношескомъ очарованіи, съ пристальнымъ вниманіемъ слушавшіе краткую исторію каменнаго вѣка.

Напряженное вниманіе слушателей вдохновило Элье. Его рѣчь, монотонная, не отличавшаяся богатствомъ нотъ, не разсѣивала ихъ сосредоточеннаго вниманія декламаціей. Онъ трогательно разсказалъ о безконечной исторіи первобытныхъ предковъ, объ узкихъ черепахъ, менѣе развитыхъ, чѣмъ у жалкаго австралійца, затѣмъ указалъ на прогрессъ орудій, оружія, утвари, на развитіе мануфактуры, заключавшей въ себѣ уже зародышъ механическаго производства, на первобытный станокъ, на великолѣпные наконечники стрѣлъ, на дротики, копья, сдѣлавшіе человѣка господиномъ надъ хищными животными.

... Но вотъ рождается искусство въ видѣ робкихъ, наивныхъ и крайне несовершенныхъ рисунковъ; мало-по-малу съ увеличеніемъ отдыха, досуга, искусство достигаетъ быстраго расцвѣта; изображенія мамонта, дикой козы, человѣка въ ихъ характерныхъ позахъ—во время боя, метанія копей, бѣга появляются въ видѣ украшеній на рогѣ, на камнѣ; они сдѣланы съ помощью искусныхъ штриховокъ, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе совершенствуемыхъ. Затѣмъ появляется примитивная скульптура, человѣческія фигуры изъ дерева, трогательная, страстная Венера.

Обо всемъ этомъ Элье разсказывалъ, тронутый очарованіемъ, навѣяннымъ на нихъ его разсказомъ безъ всякой аффектаціи, надуманныхъ жестовъ, способныхъ ослабить вниманіе. Слушатели были въ восхищеніи. Равьеръ сильно напрягалъ свою память, Ланглуа находилъ все слышанное какъ будто уже извѣстнымъ, заранѣе имъ предугаданнымъ. У Малико, подобно дикарю, сидящему у костра въ степи и слушающему интересный разсказъ соплеменника, пользующагося славою мудреца, отъ напряженнаго вниманія даже уши пришли въ движеніе и ноздри вздрагивали. Для Евы разсказъ Элье былъ музыкою души, блаженствомъ обаятельной легенды, но къ этому примѣшивалась досада и нѣкоторый страхъ къ человѣку, такъ спокойно перелистывающему доисторическую библію.

Элье кончилъ.

— Какой вы ученый!—наивно воскликнулъ Малико.

— Нисколько, — съ легкой усмѣшкой отвѣтилъ Элье. — Всю эту ученость вамъ дадутъ въ муниципальныхъ библіотекахъ.

— Одного сочиненія достаточно прочитать для этого, — замѣтилъ Ланглуа, желая расхолодить очарованнаго Малико.

— Совершенно вѣрно!—весело подтвердилъ Элье.

— Неправда! — обозлился Равьеръ на Ланглуа. — Одна книга не дастъ такого яснаго пониманія... Нужно разобрать страницу за страницей всѣ запутанныя объясненія.

Ева, несмотря на осадокъ ненависти, остававшійся у нея еще въ душѣ, была того же мнѣнія и съ женскимъ любопытствомъ изучала Элье, кидая украдкой на него свои взоры. Скорѣе высокій, онъ былъ крѣпко сложенъ, съ стройной фигурой, но съ нѣсколько лѣнивыми движеніями. Напрасно старалась она отрицать оттѣнокъ величественности въ его широкомъ лицѣ, обрамленномъ короткой и довольно густой бородой, съ выраженіемъ спокойнаго мужества въ глазахъ.

— Десять часовъ!—замѣтилъ Ланглуа.

Всѣ стали расходиться. Ева и Равьеръ шли молча. Она была въ дурномъ расположеніи духа. Цѣлый хаосъ противоположныхъ чувствъ волновалъ ея душу.

— Мнѣ не нравится этотъ господинъ!—сказала она.

Крайне удивленный, Равьеръ сначала не нашелся, что отвѣтить ей.

— Ну,—сказалъ онъ минуту спустя,—на тебя трудно угодить!

Въ теченіе всей дороги по бульвару Орлеанъ, въ ней все болѣе и болѣе наростало жгучее чувство ненависти къ людямъ-скептикамъ, проповѣдующимъ трусливое терпѣніе и неравенство среди людей.

II.

Къ четыремъ часамъ въ комнатѣ Леклида было уже такъ темно, что онъ рѣшилъ закрыть книжечку по химіи, лежавшую на его столѣ, сунулъ въ карманъ пиджака брошюру въ синей обложкѣ „Дыханіе народа“ Луи Бардена и вышелъ, не безъ удовольствія окинувъ взоромъ кучу исписанной бумаги.

На улицѣ было еще свѣтло; лазурное апрѣльское небо сквозило яркими пятнами изъ-за бѣлыхъ, медленно плывшихъ облаковъ; мостовая, омытая недавнимъ дождемъ, была чиста.

— Грязная дыра!—съ яростью произнесъ Леклидъ, думая о своей конуркѣ,—свѣта въ ней не больше, какъ на два часа. Развѣ этого достаточно для моихъ потребностей? Да, а поди, скажи объ этомъ буржуа! Имъ на это наплевать — чортъ бы ихъ побралъ! Лишь бы имъ свѣтило солнце!

Совершенно безпечный насчетъ эстетики, онъ мало страдалъ отъ уродливой обстановки комнаты, но зато точно опредѣлилъ ея санитарные недостатки — отсутстіе воздуха, свѣта, зараженная атмосфера и такая вонь, что никакая буря не могла бы ее развѣять. Его охватилъ ужасъ при мысли, что какая-нибудь болѣзнь прикуетъ его къ этому очагу заразы, ненавидимому имъ всѣми силами души, и что онъ погибнетъ раньше, чѣмъ пробьетъ часъ великой битвы.

Эта битва, неотступно рисовалась его воображенію. Каждый день онъ мысленно перестраивалъ по новому плану ея подробности: предварительныя вспышки, смертельный страхъ буржуа и народъ, послѣ полученнаго имъ кровавого выкупа, врывающійся въ дома, располагающійся въ нихъ на мѣсто прежнихъ владѣльцевъ.

Нищета, приковывавшая его желѣзною цѣпью къ работѣ, наглые окрики мастера и хозяина, всеобщее презрѣніе богачей къ современному рабу—все это поднимало цѣлую волну горькихъ чувствъ. Самый кварталъ, гдѣ онъ жилъ, кварталъ школъ, былъ не таковъ, чтобы смягчить его настроеніе. О, какая ярость вспыхивала при ежедневномъ зрѣлищѣ идущихъ по улицѣ самодовольныхъ маменькиныхъ сынковъ, этихъ прекрасно одѣтыхъ студентовъ-юристовъ, медиковъ, политехниковъ, проводящихъ жизнь и въ удовольствіяхъ, и въ занятіяхъ, подготовляющихъ себѣ обезпеченное будущее и наслаждающихся настоящимъ. Не имѣть ни времени, ни предварительной подготовки для высшаго образованія и въ то же время вѣрить, что можно было бы сдѣлать болѣе счастливое употребленіе изъ способностей, данныхъ вамъ природой! И ничего... ничего, кромѣ изнурительнаго труда, выматывающаго всѣ силы и жизненные соки!

Въ Люксембургѣ его охватило еще большее озлобленіе при видѣ многочисленной толпы гуляющихъ, одѣтыхъ въ элегантные костюмы, вышедшихъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Анархистъ сначала послалъ сквозь зубы нѣсколько ругательствъ; затѣмъ въ душѣ его пробудилось чувство жалости къ кормилицамъ, одѣтымъ въ особые унизительные костюмы; къ нѣсколькимъ бѣднымъ малышамъ, игравшимъ на землѣ около женщины, быстро перебиравшей спицами; и его ненависть показалась ему еще болѣе законной.

Величественный видъ люксембургскаго дворца вызвалъ

въ воображеніи Леклида пышный залъ засѣданій сената, гдѣ старцы разсуждали объ интересахъ своей касты.

— О негодяи, негодяи! Все это въ одинъ прекрасный день взлетитъ на воздухъ!

Леклидъ перешелъ въ другой уголъ сада, вынулъ брошюру и въ взвинченномъ настроеніи, располагавшемъ къ самой рѣзкой критикѣ, принялся за чтеніе, останавливаясь время отъ времени, чтобы бросить нѣсколько жесткихъ, отрывистыхъ, оскорбительныхъ словъ по адресу автора.

— Этотъ болванъ ничего не понимаетъ! Какая чушь! Онъ подкупленъ... Онъ, несомнѣнно, подкупленъ!

Съ какою легкостью онъ разрушилъ бы всѣ эти аргументы! Какая плоскость, какая узость взгляда!

Онъ всталъ. Съ важнымъ видомъ, со взоромъ, неопредѣленно блуждавшимъ въ пространствѣ, шелъ онъ, терзаемый муками неудовлетвореннаго честолюбія,—успѣхъ на ораторской трибунѣ давался ему слишкомъ медленно. Но онъ могъ гордиться. Все, что онъ зналъ, все, чѣмъ онъ былъ—всѣмъ этимъ онъ обязанъ самому себѣ.

Совершенно равнодушный къ восхитительной прозрачности яснаго апрѣльскаго дня, къ освѣжающему дыханію вѣтра, обвѣвавшаго его лицо, Леклидъ думалъ о своемъ клубѣ „Vipére", о недостаткѣ энергіи у товарищей, среди которыхъ можно было бы насчитать не болѣе двухъ-трехъ серьезныхъ и рѣшительныхъ людей. Затѣмъ—ораторы; какъ они жалки! За четыре мѣсяца не прибыло ни одного новаго приверженца. Нужно было бы расшевелить, предпринять что-нибудь рискованное. Мысль совершить что-нибудь рѣшительное появилась у него совершенно внезапно. Онъ остановился въ смущеніи, какъ будто увидѣлъ передъ собою зіяющую пропасть.

Звонкій взрывъ смѣха заставилъ его очнуться. Онъ стоялъ возлѣ балагана. Дѣти, матери, няньки, усѣвшись на скамьи, на соломенные стулья, забавлялись похожденіями „Петрушки". Сдерживаемая веревочнымъ барьеромъ, расположилась полукругомъ даровая публика—гамены, дѣвочки въ первомъ ряду, затѣмъ кормилицы, мальчики изъ булочныхъ, мясныхъ лавокъ, безработные рабочіе, праздношатающіеся,—всѣ заливались дружнымъ смѣхомъ.

Вотъ на сценѣ появляется судья съ лысой головой; „Петрушка" напяливаетъ ему на голову ночной горшокъ. Среди единодушнаго смѣха зрителей судья освобождается отъ своего головного убора, внимательно обнюхиваетъ его и затѣмъ, убѣгая за кулисы, громко кричитъ:

— Это пригодится мнѣ для варенья!

Публика пришла въ еще большій восторгъ; сидѣвшіе на

переднихъ скамьяхъ ребята безшумно, но усердно хлопали въ ладоши, и даже малыши на рукахъ у нянекъ подняли свои головки и мило лепетали, распуская слюнки отъ удовольствія.

Анархистъ, съ выраженіемъ презрѣнія наблюдавшій эту сцену, оставался серьезнымъ и наивно спрашивалъ себя, въ чемъ смыслъ этого представленія. Однако, онъ продолжалъ стоять, удерживаемый, какъ бы противъ воли, желаніемъ узнать, чѣмъ все это кончится. Но вдругъ на другой сторонѣ онъ замѣтилъ дочь Равьера. Она любовалась дѣтскими личиками, ихъ невиннымъ весельемъ, ихъ жестами и быстрою смѣною отражавшихся на нихъ впечатлѣній. Ева также замѣтила Леклида; они раскланялись и по окончаніи представленія подошли другъ къ другу.

Разговоръ какъ-то не клеился. Леклидъ по-прежнему сохранялъ свой суровый видъ и оставался совершенно равнодушнымъ къ миловидной фигурѣ молодой дѣвушкѣ; впрочемъ, онъ не признавалъ никакого ухаживанія и требовалъ, чтобы къ женщинамъ относились такъ-же, какъ и къ мужчинамъ. Съ своей маской неумолимой суровости, съ рѣзкой рѣчью, онъ представлялъ полную противоположность Ларамэ; можетъ быть, онъ былъ даже опасенъ. А Ева, снова возвратившись къ прежнимъ властнымъ грезамъ прошлой зимы, думала о немъ уже нѣсколько дней и пожалѣла, что начала съ нимъ разговоръ. Но теперь она уже не хотѣла обрывать его: какое-то любопытство, смутное желаніе какъ-нибудь выместить свою неудачу съ другимъ толкало ее къ этому. Но послѣ первыхъ же словъ наступило тягостное молчаніе. Она уже хотѣла проститься, когда онъ вдругъ обратился къ ней за свѣдѣніями о Равьерѣ.

— У него на рукахъ больной товарищъ Севренъ, а вечеромъ, послѣ занятій, онъ служитъ проводникомъ для своихъ друзей; это—трое бывшихъ ссыльныхъ; они накопили себѣ маленькое состояніе въ Австраліи и пожелали возстановить свои связи съ революціоннымъ Парижемъ.

— Какое счастье быть богатымъ и дѣлать то, что желаешь!—прошепталъ Леклидъ.

— О, нужно быть очень богатымъ, чтобы имѣть возможность что-нибудь сдѣлать,—отвѣтила Ева.

— Я этого не думаю; сто тысячъ франковъ и побольше энергіи—и тогда можно было бы сдѣлать дѣло!

Они спускались по склону аллеи. Хотя и мало расположенная къ спору, Ева покорилась этому, какъ неизбѣжному выступленію.

— Вы, значитъ, все еще анархистъ?—спросила она.

— Несомнѣнно,—отвѣчалъ онъ, окидывая ее взглядомъ.

полнымъ гнѣва и презрѣнія.—Довольно пустой болтовни; я придаю значеніе только индивидуальной энергіи!

— Но вѣдь всѣ революціонеры — сторонники энергіи; нужна только нѣкоторая дисциплина.

— Дисциплина! Порядокъ! Это все слова, способныя лишь усыпить энергію. Личный примѣръ—вотъ что нужно. Чортъ возьми! Конечно, первые поплатятся за разбитые горшки, но на ихъ мѣсто сейчасъ же явятся другіе... И такъ, переходя отъ одной попытки къ другой, мы, наконецъ, подготовимъ моментъ для всеобщей чистки.

— Революція можетъ имѣть успѣхъ только при условіи хорошей организаціи.

— Подите вы! Революція, напротивъ, будетъ имѣть успѣхъ лишь тогда, когда намъ удастся все дезорганизовать. Организація — это тираннія; хитрецы воспользуются ею, чтобы снова сковать насъ цѣпями; такъ это всегда было!

— Анархія — это побѣда грубой силы, — отвѣчала Ева, раздраженная категоричностью его утвержденій.—Какъ хотите вы добиться равенства и справедливости безъ закона и безъ контроля? Для этого всѣ люди должны быть добрыми.

— Человѣкъ по природѣ добръ; это общество дѣлаетъ его злымъ.

— Но развѣ можно измѣнить его въ одинъ день?

— Его можно сдѣлать добрымъ въ тотъ моментъ, когда не будетъ никакого интереса быть злымъ. Скажите, пожалуйста, почему вы думаете, что человѣкъ по-прежнему останется злымъ, когда всѣмъ будетъ предоставлено равное участіе въ благахъ жизни?

— А какимъ образомъ обезпечите вы это равное участіе?

Леклидъ на минуту былъ смущенъ этимъ вопросомъ.

— Ваши предразсудки,—отвѣтилъ онъ, наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія,—мѣшаютъ вамъ ясно видѣть всѣ послѣдствія анархіи. Это участіе осуществится само собою, ибо каждый будетъ свободно брать то, что ему нужно.

— Это хаосъ!

— Потому что вы его вносите.

— Мой отецъ правъ: анархія насъ компрометируетъ.

— О!—ѣдко возразилъ Леклидъ,—это извѣстно. Мы играемъ въ руку реакціи, не правда-ли? Лица, выдвигающія такія возраженія, ничего въ анархіи не понимаютъ.

Ева была изумлена чудовищностью этихъ софизмовъ, химерой, овладѣвшей этимъ холоднымъ мечтателемъ. Но раздраженіе, за минуту до того охватившее ее, исчезло; она слишкомъ была увѣрена въ абсурдности и неосуществимости этихъ теорій.

Она пыталась перемѣнить тему разговора. Но Леклидъ былъ сильно задѣтъ ею и, замкнувшись въ скорлупу враждебнаго молчанія, отвѣчалъ ей односложными словами. Когда она увидѣла, что не можетъ вывести его изъ молчаливаго состоянія, она заговорила въ примирительномъ тонѣ.

— Вы только что сказали, что васъ осуждаютъ, не выслушивая; но лично я не отказываюсь вникнуть въ суть вопроса...

У него не было желанія возобновлять споръ, и онъ предпочиталъ хранить презрительное молчаніе.

— Да что же могутъ вамъ сказать? Все это требуетъ внимательнаго изученія. Читали ли вы наши брошюры?

Ева созналась, что не читала. Но нѣтъ нужды въ знакомствѣ съ брошюрами для того, чтобы согласиться въ общихъ принципахъ. Къ тому же, она неоднократно уже слышала изложеніе анархическихъ теорій и достаточно знакома съ идеями партіи.

Чувствуя себя все еще уязвленнымъ тою манерою, съ какою она вела съ нимъ споръ, Леклидъ рѣшилъ, наконецъ, безпощадно наказать ее за смѣлость.

— Какой же, собственно, пунктъ васъ смущаетъ?

— Отсутствіе организаціи.

— Дѣйствительно, это весьма существенный вопросъ. Что же вы хотите, чтобы я вамъ разъяснилъ въ немъ? Вѣдь это слишкомъ долго.

— О, это ничего не значитъ, — съ улыбкой отвѣтила Ева.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ нужно немного подумать.

Ева разрѣшила ему подумать. Онъ воспользовался временемъ, чтобы вспомнить всѣ обычные пріемы народнаго оратора и расчленить свою тему. Эти приготовленія мало-по-малу оживили его.

Они шли по тѣнистой аллеѣ платановъ. Почувствовавъ себя вполнѣ подготовленнымъ, Леклидъ, прежде чѣмъ начать, окинулъ сочувствующимъ взглядомъ очаровательную фигуру своей спутницы.

— Мы должны начать съ разсмотрѣнія *причинъ*,—произнесъ онъ съ важностью.

— Аминь, — отвѣтила Ева, задѣтая его тономъ школьнаго учителя.

И онъ пустился въ пространныя разсужденія о причинахъ неудачъ народныхъ движеній. Въ погонѣ за доказательствами, онъ началъ подтасовывать историческіе факты, извращать и фальсифицировать ихъ, стараясь извлечь изъ нихъ нужные ему аргументы и обнаруживая при этомъ самое поверхностное знакомство съ исторіей. Ева, уже знако-

мая съ этимъ обычнымъ пріемомъ изложенія, увлекающаго оратора въ дебри историческаго прошлаго, была насторожѣ. Ея отецъ очень часто разсказывалъ ей объ историческихъ фальсификаціяхъ, хорошо ему извѣстныхъ. Поэтому она испытывала большую скуку, при шествіи великихъ архаическихъ фигуръ, съ которыми такъ свободно обращались при случаѣ и реакціонеры, и прогрессисты.

— Оставимъ мертвыхъ покоиться мирнымъ сномъ,—сказала она: — ихъ исторія не поддается точному изложенію. Будемъ говорить о современномъ обществѣ.

Леклиду только этого и нужно было. Обильнымъ потокомъ потекло изъ его устъ перечисленіе пороковъ, случаевъ продажности, несправедливости. Онъ говорилъ о нищетѣ въ городахъ, объ эксплуатаціи капиталистами и финансистами крестьянъ, обреченныхъ на голоданіе; они подавлены бременемъ налоговъ, ихъ обираютъ ростовщики, лишаютъ послѣдняго клочка земли, и они попадаютъ въ ряды сельскаго пролетаріата, образуя голодную армію, ежедневно возрастающую и ожидающую лишь сигнала къ возстанію. Но кто подастъ этотъ сигналъ? Будутъ ли то произносители рѣчей, сторонники бездѣйствія, маніаки-организаторы, желающіе начертить планъ на бумагѣ, прежде чѣмъ открыть огонь? Нѣтъ! Только дѣйствіе — дѣйствіе безпрерывное, настойчивое пробудитъ мужество массъ. Ибо народъ обуздывается только страхомъ. Въ тотъ день, когда нѣсколько энергичныхъ людей взбудоражатъ общественное мнѣніе страшными катастрофами,—буржуа задрожитъ отъ боязни, и смѣлость вернется къ пролетаріямъ.

Леклидъ вдохновился, обнаруживая краснорѣчіе своихъ лучшихъ ораторскихъ дней и одушевленный сильнымъ желаніемъ убѣдить, ослѣпить прекрасную дочь Равьера.

Ева, смущенная, съ возрастающимъ вниманіемъ слѣдила за развитіемъ этихъ теорій.

— Я не отрицаю значенія примѣра,—замѣтила она,—но окажется ли онъ спасительнымъ?

— Хуже всего — индиферентизмъ! Мы, по крайней мѣрѣ, заставимъ народъ заговорить. Вы хорошо знаете, что малѣйшее преступленіе, взрывъ, пожаръ сильнѣе привлекаютъ къ себѣ общественное вниманіе, нежели всѣ разглагольствованія нашихъ теоретиковъ.

Это показалось Евѣ отвратительнымъ. Разгорячившись въ свою очередь, чувствуя, что въ ней загорѣлся духъ ея отца, страстнаго любителя логическихъ построеній, она отвѣтила аргументами, слышанными ею ежедневно. Она не могла допустить, чтобы первый встрѣчный началъ направо и налѣво наносить удары, не разбирая ни праваго, ни винова-

таго. До сихъ поръ пропаганда дѣйствіемъ всею тяжестью падала на невинныхъ или безсознательныхъ: доказательство—покушеніе въ Ліонѣ въ кафе, переполненномъ народомъ, въ парижской биржѣ труда. Затѣмъ анархисты упрекаютъ другія революціонныя партіи въ томъ, что онѣ теряютъ драгоцѣнное время въ приготовленіяхъ, но сами... что сдѣлали они за послѣднія десять лѣтъ? Гдѣ они, всѣ эти герои? Если не считать нѣсколькихъ дикихъ покушеній, гдѣ пострадали невинные бѣдняки, всѣ они проводили время въ пустой болтовнѣ. Затѣмъ, если такія чудовищныя убійства станутъ обычнымъ явленіемъ, то нужно разсчитывать на реакцію. Братъ захочетъ отомстить за своего брата, отецъ—за сына, и народъ будетъ разсуждать не столько объ анархіи, сколько о томъ, гдѣ иниціаторы подобныхъ явленій. Ничего, кромѣ сочувствія къ невинно-пострадавшимъ, его не увлекло бы; доставило бы только лишнее оружіе въ руки его враговъ. Наконецъ, кто поручится, что герои находятся на сторонѣ праваго дѣла?

— А, вотъ какъ! И вы, гражданка, вы называете себя еще коллективисткой? Я возвращаю вамъ вашъ упрекъ! Питаете ли вы большую увѣренность въ побѣдѣ, нежели мы?

Ева покраснѣла. Захваченная этимъ вопросомъ врасплохъ, она сначала что-то пробормотала, но черезъ минуту къ ней возвратилось самообладаніе.

— Организуя партію, мы можемъ разсчитывать на захватъ правительственной власти и ввести свои законы. Добиться коренного измѣненія власти для націи — не такъ-то легко, потому что, какъ говоритъ мой отецъ, народъ нерѣшителенъ; чтобы возбудить его симпатіи къ его же собственнному дѣлу, нужна нѣкоторая ловкость.

— Ну, вотъ и договорились: нужна, конечно, власть! Кучка людей, свыкшихся съ пріемами тиранніи — и пошла старая музыка!.. Возстановленіе прежней эксплуатаціи.

— Конечно, нужно, чтобы за составленіе механизма взялись умные люди, иначе онъ не будетъ функціонировать. Впрочемъ, съ нами будетъ народъ.

— Мы хорошо знаемъ, что это за механизмъ! Всеобщее избирательное право—устарѣлая ложь! Есть только два рѣшенія: или вы будете творить волю народа, или вы не будете ея творить. Если вы не творите ее, вы—канальи; если вы творите ее, то предоставьте лучше дѣйствовать ей самой; вѣдь, это одно и то же, только гораздо болѣе вѣрно.

Тутъ Еву взяла досада; она не нашлась что отвѣтить и повторила свой первоначальный аргументъ.

— Но безъ организаціи наступитъ хаосъ; всякіе негодяи живо возьмутъ верхъ надъ остальными!

Тогда Леклидъ началъ излагать свою систему. Тутъ были и немедленная экспропріація, съ ея неисчислимыми выгодами, и свобода самоопредѣленія, и естественная группировка по темпераментамъ, и природная добродѣтель человѣка,—словомъ, весь багажъ анархистскаго оптимизма. Ева изнемогала подъ тяжестью всѣхъ этихъ вещей и, фанатичка сама, возмущалась фанатизмомъ другого. Она понимала всѣ нелѣпости, что онъ городилъ, но онъ положительно подавилъ ее ихъ грудою. Благо бы еще дѣти тѣшились такими глупостями, но—взрослые люди! Стоитъ ли послѣ этого стремиться къ перемѣнамъ? Вѣдь, господство буржуазіи и было ничѣмъ инымъ, какъ послѣдствіемъ анархіи! Какъ же будетъ достигнуто соглашеніе насчетъ производства и потребленія продуктовъ?

По мнѣнію Леклида, соглашеніе будетъ достигнуто; это вовсе не такъ трудно. Каждый былъ бы заинтересованъ въ томъ, чтобы продуктовъ производилось въ достаточномъ количествѣ, чтобы его сосѣдъ не захватывалъ, не потреблялъ больше извѣстнаго количества.

Всѣ пороки исчезли бы, ибо уничтожились бы причины, ихъ порождающія; каждый получалъ бы въ мѣру своихъ потребностей; всякая борьба прекратилась бы и всѣ чувствовали бы себя счастливыми.

Вставъ на эту почву, Леклидъ отказывался сойти съ нея. И когда Ева снова, въ видѣ возраженія, указала ему на то, что въ концѣ концовъ люди фатально будутъ вынуждены признать тѣ же обязанности, общіе законы, то онъ отвѣчалъ, пожимая плечами.

— Законы? А для внушенія надлежащаго къ нимъ уваженія еще и жандармовъ? Такъ, что ли? На это я отвѣчу словами одного нашего оратора. Когда его спросили, чѣмъ замѣститъ онъ правительство, онъ отвѣтилъ: „Чуму ничѣмъ не замѣщаютъ!“

— Да,—отвѣтила раздраженная Ева,—современное правительство—это зло; но ваша система еще хуже! Изъ двухъ золъ...

Тогда онъ подвергъ ѣдкой критикѣ всякое правительство, прибѣгая къ намекамъ, способнымъ оскорбить молодую дѣвушку; но его краснорѣчіе сразу же улетучилось, какъ только изъ области принциповъ онъ перешелъ въ область фактовъ. Фразы его стали плоски; онѣ уже не волновали, какъ слова, дѣйствительно соотвѣтствующія идеямъ, выражающимъ собою цѣлый рядъ объективныхъ явленій. Въ нихъ слышалось больше властное желаніе мести, сухой педантизмъ логики, не согрѣтой воодушевленіемъ. Поэтому Ева, какъ настоящая женщина, облекая свою мечту въ

плоть, пытаясь построить новое человѣчество по образцу, стоявшему передъ ея глазами, видѣла въ теоріи Леклида уже не одинъ только хаосъ, но и безпросвѣтную скудость, убійственное ничтожество.

Она больше не слушала и умолкла. Ей казалось, что она насквозь видитъ этого человѣка; онъ никогда и не могъ высказывать иныхъ мыслей и иныхъ чувствъ. Леклидъ счелъ ея молчаніе признакомъ безсилія и удвоилъ свои усилія, снова сѣвъ на своего конька: онъ нападалъ на буржуазію и прибѣгнулъ къ излюбленной тактикѣ своихъ единомышленниковъ—къ разрушенію и террору.

Грохотъ разрушаемыхъ дворцовъ, стоны истекающихъ кровью тысячъ людей, зарево пожаровъ, динамитные взрывы въ собраніяхъ—всѣ эти вещи оставляли Еву равнодушной, она къ нимъ привыкла. Съ той минуты, какъ ихъ пускали въ ходъ, она могла ихъ только ненавидѣть. И она, съ презрительнымъ выраженіемъ лица, всматривалась въ темнѣвшую даль.

Группа изъ трехъ молодыхъ людей, глухонѣмыхъ, съ быстрыми жестами, живыми глазами и своеобразной граціей, столь рѣдкой у этихъ страшныхъ молчальниковъ, привлекла вниманіе Евы. При видѣ этой побѣды духа надъ недугомъ, Ева весело улыбнулась; мысль нашла себѣ новое выраженіе, не въ безцвѣтной, грубой, но въ тонкой, художественной, очаровательной формѣ. Движеніемъ гибкой руки, выражавшимъ насмѣшку, нѣмой разсказывалъ какую-то забавную исторію; раздавался смѣхъ, одушевленіе вызывало цѣлый потокъ нѣмыхъ словъ и перерывовъ, тонкихъ и неожиданныхъ возраженій, передаваемыхъ быстрыми движеніями пальцевъ.

Леклидъ также смотрѣлъ на молодыхъ людей.

— У нихъ глупый видъ,—замѣтилъ онъ.

Краска негодованія залила лицо Евы при этихъ словахъ. Ужъ, конечно, они нисколько не были глупѣе, чѣмъ онъ.

— Они очаровательны,—отвѣтила она.

Леклидъ смотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ. Нѣмые ушли, останавливаясь на каждомъ шагу.

— Смотрите,—сказала молодая дѣвушка,—они изображаютъ англійскаго денди.

Дѣйствительно, одинъ подражалъ походкѣ, показывая при этомъ на башмаки съ остроконечными носками, короткій пиджакъ, туго накрахмаленный воротничекъ. Другой вытянулъ стрѣлкою усы, закручивая пальцами воображаемые волосы, и характерными движеніями поглаживалъ подбородокъ, намекая этимъ на присутствіе короткой бородки.

— Ну посмотрите, какъ они милы!—воскликнула Ева.

Леклидъ, не раздѣляя ея восторга, глядѣлъ на свою спутницу. Она была очень красивая дѣвушка. При видѣ ея дѣвственной красоты и свѣжести, ея бѣлаго затылка, ея округлыхъ грудей, очаровательной простоты ея костюма, носившаго слѣды изящества, чего онъ не зналъ у своихъ любовницъ, въ сердце его закралось тайное желаніе.

Нѣмые исчезли. Ева, поднявъ голову, была смущена внимательнымъ взглядомъ своего спутника и покраснѣла; онъ также.

Въ своихъ немногихъ любовныхъ приключеніяхъ Леклидъ всегда обнаруживалъ неловкость и робость. Поэтому, презирая человѣческія слабости, онъ предпочиталъ имѣть дѣло съ женщинами, которыхъ можно было останавливать вечеромъ внезапно на улицѣ. Холоднаго отъ природы Леклида занятія соціальнымъ вопросомъ дѣлали еще болѣе спокойнымъ. Отъ времени до времени дрожь пробѣгала по его спинному хребту, онъ тяжело дышалъ, голова наливалась свинцомъ, настроеніе становилось отвратительнымъ, онъ раздражался: тогда онъ принималъ мѣры, чтобы освободиться отъ этого навожденія.

Около Евы онъ почувствовалъ себя во власти легкой страстной мечты. Испытанныя имъ когда-то нѣжныя эмоціи снова вставали въ его воспоминаніяхъ. Тринадцатилѣтнимъ сиротою онъ убѣжалъ къ своей сердитой теткѣ. Тамъ у него нашлась маленькая подруга, цѣловавшая его, какъ брата; она находила его красивымъ и охотно дѣлила съ нимъ свои лакомства. Но школьные товарищи насмѣхались надъ его дружбою, и онъ безъ сожалѣнія прогналъ отъ себя огорченную дѣвочку. И—странная вещь, сегодня онъ впервые испыталъ чувство жалости.

Ева устремила меланхолическій взглядъ въ туманную даль; мало-по-малу въ душу ея проникала грусть, какое-то горькое разочарованіе. Она перевела взоръ на своего спутника, въ короткомъ черномъ сюртукѣ, въ сѣрыхъ брюкахъ, въ запыленныхъ ботинкахъ, въ мягкой фетровой шляпѣ. Дрожь пробѣжала по ея тѣлу; она не видѣла уже причины искать съ нимъ новыхъ встрѣчъ, и въ душѣ ея осталась отъ бесѣды съ нимъ только скука, какое-то раздраженіе, злость противъ отвратительной внѣшности самца.

И, однако, прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, она еще колебалась, точно прощалась съ разбитой надеждой; она испытывала ощущеніе человѣка, разбившаго драгоцѣнный предметъ: онъ долго еще стоитъ надъ его обломками, не рѣшаясь приказать убрать ихъ.

Леклидъ настойчиво слѣдовалъ за нею, думая, какимъ образомъ добиться свиданія съ нею. Но она грубо остановила его и тономъ нервной женщины произнесла:

— Ну, гражданинъ, вотъ и вечеръ, прощайте.

Растерявшись отъ неожиданности, Леклидъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Но Ева, гордая, уже успѣла удалиться, не дождавшись даже отвѣта на свои слова.

— Однако, чортъ возьми!—пробормоталъ анархистъ.

Но вскорѣ онъ оправился; неизмѣримая гордость засвѣтилась въ его взорѣ. Наплевать на нее и на всѣхъ самокъ! Развѣ любовь — его дѣло? Это простая трата времени! Затѣмъ онъ вознегодовалъ на свою минутную слабость, заставившую его поддаться чувству нѣжности. Онъ думалъ о великихъ революціонерахъ, погубленныхъ женщинами. Съ нимъ онѣ этого не сдѣлаютъ, нѣтъ! Революція, которую онъ, быть можетъ, зажжетъ,—найдетъ его свободнымъ отъ всякой привязанности. Ей одной, революціи, отдастъ онъ всѣ свои силы, одну ее онъ будетъ любить.

— Нѣтъ, никакихъ юбокъ!—бормоталъ онъ.—Никакихъ юбокъ.

III.

На утро Ева встала недовольная. Томительная прогулка съ Леклидомъ теперь, на разстояніи, казалась ей не лишенной пріятности, и она сожалѣла о своей невѣжливости. Всю недѣлю она думала объ этомъ, съ смутнымъ желаніемъ еще разъ увидѣть анархиста и сгладить оставленное ею несомнѣнно дурное впечатлѣніе первой встрѣчи. Въ послѣдующіе дождливые дни, когда она принуждена была день и ночь сидѣть въ угрюмомъ затворничествѣ, прислушиваясь къ шуму воды въ жолобахъ, это желаніе все разросталось, дѣлало Леклида все интереснѣе и, въ концѣ концовъ, почти желаннымъ для молодой дѣвушки, такъ долго лишенной любви. Въ субботу дождь прекратился, и воскресенье встало ослѣпительное. Послѣ завтрака, приведя въ порядокъ свое хозяйство, она отправилась въ Люксембургскій садъ, въ надеждѣ встрѣтить тамъ анархиста.

Низко выстриженный дернъ наружныхъ скверовъ тянулся длиннымъ прямоугольникомъ. Съ обѣихъ сторонъ стѣною возвышались каштановыя деревья, съ отчетливыми стволами, украшенныя коническими гроздьями цвѣтовъ и сходившіяся сводомъ въ своихъ вершинахъ. Сквозь вѣтви просвѣчивала яркая синева неба, а надъ дворцомъ на этомъ величествен-

номъ фонѣ скучились легкія бѣлоснѣжныя облака. Это былъ необъятный алтарь, храмъ пробуждающейся жизни, гдѣ простая палитра естественныхъ красокъ не утомляла, а ласкала взоръ. Бѣлыя мраморныя группы грезили подъ яркимъ солнцемъ въ своемъ безжизненномъ снѣ, а по краю солнечныхъ часовъ, изъ пестраго гранита, бронзовыя урны отражали точно пламя. Нѣсколько воробьевъ вдругъ перпендикулярно взлетѣли кверху и, схвативъ добычу, снова упали въ траву.

Мимо Евы прошли четыре маленькихъ оборвыша: одинъ, курчавый, съ полнымъ лицомъ, остальные тощіе, одѣтые въ грязные лохмотья въ видѣ блузы, куртки, пальто и въ широкихъ грубыхъ чулкахъ и рваныхъ сапогахъ.

— Бѣдныя дѣти!—пробормотала грустно Ева.

Но они уже убѣжали, предпринявъ, вѣроятно, одну изъ невѣроятныхъ для своего возраста экспедицій, часто практикуемыхъ дѣтьми улицы.

Задумавшись, Ева сѣла на скамейку между толстой старухой съ одышкой и худенькой, безцвѣтной особой, штопавшей чулки и время отъ времени поднимавшей свои близко сидящіе съ безсмысленнымъ выраженіемъ глаза. Евѣ было жаль ее, и она обратилась къ ней съ нѣсколькими словами, не сумѣвъ, однако, вызвать улыбки на безкровныя губы. Эти несправедливости природы, непонятныя для нея, всегда служили для революціонерки поводомъ къ обвиненію во всемъ общества. Несчастная, по ремеслу басонщица, зарабатывала недурно, но зимою она простудилась, и это сразило ее. На упрекъ Евы, почему она такъ плохо заботится о своемъ здоровьѣ, больная съ нѣкоторой гордостью отвѣтила, что ей необходимы деньги для пополненія приданаго.

— Развѣ вы выходите замужъ?

Женщина утвердительно кивнула головой. Бракъ рѣшенъ уже давно. Женихъ, обойщикъ, такъ-же, какъ и она, копитъ деньги. За будущее имъ бояться нечего.

— А дѣти?—невольно вскричала Ева, увѣренная, что материнство убьетъ это смѣшное существо.

О, дѣти! У нихъ еще будетъ время подумать объ этомъ... Это будетъ потомъ, какъ можно позже.

Ева, огорченная, удалилась. Эта эгоистическая мечта о соединеніи возмущала ее. Она вспомнила свѣтлые волосы безжизненнаго оттѣнка, тощую натянутую кожу, маленькое, сморщенное личико и удивлялась этому браку. Впрочемъ, это было въ порядкѣ вещей: сдѣлка, чтобы лучше жить. Но на это, по-истинѣ, она никогда бы не согласилась. Надо

чтобы, по крайней мѣрѣ, любовь стояла выше всякихъ разсчетовъ. Всѣ низости законнаго союза предстали передъ нею. Конечно, она предпочитала свободный союзъ, не нуждавшійся въ презрѣнномъ лицемѣріи законной связи. И она жаждала доказать на дѣлѣ свое рѣшеніе, хотѣла найти человѣка себѣ по сердцу.

Ясное, прозрачное небо терялось за волнистой линіей деревьевъ. Густая листва бросала кружевную тѣнь на дерновыя дорожки, покрытыя тонкой водяной пылью. Воздухъ вдали казался подернутымъ синеватымъ газомъ. Поднялся небольшой вѣтеръ и затихъ. Ева продолжала свой путь, опьяненная свѣжестью пробуждающейся природы, какъ вдругъ появленіе Леклида на большой аллеѣ сада заставило ее вздрогнуть. Она медленно пошла къ нему навстрѣчу, но какъ только онъ ее замѣтилъ,—онъ, послѣ кратковременнаго колебанія, повернулъ въ сторону и пошелъ дальше. Неужели онъ избѣгаетъ ее? Молодую дѣвушку охватила досада и ощущеніе пустоты и неудачи. Мимо прошли молодые люди и посмотрѣли на нее возмутительно-дерзко. Нѣкоторые изъ нихъ были красивы, съ выхоленными бородками, съ ласковыми голосами, и изящество ихъ костюмовъ увеличивало ихъ привлекательность. Ева равнодушно оставалась подъ ихъ взглядами! но потомъ устыдилась своего малодушія: они отвратительны со своимъ нахальствомъ и наглыми взглядами! Но чувственная фантазія, помимо воли, заставила ее вообразить себѣ возлюбленнаго изъ рабочихъ, только прилично одѣтаго и съ хорошими манерами.

— Не хватаетъ еще, чтобы я отреклась отъ рабочей блузы!—съ гнѣвомъ проговорила про себя Ева.

Она вспомнила, что была непріятно поражена одѣяніемъ Леклида, обвиняла себя въ гордости, унижала при сравненіи съ анархистомъ. Жара давила ее, голова отяжелѣла, и она, почти со слезами, прислушивалась къ звуку мѣдныхъ трубъ, доносившихся изъ-за сада, а изъ глубины его, какъ кровь изъ сердца, взадъ и впередъ шли безпрерывнымъ потокомъ люди. Туалеты кружились, какъ въ водоворотѣ, мелькая вдали, уходя подъ темную листву деревьевъ, и надъ головами толпы носились бѣлые блики свѣта, угасавшіе на границѣ тѣни. На обширной площадкѣ, окружающей баллюстраду, на террасѣ, солнце жгло и, казалось, разсыпало свой свѣтъ въ золотую пыль.

На минуту привлеченная красотой пейзажа Ева вдругъ увидѣла рядомъ съ собой на скамейкѣ дерзко усѣвшагося франта. Она встала съ гримасой недовольства.

— Такой же дуракъ, какъ и всѣ прочіе!

Мысли ея снова вернулись къ своимъ. Ея знакомые не принадлежатъ къ этой породѣ патентованныхъ обольстителей, что играютъ на несчастіи дѣвушекъ изъ народа. Лекклидъ, по крайней мѣрѣ, добросовѣстенъ. Она съ удовольствіемъ вспоминала одно собраніе, гдѣ говорилъ анархистъ. Именно съ этого вечера она и замѣтила его, и съ тѣхъ поръ всякій разъ онъ высказывалъ передъ ней свой умъ и энергію... Да, настоящій мужчина!

IV.

Въ слѣдующее воскресенье Ева, привлекаемая безсознательнымъ стремленіемъ къ приключеніямъ, вновь очутилась въ Люксембургскомъ саду. Она шла и на ходу читала, но вдругъ почувствовала, что кто-то настойчиво догоняетъ ее; охваченная непріятнымъ ощущеніемъ, она подняла плечи и сгорбилась.

— Я почти былъ увѣренъ, что это вы,—произнесъ чей-то голосъ,—но я колебался.

Ева обернулась. Это былъ Элье. Онъ освѣдомился о Равьерѣ.

— Онъ совершенно здоровъ.

— Не правда ли, какая чудная погода? И какая здѣсь масса красивыхъ вещей!

Онъ широкимъ жестомъ указалъ на садъ и слегка поблѣднѣлъ отъ восторга.

Вѣтра не было, но становилось прохладнѣе; необъятный голубой сводъ неба пересѣкался иногда лишь рѣзкимъ полетомъ ласточекъ. Въ вышинѣ таяли волны сѣроватаго тумана. Ева исподтишка наблюдала свою „антипатію". Онъ былъ недуренъ: чистая кожа, орлиный носъ, спокойные кроткіе глаза, съ выраженіемъ доброты, соотвѣтствовавшей ширинѣ его плечъ. Онъ, между тѣмъ, пошелъ рядомъ съ молодой дѣвушкой, охваченный легкой робостью, скрытой подъ видомъ насмѣшливаго добродушія. И Ева снова ненавидѣла его. Она не выносила его смѣха. Между тѣмъ, онъ нисколько не насмѣхался: это была снисходительная улыбка его полной доброжелательности философіи.

— Вы очень любите читать?—спросилъ онъ, увидѣвъ въ рукахъ у нея книгу, съ заложеннымъ указательнымъ пальцемъ между страницами.

— Да.

— А какіе ваши любимые писатели?

Она наугадъ, какъ попало, назвала Евгенія Сю, Дюма, Гюго, Габоріо.

— Что вы читали Гюго?

Она читала только „Несчастныхъ".

— Я не очень люблю стихи,—сказала она.

— О, стихи Гюго читаются такъ-же легко, какъ проза. „Легенда вѣковъ", я увѣренъ, понравится вамъ, какъ самый интересный романъ.

— Сомнѣваюсь.

— Между тѣмъ...

Но онъ вдругъ умолкъ и оборвалъ свою мысль, перенесясь къ періоду, когда онъ держался такого же взгляда, какъ и молодая дѣвушка, и его охватила глубокая нѣжность.

— Я читала извлеченіе изъ „Легенды вѣковъ",—начала Ева.—Что-то вродѣ прославленія императора и взятія какого-то города маленькимъ пажемъ.

— Это очень красивый отрывокъ. Впослѣдствіи это вамъ понравится,—прибавилъ онъ, замѣтивъ гримасу на ея лицѣ.

— Почему впослѣдствіи?

— Да вѣдь вамъ нѣтъ еще двадцати лѣтъ!

— Но вѣдь я понимаю, что написано въ книгѣ.

Она разсердилась и вспомнила о болѣе низкомъ уровнѣ женскаго ума.

— Правда,—сказала она съ горечью,—я забыла ваши теоріи.

— Какія теоріи?

— О неравенствѣ умственнаго уровня.

Онъ улыбнулся, снисходя къ тому, что происходитъ въ этой экзальтированной маленькой головкѣ, и искалъ способа объясниться, не оскорбляя ея самолюбія. Въ травѣ, на разстояніи протянутой руки, цвѣлъ цвѣтокъ. Онъ нагнулся, сорвалъ его и обернулся къ молодой дѣвушкѣ.

— Что такое?

— Возьмите этотъ цвѣтокъ и разсмотрите его внимательно.

Ева взглянула: это былъ желтый, средняго размѣра цвѣтокъ, безъ всякихъ характерныхъ признаковъ.

— Я не знаю, что это за цвѣтокъ.

— Посмотрите-ка еще,—повторилъ онъ.

— Онъ такой же, какъ всѣ,—пробормотала Ева.—Что вы этимъ хотите сказать?

— А вотъ что. Представьте себѣ ботаника... о! совсѣмъ обыкновеннаго ботаника... онъ въ этомъ цвѣткѣ увидитъ... цѣлый міръ... Глядите, эти тычинки, этотъ столбикъ, это утолщеніе на концѣ его, называемое завязью, и безконечная работа природы для обезпеченія жизни, ибо атомъ этой желтой

пыли, попавъ на рыльце столбика, сдѣлаетъ его толще, разорветъ оболочку и удлиннится, чтобы проникнуть въ сѣмя, скрытое въ завязи, оплодотворитъ это сѣмя...

Онъ сдѣлалъ паузу. Ева смотрѣла на него и, подъ вліяніемъ интереснаго урока, опять забыла о своей антипатіи.

— Но вѣдь это все можно узнать, вскрывъ цвѣтокъ,— сказала она.—Я знаю, что надо умѣть читать.

— Прекрасно, назовемъ это умѣніемъ читать. Но передъ вами вѣдь только одинъ цвѣтокъ. Какой онъ? Какъ опредѣлить его? Придется его разобрать, сравнить, узнать форму чашечки, вѣнчика, число лепестковъ, ихъ прикрѣпленіе и расположеніе, добавочные органы чашелистиковъ, лепестковъ, тычинокъ, пыльниковъ, столбиковъ, завязей листьевъ, вѣтвей, корней, корней... простите, милое дитя!.. И чѣмъ дальше мы будемъ разбирать его, тѣмъ тоньше станутъ характерные признаки, тѣмъ труднѣе сравненіе. Какъ же называется этотъ маленькій цвѣточекъ? Это просто бѣдный подснѣжникъ.

Говоря все это, онъ въ то же время неосторожно оборвалъ вѣнчикъ, развернулъ его, ногтемъ сбросилъ тычинки и обнажилъ завязь. И, держа на пальцѣ остатки цвѣтка и со слѣдами желтой цвѣточной пыли на сюртукѣ, онъ взглянулъ на молодую дѣвушку.

— Это очень красиво,—сказала она.

— Но для того, чтобы увидѣть все это въ маленькомъ цвѣткѣ, мало, думаете вы, требуется времени? У меня (правда, я не очень-то ловокъ) на изслѣдованіе этихъ маленькихъ частицъ пошло его очень много. Я испортилъ десятки цвѣтковъ, прежде чѣмъ мнѣ удалось соединить хотя бы часть всѣхъ признаковъ. Тѣмъ не менѣе, это грубыя поверхностныя наблюденія... Подумайте-же, какъ трудно изученіе такого сложнаго механизма, какъ человѣчество...

Она молчала, а онъ не прерывалъ ея размышленій. И такъ какъ онъ былъ въ одно и то же время и созерцатель, и аналитикъ, то онъ внимательно разсматривалъ траву, покрывавшую боковую дорожку.

Маленькіе блѣдно-розовые цвѣточки пріютили въ своихъ чашечкахъ граціозныхъ мушекъ съ металлически блестѣвшими крылышками. Онѣ покрыли желтую середину тычинокъ, и отъ быстраго движенія ихъ хрупкихъ лапокъ при отлетѣ, весь цвѣтокъ затрепеталъ на своемъ стебелькѣ. Тысячелистникъ такъ тонко раздѣлился на свои лепестки, что его можно было принять за моховую кочку. Клеверъ высовывалъ свои сѣроватыя цвѣтущія головки, колеблемыя легкимъ дуновеніемъ вѣтра.

Ева вывела его изъ задумчивости.

— Но знать вѣдь могутъ всѣ, не правда-ли? Это не болѣе, какъ вопросъ образованія.

— Да,—отвѣчалъ онъ,—всѣ могутъ видѣть, при одномъ только условіи: при хорошимъ зрѣніи.

И, дружески поклонившись ей, онъ удалился.

Она чувствовала себя униженной, полной противорѣчій и увѣренной, что ненавидитъ его. А между тѣмъ, безсознательно восхищаясь имъ, она почти призналась себѣ, что если бы онъ не былъ такъ равнодушенъ къ народу и не ставилъ женщину такъ низко въ умственномъ развитіи, то она уважала бы его.

— Я глупа,—сказала она себѣ.

Два какихъ-то бѣдняка сладко спали на солнцѣ, зацѣпившись ногами за нижнюю перекладину скамейки и опустивъ головы на сплетенныя за спиной руки. Повидимому ночные бродяги, они хотѣли выспаться подъ покровительствомъ дня. Одинъ изъ нихъ былъ въ маленькой шляпѣ и хорошемъ сюртукѣ; изъ-подъ шапки густыхъ, черныхъ, курчавыхъ волосъ виднѣлось красное лицо, загорѣлая шея и огромныя уши. Лицо другого было скрыто, и виднѣлась только его позеленѣвшая шелковая фуражка; блѣдныя руки торчали изъ-подъ рукавовъ измятаго драповаго пальто съ бархатнымъ воротникомъ, побѣлѣвшимъ по краямъ. Оба спали тяжелымъ сномъ усталыхъ людей; солнце жгло ихъ, а мухи, кружившіяся надъ ними, раздражали и заставляли ворочаться во снѣ на этомъ твердомъ ложѣ.

— Это ужасно!—проборматала Ева.

Человѣкъ въ фуражкѣ, не просыпаясь, разжалъ свои руки, потрясъ ими, сжимая и разжимая затекшіе пальцы.

Сердце Евы болѣзненно сжалось отъ состраданія и горя. Столько нужды! И среди кого? По всей вѣроятности, это безработные. Ея негодованіе обрушилось на только что разставшагося съ ней спокойнаго человѣка. Можно ли жить мирно при видѣ подобныхъ зрѣлищъ? И если разумъ молчитъ, то сердце развѣ не можетъ возмутиться? Кто пойдетъ проповѣдывать этимъ умирающимъ съ голоду о всеобщемъ избирательномъ правѣ? Ружья, только ружья имъ нужны!

Порозовѣвшая аллея тянулась впереди, изрѣшеченная солнечными пятнами, съ сѣрыми стволами деревьевъ по сторонамъ и со сводомъ трепетавшихъ зеленыхъ листьевъ, спускавшихся въ перспективѣ, какъ края узорчатой бахромы. Корни деревьевъ уже подернуты были тьмою, а цѣлая волна прозрачной зелени таинственно замыкала даль. Сидѣвшій на скамейкѣ налѣво священникъ съ газетой въ

Изъ Англіи.

I.

Въ прошломъ письмѣ мы видѣли желательный типъ народной школы, набросанный Чіозза-Моней, авторомъ книги «Riches and Poverty», и профессоромъ Даррокомъ въ его книгѣ «The Children». Каковъ типъ идеальной средней школы, рисующійся англійскому реформатору? «При дѣйствительно національной системѣ народнаго образованія,—говоритъ профессоръ Даррокъ,—средняя школа должна быть не просто лѣстницей, служащей мальчику только для того, чтобы добраться до университета. Средняя школа должна подготовлять также къ высшимъ техническимъ, коммерческимъ и другимъ спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ». Типъ школы долженъ, конечно, находиться въ зависимости отъ той дѣятельности, къ которой подготовляется мальчикъ. Такихъ типовъ четыре. Во-первыхъ, каждой націи необходимо имѣть армію искусныхъ технически-обученныхъ работниковъ. Прежде въ Англіи, больше чѣмъ на континентѣ, техники обучались ремеслу, какъ подмастерья. Относилось это не только къ простымъ мастерамъ. Владѣлецъ завода рѣшалъ, напр., что дѣло должно перейти къ старшему сыну. И вотъ послѣдній до 16 лѣтъ обучался въ средней школѣ, затѣмъ мальчикъ поступалъ на заводъ, гдѣ работалъ сперва какъ простой рабочій, а потомъ, мало по-малу, входилъ въ детали дѣла. Юноша изучалъ на практикѣ общій процессъ производства, знакомился съ техническими секретами, составляющими спеціальность каждаго большого завода. Параллельно съ этимъ юноша посѣщалъ высшую техническую школу, а еще чаще—вечерніе курсы «политехникума». Послѣдніе научаютъ, какъ справляться съ готовыми формулами и какъ дѣлать на основаніи ихъ вычисленія. И вотъ получался ловкій хозяинъ, знающій въ тонкости каждую мелочь производства, умѣющій самъ отлить модель, вычертить машину, заклепать котелъ, собрать части машины, но не больше. Получался отличный практикъ, добросовѣстный, умный, распорядительный, но консервативный въ научномъ смыслѣ. Такой заводчикъ могъ продолжать съ честью техническія традиціи, но не прокладывалъ новыхъ путей.

Что касается обученія простыхъ мастеровъ, то ихъ не готовятъ уже больше цехи и гильдіи, какъ раньше. Профессіональные союзы могутъ удѣлить теперь только сравнительно мало вниманія подготовленію учениковъ: у трэдъ-юніоновъ другія задачи. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ въ Англіи сдѣланы попытки, имѣющія цѣлью превратить начальную школу въ техническую среднюю. Это—вечерніе классы для прошедшихъ семилѣтній курсъ ученія въ начальной школѣ (Evening Continuation Schools). Преподаваніе на вечернихъ курсахъ, большею частью, поставлено очень хорошо; но оно носитъ или общеобразовательный, или спеціально коммерческій характеръ. Вечерніе курсы при народныхъ школахъ или подготовляютъ къ экзаменамъ на поступленіе въ университетъ (Matriculation), или совершенствуютъ клэрковъ и бухгалтеровъ въ ихъ спеціальностяхъ. Юноши и дѣвушки учатся тогда иностраннымъ языкамъ, стенографіи, коммерческой ариѳметикѣ, счетоводству и пр. Evening Continuation Schools имѣютъ еще одинъ недостатокъ. Посѣщеніе ихъ—не обязательно. Юноши или дѣвушки начинаютъ ходить на вечерніе курсы только черезъ 3 — 4 года послѣ окончанія начальной школы, когда впереди является надежда на повышеніе по службѣ. Но за 3—4 года ученики успѣваютъ забыть многое изъ того, чему учились. Такимъ образомъ, вечерніе курсы должны еще возстановлять утерянное знаніе. По мнѣнію проф. Даррока, вечерніе классы должны давать, прежде всего, систематическое техническое образованіе.

Кромѣ средней школы, подготовляющей искусныхъ мастеровъ, нація нуждается еще въ школахъ, дающихъ коммерческое образованіе. Это дѣло, какъ мы видѣли, порядочно поставлено уже въ Англіи. Затѣмъ третій типъ средней школы,—учебныя заведенія, подготовляющія будущихъ ученыхъ и изслѣдователей, которые могутъ прокладывать новые пути для техники. Вотъ почему,—говоритъ профессоръ Даррокъ,—намъ также необходимъ типъ средней школы, въ которой физика, химія, математика и естественная исторія составляютъ главный предметъ преподаванія. Наконецъ, необходимъ четвертый типъ средней школы, подготовляющей къ университету *). Всѣ типы средней школы должны быть доступны для всего населенія. Только способностью ученика, а не матеріальными средствами родителей должно обусловливаться прохожденіе того или другого курса. Средняя школа должна подготовлять не только будущихъ работниковъ на томъ или другомъ поприщѣ, но и будущихъ гражданъ. Въ этомъ отношеніи въ англійской средней школѣ и теперь уже сдѣлано очень много. Англійская школа, прежде всего, внушаетъ мальчику *self-respect*, чувство самоуваженія. Достигается это тѣмъ, что преподаватели уважаютъ *личность* мальчика и добиваются своими *поступками* уваженія

*) The Children, p. p. 122—124.

со стороны дѣтей. Англійская средняя школа воспитываетъ горячихъ патріотовъ; но достигается это не насажденіемъ шпіонства, не обысками, не выслѣживаніемъ мальчика. Директоры англійскихъ среднихъ школъ понимаютъ патріотизмъ совсѣмъ не такъ, какъ надзиратели арестантскихъ ротъ, переименованные кое-гдѣ на континентѣ въ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія. Директоръ не культивируетъ ненависти одной національности къ другой; не пробуждаетъ въ дѣтяхъ инстинктовъ нетерпимости; не отравляетъ ихъ сознанія ядомъ мракобѣсія. Англійскій директоръ учитъ дѣтей, что *всѣ* они—сыны великой, *свободной*, культурной страны, гдѣ всѣ граждане равны между собою. Въ раннемъ возрастѣ уже мальчики научаются чтить память тѣхъ великихъ борцовъ, которые отстаивали въ разные вѣка религіозную и политическую свободу. Средняя англійская школа—республика, въ которой личность маленькаго гражданина уважается. Школьные клубы, парламенты и газеты содѣйствуютъ развитію самосознанія мальчика. Когда Англію волнуетъ какой-нибудь политическій вопросъ, учитель предлагаетъ въ школѣ мальчикамъ высказаться письменно по этому поводу. Знакомый мнѣ 11-лѣтній мальчикъ обучается въ St. Paul's (одна изъ самыхъ старинныхъ англійскихъ гимназій, если принять нашу терминологію). Третьяго дня онъ, вмѣстѣ съ другими товарищами по классу, отвѣчалъ письменно на вопросъ: «каково ваше мнѣніе о суффражисткахъ? Должны ли женщины имѣть политическія права, или нѣтъ?» Такимъ же образомъ мальчики рѣшали вопросъ, должна ли Ирландія имѣть областной сеймъ? Письменныя работы на эти темы не являются, конечно, капканомъ для «улавливанія» душъ. Пріятель того мальчика, о которомъ я упомянулъ,—ирландецъ, ревностный католикъ, «республиканецъ» и пламенный націоналистъ. Такъ какъ основа воспитанія въ Англіи заключается въ томъ, чтобы высказывать правду, то маленькій ирландецъ въ своемъ сочиненіи развилъ такой тезисъ: «Эринъ долженъ быть свободенъ». Пусть читатели представятъ себѣ, *куда* направилось бы «сочиненіе» подобнаго рода, поданное, напр., директору варшавской гимназіи маленькимъ полякомъ! Въ St. Paul's учитель устроилъ дебаты въ классѣ по поводу тезиса, развитаго маленькимъ ирландцемъ. Замѣтьте, учитель—консерваторъ. *Такимъ* образомъ англійская школа насаждаетъ патріотизмъ и уваженіе къ личности. Въ результатѣ получается слѣдующее. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, русскіе оставляютъ среднюю школу съ такимъ же чувствомъ, какъ и тюрьму. Вспоминаютъ они о школѣ съ ненавистью и отвращеніемъ. Школа преслѣдуетъ многихъ еще долго во снѣ. Самую глубокую обиду, первыя оскорбленія, первыя представленія о человѣческой несправедливости,—все это даетъ намъ школа. Она первая научаетъ насъ страдать и ненавидѣть. Въ Англіи юноша оставляетъ среднюю школу съ сожалѣніемъ и всю жизнь чувствуетъ связь съ нею. Съ какою гор-

достью англичанинъ говоритъ про себя: «I'm an old St. Paul's boy». И этому «boy» 65—70 лѣтъ!

Въ нормально поставленной средней школѣ *не могутъ* возникать такіе вопросы, которые обсуждаются теперь у насъ, говорятъ, мальчиками и дѣвочками 15—16 лѣтъ. Я говорю о спеціальныхъ вопросахъ, занимающихъ, по преимуществу, теперь часть нашей беллетристики. Англичанину кажется дикимъ и чудовищно-противоестественнымъ, что въ Россіи шестнадцатилѣтнія дѣти заняты выясненіемъ сексуальнаго вопроса. Только чудовищной уродливостью школы можно объяснить себѣ явленіе. Въ данномъ случаѣ нельзя говорить о «требованіяхъ природы», о томъ, что о естественныхъ явленіяхъ необходимо говорить прямо и просто. Въ томъ-то и дѣло, что предъ нами что-то нелѣпо-искусственное...

Профессоръ Даррокъ переходитъ потомъ къ послѣднему звену образовательной цѣпи, къ университету, который въ Англіи такъ же своеобразенъ, какъ и средняя школа. На континентѣ не мало людей съ высшимъ образованіемъ мы встрѣчаемъ въ разныхъ классахъ, въ разныхъ профессіяхъ. Въ Англіи % людей, получившихъ высшее образованіе, очень невеликъ. Это зависитъ отъ характера университетовъ, отъ недоступности ихъ вслѣдствіе высокой платы и отъ нѣсколько пренебрежительнаго отношенія англичанъ къ книжному знанію. Результатомъ этого является безспорно болѣе низкій уровень развитія англійскаго средняго общества въ сравненіи съ германскимъ или французскимъ. Какъ бы плохо ни былъ поставленъ университетъ, онъ пускаетъ въ обращеніе цѣлый циклъ новыхъ для малокультурнаго класса идей и понятій. Но, съ другой стороны, въ Англіи на самостоятельные умы университетская рутина не накладываетъ никакого ярма. Подавляющее большинство замѣчательныхъ англичанъ не прошли университетскаго курса. Во всякомъ случаѣ, университетъ ничего не далъ имъ. Достаточно назвать Бокля, Спенсера, Уоллэса, Лайеля, Лэнга и многихъ другихъ. Когда Гладстонъ выступалъ, какъ смѣлый политикъ или какъ финансистъ, — онъ былъ самостоятеленъ. Когда онъ писалъ плохіе комментаріи къ Гомеру или толкованія къ литургіи англиканской церкви,—онъ являлся воспитанникомъ оксфордскаго университета. Профессоръ Даррокъ набрасываетъ желательный типъ университета. Въ данномъ случаѣ, авторъ не оригиналенъ. Онъ отстаиваетъ типъ германскаго университета; но желалъ бы, чтобы послѣдній не ударялся въ крайность, т. е., чтобы научныя изысканія не превратились въ самоцѣль. Авторъ относится также отрицательно къ тенденціи, наблюдаемой въ Германіи и Англіи, провести рѣзкую демаркаціонную линію между работой университета и технологическаго института. Отчасти это раздѣленіе, по мнѣнію профессора Даррока, обусловливается тенденціей, наблюдаемой въ нѣкототорыхъ академическихъ кругахъ, смотрѣть на техническое знаніе, какъ на нѣчто низшее. Обособленность и отдѣ-

неніе старинныхъ англійскихъ университетовъ,—продолжаетъ авторъ,—тоже содѣйствовали выдѣленію технологическаго института (Techuical College) въ самостоятельное цѣлое. «Такое отпаденіе не можетъ быть полезно ни университету, ни технологическому институту. Первый производитъ научныя изслѣдованія, которыя должны быть провѣрены тотчасъ же примѣненіемъ на практикѣ. Для этого университетъ долженъ находиться въ тѣсной связи съ технологическимъ институтомъ, который такою близостью будетъ спасенъ отъ специализаціи и отъ узкаго эмпиризма» *).

II.

Послѣ заботъ о хорошей, доступной для всѣхъ школѣ, слѣдуетъ въ программѣ реформаторовъ вопросъ о жилищѣ. Мы слышимъ постоянно толки про то,—говоритъ Чіозза-Моней,—что Англія имѣетъ «слишкомъ плотное» населеніе. Статистика, однако, показываетъ намъ, что на квадратную милю приходится 558 жителей, или одинъ человѣкъ на 1,15 акра. На каждые шесть акровъ можно считать по одной семьѣ. Все населеніе Англіи можно было бы расположить такъ, что индивидуумъ находился бы отъ индивидуума на разстояніи 240 футовъ. Въ 1871 г. разстояніе это было бы 288 ф. Такимъ образомъ, при правильномъ распредѣленіи мѣста хватило бы на всѣхъ. Въ дѣйствительности, «скученность» въ городахъ, о которой приходится постоянно слышать, обусловливается тѣмъ, что деревни почти опустѣли. Графство Лондонъ занимаетъ площадь въ 75 тысячъ акровъ. Здѣсь живетъ пятимилліонное населеніе (если считать пригороды, слившіеся теперь съ метрополіей, то въ Лондонѣ около семи милліоновъ жит.). Другими словами, въ Лондонѣ столько же жителей, сколько во всей Австраліи, или почти сколько въ Канадѣ. Одна девятая часть всего населенія Соединеннаго Королевства живетъ въ столицѣ. Въ Лондонѣ и въ 75 большихъ городахъ Англіи и Уэльса живутъ 15 милліоновъ. По мѣрѣ того, какъ растетъ метрополія, пустѣютъ не только деревни, но и маленькіе города. По даннымъ, сгруппированнымъ въ книгѣ «Riches and Poverties», видно, что большинство населенія, скученнаго въ городахъ, живетъ въ неудовлетворительныхъ квартирахъ. То же самое можно сказать о деревняхъ. Во всей Англіи около 7.500.000 обитаемыхъ домовъ, изъ которыхъ 3.283.600 сдаются меньше, чѣмъ за 10 ф. ст. за каждый въ годъ. Мы имѣемъ 4.956.520 домовъ, идущихъ по 15 ф. ст. въ годъ. Слѣдуетъ помнить, что понятія англичанъ объ удобномъ или неудобномъ жильѣ сильно отличаются отъ понятій подобнаго рода на континентѣ. Квартира, приводящая въ негодованіе англійскихъ изслѣдователей, показалась бы

*) The Aim of the University, p. 129.

многимъ въ Россіи сносной, и даже очень. Сдѣлавъ эту оговорку, нужно признать, что квартиры, сдающіяся въ большихъ городахъ за 15—20 ф. въ годъ, помѣщаются въ домахъ, подлежащихъ разрушенію. Это именно тѣ дома, которые обогащаютъ лэндлордовъ, «Slum-lords». Въ комедіи Бернарда Шоу «The Widower's Houses» мы имѣемъ подобнаго slum-lord'а Сарторіуса. Онъ имѣетъ десятки домовъ въ кварталахъ, предназначенныхъ для разрушенія, и сдаетъ въ нихъ понедѣльно комнаты и углы. Это приноситъ гораздо большія деньги, чѣмъ если бы дома находились въ «респектабельныхъ» кварталахъ и сдавались бы состоятельнымъ жильцамъ. Въ статистическомъ отчетѣ, приготовленномъ сэромъ Шерлей-Морфи, авторъ доказываетъ, что въ бѣдныхъ кварталахъ slum-lord отнимаетъ у населенія не только деньги и здоровье, но и жизнь. Населеніе состоятельныхъ кварталовъ Лондона имѣетъ шансы прожить на нѣсколько лѣтъ больше, чѣмъ населеніе трущобъ. Сэръ Шерлей Морфи вычислилъ даже эти шансы, и вотъ какъ выражаются въ цифрахъ эти любопытные результаты. Новорожденный здоровый ребенокъ имѣетъ шансы въ Хэмстэдѣ (состоятельный лондонскій кварталъ) дожить до 50,8 лѣтъ, а въ Саутсуоркѣ (бѣдный кварталъ)—до 36,5 лѣтъ. Такимъ образомъ, въ послѣднемъ кварталѣ slum-lord отнимаетъ у своихъ квартирантовъ 14,3 лѣтъ жизни.

Возрастъ	Сколько лѣтъ жизни впереди: Хэмстэдъ	Саутсуоркъ	Сколько лѣтъ отнято
5	57,4	48,7	8,7
10	53,3	45	8,3
15	48,7	40,6	8,1
20	44,2	36,4	7,8
25	39,8	32,4	7,4
30	35,5	28,6	6,9
35	31,3	25	6,3
40	27,5	21,9	5,6
45	23,8	18,9	4,9
50	20,3	16,2	4,1
55	17	13,6	3,4
60	14,1	11,3	2,8
65	11,5	9,1	2,4
70	9,2	7	2,2
75	7,1	5,2	1,9

Въ Хэмстэдѣ только 6,3% всего населенія живетъ въ квартирахъ, меньше чѣмъ въ пять комнатъ. Въ Саутсуоркѣ 31, 6 населенія имѣютъ квартиры, состоящія только изъ двухъ комнатъ. Хэмстедъ занимаетъ площадь въ 2.248 акровъ, на которой живетъ населеніе въ 68,416 чел. Въ Саутсуоркѣ на площади въ 544 ак. живутъ 89,800 чел.

На смѣну частному предпринимателю должно явиться общество. Оно обязано позаботиться о томъ, чтобы всѣ граждане, вступающіе въ жизнь послѣ окончанія школы, имѣли бы одинаковые шансы

на возможное отдаленіе конечнаго момента смерти. Англія представляетъ теперь аггрегатъ совершенно самостоятельныхъ муниципальныхъ клѣточекъ. И этимъ послѣднимъ предстоитъ позаботиться о здоровьи и счастьи всѣхъ сограждань. Но «клѣточка», берущая на себя такія обязанности, такъ или иначе нарушаетъ интересы отдѣльныхъ предпринимателей. И вотъ теперь, когда для многихъ становится очевиднымъ, что отдѣльные предприниматели, богатѣя сами, абсолютно не щадятъ интересовъ всѣхъ гражданъ,—мы видимъ, что лица, заинтересованныя въ сохраненіи стараго порядка, пробуютъ напугать населеніе призракомъ «соціализма». Краснымъ призракомъ пугаютъ населеніе пивовары и винокуры, интересы которыхъ нарушены новымъ законопроектомъ о сокращеніи пьянства; о «соціализмѣ» кричатъ slum-lords, когда городъ собирается строить новые и удобные коттэджи. «Соціализмъ» усматривается, конечно, въ каждомъ земельномъ законодательствѣ. «Законопроектъ о сокращеніи пьянства въ дѣйствительности является соціализмомъ, раздѣленнымъ на нѣсколько дозъ,—пишетъ одинъ изъ противниковъ законопроекта *Times*.—Партія, стоящая за трезвость, въ сущности, дѣйствуетъ подъ руководствомъ соціалистовъ. Мы имѣемъ теперь только первую дозу. Если соціалисты успѣютъ теперь въ своемъ намѣреніи, то они скоро приступятъ къ конфискаціи другихъ формъ собственности» *). Авторъ письма взываетъ къ акціонернымъ компаніямъ, трэдъ-юніонамъ, кооперативнымъ и строительнымъ обществамъ, ко всѣмъ среднимъ классамъ и къ рабочимъ классамъ, чтобы они сгрудились и отстояли частную собственность отъ покушенія на нее со стороны соціалистовъ. Чтобы лучше защитить частную собственность, авторъ рекомендуетъ дать политическія права женщинамъ. «Борьба съ соціалистами закончится у избирательныхъ урнъ,—говоритъ онъ.—И вотъ по мѣрѣ приближенія этого момента, защитники частной собственности тревожно задаются вопросомъ: не ослаблены-ли значительно ихъ силы тѣмъ, что женщины не имѣютъ избирательныхъ правъ? До тѣхъ поръ, покуда женщины, владѣющія акціями разныхъ предпріятій, не имѣютъ политическихъ правъ, средства самообороны компаній значительно ослаблены. Это обстоятельство хорошо поняли директоры пивоваренныхъ заводовъ и разослали своимъ акціонерамъ, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, приглашеніе настойчиво требовать отъ своего депутата, чтобы онъ голосовалъ противъ законопроекта о сокращеніи числа кабаковъ (Licensiny Bill). Къ чему эти циркуляры, если женщины не имѣютъ избирательныхъ правъ?» Въ томъ-же *Times* надняхъ появился манифестъ «Лиги промышленной свободы», зовущій на бой съ соціализмомъ. «То обстоятельство, что рабочая партія на послѣднемъ конгрессѣ въ Гуллѣ высказалась за соціализмъ,—читаемъ мы въ манифестѣ,—показываетъ, какъ велика

*) *The Times*, March 27, 1908.

опасность, урожающая теперь странѣ. Сторонники конфискаціи и расхищенія сдѣлали значительный шагъ впередъ. Они пытаются захватить въ свои руки трэдъ-юніоны, чтобы такимъ образомъ скорѣе достигнуть цѣли, намѣченной соціализмомъ. Предъ лицомъ частныхъ предпринимателей, на благоденствіи которыхъ держится имперія, стоитъ теперь большая опасность. Чтобы устранить ее, требуется напряженіе всѣхъ усилій». Дальше изъ манифеста явствуетъ, чтó подразумѣваетъ Лига промышленной свободы подъ этими словами. Соціалисты ведутъ борьбу при помощи лекцій, митинговъ и распространенія литературы. То же самое призываетъ дѣлать и манифестъ. Необходимо, говоритъ онъ, распространять литературу, доказывающую убыточность муниципальнаго соціализма и утопичность соціалистическихъ идеаловъ вообще. Въ цѣломъ рядѣ городовъ устроены были публичныя состязанія между соціалистами и индивидуалистами. Таковы, напр., диспуты между Викторомъ Крэйзономъ и Джойнсонъ-Хиксомъ въ Манчестрѣ, 14 февраля 1908 г. *), Гари Квелчемъ и Муромъ въ Ирби, 16 октября 1907 г. *). Рѣчи защитниковъ и враговъ соціализма печатаются въ такихъ отчетахъ параллельно. Читателямъ предоставляется рѣшить, кто болѣе правъ. Такъ поступаютъ, во всякомъ случаѣ, соціалисты. Представители другой стороны до сихъ поръ выпустили только одну книжку, представляющую хоть нѣкоторое подобіе критики теоретическихъ основъ соціализма (Socialism: Its Fallacies and dangers, by Frederic Millar). Авторъ предпочитаетъ бороться съ Вильямомъ Моррисомъ, съ составителями популярныхъ англійскихъ брошюрокъ, но не съ Марксомъ. Такъ какъ изъ публичныхъ состязаній съ соціалистами члены Лиги промышленной свободы до сихъ поръ не выходили побѣдителями, то они предпочитаютъ имѣть дѣло съ противниками *воображаемыми*. Такимъ противникамъ можно влагать въ уста какія угодно глупости, чтобы потомъ побѣдно опровергнуть ихъ. Таковъ, напр., діалогъ, выпущенный Лигой защиты свободы и собственности и озаглавленный: «Частная собственность, или старомодное безуміе и новая философія» *). О діалогѣ можетъ дать представленіе слѣдующая выдержка. Здравомыслъ, носящій кличку Старый глупецъ, задаетъ «новому философу» вопросъ:

— Вѣрите ли вы въ частную собственность?

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчаетъ «новый философъ», представленный идеально глупымъ и невѣжественнымъ.

Старый глупецъ. Хорошо. Примѣнимъ, въ такомъ случаѣ, вашу доктрину къ случаю, въ которомъ вы лично заинтересован-

---

*) Socialism. Debate in the Free Trade Hall. Manchester. Verbatim Report. 32 p. p.

**) Is Socialism Advantageous to the Individual? Report of Public Debate at the Albion Hall, Earby, on Wednesday, October 16—th, 1907.

ное лицо. Всегда хорошо, если возможно, взвѣсить философовъ на ихъ собственныхъ вѣсахъ и измѣрить ихъ собственной же мѣрой. Ну, вотъ вы теперь собираетесь засунуть въ ротъ кусокъ хлѣба. Является ли этотъ послѣдній вашей собственностью, или нѣтъ? На простой вопросъ я требую простой отвѣтъ». Вмѣсто того, чтобы говорить о добавочной стоимости и о происхожденіи капитала,—«Лига промышленной свободы» и «Лига защиты собственности» предпочитаютъ выдвигать противъ соціалистовъ тѣ самыя обвиненія въ безбожіи и безнравственности, которыя мы встрѣчаемъ еще въ памфлетахъ, направленныхъ противъ Роберта Оуэна. Такова усиленно распространяемая брошюра Кэйли Кольверта *), носящая на обложкѣ благословленіе отъ Daily Mail. «Соціализмъ основанъ на грабежѣ, откровенномъ и нагломъ,—читаемъ мы.—Девизъ его:—«Хватай!» Въ красномъ катехизисѣ замѣтно отсутствуетъ заповѣдь *не укради*. Въ писаніяхъ соціалистовъ чуются тѣни знаменитыхъ разбойниковъ Робина Гуда, Дикъ Тёрпина и Чарльса Пиля». А вотъ выдержки изъ другой главы или, точнѣе, изъ другого куплета: «Соціализмъ и религія». «Соціалисты, найдя, что ихъ атеизмъ и насмѣшки надъ религіей не пользуются популярностью, пробуютъ теперь замести слѣдъ. Но это не удается. (Послѣднія слова набраны жирнымъ, крупнымъ шрифтомъ). Всѣ почти писанія соціалистовъ пропитаны духомъ невѣрія. Напрасно Блэтчфордъ цитируетъ нагорную проповѣдь. Онъ—безбожникъ. (Опять жирный и крупный шрифтъ). Мы доказали бы рядомъ выдержекъ изъ произведеній Бернарда Шоу и другихъ соціалистовъ, что всѣ эти авторы безбожники; но боимся оскорбить чувство читателя. Со времени Роберта Оуэна соціализмъ и атеизмъ всегда были близкими союзниками. И этотъ союзъ поддерживаютъ теперь всѣ выдающіеся защитники ученія». «Уничтоживъ націю и изгнавъ религію, соціализмъ затѣмъ накладываетъ свою руку на домашній очагъ, на «home», который желаетъ замѣнить кооперативными казармами, гдѣ разныя семьи будутъ сидѣть вмѣстѣ за чайнымъ столомъ въ счастливомъ согласіи и пользоваться общими чайными ложечками». Предоставляемъ судить читателю, какъ это понравится обыковенному англичанину, гордящемуся тѣмъ, что «его домъ—его крѣпость». Довольно, однако. Читатель видитъ, что авторы, отстаивающіе старыя привилегіи одной группы, не проявляютъ особенной оригинальности въ изобрѣтеніи аргументовъ.

*) «Socialism»? By Cayley Calvert. Publishedbyhe Constitutional speakers Lengue. London, 1908.

III.

У защитниковъ расширенія дѣятельности муниципалитетовъ въ смыслѣ большей заботы объ интересахъ гражданъ много доводовъ. «Говорятъ, муниципальныя предпріятія, какъ забота о жилищахъ и пищѣ гражданъ, не нужны, потому что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ частныхъ предпринимателей,—говоритъ Сѣтсерсъ.—Разсмотримъ, каковы главныя потребности общества. Населенію необходимы: пища, платье, топливо и жилище. Въ какой степени удовлетворительно снабжаютъ частные предприниматели гражданъ всѣмъ этимъ. Внѣ сомнѣнія, что значительная часть населенія питается плохой и фальсифицированной пищей. Не подлежитъ также сомнѣнію, что платье этой части населенія неудовлетворительно. Угольные промышленники заставляютъ бѣдняковъ, покупающихъ уголь мѣшками, платить за топливо гораздо больше, чѣмъ богатыхъ людей. Къ тому же, бѣдняки никогда не имѣютъ достаточно угля, чтобы согрѣться зимою. Такимъ же образомъ частный предприниматель не удовлетворяетъ запросамъ населенія по поводу жилищъ. Мы видимъ, что населеніе въ городахъ живетъ крайне скученно. Бѣдняки вынуждены ночевать на улицѣ или идти въ рабочій домъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ возможности снять приличный коттеджъ. Эти факты извѣстны всѣмъ. Частные предприниматели оказались не въ силахъ доставить населенію предметы первой необходимости. Но защитники конкуренціи и частнаго предпріятія не признаютъ отвѣтственности за бѣдность. «Послѣдняя обусловливается общими законами,—говорятъ они.—Всѣ граждане имѣютъ въ жизни равные шансы на успѣхъ». Защитники частныхъ предпріятій утверждаютъ, что поставщики всегда готовы доставить желающимъ пищу, топливо и жилища. Такимъ образомъ, нѣтъ никакой надобности въ муниципальномъ соціализмѣ. Утвержденія подобнаго рода,—говоритъ Сѣтсерсъ,—дѣлались людьми, пользующимися всеобщимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Такъ, напримѣръ, лордъ Авебери (прежде сэръ Джонъ Леббокъ) заявилъ передъ комиссіей, изслѣдующей городскія предпріятія, что муниципалитеты могли бы и не строить жилищъ для работниковъ, повышая такимъ образомъ городскіе налоги. Работники могли бы быть удовлетворены, если бы постройкой занялись частные предприниматели. Между тѣмъ, въ такомъ случаѣ, граждане не были бы обременены добавочнымъ городскимъ налогомъ. Другой экспертъ, тоже дававшій показанія коммиссіи, прежде состоялъ предсѣдателемъ лондонскаго общества подрядчиковъ. Онъ высказалъ мнѣніе, что муниципалитеты не должны строить домовъ для работниковъ, такъ какъ частные предприниматели «сдѣлаютъ все, могущее принести выгоду». Торговцы тоже говорятъ, что готовы доставлять всѣмъ, желающимъ платить,

что угодно. Насколько все это вѣрно? До послѣдняго времени муниципалитеты совершенно не конкуррировали съ частными подрядчиками въ дѣлѣ постройки домовъ. И вотъ мы имѣемъ «жилищный голодъ». Вопросъ объ удобныхъ помѣщеніяхъ для массъ сталъ государственнымъ вопросомъ. Онъ выдвинутъ былъ на послѣднихъ выборахъ и теперь обсуждается въ парламентѣ. Послѣдняя перепись показала, что почти треть всего населенія живетъ скученно. Въ Лондонѣ около милліона живетъ такъ, что на комнату приходится больше, чѣмъ три человѣка. (По англійской терминологіи это—«illegal overcrowding», т. е. противозаконная скученность). Больше двухсотъ тысячъ человѣкъ живутъ въ домахъ-казармахъ *). Сотни тысячъ людей живутъ скученно не вслѣдствіе бѣдности, но потому, что нѣтъ достаточнаго количества свободныхъ домовъ. Вотъ типичная картина скученности, нарисованная священникомъ Дэвисомъ. Дѣло идетъ о кварталѣ Спайтанфильдсъ въ Лондонѣ. «Въ одной уличкѣ—10 домовъ, а въ нихъ—51 комната. Размѣръ комнатъ 8×9 футовъ. Въ этихъ домахъ живутъ 254 человѣка. Только въ шести случаяхъ на комнату приходится по два человѣка; въ остальныхъ число живущихъ въ одной комнатѣ колеблется отъ трехъ до девяти. Вотъ другой дворъ. Въ немъ шесть домовъ, съ 22 комнатами, въ которыхъ 84 человѣка. Опять въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ каждой комнатѣ живутъ 6, 7, 8 и даже девять человѣкъ. Въ одномъ домѣ восемь комнатъ. Живутъ въ нихъ 45 человѣкъ. Въ одной комнатѣ спали девять человѣкъ, въ другой восемь. Я видѣлъ,—продолжаетъ священникъ,—людей, имѣющихъ деньги, но не могущихъ найти квартиру». А вотъ выдержки изъ книги Раунтри, свидѣтельствующія о положеніи жилищнаго вопроса въ Іоркѣ. «Около 12% всего рабочаго населенія здѣсь живетъ въ удобныхъ и здоровыхъ въ санитарномъ отношеніи домахъ. Что же касается домовъ, въ которыхъ живетъ 88% остальнаго рабочаго населенія, то они заставляютъ желать многаго. 64% всѣхъ домовъ въ Іоркѣ имѣютъ только по двѣ спальни» **). Мы опять сталкиваемся съ понятіемъ о неудобствѣ въ *англійской* интерпретаціи.

«Іоркъ—небольшой провинціальный городъ, въ которомъ много свободной земли,—говоритъ Раунтри.—Стоимость построекъ дешевле, чѣмъ во многихъ другихъ городахъ». И, несмотря на это, частные предприниматели не выстроили квартиръ для всѣхъ желающихъ. Положеніе вещей во многихъ сельскихъ районахъ Англіи въ такой же степени неудовлетворительно,—продолжаетъ цитируемый авторъ. За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ сотни тысячъ сель-

*) Block-dwellings,—образцовыя квартиры, выстроенныя въ Лондонѣ, Глазго и другихъ большихъ городахъ. Съ континентальной точки зрѣнія эти дома-казармы не безъ удобствъ, такъ какъ квартиры въ нихъ хороши; но съ точки зрѣнія англичанъ эти block-dwellings, съ общими лѣстницами, массой квартиръ и вѣчнымъ гамомъ,—ужасны.

**) *R. B. Suthers*, „The Case for Municipal Management“, p. 15—18.

скихъ работниковъ переселились въ города. И одной изъ причинъ переселенія былъ недостатокъ въ коттеджахъ. Всюду чувствуется большой недостатокъ въ домахъ, за которые населеніе готово платить. Въ послѣдніе годы муниципалитеты признали необходимость бороться со зломъ; но частные предприниматели всѣми силами возстаютъ противъ намѣренія городовъ строить жилища для массъ.

IV.

Городъ долженъ заботиться,—по мнѣнію англичанъ,—не только объ *удобныхъ*, но и о *красивыхъ* жилищахъ для массъ. Я говорилъ уже о томъ, какъ отрицательно относятся англичане къ «block-dwellings». Квартиры въ этихъ домахъ-казармахъ состоятъ изъ 3—5 комнатъ, очень удобныхъ и очень красивыхъ съ континентальной точки зрѣнія. Но «block-dwelling» поглощаетъ своею коллективностью, такъ сказать, индивидуальность отдѣльнаго жильца. И англичанинъ, поэтому, не идетъ въ «образцовыя жилища», гдѣ селятся, главнымъ образомъ, иностранцы. «За послѣднія десять лѣтъ появилось много *образцовыхъ* жилищъ, (*образцовыхъ* во всемъ, но только не въ томъ, чѣмъ должно быть жилье), и не мало лондонскихъ пустырей покрылись болѣе или менѣе уродливыми постройками,—говоритъ Чіозза-Монней.—Городу приходится бороться не только съ болѣзнями и высокой смертностью, но также и съ безобразіемъ. Спекуляторъ-подрядчикъ застраиваетъ предмѣстья цѣлыми улицами некрасивыхъ домовъ. Исчезаютъ десятки акровъ зеленыхъ луговъ. Безобразные дома все болѣе и болѣе врываются въ живописныя окрестности Лондона. Деревья вырубаются, и срывается каждый футъ дерна. Городъ растетъ, а передъ нимъ исчезаетъ красота. Тропинки становятся улицами, живая изгородь вдоль дорогъ вытѣсняется чугунными рѣшетками передъ вновь выстроенными домами. Возникаютъ цѣлыя мили убійственно-однообразныхъ домиковъ, съ одинаковыми фронтонами, одинаковыми деревянными шторами и садиками позади». Такая монотонность убиваетъ всякое представленіе о красотѣ у подрастающаго поколѣнія. Она вытравливаетъ индивидуальность. Городъ долженъ заняться постройкой жилищъ; но обязанъ также позаботиться о развитіи эстетическихъ вкусовъ подрастающаго поколѣнія. Прежде всего, для этого необходимъ просторъ, чтобы дома могли чередоваться лугами и садами. «Чтобы удобно разселить населеніе нашихъ городовъ,—говоритъ Чіозза-Моней,—понадобилось бы, сравнительно, немного земли. Въ Соединенномъ Королевствѣ около 9 милліоновъ семействъ. Чтобы разселить ихъ такъ, чтобы на акръ приходилось по пяти семействъ,—понадобилось бы 1.800.000 акровъ, то есть только $^1/_{40}$ площади всей Англіи. Такимъ образомъ, городъ, прикупивъ землю, можетъ приступить къ удобному размѣщенію жителей. Уже больше 15 лѣтъ дѣйствуетъ законъ, дающій муниципалитетамъ

право принудительно отчуждать землю. Недостаткомъ этого закона является то, что жадности землевладѣльцевъ не положенъ предѣлъ. Нагляднымъ примѣромъ является покупка у покойнаго лорда Солсбри трущобъ въ Лондонѣ, когда муниципалитету понадобилось проложить новую улицу между Холборномъ и Стрэндомъ. Жадность лорда Солсбри смутила даже верхнюю палату.

Теперь, по новому законопроекту, внесенному въ парламентъ, спеціальные суды будутъ устанавливать справедливую плату за землю, когда она понадобится графскимъ совѣтамъ для сооруженія удобныхъ и изящныхъ жилищъ для массъ. Какъ много можно сдѣлать въ этомъ отношеніи, показываютъ новые «города-сады», а въ особенности Боурнвилль. О послѣднемъ я писалъ уже въ «Русскомъ Богатствѣ»; но теперь, имѣя подъ рукой новыя данныя, опять остановлюсь на любопытномъ опытѣ. Мѣстечко Боурнвилль находится въ шести верстахъ отъ Бирмингэма. Землю здѣсь пріобрѣлъ извѣстный радикалъ, квакеръ Кэдбери. По сосѣдству находится его громадная шоколадная фабрика. И вотъ Кэдбери выстроилъ для работниковъ идеальныя по красотѣ и удобству жилища. Затѣмъ Кэдбери подарилъ землю и постройки націи (подарокъ оцѣнивается въ два милліона руб.). «Основатель,—говорится въ дарственной записи,—желаетъ облегчить зло, проистекающее отъ нездоровыхъ и неудобныхъ жилищъ. Онъ желалъ бы дать возможность работникамъ сочетать удобства сельской и городской жизни». Въ настоящее время Боурнвилль—самостоятельная муниципальная республика. Совѣтъ, избранный всѣмъ населеніемъ, поддерживаетъ характерную особенность Боурнвилля, т. е. изобиліе садовъ и луговъ. Мѣстечко состоитъ изъ удивительно изящныхъ и удобныхъ коттеджей, окруженныхъ садами и лужайками. Каждый коттеджъ, въ которомъ живетъ одна семья, обвитъ плющемъ, розами и японскимъ жасминомъ, цвѣтущимъ уже въ январѣ. Дома построены такъ, чтобы солнце было въ комнатахъ возможно больше времени. Красота и живописность домиковъ въ Боурнвиллѣ поражаютъ всѣхъ пріѣзжихъ. Къ каждому коттеджу прилегаетъ фруктовый садикъ. Кромѣ того, въ мѣстечкѣ есть около 100 участковъ земли для желающихъ заняться земледѣліемъ. Двѣ вечернія земледѣльческія школы, усердно посѣщаемыя молодежью (клэрками и рабочими), даютъ всѣ необходимыя свѣдѣнія. Кромѣ этихъ садиковъ, въ Боурнвиллѣ всюду зелень и цвѣты. Совѣтъ мѣстечка усиленно поощряетъ цвѣтоводство... цвѣторазведеніе. Теперь въ Боурнвиллѣ рабочіе фабрики Кэдбери составляютъ только 41,2%. 40,2% населенія работаетъ въ Бирмингэмѣ, а 18,6% въ сосѣднихъ деревняхъ. О занятіяхъ жителей даютъ представленіе слѣдующія цифры:

Фабричные рабочіе	50,7%
Клэрки и коммивояжеры	13,3 „
Машинисты, плотники, каменщ. и пр. . .	36 „

Всѣ они платятъ ренту отъ 5 шил. до 12 шил. 6 п. въ недѣлю *). О томъ, какое вліяніе имѣетъ здоровое жилье на населеніе, говорятъ такіе факты: въ Бирмингэмѣ смертность дѣтей 331 на 1.000, а въ Боурнвиллѣ только 65. Смертность взрослыхъ въ Бирмингэмѣ 19,3 на тысячу, а въ Боурнвиллѣ—только 6,9. Сравните эти цифры съ смертностью въ русскихъ городахъ (35—39), и результаты васъ особенно поразятъ. Боурнвилль не филантропическое предпріятіе, и не причуда очень богатаго человѣка. Предо мною послѣдній отчетъ, изданный совѣтомъ идеальнаго городка. Получено: за сдачу въ аренду домиковъ—6.611 ф. ст. и за землю — 1.511 ф. ст., всего — 8.162 ф. ст. Израсходовано 3.577 ф. ст. (жалованье служащимъ—910 ф. ст., ремонтъ домовъ—1.198 ф. ст., на поддержаніе садовъ, лужаекъ и дорожекъ—326 ф. ст., и т. д.). Такимъ образомъ, въ кассѣ осталось 3.577 ф. ст. Эти деньги затрачены на сооруженіе новыхъ пятидесяти домиковъ. Спросъ на коттеджи въ Боурнвиллѣ такъ великъ, что кандидаты записываются заблаговременно. Такимъ образомъ, мы видимъ, что вполнѣ въ предѣлахъ возможности, даже при нынѣшнихъ условіяхъ (въ Англіи), доставить населенію дешевыя, красивыя и удобныя жилища. И когда внѣшнія условія таковы, что человѣкъ не встрѣчаетъ препятствій для свободнаго, разумнаго проявленія своей индивидуальности; когда дѣйствительность не давитъ человѣка, какъ тяжелый кошмаръ; когда невозможенъ дикій произволъ, врывающійся въ мирную обывательскую жизнь, какъ самумъ; когда человѣкъ видитъ вокругъ себя здоровыхъ, нормальныхъ, широкоплечихъ, сильныхъ людей, веселыхъ, смѣющихся дѣтей, красивыхъ, жизнерадостныхъ женщинъ и улыбающійся ландшафтъ, съ домиками, обвитыми плющемъ и розами, а не помѣшанныхъ Передоновыхъ, злыхъ Варваръ, маленькихъ неврастениковъ-гомункулусовъ, въ пятнадцать лѣтъ рѣшающихъ «проблемы пола», и все это на фонѣ убійственно скучныхъ городовъ, описанныхъ Чеховымъ въ разсказѣ «Моя жизнь»,—тогда невольно рождается заключеніе, что жизнь не совсѣмъ уже «каиново проклятіе», наложенное на насъ неумолимымъ рокомъ. Если кого нибудь изъ читателей «мѣщанскій» идеалъ шокируетъ, я напомню слова стариннаго писателя:

> «Ne vous scandalisez:
> Voyant le deuil, qui vous mine et consomme,
> Mieux est de ris, que de larmes escrire:
> Pour ce que rire est le propre de l'homme».

Послѣ школы и жилищъ, реформы, по проекту англійскихъ радикаловъ, должны коснуться земли.

*) За пять шиллинговъ работникъ имѣетъ домикъ изъ четырехъ комнатъ, съ кухней и ванной. Комнаты отъ 17×16 фут. до 10×8 фут. Кромѣ этого, имѣется еще въ каждомъ домикѣ прачешная въ 13×11 ф., кладовая въ 5×4 ф. и погребъ для углей.

V.

Читатели знаютъ, безъ сомнѣнія, давно уже установленный фактъ, что стремительный приростъ населенія въ Англіи наблюдается, по преимуществу, въ большихъ городахъ. Онъ является результатомъ тяги деревни въ большіе центры. Вотъ, напр., цифры, показывающія приростъ населенія за девять лѣтъ въ городахъ и деревняхъ Англіи и Уэльса:

По переписи.	Въ городскихъ округахъ.	Въ деревенскихъ округахъ.
1891 г.	2[illegible].745,286	72.57,239
1901 „	35.058,355	74.69,418

Таблица показываетъ, что въ то время, когда городское населеніе за десять лѣтъ увеличилось на 15,2%, сельское населеніе возрасло только на 2,9%. Въ цѣломъ рядѣ графствъ, населеніе въ деревняхъ не только не увеличилось, но даже уменьшилось вслѣдствіе эмиграціи въ города. Такъ, напримѣръ, въ Корнвалисѣ за десять лѣтъ деревенское населеніе уменьшилось на 1,9%, а въ Монтгомерширѣ—на 9,7%. Статистики, завѣдывавшіе народной переписью 1901 г., сдѣлали очень любопытный подсчетъ. Они взяли 112 чисто сельскихъ округовъ и опредѣлили движеніе населенія въ нихъ за 100 лѣтъ, съ цѣлью выяснить размѣры тяги изъ деревни.

По переписи.	Населеніе.	Приростъ или убыль.
1801 г.	932.364	
1811 „	997.494	+ 6,99%
1821 „	1.139.137	+ 14,20 „
1831 „	1 216.872	+ 6,82 „
1841 „	1.288.410	+ 5,88 „
1851 „	1.324.528	+ 2,80 „
1861 „	1.321.870	— 0,20 „
1871 „	1.321.377	— 0,04 „
1881 „	1.313.570	— 0,59 „
1891 „	1.304 827	— 0,67 „
1901 „	1.330.319	+ 1,96 „

Стремительный приростъ деревенскаго населенія въ 1811—1821 годахъ объясняется окончаніемъ войнъ съ Франціей. Съ 1851—1891 гг. деревенское населеніе постепенно уменьшается, но въ 1901 г. мы опять видимъ небольшой приростъ. Объясняется онъ слѣдующимъ. Въ 73 сельскихъ округахъ, населеніе уменьшилось и въ 1901 г.; но въ другихъ округахъ, гдѣ находятся шахты, наблюдался притокъ рабочихъ вслѣдствіе увеличенія добычи каменнаго угля. Такимъ образомъ, всѣ собственно сельскіе районы за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ постепенно пу-

стѣютъ. Вообще во всѣхъ деревенскихъ округахъ Англіи за послѣднія десять лѣтъ естественный приростъ населенія составлялъ 565.253 ч. Но въ тотъ же періодъ времени 500.654 чел. оставили деревни и переселились въ большіе города или въ колоніи. Еще болѣе печальны цифры, показывающія число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Въ 1851 г. ихъ было 1.904.687, а въ 1901 г. только 988.340. Слѣдуетъ помнить, что сюда входятъ не только сельскіе работники, но и дѣти ихъ, затѣмъ приказчики, надсмотрщики, пастухи, садовники, полевые сторожа, молочницы и проч. Не только въ одной Англіи наблюдается тяга изъ деревни въ городъ. Въ дѣйствительности, это—универсальное явленіе. Въ періодъ 1851—1896 гг. городское населеніе увеличилось на 14%, а въ Германіи—на 18%.

Протекціонисты, или, какъ они себя теперь называютъ, «Fiscal Reformers», т. е. реформаторы тарифныхъ обложеній, видятъ единственное спасеніе въ покровительственныхъ пошлинахъ и въ преміяхъ для помѣщиковъ. Необходимо освободить послѣднихъ отъ подоходныхъ и другихъ прямыхъ налоговъ. «Иностранные фермеры, присылающіе на англійскій рынокъ свой хлѣбъ, не платятъ намъ ренты или налоговъ, а, между тѣмъ, мы даемъ иностранцамъ всѣ привилегіи, за которыя платитъ нашъ фермеръ,—говорится въ одной изъ наиболѣе ходкихъ книжекъ, выпущенныхъ протекціонистами. Не только надлежитъ освободить фермера отъ налоговъ, но ему необходимо также давать премію, заботясь только о томъ, чтобы она не увеличила ни на фартингъ нашихъ расходовъ. Фермеръ вѣдь никогда не увѣренъ, каковъ будетъ результатъ урожая. Мы жертвуемъ ежегодно 15 мил. ф. ст. на дѣла благотворительности, а именно на поддержаніе бѣдныхъ. Среди получающихъ эту помощь не мало способныхъ къ труду и искусныхъ мастеровыхъ. Дайте фермеру премію за каждый акръ земли, который онъ обрабатываетъ, и за каждаго паупера, которому даетъ работу. Премія должна составлять опредѣленную часть изъ этихъ 15 мил. ф. ст. Если фермера освободить отъ всѣхъ налоговъ и дать ему премію, то онъ въ состояніи будетъ платить своимъ работникамъ хорошую плату. Такимъ образомъ, теперь нежелательный общественный элементъ—безработные, представляющіе опасность для страны, превратятся въ производителей и въ потребителей» *). Такимъ образомъ, англійскій помѣщикъ, какъ и русскій, знаетъ твердо только одно слово: «субсидія». Но въ Англіи помѣщикъ только вожделѣетъ въ мечтахъ, никогда не надѣясь на успѣхъ, а въ Россіи самая эксцентричная мечта становится дѣйствительностью и только разжигаетъ аппетитъ. Англійскій помѣщикъ, какъ и русскій, утверждаетъ, конечно, что только крупное землевладѣніе

*) Fiscal Reform or Socialism? An Eye-Opener to the British Taxpayer. London, 1903. p. 40.

можетъ спасти страну. Всякое землевладѣніе, основанное на «конфискаціи» (т. е. на принудительномъ отчужденіи за справедливое вознагражденіе), по мнѣнію сторонниковъ премій и субсидій, принесетъ только одинъ вредъ. Сельскій работникъ, будто бы, не желаетъ быть самъ фермеромъ *). Чтобы скорѣе убѣдить избирателей въ необходимости премій и субсидій,—протекціонисты пугаютъ англичанъ голодомъ во время войны. «Война помѣшаетъ доставкѣ въ Англію предметовъ первой необходимости. И тогда черезъ четыре мѣсяца все 40 милліонное населеніе ея умретъ съ голода,—говоритъ авторъ упомянутой уже книжки.—Теперь, когда доставка хлѣба всецѣло зависитъ отъ иностранцевъ,—мы должны принять во вниманіе такую случайность, какъ блокада англійскихъ береговъ непріятельскимъ флотомъ. Выгоднѣе, поэтому, поощрять отечественныхъ производителей, чѣмъ покупать у иностранцевъ. Помните, черезъ 16 недѣль послѣ блокады у насъ наступитъ голодъ, а между тѣмъ придется кормить громадную армію, которая будетъ защищать наши берега. Голодъ болѣе сильное оружіе, чѣмъ скорострѣльныя пушки. Съ каждымъ годомъ Англія все больше и больше ввозитъ изъ-заграницы хлѣба и другихъ пищевыхъ продуктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, ввезено:

Въ 1875	г.	на	124.335.000	ф. ст.
„ 1885	„	„	133.634.000	„ „
„ 1895	„	„	149.050.000	„ „
„ 1905	„	„	204.553.000	„ „

За тридцать лѣтъ стоимость пищевыхъ продуктовъ, ввезенныхъ въ Англію, увеличилась на 80 милліоновъ ф. ст. Въ то же время число лицъ, занимающихся земледѣліемъ, значительно уменьшилось. Въ 1841—45 г.г. Англія производила пшеницу на 24 мил. чел. или на 90% всего населенія, а теперь только на 4.500.000 чел., или на 10,6% всего населенія» **).

Протекціонистамъ возражаютъ, что безработные есть въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Германіи, т. е. въ странахъ, оцѣпленныхъ таможенными кордонами. Въ Америкѣ 30% безработныхъ, въ Германіи—14, въ Англіи—только шесть. Англійскіе помѣщики имѣли

*) Отвѣтомъ на это является слѣдующая выдержка изъ „Times". Дѣло идетъ о большомъ митингѣ въ Ридингѣ. Лордъ Картингтонъ (радикалъ), представляя слушателямъ оратора, товарища министра Льюиса Гаркорта, сказалъ, что земельный законъ, выработанный послѣднимъ имѣлъ громадный успѣхъ (Дѣло идетъ о Small Holdings Act, 1907). За мѣсяцъ существованія закона въ министерство земледѣлія поступили 1003 заявленія о желаніи снять 160.000 акровъ земли. Въ одномъ графствѣ Веркширъ поступило болѣе 100 заявленій отъ сельскихъ работниковъ. Въ этомъ графствѣ на помощь работникамъ явилось добровольное Small Holdings Society, которое сняло 3000 акровъ. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что законъ 1907 г. принесетъ большую пользу.

**) An Eye-Opener to the British Taxpayer, p. 42.

отличныя времена въ первой половинѣ XIX вѣка; но, несмотря на высокую цѣну на хлѣбъ, они платили сельскимъ работникамъ ничтожную плату. Сороковые года XIX вѣка извѣстны въ Англіи, какъ «голодные». Положеніе пролетаріата тогда было отчаянное. Преміи, субсидіи и избавленіе помѣщиковъ отъ платежа налоговъ до такой степени несовмѣстимо съ элементарными представленіями англичанъ о здоровой экономической политикѣ и справедливости, — что эти проекты встрѣчаются только шутками и остротами. Помѣщикамъ указываютъ, что нельзя съѣсть пряникъ и имѣть его въ то же время. Нельзя получать преміи и субсидіи такъ, чтобы это никому ничего не стоило. Однѣ пошлины, къ тому же, не возродили бы земледѣлія въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ протекціонисты желаютъ оградиться таможенной стѣной только отъ иностранцевъ, но не отъ британскихъ колоній. Напротивъ, протекціонисты хотѣли бы превратить всю имперію въ своего рода экономическій микрокосмъ, въ которомъ колоніи являются потребителями англійскихъ фабрикатовъ, а метрополія — рынкомъ ,для колоніальнаго сырья. Англія ввозитъ ежегодно:

	из другихъ странъ.	изъ колоній.
пшеницы	на 17.540.376 ф. ст.	5.540 096 ф. ст.
ячменя	„ 6.028.644 „ „	134 368 „ „
овса	„ 5.967.622 „ „	380.097 „ „
ржи	„ 231.544 „ „	112.839 „ „
масла	„ 16.238.542 „ „	3.058.854 „ „
сыра	„ 2.335.477 „ „	3.891.658 „ „
крупчатки	„ 9.484.334 „ „	857.185 „ „
баранины	„ 2.695.752 „ „	3.902.320 „ „ *)

При цолльферейнѣ, если удастся устранить запретительными тарифами конкурентовъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, Аргентины и, отчасти, Россіи, то ихъ мѣсто сейчасъ же займутъ фермеры изъ колоній. Канада будетъ тогда присылать въ Англію не 6 мил. четвертей зернового хлѣба и муки, какъ теперь, а всѣ 69 мил. четвертей, привозимыхъ теперь изъ всѣхъ странъ. Англійскому фермеру, которому приходится платить помѣщику по 1 ф. ст. ренты за акръ, не угнаться за канадцемъ, у котораго земля своя. И, несмотря на тарифы, англійскій помѣщикъ будетъ убитъ конкурентами, но только не иностранными, а своими, колоніальными. Возрожденіе земледѣлія представляется въ Англіи болѣе сложнымъ вопросомъ, чѣмъ на континентѣ. У насъ, напр., трудность лежитъ только въ томъ, какъ открыть крестьянину доступъ къ землѣ. Въ Англіи дѣло обстоитъ сложнѣе. Здѣсь является еще вопросъ, какъ *пріучить* населеніе, давно уже загнанное въ города, къ землѣ. Точно такъ, какъ у насъ на дальнемъ сѣверо-востокѣ живутъ и умираютъ люди, не могущіе себѣ представить даже, что такое «городъ»,—въ «каменныхъ пустыняхъ» южнаго Лондона растутъ дѣти,

*) British Trade and Zollverein Issue, p. 34.

никогда не видавшія коровъ, не слыхавшія пѣнія пѣтуха, не знающія, какъ растетъ хлѣбъ. Такихъ дѣтей, когда они выростутъ, трудно превратить въ земледѣльцевъ, если бы даже земля стала національной собственностью. А необходимость національзаціи земли признаютъ теперь всѣ радикалы, не говоря уже о партіяхъ, стоящихъ лѣвѣе ихъ. Обратимся теперь къ проекту возрожденія деревни, выработанному радикаломъ.

VI.

«Во Франціи городское населеніе составляетъ меньше половины деревенскаго, въ Германіи—около 55$^{0}/_{0}$ всего населенія, а въ Англіи—около 80$^{0}/_{0}$,—говоритъ Чіозза-Моней. Когда-то нигдѣ въ Европѣ не было столько людей, занятыхъ земледѣліемъ, какъ въ Англіи. Теперь нѣтъ другой страны, въ которой крестьянинъ представлялъ бы такую рѣдкость, какъ въ Великобританіи... Въ каждой отрасли промышленности работники больше всего нуждаются въ гарантіи, что они не останутся вдругъ безъ работы. Почти всѣ работники зависятъ всецѣло отъ заработной платы, получаемой въ концѣ недѣли. То же самое мы видимъ теперь и въ англійской деревнѣ, гдѣ крестьяне-собственники почти совершенно исчезли. Иначе обстоитъ дѣло во Франціи, гдѣ послѣ революціи появился многочисленный классъ крестьянъ-собственниковъ. Опустѣвшая деревня является наиболѣе серьезной опасностью, угрожающей Англіи,—говоритъ Чіозза-Моней.—И опасность лежитъ не только въ томъ, что Англія находится теперь въ зависимости отъ безпрепятственнаго подвоза пищевыхъ продуктовъ, но и въ фактѣ, что привезенные продукты идутъ на потребу расы, вырождающейся въ городскихъ трущобахъ. Всюду мы слышимъ крикъ: «назадъ въ деревню!» Но, какъ бы въ насмѣшку, внимаютъ ему только богатые люди, ѣдущіе «отдыхать» отъ бездѣлья въ деревню, изъ которой изгнаны крестьяне (Riches and Poverty, p. 226). Цитируемый авторъ не обольщается иллюзіями. Онъ не вѣритъ, что горожанъ, предки которыхъ росли въ трущобахъ, можно сразу обратить въ земледѣльцевъ. Онъ сильно сомнѣвается даже въ томъ, чтобы земледѣльческія колоніи могли дать положительные результаты при разрѣшеніи вопроса о безработныхъ. Теперь приходится думать только о будущемъ поколѣніи. Необходимо удержать сельское населеніе на землѣ, чтобы дѣти его увидали для себя новые проспекты.

«Какимъ образомъ дать сельскимъ работникамъ возможность имѣть небольшіе участки земли (Small holdings)?—говоритъ Чіозза-Моней... Это достигнется, если предоставить графскимъ совѣтамъ широкое право въ дѣлѣ принудительнаго отчужденія. Можно также учредить земельную комиссію, облеченную правомъ побуждать тѣ

графскіе совѣты, въ которыхъ реакціонные элементы преобладаютъ,—скорѣе приступить къ отчужденію земли». Этотъ совѣтъ поданъ въ самомъ началѣ 1907 г. Съ тѣхъ поръ парламентъ принялъ аграрный законъ 1907 г. Характерныя черты закона: принудительное отчужденіе, муниципализація земли и «комиссары», побуждающіе реакціонные графскіе совѣты приводить въ исполненіе реформу. Но этотъ способъ дѣйствія кажется цитируемому автору слишкомъ медленнымъ. Опустѣніе деревни имѣетъ такіе серьезные результаты, что нація должна предпринять героическія мѣры. Необходимо немедленно выкупить всю землю. Семьдесятъ семь милліоновъ акровъ земли приносятъ въ годъ 52 мил. ф. ст. ренты. Въ 1898 г. Королевская комиссія оцѣнила, основываясь на этой рентѣ, всю землю, кромѣ той, на которой построены города, въ 936 мил. ф. ст. И Чіозза-Моней доказываетъ, что Англія обязана выкупить немедленно всю землю, за которую придется заплатить «всего лишь половину годового дохода всей націи». Дѣло идетъ не только о возрожденіи народа, но также о гарантіи дешеваго хлѣба въ будущемъ. Въ этомъ отношеніи соображенія автора очень любопытны. Въ 1875—6 г. рента за всю обработанную землю въ Англіи была высчитана въ 67 мил. ф. ст., т. е. на 15 мил. ф. ст. больше, чѣмъ въ 1898 г. «Если бы Англія выкупила тогда землю, то переплатила бы,—говоритъ Чіозза-Моней:—но за тридцать лѣтъ возникъ бы уже значительный классъ государственныхъ фермеровъ, увѣренныхъ въ прочности своего арендного договора. Отливъ сельскаго населенія давно остановился бы уже». Опытъ доказалъ, что тамъ, гдѣ крупный фермеръ терпитъ неудачу и банкротится,—мелкій фермеръ отлично держится. Классическимъ примѣромъ является опытъ сэра Роберта Эдкомбса въ Rew Farm въ Дорстерширѣ. Сэръ Робертъ купилъ свою ферму въ 343 акра за 5050 ф. ст., проложилъ дорогу и продалъ землю небольшими участками, отъ 7 ф. ст. до 20 ф. ст. за акръ. Земля была немедленно раскуплена. Собственникъ, у котораго сэръ Робертъ пріобрѣлъ въ 1888 г. землю,—обанкротился. Ферма ничего не давала ему, несмотря на всѣ усилія. Когда ферма была разбита на мелкіе участки, то послѣдніе начали приносить владѣльцамъ значительный доходъ.

До сихъ поръ доходность воздѣланной земли въ Англіи падала. Теперь можно предсказать повышеніе, на основаніи слѣдующихъ данныхъ. «За послѣдній годъ,—говоритъ Чіозза-Моней,—въ дѣлѣ доставки пшеницы въ Англію произошла революція, совершенно незамѣченная населеніемъ, которое до такой степени привыкло къ дешевому хлѣбу въ лавкѣ булочника, что даже чудо считаетъ вполнѣ нормальнымъ явленіемъ». Слѣдующія цифры показываютъ характеръ перемѣны въ дѣлѣ доставки.

Англія прежде получала пшеницу изъ слѣдующихъ странъ:

	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Изъ Соединен. Штат.	43,3 мил. четв.	24,4 мил. четв.	7,1 мил. четв.
„ Аргентины	4,3 „ „	14,1 „ „	21,4 „ „
„ Канады	9,5 „ „	10,8 „ „	6,2 „ „
„ Россіи	6,5 „ „	17,2 „ „	23,5 „ „
„ Австраліи	4,2 „ „	ничего	10,3 „ „
„ Индіи	8,8 „ „	17,1 „ „	25,5 „ „
Всего	81,0 „ „	88,1 „ „	97,8 „ „

Привозъ пшеничной муки за тотъ же періодъ времени выразится въ слѣдующихъ цифрахъ.

	1902 г.	1903 г.	1904 г.
Изъ Соединен. Штат.	15,6 мил. четв.	16,2 мил. четв.	8,2 мил. четв.
„ Канады	1,9 „ „	2,6 „ „	2,0 „ „
Всего	19,4 „ „	20,6 „ „	14,7 „ „

Значеніе этихъ фактовъ можно вполнѣ оцѣнить только при сравненіи со слѣдующей таблицей, показывающей, какія страны ввозили пшеницу и муку въ Англію въ 1895—1901 гг.

	1895	1896	1897	1899	1900	1901
		Милліоновъ четвертей				
Россія	23,0	17,2	[illegible]	6,4	2,5	4,5
Германія	1,1	1,3	1,4	0,8	0,5	1,8
Франція	1,6	2,4	2,3	0,6	0,9	1,0
Австрія	1,8	1,9	1,6	1,0	1,4	1,6
Румынія	2,0	5,4	1,2	0,2	—	0,7
Турція	1,3	1,9	1,8	0,3	—	0,1
Болгарія	—	1,0	1,1	—	—	0,1
Соединен. Штаты	45,3	52,8	54,1	62,0	60,2	57,4
Аргентина	11,4	5,0	0,9	4,0	11,5	18,7
Чили	1,0	1,9	1,0	0,8	0,3	—
Канада	5,1	6,3	6,9	7,7	8,7	8,0
Индія	8,8	2,1	0,6	9,5	8,2	—
Австралія	3,6	—	—	0,2	3,0	2,9
Новая Зеландія	—	—	—	—	0,7	1,1
Всего перечисленныя и другія страны ввозили	107,2	99,6	88,7	94,4	98,5	98,6

Таблица показываетъ, что въ упомянутое время Соединенные Штаты постоянно были главнымъ поставщикомъ Англіи. Изъ года въ годъ великая Американская республика посылала къ берегамъ Англіи корабли, нагруженные пшеницей и мукой. Можно было предвидѣть, что съ ростомъ населенія Соединенныхъ Штатовъ привозъ долженъ уменьшиться; но трудно было предсказать, что подвозъ оборвется почти сразу въ 1904 г. А между тѣмъ офиціальный отчетъ министерства торговли Соединенныхъ Штатовъ за 1904 г. показываетъ, что въ 1904 г. изъ Республики вывезено пшеницы:

	Бушелей	*Стоимость*
Въ Англію	ничего	ничего
„ другія страны	13,510	12,782

Соединенные Штаты послали на корабляхъ немного муки; но ни верна пшеницы.

Факты эти свидѣтельствуютъ о поразительной перемѣнѣ, равной революціи, происшедшей въ послѣдніе 2—3 года въ міровой торговлѣ. Правда, въ 1907 году Соединенные Штаты опять послали свою пшеницу въ Англію; но не подлежитъ сомнѣнію, что скоро они перестанутъ фигурировать въ рядахъ поставщиковъ, такъ какъ населеніе Сѣверо-Американской республики быстро ростетъ. Къ 1925 г. Соединеннымъ Штатамъ придется, вѣроятно, кормить населеніе въ 110—120 милліоновъ. Аргентина, Россія и Индія являются крайне ненадежными поставщиками, такъ какъ тамъ часто бываютъ неурожаи. Климатическія условія дѣлаютъ и Канаду не всегда надежнымъ поставщикомъ. Кромѣ того въ ближайшемъ будущемъ спросъ на канадскій и аргентинскій хлѣбъ явится не только въ Англіи, но и въ Соединенныхъ Штатахъ. «Выводъ изъ всѣхъ этихъ фактовъ слѣдующій. Въ ближайшемъ будущемъ Англія не можетъ больше разсчитывать на пшеницу, баснословная дешевизна которой обусловливается небрежной обработкой дѣвственной земли. Вслѣдствіе этого, цѣна на пшеницу должна подняться. Тоже самое будетъ и съ другими пищевыми продуктами. Когда и американскимъ фермерамъ придется примѣнить больше труда и прибѣгнуть къ удобренію, шансы англійскихъ фермеровъ на успѣхъ поднимутся. Параллельно съ этимъ поднимется въ Англіи стоимость и доходность обработанной земли» *).

Такимъ образомъ, выкупивъ теперь всю землю, не застроенную городами, страна сдѣлала бы, прежде всего, крайне выгодную сдѣлку. Въ рукахъ у помѣщиковъ земля умерла. Луга и парки замѣнили нивы. Націонализированная земля, разбитая на мелкіе участки, начнетъ быстро приносить значительный доходъ. При интенсивной культурѣ акръ земли на островѣ Джерсей доставляетъ продуктовъ на 50 ф. ст. Въ Боурнвиллѣ клерки и работники, обрабатывающіе землю въ свободное время, получаютъ по 59 ф. ст. съ акра, при образцовой фермѣ въ Сёсексѣ акръ приноситъ 60 ф. ст. и т. д. Внѣ сомнѣнія, что при нормальныхъ условіяхъ 77 мил. акровъ націонализированной земли свободно прокормятъ все населеніе Англіи.

Не менѣе важное мѣсто, чѣмъ земледѣліе, въ программѣ радикаловъ занимаетъ лѣсонасажденіе. Въ своемъ капитальномъ трудѣ «Forestry in the United Kingdom» докторъ Шлихъ доказываетъ, что въ Англіи можетъ быть засажена деревьями площадь въ 5—6 мил. акровъ; стоимость необходимой работы будетъ по 2 ф. ст. за акръ. Когда деревья будутъ посажены, уходъ за ними ежегодно потребуетъ только пять рабочихъ дней на акръ, т. е. 30 мил. рабочихъ дней. Такимъ образомъ Англія въ будущемъ можетъ

*) Riches and Poverties, p. p. 330—333.

сама имѣть тотъ строевой лѣсъ который привозитъ теперь изъ за границы. По вычисленію доктора Шлиха 500.000 работниковъ, или 2.500.000 человѣкъ, считая ихъ женъ и дѣтей, найдутъ правильную работу, если площадь въ пять мил. акровъ будетъ превращена въ лѣсъ. Трудъ Шлиха разработанъ очень тщательно, цифры взвѣшены имъ крайне осторожно. Авторъ самое серьезное вниманіе удѣляетъ финансовой сторонѣ дѣла. «Неужели подобная идея,— восклицаетъ Чіозза-Моней—кажется слишкомъ грандіозной для націи, гордящейся своею имперіей? Въ Соединенныхъ Штатахъ есть трестъ, основанный однимъ лицомъ. И этотъ трестъ, располагающій капиталомъ въ милліардъ долларовъ, имѣетъ свои собственныя земли, угольныя копи, желѣзныя дороги, пароходы, фабрики и милліоны служащихъ и работниковъ. То, что по силамъ тресту еще болѣе возможно государству. Англія не такъ давно затратила отъ имени имперіи 300.000.000 ф. ст. на войну съ маленькимъ народомъ. Выкупъ всей земли въ Соединенномъ Королевствѣ обошелся бы только втрое болше этой суммы».

VII.

Пенсію для престарѣлыхъ работниковъ англійскіе радикалы считаютъ только хорошимъ палліативомъ, покуда не приняты другія рѣшительныя реформы, какъ, напр., возвращеніе земли народу. Мнѣ приходилось уже нѣсколько разъ писать о томъ, какъ поставленъ теперь въ Англіи вопросъ о государственной пенсіи. По всей вѣроятности, въ этомъ году парламентъ если не разрѣшитъ окончательно вопросъ, то, во всякомъ случаѣ, сдѣлаетъ смѣлый шагъ къ его разрѣшенію. Вотъ почему теперь я ограничусь только повтореніемъ нѣкоторыхъ фактовъ. Въ настоящее время въ Великобританіи около 2.100.000 человѣкъ въ возрастѣ отъ 65 лѣтъ. Мы видѣли, что бѣдняки имѣютъ меньшій шансъ на продолжительную жизнь, чѣмъ богатые люди; но точно невозможно опредѣлить, какъ великъ % неимущихъ стариковъ. Предполагается, что изъ 2.100.000 стариковъ около 1.750.000 избавлены отъ подоходнаго налога, такъ какъ получаютъ меньше 160 ф. ст. въ годъ. Для многихъ изъ нихъ государственная пенсія явилась бы спасеніемъ отъ рабочаго дома. Въ одномъ изъ моихъ прошлыхъ писемъ приведены разные проекты пенсіи. Авторы однихъ проектовъ стоятъ за обязательную страховку, другіе—доказываютъ необходимость выдавать пенсію всѣмъ старикамъ, достигшимъ 65 лѣтъ. И сторонниковъ второго проекта теперь въ Англіи больше. «Все меньше и меньше приходится слышать любопытный аргументъ, что надежда на пенсію въ преклонномъ возрастѣ явится соблазномъ для молодого работника, который, вслѣдствіе этого, будетъ менѣе бережливъ,—говоритъ Чіозза-Моней.— Въ дѣйствительности, большинство людей начинаютъ только послѣ

пятидесяти лѣтъ задумываться надъ тѣмъ, что будетъ съ ними въ 65. Въ силу этой именно причины, какъ показываютъ отчеты дружественныхъ обществъ,—очень немногіе застрахованы на случай бѣдности въ преклонномъ возрастѣ. Просто смѣшно утверждать, что пенсія въ будущемъ отразится какъ нибудь на характерѣ молодежи въ настоящемъ. Тридцатилѣтній работникъ, получающій 25 шиллинговъ въ недѣлю, не будетъ выпивать лишнюю кружку пива только потому, что есть надежда имѣть пенсію въ 5 шил., если проживетъ еще 35 лѣтъ».

Вопросъ о государственной пенсіи для престарѣлыхъ выдвигается теперь одинаково какъ консерваторами, такъ и радикалами. Въ дѣйствительности, вопросъ поставленъ ребромъ консерваторами еще въ 1895 г. Этимъ обстоятельствомъ между прочимъ, объясняется блестящая побѣда тогда на выборахъ. Вмѣсто обѣщанной реформы, консервативное министерство назначило королевскую комиссію, которая пришла къ заключенію, что вводить должно не обязательную страховку на случай старости, а именно государственную пенсію, но такъ какъ для этого потребуются громадныя средства, то отъ реформы приходится временно отказаться. Параллельно съ этимъ тори-демократы, т. е. чэмберлэновцы, выдвинувшіе вопросъ о пенсіи, заговорили о протекціонизмѣ, который, будто бы, одинъ можетъ дать средства на осуществленіе реформы. И вотъ съ тѣхъ поръ въ газетахъ, проповѣдующихъ «тарифную реформу», ежедневно повторяется одно и то же: «Протекціонизмъ дастъ работу всѣмъ, освободитъ всѣхъ отъ прямыхъ налоговъ, а старикамъ принесетъ государственную пенсію». Когда-то предки нынѣшнихъ «тори-демократовъ» откровенно выступали съ такого рода теоріями: «Наша мануфактурная чернь забрала себѣ въ голову мысль, что, какъ англичане, они имѣютъ природное право на обладаніе особенной привилегіей: быть *свободнѣе* и *независимѣе* работниковъ какой бы то ни было другой страны Европы... Можно сказать положительно, что чѣмъ меньше будетъ такихъ идей въ головахъ нашихъ мануфактурныхъ работниковъ, тѣмъ будетъ лучше и для нихъ самихъ, и для государства. Работники никогда не должны считать себя независимыми отъ тѣхъ, которые стоятъ выше ихъ. Въ высшей степени опасно одобрять чернь въ такомъ коммерческомъ государствѣ, какъ наше, гдѣ, можетъ быть, 7/8 всего народонаселенія состоитъ изъ людей, не имѣющихъ вовсе никакой собственности, или имѣющихъ ея очень мало». Авторъ этихъ строкъ видитъ одно средство—пониженіе заработной платы. «Лѣченіе не будетъ вполнѣ успѣшно до тѣхъ поръ, пока наши промышленные бѣдняки не согласятся работать шесть дней въ недѣлю за ту же самую плату, какую они получаютъ теперь за четыре дня» *). Теперь консерваторы доказываютъ вредъ и недопустимость низкой заработной

*) Цитировано у К. Маркса. См. „Капиталъ“ т. I (изд. 1872 г.), стр. 225.

платы. Въ брошюркахъ, изданныхъ ими, развивается тезисъ: «Почему англичане должны жить лучше иностранцевъ». «Дитя бѣдныхъ родителей,—читаемъ мы,—не можетъ имѣть такія же удобства въ жизни, какъ дѣти богатыхъ людей. Англичанинъ—дитя богатыхъ родителей. (Эта фраза набрана крупнымъ шрифтомъ). Естественные источники богатства Британской имперіи гораздо болѣе обильны чѣмъ таковые другихъ странъ. Вотъ почему, такъ какъ источники доходовъ у насъ богаче, чѣмъ во Франціи, Германіи, Италіи, Бельгіи, Голландіи и другихъ странахъ, наши работники имѣютъ право на болѣе высокую заработную плату и на лучшія условія жизни, чѣмъ на континентѣ» *). Авторъ полагаетъ, что средства на осуществленіе реформъ можетъ дать только протекціонизмъ. «Тарифная реформа», по толкованію протекціонистовъ, это такая система, при которой иностранцевъ заставляютъ платить за всѣ блага, выпадающія на долю кореннаго населенія. Радикалы признаютъ такія соображенія чистой фантазіей и видятъ только одинъ источникъ дохода для осуществленія важныхъ реформъ — *прогрессивный подоходный налогъ*.

Почти сто тридцать лѣтъ тому назадъ Адамъ Смитъ выставилъ знаменитое правило справедливаго обложенія. «Подданные каждаго государства должны матеріально содѣйствовать поддержанію правительства по возможности пропорціонально своимъ средствамъ; другими словами, пропорціонально доходамъ, которыми они пользуются подъ защитой государства». Первая часть этого положенія, утверждающая, что участіе въ матеріальномъ поддержаніи правительства должно быть пропорціонально платежнымъ способностямъ индивидуума, изъясняется второй частью, въ которой говорится, что участіе должно быть пропорціонально доходамъ. По мнѣнію англійскихъ радикаловъ, въ правилѣ Адама Смита заключается противорѣчіе, а именно,—вторая половина опровергаетъ первую. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ они, сравнимъ налогоспособность трехъ лицъ: A, съ доходомъ въ 50 ф. ст., B—съ 500 ф. ст. и C—съ 10.000 ф. ст. Принявъ то толкованіе, которое даетъ своему правилу самъ Адамъ Смитъ, мы должны обложить всѣхъ троихъ пропорціонально ихъ доходамъ. Теперь посмотримъ, какой результатъ будетъ имѣть подоходный налогъ, напримѣръ, въ 10%.

A	за вычетомъ % будетъ имѣть въ годъ	45 ф. ст.
B	„ „ „ „ „ „ „	450 „ „
C	„ „ „ „ „ „ „	9000 „ „

Мы видимъ, что для A, получающаго фунтъ въ недѣлю, десятипроцентный налогъ будетъ невѣроятно тяжелъ. Это—доходъ за пять недѣль. B, за вычетомъ %, имѣетъ доходъ въ десять разъ большій, чѣмъ тотъ, который остался у A. Пятьдесятъ фунтовъ

*) A popular Treatiseon the Fallacies of our Economic System, p. 69.

представятъ для В значительную сумму, но она всетаки не окончательно разоритъ его. Что же касается С съ доходомъ въ 10.000 ф. ст., то за вычетомъ 10% у него все же остается еще 9.000 ф. ст. въ годъ. По всей вѣроятности, С только слегка почувствуетъ тяжесть налога. Такимъ образомъ, говорятъ англійскіе радикалы, вторая половина правила Адама Смита отнюдь не является вѣрнымъ толкованіемъ понятія о справедливости, заключеннаго въ первой половинѣ. Налогъ, пропорціональный доходу, является невыносимо тяжелымъ для бѣдняковъ, обременительнымъ для людей съ средними достатками и едва замѣтнымъ для очень богатыхъ людей. Справедливость этого соображенія признана отчасти при введеніи подоходнаго налога въ Англіи: доходы меньше, чѣмъ въ 160 ф. ст., избавлены совершенно отъ обложенія. Съ этою же цѣлью введенъ прогрессивный налогъ на наслѣдства. Требуется болѣе совершенная и справедливая система подоходнаго налога. Въ Англіи очень богатыхъ людей 1.250.000, состоятельныхъ—3.750.000 и бѣдныхъ—38 мил. Въ то время, какъ эти 38 мил. являющіеся производителями почти всѣхъ богатствъ, получаютъ всѣ вмѣстѣ въ годъ 880 мил. ф. ст.,—5 мил. богатыхъ и состоятельныхъ людей, имѣютъ доходъ въ 830 мил. ф. ст. Предположимъ, что необходимо собрать путемъ налоговъ 200 мил. ф. ст. только съ богатыхъ людей. Ихъ доходъ будетъ тогда 830 мил.—200 мил. ф. ст.= 630 мил. ф. ст., т. е. по 126 ф. ст. на человѣка. Доходъ остальныхъ 38 мил. будетъ по 23 ф. ст. на человѣка. «Неправильность распредѣленія богатства такъ велика,—говорятъ англійскіе радикалы,—что если бы вся тяжесть всѣхъ налоговъ падала исключительно на богатыхъ людей,—они все-таки едва чувствовали бы это». Полнымъ отрицаніемъ элементарныхъ представленій о справедливости являются косвенные налоги. Высокій налогъ, напр., на чай или на сахаръ, невыносимый для бѣдняковъ, незамѣтенъ для богатыхъ людей *).

Англійскіе радикалы выработали теперь проектъ справедливаго прогрессивнаго налога. По прежнему доходы въ 160 ф. ст. совсѣмъ избавлены отъ обложенія. Доходы отъ 160—700 ф. ст. подлежатъ обложенію, но съ извѣстнымъ облегченіемъ для плательщиковъ. Такъ напр., имѣющій доходъ въ 400 ф. ст. ничего не платитъ за 160 ф. ст.; имѣющій доходъ въ 500 ф. ст., не платитъ за 150 ф. ст. Болѣе точное представленіе даетъ слѣдующая таблица.

---

*) Англичане говорятъ о „высокомъ“ налогѣ на чай, хотя съ русской точки зрѣнія онъ ничтоженъ: 2 пенса на фунтъ, вмѣсто 80 коп., какъ у насъ. При такой пошлинѣ, въ Англіи фунтъ хорошаго чая стоитъ 1 ш.—1 ш. 9 пенсовъ. Китайскій чай стоитъ 2 ш. за фунтъ; зеленый, цѣнящійся у насъ въ 7—8 руб., стоитъ 4 шил.

Доходъ.	Вычетъ, не подлеж. обложенію.	Доходъ, подлеж. обложенію.
180 ф. ст.	160 ф. ст.	20 ф. ст.
240 » »	160 » »	80 » »
300 » »	160 » »	140 » »
400 » »	160 » »	240 » »
440 » »	150 » »	290 » »
500 » »	150 » »	350 » »
540 » »	120 » »	420 » »
600 » »	120 » »	480 » »
640 » »	70 » »	570 » »
700 » »	70 » »	630 » »
740 » »	ничего	740 » »

По разсчетамъ, прогрессивный подоходный налогъ даетъ возможность осуществить всѣ тѣ реформы, которыя перечислены въ этомъ и прошломъ письмахъ. Я излагалъ только проекты радикаловъ, отрицательно относящихся къ соціализму. Читатели видятъ, что настоятельная необходимость широкихъ соціальныхъ реформъ не только признается теперь людьми, которые относились прежде совершенно отрицательно къ какому бы то ни было веденію обществомъ промышленныхъ предпріятій, но даже тщательно выработанъ планъ осуществленія реформъ. Многія изъ нихъ составляютъ содержаніе законопроектовъ, разсматриваемыхъ теперь парламентомъ.

Діонео.

Изъ Болгаріи.

Новое правительство, его задачи и перспективы.

Передъ новымъ болгарскимъ правительствомъ стоитъ громадная задача. И даже не одна задача, а двѣ, одинаково неотложныя и обязательныя съ точки зрѣнія демократической политики. Съ одной стороны, оно должно залѣчить раны, нанесенныя конституціоннымъ свободамъ и правамъ болгарскаго народа реакціонною политикою своихъ предшественниковъ. Съ другой,—оно должно вернуть болгарской конституціи утраченный ею демократическій характеръ, возстановивъ въ ней принципъ народовластія, потускнѣвшій до полной почти неузнаваемости въ лучахъ фактическаго всемогущества болгарской короны. Иными словами, ему предстоитъ не только взять рѣзкій курсъ налѣво въ области текущей политики, но измѣнить и самыя основы установившагося въ странѣ режима. Такъ смотритъ на свою миссію само новое правительство. Также смотрятъ на нее прогрессивно-демократическіе круги бол-

гарскаго общества и всѣ болѣе или менѣе сознательные элементы болгарскаго народа.

Равно настоятельныя, равно важныя по своимъ непосредственнымъ послѣдствіямъ, одинаково повелительно диктуемыя всѣмъ прошлымъ демократической партіи, эти двѣ задачи кажутся далеко не одинаковыми по своей осуществимости. Первая не заключаетъ въ себѣ, повидимому, ничего неисполнимаго или, хотя бы, чрезмѣрно труднаго. Напротивъ, все въ ней представляется на первый взглядъ чрезвычайно простымъ, яснымъ, опредѣленнымъ. Она какъ бы налагается обстоятельствами. Общее недовольство реакціонною политикою стамбуловскаго правительства выдвигаетъ ее, какъ нѣчто обязательное и неизбѣжное не только для демократовъ, но и для всякаго правительства, которому выпало бы при данныхъ обстоятельствахъ на долю поправлять ошибки и грѣхи стамбуловистовъ. Совсѣмъ другое—вторая задача, стоящая передъ новымъ болгарскимъ правительствомъ. Тутъ положеніе представляется безконечно болѣе сложнымъ, и препятствія, стоящія на пути, безконечно болѣе серьезными и непреодолимыми. Самая задача, кажущаяся такою простою и ясною въ своей общей формулировкѣ: борьба противъ «личнаго режима» въ цѣляхъ возстановленія въ странѣ истиннаго конституціонализма, въ своей практической постановкѣ представляется тѣмъ болѣе запутанною, тѣмъ болѣе противурѣчивою и неразрѣшимою, чѣмъ отчетливѣе разбираемся мы въ ея составныхъ элементахъ, чѣмъ въ болѣе конкретныхъ и живыхъ терминахъ пытаемся мы подыскать ей какое нибудь практическое рѣшеніе.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ казаться проще, естественнѣе, благодарнѣе первой задачи, поставленной обстоятельствами передъ новымъ болгарскимъ правительствомъ? Оно должно залѣчить раны, нанесенныя свободѣ реакціонною политикою стамбуловистовъ. Эти раны всѣмъ извѣстны, и насчетъ способа ихъ лѣченія нѣтъ двухъ мнѣній. Тутъ и борьбы никакой не можетъ быть. Просто надо вычеркнуть все, внесенное въ законодательство и въ жизнь реакціею послѣдняго времени. И чѣмъ смѣлѣе, послѣдовательнѣе и рѣшительнѣе будетъ въ этомъ дѣлѣ правительство, тѣмъ, конечно, больше довѣрія, сочувствія и поддержки должно будетъ встрѣтить оно въ болгарскомъ обществѣ и въ болгарской народной массѣ.

Это кажется тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ, что реакціонная политика стамбуловскаго правительства не имѣла и не имѣетъ никакихъ корней въ странѣ. Она не оправдывалась никакими исключительными обстоятельствами; не отвѣчала никакой серьезной общественной потребности: не была плодомъ искренняго убѣжденія или продуманной политической программы. То, что должно было придать ей такой программный видъ, всѣ эти фразы о возстановленіи «общественной дисциплины», расшатанной царящею въ странѣ анархіею; о необходимости поднять «престижъ власти» и воздвигнуть, наконецъ, несокрушимую преграду передъ нати-

скомъ крайнихъ теченій, «подрывающихъ основы всякаго порядка и всякаго авторитета», придуманныя сикофантами для оправданія реакціонной политики, не имѣли никакого смысла и никакого реальнаго отношенія къ болгарской дѣйствительности. Въ странѣ нѣтъ и не было «анархіи», какъ нѣтъ и не было въ ней «анархистовъ», якобы для обузданія которыхъ стамбуловское правительство издавало свои исключительные законы и вводило свои военно-полевые суды. Не чувствовалось въ ней и сколько-нибудь замѣтнаго вліянія «крайнихъ теченій», общественно слабыхъ, зараженныхъ кружковою нетерпимостью, импонирующихъ лишь рабочимъ да студенчеству и въ самыхъ своихъ «крайнихъ» проявленіяхъ не идущихъ дальше правовѣрнаго западно-европейскаго соціаль-демократизма. Такимъ образомъ, обуздывать было, въ сущности, некого и незачѣмъ. И если, тѣмъ не менѣе, обузданіе сдѣлалось альфою и омегою стамбуловской политики, то объясненіе этому приходится искать прежде всего въ насильническихъ традиціяхъ партіи, стоявшей у власти, и въ насильническомъ темпераментѣ ея главныхъ вождей. Поскольку же въ этой дикой политикѣ насилія и угнетенія была тѣнь политической идеи, или, вѣрнѣе, политическаго настроенія, она едва ли не всецѣло сводилась къ преданному служенію коронѣ, отъ которой партія получила власть, и благоволеніемъ которой она только и держалась. Охранять интересы этой короны, работать надъ укрѣпленіемъ ея вліянія и могущества, казалось партіи вѣрнѣйшимъ средствомъ укрѣпить и свое собственное положеніе. И она шла по этому, въ сущности антиконституціонному, пути со всею энергіею, на какую были способны ея вожди, со всею безцеремонностью и жестокостью, которымъ научила ихъ первая, «настоящая» стамбуловщина. Удивительно ли, что такая политика не могла найти себѣ сочувствія и поддержки ни въ одномъ сколько-нибудь вліятельномъ и широкомъ общественномъ теченіи, что въ народной массѣ она даже въ дни своей славы вызывала глухой ропотъ, а въ передовой интеллигенціи чувства самой острой ненависти и самаго глубокаго презрѣнія. И когда она зашаталась, ни одна рука, ни одинъ голосъ не поднялись на ея защиту. Всѣ съ радостью слѣдили за тѣмъ, какъ она падала, и когда она, наконецъ, упала, вся страна вздохнула свободно и глубоко, какъ бы освободившись отъ мучительнаго кошмара.

При такихъ обстоятельствахъ власть перешла въ руки демократической партіи, призванной съ очевидною цѣлью дать извѣстное удовлетвореніе общественному мнѣнію, умиротворить возбужденную и негодующую страну. Какое, казалось бы, счастливое стеченіе обстоятельствъ, какая благодарная mise en scène для охваченной реформаторскимъ пыломъ партіи! Кажется, что ей только и остается, что смѣло и рѣшительно приступить къ исполненію своей миссіи. Ей даже нечего раздумывать надъ очередными задачами ближайшаго дня. Эти задачи диктуются ей самой жизнью, всею обстанов-

кою, при которой приходится партіи браться за дѣло. Прежде всего, она должна разрѣшить пресловутый «университетскій вопросъ»: возвратить въ университетъ старыхъ профессоровъ, такъ доблестно боровшихся съ стамбуловскимъ правительствомъ, открыть его двери всѣмъ старымъ студентамъ, изгнать изъ его стѣнъ негодныхъ стамбуловскихъ ставленниковъ и вернуть законодательнымъ порядкомъ отнятую у него стамбуловистами автономію. Потомъ ей предстоитъ возстановить въ своихъ правахъ сотни народныхъ учителей, изгнанныхъ стамбуловистами за участіе въ «Учительскомъ Союзѣ», снять запретъ съ этого союза и, вообще, положить конецъ гоненіямъ противъ учителей за «свободомысліе» и «строптивость». Не менѣе настоятельною представляется отмѣна драконовскихъ законовъ противъ рабочихъ синдикатовъ, противъ стачекъ, противъ профессіональныхъ организацій государственныхъ чиновниковъ и служащихъ, противъ печати, противъ такъ называемыхъ «анархистовъ» и т. п., какъ и, вообще, изгнаніе изъ области законодательства и управленія того отвратительнаго полицейско-тиранническаго духа, который съ такимъ усердіемъ внѣдрялся въ нихъ стамбуловистами въ послѣднее время. Всего этого ждутъ отъ новаго правительства. Все это было формально обѣщано авторитетными ораторами партіи. Каждый шагъ въ направленіи этихъ настоятельнѣйшихъ реформъ будетъ встрѣченъ съ горячимъ одобреніемъ всѣмъ обществомъ, всею страною.

И при всемъ томъ среди отвѣтственныхъ представителей новаго правительства и партіи, на которую оно опирается, замѣчается какая-то странная неувѣренность. Эта неувѣренность бросается въ глаза при интимныхъ бесѣдахъ съ ними; она чувствуется въ статьяхъ ихъ публицистовъ; вы чуете ее въ осторожности, чтобы не сказать, робости, ихъ первыхъ начинаній. Они какъ будто въ чемъ-то сомнѣваются, чего-то боятся. Какія-то мрачныя предчувствія примѣшиваются къ ихъ торжеству и отравляютъ ихъ побѣдное настроеніе. Они, видимо, не увѣрены въ своихъ силахъ; боятся не оказаться на высотѣ положенія, не оправдать всеобщаго довѣрія, обмануть надежды, которыя возлагаютъ на нихъ прогрессивные элементы населенія.

Гдѣ же причина этихъ странныхъ сомнѣній? Откуда взялось и чѣмъ объясняется это, казалось бы, нелѣпое противорѣчіе между ясностью цѣли и смутною неопредѣленностью путей, ведущихъ къ ней, между такимъ отчетливымъ представленіемъ о настоятельности намѣченныхъ реформъ и такою неувѣренностью въ ихъ практической исполнимости? Неужели объясненіе надо искать въ неискренности партіи, въ ея узко-партизанскихъ разсчетахъ, въ личныхъ недостаткахъ ея вождей и т. п.? Нѣтъ и нѣтъ! Причина глубже. Она въ самой жизни, въ особенностяхъ болгарскихъ политическихъ отношеній, въ противорѣчіяхъ самого болгарскаго конституціонализма, какъ онъ осуществляется на практикѣ. Вожди

демократической партіи — талантливые люди и убѣжденные демократы. Они искренно давали свои обѣщанія и честно хотѣли бы привести ихъ въ исполненіе. Они увѣрены въ всеобщемъ къ себѣ сочувствіи. Но, въ то же время, они сомнѣваются, что ихъ реформаторскіе планы и начинанія найдутъ себѣ сочувствіе и поддержку въ «высшихъ сферахъ». Болѣе того: они имѣютъ основаніе думать, что тамъ они натолкнутся на самое рѣшительное сопротивленіе. И это сознаніе отнимаетъ у нихъ бодрость духа и вѣру въ успѣхъ своего дѣла, повергаетъ ихъ въ уныніе и смущеніе, заставляетъ ихъ уже теперь, въ самомъ началѣ своей карьеры, предчувствовать свое неизбѣжное пораженіе... Это настроеніе не выдумка, а фактъ, и объясненіе этого факта находится въ прямой связи съ второю задачею, стоящею передъ новымъ болгарскимъ правительствомъ,—съ предстоящею ему борьбою противъ «личнаго режима»...

Болгарская конституція очень демократична и на бумагѣ обезпечиваетъ болгарскому народу все, что требуется для полнаго конституціоннаго благополучія: и всеобщее избирательное право, и «полноправное» народное собраніе, и отвѣтственный предъ нимъ кабинетъ, и безотвѣтственнаго — царствующаго, но не управляющаго—монарха, и всѣ полагающіяся свободы, начиная отъ свободы печати и кончая свободою собраній, митинговъ, союзовъ, выборовъ и т. д. и т. д. Но все это—только на бумагѣ. На дѣлѣ, отъ всего этого конституціоннаго благополучія давно уже остались одни жалкіе объѣдки, одна форма безъ содержанія. Всѣ атрибуты конституціоннаго режима постепенно атрофировались, или переродились въ какую-то фикцію, не имѣющую ничего общаго съ своимъ первоначальнымъ назначеніемъ. Болгарскія партіи имѣютъ свои программы, свои органы, своихъ лидеровъ, свои центральные комитеты и мѣстныя бюро, но подъ всею этою видимостью цѣлесообразной организаціи и интенсивной политической жизни не скрывается почти никакого реальнаго содержанія. Въ сущности, это не конституціонныя партіи, какія мы знаемъ въ Европѣ, а лишь кадры узко-партизанскихъ организацій, чуть не вся цѣль существованія которыхъ сводится къ использованію случайно попавшей въ руки власти въ служебныхъ и, вообще, матеріальныхъ интересахъ своихъ членовъ. Болгарскіе граждане пользуются широкимъ избирательнымъ правомъ, но выборы, въ которыхъ имъ приходится участвовать, проходятъ, обыкновенно, подъ усиленнымъ административно-полицейскимъ давленіемъ и оканчиваются такъ, какъ это желательно правительству. Болгарскія «Народныя Собранія» являются, поэтому, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ министерства, которое всегда увѣрено въ своемъ большинствѣ, и само по себѣ, безъ вмѣшательства короны, никогда не имѣло бы конституціоннаго повода для ухода въ отставку. Это же вмѣшательство,—при данныхъ условіяхъ являющееся подчасъ прямо спасительнымъ, такъ какъ лишь оно можетъ положить конецъ фактической дикта-

турѣ случайной партійной комбинаціи—обусловливается всецѣло и исключительно личнымъ настроеніемъ представителя короны, князя. Такимъ образомъ, въ болгарскомъ конституціонализмѣ все идетъ какъ разъ навыворотъ. «Царствующій, но не управляющій» конституціонный монархъ назначаетъ по своему усмотрѣнію министровъ, которые, въ свою очередь, выбираютъ себѣ подходящее народное собраніе и при его поддержкѣ—конституціонно—управляютъ страною, до тѣхъ поръ, пока продолжаютъ пользоваться довѣріемъ своего государя. Когда они, по той или другой причинѣ, теряютъ это довѣріе, князь призываетъ на ихъ мѣсто другихъ министровъ, которые продѣлываютъ тотъ же, неизмѣнно удающійся, конституціонный фокусъ. Они назначаютъ новые законодательные выборы, и въ результатѣ этихъ выборовъ вчера еще могущественная партія возвращается въ народное собраніе съ ничтожнымъ числомъ своихъ представителей, а ея мѣсто въ парламентскомъ большинствѣ занимаетъ новое свѣтило.

Вотъ этотъ-то своеобразный режимъ, въ которомъ, при сохраненіи конституціонной внѣшности и формальнаго народовластія, царитъ безраздѣльно личная воля князя, называется здѣсь «личнымъ режимомъ». Ему-то и должна бросить перчатку имъ же призванная ко власти демократическая партія.

Выраженіе «личный режимъ» вошло въ болгарскій политическій жаргонъ сравнительно недавно. Но самый фактъ, характеризуемый этимъ терминомъ, извѣстенъ болгарамъ не со вчерашняго дня. Чуть не на второй же день послѣ установленія въ странѣ конституціоннаго строя, онъ началъ впитывать въ себя элементы «личнаго режима», и этотъ процессъ совершался безостановочно въ теченіе всей короткой, но бурной исторіи молодой Болгаріи, пока не далъ тѣхъ результатовъ, которые съ ужасомъ констатируетъ теперь болгарская передовая демократія. Чѣмъ приходится объяснять его поразительные успѣхи въ такой странѣ, какъ Болгарія, среди народа по природѣ своей такого способнаго, энергичнаго, настойчиваго и практичнаго? Иные склонны приписывать эти успѣхи личнымъ свойствамъ князя Фердинанда, его уму, дипломатической ловкости, честолюбію, деспотическимъ наклонностямъ и т. п. Нѣтъ нужды указывать, насколько поверхностны всѣ подобныя объясненія. Князь Фердинандъ несомнѣнно обладаетъ всѣми качествами, которыя приписываетъ ему молва. Онъ очень уменъ и высоко образованъ; онъ прирожденный дипломатъ; онъ любитъ блескъ и обаяніе власти; онъ благоговѣйно преклоняется передъ памятью и традиціями своихъ царственныхъ предковъ. Все это такъ, но было бы слишкомъ наивно видѣть во всемъ этомъ единственную, или хотя бы главную причину вырожденія болгарскаго конституціонализма. Личныя свойства князя Фердинанда помогли ему использовать въ интересахъ установленія своей власти особенности болгарскихъ политическихъ отношеній, но не они, не-

нечно, вызвали ихъ къ жизни. Характеръ этихъ отношеній опредѣлялся всею совокупностью объективныхъ условій, въ которыхъ суждено было возникнуть и развиваться молодой Болгаріи. Немногочисленная, невѣжественная и слабая въ своемъ политическомъ развитіи интеллигенція; сложная сѣть дипломатическихъ интригъ, объектомъ которыхъ сдѣлалась Болгарія чуть не съ первыхъ же шаговъ своего самостоятельнаго существованія; непосильныя задачи, передъ которыми очутилась она съ самаго начала въ своей внѣшней—въ частности, македонской—политикѣ, все это не могло не оказать разлагающаго вліянія на политическую эволюцію молодой страны. Но сильнѣе и пагубнѣе всего этого должно было сказаться на ней вліяніе политической неподготовленности народной массы, ея политическаго невѣжества и индифферентизма. И этотъ индифферентизмъ остается почти такимъ же характернымъ признакомъ болгарской политической жизни сегодня, какъ онъ былъ имъ десять и двадцать лѣтъ тому назадъ. Политическая борьба и теперь, какъ и прежде, идетъ на поверхности, не проникая въ глубину, въ нѣдра народной жизни, не задѣвая народной души. Народныя массы остаются чужды этой борьбѣ, а оторванная отъ нихъ интеллигенція не умѣетъ и не хочетъ пріобщить ихъ къ ней, сдѣлать ее для нихъ понятною, близкою, родною. Получается нездоровая политическая атмосфера, убійственная для демократіи, но зато въ высшей степени благопріятная для захватовъ абсолютизма. Политическій индифферентизмъ народа иссушаетъ понемногу всѣ источники національной энергіи и сводитъ на нѣтъ конституціонныя права и свободы. Политическія партіи превращаются подъ его вліяніемъ въ жалкія и безсильныя котеріи, а политическая борьба—въ безцѣльную и безплодную партизанскую неразбериху, которая *à la longue* оказывается полезною одному только «личному режиму». Только «регулирующія функціи короны» чувствуютъ себя прекрасно въ этой затхлой атмосферѣ конституціонныхъ *qui pro quo*; только онѣ постепенно превращаются въ ней изъ «регулирующихъ» въ «управляющія», набираются силъ, наливаются соками и кровью насчетъ другихъ конституціонныхъ тканей и органовъ, пока не поглощаютъ, наконецъ, въ себѣ—если не *de jure*, то *de facto*—всю полноту суверенной государственной власти.

Такъ возникъ и укрѣпился «личный режимъ» въ Болгаріи. Вскормленная политическимъ индифферентизмомъ массы и партизанствомъ интеллигенціи, княжеская власть давно уже переступила всѣ конституціонные барьеры и сдѣлалась главнымъ—если не единственнымъ—факторомъ управленія въ странѣ. Отъ нея все зависитъ; ей все подчиняется; она все рѣшаетъ и всѣмъ распоряжается. Можно, пожалуй, сказать—такова бываетъ иногда иронія жизни—что ею одною спасается еще несчастный болгарскій конституціонализмъ отъ постоянно угрожающихъ ему узурпацій со

стороны разныхъ «отвѣтственныхъ» министерствъ съ ихъ неизмѣнно послушными народными собраніями. Освободившись отъ стѣснительнаго контроля такихъ нормальныхъ конституціонныхъ регуляторовъ, какъ свободные выборы, парламентская оппозиція и т. п., болгарская корона не могла всетаки освободиться отъ необходимости считаться съ царящими въ странѣ общественными и народными настроеніями. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ должна она прислушиваться къ болѣе или менѣе капризнымъ и случайнымъ проявленіямъ общественнаго мнѣнія, приспособлять къ нимъ свои основныя конституціонныя функціи. И когда недовольство даннымъ министерствомъ доходитъ въ обществѣ до предѣловъ, за которыми оно становится опаснымъ уже не только для популярности управляющей партіи, но и для интересовъ самой короны, тогда она выступаетъ на сцену и властнымъ словомъ кладетъ конецъ министерской тираніи. Такъ «спасла» она Болгарію въ 1894 году отъ ужасовъ стамбуловщины. Такъ ея же вмѣшательству обязана Болгарія освобожденіемъ отъ стамбуловскаго кабинета Гудева и образованіемъ демократическаго кабинета Малинова, Такева и К°.

Но неблагодарная болгарская демократія не хочетъ знать этихъ заслугъ «личнаго режима». Его случайныя «благодѣянія» не заставляютъ ее забыть о его антиконституціонной сущности, и она все настойчивѣе призываетъ страну къ борьбѣ съ нимъ. И вотъ теперь она надѣется, что новое «демократическое» министерство возьметъ на себя инициативу такой борьбы. Основательны ли эти надежды? Можно ли серьезно считать «демократовъ» готовыми и способными на подвигъ, котораго отъ нихъ ожидаютъ?

Увы, это кажется болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. Прежде всего мы наталкиваемся тутъ на формальное возраженіе, выдвигаемое противъ демократовъ ихъ вчерашними товарищами по оппозиціи, а сегодня ожесточенными врагами изъ другихъ партій. Это выраженіе относится къ тому способу, какимъ демократы были призваны къ власти. Новое правительство само является порожденіемъ личнаго режима—говорятъ партійные политиканы: - оно призвано по княжескому благоволенію и имъ только и держится. Какъ могло бы оно, при такихъ обстоятельствахъ, выступить противъ него?

Въ этомъ аргументѣ, несомнѣнно, есть зерно истины. Но не слѣдуетъ преувеличивать его значеніе. При данныхъ условіяхъ всякое призванное къ власти правительство было бы порожденіемъ личнаго режима. Это — неизбѣжное послѣдствіе уже созданнаго положенія, и ставить его въ вину демократическому правительству было бы крайне несправедливо. Вѣдь съ точки зрѣнія формально-конституціонной единственно правильнымъ рѣшеніемъ министерскаго кризиса было бы сохраненіе власти за стамбуловскимъ кабинетомъ, продолжавшимъ до послѣдняго момента пользоваться благоволеніемъ князя Фердинанда и довѣріемъ громаднаго большинства камеры. Но объ этомъ, очевидно, нечего было

и думать. Всѣ, начиная съ князя, понимали, что это было совершенно невозможно, что ненавистный кабинетъ долженъ былъ уйти вмѣстѣ съ своимъ народнымъ собраніемъ, никогда не выражавшимъ собою, хотя бы отдаленно, народную волю. Но кто же долженъ былъ замѣнить ихъ? Объективныхъ признаковъ, которые указывали бы на преимущественное право какой-нибудь опредѣленной партіи на оставленное стамбуловистами наслѣдство, никакихъ не было. Кого бы князь ни выбралъ, его выборъ все равно былъ бы опороченъ элементомъ случайности или произвола...

Но не слѣдовало ли бы тогда прибѣгнуть къ образованію временнаго коалиціоннаго кабинета, главною задачею котораго было бы дать странѣ возможность высказаться въ совершенно «свободныхъ» выборахъ? Конечно, широкая, всеобъемлющая коалиція, въ которую вошли бы по возможности всѣ оппозиціонныя теченія, не исключая и соціалистическаго, лучше отвѣчала бы конституціоннымъ прецедентамъ, чѣмъ образованіе гомогеннаго министерства какой бы то ни было отдѣльной партіи. Но такая коалиція не просуществовала бы и двухъ дней. Въ ней тотчасъ же появились бы нежелательные тренія, интриги и раздоры, которые скоро довели бы ее до неизбѣжнаго краха, свели бы на нѣтъ всѣ ея надежды и всѣ ея обѣщанія. Что же касается до коалиціи болѣе узкой—вродѣ, напримѣръ, такой, какую пытались заключить между собою по желанію князя Фердинанда демократы и прогрессисты,—то такая коалиція вѣдь тоже носила бы на себѣ клеймо «личнаго режима», и, въ этомъ отношеніи, была бы такъ же опорочена, какъ представляется теперь опороченнымъ его противникамъ демократическое министерство. А въ смыслѣ прочности, внутренняго согласія, послѣдовательности въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ и т. п. она представляла бы, навѣрное, меньше гарантіи, чѣмъ ихъ представляетъ однородный демократическій кабинетъ...

Такимъ образомъ въ одномъ лишь происхожденіи новаго правительства нельзя еще видѣть ту несмываемую печать проклятія, которая осуждаетъ его на безсиліе и покорность. Оно можетъ, конечно, обязывать къ извѣстной корректности въ отношеніяхъ министровъ къ коронѣ, но эта корректность не должна еще вести къ обезличенію, къ измѣнѣ своему знамени и своей программѣ, къ отказу отъ своей «исторической миссіи»...

Гораздо болѣе опасною является несоразмѣрность силъ партіи съ силами ея предполагаемаго противника. Партія такъ слаба и одинока, а власть и авторитетъ короны такъ громадны, всеобъемлющи. Она располагаетъ всѣми матеріальными рессурсами государства; за нее сила инерціи установившагося порядка; за нее верхи общества, связавшіе съ нею свои сословные и классовые интересы; за нее, наконецъ, — *last not least* — соперничество партій и политическая апатія народной массы. При такихъ условіяхъ серьезная борьба противъ личнаго режима должна представляться страшно труднымъ,

почти безнадежнымъ, дѣломъ. И это сознаніе не можетъ не дѣйствовать угнетающимъ образомъ на новое правительство, не можетъ не подрывать его энергіи и вѣры въ успѣхъ своего дѣла...

Потому что болгарскіе демократы совсѣмъ не фанатики... Я, конечно, далекъ отъ того, чтобы заподозривать ихъ исренность, какъ это дѣлаютъ ихъ политическіе противники. Я вполнѣ вѣрю въ ихъ политическую честность и въ ихъ искренній демократизмъ. Но это не мѣшаетъ имъ быть прежде всего практическими политиками, для которыхъ цѣлесообразность средствъ и достижимость цѣли являются рѣшающими критеріями разумной политической дѣятельности. Но въ этой-то цѣлесообразности и достижимости они, повидимому, и сомнѣваются, когда дѣло идетъ о серьезной борьбѣ съ «личнымъ режимомъ». Отсюда, очевидно, и ихъ колебанія, неувѣренность ихъ первыхъ шаговъ, осторожный языкъ ихъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ декларацій.

И, все-таки, не въ этомъ несоотвѣтствіи силъ новаго правительства съ предстоящею ему миссіею слѣдуетъ видѣть самое больное его мѣсто. Недостатокъ физической силы можно бы было восполнить нравственною мощью, вѣрою, самоотверженною преданностью, героическимъ мужествомъ, передъ которыми сплошь и рядомъ рушатся самыя грозныя препятствія, воздвигаемыя деспотизмомъ на пути къ свободѣ... Бѣда не въ томъ только, что новое правительство слабо и ясно сознаетъ свою слабость. Гораздо хуже то, что оно не имѣетъ, повидимому, яснаго представленія объ особенностяхъ своей миссіи, о сущности, характерѣ и потенціальностяхъ борьбы, въ которую хотѣла бы его бросить болгарская демократія. Оно не съ того конца берется за дѣло. Его пріемы мало чѣмъ отличаются по существу отъ обычныхъ пріемовъ политической борьбы, какъ она практикуется въ Болгаріи. Подборъ подходящаго служебнаго персонала, подготовка выборовъ, исходящая изъ основного положенія, что масса избирателей идетъ обыкновенно за тѣми, кто представляетъ власть, многообѣщающія программныя деклараціи, разсчитанныя, главнымъ образомъ, на нейтральные слои прогрессивной интеллигенціи, летучія агитаціонныя экскурсіи, организуемыя въ сомнительные избирательные центры,—все это можетъ казаться вполнѣ законнымъ и цѣлесообразнымъ, когда дѣло идетъ о партійной самозащитѣ, объ отраженіи партизанскихъ нападеній на только что завоеванныя позиціи. Но все это имѣетъ самое отдаленное отношеніе къ борьбѣ противъ «личнаго режима». Личный режимъ не случайное явленіе, обязанное своимъ возникновеніемъ случайнымъ же перипетіямъ партизанской борьбы. Личный режимъ выросъ и окрѣпъ на почвѣ политическаго невѣжества и безучастія массъ, и противъ этого-то основного зла болгарской жизни должны быть направлены главныя усилія болгарской демократіи. Успѣшная борьба съ нимъ возможна лишь на почвѣ широкаго общественно-политическаго движенія, къ

участію въ которомъ должны быть привлечены всѣ живыя прогрессивныя силы страны. Необходима сложная и всесторонняя система народной пропаганды и агитаціи, которыя пробудили бы въ массѣ спящій общественный инстинктъ, внесли бы въ нее недостающіе ей элементы политическаго сознанія. Но это громадное общественное дѣло, требующее для своего успѣха высокой степени сознательности, подвижничества и самоотверженія отъ тѣхъ, кто беретъ его на себя. Надо «пойти въ народъ», внести въ него весь жаръ своихъ убѣжденій и всю мудрость своего опыта. Необходима широкая и вездѣсущая партійная организація пропаганды, съ своими отдѣлами и подотдѣлами, съ своими бродячими агитаторами, съ своими читальнями, газетками, вечерними и воскресными школами, собраніями, митингами и т. д. и т. д. Необходимы когорты преданныхъ дѣлу людей, которые видѣли бы именно въ этомъ общеніи съ массою дѣло своей жизни, свою службу, свою профессію. Необходимо то, что отчасти, въ своей узкой, ограниченной сферѣ, дѣлаютъ мѣстные соціалъ-демократы и, пожалуй, радикалы-демократы, но на гораздо болѣе широкой общественной аренѣ, безъ исключительнаго доктринерства и классовой нетерпимости однихъ, безъ партизанскихъ увлеченій другихъ...

Ничего подобнаго не замѣчается въ дѣятельности новаго правительства, какъ не замѣчалось и раньше въ дѣятельности демократической партіи. Повидимому, въ громадномъ своемъ большинствѣ вожаки партіи даже и не задумываются надъ громаднымъ вопросомъ о привлеченіи массъ къ сознательному участію въ политической жизни, не сознаютъ всей его своевременности и настоятельности. Тѣ же немногіе, которые задумываются надъ нимъ, чувствуютъ себя совершенно безсильными приступить къ его разрѣшенію, или хотя бы поднять въ совѣтахъ партіи! Откуда намъ взять людей,—говорятъ они,—которые пошли бы на это подвижничество? Гдѣ средства, необходимыя для широкой организаціи такой культурно-политической работы? Партія бѣдна; ея члены живутъ службою и заработкомъ; ея положеніе такъ непрочно; у нея такъ много враговъ и т. д. и т. д... Все это въ значительной степени вѣрно, но тѣмъ безнадежнѣе долженъ казаться результатъ той «борьбы противъ личнаго режима», о которой, какъ о провиденціальномъ назначеніи партіи, говорятъ ея энтузіасты...

Болѣе того, все это заставляетъ невольно сомнѣваться и въ томъ, чтобы новому правительству удалось вполнѣ разрѣшить и первую задачу, стоящую на его пути, чтобы ему удалось осуществить всѣ тѣ конкретныя реформы, которыя поставила передъ нимъ реакціонная дѣятельность стамбуловскаго кабинета. Демократы, конечно, прекрасно понимаютъ необходимость этихъ реформъ и искренно хотѣли бы провести ихъ возможно полнѣе и скорѣе. Но не они господа положенія. Надъ ними есть своя власть, съ которою они должны считаться, которой они, въ концѣ концовъ, должны под-

чиняться, если только хотятъ сохранить свое положеніе правительственной партіи. А эта власть смотритъ на «авгіевы конюшни стамбуловщины» не совсѣмъ такъ, какъ смотритъ на нихъ остальная Болгарія. И въ результатѣ, новое правительство, попавшее съ своимъ демократизмомъ въ самую гущу «личнаго режима», должно быть готово ко всѣмъ разочарованіямъ и ко всѣмъ непріятностямъ. Каждый шагъ его по пути реформаторской дѣятельности будетъ усѣянъ трудностями и опасностями. Каждое свое демократическое завоеваніе ему придется брать съ бою. И возьметъ оно, въ концѣ концовъ, лишь то, что захотятъ ему отдать,—не больше. При первомъ же серьезномъ сопротивленіи со стороны короны, оно должно будетъ или подчиниться, или удалиться, потому что «личный режимъ» силенъ, и для рѣшительной борьбы съ нимъ не готовы ни страна, ни, тѣмъ менѣе, «демократическая» партія...

И. К—въ.

P. S. Болѣе двухъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки. Но положеніе новаго министерства остается и теперь такимъ же неопредѣленнымъ, какимъ оно было въ первые дни послѣ его образованія. Оно еще не получило санкціи народнаго избранія и продолжаетъ оставаться правительствомъ, «милостью Божьею», соизволеніемъ призвавшаго его ко власти князя. Ему поневолѣ приходится заниматься пока лишь текущими дѣлами, да подготовленіемъ къ предстоящимъ законодательнымъ выборамъ. Было, однако, и въ теченіе этихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ нѣсколько случаевъ, при которыхъ новому правительству можно было проявить свои творческія способности и свою демократическую сущность. И намъ кажется, что поведеніе правительства въ этихъ случаяхъ подтверждаетъ, въ общемъ, предположенія, высказанныя нами въ текстѣ статьи. Добрыя намѣренія новаго министерства не подлежатъ сомнѣнію. И по своему личному составу, и по партійнымъ традиціямъ и директивамъ, и по одушевляющимъ его соціально-политическимъ стремленіямъ оно отличается искренностью и широкимъ демократизмомъ. Но, въ то же время, оно, видимо, сознаетъ свою внутреннюю слабость, и это сознаніе отражается какой-то неувѣренностью на его дѣятельности,—особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда слишкомъ явный «демократизмъ» этой дѣятельности могъ бы вызвать серьезное неудовольствіе въ «высшихъ сферахъ». Такъ оно нашло въ себѣ достаточно мужества, чтобы разрѣшить въ очень радикальномъ духѣ «университетскій» и «учительскій» вопросы, и это разрѣшеніе, давшее полное удовлетвореніе болгарской демократіи, чрезвычайно подняло его престижъ въ широкихъ слояхъ народа. Но оно далеко не проявило такой же рѣшительности передъ притязаніями нарождающагося болгарскаго милитаризма, преторіанскія тенденціи котораго такъ ярко проявили себя въ послѣднее время въ рядѣ столкновеній между молодыми офицерами и представителями мѣстной демократической печати.

Съ другой стороны, оно не сдѣлало ничего для привлеченія къ сознательной политической жизни широкихъ народныхъ массъ и для объединенія вокругъ своего знамени всѣхъ прогрессивныхъ силъ націи. Почти всѣ остальныя болѣе или менѣе демократическія партіи отброшены въ оппозиціонный лагерь, и надежда на ихъ сотрудничество въ дѣлѣ возстановленія болгарскаго конституціонализма съ каждымъ днемъ становится все слабѣе и слабѣе...

И, все-таки, съ рѣшительнымъ приговоромъ надо еще погодить. Пусть пройдутъ выборы, и правительство почувствуетъ подъ ногами твердую почву народнаго довѣрія. Только тогда, вооруженное этимъ довѣріемъ, сумѣетъ оно дать намъ истинную мѣру своего демократизма, только тогда можно будетъ окончательно отвѣтить на вопросъ: въ какой степени сознаетъ оно свою «миссію» и насколько способно выполнить ее...

И. К.

Организаціи сельскихъ рабочихъ въ Венгріи.

I.

Венгрія страна земледѣльческая; около 70% ея населенія находитъ себѣ пропитаніе въ сельско-хозяйственномъ промыслѣ. Значительная часть общей площади культурныхъ земель (около 45%) принадлежитъ крупнымъ и среднимъ землевладѣльцамъ, и на этихъ земляхъ хозяйства организованы на широкомъ примѣненіи наемнаго труда. Главные кадры наемныхъ сельскихъ рабочихъ даетъ безземельное населеніе, а также собственники карликовыхъ хозяйствъ, вынужденные искать для равновѣсія своего хозяйственнаго бюджета постороннихъ заработковъ. Возникновеніе класса безземельныхъ и значительнаго количества карликовыхъ хозяйствъ стоитъ въ тѣсной связи съ характеромъ уничтоженія крѣпостной зависимости и земельной реформы 1848 года. Выступивъ въ открытую борьбу съ Австріей, венгерская земельная аристократія сочла для себя полезнымъ не только отмѣнить крѣпостное право, но и «добровольно» надѣлила освобожденныхъ крестьянъ землею безъ выкупа. Однако, при осуществленіи широковѣщательныхъ обѣщаній дѣйствительные выгоды демократическихъ слоевъ населенія оказались довольно скромными. Были приложены всѣ усилія къ тому, чтобы всячески сузить рамки земельной реформы—въ результатѣ цѣлыя категоріи крестьянъ совсѣмъ не получили земельныхъ надѣловъ и изъ нихъ-то сложились первоначальные

кадры сельскаго пролетаріата въ Венгріи. Пока еще страна доживала періодъ натуральнаго хозяйства, безземельному пролетаріату жилось сравнительно сносно, но какъ только сельскохозяйственное производство реорганизовано было на капиталистическихъ началахъ, настали тяжелые дни для деревенской бѣдноты въ Венгріи. Съ одной стороны, арендная плата и цѣны на землю сильно возросли *) и отъ безземельнаго требовались нечеловѣческія усилія, чтобы перейти въ категорію условно самостоятельныхъ хозяевъ. Съ другой стороны, общія условія сельско-хозяйственнаго труда въ крупныхъ и среднихъ хозяйствахъ становились все болѣе и болѣе тяжелыми: введеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ сократило потребность въ рабочихъ рукахъ, что вызвало значительное пониженіе заработной платы **), а отсутствіе законодательной охраны привело къ крайнымъ формамъ эксплуатаціи, въ смыслѣ установленія чрезвычайно длиннаго рабочаго дня, неудовлетворительнаго содержанія сельскихъ рабочихъ и т. д. Нелегко жилось и владѣльцамъ карликовыхъ хозяйствъ: какъ показали многочисленныя изслѣдованія въ 90-хъ годахъ, они обречены были на полуголодное прозябаніе. Съ теченіемъ времени на мелкомъ землевладѣніи накопился значительный гипотечный долгъ, и въ дѣйствительности многіе владѣльцы карликовыхъ и мелкихъ хозяйствъ сдѣлались фиктивными собственниками. Совершенно естественно, что при такомъ положеніи въ массѣ сельскаго населенія накопилось сильное недовольство существующими условіями. Въ 90-хъ годахъ впервые возникли массовыя движенія крестьянъ и батраковъ. Первыя вспышки открытаго проявленія недовольства имѣли мѣсто въ 1891 и 1894 г. и по времени совпадаютъ съ возникновеніемъ первыхъ организацій трудящихся элементовъ сельскаго населенія Венгріи. Правящіе классы не замедлили приложить всѣ усилія, чтобы затормозить пробужденіе венгерской деревни, но полицейскими мѣрами нельзя было уже предотвратить стихійныхъ порывовъ народнаго недовольства. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны народныя движенія 1897 г. Въ этомъ году состоялись первые съѣзды делегатовъ сельскихъ рабочихъ Венгріи, на которыхъ были приняты резолюціи съ требованіями сокращенія рабочаго дня, уничтоженія системы сдѣльныхъ работъ, установленія нормъ заработной платы и т. д. Вслѣдъ за этимъ во время уборки хлѣбовъ вспыхнула первая массовая стачка сельскихъ рабочихъ, окончившаяся повышеніемъ заработной платы на 50%. Въ этихъ выступленіяхъ видная роль принадлежала дѣятелямъ юной тогда венгерской соціалдемократической партіи. Соціалдемократы склонны

*) Въ 90-хъ годахъ цѣна 1 іоха (0.6 дес.) колебалась между 250—500 гульденами; арендная плата 30—35 гульденовъ, гульденъ 78 коп.

**) По Рубенеку, средній заработокъ сельскаго рабочаго въ годъ упалъ съ 200 гульденовъ въ 60-хъ годахъ до 170—180 гульденовъ въ 90-хъ годахъ.

были пока и ограничиться достигнутыми результатами. Но наряду съ ними образовалась группа независимыхъ соціалистовъ—сторонниковъ болѣе рѣшительныхъ формъ борьбы съ господствующими классами, чѣмъ стачечное движеніе,—и стоило послѣднимъ обратиться къ крестьянамъ съ призывомъ къ возстанію противъ помѣщиковъ, какъ чуть не по всей странѣ пронесся разрушительный вихрь такъ называемаго анархо-соціалистическаго движенія, въ которомъ участвовали какъ крестьяне-мелкіе собственники, такъ и безземельные батраки. Пылающіе замки, вѣковыя колыбели аристократіи, смѣлыя требованія народа о рѣшительной ломкѣ существующихъ соціальныхъ отношеній взывали всеобщую панику, которая прекрасно была использована правящими классами. Собственно само движеніе носило чисто стихійный характеръ, и о конечныхъ его задачахъ въ народной массѣ далеко не всегда было сколько-нибудь опредѣленное представленіе. Поэтому подавленіе его силой оружія не представляло особой трудности. Политическое настроеніе въ странѣ благопріятствовало осуществленію репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ вообще противъ организаціоннаго движенія среди пролетарскихъ массъ, и правительство поспѣшило закрыть всѣ сельскія организаціи трудящихся, хотя причастность многихъ изъ нихъ къ анархо-соціалистическому движенію была болѣе чѣмъ сомнительна. Затѣмъ парламентъ спѣшно принялъ новый законъ о союзахъ, которымъ установленъ былъ разрѣшительный порядокъ открытія новыхъ союзовъ, вслѣдствіе чего долгое время администраціей совершенно не допускалось открытія новыхъ организацій въ селахъ. Однако, и это было признано недостаточнымъ, и, чтобы окончательно гарантировать страну отъ новыхъ вспышекъ народнаго недовольства, правительство совмѣстно съ парламентомъ, куда по существующему избирательному закону проникаютъ только представители земледѣльческихъ интересовъ,—занялось соціальнымъ законодательствомъ. При этомъ аграріи неизмѣнно стремились цѣною ничтожныхъ второстепенныхъ уступокъ всячески парализовать развитіе и проявленіе самодѣятельности въ широкихъ слояхъ населенія.

Самой жизнью былъ выдвинутъ на первую очередь вопросъ о сельскихъ рабочихъ и естественно, что парламенту пришлось прежде всего дать на него тотъ или иной отвѣтъ. Новый законъ о сельскихъ рабочихъ явился первой ласточкой соціальныхъ реформъ. Этотъ законъ ярко отразилъ на себѣ узко классовыя тенденціи руководителей внутренней политики Венгріи. Такъ, на первомъ мѣстѣ было поставлено лишеніе сельскихъ рабочихъ права стачекъ, подъ угрозой ареста до 60 дней новый законъ запретилъ организацію, участіе и содѣйствіе совѣщаніямъ рабочихъ для совмѣстнаго предъявленія требованій работодателю о повышеніи заработной платы или о какихъ-либо льготахъ; такое же наказаніе назначено было рабочему, неявившемуся, вопреки договору,

на работу, или плохо исполнившему ее, а также лицамъ, выразившимъ свое отрицательное отношеніе къ рабочимъ, которые отказались нарушить договоръ или же оказавшимъ поддержку нарушителямъ договора. Въ то-же время работодателю было предоставлено право силой принуждать рабочихъ къ выполненію условій найма, и администрація обязана была ловить уклоняющихся рабочихъ, приводить ихъ къ нанимателю и насильно заставлять работать. Этотъ законъ, названный въ соціалистической литературѣ «рабскимъ закономъ», долженъ былъ охранить венгерское село отъ «вредной» агитаціи и обезпечить аграріямъ возможность безпрепятственной эксплуатаціи трудящихся. Для того же, чтобы выказать свое попеченіе объ интересахъ народныхъ массъ, парламентъ утвердилъ законопроектъ о пенсіонныхъ кассахъ сельскихъ рабочихъ и постановилъ оказать широкую матеріальную поддержку кооперативному движенію; послѣднее захватили въ свои руки аграріи и клерикалы и сдѣлали все, чтобы изъ сельскихъ кооперативовъ создать новую опору для своего господства.

Казалось, все благопріятствовало окончательному торжеству аграріевъ. Въ ихъ рукахъ находился весь административно-судебный механизмъ страны. Парламентъ, гдѣ засѣдали также аграріи, всячески поощрялъ рѣшительныя дѣйствія административныхъ органовъ безотносительно къ степени ихъ закономѣрности. Малосознательная пролетарская и полупролетарская масса сельскаго населенія была деморализована жестокостью подавленія аграрнаго движенія и суровыми карами судебныхъ приговоровъ. Наконецъ, въ Венгріи не было сколько-нибудь значительныхъ кадровъ соціалистической интеллигенціи для того, чтобы составить авангардъ въ борьбѣ за интересы трудящихся. Тѣмъ не менѣе результаты всей этой репрессивной политики не оправдали надеждъ ея вдохновителей. Дѣйствительно, организаціонное движеніе было загнано въ подполье, но, несмотря на это, безпрерывно шла агитаціонная работа по подготовкѣ широкихъ слоевъ населенія къ новымъ выступленіямъ въ защиту своихъ интересовъ. Поэтому вскорѣ возобновилась партизанская война трудовыхъ элементовъ съ господствующими классами въ формѣ спорадическихъ вспышекъ стачечнаго движенія, и какъ только представилась возможность выбраться изъ удушья подполья, организаціонныя ячейки стали слагаться съ поразительной быстротой во всѣхъ углахъ страны.

II.

Въ настоящее время главнымъ руководящимъ центромъ организаціоннаго движенія среди сельскихъ рабочихъ является союзъ сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель, основанный въ началѣ 1906 года. Чрезвычайно интересна исторія его возникновенія.

Исторія Венгріи богата политической борьбой, но послѣ варварски-жестокаго усмиренія крестьянскаго возстанія въ средніе вѣка въ этой борьбѣ въ продолженіе столѣтій участвовали исключительно верхи націи: крупная земельная аристократія и мелкое дворянство. Главныя варіаціи борьбы сводились къ междуусобицѣ указанныхъ классовъ или совмѣстному натиску на корону. Демократическіе слои населенія оставались въ сторонѣ. Лишь въ 1848 г., какъ уже выше было отмѣчено, въ политическіе разсчеты господствующихъ классовъ вошло крестьянство и то, какъ полагаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, лишь потому, что крестьянское возстаніе въ Галиціи, которое было провоцировано агентами австрійскаго правительства, являлось слишкомъ зловѣщимъ примѣромъ того, куда можетъ привести полное игнорированіе интересовъ крестьянства. Другими словами, венгерская земельная аристократія и шляхта поспѣшили сами дать то, что неминуемо дано было бы въ острый моментъ австрійской короной для привлеченія на свою сторону симпатій крестьянъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ, вслѣдствіе усиленія въ Венгріи сепаратистическихъ теченій, отношенія между короной и парламентомъ становились все болѣе натянутыми. Когда всѣ другія средства къ примиренію оказались уже исчерпанными, король рѣшился на крайнее. Онъ назначилъ Фейервари королевскимъ комисаромъ съ чрезвычайными полномочіями и распустилъ парламентъ. Этому финалу предшествовала продолжительная борьба кабинета того же Фейервари, ставленника вѣнскихъ придворныхъ круговъ, съ парламентомъ. При этомъ Фейервари искалъ опоры въ широкихъ слояхъ населенія, чтобы землевладѣльческой олигархіи противопоставить демократію. Онъ выдвинулъ впередъ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, и допустилъ вполнѣ свободную агитацію соціалистовъ въ странѣ. Со своей стороны, соціалисты, крайне враждебно настроенные противъ классоваго парламента, всячески стремились использовать такой благопріятный моментъ для укрѣпленія своего положенія. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ фактическій союзъ соціалистовъ съ представителемъ абсолютизма, но если ознакомиться съ тѣмъ, какимъ тяжелымъ гнетомъ для трудящихся массъ была конституція землевладѣльческой олигархіи, то тактика венгерской соціалдемократіи сдѣлается понятной. Однимъ изъ актовъ, предназначенныхъ для завоеванія симпатій широкихъ слоевъ населенія, было утвержденіе, въ декабрѣ 1905 г., устава союза сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель. Съ этого момента начинается новый періодъ легальнаго существованія организацій сельскихъ рабочихъ.

По своимъ задачамъ и внутренней организація союзъ сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель ближе стоитъ къ организаціямъ взаимопомощи, чѣмъ къ профессіональнымъ союзамъ. Союзъ долженъ дѣйствовать въ предѣлахъ существующихъ законовъ, а

послѣдніе, какъ уже выше было указано, отнимаютъ у сельскихъ рабочихъ главное оружіе профессіональнаго движенія—право стачекъ, и всякое дѣйствіе, клонящееся къ организаціи или руководству стачкой, разсматривается администраціей, какъ достаточный поводъ для закрытія данной мѣстной группы или всего союза. Въ отношеніи вмѣшательства союза во взаимоотношенія работодателей и рабочихъ уставъ предоставляетъ право посредничества при установленіи соглашенія о размѣрѣ заработной платы и улучшеніи другихъ условій труда. Кромѣ того, въ задачи союза входитъ наблюденіе за правильнымъ прекращеніемъ рабочихъ и арендныхъ договоровъ обѣими договаривающимися сторонами, а также организація третейскихъ судовъ для улаживанія между помѣщиками и рабочими конфликтовъ въ сельскохозяйственной области. Въ дѣлѣ взаимопомощи компентенція союза сравнительно шире, а именно союзъ можетъ оказать своимъ членамъ содѣйствіе въ процессахъ по поводу нарушенія договоровъ работодателями и вообще брать на себя представительство интересовъ членовъ въ судахъ и административныхъ учрежденіяхъ. Кромѣ того союзъ можетъ оказывать матеріальную помощь своимъ членамъ въ случаѣ безработицы и болѣзни, а также брать на себя посредничество по снабженію ихъ арендными участками. Для улучшенія общаго положенія сельскихъ рабочихъ, защиты ихъ матеріальныхъ и моральныхъ интересовъ и выполненія указанныхъ выше задачъ союзу предоставлено право облагать своихъ членовъ единовременными и періодическими взносами, устраивать профессіональные курсы, лекціи и проч., имѣть залъ собраній, читальню и библіотеку, издавать профессіональный органъ, собирать статистическія свѣдѣнія, учреждать необходимые комитеты и, наконецъ, организовать безплатную юридическую защиту и посредничество по подысканію работы для своихъ членовъ.

Дѣйствительнымъ членомъ союза можетъ быть всякій сельскій рабочій или работница, занятые въ той или иной формѣ въ сельскомъ хозяйствѣ или, въ связанномъ съ нимъ производствѣ, при условіи уплаты вступительнаго взноса въ 50 хеллеровъ и еженедѣльно по 10 хеллеровъ *). Отъ платежа взносовъ освобождаются лица. принятыя на военную службу, безработные и больные. Членомъ-соревнователемъ можетъ быть всякій, внесшій единовременно въ пользу союза извѣстную сумму или изъявившій согласіе уплачивать еженедѣльно обычные для дѣйствительныхъ членовъ взносы: члены-соревнователи не пользуются избирательнымъ правомъ и не получаютъ никакой помощи отъ союза. Члены исключаются за невзносъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ платежей или за дѣйствія, вредящія матеріальнымъ и моральнымъ интересамъ союза. Всякій членъ, уплатившій въ теченіе 10 недѣль положенные взносы, прі-

*) 1 хеллеръ=0,39 коп.

обрѣтаетъ право на пользованіе библіотекой и безплатной юридической помощью въ тяжбахъ съ работодателями, а членъ, уплатившій взносы въ теченіе 52 недѣль, имѣетъ, на началахъ, установленныхъ общимъ собраніемъ союза, право на вспомоществованіе во время безработицы.

Члены входятъ въ составъ мѣстныхъ группъ или же непосредственно примыкаютъ къ союзу, если въ данномъ районѣ мѣстной группы нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ центральный комитетъ союза можетъ назначить особыхъ своихъ уполномоченныхъ, черезъ которыхъ устанавливаются всѣ сношенія (сборъ членскихъ взносовъ, распространеніе литературы и т. д.) съ мѣстными членами. Мѣстная группа можетъ быть образована, если въ данномъ районѣ живетъ болѣе 10 членовъ союза, при чемъ уже принадлежность къ мѣстной группѣ для членовъ каждаго района обязательна. Объ образованіи мѣстной группы должно быть заявлено властямъ, и отъ послѣднихъ зависитъ допустить открытіе ея или нѣтъ. Мѣстныя группы представляютъ отчеты о своей дѣятельности въ центральный комитетъ союза. Послѣдній обязанъ организовать контроль за ихъ дѣятельностью и распускать тѣ изъ мѣстныхъ группъ, которыя своими дѣйствіями приносятъ ущербъ интересамъ союза. По требованію $^2/_3$ мѣстныхъ группъ можетъ быть созванъ конгрессъ ихъ представителей, постановленія котораго обязательны для всѣхъ членовъ союза.

Управленіе дѣлами союза принадлежитъ общему собранію, центральному комитету и правленію союза. На очередныхъ общихъ собраніяхъ, созываемыхъ ежегодно, утверждаются отчеты, производятся выборы, разсматриваются жалобы на постановленія центральнаго комитета и третейскаго суда, устанавливаются начала вспомоществованія и размѣръ обложенія членовъ и т. д. Центральный комитетъ состоитъ изъ 30 членовъ, въ его обязанности входитъ наблюденіе за дѣятельностью союза, пріемъ новыхъ членовъ, рѣшеніе вопросовъ объ экстренныхъ вспомоществованіяхъ, созывъ общихъ собраній и осуществленіе всѣхъ мѣропріятій союза. Правленіе союза завѣдываетъ непосредственно всѣми дѣлами союза и состоитъ изъ 5 членовъ; центральный комитетъ и правленіе избираются на 2 года. Должность кассира совершенно самостоятельна и для провѣрки его дѣятельности избирается особая контрольная коммиссія. Наконецъ, надо замѣтить, что уставомъ признается обязательнымъ разрѣшеніе недоразумѣній и споровъ, какъ между членами и центральнымъ комитетомъ, такъ и между отдѣльными членами путемъ третейскаго разбирательства.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ рамки, въ которыхъ развивалось организованное движеніе венгерскихъ сельскихъ рабочихъ въ послѣднемъ періодѣ. Тутъ мы не видимъ достаточнаго простора ни для широкой постановки защиты интересовъ сельскихъ рабочихъ, ни для пробужденія духа самодѣятельности въ ихъ сферѣ.

Однако, какъ видно изъ первыхъ шаговъ дѣятельности союза сельскихъ рабочихъ, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующихъ главахъ, массы сельскихъ рабочихъ все же сумѣли заявить о своей солидарности и использовать до извѣстной степени организаціонныя начала для укрѣпленія своей позиціи въ экономической борьбѣ съ землевладѣльческой олигархіей.

III.

Въ январѣ 1906 года состоялось учредительное собраніе союза сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель, на которомъ были представлены всего 58 общинъ изъ 12000 общинъ въ странѣ. Съ этого момента начинается дѣятельная работа союза по сплачиванію вокругъ себя сельскаго пролетаріата Венгріи. Для широкой постановки агитаціи и пропаганды на мѣстахъ, среди массъ сельскихъ рабочихъ сразу же были учреждены въ разныхъ пунктахъ страны провинціальные секретаріаты, число которыхъ, помимо временныхъ зимнихъ секретаріатовъ, въ 1906 году доходило до 10. Эти секретаріаты несомнѣнно являлись главными рычагами для выполненія огромной организаціонной работы союза. Личныя соприкосновенія провинціальныхъ секретарей союза съ сельскими рабочими, организація народныхъ собраній и проч. не только способствовали установленію широкихъ непосредственныхъ связей съ сельскимъ пролетаріатомъ, но и оказали серьезное вліяніе на быстрое возникновеніе на мѣстахъ собирательныхъ ячеекъ союза въ формѣ мѣстныхъ группъ. Наличность этихъ мѣстныхъ центровъ значительно облегчила агитаціонную работу и въ особенности способствовали широкому распространенію литературы союза. Такъ, ежемѣсячный журналъ «Сельскій рабочій (на венгерскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) расходился въ 1906 г. въ количествѣ 30.000 экземпляровъ. Кромѣ того до 1 іюля 1907 г. т. е. въ теченіе $1^1/_2$ года было распространено агитаціонной литературы (брошюръ, листковъ и проч.) 4.500.000 экземпляровъ. Дружныя усилія венгерскихъ соціалистовъ для проведенія организаціонныхъ началъ въ массу сельскаго пролетаріата Венгріи увѣнчались успѣхомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія данныя:

	Число мѣстныхъ группъ.	Число членовъ.
До 31/III 1906	168	13.814
„ 31/VI „	284	22.963
„ 31/IX „	363	40.795
„ 31/XII „	428	48.616
„ 31/III 1907	562	72.562
„ 30/VI „	587	—

Согласно существующимъ законамъ Венгріи, въ профессіональныхъ организаціяхъ недопустима политическая агитація, и профессіональные союзы лишены такимъ образомъ возможности открыто примыкать къ политическимъ партіямъ. Въ частности, союзъ сельскихъ рабочихъ носитъ безпартійный характеръ, но такъ какъ его основателями и главными дѣятелями являются соціалдемократы, то въ основу всей дѣятельности союза были положены принципы классовой борьбы. Уже это обстоятельство, помимо всего прочаго, не могло не тревожить землевладѣльческій классъ, видѣвшій въ союзѣ лишь подготовительный этапъ для проникновенія идей соціализма въ венгерскую деревню. Старый афоризмъ «соціализмъ непереваримъ для желудка венгерскаго крестьянина» оказался въ полномъ противорѣчіи съ жизнью и аграріи стали настойчиво требовать, чтобы государственная властъ пришла на защиту ихъ интересовъ. Пока у власти стояло министерство Фейервари, находящееся въ конфликтѣ съ землевладѣльческой олигархіей, притязанія аграріевъ оставались безрезультатными и соціалисты пользовались сравнительно широкой свободой агитаціи и организаціи. Но положеніе дѣлъ измѣнилось, когда состоялось примиреніе между короной и парламентомъ и бразды правленія страной опять перешли въ руки конституціоннаго министерства коалиціи націоналистовъ-аграріевъ. Правда «великое національное правительство» какъ называлось въ кругахъ націоналистовъ министерство Векерле-Кошута, сочло неудобнымъ сразу обнаружить во всей наготѣ свою реакціоннуы природу и предпочитало до поры до времени поддерживать въ широкихъ слояхъ населенія иллюзіи о возможности демократическихъ реформъ. Поэтому категорическія требованія помѣщиковъ о закрытіи «вреднаго для интерсовъ отечества» союза сельскихъ рабочихъ оставались безрезультатными, но въ тоже время правительство рѣшило косвенными мѣрами и преслѣдованіями «обезвредить» союзъ. Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ одинъ изъ виднѣйшихъ аграріевъ, гр. Андраши, прозванный «чернымъ графомъ»; онъ принялъ всѣ отъ него зависѣвшіе мѣры, чтобы тормозить дѣятельность союза на мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, имъ было разослано 122.000 циркуляровъ мѣстнымъ органамъ правительства, которыми вмѣнялось имъ въ обязанность всячески препятствовать учрежденію новыхъ мѣстныхъ группъ союза и развитію дѣятельности существующихъ группъ. Въ силу такой политики правительства произволъ мѣстной администраціи не зналъ границъ: закрытіе мѣстныхъ группъ, отказъ въ открытіи новыхъ группъ, запрещеніе народныхъ собраній сдѣлались вполнѣ обычными явленіями. Стоило въ данной мѣстности возникнуть стачечному движенію среди сельскихъ рабочихъ и мѣстнымъ группамъ угрожало закрытіе. Въ большинствѣ случаевъ администрація просто измышляла поводы для закрытія и недопущенія мѣстныхъ группъ и на всѣ упреки правительству объ

антиконституціонныхъ дѣйствіяхъ его органовъ неизмѣнно повторялась стереотипная фраза: «администрація исполняла свой долгъ и дѣйствовала въ интересахъ отечества», сопровождаемая разсужденіями о разлагающемъ вліяніи «агитаторовъ» на сельское населеніе и т. д. Такимъ образомъ организаціонная работа среди венгерскаго сельскаго пролетаріата происходитъ при далеко не легкихъ условіяхъ. Въ результатѣ этого изъ 587 мѣстныхъ группъ, учрежденныхъ до 1 іюля 1907 г. прекратили свою дѣятельность 196, при чемъ изъ нихъ закрыта распоряженіями администраціи 161 мѣстная группа и сами пріостановили свою дѣятельность вслѣдствіе систематическихъ преслѣдованій власти 35 группъ. Произвольное закрытіе мѣстныхъ группъ терроризируетъ малосостоятельныхъ сельскихъ рабочихъ, поэтому до сего времени не получили практическаго значенія тѣ положенія устава, которыя допускаютъ вступленіе въ союзъ членовъ и помимо мѣстныхъ группъ, сношенія ихъ съ центральнымъ комитетомъ черезъ уполномоченныхъ и т. д. Обыкновенно послѣ закрытія мѣстной группы члены перестаютъ вносить членскіе взносы и такимъ образомъ выбываютъ изъ союза. Это нарушеніе формальной связи между сельскими рабочими и союзомъ отражается главнымъ образомъ на матеріальномъ положеніи послѣдняго, но не означаетъ еще полнаго разрыва. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ закрыты мѣстныя группы, обыкновенно составляются особые кружки подписчиковъ офиціоза союза, «Сельскій Рабочій», и на этой почвѣ сохраняется извѣстное общеніе съ центральной организаціей.

Въ общемъ приходится констатировать, что репрессивная политика настоящаго венгерскаго правительства по отношенію къ пролетарскому движенію въ венгерской деревнѣ главнымъ образомъ содѣйствуетъ возникновенію свободныхъ организацій *), въ чемъ нельзя отрицать извѣстнаго воспитывающаго значенія для массъ. Въ силу всего этого дѣйствительная связь союза съ массами сельскаго пролетаріата не опредѣляется исключительно наличнымъ количествомъ мѣстныхъ группъ. Такъ, въ партійномъ отчетѣ венгерской соціалъ-демократической партіи за 1906 годъ есть указаны, что связь установлена съ 2500 общинами въ странѣ.

На ряду съ этой организаціонной работой союзъ, въ предѣлахъ установленныхъ уставомъ, вмѣшивался въ экономическую борьбу между рабочими и работодателями, а съ другой стороны, оказывалъ посильную помощь своимъ членамъ въ защитѣ ихъ интересовъ въ судѣ и административныхъ учрежденіяхъ.

Такъ, во время стачечнаго движенія въ 1906 г., о которомъ рѣчь

*) Замѣчу, что причина уменьшенія числа открываемыхъ мѣстныхъ группъ въ послѣднее время объясняется главнымъ образомъ противодѣйствіемъ администраціи.

будетъ ниже, нѣкоторые землевладѣльцы сочли нужнымъ обратиться къ содѣйствію союза для улаженія конфликтовъ съ рабочими, были также опыты заключенія коллективныхъ договоровъ между рабочими и работодателями при посредничествѣ союза. До сего времени широкая постановка матеріальной взаимопомощи, какъ и организація мѣропріятій по удовлетворенію духовныхъ нуждъ сельскихъ рабочихъ, была не по силамъ союзу. Но имъ немедленно по открытію дѣйствій была учреждена юридическая консультація, которая уже успѣла принести ощутительную пользу сельскимъ рабочимъ. Законы по отношенію къ сельскимъ рабочимъ въ Венгріи чрезвычайно суровы, администрація неутомимо преслѣдуетъ всякія проявленія пролетарскаго движенія; вслѣдствіе обостренности взаимоотношеній работодателей и рабочихъ всякихъ конфликтовъ и споровъ очень много и т. д., а потому потребность въ юридической помощи среди сельскаго населенія Венгріи огромная. Изъ того, что центральной юридической консультаціи въ Буда-Пештѣ въ $1^{1}/_{2}$ года пришлось въ 2400 случаяхъ оказать въ разныхъ формахъ юридическую помощь своимъ членамъ или же взять на себя представительство интересовъ послѣднихъ, видно какъ своевременна была эта мѣра. Кромѣ центральной консультаціи въ Буда-Пештѣ союзъ имѣлъ своихъ адвокатовъ-консультантовъ и въ провинціальныхъ городахъ.

Само собою разумѣется, что матеріальное положеніе союза не могло быть блестящимъ. Хотя размѣръ членскаго взноса нельзя признать высокимъ, но тѣмъ не менѣе при настоящемъ полуголодномъ существованіи сельскихъ рабочихъ встрѣчаются серьезныя затрудненія въ уплатѣ членскихъ взносовъ въ кассу союза. Всего въ 1906 г. доходъ союза составлялъ около 80.000 кронъ (72.000 кронъ изъ этой суммы членскіе взносы). Изъ этой суммы было израсходовано на образовательныя цѣли 14.044 кроны, на агитацію 12.434 кроны, на администрацію 10.766 кронъ. Въ текущемъ году положеніе значительно лучше, такъ какъ за полгода въ кассу союза поступило около 60.000 кронъ.

О дѣятельности мѣстныхъ группъ не имѣется сколько нибудь полныхъ данныхъ. Однако, изъ того, что сообщается корреспондентами журнала «Сельскій рабочій» о мѣстныхъ группахъ явствуетъ, что онѣ служатъ не только собирательными ячейками союза, но и самостоятельно подготовляютъ почву для экономической борьбы сельскаго пролетаріата. Такъ, во многихъ мѣстныхъ группахъ разработаны тарифы заработной платы, которыя, какъ увѣряли лица близко знакомыя съ дѣятельностью ихъ, имѣютъ серьезное значеніе при заключеніи рабочихъ договоровъ. Въ подобныхъ договорахъ устанавливается: 1) поденная плата по сезонамъ и при отдѣльныхъ работахъ (напримѣръ при молотьбѣ)—тутъ колебанія въ зависимости отъ мѣстныхъ условій довольно крупныя; 2) длина рабочаго дня и плата за сверхурочныя работы; 3) нормы сдѣль-

ныхъ работъ, съ опредѣленіемъ времени начала и окончанія работъ и минимальнаго размѣра дохода рабочаго (напримѣръ не менѣе 15 кронъ за уборку урожая 1 іюля) при сдѣльныхъ работахъ, который долженъ послужить основаніемъ при заключеніи договора; 4) нормы заработной платы годовыхъ и срочныхъ рабочихъ—холостыхъ и семейныхъ—съ подробной регламентаціей денежныхъ и натуральныхъ обязательствъ работодателей. Наконецъ, во многихъ мѣстностяхъ мѣстныя группы небезуспѣшно начали систематическую борьбу съ зимнимъ наймомъ рабочихъ, широко практикуемымъ въ Венгріи.

Дѣятельность мѣстныхъ группъ относится еще къ очень небольшому промежутку времени и притомъ протекала она въ атмосферѣ постоянныхъ преслѣдованій; поэтому задачи матеріальной взаимопомощи и просвѣщенія не могли быть въ достаточной мѣрѣ выдвинуты. Нельзя при этомъ забывать, что венгерскимъ сельскимъ рабочимъ приходится собственными силами создавать организаціи, такъ какъ соціалистически настроенной интеллигенціи въ венгерской деревнѣ очень мало и слѣдовательно пролетарскимъ массамъ внѣшней помощи ожидать неоткуда. Большинство же рядовыхъ деревенскихъ интеллигентовъ—прислужники аграріевъ и клерикаловъ, а потому враждебно настроены къ пролетарскому движенію. На нашъ взглядъ, настоящее усиленное преслѣдованіе администраціей мѣстныхъ группъ является показателемъ того, что ужъ теперь ихъ дѣятельность оказалась въ достаточной степени «опасной» для интересовъ землевладѣльцевъ и крупныхъ арендаторовъ.

IV.

Сельскій пролетаріатъ Венгріи находится въ исключительно безправномъ положеніи, онъ не только отстраненъ отъ активнаго вліянія на политическую жизнь страны, но и лишенъ главнаго оружія экономической борьбы—права стачекъ. Какъ уже выше было указано, по закону 1898 г., суровая кара ожидаетъ всякаго, кто осмѣлится организовать стачку или участвовать въ стачечномъ движеніи. Однако, законодатели, создавъ суровый законъ, оставили почти нетронутыми условія экономическаго быта венгерской деревни и, слѣдовательно, все то, что неминуемо толкало сельскихъ рабочихъ на борьбу съ помѣщиками, сохранило свою силу. Потому-то полное и послѣдовательное осуществленіе въ жизни новаго закона не могло предотвратить возникновенія стачечнаго движенія, и мы являемся свидѣтелями того, какъ въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, чуть-ли не изъ года въ годъ, сельскіе рабочіе Венгріи революціоннымъ путемъ осуществляютъ право стачекъ. При чемъ жестокая

расправа со стачечниками, хотя и вноситъ временную деморализацію въ массы, но не останавливаетъ развитія движенія.

Выше мы уже указали, что союзъ сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель юридически лишенъ права взять на себя руководство стачечнымъ движеніемъ. Зоркое око венгерскаго жандарма, стоящаго на стражѣ интересовъ землевладѣльческаго класса, пристально слѣдитъ за каждымъ шагомъ дѣятельности союза, и всякое уклоненіе отъ существующихъ законодательныхъ нормъ явилось бы давно желаннымъ поводомъ для закрытія союза. Это не могло не обязывать руководителей союза къ осторожности. Между тѣмъ у сельскихъ рабочихъ Венгріи ощущалась огромная потребность въ руководящемъ центрѣ, который взялъ бы на себя иниціативу подготовленія массъ сельскихъ рабочихъ къ стачечному движенію и внесъ бы въ послѣднее начала планомѣрности. Въ этихъ видахъ еще конгрессами сельскихъ рабочихъ въ 1897 г. былъ образованъ такъ называемый организаціонный комитетъ, который весьма успѣшно руководилъ въ томъ же году упомянутой выше стачкой косарей. Однако, послѣ того какъ репрессивными мѣрами были уничтожены всѣ мѣстныя организаціи, организаціонный комитетъ хотя и сохранился, но имѣлъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ агитаціонный центръ. Онъ разсылалъ агитаторовъ на мѣста, издавалъ и распространялъ агитаціонную литературу, созывалъ конференціи и даже конгрессы (напримѣръ, въ 1901 г.), но сколько-нибудь стройныя организаціи на мѣстахъ и сношенія съ широкими слоями сельскихъ рабочихъ устанавливались почти исключительно при посредствѣ «вѣрныхъ» людей. При такихъ условіяхъ дѣятельность организаціоннаго комитета не могла быть особенно интенсивной и всесторонней. Такъ, въ дѣлѣ организаціи стачечнаго движенія наглядно видна была потребность въ мѣстныхъ организаціонныхъ ячейкахъ; призывы организаціоннаго комитета подхватывались, но самыя вспышки стачечнаго движенія носили очень часто стихійный или же чисто мѣстный характеръ. При такомъ положеніи стачки сельскихъ рабочихъ не могли принести настоящей ощутительной пользы участникамъ, и оказать сколько-нибудь широкое воспитывающее вліяніе на сельскій пролетаріатъ, въ смыслѣ поднятія его классоваго самосознанія. Кромѣ того, организаціонный комитетъ, какъ свободная организація (по русской терминологіи—нелегальная организація), при отсутствіи непосредственной и органической связи съ массами сельскаго пролетаріата, располагалъ ограниченными матеріальными средствами и вообще не могъ приступить къ осуществленію разныхъ формъ взаимопомощи, являющейся не только одной изъ главныхъ основъ организаціонной борьбы труда съ капиталомъ, но и реальной базой сознанія солидарности массами трудящихся. Вотъ почему съ возникновеніемъ союза сельскихъ рабочихъ дѣятельность организаціон-

наго комитета принимаетъ иной характеръ. При настоящихъ условіяхъ союзъ могъ взять на себя задачи взаимопомощи и просвѣщенія, комитетъ же, сохранившій характеръ самостоятельной и свободной организаціи, долженъ былъ выполнить все то, что лежало за предѣлами компетенціи союза, т. е. запрещенное существующими законами. Въ дѣйствительности между обѣими организаціями оказалась весьма сильная связь въ формѣ личной уніи, а потому онѣ въ дѣлѣ расчистки пути для развитія пролетарскаго движенія въ венгерской деревнѣ стали взаимно дополнять другъ друга. Близость союза къ комитету наиболѣе сильно обнаружилась въ дѣятельности мѣстныхъ группъ.

Теперь задача комитета сводилась исключительно къ подготовкѣ и руководству стачечнымъ движеніемъ, а мѣстныя группы, взявшись за выработку тарифовъ заработной платы и установленіе другихъ нормальныхъ условій труда, тѣмъ самымъ шли навстрѣчу стремленіямъ организаціоннаго комитета. Точно также создавалось общеніе между ними и на почвѣ агитаціи противъ зимняго найма. Такъ, осенью 1906 года организаціоннымъ комитетомъ были созваны конференціи сельскихъ рабочихъ, на которыхъ участвовали 1773 делегата отъ 667 общинъ. На этихъ конференціяхъ были подведены итоги прошлой борьбы, произведены выборы членовъ организаціоннаго комитета и намѣченъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Наиболѣе цѣннымъ результатомъ этихъ конференцій была выработка образцовыхъ договоровъ, которые должны быть при каждомъ данномъ случаѣ приспособлены къ мѣстнымъ условіямъ. Само собою понятно, какъ тутъ сочетается дѣятельность комитета съ мѣстными группами союза; послѣднія установленіемъ тарифовъ собственно только популяризировали образцовые договоры конференціи комитета.

Если мы теперь обратимся къ даннымъ о развитіи экономической борьбы въ венгерской деревнѣ въ послѣдніе годы, то найдемъ въ нихъ яркія указанія на укрѣпленіе и расширеніе организаціонныхъ началъ въ массахъ сельскаго пролетаріата. Прекрасный урожай и другія условія благопріятствовали въ 1906 г. для широкаго развитія стачечнаго движенія и, дѣйствительно, въ теченіе лѣта происходятъ многочисленныя стачки во многихъ областяхъ страны. Правда, сельскимъ рабочимъ пришлось вынести массовыя судебныя и административныя репрессіи—около 5000 рабочихъ были приговорены въ общей сложности къ аресту до 150 лѣтъ,— но зато имъ все же удалось путемъ повышенія заработной платы вырвать изъ рукъ аграріевъ нѣсколько милліоновъ кронъ. Интереснѣе всего, что не только по своимъ размѣрамъ, но и по внутренней стройности стачечное движеніе 1906 года превосходило стачечныя движенія прошлыхъ лѣтъ. Вообще аграріямъ пришлось въ той или иной формѣ считаться съ организованностью сельскихъ рабочихъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ интересныя свѣдѣнія о

вліяніи степени организованности рабочихъ на результаты экономической борьбы, собранныя организаціоннымъ комитетомъ *):

МѢСТНОСТИ.	Число общинъ, сообщившихъ свѣдѣнія.	Число сельскихъ рабочихъ въ этихъ общин.	Число организованныхъ сельск. рабоч. тамъ же.	Поденная плата въ кронахъ въ 1905 г.				Поденная плата въ кронахъ въ 1906 г.				Средняя годовая поденная плата въ кронахъ.			Уборка урожая сдѣльно.		
				Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	1905 г.	1906 г.	% прироста.	1905 г.	1906 г.	Уменьшенія.
Безъ организацій сельскихъ рабочихъ	8	2050	—	0.76	0.88	1.43	0.86	0.78	0.88	1.43	0.86	0.98	0.98	0	11	11	0
Со слабыми организаціями сельскихъ рабочихъ . .	20	12200	2052	0.72	0.93	1.45	0.94	0.78	1.00	1.64	1.13	1.01	1.18	17	12.4	12.0	0.4
Съ сильными организаціями сельск. рабоч. . . .	13	9550	3415	0.92	1.17	1.85	1.18	1.14	1.61	2.86	1.94	1.28	1.89	48	11.9	11.3	0.6
Съ очень сильными организаціями сельск. рабоч. .	19	43709	7858	0.91	1.22	2.28	1.48	0.94	1.64	5.01	2.96	1.47	2.64	80	12.4	11.9	0.5

Надо замѣтить, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ имѣлись организаціи сельскихъ рабочихъ, сами помѣщики поспѣшили поднять

*) Общая сводка сдѣлана мною. Р. О.

заработную плату, чтобы предупредить возникновеніе стачки. Въ общемъ же приведенныя данныя безъ всякихъ комментарій весьма ярко свидѣтельствуютъ о той огромной силѣ, которую пріобрѣтаютъ трудящіяся массы въ экономической борьбѣ съ проникновеніемъ въ ихъ среду организаціонныхъ началъ. Кстати отмѣчу, что брошюра «Отчего кожаные пиджаки злятся» *), гдѣ впервые были опубликованы приведенныя данныя, произвела на правящіе круги такое впечатлѣніе, что администрація поспѣшила конфисковать брошюру и привлечь къ отвѣтственности автора. На судебномъ разбирательствѣ была подтверждена правильность сообщенныхъ свѣдѣній, но общій характеръ брошюры былъ признанъ преступнымъ. Это, конечно, еще усилило агитаціонное значеніе брошюры.

Что организація цѣнна не только для наступательныхъ дѣйствій, но имѣетъ также огромное значеніе для удержанія достигнутыхъ успѣховъ, мы наглядно видимъ на ходѣ экономической борьбы въ 1907 году. Солидарное примѣненіе тарифовъ, образцовыхъ договоровъ и т. д. привело къ тому, что весною текущаго года рабочіе договоры были заключены при сравнительно болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ въ прошлые годы, т. е. другими словами, многое, добытое стачечнымъ движеніемъ 1906 г., вошло въ новые рабочіе договоры. Тѣмъ не менѣе въ руководящихъ кругахъ сельскаго пролетарскаго движенія, насколько удалось выяснить изъ личныхъ бесѣдъ, существовало убѣжденіе о неизбѣжности лѣтомъ новой широкой волны стачечнаго движенія. Имѣлись въ виду, главнымъ образомъ, тѣ мѣстности, гдѣ въ послѣднее время народились организаціи сельскихъ рабочихъ и до сихъ поръ въ области экономической борьбы наступательныхъ дѣйствій не было предпринято. Но какъ только выяснились условія урожая хлѣбовъ, и стало извѣстнымъ, что недоборъ по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ выразится въ 30% урожая, — пришлось отказаться отъ мысли о новомъ стачечномъ движеніи. Больше того—организаціонный комитетъ рѣшилъ взять на себя роль сдерживающаго центра и выпустилъ прокламацію къ сельскимъ рабочимъ, въ которой призывалъ послѣднихъ воздерживаться отъ стачекъ при данныхъ условіяхъ. Авторитетъ организаціоннаго комитета оказался уже настолько сильнымъ, что лозунги, данные имъ, были восприняты массами, и уборка хлѣбовъ прошла безъ стачечнаго движенія.

Если принять во вниманіе, что раньше рабочіе въ гораздо меньшей степени сельскіе считались съ общими условіями, то въ данномъ фактѣ можно усмотрѣть доказательство роста сознательности сельскаго пролетаріата Венгріи, а потому можно предполагать, что недалеко уже то время, когда съ окончательнымъ укрѣпленіемъ организаціонныхъ началъ въ массахъ сельскихъ рабочихъ ихъ

*) „Кожаный пиджакъ“ прозвище въ Венгріи хозяевъ-практиковъ.

экономическая борьба пріобрѣтетъ строго-планомѣрный характеръ и стихійныя вспышки недовольства отойдутъ въ область преданій.

V.

Союзъ сельскихъ рабочихъ венгерскихъ земель — это первый этапъ организованной борьбы венгерскаго сельскаго пролетаріата, и отъ него требуется еще огромное напряженіе силъ, чтобы завоевать основныя права трудящихся — полную свободу коалицій и право стачекъ. Въ данное время венгерская землевладѣльческая олигархія широко пользуясь въ своихъ классовыхъ интересахъ механизмомъ государственной власти, съ поразительнымъ упорствомъ стремится воспрепятствовать пробужденію классоваго самосознанія въ широкихъ слояхъ сельскаго населенія и ни передъ чѣмъ не останавливается, чтобы опять загнать пролетарское движеніе въ подполье. Каковъ будетъ дальнѣйшій ходъ экономической борьбы въ венгерской деревнѣ, трудно предвидѣть, но ужъ теперь съ достаточной наглядностью обнаруживается, что венгерскіе аграріи вынуждены капитулировать предъ напоромъ пролетарскаго движенія. Такъ, напримѣръ, систематическое осуществленіе революціоннымъ путемъ права стачекъ сельскими рабочими успѣло уже создать столь внушительное соціальное движеніе въ странѣ, что, несмотря на все противодѣйствіе аграріевъ, недалеко то время, когда всѣ запретительныя мѣры по отношенію къ сельскохозяйственнымъ стачкамъ будутъ сданы въ архивъ.

Въ этомъ отношеніи весьма интересны тѣ протесты, которые вызываются внутри правящихъ классовъ репрессивной политикой настоящаго правительства. Такъ, наиболѣе дальновидные защитники интересовъ аграріевъ, какъ, напримѣръ, извѣстный изслѣдователь Венгріи, членъ палаты магнатовъ Матковицъ, считаютъ необходимымъ открыто заявлять объ архаичности существующаго законодательства о сельскихъ рабочихъ, а представители промышленной буржуазіи прямо обвиняютъ землевладѣльческую олигархію въ созданіи переживаемаго экономическаго кризиса. Капиталистовъ не мало тревожитъ массовой отливъ трудоспособнаго населенія изъ страны. Массовая эмиграція венгерцевъ въ Америку началась въ концѣ 90-хъ годовъ и къ 1906 г. дошла до такихъ размѣровъ, что превысила естественный приростъ населенія *). Это крупное явленіе соціальной жизни Венгріи отражается на экономическомъ развитіи страны, а потому борьба съ причинами массовой эмиграціи, несомнѣнно, является очередной задачей соціальной политики. Въ данномъ случаѣ чрезвычайно

*) Въ 1906 г. при эмиграціи 180.000 человѣкъ, естественный приростъ составлялъ только 165.000 душъ; въ текущемъ году число эмигрирующихъ будетъ уже свыше 200.000 человѣкъ.

интересно отмѣтить, что на анкетѣ, организованной союзомъ фабрикантовъ въ іюнѣ 1907 г. по вопросу о мѣрахъ борьбы съ эмиграціей, многими представителями промышленности была подвергнута рѣзкой критикѣ вся система репрессивной политики правительства по отношенію къ пролетарскому движенію, а въ основу необходимыхъ мѣропріятій были положены: широкая земельная реформа, въ смыслѣ парцеляціи латифундій, и установленіе нормальныхъ условій для экономической борьбы въ венгерской деревнѣ.

Эти заявленія иллюстрируютъ всю несостоятельность политики узкаго классоваго эгоизма венгерской землевладѣльческой олигархіи. Исключительной гегемоніи аграріевъ въ политико-экономической жизни страны несомнѣнно близится конецъ.

Какимъ путемъ пойдетъ обновленіе политическаго и экономическаго строя Венгріи—теперь трудно предвидѣть. Конечно, возможенъ длинный путь постепеновщины; но вполнѣ допустима и рѣшительная ломка стараго строя и созданіе новыхъ соціальныхъ отношеній на широкихъ демократическихъ началахъ. Одно безспорно, что исходъ борьбы въ значительной степени зависитъ отъ того, будутъ ли въ рѣшительный моментъ надлежащимъ образомъ организованы трудовые элементы венгерской деревни, и сумѣютъ ли они пойти въ ногу съ промышленными рабочими; безъ поддержки деревни эти послѣдніе не въ силахъ вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть предстоящей борьбы за интересы демократіи. Съ этой точки зрѣнія, организаціонное движеніе среди сельскихъ рабочихъ Венгріи заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Р. Оленинъ.

Хроника внутренней жизни.

1. Думскіе итоги.—Справки о мужикѣ.—2. Дѣло Хвостовыхъ.—Помилованіе осужденныхъ и наказаніе оправданныхъ.—Союзники и судъ.—Дѣло Матусевича.—Заслуги министра юстиціи и несовершенство ихъ.—3. Недовольство кавказскимъ намѣстникомъ. — Кіевское сыскное отдѣленіе.—Персидскій консулъ Зайченко.—Пререканія между союзомъ и совѣтомъ министровъ по поводу генерала Думбадзе.—4. Думскій запросъ о Думбадзе. — Всероссійскій опросъ о неблагонадежныхъ лицахъ.—Разрѣшеніе и благословеніе синода.—Разрѣшается ли чинамъ арміи и полиціи вступать въ союзъ?—Проектъ фонъ-Вендриха.—Неустранимыя разногласія между верховной управой и совѣтомъ министровъ. — Кавказскія юбилейныя торжества и неожиданныя комбинаціи.

I.

«Жили—не тужили, а вспомнить нечѣмъ». Такъ вкратцѣ складывается итогъ думской работы съ января до пасхальныхъ каникулъ. До того вспомнить нечѣмъ, что, напр., «С.-Петерб. Вѣдомости» совершенно не знаютъ, какъ и о чемъ могутъ бесѣдовать отдыхающіе депутаты со своими избирателями и въ особенности съ крестьянами. «Что имъ сказать? Чѣмъ утѣшить? Сказать ли, что отказались строить флотъ, а рѣшили строить Амурскую дорогу? Или разсказать объ ассигнованіи на N семинарію 300 р.? А дальше все то же, въ этомъ родѣ» *). Положимъ, еще неизвѣстно, «отказались» или «не отказались» строить флотъ. По свѣдѣніямъ иностранныхъ газетъ, заказы на постройку новыхъ линейныхъ судовъ продолжаются. И отъ Думы, быть можетъ, потребуется вотировать ассигнованіе на флотъ такъ же, какъ она вотировала фактически начатую постройку Амурской дороги и какъ вотируетъ бюджетъ,—по частямъ, безъ углубленія въ общую постановку государственнаго хозяйства и, по возможности, безъ измѣненій. Г. А. Ст-нъ какъ бы иронически писалъ въ «Новомъ Времени», что думское разсмотрѣніе бюджета собственно необходимо «иностранному капиталу». «Иностранный капиталъ нервенъ». И не успокоится, пока Россія не будетъ имѣть «бюджетъ, утвержденный въ законодательномъ порядкѣ». Быть можетъ, «иностранному капиталу» формальные вотумы Думы, въ самомъ дѣлѣ, дадутъ большое облегченіе. Но избирателя и особенно избирателя деревенскаго тутъ, дѣйствительно, утѣшить нечѣмъ. Онъ, пожалуй, скажетъ:

— Рѣшать помимо васъ рѣшенное—для этого не стоило бы и огородъ городить...

Впрочемъ, поскольку рѣчь идетъ объ Амурской дорогѣ, можно

*) Цит. по „Рѣчи".

бы и побесѣдовать. Идея «реванша». Рѣшили строить дорогу. Рѣшимъ строить крѣпости. И тогда—держись японецъ. Но, увы, даже «Новое Время» не остереглось отъ вопроса,—для кого собственно строится дорога, явно стратегическая, явно приспособленная къ военнымъ задачамъ? Не для непріятеля ли, какъ это случилось съ Таліенванскимъ портомъ и Южно-Манчжурской дорогой? И не будутъ ли амурскія крѣпости простымъ повтореніемъ портъ-артурскихъ твердынь? «Новое Время» предпочло въ этотъ скверный вопросъ не углубляться. Постаралось не углубляться и думское большинство. Но, вѣдь, избиратель, навѣрное, предпочтетъ углубиться, и чѣмъ утѣшительнымъ можетъ отвѣтить депутатъ?

Однако, не клиномъ же, въ самомъ дѣлѣ, сошелся свѣтъ на деревенскомъ избирателѣ. И не такъ ужъ милъ этотъ послѣдній редакціи «С.-Пет. Вѣдом.». Есть, вѣдь, и другой избиратель, котораго тою же хотя бы Амурскою дорогою очень можно утѣшить. «Ну, слава Богу! — восклицаетъ, напр., октябристскій «Голосъ Правды»,—теперь промышленность наша оживится, пойдутъ заказы, закипитъ повсюду работа, и мы вздохнемъ легко, такъ какъ Амурская дорога будетъ строиться изъ русскихъ матеріаловъ и русскими рабочими; объ этомъ говорили и депутаты, и предсѣдатель совѣта министровъ, а при такомъ положеніи дѣла не страшенъ и заемъ, потому что всѣ деньги останутся въ Россіи, какъ этого хочетъ и Государственная Дума, и правительство». Правда, еще неизвѣстно, чего захочетъ заимодавецъ,—тотъ самый «иностранный капиталъ», для успокоенія котораго нуженъ формальный вотумъ Думы. Говорятъ, онъ очень настаиваетъ, чтобы возможно болѣе значительная часть займа осталась за-границей. Но стоимость всѣхъ амурскихъ предпріятій, включая дорогу и крѣпости, исчисляется суммою до 800 милліоновъ рублей. Кое-что во всякомъ случаѣ должно остаться на традиціонное «оживленіе промышленности». И въ этомъ смыслѣ третья Дума, казалось бы, даетъ достаточно, даже слишкомъ достаточно, поводовъ, чтобы однихъ успокоить, другихъ испугать. Аграрная политика правительства ею въ принципѣ принята. Экономическая принимается. Впереди новые, въ законодательномъ порядкѣ оформленные займы. Послушное указкѣ «сферъ», откровенно руководящееся землевладѣльческимъ расчетомъ, думское большинство во-истину подобно росѣ, которая можетъ выѣсть очи гораздо раньше, чѣмъ взойдетъ солнце. Но странная вещь, — тѣ, кого оно должно бы пугать, почему-то не очень пугаются. Рядовой обыватель даже занялъ обидно-равнодушную относительно Думы позицію: за работами ея слѣдитъ плохо и мало, думскихъ рефератовъ не читаетъ, или почти не читаетъ. И въ бойкихъ уличныхъ газетахъ отчеты о засѣданіяхъ Думы сокращены до размѣровъ обыкновеннаго фельетона. Плохо утѣшаются и тѣ, кого третья Дума, по всѣмъ видимостямъ, должна бы утѣшить и даже успокоить. Казалось бы, общему направленію думскихъ работъ всего

больше должно радоваться дворянство, въ нѣдрахъ котораго и родилась идея избирательнаго закона 3 іюня. Но недавній съѣздъ объединеннаго дворянства не столько радовался, сколько выразилъ главнымъ образомъ чувство безвыходности, никчемности и растаялъ, не окончивъ своихъ работъ. Казалось бы, всего больше должны утѣшаться такіе органы, какъ «С.-Петербургскія Вѣдомости». Но и онѣ, подводя итоги думскимъ работамъ, выражаютъ то же чувство безвыходности, никчемности и жгучей неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. «Вѣдь ни для кого не секретъ,—пишетъ, между прочимъ, эта казенная газета, переданная кн. Ухтомскому на предметъ полученія доходовъ,— что наша революція родилась и развилась на почвѣ утраты довѣрія къ правительству. Не секретъ также и то, что смерть революціи послѣдовала отъ сильной вѣры въ идею народнаго представительства... По исключительному свойству русскаго человѣка, крестьянинъ нашъ, если отрицаетъ что, то отрицаетъ безъ оговорокъ, а если вѣритъ,—то вѣритъ слѣпо, не разсуждая»... Боязно «даже подумать о томъ, что можетъ произойти, если темная крестьянская масса потеряетъ вѣру и въ народное представительство» *). Намъ незачѣмъ говорить, правильна ли эта характеристика мужика, считаетъ ли мужикъ нынѣшнюю Думу народнымъ представительствомъ и вѣритъ ли въ нее. Характерно само по себѣ устремленіе взгляда на мужика. Симптоматичны попытки разгадать: а что, въ самомъ дѣлѣ, мужикъ думаетъ, какія у него на ближайшее время зрѣютъ намѣренія. А мужикъ-то какъ разъ теперь голодный, стоитъ передъ озимыми полями, частью не засѣянными съ осени, частью погибшими; но, быть можетъ, передъ грозою новаго неурожая онъ наиболѣе загадоченъ. Тутъ, вверху, совѣщанія, совѣты, съѣзды... Пожалуй, даже слишкомъ много совѣщаній, совѣтовъ и съѣздовъ. И они утѣшительно-послушны; на нихъ какъ будто лежитъ печать «успокоенія общественнаго». И все-таки взгляды упорно направляются туда, внизъ, къ мужику... Почему? Съ какой стати?

Не въ одномъ мужикѣ, конечно, дѣло. Эта мощная фигура до нѣкоторой степени играетъ роль символа, вмѣщая въ себѣ и заслоняя собою крайне пестрые и разнообразные соціальные элементы. Загадоченъ собственно не одинъ мужикъ, хотя его голосъ имѣетъ наиболѣе рѣшающее значеніе. Загадочно состояніе всѣхъ вообще слоевъ. Загадочно состояніе всего соціальнаго грунта, на которомъ нынѣ въ порядкѣ законодательномъ и въ порядкѣ верховнаго управленія возводятся постройки. Что это: песокъ ли, размываемый и уносимый подземными ключами, или гранитъ? Не образовались ли уже теперь пустоты и промоины подъ самымъ фундаментомъ построекъ? И не рухнутъ ли завтра эти постройки отъ малѣйшаго толчка, отъ ничтожнаго сотрясенія почвы? Люди строятъ.

---

*) Цит. по «Рѣчи», 10 апрѣля.

даже обсуждаютъ и спорятъ, какъ лучше класть камни, и какіе камни, и на какомъ цементѣ. Но въ самыхъ горячихъ спорахъ не чувствуется увѣренности, что постройки будутъ стоять, что фундаментъ укрѣпленъ на твердомъ основаніи. Наоборотъ наблюдателя поражаетъ какое-то странное безразличіе, странная готовность отмахнутъся и отъ техническихъ подробностей архитектурнаго плана, и отъ обсужденія самого плана:

— Э, пусть, молъ, строятъ!.. Э, не все ли равно? Вотъ кабы знать, что завтра отъ всѣхъ этихъ затѣй не останутся одни обломки...

Настоящее, серьезное вниманіе невольно сосредоточивается не на архитектурныхъ планахъ, а на изслѣдованіи грунта, не на оцѣнкѣ искусства зодчихъ, стоящихъ вверху, а на учетѣ возможностей, растущихъ снизу. И тѣмъ больше резона устремлять вниманіе именно въ эту сторону, что сейчасъ не только внизу, но и вверху создаются обстоятельства, чрезвычайно неожиданныя, назрѣваютъ комбинаціи, реально не опредѣлившіяся, но полныя грознаго смысла.

II.

...«Что же касается дѣйствій тверского (окружнаго) суда, то прокурору (московской?) судебной палаты повелѣно произвести разслѣдованіе» *)...

Такими словами «Русское Знамя» какъ бы завершаетъ характерную полемику между верховной управой союза русскаго народа, съ одной стороны, и тверскимъ окружнымъ судомъ съ другой. Полемика ведется болѣе двухъ лѣтъ. И возникла она главнымъ образомъ изъ-за тверскихъ братьевъ-помѣщиковъ Дмитрія, Алексѣя и Арсенія Хвостовыхъ. (Арсеній Хвостовъ въ концѣ прошлаго года покончилъ жизнь самоубійствомъ) **). Братья—богатые землевладѣльцы. На нихъ «работаетъ до 17 деревень» ***). Отношенія къ крестьянамъ довольно обострены. По осторожному отзыву помощника тверского уѣзднаго исправника Борисова, «крестьяне зовутъ Хвостовыхъ не иначе, какъ боярами, крѣпостниками». Особо непріязненно относились Хвостовы къ семьѣ Степана Чистова и къ Евстафію Волкову. Поводомъ же къ особой непріязни послужилъ купленный Степаномъ у братьевъ Хвостовыхъ участокъ земли. Потомъ Чистовъ продалъ этотъ участокъ Волкову. И между Волковымъ и Хвостовыми возникъ споръ изъ-за какихъ-то примыкавшихъ къ участку березокъ. Къ спору оказались причастными

*) Цит. по „Рѣчи", 26 марта.

**) Фактъ самоубійства удостовѣряется офиціальными данными. По мнѣнію же дѣятелей союза русскаго народа, Арсеній Хвостовъ убитъ изъ мести.

***) „Русск. Слово", 10 января 1908.

двѣ дочери Чистова—Вѣра Степановна и Дарья Степановна; обѣ служатъ около 25 лѣтъ учительницами въ школахъ тверского земства; и обѣ, повидимому, провинились передъ Хвостовыми въ томъ, что ихъ показаніе по случаю спорныхъ березокъ было въ пользу Евстафія Волкова. Волковъ — сельскій торговецъ. Учительница Дарья Степановна, по ея словамъ, «ни къ какимъ партіямъ не принадлежала, политикой не занималась,—ей, вдовѣ съ малолѣтними дѣтьми, не до того». Учительница Вѣра Степановна тоже далека отъ политики и тоже обременена дѣтьми. И сама по себѣ тяжба о березкахъ весьма далека отъ потрясенія какихъ бы то ни было основъ. Тѣмъ не менѣе ей былъ приданъ политическій оттѣнокъ. Сначала братья-помѣщики шли къ цѣли «законнымъ порядкомъ», какъ выразился на судѣ Дмитрій Хвостовъ. Между прочимъ, на учительницу Вѣру Степановну поступилъ цѣлый рядъ доносовъ. У нея четыре раза производились обыски. Однако, данныхъ, сколько-нибудь пригодныхъ, чтобъ обосновать обвиненіе въ политической неблагонадежности, обнаружить не удалось. И Хвостовы избрали другой путь.

18 декабря 1905 г., по словамъ обвинительнаго акта, братья Хвостовы послѣ обѣдни пригласили къ себѣ въ усадьбу *) псаломщика Орлова и крестьянина Вьюнова. За чаемъ и выпивкой помѣщики предложили своимъ гостямъ разгромить «Вѣрку и Астаху» (т. е. учительницу Вѣру Степановну и торговца Евстафія Волкова). Изъ усадьбы компанія отправилась къ крестьянину Бѣлову, у котораго, по случаю праздника, была пирушка. «Здѣсь Дмитрій Хвостовъ прочиталъ воззваніе союза 17 октября» и затѣмъ предложилъ немедленно срубить спорныя березы. Отправились рубить. Евстафій Волковъ сталъ было сопротивляться. «По послѣ угрозъ крестьянъ и стрѣльбы изъ револьвера со стороны стоявшихъ поодаль Хвостовыхъ» ушелъ домой. Рубка березъ продолжалась, однако, недолго. Работа, видимо, надоѣла. И компанія съ Хвостовыми во главѣ «отправилась къ псаломщику пить водку». О дальнѣйшемъ картинно повѣствуетъ слѣдующій отрывокъ изъ обвинительнаго акта (привожу дословно, цитируя по № «Русскаго Слова» отъ 8 января 1908 г.):

„Когда роспили водку, Дмитрій Хвостовъ спросилъ у псаломщика: „Есть ли у тебя Царскій портретъ?" Тотъ подалъ календарь съ портретомъ Государя. Поднявъ календарь Дмитрій Хвостовъ провозгласилъ: „Вѣруете ли въ Бога и нуженъ ли намъ Царь?"—„Вѣруемъ, ура"—отвѣчали присутствующіе. „Поднимайте руки кверху всѣ",—продолжалъ Дмитрій Хвостовъ. Всѣ подняли руки. Дмитрій Хвостовъ говорилъ: „Пусть Государь нашъ Императоръ отберетъ у меня землю и раздасть кому хочетъ, только не давать Вѣркѣ, Дашкѣ, Юхѣ и Астахѣ". Снова закричали „ура" и подняли руки. Дмитрій Хвостовъ продолжалъ: „Пусть я первый во главѣ подстрекатель и провокаторъ, и пусть за все буду отвѣтствовать я самъ,—пойдемъ сожжемъ Вѣрку

*) Дѣйствіе происходитъ въ с. Первитинѣ, Тверск. у.

и Дашку и запремъ ихъ мельницу, а потомъ и Астаху. Подымайте опять руки кверху!" Присутствовавшіе закричали: „ура, пойдемъ" и подняли руки. Когда поднимали руки, Дмитрій Хвостовъ произнесъ: „Кто выдастъ изъ васъ, тому пуля въ лобъ". Алексѣй Хвостовъ, обративъ вниманіе, что крестьянинъ Борисъ Михайловъ не поднимаетъ рукъ и не кричитъ „ура", подошелъ къ нему со словами: „Что же ты, волчье мясо, рукъ не поднимаешь и ура не кричишь?" Когда нѣкоторые изъ крестьянъ, видя, что происходитъ что-то недоброе, стали незамѣтно уходить, — Арсеній Хвостовъ замѣтилъ: „Водку пить пили, а теперь расходиться". И не пускалъ желающихъ уйти"

Отъ псаломщика изрядно выпившая компанія отправилась къ лавкѣ Евстафія Волкова. Здѣсь, опять-таки по словамъ обвинительнаго акта, Арсеній «полѣномъ вышибъ окно» Волкову, и братья скомандовали: «Бей, зажигай».

Алексѣй Хвостовъ стрѣлялъ изъ револьвера по направленію къ дому Дмитрій Хвостовъ рекомендовалъ зажигать „галдарейку возлѣ лавки". Когда стекла были выбиты, хвостовскій рабочій Новожиловъ влѣзъ въ окно, отперъ двери, и въ лавку вошли трое Хвостовыхъ и нѣсколько крестьянъ. Алексѣй и Арсеній стали выбрасывать головы сахару, а Дмитрій тѣмъ временемъ скомандовалъ: „Давай, Новожиловъ, зажигай"... Новожиловъ зажегъ полъ подъ бакомъ съ керосиномъ, но горѣло плохо. Тогда Дмитрій Хвостовъ взялъ листъ оберточной бумаги, открылъ кранъ бака, полилъ листъ керосиномъ и, оставивъ кранъ открытымъ, бросилъ бумагу на полъ. Пламя вспыхнуло. Всѣ бросились вонъ. Когда начался пожаръ, свидѣтель Василій Спиридоновъ побѣжалъ было домой, но на улицѣ его вновь поймали Алексѣй и Арсеній Хвостовы и заявили, что „пойдемъ Вѣрку зажигать..." *)

Волковъ съ семьей спасся бѣгствомъ. Бѣгствомъ спаслась и учительница Вѣра Степановна со своими дѣтьми. Затѣмъ Дмитрій Хвостовъ, увлекавшій крестьянъ въ декабрѣ 1905 г. воззваніями «союза 17 октября», сталъ крупнымъ дѣятелемъ и, если не ошибаюсь, замѣтнымъ жертвователемъ союза русскаго народа. Однако, замять неожиданный финалъ мелкаго дѣла о березкахъ не удалось. 7 января 1908 г. братья Хвостовы, псаломщикъ Орловъ и восьмеро крестьянъ предстали предъ тверскимъ окружнымъ судомъ, какъ обвиняемые въ погромѣ и умышленномъ поджогѣ *). Для защиты обвиняемыхъ союзъ выслалъ энергичнѣйшаго изъ своихъ юристовъ г. Булацеля. И надо отдать справедливость г. Булацелю,—отъ предсѣдателя требовалось огромное самообладаніе, чтобы довести процессъ до конца, не дозволяя столкнуть судебное разбирательство на путь скандаловъ и эксцессовъ.

Начать хотя бы съ того, что г. Булацель потребовалъ отъ прокурора «называть подсудимыхъ Хвостовыхъ по имени и отчеству, прибавляя каждый разъ: господинъ».

---

*) „Русск. Слово", 8 января 1908 г.

**) Дѣло, съ участіемъ сословныхъ представителей, слушалось въ Твери съ 7 по 12 января при открытыхъ дверяхъ. Подробный и обстоятельный отчетъ объ этомъ процессѣ былъ напечатанъ, между прочимъ, въ „Русскомъ Словѣ".

— Въ противномъ случаѣ,—пригрозилъ энергичный адвокатъ,— я буду называть свидѣтельницъ: «Вѣра такая-та».

Затѣмъ гражданскій истецъ присяжный повѣренный Шнейдманъ былъ названъ «защитникомъ убійцы губернатора Слѣпцова», но это выраженіе г. Булацель сумѣлъ произнести такъ, что слова: «защитникъ» «не было слышно даже въ первыхъ рядахъ зала». И такимъ образомъ, получилось, что г. Шнейдманъ «убійца губернатора Слѣпцова». Когда свидѣтели стали подтверждать уже знакомую намъ картину попойки и пьяныхъ клятвъ въ домѣ псаломщика, г. Булацель заявилъ:

— «Здѣсь систематически уничтожается въ глазахъ народа все дорогое».

И, наконецъ, помимо этихъ частностей, г. Булацель еще во время допроса первыхъ свидѣтелей счелъ долгомъ торжественно предупредить судъ:

— «Г. предсѣдатель,—заявилъ онъ—я выступаю съ поднятымъ забраломъ. Если бы, паче чаянія, приговоръ оказался обвинительнымъ, то о дѣлѣ будетъ доложено «высшему правительству»...

Подъ тяжестью этой недвусмысленной угрозы, судъ вынесъ хотя и мягкій, но обвинительный приговоръ *). А г. Булацель въ свою очередь доказалъ, что его угроза вовсе не пустой звукъ. 12 февраля въ «Рѣчи» сообщалось, что министръ юстиціи г. Щегловитовъ «затребовалъ изъ тверского окружнаго суда дѣло Хвостовыхъ». А въ концѣ марта «Русское Знамя» напечатало: «Предсѣдателю тверского отдѣла союза русскаго народа потомственному дворянину Д. Н. Хвостову и брату его А. Н. Хвостову, обвинявшимся въ разгромѣ революціоннаго гнѣзда въ тверскомъ у., ...тяжелое незаслуженное наказаніе, наложенное тверскимъ окружнымъ судомъ, а именно арестантскія отдѣленія, замѣнено домашнимъ арестомъ на одинъ мѣсяцъ, а всѣмъ прочимъ осужденнымъ крестьянамъ тюремное заключеніе замѣнено тоже арестомъ (но не домашнимъ?) на одинъ мѣсяцъ, съ возстановленіемъ всѣхъ обвиняемыхъ во всѣхъ правахъ» **).

Этотъ исходъ едва ли можно считать чѣмъ-либо особо выдающимся изъ цѣлаго ряда помилованій по дѣламъ о погромахъ въ Бессарабской, Подольской, Полтавской, Волынской, Кіевской, Псковской, Пермской и мн. другихъ губерніяхъ. Объ этихъ помилованіяхъ осужденныхъ то и дѣло приходится читать въ газетахъ. Необходимо, впрочемъ, сказать, что газетныя свѣдѣнія этого рода, повидимому, случайны и отрывочны. Напримѣръ, въ Черниговской губ., по собраннымъ мною газетнымъ свѣдѣніямъ, съ января н. г.

*) Обвиненіе было предъявлено по 269[1] (погромъ) и 1606 (умышленный поджогъ) стат. улож. о нак. Ст. 1606 угрожаетъ каторжными работами отъ 8 до 10 лѣтъ. Приговорены братья Хвостовы на 1½ года въ арестантскія отдѣленія.

**) Цит. по „Рѣчи", 26 марта 1908

по конецъ марта всего помиловано около 70 человѣкъ; между тѣмъ по подсчету мѣстнаго корреспондента «Кіевской Мысли», основанному, надо полагать, на болѣе точныхъ данныхъ, въ Черниговской губ. за январь и февраль нын. года помиловано до 200 человѣкъ осужденныхъ за анти-еврейскіе погромы **). Точно также относительно Полтавской губерніи я имѣю, по газетамъ, свѣдѣнія лишь о 18 помилованныхъ (съ января по мартъ). Однако, изъ той же Полтавской губерніи появилось, между прочимъ, слѣдующее сообщеніе, напечатанное «Рѣчью» 1 марта: «Въ послѣднее время замершая было дѣятельность союзниковъ вновь оживилась. Особые уполномоченные собираютъ справки въ окружномъ судѣ о всѣхъ обвинительныхъ приговорахъ по погромнымъ дѣламъ и затѣмъ возбуждаютъ ходатайства о помилованіи. До послѣдняго времени эти ходатайства удовлетворялись. На этой почвѣ идетъ усиленная агитація»... Вообще же говоря, обыватель успѣхамъ союза въ этомъ направленіи уже давно не удивляется. И особыхъ загадокъ тутъ не видитъ. Не даромъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ въ Смоленскѣ два приговоренныхъ къ смертной казни экспропріатора (Коновъ и Марченковъ) съ просьбою о помилованіи обратились прямо въ мѣстный отдѣлъ союза русскаго народа... **) Секретомъ освобождать осужденныхъ отъ наказанія верховная управа овладѣла въ совершенствѣ. Въ совершенствѣ владѣетъ она и обратнымъ секретомъ,—добиваться наказанія оправданныхъ по суду. Напомню хотя бы о новозыбковскомъ, Черниговской губ., торговцѣ Рубанѣ, который хотя и былъ оправданъ военнымъ судомъ, но освобожденъ изъ тюрьмы лишь послѣ особаго требованія предсѣдательствовавшаго на судѣ генерала Костенка, а затѣмъ, когда требованіе генерала было формально выполнено, снова посаженъ и сосланъ въ Вологодскую губ. ***) Рядомъ съ данными о Рубанѣ можно бы поставить извѣстіе изъ Воронежа, гдѣ «лица, оправданныя судебною палатой по дѣлу о желѣзнодорожной забастовкѣ, были (тѣмъ не менѣе) высланы изъ предѣловъ губерніи» ****). Можно бы напомнить и о многихъ другихъ аналогичныхъ фактахъ. Полагаю, однако, и безъ обширныхъ фактическихъ справокъ ясно, что министръ юстиціи, признавшій, согласно съ отзывомъ союза, уго-

*) „Кіевская Мысль", 8 марта 1908.

**) „Предсѣдательница (смоленскаго) отдѣла жена жандармскаго генерала Громыко отнеслась сочувственно къ этому ходатайству" и предполагала „хлопотать о смягченіи участи осужденныхъ",—цит. по „Вятской Рѣчи", 21 декабря 1907 г.

***) Преступленіе Рубана состояло въ томъ, что въ его магазинѣ скрылся отъ преслѣдованія тяжело раненый полицейскій надзиратель Подберезскій. Въ квартирѣ Рубана Подберезскій и умеръ отъ ранъ. А такъ какъ виновныхъ найти не удалось, то Рубанъ и былъ привлеченъ къ военному суду по обвиненію въ укрывательствѣ убійцъ. См. „Рѣчь", 19 января 1908 г.

****) „Рѣчь", 25 января 1908 г.

ловное наказаніе, наложенное судомъ на Хвостовыхъ, «не заслуженнымъ», поступилъ во всемъ согласно съ «законами сего времени». И удивляться тутъ нечему.

Относительно гражданскихъ исковъ, которые судъ призналъ подлежащими удовлетворенію, пока ничего неизвѣстно. Согласно приговору суда, Хвостовы, какъ поджигатели, обязаны уплатить, между прочимъ, губернскому земству, гдѣ было застраховано сгорѣвшее имущество, около 4000 р. Но если бы оказалось, что гг. Хвостовы освобождены и отъ возмѣщенія причиненныхъ ими убытковъ, я лично и это считалъ бы согласнымъ съ законами сего времени. Согласно съ законами сего времени и то, что мелочная лавка Евстафія Волкова, въ селѣ Первитинѣ, Тверского у., объявлена «революціоннымъ гнѣздомъ». Повидимому, эти страшныя слова понадобились, какъ тактическое средство, какъ мотивъ для всемѣрнаго смягченія приговора. Но разъ этотъ мотивъ объявленъ и признанъ, вполнѣ естественно и нисколько не удивительно, если изъ него будутъ сдѣланы и соотвѣтствующіе выводы. Вѣдь, если лавка есть революціонное гнѣздо, то хозяинъ ея Евстафій Волковъ—революціонный пристанодержатель, и, какъ таковой, подлежитъ... Подлежитъ полиція, производившая первоначальное дознаніе о пожарѣ и нашедшая лавку просто лавкой, а не гнѣздомъ. Подлежитъ слѣдователь, производившій слѣдствіе, прокуроръ, составлявшій обвинительный актъ, судъ, вынесшій обвинительный приговоръ, не взирая на предупрежденія и разъясненія г. Булацеля... И относительно суда, заподозрѣннаго руководителями «Русскаго Знамени» въ пособничествѣ и укрывательствѣ, мѣры, какъ мы видѣли, уже приняты. Будетъ вполнѣ послѣдовательно и логично, если въ одинаковомъ съ судомъ положеніи окажутся и всѣ досадившіе помѣщикамъ Хвостовымъ по этому дѣлу. Гораздо болѣе заслуживаетъ удивленія другое: какимъ образомъ и по какой причинѣ судъ, несмотря на тщательную очистку его отъ «неподходящихъ элементовъ» въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, оказывается все-таки не согласованнымъ съ видами начальства?

Вопросъ этотъ, пожалуй, не возникалъ бы, если бы въ столкновеніи съ верховной управой очутился только тверской судъ. Но въ томъ-то и дѣло, что тверской судъ вовсе не одинокъ. «Прокуроръ варшавской судебной палаты камергеръ Набоковъ, противъ котораго начата агитація союзниками, выѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ» *). «По дѣламъ службы въ Петербургъ» пришлось выѣзжать и прокурору одесской судебной палаты Поллану **). Послѣ доноса кіевскихъ союзниковъ выѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ прокуроръ кіевской палаты. Если не ошибаюсь, кое-какъ удовлетворяетъ союзниковъ одна лишь петербургская палата, да и

*) „Одесск. Нов.", 5 февраля, 1908 г.

**) „Одесск. Нов.", 27 марта, 1908 г.

то далеко не вполнѣ. Московская, варшавская, кіевская, харьковская, одесская состоятъ въ спискѣ неблагонадежныхъ. Неблагонадежнымъ, на оцѣнку «Русскаго Знамени», неоднократно оказывался сенатъ, и даже самъ министръ юстиціи Щегловитовъ. Забѣгая нѣсколько впередъ, напомню, что въ разрядѣ неблагонадежныхъ значится и г. Столыпинъ, и намѣстникъ на Кавказѣ Воронцовъ-Дашковъ, неблагонадежно министерство народнаго просвѣщенія, неблагонадеженъ министръ путей сообщенія и даже святѣйшій синодъ. .

«Учебныя заведенія,—читаемъ въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ союза русскаго народа,—всѣ вообще, но особенно высшія находятся въ полномъ разстройствѣ. Университеты и политехникумы являются разсадниками смуты и гнѣздами преступныхъ собраній. Духовныя семинаріи и академіи служатъ гораздо болѣе разрушенію, чѣмъ укрѣпленію вѣры. Судебныя власти и болѣе всего слѣдователи и прокуроры... преслѣдуютъ защитниковъ... власти и оставляютъ иногда безъ суда и отвѣтственности преступниковъ-революціонеровъ, даже убійцъ» *).

Это вообще. Въ частности же, напр., особое негодованіе верховной управы вызвали кіевскія судебныя учрежденія послѣ обвинительнаго приговора по дѣлу о погромѣ въ Кіевѣ. Негодованіе это, однако, вовсе не доказываетъ, что кіевскіе судьи дѣйствительно повинны въ политической неблагонадежности. Какъ извѣстно, предварительное и судебное слѣдствіе по дѣлу о погромѣ 1905 г. сумѣло гораздо меньше нарушить интересы союза, чѣмъ даже снисходительный отчетъ о «безпорядкахъ» въ Кіевѣ сенатора Турау. Передъ началомъ процесса «члены (кіевскаго) суда Абаза и Тутковичъ организовали защиту союзниковъ», а затѣмъ «образовали комиссію по сбору денегъ для раздачи обвиняемымъ» въ погромѣ **). Во время процесса представители гражданскихъ истцовъ сочли себя вынужденными заявить, что судъ ихъ лишаетъ всякой возможности выяснить истинную картину погрома, и удалились. Насколько вообще кіевскія судебныя учрежденія, казалось бы, мало заслуживаютъ упрека именно со стороны союзниковъ, можно видѣть по недавнему сообщенію изъ Радомысля, обошедшему почти всѣ газеты. Если вѣрить этому сообщенію, до сихъ поръ, впрочемъ, никѣмъ не опровергнутому, «помѣщикъ радомысльскаго у., Кіевской губ., Масловъ, желая разрушить невыгодные ему контракты по продажѣ лѣса, возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ своего управляющаго Мигоры и другихъ лицъ. Во время слѣдствія, вмѣсто судебнаго слѣдователя, допросъ велъ повѣренный Маслова, присяжный повѣренный (и членъ союза русскаго народа) Матусевичъ ***), склонявшій свидѣтелей

---

*) Цит. по „Кіев. Вѣстн.", 24 февраля 1908 г.

**) „Рѣчь", 12 декабря, 1907 г.

***) По словамъ „Кіевской Мысли", г. Матусевичъ изъ молодыхъ адво-

давать благопріятныя Маслову показанія и лично составлявшій протоколъ показаній» *)...

Этотъ эпизодъ изъ судебныхъ нравовъ новѣйшаго времени не даромъ въ газетахъ сопоставлялся съ другимъ эпизодомъ, пожалуй, не менѣе характернымъ. 14 марта, по словамъ «Голоса Москвы», въ сенатѣ разсматривался протестъ прокурора на оправдательный приговоръ витебскаго окружнаго суда по дѣлу Касперовича, обвинявшагося въ убійствѣ на почвѣ ревности. «Пересматривая бумаги (въ сенатѣ), Касперовичъ натолкнулся на личное письмо предсѣдателя витебскаго окружнаго суда Губерта на имя сенатора Варварина. Въ этомъ письмѣ Губертъ довольно откровенно сообщаетъ Варварину, что хотя поводовъ для протеста и нѣтъ, но если онъ найдетъ малѣйшую зацѣпку, пусть возвратитъ дѣло въ витебскій окружный судъ, послѣдній же при новомъ разбирательствѣ навѣрняка вынесетъ обвинительный приговоръ».. Надо замѣтить, что дѣло Касперовича разсматривалось и, въ случаѣ кассаціи, должно было разсматриваться «при участіи присяжныхъ засѣдателей». И разъ приспособляемость суда доведена до такого совершенства, что предсѣдатель считаетъ возможнымъ заранѣе гарантировать начальству обвинительный вердиктъ присяжныхъ, то о помѣщикѣ Масловѣ, ведущемъ предварительное слѣдствіе по своему дѣлу черезъ своего повѣреннаго, едва ли стоитъ много распространяться. Тутъ вполнѣ достаточно именно сопоставить оба факта, какъ иллюстрацію:

— Вотъ какъ приспособлено предварительное слѣдствіе. И вотъ какъ приспособленъ самый судъ.

Но именно такія рѣзкія и убѣдительныя иллюстраціи, какъ дѣло кіевскаго г. Матусевича, наиболѣе наглядно свидѣтельствуютъ, сколь условны заслуги г. Щегловитова, и до какой степени трудно установить взаимное пониманіе между нимъ и верховной управой. Обвиняемый Масловымъ и уже посаженный, въ порядкѣ предварительнаго заключенія, въ тюрьму Мигора узналъ, кѣмъ и какъ ведется слѣдствіе. Онъ подалъ жалобу. Ее пришлось передать судебному слѣдователю по особо-важнымъ дѣламъ Яценку. А судебный слѣдователь былъ вынужденъ «возбудить вопросъ о привлеченіи Матусевича къ суду по обвиненію въ подлогѣ и злоупотребленіяхъ» **). Правда, г. Матусевичъ обратился за помощью къ союзу. Союзники написали доносъ. «Кіевлянинъ» и «Русское Знамя» открыли кампанію противъ Яценка. По распоряженію министра юстиціи, г. Яценко

катовъ; до принадлежности къ союзу выступалъ, главнымъ образомъ, по дѣламъ, разсматриваемымъ мировыми судьями. Сталъ онъ замѣтнымъ въ Кіевѣ лицомъ лишь въ послѣднее время, и особенно въ связи съ слухами, что ему поручено слѣдить за настроеніемъ въ адвокатскихъ и судейскихъ кругахъ.

*) „Рѣчь", 14 марта, 1908 г.

**) Ibid.

переведенъ изъ Кіева въ Луцкъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, «начатое противъ Матусевича дѣло остается безъ движенія». Но, вѣдь, это пока. Мигора такъ или иначе будетъ требовать отвѣта на свою жалобу. Предположимъ, помѣщику Маслову, у коего часть имущества оказалась спорной, вовсе не обидно, что дѣло, возбужденное имъ противъ Мигоры, нельзя «двинуть», пока не разсмотрѣна жалоба, опорочивающая предварительное слѣдствіе. Но, вѣдь, есть третья сторона,—лѣсопромышленники, съ которыми желаетъ разрушить контракты г. Масловъ, и которымъ вполнѣ естественно добиваться скорѣйшаго рѣшенія, и притомъ рѣшенія благопріятнаго для нихъ, а стало быть, невыгоднаго для г. Матусевича и нежелательнаго союзу. Вмѣшательствомъ свыше болѣзненно задѣты и запутаны крайне сложные интересы многихъ лицъ. Суду, такъ или иначе связанному уставами, процессуальными формальностями и сроками, все-таки коллегіальному, въ самомъ себѣ заключающему разные взгляды и разныя теченія, приходится давать отвѣты на цѣлый рядъ встрѣчныхъ исковъ и встрѣчныхъ жалобъ. И надолго оставить дѣло о Матусевичѣ «безъ движенія» едва ли удастся.

Можно, на манеръ союзниковъ, печаловаться, что среди личнаго состава вѣдомства юстиціи есть «тайные кадеты». Все, молъ, шло прекрасно, но судебный слѣдователь Яценко оказался скрытымъ революціонеромъ и потому испортилъ дѣло. Можно, вслѣдъ за правительственною декларацiей въ 3-й Думѣ, сдѣлать выводъ, что необходима смѣняемость судей. Фактически смѣняемость установлена. И въ частности къ г. Яценку примѣнена. Но едва ли можно думать, что этотъ пострадавшій за исполненіе служебныхъ обязанностей судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, хоть сколько-нибудь заслужилъ упреки въ тайномъ кадетизмѣ. Въ видѣ поясненія позволю себѣ привести такой примѣръ. Въ томъ же Кіевѣ, въ театрѣ, у германскаго подданнаго Крушевскаго былъ вытащенъ кошелекъ съ деньгами. По заявленію обокраденнаго, полиція тутъ же задержала какого-то таинственнаго человѣка, при которомъ оказался паспортъ на имя Герштейна, разныя цѣнныя бумаги и деньги (пять 25-рублевыхъ бумажекъ), которыя г. Крушевскій призналъ своими. Былъ составленъ протоколъ. Дѣло для дальнѣйшаго дознанія поступило къ начальнику сыскной части. Начальникъ сыскной части, по словамъ «Кіевской Мысли», предложилъ г. Крушевскому прекратить дѣло, угрожая въ противномъ случаѣ возбудить уголовное преслѣдованіе за клевету. И германскій подданный поспѣшилъ дѣло прекратить. Затѣмъ снова въ театрѣ во время духовнаго концерта священникъ Соловинскій подвергся покушенію со стороны неизвѣстнаго карманнаго вора, который тутъ же былъ задержанъ. При немъ оказался подчищенный паспортъ на имя Попова, тѣ же цѣнныя бумаги, которыя были найдены у Герштейна, и по наружному виду Поповъ «ужасно

похожъ на Герштейна» *). Начальникъ кіевской сыскной полиціи совершенно смѣняемъ и гораздо меньше стѣсненъ формальностями, нежели судебный слѣдователь. Однако, есть и для него невозможное. Ему сравнительно легко было игнорировать улики противъ Герштейна. Относительно Попова съ подчищеннымъ паспортомъ это оказалось труднѣе. И попытка замять дѣло привела къ весьма скандальнымъ послѣдствіямъ, которыхъ ниже намъ придется коснуться. Во всякомъ случаѣ, нетрудно представить себѣ такую совокупность обстоятельствъ, когда даже начальникъ сыскной части окажется вынужденнымъ поступить такъ же, какъ поступилъ судебный слѣдователь Яценко, какъ поступила тверская уѣздная полиція, производившая первоначальное дознаніе по дѣлу о сгорѣвшей лавкѣ Евстафія Волкова въ селѣ Первитинѣ, какъ поступилъ кіевскій судъ, вынесшій до крайности смягченный, но все же обвинительный приговоръ погромщикамъ. Пока есть неустранимые законы, карающіе громилъ, убійцъ, воровъ, поджигателей etc., и пока есть неустранимыя улики, самый благонамѣренный и самый услужливый слѣдователь рискуетъ попасть въ положеніе кіевскаго г. Яценка.

Конечно, при надлежаще оборудованномъ личномъ составѣ суда многаго можно достигнуть и при условіи неустранимыхъ уликъ. Въ видѣ примѣра, напомню хотя бы характерное дѣло объ оскорбленіи начальника станціи Аткарскъ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ по желѣзной дорогѣ черезъ Аткарскъ проѣзжалъ саратовскій епископъ Гермогенъ. Къ приходу поѣзда собрались мѣстные союзники съ чиновникомъ удѣльнаго вѣдомства Глѣбовымъ во главѣ. Епископъ обратился къ нимъ съ рѣчью. Пока онъ говорилъ, назначенное по расписанію время для остановки поѣзда кончилось. Третій звонокъ, и поѣздъ двинулся дальше, прежде чѣмъ союзный епископъ успѣлъ окончить свое слово. Союзники возмутились. Г. Глѣбовъ «набросился на начальника станціи съ бранью, называя его мерзавцемъ, говоря, что всѣ здѣсь забастовщики, всѣхъ нужно бить и вѣшать». Былъ составленъ протоколъ. И 20 марта дѣло разсматривалось въ Аткарскѣ. На судѣ свидѣтели подтвердили фактъ оскорбленія. Однако, судья, принимая во вниманіе, что начальникъ станціи, дерзнувшій отправить поѣздъ согласно расписанію, «отнесся безъ должнаго уваженія къ высокопоставленному лицу», призналъ обвиняемаго Глѣбова заслуживающимъ снисхожденія и наложилъ на него штрафъ въ 5 р. **). Повторяю, достигнуть при надлежащемъ личномъ составѣ можно многаго. И всетаки Глѣбовъ, хотя и «защитникъ власти», хотя обнаружилъ патріотическую ревность, но его не наградилъ судья, а приговорилъ. Начальникъ станціи, дерзнувшій подчиняться своимъ служебнымъ правиламъ,

*) „Кіевская Мысль“ 4 апрѣля 1908.

**) „Сѣверъ“, 30 марта 1908.

а не желанію проѣзжающаго епископа Гермогена, правда, подвергся замаскированному выговору въ мотивахъ судебнаго приговора, однако, болѣе ощутительнымъ образомъ за «неуваженіе къ высокопоставленному лицу» не наказанъ. И даже не можетъ быть привлеченъ къ судебной отвѣтственности за это несомнѣнное на оцѣнку верховной управы преступленіе. Очевидно, у верховной управы есть безспорные, съ ея точки зрѣнія, резоны гнѣваться на судебную власть. Но, очевидно, также, что никакими перетасовками личнаго состава г. Щегловитову не удастся устранить этотъ гнѣвъ.

На первый взглядъ можетъ показаться, что виновато тутъ «несовершенство законовъ». Судебные уставы 1864 г. хотя и урѣзаны самымъ существеннымъ образомъ, однако, отъ нихъ еще остается нѣкоторый общій духъ, не позволяющій нынѣшнему суду быть вполнѣ гибкимъ, въ совершенствѣ приспособленнымъ къ политическимъ обстоятельствамъ времени. То-ли дѣло, напр., нынѣшній военный судъ. И несомнѣнно, остатки судебныхъ уставовъ играютъ нѣкоторую роль. Думаю, однако, что дѣло тутъ не въ однихъ остаткахъ. Въ военномъ судѣ, пожалуй, остатковъ нѣтъ. Но мы видѣли по дѣлу, напр., упомянутаго выше новозыбковскаго торговца Рубана, что и военный судъ не такъ ужъ обязательно соотвѣтствуетъ видамъ и предположеніямъ союза. И дѣло Рубана вовсе не единственный примѣръ. Можно бы напомнить одесскій процессъ, возникшій по доносу мѣстнаго союзника Мельникова, увѣрявшаго, что его какіе-то таинственные «жиды» въ какомъ-то таинственномъ мѣстѣ подвергли истязанію. Доносъ былъ настолько болѣзненно-вздоренъ, что повѣрить ему сумѣли только органы печати, близкіе къ союзу. И дѣло приняло тѣмъ болѣе обидный для союзнаго самолюбія оборотъ, что даже Мельниковъ не сумѣлъ указать мѣсто, гдѣ его якобы подвергали истязанію. Однако, одесская администрація не затруднилась найти обвиняемыхъ и назначить надъ ними военный судъ. Послѣднимъ былъ вынесенъ оправдательный приговоръ. Въ отвѣтъ на это послѣдовало принятіе Мельникова на полицейскую службу и назначеніе его околоточнымъ надзирателемъ въ Ялту. Можно бы привести на справку и еще кое-какіе примѣры безшумной полемики между военнымъ судомъ и союзниками. Но дѣло не только въ полемикѣ. 14 іюня прошлаго года въ Одессѣ 30 вооруженныхъ союзниковъ совершили нападеніе «на вдову убитаго въ Турціи русскаго консула Екатерину Ростковскую, шедшую съ дѣтьми въ сопровожденіи гувернантки и учителя». Полиція тотчасъ же стала на ту точку зрѣнія, что нападавшіе представляли собою «нарядъ для охраненія порядка» *). И, по ея мнѣнію, этотъ аргументъ не усугублялъ вину нападавшихъ, а сни-

*) „Рѣчь", 16 іюня 1907. Нападавшіе набросились на семью Ростковскихъ съ крикомъ: „это жиды, мучители Мельникова". Г-жа Ростковская съ дѣтьми „едва спаслась бѣгствомъ".

малъ съ нихъ отвѣтственность. Весьма понятно, почему дѣло о нападеніи на семью Ростковскихъ не было передано въ военный судъ,—вѣдь, это угрожало бы союзникамъ весьма печальными последствіями. Или, въ той же Одессѣ недавно союзникъ Кунцендорфъ ограбилъ 16-лѣтнюю дѣвочку и былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія. По газетнымъ свѣдѣніямъ, Кунцендорфъ до этого грабежа подвергался административному преслѣдованію, между прочимъ, за участіе въ разгромѣ трактира «Аѳины», въ нападеніи на ресторанъ «Эрмитажъ» и въ избіеніи содержателя меблированныхъ комнатъ Альтмана. За ограбленіе дѣвочки предположено подвергнуть также административному взысканію. «Сыскная полиція представила его къ удаленію изъ предѣловъ одесскаго градоначальства» *). Какъ отнесся генералъ Толмачевъ къ этому представленію, мы не знаемъ. Но если бы онъ и приговорилъ Кунцендорфа къ удаленію, то въ его власти когда угодно даровать Кунцендорфу амнистію. Военный же судъ, какъ извѣстно, по дѣламъ объ ограбленіи нерѣдко выноситъ смертные приговоры.

Графъ Дорреръ очень хвалитъ военные суды, пока они угрожаютъ тому же хотя бы Евстафію Волкову, если бы онъ совершилъ вооруженное нападеніе на усадьбу Хвостовыхъ и учинилъ поджогъ. Но если бы и Хвостовы за учиненное ими подверглись дѣйствію военно-полевой юрисдикціи, графъ Дорреръ, навѣрное, былъ бы другого мнѣнія. Военный судъ для его апологетовъ хорошъ, пока онъ имѣетъ исключительно одностороннее примѣненіе, и хорошъ постольку, поскольку вообще хороша въ цѣляхъ политической борьбы многообразная подсудность, позволяющая въ одной и той же мѣстности совершенно одинаковыя по юридическимъ признакамъ дѣла направлять, сообразуясь съ тѣмъ, какой желателенъ исходъ. Это дѣлаетъ судебный аппаратъ необыкновенно гибкимъ, до болѣе или менѣе полнаго приближенія къ единоличному административному воздѣйствію. Благодаря военнымъ судамъ, инстанція, отъ которой зависитъ, по какимъ законамъ направлять дѣла,—по военнымъ или по гражданскимъ, получаетъ возможность не только примѣнять смертную казнь, но и до извѣстной степени предрѣшать смертные приговоры. Въ государственной системѣ, основанной на чисто личномъ режимѣ, широкое примѣненіе военныхъ судовъ дѣлаетъ почти безграничнымъ право управляющихъ распоряжаться жизнью и смертью управляемыхъ. Внѣ этихъ политическихъ соображеній, союзники имѣютъ полное основаніе для себя лично не желать военнаго судопроизводства.

Есть, наконецъ, и нѣкоторыя общія соображенія. Возьмите то же хотя бы кіевское дѣло Матусевича-Маслова-Мигоры. Въ настоящее время суть его сводится къ вопросу: имѣютъ силу договорныя условія, заключенныя помѣщикомъ Масловымъ

*) Цит. по „Сѣверу“, 21 февраля 1908.

черезъ своего довѣреннаго съ лѣсопромышленниками, или не имѣютъ? А за этой частностью встаетъ болѣе важный принципіальный вопросъ: какую вообще силу могутъ имѣть договорныя условія, разъ одна изъ договорныхъ сторонъ, сумѣвшая заручиться поддержкою союза русскаго народа, оказывается въ чрезвычайно привилегированномъ положеніи? Съ этимъ общимъ вопросомъ верховная управа, повидимому, не сталкивается, — ей важно лишь защитить г. Матусевича. Но кіевской прокуратурѣ придется такъ или иначе отвѣтить на претензіи заинтересованныхъ въ дѣлѣ лѣсопромышленниковъ. Г. Матусевичъ нашелъ защиту въ верховной управѣ. Но, вѣдь, и его гражданскіе противники не вовсе беззащитны. Какъ бы тамъ ни было, но подъ шумъ революціи около 50 организацій промышленниковъ объединились и создали свой представительный органъ—«совѣтъ съѣздовъ». Совѣтъ съѣздовъ имѣетъ резиденцію въ Петербургѣ. Его «департаменты, расположенные въ обширной квартирѣ на Невскомъ проспектѣ, оборудованы не хуже любого министерства». Здѣсь сосредоточены огромныя матеріальныя средства. «Сюда стекаются матеріалы и ходатайства со всѣхъ концовъ Россіи» *). Совѣту съѣздовъ, говорятъ, нѣтъ дѣла до конституціи. Но къ вопросу о томъ, чтобы обязательства договорныхъ отношеній не зависѣли отъ каприза союзниковъ, онъ не можетъ быть равнодушенъ. И съ претензіями гражданскихъ противниковъ г. Матусевича, хотя бы въ самой общей и принципіальной формѣ, министру юстиціи такъ же необходимо считаться, какъ и кіевскимъ прокурорамъ. Ни прокуроры, ни министръ юстиціи не могутъ отнестись къ этимъ претензіямъ съ такимъ же голымъ отрицаніемъ, съ какимъ относится верховная управа. Не могутъ, даже если бы хотѣли, ибо это люди достаточно грамотные,—должны понимать, что съ вопросомъ о гарантіяхъ по договорнымъ обязательствамъ связано, помимо всего прочаго, положеніе государственнаго кредита. Необходимость заставляетъ лавировать между Сциллой верховной управы и Харибдой неустранимыхъ претензій жизни. И какой судъ ни вводи, хоть военный, хоть полицейскій, онъ будетъ вынужденъ считаться съ неустранимыми претензіями жизни едва ли меньше, чѣмъ нынѣ считается г. Щегловитовъ.

Правда, за послѣднее время мы видѣли не мало попытокъ возродить единоличный воеводскій судъ, который ни съ чѣмъ, кромѣ желаній союза русскаго народа, не считается. Въ Одессѣ, напр., нѣсколько уволенныхъ отъ службы дворниковъ, состоящихъ членами союза, пожаловались генералу Толмачеву. И 20 марта н. г. послѣдовалъ приказъ домовладѣльцамъ: такъ какъ замѣчены случаи увольненія дворниковъ за принадлежность къ союзу, то впредь о каждомъ увольненіи дворника будетъ производиться раз-

*) „Сѣверо-Зап. Голосъ", 29 марта 1908 г.

слѣдованіе. (А не принадлежащій къ союзу можетъ быть уволенъ полиціей?) Получивъ такимъ образомъ власть надъ домовладѣльцами, мѣстный отдѣлъ союза пошелъ дальше и подалъ «доносъ, въ которомъ весь служебный персоналъ второго одесскаго христіанскаго кладбища, отъ смотрителя до могильщиковъ включительно, объявляется политически неблагонадежнымъ» *). И быть можетъ, кладбищенскія мѣста союзъ также возьметъ съ бою, какъ уже взяты мѣста сторожей въ новороссійскомъ университетѣ. Такими анекдотами сейчасъ полна россійская дѣйствительность. Но, вѣдь, это—именно анекдоты, отъ которыхъ краснѣютъ даже дѣятели «Освѣдомительнаго Бюро». Это—доказательство, до какой степени скандально воеводскій судъ не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ жизни. И поскольку эти условія неустранимы, поскольку они обязываютъ даже «министровъ, обладающихъ всею полнотою власти», г. Щегловитовъ, несмотря на всѣ его личныя качества и чрезвычайное служебное усердіе, обреченъ на постоянный конфликтъ съ тѣми надзвѣздными сферами, гдѣ находится главный штабъ верховной управы.

III.

Дѣло, разумѣется, не въ одномъ г. Щегловитовѣ. И не одна «судебная власть» подвергается нареканіямъ союза. Со стороны союзниковъ, между прочимъ, ведется усиленная кампанія противъ кавказскаго намѣстника гр. Воронцова-Дашкова. Чѣмъ именно вызвалъ гр. Воронцовъ-Дашковъ неудовольствіе союза, на первый взглядъ, понять мудрено. Этотъ администраторъ, казалось бы, меньше всего заслужилъ упрекъ въ неблагонадежности. Организованныя имъ карательныя экспедиціи 1905—1906 гг. были поистинѣ образцомъ усмирительной тактики. Онъ остается непоколебимымъ въ смыслѣ борьбы съ крамолой и до сихъ поръ. Въ его резиденціи Тифлисѣ не такъ давно былъ «отстраненъ отъ должности помощникъ полицейскаго пристава 10 участка Гватуа за выдачу передъ выборами нынѣшнему депутату Чхеидзе удостовѣренія о занятіи имъ отдѣльной квартиры» **). Нѣсколько раньше въ Озургетахъ, «по приглашенію генералъ-губернатора Толмачева, состоялось многолюдное собраніе гурійскихъ дворянъ и князей для обсужденія вопроса о мѣрахъ борьбы съ революціонными организаціями и въ частности съ соціалъ-демократами. Генералъ-губернаторъ предложилъ: 1) назвать всѣхъ неблагонадежныхъ лицъ, обѣщая назначить сельскими стражниками дво-

---

*) „Сѣверъ“, 29 марта 1908 г.

**) „Южная Заря“, 16 января 1908 г. Избирательныя права г. Чхеидзе несомнѣнны. И приставъ Гватуа въ данномъ случаѣ лишь исполнялъ „законную обязанность“.

рянъ, вмѣсто крестьянъ; 2) образовать дворянскую организацію для борьбы съ крамолой. Слова генералъ-губернатора встрѣчены собраніемъ съ энтузіазмомъ». Дворяне и князья «отслужили молебенъ, пропѣли народный гимнъ» и назвали лицъ, которыхъ они считаютъ неблагонадежными *). Совсѣмъ недавно нашумѣло не менѣе безпримѣрное обязательное постановленіе генералъ-губернатора Кубанской области г. Бабича: «1) безусловно воспрещается выходъ на улицы съ 8 ч. вечера до 4 ч. утра; 2) съ 8 ч. вечера должны быть закончены богослуженія въ церквахъ, вся торговля, движеніе трамвая и т. д.; 3) лица медицинскаго персонала, врачи къ серьезно больнымъ, акушерки къ роженицамъ и т. п. приглашаются заранѣе; 4) отправляющіеся на поѣздахъ желѣзной дороги, уходящихъ въ періодъ запретнаго времени, прибываютъ на вокзалъ съ 8 ч. вечера; пріѣзжающіе въѣзжаютъ въ городъ не ранѣе 4 ч. утра; 5) воспрещается хожденіе по улицамъ группами; ходить вмѣстѣ разрѣшается не болѣе, какъ 2 взрослымъ» **)...

Здѣсь не мѣсто характеризовать особенности ликвидаціонной политики на Кавказѣ. Но и эти немногіе примѣры свидѣтельствуютъ, что кавказское намѣстничество, по пріемамъ борьбы съ крамолой, даетъ не превзойденные образцы и по прежнему служитъ школой для подготовки такихъ выдающихся въ своемъ родѣ администраторовъ, какъ генералы Толмачевъ и Думбадзе. Бѣда, однако, въ томъ, что заслугами по истребленію крамолы дѣятельность гр. Воронцова-Дашкова не исчерпывается. «Кутаисское губернское правленіе возбудило уголовное преслѣдованіе противъ озургетскаго уѣзднаго начальника, извѣстнаго усмирителя Гуріи капитана Ермолова, за слѣдующія преступленія по должности: 1) за отданный имъ приказъ сжечь домъ Донадзе въ Озургетахъ, причемъ въ протоколѣ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ сожженіе дома, помѣстилъ ложныя свѣдѣнія; 2) за неправильное требованіе отъ аскайскаго сельскаго общества 1000 руб. подъ видомъ добровольнаго взноса на розыскъ преступниковъ; 3) за вымогательство денегъ у многихъ другихъ лицъ». То же кутаисское губернское правленіе, «разсмотрѣвъ дѣло бывшаго пристава ланчхутскаго участка озургетскаго уѣзда Макеева, обвиняемаго въ отдачѣ стражникамъ и казакамъ приказанія грабить лавки», хотя, «въ виду разнорѣчивости свидѣтельскихъ показаній и не усмотрѣло достаточно подтверждающихъ обвиненіе данныхъ», однако, принимая во вниманіе, что «на станціи Ланчхуты въ вещахъ стражника Бринцева обнаружены» ограбленные изъ лавокъ «предметы и товары», постановило: возбудить противъ Макеева и Бринцева уголовное преслѣдованіе ***). Ермоловъ

*) „Кіевскія Вѣсти“, 26 ноября 1907 г.
**) Цит. по „Тереку“, 15 марта 1908 г.
***) „Рѣчь“, 9 апрѣля 1908 г.

и Макеевъ—близкіе къ союзу люди. Изъ нихъ Макеевъ нынѣ служитъ въ Одессѣ приставомъ (повышеніе получено имъ, когда возникло дѣло о разгромѣ Ланчхуты). А г. Ермоловъ до постановленія о немъ кутаисскаго губернскаго правленія предназначался на должность полицеймейстера также въ Одессу. Не менѣе близокъ къ союзу протоіерей Восторговъ, относительно котораго въ томъ же кавказскомъ намѣстничествѣ въ 1906 г. возникло дѣло по обвиненію въ растратѣ, неправильной записи денежныхъ суммъ и въ нѣкоторыхъ другихъ поступкахъ, упоминаніе о которыхъ, по отзыву «Саратовскаго Вѣстника», «неудобно для печати» *)... При всемъ несомнѣнномъ сочувствіи цѣлямъ и задачамъ союза, гр. Воронцовъ-Дашковъ вынужденъ силою вещей настаивать на сохраненіи хотя бы только нѣкоторыхъ основъ гражданскаго правопорядка. Въ этомъ, насколько я понимаю, и заключается несчастье кавказскаго намѣстника. Въ этомъ и секретъ значительнаго противъ него недовольства.

Я далекъ отъ мысли приписывать гр. Воронцову-Дашкову чрезмѣрную любовь къ гражданскому правопорядку. Бываютъ, однако, въ дѣятельности каждаго администратора такіе случаи, когда немыслимо стоять лишь на политической точкѣ зрѣнія, какъ ее понимаетъ союзъ. Я упоминалъ выше о таинственныхъ Герштейнѣ и Поповѣ въ Кіевѣ. Арестованный по обвиненію въ карманной кражѣ Герштейнъ былъ освобожденъ начальникомъ сыскной полиціи, скрылся, и дѣло его умерло («Кіевск. Вѣсти», 5 апрѣля). Въ ту пору была возможность подойти къ скандальному происшествію именно съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности. Но вотъ арестованъ по обвиненію въ карманной кражѣ Поповъ. Вмѣшивается мировой судья, постановившій содержать Попова подъ арестомъ до суда. Правда, по разсказамъ городовыхъ Василенка и Глотова, конвоировавшихъ арестованнаго, около нихъ «въ камерѣ мирового были какіе-то агенты сыскной полиціи», а по дорогѣ отъ мирового «они вмѣстѣ съ Поповымъ зашли въ какой-то трактиръ, гдѣ пили водку», и въ результатѣ конвоируемый бѣжалъ и скрылся **). Политическая цѣлесообразность снова восторжествовала. Но городовыхъ Василенка и Глотова пришлось отдать подъ судъ, начальника сыскного отдѣленія Асланова «смѣстить». Вслѣдъ за одною «непріятностью» на сцену выступилъ цѣлый рядъ другихъ. Выяснилось, напр., что 9 апрѣля, приблизительно черезъ недѣлю послѣ бѣгства обвиняемаго въ воровствѣ Попова, сыщикъ Поповъ ворвался въ квартиру г-жи Путрешъ и, угрожая послѣдней мѣрами полицейскаго воздѣйствія, потребовалъ немедленнаго удовлетворенія его любовныхъ чувствъ. Выяснилось, что помимо этихъ эпизодическихъ выступленій все вообще сыскное отдѣленіе систематически

---

*) „Сар. Вѣст.", 29 февраля 1908 г.
**) „Кіевск. Вѣсти" 5 апрѣля.

промышляло воровствомъ и укрывательствомъ воровъ, угрозами вынуждало обокраденныхъ прекращать дѣла, укрывало игорные притоны и притоны разврата (см. «Кiев. Вѣсти», 11 и 12 апрѣля). Замять всѣ эти разоблаченiя на сей разъ оказалось не такъ легко, какъ недавно было замято газетное извѣстiе: «командированный департаментомъ полицiи для ревизiи кiевскаго охраннаго отдѣленiя чиновникъ Беклемишевъ установилъ, что заговоръ противъ генералъ-губернатора Сухомлинова былъ организованъ при участiи агентовъ охраны» («Сѣверъ», 20 февраля). Но это еще, разумѣется, не значитъ, что теперь виновные будутъ безпощадно наказаны, или что полицейская карьера г. Асланова совершенно окончена. Это значитъ лишь, что кiевской администрацiи пришлось стать передъ необходимостью оффицiально высказаться о дѣйствiяхъ подчиненнаго ей сыскного отдѣленiя съ точки зрѣнiя гражданскаго правопорядка, тогда какъ до сихъ поръ политическiя соображенiя обязывали утверждать, что кiевскiе сыщики, какъ и всѣ вообще правительственные агенты, дѣйствуютъ только на точномъ основанiи закона.

Пожалуй, еще болѣе поучительна нашумѣвшая въ послѣднее время исторiя «персидскаго консула» въ Одессѣ г. Зайченка. Г. Зайченко почему-то пользуется репутацiей русскаго патрiота. «Нѣсколько лѣтъ назадъ, по словамъ «Рѣчи», начато было слѣдствiе о растлѣнiи Зайченкомъ малолѣтнихъ дѣвочекъ, которыхъ онъ купилъ у какого-то швейцара... Одесское болото всколыхнулось. Зайченко былъ не одинъ. На совѣсти другихъ, выше стоящихъ, было тоже не мало загубленныхъ дѣтскихъ душъ... Персидскiй консулъ нашелъ себѣ защиту въ лицѣ мѣстной администрацiи... Всякiе слухи о слѣдствiи прекратились... Онъ, впрочемъ, на нѣкоторое время исчезъ изъ Одессы». Но когда господиномъ положенiя оказался союзъ русскаго народа, «г. Зайченко вернулся въ Одессу и былъ возстановленъ въ чинѣ консула» *). А затѣмъ въ одесскихъ газетахъ стали появляться замѣтки о какомъ-то таинственномъ незнакомцѣ, который, имѣя внушающую довѣрiе внѣшность пожилого человѣка, завлекаетъ ученицъ женскихъ гимназiй съ цѣлями разврата. Мѣсяца 3 назадъ въ числѣ жертвъ таинственнаго незнакомца оказалась ученица 5 класса одной изъ женскихъ гимназiй. Дѣвочка написала подругамъ письмо о своемъ несчастьи. Письмо произвело сильное впечатлѣнiе. Исторiя получила огласку. Сотрудникъ «Одесскихъ Вѣдомостей» докторъ Цѣновскiй произвелъ разслѣдованiе. И 17 февраля н. г. въ «Одесскихъ же Новостяхъ» была напечатана статья, подъ заглавiемъ: «Кто виноватъ?» Въ ней излагалось, между прочимъ, слѣдующее (опускаю слишкомъ сильные, хотя и вполнѣ оправдываемые обстоятельствами эпитеты):

„Есть въ Одессѣ одинъ..., который числится по какому-то экзотическому

*) Цит. по „Кiев. Вѣстямъ“, 8 апрѣля 1908 г.

вѣдомству, и который въ теченіе цѣлаго уже ряда лѣтъ занимается спеціально тѣмъ, что соблазняетъ и совращаетъ гимназистокъ, большею частью подростковъ, почти дѣтей. Дѣлаетъ онъ это у себя въ домѣ, гдѣ у него есть спеціально приспособленная для этой цѣли конспиративная квартира, или же въ какомъ-нибудь наемномъ помѣщеніи,—меблированныхъ комнатахъ Либмана, „Бристолѣ" и т. д. И дѣлаетъ такъ: когда дѣвочки идутъ съ уроковъ къ себѣ домой, онъ поджидаетъ ихъ на ближайшемъ углу или даже у самыхъ воротъ гимназіи. Завязывается какъ будто случайное знакомство, благо съ дѣтьми это совсѣмъ не такъ трудно. Потомъ предлагаются билеты въ театръ, ложа, конфекты, катанье, ужинъ... Сдѣлать все остальное опытному... совсѣмъ ужъ не такъ трудно... Той дѣвочкѣ, о которой идетъ рѣчь, немногимъ болѣе 14 лѣтъ. И когда изъ ея похожаго на гипнотическій бредъ письма узнали, что случилось, всполошилась вся гимназія. Заволновались всѣ. Дали знать матери, и дѣвочку убрали изъ гимназіи... Но потомъ выяснилось, что примѣръ этотъ не единственный, и что есть въ той же гимназіи и другія дѣвочки", ставшія жертвой чиновника „экзотическаго вѣдомства". „А дальше оказалось, что и гимназія эта не единственная, и что есть гимназіи и другія, вокругъ которыхъ разложилъ свои сѣти старый подкрашенный и нафабренный"...

Безъ сомнѣнія, въ такихъ случаяхъ нафабренные «чиновники», независимо отъ своихъ связей съ администраціей, довольно долго могутъ разсчитывать на безнаказанность. Соблазненныя часто скрываютъ свое несчастье даже отъ родителей. Нерѣдко стараются скрыть это и родители. И лишь тогда, когда нѣсколько учениць были доведены до самоубійства, когда подруги 14-лѣтней исключенной изъ гимназіи имѣли мужество заявить: она не одна, исключайте и другихъ, могли получиться столь опредѣленныя указанія, что слѣдственная власть, если даже у нея не было никакихъ данныхъ по этому дѣлу, получила бы необходимыя свѣдѣнія при помощи простой справки въ редакціи «Одесскихъ Новостей», или вызова «въ камеру» доктора Цѣновскаго, — кстати сказать, по отзывамъ газетъ, очень популярнаго въ Одессѣ. Но дѣло о систематическомъ развращеніи учениць, судя по всему, продолжало разсматриваться съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности, хотя сенсаціонныя разоблаченія «Одесскихъ Новостей» естественно вызвали въ городѣ шумъ. Только черезъ полтора мѣсяца (въ началѣ апрѣля) къ доктору Цѣновскому обратился не слѣдователь, а персидскій консулъ черезъ своихъ офиціальныхъ повѣренныхъ съ заявленіемъ, что онъ узнаетъ себя въ статьѣ «Кто виноватъ» и предлагаетъ автору статьи третейскій судъ. Отъ третейскаго суда г. Цѣновскій резонно отказался, и не менѣе резонно далъ персидскому консулу полное основаніе обратиться къ коронному суду.

«Да,—заявилъ г. Цѣновскій въ «Одесскихъ Нов.»—говоря о лицѣ, которое поджидаетъ дѣвочекъ у воротъ гимназіи, задариваетъ ихъ билетами въ театръ, конфектами, подарками и затѣмъ соблазняетъ, я имѣлъ въ виду васъ—персидскаго консула Ивана Ивановича Зайченко».

Г. Зайченко къ коронному суду предпочелъ не обращаться и организовалъ кулачную расправу съ докторомъ Цѣновскимъ въ театрѣ. Если хотите, дѣло о многихъ соблазненныхъ и даже дове-

денныхъ до самоубійства гимназисткахъ и до сихъ поръ разсматривается съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности. По крайней мѣрѣ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, что по этому дѣлу начато въ судебномъ порядкѣ слѣдствіе. Нѣтъ свѣдѣній и о томъ, что всесильный въ Одессѣ г. Толмачевъ счелъ нужнымъ произвести административное дознаніе. Союзный органъ «Русская Рѣчь» (офиціозъ градоначальника) довольно недвусмысленно взялъ г Зайченка подъ свою защиту. Столь же недвусмысленно повело себя и «Новое Время». Кулачную расправу въ театрѣ оно изложило по «Русской Рѣчи» въ томъ смыслѣ, что г. Цѣновскій — клеветникъ, а г. Зайченко — оклеветанный, которому ничего не оставалось, какъ отвѣтить на обвиненія пощечиной *). Затѣмъ послѣ «скандала въ театрѣ» въ «Одесскихъ Новостяхъ» были рядомъ напечатаны письмо г. Зайченка и уничтожающій отвѣтъ на это письмо доктора Цѣновскаго. «Новое Время» (см. № отъ 8 апрѣля, стр. 5) тотчасъ же перепечатало письмо «персидскаго консула» читателямъ газеты такъ и осталось неизвѣстнымъ, что на это письмо существуетъ отвѣтъ. «Политическая цѣлесообразность», такимъ образомъ, до извѣстнй степени торжествуетъ. Однако, нѣсколько лѣтъ назадъ одесскимъ газетамъ было запрещено писать о прежнемъ дѣлѣ Зайченка. Нынѣ г. Толмачевъ имѣлъ полную возможность снова запретить, а доктора Цѣновскаго выслать. И все-таки докторъ Цѣновскій пока, слава Богу, не высланъ, а газеты писали, даже намекали, что, кромѣ г-на Зайченка, къ дѣлу о развращеніи ученицъ причастны другія лица, даже «цѣлый рядъ лицъ». Это— хотя и пассивный, но офиціально выраженный отвѣтъ на вопросъ о томъ, позволительно ли лицу, извѣстному патріотическимъ образомъ мыслей, заниматься тѣмъ, въ чемъ обвиняютъ г. Зайченка. Правда, одесскимъ газетамъ пришлось писать не долго. Онѣ вдругъ какъ-то сразу умолкли. А всетаки втеченіе нѣсколькихъ дней у г. Толмачева не хватало рѣшимости принять мѣры. Какъ бы ни велико было желаніе защищать людей, всегда готовыхъ на активную борьбу съ крамолой, но необходимость дать отвѣтъ все-таки остается необходимостью, передъ которой, хотя бы лишь на нѣсколько дней, пасуютъ дѣятели гораздо болѣе властные, нежели одесскій правитель.

Г. Столыпинъ тоже умѣетъ цѣнить активныхъ борцовъ съ революціей. Однако, исторія г-на Гурко заставила принять мѣры, хотя бы и не очень строгія. Заслуги генерала Рейнбота и по его дѣятельности въ Финляндіи, и въ особенности по управленію Москвою, конечно, высоко оцѣнены. Однако, обстоятельства сложились такъ, что пришлось назначить сенатора Гарина для ревизіи,—относительно результатовъ ея, впрочемъ, мы пока имѣемъ

*) См. замѣтку: „Скандалъ въ одесскомъ театрѣ" на стр. 6 въ № „Нов. Время" отъ 6 апрѣля.

лишь газетныя замѣтки о преданіи суду цѣлаго ряда лицъ, близкихъ къ г. Рейнботу. Разумѣется, чрезвычайно трудно уловить моментъ, когда самыя безспорныя заслуги оказываются безсильными передъ необходимостью считаться съ фактами. Въ концѣ концовъ это вещь крайне субъективная, зависящая отъ массы случайныхъ, привходящихъ обстоятельствъ. Если бы, напр., противъ г. Зайченка выступилъ не докторъ, популярный въ Одессѣ, а какой-либо начинающій и никому неизвѣстный репортеръ, быть можетъ, у г. Толмачева нашлось бы достаточно рѣшимости пресѣчь скандальныя разоблаченія въ самомъ началѣ. Или — будь на мѣстѣ г. Толмачева администраторъ еще болѣе рѣшительный, въ родѣ напр., бар. Меллеръ-Закомельскаго, возможно, что скандалу не такъ легко было бы получить всероссійскую огласку. Одни и тѣ же факты про однѣхъ и тѣхъ же обстоятельствахъ могутъ вызывать къ себѣ такое же двойственное отношеніе, какое вызываетъ въ правительственныхъ кругахъ дѣятельность, напр., генерала Думбадзе. Часть этихъ круговъ, несомнѣнно, находитъ, что по поводу дѣйствій г. Думбадзе необходимо высказаться. И какъ извѣстно, состоялся было даже приказъ объ его увольненіи отъ должности ялтинскаго генералъ-губернатора. Мнѣніе же другой части достаточно характеризуется тѣмъ, что состоявшійся и даже опубликованный приказъ объ увольненіи былъ отмѣненъ. Г. Думбадзе извѣстно это двоякое отношеніе къ нему. И онъ также относится къ «сферамъ» двояко. Однихъ, и въ особенности предсѣдателя совѣта министровъ, прямо-таки третируетъ. Въ началѣ марта, между прочимъ, въ «Свѣтѣ» были опубликованы съ ручательствомъ за стенографическую точность слѣдующія благодарственныя слова генерала Думбадзе г. Шарапову за его полемическую статью противъ совѣта министровъ:

«Ну, дайте я васъ еще расцѣлую. Голубчикъ вы мой, что вы съ нашими министрами сдѣлали! Вѣдь, ихъ такъ еще никто не раскладывалъ. Я подъ каждой вашей строкой подписываюсь».

За-то по отношенію къ другой части, близкой къ верховной управѣ союза, г. Думбадзе необыкновенно почтителенъ и услужливъ. И верховная управа платитъ ему взаимностью, выдвигая его кандидатомъ на отвѣтственные посты,—то московскаго градоначальника *), то кавказскаго намѣстника **). На почвѣ этой разноголосицы неизбѣжно должны создаваться личныя столкновенія. Борьба чисто личныхъ самолюбій и интересовъ можетъ облекаться въ благовидную форму принципіальныхъ разногласій. Серьезно считаться съ такими принципіальными обоснованіями значило бы забыть о классическомъ, въ смыслѣ характеристики нравовъ, спорѣ россійскихъ министровъ, увѣковѣченномъ книгою: «Самодержавіе и

*) Сообщеніе газеты „Колоколъ", въ декабрѣ 1907.

**) См. „Баку", 6 апрѣля 1908.

земство». Вообще вѣрить въ принципіальность нашихъ государственныхъ дѣятелей довольно трудно. Искать тамъ чего либо, подобнаго идейной борьбѣ, было бы, пожалуй, совершенно праздною потерею времени. Однако, едва ли можно вовсе игнорировать «тамошнія» столкновенія и отдѣлываться отъ нихъ простою ссылкою на пословицу: «милые бранятся только тѣшатся». Бранятся-то, конечно, милые; и нѣтъ опасности, что министры, напр., намѣрены стереть съ лица земли г. Думбадзе, или г. Думбадзе—сослать въ Нарымскій край министровъ. Это—не столько непримиримые противники, сколько не поладившіе между собою родственники. И все-таки къ этому родственному междоусобію стоитъ присмотрѣться поближе. И въ немъ можно найти кое-какіе характерные признаки времени.

IV.

Думская фракція октябристовъ внесла запросъ относительно дѣятельности Думбадзе. Въ запросѣ, между прочимъ, указывается, что Думбадзе присвоилъ себѣ судебную власть, разбираетъ ежедневно до 20 гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, установилъ законъ, что бы каждое поданное ему новое прошеніе оплачивалось 75-копѣечною гербовою маркою, ввелъ нѣчто въ родѣ собственнаго предварительнаго слѣдствія, кассируетъ рѣшенія общихъ судовъ, разбирая гражданскія дѣла, обязываетъ отвѣтчика немедленно подчиниться приговору подъ страхомъ высылки въ 24 часа изъ предѣловъ ялтинскаго генералъ-губернаторства... Это звучитъ сильно и убѣдительно. Человѣка, сколько-нибудь привыкшаго къ правовымъ формамъ жизни, способна привести въ оцѣпенѣніе даже простая фактическая справка авторовъ запроса, что генералъ Думбадзе,—«вопреки вошедшему въ силу рѣшенію короннаго суда, опредѣлилъ взыскать съ князя Волконскаго въ пользу истца» и т. д. И все-таки, когда органы союза, возмущаясь запросомъ, спрашиваютъ, что тутъ особеннаго, невольно ставишь себѣ тотъ же вопросъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ особеннаго, если мѣрять факты на нашъ, русскій, аршинъ?

Возстановленіе вотчиннаго суда? Но онъ возстановленъ не въ одной Ялтѣ. И, между прочимъ, практикуется по сосѣдству съ Ялтой,—въ Севастопольскомъ градоначальствѣ *). Отмѣна вошедшихъ въ силу рѣшеній короннаго суда? Но будь въ дѣйствіяхъ г. Думбадзе что-либо непривычное для лицъ судебнаго вѣдомства, слышно было бы о «конфликтѣ». Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Печорскомъ у. чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ Матафтинъ, желая почтить

*) См. замѣтку „По слѣдамъ Думбадзе" въ „Кіевской Мысли" 1 апрѣля 1908.

губернатора Римскаго-Корсакова, собственною властью учредилъ Римско-корсаковскую волость, заставилъ выбрать старшину, нанять писаря, оборудовать волостное правленіе, которое начало действовать по всѣмъ правиламъ,—кажется, даже выдавало паспорта. Черезъ $1^1/_2$ года (въ 1906 г.) крестьяне пожаловались начальству, что имъ приходится «справлять повинности» по двумъ волостямъ *). Какъ отвѣтило на эту жалобу начальство, и существуетъ ли теперь Римско-корсаковская волость въ Печорскомъ у.,—я не знаю. Но у Матафтиныхъ была свобода учреждать собственною властью до «конституціи». И они получили дѣйствительную свободу во время «конституціи». Даже октябристскій «Голосъ Москвы» не могъ не признать, что генералъ Думбадзе лишь экспансивнѣе, рельефнѣе другихъ, но по существу ничѣмъ не отличается, напримѣръ, отъ харьковскаго губернатора Пѣшкова, вятскаго кн. Горчакова, Ярославскаго Римскаго-Корсакова, не говоря уже о разныхъ другихъ администраторахъ, которыхъ эта газета называть не хочетъ, но которые, по ея словамъ, «подъ предлогомъ борьбы съ крамолой», «сводятъ личные счеты съ населеніемъ». Впрочемъ, думская фракція октябристовъ пока не обнаружила намѣренія перенести вопросъ на общую почву. Наоборотъ, въ газетахъ появились свѣдѣнія, что «октябристы согласны снять свой запросъ, если Думбадзе будетъ удаленъ». Такимъ образомъ, передъ нами какъ бы продолженіе старой полемики между предсѣдателемъ совѣта министровъ и ялтинскимъ генералъ-губернаторомъ. И Дума въ данномъ случаѣ выступаетъ въ родѣ помощника совѣта министровъ противъ «Котеріи», «силъ не очень многочисленныхъ, но очень вліятельныхъ», какъ выразился тотъ же «Голосъ Москвы» о верховной управѣ. (№ 4 апрѣля). Сколько-нибудь убѣдительныхъ аргументовъ противъ передаваемыхъ газетами слуховъ, что запросъ, о Думбадзе, какъ и запросъ о Финляндіи, внесенъ съ вѣдома министерства мы не имѣемъ. И то обстоятельство, что авторы запроса, говоря объ эксцессахъ свойственныхъ темпераменту ялтинскаго правителя, уклоняются отъ характеристики самаго режима чрезвычайныхъ полномочій и чрезвычайныхъ охранъ, всего меньше можетъ служить такимъ аргументомъ. Да и вообще октябристы особаго желанія протестовать противъ режима чрезвычайныхъ полномочій и чрезвычайныхъ охранъ не проявили. Рѣчь идетъ только объ одномъ генералъ-губернаторѣ, наиболѣе крайнемъ, зашедшемъ по отношенію къ совѣту министровъ до намѣреннаго опубликованія своихъ полемическихъ чрезмѣрностей. И утверждать, что эта взаимная полемика имѣетъ принципіальный характеръ, что въ ней нѣтъ личнаго элемента, я бы не

---

*) Сообщалось о жалобѣ въ покойной „Странѣ", 16 сентября; къ сожалѣнію, этого № у меня не сохранилось, и дѣлаю ссылку на него по записи въ памятной книжкѣ.

рѣшился. Однако, едва ли есть возможность все дѣло свести къ личному элементу. Подходя къ вопросу съ чисто политической точки зрѣнія, органы союза резонно говорятъ: дѣятельность Думбадзе вполнѣ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ основамъ государственности, какъ защитникъ этихъ основъ, генералъ Думбадзе, стоитъ высоко, и потому... «Вамъ хотѣлось бы, — возмущается, напр., «Русское Знамя»,—чтобы повсюду представители власти играли въ конституцію и покорно склоняли свои головы передъ думскими запросами. Но относительно генерала Думбадзе вы этого не дождетесь» *). Однако, даже «Русское Знамя» предпочитаетъ не касаться фактовъ, указанныхъ авторами запроса. Кн. Мещерскій и вовсе этими фактами смущенъ. «Если,—пишетъ «Гражданинъ»,—провѣрка докажетъ, что они—ложь и клевета, я надѣюсь, что Гучковъ и Ко будутъ отданы подъ судъ за клевету» **). Но, вѣдь, кн. Мещерскій—человѣкъ партикулярный. Его конфузъ, такъ сказать, теоретическій. Не къ издателю «Гражданина» обратится съ претензіями кн. Волконскій, пострадавшій отъ судейскихъ экспериментовъ Думбадзе. И не издателю «Гражданина» приходится сводить реально счеты съ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ по случаю ялтинскихъ неистовствъ и ялтинскаго разоренія. Мало ли что въ Россіи дѣлается и что стало обычнымъ явленіемъ? Но когда въ Думѣ при обсужденіи почтово-телеграфной смѣты упомянули о черныхъ кабинетахъ, представитель вѣдомства, а за нимъ и офиціозъ «Россія» все же почувствовали неловкость и начали отрекаться отъ перлюстраціи. Мы живемъ въ эпоху давно небывалаго обилія смертныхъ казней. Но, когда въ Думѣ депутатъ Родичевъ связалъ эту эпоху съ именемъ предсѣдателя совѣта министровъ, раздался крикъ о личномъ оскорбленіи. Одно дѣло — принципіально соглашаться съ г. Думбадзе и даже, быть можетъ, про себя одобрять его, и совсѣмъ другое дѣло — высказать офиціально свое отношеніе къ обстоятельствамъ, получившимъ широкую огласку. Верховной управѣ легко быть прямолинейной, — она, вѣдь, и не обязана высказываться офиціально. Труднѣе и сложнѣе положеніе совѣта министровъ.

Передъ самой Пасхой предпринято, между прочимъ, всероссійское обслѣдованіе вопроса о политической благонадежности лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Особымъ циркуляромъ за подписью г. Дубровина отъ 23 марта за № 134 провинціальнымъ отдѣламъ союза предложено на отдѣльныхъ листкахъ перечислить поименно чиновъ мѣстной высшей и низшей администраціи, а равно лицъ судебнаго и духовнаго вѣдомствъ, отмѣтивъ противъ каждой фамиліи, — способствуетъ ли, или вредитъ задачамъ верховной управы. Попутно требуется—назвать «мѣстныхъ главарей

*) Цит. по „Рѣчи“, 10 апрѣля.
**) Цит. по „Руси“, 31 марта.

революціи» и «частныхъ лицъ, особенно вредныхъ союзу»*). Разумѣется, на почвѣ этого циркуляра можетъ возникнуть столкновеніе вѣдомственныхъ самолюбій. Но по существу, право же, затрудняюсь сказать, что могъ бы имѣть противъ такого обслѣдованія, напр., департаментъ полиціи. Да и производились уже мѣстными отдѣлами частичныя переписи этого рода, — напр., въ Кіевѣ и Одессѣ. Достаточно напомнить доносы кіевскаго отдѣла, пользовавшіеся до сихъ поръ весьма внимательнымъ отношеніемъ со стороны офиціальныхъ мѣстъ и лицъ. Конечно, въ такомъ дѣлѣ неизбѣжны злоупотребленія. Могутъ быть и, навѣрное, будутъ случаи шантажа, вымогательства, сведенія личныхъ счетовъ. Могутъ быть и, навѣрное, будутъ использованы новыя полномочія съ такими же цѣлями, съ какими хотѣлъ воспользоваться своею властью «агента» кіевскій сыщикъ Поповъ. «Удовлетвори, въ самомъ дѣлѣ, немедленно его любовныя желанія, а не то онъ тебя, твоего мужа, твоего брата такъ аттестуетъ, что»... Но, положа руку на сердце, — вѣдь, и офиціальныя лица, коимъ ввѣренно выдавать патенты о политической благонадежности, не безгрѣшны. Однако, политическій сыскъ процвѣталъ и процвѣтаетъ, пользовался и пользуется полнымъ сочувствіемъ правящихъ круговъ... А все-таки во всероссійскомъ обслѣдованіи, предпринятомъ черезъ органы, непосредственно подчиненные верховной управѣ, есть нѣчто, на европейскую оцѣнку, совершенно неблагопристойное. Едва ли пріятно совѣту министровъ, что «циркуляръ за № 134» получилъ огласку. И въ случаѣ офиціальной и гласной постановки вопроса, врядъ-ли онъ выскажетъ сочувствіе «затѣямъ какого-то Дубровина».

Говоря: «врядъ ли выскажетъ сочувствіе», я, конечно, имѣю въ виду обстоятельства даннаго времени. За будущее ручаться трудно. Еще недавно, напр., оберъ-прокуроръ синода, повидимому не совсѣмъ сочувствовалъ «затѣямъ Дубровина», требующаго, чтобы православному духовенству было предписано вступать въ ряды союза. И опять-таки, споръ между синодомъ и верховной управою, если и шелъ, то вовсе не по существу вопроса. Наоборотъ, судя по исключительному покровительству, какимъ пользовался, напр., протоіерей Восторговъ на ряду съ многими другими духовными лицами, воинствующими подъ знаменемъ союза, между синодомъ и верховной управой разногласія по существу не было. Духовенству достаточно ясно давали понимать, до какой степени желательно, чтобы оно примкнуло къ союзу. И, повидимому, споръ шелъ лишь о томъ, насколько удобно вполнѣ прозрачные намеки синода закрѣпить и оформить офиціальнымъ предписаніемъ. Но вотъ «всероссійскій съѣздъ» потребовалъ, «чтобы всему русскому православному духовенству преподано было... *открытое и офиціальное* разрѣшеніе и благословеніе на безбоязненное служеніе его въ

*) „Сѣверъ“, 6 апрѣля 1908.

составѣ союза русскаго народа». И синодъ «разрѣшилъ и благословилъ», а епархіальные архіереи, получивъ синодскій указъ, «совѣтуютъ» и «предписываютъ». «Предлагаю епархіальному духовенству, — говорится, напр., въ предписаніи волынскаго архіепископа,—избрать на благочинническихъ съѣздахъ, гдѣ это представится нужнымъ, окружныхъ дѣлопроизводителей или старостъ русскаго союза». Однако, относительно другого требованія «всероссійскаго съѣзда»—о разрѣшеніи производить во всѣхъ церквахъ тарелочный сборъ въ пользу союза русскаго народа 4 раза въ годъ» — между синодомъ и верховной управой, видимо, еще идетъ споръ. Высказать въ этой формѣ «открытое и офиціальное» сочувствіе синодъ, видимо, затрудняется.

Въ данное время союзъ добивается, чтобы солдатамъ и офицерамъ всей арміи такъ же открыто и офиціально разрѣшено было «быть русскими союзниками». Военное министерство, поощряя распространеніе въ казармахъ союзныхъ листковъ и газетъ, едва ли имѣетъ что-либо по существу противъ того, чтобы благословить и разрѣшить. А допуская агитаціонныя «лекціи» союзниковъ солдатамъ, начальство фактически и разрѣшаетъ. И, конечно, всего меньше могутъ смутить военнаго министра тѣ доводы, которые не такъ давно развивало, между прочимъ, «Слово» по поводу, напр., «собесѣдованія» съ нижними чинами лейбъ-гвардіи драгунскаго полка гр. Коновницына-одесскаго и нѣкоего г. Андіона, выступавшихъ отъ имени союза съ восхваленіями погромовъ 1905 г. «Должно бы было быть,—писало «Слово»,—уже давно ясно, что армія должна стоять внѣ какой бы то ни было партійной политики, неминуемо разъѣдающей основу арміи, ея дисциплину». И для спокойнаго времени это положеніе слишкомъ абстрактно. Теперь же воспитать армію въ духѣ союзныхъ началъ, стянуть ее подъ союзное знамя,—значило бы рѣшить судьбу тѣхъ соціальныхъ элементовъ, самому существованію которыхъ угрожаетъ нынѣшняя смута. Даже простой подсчетъ, какая часть арміи на сторонѣ союза, не только теоретически интересенъ, но и могъ бы лечь въ основу весьма важныхъ мѣропріятій. Предполагать на этой почвѣ принципіальный споръ между верховною управою и военнымъ министерствомъ, повторяю, трудно. И, однако, есть тутъ нѣкоторыя стороны, настолько щекотливыя, что врядъ ли военному министру легко рѣшиться неофиціальные шаги подтвердить оффиціальнымъ приказомъ. Даже относительно «приписки» чиновъ полиціи къ союзу до сихъ поръ не достигнуто полное согласіе между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и верховной управой. Да и не думаю, что согласія легко достигнуть. Пусть П. А. Столыпинъ открыто и офиціально разрѣшитъ и благословитъ. Но если найдутся такіе, которые тѣмъ не менѣе не пожелаютъ приписаться къ союзу? Они, навѣрное, найдутся,—даже среди полиціи, не говоря уже объ арміи. Что-жъ съ ними дѣлать? Прогнать со службы? Но технически подготовленныхъ къ службѣ людей и безъ

того не такъ ужъ много. Не прогонять?—но тогда установится такая же своеобразная субординація, которая уже теперь болѣзненно даетъ себя чувствовать, и, благодаря которой, напримѣръ, кіевскій Борисъ Юзефовичъ, будучи обыкновеннымъ обывателемъ, не занимая офиціально сколько-нубудь замѣтнаго служебнаго или общественнаго положенія, является тѣмъ не менѣе персоной, передъ коей трепещутъ даже мѣстныя особы 5 и 4 класса. Едва-ли министерство внутреннихъ дѣлъ съ легкимъ сердцемъ можетъ допустить, чтобы городовой, хотя бы и зарекомендовавшій себя въ союзѣ патріотической ревностью, дѣлалъ выговоры секретарю полиціи. И еще болѣе долженъ бы смутиться военный министръ, если служебное положеніе капитана или полкового адъютанта окажется въ зависимости отъ того, какой доносъ захочетъ написать офиціально присоединившійся къ союзу ефрейторъ.

Повидимому, верховную управу это соображеніе не способно смутить. Наоборотъ, проектъ эксплоатаціоннаго корпуса, разработанный генераломъ Вендрихомъ, къ тому именно и сводится, чтобы желѣзнодорожные служащіе, сумѣвшіе зарекомендовать себя ревностными приверженцами исконныхъ устоевъ, были господами положенія, отъ которыхъ зависѣли бы даже начальствующія лица, коихъ образъ мыслей сомнителенъ или хотя бы только не извѣстенъ. И, по неопровергнутымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, проектъ г. Вендриха, въ отсутствіе министра путей сообщенія, былъ доложенъ, утвержденъ, и если не сталъ закономъ, то лишь потому, что опубликованіе его не состоялось, по причинѣ своевременно принятыхъ мѣръ совѣтомъ министровъ. По сей день споръ далеко не рѣшенъ. «Умоляемъ... осуществить проектъ фонъ-Вендриха объ организаціи эксплоатаціоннаго желѣзнодорожнаго корпуса»,—телеграфируетъ, напр., саратовскій отдѣлъ союза» *). «Умоляемъ... исполнить выраженную... волю о сформированіи эксплоатаціоннаго желѣзнодорожнаго корпуса» **),—телеграфировалъ съѣздъ союзниковъ. Совѣтъ министровъ уже неоднократно имѣлъ сужденія по этому вопросу. И хотя на одномъ изъ засѣданій, по свѣдѣніямъ «Голоса Москвы», проектъ объ эксплоатаціонномъ корпусѣ никѣмъ не былъ поддержанъ, «даже Коковцевъ высказался противъ»,—однако, «Вендрихъ не думаетъ сдаться» ***). Не предполагаютъ сдаваться и союзники. 28 марта состоялось совѣщаніе представителей желѣзнодо-

*) „Сарат. Вѣст.", 2 марта.

**) „Рѣчь", 2 марта.

***) По словамъ „Голоса Москвы", „инициатива проекта принадлежитъ собственно союзу русскаго народа, гдѣ вопросъ этотъ былъ поднятъ съ цѣлью доставить заработокъ членамъ союза. Одно время союзники были до того увѣрены въ успѣхѣ, что, напр., гр. Коновницынъ циркуляромъ предупреждалъ союзниковъ о томъ, что имъ придется занять мѣста во вновь учреждаемомъ корпусѣ. Цит. по „Кіев. Вѣст.", 12 февраля.

рожныхъ отдѣловъ союза русскаго народа по вопросу о посылкѣ спеціальной депутаціи. И послѣ этого совѣщанія близкія къ сферамъ «С. Пет. Вѣдомости» вдругъ заявили о своемъ «подозрѣніи, что проектъ» фонъ-Вендриха обладаетъ «большимъ удѣльнымъ вѣсомъ», чѣмъ другіе проекты министерства путей сообщенія. Во всякомъ случаѣ, г. Вендрихъ, несмотря на столкновеніе со «всѣмъ совѣтомъ» и съ «самимъ П. А. Столыпинымъ», остается товарищемъ министра, агитируетъ и собираетъ силы...

И еще разъ повторяю—я вовсе не склоненъ отрицать во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ возможность личнаго интереса. Въ частности, вполнѣ естественно, что г. Вендрихъ, пытавшійся осуществить свой проектъ помимо своего непосредственнаго начальника и помимо совѣта министровъ, несомнѣнно, задѣлъ цѣлый рядъ личныхъ соображеній. Нѣтъ основаній, мнѣ кажется, предполагать и въ этомъ, и въ другихъ столкновеніяхъ принципіальныя разногласія. Насколько извѣстно, министръ путей сообщенія г. Шауфусъ не менѣе сочувствуетъ задачамъ верховной управы, нежели его товарищъ г. Вендрихъ. И какіе принципы раздѣляютъ, положимъ, г. Столыпина отъ г. Шванебаха, едва ли кто-нибудь сумѣетъ объяснить удовлетворительно. Теперь оба эти государственные дѣятеля находятся, по слухамъ, въ состояніи взаимнаго неудовольствія. Но если бы, какъ предсказывали одно время газеты, г. Шванебахъ занялъ мѣсто г. Столыпина,—онъ, полагаю, также вызвалъ бы противъ себя нареканія и также оказался бы въ борьбѣ съ «котеріей».

Героическую до безнадежности задачу ставитъ себѣ верховная управа,—сохранить и даже укрѣпить основы традиціонной государственности. Той же героической до безнадежности задачѣ въ настоящее время служитъ вся правительственная машина, отъ первѣйшихъ министровъ до послѣднихъ шпіоновъ. Въ соотвѣтствіи съ цѣлями, героическія до безнадежности средства должна употреблять верховная управа. И героическія до безнадежности средства пущены въ ходъ правительствомъ. Героическимъ размахомъ вѣетъ отъ нынѣшнихъ военныхъ судовъ, коими выносятся порою по 5, по 6 и даже по 11 смертныхъ приговоровъ обвиняемымъ, живущимъ въ одномъ селѣ и привлеченнымъ совмѣстно по одному дѣлу *). До героическихъ размѣровъ переполнены тюрьмы и мѣста ссылки. До героическихъ предѣловъ доведено общее состояніе страны, о которомъ даже «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ: «Попраніе не только правъ и закона, но и азбучной логики, равно какъ и здраваго смысла, стало явленіемъ повседневной русской жизни,—и отбиться отъ этого грознаго бича можно лишь деньгами

---

*) Напомню, напр., такъ называемое „чечелевское дѣло". Привлекалось 17 подсудимыхъ. Изъ нихъ *одиннадцать*,—все жители села Чечелевки, гайсинскаго у., Подольской губ.,—военнымъ судомъ приговорены къ смертной казни. См. „Кіевскія Вѣсти", 15 января 1908.

или властью» *). И если бы правительству приходилось имѣть дѣло только съ революціонными выступленіями, если бы его очередныя занятія сводились только къ активной борьбѣ съ крамолой, между нимъ и верховной управой, несомнѣнно, существовало бы полное единодушіе. Да оно и теперь существуетъ, поскольку рѣчь идетъ объ искорененіи крамолы. И въ дѣлѣ искорененія нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ, пожалуй, предпріимчивѣе своихъ предполагаемыхъ замѣстителей, менѣе другихъ приспособленъ учитывать моральное впечатлѣніе на страну, всегда невыгодное для власти, безоглядно примѣняющей репрессивныя мѣры, и гораздо менѣе другихъ склоненъ заслужить упрекъ въ послабленіи. Бѣда лишь въ томъ, что, помимо революціи, есть торговля, промышленность, есть мирная обывательская жизнь, требующая не столько политической, сколько правовой регуляціи, есть, наконецъ, необходимость въ разнообразныхъ техническихъ силахъ, коими должна быть оборудована правительственная машина. Сто лѣтъ назадъ въ маленькомъ Неаполѣ Каноза могъ не считаться со всѣми этими условіями и могъ вполнѣ соотвѣтствовать патріотическимъ видамъ руффіанцевъ. Можетъ, пожалуй, и теперь не считаться и вполнѣ соотвѣтствовать генералъ Думбадзе въ маленькой Ялтѣ. И пока г. Думбадзе ничего, кромѣ своей Ялты, не знаетъ, ему, сравнительно, легко быть ортодоксомъ. Но едва ли можно сохранить ортодоксальность на пространствѣ огромнаго государства при современныхъ крайне сложныхъ правоотношеніяхъ.

Верховной управѣ важно и нужно, чтобы братья Хвостовы, заявившіе о полной своей готовности активно бороться съ революціей, не оказались въ арестантскихъ ротахъ, чтобы эта сила не была потеряна. Верховной управѣ нѣтъ дѣла ни до земскаго страхового капитала, за счетъ котораго возмѣщены убытки, ни до 17 деревень, которыя работаютъ на Хвостовыхъ и существенно задѣты выступленіемъ помѣщиковъ въ качествѣ поджигателей. Но, повторяю, офиціальнымъ представителямъ власти порою нѣтъ физической возможности стоять на такой ужъ слишкомъ упрощенной, слишкомъ политической точкѣ зрѣнія. И вотъ тверская уѣздная полиція во время суда выслушиваетъ отъ г. Булацеля упрекъ въ неблагонадежности наравнѣ съ учительницами и крестьянами, а затѣмъ то же обвиненіе ставится и противъ всего состава окружнаго суда. Стремленіе сваливать въ одну кучу крайне разнородныя явленія доведено до абсурда. И все-таки подъ этимъ дымомъ есть огонь. До того есть, что всякій сколько-нибудь сочувственный отзывъ крестьянъ по поводу полицейскаго дознанія о поджогѣ или судебнаго приговора, можетъ быть понятъ, какъ политическій протестъ противъ верховной управы и воодушевляющихъ ее началъ. Создается возможность самыхъ неожиданныхъ комби-

*) Цит. по „Рѣчи“, 11 января.

націй, примѣромъ коихъ могутъ служить недавнія чествованія гр. Воронцова-Дашкова. Бакинскіе мусульмане, обезпокоенные кампаніей союза, черезъ своихъ уполномоченныхъ, «постановили выразить путемъ печати свою глубокую симпатію и преданность намѣстнику... за мудрое направленіе его дѣятельности на Кавказѣ, которое... будучи вполнѣ согласовано съ истинными интересами общаго отечества Россіи, является единственнымъ вѣрнымъ путемъ къ окончательному духовно-культурному сліянію Кавказа и мусульманъ съ Россіею и русскими» *). За бакинскими мусульманами въ томъ же смыслѣ выступили дагестанцы. Затѣмъ «празднованіе 50-лѣтняго юбилея гр. Воронцова-Дашкова превратилось въ грандіозное торжество, въ которомъ приняли участіе всѣ общественныя учрежденія края, всѣ многочисленные населяющіе Кавказъ народы. Кавказская печать безъ различія направленій тепло откликнулась на юбилей администратора, положившаго въ основу своей политики не насиліе, а право и уваженіе къ національностямъ». Эта цитата взята мною изъ «Рѣчи» (№ 1 апрѣля). И не одна «Рѣчь» впала въ праздничныя излишества. «Онъ ѣхалъ сюда съ пальмовой вѣтвью мира»—писалъ «Тиф. Лист.». «Явился на Кавказъ провозвѣстникомъ новыхъ временъ»... «отрицаніемъ мрачныхъ временъ голицинской эпохи», — выражалось «Баку» **). Черезъ нѣсколько дней, когда союзники внесли въ Думу запросъ о дѣятельности гр. Воронцова, тому же «Баку» пришлось между прочимъ писать: «Что же касается армянъ-чиновниковъ, наводнившихъ якобы канцелярію намѣстника, то эта клевета даже не заслуживаетъ опроверженія, такъ какъ достаточно взглянуть въ кавказскій календарь, чтобы убѣдиться, что у намѣстника есть чиновники особыхъ порученій изъ всѣхъ національностей, кромѣ армянъ. Даже переводчика армянина нѣтъ тамъ. Извѣстно, что въ смыслѣ предоставленія мѣстъ армянамъ политика (гр. Воронцова) остается прежняя», голицинская ***). Это поправка относительно «уваженія къ національностямъ». Поправки къ словамъ «не насиліе, а право» тоже не замедлили появиться. Той же «Рѣчи», между прочимъ, пришлось 5 апрѣля напечатать телеграмму изъ Тифлиса: «Возобновились обыски и аресты. Всю ночь войска обыскивали типографію Громова. Типографія закрыта. Владѣлецъ, гласный Думы Топрянцъ, арестованъ. Печатавшаяся въ типографіи армянская газета «Втакъ» сегодня не вышла» и т. д. И, казалось бы, юбилейныя излишества, наравнѣ съ заявленіями о преданности со стороны бакинскихъ мусульманъ, вполнѣ можно признать обывательскимъ сервилизмомъ. Однако, «Новое Время» не даромъ возмутилось «преданностью» бакинцевъ, и не

*) „Слово", 25 марта 1908.
**) Цит. по „Рѣчи" 1 апрѣля.
***) „Баку", 8 апрѣля.

даромъ тифлисскія торжества довольно кисло встрѣчены правою печатью. Подъ наружнымъ сервилизмомъ скрывается въ сущности протестъ противъ союза, противъ видовъ и предположеній «котеріи», которую поименно «Голосъ Москвы» не называетъ, но главные опорные пункты которой хорошо извѣстны и обывателю, и намѣстнику. Юбилейными торжествами различныя группы населенія, возхвалявшія не столько гр. Воронцова-Дашкова, сколько мечту свою, въ сущности, воспользовались, чтобы вмѣшаться въ конфликтъ между высшею администраціею края и высшими руководителями союза,—вмѣшаться и сказать свое слово. Вмѣшательство это само по себѣ актъ политическій, и при томъ противорѣчащій основамъ традиціонной россійской государственности. Но въ томъ и нелѣпость нынѣшняго положенія вещей, что высшій представитель власти и первѣйшій защитникъ этихъ основъ на Кавказѣ дѣлаетъ вмѣшательство обывателей въ область верховнаго управленія необыкновенно торжественнымъ и помпезнымъ, а обывательскія похвалы представителю власти оказались проявленіемъ массовыхъ оппозиціонныхъ чувствъ.

Нельзя всѣ шашки смѣшивать въ одну кучу. Коренное населеніе Кавказа упорно посылаетъ въ Думу соціалъ-демократовъ и съ заявленіями о своихъ нуждахъ по сей день обращается къ депутатамъ, принадлежащимъ къ этой партіи *). Гр. Воронцовъ упорно и по сей день преслѣдуетъ соціалъ-демократическихъ выборщиковъ. Въ отвѣтъ на принципіальное рѣшеніе Думы—воспользоваться кавказскими землями для переселенія—дагестанцы «просятъ, чтобы до надѣленія землей коренного населенія не направлять въ ихъ мѣстность переселенцевъ и чтобы имъ было разрѣшено пользоваться для пастьбы скота казенными землями **). Для туземнаго дворянства дагестанское «надѣленіе землей» звучитъ такъ же, какъ для гр. Бобринскаго «принудительное отчужденіе». Уполномоченные (для выраженія преданности) бакинскихъ мусульманъ Тагіевъ, Гаджіевъ, Сафаралiевъ и т. д., кажется, склонны на этотъ вопросъ смотрѣть съ торговопромышленной точки зрѣнія. Самъ намѣстникъ, насколько извѣстно, ничего не имѣетъ противъ принципіальнаго думскаго рѣшенія. Различныя группы населенія остаются различными, противорѣчія интересовъ продолжаютъ быть противорѣчіями непримиренными даже на компромиссѣ. И тѣмъ не менѣе нашлось нѣчто общее, объединившее кавказцевъ такъ же, какъ, напр., одесситовъ объединяетъ чувство къ гр. Коновницыну, или кіевлянъ—чувство къ г. Юзефовичу, какъ недавно объединило екатеринославскихъ врачей негодованіе противъ «Русскаго Знамени», сообщавшаго, будто покойный А. Л. Караваевъ передъ смертью ска-

*) Недавно напр., отъ жителей Амурскаго округа, Дагестанской обл. поступило на имя деп. с.-д. Гайдарова „ходатайство, покрытое многочисленными подписями“. „Рѣчь“, 4 апрѣля.

**) Ibid.

залъ: «меня убилъ еврей». И это общее объединяетъ, дѣйствительно, самые различные слои населенія, — отъ одесскихъ кладбищенскихъ сторожей, мѣста которыхъ понадобились для матеріальнаго вознагражденія союзникамъ за ихъ услуги, до кіевскихъ статскихъ и иныхъ совѣтниковъ, пострадавшихъ или опасающихся пострадать вслѣдствіе доносовъ г. Юзефовича. О лицахъ, выше стоящихъ, говорить не будемъ, хотя я не рѣшился бы утверждать, что у всѣхъ нынѣшнихъ министровъ вполнѣ доброжелательныя чувства къ «котеріи». Не даромъ «Гражданинъ» увѣряетъ, что «союзъ русскаго народа вооружилъ противъ себя всѣ консервативные слои».

Изъ недовѣрія къ власти «родилась и развилась революція»,— говорятъ «С.-Петерб. Вѣд.». Допустимъ. Но если такъ, то исчезаютъ ли, или углубляются корни броженія? Твердѣетъ или разрыхляется и размывается соціальный грунтъ, на которомъ вверху стоящіе архитекторы мнятъ построить зданіе? Не правы ли тѣ, кто не вѣритъ въ архитекторскую суетливость, чей взоръ устремленъ въ пространство, гдѣ Богъ вѣсть кѣмъ и Богъ вѣсть какъ куются неожиданности?

А. Петрищевъ.

На очередныя темы.

Право на землю.

IV.

Мы должны,—сказалъ я,—всмотрѣться въ настоящее: какимъ образомъ можно обезпечить равное право всѣхъ на землю?

Отвѣтъ на это, казалось бы, давно имѣется: «уравнительное землепользованіе»—такова его ходячая формула. Но эту формулу можно наполнить разнымъ содержаніемъ, и, надо сказать, что противники этимъ пользуются. Г. Масловъ, напримѣръ, увѣрялъ, какъ-то своихъ читателей, что народники намѣрены «дѣлить лаптями землю поровну».

Дѣлежъ земли („*уравнительное*" землепользованіе),—писалъ онъ,—вотъ характерный и главный пунктъ программы соціалъ-народниковъ. Этотъ пунктъ

вытекаетъ изъ всей идеологіи мелкаго мѣщанства и, съ точки зрѣнія послѣдняго, чрезвычайно легко отодвигаетъ общество отъ современнаго экономическаго уклада. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто несправедливаго неравенства въ деревнѣ (хотя это неравенство какъ разъ и отрицается народниками), у всѣхъ крестьянъ будетъ *поровну* земли: какъ это будетъ справедливо и нравственно, какъ легко и скоро осуществится „правда-истина и правда-справедливость“, и какъ все это... мѣщански близоруко! *)

Въ частности, то же самое намѣреніе г. Масловъ приписалъ и мнѣ. Коснувшись моей полемики съ г. Новоторжскимъ, онъ продолжалъ:

Если раздѣлъ земли между общинами, т. е. насажденіе товариществъ мелкихъ собственниковъ, не всѣми народниками признается желательнымъ, то надежды на уравнительное землепользованіе являются типичными для мѣщанскаго соціализма. Этими надеждами питаются одинаково какъ сторонники соціализаціи, такъ и сторонники націонализаціи земли. Дѣлить лаптями землю поровну—развѣ это не гарантія противъ капитализма?!.. Что раздѣлы и передѣлы гарантируютъ отъ капитализма,—за это ручаются всѣ соціалъ-народники **)...

Поскольку дѣло касалось, въ данномъ случаѣ, меня лично, постольку ламентаціи г. Маслова могли вызвать только улыбку. Надо сказать, что въ своихъ статьяхъ я сознательно воздерживался отъ употребленія формулы «уравнительное землепользованіе». Она всегда представлялась мнѣ не вполнѣ удачной, способной породить недоразумѣнія не только среди противниковъ, но и среди сторонниковъ нашей аграрной программы. Съ одной стороны, своимъ словеснымъ выраженіемъ она могла навести на мысль, что равное право всѣхъ на землю можетъ быть осуществлено въ видѣ права каждаго на клочекъ земли въ натурѣ. Съ другой стороны, своимъ происхожденіемъ она могла дать поводъ думать, что для осуществленія равенства въ земельныхъ отношеніяхъ достаточно распространить на всю Россію порядки, принятые въ современной общинѣ.

Теперь приходится признать, что склонность къ такой именно конструкціи земельнаго права въ средѣ нашего направленія дѣйствительно оказалась. Съ особою, быть можетъ, наглядностью она сказалась въ той теоріи личнаго права на землю, съ которой выступилъ П. А. Вихляевъ.

Къ общей суммѣ правъ гражданина и человѣка,—говоритъ послѣдній,—должно быть прибавлено новое право, незнакомое органическимъ статутамъ западно-европейскихъ государствъ—право на землю каждаго русскаго гражданина, право поголовнаго земельнаго надѣла... Обширная коллективность, составляющая русское гусударство,—продолжаетъ г. Вихляевъ,—должна стать къ русской землѣ въ тѣ же правовыя отношенія, въ которыхъ находится

---

*) П. Масловъ. „Объ аграрныхъ программахъ“. („Правда“, 1905., сентябрь—октябрь, стр. 257).

**) Ibid., стр. 259.

деревенская община къ своимъ сельско-хозяйственнымъ угодьямъ, съ тѣми естественными ограниченіями, которыя вызываются особенностями въ положеніи дѣла. Какъ слѣдствіе подобнаго правового отношенія должно возникнуть право уравнительнаго передѣла *)...

Читатели видятъ, что право на землю понимается въ данномъ случаѣ, какъ право каждаго гражданина на опредѣленную часть территоріи (поголовное надѣленіе), осуществляемое тѣмъ же способомъ, какой практикуется въ современной общинѣ (уравнительные передѣлы). Къ своей теоріи г. Вихляевъ пришелъ индуктивнымъ путемъ, исходя изъ данныхъ объ историческомъ развитіи и современномъ состояніи народнаго правосознанія.

Если отдѣлить,—говоритъ онъ,—историческія наслоенія фискальнаго и административно-полицейскаго свойства и разсматривать общину исключительно какъ форму землепользованія, то въ ней наглядно проявляется основной принципъ—*право на землю всякаго члена общины*, осуществляемый уравнительными передѣлами...

Авторъ знаетъ, что

только въ періодъ пореформенной жизни русскаго крестьянина потягольная разверстка земли и разверстка по мужскимъ ревизскимъ душамъ дополняется разверсткой земли по наличнымъ душамъ обоего пола, по ѣдокамъ. Право на землю признается общимъ безъ различія пола...

Другими словами: автору извѣстно, что «право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами», или, какъ онъ его понимаетъ, «право поголовнаго земельнаго надѣла», есть историческій фактъ, при томъ недавняго происхожденія и, несомнѣнно, не получившій еще «общаго признанія». Если даже допустить, что онъ констатированъ точно и истолкованъ правильно, то и за всѣмъ тѣмъ нельзя еще признать доказаннымъ, что лежащій въ основѣ его «принципъ» является конечнымъ, а не однимъ лишь изъ среднихъ звеньевъ въ общей цѣпи правового развитія. Это не помѣшало, однако, г. Вихляеву право на землю, какъ онъ его понимаетъ, включить, безъ дальнѣйшихъ околичностей, въ «общую сумму правъ гражданина и человѣка», т. е. отнести его къ числу естественныхъ, неотъемлемыхъ правъ личности. Въ юридической конструкціи, которая имъ предложена, это личное право на землю является основнымъ, «независимымъ отъ лица посторонняго», а право коллективности на ту же землю—производнымъ, «ограниченнымъ». Допуская коллективное право въ формѣ уравнительнаго передѣла, г. Вихляевъ разсматриваетъ его только какъ слѣдствіе личнаго права на землю.

Такъ какъ это право,—говоритъ онъ,—при своемъ осуществленіи встрѣчается съ такимъ же равнымъ ему и неотчуждаемымъ правомъ всякаго дру-

*) П. Вихляевъ. „Право на землю". Книгоиздательство „Молодая Россія". М. 1906 г. Первоначально эта статья появилась въ журналѣ „Народное Хозяйство" за 1905 годъ.

гого гражданина, то отсюда неизбѣжно вытекаетъ необходимость въ установленіи предѣловъ долевого участія каждой земледѣльческой семьи въ томъ общенародномъ достояніи, которымъ становится при указанныхъ условіяхъ земля. Уравнительность участія въ пользованіи общенароднымъ земельнымъ достояніемъ есть логическое слѣдствіе права на землю...

Нѣсколько позже, чѣмъ г. Вихляевъ, сторонникомъ той же теоріи личнаго права на землю выступилъ В. М. Черновъ, пришедшій къ ней, повидимому, инымъ путемъ, основываясь не столько на фактическихъ данныхъ, сколько на логическихъ соображеніяхъ, и имѣя въ виду не столько развитіе права въ прошломъ, сколько предполагаемую имъ конструкцію его въ будущемъ.

Существеннымъ признакомъ соціализаціи,—пишетъ онъ,—является тотъ фактъ, что исходнымъ ея пунктомъ дѣлается установленіе общенародныхъ или, что то же, общегражданскихъ правъ на землю. Каждый членъ народа, населенія, каждый гражданинъ является, такимъ образомъ, не пассивнымъ объектомъ воздѣйствія поземельной политики государства, а *управомоченнымъ*, т. е. лицомъ, право котораго соотвѣтственно закрѣплено гражданскимъ строемъ, ея конституціей, и которое поэтому „можетъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе правопорядокъ". Такимъ образомъ, поземельная политика государства можетъ свободно двигаться лишь въ опредѣленныхъ рамкахъ, опредѣляемыхъ основными правами на землю, принадлежащими индивиду. Эти права предшествуютъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ обусловливаютъ характеръ и содержаніе поземельной политики. Государство и его органы становятся уже, по этой концепціи, не независимыми юридическими лицами, собственническія права которыхъ на землю есть что-то, стоящее выше индивидовъ съ ихъ притязаніями; нѣтъ, они превращаются лишь въ юридическіе аппараты, регуляторы, примиряющіе и приводящіе къ гармоніи единичныя права *).

Юридическая конструкція получается та же, что и у г. Вихляева... Я долженъ, однако, отмѣтить, что В. М. Черновъ, подчеркивая въ приведенномъ мною мѣстѣ, какъ и вообще въ своей статьѣ, что гражданинъ долженъ быть *правомочнымъ* лицомъ, а не пассивнымъ объектомъ государственнаго воздѣйствія, совершенно не вскрываетъ фактическаго содержанія того «основного права на землю, принадлежащаго индивиду», которое должно предшествовать и обусловливать государственную политику. «Здѣсь не мѣсто,—говоритъ онъ,—входить въ характеристику конкретныхъ правовыхъ и хозяйственныхъ формъ, въ которыхъ надо мыслить осуществленіе соціализаціи»... Повидимому, ему чуждо, однако, то упрощенное пониманіе равенства въ земельныхъ отношеніяхъ—равенства въ формѣ права на поголовное надѣленіе,—какое постулируетъ П. А. Вихляевъ. По крайней мѣрѣ, отдѣльныя мѣста статьи г. Чернова даютъ право думать, что содержаніе индиви-

*) В. М. Черновъ. Къ аграрному вопросу. (Что такое соціализація земли?) „Народный Вѣстникъ", 1906 г., № 2... Эта статья такъ же, какъ цитируемая мною ниже изъ „Народнаго Знамени", перепечатаны въ появившемся недавно второмъ выпускѣ сборника „Соціализація земли" (Книгоиздательство „Сотрудничество". Москва, 1908 г.).

дуальнаго права на землю можетъ, по его мнѣнію, измѣняться... Но кто же въ такомъ случаѣ будетъ опредѣлять его: сама ли личность или коллективность? Конкретно: отъ кого будетъ зависѣть форма, въ которой гражданинъ можетъ получить свою долю въ общенародномъ достояніи,—землею ли, напримѣръ, или деньгами? Если предоставить рѣшеніе этого вопроса гражданину, то не значитъ ли это предоставить ему по отношенію къ землѣ право отчужденія—«вѣнецъ собственности?» Если же рѣшеніе этого вопроса предоставить государству, то не значитъ ли это признать за нимъ «неограниченную власть надъ вещью», поставивъ содержаніе личнаго права въ зависимость отъ рѣшенія коллективности?.. Отъ кого, далѣе, будетъ зависѣть переходъ къ общественному хозяйству, къ соціализму? Отъ согласія ли каждой личности или отъ общаго рѣшенія коллективности? И далѣе: добиваясь чего, личность можетъ «привести въ движеніе правопорядокъ» при общественномъ хозяйствѣ? Можетъ ли она требовать опредѣленной доли земли или имѣетъ право предъявить притязаніе только на опредѣленную долю продукта? Въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы, вѣдь, говорить не о правѣ на землю, а о правѣ на продуктъ,—о правѣ, которое едва ли можетъ свестись къ равному дѣлежу продукта между всѣми. И въ конечномъ счетѣ равное право всѣхъ на землю не сведется ли къ равному праву распоряженія ею,—къ праву распоряженія, осуществляемому въ составѣ коллективности, а не каждой отдѣльной личностью въ отдѣльности?..

Я считаю себя вправѣ поставить эти вопросы, имѣя въ виду другую статью В. М. Чернова, въ которой онъ обнаружилъ склонность вопросъ о правѣ на землю свести къ «общему демократическому началу *самоуправленія*, въ область вѣдѣнія котораго вошло бы и завѣдываніе земельнымъ имуществомъ на началѣ равенства правъ членовъ коллективности» *). Каждому, я думаю, понятно, что въ формѣ самоуправленія можетъ осуществиться только коллективное право, но отнюдь не личное. Едва ли В. М. Черновъ согласился бы допустить, чтобы коллективность «завѣдывала» другими неотчуждаемыми правами личности и опредѣляла, напримѣръ,—хотя бы и на «началѣ равенства»,—какъ слѣдуетъ вѣровать (свободу совѣсти) или въ какой формѣ слѣдуетъ дѣлиться своими мыслями (свободу слова)... Поэтому я и считаю себя вправѣ спросить, не по недоразумѣнію ли онъ отнесъ къ числу этихъ неотчуждаемыхъ правъ и право на землю?

Отмѣтить возможность такого недоразумѣнія мнѣ представлялось необходимымъ теперь же, чтобы избѣгнуть упрека, что, пользуясь недомолвками В. М. Чернова, я безъ достаточнаго основанія отожествилъ его теорію съ Вихляевской. По существу же къ за-

*) Викторъ Черновъ. Соціализація земли и община. „Народное Знамя", 1907 г. № 1.

тронутымъ на послѣдней страницѣ вопросамъ, мнѣ еще придется подойти съ другой стороны. Сейчасъ же познакомимся съ тѣми «конкретными правовыми и хозяйственными формами, въ которыхъ надо мыслить осуществленіе соціализаціи», если исходить изъ теоріи личнаго права на землю. Мы имѣемъ уже нѣсколько попытокъ дать проектъ такихъ формъ. Отмѣчу нѣкоторыя, наиболѣе разработанныя, изъ нихъ.

Это, во-первыхъ, «Проектъ основного закона о землѣ», изданный Н. О. Новожиловымъ подъ коллективной редакціей (Ф. Дѣдова, Н. Максимова, С. Нечетнаго и А. Рудина), извлеченіе изъ какового съ нѣкоторой переработкой, было внесено подъ названіемъ «Проектъ основного земельнаго закона» въ первую Государственную Думу за подписью 33-хъ членовъ. Если взять редакцію второго изъ этихъ проектовъ, то «земельныя права россійскихъ гражданъ» по отношенію къ пользованію землею для сельско-хозяйственныхъ промысловъ опредѣлены въ немъ такимъ образомъ:

§ 1. Всѣ граждане и гражданки могутъ, по желанію, получать въ пользованіе землю или на срокъ или безсрочно.

§ 2. Каждый имѣетъ право получить въ пользованіе столько земли, чтобы за уплатой поземельнаго налога осталось достаточно для здоровой жизни его и его семьи.

Также опредѣлены въ немъ и права на пользованіе усадебными участками:

Всѣ граждане и гражданки могутъ получать въ безсрочное пользованіе усадебные участки извѣстнаго размѣра для всякаго рода жилыхъ и хозяйственныхъ построекъ.

Такимъ образомъ право на землю въ этихъ случаяхъ понимается въ томъ смыслѣ, какой вкладываетъ въ него г. Вихляевъ, а именно въ смыслѣ права на поголовное надѣленіе. Что государство при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ можетъ отказать въ выдѣлѣ участка для сельско-хозяйственнаго промысла законопроектъ 33-хъ не допускаетъ даже мысли. Право на землю въ немъ дѣйствительно ставится какъ неотъемлемое право личности.

Другая попытка, которую я хотѣлъ бы отмѣтить, это извѣстный уже намъ «Проектъ основныхъ положеній земельнаго закона», внесенный с.-р. во вторую Думу.

е) Каждый гражданинъ—говорится въ немъ,—желающій приложить свой трудъ къ землѣ и не достигшій этого путемъ соглашенія съ отдѣльными общинами, земельными товариществами или артелями, имѣетъ право обращаться въ землеустроительныя учрежденія мѣстныхъ самоуправленій и государства, которыя обязаны:

1) или помѣстить его на земляхъ одной изъ многоземельныхъ общинъ въ порядкѣ, указанномъ особымъ закономъ,

2) или отвести ему надѣлъ изъ запаснаго земельнаго фонда той или другой болѣе крупной территоріальной самоуправляющейся единицы,

3) или устроить его въ одномъ изъ общественныхъ предпріятій по обработкѣ земли.

Въ данномъ случаѣ указанъ даже способъ, какимъ гражданинъ «можетъ въ своемъ интересѣ привести въ движеніе правопорядокъ»... Но право его на землю оказывается уже ограниченнымъ въ пользу коллективности: вмѣсто выдѣла участка въ натурѣ послѣдняя можетъ «устроить его въ одномъ изъ общественныхъ предпріятій». Въ результатѣ вмѣсто права на землю получается уже нѣчто иное—право на сельско-хозяйственный трудъ... Таково одно изъ «естественныхъ ограниченій, вызываемыхъ особенностями дѣла»,—если выразиться словами г. Вихляева, который, къ слову сказать, въ своемъ проектѣ не только его не предусматриваетъ, но и къ самому принципу права на трудъ, какъ къ правообразующему началу въ аграрныхъ отношеніяхъ, относится отрицательно. Откуда взялось это ограниченіе въ законопроектѣ с.-р. мы уже знаемъ: авторы его признали въ концѣ-концовъ за коллективностью такія права,—какъ, напримѣръ, право обращать землю въ общественное пользованіе,—что волей-неволей имъ пришлось кое что урѣзать въ ея пользу изъ неотчуждаемыхъ правъ личности. Я упомянулъ объ одномъ ограниченіи, но ихъ имѣется или мыслится цѣлый рядъ. Достаточно сказать, что въ примѣчаніи къ приведенному мною пункту законопроекта говорится: «Особымъ закономъ устанавливается порядокъ отобранія надѣловъ или отказъ въ ихъ отведеніи въ случаяхъ, того требующихъ»... Это не вполнѣ ясно, но и за всѣмъ тѣмъ знаменательно.

Имѣются ограниченія и въ несравненно болѣе прямолинейномъ законопроектѣ 33-хъ. Такъ уже право на усадебныя земли въ немъ «разъяснено» такимъ примѣчаніемъ:

Усадебные участки по общей нормѣ и съ обложеніемъ общимъ налогомъ отводятся внѣ поселеній и при мелкихъ поселеніяхъ. Въ селеніяхъ же крупнаго размѣра, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ почему-либо земля особенно дорога, усадебные участки могутъ отводиться въ уменьшенномъ размѣрѣ, за увеличенную плату и вообще на особыхъ условіяхъ, устанавливаемыхъ земствами и городами.

Болѣе общее ограниченіе въ законопроектѣ предположено для промысловыхъ угодій.

Всѣ граждане и гражданки имѣютъ равныя права въ дѣлѣ распоряженія и пользованія всѣми богатствами, добываемыми изъ нѣдръ земли. *Примѣчаніе.* Народное правленіе и земство непосредственно завѣдуютъ важнѣйшими промыслами добывающей промышленности (каковы угольныя копи, руды, нефть, соль и т. п.). Менѣе значительные промыслы оставляются въ пользованіе отдѣльнымъ гражданамъ, общинамъ и товариществамъ на условіяхъ, устанавливаемыхъ народнымъ правленіемъ и земствами.

При всей своей прямолинейности авторы этого законопроекта, не рѣшились все-таки по отношенію къ данной части общенарод-

наго достоянія предоставить «всѣмъ гражданамъ и гражданкамъ» такое же право, какое они предоставили имъ по отношенію къ сельско-хозяйственнымъ угодьямъ, а именно право требовать себѣ выдѣла опредѣленной доли въ рудникѣ или копи. Совершенно очевидно вѣдь, что «особенности дѣла» этого не позволили бы.

По тѣмъ же, нужно думать, соображеніямъ авторы законопроекта, внесеннаго во вторую Думу, по отношенію къ нѣдрамъ и вообще промысловымъ угодьямъ предпочли сказать глухо:

На основаніяхъ, однородныхъ съ изложенными въ § 8, устанавливаются правила частно-трудового пользованія нѣдрами, водами, лѣсами и другими промысловыми угодьями.

Только и всего: «однородныя правила»... Значитъ-ли это, что каждый гражданинъ имѣетъ неотъемлемое право на кусочекъ копи или, по меньшей мѣрѣ, спеціальное право на трудъ въ копяхъ? Думаю, что, если бы авторамъ законопроекта пришлось раскрыть свою формулу, то сказать это они, вѣроятно, не рѣшились бы. «Особенности въ положеніи дѣла» этого не позволили бы... Даже по отношенію къ усадебнымъ землямъ ихъ законопроектъ не предоставляетъ права «каждому гражданину» требовать выдѣла себѣ участка въ натурѣ. Они предпочли прямо сказать:

усадебные участки подъ всякаго рода постройки и сооруженія отводятся согласно съ правилами, устанавливаемыми государствомъ и органами мѣстнаго самоуправленія,

т. е., по просту говоря, признали за лучшее всю власть надъ этою землею сосредоточить въ рукахъ коллективности...

V.

Я отмѣтилъ нѣкоторыя «естественныя ограниченія» личнаго права на землю, которыя пришлось признать его сторонникамъ при первыхъ же попыткахъ отлить свою идею въ «конкретныя правовыя и хозяйственныя формы». Въ *настоящее время* неизбѣжность такихъ ограниченій достаточно очевидна. Я подчеркиваю «настоящее время»... Въ *прошломъ* они, можетъ быть, не были бы видны. Если бы передъ авторами законопроектовъ не было нынѣшнихъ громадныхъ городовъ съ чрезвычайно цѣнною землею, то, быть можетъ, они и признали бы за каждымъ гражданиномъ право повсемѣстно требовать себѣ усадебный участокъ. Точно такъ-же, если бы имъ не пришлось считаться съ горною промышленностью въ ея нынѣшнихъ формахъ, то, быть можетъ, они и нашли бы возможнымъ узаконить право поголовнаго надѣленія каменноугольными, рудными и другими подобными мѣсторожденіями: до сихъ поръ, вѣдь, въ нѣкоторыхъ общинахъ каменоломни, напримѣръ, дѣлятся по душамъ...

На смѣну захватному способу пользованія, какъ мы уже знаемъ, является при извѣстныхъ условіяхъ уравнительно-передѣльный. Изъ того, однако, что послѣдній имѣлъ или имѣетъ мѣсто въ жизни, нельзя сдѣлать заключеніе, что онъ является единственною формою равенства въ земельныхъ отношеніяхъ и что право коллективности на землю должно быть ограничено правомъ уравнительнаго передѣла. По отношенію къ ископаемымъ богатствамъ, къ усадебнымъ землямъ, къ лѣсамъ и водамъ необходимость расширить власть коллективности достаточно ясно видна уже въ настоящее время. Въ *будущемъ* же съ неменьшею очевидностью можетъ выясниться необходимость признать за нею въ интересахъ равенства неограниченное право на всю землю.

Слабая сторона отмѣченныхъ мною попытокъ указать конкретныя формы, въ какихъ должно и можетъ быть осуществлено равное право всѣхъ на землю, какъ я думаю, и состоитъ въ томъ, что авторы ихъ стремятся опредѣленную форму равенства, практикуемую при извѣстныхъ условіяхъ деревенскою общиною, распространить на всю страну, и наблюдаемыя при этой формѣ правовыя отношенія между личностью и коллективностью—признать на вѣки нерушимыми. Въ этомъ стремленіи они заходятъ не одинаково далеко. Дальше всѣхъ, быть можетъ, зашелъ г. Вихляевъ, который въ своемъ проектѣ *) даже не предусматриваетъ, что передъ нѣдрами и водами ему пришлось бы отступить со своей теоріей поголовнаго надѣленія; больше всего такихъ отступленій мы находимъ въ законопроектѣ с.-р., внесенномъ ими во вторую Думу; законопроектъ 33-хъ занимаетъ, можно сказать, среднее мѣсто. Но всѣ они въ большей или меньшей степени стремятся историческій фактъ возвести въ непреложный законъ.

Что «право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами», есть историческій фактъ, сторонники разсматриваемой мною теоріи, какъ я уже сказалъ, хорошо знаютъ. Возьмемъ хотя бы г. Вихляева. Желая объяснить происхожденіе этого права въ народныхъ воззрѣніяхъ, онъ ссылается на особенности русской исторіи. «Глубокое различіе,—говоритъ—онъ въ теченіи исторіи Западной и Восточной Европы не могло не провести столь же глубокаго различія въ воззрѣніяхъ на содержаніе имущественнаго права русскаго крестьянина и мелкаго поземельнаго собственника Западной Европы» **). Чтобы пояснить, въ чемъ заключалось это различіе, г. Вихляевъ приводитъ слова П. Н. Милюкова. «Тогда какъ на западѣ Европы,—говоритъ послѣдній,—уже со времени переселенія народовъ чуть не каждый клочокъ земли имѣетъ свою межу, своего владѣльца,—у насъ черезъ всю исторію

*) Этотъ проектъ въ болѣе подробномъ видѣ данъ П. А. Вихляевымъ въ брошюрѣ: „Аграрный вопросъ съ правой точки зрѣнія".

**) П. Вихляевъ. „Право на землю". Стр. 20—21.

красною нитью проходитъ процессъ разселенія жителей на пустыхъ и никому не принадлежащихъ пространствахъ» *). Съ своей стороны, г. Вихляевъ находитъ, что «главное содержаніе русской экономической исторіи составила исторія колонизаціи». Такимъ образомъ наличность въ государствѣ «ничьей» земли явилась однимъ изъ главныхъ факторовъ, способствовавшихъ возникновенію и благопріятствовавшихъ развитію въ народныхъ воззрѣніяхъ «права всякаго члена общины на землю».

Г. Вихляевъ указываетъ и другую особенность русской исторіи.

Право первой заимки и расчистки, содержащее въ себѣ зародышъ института частной поземельной собственности—говоритъ онъ,—не могло получить дальнѣйшаго развитія при московскомъ государственномъ укладѣ, экспропріировавшемъ по существу всѣ земли для испомѣщенія служилаго класса... Крѣпостное право также не могло воспитать въ закрѣпощенномъ населеніи представленіе о правѣ частной земельной собственности, и это населеніе скорѣе допускало право владѣльца на свою личность, чѣмъ на свою землю, формулируя свое міровоззрѣніе словами: „мы ваши, а земля наша". Историческая жизнь русскаго земледѣльческаго населенія сложилась такимъ образомъ что объектъ частно-правовыхъ отношеній,—земля, постоянно находилась въ самой тѣсной связи съ личностью крестьянина, служа орудіемъ къ его закрѣпощенію, и почти до самаго освобожденія крестьянъ земля вступала въ гражданскій оборотъ, продавалась, закладывалась и т. п. только вмѣстѣ съ находящимися на ней крестьянами **).

Таковъ этотъ второй факторъ. Г. Вихляевъ приписываетъ ему главнымъ образомъ отрицательную роль. «Естественно,—говоритъ онъ,—что при подобныхъ условіяхъ, гдѣ не было самостоятельнаго существованія самаго объекта права, не могло возникнуть въ представленіи населенія понятій, свойственныхъ частно-правовымъ земельнымъ отношеніямъ». Можно однако думать, что «московскій укладъ», превратившій землю «въ тотъ оборотный фондъ, при помощи котораго совершалось отправленіе государственныхъ функцій», сыгралъ и нѣкоторую положительную роль въ формированіи воззрѣній народа на землю: населеніе привыкло мыслить крестьянина не иначе, какъ съ землею. Такимъ образомъ право на поголовное надѣленіе—правильнѣе, можетъ быть, будетъ сказать: обязанность каждаго нести государственное тягло—до извѣстной степени можно разсматривать, какъ результатъ государственной политики. Нѣкоторые,—какъ, напримѣръ, покойный Чичеринъ въ свое время,—пытались объяснить послѣднею даже происхожденіе и всю исторію русской общины. Останавливаться на этой теоріи, давно опровергнутой, не стоитъ. Если г. Сергѣевичъ сдѣлалъ въ настоящее время попытку возродить ее, то, конечно, не въ силу новыхъ научныхъ соображеній, а въ виду потребности научно оправдать поземельную политику правительства. Но считаться съ указаннымъ факторомъ,

*) П. Н. Милюковъ. „Очерки по исторіи русской культуры". Ч. I стр. 54.

**) „Право на землю". Стр. 21, 22 и 23.

оказавшимъ, несомнѣнно, замѣтное вліяніе на правовыя воззрѣнія народа, конечно, нужно.

Отмѣчу, наконецъ, третью особенность, которую указываетъ г. Вихляевъ уже для пореформенной жизни. Земля осталась и остается главнымъ источникомъ существованія для громадной части русскаго народа.

Фабрично-заводскіе рабочіе съ постояннымъ цикломъ работъ,—говоритъ г. Вихляевъ,—составляютъ лишь небольшую долю общаго числа лицъ, живущихъ отъ заработной платы. Болѣе характернымъ для русскаго рабочаго класса является непостоянный, сезонный характеръ его промысловаго труда. Въ силу подобнаго условія, участники этой категоріи работъ не могутъ жить исключительно одной заработной платой. Работа въ теченіе полугода не можетъ, въ силу прочно установившихся законовъ экономическихъ явленій, дать содержаніе рабочей силы въ теченіе круглаго года. Эта невозможность существовать исключительно одной заработной платой для огромной категоріи промысловыхъ рабочихъ и представляетъ изъ себя могущественнѣйшій экономическій факторъ, прикрѣпляющій этихъ рабочихъ къ землѣ и къ земледѣльческому хозяйству. Но и тѣ изъ отхожихъ промышленниковъ, которые живутъ на сторонѣ круглый годъ, обнаруживаютъ тѣсную связь съ деревней. Масса населенія, заинтересованная въ земледѣльческихъ доходахъ и заработкахъ, не ограничивается однимъ постояннымъ населеніемъ деревень, а включаетъ въ свой составъ значительную долю постояннаго населенія городовъ *).

Всеобщая почти заинтересованность въ земледѣльческомъ хозяйствѣ—таковъ третій «могущественный факторъ», способствовавшій поддержанію мысли, что каждый гражданинъ должень имѣть свою долю въ землѣ.

Я постарался извлечь важнѣйшія мысли изъ не совсѣмъ стройнаго изложенія г. Вихляева относительно условій, способствовавшихъ возникновенію и благопріятствовавшихъ развитію въ народныхъ воззрѣніяхъ «осуществляемаго уравнительными передѣлами права всякаго члена общины на землю». (Я допускаю пока, какъ уже было оговорено мною, что наличность такого права въ народномъ сознаніи констатирована г. Вихляевымъ вполнѣ точно). Не трудно, мнѣ кажется, понять, что всѣ указанные имъ факторы имѣютъ преходящій характеръ. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы первый изъ нихъ—наличность въ государствѣ «пустыхъ, никому не принадлежащихъ пространствъ». Обстоятельство это, несомнѣнно, могло оказывать замѣтное вліяніе на правовыя воззрѣнія народа, поддерживая въ немъ мысль, что каждый желающій можетъ получить себѣ надѣлъ. Если представлять себѣ государство, какъ одну общину, то можно было бы, пожалуй, утверждать, что даже въ настоящее время все землепользованіе можно построить на заимочномъ правѣ, и что въ интересахъ равенства достаточно было бы предоставить каждому, какъ это было въ захватный періодъ, свободно занимать «ничью» землю. Вѣдь и теперь такая

*) Ibid. стр. 25.

земля въ государствѣ еще имѣется... Такъ далеко, однако, въ отстаиваніи личныхъ правъ на землю г. Вихляевъ не идетъ,—онъ признаетъ необходимость общественной власти, выражающейся уравнительными передѣлами. Въ захватный періодъ вернуться онъ не расчитываетъ, но онъ думаетъ, что можно на-вѣки остаться въ уравнительно-передѣльномъ. Но, вѣдь, колонизаціонный процессъ когда-нибудь завершится. Не трудно представить себѣ время, когда «чуть не каждый кусочекъ земли будетъ имѣть свою межу, своего владѣльца». Сохранится ли тогда въ народномъ сознаніи мысль, что каждый желающій можетъ получить свою долю земли въ натурѣ? Да и теперь, когда запасы «ничьей» земли еще имѣются, можно ли защищать равенство въ формѣ поголовнаго надѣленія? Напомню упрекъ, брошенный по адресу «права на землю», понимаемаго въ этомъ смыслѣ, однимъ изъ к.-д. ораторовъ во второй Думѣ, который приравнялъ его къ праву получить кусочекъ тундры или тайги. Г. Мушенко отъ имени с.-р. попытался на него отвѣтить, но, по совѣсти говоря, отразить его оказался не въ силахъ. Осуществить равенство при помощи поголовнаго надѣленія даже въ средѣ земледѣльческаго населенія было бы трудно...

Возьмемъ другой факторъ—«московскій укладъ». Про то, что онъ имѣетъ временный характеръ, говорить нечего. Любопытнѣе отмѣтить другое: въ своемъ конечномъ выводѣ г. Вихляевъ счелъ за лучшее устранить вліяніе этого фактора. Чтобы получить въ итогѣ своихъ изысканій «право на землю всякаго члена общины, осуществляемое уравнительными передѣлами», онъ долженъ былъ, какъ мы видѣли, «отдѣлить отъ общины историческія наслоенія фискальнаго и административно-полицейскаго свойства». Это, конечно, и понятно: иначе, вѣдь, онъ получилъ бы, пожалуй, не «право на землю», а обязанность держать ее. Процвѣтанію личныхъ правъ «московскій укладъ», какъ извѣстно, отнюдь не содѣйствовалъ...

Возьмемъ, наконецъ, третій факторъ—связь городского населенія съ земледѣліемъ. Считать это явленіе постояннымъ въ соціальной жизни мы тоже не вправѣ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, исторія шла въ томъ направленіи, что промысловое населеніе все больше отдѣлялось отъ земледѣльческаго, и этотъ процессъ дифференціаціи настолько далеко подвинулся, что уже въ настоящее время значительная часть населенія не можетъ удовлетвориться равенствомъ въ поземельныхъ отношеніяхъ, осуществляемымъ въ формѣ права на поголовное надѣленіе. Слишкомъ мало даетъ такое равенство тѣмъ, кто не хочетъ или не можетъ уже вернуться къ земледѣлію. Теперь мы имѣемъ наглядное доказательство тому, какъ мало удовлетворяетъ промысловую часть населенія равенство въ земельныхъ отношеніяхъ, даваемое нынѣшней общиной: первое мѣсто въ ряду укрѣпляющихъ надѣльную землю въ личную собственность, по идущимъ со всѣхъ сторонъ свѣдѣ-

ніямъ, занимаютъ крестьяне, ушедшіе отъ земледѣлія въ промыслы. «Право на землю», предлагаемое имъ современной общиной, они спѣшатъ обратить въ деньги. Г. Вихляевъ, повидимому, чувствуетъ, что проектируемое имъ равенство уже при настоящихъ условіяхъ оказывается не совсѣмъ равнымъ. И онъ спѣшитъ успокоить своихъ читателей увѣреніемъ, что благами его всѣ воспользуются.

Реальными выгодами, истекающими изъ установленія общегражданскихъ правъ на землю для преобладающей массы населенія страны,—говоритъ онъ,—воспользуется рефлекторно и неземледѣльческое меньшинство. Воспользуется тѣмъ, что рабочій рынокъ будетъ освобожденъ отъ притока деревенскихъ пауперовъ, сбивающихъ цѣну на трудъ и грозящихъ своей дезорганизованной массой силѣ сопротивленія и борьбы рабочаго класса за лучшее будущее. Воспользуется также и тѣмъ мощнымъ толчкомъ къ развитію индустріи, который будетъ данъ изъ деревни силою подъема ея благосостоянія... Но этого мало. Особенностью всякой субъективной публично-правовой нормы является то, что въ ней потенціально заложена возможность для всякаго гражданина осуществить свое право *)...

Не лишне будетъ напомнить, что сторонники личной земельной собственности предлагаютъ тѣмъ, кто не имѣетъ ея, также удовлетвориться «рефлекторными» и «потенціальными» благами, хотя и не вполнѣ совпадающими съ тѣми, какія указываетъ въ данномъ случаѣ г. Вихляевъ. Напоминая объ этомъ, я вовсе не хочу сказать, что считаю такія блага призрачными. Но нельзя проблему равенства,—а вѣдь мы ее обсуждаемъ,—ставить такъ, что одни будутъ пользоваться непосредственными благами, а другіе должны довольствоваться «рефлекторными». Достаточно удовлетворительно разрѣшить эту задачу въ дифференцированномъ уже обществѣ нельзя, исходя изъ личныхъ правъ на землю,—для этого послѣднюю нужно всецѣло подчинить общественной власти. Только коллективное право на землю можетъ быть при усложнившейся общественной организаціи равнымъ, и только такое право будетъ для всѣхъ реальнымъ, а не потенціальнымъ, какимъ неизбѣжно для многихъ должно остаться личное право.

Въ той же формѣ равенство, въ какой проектируетъ его г. Вихляевъ, можетъ быть достигнуто только въ деревенской общинѣ, гдѣ всѣ непосредственно и одинаково заинтересованы въ земледѣліи. Достигнуть же равенства по этой системѣ въ современномъ государствѣ можно было бы, пожалуй, не иначе, какъ воспользовавшись рецептомъ, какой предложилъ нѣкій г. Полтавскій, явившійся въ качествѣ представителя соціалъ-демократической партіи въ трудовую группу первой Государственной Думы, когда тамъ разрабатывался аграрный законопроектъ. Радѣя объ интересахъ пролетаріата, онъ предложилъ раздѣлить всю землю на равные «пайки» и предоставить по «пайку» каждому гражда-

*) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія“. Стр. 61.

нину. Такимъ путемъ,—разъяснилъ онъ,—и пролетарій получитъ свою долю; обрабатывать землю послѣдній, конечно, не будетъ, но, вѣдь, онъ можетъ сдать ее въ аренду: нѣсколько рублей все-таки получитъ... Но идти такъ далеко во взятомъ имъ направленіи г. Вихляевъ, несомнѣнно, не хочетъ; не дойдя же до точки, до которой дошелъ г. Полтавскій, равенства въ земельныхъ отношеніяхъ, можно съ увѣренностью сказать, онъ не достигнетъ...

Мы разсмотрѣли условія, которыя способствовали, по мнѣнію г. Вихляева, возникновенію и развитію въ народномъ сознаніи «права на землю», какъ онъ его понимаетъ. Условія эти оказались временными, преходящими. Съ исчезновеніемъ ихъ,—а конецъ имъ уже близокъ,—въ народномъ правосознаніи могутъ произойти и въ дѣйствительности уже происходятъ существенныя измѣненія, въ результатѣ чего граница между личными и коллективными правами можетъ и, несомнѣнно, должна замѣтно передвинуться. Между тѣмъ г. Вихляевъ желаетъ утвердить эту границу въ качествѣ неподвижной и право на землю въ томъ видѣ, въ какомъ онъ нашелъ ее въ современной общинѣ, сохранить навѣки.

Второй уже разъ я говорю: навѣки... Въ самомъ дѣлѣ: что такое представляютъ изъ себя «естественныя». «неотъемлемыя» права личности? Это именно права, которыя можно мыслить вѣчными, которыя должны и могутъ остаться, какъ бы ни мѣнялись историческія условія, какую бы форму ни получила общественная организація. Таковы, напримѣръ, права на свободу совѣсти, слова, собраній... Мы добиваемся ихъ въ современномъ государствѣ и не сомнѣваемся, что они сохранятся за каждой личностью въ соціалистическомъ строѣ. Мы не можемъ допустить даже мысли, чтобы какая-либо коллективность, хотя бы при самой демократической ея организаціи, распоряжалась тѣмъ, чему граждане должны вѣровать, въ какой формѣ они должны дѣлиться мыслями. Къ числу такихъ же «неотъемлемыхъ» правъ личности г. Вихляевъ относитъ и «право на землю», понимаемое въ смыслѣ права на опредѣленную часть ея въ натурѣ, или, по меньшей мѣрѣ, какъ допускаютъ другіе сторонники той же теоріи, на опредѣленную долю въ непосредственныхъ благахъ, какія можетъ доставить обладаніе ею. Если даже допустить, что такое право на землю дѣйствительно въ народномъ сознаніи существуетъ, то и въ такомъ случаѣ, какъ я думаю, нельзя признать его «неотъемлемымъ», нельзя даже мыслить его вѣчнымъ.

VI.

Существуетъ ли, однако, такое право? Точно ли сторонники личной теоріи констатировали факты? вѣрно ли они сдѣлали изъ нихъ выводы? Дѣйствительно ли право на землю, обусловливающее собою передѣлы земли въ современной общинѣ, понимается народомъ, какъ личное и притомъ неотъемлемое право?

Если взять уравнительно-передѣльную общину въ извѣстной стадіи ея развитія, откинуть осложняющіе моменты ея жизни, взять, такъ сказать, остовъ существующихъ въ ней правовыхъ отношеній, то, пожалуй, можно сдѣлать выводъ, что коллективная власть надъ землею ограничивается въ ней исключительно регулированіемъ личныхъ правъ ея членовъ. Въ прошлый разъ я уже говорилъ, когда и какъ проявляется эта власть. Въ составѣ общины появляются лица, которымъ не къ чему приложить свой трудъ или нечѣмъ кормиться,—тогда выступаетъ коллективность и, пользуясь принадлежащей ей властью, возстановляетъ права однихъ изъ членовъ, нарушенныя другими, т. е. производитъ передѣлъ. Возстановивъ равенство, коллективная власть надъ землею какъ бы замираетъ и въ общинной жизни наступаетъ періодъ господства индивидуальнаго права, каковой и длится до новаго передѣла. Такова схема взаимныхъ отношеній между личностью и коллективностью въ уравнительно-передѣльной общинѣ. Если взять эту схему и разсматривать ее, какъ законченный фактъ, внѣ связи съ осложняющими ее въ дѣйствительной жизни остатками прошлаго и зачатками будущаго, то можно, пожалуй, прійти къ выводу, къ которому вслѣдъ за г. Изгоевымъ пришелъ В. М. Черновъ, а именно, что «юридическимъ стержнемъ» общины является «правомочіе отдѣльнаго лица».

Право на землю со стороны общины—говоритъ въ цитированной уже мною статьѣ г. Черновъ—не есть первоначальное право, и права отдѣльныхъ членовъ на пользованіе не суть производныя, общиной дарованныя права. Скорѣе наоборотъ—права общины суть права производныя, ибо община есть лишь механизмъ, *регулирующій* осуществленіе всѣми ея членами, въ ряду поколѣній, своихъ индивидуальныхъ правъ на пользованіе землею. Рожденіе и трудъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю; и община, какъ цѣлое, при наличности этихъ основаній *не можетъ* отказать въ землѣ. Итакъ эти права суть первоначальныя и неотъемлемыя *).

«Скорѣе наоборотъ... итакъ эти права суть первоначальныя и неотъемлемыя»... Не черезчуръ ли это скорый способъ дѣлать выводы? Позволю себѣ вновь напомнить читателямъ, что рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ не о нравственномъ правѣ... Сознаніе, что всѣмъ нужно жить, что всѣмъ нужно кормиться и что нельзя ста-

*) В. Черновъ. Соціализація и община. „Народное Знамя“ 1907 г. № 1.

вить людей въ положеніе, когда имъ не къ чему приложить своихъ рукъ, несомнѣнно, присуще общинѣ и играетъ, какъ можно думать, видную роль въ ея жизни, въ томъ числѣ и въ передѣлахъ. Но не это имѣетъ въ виду В. М. Черновъ. Онъ говоритъ о «юридическомъ стержнѣ», о «правомочіи» отдѣльнаго лица, о правѣ, отказать въ удовлетвореніи котораго община «не можетъ». Въ этомъ смыслѣ его выводъ мнѣ и кажется черезъ-чуръ ужъ поспѣшнымъ и во всякомъ случаѣ не въ мѣру упрощеннымъ.

Напомню прежде всего, что правовыя отношенія въ земельной сферѣ, поскольку рѣчь идетъ о крестьянской массѣ, у насъ еще не доразвились до личныхъ правъ,—будутъ ли то права первоначальныя или производныя. Лицевые счета въ общинѣ, можно сказать, еще не заведены; она ведетъ ихъ не съ отдѣльными лицами, а съ цѣлыми домохозяйствами. Лицо для нея не субъектъ права, а только аршинъ, которымъ она мѣряетъ права отдѣльныхъ домохозяевъ. И вотъ этотъ-то аршинъ, употребляемый общиной, какъ оказывается, бываетъ разный.

«Рожденіе и трудъ,—говоритъ В. М. Черновъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю»... Спрашивается: нужно-ли, чтобы въ наличности были оба эти основанія или достаточно одного изъ нихъ? Изъ приведеннаго мною мѣста статьи г. Чернова слѣдуетъ какъ будто, что нужны оба: «при наличности *этихъ* основаній община *не можетъ* отказать въ землѣ». А вотъ г. Вихляевъ полагаетъ, что достаточно одного изъ нихъ: въ основаніе «права на землю», по его мнѣнію, должно быть положено не «право на трудъ», а «право на существованіе». «Право на землю—говоритъ онъ—принадлежитъ всякой личности въ государствѣ безъ различія пола и возраста», и въ общинѣ разверстку по ѣдокамъ онъ считаетъ самою совершенною... Въ дѣйствительности же, какъ мы знаемъ, крестьяне дѣлятъ землю и по работникамъ, и по мужскимъ душамъ, и по душамъ обоего пола и просто по «семейству глядя», въ зависимости отъ того, какое основаніе представляется общинѣ при данныхъ условіяхъ наиболѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ.

«Рожденіе и трудъ—вотъ два основанія для пріобрѣтенія права на землю»... Но не только они одни. По крайней мѣрѣ, сама община при выборѣ основанія для разверстки чувствуетъ себя гораздо болѣе свободною. Позволю себѣ привести примѣръ, рискуя, что нѣкоторымъ изъ читателей онъ покажется, быть можетъ, экстравагантнымъ. Въ одномъ изъ только что полученныхъ мною писемъ, посвященныхъ происходящей теперь въ крестьянствѣ борьбѣ изъ-за укрѣпленія надѣльной земли въ личную собственность, между прочимъ говорится:

Все остальное крестьянство не допускаетъ и мысли укрѣпить или выдѣлить кому либо надѣльную землю въ личную собственность. Крестьяне про законъ имѣютъ плохое понятіе, все разбираютъ по своему: дескать земля

мірская и принудить общество противъ его желанія никто не имѣетъ права. Только міръ, кому захочетъ, можетъ дать землю; будь у общества общественный быкъ, общество можетъ дать и этому быку надѣлъ..

Знакомые съ общинными порядками поймутъ, что это не для краснаго только словца говорится. Не рѣдкость, вѣдь, что надѣлъ быку дѣйствительно дается. Міръ такъ и понимаетъ свои права: «кому захочетъ, можетъ дать землю». Захочетъ—и, при разверсткѣ по работникамъ или по мужскимъ душамъ, дастъ надѣлъ старухѣ, «чтобы было чѣмъ кормиться» или вырѣжетъ лишнюю душу многосемейному «на бабъ» или «на малолѣтковъ».

По крайней мѣрѣ, такъ было до закона о передѣлахъ. Послѣдній лишилъ права общину допускать при передѣлѣ какія либо отступленія отъ общаго основанія, принятаго для разверстки. Такимъ путемъ правительство желало оградить права отдѣльныхъ домохозяевъ отъ произвола міра. Я не вхожу здѣсь въ оцѣнку необходимости такого ограниченія въ интересахъ равенства, а такъ же и того, насколько можно считать нормальнымъ, что земля служитъ средствомъ для общественной благотворительности. Для меня важно уяснить лишь, какъ самъ міръ понимаетъ свои права. И законъ о передѣлахъ я напомнилъ для того лишь, чтобы оттѣнить, что ограниченіе этихъ правъ пришло въ данномъ случаѣ со стороны государства, а не со стороны личности.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что «основаніе для пріобрѣтенія права на землю»—не есть что-либо напередъ данное, неизмѣнное. Оно свободно выбирается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ коллективностью. Теперь спрашивается: чьи права слѣдуетъ считать первоначальными и чьи производными? Слѣдуетъ ли считатать первоначальнымъ право общины, которая выбираетъ основаніе для разверстки, или же право отдѣльнаго лица, которое на этомъ, не имъ выбранномъ, основаніи можетъ предъявлять свои притязанія къ общинѣ? Можно ли личное право, основаніе для котораго дается общиной, считать неотъемлемымъ? И можно ли, наконецъ «юридическимъ стержнемъ» считать правомочіе отдѣльнаго лица, если имѣются основанія думать, что носителемъ права—даже производнаго права—въ общинѣ до сихъ поръ является дворъ, хотя и маленькая коллективность, а не отдѣльная личность? Увѣренъ, что отвѣтить на эти вопросы читатели не затруднятся.

Чтобы лучше уяснить взаимныя отношенія личнаго и коллективнаго права на землю въ общинѣ, считаю не лишнимъ остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ.

Община,—какъ коллективъ, поддерживающій на опредѣленной сельскохозяйственной территоріи въ ряду поколѣній равное право каждаго изъ своихъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ членовъ на пользованіе землею—это такое своеобразное явленіе,—говоритъ В. М. Черновъ,—которое не подходитъ ни подъ одно изъ опредѣленій Х-го тома. Пресловутый Х-й томъ знаетъ право собственности юридическаго лица; но это право такъ рѣзко отдѣлено отъ

правъ пользованія отдѣльныхъ членовъ, что ему совершенно противорѣчитъ признаваемое и закономъ, и обычаемъ неотъемлемое право каждаго общинника требовать выдѣла себѣ доли въ пользованіе на равныхъ основаніяхъ съ другими *).

«Приравниваніе общиннаго землепользованія къ собственности на землю общины, какъ юридическаго лица» дѣйствительно было бы «грубою ошибкою». Но г. Черновъ идетъ въ данномъ случаѣ гораздо дальше. Надо сказать, что онъ относится въ высшей степени отрицательно къ «теоріи юридическаго лица», которая, по его мнѣнію, «имѣетъ совершенно опредѣленное предназначеніе: именно, ассимилировать общественную собственность, подчинивъ ее законамъ буржуазныхъ правовыхъ понятій» **). Въ этомъ опасеніи онъ заходитъ такъ далеко, что какъ будто даже забываетъ, что главная опасность, какая угрожаетъ общинѣ это то, что ея земля обратится въ «общую собственность», какъ понимаетъ послѣднюю X-й томъ, а не то, что она сдѣлается собственностью юридическаго лица, т. е. собственностью общественной. Въ связи съ этимъ представляется крайне характернымъ, что главное отличіе общиннаго землевладѣнія отъ собственности юридическаго лица г. Черновъ видитъ въ «признаваемомъ и закономъ, и обычаемъ неотъемлемомъ правѣ каждаго общинника требовать выдѣла себѣ доли въ пользованіе на равныхъ основаніяхъ съ другими». Такимъ образомъ власть коллективности оказывается ограниченной «неотъемлемымъ» правомъ личности, уже съ другой стороны: не въ основаніяхъ разверстки, о чемъ была рѣчь выше, а въ формахъ землепользованія. Выходитъ какъ будто такъ: каковы бы ни были основанія, но выдѣлъ, разъ этого требуетъ членъ общины, для послѣдней обязателенъ. Въ словахъ г. Чернова чувствуется въ данномъ случаѣ, какъ и вообще когда онъ подходитъ къ этому вопросу, нѣкоторая неясность: въ сущности неизвѣстно, на чемъ онъ ставитъ удареніе—на выдѣлѣ ли, или на равенствѣ. Приходится думать, что на выдѣлѣ, такъ какъ пользоваться и распоряжаться «на равныхъ основаніяхъ» можно и собственностью юридическаго лица, т. е. когда вся власть надъ вещью сосредоточивается въ рукахъ коллективности. Во всякомъ случаѣ г. Вихляевъ, какъ мы уже знаемъ, неотъемлемымъ правомъ считаетъ право выдѣла,—иначе, вѣдь, онъ и не могъ бы прійти къ своей теоріи поголовнаго надѣленія.

Дѣйствительно ли, однако, личность въ современной общинѣ имѣетъ это неотъемлемое право? Мнѣ кажется, достаточно будетъ напомнить немногіе факты, чтобы читатели усумнились въ наличности такого права. Прежде всего укажу на то, что община нерѣдко распоряжается своей землей, какъ «юридическое лицо»:

---

*) „Народное Знамя“, 1907 г. № 1.

**) „Народный Вѣстникъ“, 1906 г. № 2.

сдаетъ ту или иную ея часть въ аренду, обращаетъ на удовлетвореніе общественной надобности, и даже просто-на-просто «пропиваетъ» на сходѣ... И какія бы ни предъявлялись возраженія противъ того или другого изъ такихъ распоряженій съ точки зрѣнія цѣлесообразности, въ правомѣрности ихъ никто обыкновенно не сомнѣвается. Изъ этого, казалось бы, слѣдуетъ, что права юридическаго лица надъ своею землею община имѣетъ,—и только, быть можетъ, не всегда ими пользуется.

Съ другой стороны, дѣлежъ или равныя доли въ пользованіи являются далеко не единственно формою равенства въ тѣхъ случаяхъ, когда община свое коллективное право дробитъ на права отдѣльныхъ домохозяевъ. Вообще общинные порядки очень разнообразны,—въ нихъ много, какъ я уже сказалъ, остатковъ стараго и зачатковъ новаго. Въ частности усадебныя, напримѣръ, земли давно уже во многихъ общинахъ не подвергаются передѣламъ. Въ однѣхъ общинахъ перевѣсъ взяло индивидуальное право, нашедшее себѣ въ этомъ случаѣ особенно сильную поддержку въ писаномъ законѣ: усадьбы здѣсь находятся въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи, сохраняя нерѣдко тѣ самые размѣры, въ какихъ онѣ опредѣлились въ періодъ захватнаго права. Въ другихъ общинахъ по отношенію къ усадебнымъ землямъ практикуются иные способы равненія—напримѣръ, путемъ обложенія излишковъ,—что объясняется, конечно, «особенностями въ положеніи дѣла». Эти «особенности» извѣстны и авторамъ отмѣченныхъ выше законопроектовъ, допустившимъ, какъ мы видѣли, по отношенію къ усадебнымъ землямъ отступленія отъ общаго порядка. Вообще въ формахъ уравненія, какія практикуетъ община, такъ же какъ и въ основаніяхъ разверстки, нѣтъ ничего напередъ даннаго, навсегда неизмѣннаго. При выборѣ этихъ формъ общинѣ приходится сообразоваться съ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, и—кто знаетъ?—отъ умѣнья общины приспособить ихъ къ окружающимъ условіямъ зависѣло, быть можетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сохранилось ли общинное право или окончательно уступило мѣсто личному началу.

Не случайно для послѣдняго примѣра я взялъ усадебныя земли. У меня вовсе нѣтъ желанія перегибать палку въ другую сторону. Я думаю, что коллективное право на землю есть первоначальное, а личное право—производное, но это не значитъ еще, что послѣднее не имѣетъ, или, по крайней мѣрѣ, не стремится пріобрѣсти самостоятельное существованіе. Въ прошлый разъ мнѣ пришлось уже говорить, что уравнительно-передѣльный періодъ землепользованія характеризуется борьбою двухъ правовыхъ началъ: индивидуальнаго и коллективнаго. Возникнувъ въ захватный періодъ, индивидуальное право на землю стремится все время укрѣпиться и перейти въ концѣ концовъ въ личную собственность. Коллективное право, періодически возрождаясь, уничтожаетъ его съ корнемъ,

но каждый передѣлъ даетъ новое личное право—несомнѣнно, производное,—но которое немедленно начинаетъ пускать корни, стремясь пріобрѣсти самостоятельное существованіе и даже вовсе заглушить коллективное право.

И надо сказать, что въ этой борьбѣ двухъ началъ побѣда далеко не всегда остается на сторонѣ коллективности. Такъ, по отношенію къ значительной части усадебныхъ земель община почти вовсе утратила свое право, и возстановить его безъ поддержки извнѣ едва-ли ей уже удастся. Во многихъ случаяхъ права ея и по отношенію къ другимъ землямъ представляются уже сомнительными.

Крайне характерно, что, чувствуя свое безсиліе справиться съ индивидуальнымъ правомъ, община пытается иногда отъ него какъ бы отмежеваться,—сохранить хотя бы часть земли подъ своею нераздѣльною властью. Въ качествѣ примѣра укажу на владѣніе «мірскими душами» (выморочными) въ тѣхъ случаяхъ, «когда община не рѣшается ни отдать поступившую въ ея распоряженіе землю отдѣльнымъ хозяйствамъ, ни раздѣлить между всѣми».

Если земля оставляется за общиной, то послѣдняя пользуется одинаковымъ съ отдѣльными хозяйствами правомъ па опредѣленную долю во всѣхъ надѣльныхъ угодьяхъ. Такимъ образомъ она пріобрѣтаетъ новое право на часть надѣльной земли, болѣе полное и отличное отъ того, какое она имѣетъ по отношенію ко всей землѣ. Принадлежащею ей на этомъ основаніи частью надѣльной земли она можетъ распоряжаться такъ же, какъ и отдѣльный дворъ и во всякомъ случаѣ болѣе свободно (не опасаясь ссылокъ на выкупъ, удобреніе и т. д.), чѣмъ тою частью общинной земли, которая распредѣлена по отдѣльнымъ дворамъ. Такимъ образомъ на ряду съ общиннымъ въ значительной мѣрѣ условнымъ землевладѣніемъ, возникаетъ новое, спеціально-общинное владѣніе. Это новое общинное владѣніе возникаетъ и развивается на развалинахъ прежняго. Чѣмъ болѣе населеніе дорожитъ землею, чѣмъ рѣже въ немъ частные переходы земли, чѣмъ менѣе вѣроятна возможность общаго передѣла, тѣмъ менѣе охотно община разстается съ поступающею въ ея распоряженіе землею и тѣмъ чаще оставляетъ ее за собою *).

Только въ такой «новой общинѣ», какъ она названа въ цитированномъ сборникѣ, коллективное право на землю можно считать достаточно хорошо защищеннымъ въ борьбѣ съ личнымъ началомъ. Всматриваясь въ эту форму землевладѣнія, не трудно, какъ мнѣ кажется, убѣдиться, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло не съ общинной уже, а съ общественной собственностью или «собственностью юридическаго лица», что не предрѣшаетъ, однако, какъ думаетъ В. М. Черновъ, буржуазнаго характера возникающихъ при этомъ правовыхъ отношеній. По крайней мѣрѣ, при эксплоатаціи «мірскихъ душъ», оставляемыхъ за общиной, послѣдняя нерѣдко «преслѣдуетъ, какъ говорится въ сборникѣ, цѣли, вполнѣ однородныя съ цѣлями общихъ и частныхъ передѣловъ»...

*) Статистическое описаніе Калужской губерніи. Т. I. Козельскій уѣздъ. Вып. II, стр. 53.

По отношенію къ остальной землѣ, гдѣ преобладающее значеніе получило индивидуальное право, такія цѣли даже не ставятся.

Рѣзкій разрывъ коллективнаго права съ личнымъ, вродѣ только что мною указаннаго, встрѣчается сравнительно рѣдко, въ видѣ исключенія, но и за всѣмъ тѣмъ подобные случаи, какъ мнѣ кажется, очень характерны: они съ полною наглядностью вскрываютъ не только наличность двухъ борющихся въ общинѣ началъ, но и то, куда стремится отклонить линію правового развитія каждое изъ нихъ: побѣда индивидуальнаго начала ведетъ къ водворенію личной собственности на землю, побѣда коллективнаго—къ установленію собственности общественной.

VII.

Мы должны заглянуть и въ будущее. Въ интересующемъ насъ вопросѣ имѣетъ значеніе не только исторія, но и логика. Важно не только прошлое народнаго правосознанія и современное его состояніе, но и то, въ какомъ вообще направленіи должна идти линія правового развитія въ земельныхъ отношеніяхъ.

Вдумаемся нѣсколько въ проблему, которою мы въ настоящій разъ заняты. Всѣ люди имѣютъ равное право на землю... Это значитъ, вѣдь, нѣчто большее, чѣмъ право на загонъ пашни или дѣлянку лѣса. Поэтому то я и предпочелъ въ своемъ мѣстѣ болѣе общую формулу: всѣ люди имѣютъ равное право на обладаніе міромъ *),—на обладаніе не только полями и лѣсами, нѣдрами и водами, но и всякою другою вещью въ мірѣ, не исключая... того пера, которымъ я сейчасъ пишу. Уже теперь не трудно предвидѣть, что интересующая насъ соціально-этическая заповѣдь получитъ въ концѣ концовъ такой именно всеохватывающій характеръ. Но ограничимъ пока предѣлы ея дѣйствія: исключимъ то, что создано трудомъ, и приложимъ ее только къ тому, что дано природой, къ ея силамъ и къ ея матеріаламъ. Часть ихъ заключена и въ моемъ перѣ... Но возьмемъ вещь, въ которую ничего не вложено человѣкомъ, и которая цѣликомъ дана природой: напримѣръ, дерево въ лѣсу. Всѣ люди имѣютъ на него одинаковое право, но воспользоваться имъ могутъ только нѣкоторые... Уже здѣсь возникаетъ ограниченіе личныхъ правъ на вещь, уже отсюда проистекаетъ необходимость коллективной надъ нею власти. Другими словами: по линіи личнаго права нельзя дойти до полнаго равенства, и если бы мы все-таки стали стремиться къ нему, то дошли бы въ концѣ концовъ до абсурда.

Въ формѣ личнаго права на вещь возможно лишь условное равенство, лишь нѣкоторое приближеніе къ нему. Такъ его обыкно-

*) „Программные вопросы". Вып. I, стр. 13 и слѣд.

венно и мыслять, а именно въ видѣ доли въ вещи, равной съ другими. Но и дѣлежъ имѣетъ свой предѣлъ, за которымъ начинается распыленіе вещи, уменьшеніе и даже исчезновеніе полезныхъ свойствъ въ ней. Можно распылить и землю.

Говоря выше о проектахъ, въ основу которыхъ авторы ихъ пытались положить неотъемлемое право личности на землю, я не отмѣтилъ одно изъ самыхъ существенныхъ его ограниченій, каковое всѣ они признали нужнымъ допустить. Правда, ни въ одномъ изъ проектовъ оно прямо не выражено, но изъ всѣхъ нихъ несомнѣнно вытекаетъ. Всѣ они устанавливаютъ въ качествѣ минимальной «потребительную норму» надѣла. Даже П. Вихляевъ полагаетъ, что въ этомъ отношеніи нуженъ нѣкоторый предѣлъ, который долженъ «опредѣляться размѣрами и составомъ нормальнаго земледѣльческаго бюджета, главнымъ образомъ расходной его страницей» *). Въ расходную же страницу онъ вписываетъ: 1) нормальныя человѣческія потребности въ пищѣ, одеждѣ и теплѣ, опредѣленіе которыхъ должно составлять задачу гигіенистовъ; 2) подати и повинности, каковые, по его мнѣнію, могутъ быть сокращены до полнаго исчезновенія, и 3) расходы на хозяйственныя потребности, какъ «предохранительные», такъ и «меліоративные» *). «Указанными расходами,—говоритъ г. Вихляевъ и должны опредѣляться размѣры того нормальнаго надѣла, на которое получаетъ право всякій русскій гражданинъ, желающій вести земледѣльческое хозяйство своимъ трудомъ». Въ общемъ также опредѣляютъ минимальную норму надѣла и законопроекты, внесенные въ первую и вторую Думы. Изъ этого слѣдуетъ, что авторы ихъ въ дѣлежѣ земли считаютъ возможнымъ идти лишь до извѣстнаго предѣла. При этомъ мыслимо, что по указаннымъ нормамъ земли на всѣхъ не хватитъ. «Всякій русскій гражданинъ» имѣетъ право на землю и можетъ ее требовать, но это еще не значитъ, что всякій ее получитъ. Г. Вихляевъ такъ и говоритъ: «это право возлагаетъ на государство обязанность удовлетворить эти требованія въ размѣрѣ имѣющихся средствъ—земли». Возможно, что съ недостаткомъ наличной земли считается и законопроектъ с.-р., предусматривающій «отказъ въ отведеніи надѣловъ въ случаяхъ, того требующихъ». Такъ или иначе, но нѣкоторымъ гражданамъ, если дѣлежу будетъ поставленъ предѣлъ, придется, быть можетъ, лишиться своего

---

*) П. Вихляевъ. „Аграрный вопросъ съ правовой точки зрѣнія". Стр. 49 -50.

**) Подъ „предохранительными" расходами г. Вихляевъ разумѣетъ издержки на страхованіе; подъ „меліоративными"—издержки на улучшеніе жилищныхъ условій, на расширеніе площади землепользованія, на пополненіе инвентаря и на удовлетвореніе культурныхъ духовныхъ потребностей. Что касается текущихъ хозяйственныхъ расходовъ, -напримѣръ, на содержаніе скота,—то они въ расходную страницу „нормальнаго земледѣльческаго бюджета" имъ не вписаны... Но это произошло, очевидно, по забывчивости.

неотъемлемаго права **)... Таково второе неизбѣжное ограниченіе личнаго права на вещь и вмѣстѣ съ тѣмъ усиленіе коллективной надъ ней власти.

Поставивъ предѣлы дѣлежу и допустивъ такимъ образомъ ограниченіе личныхъ правъ на землю съ точки зрѣнія цѣлесообразности, приходится идти дальше. Если коллективность можетъ проявить свою власть, чтобы сохранить полезныя свойства вещи, то она можетъ то же сдѣлать и для того, чтобы эти свойства увеличить. Признаніе этого права за нею требуетъ та же проблема равенства: вѣдь всѣ люди, а не только тѣ, которымъ досталась земля, имѣютъ право на удовлетвореніе своихъ потребностей. Еще настойчивѣе, быть можетъ, требуетъ этого проблема свободы: не доказано, вѣдь, что подчинить своей власти міръ человѣкъ можетъ успѣшнѣе всего въ индивидуальной формѣ. Соціалисты думаютъ какъ разъ наоборотъ, а именно, что только при общественномъ хозяйствѣ господство человѣка надъ міромъ будетъ наиболѣе полнымъ. Считаясь, повидимому, съ этими соображеніями, законопроектъ с.-р. допускаетъ и еще одно логическое ограниченіе личнаго права на землю. Какъ уже мнѣ пришлось отмѣтить, онъ признаетъ за коллективностью право отбирать землю у отдѣльныхъ лицъ и обращать ее подъ общественное пользованіе, въ цѣляхъ, между прочимъ, «установленія болѣе цѣлесообразныхъ формъ хозяйства». Въ результатѣ онъ вынужденъ признать за каждымъ гражданиномъ право уже не на землю, не на вещь въ полномъ ея видѣ, а лишь на одно изъ свойствъ этой вещи,—право воспользоваться ею, какъ средствомъ производства, право «приложить свой трудъ къ землѣ».

Не трудно, однако, понять, что и въ этомъ, еще болѣе ограниченномъ видѣ, личное право на вещь—право на долю въ опредѣленномъ свойствѣ вещи—подлежитъ столь же существеннымъ ограниченіямъ, какъ и право на вещь въ полномъ ея видѣ. Можно ли въ самомъ дѣлѣ признать за человѣкомъ спеціальное «право приложить свой трудъ къ землѣ?» Если вступить на этотъ путь, то нужно идти дальше: нужно признать за каждымъ гражданиномъ спеціальное право пахать, сѣять, косить... Иначе право приложить свой трудъ къ землѣ немногаго стоитъ. Представьте, въ самомъ

*) Возможно, конечно, что въ Россіи земли по потребительной нормѣ на всѣхъ желающихъ еще хватитъ. Но насъ интересуютъ сейчасъ не историческія, а логическія ограниченія личнаго права на землю. Съ этой точки зрѣнія, не лишне отмѣтить, что авторы проектовъ дошли до необходимости ограничить дѣлежъ земли не индуктивнымъ, а дедуктивнымъ путемъ. Въ народномъ правосознаніи констатировать такое ограниченіе они не сумѣли бы: по крайней мѣрѣ, въ общинѣ „дѣлятъ землю лаптемъ поровну“, хотя бы ея далеко до потребительной нормы не хватало. Я не останавливаюсь на тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ въ проектахъ принята именно эта норма. Для меня достаточно отмѣтить, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ логическое, а не историческое ограниченіе.

дѣлѣ, себѣ хотя бы такой случай. Гражданинъ желаетъ выйти въ степь широкую съ косой вострою. Ему уже «давно гулять по травѣ степной вдоль и поперекъ съ ней хотѣлося». И онъ уже предвкушаетъ удовольствіе:

Раззудись, плечо! размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня!

И вотъ «въ своемъ интересѣ онъ приводитъ въ движеніе правопорядокъ»: «обращается въ землеустроительныя учрежденія мѣстныхъ самоуправленій и государства...» А тѣ предлагаютъ ему «приложить свой трудъ къ землѣ» въ каменноугольной копи... Но нужно идти еще дальше: если признать за гражданиномъ спеціальное право приложить свой трудъ къ пашнѣ, къ лугу, къ лѣсу и къ нѣдрамъ, то нужно признать и право приложить свой трудъ къ станку опредѣленной конструкціи,—больше того: пользоваться даннымъ именно топоромъ, этой именно сохой?.. Можетъ ли быть такое право?

Такъ же невозможно было бы признать за гражданиномъ право на опредѣленную долю какого-либо иного свойства земли,—напримѣръ, право на опредѣленную долю въ продуктѣ, какъ склоненъ ставить этотъ вопросъ по отношенію къ матеріалу для построекъ, топливу и т. п. «Проектъ основного закона о землѣ», изд. Новожиловымъ. Вообще нельзя, какъ мнѣ кажется, признать за личностью права на опредѣленный трудъ или на опредѣленный продуктъ такъ же, какъ нельзя признать за коллективностью права принуждать къ опредѣленному труду или къ потребленію опредѣленнаго продукта. Задача примирить въ этомъ случаѣ интересы личности и коллективности, думается мнѣ, выходитъ изъ сферы права, не можетъ быть разрѣшена обязательными для той или другой стороны нормами. Оставаясь же въ правовой сферѣ, если и можно признать какое-либо право за той и другой стороной, то развѣ только право на трудъ вообще: государство можетъ требовать, чтобы гражданинъ трудился, гражданинъ можетъ требовать, чтобы ему была предоставлена для этого возможность. Но и то, нужно сказать, мы еще не знаемъ, можно ли это право выразить, имѣя въ виду современныя условія, въ какихъ-либо юридическихъ нормахъ.

Во всякомъ случаѣ установить эти нормы можетъ только коллективность, отъ нея должно зависѣть, какія права на вещь можетъ имѣть личность, ея право является первоначальнымъ, неотъемлемымъ. Личныя же права на вещь—будутъ производныя, «дарованныя»...

Къ тому же выводу мы придемъ, если пойдемъ другимъ путемъ. Вернемся, въ самомъ дѣлѣ, къ тому пункту нашихъ разсужденій, гдѣ мы убѣдились, что всѣ люди получить долю въ землѣ не могутъ. Отъ кого зависитъ, какіе именно граждане изъ всѣхъ жела-

ющихъ могутъ ею воспользоваться? Зависитъ ли это всецѣло отъ общественной власти, или имѣются независимыя отъ нея личныя права, которыя ей нужно только санкціонировать?

Независимыхъ отъ общественной власти основаній для индивидуальнаго права на землю, если не считать такихъ, какъ пріобрѣтеніе силой или обманомъ, народное правосознаніе, какъ мы видѣли, знаетъ только два: право первой заимки и право затраченнаго труда. Оба они еще очень сильны въ народныхъ воззрѣніяхъ, и въ практическихъ задачахъ аграрной политики съ ними, и въ особенности со вторымъ изъ нихъ, несомнѣнно еще долго придется считаться. Но насъ сейчасъ интересуетъ не это,—не компромиссы, какіе могутъ встрѣтиться по дорогѣ, а цѣль, къ которой нужно стремиться.

Что касается права первой заимки, то конкурировать съ какимъ-либо другимъ основаніемъ для права оно, конечно, не можетъ. Обыкновенно оно заявляетъ о себѣ лишь тогда, когда нѣтъ въ наличности другихъ основаній. Въ общемъ право перваго можетъ играть въ современной жизни приблизительно ту же роль, что и жребій,—развѣ только немного больше. Даже въ періодъ своего господства оно должно было искать себѣ поддержку, какъ мы видѣли, въ правѣ труда, хотя тогда—по отношенію къ «ничьей» землѣ—оно, конечно, гораздо легче, чѣмъ теперь, могло явиться источникомъ абсолютнаго права. Въ настоящее время, по сравненію со всѣми другими основаніями, оно можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, и если я сказалъ, что съ нимъ въ практической политикѣ придется считаться, то, имѣя въ виду главнымъ образомъ такія изъ него послѣдствія, какъ преимущественное право на ту или иную землю мѣстнаго населенія передъ пришлымъ или сельскохозяйственнаго передъ промысловымъ.

Несравненно большее значеніе можетъ имѣть право труда. Народное правосознаніе до сихъ поръ склонно считать трудъ, если не единственнымъ, то главнымъ основаніемъ права на вещь, въ томъ числѣ и на землю. И сторонникамъ коллективной власти надъ нею труднѣе его оспаривать, чѣмъ какое-либо другое. Трудъ, какъ я уже указывалъ, атрибутъ личности, и продуктъ труда какъ бы непосредственно съ нею связанъ. Особенно живо эта связь чувствуется въ строѣ индивидуальнаго хозяйства. Поэтому-то личная собственность, основанная на трудѣ, большинству представляется вполнѣ правомѣрной. Но наука предъявляетъ, какъ извѣстно, «существенное возраженіе противъ теоріи, обосновывающей собственность на трудѣ, указывая неправильность лежащаго въ ея корнѣ индивидуалистическаго ученія о производствѣ, созданнаго школой физіократовъ и Ад. Смита».

Въ силу этого ученія—говоритъ г. Гамбаровъ—индивидуальный трудъ, поддержанный эвентуально капиталомъ, какъ продуктомъ прежняго труда и его сбереженій, обладаетъ производительною силою самъ по себѣ, т. е. не-

зависимо отъ общественныхъ и государственныхъ условій его примѣненія. Но теперь едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что, несмотря на всю силу инстинкта эгоизма въ человѣкѣ, склоняющаго его считать себя полнымъ хозяиномъ, какъ своихъ физическихъ и умственныхъ способностей, такъ и плодовъ своего труда,—соціальная жизнь становится всегда поперекъ этому притязанію и дѣлается участницей во всемъ, что каждый изъ насъ имѣетъ и дѣлаетъ. Прежде всего безъ соціальной или коллективной жизни не могли бы существовать и тѣ способности, которыми мы такъ справедливо гордимся. Предполагаемыя этой жизнью сношенія людей другъ съ другомъ необходимы для развитія ума и навыковъ, — въ свою очередь необходимыхъ для производства богатствъ. Если бы еще какая-нибудь цѣнность могла создаваться индивидуальнымъ трудомъ, то мы были бы вправѣ говорить о собственности, основанной на трудѣ. Въ этомъ случаѣ трудъ, безъ котораго не существовало бы цѣнности, служилъ бы дѣйствительнымъ основаніемъ для права на эту цѣнность. Но на дѣлѣ каждый индивидъ создаетъ только форму продукта, а не его матеріалъ, который доставляется природой. Сюда присоединяется въ качествѣ опредѣляющаго условія и участіе общества и всего человѣчества въ созданіи каждаго продукта, такъ что въ послѣднемъ анализѣ частная собственность, какъ и всякая другая, оказывается заключенной между двухъ полюсовъ, индивидуальнаго и соціальнаго. Каждый изъ насъ обремененъ уже при рожденіи тяжелыми обязанностями въ отношеніи къ другимъ, и въ обмѣнъ за все полученное отъ среды мы отдаемъ ей значительную часть своей энергіи и своего имущества. Говоря иначе, каждая собственность является отчасти индивидуальной, отчасти соціальной *).

Эта соціальная часть въ каждой вещи, созданной трудомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ общественныхъ отношеній и мѣнового хозяйства и даже только въ силу накопленія общечеловѣческой мысли и общечеловѣческаго опыта, все увеличивается, а индивидуальная—все уменьшается. Для массы, въ особенности крестьянской, живущей во многомъ традиціями натуральнаго хозяйства и работающей, главнымъ образомъ, въ мелкихъ индивидуальныхъ предпріятіяхъ, далеко еще неясно, что вещь въ значительной ея части является продуктомъ коллективнаго, а не индивидуальнаго труда. Поэтому-то въ народномъ сознаніи такъ прочно и стоитъ еще право послѣдняго. Можно, однако, думать, что если ни что иное, то развитіе мѣновыхъ отношеній и борьба интересовъ на рынкѣ, въ каковую все больше и больше втягивается крестьянство, заставитъ его убѣдиться въ томъ, что наука и теперь уже ясно видитъ. Во всякомъ случаѣ мы-то нисколько не сомнѣваемся въ тѣхъ перспективахъ, которыя насъ ждутъ. Мы-то увѣрены, что индивидуальное хозяйство уступитъ мѣсто коллективному. Право труда являвшееся до сихъ поръ единственнымъ справедливымъ основаніемъ для личнаго права на вещь, уже теперь является не менѣе серьезнымъ основаніемъ для права коллективности на нее, а въ будущемъ приведетъ, несомнѣнно, къ еще большему преобладанію и, можно думать, даже къ полному торжеству послѣдняго.

Что касается земли, то въ цѣнности ея уже въ настоящее

*) „Вещное право". Лекціи Ю. С. Гамбарова. (Стр. 154—156.

время затраты индивидуальнаго труда представляются совершенно ничтожными сравнительно съ тѣмъ, что дано природой, что создано обезличеннымъ уже трудомъ предыдущихъ поколѣній и что привносится, наконецъ, современными общественными условіями. Поэтому и личное право на нее уже теперь сравнительно съ коллективнымъ является слишкомъ мало обоснованнымъ. Перевѣсъ послѣдняго достаточно ясно, какъ мы видѣли, признается и народнымъ правосознаніемъ. И если бы крестьянскую мысль заставить рѣшать вопросъ о правѣ на землю не въ тѣсныхъ предѣлахъ деревенской общины, а по отношенію ко всему государству, то, я думаю, можно не сомнѣваться, что она рѣшила бы его въ пользу коллективности. При всей силѣ трудового начала въ народномъ правосознаніи, въ сферѣ земельныхъ отношеній, какъ мнѣ кажется, возможно было бы ограничиться въ его пользу одной уступкой— вознагражденіемъ за неиспользованныя улучшенія.

Резюмируя вкратцѣ доводы, изложенные въ настоящей главѣ, я думаю мы вправѣ сказать: если не сознательныя усилія людей, то логика самой жизни приведетъ ихъ къ коллективной власти надъ вещью и прежде всего надъ землею; если бы люди въ своемъ стремленіи къ равенству и свободѣ, завязали себѣ глаза, то они ощупью пришли бы въ концѣ концовъ все-таки къ такому рѣшенію; и если бы съ личной власти надъ землею сняты были всѣ ограниченія,—а ихъ по отношенію къ частной собственности даже въ западно-европейскомъ законодательствѣ имѣется уже не мало *),— то и въ такомъ случаѣ борьба личныхъ правъ привела бы такъ или иначе къ торжеству коллективнаго начала.

*) Опредѣленія аграрнаго, горнаго, лѣсного и т. п. спеціальныхъ законодательствъ, прямо и глубоко ограничивающія распоряженія частной собственностью, представляютъ собою - говоритъ г. Гамбаровъ — ни что иное, какъ выраженіе общественной и коллективной собственности на тѣ же предметы, которые состоятъ въ частномъ обладаніи. Если законъ обязываетъ меня къ улучшенію культуры на моей землѣ, къ уходу за моими же виноградными лозами, пораженными филлоксерой; если онъ не разрѣшаетъ мнѣ разработки руды, находящейся на моей землѣ иначе, какъ на особой концессіи, или даже передаетъ, помимо меня, разработку этой руды другому лицу, не имѣющему отношенія къ моей собственности; если онъ, далѣе, запрещаетъ мнѣ рубку лѣса, растущаго въ моемъ имѣніи, или вынуждаетъ меня къ вступленію въ товарищества по сооруженію и содержанію плотинъ, шлюзовъ или по искусственному орошенію и осушенію полей и т. д., то во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ, за которымъ стоитъ, общество, предъявляетъ къ частной собственности свое право общественной собственности, пока не разрушающее, но вполнѣ способное, при наступленіи извѣстныхъ условій, и разрушить частную собственность. („Вещное право“, стр. 120--121).

VIII.

Насъ все время интересовала линія правового развитія, которая ведетъ къ равенству въ земельныхъ отношеніяхъ. Я отмѣтилъ довольно многіе ея пункты; и, мнѣ кажется, что она уже достаточно для насъ опредѣлилась. Попробуемъ обозначить ее схематическою чертою.

Въ прошлый разъ я отмѣтилъ двѣ наиболѣе характерныя, какъ мнѣ казалось, стадіи въ развитіи земельнаго права: захватный періодъ землепользованія и уравнительно-передѣльный. Можно сказать, что въ первомъ изъ нихъ равное право на землю осуществлялось въ нормахъ *личной свободы*, въ второмъ—для этого уже требовалось активное вмѣшательство *общественной власти*. Коллективное право на землю, возникшее вообще раньше индивидуальнаго, сохранялось, какъ можно думать, и въ первомъ періодѣ, но оставалось въ скрытомъ состояніи, проявляясь лишь въ отстаиваніи общими силами земли отъ внѣшнихъ посягательствъ. Моментъ для перехода его изъ пассивнаго въ активное состояніе насталъ, когда запасы «ничьей» земли, земли безъ людей, если можно такъ выразиться, изсякли. Но роль коллективной власти въ этомъ второмъ періодѣ ограничивалась сравнительно тѣсными предѣлами; равенство могло осуществляться путемъ дѣлежа самой земли и каждый такимъ путемъ получалъ свою долю въ благахъ, проистекающихъ отъ обладанія ею. Въ той же формѣ равенство можетъ, пожалуй, осуществляться и теперь, но только въ тѣсной деревенской общинѣ, всѣ члены которой непосредственно заинтересованы въ земледѣліи. Если же взять современное дифференцированное государство, то осуществить въ немъ равное право всѣхъ на землю такимъ же путемъ—предоставленіемъ каждому права на долю въ ней—уже немыслимо. Условія существенно измѣнились: не только изсякли запасы земли безъ людей, но и появились цѣлые классы людей безъ земли, которые не могутъ непосредственно изъ нея извлечь свою долю въ доставляемыхъ ею благахъ. Достаточно этого одного, чтобы признать равенство неосуществимымъ въ той формѣ, въ какой его практиковала и практикуетъ уравнительно-передѣльная община. Нельзя достигнуть его и возвратомъ къ личной свободѣ въ земельныхъ отношеніяхъ; нужно идти дальше—къ усиленію въ нихъ коллективной власти. Коллективное право на землю, которое достаточно полно и сильно въ народномъ сознаніи, должно усилить свою роль въ жизни. Мы попробовали эту черту, которую намѣтили для насъ факты, провѣрить другой, которую можно провести въ мысли, стремясь продлить таковую возможно дальше. Мы убѣдились, что она ведетъ въ томъ же направленіи—къ торжеству коллективнаго права.

Совпадаетъ ли эта черта съ общей линіей, которая ведетъ къ нашимъ идеаламъ? Не проводимъ ли мы ее какъ разъ въ обратномъ направленіи? Отъ свободы къ власти,—говоримъ мы,—нужно вести линію земельнаго права. Но вѣдь мы должны идти отъ власти къ свободѣ...

Обратимся,—говоритъ В. М. Черновъ,—къ нашему народному воззрѣнію. Крестьяне часто уподобляютъ предстоящій земельный переворотъ реформѣ 1861 года. Тогда,—говорятъ они,—люди были крѣпостными. Ими можно было торговать, дарить, мѣнять ихъ на собакъ. Они были собственностью. Въ 1861 году людей освободили. Но земля осталась въ „крѣпости". Ее, нашу общую мать-кормилицу, и теперь еще можно дѣлить, продавать, покупать; ею, нашею матерью, можно барышничать. Земля еще не освобождена отъ собственности. Это и должно произойти. Вслѣдъ за освобожденіемъ людей должно послѣдовать *освобожденіе земли* *).

Слова имѣютъ свое обаяніе, но я побоялся бы пользоваться имъ, и особенно побоялся бы въ данномъ случаѣ. Въ народной памяти, несомнѣнно, сохранились воспоминанія о томъ времени, когда земля была «ничья», оставалась внѣ правовой власти. Лозунгъ «освобожденіе земли» легко можетъ быть воспринятъ въ этомъ, именно, смыслѣ: какъ будто все дѣло заключается въ томъ, чтобы возвратиться въ первобытное, до-правовое состояніе. Но вѣдь не этого мы хотимъ. Стоящая передъ человѣчествомъ задача заключается не въ томъ, чтобы освободить землю, а въ томъ, чтобы всецѣло подчинить ее власти,—въ данномъ случаѣ правовой власти. И, лишь идя въ этомъ направленіи, мы можемъ прійти туда, куда стремимся,—къ *освобожденію человѣка*.

Человѣкъ и вещь должны размѣститься на разныхъ полюсахъ правовой оси. Въ томъ, чтобы достигнуть этого, заключается, быть можетъ, главная задача правового развитія. Было время, когда человѣкъ для человѣка былъ вещью,—такою же, какъ всѣ остальныя частицы природы,—съ тою лишь разницею, что онъ представлялся особенно привлекательной вещью, такъ какъ обладаніе имъ больше, чѣмъ что-либо другое, усиливало власть надъ остальнымъ міромъ. Людей, какъ и всякую другую вещь, продавали, дарили, мѣняли,—больше того: ихъ уничтожали, ихъ ѣли... Прошли многіе вѣка—цѣлыя тысячелѣтія—прежде, чѣмъ власть человѣка надъ человѣкомъ была ограничена, поставлена въ опредѣленныя правовыя рамки. Пришлось пережить періоды людоѣдства и рабства, феодализма и абсолютизма, прежде чѣмъ цѣль, къ которой нужно идти, передъ человѣчествомъ вырисовалась. На долю XVIII вѣка выпала заслуга ее обозначить. Теперь мы уже знаемъ къ чему нужно идти: право распоряженія человѣкомъ должно принадлежать ему самому; не только другой человѣкъ, но и коллективность не можетъ посягнуть на его личность. Человѣкъ долженъ

*) „Народный Вѣстникъ", 1906 г. № 2.

быть свободенъ. Такъ стоящая передъ человѣчествомъ задача была формулирована либерализмомъ.

Но либерализмъ къ числу неотъемлемыхъ правъ личности отнесъ и власть человѣка надъ вещью. Это была буржуазная свобода, и цѣну ея люди очень скоро узнали. Если прежде властью надъ человѣкомъ пользовались, чтобы получить власть надъ вещью, то теперь пользуются властью надъ вещью, чтобы получить власть надъ человѣкомъ. Чтобы довести до конца освобожденіе человѣка, нужно отнять у него власть надъ вещью. Значитъ ли это освободить вещь, сдѣлать ее «ничьею», оставить безъ «хозяина», предоставивъ каждому свободно ею пользоваться? Нѣтъ! это значитъ право распоряженія ею нужно предоставить коллективности. Такъ формулирована вторая половина стоящей передъ человѣчествомъ задачи соціализмомъ.

Я черчу схему и потому привожу ту и другую часть отвѣта въ самой упрощенной формѣ. Читатели знаютъ, что въ цѣломъ этотъ отвѣтъ сложнѣе и что въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстныхъ предѣлахъ онъ предусматриваетъ коллективную власть надъ человѣкомъ и личную власть надъ вещью. Мнѣ хочется отмѣтить лишь основные пункты, къ которымъ нужно стремиться въ томъ и другомъ направленіи,—въ отношеніяхъ къ человѣческой личности и въ отношеніяхъ къ внѣшнему міру. Но на одномъ осложненіи, способномъ, какъ мнѣ кажется, уяснить, гдѣ проходитъ водораздѣлъ между личнымъ и коллективнымъ правомъ остановиться все-таки нужно.

Либерализмъ въ буржуазномъ его истолкованіи въ число свободъ включаетъ свободу личнаго договора. Каждому предоставляется въ видѣ общаго правила обязываться свободно передъ другими всякаго рода дѣйствіями (за исключеніемъ безнравственныхъ и противныхъ государственному порядку и закону), при чемъ надъ обязывающимся этими дѣйствіями лицомъ тяготѣетъ и судебное принужденіе. Относясь отрицательно къ власти человѣка надъ человѣкомъ, либерализмъ тѣмъ не менѣе допускаетъ ее, по добровольному, такъ сказать, соглашенію, причемъ обезпечиваетъ ей коллективную санкцію. Соціализмъ допускаетъ, что отдѣльное лицо, по общему правилу, можетъ обязываться тѣми или другими дѣйствіями только въ отношеніи государства. Даже по добровольному соглашенію онъ не считаетъ возможнымъ разрѣшить человѣку власть надъ человѣкомъ.

Если принять эту поправку, то мы можемъ еще больше упростить данную выше схему. Мы можемъ сказать: полная свобода—личности, вся власть—коллективности. Таковы конечные пункты правового развитія. Только свобода неотъемлемо должна принадлежать гражданину, всѣ остальныя права, а стало быть и право на землю, онъ можетъ получить только отъ государства и не иначе

какъ въ публичной формѣ, т. е. какъ гражданинъ и ни на какомъ иномъ основаніи *).

Вся власть должна принадлежать коллективности. Этого, повидимому, и испугались товарищи по направленію, отправившіеся въ поиски за личнымъ правомъ на землю. Вотъ что, напримѣръ, говоритъ В. М. Черновъ въ цитированной уже не разъ мною статьѣ:

Между собственникомъ и собственностью,—съ одной стороны, между собственностью и плодами собственности—съ другой, встаетъ государство Въ его пользу собственникъ вынужденъ поступаться все большей и большей частью своихъ прерогативъ. Какъ логическій конецъ этого процесса, теоретической мысли рисуется,—а извѣстнымъ общественнымъ теченіемъ и провозглашается въ видѣ лозунга--поглощеніе государствамъ и всѣхъ остальныхъ правъ, нынѣ еще не ускользнувшихъ изъ рукъ собственника. И вотъ здѣсь-то и встаетъ неожиданно, но со всею силою формально-логическаго вывода, тревожная мысль: не таится ли въ этой перспективѣ, нежданно-негаданно, воскресеніе—и даже болѣе того первое реальное воплощеніе абсолютнаго права „квиритской собственности"? Собственникъ не былъ до сихъ поръ тѣмъ „неограниченнымъ властелиномъ", который рисовался теоріей, потому что часть его правъ была экспропріирована государствомъ. Но теперь, послѣ того, какъ государство безъ остатка сосредоточило въ своихъ рукахъ *всѣ* права *всѣхъ* отдѣльныхъ собственниковъ, не стало ли оно, какъ юридическое лицо, „Единымъ Великимъ Квиритомъ" римскаго права, съ вѣчной, неограниченной, полной, всесторонней, и какъ тамъ еще ее называютъ, властью надъ землей? И тогда невольно охватываетъ жуткое чувство при мысли о „дестинатаріяхъ" поземельной политики этого новаго колосса римскаго,—такихъ маленькихъ, такихъ жалкихъ бѣднягахъ по сравненію съ нимъ, всевластнымъ и величественнымъ **).

Отсюда, повидимому, и явилось желаніе «освободить землю» и надѣлить «дестинатарія поземельной политики»—гражданина,—неотъемлемымъ правомъ на землю.

Проблема взаимныхъ отношеній между личностью и коллективностью представляется, какъ извѣстно, одной изъ труднѣйшихъ. Въ своей практической постановкѣ она не рѣдко является прямо тягостной. Слишкомъ несовершенны еще и коллективность, и личность. Достаточно сказать, что первую мы имѣемъ въ видѣ современнаго государства, вторую—въ видѣ «человѣка въ грязи и съ сумой». Это не мѣшаетъ, однако, мнѣ, проектируя будущее, видѣть ихъ гармонично сочетавшимися. Опасность, которой испугался В. М. Черновъ, не представляется мнѣ столь близкой и столь неотвратимой. Прежде, чѣмъ «Единый Великій Квиритъ» явится, маленькій и жалкій бѣдняга-гражданинъ, думаю я, еще выраститъ. Во всякомъ случаѣ предотвратить опасность, какою угрожаетъ коллизія между ними, можно только однимъ путемъ, сдѣлавъ гражданина свободнымъ и государство народнымъ. Это общая демо-

*) На этомъ послѣднемъ, очень важномъ, пунктѣ я сейчасъ не останавливаюсь, такъ какъ мнѣ пришлось уже его касаться въ прошлогодней статьѣ, посвященной законопроекту с.-р. („Р. Б". 1907 г. май).

**) „Народный Вѣстникъ", 1906 г. № 2.

кратическая проблема. Только вмѣстѣ съ нею можно рѣшать аграрный вопросъ и только вмѣстѣ съ нею его можно рѣшить. Не сразу, можетъ быть, но рѣшить можно.

Во всякомъ случаѣ какія бы трудности насъ ни ожидали на этомъ пути, и какія бы неудобства намъ ни пришлось перенести, это еще не резонъ, чтобы съ него сворачивать или даже дѣлать только видъ, что мы идемъ, куда-то въ сторону. Конечный пунктъ, куда мы идемъ, нужно обозначить совершенно точно. Мы идемъ къ коллективизму.

Земля и воля—такова обычная наша формула. Ее можно и нужно сдѣлать болѣе опредѣленной. Мы должны сказать: воля—гражданину, какъ личности, земля—народу, какъ коллективности.

А. Пѣшехоновъ.

Наброски современности.

XII.

Современная „децентрализація“

Русская государственная жизнь со дня на день пріобрѣтаетъ все болѣе рѣзкія, все болѣе опредѣленныя очертанія. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишь наиболѣе откровенные идеологи реакціи мечтали о водвореніи такого порядка, при которомъ вся дѣятельность государственныхъ учрежденій была бы сведена къ административной расправѣ и всѣмъ чинамъ мѣстной администраціи была бы предоставлена ничѣмъ не ограниченная власть надъ обывателемъ. Теперь, послѣ провозглашенія «незыблемыхъ основъ гражданской свободы», эти мечтанія получили практическое осуществленіе. Вся страна живетъ подъ бременемъ чрезвычайныхъ законовъ и исключительныхъ мѣропріятій и на всемъ ея протяженіи дѣйствуютъ администраторы, одаренные экстренными полномочіями и располагающіе всѣми видами власти, не исключая и власти законодательной. Въ окружающей насъ дѣйствительности почти полностью осуществился тотъ проектъ «децентрализаціи», который нѣкогда былъ вложенъ покойнымъ Салтыковымъ въ уста отставного корнета Петра Толстолобова. «Губернаторовъ—проектировалъ Петръ Толстолобовъ—назначать вездѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, яко знающихъ обстоятельства. Чинами при семъ не стѣсняться, хотя бы былъ и корнетъ, но надежнаго здоровья и опытенъ. По избраніи губернатора, немедленно онаго вооружить, освободивъ отъ

всякихъ рапортовъ, донесеній, а тѣмъ болѣе отъ совѣтовъ съ палатами и какими-либо присутствіями. Ежели невозможно предоставить губернатору издавать настоящіе законы, то предоставить издавать правила, и отнюдь не стѣснять его въ мѣропріятіяхъ къ искорененію зла. На каждыхъ пяти верстахъ поставить особаго дистанціоннаго начальника изъ знающихъ обстоятельства мѣстныхъ землевладѣльцевъ, котораго также вооружить, съ предоставленіемъ искоренять зло по обстоятельствамъ» («Дневникъ провинціала»). Кое-что изъ Толстолобовскаго проекта пока еще не вошло въ жизнь. Не вездѣ губернаторы назначены изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, не на каждыхъ пяти верстахъ поставлены «дистанціонные начальники». Но, за исключеніемъ этихъ и подобныхъ имъ деталей, «децентрализація», о которой мечталъ отставной корнетъ Толстолобовъ, цѣликомъ проведена въ современной намъ дѣйствительности. «Вооружены» губернаторы, «вооружены» и другіе представители власти на мѣстахъ, всѣмъ имъ предоставлено «искоренять зло», и всѣ они облечены полномочіями издавать, если не настоящіе законы, то «правила», дополняющія и замѣняющія собою законы. И такой порядокъ вещей далъ уже кой-какіе результаты, къ которымъ не безынтересно присмотрѣться поближе.

Мѣстныя власти не оставили втунѣ предоставленныхъ имъ полномочій, да не для того, конечно, и давались эти полномочія, чтобы оставлять ихъ втунѣ. Съ одной стороны, «искорененіе зла» находится въ полномъ разгарѣ. Съ другой—на голову русскаго обывателя за послѣднее время все въ большемъ и большемъ количествѣ сыплются замѣняющія законъ «правила», иначе именуемыя «обязательными постановленіями». Законодательное творчество мѣстныхъ администраторовъ получило чрезвычайно широкій размахъ, давая себя чувствовать всей странѣ и охватывая самыя различныя стороны ея жизни. И плоды этого законодательнаго творчества любопытны не только съ той точки зрѣнія, что въ нихъ находитъ себѣ, быть можетъ, наиболѣе яркое отраженіе основныя тенденціи правящихъ слоевъ въ переживаемый нами моментъ. Въ нихъ есть и другая, не менѣе поучительная сторона. Внимательно слѣдя за этимъ своеобразнымъ творчествомъ, возможно до нѣкоторой степени предугадать и неизбѣжныя послѣдствія развитія проникающихъ его тенденцій. Въ этихъ видахъ, пожалуй, не мѣшаетъ припомнить кой-какіе эпизоды изъ текущей жизни и вглядѣться въ эти эпизоды попристальнѣе.

Не такъ давно въ газетахъ были опубликованы два любопытные документа. Одинъ изъ нихъ содержитъ въ себѣ обращенный къ волостнымъ правленіямъ циркуляръ одного изъ земскихъ начальниковъ Ставропольской губерніи. «Поручаю волостному правленію—говорится въ этомъ циркулярѣ—принять энергичныя мѣры къ наибольшему поступленію заявленій отъ крестьянъ о выходѣ изъ общины, въ противномъ случаѣ старшина и писарь за без-

дѣйствіе будутъ привлечены къ отвѣтственности за неразъясненіе крестьянамъ закона» *). Другой изъ упомянутыхъ документовъ представляетъ собою обязательное постановленіе таврическаго губернатора. Согласно этому постановленію, въ предѣлахъ Таврической губерніи всякія дѣйствія, направленныя къ удержанію крестьянъ отъ свободнаго выхода изъ общины, будутъ караться въ административномъ порядкѣ штрафомъ до 500 р. или арестомъ до трехъ мѣсяцевъ **). Правительство, какъ извѣстно, въ настоящій моментъ озабочено разрушеніемъ общины и созданіемъ хуторского хозяйства, разсчитывая такимъ путемъ разслоить деревню и способствовать образованію въ ней «крѣпкаго крестьянства». Планамъ центральнаго правительства соотвѣтствуютъ и мѣропріятія провинціальныхъ администраторовъ. Надо думать, не только въ Ставропольской и Таврической губерніяхъ власти предписываютъ волостнымъ правленіямъ принимать энергичныя мѣры къ увеличенію числа случаевъ выдѣленія изъ общины и воспрещаютъ всякое противодѣйствіе такому выдѣленію. Другой вопросъ только, могутъ ли имѣть серьезный успѣхъ такіе черезчуръ ужъ примитивные пріемы воздѣйствія на крестьянство. И этотъ вопросъ представляется тѣмъ болѣе сложнымъ, что не менѣе энергичное воздѣйствіе на крестьянство мѣстные администраторы и законодатели оказываютъ и въ другихъ сферахъ его жизни.

Недавно одинъ изъ такихъ законодателей, генералъ-маіоръ Рудницкій, носящій титулъ «уполномоченнаго начальника войскъ городовъ Елисаветграда, Ананьева и Александріи съ ихъ уѣздами», издалъ слѣдующее распоряженіе: «изъ переписки, представленной мнѣ земскимъ начальникомъ 5-го участка александрійскаго уѣзда, усматриваю, что крестьянинъ деревни Ивановки Кондратъ Руденко упорно уклоняется отъ исполненія обязанностей очередного ночного караульнаго и до 14 марта сего года ни разу не отбывалъ своей очереди; кромѣ того Кондратъ Руденко вообще не подчиняется законнымъ требованіямъ властей и позволяетъ себѣ непочтительно и безъ должнаго уваженія относиться къ волостному старшинѣ и даже земскому начальнику, а потому постановилъ: подвергнуть виновнаго тюремному заключенію на три мѣсяца, считая срокъ со дня задержанія» ***). Этотъ документъ способенъ навести на поучительныя размышленія, особенно, если сопоставить его съ только что приведенными выше постановленіями другихъ губернскихъ законодателей. Я не стану, конечно, поднимать вопроса о томъ, насколько цѣлесообразно со стороны «уполномоченнаго начальника войскъ» интересоваться ночными караулами въ деревнѣ и степенью почтительности крестьянъ къ волостному стар-

*) „Кіевскія Вѣсти", 3 апрѣля 1908 г.
**) „Рѣчь", 10 апрѣля 1908.
***) „Голосъ Юга". Цитирую по „Рѣчи". 10 апрѣля 1908 г.

шинѣ и земскому начальнику. Поднимать такіе вопросы по нынѣшнему времени занятіе праздное. Равнымъ образомъ не стану я разбирать и другого вопроса, насколько забота о поддержаніи среди крестьянъ почтительности къ волостному старшинѣ совмѣстима съ заботою о созданіи «крѣпкаго крестьянства». Не стану я этого дѣлать по той простой причинѣ, что не очень вѣрю въ то, будто въ основѣ стремленія къ разрушенію общины лежитъ забота о созданіи «крѣпкаго крестьянства», а не стараніе посѣять междоусобіе въ рядахъ крестьянства и тѣмъ отвлечь его вниманіе отъ помѣщичьихъ земель. Но сопоставленіе приведенныхъ документовъ вызываетъ и еще одинъ вопросъ, гораздо болѣе простой и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неизбѣжный. Въ районѣ дѣйствій генералъ-маіора Рудницкаго выдѣленіе крестьянъ изъ общины, надо полагать, пропагандируется не менѣе энергично, чѣмъ въ Ставропольской и Таврической губерніяхъ. Съ другой стороны, въ этихъ послѣднихъ почтительность къ волостнымъ старшинамъ и земскимъ начальникамъ отъ крестьянъ требуется, конечно, не въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Александрійскомъ уѣздѣ. Такимъ образомъ пропаганду въ пользу разрушенія общины должны вести въ средѣ крестьянства тѣ самыя лица и учрежденія, по отношенію къ которымъ крестьяне обязываются теперь, подъ страхомъ немедленныхъ и тяжелыхъ каръ, проявлять особую почтительность. Возможно ли при такихъ условіяхъ разсчитывать на серьезный успѣхъ этой пропаганды и на большое довѣріе крестьянъ къ идеѣ «освобожденнаго» отъ общины «крѣпкаго крестьянства»? Достаточно, думается, лишь поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтъ на него получился самъ собою.

А между тѣмъ отъ крестьянъ, помимо почтительности, требуются и многочисленныя услуги болѣе реальнаго характера, въ томъ числѣ и услуги по части «искорененія зла», причемъ эти требованія въ свою очередь подкрѣпляются соотвѣтствующей законодательной дѣятельностью мѣстныхъ властей. Образцомъ такого рода дѣятельности можетъ служить хотя бы появившійся на дняхъ въ газетахъ циркуляръ начальника Радомскаго уѣзда къ войтамъ двухъ гминъ—Едлинска и Блотницы. «Объявить немедленно мѣстному населенію—предписывалъ упомянутый циркуляръ.—Вслѣдствіе убійства стражниковъ Алексѣева и Рѣшетки, по распоряженію высшаго начальства, подвергнуты аресту на три мѣсяца—1 человѣкъ, на два мѣсяца—11 человѣкъ, мѣсячному аресту—18 человѣкъ. Всѣ они, по отбытіи наказанія въ тюрьмѣ, будутъ высланы изъ предѣловъ края. Кромѣ того, проектируется наложить на гмины Едлинскъ и Блотницу штрафъ въ 6.000 руб. и взыскать эту сумму въ продолженіе недѣли. Не смотря на слѣдствіе, никто изъ жителей гмины и посада не хочетъ указать бандитовъ, убившихъ стражниковъ. Въ виду этого объявляю, что для блага жителей было бы желательно, чтобы немедленно письменно

или устно были названы имена убійцъ. Въ противномъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстно, кто убійцы,—всѣ базары и лавки будутъ закрыты и, если постановлено будетъ взыскать штрафъ въ 6.000 р. и сослать арестованныхъ, то это постановленіе не будетъ потомъ отмѣнено. Если же убійцы будутъ выданы, я постараюсь добиться смягченія какъ по отношенію къ судьбѣ арестованныхъ, такъ и по отношенію къ денежному штрафу» *). Какъ видно изъ этого документа, начальникъ Радомскаго уѣзда и его «высшее начальство» нашли возможнымъ и необходимымъ для даннаго опредѣленнаго случая издать особый законъ или, если угодно, особое «правило», въ силу котораго жители двухъ волостей, не пожелавшіе или не смогшіе оказать содѣйствіе власти въ дѣлѣ раскрытія преслѣдуемыхъ ею лицъ, за это преступленіе не только должны поплатиться денежными штрафами, тюрьмою и ссылкой, но и лишаются права покупать и продавать что-либо въ предѣлахъ своихъ поселеній на базарахъ и въ лавкахъ. Недостаткомъ энергіи, очевидно, мѣстные законодатели не страдаютъ и въ мѣрахъ къ искорененію зла стѣсненными себя не чувствуютъ.

Не меньшей энергіей проникнуты и другія дѣйствія мѣстныхъ властей, направленныя къ искорененію зла и къ внѣдренію въ умы населенія правильнаго образа мыслей. Такъ, напримѣръ, по всѣмъ станціямъ Сибирской желѣзной дороги, какъ сообщали въ прошломъ мѣсяцѣ газеты, ея начальникомъ была разослана телеграмма, содержавшая въ себѣ предписаніе, чтобы «обо всѣхъ получаемыхъ станціями грузахъ и товарахъ большой скорости, имѣющихъ наименованіе «печатныя произведенія» или «книги», немедленно сообщали жандармской полиціи и безъ разрѣшенія таковой не выдавали». Въ свою очередь начальникамъ жандармской полиціи было предписано, «по полученіи такихъ свѣдѣній отъ агента дороги, въ присутствіи получателя груза, вскрывать и провѣрять, дабы не было провоза нелегальной литературы» **). Не трудно представить себѣ, какъ должно отразиться такое распоряженіе на книжной торговлѣ, тѣмъ болѣе, что самое понятіе «нелегальной литературы» въ настоящее время поставлено въ полную зависимость отъ усмотрѣнія мѣстныхъ властей. На дняхъ лишь одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ воспретилъ продажу энциклопедическаго словаря Павленкова и распорядился конфисковать имѣющіеся въ обращеніи экземпляры его, мотивировавъ то и другое «вреднымъ направленіемъ» словаря ***) Если въ Одессѣ оказалось возможнымъ воспретить Павленковскій словарь, въ свое время разрѣшенный цензурой и послѣ того въ теченіе ряда лѣтъ невоз-

*) „Рѣчь“, 12 апрѣля 1908 г.
**) „Кіевскія Вѣсти“, 23 марта 1908 г.
***) „Рѣчь“, 4 апрѣля 1908 г.

бранно продававшійся по всей Россіи, то въ другомъ городѣ или въ другой губерніи, въ зависимости отъ вкусовъ мѣстнаго законодателя, въ списки «нелегальной литературы» можетъ быть занесена любая другая книга. Конечно, этотъ порядокъ не представляетъ особенныхъ удобствъ ни для читающей публики, ни для книготорговцевъ, но такого рода соображенія, понятно, всего менѣе могутъ быть приняты во вниманіе искореняющими зло администраторами, стремящимися къ насажденію правильнаго образа мыслей.

Преслѣдуя эту цѣль, мѣстныя власти въ послѣднее время, между прочимъ, обратили свое вниманіе на среднія учебныя заведенія. Одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ, открывшій крамолу въ энциклопедическомъ словарѣ Павленкова и благополучно ее уничтожившій, однимъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на опасность, угрожающую государству отъ ненадлежащаго поведенія гимназистовъ и гимназистокъ на городскихъ улицахъ, и въ цѣляхъ борьбы съ такою опасностью издалъ особый приказъ. «Замѣчено мною,—говорилось въ этомъ приказѣ—что со стороны начальства учебныхъ заведеній почти нѣтъ наблюденій за поведеніемъ учениковъ и ученицъ внѣ школы. Были даже случаи, когда надзиратели, встрѣчая учениковъ, явно нарушающихъ мое постановленіе, относились къ этому совершенно безучастно или дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ, а нѣкоторые изъ нихъ, не желая обращать на себя вниманіе учащихся, ходятъ въ штатскомъ платьѣ и этимъ какъ бы слагаютъ съ себя обязанности по надзору. Прошу гг. педагоговъ и надзирателей всѣхъ учебныхъ заведеній съ большей строгостью относиться къ присмотру за воспитанниками и воспитанницами, посѣщающими театры, циркъ и другія мѣста увеселеній, а также гуляющими по улицамъ. Требую, чтобы всѣ гг. педагоги и надзиратели ходили, если не въ форменномъ платьѣ, то во всякомъ случаѣ въ форменной фуражкѣ. За неисполненіе изложенныхъ здѣсь и объявленныхъ ранѣе моихъ требованій буду вынужденъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ и по отношенію гг. педагоговъ и надзирателей» *). Одновременно съ г. Толмачевымъ къ тому же дѣлу водворенія порядка среди гимназистовъ и учителей приступилъ и екатеринодарскій генералъ-губернаторъ, ген. Бабичъ. Особымъ обязательнымъ постановленіемъ онъ воспретилъ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ куреніе, употребленіе спиртныхъ напитковъ, ношеніе неформеннаго платья, палокъ и тростей, неприличное поведеніе и брань на улицахъ, посѣщеніе маскарадныхъ и танцовальныхъ вечеровъ, трактировъ и т. д. Заявивъ, что большая доля отвѣтственности за поведеніе учащихся лежитъ на педагогахъ, г. Бабичъ счелъ нужнымъ предупредить послѣднихъ, что «при наложеніи частыхъ взысканій на учениковъ одного и

*) „Кіевскія Вѣсти", 6 апрѣля 1908 г.

того же учебнаго заведенія» онъ сочтетъ «несоотвѣтствующимъ своему назначенію учительскій персоналъ» этого заведенія и будетъ «собственной властью увольнять виновныхъ». «Не извиняя въ дѣлѣ воспитанія—заканчивалъ г. Бабичъ свое «обязательное постановленіе»—учащихъ безвольныхъ, слабыхъ, тѣмъ болѣе—нерадивыхъ, я буду преслѣдовать всей силою предоставленной мнѣ власти тѣхъ, которые въ учебныхъ заведеніяхъ сознательно ведутъ пропаганду безвѣрія и антиправительственныхъ идей» *).

Куреніе и пропаганда безвѣрія, неформенное платье и антиправительственныя идеи—это конечно, нѣсколько неожиданно. Но въ сущности и вся дѣятельность ген. Бабича, какъ и весьма многихъ современныхъ администраторовъ, стоящихъ въ такомъ же положеніи, состоитъ изъ ряда подобныхъ неожиданностей. Такъ, напримѣръ, въ одинъ прекрасный день ген. Бабичу представилось, что въ видахъ водворенія большаго спокойствія въ г. Екатеринодарѣ его жителямъ не слѣдовало бы выходить на улицы послѣ 8 часовъ вечера. Немедленно же было издано соотвѣтствующее постановленіе, обязавшее даже тѣхъ обывателей, которымъ могъ бы понадобиться докторъ или акушеръ, приглашать ихъ къ себѣ заранѣе, до наступленія запретнаго срока выхода изъ домовъ. Правда, черезъ нѣкоторое время ген. Бабичъ, «снисходя къ просьбамъ мирнаго трудящагося люда», призналъ возможнымъ сократить «запретное время выхода на улицу» и замѣнилъ прежнее свое постановленіе новымъ: «безусловно воспрещается выходъ на улицы отъ 11 ч. вечера до 4 ч. утра». «Считаю долгомъ—писалъ онъ, однако, при этомъ въ новомъ своемъ постановленіи—предупредить жителей, что желательнаго успокоенія въ городѣ еще не наступило и сокращеніе запретнаго времени сдѣлано лишь для того, чтобы не тормозить трудовой торгово-промышленной жизни, почему, во избѣжаніе какихъ бы то ни было несчастныхъ случайностей, совѣтую безъ особой необходимости вечеромъ на улицы по-прежнему не выходить» **). Еще черезъ нѣкоторый срокъ «запретное время выхода на улицу» въ г. Екатеринодарѣ было окончательно отмѣнено, но за то одновременно съ этой отмѣной было опубликовано новое обязательное постановленіе начальника Кубанской области, воспретившее выходъ на улицу отъ 8 ч. вечера до 4 ч. утра жителямъ имѣнія барона Штейнгеля, Хуторка, и окрестностей этого имѣнія ***).

Таковы образцы административной дѣятельности, разыгрывающейся въ настоящій моментъ передъ глазами наблюдателя русской жизни. Число этихъ образцовъ можно было бы увеличить во много разъ, но и приведенные уже факты достаточно ярко обрисовыва-

*) „Кіевскія Вѣсти“, 3 апр. 1908 г.
**) „Кіевскія Вѣсти“, 12 апр. 1908 г.
***) „Рѣчь“, 12 апр. 1908 г.

ютъ наиболѣе типичныя черты современнаго администратора. Въ фигурѣ этого администратора какъ нельзя болѣе цѣльно воплотилось то единство власти, о которомъ такъ давно и такъ упорно мечтали наиболѣе послѣдовательные реакціонеры. Полиція и судъ, школа и печать, городскія и сельскія улицы и внутренность обывательскихъ домовъ—все въ равной мѣрѣ подчинено этому администратору, во всѣхъ областяхъ онъ одинаково чувствуетъ себя хозяиномъ и не только распоряжается по всей своей волѣ, но и устанавливаетъ общіе порядки жизни, создаетъ для нея по своему вкусу тѣ или иныя законодательныя нормы. Въ каждой губерніи дѣйствуютъ, благодаря этому, свои порядки, въ каждой губерніи и каждомъ генералъ-губернаторствѣ существуютъ свои законы и количество этихъ мѣстныхъ законовъ, въ короткое время успѣвшее достигнуть громадныхъ размѣровъ, продолжаетъ быстро увеличиваться, захватывая самыя различныя сферы жизни. Но внѣшнее разнообразіе и быстрый количественный ростъ законодательной дѣятельности мѣстныхъ администраторовъ нисколько не мѣшаютъ ей оставаться въ существѣ своемъ чрезвычайно однообразной, по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касается способовъ осуществленія задачъ, поставленныхъ предъ собою законодателями. Разрушеніе общины и борьба съ терроромъ, истребленіе вольномыслія въ литературѣ и насажденіе почтительности къ властямъ въ крестьянствѣ, устройство ночныхъ карауловъ и водвореніе благонравія среди гимназистовъ—всѣ эти задачи въ генералъ-губернаторскомъ и губернаторскомъ законодательствѣ являются равноцѣнными, всѣ онѣ преслѣдуются съ одинаковой энергіей и осуществляются при помощи однихъ и тѣхъ же пріемовъ. Въ этомъ пестромъ и хаотическомъ потокѣ постановленій и правилъ, замѣняющихъ собою законы, возможно уловить только одну центральную идею, до нѣкоторой степени объединяющую отдѣльныя дѣйствія мѣстныхъ законодателей, и такой идеей является усмиреніе страны, возвращеніе ея путемъ откровеннаго и до послѣднихъ предѣловъ доведеннаго насилія къ изжитымъ формамъ существованія. Этой идеѣ приносится въ жертву все остальное, ради ея осуществленія установлена сама административная «децентрализація» и, когда того требуютъ интересы усмиренія, такая «децентрализація» принимаетъ еще болѣе чудовищный видъ, обращаясь въ право каждаго отдѣльнаго администратора, возведеннаго въ санъ правителя, распоряжаться по всей своей волѣ не только въ управляемой имъ области, но и далеко за ея предѣлами.

Не далѣе, какъ на-дняхъ, въ газетахъ была разсказана любопытная исторія въ этомъ родѣ. Одесскій генералъ-губернаторъ Толмачевъ задумалъ назначить на должность одесскаго полиціймейстера капитана Ермолова, бывшаго передъ тѣмъ начальникомъ Озургетскаго уѣзда. Объ этомъ появилось сообщеніе въ одесскихъ газетахъ, причемъ по свѣдѣніямъ «изъ официальнаго источника»

г. Ермоловъ рекомендовался какъ «неустрашимый и неутомимый борецъ противъ террористовъ». Издающаяся въ Кишиневѣ «Бессарабская Жизнь» перепечатала это сообщеніе, прибавивъ къ нему въ видѣ дополненія указъ кутаисскаго губернскаго правленія «по дѣлу объ обвиненіи озургетскаго уѣзднаго начальника Ермолова въ злоупотребленіяхъ по службѣ». Злоупотребленія эти, какъ видно изъ указа, состояли въ томъ, что капитанъ Ермоловъ приказалъ сжечь домъ одного частнаго лица и затѣмъ составилъ ложный протоколъ, будто «онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ этой чрезвычайной мѣрѣ въ виду оказаннаго скрывшимся въ домѣ злоумышленникомъ вооруженнаго сопротивленія чинамъ полиціи и опасенія взрыва находившихся якобы въ домѣ бомбъ», и въ томъ, что Ермоловъ, подъ угрозою штрафовъ, вымогалъ отъ сельскаго общества и отъ частныхъ лицъ деньги «на розыскъ преступниковъ», благодаря чему и получилъ возможность, по его собственнымъ словамъ, «швырять деньгами на площади». Въ виду этого кутаисское правленіе постановило «возбудить противъ озургетскаго уѣзднаго начальника капитана Ермолова уголовное преслѣдованіе по обвиненію его въ отдачѣ распоряженія о сожженіи дома Донадзе, въ помѣщеніи въ протоколѣ объ обстоятельствахъ сожженія упомянутаго дома ложныхъ свѣдѣній, въ неправильномъ распоряженіи о предъявленіи къ асканскому сельскому обществу требованія объ уплатѣ штрафа въ суммѣ 2.000 р. и въ связи съ симъ въ вымогательствѣ съ названнаго общества денегъ, каковыя и были получены въ суммѣ 1.000 р., и въ вымогательствѣ денегъ отъ Масико Ципаудзе Глахуна Берадзе, Артема Сепертеладзе, Безо и Миріана Тедорадзе и Таймураза Коландандзе».

Постановленіе кутаисскаго губернскаго правленія оказалось, однако, сопричисленнымъ къ «нелегальной литературѣ», а власть одесскаго генералъ-губернатора—распространяющейся и на Кишиневъ. Едва номеръ «Бессарабской Жизни» съ помѣщенными въ ней свѣдѣніями о капитанѣ Ермоловѣ успѣлъ дойти до Одессы, какъ ген. Толмачевымъ было отправлено въ Кишиневъ предписаніе произвести обыскъ въ редакціи «Бессарабской Жизни». Предписаніе это и было немедленно выполнено, причемъ производившій обыскъ жандармскій ротмистръ любезно предъявилъ редактору газеты, г. Захарову, копію постановленія ген. Толмачева. Въ этомъ постановленіи—разсказываетъ г. Захаровъ — «говорилось, что напечатанная въ № 83 «Бессарабской Жизни» статья «Одесскій Рокамболь» дискредитируетъ авторитетъ назначеннаго на должность одесскаго полиціймейстера капитана Ермолова, что опубликованный въ статьѣ документъ полученъ градоначальникомъ лишь четыре дня тому назадъ, что поэтому является подозрѣніе, будто копія документа передана мнѣ кѣмъ-либо изъ подчиненныхъ градоначальника, что для выясненія личности моего соучастника и выемки злополучной копіи необходимо произвести въ редакціи типа-

тельный обыскъ, что «по агентурнымъ свѣдѣніямъ» генералу извѣстно, будто у меня имѣются еще другія рукописи, касающіяся дѣятельности одесской администраціи, что, наконецъ, со мной поступятъ соотвѣтственно результатамъ обыска и прочее». «Результаты обыска» заставили ген. Толмачева заподозрить въ передачѣ непріятнаго документа въ редакцію «Бессарабской Жизни» помощника одесскаго полиціймейстера, г. Кисляковскаго. Тогда въ газетѣ «Русская Рѣчь», являющейся своего рода офиціозомъ ген. Толмачева, появилась замѣтка, направленная противъ Кисляковскаго. «Генералъ-губернаторомъ — разсказывалось въ этой замѣткѣ—былъ намѣченъ на постъ полиціймейстера г. Одессы капитанъ Ермоловъ, какъ человѣкъ испытанной честности и преданности долгу, обладающій всѣми качествами, необходимыми стоящему на такомъ отвѣтственномъ посту въ нынѣшнее тяжелое время. Кисляковскій же разсчитывалъ, очевидно, получить это назначеніе самъ. Поэтому, лишь только у него очутились бумаги, въ которыхъ содержались очень неопредѣленныя и неясныя обвиненія противъ Ермолова, Кисляковскій, совершенно не заботясь о достовѣрности этихъ свѣдѣній и пользуясь возможностью подорвать кредитъ новаго кандидата, при посредствѣ сотрудника «Одесскихъ Новостей» отправилъ копіи бумагъ въ редакцію «Бессарабской Жизни», причемъ были приняты мѣры къ возможно широкому распространенію этой газеты въ г. Одессѣ». Одновременно съ появленіемъ этой замѣтки Кисляковскій былъ уволенъ отъ должности и въ генералъ-губернаторскомъ приказѣ было опубликовано изложеніе причинъ такого увольненія. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней эта кара была смягчена и Кисляковскій, вмѣсто отставки, получилъ двухмѣсячный отпускъ по болѣзни *).

Козни противниковъ капитана Ермолова были во всякомъ случаѣ раскрыты путемъ весьма рѣшительныхъ пріемовъ. И на ряду съ рѣшительностью этихъ пріемовъ не представляется уже чѣмъ-либо экстраординарнымъ ни то обстоятельство, что предъявленныя кутаисскимъ губернскимъ правленіемъ къ бывшему уѣздному начальнику обвиненія въ превышеніи власти, составленіи ложныхъ бумагъ и вымогательствѣ денегъ въ глазахъ одесскаго генералъ-губернатора являются лишь «очень неопредѣленными и неясными обвиненіями», ни то, что администраторъ, въ Кутаисѣ обвинявшійся начальствомъ въ вымогательствѣ денегъ, въ Одессѣ оказывается «человѣкомъ испытанной честности и преданности долгу, обладающимъ всѣми качествами, необходимыми стоящему на отвѣтственномъ посту въ нынѣшнее тяжелое время». Если въ перечнѣ качествъ, необходимыхъ для занятія отвѣтственной должности «въ нынѣшнее тяжелое время», ген. Толмачевымъ и упоминается «испытанная честность» и «преданность долгу», то эго честность

*) „Рѣчь“, 13 и 2[illegible] апр. 1908 г.

и преданность особаго рода. «Преданность долгу» у лицъ, имѣющихъ какое-либо касательство къ администраціи, въ Одессѣ измѣряется по преимуществу, если не исключительно, степенью близости ихъ къ организаціямъ, подобнымъ «союзу русскаго народа». Принадлежность къ такого рода организаціямъ служитъ своего рода аттестатомъ, не только обезпечивающимъ его обладателямъ благожелательность администраціи, но и позволяющимъ имъ разсчитывать на прямое покровительство и защиту съ ея стороны. Недавно, напримѣръ, одесскій генералъ-губернаторъ издалъ особый приказъ въ защиту одесскихъ дворниковъ. «За послѣдне время—говорится въ этомъ приказѣ,—было нѣсколько случаевъ увольненія домовладѣльцами своихъ дворниковъ за самые маловажные поступки, а иногда только за принадлежность къ одной изъ монархическихъ партій. Въ виду того, что на дворникахъ лежатъ нѣкоторыя обязанности наружной полиціи и частая смѣна ихъ крайне вредно отражается на интересахъ всего населенія, предупреждаю г. г. домовладѣльцевъ, что о каждомъ безпричинномъ увольненіи дворниковъ мною будетъ производиться разслѣдованіе *). Будетъ, конечно, лишь послѣдовательно, если къ дворникамъ, принадлежащимъ «къ одной изъ монархическихъ партій», ген. Толмачевъ примѣнитъ ту же мѣрку «испытанной честности» и «преданности долгу», какою онъ руководился при выборѣ полиціймейстера. И если для одесскихъ домовладѣльцевъ и ихъ жильцовъ это и представляетъ нѣкоторыя весьма ощутительныя неудобства, то такія соображенія, понятно, не могутъ воспрепятствовать планамъ ген. Толмачева.

Тщательно охраняя интересы отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ къ «монархическимъ партіямъ», одесскій генералъ-губернаторъ не менѣе усердно оберегаетъ и самое существованіе этихъ организацій, принимая энергичныя мѣры къ защитѣ ихъ отъ всякихъ нападеній со стороны тѣхъ или иныхъ противниковъ. Недавно еще газеты сообщали о двухъ характерныхъ эпизодахъ такой защиты. Нѣкій Шальниковъ, содержатель ресторана въ одесскомъ предмѣстьѣ Молдаванкѣ, «за агитацію и возбужденіе посѣтителей ресторана противъ союза русскаго народа» былъ высланъ изъ предѣловъ губерніи на время существованія въ ней военнаго положенія **). Почти одновременно съ этимъ крестьянинъ Петръ Го[illegible]чевскій «за произнесеніе оскорбительныхъ выраженій по адресу членовъ союза русскаго народа», по приказу того же ген. Толмачева, былъ подвергнутъ аресту при полиціи на мѣсячный срокъ ***). Такимъ образомъ «союзъ русскаго народа» пріобрѣлъ уже въ Одессѣ своего рода неприкосновенность и непочтительныя выраженія по адресу этой организаціи или же враждебная ей агитація

*) „Рѣчь“, 23 марта 1908 г.

**) „Рѣчь“, 12 апр. 1908 г.

***) „Совр. Слово“, 14 апр. 1908 г.

приравнены мѣстнымъ законодательствомъ къ тяжкимъ преступленіямъ, требующимъ быстрой и суровой кары.

Подобное положеніе, конечно, не остается неиспользованнымъ. Между прочимъ, въ Одессѣ большимъ вниманіемъ «союза русскаго народа» пользуется мѣстный университетъ. Не такъ давно одесскій корреспондентъ «Рѣчи» сообщилъ нѣкоторыя подробности на счетъ того, какъ именно проявляется это вниманіе. 15 марта, по разсказу названнаго корреспондента, происходило засѣданіе совѣта студенческаго отдѣла «союза русскаго народа». Программа этого засѣданія заключала въ себѣ восемь докладовъ, причемъ шесть изъ нихъ значились секретными, и самыя темы ихъ держались въ тайнѣ. Изъ остальныхъ двухъ докладовъ одинъ касался университетской библіотеки, другой—замѣщенія должностей служителей университета членами одесскаго отдѣла «союза русскаго народа». Въ первомъ докладѣ говорилось о необходимости изгнанія изъ университетской библіотеки крамольныхъ книгъ и объ установленіи строгаго надзора за нею, во второмъ указывалось на то, что, благодаря замѣщенію должностей университетскихъ служителей союзниками, получается возможность создать бдительный надзоръ, какъ за студентами, такъ и за профессорами *). И эта организація постояннаго сыска въ университетѣ силами «союза русскаго народа» не осталась въ области платоническихъ мечтаній, а перешла и въ сферу практическаго дѣла, какъ можно судить по другой сценѣ изъ быта одесскаго университета, разсказанной тѣмъ же корреспондентомъ. Какъ-то въ воскресенье проф. Набокинъ собралъ въ лабораторіи для практическихъ занятій человѣкъ двадцать студентовъ. Присутствіе въ лабораторіи студентовъ въ воскресный день показалось подозрительнымъ служителю-союзнику, который далъ знать объ этомъ предсѣдателю студенческаго отдѣла «союзниковъ». Тотъ въ свою очередь сообщилъ о происшествіи полиціи, а полиція—генералъ-губернатору. Послѣдній командировалъ на разслѣдованіе состоящаго при немъ для особыхъ порученій офицера, который и явился въ университетскую лабораторію, чтобы убѣдиться, что въ ней идутъ невинныя практическія занятія студентовъ подъ руководствомъ профессора **). На этотъ разъ дѣло закончилось благополучно, хотя это, конечно, совершенно не даетъ гарантіи за такое же окончаніе аналогичныхъ эпизодовъ въ будущемъ. Но, даже совершенно независимо отъ того или иного исхода подобныхъ эпизодовъ, не трудно себѣ представить, какъ должны чувствовать себя университетскіе профессора и студенты, вынужденные вести свои научныя занятія подъ неослабнымъ контролемъ «испытанной честности» служителей изъ среды «союза русскаго народа». И вмѣстѣ съ тѣмъ легко понять, что именно

*) „Рѣчь", 23 марта 1908 г.

**) „Рѣчь", 9 апрѣля 1908 г.

это соображеніе меньше всего можетъ стѣснять одесскаго генералъ-губернатора, нашедшаго нужнымъ поставить новороссійскій университетъ подъ бдительную опеку служителей-«союзниковъ», въ которыхъ ген. Толмачевъ можетъ лишь цѣнить «преданность долгу».

Въ Одессѣ для дѣятельности «союза русскаго народа» и подобныхъ ему «монархическихъ партій» открытъ особенно широкій просторъ, но все же Одесса не представляетъ собою въ этомъ отношеніи чего-либо совершенно исключительнаго. Въ ней только нашли себѣ болѣе яркое выраженіе нѣкоторыя типичныя черты общаго порядка, установившагося въ жизни всей страны. Въ рядѣ другихъ городовъ и губерній мѣстные правители въ концѣ концовъ немногимъ уступаютъ одесскому генералъ-губернатору въ стремленіи искоренить зловредную крамолу при помощи организацій, аналогичныхъ «союзу русскаго народа». И результаты этого стремленія, соединеннаго съ упрощенными до послѣдней степени пріемами управленія, въ свою очередь оказываются вездѣ приблизительно одними и тѣми же. Не такъ давно въ Кіевѣ начальникъ мѣстной сыскной полиціи Аслановъ имѣлъ неосторожность поссориться съ нѣкіимъ Матусевичемъ, состоящимъ въ числѣ членовъ «союза русскаго народа». Немедленно вслѣдъ за тѣмъ на столбцахъ близкаго къ «союзу» «Кіевлянина» появился рядъ пикантныхъ разоблаченій дѣятельности кіевской сыскной полиціи, довольно обстоятельно освѣтившихъ порядки этого своеобразнаго учрежденія. «Воры-рецидивисты, задержанные на мѣстѣ преступленія,—сообщалось изъ Кіева по телеграфу столичнымъ газетамъ—отпускались начальникомъ сыскной полиціи Аслановымъ на основаніи однихъ только показаній швейцара гостиницы объ ихъ благонадежности. Лицамъ, уличавшимъ воровъ, Аслановъ угрожалъ привлеченіемъ къ отвѣтственности за недобросовѣстное обвиненіе. Преступники часто бѣжали изъ мѣстъ заключенія при помощи агентовъ сыскной полиціи. Установлено, что тайные притоны разврата въ центрѣ города, закрытые по распоряженію администраціи, продолжаютъ функціонировать съ вѣдома полиціи» *). «Агенты сыскной полиціи—гласила другая телеграмма—руководили ворами и аферистами, часто стояли на стражѣ во время совершенія послѣдними преступленій, гарантировали преступникамъ успѣхъ. Когда наружная полиція передавала сыскной задержанныхъ преступниковъ, послѣдняя освобождала ихъ. Начальникъ сыскной полиціи Аслановъ часто возвращалъ потерпѣвшимъ украденныя у нихъ деньги, но воры оставались не розысканными. За то для формальности временно задерживали непричастныхъ къ преступленію лицъ» **). По поводу всей этой дѣятельности кіевскаго сыскного отдѣленія, сумѣвшаго такъ удачно согласовать работу воровъ и сыщиковъ, въ Кіевѣ

---

*) „Рѣчь“, 9 апр. 1908 г.
**) „Рѣчь“, 12 апр. 1908 г.

производится теперь разслѣдованіе, но послѣднее, конечно, не пойдетъ дальше отдѣльныхъ лицъ и отдѣльныхъ случаевъ.

А между тѣмъ порядки, такъ ярко вскрывшіеся въ Кіевѣ, опять-таки не представляютъ собою исключенія, настолько не представляютъ, что даже правительству, при всей его любви къ «децентрализаціи» власти, приходится то и дѣло наряжать слѣдствіе надъ черезчуръ далеко ушедшими по пути этой «децентрализаціи» администраторами. Въ Москвѣ, напримѣръ, уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется ревизія дѣлъ московскаго градоначальства, производимая сенаторомъ Гаринымъ и успѣвшая уже раскрыть рядъ крупныхъ растратъ и злоупотребленій въ этомъ учрежденіи. Правда, при этомъ ревизія идетъ своей дорогой, а установившіеся въ жизни порядки своей. На дняхъ въ газетахъ появились рядомъ двѣ любопытныхъ замѣтки. «Дѣлающіеся извѣстными результаты ревизіи сенаторомъ Гаринымъ московскаго градоначальства — говорилось въ первой изъ этихъ замѣтокъ — открываютъ все новыя и новыя области примѣненія хозяйничанья въ московской полиціи. Между прочимъ, сенаторъ Гаринъ обратился въ правленіе Пироговскаго общества съ запросомъ, не поступало ли отъ градоначальника, его помощника и другихъ чиновъ градоначальства въ состоящій при Пироговскомъ обществѣ комитетъ общественной помощи голодающимъ какихъ-либо суммъ, присылавшихся изъ провинціи. Правленіе Пироговскаго общества отвѣчало, что рѣшительно никакихъ суммъ въ пользу голодающихъ черезъ московское градоначальство не поступало, между тѣмъ частнымъ образомъ правленію было извѣстно, что такія суммы изъ провинціи черезъ московское градоначальство въ комитетъ общественной помощи направлялись; такъ, напримѣръ, въ числѣ другихъ случаевъ правленіе узнало частнымъ путемъ, что волынскимъ губернаторомъ были пересланы черезъ градоначальство для передачи комитету вырученные отъ благотворительнаго концерта 370 р.». «Московскій градоначальникъ генералъ-маіоръ Адріановъ — сообщалось въ другой замѣткѣ, помѣщенной рядомъ съ первой, — обратился въ правленіе Пироговскаго общества съ запросомъ, на какомъ основаніи существуетъ при немъ комитетъ общественной помощи голодающимъ» *). Такимъ образомъ учрежденіе, въ которомъ безслѣдно исчезаютъ деньги, пожертвованныя на голодающихъ, считаетъ возможнымъ отрицать за общественной организаціей право на помощь тѣмъ же голодающимъ. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего новаго. Здѣсь дѣйствуетъ старый, давно знакомый намъ порядокъ, какъ стары и самые факты черезчуръ вольнаго обращенія административныхъ и полицейскихъ чиновъ съ казенными и частными деньгами. Несомнѣнно, однако, что современная «децентрализація» власти, сопровождаемая подборомъ чиновъ администраціи по преимуществу изъ лицъ, про-

*) „Рѣчь“, 11 апрѣля 1908 г.

являющихъ свою «преданность долгу» принадлежностью къ одной изъ «монархическихъ партій», еще болѣе облегчила такое вольное обращеніе. Врядъ ли возможно въ самомъ дѣлѣ объяснить одною лишь случайностью то обстоятельство, что за послѣднее время все чаще и чаще слышатся извѣстія о грандіозныхъ растратахъ и злоупотребленіяхъ въ самыхъ разнообразныхъ административныхъ учрежденіяхъ.

Облегчила современная «децентрализація» власти и кое-что другое. Съ давнихъ поръ установившіеся въ практикѣ нашей администраціи и полиціи порядки дознанія отличались невѣроятной простотой, нерѣдко переходившей въ прямую жестокость. Но съ той поры, какъ власть всю свою энергію устремила на борьбу съ своими политическими врагами, эта жестокость обратилась въ утонченное звѣрство, не видящее предъ собой никакихъ преградъ, не знающее никакихъ сдержекъ. Много разъ уже въ печати сообщалось объ истязаніяхъ, какимъ подвергаются заключенные въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ, о пыткахъ, практикуемыхъ во многихъ полицейскихъ учрежденіяхъ, и извѣстія такого рода не перестаютъ появляться и въ настоящее время, когда положеніе самой печати сильно измѣнилось къ худшему и ей труднѣе стало говорить о подобныхъ фактахъ. Недавно, напримѣръ, въ одной изъ корреспонденцій «Рѣчи» изъ г. Ковна было разсказано, какимъ образомъ производитъ допросы арестованныхъ начальникъ тамошняго охраннаго отдѣленія Донцовъ. Мѣстному прокурору пришлось, между прочимъ, составить пять протоколовъ по заявленію арестованныхъ Шнейдера, Беккера, Тимше, Янковскаго и Вахтера о томъ, что послѣ ихъ ареста они подвергнуты были Донцовымъ и чинами городской полиціи пыткѣ въ городскомъ полицейскомъ управленіи. Шнейдера и Беккера Донцовъ съ тремя городовыми избилъ нагайками и кулаками. Тимше былъ избитъ нагайкой какимъ-то полицейскимъ чиновникомъ уже по доставленіи въ тюрьму. Янковскаго Донцовъ пыталъ сначала самъ, причемъ билъ его нагайкой и угрожалъ застрѣлить изъ револьвера, если онъ не дастъ нужныхъ показаній. Когда же Янковскій выдержалъ пытку и никакихъ показаній не далъ, Донцовъ передалъ его въ руки городовыхъ, которые и подвергли его дальнѣйшему избіенію. Вахтера пытали Донцовъ и помощникъ пристава, причемъ первый дѣйствовалъ нагайкой, а второй шашкой. По доставленіи Янковскаго и Вахтера въ тюрьму имъ была оказана медицинская помощь, причемъ тюремный врачъ констатировалъ у нихъ раны и слѣды побоевъ. «Но всѣ дознанія по такимъ протоколамъ — прибавляетъ корреспондентъ — передаются чиновнику особыхъ порученій Каминскому, личному другу и пріятелю Донцова, и естественно, что всѣ эти дознанія сводятся на нѣтъ» *). Врядъ-ли правильно, однако, объяс-

*) „Рѣчь“, 8 апр. 1908 г.

нять порядки ковенскаго охраннаго отдѣленія личными отношеніями между его начальникомъ и чиновникомъ особыхъ порученій. Причины такихъ порядковъ лежатъ, конечно, гораздо глубже и, будь на мѣстѣ г. Каминскаго другой чиновникъ, дѣло едва-ли бы измѣнилось. Достаточно напомнить, что не такъ давно, когда газеты обошло извѣстіе о жестокомъ избіеніи полиціей арестованнаго въ Минскѣ итальянскаго подданнаго Евгенія Левине, «освѣдомительное бюро» нашло нужнымъ успокоительно сообщить, что «при произведенномъ по жалобѣ Левине, въ присутствіи чина прокуратуры, медицинскомъ освидѣтельствованіи состояніе здоровья Левине оказалось удовлетворительнымъ и у него обнаружено лишь три кровоподтека величиною въ орѣхъ, которые могли произойти только отъ трехъ легкихъ ударовъ, нанесенныхъ жалобщику дней за шесть до его освидѣтельствованія» *). Если, по мнѣнію «освѣдомительнаго бюро», сообщеніе о «трехъ кровоподтекахъ величиною въ орѣхъ» должно являться успокоительнымъ для публики, то мѣстнымъ властямъ, понятно, и подавно не пристало смущаться кровоподтеками.

На дѣлѣ мѣстные правители и не смущаются. Больше того,— пользуясь предоставленными имъ при нынѣшней «децентрализаціи» правами, они пытаются и обывателя пріучить къ тому взгляду, что синяки и кровоподтеки являются лишь естественнымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отправленія правосудія. Въ газетной хроникѣ послѣднихъ недѣль можно встрѣтить не мало случаевъ, ярко иллюстрирующихъ такое положеніе вещей. Одинъ изъ нихъ я позволю себѣ привести. «Въ Севастополѣ—разсказываютъ «Одесскія Новости»—во время засѣданія въ окружномъ судѣ присяжный засѣдатель Гидалевичъ, замѣтивъ, что конвойный бьетъ подсудимаго, остановилъ его, но получилъ въ отвѣтъ: «не ваше дѣло». На вмѣшательство Гидалевича конвойный пожаловался воинскому начальнику, который въ свою очередь довелъ объ этомъ до свѣдѣнія адмирала Вирена. Адмиралъ оштрафовалъ Гидалевича на 3.000 р., съ замѣной штрафа арестомъ на три мѣсяца. Конвойный оправдывалъ свой поступокъ тѣмъ, что подсудимый напѣвалъ Марсельезу» **).

На фонѣ событій, совершающихся теперь въ Россіи, только что разсказанный случай, конечно, мало замѣтенъ. И все же трудно было бы, пожалуй, указать другой эпизодъ, въ которомъ такъ рельефно выступали бы наиболѣе характерныя черты обстановки, созданной въ переживаемый нами моментъ для русскаго обывателя усиліями власти. Съ одной стороны, у насъ какъ будто есть судъ, и притомъ даже въ той именно формѣ, въ какой онъ существуетъ въ культурныхъ странахъ,—судъ съ присяжными за-

*) „Рѣчь“, 7 марта 1908 г.

**) Цитирую по „Соврем. Слову“, 13 апр. 1908 г.

сѣдателями. Съ другой—въ самой залѣ суда производится избіеніе крамольныхъ подсудимыхъ, а присяжные засѣдатели, призванные вершить правосудіе, должны спокойно смотрѣть на это избіеніе, не пытаясь вмѣшиваться въ него, и спокойно судить избиваемыхъ. Если же они выходятъ изъ этихъ предѣловъ, мѣстный администраторъ, являющійся вмѣстѣ съ тѣмъ и законодателемъ, и судьей, налагаетъ на нихъ кары, которыя приводятся въ исполненіе уже безъ всякаго суда. Не легко было бы придумать болѣе злую, болѣе язвительную насмѣшку надъ понятіемъ суда, чѣмъ та, какая заключается въ этой сценѣ, и однако послѣдняя является лишь вполнѣ правильнымъ и законнымъ выводомъ изъ общаго принципа, положеннаго въ основу устанавливаемаго въ жизни порядка. Разъ ставъ на путь «децентрализаціи» въ смыслѣ вооруженія отдѣльныхъ органовъ власти на предметъ искорененія крамолы безграничными полномочіями надъ жизнью гражданъ, нельзя уже уйти отъ подобныхъ выводовъ, хотя они и содержатъ въ себѣ полное отрицаніе права, обращая всю дѣятельность государственныхъ учрежденій въ проявленіе голаго произвола. И такой результатъ можетъ считаться въ настоящее время уже окончательно достигнутымъ и закрѣпленнымъ въ работѣ правительственнаго механизма.

Но указанный результатъ представляетъ собою лишь одну сторону дѣла. Въ немъ есть и другая. Та система управленія страною, которая развертывается теперь на нашихъ глазахъ, является какъ нельзя болѣе яркимъ воплощеніемъ реакціонныхъ вожделѣній, доведенныхъ до послѣдняго своего предѣла. Что же даетъ она въ смыслѣ обезпеченія торжества реакціи? Какъ мы видѣли, эта система можетъ дать, и даетъ въ дѣйствительности, случаи для устройства нѣкоторыхъ личныхъ дѣлъ. Она позволяетъ наносить физическій уронъ противникамъ существующаго порядка и вообще непріятнымъ лицамъ и налагать большія тягости на населеніе. Въ обоихъ этихъ направленіяхъ данная система можетъ быть, пожалуй, продвинута еще дальше, можетъ быть напряжена еще больше. Но одного она безсильна достигнуть при всякомъ напряженіи, и это именно той главной цѣли, какая ею преслѣдуется,—успокоенія разъ проснувшейся страны. Вся система, о которой идетъ рѣчь, въ своей совокупности представляетъ собою своего рода ураганъ произвола, съ чудовищною силою обрушившійся на страну. Стоя подъ этимъ ураганомъ и вынося его удары, странно слушать наивныя увѣренія, вродѣ вырвавшихся на-дняхъ у одной изъ либеральныхъ газетъ, будто въ настоящее время уже «Карѳагенъ разрушенъ» и «государственная власть отказалась защищать незащитимую позицію» *). Нѣтъ, Карѳагенъ еще не разрушенъ и защищается самымъ энергичнымъ образомъ. Но вѣрно то, что средства, какія онъ вынужденъ употреблять для своей защиты, не ведутъ къ его

---

*) „Рѣчь", 20 апр. 1908 г.

укрѣпленію. И даже больше того,—прибѣгая къ этимъ средствамъ, въ сущности единственнымъ, оставшимся въ его распоряженіи, онъ самъ постепенно разрушаетъ свои позиціи и отбрасываетъ силы, которыя раньше могли бы защищать ихъ. Порядокъ, возрождающій въ сложныхъ условіяхъ современной жизни первобытное безправіе, до поры до времени можетъ быть поддерживаемъ физической силой. Но, чѣмъ чаще употребляется эта послѣдняя, тѣмъ скорѣе она изнашивается, если ее приходится употреблять противъ стремленій народныхъ массъ, въ конечномъ счетѣ являющихся источникомъ всякой силы въ государствѣ. А между тѣмъ этимъ массамъ порядокъ, о которомъ идетъ рѣчь, даетъ и можетъ дать только скорпіоны, и ничего, кромѣ скорпіоновъ и не является собою та своеобразная «децентрализація» власти, которая послужила единственнымъ отвѣтомъ государственной организаціи на всѣ запросы народной жизни. Но въ такихъ условіяхъ нѣтъ и мѣста для сколько-нибудь прочнаго и серьезнаго успокоенія страны и вопросъ о томъ, въ какой формѣ окончательно выяснится этотъ результатъ, является въ сущности лишь вопросомъ времени.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

Н. Минскій. Полное собраніе стихотвореній. Изд. Пирожкова (4-е). 4 тома. Спб. 1908. Стр. 249+160+239+210. Ц. 4 р.

Изданіе названо четвертымъ, хотя съ полнымъ собраніемъ своихъ стихотвореній г. Минскій выступаетъ впервые. Едва ли это полное собраніе замѣнитъ у цѣнителей его поэзіи ту старую книжку, въ которой они впервые нашли собранными стихотворенія этого спокойнаго поэта мысли и отмѣтили ихъ достоинства. Въ ней высказался Минскій со всей доступной ему полнотой. Много писалъ онъ потомъ и—принято думать,—много мѣнялся. Намъ кажется, что онъ мѣнялъ только поверхностную оболочку, мѣнялъ доктрины, которыя такъ или иначе прикрывали одну натуру, одно отношеніе къ міру и къ людямъ. Переходы отъ гражданскихъ «Бѣлыхъ ночей» къ «Альмѣ» и отъ индивидуалистской «Альмы» къ «Гимну рабочихъ» казались многимъ переломами, и не всегда достойными. Но если отвлечься отъ злобы дня и взглянуть на Минскаго въ цѣломъ, то ясно, что противоположность двухъ системъ общественной морали была велика только въ формулахъ; въ ощущеніи, въ практикѣ она была не такъ значительна и, быть можетъ, поэтому удивительно мало отразилась и на психологическомъ строеніи твор-

чества Минскаго и на его пріемахъ. Въ сущности, онъ всегда равенъ себѣ. Единственный его глубокій интересъ это познаніе. Ничто внѣ познанія не захватываетъ его; теоретикомъ онъ остается и въ любовныхъ признаніяхъ, и въ общественныхъ призывахъ, и, разумѣется, въ лирикѣ иммморальнаго меонизма. Его охотно называютъ риторомъ, и это опредѣленіе можно принять, если внести въ него содержаніе, въ которомъ есть не только осужденіе. Риторика не есть отрицаніе поэзіи—она имѣетъ свой паѳосъ. Отрицательная сторона этого паѳоса заключается въ томъ, что онъ, будучи только паѳосомъ мысли, выдаетъ себя за паѳосъ чувства. Но въ холодѣ риторики есть свое напряженіе, ея форма хочетъ сказать больше, чѣмъ есть въ настроеніи автора; однако, эта форма способна создать настроеніе въ читателѣ, способна увлечь его и заставить дать ей дѣйствительно жизненное содержаніе. Очень легко обличать Минскаго въ преувеличенномъ патетизмѣ, въ поэтическомъ самохвальствѣ, въ величавыхъ позахъ, мало идущихъ ему. Не мало трунили надъ тѣмъ, что его поцѣлуи—«поцѣлуи поэта священные», что онъ боится даже разсказать о своей любви:

Я боюсь, что, подслушавши пѣсню мою,
Легкій вѣтеръ въ кустахъ вдругъ, въ веселіи пьяномъ,
Полетитъ надъ землей ураганомъ...

и «звѣзды станутъ недвижно средь темнаго свода». Онъ побывалъ въ одиночной тюрьмѣ,—и воспѣваетъ ее, какъ нѣкую темницу, роковую и вѣковѣчную, тогда какъ онъ былъ бы больше самимъ собою, если бы умолчалъ объ этомъ безконечно чуждомъ ему и случайномъ эпизодѣ; это было не одиночное заключеніе, а одиночное приключеніе, и Минскій въ позѣ узника такъ же забавенъ, какъ въ позѣ всадника.

Я бросилъ повода, и волю далъ коню...

Такъ и видишь эту наемную крымскую клячу—и жалѣешь, что милое стихотвореніе испорчено этимъ риторскимъ самолюбованіемъ.

Такихъ примѣровъ, и болѣе яркихъ, много, но не стоитъ преувеличивать ихъ значеніе. Не они дѣлаютъ физіономію Минскаго—а у него есть физіономія. Онъ одинъ изъ немногихъ нашихъ поэтовъ, способныхъ вдохновляться вопросами отвлеченной мысли. Гёте говорилъ, что каждое его стихотвореніе есть «стихотвореніе на случай», то есть вызвано опредѣленнымъ индивидуальнымъ переживаніемъ. Вотъ этого конкретнаго случая, давшаго толчекъ стихотворенію, не чувствуешь у Минскаго; вѣришь, что такой случай былъ, иногда читаешь его изображеніе у самого поэта, но понимаешь его второстепенность, его незначительность. Стихотвореніе Минскаго рождается изъ напряженія разсуждающей мысли. Онъ занятъ основными вопросами бытія и не изъ смутнаго ихъ ощущенія, а изъ дискурсивнаго обсужденія выкристаллизованы эти ум-

ныя, интересныя формулы, такъ хорошо вмѣщающія широкое, разнообразное содержаніе и отвѣчающія соотвѣтственному настроенію. Не обывательское ковыряніе безсильнаго раціоналиста и не наивное вдохновеніе всепонимающаго генія чувствуется въ лирической философіи Минскаго: онъ настолько же выше перваго, насколько ниже второго. Но въ подъемѣ его теоретической мысли есть слѣды долгаго развитія, есть школа, есть вкусъ.

Минскаго охотно называли декадентомъ. Въ моральномъ міровоззрѣніи онъ сходился съ декадентами, а аллегориченъ былъ и ранѣе ихъ прозаическаго символизма. Но въ формѣ, въ пріемахъ творчества онъ—подобно Мережковскому—въ общемъ стоялъ внѣ школы, которая старалась быть туманной въ разсчетѣ на то, что къ этому туману читатель, притворившись понимающимъ, присочинитъ что-нибудь глубокомысленное. Минскій говоритъ то, что хочетъ, умѣетъ сказать это не всегда просто, но всегда достаточно ясно для тѣхъ большихъ вопросовъ, которые такъ часто находятъ откликъ въ его поэтической мысли. Въ наши дни это рѣдкое достоинство—и его надлежитъ отмѣтить у поэта, не стараясь затушевать этимъ то различіе воззрѣній, которое отдѣляетъ его отъ насъ. Г. Минскій охотно цитируетъ великія слова великаго поэта—libertà va cercando—и ими объясняетъ свои аватары. Да, конечно,—безъ исканій какая же свобода. Но когда въ символѣ вѣры художника-искателя мы находимъ завѣтъ:

Нужно быть весьма безстрашнымъ,
Уходящимъ, безучастнымъ,
Какъ бѣгущая волна,
Безпріютнымъ, какъ она,—

то теченіе и исходъ его исканій представляются безмѣрно печальными. Безстрастіе и безучастіе ничего не раскрываютъ, ничего не создаютъ. О самоотверженіи въ исканіяхъ ничего не говорится въ завѣтѣ «Художнику»; естественно, что такой художникъ, больной эстетической гипертрофіей безразличія, ничего не отыщетъ и не къ свободѣ придетъ.

Поэзія г. Минскаго лучше его теорій: она болѣе общечеловѣчна, болѣе пріемлема, болѣе устойчива. Онъ любитъ образъ Агасѳера, проклинающаго міръ; въ лирикѣ и въ драмѣ онъ обличаетъ толпу, стадно-безличную, стадно-звѣрскую. Но мысль о живомъ человѣческомъ мірѣ, о смыслѣ его метаній и его бытія, проходитъ по лучшимъ страницамъ его книгъ, и эта мысль связываетъ съ нимъ ищущаго читателя. Libertà va cercando—и въ поискахъ этой свободы нѣтъ нужды идти долго за Минскимъ, «вѣчнымъ спутникомъ» онъ не станетъ; но часть пути можно сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ будетъ думать, что улетѣлъ далеко впередъ и остался въ гордомъ одиночествѣ на холодной вершинѣ; читатель будетъ думать иначе,—но старыхъ воспоминаній о частицѣ пути, сдѣланной вмѣстѣ съ пытливымъ поэтомъ, онъ не отвергнетъ.

Бѣлоруссовъ. Въ Старомъ Домѣ. Москва, 1908 стр. 288. Ц. 1 р.

Книга Бѣлоруссова возвращаетъ насъ къ минувшему трехлѣтію. Въ ней осколки ощущеній, брызги волнъ, которыя вздымались въ берегахъ подъ вой историческихъ вѣтровъ, по выраженію автора, и угрожали стать потокомъ, но потомъ отхлынули и оставили на берегахъ груды обломковъ и тину. Читаешь и не вѣришь глазамъ, не вѣришь собственной памяти. Правда ли, что это было? Такъ недавно и такъ давно. Какъ будто не три года прошло, а цѣлыхъ тридцать. Мы были живые люди, теперь мы снова стали, какъ ходячіе трупы. И какъ въ опереткѣ Оффенбаха, «Фаустъ наизнанку» сталъ эстетомъ и трупъ Валентина пляшетъ канканъ предъ оскверненною Маргаритой.

Книга Бѣлоруссова хорошая, искренняя, наивная книга. Что-то должно было родиться и не родилось. Даже выкидыша не было. Плодъ остался во чревѣ матери и не вышелъ наружу. Родильница потеряла много крови и лежитъ обезсиленная. Громы гремѣли, и готовилась буря, но вмѣсто свѣжаго ливня тучи распались туманомъ, сухимъ, багровымъ и ѣдкимъ. Въ чемъ дѣло? Почему такъ вышло? Отвѣта нѣтъ. Или, быть можетъ, спрашивать слишкомъ рано? Книга Бѣлоруссова тоже не даетъ отвѣта. Но авторъ неустанно повторяетъ: «Не падайте духомъ. Теперь не удалось. Быть можетъ, послѣ удастся».

Авторъ много видѣлъ, много испыталъ. Пожалуй, даже слишкомъ много для одного человѣка.

— Мнѣ сорокъ семь лѣтъ,—пишетъ онъ.—Я провелъ семнадцать лѣтъ подъ властью уѣздныхъ и улусскихъ правительствъ. Я жилъ въ Вельскѣ, въ Сольвычегодскѣ, въ Чаусахъ, жилъ въ Мезени, въ Ишимѣ и Маріинскѣ, жилъ въ Якутскѣ и якутскихъ улусахъ, жилъ въ Енисейскѣ, жилъ въ Верхоянскѣ, въ томъ самомъ Верхоянскѣ, гдѣ постоянно обитаетъ полюсъ холода, гдѣ пять мѣсяцевъ подъ рядъ термометръ не поднимается выше минусъ 60° Цельзія, гдѣ пудъ гнилой муки стоитъ пять съ полтиной.

Такой curriculum vitae возможенъ только въ Россіи. Отправнымъ пунктомъ этого длиннаго пути былъ «старый домъ» въ глубинѣ Бѣлоруссіи.

— Я помню, во времена моего дѣтства у насъ въ домѣ былъ саксонскій сервизъ. Изъ этого сервиза пилъ послѣдній польскій король Станиславъ Понятовскій. Потомъ мой прадѣдъ, шамбеллянъ польскаго двора, увезъ его въ свой майентекъ».

Но если вычертить маршрутъ отъ этого саксонскаго сервиза сквозь всѣ вышеуказанные города къ верхоянскому полюсу холода, то выйдетъ почти междупланетное разстояніе, тысячъ тридцать верстъ или больше. Авторъ посвятилъ семнадцать лѣтъ изученію холодной географіи, а ему все мало, все неймется. Изъ своего Верхоянска онъ вывезъ талисманъ, какіе бываютъ не у многихъ.

— Какая бы гроза надо мной ни разразилась, я углубляюсь

въ прошедшее и нахожу, что все это было. Были и трусъ, и градъ, и моръ, и мѣдныя трубы. Были отчаяніе и кровавыя слезы, погибшія жизни и истерзанныя души,—а мы все еще живы и не только живы, но полны вѣры въ грядущее. Только когда минули недавнія бури и всѣ пустые барабаны, обтянутые ослиной кожей, трещатъ о побѣдѣ, и призраки ползутъ,—я смѣюсь имъ въ лицо:

— Вы уже были, и я знаю ваше безсилье. Вы уйдете туда, откуда пришли, въ ваши темныя щели. Мы же остаемся жить, и жизнь будетъ наша.

— Таковъ мой талисманъ.

Кромѣ холодной географіи авторъ знаетъ и любитъ свою родную зеленую Бѣлоруссію, красавицу безъ приданаго, какъ назвалъ ее когда-то имераторъ Николай Первый.

Онъ описываетъ дворянскіе банкеты и еврейскіе погромы, ночные поджоги, темную деревенскую злобу, слѣпую, черносотенную.

Книга Бѣлоруссова—живая книга. Она еще не кончена. Придутъ новые годы и прибавятъ новыя главы и, быть можетъ, дадутъ что-нибудь теплѣе, чѣмъ полюсъ холода, и ярче, чѣмъ темная ночь пасхальнаго погрома. Будемъ ждать.

С. Свириденко. На сѣверѣ. Повѣсть изъ далекаго прошлаго сѣверныхъ германскихъ племенъ. Спб. 1907. Стр. 328. Ц. 1 р. 25.

Овладѣвъ обширнымъ и колоритнымъ матеріаломъ древне германской народно-поэтической мудрости, авторъ умѣло и поэтично передалъ настроеніе старыхъ сказаній въ небольшомъ эпизодѣ. Внѣшнее строеніе разсказа банально: здѣсь, конечно, есть любовь и война, могучіе витязи и прекрасная дѣва, мудрость, переданная отъ отцовъ и хитрость изобрѣтенія, беззавѣтная вѣрность и гнусное предательство. Сѣверные воины враждуютъ изъ-за прекрасныхъ плѣнницъ, месть побѣжденныхъ не хочетъ знать предѣла, мечи сталкиваются съ мечами, боевые молоты бьютъ о закаленные панцыри, и кровавое столкновеніе является вмѣстилищемъ доблести и благородства. Но въ этихъ знакомыхъ рамкахъ мы на этотъ разъ встрѣчаемъ нѣчто индивидуальное. Простота, съ которой авторъ передаетъ старую быль, заключаетъ въ себѣ нѣкоторую силу: чувствуется самоограниченіе здоровой мысли, вполнѣ охватившей предметъ—и оттого каждое слово разсказа кажется какимъ-то внушительнымъ, значительнымъ; хочется за наивностью примитивнаго діалога и простотой бытовыхъ описаній найти нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ элементарно-красивая внѣшность. Но не надо обманываться: книга г. Свириденко даетъ только толчокъ къ такому углубленію, а не поэтическій матеріалъ для него. Слова разсказа кажутся внушительными, но это больше результатъ эпически размѣренной формы, чѣмъ значительности содержанія, въ нее вложеннаго. Образы повѣсти элементарны не только по своей примитивно

психологіи, но и по творческимъ пріемамъ автора. По средѣ, по эпохѣ, по внѣшности эти герои скандинавскаго сказанія напоминаютъ образы театра Рихарда Вагнера,—но это только поверхностное сходство. Тамъ простотой внѣшняго облика прикрыта величайшая—иногда чрезмѣрная—сложность психологическихъ и историко-философскихъ сплетеній; здѣсь нѣтъ такого замысла, нѣтъ притязаній на глубокомысліе: данъ простой разсказъ, почти дѣтскій и его живое теченіе оставляетъ въ читателѣ хорошія воспоминанія.

Спеціалисты уже оцѣнили историческую и бытовую правду повѣсти г. Свириденко. Это имѣетъ значеніе въ виду того круга читателей, къ которому она обратится. Красочно и трогательно она говоритъ о ранней юности народовъ—и у ранней юности она найдетъ вѣрно своихъ читателей.

А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій; его жизнь и переписка. Изд. 2 съ дополн. и прим. Спб. 1908. Стр. XVI+662. Ц. 3 р. 50.

Второе изданіе извѣстной книги Пыпина выходитъ черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ послѣ перваго: печальное свидѣтельство того, какъ мы мало любопытны къ значительнѣйшимъ страницамъ нашего духовнаго прошлаго, какъ въ сущности бѣденъ содержаніемъ тотъ абстрактный піететъ, которымъ мы охотно окружаемъ его выдающихся дѣятелей. Какъ извѣстно, книга Пыпина о Бѣлинскомъ въ значительной степени отличается отъ прочихъ трудовъ покойнаго историка русской литературы. Здѣсь онъ меньше изслѣдователь и больше собиратель сырого матеріала; но мы знаемъ, что если онъ въ этомъ случаѣ уклонился въ извѣстной мѣрѣ отъ почетной роли перваго, то это только потому, что слишкомъ цѣнны и слишкомъ ярки были матеріалы, подлежавшіе обслѣдованію. Пыпинъ не назвалъ свою книгу ни біографіей, ни характеристикой Бѣлинскаго: она выше и ниже біографіи, такъ какъ она ближе къ тому, что мы называемъ автобіографіей. И въ этомъ ея главнѣйшее право на глубокое вниманіе тѣхъ широкихъ читательскихъ круговъ, которымъ мало читать Бѣлинскаго какъ учителя, мало понимать его, какъ писателя, но необходимо еще любить его какъ человѣка и въ этой любви находить исчерпывающее истолкованіе его замѣчательной личности. Такой любви даетъ основу и содержаніе книга Пыпина. Какъ было уже замѣчено не разъ, въ ней открытъ новый Бѣлинскій - дотолѣ невѣдомый—Бѣлинскій столь же высокій по напряженію мысли, какъ и авторъ всѣмъ извѣстныхъ статей, но еще болѣе привлекательный, какъ человѣкъ: Бѣлинскій переписки.

Потребность въ новомъ изданіи чувствовалась давно—и не только потому, что книга Пыпина сдѣлалась библіографической рѣдкостью еще при жизни автора—въ концѣ девяностыхъ годовъ. Важнѣе было то, что съ момента ея появленія накопилось въ ли

тературѣ не мало матеріаловъ, дѣлавшихъ возможными и необходимыми существенныя дополненія. Кой-что въ этомъ направленіи было сдѣлано самимъ историкомъ—и потому въ текстѣ его книги и въ дополненіяхъ къ ней, извлеченныхъ изъ обширнаго матеріала, собраннаго покойнымъ авторомъ, мы находимъ не мало новыхъ подробностей. Отказились на новомъ изданіи книги Пыпина также измѣнившіяся цензурныя условія —и могли бы отразиться еще болѣе, если бы издатели нашли удобнымъ измѣнять текстъ. Иногда это было прямо необходимо,—и вызывало примѣчанія,—къ сожалѣнію не вездѣ, гдѣ ихъ ожидаешь встрѣтить. Такъ, тамъ гдѣ А. Н. Пыпинъ перебираетъ разсказы друзей Бѣлинскаго о петербургскомъ кружкѣ его въ періодъ полнаго развитія характера и дѣятельности великаго критика (1842—1844), его біографъ глухо говоритъ: «Напомнимъ разсказы еще одного изъ современниковъ и ближайшихъ друзей Бѣлинскаго,—разсказы, которыми, къ сожалѣнію, намъ трудно было воспользоваться, и гдѣ изображеніе Бѣлинскаго, сдѣланное съ любовью и пониманіемъ, является особенно рельефнымъ». Теперь, конечно, можно было бы раскрыть этотъ намекъ—и это не сдѣлано, хоть кой-что изъ «Былого и думъ» мы находимъ въ примѣчаніяхъ. Умножены цитаты изъ писемъ,—но это дополненіе показываетъ только, что мы нуждаемся въ двухъ работахъ, которыя замѣнили бы книгу Пыпина: съ одной стороны въ біографіи Бѣлинскаго, которая, охвативъ всѣ накопившіеся за послѣдніе полвѣка матеріалы, не имѣла бы необходимости быть сборникомъ сырыхъ матеріаловъ, и съ другой—въ полномъ собраніи писемъ Бѣлинскаго, которыя принадлежатъ, несомнѣнно, къ лучшему, что дала русская эпистолярная литература.

„Русскій дворъ 100 лѣтъ тому назадъ“. („La cour de Russie il y a cent ans“). 1725—1783 гг. По донесеніямъ англійскихъ и французскихъ посланниковъ. Первый русскій переводъ съ берлинскаго изданія. Спб., 1907. Цѣна 1 р. 25 к.

«Дни свободы», внесшіе оживленіе въ самыя разнообразныя стороны русской жизни, внесли лучи свѣта и въ русскую исторію, ярко освѣтивъ революціонныя и конституціонныя теченія въ нашемъ прошломъ. Цѣлый рядъ книжекъ, до того вращавшихся въ подпольѣ или доступныхъ лишь спеціалистамъ, вышли въ это время на свѣтъ Божій и стали доступными всѣмъ. Къ такого рода книгамъ принадлежитъ и «Русскій дворъ 100 лѣтъ тому назадъ». До сихъ поръ эта книга не появлялась въ русскомъ переводѣ, хотя и была хорошо извѣстна русскимъ историкамъ. Въ свое время она надѣлала большого шума за границей. Выйдя въ свѣтъ въ 1858 г., она выдержала сразу два изданія, и уже въ 1860 г. появилось третье изданіе. Но только осенью прошлаго года она вышла въ русскомъ переводѣ.

«Русскій дворъ 100 лѣтъ тому назадъ» охватываетъ собою періодъ съ 1725 по 1783 годъ и основана книга почти исключительно на донесеніяхъ французскихъ и англійскихъ посланниковъ. Составитель книги извлекъ изъ этихъ донесеній крайне любопытныя свѣдѣнія объ интимной жизни русскаго двора, о дворцовыхъ переворотахъ XVIII вѣка, интересныя характеристики царствовавшихъ лицъ и нѣкоторыхъ выдающихся дѣятелей и фаворитовъ XVIII в. и т. д. Такъ, въ «Русскомъ дворѣ» можно найти подробности восшествія на престолъ Екатерины I, попытки ограниченія самодержавія въ 1730 г., переворота 1741 г., дворцовой революціи 1762 г. Судьба младенца-императора Іоанна Антоновича, попопытка Мировича освободить его изъ Шлиссельбургской крѣпости и провозгласить императоромъ, убійство Петра III описаны здѣсь безъ тѣхъ фиговыхъ листковъ, какіе долго употреблялись въ русской литературѣ при описаніи этихъ событій.

Между прочимъ, въ «Русскомъ дворѣ» хорошо выступаетъ неустойчивое положеніе Екатерины II въ первые годы ея царствованія. Какъ извѣстно, при переворотѣ 1762 г. въ числѣ заговорщиковъ было не мало такихъ, которые стояли за провозглашеніе императоромъ Павла, а Екатерины — только регентшей во время малолѣтства сына. Екатерина сдѣлалась императрицей, но сынъ ея былъ постоянною угрозою ея царствованію. Страницы «Русскаго двора» пестрятъ извѣстіями о недовольствѣ, заговорахъ, волненіяхъ гвардіи въ первые годы ея царствованія. Много вниманія также удѣлено въ «Русскомъ дворѣ» личной жизни Екатерины II. Посланники отводили въ своихъ депешахъ немало мѣста извѣстіямъ о смѣнѣ многочисленныхъ фаворитовъ Екатерины II, которые являлись ставленниками различныхъ партій. Англійскій посланникъ Гаррисъ составилъ интересную записку, изъ которой видно, во что обходились екатерининскіе фавориты русскому народу. «Семья Орловыхъ, пишетъ Гаррисъ, получила съ 1762 г. до нынѣшняго 1783 г. 45.000 крестьянъ и 17 милліоновъ драгоцѣнностями, утварью, дворцами и деньгами. Васильчиковъ, простой лейтенантъ гвардіи, получилъ за 22 мѣсяца, въ теченіе которыхъ находился въ фаворѣ, 100.000 р. деньгами, 50.000 драгоцѣнностями, меблированный дворецъ въ 100.000 р., на 50.000 р. утвари, 7.000 крестьянъ въ Россіи, содержаніе въ 20.000 р... Потемкинъ въ 2 года фавора получилъ 37.000 крестьянъ въ Россіи; въ драгоцѣнностяхъ, дворцахъ, содержаніи, утвари около 9 милл. р. Украинецъ Завадовскій получилъ за 18 мѣсяцевъ фавора 6.000 крестьянъ въ Украйнѣ, 2.000 въ Польшѣ и 1.800 въ Россіи, 80.000 р. драгоцѣнностями, 15.000 деньгами, на 30.000 утвари и секретное содержаніе изъ кабинета въ 10.000 р. Зоричъ, сербъ, въ одинъ годъ своего фавора получилъ землю въ Польшѣ въ 500.000 р., въ Ливоніи 50 гакковъ земли цѣною въ 100.000 р., наличными деньгами 500.000 р., драгоцѣнностями 200.000 р., командованіе въ Польшѣ со окладомъ въ 12.000. Корсаковъ, рус-

скій низшій офицеръ, за 16 мѣсяцевъ фавора, получилъ въ видѣ подарковъ 150.000 р., а при своей отставкѣ 4.000 крестьянъ въ Польшѣ, 100 000 р. на уплату долговъ, 100.000 на экипировку, 2.000 въ мѣсяцъ на путешествіе, домъ Васильчикова... Ланской, русскій кавалергардъ,—брилльянтовыя пуговицы цѣною въ 80.000 р., 80.000 на уплату долговъ... онъ еще въ фаворѣ» (стр. 270—271).

Русскій переводъ книги «Русскій дворъ» можно было бы привѣтствовать, но, къ сожалѣнію, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ появился, онъ не можетъ удовлетворять самаго нетребовательнаго читателя. Дѣло въ томъ, что онъ сдѣланъ въ высшей степени небрежно. Читая книгу, можно подумать, что переводилъ ее какой-либо школьникъ, плохо владѣющій русскимъ языкомъ, при помощи плохого словаря. Мѣстами надо вдумываться, вчитываться въ текстъ, чтобы догадаться, что стояло въ подлинникѣ. Напримѣръ, въ характеристикѣ гр. Панина, которую сдѣлалъ французскій посланникъ Корберонъ въ депешѣ отъ 9 апрѣля 1778 г., есть такая фраза: «нѣтъ выраженія, которое для него неизвѣстно, но успѣхъ рѣдко слѣдуетъ за обѣщаніями» (стр. 172). Въ подлинникѣ рѣчь идетъ о томъ, что слова «нѣтъ» («le non»), т. е. отказа, нельзя услышать отъ Панина, но обѣщанія, на которыя онъ щедръ, рѣдко исполняются (стр. 247 франц. изд.). Нѣкоторыя ошибки въ переводѣ положительно извращаютъ извѣстія. Въ депешѣ отъ 4 августа 1772 г. Гуннингъ сообщалъ, между прочимъ, что, по слухамъ, передъ коронованіемъ была тайная свадьба Екатерины II съ Орловымъ, «что это было благодаря требованію общественнаго мнѣнія, а не изъ-за церемоніи, и что Панинъ никогда не хотѣлъ на это согласиться» (стр. 187 р. изд.). Между тѣмъ во французскомъ текстѣ сказано, что Панинъ не соглашался только на обнародованіе брака, но никакъ не на совершеніе обряда (стр. 266—267 фр. изд.). Въ депешѣ нѣтъ ни слова о томъ, что тайный бракъ былъ совершенъ благодаря требованію общественнаго мнѣнія; это извѣстіе есть чистѣйшій вымыселъ переводчика. Не менѣе ложныя свѣдѣнія почерпнетъ читатель и изъ чтенія депеши Гуннинга отъ 4 октября 1774 г. «Вліяніе Потемкина,—говорится въ русскомъ изданіи,—идетъ все впередъ, между тѣмъ какъ Екатерина не замѣчаетъ, что ея сынъ подъ его вліяніемъ. Ея политика идетъ еще дальше, она ищетъ способа вернуть этого недовѣрчиваго сына и старается, чтобы отдалить ее, увѣренная, что самъ по себѣ онъ не способенъ встать противъ нея или ей сопротивляться» (стр. 204). Во французскомъ текстѣ нѣчто иное. Тамъ говорится, что вліяніе Потемкина растетъ, между тѣмъ какъ Екатерина не терпитъ, чтобы ея сынъ (Павелъ) имѣлъ и тѣнь подобнаго вліянія; она даже стремится поселить въ немъ недовѣрчивость и угрюмость, чтобы уединить его, въ увѣренности, что одинъ онъ не можетъ противиться ей (см. стр. 290 фр. изд.). Не будемъ уже говорить о мелкихъ неточностяхъ, невѣрномъ

переводѣ отдѣльныхъ фразъ и выраженій. Такъ, напримѣръ, «autrichiens» почему то переведено «пруссаки», «la ferme des eaux de vie» (винные откупа) переведено «ферма водки» и т. д. Не будемъ говорить и о невѣрной передачѣ именъ собственныхъ и т. под. неточностяхъ. Еслибы мы вздумали приводить всѣ упущенія, неточности и нелѣпости перевода, намъ пришлось бы исписать нѣсколько страницъ. Но и приведеннаго, полагаемъ, достаточно, чтобы видѣть, что «1-ымъ русскимъ переводомъ съ берлинскаго изданія» нельзя пользоваться со сколько-нибудь серьезными цѣлями.

А. Г. Брикнеръ. Смерть Павла I. со статьею В. И. Семевскаго. Переводъ М. Чепинской. Изд. Пирожкова. Спб. 1907. Ц. 1 р. 25 к.

Е. С. Шумигорскій. Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Цареубійство 11-го марта 1801 года. Записки участниковъ и современниковъ. Изд. А. Суворина. Спб. 1907 г. Цѣна 3 р.

Убійство императора Павла. Русская Историческая Библіотека. № 14. Книгоиздательство „Донская Рѣчь". Цѣна 20 к.

Царствованіе императора Павла до сихъ поръ очень мало изучено. Отчасти этому способствовало и то, что до самаго послѣдняго времени невозможно было касаться трагическаго конца этого царствованія. Достаточно сказать, что еще въ 1901 г., когда прошла уже 100-лѣтняя давность событія 11-го марта, историкъ Шильдеръ въ своемъ трудѣ «Императоръ Павелъ I», доступномъ къ тому же по своей дорогой цѣнѣ ограниченному кругу читателей, обошелъ молчаніемъ цареубійство, предоставивъ читателямъ лишь догадываться о драмѣ, происшедшей въ Михайловскомъ дворцѣ въ ночь на 12-ое марта 1801 г. Лишь за послѣдніе годы трагедія 11-го марта предстала передъ публикой во всей своей наготѣ, въ тѣсной связи съ самымъ характеромъ царствованія Павла.

Минувшій 1907 годъ былъ богатъ книгами, посвященными этому событію. Въ числѣ ихъ нужно прежде всего отмѣтить «Смерть Павла I» Брикнера со статьею В. И. Семевскаго. Брикнеръ попытался разобраться въ противорѣчивыхъ показаніяхъ современниковъ о событіи 11-го марта 1801 г. и выяснить его причины. Онъ смотритъ на отстраненіе Павла отъ престола, какъ на неизбѣжную мѣру, необходимую и справедливую съ точки зрѣнія государственнаго права. Государство не можетъ управляться сумасшедшимъ человѣкомъ, ненормальность же неограниченнаго самодержца, не встрѣчая на пути своего проявленія никакого препятствія, можетъ привести государство къ гибели,—таковы исходныя точки зрѣнія Брикнера. Поэтому онъ рѣзко выдѣляетъ среди заговорщиковъ Панина и другихъ лицъ, которыя стремились лишь отстранить Павла отъ престола въ виду его психической ненормальности, назначивъ регентомъ или соправителемъ Александра. Ихъ онъ

считаетъ государственными людьми, дѣйствія которыхъ вполнѣ оправдывались государственною пользою. Въ самомъ цареубійствѣ 11-го марта онъ отличаетъ переворотъ, продиктованный государственной необходимостью, отъ обычнаго дворцоваго переворота, какими былъ такъ обиленъ XVIII вѣкъ. Очеркъ Брикнера далеко не имѣетъ исчерпывающаго характера, ибо самое царствованіе Павла не обрисовано имъ. Въ этомъ отношеніи необходимымъ добавленіемъ къ очерку Брикнера служитъ статья В. И. Семевскаго. Она заключаетъ въ себѣ общій, сжатый очеркъ царствованія Павла I, ярко обрисовывающій деспотизмъ этого государя, окрашивающій всю его внутреннюю политику. Авторъ довольно подробно разбираетъ вопросъ о сумасшествіи Павла, склоняясь къ мнѣнію, что Павелъ страдалъ маніей преслѣдованія и эротоманіей и что у него «стремленіе къ неограниченному самовластію, требованіе безусловнаго и немедленнаго повиновенія»... представляло «что-то вродѣ навязчивой идеи» (стр· XVI). Въ статьѣ В. И. Семевскаго кратко, но выпукло изложено отношеніе Павла къ крестьянскому вопросу, къ приписнымъ крестьянамъ, раскольникамъ и сектантамъ, къ печати, къ свободѣ мысли и слова. Довольно детально разобранъ также авторомъ вопросъ о конституціонныхъ планахъ среди заговорщиковъ во время переворота 11-го марта и объ отношеніи къ нимъ Александра I.

Общій, довольно объективно составленный, очеркъ царствованія Павла далъ и г. Шумигорскій въ книгѣ «Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе». На ряду съ довольно подробной картиной трагедіи 11 марта и ея причинъ читатель можетъ изъ этой книги ознакомиться съ мѣропріятіями Павла въ различныхъ отрасляхъ управленія. Не смотря на мягкое, чтобы не сказать болѣе, отношеніе автора къ Павлу, и у него вырывается такая оцѣнка этого царя: «деспотъ желалъ имѣть возлѣ себя однихъ лишь рабовъ,— и въ этомъ заключался главный источникъ его гибели. Рабы сдѣлались орудіемъ предателей» (стр. 201). Книга г. Шумигорскаго является передѣлкою статьи того же автора, помѣщенной въ Русскомъ Біографическомъ Словарѣ. (Изд. Р. И. Общ. 1902 г.); наиболѣе крупнымъ добавленіемъ въ книгѣ является описаніе убійства Павла.

Два сборника: «Цареубійство 11-го марта 1801 г.». (изд. А. Суворина) и «Убійство императора Павла» (изд. Донской Рѣчи), заключають въ себѣ цѣлый рядъ воспоминаній современниковъ, какъ о самомъ цареубійствѣ, такъ отчасти и о времени Павла. Въ «Цареубійствѣ 11 марта» очень цѣнны воспоминанія Беннигсена—одного изъ заговорщиковъ, присутствовавшаго при убійствѣ. Цѣнны также записки Ланжерона, по имѣющимся въ нихъ разсказамъ того же Беннигсена, Палена—организатора переворота 11-го марта, великаго князя Константина; наконецъ, записки Чарторыйскаго, который, какъ личный другъ Александра I, слышалъ отъ него самого по-

дробности заговора и несомнѣнно многое—особенно относительно участія въ заговорѣ самого Александра—передаетъ съ его словъ.

Чрезвычайно цѣнными для изученія времени Павла и его смерти являются записки Саблукова, писавшаго частью на основаніи личныхъ впечатлѣній, частью на основаніи разсказовъ участниковъ переворота, не стѣснявшихся въ упоеніи успѣхомъ разсказывать всѣ подробности удачно выполненнаго предпріятія. Очень важны также записки фонъ-Визина. Онъ даетъ наиболѣе полный списокъ заговорщиковъ и болѣе подробныя, чѣмъ другіе, свѣдѣнія какъ о проектѣ регентства, такъ и о конституціонныхъ планахъ заговорщиковъ. Въ томъ же сборникѣ помѣщены записки гр. Ливенъ, Коцебу, сообщившаго рядъ любопытныхъ фактовъ изъ жизни и царствованія Павла, и, наконецъ, воспоминанія Гейкинга, въ которыхъ можно найти подробныя свѣдѣнія о причинахъ удаленія Палена. Всѣмъ этимъ воспоминаніямъ предпослано введеніе, въ которомъ дѣлается попытка выяснить причины катастрофы. Авторъ этого предисловія сильно идеализируетъ Павла. Онъ отрицаетъ сумасшествіе Павла, считая, что ссылка на сумасшествіе есть лишь средство, пущенное въ ходъ заговорщиками съ цѣлью обѣлить себя. Умъ и система, свѣтившіеся, по мнѣнію автора, во внутренней и внѣшней политикѣ Павла, достаточно доказываютъ его умственную нормальность Его раздражительность и вспыльчивость приводили его къ необдуманнымъ, порою жестокимъ распоряженіямъ, но его система управленія послужила въ главнѣйшихъ чертахъ прототипомъ управленія Александра I и Николая I. Доказательство этого взгляда не обходится у автора безъ явнаго преувеличенія однихъ фактовъ и игнорированія другихъ.

Въ брошюрѣ «Убійство императора Павла» читатель найдетъ 4 разсказа современниковъ (фонъ-Визина, Вельяминова-Зернова, Саблукова и Чарторыйскаго), изображающіе переворотъ 11 марта 1801 г. Къ сожалѣнію, этотъ сборникъ, небольшой по объему и недорогой по цѣнѣ, составленъ недостаточно внимательно. Не говоря уже о небрежной корректурѣ (манифестъ о 3-дневной барщинѣ, напримѣръ, помѣченъ 1788 г. вмѣсто 1797 г.), нигдѣ не оговорены сокращенія, сдѣланныя въ приводимыхъ воспоминаніяхъ. А между тѣмъ нѣкоторые пропуски, не смотря на ихъ ничтожный размѣръ, довольно существенны. Такъ, въ воспоминаніяхъ фонъ-Визина опущено почему-то замѣчаніе, что радость по поводу убійства Павла изъявляло лишь дворянство, «прочія же сословія приняли эту вѣсть довольно равнодушно». Фраза эта не велика, но характерна для оцѣнки событія. Подобныя же сокращенія сдѣланы и въ другихъ мемуарахъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ. Но, не смотря на эти пропуски и другіе недостатки изданія, лишающіе сборникъ научнаго значенія, онъ все же является небезполезнымъ вкладомъ въ популярную литературу о Павловскомъ времени.

В. Кожевниковъ. Великая крестьянская война въ Германіи (1524—1525 г.). Спб., стр. 132.

Книжка г. В. Кожевникова представляетъ собой простую компиляцію цѣлаго ряда монографическихъ изслѣдованій по исторіи Германіи и Европы, при чемъ только одна изъ этихъ монографій указывается въ оригиналѣ. Компиляція г. Кожевникова желаетъ дать популярное изложеніе исторіи крестьянской войны въ Германіи, такъ какъ авторъ полагаетъ, что труды Циммермана и Энгельса «не пригодны для широкой публики». Однако, у нашего автора при составленіи его труда была и другая цѣль: видя «особенность русскаго государства» въ томъ, что въ немъ совмѣщаются «элементы прогресса культурныхъ странъ Запада и дикость и нищета Востока», г. Кожевниковъ желаетъ дать своего рода историческій урокъ народнымъ вождямъ революціоннаго движенія; его особенно смущаетъ тотъ фактъ, что у насъ «вслѣдъ за борющимся на передовыхъ позиціяхъ пролетаріатомъ, объединеннымъ подъ знаменемъ международной соціалъ-демократіи, выступаетъ многомилліонная крестьянская масса и готовится «тяжелой поступью своею» скрѣпить свое «стремленіе» при заревѣ пожаровъ и революціонномъ кличѣ: «земли и воли!» Безплодная борьба народныхъ массъ «за неосуществимыя, недостижимыя въ данный историческій моментъ цѣли»—вотъ что заставляетъ автора брошюры взяться за перо и при помощи страшныхъ образовъ XVI вѣка предупредить роковую ошибку русскаго движенія.

Компиляція г. Кожевникова сама по себѣ можетъ быть поучительнымъ чтеніемъ, способна даже быть своего рода введеніемъ къ болѣе серьезному изученію вопроса. И это не столько по винѣ самого автора, сколько по винѣ излагаемыхъ имъ фактовъ. Трагическая борьба нѣмецкаго крестьянства за свою свободу передъ окончательнымъ закрѣпощеніемъ воистину полна глубочайшаго интереса и заслуживаетъ вниманія всѣхъ, въ комъ только бьется человѣческое сердце и работаетъ критическая мысль. Крестьянское возстаніе 1524 — 1525 г. г.—это страшный документъ соціальной исторіи, характеризующій собой торжество человѣконенавистничества и насилія. Достаточно сказать, что 100.000 крестьянскихъ труповъ покрыли нѣмецкія поля, при чемъ главными средствами побѣды были клятвопреступленія и обманъ, а главнымъ орудіемъ торжества топоръ и плаха. Потрясающія событія задушеннаго въ крови крестьянскаго бунта говорятъ сами за себя, и въ изложеніи г. Кожевникова они только теряютъ въ своей мрачной торжественности. До пошлости вульгарный, «митинговый» языкъ компилятора напрасно старается подбавить дешеваго перцу къ печальной хроникѣ 1524 г.

Но мы думаемъ, что г. Кожевниковъ не достигаетъ и второй своей цѣли. Сравнивать первую четверть XVI вѣка и начало XX все-таки нѣсколько рискованно. И хотя авторъ освобождаетъ себя отъ подробнаго изображенія въ высшей степени пестрыхъ поземель-

ныхъ порядковъ въ юго-западной Германіи, однако же различіе между аграрнымъ строемъ феодальнаго порядка и поземельнымъ устройствомъ русскаго крестьянина XX вѣка слишкомъ велико, чтобы можно было изъ крушенія перваго строить какія-либо выводы по отношенію ко второму. Насколько намъ извѣстно, между крѣпостнымъ правомъ, увѣнчавшимъ собой крестьянскую войну, и торжествомъ новыхъ формъ капиталистическаго общества, наблюдаемыхъ въ настоящее время, нѣтъ ровно ничего общаго. Думаемъ, что самый ортодоксальный марксизмъ окажется на нашей сторонѣ.

Особенно отталкивающе дѣйствуетъ въ книжкѣ г. Кожевникова та грубая и мѣщанская мораль, которую онъ выводитъ изъ изложенной имъ исторіи крестьянскаго движенія. Съ великимъ торжествомъ указываетъ онъ на неуспѣхъ возстанія 1525 г. и предлагаетъ не противиться злому, а безъ всякаго бунта идти въ кабалу «даннаго историческаго развитія»: «бываютъ-де эпохи, когда сама исторія проклинаетъ свободу и благословляетъ палачей». Нельзя не видѣть въ этомъ того же приглашенія идти безропотно на «выучку къ капитализму», которое уже разъ было провозглашено нашей «ортодоксіей».

Проф. Эд. Дженксъ. Происхожденіе верховной власти, пер. съ англійскаго Э. Серебрякова. Спб. 1907 г., стр. 152.

Книжка проф. Дженкса не велика объемомъ, но очень содержательна и интересна. Въ ней мы находимъ систематичное и послѣдовательное обоснованіе государства съ соціальной точки зрѣнія, при чемъ авторъ даетъ типичные и характерные образы общества дикарскаго, патріархальнаго и современнаго политическаго. Отличительную черту Дженкса уже въ настоящей классификаціи представляетъ то, что онъ совершенно не различаетъ феодальнаго государства и современнаго капиталистическаго и обосновываетъ одинаково то и другое на одномъ и томъ же началѣ.

Какъ очевидно уже изъ сказаннаго, экономическій факторъ у англійскаго соціолога не играетъ той исключительной, доминирующей роли, которая присуща всѣмъ изложеніямъ школы историческаго матеріализма. И хоть нашъ авторъ очень внимательно и подробно изслѣдуетъ хозяйственную организацію разныхъ типовъ общества, и большую часть своей книги посвятилъ какъ разъ экономичесиому фактору, однако, этотъ послѣдній нигдѣ не является у него изолированнымъ, но въ общей связи съ организаціей тотема и орды, племени, клана и семейной единицы. Чрезвычайно важное значеніе придаетъ нашъ авторъ развитію религіозныхъ вѣрованій, бытовыхъ и юридическихъ обычаевъ и т. п. идеологическихъ элементовъ. Характеристики дикарскаго и патріархальнаго общества вообще надо считать чрезвычайно удавшимися, онѣ значительно дополняютъ болѣе старые труды Мэна и Ковалевскаго.

Но съ чѣмъ мы никакъ не можемъ согласиться — это съ тѣмъ одностороннимъ сведеніемъ современнаго общества къ военному началу, которое намъ живо напоминаетъ «новое ученіе о государствѣ» Антона Менгера. Правда, у Менгера начало силы и мощи, къ которому сводится все теперешнее индивидуалистическое царство богатыхъ, намѣчено очень неопредѣленно и противорѣчиво; и если подчасъ на первый планъ у него выступаетъ военная сила, то очень часто она смѣняется силой вообще, которая можетъ быть присуща разнымъ общественнымъ классамъ и выражаться въ различныхъ проявленіяхъ. Дженксъ свободенъ отъ этихъ упрековъ. И если вообще онъ понимаетъ политическое искусство, какъ борьбу «коршуновъ и вороновъ», то современное государство онъ цѣликомъ сводитъ къ развитію военной организаціи, военной техники и военныхъ инстинктовъ. Успѣшныя войны повели къ созданію первыхъ государствъ, счастливые завоеватели стали первыми ихъ владыками, организація дружины легла въ основу государственной службы и управленія, а замѣна спорадическаго грабежа — грабежомъ организованнымъ и постояннымъ привела къ системѣ податныхъ тягостей покореннаго населенія. Главною связью новаго общества явилась «военная вѣрность», которая въ свою очередь привела къ территоріальной организаціи государственной власти. Съ величайшимъ остроуміемъ и послѣдовательностью выводитъ Дженксъ изъ феодальнаго строя и современную собственность, и правосудіе, и законодательство, и администрацію, которыя всѣ, несмотря на различный ходъ своего развитія, тѣмъ не менѣе, коренятся въ общемъ военномъ источникѣ новаго общества. Такъ, несмотря на подавляющее преобладаніе грубыхъ и жестокихъ сторонъ человѣческой жизни, все же подъ «борьбою коршуновъ и вороновъ» развивается «слабое, несовершенное, но все же стремленіе ввести въ жизнь глубоко заложенный инстинктъ человѣчества, который побуждаетъ человѣка обращаться за помощью и руководствомъ къ человѣку-же».

Дженксъ въ концѣ концовъ надѣется, что, несмотря на всѣ «ужасныя, отталкивающія побочныя обстоятельства» нашъ соціальный инстинктъ приведетъ къ созданію «высшаго идеала». Мы полагаемъ, однако, что теорія Дженкса далеко не оправдываетъ такихъ надеждъ и упованій. Игнорируя современное экономическое и культурное развитіе, отодвигая на послѣдній планъ революціонную борьбу современнаго человѣчества, забывая о громадномъ значеніи чисто психическихъ, массовыхъ процессовъ, нашъ авторъ не только лишилъ свое ученіе полноты и всесторонности, но и какого бы то ни было просвѣта въ грядущее царство свободы.

Проф. В. Зомбартъ. Пролетаріатъ въ Америкѣ, перев. съ нѣм. В Н.·Смирнова. (Библіотека просвѣщенія № 36). Спб., стр. 160.

Книга проф. Зомбарта, посвященная американскому пролетаріату, отличается обычными достоинствами, свойственными этому автору. Ясность и послѣдовательность плана, художественность изложенія, простота и доступность серьезныхъ научныхъ положеній — все это найдетъ русскій читатель въ предлагаемой книжкѣ автора «Соціальнаго движенія» и «Современнаго капитализма». Сама тема даетъ бреславльскому профессору возможность особенно развернуть ту сторону его метода, которая коренится въ способности широкихъ психологическихъ обобщеній. Въ самомъ дѣлѣ, американскій пролетаріатъ до сей поры отличался одною чертой, которая рѣзко противопоставляла его континентальному и дѣлала его своего рода загадкой въ глазахъ не однихъ только ортодоксальныхъ марксистовъ: несмотря на колоссальное развитіе капитализма въ Соединенныхъ Штатахъ, одинъ американскій пролетаріатъ оказался почти недоступнымъ идеямъ соціализма, неспособнымъ къ организаціи чего-либо подобнаго нѣмецкой и французской соціалистической партіи. Въ чемъ заключается причина такого страннаго на первый взглядъ явленія—на этотъ вопросъ В. Зомбартъ даетъ посильный отвѣтъ въ своей книжкѣ.

Прежде всего, онъ останавливается на матеріальномъ положеніи рабочихъ. Нормальный американскій рабочій экономически обставленъ настолько хорошо, что уровень его жизни можетъ развѣ идти въ сравненіе съ жизнью какого-нибудь мелкаго буржуа въ Европѣ. Четыре комнатки въ отдѣльномъ особнякѣ — коттеджѣ — здоровая пища съ неизвѣстнымъ для европейскаго рабочаго количествомъ мяса, внѣшній обликъ настоящаго джентельмена, а у работницъ — элегантной дамы, наконецъ общественное положеніе, которому могъ бы позавидовать нѣмецкій бюргеръ неблагороднаго происхожденія—все это создаетъ почву для такого довольства и комфорта, которые не заставляютъ желать ничего лучшаго. Еще болѣе примиряетъ американца—джентельмена труда—съ его участью то изобиліе свободныхъ земель, которое даже въ настоящее время даетъ возможность каждому недовольному искать счастія въ земледѣліи на дѣвственныхъ территоріяхъ страны. И если на фабрикѣ рабочій встрѣчаетъ въ высшей степени корректное и вѣжливое обращеніе, то, съ другой стороны, предприниматели стараются всѣми силами заинтересовать рабочихъ въ денежномъ успѣхѣ предпріятія, сдѣлать ихъ участниками самого дѣла.

Отсюда понятенъ тотъ оптимизмъ и капиталистическій духъ, которымъ исполненъ средній американскій рабочій. Онъ всѣмъ сердцемъ воспринялъ вѣру въ долларъ и твердо убѣжденъ, что богатство—непремѣнная награда энергіи ума и таланта. Передъ

глазами пролетарія чуть не ежедневно нищіе становятся Крезами, и плохъ тотъ солдатъ, который не думаетъ быть генераломъ. Американскіе профессіональные союзы проникнуты менѣе всего классовымъ самосознаніемъ, они являются только одной изъ договаривающихся сторонъ въ общей борьбѣ за обдираніе потребителя въ пользу тѣхъ или иныхъ «производителей». Нерѣдки даже союзы предпринимательскихъ трестовъ и рабочихъ организацій въ цѣляхъ монопольнаго обладанія рынкомъ, при чемъ профессіональныя группы привилегированныхъ рабочихъ столь-же враждебно относятся къ своему сопернику, пролетарію, какъ предприниматели къ своимъ конкурентамъ въ области производства. Такія «alliances» Зомбартъ называетъ организаціями «для совмѣстнаго ограбленія публики соединенными предпринимателями и рабочими одной отрасли промышленности». По выраженію самихъ американцевъ, «тредъ-юніонизмъ есть дѣловой методъ улучшенія положенія наемнаго работника при высоко-организованныхъ условіяхъ современнаго промышленнаго міра». «Торговаться за прибавки — значитъ дѣлать дѣло»...

Наряду съ высокимъ процвѣтаніемъ капитализма съ крайне благопріятными экономическими условіями, не меньшую помѣху для развитія соціализма видитъ Зомбартъ и въ чрезвычайномъ развитіи демократическаго начала въ великой заатлантической республикѣ. Демократія громадной страны отдала весь политическій аппаратъ законодательства и управленія въ руки народа, а тѣмъ самымъ привела къ созданію двухъ могущественныхъ политическихъ партій, которыя и берутъ на себя всю организацію политической машины. И если, съ одной стороны, эти партіи ставятъ все дѣло на чисто практическую почву, а изъ политики дѣлаютъ прибыльное предпріятіе, основанное на продажѣ и покупкѣ должностей и голосовъ, то съ другой—тѣ же партіи весьма чутки ко всякому движенію среди массы избирателей. Будучи совершенно безпринципны въ политическомъ отношеніи, онѣ не только всасываютъ въ себя все выдающееся, что попадается среди рабочихъ, но и готовы быть сами представительницами рабочихъ интересовъ, поскольку эти послѣдніе не противорѣчатъ интересамъ «націи». Чисто американскій патріотизмъ связываетъ, наконецъ, въ одно цѣлое тѣ два народа, которые такъ враждебно противостоятъ другъ другу въ современной Европѣ.

Однако, американское Эльдорадо представляетъ собой только одинъ фазисъ экономическаго развитія. Дальнѣйшее развитіе капитализма должно неизбѣжно привести Америку къ тѣмъ же самымъ результатамъ, къ которымъ уже пришли болѣе старыя страны. Въ новомъ трудѣ, который Зомбартъ обѣщаетъ намъ дать, онъ собирается какъ разъ «доказать, что всѣ тѣ моменты, которые до сихъ поръ препятствовали въ Соединенныхъ Штатахъ развитію соціализма, въ скоромъ времени или исчезнутъ, или превратятся въ

свою противоположность, и что, благодаря этому, въ теченіе ближайшихъ десятилѣтій, соціализмъ, по всей вѣроятности, достигнетъ въ Союзѣ полнаго расцвѣта».

Оставляя до будущей книги Зомбарта рѣшеніе вопроса о томъ, поскольку соціализмъ въ концѣ концовъ и здѣсь явится спутникомъ капитализма, мы пока считаемъ долгомъ обратить вниманіе читателя на небольшой, но содержательный опытъ нашего ученаго—опытъ, который, кстати сказать, появился на русскомъ языкѣ въ очень приличномъ переводѣ. При нашемъ обзорѣ мы не исчерпали и сотой части богатаго содержанія разбираемой книжки.

Рихардъ Авенаріусъ. Критика чистаго опыта. Пер. съ нѣмецкаго Ив. Өедорова. Томъ первый. Спб. 1907. XVIII+124 стр. Ц. 80 к.

Настоящій переводъ перваго тома знаменитой «Критики чистаго опыта» Рихарда Авенаріуса сдѣланъ «со второго нѣмецкаго изданія, исправленнаго Іозефомъ Петцольдомъ по указаніямъ, оставшимся послѣ смерти автора». Дополненія, внесенныя Петцольдомъ, заимствованы имъ изъ рукописныхъ надписей на экземплярахъ «Критики», принадлежавшихъ самому Авенаріусу; сверхъ того, редакторомъ второго изданія были сдѣланы нѣкоторыя чисто-стилистическія измѣненія; но, какъ заявляетъ самъ Петцольдъ (стр. VI), «въ общемъ, новое изданіе, надо сказать, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ перваго».

По поводу появленія русскаго перевода «Критики чистаго опыта» мы не будемъ говорить о философіи Авенаріуса, ибо даже самая общая оцѣнка этой философіи съ трудомъ вмѣстилась-бы въ предѣлахъ простой рецензіи. Къ тому-же постоянные читатели «Русск. Бог.» не только были уже ознакомлены съ философіей Авенаріуса, но имѣли даже передъ собой двѣ не вполнѣ сходныя между собой оцѣнки этой системы: они имѣли и статью полнаго и безусловнаго сторонника Авенаріуса и другую статью, въ которой авторъ, признавая Авенаріуса однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей XIX вѣка, критиковалъ его ученіе съ независимой точки зрѣнія.

Поэтому, по существу, т. е. относительно самого содержанія книги, мы ограничимся лишь одной цитатой изъ предисловія редактора второго изданія (ближайшаго и талантливѣйшаго изъ учениковъ Авенаріуса) Іозефа Петцольда. Къ тому-же, эта цитата, какъ намъ кажется, поможетъ читателямъ разобраться въ разнорѣчивыхъ оцѣнкахъ труда Авенаріуса.

Перечисляя причины, которыя, по его мнѣнію, помѣшали труду Авенаріуса имѣть должное вліяніе, Петцольдъ (на стр. VI) говоритъ: «Критику чистаго опыта считаютъ «философскимъ» произведеніемъ. Но она мало даетъ большинству философовъ, потому что мало занимается ихъ проблемами. А иные, къ тому-же, опасаются

утратить свою философскую оригинальность передъ лицомъ этой книги, если только не отвергнуть ея, и страшатся, не стать-бы «учениками». Напрасные страхи! *Произведеніе это отъ начала до конца естественно научное даже во второмъ своемъ томѣ, въ Психологіи»* (курсивъ нашъ).

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію достоинства перевода. Если бы это былъ переводъ не такой замѣчательной книги, то мы назвали бы его удовлетворительнымъ. Но къ переводчику Авенаріуса нужно предъявлять строгія требованія. А строгимъ требованіямъ этотъ переводъ далеко не отвѣчаетъ: онъ часто неточенъ и тяжеловѣсенъ, тяжеловѣснѣе даже подлинника. Мы не свѣряли всего перевода слово за словомъ, но, просматривая въ различныхъ мѣстахъ по нѣсколько страницъ наугадъ, почти всюду встрѣчали нѣкоторые недостатки.

Чтобы не затруднять читателей нѣмецкими цитатами, приведемъ лишь нѣсколько примѣровъ.

Въ § 37 мы читаемъ: «Однако, какъ *нельзя* было предположить человѣческаго индивида безъ всякой среды, такъ *не должны* мы и среду предполагать гарантирующей абсолютное сохраненіе». Мы подчеркнули слова «нельзя» и «не должны», ибо эти слова являются вставкой переводчика и вставкой далеко не безразличной. Въ подлинникѣ сказано: «Ebensowenig jedoch, wie wir ein menschliches Individuum ohne alle Umgebung annehmen, haben wir es in einer Umgebung vorauszusetzen, welche eine absolute Erhaltung gewährleistete». Т. е. авторъ не подчеркиваетъ того обстоятельства, что индивида *нельзя* представить безъ среды, и не говорить, что среду *не должно* представлять себѣ такою то, а просто говоритъ, что онъ не представляетъ индивида ни безъ среды, ни въ такой средѣ, которая обезпечиваетъ абсолютное сохраненіе.

Въ § 38 читаемь: «По идеѣ, эмпиріокритическая предпосылка должна заключать въ себѣ тотъ матеріалъ, изъ котораго развертываются философскія системы и спеціальныя теоріи; но по идеѣ-же—ничего такого, во что ее превращаютъ лишь сами системы и теоріи». Въ подлинникѣ читаемъ: Die empiriokritische Voraussetzung soll—der Idee nach—alles Material in sich schliessen, woraus sich die philosophischen Systeme und speciellen Erkenntnistheorien entwickeln; aber—dem Ideal nach—nichts, wozu es System und Theorie erst machen». Здѣсь, не говоря уже о нѣкоторой тяжеловѣсности перевода и о томъ, что слово «entwickeln» лучше было-бы передать словомъ: «развиваются», а не словомъ: «развертываются»—мы отмѣтимъ слѣдующія ошибки: во-первыхъ, «speciellen Erkenntnistheorien», т. е. «спеціальныя теоріи знанія» превратились у переводчика просто въ «спеціальныя теоріи»; во-вторыхъ, выраженіе: «dem Ideal nach», т. е., «въ идеалѣ» превратилось въ выраженіе: «по идеѣ-же»; въ третьихъ, переводчикъ не понялъ, что въ фразѣ «wozu es» и т. д. мѣстоименіе «es» относится къ существи-

тельному «Material» (которое по-нѣмецки средняго рода), а отнесъ это мѣстоименіе къ существительному «предпосылка», благодаря чему весь смыслъ фразы извратился.

Приведемъ еще одинъ примѣръ, въ которомъ допущена, повидимому, лишь маленькая неточность, но, благодаря этой неточности, получается совершенно иная окраска фразы. Въ § 190 мы читаемъ: «Объ одномъ важномъ различіи между жизнеразностями, *все значеніе котораго, вѣроятно, не обнаружится* на протяженіи дальнѣйшихъ изслѣдованій, слѣдуетъ лишь упомянуть здѣсь». Въ подлинникѣ читаемъ: «Ein wichtiger Unterschied der Vitaldifferenzen, dessen Bedeutung aber voraussichtlich nicht mehr innerhalb der folgenden Untersuchung an Tag treten wird, werde hier nur erwähnt». Читатель, во-первыхъ, видитъ, что переводчикъ произвольно говоритъ во множественномъ числѣ о «дальнѣйшихъ изслѣдованьяхъ», тогда какъ авторъ пользуется существительнымъ Untersuchung въ единственномъ числѣ; но это неважно, а важна подчеркнутая нами фраза: «все значеніе котораго, вѣроятно, не обнаружится», тогда какъ авторъ просто говоритъ: «nicht mehr... an Tag treten wird», т. е. «съ которымъ мы больше не встрѣтимся». Т. е. авторъ хочетъ сказать, что онъ лишь упомянетъ о такомъ различіи, съ которымъ больше онъ, вѣроятно, и не встрѣтится въ своемъ изслѣдованіи, а переводчикъ придаетъ этой фразѣ тотъ смыслъ, будто авторъ не надѣется выяснить все значеніе этого различія.

Повторяемъ, будь это переводъ не такого важнаго труда, какъ книга Авенаріуса, мы не обратили-бы вниманія на всѣ эти, сравнительно, мелкія погрѣшности, но когда дѣло идетъ о такомъ крупномъ явленіи, какъ философія Авенаріуса, то мы должны предъявлять къ переводчику высокія требованія. Мы могли-бы привести еще очень много подобныхъ-же погрѣшностей переводчика.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

И. И. Лященко. Очеркъ аграрной эволюціи. Т. I. Спб. 1908. Ц. 3 р.

Н. И. Лазаревскій. Прив.-доц. Лекціи по русскому государственному праву. Т. I. Конституціонное право. Спб. 1908. Ц. 3 р.

А. И. Богдановичъ. Годы перелома 1895—1906. Сборникъ критическихъ статей. Кн.-во „Міръ Божій". Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

I. М. Кулишеръ. Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ разви-

тіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Т. 2-й. XIX в. Спб. 1908. Ц. 2 р. 50 к.

Череванинъ. Современное положеніе и возможное будущее. М. 1908. Ц. 1 р. 10 к.

Изд. Т-ва М. О. Вольфъ: 1) *Г. Веймеръ*, д-ръ. Исторія педагогики. Пер. съ нѣм. К. Тюлеліевъ. 1908. Ц. 1 р.— 2) *Гансъ Гёферъ*. Нефть и ея производныя. Пер. со 2-го нѣм. изд. Генр. Крейцера. 1908. Ц. 3 р. 50 к.

Б. Н. Лебедевъ. „Проклятіе звѣря". Л. Андреева. Спб. 1908. Ц. 8 к.

Н. Соузгетъ Шэлеръ. Гражданинъ и его отношеніе къ государству. Вып. 2-й. Пер. В. Лермантова. Нарва. 1907. Ц. 75 к.

Проф. *Вс. Удинцевъ*. Исторія займа. Кіевъ. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Н. Суботичъ. Амурская желѣзная дорога и наша политика на Дальнемъ Востокѣ. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Д-ръ Н. Бомштейнъ и д-ръ Р. Лунцъ. Вскармливаніе ребенка со дня рожденія до пятилѣтняго возраста. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Слонимскій. О великой лжи нашего времени. К. Побѣдоносцевъ и кн. В. Мещерскій. Спб. 1908. Ц. 50 к.

В. Вересаевъ. На войнѣ. Записки. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ Т-ва „Знаніе". Т. XXI. Спб. 1908. Ц. 1 р.

В. Тэнеръ. Вмѣсто книги. Пер. подъ ред. М. Симановскаго. М. 1908. Ц. 3 р. 25 к.

Е. Чепурковскій. Элементы общаго землевѣдѣнія. Ч. I. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Отто Рюле. Объясненіе половыхъ отношеній дѣтямъ. Пер. съ нѣмец. М. Таганскаго. Спб. 1908. Ц. 10 к.

Эрнстъ Махъ. Историко-критическій очеркъ развитія механики. Пер. Б. Лебедева. Спб. 1908. Ц. 25 к.

Павелъ Астровъ. По поводу книги Н. Морозова „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ". М. 1908. Ц. 5 к.

Лили Браунъ. Профессія и материнство. (О страхованіи материнства). Спб. 1908. Ц. 20 к.

А. Антоновъ. Еще одно рѣшеніе. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Г. Василевскій. Интеллигентная земледѣльческая община Криница. Къ исторіи исканій общественныхъ формъ идеальной жизни. Кн-во „Посѣвъ". Спб. 1908. Ц. 85 к.

Мэтью Арнольдъ. Въ чемъ сущность христіанства и іудейства. Изд. „Посредникъ". М. 1908. Ц. 75 к.

Н. Денисюкъ. Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго. Вып. 1-й. Изд. Панафидиной. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Борецкій-Бергфельдъ. Исторія Венгріи въ средніе вѣка и новое время. Изд. т-ва Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

С. М. Роговинъ. Деизмъ и Давидъ Юмъ. Кн. „Заратустра". М. 1908. Ц. 75 к.

Давидъ Юмъ. Діалоги о естественной религіи, съ прил. о „самоубійствѣ" и „о безсмертіи души". Пер. С. Роговина. К-во „Творческая Мысль". М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Е. С. Дрентельнъ, женщ.-врачъ. Этюды о природѣ женщины и мужчины. М. 1908. Кн-во Брейтигама. Ц. 1 р. 60 к.

Е. С. Дрентельнъ, женщ.-врачъ. О проституціи съ точки зрѣнія динамики жизни. М. 1908. Кн-во Брейтигама. Ц. 60 к.

Л. Щепотьевъ. Женская душа. Миніатюры, сказки, афоризмы. М. 1908. Ц. 50 к.

А. Колычевъ. Города, какъ самоуправляющіяся земскія единицы. Вологда. 1908.

Вил. Оствальдъ. Путеводныя нити въ химіи. Пер. подъ ред. К. Худякова. М. 1908. Ц. 1 р. 40 к.

Генрихъ Риккертъ. Философія исторіи. Пер. съ нѣм. С. Гессена. Изд. Д. Жуковскаго. Спб. 1908. Ц. 75 к.

В. Ө. Тотоміанцъ. Потребительныя общества. Исторія, теорія и практика. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 2 р.

Евг. Мауринъ. Власть тѣла. Разсказы. Спб. 1908. Ц. 1 р.

М. Кузьминъ. Сѣти. К-во „Скорпіонъ". М. Ц. 1 р. 60 к.

Андрей Бѣлый. Кубокъ метелей. К-во „Скорпіонъ". Ц. 1 р. 50 к.

Валерій Брюсовъ. Пути и перепутья. Собраніе стиховъ. Т. II. К-во „Скорпіонъ". 1908. М. Ц. 2 р.

Иванъ Бунинъ. Стихотворенія. Т. IV. Изд. Т-ва „Знаніе". Спб. 1908. Ц. 1 р.

Сергѣй Соловьевъ. Crurifragium. М. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Западные сборники. Книга вторая. К-во „Современныя Проблемы". М. 1908. Ц. 1 р.

П. Вейнбергъ. Русскія народныя пѣсни объ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Вл. Семчевскій. Пророкъ. Случайно найденная рукопись. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

М. Флееръ. Между стѣнъ. Драматическій этюдъ. Спб. 1908. Ц. 15 к.

Серий Ефремовъ. Літературний намул. Ц. 15 к.

Серий Ефремовъ. Марко Вовчок. Літературна характеристика. У Киіві. 1907. Ц. 10 к.

Д. Марковичъ По степах та хуторах. У Киіві. 1908. Ц 65 к.

О. Н. Чюмина. Осенніе вихри. Стихи. Спб. 1908. Ц. 75 к.

Вл. Ходасевичъ. Молодость. Стихи 1907 г. Кн-во „Грифъ". М. 1908. Ц. 70 к.

Октавъ Мирбо. Любовь. Шутка фарсъ. Пер. А. Шукянъ. Кн-во „Весна". М. 1908. Ц. 20 к.

П. Ѳ. Порфировъ. Стихотворенія 1888 1903. Посмертное изданіе. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

П. Юшкевичъ. Матеріализмъ и критическій реализмъ. К-во „Зерно". Спб. 1908. Ц. 1 р.

О. Лукашевичъ. Неорганическая жизнь земли Элементарныя начала научной философіи. Т. Ш. Часть I съ 49 рисунками. Спб. 1908 Ц. 1 р. 50 к.

Ц. и В. Балталонъ. Воспитательное чтеніе. Пособіе для учителей и учительницъ. М. 1908. Ц. 80 к.

О правѣ жительства евреевъ. Спб. 1908. Ц. 10 к.

Библіотека Юнаго Читателя. Спб. 1908: 1) ***Я. Берлинъ.*** Дѣла и люди средневѣковья. Ц. 30 к.—2) ***Р. Гемпель.*** Подъ огненнымъ дождемъ. Разсказъ изъ послѣднихъ дней Помпеи. Пер. Ад. Острогорской. Ц 25 к.

Тардъ. Отрывки изъ будущей исторіи. Пер. К. Дебу. Спб. 1908. Ц. 35 к.

Кн. Уманецъ. Разсказы: 1) Ночью. Ц. 5 к.—2) Мать и дочь. Ц. 15 к.—3) Богомолки. Ц. 10 к.—4) Отецъ и дочь. Ц. 15 к. Спб. 1908.

А. К—ръ. Языкъ фактовъ. По поводу обособленности евреевъ. Изд. М. Ковнера. Варшава. 1908.

I. Rubinow. Economic condition of the jews in Russia. Washington. 1908.

Микола Порш. Про автономію України. Кіевъ. 1908. Ц. 15 к.

В. Бѣловежскій. Система желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сѣти Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Тургайско Уральскій переселенческій раіонъ. Краткій статистическій обзоръ за 1907 г. Оренбургъ. 1908.

Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Подъ общ. ред. К. Ксидо и М. Соколовскаго. Вв. I и II по 1 р. 60 к. за вып. Спб. 1908.

Обзоръ дѣятельности Главнаго Управленія Землеустройства и Земледѣлія съ 8 мая 1905 по 1 января 1907 г. Спб. 1907.

Ежегодникъ С.-Петербургскаго восьмиклассного коммерческаго училища въ Лѣсномъ. 1908. Спб. Ц. 1 р. 20 к.

Ѳ. Езерскій. Счетоводство Торговаго Дома. Изд III. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Ѳ. Езерскій. По поводу конкурсной задачи по сельскохозяйственному счетоводству. Спб. 1908. Ц. 20 к.

Богомоловъ Борисъ. Въ пути. Эскизы. Изд. К. Ганина 1908 Ц. 35 к.

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. В. 9 й. Изд. Т-ва бр. А. и И. Гранатъ и К°. М. 1908.

Потемкинъ. Смѣшная любовь. Первая книга стиховъ. Въ С.-Петербургѣ. Иждивеніемъ „книгопродавца Г. М. Попова. 1908. Ц. 75 к.

Антонъ Крайній. Литературный дневникъ. Изд. Пирожкова. Спб. 1908. Ц. 1 р. 50 к.

Сорель, Жоржъ. Введеніе въ изученіе современнаго хозяйства. Пер. Л. Козловскаго. М. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

Реймонтъ. На грани. Пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

А. Нѣмоевскій. Листопадъ и др. разсказы. Пер. Е. и И. Леонтьевыхъ. Спб. 1908. Ц. 1 р.

Н. Карѣевъ. Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII и XVIII вв. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

Н. Карѣевъ. Происхожденіе современнаго народно-правового государства. Спб. 1908. Ц. 2 р. 25 к.

А. И. Фаресовъ. Пробужденный народъ. Очерки съ натуры. Спб. 1908. Ц. 1 р.

De profundis. Оскара Уайльда. Спб. Ц. 1 р.

Г. Лангаардъ. Оскаръ Уайльдъ, его жизнь и литературная дѣятельность. М. 1908. Ц. 40 к.

Л. Снѣгъ. Пѣсни вечернія. Спб. 1908. Ц. 80 к.

Евг. Загорскій. Исканія. Книжки стиховъ. Спб. 1908. Ц. 50 к.

Л. Пантелѣевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Спб. 1908. Ц. 1 р. 25 к.

М. Дьяконовъ. Очерки общественнаго и государственнаго строя древней Руси. Изд. 2-е. Спб. 1908. Ц. 3 р.

М. Колчинъ. Ссыльные и заточенные въ острогъ Соловецкаго монастыря XVI—XIX вв. Съ предисловіемъ А. С. Пругавина. М. 1908. Ц. 70 к.

А. С. Пругавинъ. Предполагавшееся заточеніе гр. Л. Н. Толстого въ Суздальскій монастырь. М. 1908. Ц. 7 к.

А. С. Пругавинъ. Старообрядческій архіерей въ Суздальской крѣпости. М. 1908. Ц. 40 к.

Изд. *Ф. Павленкова*. Спб. 1908: 1) *Ник. Андреевъ* (*Н. Николинъ*). Великій переворотъ или Великая французская революція. Часть II. Революція Ц. 40 к.—2) *Н. Андреевъ* (*Николинъ*). Изъ исторіи труда и капитала. Ц. 30 к.

Изд В. Яковенко. Спб. 1908: 1) *А. Левинъ*. Воспитаніе будущаго. Пер. П. Егунова. Ц. 15 к.—2) *А. Скабичевскій*. Русскіе писатели со временъ Петра В. до нашихъ дней. Ц. 80 к.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крестьянъ въ разныхъ губ.: отъ Е. Пушечниковой, изъ Орла—10 р.; отъ М. О.—1 р.; отъ Г. Зленко, изъ с. Николаевки—1 р.

Итого . . . . 12 р. — к.

А всего съ прежде поступившими . . 36 р. — к.

Въ пользу б. шлиссельбуржцевъ: отъ Д. Волчкова—2 р.

Въ пользу безработныхъ: отъ Калугина—5 р.

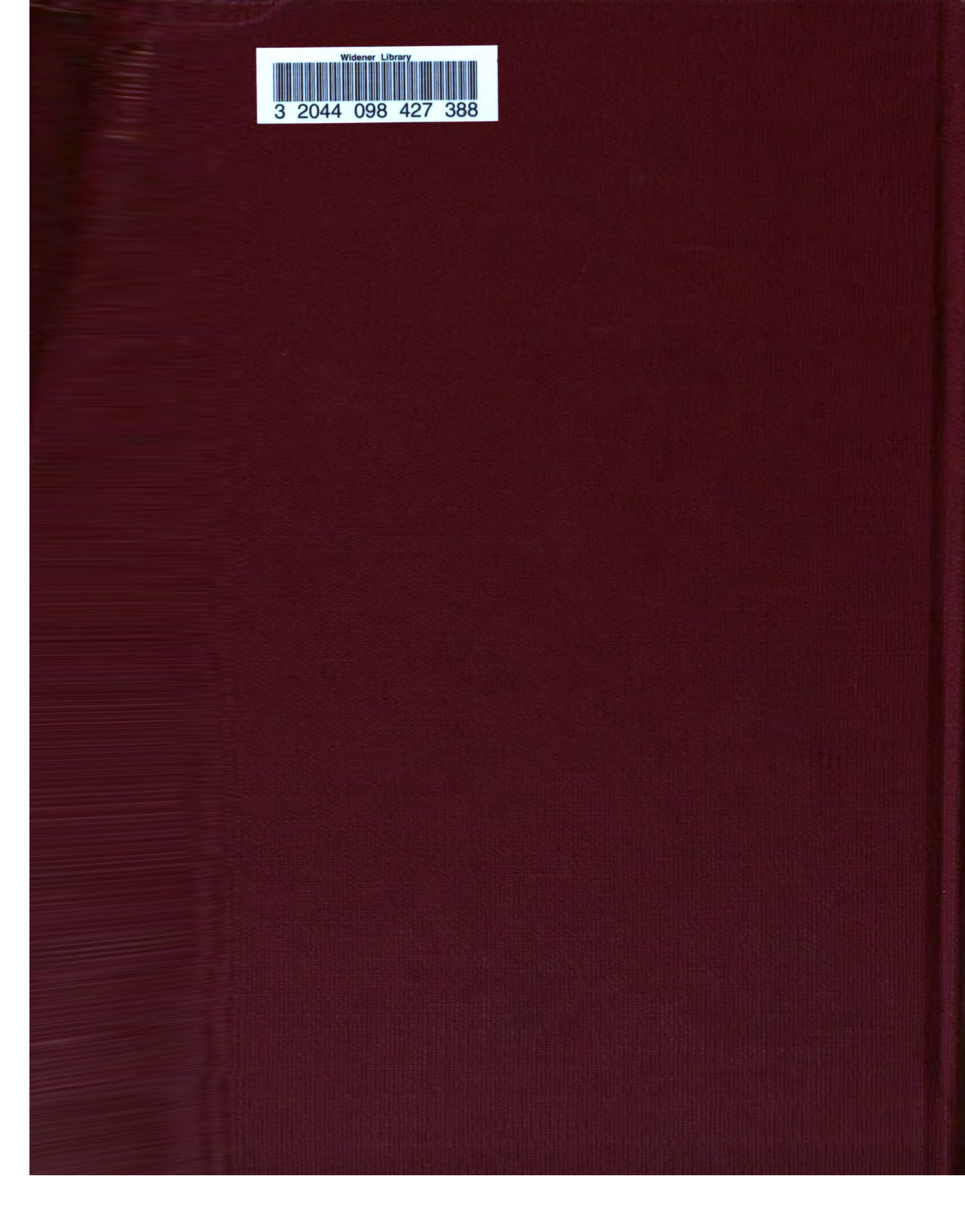
Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой и второй Госуд. Думы: отъ А. С. С.—10 р.; отъ И. Платонова—3 р. 50 к.; отъ Г. Зленко,—1 р.; отъ Д. Волчкова—2 р.; отъ В. и А. Ш.—5 р.

Итого . . . . 21 р. 50 к.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: отъ Александра Николаева—6 р.; отъ А. Казаковскаго—2 р.; отъ М. Чеботарева—10 р.; „изъ Кіева 166"—10 р.; „изъ Балты"—5 р.; отъ Е. Пушечниковой, изъ Орла—10 р.; отъ Г. Зленко—1 р.; отъ Волчкова,—2 р.; отъ разныхъ лицъ—10 р.; отъ рабочихъ шлиссельб. ситце-набив. мануфактуры—40 р.; отъ разныхъ лицъ—36 р. 50 к.; отъ А. В. Д.—5 р.; „изъ Балты"—10 р.; изъ Брестъ-Литовска—10 р.; Н. М. Г. 11-ый взносъ—10 р.

Итого . . . . 167 р. 50 к.

Редакторъ-Издатель *Вл. Короленко*.


Widener Library
3 2044 098 427 388